P. o. russ. Sacharov

20(1

nicht ausleihen!

<36614069420010

<36614069420010

Bayer. Staatsbibliothek

СКАЗАНІЯ

РУССКАГО НАРОДА.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатании представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Мая 11 дня, 1838 года.

Цензоръ Петръ Корсаковъ.

Въ типографіи Сахарова.

286.

СКАЗАНІЯ

РУССКАГО НАРОДА,

СОБРАННЫЯ И. САХАРОВЫМЪ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

КНИГА ПЕРВАЯ, ВТОРАЯ, ТРЕТЬЯ И ЧЕТВЕРТАЯ.

ИЗДАНІЕ ТРЕТІЕ.

Санктпетербургъ.

1841.

Соизвольте выслушать, люди добрые, слово вѣстное, приголубьте рѣчью лебединою словеса немудрыя, какъ въ стары годы, прежніе, жили люди старые. А и то-то родимые, были вѣки мудрые, вѣки мудрые, народъ все православный. Живали-то старики не по нашему, не по нашему, по заморскому, а по своему, православному. А житье-то, житье-то было все привольное, да раздольное. Вставали ранымъ ранёнько, съ утренней зарей, умывались ключевой водой со бѣлой росой, молились всѣмъ святымъ и угодникамъ, кланялись всѣмъ роднымъ отъ востока до запада, выходили на красенъ крылецъ со рѣшеточкой, созывали слугъ вѣрныихъ на добры дѣла. Старики рядъ рядили, молодые слушали; старики придумывали крѣпкія думушки, молодые бывали во посылушкахъ. Молодыя молодицы правили домкомъ, красныя дѣвицы завивали вѣнки на Семикъ день; старыя старушки судили, рядили и сказки сказывали. Бывали радости великія на великъ день, бывали бѣды со кручинами на велико сиротство. А что было, то былью поросло, а что будетъ, то будетъ не по старому, а по новому. Русскимъ людямъ долгое житье, а родимой сторонѣ долѣ того.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

РОДИНѢ

И

ПРЕДКАМЪ

ПОСВЯЩАЮ МОЕ СОБРАНІЕ.

Первое мое слово обращаю къ просвѣщеннымъ соотечественникамъ. Горжусь, какъ Русской, участіемъ моихъ соотчичей въ собраніи родныхъ преданій, и торжествую, что мой обѣтъ, данный родинѣ съ юныхъ лѣтъ, исполненъ при ихъ содѣйствіи. Съ радостію произношу имена моихъ сочтичей, почтившихъ меня своимъ участіемъ, и веселюсь за родину, что могу сказать Русское спасибо! добрымъ людямъ: А. Н. Оленину, А. Х. Востокову, Кн. В. Ѳ. Одоевскому, Н. П. Воейкову, И. Т. Яковлеву, А. И. Кастерину, В. Г. Анастасевичу, А. В. Терещенко, В. А. Акимову, Г. С. Попову, Ю. Н. Бартеневу, В. И. Далю, Н. Л. Камаеву, Г. И. Парихину, И. Ѳ. Афремову.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА.

I. Русская народная литература.

II. Русское народное чернокнижіе.

III. Русскія народныя игры.

IV. Русскія народныя загадки и притчи.

V. Русскія народныя присловья.

VI. Русскія народныя пѣсни.

VII. Былины русскихъ людей.

VIII. Слово о полку Игоревомъ.

IX. Слово Даніила Заточника.

X. Сказаніе о нашествіи Батыя на Русскую землю.

XI. Сказаніе о Мамаемомъ побоищѣ.

Благословите, братцы, старину сказать,
Какъ бы старину стародавнюю,
Какъ бы въ стары годы, прежніе,
Во тѣ времена первоначальныя.

СЛОВО

КЪ

РУССКИМЪ ЛЮДЯМЪ.

О Бояне, соловію стараго времени! Абы ты сіа плъкы ущекоталъ, скача славію по мыслену древу, летая умомъ подъ облаки, свивая славы оба полы сего времени... Чили въспѣти было вѣщей Бояне, Велесовъ внуче!

Въ исторіи Русскаго народа доселѣ изображали только одну Русь исторически общественную, забывая Русь семейную, можетъ быть, единственную въ жизни сѣверныхъ народовъ. Кто опишетъ намъ Русскую жизнь? Неужели чужеземцы? Мы одни можемъ вѣрно изобразить свою жизнь, представить свой бытъ со всѣми измѣненіями; этого Россія ожидаетъ только отъ Русскихъ. Ни одинъ чужеземецъ не пойметъ восторговъ нашей семейной жизни: они не разогрѣютъ его воображенія, они не пробудятъ такихъ воспоминаній, какими наполняется Русская грудь, когда ея бытъ совершается во очію. Отъ этого-то наши родные напѣвы такъ сладко говорятъ Русской душѣ о родинѣ и предкахъ; отъ этого-то наши былины такъ умильно воспоминаютъ о горѣ дѣдовскомъ; отъ этого-то наши сказки такъ утѣ-

но радуютъ насъ своимъ роднымъ языкомъ; отъ этого-то наши игры такъ утѣшаютъ молодежь послѣ тяжкихъ трудовъ; отъ этого-то на нашихъ свадьбахъ такъ рѣзво веселится пылкая душа мужающихъ поколѣній; отъ этого-то въ суевѣрныхъ повѣріяхъ нашего народа отражается общая міровая жизнь. Все это составляетъ нашу народность и въ этомъ вмѣщается вся Русская семейная жизнь.

Напрасно думали, что только однѣ записи Лѣтописцевъ могутъ служить основаніемъ для исторіи Русскаго народа. Развѣ наши пѣсни, наши сказки, наши былины, наши повѣрія были выраженіемъ другихъ народовъ? И будто Русскій такъ можетъ думать? Нѣтъ! Онъ знаетъ, что все это было въ его родной сторонѣ, что все это высказывалось нашими предками, и обо всемъ этомъ забываютъ говорить въ исторіяхъ Русскаго народа. Если бы чужеземецъ спросилъ: что вамъ осталось отъ вашей старой семейной жизни? Мы бы съ гордостію пригласили его на Русскія Святки въ старинный боярскій домъ, и тамъ, указывая на разгулъ народныхъ фантазій, сказали бы ему: Вотъ ея памятники! Вотъ наша старая Русская жизнь! Было время, когда всѣмъ этимъ дорожили, когда все это любили, когда все это берегли, какъ сокровище. Образованные Европейцы восхищались нашими пѣснями; но можно ли ихъ восторгъ сравнить съ нашимъ восторгомъ? Они въ нашей народной поэзіи слышали только отголоски, вылетавшіе изъ восторженной души; но они не могли постигать нашихъ былинъ, создаваемыхъ вдохновеніемъ и восторгомъ въ полномъ наслажденіи семейной жизни.

Много погибло на нашей землѣ родныхъ преданій, драгоцѣнныхъ для исторіи, незабвенныхъ для потомства. Краса

Русскихъ князей, врагъ неправды и злодѣевъ, витязь отважный, чудо вѣковое—Мстиславъ Удалый величаво красуется въ нашей исторіи и славится памятью въ былинахъ народныхъ. Историки объ этихъ былинахъ не знаютъ. Мы переводимъ вздорныя повѣсти, а не хотимъ вспомнить о думѣ: Иванъ-Озеро, думѣ неподражаемой. Какая-то непостижимая сила сберегла для насъ памятники угаснувшей словесности: Пѣснь о Полку Игоревомъ и Сказаніе о Куликовской битвѣ. Если бы народныя былины были изданы, то вѣрно всѣ непонятныя слова въ Пѣсни о Полку Игоревомъ сроднились съ нашими понятіями, и тогда, можетъ быть, постыдились бы говорить, что нашихъ Бояновъ не бывало, что эта пѣснь есть современное наше произведеніе.

Вспомните добрые Русскіе люди, что наши предки любили мѣста, гдѣ они родились, гдѣ жили ихъ отцы, гдѣ стояли грудью за родину. Въ старину въ звучныхъ словахъ славилась родина, славилась хижина, славилась рѣка, близъ которой ликовалъ свою побѣду дѣдъ и прадѣдъ. Рѣки: Волховъ, Москва, Волга, Ока, Донъ, Дунай, Днѣпръ—незабыты Русскими. Игривое воображеніе, олицетворивъ богатырскою отвагою побѣдные берега рѣкъ, произвело прелестныя народныя созданія. Такъ пѣсня о Донѣ имѣетъ свою неподражаемую оригинальность, свою вѣковую самобытность, свою первобытную поэзію, свою исторію. Волховъ, безмолвный свидѣтель великихъ событій, воскрешаетъ забытые народы. Ока грустно припоминаетъ о набѣгахъ Татаръ, стѣсняетъ грудь пѣснопѣвца и тяжелымъ звукомъ навѣваетъ бывшее страданіе отчизны. Волга, утолявшая жажду безчисленныхъ племенъ, памятна пѣснями и разбоями. Въ пѣсняхъ Днѣпровскихъ славится дворъ великаго Владиміра, его могучіе богатыри, его отважные походы. Дунай говоритъ

намъ о другихъ, забытыхъ Русскихъ походахъ. Это все оглашается и доселѣ въ разныхъ селеніяхъ; но объ этомъ немногое напечатано.

Не я первый принимаюсь за описаніе Русской семейной жизни; наши археологи уже прежде меня успѣли заслужить лестное одобреніе отъ соотечественниковъ. За долго до меня много было приготовлено Русскихъ изысканій; но еще болѣе представляется надеждъ въ будущемъ.

Въ Сказаніяхъ Русскаго народа я помѣстилъ все то, что было собрано мною во время путешествія по губерніямъ Тульской, Калужской, Орловской, Рязанской и Московской. Въ эти счастливые дни моей жизни, изучая Русскую семейную жизнь, я внимательно вслушивался во всѣ разсказы поселянъ, съ тщательностію записывалъ всѣ народныя преданія и повѣрія, со словъ самихъ разсказщиковъ. Изъ этихъ-то записокъ представляю на судъ Любезнымъ Соотечественникамъ Сказанія Русскаго народа. Сознаюсь, что мои изысканія далеки отъ полноты, которая должна бы находиться въ подобныхъ собраніяхъ. Это я самъ вижу болѣе другихъ, и знаю, что для совершенно полнаго описанія Русской жизни надобно объѣхать всю Русскую землю и неутомимые труды многимъ людей.

Благосклонное вниманіе къ моимъ трудамъ просвѣщенныхъ соотечественниковъ доставило мнѣ возможность продолжать предпринятое изданіе въ обширномъ объемѣ. Съ надеждою на это вниманіе, распространяю планъ и въ Сказаніяхъ Русскаго народа представляю Русскую семейную и общественную жизнь во всѣхъ видоизмѣненіяхъ. Вотъ программа, по которой я рѣшаюсь нынѣ издавать Сказанія Русскаго народа:

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

КНИГА I. РУССКАЯ НАРОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Въ сей книгѣ излагаю современныя понятія о семейной жизни нашихъ предковъ, мнѣнія Русскихъ писателей XVIII и XIX вѣковъ о Русской народности. Мнѣ хотѣлось этимъ обозрѣніемъ показать: какъ смотрѣли прежде на Русскую народность? Какъ думали объ ней самые Русскіе писатели? Что было сдѣлано до меня Русскими археологами для нашей народности?

КНИГА II. ОЧЕРКИ СЕМЕЙНОЙ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

Въ сей книгѣ представляю: 1. *Русское народное Чернокнижіе*, 2. *Русскія народныя Игры*, 3. *Русскія народныя Загадки и Притчи*, 4. *Русскія народныя Присловья*. Соединяя въ одной книгѣ четыре разнородные предмета о чудной Русской жизни, я предполагалъ, что этимъ однимъ могу сколько нибудь объяснить заповѣданныя и явныя тайны нашей народности.

КНИГА III. РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

Здѣсь собраны пѣсни: 1. *Святочныя*:—подблюдныя, игорныя и обрядныя; 2. *Хороводныя*; 3. *Плясовыя;* 4. *Свадебныя*; 5. *Семейныя*; 6. *Разгульныя;* 7. *Удалыя;* 8. *Солдатскія*; 9. *Казацкія;* 10. *Историческія;* 11. *Обрядныя;* 12. *Колыбельныя*. Для объясненія присоединены къ нимъ: *Варіанты*, *Сравненія* съ другими Славянскими пѣснями, *Примѣчанія и Объясненія*. Представляю будущимъ археологамъ рѣшить: кому въ Славянскомъ мірѣ принадлежитъ первенство пѣснопѣнія Русскимъ, или Сербамъ?

КНИГА IV. ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Въ сей книгѣ собраны: 1. *Былины Русскихъ людей*; 2. *Слово о полку Игоревомъ*; 3. *Слово Даніила Заточника*; 4. *Сказаніе о нашествіи Батыя на Русскую землю*; 5 *Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ*. Здѣсь вмѣщается вся наша древняя Литература, сохраненная въ письменныхъ памятникахъ. Самобытность ея уже болѣе не подлежитъ сомнѣнію: одна только наша миѳическая историческая школа сомнѣвается въ ней.

ТОМЪ ВТОРЫЙ.

КНИГА V. СТАРЫЕ СЛОВАРИ РУССКАГО ЯЗЫКА.

Въ сей книгѣ представляю: 1. *Словарь Лаврентія Зизанія*, 2. *Лексиконъ Памвы Берынды*, 3. *Сказаніе о неудобь понимаемыхъ рѣчахъ*. Такимъ образомъ въ одной книгѣ будетъ соединена вся наша древняя лексикографія. Начало нашихъ словарей мы находимъ въ спискахъ Болгарскихъ. *Сказанія*

о неудобопонимаемыхъ рѣчахъ и *Азбуковники* были продолженіемъ и дополненіемъ Болгарскихъ списковъ. Въ словаряхъ Зизанія и Берынды мы видимъ однѣ нарѣчія Бѣло-Русскія и Кіево-Переяславскія. Все это началось съ X вѣка и кончилось XVII—въ 1627 году.

КНИГА VI. РУССКІЯ НАРОДНЫЯ СВАДЬБЫ.

Въ сей книгѣ представляю: 1. *Русскія Древнія свадьбы,* 2. *Русскія Городскія свадьбы,* 3. *Русскія Сельскія свадьбы.* Соединяя въ одну книгу древнія и современныя свадьбы, я имѣлъ одну цѣль: указать, что дѣлалось на свадьбахъ въ старину и что видимъ теперь? что было у нашихъ предковъ и что осталось намъ отъ стараго? Въ свадьбахъ болѣе всего сохраняется наша народность; и потому-то каждая черта древности, сохраненная нами, должна быть безцѣнна.

КНИГА VII. РУССКАЯ НАРОДНАЯ ГОДОВЩИНА.

Въ сей книгѣ представляю: 1. *Дневникъ народныхъ примѣтъ и повѣрій;* 2. *Народные праздники и увеселенія.* Таинственный міръ нашихъ предковъ, ихъ безусловныя вѣрованія въ непостижимо-чудные предметы помѣщены въ народномъ Дневникѣ. Въ народныхъ праздникахъ сохранилась наша стародавняя старина, міръ первобытный нашихъ предковъ, разгульная жизнь многочисленныхъ Славянскихъ племенъ. Мнѣ казалось, что самый удобнѣйшій способъ для изображенія сего міра есть годовой Дневникъ.

КНИГА VIII. ПУТЕШЕСТВІЯ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ.

Въ сей книгѣ напечатаны тексты путешествій: 1. *игумена Даніила,* 2. *легенда о игуменіи Евфросиніи,* 3. *іеродіакона Зосимы,* 4. *Московскаго гостя Казанца Василія Гагары,* 5. *Трифона Коробейникова,* 6. *инока Іоны,* 7. *Арсенія Суханова,* 8. *діакона Арсенія Селунскаго,* 9. *Антонія архіепископа Новгородскаго,* 10. *старца Леонтія,* 11. *Новгородца Стефана,* 12. *діакона Игнатія,* 13. *дьяка Александра,* 14. *инока Симеона Суздальскаго,* 15. *Тверскаго купца Аѳанасія Никитина,* 16. *Ивана Петрова и Бурнаша Ялыгева,* 17. *Ивана Петлина,* 18. *Ѳедора Байкова.* Такимъ образомъ въ одной книгѣ найдемъ впечатлѣнія нашихъ предковъ въ продолженіи VI вѣковъ при взглядѣ на чужія земли. Путешествія и записки путешественниковъ были любимыми занятіями нашихъ отцовъ.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

КНИГА IX. РУССКАЯ НАРОДНАЯ ДЕМОНОЛОГІЯ.

Въ сей книгѣ представляю тайныя народныя сказанія: 1. о *Водяныхъ,* 2. *Домовыхъ,* 3. *Лѣшихъ,* 4. *Огненныхъ Змѣяхъ,* 5. *Вихряхъ,* 6. *Русалкахъ,* 7. *Вѣдьмахъ,* 8. *Кикиморахъ,* 9. *Коровей смерти,* 10. *Гугукахъ,* или *Вампирахъ,* или *Игошѣ,* 11. *Лихорадкахъ* и 12. о *Мертвецахъ.*

КНИГА X. СЛОВАРИ РУССКИХЪ ОБЛАСТНЫХЪ НАРѢЧІЙ.

Въ сей книгѣ представляю Словари нарѣчій: *Велико-Русскаго, Бѣло-Русскаго и Мало-Русскаго.*

Велико-Русское нарѣчіе раздѣляется: на 1. *Московское*, 2. *Новгородское*, 3. *Суздальское и* 4. *Заволжское.*

Московское нарѣчіе составляютъ: 1. *Московское*, 2. *Тульское*, 3. *Рязанское*, 4. *Калужское*, 5. *Тверское и* 6. *Владимірское.*

Новгородское нарѣчіе составляютъ: 1. *Новгородское*, 2. *Архангельское и* 3. *Онѣжское.*

Суздальское нарѣчіе составляютъ: 1. *Суздальское*, 2. *Ярославское*, 3 *Костромское*, 4. *Галицкое и* 5. *Муромское.*

Заволжское нарѣчіе составляютъ: 1. *Вологодское*, 2. *Пермское*, 3. *Устюжское*, 4. *Сибирское*, 5. *Офенское*, или языкъ *ходебщиковъ.*

Мало-Русское нарѣчіе раздѣляется: на 1. *Кіево-Переяславское*, *Слободское* и *Волыно-Подольское.*

Кіево-Переяславское нарѣчіе распространено по всему *Запорожскому и Черноморскому* краю.

Словари Бѣло-Русскаго нарѣчія представлены въ трудахъ Зизанія и Берынды.

КНИГА XI. РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ОХОТЫ.

Въ сей книгѣ будетъ представлено обозрѣніе: I. *ОХОТЪ ПТИЧЬИХЪ:* 1. *Гусиной*. 2. *Пѣтушей*, 3. *Соловьиной*, 4. *Голубиной*, 5. *Жавороночной*, 6. *Перепелочной*, 7. *Соколиной*, 8. *Канареечной*, 9. *Чижиной*, 10. *Скворцовой;* II. *ОХОТЪ ЗВѢРИНЫХЪ:* 1 *Медвѣжей*, 2. *Заячей*, 3. *Лисей*, 4. *Волчей*, 5. *Собачей.* III. *СОКОЛИНЫЙ УСТАВЪ.*

КНИГА XII. СКАЗАНІЯ О РУССКОМЪ НАРОДНОМЪ ВРАЧЕВАНІИ.

Въ сей книгѣ представляю: 1. *Старыя врачебныя записки;* 2. *обозрѣніе Русскаго народнаго леченія.*

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

КНИГА XIII. РУССКАЯ НАРОДНАЯ СИМВОЛИКА.

Здѣсь представляю народныя сказанія о Природѣ. Мнѣнія и понятія нашихъ предковъ—о *Физикѣ и Астрономіи* любопытны. Здѣсь мы встрѣчаемъ преданія Греческія и Записи Западныхъ писателей. Посланіе старца Филоѳеа къ Дьяку Мисирю о *Астрономіи и Астрологіи*, возраженіе Максима Грека на Коперника—*на Николая Нѣмчина прелестнаго Звѣздочетца* принадлежатъ къ категоріи Русскихъ сочиненій.

КНИГА XIV. ЛѢТОПИСЬ РУССКОЙ БИБЛІОГРАФІИ.

Въ сей книгѣ будутъ представлены: 1. *состояніе Русскихъ книгохранилищъ*; 2. *Каталоги библіотекъ*; 3. *Указатель извѣстныхъ рукописей*; 4. *Указанія о перево-*

дахъ съ Грегескаго языка; 5. Рукописи: *Болгарскія, Сербскія, Аѳонскія, Цареградскія, и Славяно-Русскія*. Безъ сего обозрѣнія никогда не можетъ быть приведена въ извѣстность Русская литература до XVIII вѣка. Здѣсь начало нашей Филологіи и Археологіи.

КНИГА XV. РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПОВѢРІЯ И ПРИМѢТЫ.

Повѣрія и примѣты передавались въ Русскихъ семействахъ изъ рода въ родъ. Однѣ изъ нихъ наши коренныя Русскія, другія перешли изъ Греціи. По спискамъ Болгарскихъ рукописей мы узнаемъ, что нѣкоторыя Греческія повѣрія и примѣты переходили къ намъ не прямо изъ Греціи, но чрезъ Болгарію.

КНИГА XVI. РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПОСЛОВИЦЫ.

Въ сей книгѣ представляю: *текстъ* Русскихъ Пословицъ, сведенный по старымъ рукописямъ и бывшимъ печатнымъ изданіямъ. Наши Пословицы составляютъ блестящее украшеніе народности, и тѣмъ болѣе онѣ для насъ должны быть драгоцѣнны, что сохранены въ устахъ народа. Предки наши чтили свои Пословицы, какъ мудрыхъ руководителей.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

КНИГА XVII. ЛѢТОПИСЬ ДРЕВНИХЪ ИСКУСТВЪ И ХУДОЖЕСТВЪ

Въ сей книгѣ представляю обозрѣніе: 1. *о Русскомъ пѣніи*, 2. *о искуствѣ Иконописанія: Грегескаго, Московскаго, Новгородскаго, Устюжскаго* или *Строгоновскаго* и *Фряжскаго*. 3. Разборъ *Персональниковъ* или подлинниковъ. 4. Рисунки, сохраненные въ древнихъ рукописяхъ. 5. Зданія: *Храмы, монастырскія ограды, Кремли*, 6. *Оружія*, 7. *Гробницы*, 8. *Дворцы и Терема.*

Сюда принадлежатъ: 1. Митрополита *Павла: Сказаніе о нотномъ гласобѣжаніи, и о литерныхъ Знаменныхъ помѣтахъ, и о Знамени нотномъ; извѣщеніе о согласнѣйшихъ помѣтахъ вкратцѣ изложенныхъ, со изящнымъ намѣреніемъ требующимъ угитися пѣнію; наука всеа мусикіи*, аще хощеши разумѣти Кіевское знамя и пѣніе согласное и чинно сочиненное. 2. Посланіе *Изографа Іосифа* къ Царскому Изографу Симону Ѳедоровичу *о доброписаніи Иконномъ*; 3. *Евфросина сказаніе о Ереслхъ въ знаменныхъ книгахъ;* 4. *Повѣсть Иродіона Иконника*; 5. *Николая Дилецкаго: идеа грамматикіи Мусикійной.*

КНИГА XVIII. ЛѢТОПИСЬ СЛАВЯНО-РУССКИХЪ ТИПОГРАФІЙ.

Въ сей книгѣ представляю обозрѣніе съ 1491 по 1700 годъ типографій: I. **ВЕЛИКО-РУССКИХЪ**: 1. *Московской Духовной*, 2. *Александровской слободы*, 3. *Иверскаго монастыря*, 4. *Верхней* или *придворной*. II. **МАЛО-РУССКИХЪ**: 1. *Кіевской Пегерской*, 2. *Кіевской Соболя*, 3. *Черниговской*, 4. *Новгородъ-Сѣверской*. III. **БѢЛО-РУССКИХЪ**: 1. *Виленской*, 2. *Евю*, 3. *Могилевской*, 4. *Кутеинской*. IV. **ВОЛЫНСКИХЪ**: 1. *Заблудовской*, 2. *Несвижской*, 3. *Острож-*

кой, 4. *Стрятинской*, 5. *Четвертинской*, 6. *Почаевской*, 7. *Луцкой*, 8. *Рахмановской*, 9. *Супрасльской*, 10. *Уневской*, 11. *Буйницкой*, 12. *Кременецкой*. V. **ГАЛИЦКИХЪ**: 1. *Краковской*, 2. *Галичской*, 3. *Крылосской*, 4. *Дерманской*, 5. *Львовской* ставропигiальнаго братства 6. *Львовской Слезки* 7. *Львовской Ивана Өедорова Москвитятина* 8. *Львовской Войтеха Мельгевскаго*, 9. *Львовской Iосифа Шумлянскаго*; **VI. ЗАПАДНЫХЪ**: 1. *Венецiанской*, 2. *Прагской*, 3. *Бѣлградской*, 4. *Тюбингенской*, 5. *Амстердамской*, 6. *Римской*. **VII. ЮЖНЫХЪ**: 1. *Зетской*, 2. *Цетинской*, 3. *Скадари*, 4. *Мнаешской*, 5. *Угро-Влахiйской* 6. *Дельской*, 7. *Тереговищской*, 8. *Ясской*.

КНИГА XIX. ЛѢТОПИСЬ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Въ сей лѣтописи будетъ изображена наша литература по сохранившемся памятникомъ до 1700 года.

КНИГА XX. РУССКIЯ НАРОДНЫЯ СКАЗКИ.

Здѣсь будутъ напечатаны тексты народныхъ Сказокъ и указанiя на умышленныя передѣлки нашихъ современниковъ. Въ Сказкахъ важенъ для насъ языкъ самобытный, чисто Русскiй. Московскiе издатели печатаютъ лубочныя изданiя Сказокъ съ своевольными вставками и передѣлками. Это черное пятно для нашей народности мы должны уничтожить изъ нашей современности, если не желаемъ подвергать себя суду потомства, если мы еще дорожимъ своимъ просвѣщенiемъ.

ТОМЪ ШЕСТЫЙ.

КНИГА XXI. ЗАПИСКИ РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ.

Послѣ Лѣтописей, послѣ вставокъ въ Хронографахъ, послѣ повѣстей зѣло умильныхъ, записки современниковъ составляютъ единственное изложенiе событiй для Исторiи. Само собою разумѣется, что критика прежде всего должно оцѣнить ихъ достоинство, указать степень ихъ вѣроятности. Для временъ Грознаго мы имѣемъ единственнаго Курбскаго, для междуцарствiя Палицина и Филарета, для Алексѣя Михайловича Кошихина, для Өеодора Алексѣевича почти накого; но за то съ воцаренiя Петра начинается непрерывный рядъ записокъ. Этотъ рядъ записокъ я предполагаю издавать.

КНИГА XXII. ОБОЗРѢНIЕ ДРЕВНЯГО РУССКАГО ПРАВА.

Древнее Русское право, начиная съ Греческаго Номоконона до судебника Царя Iоанна Васильевича, требуетъ строгаго критическаго осмотра. Три вѣковые памятника: *Русская Правда*, *Уложенiе* и *Судебникъ*, составляютъ торжество Русскаго Законоположенiя, отдѣльный перiодъ Европейскаго Права. За ними идетъ безчисленный рядъ граматъ—право отдѣльное, несведенное доселѣ въ одно историческое обозрѣнiе. Таковы граматы: *Жалованныя*, *Духовныя*, *Прощальныя*, *Крестныя*, *Льготныя и Тарханныя*, *Настольныя*, *Опас-*

ныя, *Отписныя, Правыя и Безсудныя, Приставныя, Дерноватыя, Разметныя, Складныя, Губныя, Судныя, Шертныя, Уставныя, Таможенныя Договорныя.* Историческо-критическое обозрѣніе древняго Русскаго права въ продолженіи VII столѣтій будетъ моимъ изслѣдованіемъ.

КНИГА XXIII. ОБОЗРѢНІЕ РУССКИХЪ ГЕРБОВЪ И ПЕЧАТЕЙ.

Гербы Русскіе составляютъ двѣ отдѣльныя категоріи, различныя по своему происхожденію и появленію. Къ первой принадлежатъ гербы *Дворянскіе,* ко второй *Городскіе.* Гербы Дворянскіе требуютъ своего критическаго разложенія по отдѣльнымъ гербовникамъ. Гербы дворянскіе раздѣляю на IV разряда: 1. *Русскій,* ни откуда незаимствованный, 2. *Русскій смѣшанный,* 3. *Польскій,* 4. *Нѣмецкій.* Городскіе гербы раздѣляю на два разряда: 1. на *Древній,* до XVIII вѣка, 2. на *Новый,* заимствованный или съ полковыхъ знаменъ или составленный по топографической мѣстности. Печати Русскія осматриваю въ четырехъ отдѣльныхъ видахъ: какъ печати *Государственныя, Владычныя, Посадничьи и Дворянскія.*

КНИГА XXIV. РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ОДЕЖДЫ.

Въ сей книгѣ буду обозрѣвать: 1. *одежды древнія: Царскія, Боярскія и Горожанскія.* 2. *одежды современныя Кокошники, Кики, Шубейки, Растегаи, Городки, Тѣлогрѣйки, Сарафаны, Шапки—Мурманки, Кораблики, Рожнецы; Кафтаны, Зипуны, Редники, Холодники, Шубы, Шугаи, Шушуны.*

ТОМЪ СЕДМЫЙ.

КНИГА XXV. РОДОСЛОВНАЯ КНИГА РУССКИХЪ ДВОРЯНСКИХЪ РОДОВЪ.

Многочисленные списки старыхъ Родословныхъ книгъ доселѣ не были изданы критически, въ сводномъ изданіи. Всѣ наши Родословныя книги раздѣляются на четыре главные разряда. Въ составъ перваго разряда входятъ: книги, составленныя въ царствованіе Царя Іоанна Васильевича; въ составъ втораго—видимъ книги, исправленныя при Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ; третій разрядъ состоитъ изъ Бархатной книги; въ составъ четвертаго входятъ: книги семейныя—сборники, составленные изъ родословія избранныхъ родовъ. Первый разрядъ хотя самый важный, не составляетъ еще основанія книгъ Родословныхъ, равно какъ и Бархатная книга. Въ редакціи первой мы видимъ только начало огромнаго дѣла; въ редакціи второй находимъ приготовленіе къ созданію полнаго дворянскаго родословія. Обѣ замѣчательныя редакціи, какъ неполныя, не могутъ служить руководителями для родослововъ. Надобно изъ всѣхъ четырехъ разрядовъ составить одно сводное изданіе; потомъ это сводное изданіе должно свѣрить съ Лѣтописями, Разрядными списками, со всѣми доселѣ извѣстными актами. Послѣ этого только можно смѣло приступать къ историческому описанію дворянскихъ родовъ.

Для состава сводной Родословной книги у насъ есть безчисленные источники въ рукописяхъ, источники, до которыхъ еще не касалась археологическая рука. Такъ въ одной Императорской Публичной библіотекѣ находится 15 списковъ [изъ Толст. рук. только 13], въ Румянцовскомъ музеумѣ 4, въ Воскресенскомъ Ново-Іерусалимскомъ монастырѣ 3, въ моей библіотекѣ 3 [изъ коихъ одинъ боярина Ромодановскаго]. Съ этими 25 списками смѣло можно приступать къ дѣлу и приводить въ исполненіе предположенный планъ.

КНИГА XXVI. ЛѢТОПИСЬ РУССКОЙ НУМИЗМАТИКИ.

Всю лѣтопись Русской Нумизматики раздѣляю на два отдѣла: на древній и новый. Въ первомъ отдѣленіи обозрѣваю монеты: *Велико-Княжескія, Городскія, Удѣльныхъ Княженій и Царскія.* Во второмъ отдѣленіи представляю: современное состояніе Русской Нумизматики въ XIX столѣтіи.

КНИГА XXVII. ОБРАЗЦЫ ВЕЛИКО-РУССКИХЪ, БѢЛО-РУССКИХЪ И МАЛО-РУССКИХЪ НАРѢЧІЙ.

Образцы Областныхъ Нарѣчій представляютъ Русскій языкъ совершенно въ другомъ видѣ. Можетъ быть, наше потомство будетъ счастливѣе насъ, когда успѣетъ составить Грамматики Областныхъ Нарѣчій. Русскія Областныя Грамматики будутъ верхомъ совершенства Русскаго языка, будутъ торжествомъ Русскаго народа предъ всѣмъ міромъ. Въ эти только счастливые дни сознаются Европейцы, что такого совершеннаго языка, каковъ Русскій, во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ, не было и не будетъ на земномъ шарѣ. До тѣхъ поръ пускай они клевещутъ на Русскій языкъ и на всю нашу Литературу.

КНИГА XXVIII. СЛАВЯНО-РУССКАЯ МИѲОЛОГІЯ.

Единственное основаніе нашей Славяно-Русской Миѳологіи составляютъ нѣсколько словъ Нестора и народныя преданія. Зато это основаніе, самое вѣрное и прочное—не много имѣло поборниковъ. Одни миѳографы думали дополнять нашу Миѳологію —выдумками, другіе переносили боговъ изъ всѣхъ Славянскихъ поколѣній. То и другое было несправедливо. Отъ однихъ и тѣхъ же причинъ въ нашей Миѳологіи мы видимъ всякой сборъ чуждыхъ ей основаній. Въ наше время пора уже оставить все это. По какимъ-то темнымъ и превратнымъ догадкамъ вздумали обвинять нашихъ предковъ въ многобожіи. Со всѣмъ не кстати съ Миѳологіей смѣшивали и Демонологію. Наше обозрѣніе Миѳологіи будетъ основано на Несторѣ и Русскихъ преданіяхъ. Выдумки, предположенія и догадки предоставляемъ другимъ.

КНИГА XXIX. РУССКІЕ РАЗРЯДНЫЕ СПИСКИ.

Съ Разрядными списками я рѣшаюсь тоже предпринимать, что и съ Родословными книгами. И эти списки также должно издавать критически, въ сводномъ составѣ, раздѣляя ихъ по княженіямъ и царствованіямъ. Разряды и Дворцовыя записки въ составѣ своемъ составляютъ одну и ту же кате-

горію. Къ нимъ примыкають нераздѣльно—Споры о Мѣстничествѣ. Разрядные списки я раздѣляю на 4 отдѣла. Въ отдѣлъ перваго взойдутъ: разряды Великокняжескіе, Великихъ князей: Іоанна III Васильевича и Василія Іоанновича. Въ отдѣлъ втораго помѣстятся разряды Царскіе: Царей Іоанна IV Васильевича и Ѳеодора Іоановича. Въ третій отдѣлъ помѣстятся разряды Царскіе: Царя Бориса Ѳеодоровича и Василія Іоанновича; потомъ разряды Лжедмитрія и между-царствія. Въ четвертый отдѣлъ войдутъ разряды Царскіе: Царей Михаила Ѳеодоровича, Алексѣя Михаиловича и Ѳеодора Алексѣевича. Къ каждому изъ сихъ разрядовъ будетъ приложено обозрѣніе Мѣстничествъ.

КНИГА XXX. ПРИЛОЖЕНІЯ И УКАЗАТЕЛИ.

Въ сей книгѣ будутъ помѣщены *Приложенія и Указатели* ко всѣмъ 29 *книгамъ Сказаній Русскаго народа.*

Изъ средины Русской земли выношу вамъ, мои добрые соотчичи, нашу завѣтную народность. Я не ходилъ за нею ни на Востокъ, ни на Западъ; она сама откликнулась мнѣ на родной землѣ, она сама заговорила со мной роднымъ языкомъ, она сама разсказала мнѣ чудныя былины о родинѣ и предкахъ. Въ ея тысячалѣтнихъ былинахъ вся Русь воскресала предо мною. Это была уже не книжная исторія, выкроенная по чувству заморскому, повѣсть чуждая Русскому уму и Русскому сердцу; это была исторія родная намъ по мысли и слову, повѣсть про Русскую землю, про Русскихъ людей. За этою-то народностію ходилъ я по городамъ и селамъ, по домамъ и по полямъ. Вспомните, что скоро настанетъ тысячалѣтіе нашей народности; вспомните, сколько она въ эту тысячу лѣтъ претерпѣла гоненій. Были страшныя годины на нашей родной землѣ, когда Русскій отстаивалъ свою народность. Золотомъ и трудами платилъ онъ Норману и Татарину, Французу и Нѣмцу за свою вѣру, за свой языкъ, за могилы своихъ отцовъ. Вспомните свою народность и сохраните ее для себя самихъ, для своего потомства.

Н. Сахаровъ.

СКАЗАНІЯ

РУССКАГО НАРОДА.

КНИГА ПЕРВАЯ.

РУССКАЯ

НАРОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

РУССКАЯ

НАРОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Отцы и братіе! еже ся гдѣ описалъ или переписалъ или не дописалъ, чтите исправляя Бога для, а не кляните!

Русскія древности, столь близкія нашему сердцу, были любимыми занятіями многихъ почтенныхъ соотечественниковъ. Для нихъ старая Русская жизнь, сохраняющаяся въ народныхъ сказаніяхъ и обычаяхъ, была единственною цѣлію всѣхъ изысканій. Не уже ли мы и теперь будемъ безмолвны, когда видимъ съ какою готовностію и самоотверженіемъ Русскіе и чужеземцы посвящаютъ этому лучшіе годы своей жизни, не обращая вниманія—будутъ ли ихъ занятія оцѣнены современниками? Рано или поздно прервется это молчаніе, эта невнимательность. Мы постигаемъ, что все собранное неутомимыми трудами этихъ почтенныхъ тружениковъ, составляетъ сборникъ самыхъ любопытныхъ свѣдѣній, неистощимый запасъ для будущихъ дѣлателей, драгоцѣнный для чтущихъ свято въ своемъ сердцѣ Русскую землю.

Не принимая на себя смѣлости равняться въ своихъ изысканіяхъ съ трудами предшественниковъ, и представляя болѣе свои занятія на строгій судъ соотечественниковъ, осмѣливаюсь сказать свое мнѣніе о всѣхъ сочиненіяхъ, выданныхъ Русскими и чужеземцами единственно только по однимъ сказаніямъ. Начинать обозрѣніе о каждой книгѣ, о каждой журнальной статьѣ отдѣльно — было бы не кстати и неумѣстно; это составило бы только пустой обзоръ, ничего необъясняющій, замѣчанія на избранные предметы, ничего неоткрывающія. Въ наше время уже довольно много сдѣлано стройнаго и важнаго, мы имѣемъ предметы болѣе или менѣе обработанные. Вотъ почему представляю свое обозрѣніе въ формѣ исторической, осматривая каждый предметъ въ трудахъ многихъ писателей. Опасаюсь одного только, чтобы подъ избраннымъ мною названіемъ: Русская народная Литература — не признавали мои сужденія за произвольныя и опрометчивыя, за рѣшимость выше силъ моихъ, за желаніе поставить на видъ одного себя. Въ такомъ случаѣ неожидаю для себя никакого снисхожденія отъ людей, сочиненія которыхъ были избраны мною для обозрѣнія. Зная, что мои замѣчанія сказаны безпристрастно, съ однимъ только желаніемъ открыть истину, указать на труды, заслуживающіе полную признательность соотечественниковъ, я увѣренъ въ правотѣ своей, не прошу извиненій, которыхъ никогда и ни чѣмъ не вымолишь для своихъ недостатковъ, но готовъ и защищать себя отъ несправедливыхъ обвиненій. Не думаю также, чтобы было нужно защищать избранный предметъ. Смѣшно было бы до пошлости отвергать нападенія на существованіе Русской народной Литературы, когда есть сотни сочиненій, изданныхъ по одному и тому же предмету.

Русская народная Литература будетъ состоять изъ двухъ отдѣленій. Въ обозрѣніе перваго будутъ входить:

1. Славяно-Русская Миѳологія.
2. Пѣсни Русскаго народа.
3. Русскіе народные праздники.
4. Пословицы Русскаго народа.
5. Русскія народныя свадьбы.
6. Сказки Русскаго народа.

Второе отдѣленіе единственно посвящается на обозрѣніе Русскихъ областныхъ Нарѣчій. Этотъ предметъ, еще непочатый въ Русской Литературѣ, приводитъ въ изумленіе своимъ величіемъ. Неистощимость Русскаго языка, коренныя Русскія формы выраженій, мѣстный выговоръ словъ—открываютъ въ нашей отчизнѣ людей съ особенными нарѣчіями, языкъ Славянскій почитаемый досе-лѣ забытымъ. Такъ въ одномъ мѣстѣ мы встрѣчаемъ языкъ нашихъ лѣтописей живымъ и дѣйствующимъ, въ другомъ видимъ первозданную Русскую народную поэзію во всей цѣлости, неиспорченную, необезображенную. Тогда увидятъ, что такъ безщадно терзаемая Пѣснь о полку Игоревомъ окроется чисто Русскимъ произведеніемъ, тогда всѣ непонятныя въ ней слова, почитаемыя забытыми, чужими, представятся дѣйствующими, нашими; тогда мы не будемъ переселять это произведеніе изъ одного мѣста въ другое, или усвоять его другому Славянскому поколѣнію.

Не беру на себя отважной дерзости представлять грамматики Русскихъ областныхъ нарѣчій; это трудъ гигантскій, трудъ многихъ людей и многихъ годовъ; я единственно принимаю на себя показать особности: а] Велико-Русскихъ Нарѣчій: Новогородскаго, Московскаго, Суздальскаго, Владимірскаго; б] Мало-Русскихъ: Полтавскаго, Харьковскаго, Кіевскаго; в] Бѣло-Русскихъ по старымъ памятникамъ; представлю Словари областныхъ нарѣчій; покажу сравнительныя сказанія каждаго изъ нихъ.

Отдѣленіе I.

Славяно-Русская миѳологія.

Исторія Славяно-Русскихъ миѳографій представляетъ одно изъ рѣдкихъ явленій въ Русской Литературѣ, явленіе, исполненное разнообразныхъ вымысловъ, невѣроятныхъ догадокъ, ничтожныхъ предпріятій. Начиная съ Нестора—до нашихъ временъ—мы насчитываемъ болѣе десяти Русскихъ миѳографовъ; но, при всемъ томъ, смѣло можемъ сказать, что наша Литература не имѣетъ еще Славяно-Русской Миѳологіи. Кажется, что все это происходило отъ того, что наши миѳографы впадали въ рѣшительныя крайности, уничтожавшія всѣ ихъ предпріятія. Для подтвержденія нашихъ словъ указываемъ на эти крайности.

1. *Усвоеніе Славяно-Русской Миѳологіи всѣхъ другихъ боговъ Славянскихъ поколѣній.*

Писатели собирали все, что только находили у иностранныхъ писателей объ этихъ богахъ, безъ всякаго различія. Все чужое, не наше, приписывали Русскимъ, нашимъ предкамъ. Изъ этого вышло, что всѣ досель извѣстныя миѳографіи не только не достигли своей цѣли, но еще лишили и насъ и иностранцевъ полнаго довѣрія къ Русской Археологіи.

2. *Открытіе происхожденія Славянскихъ боговъ въ Миѳологіяхъ другихъ народовъ.*

Здѣсь выставляются ничтожныя догадки за историческую истину. Можетъ ли быть довѣріе къ такимъ трудамъ?

3. *Филологическія розысканія.*

Писатели доискивались Славяно-Русскихъ миѳовъ въ именахъ боговъ всѣхъ языческихъ народовъ. Здѣсь проявляются отчаянныя крайности, и удивительное незнаніе Славянскихъ племенъ. Неоспоримо, что этотъ источникъ заслуживаетъ особенное вниманіе; но онъ тогда только получаетъ свое достоинство, когда мы рѣшительно знаемъ происхожденіе народа. Но, кто намъ сказалъ, и кто скажетъ—откуда произошли Славяне? Знавши это, мы бы знали: какихъ боговъ перенесли Славяне въ новое жилище изъ своей родины.

4. *Безусловное вѣрованіе въ источники.*

Здѣсь рѣшительно мы не замѣчаемъ историчесой критики. Всѣ наши миѳографы, кромѣ г. Строева, какъ бы согласились допускать всякое вздорное извѣстіе за правду. Стоитъ только сравнить источники историческо-критически, пересмотрѣть — откуда кто и что бралъ, и мы тогда вполнѣ узнаемъ ихъ достоинство. Наши миѳографы вѣрятъ Стрыйковскому, но не вѣрятъ Длугошу, изъ сочиненія котораго выписывалъ Стрыйковскій; вѣрятъ Гизелю, но не вѣрятъ Стрыйковскому, изъ сочиненія котораго Гизель составилъ особенную главу о идолѣхъ въ Кіевскомъ Синопсисѣ. Всѣ знаютъ, что сказаніе Нестора есть вѣроятнѣйшее, и притомъ ближе всѣхъ по времени Славянамъ язычникамъ, но ему не вѣрятъ, а вѣрятъ позднѣйшимъ, которые списывали Нестора и прибавляли свое.

5. *Произвольныя дополненія.*

Писатели выдумывали миѳы, убѣждали въ существованіе небывалыхъ Славяно-Русскихъ боговъ. Болѣе всѣхъ этимъ отличается миѳографія Григорія Глинки.

Основаніе Славяно-Русскихъ миѳографій составляютъ двѣ отдѣльныя системы: *Многобожіе и Семибожіе.*

Первая система, основанная на многобожіи, образовалась въ миѳографіяхъ: *Гизеля, Попова, Чулкова, Глинки, Кайсарова.*

Иннокентій Гизель, архимандритъ Кіево-печерскаго монастыря, составляя Кіевскій Синопсисъ изъ трудовъ *Ѳеодосія Софоновича*, Игумена Кіево-Михайловскаго Золотоверхаго монастыря, придѣлалъ особенную статью: *о идолѣхъ.* Описаніе этихъ идоловъ составляетъ первую Русскую миѳографію, изложенную по иностраннымъ писателямъ. Источники, руководившіе Гизеля, были: сочиненія — Кромера, Гваньини, Стрыйковскаго. Сближаясь съ этими писателями, онъ забылъ, что писалъ Несторъ, и къ Славяно-Русскимъ богамъ прибавилъ: *Позвизда, Ладо, Леля, Полеля, Ладу, Купало, Колляду, Услада* или *Ослада.* Его описаніе Перуна, наполненное выдумками противъ Нестора, представляетъ образчикъ чужеземныхъ внесеній:

«Во первыхъ постави (Владиміръ) начальнѣйшаго кумира, именемъ *Перуна*, бога грому, молніи и облаковъ дождевыхъ, на пригорку высокомъ, надъ Буричовымъ потокомъ, по подобію человѣческу. *Туловище* бѣ его отъ древа *хитросно изсѣчено*, главу имуще сліяну отъ сребра, *уши златы, нозѣ желѣзны, въ рукахъ держащъ камень*, по подобію Перуна пылающа, *рубинами* и *карбункулами украшенъ*; а предъ нимъ *огнь всегда горяше.* Аще бы по нерадѣнію жреческому ключилося огню угаснути, того жреца, аки врага бога своего, смертію казняху..... Первѣйшаго бога или идола Перуна повелѣ (Владиміръ) къ конскому хвосту привязати и влещи во Днѣпръ, приставивши дванадесять паличниковъ, да біютъ его палицами, не яко чувственное древо; но да поругаются бѣсови, иже чрезъ него народъ человѣческій прельщаше. Привлекще же его къ брегу, ввергоша въ Днѣпръ. И заповѣда Владиміръ, да нигдѣ же припустятъ его къ брегу, дондеже минетъ пороги; нижая же пороговъ изверже его вѣтръ, подъ едину гору велику, яже и донынѣ Перунь гора нарицается. Носитъ же ся и сія повѣсть еще отъ старыхъ людей, яко нѣкоего идола, егда влекоша нѣціи съ горы утопити въ Днѣпръ, біющь его нещадно, бѣсъ въ томъ идолѣ восклицаше, рыдая зѣло. Вверженный же онъ болванъ въ Днѣпръ, поплывъ внизъ, а невѣрніи людіе идуще брегомъ, плакаху и зваху, глаголюще: «Выдыбай нашъ господарю боже, выдыбай,» си есть — выплывай. Идолъ же той выдыбалъ или выплывалъ тамо на брегъ . . . Но и тамо егда невѣрніи людіи хотяху взяти того идола, вѣрніи же притекше, камень къ нему привязаху и утопиша идола.»

«Вторый идолъ бысть *Волосъ* богъ скотовъ.

«Третій *Позвиздъ*, иніи же прозваху его Похвистъ, нѣціи нарицаху *Вихромъ*, исповѣдающе бога быти воздуха, ведра и безгодія,

«Четвертый идолъ *Ладо*, сего имѣяху бога веселія и всякаго благополучія, жертву ему приношаху готовящіяся къ браку, помощію *Лада*, мняще себѣ доброе веселіе и любезно житіе стяжати.

«*Леля и Полеля* отъ древнѣйшихъ идолослужителей почитаху иже нѣкіихъ боговъ, ихъ же богомерзкое имя и донынѣ по нѣкіимъ странамъ на сонмищахъ игралищныхъ пѣніемъ Лелемъ и Полелемъ возглашаютъ.

«Ладо, матерь Лелеву и Полелеву, поюще: Ладо, Ладо, идоли ветхую прелесть діавольскую на брачныхъ веселіяхъ руками плещуще и о столъ біюще, воспѣваютъ.

«*Купало* пятый идолъ, его бога плодовъ земныхъ быти мняху, и ему прелестію бѣсовскою омраченныи благодаренія и жертвы въ началѣ жнитвы приношаху.»

«*Коляда* шестый идолъ, богъ праздничный, ему же праздникъ велій мѣсяцъ Декемврій въ 21 день составляху.

«Развѣ тѣхъ бѣсовскихъ кумиръ, еще иныи идолы мнози бяху по имени: *Усладъ*

или *Осладъ*, *Корша* или *Хорсъ*, *Дашуба* или *Даждъ*, *Стриба* или *Стрибогъ*, *Семаергла*, или *Семарелъ*, и *Мокошъ* или *Макошь*, имъ же бѣсомъ помраченнiи людiе, аки богу жертвы и хваленiя воздаваху. Сiя же мерзость во всемъ государствѣ Владимiровомъ по повелѣнiю его содѣвахуся.»

Послѣ Гизеля явился Поповъ съ своею миѳографiею. Его сочиненiе: *Краткое описанiе Славянскаго баснословiя*, изданное въ 1768 году, было вторично перепечатано въ 1772 году, въ Досугахъ или Собранiи сочиненiй и переводовъ, въ первой части. Объ источникахъ нашей Миѳологiи онъ писалъ въ своемъ предувѣдоленiи.

«Матерiю, составляющую сiю книжку, выбиралъ я изъ разныхъ книгъ, содержащихъ Россiйскую Исторiю, какiя имѣлъ или какiя могъ сыскать для прочтенiя, также изъ простонародныхъ сказокъ, пѣсенъ, игръ, и оставшихся нѣкоторыхъ обыкновенiй. Я не вездѣ приводилъ Авторовъ, для того, что ни себя, ни другихъ тѣмъ не хотѣлъ отяготить; ибо ученымъ и любопытнымъ и безъ того они извѣстны; а притомъ сiе сочиненiе сдѣлано больше для увеселенiя читателей, нежели для важныхъ историческихъ справокъ, а больше для стихотворцевъ, нежеля для историковъ.»

Слѣдовательно: источники остались извѣстны только одному Г. Попову; но въ самомъ описанiи баснословiя онъ ссылается на *Ломоносова, Эмина, Тредiаковскаго, Мавро-урбина, Стурлезона*, на *иностранныхъ писателей безъименныхъ*, и на такой-то *Нѣмецкой баснословный Словарь*. Сочиненiе Попова до 1815 рода было руководствомъ для Русскихъ и иностранныхъ миѳографовъ. Чулковъ буквально списалъ всѣ его описанiя въ свой Словарь, Глинка и Кайсаровъ повторили въ другомъ видѣ сочиненiе Попова. Леклеркъ во всемъ основался на его въ Славянскомъ баснословiи. Напрасно Болтинъ и другiе вооружались противъ этого. Писатели ничего не хотѣли знать. Желанiе Попова дѣйствительно сбылось: Херасковъ его описанiя внесъ въ свою поэму: Владимiръ, а стихи Хераскова Глинка внесъ въ свою миѳографiю, какъ единственный историческiй источникъ. Кайсаровъ съ негодованiемъ говорилъ о Поповѣ: «Г. Поповъ представилъ краткой чертежъ Славянской Миѳологiи. Хотя этотъ чертежъ такъ кратокъ, что содержится только въ двухъ печатныхъ листахъ, однакожь въ немъ находится довольно пустаго. Авторъ не упоминаетъ даже объ источникахъ, изъ которыхъ онъ почерпалъ, считая это безполезнымъ дѣломъ.» Замѣтимъ: всѣ извѣстные источники Кайсарова находятся въ сочиненiи Попова, только со многими прибавленiями.

Къ миѳографiи Гизеля Поповъ прибавилъ 36 боговъ, такъ, что его Славянское баснословiе составилось изъ 51. Описанiя боговъ Попова замѣчательны выдуманными прибавленiями. Вотъ его описанiя:

«Свѣтовидъ, Святовидъ, а также и Святовичъ, богъ солнца и войны, почитался и имѣлъ храмъ на островѣ Ругенѣ, въ Славянскомъ городѣ Ахронѣ. Каждый годъ Ахронскiе жители, какъ мужчины такъ и женщины, приносили во храмъ подати по пенязю. Истуканъ Святовидовъ былъ прегромныя величины; сотворенъ изъ древа крѣпкаго, о четырехъ лицахъ, на подобiе фонаря, такъ что отъ всякiя страны образъ его видѣнъ былъ: можетъ быть, это значило четыре времени года (стр. 201.)»

«Перунъ у другихъ Славянскихъ народовъ *Перкунъ*, начальнѣйшiй Славянскiй богъ, почитался производителемъ всѣхъ воздушныхъ явленiй и дѣйствъ, какъ-то: грома, молнiи и облаковъ, дождя и прочаго; притомъ же нарицали его строителемъ громострѣлянiя. Когда еще Святый В. К. Владимiръ, помраченъ былъ тмою идолослуженiя, тогда воздвигъ сему Перуну въ Кiевѣ и прочимъ божествамъ истуканы и повелѣвъ приносить имъ жертвы, что было въ лѣто $^{6488}/_{980}$. Послѣдуя ему Добрыня, дядя его, находившiйся въ Новгородѣ намѣстникомъ, воздвигъ также въ округѣ Новгородскомъ *премножество кумировъ*, и *принуждалъ силою, находившихся между язычниками Христiанъ* поклонятися имъ и жертвовать. Въ Кiевѣ же храмъ Перуновъ стоялъ внѣ дворца теремнаго

надъ Буричовымъ потокомъ, на высокомъ холмѣ. Кумиръ его вырѣзанъ былъ изъ *негніющаго дерева*, голову имѣлъ серебряную, усы *и уши золотыя, ноги желѣзныя*, въ рукахъ держалъ камень, *на подобіе пылающія молніи*, придававшійся отъ *древнихъ Юпитеру, рубинами и карбункулами украшенную*. Огнь пылалъ предъ симъ идоломъ непрестанно; а когда случилось оному, по нерадѣнію жреческому, угасать, то сжигали онаго жреца, какъ врага божескаго. Въ жертву приносили ему не только воловъ и плѣнниковъ, но единородныхъ своихъ дѣтей; и также имѣли иные обычаи, обривъ голову и бороду свою, жертвовать ему своими волосами. Индѣ посвящали ему лѣса и рощи, въ которыхъ запрещалось рубить подъ казнію. Имя его Перунъ значитъ *на древлѣ-Славянскомъ* языкѣ: *Громъ*, которое дано ему какъ производителю онаго.»

Сколько здѣсь произвольныхъ прибавленій въ описаніи одного Перуна! Гизель списалъ Стрыйковскало и Гваньини, и прибавилъ свое. Поповъ списалъ Гизеля, и прибавилъ также въ свою очередь. Время, въ которое жилъ Поповъ, цѣль, избранная имъ — *увеселять* — спасаютъ его отъ критики.

Въ 1782 году Чулковъ издалъ: *Словарь Русскихъ Суевѣрій*, передѣланный имъ въ удивительное собраніе, подъ другимъ заглавіемъ: *Абевега Русскихъ суевѣрій, идоловъ, колдовства, шеманства* и проч. Сочиненіе Чулкова, выдаваемое за Русское народное описаніе, было вмѣстилищемъ всѣхъ суевѣрій — Рускихъ, Калмыцкихъ, Камчатскихъ, Тунгузскихъ, Тататскихъ, Якутскихъ, словомъ всего того, что онъ могъ гдѣ либо выписать. Выписки Чулкова подражательны до послѣдней возможности; онъ выписалъ буквально, подражая всему, сокращалъ мало, прибавлялъ своего еще менѣе. Въ Русской Миѳологіи путеводителемъ его былъ Поповъ. Какъ вѣрный его послѣдователь, онъ принялъ въ Славянскую Миѳологію многобожіе. Въ его сочиненіи не было избранной цѣли: это смѣсь *всякой всячины*, бывшая въ его время въ большемъ употребленіи. Приводимъ эти подражательныя выписки въ сравненіе съ Поповымъ, Кайсаровымъ и Глинкою:

Поповъ. (стр. 69.)	*Чулковъ.* (стр. 183.)
«Волоты. Сіи страшилища, по сказанію Ломоносова, то же значили, что у Грековъ Гиганты; и конечно уже получали жертвы.»	»Волоты сіи страшилища были Великаны и значили у Славянъ то же, что у Грековъ Гиганты, имъ приносили жертвы.»

Кайсаровъ. [стр. 66.]	*Глинка.* (стр. 124.)
«Волотовъ сравниваютъ иные съ Греческими Гигантами. Удачно ли сравненіе, не смѣю рѣшить.«	«Волоты исполины непомѣрной величины и силы. Изъ сказокъ древнихъ видно, что сверхъ силы, имѣли они еще дарънеуязвительности.»

Поповъ. (стр. 189.)	*Чулковъ* (стр. 191.)
«Догода Славенскій Зефиръ, котораго признавали богомъ производителемъ тихаго и пріятнаго вѣтра и ясныя погоды·»	«Догода, Славянскій Зефиръ, котораго признавали богомъ производителемъ тихаго и пріятнаго вѣтра и ясной погоды.»

Кайсаровъ.

(стр. 139.)

«Погода или Догода былъ богъ прекрасной погоды, пріятнаго вѣтерка. Это Славянскій Зефиръ.»

Глинка.

[стр. 105.]

«Догода. Вотъ милое божество, противоположное свирѣпому Позвизду. Младый, румяный, русокудрый, въ васильковомъ вѣнкѣ, съ голубыми по краямъ позолоченными крыльями бабочекъ, въ сребroom блестящей голубоватой одеждѣ, держащей въ рукѣ шипокъ, и улыбающійся на цвѣты, летя надъ оными и поливая ихъ, есть Славянскій богъ пріятнаго весенняго времени, тихій, прохладный вѣтерокъ, Догода. Онъ имѣлъ свои храмы, и ему жертвовали цвѣтами, пѣснями и плясками.

Чулковъ, кромѣ явной подражательности Попову, замѣтно старался быть и самобытнымъ. Онъ въ своей Миѳографіи къ Славяно-Русскимъ богамъ прибавилъ: *Дѣдушко домовой, Лихорадка;* уничтожилъ: *Чудо морское, Донъ;* передѣлалъ: изъ Яга-баба — *Ягая-баба*, изъ Леля — *Лельо*, изъ Сильный богъ — *Крѣпкій богъ;* убавилъ отъ Ладо — *Лада*, отъ Стриба — *Стрибогъ*; дополнилъ: къ Нія — *Ніамъ*, къ Позвизду *Вихрь*, къ Тригла — *Триглава*.

Въ 1804 году, Профессоръ Дерптскаго Университета, г. Григорій Глинка издалъ въ Митавѣ свою миѳографію: *Древняя религія Славянъ*. Сочиненіе Глинки было совершенно отличное отъ предшествовавшихъ. Онъ, принявшій многобожіе, наполнилъ свою миѳографію невѣроятными выдумками, никогда несуществовавшими въ Русской Литературѣ. Его введеніе, объясняющее причины дополненій, изумительно для исторической критики.

«Изображенія, дѣла, самыя даже названія боговъ извѣстнаго народа суть скоіокъ онаго (стр. 6). Описывая произведенія фантазіи или мечтательности, я думаю, что *не погрѣшу* если при встрѣчающихся пустотахъ и недостаткахъ въ ея произведеніяхъ — *буду дополнять собственною подъ древнюю стать фантазіею* (стр. 8). Я переселяюсь въ пространныя разнообразныя области фантазіи древнихъ Славянъ, по нимъ стану собирать всецѣлыя мечтательныя идеи и малыя ихъ частицы, и, и послѣднія сообразуясь ихъ устроенію, *дополнять* матеріалами сего царстна, *по законамъ сображенія* или мечтанія [стр. 10]. Хотя происхожденіе боговъ или Ѳеогонія Славянская для насъ не сохранилась; чему въ свое время конечно надлежало быть; однако же изъ свойства боговъ, или лучше естественныхъ вещей, или дѣяній и явленія, можемъ заключать о мечтаемомъ о нихъ происхожденіи. Впрочемъ, къ *гистоть разсудка Славянскаго народа* можетъ отнестись то, что *ихъ вѣра изъ многихъ языгескихъ есть гистѣйшая*. Ибо ихъ боги суть естественныя дѣйствія, благотвореніемъ своимъ имѣющія на человѣка вліянія и служащія къ страху и казни беззаконія, равномѣрно какъ природныя свойства и совершенство обоженныхъ. Сіе проникнулъ творецъ Владиміріады [Херасковъ] [стр. 15].

Миѳологію Славяно-Руссовъ распредѣлилъ г. Глинка въ слѣдующихъ видахъ: 1) *Превыспренніе боги*, обоженныя существа внѣ земли находящіяся; 2) *Земные боги*, коихъ свойства отвлечены отъ земныхъ полезныхъ произведеній, для жизненныхъ человѣка потребъ; 3) *Преисподніе боги*, кои изображаютъ собою месть и казнь, послѣдующую за беззаконіемъ и порокомъ; 4) *Водяные боги*, коихъ власть простирается надъ водами. 5) *Духи*, 6) *Полубоги и богатыри;* 7) *Озера обоженныя;* 8) *Рѣки*. Къ прежнимъ миѳографіямъ онъ прибавилъ новыхъ боговъ: *Животъ*, *Родомыслъ*, *Ясса*, *Водовики*, *Стѣни*, *Лизуны*, *Куды*, *Черти*, *Бѣсы*, *Рудотокъ*, *Ильмень*, *Славянъ;* измѣнилъ — изъ Семаргла *Зимцерла*, изъ Волхвъ сдѣлалъ еще другаго *Волховецъ;* отнялъ: отъ Даждь-бога — *Дашуба*, отъ Услада — *Осладъ*; уничтожилъ: *Дѣтинецъ*, *Змѣй*, *Ямалла*, *Рощи*, *Туръ*.

Источники, служившіе основаніемъ древней Религіи Славянъ, не показаны сочинителемъ; но видно изъ примѣровъ, что лучшими образцами были сочиненія Хераскова. Онъ, описывая боговъ, приводитъ изъ Владиміріады Хераскова. Такъ у него описанъ Перунъ на стр. 22, 25 и 26, и другіе. Въ честь Перуна г. Глинка написалъ особенный гимнъ, сочиненный имъ на древнюю стать. Исторія Литературы обязана сохранить примѣры этого рода, поучительные для насъ, современниковъ, удивительные для потомства. Скажемъ откровенно: г. Глинка не зналъ Русскихъ древностей, и изъ самыхъ словъ видно, что ему не были извѣстны наши старые, письменные памятники. Иначе бы онъ не рѣшился писать подобные гимны. Приводимъ его:

« Боги велики; но страшенъ Перунъ;
Ужасъ наводитъ тяжела стопа;
Какъ онъ въ предшествіи молній своихъ,
Мракомъ одѣянъ, вихрьми повитъ,
Грозныя тучи ведетъ за собой.
Ступитъ на облакъ—огни изъ-подъ пятъ;
Ризой махнетъ —побагровѣетъ твердь,
Взглянетъ на землю—встрепещетъ земля;
Взглянетъ на морѣ—котломъ закипитъ,
Клонятся горы былинкой предъ нимъ.
Страшне, свой гнѣвъ ты отъ насъ отврати!
Бросивъ горсть граду во тысячу мѣръ

Только ступилъ, ужъ за тысячу верстъ;
Лишь отъ пяты его облакъ зардѣлъ;
Тяжка стопа гулъ глухой издала,
Кой горы, море и землю потрясъ,
И лишь сверкнуло возкраіе ризъ.

Вотъ древность Русская, которою угощали въ 1804 году Русскую ублику. Кому неизвѣстна пучасть Пѣсни о Полку Игоревомъ, Русской Правды, Древнихъ Славянскихъ Руновъ, которыхъ, когда-то вздумали было составлять и дополнять прибавками во вновь изобрѣтенныхъ пергаменныхъ спискахъ. Но, тогда было такое время, и одна только Исторія можетъ передать потомству о подобныхъ продѣлкахъ.

Описанія другихъ боговъ, съ своими прибавками, взяты г. Глинкою изъ Гизеля, Попова, Чулкова, и вездѣ съ прибавленіемъ Херасковыхъ стиховъ, какъ единственнаго факта. Свѣдѣнія о богѣ: *Царь Морской* — взяты изъ Ломоносовой Петріады, а въ увѣреніе приложены и его стихи. Въ заключеніе сочинитель прибавилъ дивное созданіе — Храмъ Свѣтовида. Читая это описаніе, невольно спрашиваешь себя: не ужели г. Глинка, издавшій въ 1804 году свою миѳографію, считается еще современникомъ Рюрика, Олега, жреца Боговѣда? Приводимъ это описаніе, выдуманное на древнюю стать:

«Марцана еще покоилась въ объятіяхъ водъ; часы стерегли входъ и выходъ изъ Солнцева дому, и пристноюный Свѣтовидъ на златомъ ложѣ покоился въ объятіяхъ Триглы, какъ Рюрикъ съ Олегомъ восходятъ на священный холмъ, гдѣ возносится храмъ Свѣтовида. Храмъ величественный и достойный бога славимаго въ немъ. Первосвященникъ Свѣтовида, Боговѣдъ, сопутствуемый жрецами грядетъ ему во срѣтеніе. Рюрикъ приступаетъ къ вратамъ храма, не удивляется, видя ихъ затворенными. Храмъ былъ огромностію въ 1460 шаговъ. Двѣнадцать огромныхъ яшмовыхъ столповъ Коринѳскаго чина поддерживаютъ навѣсъ его кровли; оглавія ихъ были изъ позлащенной мѣди. Триста шестьдесятъ оконъ и двѣнадцать вратъ его заключались мѣдными затворами. При каждыхъ дверяхъ стояли два жреца съ трубами [стр. 131].»

Почти въ одно и то же время съ Миѳографіею Глинки появилась въ Геттингенѣ другая, г. Кайсарова: Versuch einer Slavischen Mythologie von Andrey von Kaysarow. Göttingen, 1807. Эта миѳографія была издана въ Русскомъ переводѣ въ 1807 году, а въ 1810 году вторично перепечатана въ Москвѣ, подъ названіемъ: *Славянская и Россійская Миѳологія.*

Сочиненіе Кайсарова обращаетъ особенное вниманіе только по указанію источниковъ, но не по внутреннему достоинству. Здѣсь то же допущено многобожіе, тѣ же внесены выписки изъ Гизеля, Попова, Чулкова, съ выдуманными дополненіями, съ прибавленіемъ чужеземныхъ понятій, о которыхъ прежніе миѳографы не имѣли свѣдѣнія. Наша Славяно-Русская Миѳологія отъ этого сочиненія не только не усовершенствовалась, но еще болѣе затмилась.

Чужеземные источники, служившіе основаніемъ его миѳографіи, суть: сочиненія Адама Бременскаго, Гельмольда, Кранціуса, Саксо, Длугоша, Кромера, Монфокона, Кранцеля, Шедія, Вагнера, Росса, Гроссіуса, Маша. Объ Русскихъ онъ говорилъ: «Въ Россіи все совершенно пропало, или по крайнѣй мѣрѣ до сихъ поръ не обнаружилось. Можетъ статься, кой что скрывается еще въ углу какого нибудь монастыря, но кому до того нужда? (стр. 5) Въ самой Россіи, въ отечественной исторіи, около 988 года, когда Владиміръ Великій ввелъ Христіянскую вѣру, говорили обыкновенно нѣсколько словъ о нашихъ богахъ, и очень недостаточно. Какъ историки наши не имѣли вниманія останавливаться за симъ предметомъ, то упоминали они большею частію объ однихъ только именахъ Славянскихъ боговъ (стр. 43). Кромѣ сихъ, хотя и недостаточныхъ источниковъ, есть у насъ, Россіянъ еще два посторонніе источника, состоящіе въ нашихъ пѣсняхъ и такъ называемыхъ народныхъ сказкахъ... На многихъ пѣсняхъ остался отпечатокъ сѣдой древности; иныя-жъ изъ нихъ происходятъ,

вѣроятно, изъ языческихъ временъ, потому что въ нихъ упоминаются часто имена нѣкоторыхъ Русскихъ боговъ. Простонародныя сказки составляли въ самомъ дѣлѣ басни, а другія небольшіе рыцарскіе романы.»

Жаль очень, что г. Кайсаровъ не позаботился о Русскихъ источникахъ: мы имѣемъ вѣрное свѣдѣніе въ Сказаніи Нестора и въ Пѣсни о полку Игоревомъ. Кромѣ этихъ свѣдѣній мы не признаемъ другихъ за Русскія. Гдѣ наши древнія Русскія пѣсни?—Мы ихъ не имѣемъ. Пѣснь о полку Игоревомъ не есть всеобщая народная пѣсня: она для насъ не болѣе какъ историческая поэма, подобная Сагамъ. Не уже ли мы должны почитать дополнительными источниками извѣстный припѣвъ къ пѣснямъ: «О Дидъ-Ладо?» Дидъ никогда не былъ богомъ Славяно-Руссовъ: это позднѣйшія выдумки людей, непонимавшихъ значенія словъ: Дидъ-Ладо. Пѣвецъ слова о полку Игоревомъ заставляетъ Ярославну называть супруга своего: *Ладою*. Въ одной старинной Русской пѣсни поется: «У меня Ладо змѣя скороспѣя:» Здѣсь женщина говоритъ о своемъ мужѣ. Въ другой пѣсни сказано:

«Не утай, молодое, да что перва Лада?
Ой Дидъ и Ладо! да что перва Лада?—
Какъ перва-то Ладо, *золотъ съ руки перстень*,
Ой Дидъ и Ладо! золотъ съ руки перстень.
Не утай, молодое, да что друга Лада?
Ой Дидъ и Ладо! да что друга Лада?—
Другая-то Лада *кунья съ плеча шуба*,
Ой Дидъ и Ладо! кунья съ плеча шуба.
Не утай, молодое, да что третія Лада?
Ой Дидъ и Ладо! да что третія Лада?
А третья-то Лада *другъ милой сердечной*,
Ой Дидъ и Ладо! другъ милой сердечной.

Вотъ и старая пѣсня, гдѣ Ладо высказывается ясно. Русскія слова: *ладъ, ладить* имѣютъ совершенно другое значеніе. Не въ нихъ ли искать происхожденіе выдуманныхъ боговъ Дидъ-Ладо? Такъ, вѣроятно, изъ пѣсеннаго припѣва: *Лели, Люли*—составили—*Леля*. *Дидъ* въ Малорусскомъ нарѣчіи означаетъ: *дѣдъ, старикъ*. У насъ нѣтъ и сказокъ, изъ которыхъ можно было бы почерпнуть свѣдѣнія о Славяно-Русскихъ богахъ. Всѣ наши народныя сказки раздѣляются на два разряда: на ***Русскія*** и ***Чужеземныя***. Въ нашихъ Русскихъ сказкахъ нѣтъ ничего о богахъ, извѣстныхъ Нестору, а о чужеземныхъ намъ и говорить нечего: это не наше. Чужія сказки имѣютъ собственное свое достоинство въ другомъ родѣ. Вѣроятно, г. Кайсаровъ не зналъ, что въ нашихъ народныхъ преданіяхъ есть свѣдѣнія только о Перунѣ и Велесѣ.

Сожалѣя о худомъ состояніи Славяно-Русской Миѳологіи, г. Кайсаровъ говоритъ: «такова была судьба нашей Славянской Миѳологіи, какъ я принялъ намѣреніе и съ своей стороны помочь ей нѣсколько... Одна только любовь къ отечественной исторіи и всѣмъ частямъ ея побудили меня написать сіи не многія страницы... Я со всѣмъ не думаю, чтобы оказалъ чрезъ то великую услугу; мнѣ принадлежитъ только нѣсколько мыслей и труды въ перебраніи нѣкоторыхъ фоліантовъ... Алфавитный порядокъ избралъ я какъ способнѣйшій для легчайшаго обозрѣнія. Вообще, это не собственная Миѳологія, а только одинъ опытъ ея (стр. 46, 47, 216).»

Миѳографія г. Кайсарова вмѣщаетъ въ себѣ еще отдѣльныя статьи: 1) Происхожденіе и изображеніе боговъ, 2) Храмы, 3) Празднества, 4] Судьба Славянской Миѳологіи. Многобожіе Славяно-Руссовъ у г. Кайсарова состоитъ изъ 57 боговъ. Онъ, въ свою очередь, прибавилъ: *Вода, Горыня, Дубыня, Кащей, Кродо, Поренутъ, Поревитъ, Ругевитъ, Святиборъ, Флинцъ, Ютра-Богъ;* передѣлалъ изъ Чулкова Ніамъ—*Ніанъ;* прибавилъ къ Проно—*Прово;* къ Догода — *Погода;* уничтожилъ *Туръ*, и не призналъ боговъ допущенныхъ Глинкою, вѣроятно, потому что не зналъ о существованіи его миѳографіи. Самое описаніе боговъ у него изложено по другому способу, протовоположному прежнимъ миѳографамъ, съ указаніемъ во многихъ мѣстахъ источниковъ. Вотъ его описанія:

«Горыня. Изъ дошедшихъ до насъ Славянскихъ преданій [такъ названныхъ народныхъ сказокъ], видно, что Горыня былъ Витязь, повергавшій цѣлыя горы на своихъ непріятелей. По своимъ подвигамъ получилъ онъ это названіе, происходящее отъ слова *Горы* (стр. 71).»

«Перунъ былъ первый богъ на ряду тѣхъ, коимъ Россіяне поклонялись. Думали, что дождь, молнія и всѣ другія воздушныя явленія ему подвластны. Особенно утверждали, что онъ повелѣваетъ громомъ, отъ чего и получилъ онъ свое имя, потому что Перунъ на всѣхъ почти Славянскихъ нарѣчіяхъ означаетъ громъ; словомъ: это былъ Римскій Юпитеръ (стр. 132).»

«Посвистъ или Похвистъ. Какъ Русскіе, такъ и Поляки думали, что Похвистъ божество бури. Г. Машъ ошибается, будто бы Погода и Похвистъ въ одно и тоже время были у Поляковъ, и еще понынѣ Масовяне называютъ большой вѣтръ *Похвисцемъ*. Слѣдовательно Погода остается Греческимъ Зефиромъ, а Похвиста мы можемъ сравнить съ Эоломъ (стр. 1.7).»

«Волосъ, также *Велесъ*. Волосу было предоставлено у Русскихъ владычество надъ скотомъ. Между нашими богами занималъ онъ первое мѣсто послѣ Перуна. Несторъ сообщаетъ намъ клятву которую давали предъ Волосомъ, какъ богомъ скота. Эту клятву произнесъ Олегъ, когда сей Великій Князь былъ въ Константинополѣ съ войскомъ своимъ и заключилъ мирный договоръ съ Императорами Львомъ и Александромъ. Истуканъ Волосъ былъ разрушенъ въ Кіевѣ вмѣстѣ съ другими идолами, но спустя еще долгое время, остались служеніе и образъ его въ Ростовѣ; какъ наконецъ одинъ монахъ, по имени Авраамъ, низвергнулъ его, построилъ на томъ самомъ мѣстѣ церковь, и сдѣлалъ прочихъ язычниковъ Христіанами (стр. 64).»

Миѳографы, допускавшіе въ Славяно-Русской Миѳологіи многобожіе, образовали слѣдующую Ѳеогонію:

Иннокентій Гизель.

Въ 1674 году.

1. Перунъ.
2. Волосъ.
3. Позвиздъ.
4. Ладо.
5. Лель.
6. Полель.
7. Лада.
8. Купало.
9. Коляда.
10 Усладъ или Осладъ.
11. Корша или Корсъ.
12. Дашуба или Даждь.
13. Семаергла или Семарглъ.
14. Макошь или Мокошь.
15. Стриба или Стрибогъ.

Поповъ.

Въ 1768 году.

1. Бугъ.
2. Бѣлбогъ, Бѣлойбогъ.
3. Велесъ, Волосъ.
4. Волоты.
5. Волхвъ, Волховецъ.
6. Даждбогъ, Дашуба, Дажба.
7. Дидилія.
8. Дидо, Дидъ.
9. Догода.
10. Домовые, домашніе духи.
11. Донъ.
12. Дѣтинецъ.
13. Зимцерла.
14. Змѣи.
15. Зничь.
16. Золотая баба.
17. Зѣвана, Зивонія.
18. Іомалла, Ямалла.
19. Кикимора.
20. Коляда.
21. Корша, Хорсъ.
22. Купало.
23. Ладо,
24. Лада.
25. Леля, Лелю.
26. Лѣшій.
27. Макошь, мокошь, мокослъ.
28. Марцана.
29. Нія.
30. Перунъ.
31. Усладъ или Осладъ.
32· Позвиздъ, Похвистъ·
33. Полеля.
34. Полканъ.
35. Прове, Проно.
36. Радегастъ.
37. Рощи.
38. Русалки.
39. Свѣтовидъ, Святовидъ, Святовичь.
40. Семарглъ, Семаергла.
41. Сиба, Сива.
42. Сильный богъ, Крѣпкій богъ.
43. Стриба, Стрибогъ.
44. Студенецъ.
45. Тригла.
46. Туръ.
47. Царь морской.
48. Чернобогъ, Чернобогъ.
49. Чудо морское.
50. Чуръ.
51. Яга-баба.

Чулковъ.

Въ 1782 году.

1. Бугъ.
2. Бѣлбогъ.
3. Волосъ, Велесъ,
4. Волоты.
5. Волхвъ.
6. Даждбогъ, Дашуба, Дажба.
7. Дидилія.
8. Дидъ, Дидо.
9. Догода.
10. Домовой, Дѣдушка домовой.
11. Дѣдушко Водяной.
12. Дѣтинецъ.
13. Зимцерла.
14, Змѣи.
15. Зничь.
16. Золотая баба.
17. Зѣвана, Зивонія.
18. Іомалла, Ямалла.
19, Кикимора.
20. Коляда.
21. Корсъ, Хорша.
22. Купало.
23. Ладо.
24. Лада.
25. Лихорадки.
26. Лельо.
27. Лѣшій.
28. Макошь, мокошь, мокослъ.
29. Марцана.
39. Нія или Ніамъ.
31. Осладъ или Усладъ.
32. Позвиздъ, Похвистъ, Вихрь.
33. Полеля.
34. Полканъ.
35. Проно, Прове.
36. Радегастъ.
37. Рощи.
38. Русалки.
39. Свѣтовидъ, Святовидъ, Святовичь.
40. Семаергла, Семарглъ
41. Сиба или Сѣва.
42. Сильный богъ.
43. Стриба.
44. Студенецъ.
45. Туръ.
46. Царь морской.
47. Тригла, Триглава.
48. Чернобогъ, Чернибогъ.
49. Чуръ.
50. Яга-баба.

Глинка.

Въ 1804 году.

I. ПРЕВЫСПРЕННІЕ БОГИ.
1. Перунъ — движеніе эфира, громъ.
2. Златая баба, златая мать-тишина, покой.
3. Свѣтовидъ — солнце, жизненная теплота.
4. Зничь — начальной огонь.
5. Бѣлбогъ — благое и доброе начало.
6. Сильный богъ.
7. Даждбогъ — благополучіе.
8. Животъ — сохраненіе жизни.
9. Лада — война.
10. Коляда — миръ.
11. Усладъ — удовольствіе.
12. Лель — любовь.
13. Ладо — красота.
14. Полель — бракъ.
15. Дидъ — супружество.
16. Дидилія — дѣторожденіе.
17. Марцана — заря, богиня жатвы.
II. ЗЕМНЫЕ БОГИ.
18. Тригла — земля.
19. Волосъ — богъ покровительствующій скотъ.
20. Мокошь.
21. Купало — земные плоды.
22. Родомыслъ — податель благихъ совѣтовъ.
23. Сѣва — богиня плодовъ.
24. Зевана — богиня звѣроловства.
25. Чуръ — богъ межей.
26. Прове или Провъ — богъ прорѣканій.
27. Радегастъ — богъ страннопріимства и городовъ.
28. Корсъ — богъ пьянства.
20. Ясса.
30. Позвиздъ — богъ бурь и вѣтровъ.
31. Догода — зефиръ.
32. Зимцерла, Зимстерла — весна.
33. Зимерзла — зима.
III. ПРЕИСПОДНІЕ БОГИ.
34. Ній — владычествующій надъ преисподними странами.
35. Чернобогъ — богъ отмщенія.
36. Стрибогъ — истребитель.
37. Яга-баба.
38. Кикимора — богъ сна.
IV. ВОДЯНЫЕ БОГИ.
39. Царь морской.
40. Чудо морское.
41. Русалки.
42. Водовики — водяные черти.
V. ДУХИ.
43. Лѣшіе.
44. Домовые.
45. Стѣни.
46. Лизуны.
47. Куды.
48. Черти.
49. Бѣсы.
VI. ПОЛУБОГИ ИЛИ БОГАТЫРИ.
50. Полканы.
51. Волоты.
52. Славянъ.
54. Волхвъ.
54. Волховецъ.
55. Рудотокъ.
VII. ОЗЕРА ОБОЖЕННЫЯ.
56. Ильменъ.
57. Студенецъ.
VIII. РѢКИ.
58. Бугъ.
56. Донъ.

Кайсаровъ.

Въ 1804, 1807, 1810 годахъ.

1. Бугъ.
2. Бѣлбогъ.
3. Вода.
4. Волоты.
5. Волхвъ, Волховецъ.
6. Волосъ или Велесъ.
7. Горыня.
8. Даждбогъ, Дажба, Дашуба.
9. Дѣвинецъ.
10. Донъ.
11. Дидо — Дидъ.
12. Дубыня.
13. Домовые духи.
14. Дидилія.
15. Зѣвана, Дзеванна.
16. Зимцерла.
17. Змѣи.
18. Золотая баба.
19. Кащей.
20. Кикимора.
21. Коляда.
22. Корша, Корсъ.
23. Кродо.
24. Ладо.
25. Купало.
26. Лада.
27. Лелья, Леліо.
28. Лѣшіе.
29. Макошь, Мокошь.
30. Марцана.
31. Нія, Ніанъ.
32. Осладъ или Усладъ.
33. Перунъ.
34. Проно, Прове, Прово.
35. Посвистъ, Похвистъ.
36. Погода, Догода.
37. Полель.
38. Полканъ.
39. Поренучь.
40. Поревитъ.
41. Радегастъ.
42. Ругевитъ.
43. Русалки.
44. Свѣтовидъ, Святовидъ, Святовичь.
45. Семарглъ.
46. Сива.
47. Сильный богъ.
48. Стриба, Стрибогъ.
49. Святиборъ.
50. Триглава.
51. Флинцъ.
52. Царь морской.
53. Чернобогъ.
54. Чудо морское.
55. Чуръ.
56. Ютра-богъ.
57. Ягая-баба.

Въ сихъ пяти миѳографіяхъ представляются постепенныя дополненія и измѣненія Славяно-Русской Миѳологіи. Это живая лѣтопись свѣдѣній и направленій духа миѳографовъ. Здѣсь мы видимъ: кому что нравилось? кто и что выдумалъ? когда совершались измѣненія?

Вторая система Славяно-Русской миѳологій, основанная на *Семибожіи*, единственно по одному сказанію Нестора, образовалась въ миѳографіяхъ: *Строева, Руссова, Пріъзжева.*

Преподобный Несторъ, передавшій потомству Русскія событія, первый говоритъ о Славяно-Русскихъ богахъ. Въ его лѣтописи, оконченной въ 1093 году, мы находимъ слѣдующія извѣстія:

Въ договорѣ Игоря съ Греками сказано:

«И елико ихъ есть не хрещено да не имуть помощи отъ Бога ни отъ *Перуна.*»

Въ утвержденіи сего же договора писано:

«И да будетъ клятъ отъ Бога и отъ *Перуна* яко преступи свою клятву.»

Въ договорѣ Святослава съ Греками сказано:

«Да имѣемъ клятву отъ Бога, въ его же вѣруемъ, въ *Перуна* и въ *Волоса*, скотья бога.»

Въ утвержденіи клятвы Игоремъ съ Греческими послами, онъ записалъ:

«Заутра призва Игорь слы, и приде на холмъ, гдѣ стояль *Перунъ*. Покладоша оружіе свое, и щитъ, и золото, и ходи Игорь ротѣ и люди его, елико поганыхъ Руси.»

Въ описаніи Княженія Владиміра онъ сказалъ:

«И нача княжити Володимеръ въ Кіевѣ единъ, и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: *Перуна* древяна, а главу его сребрену, а усъ златъ, и *Хърса*, и *Дажь бога*, и *Стрибога*, и *Симарьгла*, и *Мокошь*. Жряху имъ, наричюще я богы, привожаху сыны своя и дъщери, и жряху бѣсомъ, оскверняху землю теребами своими, и осквернися кровьми земля Руска и холм-отъ,

«Володимиръ же посади Добрыню уя своего въ Новѣгородѣ; и пришедъ Добрыня къ Ноугороду, постави кумира надъ рѣкою Вохвомъ, и жряху ему людіе Ноугородстіи, аки богу.

«Иде Володимеръ на Ятвяги, и побѣди Ятвяги, и взя землю ихъ, и иде къ Кіеву, и творяще потребу кумиромъ съ людьми своими. И рѣша старцы и боляре: мчемъ жребии на отрока и дѣвицю; на него же падетъ, того зарежемъ богомъ. Бяше Варягъ единъ... бѣ же Варягъ той пришелъ изъ Грекъ, держаше вѣру Хрестеяньску, и бѣ у него сынъ красенъ лицемъ и душею, на сего паде жребии.... Рѣша пришедше посланнии къ нему: яко паде жребии на сынъ твой, изволиша бо и бозѣ сосѣ; да створимъ потребу богомъ.

«Повелѣ кумиры испровврещи, овы осѣчи, а другія огневи предати; Перуна же повелѣ привязати коневи къ хвосту и влещи съ горы по Боричеву на Ручаи, 12 мужа пристави тети жезлъемъ. Се же не яко древу чюющю, но на порученье бѣсу, иже прельщаше симъ образомъ человѣкы, да възмездье приметъ отъ человѣкъ, и поругаемъ. Влекому же ему по Ручаю къ Днѣпру, плакахуся его невѣрніи людье, еще бо не бяху пріяли святаго крещенья; и привлекше, врпнута и въ Днѣпръ. И пристави Володиміръ, рекъ: аще гдѣ пристанетъ, вы то отрѣвайте его отъ берега, дондеже пороги проидетъ; то тогда охабитеся его. Они же повелѣнная створиша. Яко пустиша и проиде сквозѣ порогы, изверже и вѣтри на рѣнѣ, и оттолѣ прослу Перуняна рѣнь, яко же и до сего дне словетъ.»

Вотъ единственное и вѣрное основаніе Славяно-Русской Миѳологіи! Кромѣ сего мы не находимъ ни чего, и едва ли что можемъ найдти. Послѣ сего нельзя не удивляться, разсматривая Русскія миѳографіи, наполненныя выдуманными и чужими богами, пересказанныя со многими невѣроятностями. Сочинители предпочитали болѣе позднѣйшихъ и притомъ чужихъ миѳографовъ, незнавшихъ нашего отечества, забывали о Несторѣ, который зналъ Славянъ болѣе другихъ, изъ котораго заимствовали Польскіе Историки и иностранные путешественники, бывшіе въ Русской землѣ.

Въ 1815 году г. П. М. Строевъ въ издаваемомъ имъ тогда журналѣ — Современномъ Наблюдателѣ Россійской словесности — напечаталъ: *краткое обозрѣніе Миѳологіи Славянъ Россійскихъ*. Это обозрѣніе въ томъ же году было отдѣльно перепечатано, *со многими перемѣнами и поправками*.

Г. Строевъ свое обозрѣніе начинаетъ взглядомъ на происхожденіе Миѳологіи, и о Славянской говоритъ: »мы имѣемъ весьма слабое понятіе о баснословіи Славянъ; не многія извѣстія дошли до насъ чрезъ иностранныхъ историковъ, а собственныя наши лѣтописи почти ничего не сохранили (стр. 9). Многіе изъ новѣйшихъ писателей хотѣли Славянскую Миѳологію привесть въ систему. Они собирали все, что имъ ни попадалось; но никто еще до сихъ поръ не старался обработать Славянскую Миѳологію образомъ ученымъ. Впрочемъ *едва ли можно издать классическое сочиненіе о сей матеріи*, не смотря на ея важность и даже необходимость (стр. 12 и 12).»

По этому понятію г. Строевъ необходимо долженъ былъ отвергнуть миѳографіи: Попова, Чулкова, Глинки, Кайсарова — и отвергнулъ съ честію, Онъ принялъ въ основаніе Нестора и первый допустилъ въ Славяно-Русскую Миѳологію Семибожіе. Строевъ говоритъ, что:

«Каждое племя Славянъ имѣло собственную свою Миѳологію, и что мнѣнія одного изъ нихъ ни мало не распространяются на всѣ прочіе, или, по крайнѣй мѣрѣ, на нѣкоторыхъ. Мнѣнія религіи Сербовъ, По-

ляковъ, Моравовъ и другихъ народовъ Славянскаго поколѣнія ни мало не принадлежатъ къ Миѳологіи Славянъ Россійскихъ [стр. 16]. Владиміръ, поставивъ въ Кіевѣ изображенія семи боговъ, кажется сдѣлалъ только то, что почитаемыхъ разными Славянскими, Финскими племенами боговъ, собралъ въ одно мѣсто, и, такъ сказать, объявилъ ихъ общими цѣлаго Государства и его покровителями [стр. 19]. Сіи принесенные въ Кіевъ боги суть: *Перунъ*, *Волосъ*, *Даждь-богъ*, *Стрибогъ*, *Хорсъ*, *Семаргла*, *Мокошь* (стр. 21).»

Изслѣдованія г. Строева о Славяно-Русскихъ богахъ основаны: на Несторѣ, Византійскихъ историкахъ: *Прокопіи и Константинѣ Багрянородномъ*, *Бакмейстерѣ и Шлецерѣ*. Слѣдствіемъ этого вышло, что *Перунъ* былъ главнѣйшій, и, по всей вѣроятности, единственный богъ первобытныхъ Славянъ; *Волосъ*, покровитель стадъ, неизвѣстно принадлежавшій какому изъ поколѣній Славянъ; *Стрибогъ*, согласно Пѣснѣ о полку Игоревомъ признанъ за Греческаго Эола; о Даждь-богѣ г. С. думаетъ, что едва ли онъ былъ не Перунъ, и не соглашается съ мнѣніемъ Графа Мусина-Пушкина; *Хорса, Семаргла и Мокоша* не признаетъ за Славянскихъ боговъ, а за Финскихъ или Скандинавскихъ. О богахъ мнимыхъ онъ говоритъ:

«Славяне почитали также нимфъ, духовъ горныхъ и лѣсныхъ. Преданія о Русалкахъ, вѣдьмахъ [баба-яга?], лѣшихъ, домовыхъ и водяныхъ, демонахъ и по нынѣ еще существуютъ. Домовые не то ли же, что древніе Пенаты и Лары? Я думаю, что и Чуръ, если онъ только подлинно былъ божествомъ Славяно-Русскимъ, коего обыкновенно считаютъ богомъ границъ, межей [Греческимъ Термомъ], былъ также богомъ домашнимъ, хранителемъ жилищъ, что доказываетъ извѣстное чуранье [стр. 33]. Не было ли также преданій о славныхъ войнахъ или богатыряхъ, отличившихся нѣкогда своею храбростію и подвигами. Отъ сего легко могли родиться понятія о Полубогахъ и Ирояхъ. Да развѣ сказки наши не разсказываютъ столько чудесностей о Полканахъ, Дубыняхъ и проч. Но обо всемъ этомъ можно только догадываться, а не говоритъ утвердительно, какъ то сдѣлалъ г. Кайсаровъ [стр. 35].»

Миѳографія г. Строева доселѣ остается одною изъ лучшихъ, потому что въ ней не встрѣчаемъ ни филологическихъ розысканій, столько же убійственныхъ, какъ старая Схоластика, не видимъ ложныхъ повѣрій, какими наполнены другія миѳографіи — Попова, Чулкова, Глинки и Кайсарова. Мы увѣрены, что если бы г. Строевъ занялся теперь Славяно-Русскою Миѳологіею, то онъ избавилъ бы себя отъ нѣкоторыхъ понятій о происхожденіи Миѳовъ, которые при нынѣшнемъ состояніи Археологіи представляются совершенно въ другомъ видѣ.

Въ 1824 году г. Руссовъ издалъ: — *Опытъ о идолахъ, Владиміромъ въ Кіевѣ поставленныхъ во время язычества, и симъ же Великимъ Княземъ, самимъ уничтоженнымъ, когда онъ просвѣтился благодатныхъ ученіемъ Христіанской вѣры.* Эта новая миѳографія, написанная въ противоположномъ духѣ прежнихъ писателей, допускаетъ семибожіе по сказанію Нестора, и основана на объясненіи Эллино-Римской Миѳологіи. По изысканію г. Руссова открылось, что Славянскіе боги были родомъ изъ Рима и Греціи, а на Русь, въ Кіевъ, перешли изъ Фризіи или Валлахіи Балтійской, а во Фризію они взошли изъ Финикіи [стр. 18]. Затѣйливую, по словамъ г. Руссова, Славянскую Миѳологію составили Фризскіе первосвященники (стр. 19). *Сочинитель* пѣсни о полку Игоревомъ *зналъ* Миѳологію Славянъ *посредственно* (стр. 15. *Имена Кіевской Миѳологіи употреблены Славяно-Греко Латинскія* [стр. 11]. О Славянскихъ миѳографахъ онъ говоритъ: «Самые ученнѣйшіе мужи и опытнѣйшіе изыскатели древностей принимались толковать, что значатъ сіи божества; но всѣ доселѣ остались при однихъ догадкахъ [стр. 2]. Я заглянулъ въ Эллино-Римскую Ѳеогонію, и *ненарочно* напалъ на Стреба и Стребія. Пускай они будутъ проводниками къ изъясненію самихъ себя и прочихъ *шести своихъ товарищей* [стр. 6.] Когда я думалъ что значитъ «*Макошь,*» Капищ-

ка, дочь хозяина моей квартиры, кликала меньшаго брата: «*Микоша, Микоша!*» Что такое значитъ Микоша? спросилъ я бывшихъ тутъ людей. «Никофоръ» сказали они. А что такое будетъ *Макоша?* продолжалъ я. *Макарій*—отвѣчали они. Посмотримъ, что значитъ Макарій въ Эллино-Римской Миѳологіи? У Гомера упоминается о Макаріи... Макошь Славянскій и Макарій Эллино-Римскій суть одно и то же [стр. 12 и 13].»

Слѣдствіемъ этихъ разысканій вышло то, что Славяно-Русскіе боги были сродни Греческимъ и Римскимъ богамъ. Для утвержденія родства г. Руссовъ изъ Эллино-Римской Миѳологіи сотворилъ поколѣнную роспись — Генеалогію Кіевскихъ языческихъ боговъ (стр. 14):

1 Небо. 2

Стрибъ. Сатурнъ. Тетисъ. Океанъ.

4 3 или Дажба,

Семелія. Юпитеръ. Нептунъ. Амфитрита.

или Зимцерла. или Перунъ.

5 6

Бахусъ, Меркурій, Апполонъ. Эолъ. Стребъ.

или Хорсъ. или Стрефъ. Бизенъ, Бель,

7 или Волосъ.

Макарій,

или Мокошь.

Мы буквально списали эту генеалогію единственно для того, чтобы показать: какъ далеко г. Руссовъ увлекся отъ своего предмета. Избѣгая ошибокъ своихъ предшественниковъ, онъ рѣшительно пересоздалъ Славяно-Русскую Миѳологію, и—безъ всякаго основанія. По его понятіямъ Перунъ происходитъ — отъ PERDO, PERCUTIO Перунъ. Стрибогъ обращенъ въ Стребъ, Семаргла передѣлана въ *Зимцерлу* или *Зимаерглу*, Даждь-богъ въ *Дажву*, Мокошь составился изъ Макарія. Не признавая ни одного понятія изъ Русскихъ и чужеземныхъ миѳографій, до него бывшихъ, онъ составилъ свои. Къ счастію Перунъ, по неисповѣдимымъ причинамъ, остался въ опытѣ г. Руссова безъ разсматриванія; но за то другіе Славяно-Русскіе боги изуродываны до послѣдней возможности. Такъ: Славяно-Русскій Стрибогъ у него есть не что иное какъ Эллино-Римскій *Стребъ*; Семаргла Эллино Римская *богиня молніи Семелія*; Даждь богъ есть не что иное какъ Эллино-Римскій Тетисъ *(Ѳетида)*; Велесъ есть *Белъ Ассирійскій*.

Въ 1827 году была напечатана въ Вѣстникѣ Европы миѳографія г. Пріѣзжаго — *о Миѳологіи Славянъ Россійскихъ*. Пересматривая эту Миѳографію внимательно, мы изумились: была ли эта совершенная пародія, или въ прямомъ смыслѣ, копія съ *краткаго обозрѣнія Миѳологіи Славянъ Россійскихъ* г. Строева? Отказываемся отъ рѣшенія. Скажемъ только, что г. Пріѣзжевъ списалъ буквально г. Строева. Удивляемся, какъ не замѣтили этого тогда и г. Издатель Вѣстника Европы и самъ г. Строевъ, и даже другіе журналы, сторожившіе въ тѣ дни крѣпко подобныя продѣлки. Докажемъ самымъ дѣломъ.

Строевъ.	*Пріѣзжевъ.*
[14 стр.]	(Съ перваго слова на стр. 195.)
Славяне явившіеся на позорищѣ міра въ VI столѣтіи по Р. Хр. представляются взорамъ нашимъ какъ народъ непросвѣщенной, но не какъ дикой. Тихіе его нравы и обычаи, кроткая религія, обряды, исполненные человѣколюбія, не производятъ въ насъ никакого ужаса, но наполняютъ душу чувствомъ нѣкотораго умиленія.	Славяне, явившіеся на позорищѣ міра въ VI столѣтіи по Р. Хр. представляются взорамъ нашимъ какъ народъ непросвѣщенный, но не какъ дикой. Тихіе нравы его и обычаи, кроткая религія, обряды, исполненные человѣколюбія, не производятъ въ насъ ни какого ужаса, и даже наполняютъ душу чувствомъ нѣкотораго умиленія.

Г. Пріѣзжевъ продолжалъ свои выписки отъ слова до слова, начиная съ 14 стр. до 41, съ перемѣною выраженій ничтожныхъ, въ выпущеніемъ примѣчаній. Весь трудъ его состоялъ въ томъ, что онъ выкинулъ изъ миѳографіи г. Строева первыя 13 страницъ, списалъ буквально слѣдующія 38 стр. и оставилъ послѣднія 2 стр. безъ выписокъ. Мы объ этой миѳографіи не должны болѣе говорить: Исторія Русской Литературы со временемъ предастъ ее должному осужденію.

По этимъ четыремъ миѳографіямъ Славяно-Русская Миѳологія образовалась изъ слѣдующихъ боговъ:

Несторъ. въ 1093 г.	*Строевъ.* въ 1815 г.
Перунъ.	Перунъ.
Волосъ.	Волосъ [Велесъ].
Дождь-богъ.	Даждь-богъ [Дажба],
Стрибогъ.	Стрибогъ (Стриба].
Семергла.	Хорсъ.
Хърсъ.	Семаргла (Сема и Регла).
Мокошъ.	Мокошъ [Мкодь].

Руссовъ. въ 1824 г.	*Прїъзжевъ.* въ 1827 г.
Перунъ.	Перунъ,
Велесъ.	Волосъ.
Стрибогъ.	Даждь-богъ.
Зимцерла.	Стрибогъ
Хорсъ.	Хорсъ.
Даждь-богъ.	Семаргла.
Мокошъ.	Мокошъ.

Кромъ этихъ Славяно Русскихъ миѳографій, мы имъемъ еще два отдъльныхъ источника: 1] въ Русскихъ критическихъ изысканіяхъ и 2] въ исторіяхъ и запискахъ чужеземцевъ.

Въ числѣ Русскихъ изысканій обращаютъ особенное вниманіе: Разговоры о древностяхъ Новгорода Преосвященнаго *Евгенія; о Перунѣ*, отдѣльное описаніе г. *Калайдовича*, помѣщенное въ Вѣстникѣ Европы 1807 года (№ 23 и 24); примѣчанія графа Мусина-Пушкина, приложенныя къ изданію Пѣсни о полку Игоревомъ; примѣчанія *Болтина* на исторію Леклерка; мнѣнія Ломоносова, *Татищева* и *Щербатова* въ ихъ исторіяхъ; Н. М. *Карамзина* во всеобщемъ обозрѣніи Славянъ, помѣщенномъ въ первомъ томѣ его исторіи; *А. Ѳ. Вельтмана* — въ его письмѣ о великомъ Новгородѣ и изданіи Пѣсни о полку Игоревомъ.

Незабвенный историографъ, Н. М. Карамзинъ, обозрѣвая вѣру Славянскихъ народовъ, посвятилъ Славянской Миѳологіи особенное описаніе. Сначала онъ обозрѣвалъ боговъ всѣхъ Славянскихъ народовъ, а потомъ особенно Славяно-Русскихъ. Въ описаніи первыхъ онъ упоминаетъ: о *Бѣлъ Богѣ*, неимѣвшемъ храма; о *Чернобогѣ*, почитавшемся у Славянъ Балтійскихъ, по свидѣтельству Гельмольдовой хроники; о *Святовидѣ* имѣвшемъ храмъ на островѣ Рюгенѣ, почитаемомъ Вендами и Королями Датскими; о *Ругевитѣ* или *Ругевитѣ, Поревитѣ, Радегастѣ*—имѣвшемъ храмъ въ городѣ Ретрѣ; *о Сивѣ*, въ честь которой находился храмъ въ городѣ Рацебургѣ; о *Фрихіѣ*, уважаемой Далматскими Славянами и называемой въ Исландскихъ древностяхъ *Ванадисъ* или *Венедскою; о Перкунѣ* Прусскомъ, почитавшемся также и отъ Латышей; о кумирахъ: *Числобога и Набога, Пабога* или *Зембога и Немизы*— находившихся въ Ретрскомъ храмѣ, о *Триглавѣ*, бывшемъ въ Юлинѣ или Виннетѣ; *Припекалѣ, Яровидѣ* или *Геровитѣ*. находившихся въ Гевельбергѣ и *Волгастѣ*; о *Провѣ* и *Подагѣ*, почитаемыхъ жителями Вагріи; о *Генилѣ*, уважаемомъ Мерзебургскими Вендами; *Даворѣ, Даморѣ доброй хрихіи, Ярѣ и Никѣ*, прославляемыхъ доселѣ въ свадебныхъ пиршествахъ Морлаховъ; о Польскихъ богахъ: *Ніѣ*, имѣвшемъ храмъ въ Гнѣзнѣ, *Яссѣ, Ладонѣ* или *Лядѣ, Дзидзиліѣ, Зивоніѣ*, или *Зѣваннѣ, Зивого, Лелѣ, Полелѣ, Погодѣ, Похвистѣ*. О вторыхъ онъ писалъ: «Въ Россіи до введенія Христіанской вѣры, первую степень между идолами занималъ Перунъ, богъ молній, *которому Славяне еще въ VI вѣкѣ покланялись (?)*, Обожая въ немъ верховнаго міроправителя. Кумиръ его стоялъ въ Кіевѣ, на холмѣ, внѣ двора Владимірова, а въ Новгородѣ надъ рѣкою Волховомъ, былъ деревянный, съ серебряною головою и съ золотыми усами. Лѣтописецъ именуетъ еще идоловъ: *Хорса, Даждь-бога, Стрибога, Семаргла и Мокоша*, не объясняя, какія свойства и дѣйствія приписывались имъ въ язычествѣ. Въ договорѣ Олега съ Греками упоминается еще о Велесѣ, котораго именемъ и Перуновымъ клялись Россіяне въ вѣрности, имѣвъ къ нему особливое уваженіе: ибо онъ считался покровителемъ скота, главнаго ихъ богатства. Сіи извѣстія Несторовы можемъ дополнить новѣйшими, напечатанными въ Кіевскомъ Синопсисѣ.»

Кромѣ сихъ, Несторомъ упоминаемыхъ, Н. М. Карамзинъ еще допускалъ: *Ладо, Купало, Лѣшихъ, Русалокъ, Домовыхъ, Кикиморъ*. Это имъ было взято изъ Синопсиса, Стрыйковскаго, Длугоша, Кромера и Гваньини.

Въ сочиненіяхъ г. Вельтмана мы встрѣчаемъ описанія Славяно-Русскихъ боговъ. Его труды заслуживали бы особенное уваженіе, если бы онъ не слишкомъ увлекался Филологическими разысканіями, которыя невольно наводятъ сомнѣніе. Подобные примѣры р. Руссова и другихъ представляются съ самой невыгодной стороны. Въ изданномъ имъ письмѣ о господинѣ Великомъ Новгородѣ, онъ говоритъ:

«Перунъ есть *Бахусъ*, или Бахъ *Пиригенъ*, т. е. сынъ Пламени. Поклоненіе *Баху* и поклоненіе Ваалу сошлись на Сѣверѣ. Первое преимущественно нашло себѣ вѣрныхъ поклонниковъ въ Славянахъ; второе владычествовало на Сѣверѣ у Руссовъ; но подробности узнаешь изъ моихъ изслѣдованій древней Религіи Славяно-Руссовъ (стр. 35).

«Вы полагаю я, вѣруте тому, что имя Властосъ, Власій и Славянскій *Владъ*, не есть то же что *Велесъ*, *Волосъ*, т. е. *Ваалъ*, хотя можетъ быть происходитъ и отъ него, и значитъ *произродитель*. Велесу, или Волосу покланялись наши предки, и я со временемъ изложу мои доказательства, что поклоненіе *Ваалу* было не только въ Азіи, но распространилось почти во всей древней Европѣ, и что Völu, *Бѣлъ-богъ*, Belenus не случайные звуки, сходные съ именемъ Бела, но есть то древнее слово Халдеи, преобразованное нарѣчіями, которое означало на первомъ языкѣ Всевышняго Бога, и которое произносилось съ благоговѣніемъ всѣми языками міра. Волосъ, скотій богъ, не значитъ, что онъ есть богъ воловъ, овновъ и проч.; но значитъ *Богъ земныхъ тварей*. Въ дополненіе слово *Скотъ* принадлежитъ, кажется, обрядамъ Вааловымъ [см. стр. 33 и 34].»

Понятія о происхожденіи Волоса отъ Бѣла Ассирійскаго было выдумано еще въ 1824 году г. Руссовымъ, но почему Перунъ произведенъ отъ Бахуса, тогда какъ Руссовъ производилъ отъ него Хорса—мы не беремся рѣшить до появленія его подробной миѳографіи. Замѣтимъ, что всѣ наши миѳографы обѣщали *со временемъ говорить подробнѣе* о Славяно-Русской Миѳологіи; но, кто дождется, когда эти обѣщанія исполнятся. Сожалѣемъ очень, что г. Вельтманъ принимаетъ для объясненія нашей миѳографіи вздорную выдумку—*отрывокъ лѣтописи Іоакимовой*, которую сто разъ опровергали, которая сама указываетъ, что въ ней все сказанное есть ложъ. Мы увѣрены, что при полномъ изданіи его Славяно-Русской Миѳологіи будетъ исключена вставка Іоакимовская, помѣщенная въ письмѣ о Новгородѣ на стр. 37, 38 и 39.—Довѣріе къ этому отрывку Попова, Чулкова, Кайсарова, Глинки—не оправадали ни какого ожиданія.

Источникъ иностранныхъ свѣдѣній представляетъ самое обширное поле для изслѣдованій, и вмѣстѣ самое опасное. До сихъ поръ еще ни одинъ изъ нашихъ миѳографовъ не принимался критически обозрѣть всѣ свѣдѣнія, находящіяся въ сочиненіяхъ чужеземцевъ о Славяно-Русскихъ богахъ. Исчислимъ только нѣкоторые изъ этихъ источниковъ:

1. *Саксо*, Историкъ XIII вѣка, прозванный *Грамматикомъ* по чистотѣ Латинскаго языка, въ своей Historiae Danici (Lepsiae 1771) говоритъ о Славянскихъ богахъ Рюгенскихъ, основываясь на древнихъ стихотвореніяхъ и надписяхъ неизвѣстныхъ никому, кромѣ его. Его исторія ввела многихъ въ заблужденіе. Нашъ извѣстныя Миллеръ повѣрилъ ему въ происхожденіи Скандинавіи, и внесъ его бредни въ свою академическую рѣчь—*о народахъ обитавшихъ въ Россіи*. У него Миллеръ отыскалъ въ сынѣ *Боуса*, прижатаго, по сказанію Саксо, Одиномъ съ Русскою Царевною Риндою—*Бову Королевича, сына Додона*, извѣстную Италіянскую сказку XVI вѣка. Боги, описанные Саксо: Ругевитъ, Поревитъ, Поренучъ, Свѣтовидъ—взошли въ миѳографіи Глинки, Кайсарова и Попова.

2. *Гельмольдъ*, историкъ XII вѣка, въ своей Chronica Slavorum, s. annales Helmodi Presbyteri Buzoviensis. Francof. 1581— говоритъ: о Бѣлъ-богѣ, Свѣтовидѣ, Прове, Черно-богѣ.

3. *Дитмаръ Мерзебургскій*, писавшій въ самомъ началѣ XI вѣка свою Хронику, говоритъ также о богахъ Славянскихъ.

4. *Стурлезонъ Снорро* или *Снорри*, одинъ изъ достовѣрныхъ писателей Исландскихъ, жившій въ XII вѣкѣ — написалъ: Historia rerum Septentrionalium. Ему послѣдовалъ Карамзинъ.

5. *Шедій* въ своемъ сочиненіи—De Diis Germanorum — описывая Нѣмецкихъ боговъ, вмѣстилъ въ число ихъ и Славянскихъ: Бѣлъ-бога, Крода, Проно, Родегаста, Ругевита, Флинца, Черно-бога, Ютра-бога. Послѣдуя Кранціусу, онъ смѣшалъ Венедовъ съ Вандалами.

6. *Михаилъ Френцель*, изъ Лаузица, написалъ въ 1638 году разсужденіе о Славянскихъ богахъ въ Виртембергѣ: Michaeli Frencellii dissertationes Historicae de idolis Slavorum. Братъ его Адамъ Френцель занимался филологическими изслѣдованіями о Славянскихъ богахъ. М. Френцель описалъ: Перуна, Марцанну, Дидилію, Золотую бабу, Порепуча, Поревита, Бѣлъ-бога, Флинца, Черно-бога.

7. *Вагнеръ* издалъ въ 1698 году въ Лейпцигѣ: Dissertatio de idolatria veterum Misniae incolarum. Онъ описалъ: Святибора, Дидилію.

8. *Арнольдъ* къ сочиненію Александра *Росса*—о всеобщемъ богослуженіи—сдѣлалъ особенное прибавленіе: Von den unterschiedlichen Gottesdiensten in der ganzen Welt. Онъ описалъ: Кродо, Бѣлъ-бога, Флинца, Ютра-бога.

9. *Самуилъ Гроссеръ* въ описаніи достопамятностей Лаузица Lausitziche Merkwürdigkeiten описалъ имена боговъ Лаузица, съ 10-ю рисунками. Его Поревитъ и Кродо были руководителями для Монфокона и Банье.

10. *Монфоконъ* въ своемъ сочиненіи: Antiquité expliquée въ числѣ другихъ боговъ онъ описалъ и Славянскихъ.

11. *Банье* въ своей la Mythologie et la Fable expliquées par l'Histoire описалъ только то, что было у Монфокона.

12. *Шереръ* въ своемъ сочиненіи: De Simulacris Deorum in Russia cultis sub Wladimiro duce — описалъ: Ладо, Коляду и другихъ.

13. *Андрей Машъ* составилъ описаніе священныхъ древностей Ободритовъ и Мекленбургскихъ Славянъ, найденныхъ въ Прильвицѣ—Hofpredigers Mach Gottesdienstliche die Alterhümer der Obobriten раздѣлилъ Славянскихъ боговъ на боговъ и полубоговъ — Позвизда, Полеля, Сива, Черно-бога.

14. *Гейнекцій* въ своемъ сочиненіи: Scriptores rerum Germanorum написалъ особенную диссертацію о Кродѣ.

15. *Яковъ Толлій*, въ сочиненіи Jacobae Tolii epistolae iterinariae описалъ Кродо.

16. *Докторъ Антонъ* въ своемъ сочиненіи: Erste Lienen eines Versuches über die alten Slaven ursprung, sitten описалъ: *Ладо, Флинцъ*.

17. *Леклеркъ* въ своей Histoire de la Russie ancienne помѣстилъ Славянскую Миѳологію Попова.

18. Графъ Потоцкій въ своемъ: Voyage en Basse Saxé — описалъ Славянскихъ боговъ. Ему слѣдовалъ Карамзинъ. Нѣмецкій археологъ, доставлявшій графу свѣдѣнія, сознался предъ цѣлымъ свѣтомъ въ обманѣ (См. Журн. Мин. Нар. Пр. 1836 г.).—Этой-то книгѣ слѣдуютъ миѳографы!

19. *Кромеръ*, Польскій Историкъ, въ сочиненіи своемъ; De origine et rebus gestis Polonorum — описалъ: *Ладо*, Позвизда, Погоду, змѣи и другихъ.

20. *Шнейдеръ* въ своемъ Sarmaticae Evropeae descriptio описалъ: Ладу, Марцану.

21. *Гваньини* въ сочиненіи своемъ Moskovia Respublica et urbis Lugduni Batavorum описывалъ Славянскія божества Марцану, Златую бабу.

22. *Гютри*—въ сочиненіи своемъ: Disser-

TATIONS SUR LES ANTIQUITÉS DE RUSSIE A S. P. 1795. описалъ: Тура, Сильный богъ.

23. *Длугошъ*, Польскій Историкъ XV вѣка, въ своей Польской исторіи, выбиравшій извѣстія о Россіи изъ Кадлубека и Нестора, описалъ: Ніа, Марцану, Сиву, Погоду.

24 *Матвѣй Стрыйковскій*, Польскій Историкъ, бравшій извѣстія о Россіи изъ Длугоша, Кромера, Герберштейна—въ своихъ сочиненіяхъ: о происхожденіи Славяно-Русскихъ народовъ, Царствованіе Ивана Васильевича Грознаго и Хроникъ боговъ Латышскихъ—описывалъ Славянскихъ боговъ. Изъ нихъ выбирали Гизель, Кайсаровъ, Глинка.

25. *Тунманъ* въ своемъ сочиненіи: ÜBER DIE GOTTESDIENSTLICHE ALTERTHÜMER DER OBOBRITEN — описывалъ Славянскихъ боговъ. Ему слѣдовалъ Карамзинъ.

26. *Гебгарди* въ своемъ сочиненіи: GESCHICHTE WENDEN UND SLAVEN—говорилъ о языческихъ обрядахъ Славянъ. Ему слѣдовалъ Карамзинъ.

27. *Шварцъ* въ своемъ сочиненіи — DIPLOMATISCHE GESCHICHTE — описалъ Ругевита.

28. *Герберштейнъ* — въ своихъ: RERUM MOSCOVITICARUM COMMENTARII почерпалъ описанія Славянскихъ боговъ изъ народныхъ разсказовъ. Его сказка о Перунѣ Новгородскомъ—была принята Русскими и иностранными миѳографами.

29. *Раигъ* въ своей Исторіи разныхъ Славянскихъ народовъ описалъ нѣкоторыхъ Славянскихъ боговъ у Сербовъ и Харватовъ.

30. *Мавро-Урбинъ* въ своей исторіографіи народа Свавянскаго занимался обозрѣніемъ Славянскихъ боговъ. Ему слѣдовалъ Поповъ.

31. *Даніилъ Князь* Бакхау, Императорскій посланникъ, бывшій въ Москвѣ въ 1578 г. съ Кобенцелемъ, написалъ: MOSCOVIAE ORTUS ET PROGRESSUS — GUBENAE 1679, гдѣ говоритъ о Славянскихъ богахъ со всевозможными ошибками.

32. *Нарушевичъ*—въ первомъ и второмъ томѣ своей Исторіи (HYSTORIA NARODU POLSKIEGO) объясняетъ Славянскую Миѳологію; но его разысканія требуютъ строгой оцѣнки источниковъ, которыми онъ пользовался.

33. *Павелъ Іовій Новокомскій*, историкъ XVI-го вѣка, въ описаніи Религіи Московитянъ, говоритъ: «За пять сотъ лѣтъ предъ симъ Московитяне поклонялись языческимъ богамъ, какъ-то: Юпитеру, Марсу, Сатурну и многимъ другимъ.» Такія свѣдѣнія доставлялъ Историкъ Іоанну Руфу, Архіепископу Консентинскому, приближенному къ Папѣ Клименту VII-му, и по этому-то свѣдѣнію судила Европа о Русскихъ.

34. Сочиненія *Нарбута* обращаютъ особенное вниманіе. Это трудъ, собранный съ особенною рачительностію, изъ устъ народныхъ, переданный съ всею достовѣрностію. Здѣсь мы не видимъ такихъ повтореній, такихъ выписокъ, которыхъ достовѣрность при первомъ взглядѣ уничтожается. Здѣсь приводимъ два его сочиненія:

1. DZIESE STAROZYTHE NARODU LITEWSKIEGO PRZEZ TEODORA NARBUTTA. WILNO. 1833.

Еще издано только три первые тома, и мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ слѣдующихъ. Это сочиненіе должно открыть намъ многое, близкое къ нашей Миѳологіи.

2. *Извѣстіе о древнемъ храмѣ Зевеса въ Вильнѣ.* Это изысканіе помѣщено было въ Сѣверномъ Арх. 1822 г. ч. I стр. 227. Нарбутъ говоритъ: «статья о храмѣ Зевеса взята изъ Нѣмецкой исторической рукописи: CRONICA AUS EINEM UND ANDEREN CRONIKEN AUSGEROGEN UND ALTEN GESCHICHTEN AUSGESCHRIEBEN. Рукопись сія внесена съ Латинскаго изъ неизвѣстной нынѣ Литовской лѣтописи Ротунды.» Нарбутъ отыскалъ рукопись въ Ревелѣ, въ 1808 году, и отдалъ тогда въ библіотеку Виленскаго университета. О храмѣ Зевеса онъ говоритъ: «Въ Вильнѣ, гдѣ стоитъ теперь каѳедральная Римско-Католическая церковь, былъ древній дубовый лѣсъ, посвященный языческимъ бо-

тамъ, при устьѣ Вилейки, впадающей въ большую рѣку. Возлѣ самаго лѣса находился огромный каменный храмъ Зевеса громовержца, или Перкуна, бога громовъ, построенный Княземъ Гереймундомъ въ 1255 году Внутри храма находился деревянный кумиръ, принесенный изъ лѣсовъ Полангенскихъ.« — Здѣсь упоминается о неизвѣстной рукописи: De annalibus Rutheniensibus, гдѣ сочинитель — *Митрофанъ* изъ *Пинска*, говоритъ о Литовскихъ богахъ.

Приступаемъ теперь къ самому трудному вопросу: какимъ образомъ Русскіе миѳографы составляли Славяно-Русскую Миѳологію? Внимательное изслѣдованіе открыло намъ, что первые миѳографы выписывали все, что имъ было извѣстно, не разбирая критически источниковъ, вторые обращали вниманіе на Нестора и на Востокъ. Системы Славяно-Русскихъ миѳографій, основанныхъ на многобожіи, состоятъ: 1) изъ боговъ Славяно-Русскихъ, 2) изъ боговъ другихъ Славянскихъ племенъ, 3) изъ боговъ Рюгенскихъ, 4) изъ Русской Демонологіи, 5) изъ Русскихъ сказокъ, 6) изъ произвольно выдуманныхъ мнѣній.

I. Описанія Славяно-Русскихъ боговъ у нашихъ миѳографовъ составлены изъ невѣроятныхъ противорѣчій, и произвольныхъ, ни на чемъ неоснованныхъ, сужденій.

Приведемъ для сличенія всѣ извѣстныя намъ описанія.

1. *Перунъ*. Несторъ говорилъ, что Перунъ сдѣланъ былъ изъ дерева, съ серебряною головою, съ золотыми усами. Гизель придѣлалъ ему: золотыя уши вмѣсто усовъ, желѣзныя ноги, въ руку вложилъ камень, воскурилъ предъ нимъ огонь и приказалъ жрецамъ караулить этотъ огонь. Поповъ отнялъ золотыя уши, и возвратилъ усы. Замѣтимъ, что наши миѳографы сотворили изъ этихъ золотыхъ усовъ новаго бога: Услада. Вѣроятно переписчикъ лѣтописей написалъ: *Усъ-златъ*, а изъ этого составился послѣ Усладъ. Поповъ изобрѣлъ Перуну особенныя жертвы — волосы съ головы и бороды. Онъ первый переименовалъ Перуна въ *Перкуна*, а за Поповымъ явились и другіе. Туманъ Рюгенскаго Поревита признавалъ за Перуна. Кайсаровъ говорилъ, что Перунъ на всѣхъ почти Славянскихъ нарѣчіяхъ означаетъ громъ, и что онъ былъ точь въ точь Римскій Юпитеръ. Вмѣсто усовъ онъ придѣлалъ ему золотую бороду. Неизвѣстный авторъ сочиненія — Religion der Moscoviten (Francfurt und Leipzig 1717) изобразилъ Перуна съ кошечью рожею, съ раздутыми скулами. У Принца Букхау вставлены невѣроятныя нелѣпости. Глинка производилъ Перуна отъ слова *Торымъ* или *Торумъ*, означающаго на *Сарматскомъ языкѣ всевышнее существо, бога*. Онъ посвятилъ ему цѣлые лѣса и рощи, изъ коихъ, по его словамъ, почиталось святотатствомъ взятіе всякаго сучка. Гизель полагалъ, что Перунъ былъ *начальнѣйшій* богъ грома, молніи и облаковъ дождевыхъ. Поповъ почиталъ его производителемъ всѣхъ воздушныхъ явленій и *строителемъ громострѣлянія*. Кайсаровъ говорилъ, что Перунъ былъ первый богъ, кому Россіяне поклонялись, и подчиняли ему дождь, молнію и всѣ воздушныя явленія. Глинка называлъ его *произвестителемъ* всѣхъ воздушныхъ явленій, *погонителемъ* облаковъ, и думалъ, что первоселенцы Кіевскіе, будучи Сарматскаго происхожденія и пришедши туда отъ Скандинавскаго полуострова, принесли съ собою Цельтійскихъ боговъ. Эту мысль развилъ еще болѣе г. Руссовъ. Карамзинъ съ большею основательностію о Перунѣ говорилъ (т. 1. пр. 201): «Славянскій глаголъ *Перу* значитъ не только *Пру*, но и *бью, ударяю*. Валекъ, которымъ колотятъ бѣлье, для того называется прядникомъ. Слѣдовательно имя Перуна означало *бога разящаго*.» Вельтманъ производилъ Перуна отъ *Бахуса*, отъ *Баха Пирегенита*, и утверждалъ, что поклоненіе *Ваалу* пришло на Сѣверъ къ Руссамъ съ востока. Герберштейнъ, а за нимъ Петрей и другіе, выдумали сказку объ изгнаніи Перуна изъ Новгорода. Несторъ ничего не сказалъ объ изгнаніи Перуна изъ Новгорода, а Новгородскій лѣтописецъ (см. Продол. др. Вивл.) написалъ: «Пріиде къ Новгороду Акимъ, Архіепископъ Корсунянинъ, и требища разрушилъ, и Перуна посѣче, и повелѣ влещи въ Волховъ, поверзавше ужи волочаху по калу, біюще жезліемъ, и заповѣда

ни камо ни гдѣ же не прiяти. И се иде пидьблянинъ рано на рѣку, хотя горньци вести въ городъ, и сице Перунъ приплы въ берегу, и отрину его шестомъ. Ты, рече, Перунище до сити еси пилъ и ялъ, а нынѣ плови уже проче. И плы съ свѣта въ окромешное.» Миѳографы къ этому прибавили, что Новгородцы въ честь Перуна бились палками на мосту. Это есть и въ Степенной книгѣ. Строевъ говоритъ: «Самое названiе Перуна, кажется, доказываетъ, что онъ былъ управляющiй громомъ и слова: **Piorum** по Польски, **Perkonne** по Латышски значатъ громъ. Руссовъ производилъ отъ **percutio, perdo**. Докторъ Антонъ отыскалъ въ Далмацiи лѣсъ: **Pirun Dubrave**. Снегиревъ, въ описанiи Святокъ, приводитъ указанiе изъ Соннерата, путешествовавшаго въ Восточной Индiи, что у Индѣйцевъ въ Январѣ бываетъ праздникъ *Перунъ-Понголь*. Въ Старой Русѣ есть преданiе, что Перуна погрузили близъ села Грузина, — и что это село получило отъ него названiе. Въ 1812 г. г. Эттеръ доставилъ въ Московское Историческое Общество печатный эстампъ Славянскаго идола Перуна [см. труд. ч. I. ст. 145]. Откуда это явленiе? —

2. *Велесъ*. Несторъ говорилъ, что Велесъ есть скотiй Богъ. Гизель къ этому ничего не прибавилъ. Поповъ думалъ, что онъ имѣлъ храмъ въ Кiевѣ. Кайсаровъ предоставилъ ему отъ Русскихъ владычество надъ скотомъ, какъ занимающему первое мѣсто послѣ Перуна. Глинка говоритъ: «самое имя Велеса означаетъ *величтимый;* ибо Велесъ, чрезъ толкованiе слова, значитъ: *Велiй есть*, т. е. *Великiй* и *Велесъ володѣющiй* т. е. *обладатель*.» Онъ же выдумалъ и изображенiе его: «Велесъ съ бычачьими рогами, въ простой одеждѣ, держитъ въ рукѣ чашу съ молокомъ. Въ жертву ему приносились коровы и быки.» Строевъ говоритъ: «Велесъ былъ именно богъ стадъ, а не животныхъ, какъ нѣкоторые думали. Которое изъ Славяно-Россiйскихъ племенъ особенно почитало сего бога, ему неизвѣстно. Митрополитъ Евгенiй говоритъ, что Велеса обожали Меря; доказательствъ на это нѣтъ. Руссовъ говоритъ, что Белъ Ассирiйскiй есть тоже, что Латинскiй и Славянскiй Велесъ. Вельтманъ производилъ Велеса отъ Ассирiйскаго Беля, и утверждалъ, что онъ, какъ богъ скотiй не значилъ бога скотовъ, но бога земныхъ тварей. Объ Велесѣ мы имѣемъ слѣдующiя историческiя извѣстiя: 1] въ Патерикѣ Кiевскомъ, въ житiи Исаiя чудотворца, сказано, что этотъ Святой разорилъ капища въ Ростовской волости (см. Ист. Кар. т. 1, пр. 225). 2) Въ Прологѣ находимъ, что Св. Аврамiй крестилъ Ростовскую волость тогда, когда она была уже Владимiрскою областiю [см. Окт. 29 Прологъ и Минею-четiю]. 3] Въ пѣсни о полку Игоревомъ сказано [стр. 7]: «Тебѣ бы вспѣти было вѣщей Бояне, *Велесовъ* внуче!» Миѳографы это объяснили такъ: «Видно, что Славянскiе стихотворцы вели свое происхожденiе отъ Велеса.» Такъ думалъ Строевъ. Митрополитъ Евгенiй говоритъ, что имя Велеса значитъ въ семъ мѣстѣ не бога Велеса, а только какого нибудь изъ предковъ Бояна. Руссовъ: «Сочинитель пѣсни о полку Игоревомъ называетъ Бояна внукомъ Велесовымъ; но сiе значитъ по видимому, что *сѣверные грамматѣи получили буквы отъ Даная, Велесова внука и больше ничего*.»

3. *Даждь-богъ*. Поповъ догадывался, что онъ былъ подателемъ благъ, и что его можно почесть богомъ *богачествъ*. Кайсаровъ утверждалъ, что Даждь богъ, также Дажба, и Дашуба — означаетъ одно и то же божество и соглашался съ Поповымъ. Гютри называлъ его Плутусомъ древнихъ. — Глинка: «божество благотворное, податель великихъ благъ, богатства, счастiя, благополучiя; жертвовали ему токмо усердными мольбами и испрошенiемъ у него милости. Онъ служилъ эмблемой *благополучiя*, которое обоготворяли древнiе Римляне.» Строевъ: «я думаю, что и въ понятiи о семъ богѣ заключается то же самое, что и въ понятiи о Перунѣ.» — Руссовъ: Славянская Дажва, Даждь-богъ есть не иное что, какъ Эллино-Римскiй Тетисъ.» — Въ пѣсни о полку Игоревомъ сказано: «Погибашетъ жизнь Даждь-божа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ сократишась.» — Графъ Мусинъ-Пушкинъ объ этомъ говоритъ: «Даждь-богъ почитаемъ былъ въ Кi-

евъ богомъ подателемъ всѣхъ благъ. Пользовавшiеся благоденствiемъ, какъ даромъ дождь-божiевымъ, назывались его внуками. Въ 1828 г.. въ Московскомъ Вѣстникѣ № 8, кто-то Дождь-бога превращалъ въ Бодай, Богданъ, DEODATUS, DIEUDONNÉ. «Слово Дажба составлено изъ Божба и Спасибо.»

4. *Стрибогъ*. Поповъ: «Стриба, божество Кiевское получало поклоненiе и жертвы.» Глинка: «божество, наказывающее беззаконныхъ въ преисподней и бичь злодѣянiй въ семъ мiрѣ. Его мести предавались заслужившiе проклятiе.»— Кайсаровъ: «мы знаемъ изъ пѣсни Игореву воинству, что онъ былъ богъ вѣтровъ, потому что въ сей пѣсни называютъ ихъ внуками Стрибога.» — Строевъ: «Стрибога почитали до сихъ поръ богомъ войны, но это несправедливо: онъ былъ у Славянъ то же, что у Грековъ Еолъ. — Въ пѣсни о полку Игоревомъ сказано: «Се вѣтри, Стрибожи внуцы, вѣютъ съ моря стрѣлами на хвабрые плъки Игоревы.»

5 *Хорсъ*. Поповъ говоритъ: «можно признать его Эскулапiемъ, или богомъ болѣзни» и производитъ его отъ глагола: корчить.— Чулковъ прибавилъ къ этому, что Славяне жертвовали ему для отвращенiя болѣзней.— Руссовъ: «Добросердечные Славяне произвели изъ Коримбифера Корса или Хорса, и наконецъ *Харгъ*. Слѣдственно Татищевъ Хорса призналъ подобнымъ Бахусу правильно, хотя ненарочно.» — Кайсаровъ приводитъ только мнѣнiя Попова, Леклерка, Татищева, обвиняетъ лѣтописцевъ за темныя понятiя въ нашей Миѳологiи, но самъ ничего не говоритъ. Глинка производитъ Хорса отъ ковша, называвшагося, по его мнѣнiю, прежде коршъ, почему сему богу дано имя отъ этого орудiя. Изъ сего составилось у него слѣдующее описанiе: «Корсъ покровитель охотниковъ до пива и меду. Нагой, одутловатой, вѣнокъ на немъ сплетенъ изъ хмѣлевыхъ плетей съ листьями; перевязь на немъ хмѣлеваже. Въ правой рукѣ держитъ ковшъ, изъ него хочетъ пить.» Кажется, что въ этой выдумкѣ виноватъ былъ Татищевъ, переименовавшiй Корса въ Бахуса.—Строевъ не признавалъ его за Славянскаго бога.

6. *Семаргла*. Поповъ и Чулковъ ничего не могли выдумать объ этомъ богѣ. — Руссовъ: «Эллино Римская богиня молнiй есть не что иное, какъ Зимцерла.» Г. Руссовъ образовалъ изъ Семарглы Зимцерлу; но почему? мы не знаемъ.— Кайсаровъ говоритъ: «о семь божествѣ ничего почти неизвѣстно.»— Глинка: «Симаергла, Зимаерзла, Симаргла, Зимарзла, Зимерзла—слова означающiя всѣ одно и то же, т. е. *зиму* стереть. Богиня суровая, дышущая холодомъ и морозами. Одежда на ней на подобiе шубы изъ сотканныхъ вмѣстѣ инеевъ. А какъ она Царица зимы, то порфира на ней изъ снѣга, истканная ей морозами, чадами ея. На головѣ ледяной вѣнецъ, унизанный градомъ. Богинѣ сей молились о умѣренiи ея жестокости.» Не понимаемъ, откуда явилось описанiе Семаргла у г. Глинки. Кажется, что это его созданiе.—Строевъ не признаетъ сiе божество за Славянское, но думаетъ, что «переписчики не соединили ли въ семъ словѣ двухъ различныхъ боговъ: *Сема* и *Регла*, какъ то стоитъ въ Архангелогородскомъ лѣтописцѣ.»

7. *Мокошъ*. Поповъ и Чулковъ только сдѣлали изъ него *Мокосла*. — Руссовъ говоритъ: «Мокошъ Славянскiй и Макарiй Эллино Римскiй суть одно и то же.» — Глинка: «По разности произношенiй Мокошь, Макошъ, Мокослъ истолковывается словомъ — *могущь*.» Но онъ изъ этого сдѣлалъ: Могошъ, оклеветалъ Нестора, говоря, что онъ у него есть богъ скотовъ, и описалъ изображенiе его: «съ мохнатою козлиною бородою, съ бараньими рогами, въ шубѣ бараньей на выворотъ; въ рукахъ палка или пастушiй посохъ, а въ ногахъ у него можетъ положенъ быть барашекъ.»— Строевъ не признаетъ Мокоша за Славянскаго бога- — Гютри Русскаго Мокоша признавалъ за Библейскаго Магога. — Кайсаровъ отзывается объ немъ невѣдѣнiемъ, какую должность отправлялъ онъ у Русскихъ.»

Вотъ какъ описывали наши миѳографы Славяно-Русскихъ боговъ. Они, какъ изобрѣтатели, не представляютъ ни одного на чемъ либо утвержденнаго понятiя: все основано на догадкахъ, выдумкахъ. Многiе изъ нихъ изобрѣтали для этихъ боговъ жрецовъ. Ходаковскiй, при объясненiи слова: Князь [Сѣвер. Арх. 1834 № 11, стр. 228]

признавалъ Вел. Кн. Владиміра Архи-Жрецомъ Перуна, обвинялъ Карамзина за то, что онъ не признавалъ его жрецомъ Перуна, а только *имѣвшимъ отличное усердіе къ богамъ*. Полевой соглашается съ мнѣніемъ Ходаковскаго [Истр. Р. Н. Т. I. пр. 149]. Несторъ, упоминая о убіеніи Варяга для жертвы Перуну, не говоритъ, что были жрецы. Во всемъ, что касается до Русской древней Исторіи, мы болѣе должны вѣрить Нестору, нежели современнымъ выдумкамъ. Безъ того, что будетъ наша Исторія?

2. Изъ боговъ другихъ Славянскихъ народовъ наши миѳографы вносили все имъ извѣстное, не разбирая справедливо ли это, или ложно. Часто видимъ въ ихъ описаніяхъ такія опущенія въ исторической критикѣ, что превышаютъ всякую невѣроятность. Списывая Стрыйковскаго, они не замѣчаютъ, откуда онъ почерпалъ; вѣрятъ Герберштейну и Петрею, хотя послѣдній самъ выбиралъ изъ перваго.

Боги, принятые ими въ Славяно-Русскую Миѳологію, суть: 1. Бѣлъ-богъ, 2. Черно-богъ, 3. Ютра-богъ, 4. Святи-богъ, 5. Триглава, 6. Диднлія, 7. Зѣвана, 8. Зимцерла, 9. Марцана, 10. Пій, 11. Сива, 12. Флинцъ, 13. Золотая Баба, 14. Кродо, 15. Проно, 16. Іомайла, 17. Радегастъ, 18. Погода, 19. Ясса, 20. Вода.

3. Изъ Рюгенскихъ боговъ внесены: 1. Святовидъ, 2. Поревитъ, 3. Ругевитъ, 4. Поренучь.

4. Изъ Русской Демонологіи принято: 1. Домовой, 2. Водяной, 3. Лѣшіе, 4. Русалки, 5. Кикиморы. По видимому, къ этому разряду должно было отнести выдуманныхъ Глинкою: Стѣни, Лизуны, Куды, Черти, Бѣсы, но это произошло отъ его незнанія Русской семейной жизни. Наши Миѳологія и Демонологія существовали въ отдѣльныхъ видахъ. Первая осуществлялась самымъ дѣломъ, вторая существовала только въ разсказахъ и преданіяхъ.

5. Изъ Русскихъ сказокъ сотворили богами: 1. Горыню, 2. Дубыню, 3. Полкановъ, 4. Кащея, 5. Царя морскаго, 6. Чудо морское, 7. Ягу-бабу, 8. Чура, 9. Змѣя, 10. Сильнаго бога.

6. Изъ произвольно выдуманныхъ мнѣній явились богами: 1. Усладъ, 2. Донъ, 3. Бугъ, 4. Волховъ, 5, Посвистъ, 6. Ладо, 7. Лель, 8, Полель, 9. Коляда, 10. Купало, 11. Волоты, 12. Дѣтинецъ, 13. Славянъ, 14. Волхвъ, 15. Рудотокъ, 16. Ильмень, 17. Студенецъ, 18. Животъ, 19. Зничь.

Оканчивая наши изслѣдованія о Славяно-Русской Миѳологіи, надѣемся, еще поговоритъ въ другихъ мѣстахъ Сказаній Русскаго народа объ этомъ предметѣ. И кто бы не пожелалъ имѣть настоящую Славяно-Русскую Миѳологію отъ будущихъ Археологовъ?

ПѢСНИ РУССКАГО НАРОДА.

1838 года Января 1 дня, нижеподписавшійся, перебирая всѣ сборники Русскихъ пѣсенъ, печатанные въ Русской землѣ съ 1770 года по 1838, имѣлъ честь насчитать сто двадцать шесть изданій. Спрашивается: какъ издавали ихъ? по двѣ, по три, и даже по четыре тысячи экземпляровъ. Вѣрно этотъ грѣхъ на роду былъ написанъ издателямъ. Считая каждое изданіе, ограниченнымъ числомъ по 1000 экземпляровъ, мы найдемъ что 126,000 экземпляровъ, книгъ, книжечекъ, въ одной, въ двухъ четырехъ и даже въ 12 частяхъ, гуляютъ по Русскимъ городамъ и селамъ. Сколько же было читателей? Это такъ трудно исчислить, что труднѣе ничего не бываетъ на бѣломъ свѣтѣ. Пѣсенники читаютъ простолюдины и дочитываютъ до того, что не остается ни одного листа. Судя, по этимъ чрезвычайнымъ подвигамъ, мы полагаемъ, самымъ среднимъ числомъ, на каждый экземпляръ по 100 читателей и найдемъ, что ихъ было до 12,600,000. Что же стоютъ Русскіе пѣсенники? Очень дешево. По нашему обыкновенію книги покупаетъ одинъ человѣкъ и, по своей добротѣ, раздаетъ читать другимъ уже даромъ. Было время, когда пѣсенники продавались по 1, по 5, по 12 рублей, а теперь другіе продаются и по 25. Такая цѣна существуетъ пѣсенникамъ Чулкова и Новиковскаго. Мы положимъ самую низкую цѣну пѣсенникамъ: по 1 рублю за каждый экземпляръ, и найдемъ, что Русскіе люди издержали на пріобрѣтеніе пѣсенниковъ 126,000 рублей. Примѣръ сбыта книгъ единственный въ Русской литературѣ.

Послѣ сего, нижеподписавшійся, въ раздумьи спрашивалъ: за чѣмъ же люди желаютъ новыхъ изданій пѣсенниковъ? Ужъ и этого имъ кажется мало! Пятьдесятъ лѣтъ для нихъ печатали пѣсенники, пятьдесятъ лѣтъ они сами читали ихъ. Не ужели такая охота у Русскихъ людей къ поэзіи? Странное дѣло! Желать однихъ пѣсенъ и болѣе ничего, ни на что не походитъ. Кажется, что такой охоты не бывало въ Греціи и Италіи, гдѣ народъ съ утра до вечера пѣлъ и плясалъ; а наши православные и ѣздятъ по баламъ, и торгуютъ, и сѣятъ хлѣбъ, и курятъ табакъ, да еще притомъ успѣли прочитать 126,000 экзем. однихъ пѣсенниковъ. Вѣрно тутъ кроется что-то не доброе!

Въ 1833 году, нижеподписавшійся, проѣзжая селенія Бѣжецкаго уѣзда, Тверской губерніи, спрашивалъ поселянъ: за чѣмъ они говорятъ такимъ страннымъ нарѣчіемъ? Ему отвѣчали: «насшей рици цисце въ свити ниту?» Тотъ же самый прислушиваясь къ желаніямъ православныхъ имѣть Русскія пѣсни, заглянулъ въ пѣсенники. Въ одномъ, напечатанномъ въ Санктпетербургѣ, 1819 года, въ 6 частяхъ, въ типографіи И. Глазунова, онъ нашелъ на заглавномъ листѣ:

«Новѣйшій, всеобщій, полный пѣсенникъ, или собраніе всѣхъ употребительныхъ, доселѣ извѣстныхъ новыхъ и старыхъ отборныхъ пѣсенъ, лучшихъ въ семъ родѣ писателей, въ шести частяхъ. Съ присовокупленіемъ арій и хоровъ изъ оперъ Русалки 4-хъ частей, Жоконда, Сендрилионы, Любовной почты, Ладоиски, Павла и Виргинія, Водовоза, Невидимки, Крестьяне или встрѣча незваныхъ, Посидѣлки, Оборотни, Алины, Іосифа прекраснаго, и изъ другихъ какъ прежнихъ, такъ и новѣй-

шихъ оперъ; изъ балетовъ: Русскiе въ Парижѣ, Праздникъ въ станѣ Русскихъ воиновъ, Русскiе въ Германiи, и проч. и проч. Раздѣленныя на любовныя и нѣжныя, пастушескiя, простонародныя, плясовыя и цыганскiя, забавныя и критическiя, военныя и патрiотическiя, свадебныя, хороводныя, святочныя и подблюдныя, театральныя, на арiи и хоры изъ новѣйшихъ оперъ и на пѣсни разнаго содержанiя и лучшихъ стихотворцевъ. П. Ш.»

Въ самомъ дѣлѣ г. П. Ш. собралъ все въ шести частяхъ, что сказалъ на заглавномъ листѣ. Кажется, что лучше этого и сдѣлать нельзя; но вышло напротивъ. Другiе издали лучше его. И этого было мало. Да отъ чего же мало? Отъ того, что ни одинъ издатель не хотѣлъ разгадать желанiй православныхъ людей.

По силѣ таковыхъ недоумѣнiй, городскихъ и сельскихъ, нижеподписавшiйся рѣшился принять осторожность въ своемъ дѣлѣ, рѣшился посмотрѣть на чужiя изданiя пѣсенниковъ, и открыть православнымъ людямъ всѣ неудачи издателей и собирателей Русскихъ пѣсенъ.

Въ Русской землѣ всѣ собиратели и издатели Русскихъ пѣсенъ были люди Русскiе, православные; только въ изданiе пѣснопѣнiя замѣшалась чужеземщина. Изъ собирателей и издателей одни померли, не исполнивъ своего намѣренiя; другiе еще живы, но ожидаютъ съ своими собранiями благопрiятнаго времени; иные уже давно исполнили его, но исполнили такъ, что совѣстно въ другой разъ и смотрѣть на ихъ исполненiя. Пятьдесятъ лѣтъ протекло въ приготовленiяхъ и опытахъ, а исполненiя никто не видалъ. Съ перваго взгляда эта нерѣшительность представляется непонятною до невѣроятности; но, разсматривая внимательно всѣ исполненiя редакторовъ, находимъ вѣрныя данныя, объясняющiя всѣ неудачи. Препятствiя заключаются въ самыхъ изданiяхъ: издатели не понимали своего предпрiятiя, а читатели не находили желаемаго. Ни одинъ издатель не въ правѣ жаловаться на невниманiе къ его трудамъ: почитатели Русскихъ пѣсенъ прiобрѣтали одно изданiе за другимъ. Оправдали ли они себя изданiями? Рѣшительно нѣтъ! Мы не говоримъ о тѣхъ людяхъ, которые прiобрѣтаютъ пѣсенники отъ скуки: этотъ классъ самый многочисленный, безъ всякихъ притязанiй. Для нихъ издавались пѣсенники тысячами. Есть люди, желающiе изданiя Русскихъ пѣсенъ истинно народныхъ, неподдѣланныхъ, во всей ихъ простотѣ и грубости: для нихъ не было ни одного изданiя.

Обращаемся и къ собирателямъ Русскихъ пѣсенъ и къ издателямъ пѣсенниковъ. Въ обозрѣнiи ихъ предпрiятiй мы увидимъ всѣ успѣхи и неудачи.

Первая честь собранiя Русскихъ пѣсенъ принадлежитъ П. А. Демидову, жившему въ Тулѣ въ половинѣ XVIII вѣка. Съ его сборника два раза были напечатаны древнiя Русскiя стихотворенiя гг. Якубовичемъ и Калайдовичемъ.

Незабвенный исторiографъ, Н. М. Карамзинъ помышлялъ объ изданiи Русскихъ пѣсенъ. Современникъ Чулкова и Новикова, свидѣтель первыхъ изданiй нашихъ пѣсенниковъ, онъ живо чувствовалъ всѣ недостатки, желалъ издать самъ и призывалъ другихъ. Мы не знаемъ ни о его собранiи, ни о планѣ изданiя; знаемъ только, что его желанiя не сбылись; знаемъ, что его желанiя часто повторялись любителями Русской старины. Призванный къ великому дѣлу, онъ оставилъ свое предпрiятiе, занявшись исключительно Исторiей Государства Россiйскаго.

Сопиковъ, извѣстный Русскiй Библiографъ, занимался собранiемъ Русскихъ пѣсенъ, но не успѣлъ издать. Горькая участь постигла его сборникъ: по Русскому обычаю, онъ переселился на толкучiй рынокъ. Здѣсь прiобрѣлъ его г. С. Я. лично слышалъ отъ него, что Сопиковъ составилъ его изъ старыхъ и новыхъ пѣсенъ. Г. С. передалъ его извѣстному собирателю пѣсенъ П. В. К.

Князь Цертелевъ въ 1820 году объявилъ въ Вѣстникѣ Европы и Сынѣ Отечества о намѣренiи своемъ издать собранiе старыхъ Русскихъ стихотворенiй. Въ 1822 году, онъ вторично объявлялъ о томъ же

приглашалъ даже желающихъ подписаться на его изданіе: «Духъ Русской поэзіи, или собраніе старинныхъ стихотвореній.» Князь Цертелевъ раздѣлялъ свое собраніе на двѣ части: въ первой предполагалъ издать — пѣсни *хороводныя, святочныя, свадебныя*, во второй: *стихотворенія Элегическія, Анакреонтическія, краткія описанія и повѣствованія.* Для подписчиковъ онъ напечаталъ отрывокъ изъ своего собранія въ Сѣверномъ Архивѣ 1822 г. № 17, стр. 399. Въ этомъ образсчикѣ находятся пѣсни извѣстныя въ изданіяхъ Чулкова и его послѣдователей. Полнаго собранія князь Цертелевъ не успѣлъ издать.

Въ 1832 году Историкъ Русскаго Народа, Н. А. Полевой объявилъ въ издаваемомъ имъ тогда журналѣ, Московскомъ Телеграфѣ, [№ 13, стр. 115,] объ изданіи Русскихъ пѣсенъ. Имѣя тогда обширное собраніе — болѣе 600 пѣсенъ, онъ предполагалъ раздѣлить ихъ на десять *отдѣленій:* 1 — историческія думы, 2—баллады, 3 — простонародныя пѣсни, 4 — солдатскія, 5 — казацкія, 6 — разбойническія, 7 — хоровыя, 8 — свадебныя, 9 — подблюдныя, 10 — сатирическія. Къ изданію обѣщался приложить: *варіанты, примѣчанія*, а въ началѣ книги *историческое и критическое изслѣдованіе о древней народной Русской поэзіи.* Къ общему сожалѣнію, это драгоцѣнное собраніе еще доселѣ не издано. Можетъ быть, мы увидимъ его со временемъ гораздо полнѣе и лучше.

П. В. Кирѣевскій давно уже занимается собраніемъ нашихъ народныхъ пѣсенъ. Въ 1834 году, онъ отдалъ г. Максимовичу въ альманахъ Денница, на 1834 годъ, пять пѣсенъ. Пѣсни напечаны были съ примѣчаніями. Издатель Московскаго Телеграфа напечаталъ (въ № 2, стр. 335, 1834 года,) возраженіе на эти примѣчанія: «*Историческая поправка замѣчанія къ Русской народной пѣснѣ.*» Въ своемъ замѣчаніи, Н. А. Полевой доказывалъ что пѣсня, сочиненная на осаду Пскова, по предложенію Кирѣевскаго, находится съ пропусками и состоитъ изъ двухъ разныхъ и притомъ не одного времени. Очевидцы говорятъ, что собраніе Г. Кирѣевскаго состоитъ изъ весьма драгоцѣнныхъ пѣсенъ. Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ этого собранія. Зачѣмъ медлить, почтеннѣйшій П. В. Кирѣевскій? Скорѣе, скорѣе дарите насъ своими сокровищами.

Г. Племянниковъ отыскалъ одну колыбельную пѣсню весьма замѣчательную по своимъ оборотамъ, мыслямъ и древности. Эта пѣсня была напечатана въ альманахѣ Денница на 1831 годъ; а потомъ была перепечатана Н. А. Полевымъ въ Московскомъ Телеграфѣ [1831 г. № 4, стр. 542], Гурьяновымъ въ его пѣсенникѣ.

А. С. Пушкинъ имѣлъ у себя собраніе Псковскихъ пѣсенъ и передалъ ихъ покойному Дельвигу. Мы не знаемъ, гдѣ теперь находится это собраніе.

Въ 1836 году въ ученыхъ запискахъ Московскаго Университета № X, стр. 186. была напечатана статья: «о свадьбахъ и свадебныхъ обрядахъ и обычаяхъ Русскихъ крестьянъ», сообщенная Профессоромъ *П. А. Страховымъ.* При описаніи свадебъ были напечатаны и 14 пѣсенъ. Къ сожалѣнію, мы не знаемъ, гдѣ были собраны эти пѣсни.

И. М. Снегиревъ при описаніи народнаго праздника «Красной горки», напечатаннаго въ Московскомъ Вѣстникѣ (1827 г. ч. 3. стр. 114,) помѣстилъ одну Тульскую обрядную пѣсню.

А. Г. Глаголевъ помѣстилъ въ XIX томѣ трудовъ общества Любителей Россійской Словесности Тульскія обрядныя пѣсни, въ описаніи народныхъ праздниковъ.

И. В. Васильевъ представилъ въ общество Любителей Россійской Словесности описаніе народнаго праздника «*Овсень*», съ двумя пѣснями, перепечатанными послѣ М. Н. Макаровымъ.

М. Н. Макаровъ, занимающійся съ давнихъ лѣтъ Русскою стариною, предпринималъ изданіе Русскихъ пѣсенъ. Въ 1826 году онъ помѣстилъ въ Вѣстникѣ Европы двѣ пѣсни при описаніи народнаго праздника «Овсень». Мы теперь не будемъ упоминать о его пѣсенникѣ, изданномъ въ 1809

году, въ Москвѣ, съ передѣлками и поправками народныхъ пѣсенъ.

1827 году, въ Московскомъ Вѣстникѣ (№ 23, стр, 351,) была напечатана статья: «о народныхъ праздникахъ», сочиненная В. Б. Броневскимъ. Здѣсь напечатаны были двѣ обрядныя Тульскія пѣсни.

Въ 1828 году было напечатано письмо какого то *Археофила* въ Московскомъ Вѣстникѣ. Здѣсь находится одна Тульская обрядная пѣсня.

Въ 1831 году въ Московскомъ Телеграфѣ, [№ 21, стр. 386,] были напечатаны: «свадебные обряды и обычаи крестьянъ Саратовской губерніи». Это описаніе, составленное Г. Леопольдовымъ, было напечатано съ 13 свадебными пѣснями въ полномъ описаніи, Саратовской губерніи 1839 г.

А. Х. Востоковъ собиралъ Русскія пѣсни, а въ 1817 году писалъ, что другія занятія отвлекаютъ его отъ исполненія. Съ тѣхъ поръ, мы ничего не знаемъ о его собраніи.

Вотъ все, что только могъ вспомнить о почтенныхъ собирателяхъ нашихъ народныхъ пѣсенъ. Можетъ были прежде и теперь есть другіе собиратели, мнѣ неизвѣстные; но пускай объ нихъ скажутъ будущіе издатели. Пѣсни, неизданныя собирателями, доселѣ составляютъ тайну, ввѣренную портфелямъ. Что объ нихъ можно сказать? Пѣсни, напечатанныя уже собирателями, извѣстны давно просвѣщеннымъ соотечественникамъ. Говоритъ объ нихъ, что онѣ хороши — это всякой знаетъ; достоинство ихъ неоспоримо; это созданіе Русскаго народа, великаго и высокаго въ своихъ дѣлахъ.

Редакція Русскихъ пѣсенъ началась съ 1770 года. Издатели въ огромныхъ массахъ предлагали свои сборники, стараясь вмѣстить въ нихъ все, что было имъ и дѣдамъ извѣстно. Исчисленіе такихъ сборниковъ утомительно до послѣдней возможности; мы обращаемся только къ замѣчательнымъ. По большой части, редакція выполнялась мелкими книжными торговцами, въ надеждѣ на выгодный сбытъ; самая малая часть удостоивалась только знатоковъ, принимавшихся за дѣло безъ всякихъ видовъ. Рыночные издатели заботились только объ огромномъ заглавіи, многотомномъ собраніи: отъ этого зависилъ выгодный сбытъ. На нихъ не дѣйствовала ни критика, ни добросовѣстность. Всѣ собранія состояли изъ стараго и новаго. Старое выбиралось изъ старыхъ пѣсенниковъ; новое вносилось изъ современныхъ произведеній. Однимъ до этого не было нужды, что они перепечатываютъ; былъ бы только: *полный, полнѣйшій, самый полный пѣсенникъ, новѣйшее собраніе изъ оперъ, арій, хоровъ, и балетовъ;* другимъ, хотя и знавшимъ это, стыдно было объявить, что они выдаютъ чужое за свое: каждый мечталъ объ открытіяхъ. Этого мало: ни одинъ изъ такихъ издателей не хотѣлъ вполнѣ передать народныя пѣсни. Для однихъ онѣ казались мужицкими, какими то чудовищными созданіями, неимѣвшими никакого достоинства; для другихъ, очищенныхъ вкусомъ чужеземныхъ произведеній, надобны были исправленія, сообразныя понятіямъ редакторовъ. Вотъ отъ чего въ пѣсенникахъ печатались народныя пѣсни въ обезображенномъ видѣ. Русское сокровище, пощаженное вѣками и Татарами, было уничтожаемо исправителями. Никто болѣе не прилагалъ такого усердія къ исправленію самобытныхъ Русскихъ пѣсенъ какъ Чулковъ, Поповъ, Макаровъ и Гурьяновъ. Подивимся снисходительности читателей и пожалѣемъ объ отважности издателей.

Все, сказанное нами объ редакціи народныхъ пѣсенъ было на самомъ дѣлѣ; для доказательства подтверждаемъ фактами и буквальными выписками изъ предисловій издателей.

Чулковъ, трудолюбивый собиратель Руской старины въ XVIII столѣтіи, первый приступилъ къ изданію Русскихъ пѣсенъ въ 1770 году. Въ продолженіе пяти лѣтъ онъ успѣлъ напечатать *четыре* части, а на шестой годъ его изданіе все было раскуплено. Въ 1776 году онъ вторично издалъ свой сборникъ, также въ четырехъ частяхъ. Предпріятіе Чулкова было самое замѣчательное; онъ первый осмѣлился къ новымъ

пѣснямъ тогдашнихъ *знаменитыхъ писателей* присоединить и старыя, народныя. Издавая свое собраніе, онъ писалъ въ *предувѣдомленіи:*

«Всякое дѣло требуетъ труда и прилежанія. Сколько я трудился въ собраніи сихъ пѣсенъ, о томъ вѣдаютъ тѣ люди, которымъ извѣстны безграмотные писцы наши, кои что пишутъ, того не разумѣютъ. Ихъ неискуство я находилъ почти во всякой пѣснѣ, такъ что индѣ ни стиха, ни рифмы, ниже мысли узнать мнѣ было можно; для этого принужденъ былъ *употреблять догадки.* И многія пѣсни въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по не разумѣнію переписчиковъ, служили для меня загадками, которыя непремѣнно *принужденъ я былъ отгадывать; а попадалъ ли я на сочинительскія мысли,* въ томъ заподлинно увѣрить мнѣ никого не возможно.

«Каждая часть сихъ пѣсенъ состоять будетъ изъ пѣсенъ разнаго сложенія какъ и сія первая; въ томъ числѣ будутъ: *театральныя, маскарадныя, подблюдныя, хороводныя, столовыя,* и словомъ всякаго рода.

«Въ разсужденіи малости страницы, въ какую мѣру печатается сія книга, принужденъ я былъ индѣ раздѣлять *одинъ стихъ на двѣ разныя строки,* и другое дѣлать сему подобное убѣгая отъ частаго безпорядка словъ.»

Вотъ въ чемъ состояла редакція пѣсенъ Чулкова. Изъ его словъ видно, что онъ: издавалъ пѣсни съ писанныхъ сборниковъ; исправлялъ пѣсни отъ того, что не находилъ въ нихъ ни стиховъ, ни рифмъ; раздѣлялъ стихи на двѣ строки для того единственно, чтобы въ маломъ форматѣ избѣжать безпорядка строкъ. Слѣдовательно Чулковъ самъ не сбиралъ пѣсни, не подслушивалъ ихъ въ селеніяхъ, а печаталъ прямо съ готоваго. Въ этомъ еще нельзя обвинять его; онъ, можетъ быть, имѣлъ свою цѣль. Но исправлять народныя пѣсни, передѣлывать по своему — никто не вправѣ: это принадлежитъ цѣлому народу, для котораго не осмѣлилось повредить и самое время.

Все исполненіе редакціи Чулкова состояло въ томъ, что онъ въ началѣ каждой части помѣщалъ новыя пѣсни, а потомъ старыя. Во всѣхъ четырехъ частяхъ его пѣсенника было напечатано: 800 пѣсенъ; но въ этомъ числѣ народныхъ было только: 336. Въ самомъ собраніи издатель не исполнилъ обѣщанія: нѣтъ пѣсенъ подблюдныхъ и хороводныхъ.

Въ 1780 и 1781 годахъ былъ напечатанъ пѣсенникъ въ шести частяхъ, въ Московской университетской типографіи. Вотъ его заглавіе:

«Новое, полное собраніе Россійскихъ пѣсенъ, содержащее въ себѣ: пѣсни любовныя, пастушескія, шутливыя, простонародныя, хороводныя, свадебныя, святочныя, съ присовокупленіемъ пѣсенъ изъ разныхъ Россійскихъ оперъ и комедій.»

Редакторы этого сборника доселѣ неизвѣстны; но, по общепринятому мнѣнію, онъ извѣстенъ въ народѣ подъ названіемъ *Новиковскаго пѣсенника.* Издатели скрыли цѣль своего изданія; но не могли скрыть исполненія. Первыя четыре части были перепечаны слово въ слово съ пѣсенника Чулкова, только послѣднія двѣ части составлены были изъ новыхъ. Всѣ тѣ же недостатки, какіе были въ собраніи Чулкова, повторились и въ этомъ сборникѣ. Эти два собранія пѣсенъ были образцами для всѣхъ послѣдующихъ изданій. Какъ пѣсенникъ Чулкова сдѣлался нынѣ чрезвычайною рѣдкостію, то компиляторы большею частію выбирали старыя пѣсни изъ Новиковскаго, ни мало не подозрѣвая первоначальнаго источника.

Въ 1791 году извѣстный Русскій литераторъ, И. И. Дмитріевъ издалъ въ Москвѣ пѣсенникъ:

«Карманный пѣсенникъ или собраніе лучшихъ свѣтскихъ и простонародныхъ пѣсенъ. Часть I, II, III.»

Въ первой части издатель помѣстилъ: *пѣсни нѣжныя,* писаныя его современниками; *пѣсни подражательныя простонародныя;* по второй части *веселыя; застольныя; военныя во вкусъ простонародныхъ.* Всѣ эти пѣсни были новаго произведенія, считавшіяся тогда весьма достойными пѣнія. Въ третій части были напечатаны: *пѣсни темничныя, былевыя, святочныя, свадебныя* одна и *хороводная* —всѣ взятыя изъ старыхъ народныхъ пѣсенъ.

Въ этомъ замѣчательномъ сборникѣ Русскія народныя пѣсни были изданы съ небольшими перемѣнами; но большая часть изъ нихъ уже напечатаны были въ пѣсенникѣ Чулкова. Почтенный издатель не означилъ своего имени на пѣсенникѣ; но онъ дѣйствительно былъ изданъ имъ. Еще въ 1818 году писалъ объ этомъ К. Ѳ. Калайдовичъ [см. Древ. Рус. стих. стр. 8, пр. 1.].

Въ 1788 году издатели исторіи Ваньки Каина помѣстили 64 пѣсни, сочиненныя будто этимъ негодяемъ. Съ такимъ ложнымъ присвоеніемъ онѣ до сихъ поръ извѣстны въ народѣ, хотя за долго до него были составлены. Что онъ ихъ пѣвалъ—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но чтобы онъ былъ современникъ Стеньки Разина — этому никто не повѣритъ.

Въ 1792 году былъ изданъ въ Санктпетербургѣ Поповымъ сборникъ пѣсенъ:

«Россійская эрата, или выборъ наилучшихъ, новѣйшихъ Россійскихъ пѣсенъ, по нынѣ сочиненныхъ; собралъ и сочинялъ Михайла Поповъ. 3 части.»

Въ предисловіи г. Поповъ изъяснялъ всю цѣль своего изданія; а объ старыхъ пѣсняхъ говорилъ:

«Со старинными пѣснями поступалъ я такимъ образомъ: по учиненіи онымъ изъ преогромныя стаи очень малаго выбора, потщался въ нѣкоторыхъ исправить не токмо разногласіе и мѣру во стихахъ, но и переставлялъ оные въ иныхъ съ одного мѣста на другое, дабы связь ихъ теченія и смысла сдѣлать чрезъ то плавнѣйшею и естественнѣйшею, чего въ нѣкоторыхъ изъ нихъ не доставало. Между тѣмъ внесены мною и такія пѣсни, которыя оставилъ я со всѣмъ безъ поправки, потому что нельзя было къ оной приступить безъ перемѣны ихъ слога, по которому единственно и заслуживаютъ онѣ вниманіе; ибо древность нарѣчія и естественная простота выраженія идей есть главное достоинство нашихъ пѣсенъ.»

Столь очевидное нарушеніе пѣсенъ указываетъ всю цѣль редактора. Русскія пѣсни помѣщены были имъ въ пятой книгѣ, второй части, съ особеннымъ заглавіемъ: «пѣсни простонародныя, святочныя, подблюдныя.» Свадебныя пѣсни съ особенными названіями: «На хорошество жениха, прельщающаго свою невѣсту: на перекоръ невѣсты съ женихомъ; на зовъ невѣстинъ жениха своего на дѣвичникъ.» Здѣсь въ первый разъ были напечатаны свадебныя пѣсни, только въ обезображенномъ видѣ.

Въ 1801 былъ напечатанъ свадебный сборникъ съ слѣдующимъ заглавіемъ.

«Веселая эрата на Русской свадьбѣ, или новѣйшее и полное собраніе всѣхъ донынѣ извѣстнѣйшихъ свадебныхъ ста тридцати трехъ пѣсенъ, употребляемыхъ какъ въ столицахъ, такъ и въ другихъ городахъ.

Въ 1804 году А. Ѳ. Якубовичъ напечаталъ: «древнія Русскія стихотворенія», съ рукописи, доставленной ему отъ Ѳ. П. Ключарева. При редакціи Якубовичъ выбралъ только, по его мнѣнію, лучшія стихотворенія изъ рукописи, а остальныя предполагалъ издать во второй части со временемъ. Въ 1818 году К. Ѳ. Калайдовичъ вторично издалъ это собраніе:

«Древнія Россійскія стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ и вторично изданныя съ прибавленіемъ 35 пѣсенъ и сказокъ, доселѣ неизвѣстныхъ, и нотъ для напѣва.»

Безцѣнная рукопись сохранилась для насъ удивительнымъ образомъ, съ именами П. А. Демидова и Кирши Данилова. Де-

мидову приписали только сбереженіе рукописи, а всю славу предоставили Киршѣ Данилову. Несправедливость этого усвоенія такъ очевидна, что издатель самъ высказалъ. Мы обратимся къ его предисловію:

«За открытіе и сохраненіе сихъ старыхъ памятниковъ Русской словесности, мы обязаны покойному Дѣйствительному Статскому Совѣтнику, Прокофію Акинфіевичу Демидову, для коего онъ, предъ симъ лѣтъ за 70, были списаны; послѣ смерти его, рукопись перешла къ М. М. Хозикову, а имъ уже подарена въ 1802 году его превосходительству Ѳедору Петровичу Ключареву. По разсмотрѣніи оригинала, онъ нашелъ ихъ довольно любопытными для просвѣщенной публики и поручилъ издать, служившему подъ начальствомъ его, воспитаннику Московскаго Университета, А. Ѳ. Якубовичу.

«Въ 1816 году, знаменитый саномъ, а еще болѣе любовію своею къ Русскимъ древностямъ, государственный канцлеръ, графъ Николай Петровичъ Румянцовъ, получивъ сію рукопись въ собственность, приказалъ мнѣ оную напечатать. Она писана въ листъ, на 202 стр. безъ наблюденія орѳографіи, безъ раздѣленія стиховъ; подъ каждою статьею, для игры на скрыпкѣ, приложены ноты. Рукопись оканчивается началомъ пѣсни о Стенькѣ Разинѣ:

А по краю было моря синяго,
А на усть Дону тихаго,
На крутомъ красномъ берегу
А стоитъ тутъ славный Азовъ городъ.

«Сочинитель, или вѣрнѣе собиратель древнихъ стихотвореній, ибо многія принадлежитъ временамъ отдаленнымъ, былъ нѣкто *Кирша*, безъ сомнѣнія, по Мало-Россійскому выговору Кириллъ, такъ какъ Павша Павелъ, Даниловъ, вѣроятно казакъ, ибо онъ изрѣдка воспѣваетъ подвиги храбраго сего войска съ особеннымъ восторгомъ. *Имя его было поставлено на первомъ, теперь уже потерянномъ листѣ древнихъ стихотвореній. За справедливость сего ручается г. Якубовичъ.* Въ 36 піесѣ: «да не жаль добра молодца битаго, жаль похмѣльнаго», гдѣ онъ самъ себя имянуетъ: «Кирилломъ Даниловичемъ», посвящая сіе произведеніе вину и дружбѣ. Мѣсто его рожденія или прибыванія означить трудно; ибо въ піесѣ: «три года Добрынюшка стольничалъ», на стр. 67 говоритъ сочинитель:

А не было Добрыни шесть мѣсяцовъ,
По нашему по Сибирскому словетъ полгода.

«По сему, не безъ вѣроятія, заключить можемъ, что нѣкоторыя изъ стихотвореній сочинены въ Сибири. Въ статьѣ: «Василій Буслаевъ» на стр. 73.

А нѣтъ у насъ такого пѣвца
Во славномъ Новѣгородѣ,
Супротивъ Василья Буслаева.

«И наконецъ, въ Чурилѣ игуменьѣ, на стр. 383, представляетъ себя жителемъ Кіевскимъ:

Да много было въ Кіевѣ Божьихъ церквей,
А больше того почестныхъ монастырей;
А не было чуднѣе Благовѣщенія Христова.
А у нашего Христова Благовѣщенья честнаго
А былъ у насъ-де Иванъ пономарь.

«Собиратель древнихъ стихотвореній долженъ принадлежать къ первымъ десятилѣтіямъ XVIII вѣка.

«Ноты стихотвореній скрыпичныя. Азбучныя ошибки ея исправлены Шпревичемъ, отцемъ, бывшимъ учителемъ музыки при Университетскомъ благородномъ пансіонѣ. Знатоки находятъ въ ней пріятные тоны.»

Вотъ полная исторія рукописи, собирателя, мнимаго сочинителя, редакціи и издателей. Мы обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на мнимаго сочинителя, Киршу Даниловича.

Издатели объявили, что древнія стихотворенія собраны были Киршею Даниловымъ; что онъ даже есть сочинитель нѣкоторыхъ піесъ; этого мало: они даже означили приблизительно время жизни его, мѣстопребываніе. Вѣроятно, что они, не зная о семейной жизни собирателя этихъ стихотвореній, П. А. Демидовѣ, забыли сказать истину, столь очевидную и прямую

Доселѣ еще никто не разсматривалъ редакцію древнихъ стихотвореній; никто не хотѣлъ вникнуть въ присвоеніе. Право, усвоенное издателями Киршѣ Данилову, осталось навсегда за нимъ; въ этомъ никто не сомнѣвался. Мнѣніе, продолжающееся тридцать лѣтъ, трудно поколебать: но истина требуетъ своего. Вотъ почему осмѣливаюсь предложить противныя мнѣнія издателямъ, осмѣливаюсь сказать, что это усвоеніе Киршѣ Данилову не справедливо. Предлагаютъ свои доказательства.

Пѣсни принадлежатъ многимъ вѣкамъ и многимъ людямъ. Что они не одного времени, въ этомъ удостовѣряютъ насъ піесы, лицы, упоминаемыя въ нихъ, изложеніе мыслей, предметы; что они разныхъ людей, это доказываютъ версификація стиховъ, принятая мѣра для оборота мыслей, даже разныя историческія свѣдѣнія. Настоящій собиратель былъ П. А. Демидовъ, жившій въ Тулѣ въ половинѣ XVIII столѣтія, любившій собирать всѣ рѣдкости. Рукопись перешла отъ него Хозикову, потомъ къ Ключареву и Калайдовичу. Я зналъ и доселѣ знаю обыкновенія Тульскихъ бояръ сбирать пѣсельниковъ и сказочниковъ, слушать пѣсни и сказки. Потѣшники, такъ называли въ старину этихъ людей, принимали на себя всѣ увеселительныя должности. Они за деньги нанимались: лежать мѣсяцъ на одномъ боку; простоять недѣлю на одной ногѣ; бѣгать на пристяжкѣ вмѣстѣ съ лошадью; выпивать непомѣрное число воды. Всѣ рѣдкости записывались граматнымъ дворовымъ человѣкомъ. Потѣшники странствовали изъ одного мѣста въ другое во всю свою жизнь, и стекались толпами тамъ, гдѣ щедрость боярская давала имъ пріютъ. Потѣшника, какъ новаго гостя, приводили прежде всего посмотрѣть на боярческія очи. Дворецкій предлагалъ боярину искуство новаго потѣшника. Начиналась проба. Если потѣшникъ нравился боярину, то его оставляли гостить; онъ долженъ былъ и сказывать сказки, и пѣть пѣсни, и творить разныя продѣлки. Въ свободное время умный дворецкій заставлялъ его обучать дворовыхъ людей новымъ пѣснямъ и сказкамъ. Все это дѣлалось на случай, когда боярину бывало скучно, когда не являлось новыхъ потѣшниковъ. Въ скучные часы, дворецкій входилъ съ новыми пѣвцами и подавалъ книгу съ чудесными пѣснями и сказками. Бояринъ назначалъ пѣсни и сказки, а дворецкій распоряжался боярскимъ приказаніемъ. Таковы были въ старину увеселенія у И. въ селѣ Дѣдновѣ, у М. въ Яковлевскомъ, у И. въ Высокомъ у М. въ Горенкахъ. Это извѣстно многимъ тысячамъ людей, и я привожу въ доказательство всѣмъ извѣстное дѣло. Вотъ какъ составлялись сборники пѣсенъ и сказокъ.

Калайдовичъ говоритъ, что собирателемъ древнихъ стихотвореній былъ Кирша Даниловъ. На чемъ это основано? На томъ, что имя его поставлено было на первомъ листу рукописи. Гдѣ этотъ листъ? Калайдовичъ говоритъ, что онъ потерялся. Кто видѣлъ листъ съ подписью? Одинъ только издатель Якубовичъ, который, по словамъ Калайдовича, ручается за справедливость этого извѣстія. Вотъ на чемъ издатели основали усвоеніе древнихъ стихотвореній Киршѣ Даниловѣ. Кто видалъ старыя рукописи тому уже извѣстно, сколько бываетъ приписей на поляхъ страницъ. Можетъ быть подобная припись и дѣйствительно находилась.

Калайдовичъ, въ доказательство своего предположенія, приводитъ одну пѣсню, гдѣ упоминается Кирша Даниловъ. Но это только сказано въ одной пѣсни, и болѣе нѣтъ въ цѣлой рукописи, или въ 60 стихотвореніяхъ. Положимъ, что эта пѣсня сочинена Киршею Даниловымъ и то потому только, что здѣсь вставлено это имя; но сколько есть именъ въ остальныхъ пѣсняхъ? Не ужели мы будемъ каждому имени, упоминаемому въ пѣсни, присвоивать и сочиненіе? Этого на самомъ дѣлѣ не бываетъ. Калайдовичъ прискалъ въ рукописи слова для подкрѣпленія: «у насъ; по нашему; у нашего.» Въ этихъ словахъ заключаются удивительныя разнорѣчія. Если будемъ заключать изъ нихъ, то Кирша будетъ Сибирякомъ, Новгородцемъ, Кіевляниномъ. Можно ли на этомъ основаться? Рѣшительно нѣтъ. Видно, что всѣ эти лица были разныя; а иначе одинъ и тотъ же человѣкъ не могъ говорить о трехъ родинахъ.

Кромѣ того, у каждаго Русскаго есть своя замашка: хвастать своимъ городомъ, своею родиною. Самъ Калайдовичъ предполагалъ, что Даниловъ былъ Малороссіяниномъ. Какой же Мало-Руссъ будетъ хвастаться Московскими городами? Въ старину, одно имя Москаль было уже какимъ-то отчужденіемъ для Малороссіи.

Приведемъ еще одно важное доказательство. Древнія стихотворенія еще были извѣстны до перваго изданія ихъ 1804 году. Въ 1770 году Чулковъ помѣстилъ въ своемъ пѣсенникѣ, ч. 2 № 128. «какъ князь Романъ жену терялъ»; подъ № 121 — «какъ зачиналась каменна Москва.» Это было за 35 лѣтъ до изданія Якубовича, за 48 лѣтъ до изданія Калайдовича. В. А. Левшинъ имѣлъ у себя рукопись древнихъ стихотвореній, погибшую во время пожара. Изъ этой рукописи онъ напечаталъ нѣсколько стиховъ въ Русскихъ сказкахъ, изданныхъ имъ въ 1783 году, почти за двадцать лѣтъ до изданія Якубовича. Въ 1792 году издатель исторіи Каина напечаталъ одну пѣсню подъ № 33—«Усы». Въ 1796 году И. И. Дмитріевъ напечаталъ въ своемъ пѣсенникѣ «Никитѣ Романовичу дано село Преображенское» и описаніе корабля Сокола. Можетъ быть скажутъ, что все эти пѣсни, появившіяся до изданія Якубовича, списаны съ одной и той же рукописи Демидова. На это отвѣчаю: въ пѣсняхъ, изданныхъ до Якубовича, находятся разнорѣчія, а это самое и составляетъ различіе списковъ.

Не желая уничтоженія имени Кирши, мы бы охотно уступили всѣ доводы, чтобы только имѣть вѣрную опору. Во всякомъ случаѣ имя сочинителя было бы для насъ безцѣнно; дорожа истиною, мы остаемся, до времени, при своемъ мнѣніи. Грустно разставаться съ тѣмъ, къ чему мы привыкли тридцать лѣтъ, но грустнѣе быть обманутыми.

Что такое древнія Русскія стихотворенія? это смѣсь народныхъ думъ, поэмъ, пѣсенъ сказокъ и повѣстей. Къ повѣстямъ мы относимъ:» О князѣ Владимірѣ Кіевскомъ; о могучемъ богатырѣ Добрынѣ Никитичѣ; о Чурилѣ Пленковичѣ, объ Алешѣ Поповичѣ, о Васильѣ Богуславичѣ.» Источникъ этого произведенія находится въ Русскихъ сказкахъ и преданіяхъ. Историческая достовѣрность погибла; народные производители дополняли событія своимъ соображеніемъ. Соловей Будиміровичъ и Никита Романовичъ составляютъ образчики народныхъ думъ. Князь Романъ, Илья Муромецъ, Сорокъ каликъ — выражаютъ только остатки народныхъ поэмъ. Дурень есть вѣрный идеалъ народныхъ сказокъ. За то пѣсни здѣсь соблюдены во всей цѣлости. Многія піесы, разныя по порядку издателей, составляютъ одно цѣлое, истинно народное произведеніе. Здѣсь заключаются такіе предметы, что наши рапсодіи, вмѣстѣ взятыя, могутъ составить подобное въ родѣ Гомеровой Иліады. Соедините: «три года Добрынюшка стольничалъ, Добрыня Чудь покорилъ, Добрыня купался, Илья ѣздилъ съ Добрынею», и выдетъ полная народная поэма. Или составте въ одно группу богатырей Владиміровыхъ: Соловей Будиміровичъ, Василій Буслаевичъ, Алеша Поповичъ—и выдетъ богатырская повѣсть. Предвижу напередъ, что это назовутъ нововведеніемъ многіе; но оно на самомъ дѣлѣ было такъ и только произвольныя измѣненія редакторовъ ихъ разрознили по своему.

Въ 1810 году былъ изданъ въ Москвѣ сборникъ А. Калатилинымъ съ удивительнымъ заглавіемъ:

«Новѣйшій, всеобщій пѣсенникъ, или полное собраніе лучшихъ всякаго рода пѣсенъ, какъ-то: любовныхъ, нѣжныхъ, пастушескихъ, театральныхъ, издѣвочныхъ, выговорныхъ, военныхъ, или солдатскихъ, простонародныхъ, веселыхъ или театральныхъ, плясовыхъ, цыганскихъ, хороводныхъ, святочныхъ, подблюдныхъ, свадебныхъ, Малороссійскихъ, критическихъ, шутливыхъ, и проч. съ приведеніемъ арій и хоровъ, изъ оперы четырехъ частей Днѣпровской Русалки, Мѣльника, Сбитенщика, рѣдкой вещи, Діанина древа, Флейты, князя Невидимки, трубочиста, добрыхъ солдатъ, Калифъ на часъ, Рорина и любимъ, прикащика, своя ноша не тянетъ, двухъ охотниковъ, Федулъ съ дѣтьми, свадьбы Болдырева, Матрозскихъ шутокъ, крестьянинъ Маркизъ; и другихъ лучшихъ оперъ,

съ означенiемъ нѣкоторыхъ какой голосъ пѣсни и на какой случай сочинена. Въ трехъ частяхъ, расположенныхъ на тринадцать отдѣленiевъ. Собранныя Афонасьемъ Калатилинымъ.»

Не взыщите православные люди за выписку этого огромнаго заглавiя; не воля заставила выписывать. Чужеземные люди взяли изданiе Калатилина за образецъ и стали судить о народныхъ пѣсняхъ. Вацлавъ Олешка, издатель Галицiйскихъ пѣсенъ во Львовѣ, говорилъ что Русскiя пѣсни собраны и напечатаны были только Калатилинымъ. Странная участь! Почему къ нимъ не дошелъ пѣсенникъ Чулкова? Надобно же этому быть, чтобы чужеземцы судили о Русскихъ пѣсняхъ по уродливому изданiю Калатилина, съ примѣсью всякаго новаго вздора.

Первая часть сборника Калатилина составлена изъ новыхъ пѣсней. Мы объ этомъ не говоримъ. Во второй части напечатаны пѣсни простонародныя, плясовыя и цыганскiя. Нельзя вообразить себѣ до какой возможности изуродованы эти пѣсни. Издатель приписалъ и новыя пѣсни къ старымъ, безъ всякаго разбора. Въ третьей части помѣщены святочныя, хороводныя и свадебныя, прямо списанныя съ сборника Попова.

Съ наслажденiемъ и радостiю переходимъ къ запискамъ о Сибири, составленнымъ неизвѣстною Россiянкою. Почтенная соотечественница въ концѣ своей книги помѣстила Сибирскiя пѣсни. Это одно и единственное на Руси изданiе Русскихъ народныхъ пѣсенъ, напечатанное со всевозможною точностiю, имѣетъ неоспоримое преимущество предъ всѣми сборниками. Въ небольшомъ ея собранiи находятся: пѣсни хороводныя, святочныя, свадебныя. Сборникъ былъ изданъ въ Москвѣ, въ 1837 году, К. А. П. Хороводныя пѣсни имѣютъ всѣ признаки древности; но святочныя отличаются необыкновенною простотою, народностiю неподдѣланною. Въ нихъ все говоритъ Русскимъ духомъ, Русскимъ языкомъ. Кажется, что это одно искупаетъ всѣ недостатки прежнихъ издателей. Перечитывая Сибирскiя пѣсни, незамѣтно, какъ забываешь всѣ неудачи редакторовъ, невольно примиряешься со всѣми. Мы смѣло рекомендуемъ иностранцамъ этотъ сборникъ; они найдутъ здѣсь истинно народныя пѣсни, найдутъ пѣсни Русскiя, которыхъ они напрасно искали въ собранiи Калатилина.

Въ 1837 году, въ Москвѣ изданъ былъ сборникъ:

«Народныя Русскiя пѣсни, собранныя М. М.» Г. М. М. раздѣлилъ свое собранiе по отдѣленiямъ; въ первомъ находятся пѣсни *протяжныя*, во второмъ *скорыя*, *плясовыя*, *подблюдныя*, *свадебныя*. Всѣхъ пѣсенъ помѣщено 98. Мы объ этомъ собранiи ничего не можемъ сказать, потому, что издатель перепечаталъ ихъ изъ прежнихъ пѣсенниковъ; новыхъ мы не встрѣтили ни одной.

Въ 1835 году, въ Москвѣ, былъ изданъ сборникъ г. Гурьяновымъ съ слѣдующимъ заглавiемъ:

«Полный новѣйшiй пѣсенникъ, въ тринадцати частяхъ, содержащiй въ себѣ собранiе всѣхъ лучшихъ пѣсенъ, извѣстныхъ нашихъ авторовъ, какъ то: Державина, Карамзина, Дмитрiева, Богдановича, Нелединскаго-Мелецкаго, Капниста, Батюшкова, Жуковскаго, Мерзлякова, А. Пушкина, Баратынскаго, Козлова, Барона Дельвига, князя Вяземскаго, Θедора Глинки, Бориса Θедорова, Веневитинова, Слѣпушкина, и многихъ другихъ литераторовъ, расположенный въ отдѣльныхъ частяхъ для каждаго предмета. Собранный И-мъ Гурьяновымъ.»

Редакторъ, расположившiй свое собранiе по отдѣленiямъ, помѣстилъ въ первомъ: *военныя*, во второмъ и третьемъ *простонародныя* и *хороводныя*. Здѣсь вмѣстѣ съ новыми пѣснями смѣшаны старыя. Такъ въ числѣ народныхъ хороводныхъ пѣсенъ находятся — сочиненiя Пушкина, Раича, Жуковскаго, Θ. Глинки, Д. Новикова, Θеокритова, извѣстнаго намъ по Живописцу, бывшему въ Московскомъ Телеграфѣ. Въ

четвертомъ «Малороссійскія»; но, къ удивленію, мы встрѣтили здѣсь вмѣстѣ съ Малороссійскими и Русскія пѣсни. Его Малороссійскія пѣсни, числомъ 16, взятыя изъ разныхъ сборниковъ, извѣстны на Руси подъ названіемъ *Казацкихъ*. Въ пятомъ и шестомъ *театральныя*; въ седьмомъ *любовныя*; въ восьмомъ *свадебныя*, *святочныя* и *хороводныя*; въ девятомъ *плясовыя* и *пастушескія*; въ десятомъ *застольныя*, *дружескія* и *круговыя*; въ одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ избранныя новѣйшія; въ тринадцатомъ баллады старыя, новыя, и историческія. Всѣ эти старыя баллады и историческія пѣсни взяты изъ древнихъ стихотвореній, изданныхъ Калайдовичемъ. Во всѣхъ же тринадцати отдѣленіяхъ г. Гурьяновымъ напечатано 960 пѣсенъ.

Въ 1801 году былъ изданъ сборникъ: «Русскія пѣсни, сочиненныя въ селѣ Спасскомъ.» Издатель вмѣстѣ съ новыми пѣснями напечаталъ двѣ простонародныя № 31 и 36, съ сохраненіемъ въ правописаніи народнаго выговора. Таковы:

1—Ахъ! вѣць матушка голувушка болитъ. —
2—Лушка! ты вцора смапила.—

Всѣ прочія пѣсни этого сборника, кажется, не имѣли ни какого достоинства для печатанія; въ нихъ нѣтъ ни смысла, ни правильности языка.

Въ 1809 году, издавался въ Москвѣ, въ видѣ журнала, пѣсенный сборникъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ:

«Русское національное пѣснопѣніе. Часть первая.»

Издатель не означилъ своего имени; но оно было тогда всѣмъ извѣстно. Въ 1833 году, изъ обозрѣнія Русскихъ сказокъ, напечатаннаго въ Телескопѣ, мы узнали, что это изданіе было М. П. Макарова. Въ своемъ введеніи онъ писалъ:

«1. Издавать всѣ Русскія національныя пѣсни. 2. Когда только возможно, съ историческими подробностями о сочинителяхъ оныхъ, и на какой случай пѣсня была сочинена и въ которое время. 3. Сохранять красоту слога, чувства писателей, сущность и плавность гармоніи въ каждой пѣсни. 4. Стараться какъ можно, помѣщать пѣсни въ *костюмахъ* того времени, въ которое онѣ писаны были. 5. *Исправлять погрѣшности*, происшедшія въ оныхъ отъ разныхъ издателей и переписчиковъ; но такъ *исправлять*, чтобы *поправка въ слогѣ или цѣломъ рѣченіи*, *вновь выданномъ*, сохранила всю оригинальность, правильность и плавность древней поэзіи. 6. Помѣщать пѣсни и со всѣмъ вновь передѣланныя; но которыя во всемъ согласовались бы съ правиломъ, и которыя, такъ сказать, заключали бы въ себѣ одно и тоже существо, только въ *лучшемъ*, *привлекательнѣйшемъ* видѣ.

Макаровъ, объявивши объ исправленіи пѣсенъ, выполнилъ его на самомъ дѣлѣ. Вотъ его исправленія.

Помѣстивъ подъ № 1 пѣсню, доставленную къ нему какимъ-то почтеннымъ любителемъ Россійскаго пѣснопѣнія, говорилъ: «для приведенія въ настоящій стихотворный размѣръ, рѣшился самъ выправить излишности, которыя какъ въ гармоніи, такъ и мелодіи дѣлаютъ нѣкоторую шероховатость. Вотъ онѣ:

Въ подлинникѣ:
«До чего доводитъ сильнаго!»
Переправлено:

«Сдѣлалъ слѣдующее повтореніе, которыя вообще всѣ составляютъ красоту древней поэзіи;

Ай ты безгодье, ты безгодье злое.»
Въ подлинникѣ:
«Во чужой землѣ мнѣ могилушка.»
Переправлено:
«Во чужой странѣ могила мнѣ.»
Въ подлинникѣ:
«Ай какъ тошно братцы товарищи!»
Переправлено:
«Грустно, тошно мнѣ товарищи!»
Въ подлинникѣ:
«Ай какъ тошно, ай во чужбинушкѣ!»
Подлинникъ:

«Ай какъ тошно на чужбинушкѣ!»

Въ подлинникѣ:

«Въ поруганьецѣ.»

Переправлено:

«Въ поруганье.»

Въ подлинникѣ:

«Ай лиха Литва!»

Переправлено:

«Ты лиха Литва.»

Все это напечатано самимъ издателемъ на 16 и 17 стр. Мы не понимаемъ цѣли исправленія, потому что не находимъ ни какой надобности; но г. Макаровъ говоритъ: «подобныя перемѣны не могутъ обезобразить красоту сего творенія, потому что въ немъ сохранена цѣль автора.»

Пѣсня, помѣщенная на 25 стр. подъ № 4, совершенно передѣлана. Г. Макаровъ говоритъ: «здѣсь она помѣщена совсѣмъ переправленная, ибо и смыслъ и слова настоящей оригинальной сей пѣсни совсѣмъ неинтересны и составляютъ какой-то *пустой наборъ словъ*. Чтобъ дать какое нибудь понятіе объ оригиналѣ сей пѣсни, скажемъ, что въ ней только говорится: о фарфоровомъ стаканчикѣ, о серебряной воронкѣ съ коришневой водкой, что все вмѣстѣ составляетъ смѣшную безсмыслицу.» Въ пѣснѣ подъ № VI, на стр. 37, сдѣланы удивительныя перемѣны:

Въ подлинникѣ:

«Молодому холостому
Назолу даваетъ,
Молодой и холостой
Въ лужкѣ травушку примялъ.»

Переправлено:

«Молодецъ одинъ прекрасной,
Дѣвицѣ знакомой,
Часто по лугу гуляетъ,
Травку преминаетъ.»

Довольно этихъ образцовъ, чтобы показать до какой степени заботились прежде объ исправленіи и какъ тогда понимали народныя пѣсни. Не возможно вѣрить, чтобы люди приходили въ такое отчаянное положеніе разрушать самовольно вѣковыя созданія!

Въ составъ Русскаго національнаго пѣснопѣнія, г. Макаровъ вмѣстилъ: пѣсни; краткія историческія извѣстія о національномъ Россійскомъ пѣснопѣніи; краткое Славянское баснословіе, расположенное алфавитнымъ порядкомъ; что такое пѣть? Пѣсни выбраны г. Макаровымъ изъ пѣсенника Попова, о которомъ онъ говоритъ: «Изъ всѣхъ доселѣ вышедшихъ національныхъ пѣсенниковъ можно почесть исправными не болѣе двухъ или трехъ, изъ коихъ лучшимъ я считаю Россійское Эрато, изданное М. В. Поповымъ». Г. Макаровъ умалчиваетъ объ редакціи Попова, составленной изъ трудовъ Чулкова, въ самомъ обезображенномъ видѣ, и пѣсенъ своего произведенія. Другія пѣсни взяты: изъ исторіи В. К., изъ трудовъ его современниковъ. Въ число пѣсенъ взошли изъ древнихъ Русскихъ стихотвореній, изданныхъ Якубовичемъ, Иванъ Годиновичъ — передѣланный г. Макаровымъ, по просьбѣ пріятелей, «въ обыкновенный размѣръ, употребляемой въ новѣйшихъ Русскихъ бѣлыхъ стихахъ.» Мы приведемъ для любопытныхъ этотъ переводъ вмѣстѣ съ подлинникомъ.

Въ сборникѣ Демидова, изданномъ Калайдовичемъ, на стр. 135—Иванъ Годиновичъ.

«Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У ласкова, Осударь, Князя Владиміра вечеринка была,
На пиру у него сидѣли честныя вдовы.
Пригодился тутъ Иванъ Годиновичъ,
Проговоритъ ему стольной Кіевской Владиміръ князь!
Гой еси, Иванъ ты Годиновичъ!
А за чѣмъ ты Иванушка не женишься?
Отвѣчаетъ Иванъ, сынъ Годиновичъ.
Радъ бы, Осударь, женился, да негдѣ взять:
Гдѣ охота брать, за меня не даютъ;
А гдѣ-то отдаютъ, тутъ я самъ не беру.»

Въ преложеніи г. Макарова на стр. 350.

«Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,
Гдѣ владѣлъ Владиміръ князь,
Гдѣ доброты прославлялися
Осударя таво ласкова,
Гдѣ сіялъ онъ будто солнышко
Правотой души и милостью,
И любовью и согласіемъ.
Князь любилъ всегда весело жить;
Онъ давалъ пиры богатые,
Яствомъ, питьями наполнены
И гостями изобильные,

Въ одинъ день, когда былъ пиръ таковъ,
Къ нему съѣхались красавицы,
Со всѣхъ странъ тогда всѣ лучшія:
Чернобровы, черноглазыя,
Бѣлолицы и румяныя,
Станомъ, поступью прелестныя,
Всѣ въ уборахъ драгоцѣннѣйшихъ,
Такъ блистали, отличалися,
Что предъ ними гдѣ и солнышку
Возсіять такъ въ жаркой вешній день!
И во той же былъ въ компаніи
Молодецъ, красивъ, удаленькой,
Тотъ во Кіевѣ отличнѣйшій
Богатырь Иванъ Годиновичъ.
Князь любилъ его, какъ душеньку,
Называя рукой правою:
Во всѣхъ дивныхъ своихъ подвигахъ
Онъ ему вездѣ соратой былъ,
И во бранѣхъ и въ ристалищахъ,
Онъ совѣтникъ, вѣрный другъ его!
Князь Владиміръ между рѣчію
Такъ къ Ивану обращается:
Гой еси Иванъ Годиновичъ!
Ты хорошъ, пригожъ и милостивъ,
Ты дороденъ, добръ и храбръ душой;
Для чего-жъ, мой другъ, не женишься?
Аль красавицы всѣ Кіевски
Недостойны твоихъ выборовъ,
Чернобровы, черноглазыя,
Бѣлолицы и румяныя?
Отвѣчалъ ему Годиновичъ:
Радъ бы князь душой жениться я,
Радъ бы выбрать чернобровую,
Черноглазу, бѣлолицую
Бѣлолицу и румяную;
Но Годиновичъ несчастливой:
Его дѣвицы не жалуютъ,
Къ нему матери не ласковы,
И при нихъ онъ всегда лишнимъ былъ.»

Все, что въ сборникѣ Демидова помѣщено въ 11 стихахъ, г. Макаровъ сдѣлалъ изъ этого 50; а къ полной пiэсѣ прибавилъ въ прозѣ еще содержаніе на 8 страницахъ. Кажется, что это приложеніе лишнее, въ этомъ никто не будетъ спорить. Въ историческихъ извѣстіяхъ о Русскомъ пѣснопѣніи онъ писалъ: «Древность Россійскаго пѣснопѣнія теряется въ глубокомъ мракѣ временъ. Мы знаемъ еще только о тѣхъ пѣсняхъ, которыя сложены въ двѣнадцатомъ вѣкѣ.... Древніе поэты наши мало заботились о сохраненіи плавности и мѣры въ стихахъ своихъ, и старались только о точности въ изображеніи предметовъ.... Большая часть древнихъ и новѣйшихъ, національныхъ Русскихъ пѣсенъ составляетъ родъ какихъ-то плачевныхъ элегій, голоса ихъ протяжны и унылы до того, что нельзя никакъ, слушая хорошаго пѣвца, не почувствовать всю цѣну или вѣсъ пѣтой имъ пѣсни.... Наши старинные пѣснопѣвцы не наблюдали ни слоговъ, ни стопъ; словомъ правила стихотворенія, наука краснорѣчія не были извѣстны ни одному изъ древнѣйшихъ нашихъ поэтовъ.»

Мы просимъ читателей обратить вниманіе на сочиненіе г. Востокова — о Русскомъ стихосложеніи. Тамъ они увидятъ искуство Русскихъ пѣсенъ; тамъ они увидятъ всѣ правила, служившія нашимъ предкамъ для созданія пѣсенъ.

Славянское баснословіе выбрано г. Макаровымъ изъ сочиненія Чулкова: Аве-вега Русскихъ суевѣрій и миѳологіи Кайсарова. Выписываемъ еще одно мѣсто, гдѣ г. Макаровъ невольно вмѣстилъ отзывы современниковъ о Русскомъ пѣснопѣніи:

«Нѣкоторые пристрастники ко всему старому и прежнему хотятъ увѣрить, что Кашинъ перемѣнилъ, даже испортилъ настоящій голосъ пѣсни. Чудаки не чувствуютъ, что онъ самый тотъ же, только гораздо лучше, чище прежняго, и любитель Русской музыки долженъ сердечно благодарностію почтенному издателю журнала отечественной музыки.»

Редакція Русскаго пѣснопѣнія не произвела доселѣ ничего совершеннаго, сходнаго съ духомъ народнаго пѣнія. Издатели смотрѣли на этотъ предметъ совершенно съ другой точки зрѣнія, ни мало не обращая вниманія на народный характеръ. Все, что доселѣ сдѣлано для Русскаго пѣснопѣнія состоитъ въ слѣдующихъ изданіяхъ.

Въ 1790 году Прачь напечаталъ Русскія пѣсни съ голосами на музыку. Въ слабыхъ, невѣрныхъ мотивахъ издатель передалъ образчики разныхъ родовъ пѣснопѣнія, съ прибавленіемъ Италіянскихъ руладочекъ. Этотъ первый опытъ имѣлъ весьма невыгодное вліяніе на Русское пѣснопѣніе. По

изданію Прача Европа судила о Русскомъ пѣснопѣніи. И какой же былъ судъ! Знаменитый музыкальный сочинитель, Пейзелло, не хотѣлъ вѣрить, чтобы это было народное пѣснопѣніе; онъ рѣшительно считалъ его произведеніемъ искусныхъ композиторовъ. Неизвѣстный сочинитель *«о Руссой церковной музыкѣ»*, увѣряетъ, что трактатъ о пѣніи, напечатанный при изданіи Русскихъ пѣсенъ *Праға*, былъ написанъ Львовымъ. Изъ этого трактата докторъ Гютри составилъ сочиненіе: *о Русскихъ народныхъ пѣсняхъ»*, съ прибавленіемъ другаго своего: *«о Рускихъ музыкальныхъ инструментахъ»*. Фетисъ, въ своемъ сочиненіи — Исторія Философіи Музыки — заимствовалъ изъ брошюры Гютри о Русскомъ пѣснопѣніи. Вотъ каковы были слѣдствія этого изданія. Ни одно Русское слово не отозвалось въ защиту народнаго пѣснопѣнія; всѣ тогдашніе и современные композиторы остались безмолвными. Замѣтно, что Прачь изучалъ Русское пѣніе, видно, что онъ боролся съ исполиномъ; но онъ какъ восторженный композиторъ, заботился о мелодіи и гармоніи сообразно своему вкусу. Неуловимые Русскіе мотивы, поражавшіе его слухъ, остались навсегда собственностью народа. Пришлецъ посягнулъ на измѣненіе нашего пѣснопѣнія: вставилъ Русскія пѣсни въ нотныя рамки, заклеймилъ ихъ роковыми четвертями. Все то, что казалось ему не музыкальныхъ, онъ дополнилъ Италіянскими мотивами; все то, что было въ его глазахъ страннымъ, онъ уничтожилъ. Въ его время жилъ геніальный Русскій артистъ, Хантошкинъ, удивлявшій своимъ искуствомъ знаменитый дворъ Екатерины, этотъ Хантошкинъ, неимѣвшій въ Европѣ соперниковъ, постигшій за полвѣка всѣ музыкальныя тайны нашихъ современниковъ, жилъ въ одно время съ Прачемъ, разыгрывалъ Русскія пѣсни въ чертогахъ Екатерины, въ палатахъ бояръ и на площадяхъ. Прачь не понялъ духа Хантошкина, основаннаго на чистомъ народномъ пѣснопѣніи.

Редакція Прача состояла въ слѣдующемъ: 1 — раздѣлилъ пѣсни по времени народнаго употребленія; 2 — напечаталъ и текстъ пѣсенъ и нотъ на особенныхъ страницахъ; 3 — въ началѣ, вмѣсто предисловія помѣстилъ: *о Русскомъ народномъ пѣніи*. Въ этомъ обозрѣніи сказано:

«Мы называемъ гармоническія пѣсни *протяжными*, а мелодическія *плясовыми*. Плясовыя пѣсни у насъ по большой части веселаго содержанія, въ тонѣ MAGIORE, и поются скоро; протяжныя же почти всѣ MINORE, и поются тихо и умѣренно.

«Къ удивленію находимъ, что мы, въ народномъ пѣніи нашемъ наслѣдовали отъ древнихъ Грековъ не только раздѣленіе онаго на двѣ части; но въ протяженныхъ пѣсняхъ есть нѣкоторое ощутительное подобіе мелодіи и образъ сложенія оныхъ; ибо старинная наша пѣсня: «Ты воспой, воспой младъ жавороночекъ» — и другія начинаются выходкою одного голоса, а возвышаются потомъ общимъ хоромъ. Такъ точно расположена ода Пиндарова, имѣющая характеръ пѣнія — CONTO FERMO, Италіанцами называемаго. Большая часть нашихъ протяженныхъ пѣсенъ сей же самый характеръ имѣютъ.

«Протяженныя наши пѣсни старинныя суть самыя лучшія; сіе-то суть характерическое народное пѣніе, съ которымъ, при помощи даже искуства, въ наши времена сочиненныя, не могутъ равняться. Что же касается до плясовыхъ пѣсенъ, то старинныя не имѣютъ предъ нынѣшними сего преимущества; и хотя нельзя точно означить, кои суть изъ нихъ самыя старыя, но извѣстно то, что нынѣшнія пѣсни предпочтительнѣе тѣхъ, коихъ признаютъ старинными, по начальной простотѣ ихъ.

«Между плясовыми пѣснями есть еще особливыя болѣе образомъ пѣнія нежели сложеніемъ своимъ: ихъ называютъ *Цыганскими*, поелику подъ сіи только одни можно плясать по-Цыгански». Не знаю я, Цыгане ли сочинили сіи пѣсни, или они умѣли выбрать изъ нашихъ, придавъ имъ пѣніемъ своимъ такой живой нарядъ, съ которыми они весьма отъ Русскихъ отличны, и для скорой пантомимной пляски стали несравненно удобнѣе, будучи и для голоса лучше многихъ простонародныхъ.

«Свадебныя и хороводныя пѣсни весьма древни; между оными нѣтъ ни одной въ наше время сочиненной. Свадебныя пѣсни во всемъ пространномъ Государствѣ нашемъ и словами и голосомъ столько единообразны, что изъ нѣсколькихъ тысячь верстъ пришедшій по голосу оныхъ узнаетъ, въ которой избѣ свадьба. Хороводныя пѣсни также одинаковы; въ нихъ еще и по нынѣ употребляются припѣвы: Дидо, Ладо, и прочія имена языческихъ боговъ древняго Славянскаго поклоненія.

«Свойства Малороссійскихъ пѣсенъ и напѣвъ со всѣмъ отличны отъ Русскихъ; въ нихъ болѣе мелодіи, нежели въ нашихъ; но мнѣ неизвѣстна ни одна гармоническая Малороссійская пѣсня, которая бы равнялась со многими нашими протяженными. Употребленіе изъ древнихъ временъ между народомъ ихъ бандуры, помогло къ совершенію ихъ пѣнія, и во множествѣ Малороссійскихъ пѣсенъ есть музыкальныя пріятности, есть нѣкоторыя правила въ сложеніи оныхъ, нѣкоторая ученность, но вообще меньше характера.

«Сколько трудно было собрать голоса народныхъ, неписанныхъ, на нѣсколькихъ верстахъ разсыпанныхъ пѣсенъ, и положить оныя на ноту, часто съ фальшиваго пѣнія неискусныхъ пѣвцовъ, всякой легко представить можетъ; но трудность еще не меньше предстояла въ томъ, чтобы, не повредя народной мелодіи, *сопроводить оную правильнымъ басомъ, который бы* и самъ *былъ въ характерѣ народномъ*. Сіе однако съ возможнымъ раченіемъ исполнено было, и былъ положенъ почти вездѣ такъ, а индѣ весьма близко, какъ при исправномъ хорѣ въ народныхъ пѣсняхъ поютъ оный.»

Вотъ цѣль и направленіе Прача, предпринятыя имъ при изданіи Русскаго пѣснопѣнія. Мы не понимаемъ цѣли, для чего должно было придѣлывать басъ тамъ, гдѣ онъ не существуетъ. Съ этимъ дополненіемъ чистое народное пѣніе исчезло, характеръ разрушенъ и составилась композиція редактора, а не цѣлаго народа.

Собраніе Русскихъ пѣсенъ Прача выдержало три изданія. Первое изданіе было напечатано въ восьмую долю листа, въ 1790 году. Въ немъ Прачь помѣстилъ: *протяжныхъ* 33, *плясовыхъ* 42, *свадебныхъ* 6, хороводныхъ, 9, святочныхъ 1, Малороссійскихъ 6, а всего 97 пѣсенъ. Текстъ пѣсенъ, кромѣ не многихъ, перепечатанъ изъ пѣсенника Чулкова.

Второе изданіе пѣсенъ Прача было напечатано въ четвертую долю листа, въ 1806 году, въ двухъ частяхъ. Въ новомъ изданіи статья — о Русскомъ народномъ пѣніи превратилась въ Предувѣдомленіе, съ прибавленіемъ слѣдующаго:

«Въ Россіи сочинители народныхъ пѣсенъ со всѣмъ неизвѣстны, и слѣдовательно оныя болѣе принадлежатъ всему народу. По содержанію нѣкоторыхъ изъ нихъ можно догадаться, что сочинители были: казаки, бурлаки стрѣльцы, старыхъ служебъ служивые люди, фабричные, солдаты, матросы, ямщики; но начало старинныхъ пѣсенъ, какъ-то: свадебныхъ и хороводныхъ скрывается во мракѣ древности.»

Въ первой и второй частяхъ втораго изданія было напечатано: протяжныхъ 48, плясовыхъ 60, хороводныхъ 10, святочныхъ 6, свадебныхъ 10, Малороссійскихъ 16. Второе изданіе, составленное изъ 150 пѣсенъ, отличается отъ перваго смѣшеніемъ: въ число святочныхъ взошли хороводныя, а хороводныя помѣщены въ протяжныхъ и плясобыхъ. Здѣсь болѣе показывается отступленнія отъ Русскаго пѣснопѣнія. Многія мѣста написаны такъ, что нѣтъ ни одного Русскаго звука.

Современникъ намъ по редакціи пѣснопѣнія, ветеранъ по занятіямъ, Д. Н. Кашинъ, издалъ въ Москвѣ, въ 1833 году —

«Русскія народныя пѣсни, собранныя и изданныя для пѣнія и фортопіано.»

Труды почтеннаго Кашина извѣстны были еще въ концѣ XVIII столѣтія, какъ лучшаго тогда композитора. Было время, когда его пѣсни, пѣтыя Сандуновой, при-

водили въ восхищеніе всю Москву. Въ 1808 и 1809 годахъ онъ издавалъ музыкальный журналъ отечественной музыки. Здѣсь помѣщались сочиненія его и другихъ музыкальныхъ современниковъ. Но важный подвигъ и, кажется, окончательный состоитъ въ изданіи Русскаго пѣснопѣнія. Посвящая соотечественникамъ свои пѣсни, онъ писалъ:

«Долговременно почерталъ я изъ обильнаго источника наши лучшія народныя пѣсни, богатыя собственною, неподражаемою музыкою; внимательно вслушивался въ ихъ гармонію, и передалъ бумагѣ во всей простотѣ напѣва народнаро, безъ украшеній, безъ вымысловъ, всегда разрушающимъ истинное достоинство такого рода музыки.

«Быть можетъ, что при всемъ попеченій моемъ изложить вѣрно напѣвы не оправдалъ я точнаго хода оныхъ. Въ такомъ случаѣ да простятъ меня; я не переписывалъ пѣсенъ, а собиралъ большею частію съ голосомъ, что доказываютъ пѣсни, не токмо никогда непечатанныя, но даже ни кѣмъ ноты неположенныя. Къ сему неизлишне прибавить, что пѣвцы не всегда въ исполненіи единообразны.»

Вотъ отчетъ г. Кашина о своей редакціи. Онъ не объяснилъ намъ: гдѣ пѣли пѣсни, положенныя имъ на ноты? Гдѣ собраны были эти пѣсни? Въ каждой пѣсни видно, что редакторъ заботился о сохраненіи единообразія; ему непремѣнно нужно было подвести всѣ пѣсни подъ одинъ избранный мотивъ. Справедливо ли это? Никто доселѣ изъ Русскихъ не говорилъ о томъ. Мы представляемъ свои мнѣнія, основанныя на мѣстныхъ наблюденіяхъ, и желаемъ, чтобы другіе указали намъ вѣрныя наблюденія.

Всѣ ошибки редакторовъ пѣснопѣнія происходили изъ двухъ источниковъ: 1 — украшать Русскія народныя пѣсни сообразно Италіянскимъ мотивамъ. Таково было направленіе Прача. 2 — Придерживаться одной избранной темы во всѣхъ пѣсняхъ. Таково было направленіе Кашина. Какъ гибельны такія направленія, всякой можетъ представить, а что онѣ не нужны, въ этомъ никто не усомниться. Русскія пѣсни не имѣютъ никакой надобности въ исправленіи. Созданныя народомъ, подъ вліяніемъ особенной жизни, неизвѣстныхъ обстоятельствъ, онѣ имѣютъ свои красоты, несвойственныя другимъ народамъ, свои тоны, созданные для Русскаго пѣснопѣнія самими Русскими. Заботясь о единствѣ пѣснопѣнія, мы легко можемъ увлечься въ крайности. Каждый городъ, каждая деревня имѣютъ свои напѣвы. Положимъ, что въ Россіи есть пятьдесятъ мѣстъ, гдѣ поютъ одну и туже пѣсню въ различныхъ напѣвахъ. Редакторъ, избравши одну пѣсню для своего сборника, возметъ эту пѣсню и положитъ ея голосъ на ноты, сообразно своей идеи. Будутъ ли тогда напѣвы этой пѣсни имѣть народный характеръ? Безъ сомнѣнія нѣтъ. Въ такой редакціи всѣ пѣсни сольются въ одно мечтательное пѣніе; народное пѣснопѣніе, отличное мѣстными характерами, исчезнетъ. Положимъ, что редакторъ возметъ напѣвъ пѣсни извѣстнаго мѣста и положитъ на ноты такъ, какъ онъ извѣстенъ тамъ. Съ перваго взгляда лучше этого и желать нельзя; но, вслушиваясь въ напѣвы этой же пѣсни другихъ мѣстъ, увидимъ, что есть какія-то различія: Съ такимъ условіемъ редакція становится неудовлетворительною. Отсюда, само собою, возникаетъ необходимость различія народнаго пѣснопѣнія по областямъ. Этого необходимаго условія не встрѣчаемъ ни въ изданіи Прача, ни Кашина. По крайнѣй мѣрѣ надобно желать, чтобы редакторы пѣснопѣнія отличали въ своемъ сборникѣ напѣвы пѣсенъ, подслушанныхъ ими въ томъ или другомъ мѣстѣ. Мы часто слышимъ жалобы, что нельзя положить напѣвы нашихъ пѣсенъ отъ того, что Русскіе люди поютъ ихъ различно и при томъ фальшиво и невѣрно. Сколько здѣсь несправедливаго! Поютъ пѣсни различно отъ того, что каждая область имѣетъ свой особенный напѣвъ; поютъ фальшиво отъ того, что композиторъ, услышавши въ первый разъ Русскую пѣсню, полагаетъ уже за вѣрное, что только такой напѣвъ существуетъ для этой пѣсни; потомъ услышитъ во второй разъ напѣвъ этой же пѣсни изъ другой области, считаетъ его уже невѣрнымъ, фальшивымъ. Изучать Русское пѣснопѣніе должно по разнымъ городамъ, а не въ кабинетѣ. Въ

такомъ изученіи можно еще встрѣчать доселѣ незамѣтныя оттѣнки — характеръ народнаго выговора. Въ пѣснопѣніи областной выговоръ производитъ чрезвычайныя измѣненія. Послушайте только Москвича, Суздальца, Олончанина, Сибиряка, и эти измѣненія будутъ поразительны до невѣроятности. Перейдите отсуда къ Московскимъ Цыганамъ. Въ ихъ пѣніи найдете совершенно иные мотивы. Отъ чего это? Вникните только въ выговоръ Цыганъ, и вы разгадаете тайну ихъ пѣснопѣнія. Олончанинъ самую протяжную пѣсню поетъ тамъ скоро, что Москвичъ гораздо продолжительнѣе пропоетъ плясовую, какъ она ни скоро поется. Въ этомъ различіи скрывается одно и тоже условіе — выговоръ мѣстный. По теоріи гармонія и мелодія должны бы все это уравнять; но съ Русскими пѣснями выходитъ напротивъ: народный напѣвъ создаетъ для теоріи свою мелодію, свою гармонію. Не думаемъ, чтобы кто нибудь возразилъ намъ, что въ нашемъ народномъ пѣснопѣніи нѣтъ теоріи, и что даже мы это утверждаемъ. Напротивъ, наше пѣснопѣніе имѣетъ свою вѣрную теорію, утвержденную вѣками; но, къ несчастію, ни одинъ композиторъ не изучалъ нашей теоріи; этого мало, ни одинъ изъ нихъ никогда не говорилъ даже, что она существуетъ.

Мы привели только краткія замѣчанія, извлеченныя изъ опыта, указали на разности пѣснопѣнія, какъ на дѣйствительное событіе, современное намъ; но такой обширной предметъ, требуетъ многотомнаго изложенія, основаннаго на опытныхъ доказательствахъ. Предоставляемъ эту завидную участь другимъ.

—

Мнѣнія Русскимъ литераторовъ о народной поэзіи столько были различны, сколько были различны ихъ понятія о народныхъ произведеніяхъ. Въ постепенномъ сравненіи ихъ сочиненій мы увидимъ всѣ разности.

Въ 1809 году было напечатано въ Москвѣ: «*разсужденіе о древней Русской словесности.*» Неизвѣстный сочинитель начинаетъ свое разсужденіе съ временъ незапамятныхъ, а въ послѣдствіи, обращаясь къ пѣсни о полку Игоревомъ, говоритъ:

«Сія пѣснь писана самымъ древнимъ, простонароднымъ языкомъ, который гораздо труднѣе понимать находящагося въ нашей Библіи. Не надобно развивать ее по правиламъ Аристотеля, Горація или Буало; она не есть правильная эпическая поэма, и не заключаетъ въ себѣ ни какихъ чудесныхъ вымысловъ. Сочинитель ея былъ, конечно, человѣкъ неученный, но ученикъ простой природы, съ которой картины свои онъ описывалъ вѣрно и удачно. Нашъ стихотворецъ любитъ сравненія и аллегоріи; онѣ вездѣ чрезвычайно кратки, правильны и матеріалы для нихъ всѣ отечественные. Вообще слогъ фигуренъ и чрезвычайно стихотворенъ, часто встрѣчаются одушевленія. Дарованіе стихотворца нашего особенно является въ описаніяхъ.»

Послѣ этого онъ переходитъ къ сборнику Демидова — Древнія Русскія стихотворенія. Любопытны понятія сочинителя объ этомъ изданіи.

«Большая часть сихъ пѣсенъ или повѣстей, писанныхъ стихами, особливо тѣ, въ которыхъ прославляется Владимиръ, суть ничто иное, какъ простонародныя Русскія сказки, и наполнены самыми нелѣпыми вымыслами. Думаю, что древность сихъ стихотвореній никто защищалъ не станетъ. Ктобъ ни былъ сочинитель сихъ сказокъ, но онъ долженъ быть безъ всякихъ познаній въ древней исторіи своего отечества; слѣды испорченнаго вкуса и самаго уродливаго воображенія, повсюду видны въ его сочиненіяхъ. Хотя онъ писалъ и не въ среднихъ вѣкахъ, но всѣ онѣ дышутъ духомъ сихъ варварскихъ временъ, которыхъ грубость и жесткость вселяютъ къ нимъ отвращеніе.

«Только съ одной стороны заслуживаютъ онѣ вниманіе критики и всѣхъ любителей Русской поэзіи: въ стопосложеніи ихъ находится большое расположеніе, которому даже соотечественники Гомера, говорившіе самымъ музыкальнымъ языкомъ въ свѣтѣ, и называвшіе всѣ прочіе варварскими, не могли бы не удивиться. И что всего чуднѣе: сочинитель никогда не слыхивалъ о Хореяхъ, Ямбахъ, Дактиляхъ, однако-жъ у него большая часть стиховъ

выходятъ самые правильные и даже музыкальные.»

Мы избрали только сущность сего разсужденія, чтобы постепенно указывать направленіе нашихъ писателей въ началѣ XIX вѣка. О вѣрности такихъ понятій, мы ничего не можетъ говорить; онѣ тогда были хороши и почитались даже важными. Еще въ 1818 году писалъ А. Х. Востоковъ: «отсылаю читателя къ разсужденію о древней Русской Словесности, въ которомъ находятся весьма справедливыя замѣчанія о древности, объ анахронизмахъ и о характерѣ преданій.»

Несправедливымъ понятіямъ о Русской народной поэзіи, вѣроятно, не будетъ конца. Доселѣ еще смѣшиваютъ даже самыя слова простонародныя пѣсни съ народною поэзіею! Что такое простонародныя пѣсни? Вообще полагали, что это самое низкое произреденіе черни, народа грубаго, непонятнаго. Думать такъ, будетъ очень несправедливо. Несовременная намъ чернь сотворила Русскія пѣсни; она только сохранила ихъ, тогда какъ другіе классы совершенно ихъ забыли, даже гнушались, предпочитая имъ Французскіе вздоры. Русскія пѣсни принадлежатъ всему Русскому народу; онѣ произведеніе цѣлаго народа. Вотъ отъ чего писатели, смотрѣвшіе на народныя пѣсни, какъ на грубое произведеніе черни, впадали въ крайности и давали превратныя сужденія. Поэзія боярина, поэзія мужика — всегда будетъ одна и та же поэзія, если только она будетъ геніяльнымъ произведеніемъ. Рыбакъ Ломоносовъ развѣ не былъ поэтомъ, а онъ явился изъ простонародія. Такія ошибки мы находимъ общими нѣсколькихъ лѣтъ, гдѣ люди, какъ бы сговорились, говорить не справедливое на перекоръ всего справедливаго. Удѣлъ неизбѣжный для человѣчества!

Гораздо ошибочнѣе являются у писателей понятія о языкѣ народныхъ пѣсенъ. Это такая смѣсь всякой всячины, что доселѣ никто не думалъ исправлять ихъ. Пѣсни наши новы, старыхъ мы не имѣемъ — вотъ общее мнѣніе. Справедливо ли это? На чемъ основано? Гдѣ доказательства ихъ обновленія? гдѣ указанія на ихъ новость явленія? Объ этомъ никто изъ Русскихъ не думалъ. Кажется, съ перваго взгляда, это такъ легко разгадать, что оно само собою вызказывается; но это только будетъ хорошо для кабинетнаго занятія, гдѣ не нужны опытныя сужденія, требующія повѣрки. Трудъ неимовѣрный, невѣроятный предстоитъ тому, кто хотѣлъ бы судить по языку народныхъ пѣсенъ о времени ихъ произведенія. Для этого нужно имѣть понятія: о состояніи Русскаго языка въ разныхъ столѣтіяхъ; нужно знать до подробности Русскія областныя нарѣчія.

Во всѣхъ послѣднихъ семи столѣтіяхъ Русскій языкъ существовалъ въ двухъ отдѣльныхъ видахъ: въ книжномъ и разговорномъ. Языкъ книжной былъ языкъ Славянскій, составленный по формамъ Греческаго, Сербскаго и Русскаго. Первая отрасль его началась и созрѣла въ Кіевѣ, вторая родилась въ Новгородѣ, смѣшалась съ Русскимъ. Время составило изъ обоихъ этихъ отраслей нарѣчія областныя: Московское, Суздальское, Владимірское, Новгородское и Сѣверное — Архангельское, Сибирское, Заволожское. Каждое областное нарѣчіе имѣетъ свои подраздѣленія. Языкъ Славянскій, образованный въ Кіевѣ, сохраняется у Русскихъ доселѣ въ церковныхъ книгахъ; но онъ никогда не былъ языкомъ разговорнымъ, языкомъ живущаго народа. Всѣ областныя нарѣчія составляютъ нынѣ одинъ Русской языкъ, которымъ говорили прежде, говорятъ нынѣ и будутъ послѣ говорить. Самое обширное, самое многочисленное изъ областныхъ нарѣчій есть нарѣчіе Московское. Этимъ нарѣчіемъ говорили наши предки, говоримъ и мы, ихъ потомки. Для этого только нарѣчія есть у насъ грамматики, словари и книги, писанныя этимъ однимъ нарѣчіемъ. Для всѣхъ другихъ нарѣчій мы ничего не успѣли приготовить; не знаемъ даже ихъ составныхъ частей.

Каждый писатель за нужное считаетъ сказать что нибудь объ языкѣ народныхъ пѣсенъ; но всѣ эти разсказы оканчивалися общими выраженіями — стараго нѣтъ, все вновь составленное. Всѣ ошибки происходили и будутъ происходить отъ незнанія областныхъ нарѣчій. Пѣсни народныя по

языку принадлежатъ къ Московскому областному нарѣчію, разговорному; въ нихъ нѣтъ отрасли Кіевской, составленной по Греческимъ формамъ, которую мы привыкли видить въ Славяно-церковныхъ книгахъ. Наши писатели непремѣнно хотятъ видѣть древность языка только въ Славяно-церковныхъ формахъ, а этого-то и не бывало въ пѣсняхъ.

Къ числу древнихъ мы относимъ пѣсни святочныя, хороводныя, свадебныя, народно-праздничныя и часть историческихъ. Всѣ другія принадлежатъ XVII и XVIII столѣтіямъ.

Въ 1812 году была напечатана статья въ С. Петербургскомъ Вѣстникѣ — о Русскомъ стихосложеніи А. Х. Востокова. Почтенный сочинитель въ 1818 году перепечаталъ свое сочиненіе отдѣльною книгою — подъ названіемъ: «опытъ о Русскомъ стихосложеніи.»

По нашему мнѣнію этотъ опытъ представляется однимъ изъ лучшихъ сочиненій о Русской народной поэзіи. А. Х. Востоковъ разсматривалъ только одну сторону нашей народной поэзіи — стопосложеніе. Мы приводимъ его сужденія.

Народныя наши пѣсни, говоритъ Востоковъ, принадлежатъ къ стихосложенію тоническому, сочиняющемуся по удареніямъ. Русской языкъ, по его понятію, принимаетъ только 9 стопъ: 5 *простыхъ* — Ямбъ Хорей, Дактиль, Анапестъ и Амфибрахій, и 4 *сложныхъ* — 4 хъ Пеоновъ. Объ Русскихъ стихахъ онъ пишетъ:

«Народное стихосложеніе Русское, т. е. складъ пѣсенъ, въ новѣйшія времена начинаетъ перемѣняться. Пѣсни старинныя и тѣ кои сочинены въ позднѣйшее время, разпознать можно по разности стихосложенія. Къ стариннымъ принадлежатъ не только лѣтъ за сто сочиненныя, но даже и тѣ простонародныя пѣсни, кои лѣтъ 40 или 50 предъ симъ сложены; ибо онѣ всѣ отъ новѣйшихъ простонародныхъ же пѣсенъ отмѣняются Русскимъ размѣромъ. Первое, что замѣтитъ всякой въ стихахъ сего размѣра, есть то, что они изобилуютъ Пиррихіемъ. Можно насчитать до десяти и болѣе видовъ Русскаго размѣра, между коими разность только въ количествѣ и порядкѣ стопъ, строеніе ихъ даже одинаково — пиррихическое. Въ семъ стихѣ слышны только два, либо три долгіе слога; прочіе всѣ, и въ томъ числѣ обыкновенно послѣдніе два, иногда три слога, суть краткіе, такъ что стихъ оканчивается дактилемъ либо трибрахіемъ. Сіи только стопы на концѣ остаются непремѣнными и образуютъ, такъ сказать, риѳмическую основу стиха, котораго прочія части т. е. начало и средина не имѣютъ опредѣленнаго стопосложенія. Русской языкъ имѣетъ въ каждомъ словѣ, сколь бы оно ни было многосложно, по одному только ударенію, т. е. одинъ только слогъ повышается удареніемъ, а прочіе всѣ произносятся съ равнымъ пониженіемъ. Русское словоудареніе имѣетъ только два перехода, высокій и низкій. Когда слова занимаютъ свое мѣсто въ періодѣ, или въ стихахъ, тогда нерѣдко, по связи мыслей ими изображаемыхъ, сливаясь однѣ съ другими какъ бы въ одинъ составъ, теряютъ онѣ усиливаніемъ свое удареніе на счетъ близстоящихъ. Такъ и цѣлое предложеніе или періодъ, когда изображаютъ одну нераздѣльную купу мыслей, пріемлются какъ бы за одно большое сложное слово, коего составныя части должны по законамъ единства просодическаго, подчиняться одной главнѣйшей; а сіе неинаһе можетъ произойдти, какъ съ отнятіемъ у нихъ удареній. Главное удареніе почти приходится на первыхъ слогахъ рѣчи, и это обыкновенное его мѣсто. По сей-то причинѣ, хотя Русской языкъ изобилуетъ Ямбами и Анапестами, бываютъ однако сіи мѣры слышны только въ отдѣльныхъ словахъ, и еще развѣ въ короткихъ фразахъ; совокупленіе же нѣсколькихъ словъ оканчивается обыкновенно хореемъ, дактилемъ, трибрахіемъ.

«Въ Русскихъ стихахъ считаются не стопы, не слоги, а прозодическіе періоды, т. е. ударенія, по коимъ и должно размѣрять стихи старинныхъ Русскихъ пѣсенъ. Стихъ Русскій состоитъ изъ двухъ, либо трехъ прозодическихъ періодовъ. Мы опредѣлили объятность прозодическаго періода до 7-ми или до 8-ми слоговъ; однакоже въ Русскихъ стихахъ никогда онъ такъ великъ не бы-

ваетъ; а по самой большой мѣрѣ имѣетъ до 6-ти слоговъ, обыкновенно же по 4, по 3, нерѣдко и по два только слога, такъ что самой большой стихъ Русскій о 3-хъ удареніяхъ имѣетъ рѣдко болѣе 13 слоговъ и слѣдовательно величиною будетъ съ шестистопный ямбическій. Стихъ же о двухъ удареніяхъ соотвѣтствуетъ четырехстопному.

«Разсматривая всѣ сіи виды стиха Русскаго читатель согласится со мною, что ихъ употребляли не безъ разбора во всякомъ родѣ стихотвореній; но, что каждый родъ, по крайней мѣрѣ два главные Лирическій и Эпическій, имѣетъ также у Русскихъ свой опредѣленный размѣръ. И я дѣйствительно осмѣлюсь раздѣлить стихи нашихъ старинныхъ пѣсенъ на лирическіе—пѣсенные, и эпическіе—сказочные. Отличаю же одни отъ другихъ вотъ чѣмъ: главное свойство тѣхъ и другихъ есть равночисленность ударений; но пѣсенные стихи бываютъ притомъ, по большой части, равносложны и имѣютъ порядокъ удареній неизмѣняющійся; въ сказочныхъ же измѣняются какъ число слоговъ, такъ и порядокъ удареній.

«Пѣсенные стихи во всякомъ языкѣ бываютъ правильнѣе, или лучше сказать, единомѣрные повѣствовательныхъ, будучи сочиняемы подъ ладъ къ музыкѣ. Такъ и въ Русскомъ. Русскіе стихи сего года имѣютъ поровну въ себѣ слоговъ, а оныхъ по ровну и въ одинаковомъ порядкѣ ударенія. Мы раздѣляемъ Русскіе пѣсенные стихи, въ разсужденіи окончаній, на стихи дактилическаго, хореическаго а трибрахическаго окончанія.

«Русскіе стихи имѣютъ свои куплеты, какъ въ пѣсенныхъ стихахъ, такъ и въ сказочныхъ. Куплеты или строфы въ поэзіи всѣхъ народовъ образуются колѣнами пѣнія, въ такомъ случаѣ, когда колѣно заключаетъ въ себѣ болѣе одного стиха. Въ Русскихъ пѣсняхъ куплеты не содержатъ въ себѣ никогда болѣе 4-хъ стиховъ короткихъ, или 2-хъ длинныхъ, да и то послѣдствуемаго обыкновенно какимъ нибудь общимъ припѣвомъ, каковы напримѣръ: «ой Дидъ и Ладо, ой люли, люли, ой жги.» Другой образъ составленія куплетовъ Русскихъ есть безъ припѣва повтореніе только послѣдней половины одного стиха въ первой половинѣ другаго, съ нѣкоторою пояснительною прибавкою. Напр.

Ахъ, чтожъ ты голубчикъ невеселъ сидишь,
Не веселъ сидишь и не радошенъ?
Ужъ какъ мнѣ голубчику веселому быть,
Веселому быть и радошному.

«Еще другимъ образомъ составляются куплеты въ Русскихъ пѣсняхъ повтореніемъ первыхъ словъ каждаго стиха, или и обѣихъ половинъ онаго по два, по три раза и болѣе, чрезъ что половины сіи уже особенными, довольно длинными стихами дѣлаются.—

По горамъ, по горамъ,
И я по горамъ ходила.—

«Гармонія стиховъ Русскихъ наиболѣе слышна въ старинныхъ пѣсняхъ, и даже безошибочно можно утвердить, что чѣмъ стариннѣе пѣсня, тѣмъ чище и правильнѣе въ ней соблюлась сія форма ударятельнаго или Русскаго стихосложенія. Новѣйшія простонародныя пѣсни начинаютъ удаляться отъ онаго, приближаясь за то отчасу болѣе къ стопосложенію. и замѣняя уже складностью риѳмъ или созвучныхъ окончаній прежнюю складность, состоявшую токмо въ удареніяхъ; напротивъ того стариннымъ пѣснотворцамъ Русскимъ риѳмы были незнакомы; ибо ежели у нихъ и попадаются иногда созвучныя слова, въ концѣ ли, въ срединѣ ли или въ началѣ стиха, то оныя не съ намѣреніемъ пріисканы, а случайно и непринужденно.

«Стихи о трехъ удареніяхъ дактилическаго окончанія употребляются въ Русскихъ народныхъ сказкахъ или повѣствовательныхъ пѣсняхъ, каковыхъ мы имѣемъ печатное собраніе подъ именемъ древнихъ Русскихъ стихотвореній. Изъ 26 піесъ, помѣщенныхъ въ ономъ собраніи [перваго изданія) всѣ, кромѣ двухъ, сочинены симъ размѣромъ. Также и въ пѣсенникахъ печатныхъ, находящіяся между прочимъ повѣствовательныя пѣсни или романсы Русскіе имѣютъ сей же размѣръ. Первое удареніе сказочнаго стиха Русскаго можетъ перехо-

дить съ 1 слога на 2, и такъ далѣе: даже на 5 слогъ. Второе или среднее удареніе отдѣльно отъ перваго по крайней мѣрѣ отнимъ краткимъ слогомъ; но можетъ отдѣлять отъ онаго 4, 5 и даже 6 краткими, смотря по величинѣ стиха. Третье или послѣднее удареніе имѣетъ непремѣнное мѣсто на третьемъ отъ конца слогѣ. Такимъ образомъ съ тремя частями своими Русской стихъ принимаетъ болѣе ста варіацій.

«Каковъ ни есть Русской сказочной стихъ, но Русское ухо искони довольствовалось простою его гармоніею, которую любить оно еще и теперь, когда уже познакомились со стопами и риѳмами. Сказочный стихъ, имѣя всегда дактилическое, либо трибрахическое окончаніе, вообще не терпитъ у себя въ концѣ ни ямба, ни хорея, и превращаетъ оные въ пиррихіевъ.»

Мы буквально выписали изложенія А. Х. Востокова единственно для того, чтобы указать, какъ онъ смотрѣлъ на составъ Русскихъ стиховъ. Въ послѣдствіи увидимъ подражателей, принявшихъ за основаніе его понятія.

Князь Цертелевъ, занимавшійся собраніемъ Русскихъ пѣсенъ, напечаталъ двѣ брошюры:

1 — «О произведеніяхъ древней Русской поэзіи.» Спб. 1820.

2 — «Взглядъ на Русскія сказки и пѣсни и повѣсть въ духѣ старинныхъ Русскихъ стихотвореній.» Спб. 1820.

Объ Русскихъ пѣсняхъ Князь Цертелевъ писалъ.

«Всеобщіе пѣсенники, пѣсенники полные, новые и новѣйшіе суть иное что, какъ безпорядочный сборъ всякаго рода стиховъ, весьма часто изуродованныхъ услужливыми книгопродавцами, которые перепечатываютъ одно и тоже съ нѣкоторыми незначущими прибавленіями или выпущеніями; а иногда довольствуются даже перепечатываніемъ одного заглавнаго листка. Лучшее собраніе пѣсенъ есть изданное въ 6 частяхъ, въ Москвѣ, 1780 года, подъ названіемъ: новое и полное собраніе пѣсенъ Россійскихъ. Хотя въ собраніи семъ безъ разбора смѣшаны старинныя и новыя, Великороссійскія и Малороссійскія, печальныя и хороводныя, насмѣшливыя и военныя пѣсни; но изъ него можно бы было сдѣлать выборъ, составить довольно занимательную книжку для любителей старины.»

Князю Цертелеву, вѣроятно, не было извѣстно, что это новое собраніе пѣсенъ, извѣстное на Руси подъ именемъ Новиковскаго, было перепечатано съ изданія Чулкова, объ редакціи котораго мы уже сказали при началѣ.

«Кромѣ небольшаго числа праздничныхъ и хороводныхъ пѣсенъ дошедшихъ до насъ, можетъ быть, отъ временъ язычества, вообще судя по языку, древность Русскихъ пѣсенъ, хранящихъ въ себѣ духъ народной поэзіи, едва ли можно положить далѣе царствованія Петра Великаго; многія же относятся къ позднѣйшимъ временамъ и суть подраженія первымъ. Старинныя Русскія пѣсни весьма различны отъ нынѣшнихъ. Сочинители ихъ смотрѣли болѣе на чувства и мысли, нежели на форму. Отъ сего иногда бываетъ въ нихъ одно живое описаніе какого либо предмета, иногда нѣжная элегія, иногда шуточный романсъ, иногда странная баллада.»

Князь Цертелевъ ни чего не говорилъ ни о святочныхъ, ни освадебныхъ пѣсняхъ. Ихъ голосъ, ихъ составъ рѣчи — принадлежатъ къ древности. Этого нѣтъ ни въ новыхъ, ни въ среднихъ пѣсняхъ. У насъ есть много пѣсенъ, которыя составлены за сто лѣтъ до Петра Великаго: на это есть историческіе факты.

Было на Руси удивительное время, когда наши литераторы старались сочинять въ духѣ древнихъ пѣсенъ. Эту несчастную страсть началъ Н. М. Карамзинъ съ своего Муромца. Князь Цертелевъ написалъ повѣсть: «Василій Новгородскій въ духѣ древнихъ Русскихъ стихотвореній.» Въ повѣсти сей — говоритъ онъ — старался я удержать не только духъ богатырскихъ Рус-

скихъ сказокъ, но самыя выраженія, обороты и гармонію оныхъ; въ послѣдней однако же принаровился болѣе къ пѣснямъ; бралъ изъ тѣхъ и другихъ многіе стихи. Я даже употреблялъ приличныя имъ вольности, желая представить читателямъ сколь можно вѣрный образсчикъ старинной Русской поэзіи.» Вотъ начало этой повѣсти.

Какъ изъ славнаго Новагорода
Изъ-за быстрыя рѣки мутныя,
Что бѣжитъ, шумитъ въ Нево-озеро,
Чрезъ широкіе луга зелены,
За собой ведетъ брега красные.
Не бѣлой кречитъ вонъ выпархивалъ,
Выѣзжалъ удача молодецъ,
Сынъ боярина Новгородскаго,
Съ своимъ слугою вѣрнымъ;
А и ѣдетъ онъ во Кіевъ градъ,
Послужить хочетъ вѣрой правдою
Свѣту-солнышку Владиміру.

Эта повѣсть составляетъ Вавилонское смѣшеніе, такъ что съ трудомъ можно разобрать—откуда что взято. Вся повѣсть Василій Новгородскій составлена болѣе нежели изъ пятидесяти мѣстъ.

Въ 1828 году, въ Москвѣ, г. Дубенскій издалъ: «Опытъ о Русскомъ народномъ стихосложеніи.» Въ этомъ сочиненіи излагается одна только форма стихосложенія, какъ у Востокова; но старая народная поэзія разсматривается вмѣстѣ съ современною. Мы выписываемъ нѣкоторыя только его понятія о нашей поэзіи.

Понятія г. Дубенскаго о стопосложеніи и о формахъ стихосложенія одинакія съ Востоковымъ; но есть и свои особенности. Таковы:

«Пеоническіе и амфибрахическіе стихи употребительны болѣе въ народныхъ Русскихъ пѣсняхъ... Различіе нашего стихосложенія со стихосложеніемъ древнихъ будетъ состоять въ томъ: они начинали болѣе свои стихи съ долгихъ гласныхъ, употребляли чаще спондеическую мѣру, а мы замѣнили послѣднюю своими ямбами или хореями и трибрахіями, и будемъ начинать свои стихи съ короткихъ слоговъ, чего требуетъ пиррихическая плавность Русскаго языка. Такъ древніе наши бояны умѣли сотворить въ немъ количество: окружа двумя, тремя или четырьмя тихими звуками слогъ долгій, они дали имъ протяженіе во времени. Народъ, слѣдуя такту господствующей мысли, положимъ многосложной, пѣлъ смѣшанныя съ ними немногосложныя стопы подобно первымъ, т. е. протягалъ и сокращалъ слоги и не путался. Вотъ почему можно найдти въ народныхъ нашихъ пѣсняхъ спондеи, естественно вытекающіе изъ системы пѣсельнаго размѣра. Поставя два слога односложныхъ, ямбъ или хорей, тамъ, гдѣ слѣдовало стоять пеону или анапестопиррихію, наши слагатели пѣсенъ чрезъ то какъ указывали пѣвцу или читателю, что въ произношеніи должны они уравнивать количествомъ сіи двусложныя стопы съ трехсложными и другими многосложными стопами, подлѣ которыхъ стоятъ.

«Народное Русское стихосложеніе сочинялось по стопамъ особеннымъ, назову ихъ сложными: въ распредѣленіи ихъ слагатели пѣсенъ не держались ни какихъ теорій; вдохновеніе и чувство вели ихъ; напѣвъ, вѣрный имъ спутникъ, соразмѣрялъ слова по нѣкоторому тайному закону: такъ образовались всѣ наши стихотворные размѣры. Въ народномъ Русскомъ стихосложеніи риѳма дѣло постороннее; но попадается такъ, что ей ни чѣмъ не жертвовали; она вытекала изъ созвучія языка сама собою и оканчивала полустишія стиха или похожія стопы, не нарушая законовъ стихотворнаго размѣра... Народныя наши пѣсни, по господствующимъ въ нихъ стопамъ бываютъ: I—анапестическія чистыя и смѣшанныя, каковы: пеоническія, амфибрахическія: 2—дактилохореическія одностопныя, двустопныя, трехстопныя, четырехстопныя, пятистопныя, шестистопныя—ямбическаго, хореическаго, дактилическаго и трибрахическаго окончаній.»

Въ 1834 г. А. Г. Глаголевъ издалъ: «Умозрительныя и опытныя основанія словесности.» Въ трактатѣ — о средствахъ и способѣ отыскать средній языкъ Славянскій—говоритъ:

«Подъ именемъ лирической поэзіи разу-

мѣются однѣ народныя пѣсни, простое излiянiе чувствъ, внушаемыхъ природою.

«Русскую народную поэзiю можно раздѣлить на лирическую и повѣствовательную.

«Мѣра стиховъ нашей народной поэзiи тоническая, состоящая изъ повышенiя и и пониженiя голоса и опредѣляемая ударенiями.

«Къ лирической поэзiи относятся такъ называемыя голосовыя и хороводныя пѣсни.

«Голосовыя пѣсни можно раздѣлить на лиро-эпическiя и собственно лирическiя.

«Лирическiя пѣсни похожи иногда на романсъ, иногда на элегiю. Къ повѣствовательной поэзiи относятся: богатырскiя повѣсти.

«Хороводныя пѣсни достопримѣчательны по красотамъ поэзiи и по своему содержанiю, имѣющему характеръ древности. Хотя собственное предназначенiе хороводовъ въ продолженiи времени потеряно; однакожъ въ нихъ играхъ можно еще примѣтить слѣды праздниковъ Славянскихъ, и даже Латинскихъ и Греческихъ. Къ хороводнымъ пѣснямъ относятся также святочныя и свадебныя; первыя соединены съ гаданiями о будущемъ, а послѣднiя отличаются трогательными чувствами и истинными красотами поэзiи.»

Таковы мнѣнiя почтеннаго сочинителя книги, назначаемой для практическаго изученiя юношества. Мы не входимъ въ разборъ нихъ; онѣ сами говорятъ о себѣ. Въ понятiяхъ о стихосложенiи Русскомъ мы встрѣтили одинаковыя съ Востоковымъ и Дубенскимъ. Мы не понимаемъ значенiя словъ: «голосовыя пѣсни», потому что ими не выражается ни одной мысли. Всякая пѣсня можетъ быть голосовою, если только ее поютъ. Несправедливо также понятiе: о раздѣленiи хороводныхъ пѣсенъ. Доселѣ нѣтъ ни какихъ доказательствъ на чужеземное происхожденiе нашихъ хороводовъ; а къ хороводнымъ никогда не принадлежали ни святочныя, ни свадебныя. Что онѣ совершаются въ одно и тоже время, то это еще не означаетъ принадлежности. На святкахъ бываютъ у православныхъ людей свадебные пиры и поютъ пѣсни вмѣстѣ съ свадебными хороводныя и святочныя. Для отличiя пѣсенъ—многаго не нужно; довольно только знать: мысль пѣсни, голосъ, составъ и употребленiе. Съ этими условiями назначенiе очевидно. Русскiе люди знаютъ сами какую пѣсню когда употребить. Выдумывать нечего: все готово; только нужно вѣрное наблюденiе. Основанiе такимъ положенiямъ г. Глаголевъ началъ еще въ 1818 году, въ своихъ отдѣльныхъ описанiяхъ: «о характерахъ Русскихъ народныхъ пѣсенъ и о характерѣ Русскихъ застольныхъ и хороводныхъ пѣсенъ», помѣщенныхъ въ трудахъ общества Любителей Россiйской Словесности Т. XI. стр. 53 и XIX. стр. 62.

Въ 1837 году г. Иванчинъ-Писаревъ напечаталъ въ Москвѣ: «взглядъ на старинную Русскую поэзiю.» Сочинитель, отдавая полную справедливость нашей поэзiи, охуждая уваженiе и даже предпочтенiе къ чужеземнымъ, особливо Французской, говорить только о мысляхъ, о направленiи нашихъ пѣсенъ. Въ этомъ отношенiи его сочиненiе совершенно противоположно Востокову и Дубенскому. Г. Иванчинъ-Писаревъ вездѣ разсматриваетъ пѣсни съ эстетической стороны. Замѣтимъ одно, что онъ не придерживался ни чьей теорiи, за то не видно и его собстверной. Прочитавши всю его брошюру, нельзя дать точнаго отчета, потому что вся состоитъ изъ однихъ замѣтокъ. Вотъ его мнѣнiя.

Въ Русскихъ пѣсняхъ, любовникъ, разлучаемый съ милою, долго смотритъ на нее, и твердитъ самъ себѣ: «наглядитесь мои очи про *запасъ!*»—и пусть улыбнутся въ нашихъ будуарахъ простотѣ этихъ словъ; ибо тамъ, выступивъ изъ простоты сердечнаго быта, не возвратились еще къ ней по естетическимъ анализамъ.

«Гдѣ видимъ богатырство, удальство и силу болѣе соединенными съ великодушiемъ рыцарства, съ нѣжнымъ вниманiемъ къ

полу, сильными лишь своими прелестями?— въ древней Русской поэзіи. Гдѣ отзываются тѣ звуки сердца, которые склоняютъ дѣву презрить и храбрость Добрынь, и силу Рохдаевъ и славу Гаральдовъ смѣлыхъ, прислушиваясь къ жалобамъ горемычнаго сиротинушки?—въ древней Русской поэзіи. Гдѣ все дышетъ какою-то атмосферою непорочности, и свиты первыя мечты сердца? гдѣ любовь и покорность къ родителямъ, скромность и въ чувствѣ самомъ страстномъ?—не въ отзывахъ ли, которыми оглашались наши терема! Все это жило и въ пѣсняхъ дѣвическихъ бесѣдъ и въ самыхъ играхъ.»

Вторая половина брошюры заключаетъ: «мысли и замѣчанія, относящіяся къ этому сочиненію.» Г. Иванчинъ-Писаревъ обращаетъ всю строгость свою на почитателей Французской литературы и предполагаетъ открывать ошибки.

«Уподобляя все горькое калинѣ, все сладкое малинѣ, пѣли: «Ой Диди, калина, моя! Ой Ладо, малина моя!» Этотъ припѣвъ съ младенчества привыкъ я слышать у *себя въ деревняхъ* трехъ разныхъ *губерній*, въ уѣздахъ Серпуховскомъ, Каширскомъ и Мещовскомъ. Вотъ что рѣшило меня въ книгѣ: Отечественная Галлерея, Т. II, стр. 234, не согласиться съ исторіографомъ и другими, будто Дидъ значило великій, а также и съ тѣми которые дамали, что Дидъ Ладо значило старый мужъ. Противъ послѣдняго заключенія предложу въ примѣръ два періода: первый—«мы просо сѣяли, о боги любви!» Здѣсь мы находимъ, какъ и у всѣхъ древнихъ, разрывъ стиха или фразы воззваніемъ къ богамъ. Другой: «Мы просо сѣяли, о старый мужъ! сѣяли. Думаю, что послѣдній переводъ заставитъ лишь улыбнуться.»

Вотъ сужденія писателей о нашей народной поэзіи. Мы не входимъ въ разборъ другихъ мнѣній, какъ всѣмъ извѣстныхъ.

ПѢСНЬ
О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ.

ИЗДАНІЯ.

Пѣснь о полку Игоревомъ открыта въ старинномъ сборникѣ графомъ Алексѣемъ Ивановичемъ Мусинымъ-Пушкинымъ въ 1795 году. Кромѣ сего списка, сгорѣвшаго въ 1812 году, мы не знаемъ другаго. Объ этомъ странномъ открытіи Мусинъ-Пушкинъ писалъ въ 1813 году, въ письмѣ къ К. Ѳ. Калайдовичу, что рукопись: «писана на лощеной бумагѣ, въ концѣ лѣтописи, довольно чистымъ письмомъ. По почерку письма и по бумагѣ должно отнести оную переписку къ концу XIVв или къ началу XVв вѣка. До обращенія Спасо Ярославскаго монастыря въ Архіерейскій домъ, управлялъ онымъ архимандритъ Іоиль, мужъ съ просвѣщеніемъ и любитель словесности; по уничтоженіи штата, остался онъ въ томъ монастырѣ на обѣщаніи до смерти своей. Въ послѣдніе годы находился онъ въ недостаткѣ, а потому случаю коммиссіонеръ мой купилъ у него всѣ Русскія книги, въ числѣ коихъ въ одной, подъ № 323, подъ названіемъ Хронографъ, въ концѣ найдено Слово о полку Игоревѣ. Во время службы моей въ С. Петербургѣ нѣсколько лѣтъ занимался я разборомъ и преложеніемъ оныя пѣсни на нынѣшній языкъ, которая въ подлинникѣ хотя довольно яснымъ характеромъ была написана, но разобрать ее было весьма трудно, потому что не было ни правописанія, ни строчныхъ знаковъ, ни раздѣленія словъ, въ числѣ коихъ множество находилося неизвѣстныхъ и вышедшихъ изъ употребленія. Прежде всего должно было ее раздѣлить на періоды и потомъ добираться до смысла: что крайне затрудняло, и хотя все было уже разобрано; но я, не бывъ преложеніемъ моимъ доволенъ, выдать оную въ печать не рѣшался, опасаясь паче всего, чтобы не сдѣлать

ошибки. По переѣздѣ же моемъ въ Москву, увидѣлъ я у Ѳ. Малиновскаго, къ удивленію моему, переводъ мой очень въ неисправной перепискѣ, и по убѣдительному совѣту его и друга моего, Н. Н. Б. Каменскаго, рѣшился, обще съ ними, свѣрить преложеніе съ подлинникомъ, и исправя съ общаго совѣта, что слѣдовало, отдалъ въ печать» (Труды общ. Ист. и Др. ч. 2 стр. 35).

Въ 1797 году кто-то возвѣстилъ объ этой находкѣ въ Spectateur du Nord [Окт. стр. 35]: «два года тому назадъ открыли въ нашихъ архивахъ отрывокъ поэмы подъ названіемъ: пѣснь Игоревыхъ войновъ, которую можно сравнять съ лучшими Оссіановскими поэмами, и которая написана въ XII столѣтіи неизвѣстнымъ сочинителемъ.

Шлецеръ до изданія пѣсни Игоревой сомнѣвался въ ея подлинности, но когда прочиталъ ее въ изданіи Мусина-Пушкина, признавался: «что это твореніе въ піитической прозѣ есть древнее и даже подлинное; теперь и болѣе не сомнѣваюсь» [Нест. Шлец т. I. стр. 384.].

Въ 1800 году графъ Мусинъ-Пушкинъ издалъ въ Москвѣ это Слово подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Ироическая пѣснь о походѣ на Половцовъ удѣльнаго князя Новагорода-Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная стариннымъ Русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія, съ преложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе.» Издатель приложилъ къ ней: поколѣнную роспись Россійскихъ великихъ и удѣльныхъ князей, въ сей пѣсни упоминаемыхъ; историческое содержаніе пѣсни; примѣчанія. Это изданіе текста было образцемъ для всѣхъ восьми изданій.

1-е изданіе было напечатано въ Москвѣ, въ 1800 г. въ Сенатской тип. въ 4, въ двѣ колоны; текстъ былъ отпечатанъ курсивомъ, а переводъ прямымъ шрифтомъ; примѣчанія помѣщены въ концѣ страницъ.

2-е изданіе напечаталъ А. С. Шишковъ въ I. ч. сочиненій и переводовъ, издаваемыхъ Россійскою Академіею въ 1805 году, въ Спб. Издатель присоединилъ особенно свой переводъ и примѣчанія.

3-е изданіе напечаталъ Я. Пожарскій въ Спб., въ 1819 г. въ 4. въ тип. департамента народнаго просвѣщенія, въ двѣ колоны, какъ первое изданіе. Въ концѣ книги было присоединено: Примѣчанія на преложеніе слова о полку Игоря Святославича, изданное Графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ и примѣчанія Александромъ Шишковымъ.

4-е изданіе напечаталъ Н. Грамматинъ въ Москвѣ, вмѣстѣ съ переводомъ, въ прозѣ и стихахъ, въ 1823 году.

5-е изданіе было напечатано А. С. Шишковымъ въ его полномъ собраніи сочиненій, ч. XII, Спб. Спб. 1826 г., въ томъ самомъ видѣ, какъ мы означили выше.

6-е изданіе было напечатано Н. А. Полевымъ въ VI дополненіи къ третьему тому Исторіи Русскаго народа, въ 1830 году.

7-е изданіе напечаталъ А. Ѳ. Вельтманъ въ 1833 г., въ Москвѣ, вмѣстѣ съ прозаическимъ переводомъ, съ краткими въ концѣ примѣчаніями, въ 8.

8-е изданіе напечаталъ въ Кіевѣ, въ 1837 г., М. Максимовичъ, вмѣстѣ съ переводомъ на нынѣшній Русскій языкъ, въ 12.

Изданія текста Слова о полку Игоревомъ были напечатаны различно. Съ изданія Мусина-Пушкина перепечатали точь въ точь: А. С. Шишковъ, Я. Пожарскій, Н. Грамматинъ, Н. А. Полевой. Востоковъ совѣтовалъ раздѣлить Слово на стихи, подобные библейскимъ, и этотъ совѣтъ мы встрѣчаемъ въ изданіи Максимовича, у котораго числами означены періоды. А. Ѳ. Вельтманъ раздѣлилъ Слово на періоды, совершенно въ другомъ видѣ, въ сравненіи съ раздѣленіемъ Максимовича.

ПЕРЕВОДЫ.

Русскіе писатели, издавая текстъ Слова о полку Игоревомъ, объясняли его различ-

ными примѣчаніями, переводили, или, какъ говорили нѣкоторые, перелагали на современный языкъ. Переводы эти были изданы въ прозѣ и стихахъ.

Прозаическіе переводы были изданы слѣдующими писателями.

1. Мусинъ-Пушкинъ, вмѣстѣ съ А. Ѳ. Малиновскимъ и Н. Н. Бантышъ-Каменскаго издалъ свой переводъ въ Москвѣ, въ 1800 году, вмѣстѣ съ текстомъ.

2: А. С. Шишковъ издалъ свой переводъ, въ сочиненіяхъ издаваемыхъ Россійскою Академіею, въ 1805 г., а потомъ вторично перепечаталъ въ 1826 г., въ полномъ собраніи своихъ сочиненій, ч. VII.

3. Я. Пожарскій издалъ свой періодъ въ С. Петербургѣ, въ 1819 году, вмѣстѣ съ текстомъ.

4. Н. Грамматинъ издалъ свой переводъ въ Москвѣ, въ 1823 году, вмѣстѣ съ текстомъ.

5. А. Ѳ. Вельтманъ издалъ свой переводъ въ Москвѣ, въ 1833 году, вмѣстѣ съ текстомъ.

6. М. Максимовичъ издалъ свой переводъ въ Кіевѣ, въ 1387 году, вмѣстѣ съ текстомъ.

Переводы въ стихахъ были изданы слѣдующими писателями:

1. Сѣряковъ издалъ свой переводъ въ С. Петербургѣ, въ 1803 году.

2. Палицынъ издалъ свой переводъ въ Харьковѣ, въ 1808 году.

3. Язвицкій издалъ свой переводъ въ С. Петербургѣ, въ 1812 году.

4. Левитскій издалъ свой переводъ въ С. Петербургѣ, въ 1813 году.

5. Грамматинъ издалъ свой переводъ въ Москвѣ, въ 1823 году, вмѣстѣ съ текстомъ и прозаическимъ переводомъ.

Какъ переводили наши писатели Пѣснь о полку Игоревомъ, мы приводимъ для сличенія ихъ переводы.

Переводъ Мусина-Пушкина:

Пріятно намъ, братцы, начать древнимъ слогомъ прискорбную повѣсть о походѣ Игоря, сына Святославова! начать же сію пѣснь по бытіямъ того времени, а не по вымысламъ Бояновымъ. Ибо когда мудрый Боянъ хотѣлъ прославить кого, то носился мыслію по деревьямъ, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками.

Переводъ А. С. Шишкова:

Возвѣстимъ, братіе, о походѣ Игоря, князя Игоря Святославича, тѣмъ слогомъ, какимъ въ древнія времена многотрудныя повѣствовалися подвиги. Начнемъ пѣснь сію по бытіямъ сего времени, а не по замысламъ Бояновымъ. Когда Боянъ велерѣчивый кого воспѣть хотѣлъ, растекался мыслію по древамъ, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаки.

Переводъ Пожарскаго:

Не лучше ли намъ, братцы, начать старымъ слогомъ трудную повѣсть о полку Игоря Святославича! Начать же оную по бытіямъ сего времени, а не по замыслу Боянову. Ибо вѣщій Боянъ, когда хотѣлъ кому пѣснь творить, то носился мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по землѣ, сизымъ орломъ подъ облаками.

Переводъ Вельтмана:

Не славно ли, други, воспѣть древнимъ ладомъ высокихъ сказаній о подвигахъ Игоря—Игорь-Святъславича?

Былое воспѣть, а не вымыслъ, Бояна, котораго мысли текли въ вышину, такъ какъ соки, по древу:

Какъ сѣрые волки неслись по пространству, и сизымъ орломъ въ поднебесье парили.

Не славно ли было-бъ намъ, братья, начать старыми словами сборныхъ повѣстей

пѣснь ополченію Игоря, Игоря Святославича!

А начаться той пѣсни по былинамъ сего времени, хоть не по Бояному замышленію.

Боянъ вѣщій, если кому хотѣлъ пѣснь творить, то растекался мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, сизымъ орломъ по поднебесью.

Переводъ Левитскаго:

Намъ пріятно, братцы, пѣснь воспѣть
Древнимъ слогомъ—слогомъ жалобнымъ
О походѣ славна Игоря,
Не веселую—печальную!
Мы начнемъ ее, какъ слышали,
Не по замысламъ Бояновымъ.
Намъ извѣстно, что Боянъ пѣвецъ
Прославлять когда хотѣлъ кого,
То носился всюду мыслію:
По деревьямъ легкой птицею,
Чрезъ холмы будто сѣрой волкъ,
Какъ орелъ сизый подъ облаки.

Переводъ Грамматина:

Не воспѣти ли, любезны, милы братіе,
Мѣрой древней заунывной не воспѣти ли
О походѣ на Половцовъ Князя Игоря,
О походѣ неудачномъ Святославича?
Повѣсть, жалости достойная и вѣчныхъ слезъ.
А почнемъ мы по былинамъ сего времени,
Не по замыслу Бояна пѣснь почнемъ свою.
Пѣснь когда хотѣлъ творити сладку пѣснь Боянъ
Онъ по древу растекался смѣлой мыслію,
Онъ голоднымъ, сѣрымъ волкомъ рыскалъ по земли,
Зоркимъ, сизымъ онъ орломъ парилъ подъ облаки.

Есть еще новый переводъ пѣсни М. Дела Рю: *пѣснь объ ополченіи Игоря, сына Святославова, внука Олегова,* изданный въ Одессѣ, въ 1839 г. Новый переводъ сдѣланъ гекзаметрами.

Слово о полку Игоревомъ обратило на себя вниманіе чужеземцевъ. Его перевели: на Нѣмецкій — Юнгманъ, въ 1810 г., и Мюллеръ; на Польскій — Купріанъ Годебскій; на Богемскій—Вацлавъ Ганка, который одно предисловіе написалъ на четырехъ языкахъ: Богемскомъ, Сербскомъ, Польскомъ и Русскомъ; есть еще переводъ Французскій. Изъ всѣхъ этихъ переводовъ заслуживаетъ вниманіе только одинъ—Вацлава Ганки.

ИЗСЛѢДОВАНІЯ КРИТИКОВЪ.

Съ первыхъ дней изданія возникли споры въ защиту и уничтоженіе Пѣсни о полку Игоревомъ. Объясняли, переводили, спорили, а Пѣснь доселѣ остается неразгаданною. Мы не можемъ назвать этихъ споровъ даже полемикою; они такъ мѣлочны и ничтожны, что въ нихъ нѣтъ ни одного вѣрнаго доказательства, ни одного умнаго взгляда на это древнее произведеніе народной Русской поэзіи. Обращаемъ вниманіе на главныя причины, произведшія всѣ недоразумѣнія.

Съ перваго извѣстія объ открытіи Слова возвѣщено было, что это что-то такое, что походитъ на Оссіановское. Припомните, что это было объявлено въ 1797 году, когда Слово не было издано, когда кромѣ Мусина-Пушкина, никто его еще не видалъ. Это было первое сомнѣніе, гдѣ мнимое сходство повлекло за собою толки, недостойные критики. Съ начала говорили, что это есть новѣйшая выдумка — и это мнѣніе, умолкнувшее съ 1802 года, признаніемъ Шлецера, возобновилось опять, когда изыскатели вздумали не вѣрить нашей исторіи.

Второе сомнѣніе родилось изъ самого Слова: критики не знали — что это за языкъ, или, что это за нарѣчіе, на которомъ писано Слово? Здѣсь мы должны искать источники всѣхъ филологическихъ ошибокъ, превратныхъ понятій. Въ слѣдствіе этого, мы должны были встрѣчать въ каждомъ мнѣніи несообразности всякаго рода. Могутъ ли быть вѣрными всѣ изысканія, когда критикъ не понимаетъ главной мысли, той основной идеи, о чемъ онъ говоритъ? Можно ли было ожидать чего либо дѣльнаго, когда всѣ изысканія начинались и оканчивались невѣдѣніемъ.

Третье сомнѣніе составилось по необходимости изъ тогдашней Палеографіи. Издатель Пѣсни, Мусинъ-Пушкинъ, не извѣстилъ при выходѣ его: на чемъ писана? Когда? Какіе признаки древности? Какія были приняты правила для изданія ея?

Сохранены ли черты рукописнаго правописанія при печатаніи? Припомните, что Слово было открыто въ 1795 году, напечатано въ 1800 г., рукопись сгорѣла въ 1812, а письмо Мусина-Пушкина къ К. Ѳ. Калайдовичу о палеографическихъ признакахъ рукописи, писанное въ 1813 году, напечатано было въ 1824 г. въ 2 ч. въ трудахъ общества Исторіи и Древностей Россійскихъ. Эта неизвѣстность была причиною, что многіе сомнѣвались въ подлинности. Замѣтимъ однако, что рукопись до сгорѣнія не была тайною: ее видѣли: Н. Н. Б. Каменскій, А. Ѳ. Малиновскій, К. Ѳ. Калайдовичъ, А. И. Ермолаевъ, Н. М. Карамзинъ, Р. Ѳ. Тимковскій и Болтинъ. Вотъ сколько было свидѣтелей! Но, чтожъ они намъ сказали? Ермолаевъ говорилъ, что рукопись писана полууставомъ XV вѣка; Калайдовичъ почеркъ ея признавалъ Бѣлорусскимъ, не восходящимъ далѣе XVI вѣка. Почеркъ Бѣлорусскій и полууставъ — представляютъ совершенно разныя понятія о рукописи. Мусинъ-Пушкинъ писалъ: «подлинникъ писанъ довольно яснымъ характеромъ; разобрать его весьма трудно; нѣтъ ни правописанія, ни раздѣленія словъ, ни строчныхъ знаковъ; по почерку письма и бумагѣ должно отнести переписку къ концу XIV или къ началу XV вѣка.» Это третье свидѣтельство противорѣчитъ двумъ первымъ. Въ слѣдствіе этихъ недоразумѣній открылись новыя сомнѣнія между отвергающими древность Русской Исторіи.

Четвертое сомнѣніе проистекло отъ незнанія Русскаго языка нашихъ предковъ. У всѣхъ тогда предъ глазами былъ одинъ Славяно-церковный языкъ, и по немъ измѣряли всѣ памятники. Правда, что старая Русская литература доселѣ еще не приведена въ извѣстность, не смотря на тысячи фоліантовъ рукописей; но не смотря на это, разные памятники указывали ясно, что они такое. Видѣли отличіе разсказа въ лѣтописяхъ, сказаніяхъ, но не хотѣли оттѣнить всѣ эти разности: все сосредоточивалось въ одну мысль, въ общій Славяно-церковный языкъ. Народный языкъ, котораго слѣды остались въ лѣтописяхъ, дипломатическихъ актахъ и пѣсняхъ, какъ будто для тогдашнихъ критиковъ не существовалъ. Въ Пѣснѣ о полку Игоревомъ они не находили Славяно-церковнаго языка, не понимали, что это за языкъ, забывая рѣшительно народный общій разговоръ. Наши доморощенные скептики умѣли воспользоваться только этимъ сомнѣніемъ; но не знали также отличія языка народнаго и книжнаго; а иначе они должны были высказать намъ все, что есть рѣзкаго, замѣчательнаго въ подложности. Сдѣлать этого не могли: міръ не создалъ для ихъ сомнѣній ложныхъ доказательствъ.

Пятое сомнѣніе, весьма важное для тогдашнихъ критиковъ, явилось изъ сбивчивыхъ понятій о нашей народности. Неумышленное указаніе неизвѣстнаго въ 1797 году на сходство Пѣсни съ пѣснями Оссіана — доставило критикомъ обширное поле дѣятельности. Пошли писать о сравненіи, находили чужеземныя красоты, и сочинителя Слова поставили выше всѣхъ въ свѣтѣ. Для знакомыхъ съ Оссіаномъ нѣчего говорить о сходствѣ; они знаютъ, что пѣсни Оссіана столько же походятъ на наше Слово, сколько арабъ на бѣлаго Европейца. Впрочемъ скептики не могли воспользоваться этимъ сомнѣніемъ. Они, чуждые всѣхъ сравненій, искали другихъ средствъ убить Слово, и пораженіе ихъ отражалось на другихъ сомнѣніяхъ. Защитники доискивались причинъ подлинности въ красотахъ нашей поэзіи; но какія тогда существовали понятія объ этомъ? Мы знаемъ, какъ смотрѣло тогда наше старое поколѣніе, воспитанное по чужеземнымъ курсамъ, на народную поэзію—какъ указывали Братте, Лагарпъ и другіе. Слово о полку Игоревомъ не подходило ни подъ одинъ изъ этихъ курсовъ. Простая, безъ вычурныхъ украшеній, высказанная народнымъ геніемъ, наша поэзія создавалась столѣтіями, росла вмѣстѣ съ народомъ и увѣковѣчилась Русскою самобытностію. Гдѣ еще курсъ нашей народной литературы? Объ этомъ не подумало еще ни старое, ни новое поколѣніе. Можетъ быть, одно только потомство будетъ въ состояніи оттѣнить всѣ черты нашей народности, для насъ недоступныя; оно одно укажетъ, что мы могли сдѣлать для своего времени, и чего не могли.

Приступаемъ теперь къ обозрѣнію всѣхъ критическихъ изслѣдованій Пѣсни о полку Игоревомъ. Здѣсь мы увидимъ все, что су-

пѣли сдѣлать Русскіе писатели въ продолженіе сорока лѣтъ для оцѣнки одного изъ удивительныхъ памятниковъ нашей старой поэзіи.

Графъ Мусинъ-Пушкинъ къ своему изданію присовокупилъ вмѣсто предисловія — историческое содержаніе пѣсни, гдѣ мы прочитали на стр. 6: «Любители Россійской словесности согласятся, что въ семъ оставшемся намъ отъ минувшихъ вѣковъ сочиненіи видѣнъ духъ Оссіановъ; слѣдовательно и наши древніе герои имѣли своихъ Бардовъ, воспѣвавшихъ имъ хвалу.» Въ этихъ словахъ изыскатели высказали всѣ понятія, принадлежавшія ихъ вѣку. Примѣчанія издателей состояли изъ историческихъ замѣтокъ. По преданію извѣстно, что составленіемъ этихъ примѣчаній занимался извѣстный тогдашній критикъ Болтинъ. Въ числѣ ихъ находятся и филологическія изслѣдованія. На примѣръ: «*Буй* значитъ дикій, а *туръ* волъ. И такъ Буйтуромъ, или буйволомъ называется здѣсь Всеволодъ, въ смыслѣ метафорическомъ, въ разсужденіи силы и храбрости его. Вѣроятно, что изъ сихъ словъ составилось потомъ названіе: богатыря, ибо другаго произведенія оному слово до сихъ поръ не найдено. — *Сребрено стружіе* — воинскіе почестные доспѣхи. — *Крѣсити* — ясное здѣсь знаменованіе глагола крещу доказываетъ, что слово: воскресеніе точно отъ того происходитъ. — *Смага* — Малороссійское названіе жажда. — *Болонье* значитъ порожжее пространство между валовъ, окрестность города составляющихъ, которое служило для выгона скота, для огородовъ. — *Чага* — уповательно тоже, что и Кончакъ князь Половецкій. Шеришеры — неизвѣстный нынѣ воинскій снарядъ. *Гоголь* — красивая утка съ хохломъ, питающаяся раковинами, за которыми она отмѣнно предъ прочими ныряетъ. *Стрикусъ* — стѣнобитное орудіе, родъ тарана, при осадѣ городскихъ воротъ употребляемаго. *Изъ луку моря* — объяснено только лука кривизна, излучина. Мы выписывали всѣ филологическія примѣчанія, чтобы показать образъ воззрѣнія изыскателей. Всего только они нашли замѣчательнаго 9 словъ; но только ли тамъ есть?

Недостатки этого изданія заключаются въ слѣдующемъ: нѣтъ палеографическихъ извѣстій; нѣтъ снимка съ рукописи; не показано, точно ли то соблюдено правописаніе въ печатаніи, какое находилось въ рукописи; не означено: къ какому времени должно отнести произведеніе самого Слова; не раскрыты причины достовѣрности Слова въ отношеніи языка; невѣрность перевода съ самаго текста. Достоинство этого изданія заключается единственно въ изданіи текста Слова о полку Игоревомъ. Жаль очень, что издатели не успѣли напечатать другихъ піесъ, помѣщенныхъ въ этомъ же сборникѣ, какъ-то: «Дѣяніе прежнихъ временъ храбрыхъ человѣкъ о брѣзости, и о силѣ, и о храбрости. — Аще думно есть слышати о свадьбѣ Девгѣевѣ, и о всъхыщеніи Стратиговнѣ.» Въ напечатаніи этихъ піесъ мы бы узнали образъ правописанія, и, можетъ быть, даже открылись бы варіанты словъ. Такъ Н. М. Карамзинъ въ своей исторіи указываетъ намъ на списокъ свадьбы Девгѣевой (см. И. Г. Р. т. 2, пр. 333, и т. 3, пр. 282].

Самое переложеніе или переводъ имѣетъ ощутительные недостатки. Такъ: «наведе своя храбрыя плъкы на землю Половецкую, на землю Руськую. — вступилъ съ храбрымъ своимъ воинствомъ въ землю Половецкую для отмщенія за землю Русскую.» Здѣсь издатели прибавили отъ себя слова: для отмщенія. Или: «Спала князю умъ похоти и жалость ему знаменіе заступи, искусити Дону великаго. — Пришло князю на мысль пренебречь худое предвѣщаніе и изъвѣдать счастья на Дону Великомъ.» Это не переводъ, но собственное умствованіе. Или: «свистъ звѣринъ въ стасби. — Ревутъ звѣри стадами.» Слово: стазба не значитъ стадо, а пастьбище, лугъ, гдѣ пасется скотъ.

А. С. Шишковъ въ 1805 г. напечаталъ вторично изданіе Мусина-Пушкина, съ прибавленіемъ примѣчаній и своего и новаго перевода. Въ примѣчаніяхъ А. С. Шишковъ показывалъ недостатки перевода Мусина-Пушкина, указывалъ на красоты изложенія самого Слова. Переводъ сдѣланъ былъ имъ съ новымъ взглядомъ на текстъ, на слѣдующихъ основаніяхъ: «Изъ вышепредложенныхъ на сію пѣснь примѣчаній моихъ видѣли мы, что нѣкоторыя въ ней

мѣста, или по древности слога или по неизвѣстности упоминаемыхъ приключеній, или по ошибкамъ отъ переписокъ вкравшимся, во вся невразумительны; другія же такъ кратки, что для связи своей съ последующими, требуютъ распространеній, вводныхъ рѣчей, присовокупленій. Точное преложеніе сей пѣсни съ древняго Славянскаго на употребительное нынѣ нарѣчіе, при своей вѣрности, всегда будетъ столь же темно, какъ и самый подлинникъ. Сего ради разсудилось мнѣ преложить, или паче передѣлать оную такимъ образомъ, чтобъ оставляя всѣ красоты подлинника безъ всякой, поколику можно, перемѣны словъ, невразумительныя мѣста сократить или пропустить; прочія же, требующія распространенія, дополнить своими приличными и на вѣроятныхъ догадкахъ основанными умствованіями. Симъ средствомъ пѣснь сія отъ начала до конца сдѣлается ясною, и я надѣюсь, что сколь бы ни были собственныя мои распространенія и присовокупленія слабы, но сплетенныя съ сильными выраженіями и красотами подлинника, нѣчто пріятное онѣ составятъ для чтенія.» Эти слова такъ ясны, что ихъ не для чего объяснять. Переводъ А. С. Шишкова есть просто—вольный переводъ—какъ тогда называли на Руси. Съ полнымъ уваженіемъ къ трудамъ нашего знаменитаго ветерана-писателя мы упоминали о его переводѣ и не почитаемъ за ошибочное мнѣніе принятый имъ способъ для перевода. Онъ въ свое время былъ прекрасенъ и необходимъ.

Г. Пожарскій напечаталъ въ 1819 году свой переводъ вмѣстѣ съ примѣчаніями на переводы графа Мусина-Пушкина и А. С. Шишкова. Направленіе Пожарскаго въ изъясненіи Слова было совершенно другое; онъ разгадывалъ темныя мѣста Слова по выраженіямъ Польскихъ писателей. Малѣйшее созвучіе въ словѣ Польскомъ онъ принималъ за объясненіе. А. С. Шишковъ, недовольный его замѣчаніями, напечаталъ свои примѣчанія въ Русскомъ Инвалидѣ №№ 157, 158, 159, 160, 161—въ 1819 г., гдѣ доказывалъ неосновательность возраженій Пожарскаго. Любопытные могутъ прочитать возраженія А. С. Шишкова въ полномъ собраніи его сочиненій, т. XI, стр. 382.

Какую пользу принесъ новый переводъ г. Пожарскаго. Объяснилось ли Слово о полку Игоревомъ указаніями на Польскія слова? Нимало! Слово осталось по прежнему, также неразгаданнымъ при всѣхъ новыхъ воззрѣніяхъ. Изъ всѣхъ изысканій г. Пожарскаго оказалось одно только достовѣрнымъ: «каютъ князя Игоря — жалѣютъ князя Игоря.» У Мусина-Пушкина были переведены эти слова такъ: «осуждаютъ князя Игоря;» у А. С. Шишкова: «но вопреки тому хулятъ, осуждаютъ князя Игоря.» А. С. Шишковъ призналъ переводъ этихъ словъ г. Пожарскаго справедливымъ. Вотъ несообразности, замѣтныя въ переводѣ г. Пожарскаго. Въ подлинникѣ: «истягну умъ крѣпостію своею»—въ переводѣ: «препоясалъ умъ крѣпостію.» Вѣрно ли понятъ смыслъ словъ? Пожарскій вѣрность доказываетъ словами священнаго писанія: «и рука Господня бысть на Иліи, и стягне чресла своя.» Обратите вниманіе на слова: умъ и чресла—одно ли и тоже они значатъ? У насъ препоясываютъ мечъ къ чресламъ, опоясываютъ чресла кушакомъ, поясомъ; но кто опоясываетъ умъ? кажется, этого не бываетъ на самомъ дѣлѣ. Или: хощу бо, рече, копіе приложити конецъ поля Половецкаго съ вами, Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону» — переведено: «Хочу, возопилъ онъ, копье приложить концемъ поля Половецкаго съ вами, Россіяне, хочу главу свою приложить или напиться шлемомъ Дону.» Здѣсь переводъ вышелъ темнѣе подлинника. Или: «свистъ звѣринъ въ стазби» — певеведено: «звѣри воютъ по дорогамъ.» Здѣсь слово стазба — пастьбище — отратилось въ дорогу.

Г. Грамматинъ напечаталъ въ Москвѣ, въ 1823 году, свой переводъ въ прозѣ и стихахъ. Его воззрѣніе на Слово видимо тогда отличалось отъ всѣхъ другихъ своею новостію. Онъ совѣтовалъ привесть въ единство правописаніе подлинника; думалъ, что для перевода самого Слова необходимо нужно употреблять сказочный размѣръ. То и другое мнѣніе онъ старался осуществить самымъ дѣломъ. Никто тогда изъ современныхъ критиковъ не обратилъ вниманія на это воззрѣніе; никто не сказалъ тогда о достовѣрности этой идеи. Журнальныя рецензій, почти тогда несуществовавшія,

провозглашали только о неправильномъ размѣщеніи точекъ и запятыхъ, и съ ужасомъ смотрѣли на всякое нововведеніе. За идеалъ сказочнаго размѣра г. Грамматинъ принялъ стихотвореніе Карамзина — Илья Муромецъ — и въ этомъ состояла вся его ошибка. Жаль, что онъ не обратился къ народнымъ сказкамъ; онъ бы узналъ тогда, что наша народность имѣетъ совершенно другія стихіи. При всѣхъ этихъ недостаткахъ, усилія г. Грамматина заслуживаютъ вниманіе археологовъ; онъ первый высказалъ, что правописаніе должно привесть въ единство, и его совѣты были исполнены г. Максимовичемъ; онъ первый въ своихъ примѣчаніяхъ показалъ, что надобно каждое слово преслѣдовать критически, хотя этого самъ не могъ выполнить. Кромѣ полнаго изданія переводовъ Грамматина, онъ напечаталъ свое критическое разсужденіе въ Вѣстникѣ Европы 1822 года, № 18, стр. 113. Въ этомъ разсужденіи онъ писалъ: «Пѣвецъ Игоря пѣлъ на языкѣ полуобразованномъ, и потому не могъ сбиваться на живое нарѣчіе, которое было совершенно варварское, отъ этого вышла неправильная и не совсѣмъ ясная смѣсь Славянскаго языка съ Русскимъ, которою писано Слово о полку Игоревомъ. Что Слово о полку Игоревомъ писано прозою, сіе не помѣшало бы назвать его эпическою поэмою, стихи съ риѳмами или безъ риѳмъ, суть одна форма поэзіи; а душа ея, или сущность—мысли, выраженныя языкомъ фигуръ, но слѣдуя общему употребленію, я назову его не эпическою, а историческою поэмою.... Мы не знаемъ, кто таковъ пѣвецъ Игоря; видно только, что онъ былъ современникъ и патріотъ, что къ дарованію стихотворца присоединялъ онъ познаніе всего, что касалось до его отечества, познаніе, предпочтительнѣйшее всякой учености, даже въ писателѣ. Съ достовѣрностію можно сказать, что онъ не былъ какой нибудь презрѣнной домосѣдъ или неизвѣстный простолюдинъ. Можетъ быть, украшалъ его высокій санъ боярства и онъ бывалъ мирнымъ посломъ при княжескихъ дворахъ, или почтенъ былъ званіемъ Гридина, и воздвигъ копіе брани на защиту воюемаго отечества.... Еще первые издатели замѣтили, что въ немъ виденъ, духъ Оссіана; но въ чемъ этотъ духъ или сходство, не сказали. Барды Каледонскій и Славенскій сходны между собою въ простотѣ, возвышенности, силѣ, краткости и живости слога, т. е. что оный чрезвычайно обиленъ смѣлыми и неискусными фигурами—отличительный признакъ первобытной поэзіи у всѣхъ народовъ, когда самая грубость и бѣдность языка сему способствуютъ.» Вотъ основныя понятія его о самомъ Словѣ и народной поэзіи.

А. Ѳ. Вельтманъ напечаталъ свой переводъ въ Москвѣ въ 1833 г. Мы обращаемъ вниманіе на его предисловіе, гдѣ онъ на вопросъ, предложенный Обществомъ Любителей Россійской Словесности: на какомъ языкѣ писано Слово о полку Игоревомъ? на древнемъ ли Славянскомъ, существовавшемъ въ Россіи до перевода книгъ священнаго писанія, или на какомъ нибудь областномъ нарѣчіи? — отвѣчалъ: «на языкѣ, собственно пѣвцу принадлежащемъ; на соединеніи всѣхъ нарѣчій Славянскихъ, очищенныхъ высокимъ чувствомъ поэта; на выборѣ словъ звучныхъ, краткихъ, свойственныхъ той гармоніи, которою была исполнена его душа.... Предполагать, не довѣрять, что слово о полку Игоревѣ писано въ XII столѣтіи, во время его жизни, значитъ не вѣрить всему прошедшему.... Что пѣснь Игорю писалъ современникъ его, это слишкомъ убѣдительно. Не современный пѣвецъ не обратилъ бы вниманіе на ничтожный, по понятіямъ исторіи, походъ Игоря на Половцевъ. Этотъ восторгъ къ подвигамъ его, могъ принадлежать только тому, кто зналъ Игоря лично, а не по преданіямъ, кто любилъ его. И сверхъ того, видимыя несогласія съ лѣтописцами, совсѣмъ другой взглядъ на дѣла Князей и на положеніе Россіи того времени, твердая, тонкая рѣчь, ручаются за современность пѣвца съ событіями.» И эти мнѣнія ни мало не разрѣшили вопроса. Не можетъ быть, чтобы Слово было написано на соединеній всѣхъ нарѣчій Славянскихъ: этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Гдѣ слова Сербскія? Гдѣ Виндійскія? Гдѣ Кроатскія? Гдѣ Хорватскія? Развѣ ссылки г. Вельтмана на Сербское слово — кметы, на Богемское — вале указываютъ, что Слово писано этими на-

рѣчіями. Ни мало. Мы обращаемъ вниманіе читателей на прекрасную рецензію Н. А. Полеваго, помѣщенную въ Московскомъ Телеграфѣ 1833 г. № 7, стр. 419, при выходѣ въ свѣтъ перевода Вельтмана, гдѣ помѣщены довольно замѣчательныя сужденія объ этомъ переводѣ. Кромѣ самаго перевода, г. Вельтманъ въ концѣ присоединилъ: «примѣчанія и толкованія къ переводу Слово о полку Игоревѣ.» Здѣсь мы прочитали; что слово *туга* — значитъ судорога, корча, вмѣсто прямаго значенія скорбь, печаль, и когда самое слово ясно указывало, что оно происходитъ отъ глагола тужить. Или: *подъпрся о кони* — переведено: вперся въ предѣлы — въ границы свои. Слово: *повелѣя*, которое Карамзинъ принималъ за описку и читалъ: по сѣчѣ я, изъяснены словомъ валя и подкрѣплено ссылкою на древне-Богемское слово вале — гдѣ мы читаемъ совершенно иначе: VALENO DEN, VALENO DEN WTERI —бьются день, бьются другой [См. Краледвор. рукоп. изданіе Вацл. Ганки.]. Слово шестокрильци — переведено — Архангелы. *Бологъ*—переведено холмъ. Слова: *та преди пѣсь поше* переведено — предпѣсніе, запѣвъ. Племена, окружавшія Черниговъ: *Были, могуты, Татраны*, — отнесены къ Финнамъ и Мордвѣ совершенно несправедливо.

Что же касается до самаго перевода, то онъ, взятый отдѣльно, выполненъ прекрасно; но сличая его съ подлинникомъ, мы видимъ рѣзкія отступленія, и чувствуемъ, что это бесѣдуетъ съ нами А. Ѳ. Вельтманъ, а не пѣвецъ Игоря. Такъ слова: «Начати же ся тъй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню; Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашеться мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы» — переведены: «Былое воспѣть, а не вымыслъ Бояна, котораго *мысли текли въ вышину, такъ какъ соки по древу;* какъ сѣрые волки *несливъ по пространству*, и сизымъ орломъ въ поднебесьи *парили.*» Или: «начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій — воспѣть древнимъ ладомъ *высокихъ сказаній.*» Или: «нощь стонущи ему грозою птичь убуди — *не во время полночь.... и стонетъ гроза.... и птицы проснулись.* Есть мѣста, выражены прекрасно: «Жены Русскія въплакашась аркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати.»—«И Русскія жены восплакали горько; о милыхъ намъ другахъ не мыслью не мыслить, ни думой не думать, а взоромъ ихъ намъ неокинуть, а златомъ и серебромъ намъ не брячать ужъ!» Пѣснь Ярославны, отвѣтъ Святослава выражены вполнѣ, отчетисто.

А. Ѳ. Вельтманъ раздѣлилъ свой переводъ на періоды, и проза его вышла мѣрною, поэтическою рѣчью. Самый текстъ оставленъ безъ всякаго измѣненія.

М. Максимовичъ издалъ свой переводъ въ 1837 году, называя его «краткое, корректурное изданіе текста съ переводомъ.» Слѣдовательно, и мы на это изданіе должны смотрѣть съ этой точки зрѣнія, и ожидать обѣщаннаго «полнаго изданія, съ критическимъ изслѣдованіемъ, объяснительными примѣчаніями, словаремъ и переводомъ.» Текстъ самой Пѣсни г. Максимовичъ раздѣлилъ на XIV главъ, каждая глава раздѣлена на періоды, каждый періодъ отмѣченъ цыфрами. Самое правописаніе измѣнено, въ приближеніи къ подлиннику. Слѣдовательно совѣты гг. Востокова и Грамматина выполнены въ изданіи г. Максимовича, съ тою только разницею, что онъ слѣдовалъ своимъ понятіямъ. Въ самомъ переводѣ всякое отступленіе онъ отмѣчалъ особеннымъ шрифтомъ, переводилъ буквально, съ вѣрнымъ приближеніемъ къ подлиннику. Для примѣра мы выписываемъ два мѣста. Въ подлинникѣ: «помняшетъ бо рѣчь прѣвыхъ временъ усобицѣ; тогда пущаніетъ десять соколовъ на стадо лебедей, который дотечаше, та преди пѣсь пояше.» Переведено: «какъ вспоминалъ онъ сказанья прежнихъ временъ объ усобицѣ, то пускалъ онъ десять соколовъ на стадо лебедей: который соколъ на лебедь падетъ, та лебедь первая и пѣснь запоетъ. «Въ подлинникѣ: «Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на заборолѣ, аркучи: о Днѣпре словутицю! ты пробилъ еси каменныя го-

ры сквозѣ землю Половецкую, ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады до пълку Когякова; взлелѣй господине, мою ладу къ мнѣ, абыхъ не слала къ нему слезъ на море рано.» Переведено: «Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ городѣ на оградѣ, говоря: о Днѣпръ сынъ славы! Ты пробилъ каменныя горы сквозь землю Половецкую; ты лелѣялъ на себѣ ладіи Святославовы до войска Кобякова: взлелѣй же, господинъ мой, ко мнѣ моего друга, чтобы не слала къ нему слезъ на море съ каждымъ утромъ.» Здѣсь мы видимъ небольшія отступленія: слово — *словутицъ* — переведено—сынъ славы; *рано* съ каждымъ утромъ. Намъ кажется, что самое раздѣленіе текста на главы не вездѣ отмѣчено вѣрно. Описаніе битвы раздѣлено на двѣ главы, тогда какъ это составляетъ одинъ нераздѣльный предметъ. Въ 11 главѣ, по его раздѣленію, вставленъ періодъ, который по изданію Мусина-Пушкина находился въ концѣ — *Рекъ Боянъ и ходы*, и проч. Если же г. Максимовичъ полагалъ необходимымъ соединить этотъ вставокъ послѣ словъ, приписываемыхъ пѣвцомъ Игоря Бояну, то куда же должно будетъ помѣстить и другія вставки съ именемъ Бояна? Тамъ говорится о Всеславѣ, здѣсь о Святославлѣ. Разница большая. Очень легко можно замѣтить, что въ Словѣ есть нѣсколько пропусковъ, ошибокъ въ перепискѣ, сліяній двухъ словъ въ одно, сокращеній самыхъ словъ; и все это возстановить есть возможность; но какъ отгадать пропуски? Мы думаемъ, что послѣ словъ: Рекъ Боянъ и ходы—находится въ самомъ текстѣ пропускъ, и что переносить этотъ періодъ нѣтъ никакой надобности.

Въ измѣненіи самаго правописанія г. Максимовичъ, какъ видно, старался и приближиться къ южному выговору словъ. Онъ пишетъ вмѣсто ъ—ь. Такъ: пръсты — пьрсты; пръвыхъ — пьрвыхъ; умъ — умь. Или вмѣсто: а—я: сіа — сія, трупіа—трупія, копіа—копія, зараніа — заранія. Неравномѣрность въ правописаніи замѣтна повсюду, особенно смѣшеніе двухъ словъ въ одно: *Пебылонъ, аркуги*. Здѣсь небылонъ должно, кажется, читать такъ: не было нъ; аркучи читать: а ркучи, признавая его за сокращенное слово — рекучи. Г. Максимовичъ оставилъ слитыя слова безъ раздѣленія. Въ одномъ мѣстѣ мы замѣтили, что г. Максимовичъ послѣдовалъ совѣту г. Буткова признавать въ выраженіи: «Уже не шеломяпемъ еси» — частицу *не* вмѣсто *за*. Это такъ и должно быть. Въ выраженіи: «*по велѣ я*»—г. Максимовичъ послѣдовалъ чтенію А. Ѳ. Вельтмана, который въ словѣ *велѣ* букву *е* считалъ ошибкою писца вмѣсто *а*, и читалъ *валя*.

Обращаемся теперь къ Археологическимъ изслѣдованіямъ. Здѣсь мы увидимъ успѣхи исторической критики въ продолженіе тридцати шести лѣтъ, успѣхи, обозначившіе собою наше участіе въ кругу Европейскихъ познаній въ XIX вѣкѣ.

Общее участіе въ первомъ изданіи Пѣсни литераторовъ Мусина-Пушкина, Бантышъ-Каменскаго, Малиновскаго, Болтина составляетъ начало археологическихъ изслѣдованій. Всѣ они полагали, что Слово о полку Игоревомъ писано «старинымъ Русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія.» Такъ было поставлено ими на заглавномъ листѣ; мнѣній же своихъ, подтвержденныхъ очевидными доказательствами, они не передали намъ. Вотъ ихъ понятія о другихъ предметахъ: «Боянъ. Такъ назывался славнѣйшій въ древности стихотворецъ Русскій, который служилъ образцемъ для бывшихъ послѣ него писателей. Изъ нѣкоторыхъ, въ примѣръ здѣсь приведенныхъ словъ его, явствуетъ, что Боянъ воспѣвалъ всегда важныя происшествія и изъяснялъ мысли свои возвышенно. При Рюрикѣ иль Святославлѣ гремѣла лира его, ни почему узнать нельзя; ибо не осталось намъ отрывка, прежде Великаго Князя Владиміра Святославича писаннаго. Отъ времень же его дошла до насъ между прочими народная пѣсня, въ которой находимъ уже правильное удареніе, каландасомъ въ стихотворствѣ называемое.» Житіе Бояна возводили критики слишкомъ отдаленно, безъ всякаго основанія; онъ жилъ, по словамъ пѣвца Игорева, во времена Олега Черниговскаго и Всеслава Полоцкаго. Вотъ доказательства: «Пѣти было пѣсь Игореви, того Олга внуку.» Эти слова поставлены

въ подлинникѣ предъ обращеніемъ пѣвца Игорева къ Бояну. Игорь былъ внукъ Олега Святославича, Князя Тмуторокапскаго и Муромскаго, скончавшагося въ 1096 году. «Вселславъ князь людемъ судяше.... Тому вѣщій Боянъ и прѣвое припѣвку смысленый рече.» Этотъ Всеславъ Брячиславичъ былъ тотъ самый, котораго разбили на Нѣменѣ князья, который ограбилъ Новгородъ, княжилъ въ Полоцкѣ и умеръ въ 1101 году. Мы не знаемъ (да кто и знаетъ?) ни одной пѣсни Бояна, а критики увѣряютъ, что пѣсня Бояна существуетъ отъ временъ Владиміра Святославича, и въ доказательство приводятъ самую пѣсню, которую мы читали въ сборникѣ Демидова, Древнія Русскія стихотворенія. Критики сами писали въ примѣчаніи, на стр. 37; «Здѣсь ясно открывается, что Боянъ пѣлъ о Князѣ Всеславѣ», и въ то же самое время увѣряютъ, что Боянъ воспѣвалъ Владиміра, умершаго въ 1015 году. Таковы были критическія изслѣдованія первыхъ издателей.

Критическія изслѣдованія А. С. Шишкова начинались возраженіями противъ первыхъ издателей. Переводъ Мусина-Пушкина съ товарищами казался ему неполнымъ, невѣрнымъ, сбивчивымъ. Эти разборы назывались тогда эстетическими, гдѣ преслѣдовалось всякое слово, всякое выраженіе, замѣчались неправильные обороты въ цѣломъ періодѣ. Для образца мы выписываемъ разборъ А. С. Шишкова.

«Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій о плъку Игоревѣ, Игоря Святъславича. Въ преложеніи сказано: пріятно намъ, братцы, начать древнимъ слогомъ прискорбную повѣсть о походѣ Игоря, сына Святославова. Здѣсь мысль, заключающаяся въ подлинникѣ, кажется, весьма различествуетъ отъ мысли, заключающейся въ преложеніи. Слово не лѣпо ли—ни мало не означаетъ понятія о пріятности, и подъ словомъ трудность отнюдь не разумѣется прискорбіе. Отъ сего происходитъ, что рѣчь: пріятно намъ, братцы, начать древнимъ слогомъ прискорбную повѣсть о походѣ Игоря, содержитъ въ себѣ нѣкоторую невѣроятность чувствованій; ибо, какъ можетъ быть пріятна прискорбность повѣтствовать о разбитіи предковъ нашихъ? Итакъ, если мы подъ словомъ: не лѣпо ли ны бяшетъ, разумѣть будемъ: прилично, пристойно намъ будетъ; а подъ словами трудныхъ повѣстій сокращенное выраженіе повѣствованія о многотрудныхъ подвигахъ, тогда мысль выйдетъ слѣдующая: не пристойно намъ будетъ, братіе, начать повѣствованіе наше о походѣ Игоря, тѣмъ слогомъ, какимъ въ древнія времена описывались многотрудные подвиги.... Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая; галици стада бѣжатъ къ Дону Великому.—Уподобленіе сіе имѣетъ въ себѣ нѣчто старинное: смѣшно бы было въ похвалу воиновъ сказать: не соколовъ сюда занесло, галки слетаются! Но сочинитель не сравниваетъ здѣсь свойствъ сихъ двухъ родовъ птицъ, а дѣлаетъ токмо подобіе между многочисліемъ тѣхъ и другихъ, такъ какъ бы сказалъ: число воиновъ не подобно было малому числу занесенныхъ издалече бурею соколовъ, но уподоблялось великому стаду галокъ; ибо сіи послѣднія птицы дѣйствительно летаютъ всегда вмѣстѣ и часто составляютъ превеликое стадо (См. Собран. соч. и пер. А. С. Шишкова, ч. 7. стр. 38. 48.).

Во всѣхъ изслѣдованіяхъ А. С. Шишкова замѣтно было особенное направленіе къ грамматическимъ формамъ; но въ изслѣдованіи Слова это направленіе болѣе всего высказывается. Русскіе глаголы занимали нашего ветерана болѣе всего, а на отысканіе ихъ корней посвящены были многіе годы. Къ сожалѣнію, этотъ драгоцѣнный трудъ намъ извѣстенъ не вполнѣ.

Вотъ глагольныя изслѣдованія А. С. Шишкова: «Подъ словомъ *распущени* можно разумѣть двоякое: во первыхъ растянуты, во вторыхъ выпущены на волю.... Глаголъ *пасетъ* часто въ старинныхъ книгахъ значитъ питаетъ. *Убуди* должно производить отъ глагола убывать. Слово *тутнѣтъ* долженствуетъ происходить отъ слова тутъ, слѣдовательно то же самое значитъ, что и глаголъ тыетъ, то есть тучнѣетъ.

На раздѣленіе слитыхъ словъ А. С. Шишковъ также обращалъ вниманіе. Слова *небылонъ*, *тужа имѣся* онъ читаетъ первое такъ: не было оно, а второе: мужайтеся, полагая, что въ словѣ имѣся буква

м поставлена по ошибкѣ вмѣсто *т*. Г. Максимовичъ воспользовался этимъ замѣчаніемъ, но напечаталъ въ текстѣ вмѣсто мужа имся—мужаимься. Въ выраженіи: «а не сорокы вѣтроскоташа,» А. С. Шишковъ полагаетъ, что въ словѣ *а не* процущена буква *ж*, и читаетъ такъ: «ажне сороки.»

Изслѣдованія К. Θ. Калайдовича представлены были въ Общество Любителей Россійской Словесности, по случаю предложеннаго вопроса: «на какомъ языкѣ писана пѣснь о полку Игоря: на древнемъ ли Славянскомъ, существовавшемъ въ Россіи до перевода книгъ Священнаго писанія, или на какомъ нибудь областномъ нарѣчіи?» Основныя понятія К. Θ. Калайдовича заключались въ слѣдующемъ: »Пѣснь Игорева писана нарѣчіемъ сходнымъ съ Библейскимъ и лѣтописями. Слога пѣсни Игоревой тщетно будемъ отыскивать въ извѣстныхъ языкахъ Славянскихъ, а того менѣе въ областномъ нарѣчіи. Словосочиненіе пѣсни, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совершенно расположено по образу выраженій Греческаго языка. Примѣры сего открываются изъ двойственнаго числа, заимствованнаго въ Славянскую грамматику отъ нашихъ учителей Грековъ. Пѣснь наша писана не какимъ либо діалектомъ обильнаго языка Славянскаго, не особеннымъ областнымъ нарѣчіемъ, но чистымъ языкомъ Славяно-Русскимъ. Писана она слогомъ XII вѣка, по всѣмъ вѣроятіямъ; ибо сочинитель ея вездѣ является современникомъ повѣствуемыхъ происшествій. Мѣсто жительства его опредѣлить невозможно. Образъ выраженія пѣсни и самыя слова: кресити, болонье, смага, годвна, неизвѣстныя Великороссіянамъ, и теперь употребляемыя въ Украйнѣ, показываютъ, что сочинитель оной принадлежалъ къ нынѣшней Малороссіи, составлявшей тогда общее Русское выраженіе. Должны обратить вниманіе на сходство пѣсни Игоревой съ нынѣшнимъ языкомъ Польскимъ, которое удостовѣритъ насъ еще болѣе, что сочинитель оной принадлежалъ къ жителямъ Украйны. Почеркъ пѣсни есть Бѣлорусскій, имѣющій свой особенный характеръ. Правописаніе пѣсни согласно со Лаврентьевскимъ спискомъ Нестора, пергаменнымъ Новгородскимъ лѣтописцемъ и прочими древними рукописями.» Изысканія К. Θ. Калайдовича заслуживаютъ особенное вниманіе. Основная мысль его, что Слово о полку Игоревомъ писано Славяно-Русскимъ языкомъ опирается на очевидныхъ доказательствахъ. Примѣры выраженій изложенныхъ двойственнымъ числомъ—ту ся брата разлучиста—два сокола слетѣста—вступита господина въ злата стремень—подтверждаютъ его мнѣніе. Но филологическія изслѣдованія не оправдываютъ предположеній, хотя они разсматриваются въ сличеніи съ священнымъ писаніемъ. Такъ для выраженія: «до Куръ Тмутороканя» — онъ приискалъ изъ Синодальнаго Евангелія, писаннаго въ 1144 году, текстъ: «И абіе куръ возгласи»—и изъ Волынской лѣтописи слова: «и яко бысть въ куры [во время крика пѣтуховъ.].» По этому изслѣдованію слово куръ значитъ пѣтухъ. Слова: трудный, трудъ—у него означаютъ прискорбный и скорбь — какъ у Мусина-Пушкина. Слово: хърсь у него значитъ Хорсъ, языческій кумиръ поставленный Владиміромъ. Ошибочно такъ же было его направленіе—отыскивать въ Словѣ сходства съ Польскимъ нарѣчіемъ. Замѣтимъ, что это направленіе увлекло гг. Пожарскаго и Бѣликова къ превратнымъ заключеніямъ.

Продолженіе своихъ изслѣдованій К. Θ. Калайдовичъ написалъ въ біографіи М. Мусина-Пушкина, помѣщенной во 2 ч. записокъ Общества Исторій и Древностей Россійскихъ, гдѣ онъ говорилъ: «языкъ пѣсни Игоревой утвердительно можно назвать чистымъ Славянскимъ; слова въ оной встрѣчающіяся едва ли не всѣ можно пріискать въ языкѣ священнаго писанія, а болѣе нарѣчій лѣтописей, граматъ.» Открытіе Калайдовичемъ въ припискѣ на Синодальномъ Апостолѣ 1307 года сходныхъ выраженій съ Словомъ заслуживаетъ особенное вниманіе. Мы этою припискою должны дорожить какъ фактомъ; она намъ указываетъ на извѣстность Слова въ началѣ XIV вѣка.

Критическія изслѣдованія г. Пожарскаго составляютъ примѣчанія, приложенныя въ концѣ перевода. Всѣ его розысканія со-

стоятъ изъ возраженій на переводы Мусина-Пушкина съ товарищами и А. С. Шишкова, гдѣ онъ доказывалъ неправильность ихъ переводовъ, основываясь на Польскомъ нарѣчіи. Въ этомъ отношеніи критика г. Пожарскаго важна какъ полемика, напоминающая намъ старый бытъ Русскихъ критиковъ. Опроверженія г. Пожарскаго не принесли ни какой пользы, потому что не разрѣшили темныхъ мѣстъ Слова. Созвучныя слова, взятыя изъ Польскаго нарѣчія, какъ отдѣльнаго въ области Славянскаго языка, никогда не могутъ быть достаточными доказательствами. Трудъ напрасный увѣрять людей, постигающихъ истину, превратными понятіями. Вотъ его замѣчанія: «Въ предложеніи вмѣсто — трудный сказано прискорбный. На Польскомъ и Богемскомъ языкахъ слово трудный значитъ затруднительный, мудреный, неудобный къ исполненію. По Польски говориться: TRUDNA TO RZECZ, SPRAWA; NIE WIEDZIEC CO TU POCZAC — трудна та вещь, дѣло; не знать, что тутъ начать.» Вотъ чѣмъ г. Пожарскій опровергалъ переводы Мусина-Пушкина и А. С. Шишкова.

Н. М. Карамзинъ въ исторіи своей (т. 3, стр. 218,) говоритъ: «слово о полку Игоревѣ сочинено въ XII вѣкѣ, и безъ сомнѣнія міряниномъ: ибо монахъ не дозволилъ бы себѣ говорить о богахъ языческихъ, и приписывать имъ дѣйствія естественныя. Вѣроятно, что оно въ разсужденіи слога, оборотовъ, сравненій, есть подражаніе древнѣйшимъ Русскимъ сказкамъ о дѣлахъ князей и богатырей: такъ сочинитель хвалитъ соловья стараго времени, стихотворца Бояна, котораго вѣщіе персты, летая по живымъ струнамъ, рокотали или гласили славу нашихъ витязей.... Сіе произведеніе древности ознаменовано силою выраженія, красотами языка живописнаго и смѣлыми уподобленіями, свойственными стихотворству юныхъ народовъ.»

Критическія изслѣдованія нашего Исторіографа разсѣяны въ примѣчаніяхъ 3-го тома его исторіи. Мы выпишемъ тѣ только, которыя составляютъ новыя открытія въ кругу исторической критики. «Въ титулѣ слово *полкъ* употреблено въ смыслѣ битвы. *Кметями* назывались слуги, дружины. — Се бо Готскія красныя дѣвы — со временъ славнаго Германариха жили Готѳы въ Тавридѣ, гдѣ властвовали тогда Половцы.» Слово Шестокрыльци Н. М. Карамзинъ такъ объяснилъ: «Сравнивая сихъ трехъ братьевъ съ пернатыми, онъ называетъ ихъ шестокрылыми для того, что у трехъ птицъ шесть крыльевъ.» Выраженіе: «отверзаетъ путь къ Кіеву—переводилъ: «кого хочешь пускаетъ въ Кіевъ.» О словѣ: повелѣ я — говоритъ: «издатели не угадали истиннаго смысла сей рѣчи, гдѣ есть описка: повелѣ я, вмѣсто: по *сѣгь* я, то-есть взялъ.» «Слово Полочаномъ—въ выраженіи: Двина болоГомъ течетъ онымъ грознымъ Полочаномъ—говоритъ, что здѣсь не должно принимать за Половчанъ. *Шеломя* принимаетъ въ смыслѣ возвышеніе, основываясь на выраженіи Кіевской лѣтописи; *Каяла* за кагальникъ; *желѣзныи папорзи* за верхнюю часть брони; *Деремела* за одинъ изъ Латышскихъ народовъ; *Цвѣлить за квелить*, приводить въ слезы, огорчать, указывая на Богемское слово KWILIM — выть, плакать, и на Польское KWILIC SIE.

Занявшись историческимъ описаніемъ другихъ событій, исторіографъ не могъ обозрѣть въ подробности Слово о полку Игоревомъ. Онъ видѣлъ рукопись и выписалъ изъ ней отрывки, оставшіеся единственными указаніями на современный слогъ Слова. Выписки изъ Кіевской лѣтописи о битвѣ Игоря дополняютъ объясненіями темныя мѣста въ Словѣ, и жалѣемъ, что онъ не успѣлъ издать вполнѣ текстъ самой лѣтописи. Часто въ отрывкахъ мы видимъ не полныя указанія, и останавливаемся тамъ, гдѣ только начинаются наши изслѣдованія.

Критическія изслѣдованія г. Буткова заслуживаютъ особенное вниманіе. Идя своимъ путемъ, онъ самъ разыскивалъ, не вѣрилъ чужимъ толкованіямъ. Эту самобытность г. Буткова встрѣчаемъ мы во всѣхъ его изслѣдованіяхъ. Первое изслѣдованіе г. Буткова о Словѣ Игорева полка было напечатано въ Вѣстникѣ Европы 1821 года, № 21 и 22, второе въ Сынѣ Отечества

1834 года № 52, стр. 616. Вотъ основныя его изысканія о Словѣ.

Слово *Лада* принимаютъ въ смыслѣ *супруга; мылыя хоти* за *супругу*, полагая, что это слово перешло отъ Хазаръ или Половцовъ; *харалужный* производитъ отъ Ногайскаго слова—сдѣланный изъ *чернаго желѣза, булата. Чага*, по его мнѣнію, означаетъ потомковъ Хазаръ, *Чагаръ*, существующихъ доселѣ между Кумыками Кавказскими. *Олега Гориславича* — онъ принимаетъ за Олега Святославича Тмутараканскаго, основываясь на томъ, что Олегъ, какъ правнукъ Рогнѣды, прозванной *Горисславою*, могъ быть названъ Гориславичемъ. Правда, что отъ временъ Рюрика до XIII вѣка у насъ не было князя Горислава. Слово *клюка* онъ принимаетъ въ значеніи — *пасть, самоловка, хитрость;* а *дотчеся* производитъ отъ глагола *течь, достигать.* Подъ словомъ *стружи*, принимаемое другими за древко отъ копья или отъ знамени, онъ понимаетъ, что это были *накры— бубны, литавры*, основываясь на томъ, что стружіемъ называли ихъ потому, что они употреблялись къ возбужденію стражи, или по сходству вида съ водоходнымъ *стругомъ.* Мнѣніе г. Буткова о мѣстоположеніи Тмуторакани замѣчательно своею новостью изысканій отъ всѣхъ другихъ; онъ полагаетъ, что его должно искать не въ Таманѣ, а на пути изъ Кіева къ Полоцку, на правой сторонѣ Остра, при соединеніи этой рѣки съ Десною, гдѣ теперь село Старогородки, въ одной верстѣ ниже города Остра, въ 60 верстахъ отъ Кіева. Здѣсь, говоритъ онъ, князь Мстиславъ Тмуторокапскій и братъ его, Великій князь Ярославъ, заключили миръ, поставя Днѣпръ границею. Въ рѣченіи *Хрьсови*, онъ не находитъ, подобно другимъ изыскателямъ, ни города Херсона, ни Хорса, идола, а полагаетъ, что это ошибка переписчика, написавшаго Хрьсови вмѣсто Днѣпрова, принимая за основаніе путь, лежащій изъ Кіева къ Остру, гдѣ Всеславъ долженъ былъ переѣзжать Днѣпръ. Въ чтеніи: «Съ тоя же каялы Святоплъкъ *повелѣя отца* своего междю Угорскими иноходцы» — соглашается съ Карамзинымъ и Пожарскимъ; но слово отца — говоритъ онъ—стоитъ здѣсь вмѣсто тьстя, *тся, цтя — тестя.* Въ этомъ случаѣ его изысканія ничего не объяснили, и намъ кажется, что и г. Бутковъ не понялъ точнаго выраженія этого мѣста, какъ всѣ другіе. Объясненіе слѣдующаго чтенія, запутаннаго первыми издателями, разгадано вѣрно и удачно: «то же звонъ слыша давный Великій Ярославъ сынъ Всеволожъ: а Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ.» Этимъ объясненіемъ воспользовался Максимовичъ и его чтеніе перепечаталъ въ своемъ изданіи съ перестановкою словъ вмѣсто — а сынъ Всеволожь Владиміръ—а Владиміръ сынъ Всеволожь. Выраженіе: «уже *не Шеломянемъ* еси» — г. Бутковъ принимаетъ совершенно въ другомъ значеніи отъ другихъ изыскателей; онъ частицу—*не*—принимаетъ за предлогъ *за*, а шеломя за Изюмскій курганъ, основываясь на топографическомъ изслѣдованіи похода Игорева.

Самое Слово, по мнѣнію г. Буткова — «сочинено при жизни Ярослава Владиміровича Галичскаго, умершаго 1187 года, и уже по возвращеніи изъ Половецкаго плѣна 1188 года князей Всеволода и Владиміра, какъ видно въ Словѣ.» Мы не согласны въ этомъ съ г. Бутковымъ. Сочинитель нигдѣ не говоритъ о своей современности, а лица, упоминаемыя имъ, которыхъ такъ много мы находимъ, никогда не объяснятъ намъ этого вопроса, если будемъ смотрѣть на него съ этой точки зрѣнія.

Что же касается до непонятныхъ словъ, встрѣчающихся въ описаніи Слова о походѣ Игоря, то г. Бутковъ почти не обратилъ на нихъ вниманія. Его изысканія о словахъ: *тлъковинъ, ходы, коганя, хотя, хинови* — ничего не объясняютъ. Они любопытны, какъ гипотеза, и мѣлочны, какъ все недѣльное. Замѣчательно также предположеніе о словахъ: *братіе, дружина*, гдѣ г. Бутковъ старается доказать, что въ старину «поэты составляли сообщества, какъ члены.» Доселѣ ни лѣтописи, ни акты не представляютъ намъ ни какихъ доказательствъ. Н. г. Бутковъ отыскалъ что-то подобное въ поэтахъ Кабардинскихъ Черкесъ.

Въ 1825 году пасторъ Зедергольмъ издалъ въ Москвѣ: Das Lied von Heereszuge Igors, Sohnes Swätoslaw Enkels Olegs. Онъ перевелъ наше Слово стихами, выписалъ изъ Исторіи Карамзина о происшествіяхъ и его замѣчанія, перевелъ замѣчанія К. Ѳ. Калайдовича и прибавилъ свои парадоксы: будто бы Слово о полку Игоревомъ писано хореями и амфибрахіями, и доказывалъ преимущество своего чтенія текста предъ всѣми археологами. Переводъ пастора Зедергольма не имѣетъ даже тѣни достовѣрности, и во многомъ уступаетъ Французскому переводу, помѣщенному въ журналѣ Le Catolique — барона Экшеина.

Критическія изслѣдованія Н. А. Полеваго о Словѣ Игорева полка помѣщены были въ его Исторіи Русскаго народа, ч. 2, и въ рецензіи на изданіе Слова, напечатаннаго А. Ѳ. Вельтманомъ (Въ Московскомъ Телеграфѣ, 1833 года, ч. 50, стр. 419). Мы обращаемся теперь къ его изслѣдованіямъ.

Н. А. Полевой полагаетъ, «что Слово о полку Игоревомъ есть неподдѣльное твореніе древней Русской Словесности. Народная поэзія Русская, при соединеніи Нордмановъ съ Славянами, образовалась въ видѣ Сагъ, и поэмы, которыя были пѣты Русскими Боянами или Боюнами. Со введеніемъ Христіанской вѣры, миѳологическо-героическая поэзія Руссовъ казалась неумѣстною. Ее изгоняли вовсе, почитая язычествомъ, или они должны были облекаться въ формы Христіанства: вотъ періодъ Слова о полку Игоревомъ—миѳо-героической поэмы, съ формами Христіанства. Тутъ являются: Хорсъ, Даждь-богъ—и Пирогощея Богоматерь; герои Христіане, но ихъ окружаютъ сны, видѣнія, дивы; они взываютъ къ солнцу, рѣкамъ; море смерчами идетъ на нихъ.... Языкъ, на каторомъ писано сіе Слово, есть языкъ Русской, Юга Русскаго, коимъ говорили въ XII вѣкѣ въ Кіевѣ и Черниговѣ, тогдашнемъ мѣстопребываніи Олеговичей; но только языкъ его возведенъ въ ту поэтическую степень изящества, до которой достигаетъ и нынѣ языкъ простолюдина въ народной пѣснѣ.... Въ Словѣ о полку Игоревомъ размѣръ явенъ, и стоитъ только вспомнить, что тутъ считать надобно не стопами, вы тотчасъ поймете его разнообразную пѣвучую музыкальность.»

Въ слогахъ и выраженіяхъ самаго текста Слова, Н. А. Полевой показалъ довольно замѣчательныя изслѣдованія. Такъ въ выраженіяхъ: тропу Трояню, вѣци Трояни — полагаетъ, что не должно думать о Троянѣ Императорѣ, какъ думали другіе, но что Владиміра называютъ въ одномъ Русскомъ памятникѣ Трояномъ, и что этихъ словъ не должно ли искать на Руси, или у Половцевъ.» Темныя мѣста подлинника: «Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля Ольгова Коганя хоти: тяжко ти головы, кромѣ головы» — Н. А. Полевой читаетъ такъ: «Рекъ Боянъ и ходы [говоря о походахъ] на Святославля (по подобію] пѣснотворца стараго времени Ярославля, Ольгова, Коганя: хотя тяжко ти голова, кромѣ плеча; зло ти тѣлу безъ головы. Полагаемъ—говоритъ Н. А. Полевой — что имя: Коганъ, означаетъ пѣвца, жившаго при Ярославлѣ, и славнаго, подобно Бояну, Слово *хоти*, мы переводимъ здѣсь словомъ: хотя, относя его къ слову: *тяжко*, а не къ предшествовавшимъ словамъ.»

Подробности и критическія изслѣдованія какъ о самомъ Словѣ, такъ и о народной Русской поэзіи помѣщены Н. А. Полевымъ во 2 томѣ Исторіи Русскаго Народа, столь всѣмъ извѣстной, что мы не входимъ въ дальнѣйшія изслѣдованія.

Послѣднее критическое изысканіе о Словѣ Игорева полка было составлено профессоромъ М. Максимовичемъ, и какъ классическія лекціи его были напечатаны въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1836, ч. X, стр. 1 и 439, и 1837 г, ч. XIII, стр. 29. Изслѣдованія г. Максимовича были раздѣлены на три отдѣльныя статьи.

Въ первой статьѣ онъ обозрѣвалъ исторію рукописи, разныхъ изданій Слова; слегка коснулся о гипотезахъ защитниковъ и недовѣрчивыхъ; еще короче изложилъ доказательства о достовѣрности слова. Окончаніе этой статьи составляетъ изложеніе Слова и историческихъ событій. Самое

Слово онъ раздѣляетъ на 12 главъ. Для примѣра мы выписываемъ его сужденія объ археологахъ Русскихъ.

«Г. А. Ѳ. Вельтманъ, 1833 года, перевелъ ее мѣрною прозою съ новымъ чувствомъ красотъ ея. Съ новыми видами объ исторической важности ея писалъ о ней г. Н. А. Полевой (Ист. Р. Н. 1830 и Моск. Тел. 1838). Съ новымъ уразумѣніемъ народно-поэтическаго ея свойства писалъ о ней г. А. Глаголевъ. Съ другой стороны, съ точки зрѣнія Каченовскаго, г. профессоръ И. И. Давыдовъ, на основаніяхъ филологическихъ сомнѣвается также въ ея подлинной древности и находитъ въ ней сходство съ Исландскими Сагами.»

Напрасно вы будете доискиваться: въ чемъ состоятъ новыя чувства красотъ г. Вельтмана? Какіе это новые виды исторической важности г. Полеваго? Что такое новое уразумѣніе г. Глаголева? На чемъ основаны подозрѣнія гг. Каченовскаго и Давыдова? Этого г. Максимовичъ нигдѣ не излагаетъ.

Слово о полку Игоревомъ г. Максимовичъ называетъ историческою пѣснію, и что оно есть первородный, изящный образецъ собственно Русской, настоящей исторической поэмы.

Во второй статьѣ г. Максимовичъ разсматриваетъ духъ и форму Слова о полку Игоревомъ. Этотъ духъ, по мнѣнію г. Максимовича, заключается въ соединеніи двухъ главнѣйшихъ началъ: «любви къ землѣ Русской и ея славѣ, и вѣры въ жизнь природы и глубокаго съ нею сочувствія. Въ подробномъ изслѣдованіи этотъ духъ получилъ у него подраздѣленія: духъ любви, духъ ратный. Тоска по родинѣ у него получила особенное названіе: «Любовь къ минувшему и скорбь о настоящемъ. Совершенно поверхностны изложенія предметовъ: вѣрованія въ міръ духовъ, чудесности знаменія природы. Въ такомъ Лагарповскомъ обзорѣ мы совершенно не замѣтили критическихъ изслѣдованій, такихъ изслѣдованій, которыя выходятъ изъ-подъ пера опытнаго археолога. Можетъ быть это и не входило въ кругъ изысканій г. Максимовича. Мы уже прежде указывали, какъ г. Максимовичъ удачно воспользовался трудами своихъ предшественниковъ, повторяемъ и теперь, что всѣ невѣрныя объясненія прежнихъ критиковъ въ изслѣдованіяхъ его совершенно удалены, и въ этомъ отношеніи его воззрѣніе на Слово имѣетъ предъ всѣми преимущество.

Въ третьей статьѣ г. Максимовичъ излагаетъ свои мнѣнія: «объ образѣ выраженія и языкѣ.» Въ своемъ обозрѣніи онъ старался разсматривать четыре предмета: о подобіяхъ, народно-поэтической символикѣ птицъ и звѣрей, о повтореніяхъ, и языкѣ.» Въ этой статьѣ мы встрѣтили самыя основательныя лексикографическія изслѣдованія, замѣчательныя по внимательному изученію Слова о полку Игоревомъ.

Подобіе, по мнѣнію г. Максимовича, принимаетъ разные обороты, кои можно привести къ тремъ видамъ: положительному, отрицательному и положительно-отрицательному. Подобіе при изображеніи какого либо одного предмета, обыкновенно у пѣвца выражается творительными падежемъ того предмета, отъ кого оно заимствуется; второй оборотъ подобія выражается сравнительнымъ союзомъ: аки, яко, рци; третій оборотъ подобія состоитъ въ сближеніи подобныхъ предметовъ, и есть простое соотвѣтствіе.

Въ обозрѣніи символики, г. Максимовичъ говоритъ, что соколъ есть символъ храбрости и быстроты въ нападеніи; лебедь есть символъ пѣнія и звука вообще; соловей есть эмблемма пѣвца; пареніе сизаго орла выражаетъ полетъ поэтическаго ума или замышленія Боянова; галка символъ разлуки; туръ символъ храбрости и силы.

Повторенія словъ и рѣченій, говоритъ г. Максимовичъ, состоитъ въ постоянныхъ эпитетахъ, усвоенныхъ разнымъ лицамъ и вещамъ.

Наконецъ о самомъ важномъ предметѣ— языкѣ Слова о полку Игоревомъ, онъ говоритъ: «Языкъ Пѣсни Игорю по составу

своему, т. е. въ лексико-грамматическомъ отношеніи, сходенъ съ языкомъ Нестора, Мономаха, и особенно съ языкомъ Кіевской и Волынской лѣтописи; но въ немъ еще болѣе, чѣмъ въ нихъ, замѣтно бореніе народно-Русскаго языка съ книжно-Славянскимъ. И это потому, что Пѣснь Игорю есть произведеніе мірское, поэтическое, и притомъ сложенное въ концѣ XII вѣка. Тогда Словенскій языкъ у насъ начиналъ уже измѣняться противъ первоначальнаго, древняго своего вида: и хотя на немъ писали, и вѣроятно, и говорили тогда книжные и духовные люди, но для мірянъ онъ былъ уже старый языкъ... Во внутреннемъ составѣ языка пѣсни Игоревой видимъ сочетаніе двухъ стихій—книжной и народной. Языкъ пѣвца Игоря столькожъ особенный и такъ составился, какъ и въ наше время изъ новаго—книжнаго и народнаго—Русскаго составляется особенный языкъ какого либо даровитаго, самостоятельнаго писателя. Пѣвецъ именно хотѣлъ воспѣть походъ Игоря старыми словесы трудныхъ повѣстій, по обычаю тогдашнихъ писателей, а, можетъ быть по желанію приблизиться къ языку своего вдохновителя Бояна, потому что у него и господствуетъ вообще языкъ Словенскій. Но это самое намѣреніе воспѣть старыми словесы показываетъ уже, что былъ тогда другой языкъ, относительно Словенскаго, новый, употребительный въ разговорѣ, а вѣроятно и въ народныхъ пѣснопѣніяхъ того времени. Сей природный и привычный пѣвцу языкъ былъ Южно-Русскій (Сѣверной области, ибо пѣвецъ безъ сомнѣнія былъ Сѣверянинъ) и сего языка слова и обороты безпрестанно пробиваются сквозь покровъ Словенскаго.»

Въ этихъ мнѣніяхъ мы прочитали уже прежнее розысканіе Н. А. Полеваго, помѣщенное въ рецензіи на изданіе Вельтмана [въ Моск. Телегр. 1833 года, ч. 50 стр. 432]—«что Слово о полку Игоревомъ писано на Русскомъ языкѣ, какимъ въ XII вѣкѣ говорили въ Украйнѣ, Кіевѣ, Черниговѣ, Курскѣ.» Встрѣтили старое замѣчаніе К. Ѳ. Калайдовича, помѣщенное въ трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности ч. 13, стр. 31—что пѣснь сочинена Славяно-Русскимъ языкомъ, подобнымъ библейскому и сходнымъ съ лѣтописями, граматами и другими историческими памятниками; что она сочинена по всѣмъ вѣроятіямъ въ нынѣшней Малороссіи.»

Въ изслѣдованіи склада языка Слова Игорева полка г. Максимовичъ повторилъ также старое. «Она могла быть пѣтою и не быть стихотвореніемъ: церковныя пѣсни наши, большею частію не представляющія никакой мѣрности въ складѣ своемъ, распѣваются на опредѣленные гласы.» Это еще было сказано А. Х. Востоковымъ въ 1818 году, въ опытѣ о Русскомъ стихосложеніи, стр. 159: «неизвѣстно, для пѣнья ли сочинено Слово, или только для чтенія, такъ лѣтописи и другіе тѣхъ временъ письменные памятники, отъ которыхъ отличается оно только своею витіеватостію?.. Прозу можно пѣть, такъ какъ мы поемъ наши Славянскіе псалмы и другіе церковные стихи, никакого опредѣленнаго размѣра неимѣющіе.»

Г. Максимовичъ допускаетъ, что въ Словѣ «есть стихи нестоль опредѣленнаго склада и однообразнаго размѣра, какъ народные Великорусскіе, но столько же разнообразные и вольные, какъ Украинскіе, особенно въ Думахъ.» Онъ приложилъ даже въ примѣчаніяхъ и образцы стиховъ:

Изъ пѣсни Ярославны:

Жаждею имъ лучи съпряже,
Тугою имъ тули затче.

Пѣсня Русскихъ женъ:

Уже намъ своихъ милыхъ ладъ
Ни мыслію смыслити,
Ни думою сдумати,
Ни очами сглядати,
А злата и сребра ни мало того потрепати!

Такое предположеніе допускали гг. Востоковъ, Дубенскій, Полевой. Вотъ ихъ опыты. Намѣреніе Г. Востокова привесть въ стопы пѣснь о полку Игоревомъ, появилось прежде другихъ. Онъ говоритъ: «въ древнѣйшемъ, какое до насъ дошло, эпическомъ произведеніи Русской музы, въ

Словѣ о полку Игоревѣ, не слыхать никакого размѣра: въ немъ съ начала до конца какъ кажется голая проза. Неизвѣстно, для пѣнія ли сочинено сіе, въ подлинникѣ такъ называемое слово; или только для чтенія, такъ какъ лѣтописи и другіе тѣхъ временъ письменные памятники, отъ которыхъ оно отличается только ватіеватостію? Если для пѣнія оно сочинено, то въ стихахъ или прозѣ? И прозу можно пѣть, такъ мы поемъ наши Славянскіе псалмы и другіе церковные стихи, ни какого опредѣленнаго размѣра неимѣющіе. Почему мы можемъ знать, что въ словѣ о полку Игоревѣ не было какого нибудь размѣра, который ежели бы и сохранился до насъ чрезъ столько вѣковъ въ настоящемъ своемъ видѣ, что весьма сомнительно, подъ перомъ безтолковыхъ перепищиковъ; то мы, при всемъ томъ, не только судить объ немъ, ни даже примѣтить его теперь не могли бы, за его древностію; ибо чрезъ 600 лѣтъ вѣрно сколько нибудь перемѣнилась и просодія языка Русскаго... Замѣчу мимоходомъ, что не мѣшало бы, хотя для типографической исправности, чтобъ облегчить читателю отыскиваніе мѣстъ, при новомъ изданіи Слова о полку Игоревѣ, раздѣлить сію древнюю поэму Русскую на стихи, подобные библейскимъ, и означить оные, какъ водится, числами.»

Г. Востоковъ прилагаетъ для образца и раздѣленіе на стихи этого слова. Вотъ они—

1. Нелѣпо ли ны бяшетъ, братіе,
2. Начати старыми словесы трудныхъ повѣстій
3. О плъку Игоревѣ, Игоря Святъславича,
4. Начати же ся той пѣсни,
5. По былинамъ сего времени,
6. А не по замышленію Бояню.
7. Боянъ бо вѣщій,
8. Аще кому хотяше пѣснь творити,
9. То растекашеться мыслію по древу.
10. Сѣрымъ влъкомъ по земли,
11. Шизымъ орломъ подъ облакы.

Г. Дубенскій принимаетъ это въ другомъ смыслѣ; онъ пѣснь о полку Игоревѣ размѣряетъ «шестистопнымъ дактилохореическимъ стихомъ или экзаметромъ.» Вотъ его раздѣленіе.

1. Не десятъ соколовъ лебедей на стадо пущаше;
2. Нъ своя вѣщіа пръсты на живыя струны въскладаше;
3. Они же сами княземъ славу рокотаху.

—

1. . . Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце
2. И видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты.
3. И рече Игорь къ дружинѣ своей: братіе и дружино!
4. Луцежъ бы потяту быти, неже полонену быти:
5. А всядемъ, братіе, на свои бръзыя комони,
6. Да позримъ Дону синего.

—

1. Съ вами, Русици, хощу главу свою приложити,
2. А любо испити шеломомь Дону. О Бояне,
3. Соловію стараго времени! А бы ты сіа плъки
4. Ущекоталъ, скача славію по мыслену древу,
5. Летая умомъ подъ облакы; свивая славы
6. Оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню
7. Чрезъ поля на горы.

—

1. Тому вѣщій Боянъ и прѣвое
2. Припѣвку смысленный рече: ни хытру, ни горазду,
3. Ни птицю горазду, суда Божіа не минути.
4. О стънати Русской земли, помянувши прървую годину
5. И прѣвыхъ князей. Того стараго Владиміра не лзѣ
6. Бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ.

—

1. Сѣдлай,
2. Брате, свои бръзыи комони, а мои ти готовы,
3. Осѣдлани у Курьска на переди; а мои ти
4. Куряни свѣдоми къмети, подъ трубами повити,
5. Подъ шеломы възлелѣяны, конецъ копія въскърмлени,
6. Пути имъ вѣдоми, яруги имъ знаеми, луци
7. У нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени.
8. Сами скачутъ акы сѣрыи влъцы въ полѣ,
9. Ищучи себѣ чти, а Князю славѣ.

—

Н. А. Полевой, разбирая изданіе Вельтмана—«Пѣснь ополченію Игоря Святови-

ча» напечатанное въ Москвѣ, въ 1833 году, писалъ въ Московскомъ телеграфѣ 1833 г. № 7, стр. 429.—

«Въ словѣ о полку Игоревомъ размѣръ явенъ, и стоитъ только вспомнить, что тутъ считать надобно не стопами, вы тотчасъ поймейте его разнообразную, пѣвучую музыкальность:

1. А встона, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми;
2. Тоска разліяся по Русской землѣ;
3. Печаль жирна тече средь земли Рускія;
4. Князи сами па себя крамолу коваху,
5. А погаиіи, сами нарыщуще на Русскую землю,
6. Емляху дань по бѣлѣ отъ двора.....

1. О Днѣпрѣ словотишю!
2. Ты пробилъ еси каменныя горы, сквозѣ землю Половецкую,
3. Ты лелѣялъ еси Святославли насады до пълку Кобякова,
4. Взлелѣй, господине, мою ладу ко мнѣ,
5. А быхъ не слала къ нему слезь на море рано!
6. О вѣтрэ вѣтрило! Чему, господине насильно вѣеши!
7. Чему мычеши Хановскія стрѣлки,
8. На свою не трудною крыльцѣ,
9. На моея лады вою!
10. Мало ти бяшетъ горѣ, подъ облаки вѣять,
11. Лелѣючи корабли на синѣ морѣ!
12. Чему, господине, мое веселіе по кавылію развѣя!

Вотъ четыре различныя сужденія писателей объ одномъ и томъ же предмѣтѣ. Мнѣніе каждаго изъ нихъ имѣетъ свои основанія, свои доказательства. Всѣ различія проистекаютъ отъ образа воззрѣнія на предметъ.

Таковы были критическія изслѣдованія защитниковъ Пѣсни Игорева полка. Мы теперь обращаемся къ нашимъ Русскимъ скептикамъ, невѣрующимъ въ бытіе древней Руси, и, въ полномъ сравненіи ихъ изслѣдованіи, можемъ только видѣть достоинство тѣхъ и другихъ.

Наши Русскіе скептики доселѣ еще не успѣли произвести ни одного полнаго сочиненія, ни одного полнаго критическаго изслѣдованія по Русской исторіи. Всѣ труды ихъ состоятъ въ нѣсколькихъ сомнѣніяхъ, высказанныхъ въ журнальныхъ статейкахъ. Всѣ понятія о недостовѣрности древней Русской исторіи не приведены еще въ систему, хотя приверженцы успѣли уже провозгласить, что появилась на Руси новая историческая школа. Понятія скептиковъ, какъ чуждыя намъ по происхожденію, какъ намъ современныя, извѣстны наперечетъ, и потому мы не считаемъ ихъ самобытными, созданными Русскимъ умомъ и Русскимъ человѣкомъ. Это мы потому говоримъ, что ни одно сомнѣніе нашихъ скептиковъ не утверждено доказательствами, что ни одно подозрѣніе не изслѣдовано критически, что зародышъ критическихъ сомнѣній и подозрѣній появился въ думахъ чужеземца по своему происхожденію.

Мнѣнія извѣстнаго профессора Эверса были приняты Московскимъ профессоромъ М. Т. Каченовскимъ и составили основаніе такъ называемой новой исторической школы. Сомнѣнія начались съ первой страницы Русской исторіи—съ вопроса? Откуда произошли Руссы? Отвергая всѣ изслѣдованія, всѣ древніе акты, первый составъ Несторовой лѣтописи, они заподозрили всю Русскую исторію до XIV вѣка. Въ слѣдствіе этихъ сомнѣніи и Слово о полку Игоревомъ было предано сомнѣнію, какъ блестящій фактъ Русской граматности XII вѣка.

Мнѣнія почтеннѣйшаго М. Т. Каченовскаго извѣстны намъ только по краткимъ выпискамъ его послѣдователей; самъ же онъ, какъ слышно, приготовляетъ еще свои критическія изслѣдованія по Русской исторіи. Послѣдователи говорятъ, что всѣ критическія замѣчанія заимствуютъ они изъ лекцій М. Т. Каченовскаго, и какъ онъ самъ ни одного раза не протестовалъ противъ ихъ недостовѣрности, то мы и признаемъ ихъ за произведенія М. Т. Каченовскаго. Мнѣніе его о Словѣ Игорева полка было вписано Г. Бѣликовымъ въ критическое изслѣдованіе, помѣщенное въ Ученыхъ Запискахъ Императорскаго Московскаго Университета, ч. 5, стр. 457.

Г. Бѣликовъ говоритъ: «заключимъ драгоцѣнными замѣчаніями, заимствованными мною изъ лекціи профессора Каченовскаго.

«Хощу... копіе приломити... съ вами.

«Фраза рыцарская! Rompre une lance avec и также poup quelqu'un. Смотри Словари. Странная встрѣча!

«*Чили*—или. Но это есть такое Польское словцо, котораго употребленія невозможно приписывать тому времени. Какимъ былъ Польскій языкъ XIV столѣтія—никто не знаетъ.

«*Велесовъ внуге*. Изъ Св. Власія, покровителя скотовъ, невѣжды сдѣлали небывалаго бога *волоса*, иначе *велеса*; въ такомъ же заблужденіи былъ и нашъ авторъ, между тѣмъ какъ извѣстно, что въ Новгородѣ была Волосова улица (И. Г. Р. изд. 2, т. IV, пр. 337, стр. 207). Гражданинъ Волосъ, т. е. Власъ былъ убитъ на вѣчѣ 1230 г. (Новг. лѣт. стр. 115.) Была и церковь Св. Власія или Волоса. Странно, что въ Новг. находилась и улица Бояна (лѣт. Новг. 177)! Авторъ частехонько бредитъ именами лицъ и урочищъ сѣверныхъ!

«*Буй Туръ Всеволодъ*. Туръ — дикій баранъ горъ Кавказскихъ; оттуда: турій рогъ. (Приб. къ Инв. 1833, 62 № стр. 493] Изобрѣтатель пѣсни Игоревой, въ общемъ со всѣми заблужденіи, почитаетъ за вола.

«*Драгыя Оксамиты*. Оксамитъ (слово Польское, но происхожденія Греческаго)—бархатъ и притомъ изъ шелку, ибо дорогыя оксамиты. Но въ XII или XIII столѣтіяхъ шелкъ былъ веществомъ еще весьма рѣдкимъ даже между Греками. Шелководствомъ начали заниматься въ Венеціи только съ 1309 г, въ Неаполѣ 1456; во Франціи шелковыя фабрики появляются около 1470 года. (Бека Всеоб. Ист. IV. 858).

Свыгал а обыгал. Слова, употребительныя въ Польскомъ языкѣ. въ видѣ поговорки, какъ напримѣръ въ Нѣмецкомъ: handeln und wandeln и проч. Это пахнетъ чѣмъ-то новымъ; ибо Польскій языкъ XII и XIII столѣтій никому неизвѣстенъ.

«*Давеча*—украдено изъ Великороссійскаго простонарѣчія новѣйшаго; ибо въ книгахъ его не находимъ.

«Упоминаемыя въ пѣсни Ногаты суть принадлежность сѣвера, а не юга.

«Наконецъ еще должно замѣтить, что нѣкоторыя необыкновенныя формы глаголовъ заимствованы изъ Новгородской лѣтописи; на стр. 65 найдете: уча*шеть*, бя*шеть*. Весьма также зимѣчательны выраженія, найденныя Карамзинымъ въ одной рукописи и повторенныя въ Словѣ о полку Игоревѣ, а именно: сѣяшется и ростяше усобицами; гыняше жизнь наша въ князехъ, которыи вѣци сократишася человѣкомъ.» [См. И. Г. Р. изд. 2. IV, пр. 228, 144.]

Вотъ драгоцѣнныя замѣчанія почтеннѣйшаго М. Т. Каченовскаго. Справедливы ли они? Это ли критика для такого геніальнаго произведенія, каково Слово о полку Игоревомъ? Не позабудьте, что такъ думаетъ самъ основатель новой исторической критики, котораго мнѣнія послѣдователи принимаютъ за факты, отвергая настоящіе историческіе факты, на которыхъ зиждется основаніе критикъ въ ученомъ мірѣ. Мы разсмотримъ драгоцѣнныя замѣчанія почтеннѣйшаго М. Т. Каченовскаго.

Будто слова: «хощу.. копіе приломити... съ вами»—есть рыцарская фраза, мы не вѣримъ этому, и скорѣе согласимся, что выраженіе: «смотри словари — не имѣетъ никакого вѣроятія. Критикъ не показалъ намъ, въ какіе словари мы должны смотрѣть, чтобы удостовѣриться въ его возраженіи; а безъ этого мы не вѣримъ, и самое его возраженіе считаемъ фразою новой исторической школы. Просимъ заглянуть только нашихъ читателей въ Русскія народныя стихотворенія, собранныя Демидовымъ, гдѣ вазсказывается о богатырскихъ подвигахъ Русскихъ витязей. Тамъ Русскимъ языкомъ воспѣты богатыри наши. Неужели всѣ эти пьесы есть переводъ съ Французскаго? Неужели Святославъ, переселяясь изъ Кіева

въ Болгарію былъ рыцарь, когда поэтически описывалъ выгоды своихъ переселеній? Мы знаемъ отличіе между наѣздами нашихъ князей на степи Подовецкія и рыцарскими подвигами, и потому самому не смѣшиваемъ въ одно понятіе рыцаря и богатыря, рыцарство и наѣздничество. И если Русской критикъ имѣетъ такія неосновательныя понятія о семейной и политической жизни своихъ предковъ, то чего же ожидать намъ отъ чужеземцевъ? Мы бы желали знать: откуда взялъ почтеннѣйшій М. Т. Каченовской эту Французскую фразу? И если на это историческій фактъ, или только взято изъ какой нибудь исторической книги? Мы не будемъ входить въ изслѣдованіе Славянской Миѳологіи и доказывать, что Велесъ существовалъ у Славянъ язычниковъ, зная, что почтеннѣйшій М. Т. Каченовскій, по своимъ критическимъ соображеніямъ, уничтожаетъ въ Русской исторіи около четырехъ вѣковъ. Наши мнѣнія о Славянской миѳологіи изложены уже впереди, въ Сказаніяхъ Русскаго народа, и повторяемъ здѣсь, что мы вѣримъ сказанію Нестора, что Великій Владиміръ съ принятіемъ Христіянства уничтожилъ Кіевскихъ идоловъ, въ числѣ которыхъ былъ и Велесъ. Нашъ Несторъ первый сказалъ, что именемъ Велеса клялись наши предки-язычники, что Велесовъ кумиръ былъ въ кіевѣ, а почтеннѣйшій М. Т. Каченовскій изволитъ думать, что «изъ Св. Власія, покровителя скотовъ, невѣжды сдѣлали небывалаго бога Волоса, иначе Велеса,» нимало не упоминая, что уже въ XII столѣтіи Св. Аврамій Ростовскій уничтожилъ въ Ростовѣ языческое поклоненіе Велесу.

Мнѣніе неизвѣстнаго, что «Туръ—есть дикій баранъ горъ Кавказскихъ — не служитъ опроверженіемъ словъ пѣвца Игоря: «Буй Туръ!» Во первыхъ, не должно доискиваться слова Туръ на Кавказѣ и выводить его отъ дикаго барана: это есть заблужденіе. Кому знакомы народные праздники и образцовое сочиненіе извѣстнаго нашего археолога, И. М. Снегирева, тѣ вѣрно не будутъ возлагать небывалыхъ подозрѣній на пѣвца Игоря.

Аксамитъ совсѣмъ не бархатъ изъ шелку; это есть парчевая матерія. Мы также не понимаемъ, что аксимитъ есть слово Польское, Греческаго происхожденія! Если Поляки могли усвоить себѣ это слово, то не ужели Русскіе XII вѣка, еще болѣе знакомые съ Греками, не могли усвоить этого же слова? Мы не понимаемъ, какъ только можно въ XIX вѣкѣ называть эти невѣроятности драгоцѣнными примѣчаніями!

Загляните въ Исторію Н. М. Карамзина т. 2, прим. 300, 393, 414, загляните въ лѣтописи подъ годами 1147, 1159, 1164 — и тамъ увидите, какъ наши князья дарили другъ друга Пардусами и аксамитами. Это Русское доказательство вѣрнѣе заморскаго. Для чего ссылаться на Бека, который толкуетъ о шелковомъ производствѣ, а не о пѣвцѣ Игорева полка?.. Вотъ какіе факты новой исторической школы! Въ описяхъ церковныхъ ризницъ доселѣ находимъ слово аксамитъ, и тамъ парчевыя ризы называются аксамитными. Загляните въ старыя описи ризницы Московскаго Успенскаго собора, или описи государскихъ имуществъ XVII вѣка, хранящіяся въ Московской Оружейной палатѣ, и тамъ прочтете аксамиты.

Говоря, что слова: свычая и обычая— употребляются въ Польскомъ языкѣ, почтеннѣйшій М. Т. Каченовскій приводитъ въ доказательство Нѣмецкую фразу, и говоритъ что это пахнетъ чѣмъ-то новымъ. Осмѣливается увѣрить, что эти слова коренныя Русскія, а не Польскія, и что они доселѣ употребляются въ губерніяхъ Тульской, Орловской и Московской. Намъ нѣтъ ни какой надобности, что Польскій языкъ XII и XIII столѣтій никому неизвѣстенъ. Мы вѣримъ отъ души, что Іоаннъ Экзахрхъ Болгрскій переводилъ на Славянскій языкъ, что Остромирово Евангеліе, писанное въ половинѣ XI вѣка, также есть переводъ съ Греческаго на Славянскій.

Давеча—говоритъ почтеннѣйшій М. Т. Каченовскій, нестарое слово, оно украдено изъ Великороссійскаго простонарѣчія новѣйшаго. Смѣемъ увѣрить его, что вмѣсто—давеча, должно читать: далеча—это ошибка писца, или недосмотръ первыхъ издателей. Положимъ, что слово давеча поставлено въ спи-

скѣ безъ ошибки, и будемъ допускать, что это слово простонародное, и тогда мы не имѣемъ права отвергать его. Нашъ языкъ народный доселѣ еще неизслѣдованъ; нѣтъ у насъ областныхъ словарей и грамматикъ; никто не занимался еще сравненiями областныхъ выговоровъ. Языкъ народный имѣетъ вѣковыя постоянности, особенно языкъ господствующiй; онъ остается неизмѣненъ, какъ самъ народъ. Со всемъ не то бываетъ съ языкомъ книжнымъ, который безпрерывно измѣняется. Отвергать древнее произведенiе Слова о полку Игоревомъ потому только, что слова: давеча—нѣтъ въ книгахъ противно всякому логическому смыслу.

Почтеннѣйшiй М. Т. Каченовскiй излагаетъ, что будто бы слова, найденныя Карамзинымъ въ одной рукописи повторены въ одномъ мѣстѣ въ Словѣ о полку Игоревѣ. Здѣсь двойная неправда: рукопись отыскана Калайдовичемъ, а не Карамзинымъ, и мы въ этомъ ссылаемся на статью, помѣщенную въ трудахъ Общества Исторiи и Древностей Россiйскихъ, ч. 2. стр. 41, гдѣ говоритъ Калайдовичъ: «немаловажнымъ доказательствомъ древности ея послужитъ одно мѣсто, случайно найденное мною и сообщенное г. Историографу.» Эта рукопись есть Апостолъ, писанный на пергаменѣ въ 1307 году. По смыслу, данному М. Т. Каченовскимъ, выходитъ, что пѣвецъ Игоря жившiй въ XII вѣкѣ, повторилъ слова Игумена Зосимы, жившаго въ XIV столѣтiи. И такiе изслѣдованiя называются критикою!

Сильное гоненiе на Слово о полку Игоревомъ воздвигъ послѣдователь почтеннѣйшаго М. Т. Каченовскаго, г. Бѣликовъ, въ статьѣ: «нѣкоторыя изслѣдованiя Слова о полку Игоревѣ,» напечатанной въ Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета [1834 г., ч. 5, стр. 395 и 448]. Въ заключенiе всѣхъ своихъ умствованiй, онъ говоритъ: «Пѣснь Игоря не дошла до насъ въ своей первобытной чистотѣ; она чрезъ нѣсколько вѣковъ уже писана имъ съ словеснаго преданiя, сохранившагося въ сказкѣ, или пѣсни, или переложена съ иностраннаго языка. Въ XVI вѣкѣ, когда книгопечатанiе породило въ Руссахъ чрезвычайную охоту къ чтенiю, видно въ нашей исторiи вообще стремленiе грамматѣевъ списывать всѣ историческiя преданiя, и отечественныя и иностранныя. Въ это время, вѣроятно, нашелся и любитель изящнаго, которому понравилась сказка, или пѣснь о походѣ Игоря, и который, чувствуя въ себѣ способность краснорѣчиво передавать свои мысли, рѣшился записать ее, и какъ бы хорошiй начетчикъ старинныхъ книгъ, вздумалъ изложить оную старинным языкомъ XII вѣка—старыми словесы; притомъ языкомъ сочинителя, который, по его мнѣнiю, былъ южный Русинъ. Это намѣренiе заставило его искать старинныхъ формъ языка, словъ южнаго нарѣчiя и почерпать по невѣдѣнiю слова изъ Польскаго и Сербскаго языка. Безъ сомнѣнiя чрезъ это онъ исказилъ прекрасную пѣснь Игорю; но ему это казалось лѣпымъ. Вѣроятно также, что его же усердiемъ вставлено отступленiя о междоусобiяхъ князей, заимствованныя имъ изъ другихъ преданiй; можетъ статься, что списатель Слова о полку Игоревѣ и не былъ его слагателемъ, а только переводчикомъ. Въ XII столѣтiи, какъ извѣстно, приходили къ нашимъ князьямъ Норманны, Греки; не удивительно, что изъ сихъ пришельцовъ кто либо, обрусѣвъ, записалъ, или воспѣлъ на своемъ языкѣ походъ Игоря, и эта записка дошла до грамматѣевъ XVI вѣка, которые переложили ее старинным Русскимъ языкомъ, подражая древнѣйшимъ нашимъ писанiямъ; но, не понимая хорошо подлинника, переводили буквально, пособляя своему неумѣнью словами изъ разныхъ языковъ.»

Вотъ каковы понятiя послѣдователя новой исторической школы о Словѣ Игорева полка. Всѣ эти предположенiя основаны г. Бѣликовымъ на слѣдующихъ сомнѣнiяхъ.

«Слогъ Игоревой пѣсни далекъ отъ выраженiя, какое видимъ мы въ нашей древней библiоѳикѣ; онъ ниже и грубѣе нашихъ древнихъ монашескихъ писанiй, а выше и чище слога ихъ граматъ. (стр. 307). Въ эстетическомъ отношенiи Слово о полку Игоревѣ возвышается предъ всѣми нашими древними словесными произведенiями. Въ

немъ красоты піитическія разсѣяны во множествѣ: прекрасныя сравненія, изящныя описанія, живописныя олицетворенія поражаютъ читателя. Отличительнымъ ея качествомъ, кажется, можно положить сильное погруженіе чувства поэта въ окружавшую его природу (стр. 305].»

Вотъ какими доказательствами скептики убиваютъ Слово о полку Игоревомъ. Чему вѣрить, когда въ одно и тоже время говорятъ разное. Или слѣдующее: Слово при всей краткости, открываетъ величайшія несообразности въ Лексикологіи и Этимологіи слова, притомъ какъ въ историческомъ такъ и Этимологическомъ отношеніи.» Критикъ не показалъ этихъ несообразностей, не раскрылъ лексикологическихъ изслѣдованій XII вѣка, почему бы ему можно вѣрить. Когда критикъ приходитъ въ удивленіе: откуда пѣвецъ могъ знать Леопардовъ? Неужели они водились когда либо въ Россіи?»—то мы не видимъ, чтобы онъ вникалъ въ историческое отношеніе. Просимъ критика заглянутъ въ Кіевскую лѣтопись, гдѣ сказано, что Олегъ Святославичъ подарилъ Юрію Долгорукому пардуса, а Святославъ Олговичъ тѣмъ же дарилъ Ростислава: это было въ половинѣ XII вѣка. По мнѣнію критика матеріалы Слова въ статистическомъ отношеніи представляютъ еще болѣе загадочности. И какія же слова загадочны? Болонье, яругъ. Слово: болонье мы встрѣчаемъ въ путшествіи Даніила Паломника; слышимъ доселѣ, какъ Кіевляне называютъ этимъ словомъ мѣсто между валомъ и городомъ. Слово яругъ тамъ часто встрѣчается въ крѣпостныхъ записяхъ XVII вѣка, что оно явно выражаетъ оврагъ, ровъ. Вотъ вамъ достовѣрности статистическія. Критикъ подозрѣваетъ даже, что слова: кровать тесова, дорога — отзываются чѣмъ то новымъ. Кто же теперь пишетъ: тесова кровать? Это мы встрѣчаемъ въ старыхъ народныхъ пѣсняхъ и въ Новогородскомъ нарѣчіи.

Еще въ 1834 году г. С. Руссовъ возражалъ г. Бѣликову въ отдѣльный брошюрѣ о подлинности Слова о полку Игоревѣ; указывалъ также на его неправильныя изслѣдованія и г. Бутковъ въ Сынѣ Отечества [1834 г. ч. 46, стр. 621); говорилъ также въ свою очередь и г. Максимовичъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія [1837 г. ч. 13, стр. 44.], Любопытные могутъ прочитать всѣ эти возраженія, чтобы вполнѣ раскрыть мнимыя сомнѣнія и оцѣнить изысканія послѣдователей новой осторической школы.

П. М. Строевъ, извѣстный нашъ археографъ, приступившій недавно къ новой исторической школѣ, въ статьѣ: Хронологическое указаніе матеріаловъ отечественной исторіи, литературы и проч., помѣщенной въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія [1834 г. ч. 1, стр. 152], говоритъ: Слово о полку Игоревѣ и Слово Даніила Заточника—проблеммы Русской Словесности XII вѣка.» Болѣе этого мы не знаемъ, гдѣ бы г. Строевъ говорилъ что нибудь еще о Словѣ. Изъ приведеннаго нами его мнѣнія о Словѣ, мы, никакого не можемъ вывесть заключенія; можетъ быть послѣдователи новой школы объяснятъ, со временемъ, эту фразу г. Строева.

И. И. Давыдовъ, профессоръ Московскаго Университета, по своимъ понятіямъ приближается къ послѣдователямъ новой школы, и также, какъ они, подозрѣваетъ Слово о полку Игоревомъ. Его мнѣнія о Словѣ были изложены въ лекціи: «составленія, начала, и направленіе древней отечественной словесности,» напечатанной въ ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета, 1834 г. ч. 3, стр. 281. Почтеннѣйшій професоръ говоритъ, что «это произведеніе, смѣсь Христіанскихъ понятій съ языческими, представляетъ нѣкоторыя историческія воспоминанія, господствующія идеи того времени и повѣрья; языкъ же смѣсь древняго и средняго языка изъ разныхъ нарѣчій не подкрѣпляетъ мнѣнія о глубокой его древности. Слово о ополченіи Игоревомъ не походитъ на Греческія Рапсодіи: въ немъ болѣе сходства съ Исландскими сагами,... Если встрѣчается сочиненіе, о которомъ не говорятъ писатели послѣдующихъ вѣковъ, то достовѣрность онаго почитается сомнительною.... Сочиненіе, писанное на неправильномъ смѣшеніи разныхъ нарѣчій, притомъ изъ разныхъ

временъ даетъ право сомнѣваться въ его достовѣрности.»

Разберемъ эти предположенія.

Почтеннѣйшій профессоръ первое сомнѣніе основываетъ на томъ, что Слово писано языкомъ, составленнымъ изъ разныхъ нарѣчій. Во первыхъ, этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ, во вторыхъ, это выдумали скептики, основываясь на пяти словахъ, которыя они приписываютъ то нарѣчію Малороссійскому, еще тогда не существовавшему, то видятъ въ нихъ фразы Польскія и Богемскія, забывая, что первоначальный Славянскій языкъ былъ общимъ для всѣхъ Славянскихъ поколѣній.

Если дѣйствительно Слово походитъ на Исландскія Саги, то это будетъ очень важное открытіе для нашей старой литературы. Весьма замѣчательныя мнѣнія нашего историка, Н. А. Полеваго, изложенныя имъ во 2. ч. стр. 266. Исторіи Русскаго народа, о Русскихъ Сагахъ, увлекли многихъ къ догадкамъ. Г. Давыдовъ, вѣроятно, въ этомъ случаѣ принимаетъ мнѣніе Бѣликова, предполагавшаго, что Слово о полку Игоревомъ было прежде сложено Нордманномъ. Для критической достовѣрности, мы просимъ почтеннѣйшаго профессора указать намъ: съ какою Исландскою сагою имѣетъ сходство наше Слово?

Для большой ясности, намъ остается еще разскрыть одно важное обстоятельство, увлекшее г. Давыдова къ сомнѣнію. А. Ѳ. Вельтманъ, при своемъ изданіи Слова о полку Игоревомъ, сказалъ въ предисловіи, что оно писано «на соединеніи всѣхъ нарѣчій Славянскихъ, очищенныхъ высокимъ чувствомъ поэта.» Кромѣ г. Вельтмана никто не предполагалъ такой догадки. Эту гипотезу принялъ за основаніе почтеннѣйшій профессоръ въ своихъ критическихъ изслѣдованіяхъ, и заподозрилъ Слово.

Неизвѣстный критикъ, разбирая сочиненія г. Глаголева: Умозрительныя и опытныя основанія Словесности, говоритъ (Библiот. для чтенія на 1834 г. т. IV, стр. 3): «Мы сожалѣемъ, что онъ не примѣнилъ духа анализа къ Слову о полку Игоря, которое слишкомъ опрометчиво причисленно имъ къ источникамъ Русскаго языка; что онъ не принялъ на себя труда сравнить его критически съ Гаэлицкою поэзіею почтеннаго Мекферсона. Надъ Словомъ о полку Игоря носится въ нашемъ умѣ сильное подозрѣніе въ мистификаціи: оно крѣпко пахнетъ Оссіаномъ; его фразы словно выкроены по Мекферсоновымъ; его обороты и выраженія большею частію принадлежатъ къ слогу XVIII вѣка, многія прилагательныя къ новѣйшій Польской поэзіи, особенно слово вѣщій, въ смыслѣ поэтическій, весьма поздно созданное для Латинскаго vates въ переводахъ Горація и Виргилія; быстрая Каяла, серебряныя сѣдины, Сула, текущая серебряными струями, храбрая мысль, носящая умъ на дѣло, жемчужная душа въ храбромъ тѣлѣ, кровавыя его раны въ жестокомъ тѣлѣ, кровавыя зори, налаганіе вѣщихъ перстовъ на живыя струны, прилетаніе мыслію издалеча, золотыя слова, смѣшенныя слезами, и цѣлыя дюжины этого года понятій, совершенно неизвѣстны среднимъ вѣкамъ, совершенно противны духу ихъ краснорѣчія, и явно заимствованы изъ новаго поэтическаго языка Европейцовъ; наконецъ симметрическія повторенія въ періодѣ нарѣчій, уже, тутъ, изысканное сочетанье междуметья о! съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ, и т. д. напоминаютъ уроки Цицерона и Квинтиліана, а чистое употребленіе мѣстоимѣнія свой, столь рѣдкаго въ старинныхъ Славянскихъ писаніяхъ, показываютъ въ сочинителѣ человѣка, напитаннаго Французскимъ языкомъ. Есть даже галлицизмы, напримѣръ: кричать телеги полунощныя—тутъ и глаголъ и прилагательное не старѣе насъ лѣтами. Всѣ эти обстоятельства подвергаемъ мы безпристрастію и разборчивости автора, не должно останавливаться тѣмъ, что уже много глубокомысленныхъ разсужденій писано о Словѣ полка Игоря. Оссіанъ былъ переведенъ на всѣ языки, внесенъ во всѣ піитики, принятъ даже въ исторію, когда Малькольмъ Ленгъ разочаровалъ его обожателей своею безпощадною любовію къ истинѣ. Самое открытіе этого Слова въ эпоху энтузіазма, возбужденнаго Оссіаномъ, и что еще важнѣе, совершенное отсутствіе вся-

кихъ другихъ списковъ, уже должны были привести осторожнаго критика въ сомнѣніе, еслибъ даже не находилось другихъ слѣдовъ подлога въ самомъ произведеніи, впрочемъ искусно поддѣланномъ.»

Въ брошюрѣ, изданной г. Руссовымъ, въ опровержение неизвѣстнаго критика, читатели могутъ видѣть подробно — до какой степени доходятъ любопытныя сомнѣнія новой исторической школы.

Изложивши главныя мнѣнія Скептиковъ, мы старались съ тѣмъ вмѣстѣ указать и на ихъ поверхностныя изысканія въ трудахъ археологическихъ. Вооружаясь невѣріемъ, они насмѣшливо смотрѣли на занятія защитниковъ Слова о полку Игорева. Для примѣра мы приведемъ буквальныя списки занятій Р. Ѳ. Тимковскаго и К. Ѳ. Калайдовича, помѣщенныя въ Сынѣ Отечества (1838 г. № стр.). Калайдовичъ, въ письмѣ своемъ къ Тимковскому писалъ:

«Типографщикъ Семенъ Аникѣевичъ Селивановскій говорилъ мнѣ, что онъ видѣлъ въ рукописи Пѣснь Игореву. Она написана, точно, въ книгѣ, какъ сказано въ предисловіи, и Бѣлорусскимъ письмомъ, не такъ древнимъ, похожимъ на почеркъ Димитрія Ростовскаго. Корректуру держали: А. Ѳ. Малиновскій, Н. Н. Б. Каменскій, а третью уже читалъ графъ Пушкинъ. Они дѣлали частыя поправки въ корректурѣ, съ точностію издавая подлинникъ, отъ чего печатаніе шло медленно. Графъ Пушкинъ не имѣлъ права помарывать корректуру.

Стр. 34, *усобицѣ*, не значитъ ли: *состязаніе?*

Ник. лѣт. Ч. II, стр. 26. Василько говоритъ: *любо налѣзу себѣ славу, любо и главу свою сложу за Русскую землю.* Стр. 30, *И Угры збиша въ клубъ, яко соколъ сбиваетъ галицы.*

Въ Малороссіи говорятъ: *утка кагкае* (кикакутъ?)

Путы — кандалы. Въ Малороссіи говорятъ: *путы лошадиныя.*

Слово: *убуди*, въ четырехъ мѣстахъ передано, на стр. 9 *пробуждаетъ;* на стр. 10 *умолкаетъ*; на стр. 16 *разбудила*, а на стр. 21 *возобновили.*

Лукоморіе, на стр. 22-й упоминаемое, значитъ здѣсь *Азовское море.* Въ одной лѣтописи написано, что Татары, преслѣдуя Половцевъ, загнали до рѣки Днѣпра по Дону и въ *луки моря. Лука*, значитъ *кривизна, извилина.*

Трудная повѣсть значитъ неприскорбная, а *печальная.*

На стр. 17 слова: *а сице и рати*, должно читать: *а сицей рати.* Вмѣсто: *розы нося имъ*, кажется, читать надобно: *розы носящимъ.*

Г. Карамзинъ говорилъ мнѣ, что въ подлинникѣ Пѣсни Игоревой, вмѣсто: *вѣчи Трояни*, въ двухъ мѣстахъ было написано: *сѣчи Трояни.* Также лѣтопись Волынская, по его словамъ, имѣетъ большое сходство по языку и выраженіямъ съ Пѣснью Игоревою, и обильна сравненіями, подобными находящимся въ первой.

Преосвященный Евгеній, въ письмѣ ко мнѣ, отъ 18-го Января 1814 года, изъ Калуги, пишетъ слѣдующее о Пѣсни Игоревой: «Объ Игоревой пѣсни я не сомнѣваюсь, что она давняя, и могла сочинена быть въ XV вѣкѣ, когда воображеніе и духъ Россіянъ уже ободрился отъ успѣховъ надъ Татарами. Но чтобы была и древняя до XIII вѣка, на это потребны доказательства яснѣе Игумена Зосимы (заключеніе Апостола 1307 года). Растолкуйте вы мнѣ, къ чему авторъ написалъ въ самомъ началѣ: «не лѣпо ли ны бяшетъ *старыми словесы?*» Не значитъ ли это, что онъ согласился написать старинным прежнихъ временъ слогомъ, а не современнымъ себѣ? Слѣдовательно, онъ не современникъ бытій. Много у насъ и Русскихъ пѣсенъ, писанныхъ старинным слогомъ, о временахъ даже Владиміровыхъ. Ктожъ отнесетъ ихъ къ тѣмъ временамъ? Сѣверное пѣснопѣніе древнее (ссылаюсь на Скандинавскія Саги и Эдды), никогда не было такъ высокопарно, какъ Пѣснь Игорева. Это воображеніе Восточное, похожее на Арабскія и Татарскія пѣсни, а не на Греческія.»

Графъ С. П. Румянцовъ не вѣритъ Пѣс-

ни Игоревой, почитая ее подложною, и основываясь на томъ, что въ ней встрѣчается имя *Солтаново*, появившееся гораздо позже XII вѣка, новое названіе народа *Венедици*, и мѣстоимѣніе *которой*, неприличное будто бы тому времени. Объ имени Солтапа и Венедицъ должно справиться, а въ доказательство, что въ древнихъ сочиненіяхъ встрѣчаются слова, совершенно похожія на новыя, приводилъ я Его Сіятел. слово: *батогъ*, находящееся у Нестора по древнѣйшему Лаврентьевскому списку. Къ числу прежнихъ сомнѣній о Пѣсни Игоревой, графъ приводитъ, что образъ Богоматери, привезенный Пирогощею въ 1160 году, перенесенъ былъ изъ Кіева во Владиміръ (какъ сказано въ примѣчаніи Издателей], то какъ Игорь Святославичъ, возвратившись въ 1185 году изъ плѣна Половецкаго, могъ идти молиться въ Кіевъ Богородицѣ Пирогощей? Самое рожденіе Игоря въ 1151 еще болѣе сіе запутываетъ.—Я не могши ничего припомнить, согласился было съ нимъ, но г. Карамзинъ сказалъ мнѣ, что все сомнѣніе графа произошло отъ смѣшенія двухъ различныхъ иконъ, Пирогощей и писанной Еванг. Лукою, коей перенесеніе изъ Кіева должно, дѣйствительно, полагать въ 1160 году.

Я еще не справлялся, но графъ С. П. Румянцовъ увѣрялъ меня, что походъ Игоря на Половцевъ описанъ піитически и у Татищева.

На стр. 3-й Пѣсни Игоревой видно что Боянъ жилъ во времена Ярослава, Мстислава и Романа Святославича, а на стр. 37, что онъ былъ современникомъ Всеслава. Что онъ былъ во время Ярослава, также видно и на 44 страницѣ.

Есть слово сходное съ *Стрикусами* — *Стрикало*, тоже что *Стрекало, бодило*. Церк. Словарь, Алексѣева.

Преосвященный Евгеній и архимандритъ Амвросій увѣдомили меня, что они не въ силахъ объяснить *семи словъ* Пѣсни Игоревой. Евгеній совѣтуетъ справиться въ книгѣ: Slownik iezyka Polskiego przez Samuela Bogumila Linde, w Warsawie, w druckarni Piarow, 1807, въ 4. Въ сей книгѣ слова Польскія объяснены разными діалектами языка Славянскаго.

Въ одной лѣтописи Синодальной Библіотеки находится описаніе сраженія Дмитрія Донскаго съ Мамаемъ, сходное съ пѣснью, вами найденною, исключая того, что въ первой пропущены многія піитическія мѣста, находящіяся во второй.

Пѣснь Игорева имѣетъ много Малороссійскихъ выраженій на прим. *помняшетъ, бяшетъ, мужаймѣся, на ниче ся годины обратиша, свычай и обычай.* — Далѣе: *шеръ* значитъ на какомъ-то сѣверномъ языкѣ *городъ*. *Харилъ*, на Китайскомъ языкѣ значитъ *брань* или *война*.»

Изъ записокъ Р. Ѳ. Тимкобскаго о Словѣ Игорева полка сохранились слѣдующія замѣтки:

«1814 года, Октября 21 дня, слышалъ я отъ К. Ѳ. Калайдовича:

1. Что Н. М. Карамзинъ увѣрялъ его въ томъ, что хранящаяся у него *Волынская Лѣтопись* имѣетъ великое сходство въ языкѣ съ Пѣснію о походѣ Кн. Игоря, и что въ оной лѣтописи встрѣчаются слова: *харалужный* и *тлековина*.

2. Что, по мнѣнію Н. М. Карамзина, *харалужный* значитъ *булатный*, а *тлековина* значитъ *раковина*, отъ слова: *тлекотъ*, которое значитъ: *устрица*.

3. Что Н. М. Карамзинъ увѣрялъ его, К. Ѳ. Калайдовича, что по сдѣланному имъ, Н. М. Карамзинымъ, сличенію, оказалось, что Пѣснь о походѣ Кн. Игоря со всею точностью напечатана противъ подлинника, выключая словъ: *вѣги Трояни*, вмѣсто которыхъ въ подлинникѣ стоятъ: *сѣги Трояни*. Касательно же поставленнаго въ скобкѣ слова: *Олега*, на стр. 6, то это учинено для большей ясности рѣчи.

4. Что городъ *Плѣнскъ* встрѣчается въ печатной *Книгѣ большаго чертежа*, сочиненной около временъ Михаила Ѳеодоровича; *Дудутки* же есть мѣстечко вблизи Новагорода Великаго, и что упоминается тамъ монастырь *на Дудуткахъ*.

5. Что, по мнѣнію Н. М. Карамзина, помянутая Пѣсня о походѣ Кн. Игоря сочинена въ княженіи Новагородо-Сѣверскомъ.

6. Что слово: *орьтьма*, встрѣчается въ древнихъ граматахъ Архивскихъ.

СКАЗАНІЕ О МАМАЕВОМЪ ПОБОИЩѢ.

Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ прежде всѣхъ было отыскано Р. Ѳ. Тимковскимъ, въ сборникѣ, писанномъ въ XVII вѣкѣ; но нынѣ извѣстно уже такихъ восемь разныхъ списковъ. Въ однихъ спискахъ оно находится полное, въ другихъ сокращенное.

Исторіографъ Н. М. Карамзинъ полагалъ, что Сказаніе сочинено было въ исходѣ XV вѣка, Рязанцемъ, Іереемъ Софроніемъ, основываясь на подписи одной Толстовской рукописи. Съ такимъ усвоеніемъ это Сказаніе долго считалось произведеніемъ Софронія.

Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ было извѣстно нашимъ старикамъ съ XV вѣка. Они вписали его въ свои *лѣтописи*, извѣстныя теперь у насъ подъ названіями: *Хлѣбниковской*, *Ипатьевской*, *Синодальной*, *Никоновскаго* списка, и въ свои *сборники*. Сіе Сказаніе у нашихъ стариковъ имѣло слѣдующія заглавія:

1. *Втдай сіе повѣданіе и сказаніе о побоищѣ великаго князя Димитрія Ивановига Донскаго*—въ спискѣ Тимковскаго.

2. *Исторія или повѣсть о нашествіи безбожнаго Царя Мамая съ безгисленными Агаряны*—въ спискѣ Толстовскомъ.

3. *Сказаніе, како приходилъ на Русь Безбожный Царь Мамай на Великаго князя Дмитрея Ивановига* — въ спискѣ Толстовскомъ.

4. *Повѣсть зѣло изрядная о безбожномъ Татарскомъ Мамаѣ Царѣ, како хотѣлъ Россійскую землю подъ свое иго подвести*—въ спискѣ Толстовскомъ.

Сказаніе заключаетъ въ себѣ: вступленіе сочинителя. Распоряженіе В. К. Димитрія къ битвѣ съ Мамаемъ. Походъ войска. Смущеніе Олега и Олгерда. Пеходъ Московскаго войска чрезъ Донъ. Приготовленіе къ битвѣ. Примѣты. Битва. Заключеніе.

Историческій разсказъ сего Сказанія не всегда вѣренъ и часто отступаетъ отъ истины; иногда смѣшанъ съ рѣчами и молитвами дѣйствующихъ лицъ. Н. М. Карамзинъ называлъ это Сказаніе баснословнымъ, а И. М. Снегиревъ всѣ анохронизмы приписывалъ позднѣйшимъ переписчикамъ.

Сказаніе было два раза напечатано. Первое изданіе было помѣщено въ Русскомъ Зрителѣ, № 14, И. М. Снегиревымъ. Оно было выполнено отчетливо, издано съ знаніемъ дѣла, при сличеніи съ разными списками. Второе напечатано отдѣльно, безъ всякаго сличенія съ другими списками.

Сочинителю Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ была извѣстна Пѣснь о полку Игоревомъ. Цѣлыя фразы, обороты выраженій, и самое расположеніе скопированы съ Пѣсни о полку Игоревомъ. Плачь Евдокіи въ Сказаніи и плачь Ярославны въ Пѣсни указываютъ на явное подражаніе.

РУССКІЕ НАРОДНЫЕ ПРАЗДНИКИ.

Исторія Русской Литературы доселѣ еще не имѣетъ полнаго собранія Русскихъ народныхъ праздниковъ. Все доселѣ изданное состоитъ или изъ предварительныхъ приготовленій, или статей мѣлкихъ, журнальныхъ, мимолетныхъ замѣчаній. По какому-то странному стеченію обстоятельствъ наши историки не касаются сего предмета въ исторіи Русскаго народа. Для нихъ, какъ будто они не существуютъ. Правда что Исторія наша еще не имѣетъ полныхъ источниковъ, трудовъ, очищенныхъ здравою критикою, необходимыхъ для описанія народной жизни; но это еще не есть извиненіе. Русская археологія до сихъ поръ состоитъ должною во многомъ предъ современными требованіями. Мы не имѣемъ: ни древней Русской Топографіи, ни Грамматики Русскихъ областныхъ нарѣчій, ни Русской систематической Палеографіи, ни полныхъ Русскихъ актовъ, ни одной порядочно изданной лѣтописи, ни Русскихъ сказокъ, ни Русскихъ областныхъ словарей. Мы за все принимались, всему имѣемъ опыты, и для всего ровно ничего не сдѣлали. Мы видимъ что у насъ есть Русскія исторіи. И что же въ нихъ есть?

Русскіе народные праздники представляютъ самыя разительныя черты изъ старой Русской семейной жизни. Но это сокровище, сохраняемое народомъ въ продолженіи многихъ вѣковъ, начало показываться въ нашей Литературѣ только въ XIX вѣкѣ. Мы не говоримъ о прежнихъ временахъ, когда на этотъ предметъ смотрѣли съ самой унизительной стороны. Народъ не внималъ ни чьимъ возгласамъ; онъ цѣнилъ свои праздники выше своихъ учителей, требовавшихъ ихъ уничтоженія. Наконецъ, явились люди, рѣшившіеся сохранить народные праздники въ письменахъ. Число этихъ людей такъ немного, какъ немного и самыхъ описаній. Заслуги ихъ доселѣ еще не оцѣнены, потому что мало обращаютъ вниманія на старую Русскую жизнь. Не удивляемся сему: не мы одни первые принимаемся медленно за подобные труды.

До сихъ поръ еще видимъ невѣроятныя смѣшенія въ описаніяхъ Русской семейной и общественной жизни. Несчастная наша Миѳологія болѣе всего страдаетъ отъ этихъ незнаній. Въ нее входитъ и Демонологія, никогда непринадлежавшая не только Миѳологіи, но и самой Русской жизни. Объ ней только Русскіе говорятъ; она никогда не осуществлялась у Славяно-Руссовъ, какъ Миѳологія. Къ Миѳологіи причисляютъ и Народные Праздники, совершенно безъ всякаго основанія. Несчастная ошибка Гизеля, вѣрившаго безусловно Польскимъ записямъ, ввела и Русскихъ писателей въ отчаянныя крайности. Ладо, Купало, и другіе убѣдили описывателей народныхъ праздниковъ въ вѣрованіи небывалаго, Славяно-Русскихъ боговъ — языческихъ. Никто не хочетъ справляться съ сказаніемъ Нестора, а считаютъ необходимымъ указывать на Польскія записи, въ которыхъ встрѣчаемъ повтореніе одного и того же—небывалаго. Къ несчастію нашему видимъ ссылки на путешествія чужеземцевъ, бывшихъ въ Русской земли. Мы, Русскіе, изучая свою семейную жизнь, находимъ, что наши поселяне, жившіе всегда одинаково, въ неизмѣнныхъ обычаяхъ и повѣріяхъ, сохранили нашу старую жизнь совершенно не въ томъ видѣ, въ какомъ изображаютъ путешественники-чужеземцы, незнавшіе ни нашего языка, ни нашихъ повѣрьевъ, ни нашей жизни. Они описывали только то, что имъ пересказывали, и что они сами видѣли мелькомъ. Мы знаемъ, какой строгой присмотръ имѣли Русскіе за пріѣзжавшими чужеземцами. Этого они и сами не скрываютъ. Мы даже теперь видимъ, какъ чу-

жеземцы описываютъ насъ, современниковъ; что же было за 200 и болѣе лѣтъ? Правда, что нашимъ археологамъ предстоитъ невыполнимый трудъ — узнавать на мѣстѣ Русскую жизнь. Всего легче окружить себя книгами, и изъ нихъ выбирать свѣдѣнія о старой Русской жизни, нежели таскаться по селеніямъ, собирать повѣрья и обычаи, подвергаться на каждомъ шагу тысячамъ непріятностей. Мы это говоримъ не въ обвиненіе нашихъ археологовъ; но лишь упоминаемъ о старой привычкѣ нашихъ писателей — пользоваться чужими источниками, очевидно нелѣпыми, перепечатывать сто разъ одно и то же, и выдавать за новое. Мы это доказываемъ самымъ дѣломъ. Пересмотрите всѣ наши археологическія изслѣдованія: вездѣ видимъ списываніе, а своего ничего. Вотъ почему наша Литература до сихъ поръ мало имѣетъ самобытныхъ сочиненій для Русской Исторіи. Что же сказать о Русской народной Литературѣ, дѣйствительность которой еще не многіе признаютъ: многіе-ли вѣрятъ, что она существуетъ на самомъ дѣлѣ?

Начнемъ своё обозрѣніе съ мѣлкихъ журнальныхъ статей, гдѣ впервые явились понятія о народныхъ праздникахъ.

Слова Русскихъ людей, возвѣщавшихъ важность Русскихъ народныхъ праздниковъ, раздались въ Московскихъ учебныхъ обществахъ. Въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности заговорили объ этомъ: *М. Н. Макаровъ*, *А. Г. Глаголевъ*. Но это было предвѣстіе великаго дѣла. Въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ начались уже основательныя приготовленія. Тамъ являлись въ бесѣдахъ съ своими описаніями: *И. М. Снегиревъ*, *И. В. Васильевъ*. Программа Г. Снегирева о Русскихъ Народныхъ Праздникахъ съ начала возбудила вниманіе любителей старой Русской жизни; но потомъ объ ней забыли. В. Б. Броневскій помѣстилъ поверхностное описаніе Народныхъ Праздниковъ въ Московскомъ Вѣстникѣ. На это описаніе явилось замѣчаніе, писанное въ письмѣ къ издателю Московскаго Вѣстника въ 1828 году. Къ этому же разряду мы должны причислить нѣсколько другихъ журнальныхъ статей.

Въ XVIII части трудовъ Общества Любителей Россійской Словесности было напечатана сочиненіе М. Н. Макарова: *О старинныхъ Русскихъ праздникахъ и обычаяхъ*. Здѣсь находятся слѣдующія описанія:

1. *Овцарь или овечій праздникъ*, совершаемый поселянами въ 9 день Октября. Описыватель говоритъ, что этотъ праздникъ отправляютъ пастухи, играютъ на рожкахъ, ходятъ съ поздравленіями по домамъ овцеводцевъ; приводитъ отрывокъ изъ пѣсни, напоминаетъ о посидѣлкахъ, и думаетъ, что эти посидѣлки есть *торжество невинности* — и только. Это было первое описаніе Русскаго Народнаго Праздника. Но узнали ли мы изъ него свой Русской Овцарь? Ожиданія остались впереди!

2. *Распутье, перекрестокъ, или пятница*. Описыватель говоритъ здѣсь о дорогахъ, пролегающихъ вмѣстѣ крестъ на крестъ въ разныя стороны; разсказываетъ, что здѣсь ставили идоловъ, но какихъ? не сказываетъ. *Комаринскую дорогу*, обыкновенный путь Татарскихъ набѣговъ, называетъ: *священною, именитою*, неизвѣстно почему. Говоритъ, что на священныхъ дорогахъ, къ счастію никогда небывалыхъ, *отличались торжествомъ счастливыхъ встрѣчъ и печальныхъ проводовъ*. Приводитъ два отрывка изъ народныхъ пѣсенъ. Этимъ все и кончилось.

3 *Рѣка Донъ*. Рѣку Донъ описыватель, подобно Чулкову, Попову и Кайсарову, причисляетъ *къ сонму* боговъ Славянскихъ. Разсказываетъ по своему былину народную Иванъ-Озеро, приводитъ нѣсколько стиховъ изъ народной пѣсни: Донъ Ивановичь, гдѣ вставляетъ небывалый стихъ: «Посмотрѣть на Ярилу!»

4. *Грѣчишница, или день посѣва грѣчихи*. Описыватель хотѣлъ изобразить народный праздникъ отправляемый въ 3 день Іюня, при посѣвѣ грѣчихи; но вмѣсто этого приводитъ пять стиховъ изъ какой-то *чудной басни о Крупеничкѣ*; думаетъ, что Русскіе забыли *подлинное имя Нимфы, или богини покровительницы цвѣтистой и кудрявой грѣчи*. Но у насъ, Русскихъ, когда-жъ были Нимфы? Ни народъ, ни письменные памятники объ этомъ намъ ничего не говорятъ. Далѣе приводится *для любопытныхъ содержаніе вкратцѣ сти-*

хотворной сказки о *Крупеничкѣ*.

5. *Баба яга, или Ягая баба и Фаля*. Здѣсь встрѣчается чудное описаніе: Баба яга пожалована въ *Русскую Беллону*, *Сивиллу, волшебницу. колдунью, ворожею*. Говоритъ: «*Русскіе Донъ Кишоты просили у бабы — оракула совѣта и помощи*». Думаетъ, что Московское урочище: «*Курьи ножки — не было ли жертвенникомъ, посвященнымъ въ честь нашей Русской Сивиллы?*» Это предположеніе самъ описыватель послѣ отвергъ въ Телескопѣ, говоря о Русскихъ сказскахъ. Онъ увѣряетъ, изъ какой-то народной сказки, что *идолъ Бабы яги состоялъ изъ одной только большой мѣдной трубы, положенной на большомъ высокомъ камнѣ, и находится на мѣстѣ старой Рязани*; потомъ стоялъ *при впаденіи потока Трубежа въ рѣку Оку, далѣе около береговъ Переяславль Залѣсскаго озера, а въ последствіи на Трубежѣ Малороссійскаго Переяславля*. Откуда взято это невѣроятное мнѣніе? Мы надѣемся, что Г. Макаровъ со временемъ откажется и отъ этого предположенія: этого требуютъ Русскія сказки. Заключаетъ описаніемъ, также по своему, народной сказки о Фалѣ.

6. *Пол-конь. или Полканъ*. Это описаніе, разсказанное описывателемъ по своему, извлечено изъ народной сказки. Г. Макаровъ говоритъ: что *Полканъ былъ умной, красивой, богатырь сильной, могучій и великой наѣздникъ, обращенной колдуномъ въ чудовище*. Здѣсь много несправедливаго. Жаль очень, что онъ не помѣстилъ вполнѣ народную пѣсню о Полканѣ. Это было бы важное пріобрѣтеніе.

Объ Овсенѣ, старинномъ Русскомъ праздникѣ. Г. Макаровъ, описыватель этого праздника, помѣстилъ свое описаніе въ Вѣстникѣ Европы 1826 года. Сіе описаніе состоитъ изъ приложенія народной пѣсни, и догадки, что *Овсень не былъ ли праздникомъ окончанія жатвы, собранія плодовъ и проч.; словомъ, уже не онъ ли наша Церера?* Вотъ еще новой подарокъ нашей Славяно-Руссской Миѳологіи! Не уже ли намъ непремѣнно надобно переселить всѣхъ чужеземныхъ языческихъ боговъ въ свою Миѳологію. Мы скоро встрѣтимся съ прототипомъ этого описанія, изданнаго И. В. Васильевымъ. Вотъ что было сдѣлано Г. Макаровымъ для описанія Русскихъ народныхъ праздниковъ!

Послѣ сихъ приуготовительныхъ описаній, М. Н. Макаровымъ приступилъ къ полному изданію Русскихъ Преданій, въ 1838 году. Въ своемъ предисловіи онъ писалъ: «издавая одну книжку Русскихъ Преданій, можетъ быть, я скоро издамъ еще нѣсколько такихъ же книжекъ. Предупреждаю читателей, что все здѣсь собранное было напечатано въ трудахъ, учрежденнаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, Обществѣ Любителей Россійской Словесности и въ журналахъ: С. П. Бургскихъ Новостяхъ Русской Литературы, издан. А. Ѳ. Воейковымъ и В. И. Козловымъ, въ Вѣстникѣ Европы, ученомъ Журналѣ М. Т. Каченовскаго, въ Телескопѣ и въ другихъ.

«Нѣмцы весьма недавно издали свои преданія; другіе Европейцы дѣлаютъ тоже. Наши преданія имѣютъ много общаго съ Германскими. Печатая нѣкоторыя изъ нихъ въ Московскомъ Наблюдателѣ 1837 года, я спрашивалъ: не могутъ ли онѣ быть въ числѣ другихъ историческихъ доказательствъ одного и того же Европейскаго происхожденія Европейскихъ народовъ? Не могутъ ли?

«Въ этой книжкѣ преданія раздѣляются на самыя древнія—языческія. Такими я почитаю Русскія преданія: о Русалкахъ, Лѣшихъ, о Идолахъ Плиханѣ, Ярилѣ. Другія относятся уже ко временамъ нашей Христіанской Эры; но и тѣ все еще перемѣшаны съ чѣмъ-то языческимъ: вся основа въ нихъ—основа временъ темныхъ, временъ непросвѣтленныхъ чистою истиною; они родились очень давно, какъ привычные, ни какъ не могли быть у насъ покинутыми.

«Повѣсти о провалахъ церквей, монастырей, городовъ и проч. принадлежатъ къ чему-то непамятному въ нашихъ земныхъ переворотахъ; но преданія о городцахъ и городищахъ, не указка ли на странствованія по Русской землѣ первобытныхъ Славяно-Руссовъ?»

Въ сей первой книжкѣ помѣщены ровно 33 описанія: *Новый годъ у древнихъ Россіянъ, Баба Яга, Русалки, Лѣшіе, Плиханъ, Ярило, Полканъ, Донъ и Дунай*

рѣки, Трубежъ, Проемный Кустъ, Богатырскія кости, Смоленскій лѣсъ, Тростинская церковь, Поганое озеро подъ Суздалемъ, Овегій праздникъ, Пятница, Коломенскій прудокъ, городъ Дѣдиловъ, памятники о Кудеярѣ, золотая Лампада въ лѣсу, Гроба проклятыхъ, Лѣстницы въ рай, городъ Берендѣевъ, Пронское било, Чертово городище, Грѣшишница, Свадебки—Урогище подъ Суздалемъ, Робья гора, Вертязинъ городецъ, нагало Данкова, казакъ Ермагокъ, Ростиславецъ городокъ, бояра—Покойники.

Во всѣхъ сихъ описаніяхъ встрѣчаемъ очень много новаго въ сравненіи съ прежними извѣстіями. Другіе предметы совершенно обработаны иначе. Отъ иныхъ мнѣній М. Н. Макаровъ рѣшительно отказывается. Такъ въ описаніи рѣки Трубежъ (стр. 80) говоритъ: «кой кто, сказываетъ, что при Трубежѣ покланялись Бабѣ-Ягѣ.» О поклоненіи Бабѣ-Ягѣ на Трубежѣ было сказано самимъ М. Н. Макаровымъ въ XVIII части трудовъ Общества Любителей Россійской Словесности, на стр. 123. Въ числѣ его новыхъ открытій мы нашли Славянскій лѣсъ (стр. 12) въ Данковскомъ уѣздѣ.

А. Г. Глаголевъ, какъ членъ Общества, доставилъ свое описаніе: *о характерѣ Русскихъ застольныхъ хороводныхъ пѣсній*, напечатанное въ трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности, въ XIX т. Описыватель, разсматривая застольныя и хороводныя пѣсни, упоминаетъ: *О Красной горкѣ, Семикѣ, Троицынъ днѣ, Петровъ днѣ, Колядѣ, Овсенѣ.*

И. В. Васильевъ доставилъ въ Общество Любителей Россійской Словесности — описаніе Русскаго народнаго праздника: *Овсень*

Г. Арцыбашевъ, извѣстный въ Русской Исторической Литературѣ, написалъ: *Взоръ на обыгаи древнихъ Руссовъ*, напечатанное въ трудахъ Общ. Ист. и Древ. Рос. ч. 2, стр. 9. Здѣсь описаны: *Старшинство постриги, браки, общежитіе, нравы и упражненіе, духъ народный, одежда, пища, домы.*

Въ Сѣверномъ Архивѣ 1822 г. № 24 помѣщена была статья Г-жи *Черноцкой*, переведенная съ Польскаго *Глѣбовигемъ: остатки Славянской Миѳологіи, сохранившіеся у Бѣло Русскихъ поселянъ.* Самое названіе, несоотвѣтствующее описаннымъ предметамъ, было дано по старому повѣрью—приписывать все древнее Славянской Миѳологіи. Здѣсь описаны: *Купало, Радавница, Русалки, Доброхогій.*

В. Б. Броневскій, вызванный предложеніемъ *И. М. Снегирева*, помѣстилъ свое описаніе въ Московскомъ Вѣстникѣ: *о народныхъ праздникахъ.* Г. Броневскій начинаетъ свое описаніе разговоромъ съ извощикомъ: *о коровей смерти*, потомъ — *о Красной горкѣ*, прибавляетъ только нѣсколько словъ къ описанію Снегирева *о днѣ Св. Георгія, о недѣлѣ женъ Мироносицъ, Русальной недѣлѣ, Семикѣ, Троицынъ днѣ, о Купалѣ, Аграфенѣ Купальницѣ, о праздникѣ Солнца, Бабьемъ лѣтѣ, о камняхъ Башъ и Башиха*; далѣе проводитъ нѣсколько *пословицъ и поговорокъ.*

На это описаніе Г. Броневскаго было напечатано въ 1888 г. въ Московскомъ Вѣстникѣ письмо къ издателю отъ *Тульскаго старожила — Археофила.* Здѣсь встрѣчаемъ: дополненіе къ описанію коровей смерти, замѣчаніе на описаніе Красной горки и Русальной недѣли, о Семикѣ и бракахъ Майскихъ, о Аграфенѣ Купальницѣ и Ивановъ днѣ, о заговорахъ народныхъ, о Тульскихъ камняхъ и ясакахъ.

Совершенно въ другомъ видѣ являлись описанія И. М. Снегирева. Труды сего почтеннаго Русскаго археолога столько утѣшительны для нашей Литературы, что мы читая ихъ, отыскиваемъ забытую жизнь Русскаго народа. Предпринимая полное описаніе Русскихъ Народныхъ Праздниковъ, онъ прежде всего обнародывалъ въ Московскомъ Вѣстникѣ (1827 года, въ № 3) программу. Вскорѣ послѣ сего появились въ періодическихъ изданіяхъ его отдѣльныя описанія Народныхъ Праздниковъ. Исчисляемъ ихъ:

1. *Старинныя народныя Святки и Коляда.* Напечатано въ Вѣстникѣ Европы 1828 г. № 1.

2. *Русальная недѣля.* Напечатано была въ Вѣстн. Евр. 1827 г. № 8.

3. *Красная горка.* Напечатано была въ Моск. Вѣстн. 1827 г. ч. 5 стр. 114.

4. *О древнемъ и новомъ Семикѣ.* На-

печатано было въ Москов. Вѣстн. 1829 г. ч. 5 стр. 164.

5. *Радуница, Радунецъ.* Напечатано было въ Вѣстн. Евр. 1827 г. № 8. стр. 105.

6. *Иванъ Купало.* Напечатано было въ Атенеѣ.

7. *О Скудельницахъ или Убогихъ домахъ въ Россіи.* Напечатано было въ трудахъ Общ. Ист. и Древн. Россій. ч. 3, стр. 335.

Въ 1837 году почтеннѣйшій И. М. Снегиревъ приступилъ къ полному изданію своихъ собраній о народныхъ праздникахъ. По принятому плану, онъ все свое собраніе издалъ въ 4 книжкахъ. Въ первой книжкѣ помѣщено: *Введеніе*, во второй: *Святки, Авсень, Масляница;* въ третьей: *Встрѣча весны, Красная горка, Радуница, Первое Апрѣля, Свистопляска, Юрьевъ день весенній, Первое Мая, Праздникъ Кукушекъ, Семикъ, Троицынъ день, Власовъ праздникъ, Вербная суббота, Убогіе домы, Вьюнишникъ;* въ четвертой: *Русалки и Русалія, Купало и Купальница, Ярило, Петровки, Башъ и Башиха, Земледѣльческіе праздники, Семенъ день, Осенняя родительская, Свадьбы.*

Въ его Введеніи изложено обозрѣніе простонародныхъ праздниковъ и обрядовъ въ Россіи—*Великой, Малой, Бѣлой, Черной и Красной* (стр. 6). Обозрѣніе начинается отъ Славяно-Русской Миѳологіи [стр. 10].

«Великій К. Владиміръ I въ язычествѣ своемъ, вмѣстѣ съ соединеніемъ разныхъ народцевъ, населявшихъ тогдашнюю Русь, соединилъ въ стольномъ градѣ своемъ и семь главныхъ божествъ, именно: Перуна, Волоса, Даждь-Бога, Стрибога, Хорса, Семаргла и Мокоша... Подъ вліяніемъ Христіанства, народъ, забывая наконецъ своихъ главныхъ боговъ, припоминалъ только второстепенныхъ и особенно Миѳы физическіе, кои имѣютъ предметомъ олицетворенныя явленія, и силы естества, или символы житейскихъ потребностей; каковы: Ярило, Купало, Ладъ, Чуръ, Авсень, или Таусень, Зничь, Веснянки, Осенянки и Зимнянки, Водяны или Водяныя, Моряны, Огняны, извѣстныя и Карпато-Руссамъ, Вѣтряны, также Русалки, Кикиморы, Карачуны, Яга-баба и Вѣдьмы. По мнѣнію народа, въ лѣсахъ владычествовалъ Лѣшій, въ поляхъ Полевой, въ домахъ Дѣдушка Домовой, который бывалъ и Постенемъ, а въ подпольяхъ Лизуномъ.»

Изъ этой основной идеи почтеннѣйшій И. М. Снегиревъ выводитъ основаніе простонародныхъ праздниковъ, раздѣляя ихъ по *времени* и *мѣсту* [стр. 21]. Въ первомъ случаѣ онъ раздѣляетъ праздники на *древніе* и *новые*—одни образованные въ язычествѣ и удержавшіеся до XVIII вѣка, другіе появившіеся съ XVIII вѣка. Далѣе слѣдуетъ раздѣленіе праздниковъ на *весенніе, лѣтніе, осенніе* и *зимніе*, а по годовымъ временамъ на *подвижные* и *неподвижные*. Въ отношеніи обрядовъ нѣкоторые праздники у него называются *обѣтными.*

Предполагая, что праздники и повѣрія легко могли быть заимствованы отъ другихъ народовъ, онъ раздѣляетъ ихъ на *отечественные* и *заимствованные*. При такомъ взглядѣ на праздники, И. М. Снегиревъ обращается къ изслѣдованію Греческихъ миѳовъ съ Индѣйскими. По этому розысканію, нашъ Перунъ встрѣчается въ богоученіи восточныхъ Индѣйцевъ, съ указаніемъ на путешествіе по Индіи Совнерата [стр. 59]. *Купало* имѣетъ сходство съ Индѣйскимъ *Копаломъ*. Перваго Мая есть праздникъ Греческій, наши хороводы, игры, родительскія, птицеволхвованіе, литье воска въ воду, колдованіе—заимствованы отъ Грековъ. Греко-Римское вліяніе на Россію, по мнѣнію И. М. Снегирева, образовало особенныя повѣрія и обычаи—въ быту, въ законахъ, въ календарѣ, и что такое вліяніе переходило къ намъ чрезъ Нѣмцовъ и Литовцевъ. Самыя свадьбы наши, по его мнѣнію, имѣютъ много Римскаго [стр. 71].

Вліяніе Скандинавской Миѳологіи, по его мнѣнію, находится въ Перунѣ, Волосѣ. Нашъ Суженой будто явился изъ Скандинавіи. Въ Семицкомъ четвергѣ онъ видитъ праздпество Тору, или Туровъ день [стр. 74]. 23 Апрѣля—день Егорьевъ съ своими обрядами существовалъ въ Скандинавіи въ празднествахъ Тору.

Вліяніе Германской Миѳологіи И. М. Снегиревъ допускаетъ въ обширномъ смыслѣ, и говоритъ, что Русь заморская принесла въ міръ Славянскій туземныя преданія, поговорки и пословицы, кои у насъ

обрусѣли [стр. 78]. Поклоненіе въ горахъ, заповѣданныхъ рощахъ, дремучихъ лѣсахъ, благоговѣніе предъ огнемъ, водою, поклоненіе подъ дубомъ и липою, большими камнями сходствуютъ съ древними Нѣмецкими и Англо-Сакскими [стр. 80].

Вліяніе Финскихъ племенъ на нашу Миѳологію также допускаетъ И. М. Снегиревъ. Онъ находитъ у нихъ слѣды вѣрованія въ Перуна, Ивановскіе огни, Колдовства Кудесниковъ [стр. 89].

Вліяніе Литовской Миѳологіи, по его мнѣнію, отражается болѣе всего въ нашихъ обрядахъ. Литовскій Перкунъ, Домовые, Злыдни, Постень, Мавки, благоговѣніе къ камнямъ, горамъ, рѣкамъ, рощамъ, Литовской календарь, Купайло, Зажинки, Поминки, Каляда, Свадьбы—весьма много имѣютъ сходнаго съ Славяно-Русскими повѣрьями.

Вѣрованія Чеховъ и Поляковъ, по основательному замѣчанію Бандтке, перепутаны съ Римскими Миѳами, и потому-то вліяніе ихъ на Славяно-Русскую Миѳологію подвержено большему сомнѣнію. Почтеннѣйшій И. М. Снегиревъ, слѣдуя указаніямъ Длугоша, Мѣховскаго и Бѣльскаго, старается отыскать сходства въ Ивановской ночи, Купалѣ, Бабьемъ лѣтѣ, Масляницѣ.

Послѣ такого обозрѣнія, почтеннѣйшій И. М. Снегиревъ переходитъ къ разсмотрѣнію Славянскихъ Миѳографовъ [стр. 131]. Въ ихъ описаніяхъ онъ явно отличаетъ истинныя и мнимыя божества. Полагаетъ, что изъ Рюгена и Ретра распространялись повѣрія на Югъ и Сѣверовостокъ; въ Перунѣ видитъ общее божество Славянъ; въ Велесѣ находитъ сходство съ Скандинавскимъ Валиассъ; приводитъ указанія изъ Длугоша и Бандтке, что Фетишизмъ господствовалъ въ Прусіи и Литвѣ [стр. 137].

Изъ означенія года и раздѣленія его на времена и мѣсяцы, онъ выводитъ раздѣленіе праздниковъ на весенніе, лѣтніе, осенніе и зимніе. Мѣстные праздники причисляетъ отдѣльнымъ Славянскимъ племенамъ. Отселѣ опять переходитъ къ вторичному разсматриванію народныхъ праздниковъ [стр. 139]: Коляды, Купало, Бабьева лѣта, Юрьева дня.

Въ названіяхъ Руси: Красной, Чермной и Бѣлой онъ находитъ сходство съ Перуномъ, Черно-богомъ и Бѣлъ-богомъ, и полагаетъ, что въ этой трехцвѣтной Руси остались болѣе замѣтные слѣды Славянскаго язычества; что идея о Красномъ, Русомъ, Чермномъ есть господствующая въ Славяно-Русскомъ мірѣ; что Красная Русь была главнымъ разсадникомъ Славяно-Русскаго богоученія и богослуженія, и откуда онѣ распространялись на Западъ и Востокъ Россіи. Эта идея привела почтеннаго изыскателя къ тому, что Владиміръ, собравши седмерицу боговъ въ Кіевѣ, долженъ былъ перевести ихъ изъ Красной Руси [стр. 153, 154].

Въ повѣрьяхъ, обычаяхъ и миѳахъ Чермная Русь имѣетъ сходства съ преданіями Красно-Русскими и Волынскими. Бѣлая Русь совпадаетъ съ обычаями Польскими и Литовскими и есть одинаковые праздники съ Малороссійскими и Великороссійскими.

Остатки Украинской Миѳологіи, онъ полагаетъ, сохранились въ миѳическихъ и обрядовыхъ пѣсняхъ, въ сказкахъ, поговоркахъ и обычаяхъ. Въ Веснянкѣ видитъ Польскую Марану, Велико-Русскую Радуницу сравниваетъ съ Гробками, въ Криницахъ видитъ Русалокъ.

Послѣ сего почтенный изыскатель обращается ко вторичному обозрѣнію Велико-Русскихъ праздниковъ общихъ и мѣстныхъ [стр. 177], а потомъ къ новому раздѣленію праздниковъ на городскіе и сельскіе. Въ сельскихъ полагаетъ [стр. 191] сосредоточіе требищъ, мольбищъ, игрищъ, и что погосты и городища составляли такое сосредоточіе. Времена сельскихъ празденствъ опредѣлялись лѣтними и зимними солнцестояніемъ, прилетаніемъ и отлетаніемъ птицъ, развертываніемъ и паденіемъ листьевъ, замерзаніемъ и вскрытіемъ рѣкъ, началомъ и концемъ полевыхъ работъ. Изъ этой категоріи возникли: праздники земледѣльческіе и пастушескіе.

Рожденіе, свадьба и смерть составляли особенные народные праздники и обряды. Къ первому разряду принадлежатъ: родины, размываніе рукъ, опоясываніе, постриги и посажденіе на коня, именины; ко второму: рукобитье, посидѣлки, сговоры, дѣвичники, вѣнчанье, княжой столъ, баня, поѣзды по роднымъ; къ третьему: похоронныя поминки, третины, девятиты, полсорочины, сорочины, полугодовщина, годовщина.

Вотъ обширная канва, по которой почтеннѣйшій И. М. Снегиревъ рѣшился изслѣдовать наши народные праздники. Онъ первый обратился къ сравнительнымъ объясненіямъ, первый положилъ начало критическаго изслѣдованія Славянскихъ преданій. При такомъ обширномъ объемѣ онъ невольно увлекался мнѣніями другихъ и допускалъ тождество Миѳологіи и Демонологіи, Въ его сравнительныхъ изслѣдованіяхъ Славянскихъ преданій видимъ неразработанные источники, матеріалы, ожидающіе будущихъ дѣлателей. Будь это его Введеніе обработано систематически, оно было бы у насъ образцовымъ сочиненіемъ, книгою справочною для изслѣдователей. Теперь обратимся мы къ его частнымъ описаніямъ.

Святки. Названіе и большая часть святочныхъ игръ, онъ полагаетъ, перешли на Сѣверъ съ Юга и Запада Россіи, и что самые Святки на Славянскихъ нарѣчіяхъ означаютъ праздники. Обозрѣніе Святокъ онъ начинаетъ съ Малороссійской Коляды, и возводитъ отъ Римлянъ, сравниваетъ съ Скандинавскимъ Юльскимъ, праздникомъ Тора и Одина, сличаетъ, съ подобными Англійскими, Голландскими и Германскими празднествами. Велико-Русскія Святки, по его мнѣнію, состоятъ изъ славленья, наряжанья, и загадыванья. Приводитъ изъ книгъ пѣсни, обряды, гаданья и выписываетъ загадки. Въ хожденіи по домамъ съ вертепомъ и звѣздою находитъ сходство съ Западною Календою. Славленіе по домамъ допускаетъ только со временъ Алексѣя Михаиловича. Въ описаніе святокъ приводитъ празднованіе новолѣтія, установленное Петромъ Первымъ. Изъ всѣхъ его выводовъ о Святкахъ вышло то, что Коляда перешла на Сѣверъ Россіи съ Юга и Запада, что гаданья и переряживанья имѣютъ связь съ Демонологіею и Астрологіею, что предметъ святочныхъ миѳовъ есть природа и жизнь. Въ дополненіе къ Святкамъ изыскатель приводитъ изъ печатныхъ книгъ пѣсни Колядскія, подблюдныя, круговыя. Послѣдній отдѣлъ пѣсенъ, рѣшительно не имѣетъ никакой связи съ Святками и самъ изыскатель признаетъ, что онъ свадебныя [стр. 102], хотя между ими находятся хороводныя и плясовыя.

Авсень. Почтеннѣйшій И. М. Снегиревъ пріурочиваетъ Авсень къ Святкамъ, и говоритъ, что такъ называется канунъ новаго года, Васильевъ вечеръ, и что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ же составляетъ и Коляду. Онъ Авсень считаетъ стариннымъ Земледѣльческимъ праздникомъ, прообразовательнымъ обрядомъ обсѣванія, отчасти сходнымъ съ древнимъ обрядомъ осыпанія при бракосочетаніи молодыхъ. Къ описанію Авсеня присоединены пѣсни изъ печатныхъ книгъ. Соединяя съ Колядою Таусень, онъ считаетъ его только мѣстнымъ народнымъ праздникомъ, и что это сочетаніе намекаетъ на соединеніе миѳ разноименныхъ народовъ на Руси. Такое предположеніе и доказательства не имѣютъ правдоподобія. Созвучіе и сходство въ словахъ увлекали у насъ на Руси многихъ къ ошибкамъ. Въ числѣ Авсеневыхъ пѣсенъ мы опять подъ № 3 нашли пѣсню свадебную, а подъ № 4 не только не пѣсню, но причитываніе старушекъ въ дѣтскихъ играхъ.

Масляница. Масляницу нашъ археологъ называетъ годовымъ, разгульнымъ праздникомъ народа. Потомъ слѣдуетъ номенклатура ея по-Французски и по-Нѣмецки, сравненіе съ Вакханаліями (стр. 116) и нынѣшнимъ карнаваломъ. Далѣе приложны выписки (118) изъ нелѣпаго извѣстія о Московіи. Масляницу онъ раздѣляетъ на четыре части: встрѣча, разгулъ, широкій четвергъ и прощанья. Обряды Германіи Католической, приводимые имъ, со всемъ не нужны для сравненія Русской Масляницы. Выписка изъ Русской старины Корниловича о праздновании Масляницы Петромъ I и мѣстные обряды по городамъ еще напоминаютъ, что нашъ археологъ говоритъ о Масляницѣ; но повѣрка этихъ мѣстныхъ обрядовъ въ Саксоніи Лаузицѣ, Богеміи и Селезіи (стр. 130) затемняетъ только Русской бытъ, и указаніе на нихъ сдѣлано совсѣмъ некстати. И здѣсь опять, на Масляницѣ, явилось празднованіе Коляды! Это явная натяжка по любимой идеи археолога.

Встрѣча весны. Встрѣча весны составила у нашего почтеннаго изыскателя особенный праздникъ, отдѣльный отъ Красной горки. Начиная всегда свои изысканія номенклатурую, онъ прямо переходитъ отъ ней

къ допотопнымъ временамъ (стр. 2). Наконецъ на 12 стр. находитъ, что въ Смоленской губерніи кличутъ весну въ день Евдокеи, на *Сороки*, а въ Буйскомъ уѣздѣ въ великій четвертокъ, въ Тульской губерніи съ Ѳоминой недѣли. Изъ всего этого выходитъ, что праздникъ — Встрѣча весны — принадлежитъ къ Красной горки. Иначе и быть не могло.

Красная горка. Нашъ почтенный археологъ прямо говоритъ, что Красная горка есть одинъ изъ народныхъ праздниковъ Красной весны (стр. 18). Отселѣ у него начинается розысканіе о горахъ и о словѣ красный, по которому выходитъ (стр. 24), что Красная горка значитъ красивое и увеселительное мѣстоположеніе. Игра Горѣлки также причислены у него къ Красной горки. Розысканія о припѣвѣ пѣсенномъ Лада увлекло нашего археолога къ Литовской Миѳологіи. Взглядъ на мѣстные обряды очень любопытенъ и заслуживаетъ предпочтеніе всѣмъ изысканіямъ, тутъ приводимымъ. Къ Красной горкѣ отнесено у него Сѣяніе проса и игра Сходбище. Мы въ этомъ не согласны съ изыскателемъ, потому, что обѣ эти игры повторяются во всѣ времена года. Мы видали ихъ даже въ Москвѣ зимою, на свадьбахъ, въ комнатахъ, и такія встрѣчи попадались намъ и въ другихъ городахъ.

Радуница. Послѣ номенклатуры, археологъ нашъ называетъ Радуницу заупокойнымъ праздникомъ; его изысканія о мѣстности и древности Радуницы — показываютъ что это не праздникъ народный, а просто обрядъ церковный.

Первое Апрѣля. Мы не понимаемъ, почему почтеннѣйшій И. М. Снегиревъ Первое Апрѣля причислилъ къ Русскимъ народнымъ праздникамъ. Такого праздника нашъ народъ никогда не праздновалъ.

Свистопляска. Воспоминаніе жителей Вятки о несчастномъ событіи съ ихъ предками въ 1480 году — отправлять поминовеніемъ на могилахъ — подало поводъ нашему археологу составить народный праздникъ. Въ этомъ виноватъ г. Хитрово, доставившій Московскому историческому обществу описаніе сраженія Вятичей.

Юрьевъ день весенній. Послѣ почти всемірнаго обзора народовъ, почтеннѣйшій И. М. Снегиревъ переходитъ къ тому, что Егорьевъ день есть не только церковный, но и народный праздникъ, сопровождаемый у Грековъ, Скандинавовъ, Нѣмцы и Славянъ разными примѣтами, обрядами и весельями. На сѣверной Россіи, говоритъ онъ (стр. 74), въ этотъ день бываетъ первый всенародный праздникъ съ открытія весны; между простолюдинами онъ то же, что въ городахъ первое Мая.

Первое Мая. Первомайскій праздникъ, говоритъ намъ археологъ, у городскихъ жителей есть первое весеннее гулянье за городомъ въ рощѣ. Далѣе: это гулянье неизвѣстное въ сельскомъ быту на Руси, есть иностранное и новое. Послѣ этихъ словъ и мы не будемъ считать Первое Мая Русскимъ народнымъ праздникомъ.

Праздникъ Кукушекъ. Вотъ еще новый праздникъ для нашего народа. Почтенный изыскатель увлекаясь вѣрованіями Римлянъ и Литовцевъ въ птицеволхвованіе, придаетъ почти одинаковыя дѣйствія и нашимъ Кукушкамъ. Одинъ обрядъ изъ народнаго праздника Семика, совершаемаго въ Тульской губерніи, когда сходятся двѣ кумы для кумованія, послужилъ нашему археологу къ составленію особеннаго народнаго праздника.

Семикъ. Нашъ почтенный археологъ Семикъ называетъ дѣвичьимъ праздникомъ [стр. 29]. Описаніе этого Семика не имѣетъ мѣстныхъ, самыхъ любопытныхъ и важныхъ для народности подробностей. Указаніе на празднованіе Черемисъ кажется совершенно лишнее [стр. 107], равно какъ и Нѣмецкіе обряды [стр. 110]. Къ концу приложены изъ печатныхъ книгъ обрядныя и хороводныя пѣсни, подъ названіемъ Семицкихъ.

Троицынъ день. Почтенный нашъ археологъ Троицынъ день почитаетъ отдѣльнымъ народнымъ праздникомъ — отъ Семика. Между тѣмъ, какъ далѣе говоритъ, что исторически нельзя опредѣлить происхожденія Семика и Троицкихъ игръ (стр. 128). Въ самомъ дѣлѣ выходитъ, что онъ хороводныя игры и семицкіе обряды, отдѣльно взятыя, почитаетъ за народный праздникъ. Все это вышло отъ того, что мѣстные обряды и обычаи, разбросанные по разнымъ городамъ и селеніямъ, имѣющія свои отличія, подали поводъ къ отдѣльнымъ

идеямъ; эти-то отдѣльныя идеи, какъ особенныя черты Русской народности подали мысль нашему археологу считать ихъ за особенныя празднества. Семикъ, Троицынъ день и праздникъ Кукушекъ составляютъ одно народное празднество: разность только въ мѣстныхъ обрядахъ и хороводахъ.

Въ дополнительныхъ статьяхъ къ третьей книжкѣ, мы находимъ: Власьевъ праздникъ, Вербную субботу, Убогіе домы и Вьюнишникъ.

Описаніе Власьева праздника мы скорѣе бы отнесли къ Славяно-Русской Миѳологіи, нежели къ народнымъ праздникамъ. Всѣ предположенія, здѣсь приводимыя о опахиваніи, Масляницѣ, о перенесеніи миѳа заморскими выходцами на Югъ и Сѣверъ Россіи—ожидаютъ большихъ розысканій.

Вербная суббота принадлежитъ исключительно Русской церковной исторіи. Самъ археологъ описываетъ болѣе старинные церковные обряды.

Описаніе Скудельницъ или Убогихъ домовъ также неправильно отнесено къ народнымъ праздникамъ. Ямникъ, съ сараемъ на верху, куда свозили умершихъ, часовня, стоявшая близъ ямника, крестный ходъ, совершаемый изъ ближайшей церкви къ ямнику въ Семицкой четвергъ—вотъ предметы, совершенно чуждые народныхъ увеселеній.

Вьюнишникъ принадлежитъ къ весеннимъ обрядамъ Красной горки. Мѣстное торжество народа, начинающее за день до Красной горки, въ одной Нижегородской губерніи, въ Семеновскомъ уѣздѣ, не можетъ составлять особеннаго народнаго праздника.

Русалки и Русаліи. Русалки, составляющія на Руси отдѣльный миѳъ изъ Русской Демонологіи, существа, олицетворяемыя въ понятіяхъ народа въ извѣстное время года, не могутъ входить въ число народныхъ праздниковъ. Объ нихъ можно было бы сказать только при описаніи Святокъ и Семика. Въ это время миѳъ о Русалкахъ проявляется въ суевѣрныхъ головахъ; но чтобы Русской народъ въ честь Русалокъ отправлялъ особенное празднество—этого никогда не бывало ни прежде, ни нынѣ.

Купало и Купальница. Народное празднество всего Славянскаго міра, извѣстное подъ именемъ Купальскихъ огней, Суботокъ. Прежніе наши Миѳографы считали Купало за особеннаго Славяно-Русскаго бога. Нашъ археологъ находитъ начало Купальскихъ огней у Іудеевъ, Индѣйцевъ (стр. 23) Грековъ, Римлянъ, у Англо-Саксовъ, Нѣмцевъ, Датчанъ, Финновъ, Поляковъ, Литовцовъ, ссылается на капитуляріи Карла Великаго, по указанію Ревналя, находитъ подобные обряды у Мальтійскихъ рыцарей. Собственно Купальское празднество принадлежитъ исключительно у насъ Мало-Руссамъ, а у Велико-Руссовъ существуютъ только народныя игры, зарываніе травъ, доставаніе изъ дерева огня, изъ долинъ корня травы Плакуна и Папоротникова цвѣта. И все это у насъ, Велико-Руссовъ, извѣстно подъ именемъ Иванова дни, а не Купалы. Ивановской огонь у насъ былъ повсемѣстнымъ въ XVI столѣтіи и запрещался Стоглавымъ соборомъ. Нашъ археологъ въ Купальницѣ отыскиваетъ идею водопоклоненія а въ Купалѣ идею травоволхвованія. Кажется, что это требуетъ большихъ доказательствъ, и по всѣмъ, досель извѣстнымъ фактамъ, ни мало не подтверждается. Приложенныя имъ Купальскія пѣсни служатъ явнымъ доказательствомъ.

Ярило. Особенное мѣстное празднество народа, извѣстное въ старину и по Стоглаву подъ именемъ Наливокъ, было совершаемо въ Тверской, Костромской, Владимірской, Нижегородской, Рязанской и Тамбовской губерніяхъ. Мы благодарны почтеннѣйшему нашему археологу за собраніе мѣстныхъ обычаевъ и обрядовъ празднества Ярилы. Замѣтимъ, что этотъ Ярило не вездѣ называется такъ. Въ Ярославлѣ его величаютъ Солониною, въ Нерехтѣ Конюховкою.

Петровки. Народное гулянье въ день Петра и Павла повсемѣстно въ Россіи. Петровскіе хороводы, называемые только по времени ихъ отправленія, и игры—не составляютъ особеннаго народнаго праздника. Но нашъ археологъ составилъ изъ мѣстныхъ празднествъ и увеселеній особенный праздникъ. Мы не вѣримъ, чтобы съ Петровками соединялись у простаго народа обряды и обычаи, носящіе на себя печать древняго быта и древнихъ повѣрій; не вѣримъ также тому, чтобы этотъ праздникъ совершался въ честь Солнца, боготворимаго подъ име-

немъ Купало или Ладо (стр. 68). Начнемъ и кончимъ тѣмъ, что наши Славяно-Руссы не имѣли въ числѣ своихъ боговъ ни Купало, ни Ладо. Этого не говоритъ ни народъ, ни Несторъ.

Башъ и Башиха. Уваженіе къ большимъ и малымъ камнямъ, какъ къ памятникамъ народнымъ, разсѣяно по Россіи во многихъ мѣстахъ. Но чтобы Башъ и Башиха, такъ называемые два камня, находящіеся въ Тульской губерніи, Одоевскомъ уѣздѣ, въ селѣ Башевѣ—составляли народный праздникъ—никогда не слыхано и не видано на Руси.

Земледѣльческіе праздники. Въ числѣ Земледѣльческихъ праздниковъ помѣщены: покосъ, жнитва, опашка, замолотъ, помочь или толока. Въ легкихъ очеркахъ почтенный археологъ представилъ сельскіе обряды, совершаемые при сихъ празднествахъ. Празднество покоса, отправляемое въ нашихъ степныхъ губерніяхъ ускользнуло изъ видовъ изыскателя. Вообще, все это отдѣленіе не имѣютъ подробностей, даже нужныхъ для точнаго изображенія описываемыхъ предметовъ.

Семенъ день. Начало новаго лѣта, первый день Сентября предки наши называли Семенъ день. Здѣсь начиналось и Бабье лѣто. Первая недѣля новаго лѣта называлась Семинскою. Съ этимъ днемъ соединялось у нашихъ предковъ: встрѣча новаго лѣта, явки на судъ, начало бабьихъ работъ и засидки, братчины, похороны мухъ и хороводы. Почтеннѣйшій И. М. Снегиревъ обратилъ все вниманіе на описаніе встрѣчи новаго лѣта, какъ это изложено въ Требникѣ 1639, въ Чинѣ лѣтопровожденія, помѣщенномъ въ Древней Вивліоѳики (ч. VI), и въ одномъ Нѣмецкомъ путешествіи. Олеарій также былъ свидѣтелемъ нашего новаго лѣта. Судный срокъ описанъ очень кратко.

Осенняя родительская. Въ числѣ поминальныхъ обрядовъ отправляемыхъ осенью извѣстны: Дмитріевская и Покровская субботы. Первая назначена В. К. Дмитріемъ Ивановичемъ Донскимъ, а вторая извѣстна только въ одной Сибири. Не знаемъ и не вѣдаемъ, почему почтенный археологъ рѣшился включить родительскія поминки въ число народныхъ праздниковъ.

Свадьбы. Взглядъ краткой и почти бѣглой о Русскихъ народныхъ Свадьбахъ самаго изыскателя предшествуетъ описаніямъ двухъ свадебъ Костромской губерніи, составленныхъ по запискамъ кн. Козловскаго и М. Я. Діева.

Таковъ обширный планъ описаній Русскихъ народныхъ праздниковъ, приводимый нынѣ въ исполненіе нашимъ первокласнымъ археологомъ. Богатство иностранныхъ источниковъ, пособія мѣстныхъ жителей и собственныя наблюденія—были его основными матеріалами. Часто излишнее довѣріе къ иностраннымъ источникамъ, иногда словопроизводство затемняли разысканія и отвлекали отъ настоящаго предмета. Чужія мѣстныя наблюденія, принятыя имъ за вѣрные источники, часто также грѣшатъ противъ достовѣрности; но все это такъ ничтожно предъ трудомъ его, что въ будущихъ изданіяхъ можетъ быть легко исправлено. Трудъ вѣковый, трудъ исполненный съ знаніемъ дѣла, поставляетъ заслуги почтеннѣйшаго И. М. Снегирева выше всѣхъ предшественниковъ. Благодарность современниковъ, благодарность потомства будетъ лучшею наградою его заслугъ. Дѣло во славу родины, есть дѣло великой важности.

СКАЗАНІЯ

РУССКАГО НАРОДА.

КНИГА ВТОРАЯ.

РУССКОЕ

НАРОДНОЕ ЧЕРНОКНИЖІЕ.

РУССКІЯ

НАРОДНЫЯ ИГРЫ.

РУССКІЯ

НАРОДНЫЯ ЗАГАДКИ И ПРИТЧИ.

РУССКІЯ

НАРОДНЫЯ ПРИСЛОВЬЯ.

РУССКОЕ

НАРОДНОЕ

ЧЕРНОКНИЖІЕ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРЕДАНІЯ И СКАЗАНІЯ О РУССКОМЪ ЧЕРНОКНИЖІИ.

Народныя преданія; древнія Русскія сказанія; источники Русскихъ преданій.

СКАЗАНІЯ О КУДЕСНИЧЕСТВѢ.

Русскіе народные заговоры:

От недуговъ красной дѣвицы въ болѣзни полюбовнаго молодца.
Красной дѣвицы о сбереженіи въ дорогѣ полюбовнаго молодца.
Отъ тоски родимой матушки въ разлукѣ съ милымъ дитяткою.
Охотника на постановныхъ клѣтяхъ для зайцовъ.
На путь дороженьку.
На укрощеніе родимой матушки.
На укрощеніе злобныхъ сердецъ.
На посаженіе пчелъ въ улей.
На утиханіе крови.
Отъ укушенія змѣи.
Отъ ужаленія козюльки.
На отгнаніе черныхъ муріевъ.
Отъ червей.
Отъ зубной скорби.
Отъ пищалей и стрѣлъ.
Отъ ратныхъ орудій.
Отъ пуль свинцовыхъ, каменцыхъ.
На желѣзо, укладъ, сталь, мѣдь.
На карты.
Отъ осы.
Отъ запоя.
На остановленіе руды.
Отъ лихорадки.
Ратнаго человѣка, идущаго на войну.
На любовь красной дѣвицы.
Отъ порѣза.
Отъ недуговъ.
На покраденную вещь.
Оборотня.
Для любви.
Родимой матушки въ наносной тоскѣ своей дитятки.
Красной дѣвицы отъ тоски.
На любовь красной дѣвицы.
На воду.
Островника на зеленую дуброву
Отъ лихаго человѣка.
Красной дѣвицы отъ недуговъ полюбовнаго молодца.
Охотника на утокъ, гусей, тетеревей,
На любовь.
Отъ черной немочи.
Отъ бѣшеной собаки.
Отъ родимца.
Молодушки отъ лютой бѣды.
Красной дѣвицы отъ призороковъ.
Отъ колотья и болѣстей.
На изгнаніе съ островника звѣрей и гадовъ.
На подходъ.
На остуду между мужемъ и женой.
На удачную ловлю звѣрей.
На тоску доброму молодцу по красной дѣвицѣ.
Отъ грыжи.
На остуду между молодцомъ и дѣвицей.

СКАЗАНІЯ О ЧАРОДѢЙСТВѢ.

Преданія о народныхъ чарованіяхъ.

Чары на вѣтеръ.
— слѣдъ.
для колѣкъ.
на лошадь.
— подтекъ.
надъ змѣею.
— лягушкою.
— голубинымъ сердцемъ.
Чары надъ змѣями и лягушками.
Чародѣйскій травникъ.
Заклинательная пѣсня надъ духами.
Чародѣйская пѣсня вѣдьмъ.
Шабашная пѣсня вѣдьмъ.
Пѣсня вѣдьмъ на роковомъ шабашѣ.
Чародѣйская солнцевыхъ дѣвъ.

СКАЗАНІЯ О ЗНАХАРЬСТВѢ.

Преданія знахарей и колдуновъ.

Пчельное дѣло.
Сбрызгиваніе,
Переполохъ.
Соняшница.
Открытіе колдуна.
Стѣнь.
Съ глазъ.
Хлѣбная завязка.
Зубы лечить.
Куриная слѣпота.
Морозъ.
Неразмѣнный рубль.
Кость невидимка.
Свадебная поруха.
Вывѣдываніе жены.
Размѣнный колпакъ.
Вѣдьмино селеніе.
Собачья старость.

СКАЗАНІЯ О ВОРОЖБѢ.

Народныя гаданія.

Гаданіе на картахъ.
Кофѣ.
Псалтырѣ.
Рѣшетѣ.
Яицахъ.
Иглахъ.
Воскѣ.
Свинцѣ.
Въ зеркалѣ.
Курицею.
Водогаданіе.
Святочныя гаданія.
Снотолкованія.

ПРЕДАНІЯ И СКАЗАНІЯ
О
РУССКОМЪ ЧЕРНОКНИЖІИ.

НАРОДНЫЯ ПРЕДАНІЯ.

Тайныя сказанія Русскаго народа всегда существовали въ одной семейной жизни, и никогда не были мнѣніемъ общественнымъ, мнѣніемъ всѣхъ сословій народа. Вѣка и событія, измѣнявшія Русскую землю, обновляли людей вмѣстѣ съ ихъ понятіями; но въ этихъ обновленіяхъ не могли участвовать всѣ народныя сословія. Люди, близкіе къ престолу, люди, участвовавшіе въ служеніи Церкви, люди, исполнявшіе общественныя должности по городамъ — болѣе всѣхъ обновлялись; люди промышленные участвовали въ обновленіи исполненіемъ только нуждъ, примыкали къ людямъ съ обновленными понятіями, но никогда не выходили изъ границъ семейной жизни; люди сельскіе всегда и постоянно находились въ семейной жизни. Взгляните на ихъ занятія въ XIX вѣкѣ? Онѣ однѣ и тѣ же, какія были въ X, XII и XVIII вѣкахъ: тамъ и здѣсь земледѣліе, тамъ и здѣсь сельская промышленность, тамъ и здѣсь повѣрія. Люди, обновлявшіе свою жизнь, оставляли понятія и повѣрія, противныя образу ихъ дѣйствованія; люди, оставшіеся въ неизмѣнной жизни, никогда не измѣняли ни своихъ понятій, ни своихъ повѣрій. Вотъ отъ чего въ расказахъ поселянъ мы доселѣ слышимъ были о старой Русской семейной жизни.

Преданія Русскаго народа вмѣщаютъ въ себѣ всѣ подробности тайныхъ сказаній, передаваемыхъ изъ рода въ родъ. Наши письменные памятники намекаютъ о нихъ тогда, когда нужда заставляла указать народу на вредныя слѣдствія. Представляемъ здѣсь словесныя преданія Русскаго народа о тайныхъ сказаніяхъ Чернокнижія извѣстнаго доселѣ нашимъ простолюдинамъ.

Словесныя преданія Русскаго народа говорятъ, что люди, посвятившіе себя тайнымъ сказаніямъ Чернокнижія, отрѣкались отъ Бога, родныхъ и добра. Такъ понимали этихъ людей предки, такъ теперь думаютъ современники нашей сельской жизни. Встарину олицетворителей тайныхъ сказаній оглашали разными названіями. Однихъ величали: Кудесниками, Чародѣями, Вѣдунами, Колдунами; другихъ называли: Волхвами, Ворожеями, Знахарями, Доками. Но всѣ эти люди извѣстны были подъ общимъ именемъ: Чернокнижниковъ. Мы не можемъ теперь обозначить этого отличія, какъ не можемъ сказать: въ чемъ заключалось Чернокнижіе нашихъ предковъ? Вѣроятно, что умственное образованіе сообщаясь всѣмъ сословіямъ изгладило изъ народной памяти различіе этихъ олицетвореній. Но народъ доселѣ еще хранитъ въ памяти преданіе о Чернокнижіи, доселѣ еще думаетъ о возможности его бытія.

Говоря о Чернокнижникахъ, наши поселяне увѣряютъ, что они научаются лихому дѣлу отъ Чертей и всю свою жизнь состоятъ въ ихъ зависимости. Заключая съ духомъ условіе на жизнь и душу, они получаютъ отъ нихъ Черную книгу, исписанную заговорами, чарами, обаяніями. Всякой Чернокнижникъ умирая, обязанъ передать эту книгу или родственникамъ, или друзьямъ. Во многихъ селеніяхъ есть повѣрья, неоспориваемыя ни вѣками, ни людьми, повѣрья, что умершіе Чернокнижники прихо-

дятъ въ полночь, одѣтые въ бѣлые саваны, въ дома своихъ родственниковъ. Это бываетъ только съ тѣми, которые забываютъ передавать при смерти Черную книгу. Старики разсказываютъ еще, что полночные посѣтители шарятъ по всѣмъ мѣстамъ, садятся за столъ и съѣдаютъ все, имъ предлагаемое. Другіе же, напротивъ, увѣряютъ, будто они, приходя къ дому, стучатъ въ двери и окна, истребляютъ всякой домашній скотъ, и, при пѣніи послѣднихъ пѣтуховъ, исчезаютъ. Родственники, выведенные изъ терпѣнія, выкапываютъ Чернокнижниковъ, кладутъ ихъ во гробъ ничкомъ, подрѣзываютъ пятки, засыпаютъ землею, гдѣ въ это время Дока шепчетъ заговоры, а родственники вбиваютъ осиновой колъ между плечами. Старики разсказываютъ, что когда-то одинъ удалый молодецъ вздумалъ почитать оставшуюся книгу послѣ Чародѣя. Во время чтенія явились къ нему Черти съ требованіемъ работы. Сначала онъ имъ предлагалъ работы легкія, потомъ трудныя; но Черти все являлись за новыми требованіями. Истомленный выдумками для отысканія работъ, онъ не находилъ уже болѣе для нихъ занятія. Неотвязчивые черти задушили удалаго молодца. Съ тѣхъ поръ, говорятъ, никто не смѣетъ приближаться къ Черной книгѣ. По увѣренію народа одни только Колдуны знаютъ, чѣмъ занимать чертей. Они посылаютъ ихъ: вить веревки изъ воды и песку, перегонять тучи изъ одной земли въ другую, срывать горы, засыпать моря и дразнить слоновъ, поддерживающихъ землю.

Народъ никогда не любилъ Чернокнижниковъ, какъ враговъ семейной жизни. Чародѣй бываетъ ли на свадьбѣ — онъ портитъ или жениха, или невѣсту, или гостей. Видитъ ли Кудесникъ дружную жизнь въ семействѣ — онъ портитъ мужа съ женою, отца съ сыномъ, мать съ дочерью. Поссорится ли Знахарь съ поселянкою — онъ присаживаетъ ей на носъ *килу*. Обойдутъ ли Колдуна приглашеніемъ на свадьбу — онъ бросаетъ порчу на дорогу, гдѣ проѣзжаетъ поѣздъ, и тогда свадьба сбивается съ толку. Испортитъ ли Вѣдунъ женщину — она лаетъ собакою, мяучитъ кошкою, и когда положатъ на нее запертой замокъ, она выкликаетъ своихъ недоброжелателей.

Старушки говорятъ, что Порчи, произведенныя Чернокнижниками, бываютъ: времянныя и вѣчныя. Времянныя Порчи отговариваются въ деревняхъ Доками, вѣчныя же остаются до конца жизни. Молва народная гласитъ, что Чародѣи могутъ испортить человѣка за тысячу и болѣе верстъ, выпуская изъ-за пазухи змѣю или ужа, которые залѣзаютъ въ чрево, и тогда кликуша чувствуетъ, что порча подкатывается подъ сердце и лежитъ, какъ пирогъ. Чернокнижникъ, не смотря на свою злость къ людямъ, никогда и никого самъ собою не портитъ. Все это дѣлается по просьбѣ людей враждующихъ, по неотвязчивости молодежи, желающихъ навести сухоту на красу дѣвичью и на молодечество. Любовь, выражаемая въ селахъ сухотой, слыветъ напущеніемъ. Въ этомъ случаѣ простолюдинъ, замѣтивши красоту дѣвичью съ сухотою, говоритъ: это не-спроста — здѣсь замѣшалась чертовщина. Отъ этого вошло въ пословицу въ сельскомъ быту говорить — при взглядѣ на непросыпнаго пьяницу, записнаго игрока: «это напущено.» Кромѣ этого, Чернокнижникамъ приписываютъ: Обморочанье, Узорочанье, Обаяніе.

ОБМОРОЧИТЬ, слово столь часто повторяемое въ Русскихъ избахъ, выражаетъ собою полное могущество Чернокнижника. Ясно простодушіе поселянина: обморочанье есть обманъ. Чародѣй, плѣнившись какою нибудь вещію, увѣряетъ хозяина, что въ ней водится нечистая сила. Какъ не повѣрить Чародѣю, знающему всю поддонную, видящему въ землю на семь пядей! Простодушный со страхомъ вручаетъ вещь, а Чародѣй навсегда остается полнымъ ея владѣтелемъ. И это значитъ обморочить. Такъ точно Цыгане успѣваютъ увѣрять поселянокъ, что въ ихъ коробахъ, наполненныхъ деньгами и вещами, завелись мертвыя мыши. Въ такомъ случаѣ, избавляя отъ мышей, они избавляютъ ихъ отъ денегъ и вещей. И это значитъ то же — обморочить. Въ народномъ разсказѣ сохранилось еще выраженіе, составленное изъ этого слова. Когда простолюдина увѣрютъ о предметѣ про-

тивъ его понятія, онъ говоритъ: «что ты меня морочишь?»

УЗОРОЧАНЬЕ есть снадобье, приготовляемое для порчи Чародѣями, слова, выговариваемыя Кудесниками. Наши поселяне такъ вѣрятъ въ Узорочанье, что ни какими доказательствами не можно ихъ переувѣрить. Дадутъ ли старухѣ снадобья отъ лихорадки — она думаетъ, что Узорочанье истребляетъ ея болѣзнь. Привѣсятъ ли ей записку къ ладанкѣ—она увѣрена, что Узорочанье спасаетъ ее отъ всякаго колдовства.

ОБАЯНІЕ есть чудесная сила, истекающая изъ Кудесника, приводящая въ недвижимость, въ страхъ и трепетъ всякаго человѣка. Воры обаяніемъ усыпляютъ хозяевъ, зажимаютъ рты собакамъ, смиряютъ свиней, утоляютъ ярость змѣй, усмиряютъ лошадей. Въ этомъ какъ-то нечаянно сошлись наши поселяне съ магнетизмомъ Месмера. Желательно знать: Обаяніе ли прежде существовало, или Магнетизмъ Месмера?

Разсказы Бывалыхъ людей о существованіи Черной книги исполнены странныхъ нелѣпостей. Въ ихъ заповѣданныхъ разсказахъ мы слышимъ, что Черная книга хранилась на днѣ морскомъ, подъ горячимъ камнемъ Алатыремъ. Какой-то злой Чернокнижникъ, заключенный въ мѣдномъ городѣ, получилъ завѣтъ отъ старой Вѣдьмы отыскать книгу. Когда былъ разрушенъ мѣдный городъ, Чернокнижникъ, освободясь изъ плѣна, опустился въ море и досталъ Черную книгу. Съ тѣхъ поръ эта книга гуляетъ по бѣлому свѣту. Было когда-то время, въ которое Черную книгу заклали въ стѣны Сухаревой башни. Доселѣ еще не было ни одного Чернокнижника, который бы могъ достать Черную книгу изъ стѣнъ Сухаревой башни. Говорятъ, что она связана страшнымъ проклятіемъ на десять тысячь лѣтъ.

Говоря о Черной книгѣ, наши поселяне увѣряютъ, что въ ней содержатся чертовскія навожденія, писанныя волшебными знаками. Но наши предки XVI столѣтія знали подробнѣе насъ, современниковъ. Они къ Черной книгѣ причисляли: ***Рафли***, ***Шестокрылъ***, ***Вороноград***, ***Остромій***, ***Зодій***, ***Альманахъ***, ***Звѣздочетьи***, ***Аристотелевы врата***. Мы ничего не можемъ сказать объ этихъ книгахъ, потому что ничего о нихъ не знаемъ.

Вотъ образчики народныхъ преданій изъ Русскаго Чернокнижія. Разсматривая ихъ, каждый можетъ убѣдиться, что онѣ всегда существовали подъ покровительствомъ невѣжества. Скрываемыя въ семейной жизни, какъ заповѣданныя тайны, сказанія переживали вѣка и людей, и, осѣняемыя чудеснымъ вымысломъ, успѣли обольстить простодушныя сердца.

ДРЕВНІЯ РУССКІЯ СКАЗАНІЯ.

СТАРЫЯ ЗАПИСИ граматныхъ людей, дошедшія до нашихъ временъ, увѣряютъ насъ въ давности тайныхъ сказаній Русскаго Чернокнижія. Онѣ, какъ вѣковые памятники, указываютъ намъ на времена и обстоятельства, среди которыхъ являлись люди съ предразсудками и заблужденіями. Прочитаемъ эти записи.

«Лѣта 6632 (1124) восташа Волсви лживіе въ Суздалѣ, избиваху старую чадь, бабы, по діаволю поученію и бѣсованію, яко сіи держатъ гобино и жито, и голодъ пущаютъ, и бѣ мятежъ великъ, и гладъ по всей странѣ той, яко же мужу своя жена даяти, да ю кормятъ себя челядиномъ.»

«Пріиде Волхвъ прельщенъ бѣсомъ, и пришедъ къ Кіеву (въ 1071 г.) глаголаше сице: повѣдая людемъ, яко на пятое лѣто Днѣпру тещи на вспять, а землямъ пріити на иная мѣста, яко стати Греческой земли на Русской, а Русской на Греческой, и прочимъ землямъ измѣнитися, его же невеглаcи послушаху, вѣрніи же насмѣхахуся, глаголюще: бѣсъ тобою играетъ на пагубу

тебѣ. Се же и бысть ему; во едину убо нощь бысть безвѣсти. Бѣси бо, подтокше, на зло водятъ, по семъ же смѣются, ввергши въ пропасть смертную, и научивши глаголати, яко се скажемъ бѣсовское наученіе и дѣйство [1].»

«Бывши бо единою скудости въ Ростовстей области, востаста два Волхва отъ Ярославля, глаголюще: яко мы свѣмы, кто обиліе держитъ. И идоста по Волзѣ и прiидоста въ погостъ; ту лучшая жены нарицуше, глаголюще: яко сія жито держитъ, а сія медъ, а сія рыбу, а сія скору. И привожаху къ нимъ сестры своя, и матерь и жена своя; они же въ мечтѣ прорѣзоваша имъ за плечомъ, и вынимаста любо жито, любо рыбу, любо бѣлку. И убиша многи жены, имѣнія ихъ отнимаху за ся; и прiидоста на Бѣлоозеро; и бѣ у нихъ иныхъ людей триста.

Случися прiити отъ Святослава дань емлюще Яну сыну Вышатину, и повѣдаша ему Бѣлозерцы, яко два Волхва пришли, и ужа многихъ по Волзѣ и по Шекснѣ погубили, и пришли еще сѣмо. Янъ же испыта, чьи есть смерди; и увидѣвъ же Янъ яко князя его, и посла къ нимъ, иже около его суть, и рече: выдайте Волхвовъ тѣхъ семо, яко смердіевъ князя моего и мои; они же сего не послушаша. Янъ же самъ пойде безъ оружія. И рѣша ему отроцы его: не ходи безъ оружія: изсоромотятъ тя. Онъ же повелѣ взять оружіе отрокомъ, бѣста бо съ нимъ 12 отрокъ, и пойде съ ними по лѣсу; они же сташа, испочнившеся противу. Яневи же идущу съ топоркомъ, выступиша отъ нихъ три муша и прiидоша къ Яневи, рекуще ему: видя, что идеши на смерть, не ходи. Яневи же повелѣвшу бити я, къ прочимъ же поиде; они же сунушася на Яна, единъ же грѣшись топоромъ. Янъ же оборотя топоръ и ударя тыльемъ, повелѣ отрокомъ своимъ сѣчи ихъ; они же бѣгоша въ лѣсъ; убиша же ту попина Янева. Янъ же шедъ во градъ къ Бѣлозерцомъ, и рече имъ: аще не имете Волхвовъ тѣхъ, не иду отъ васъ за лѣто. Бѣлозерцы же шедше, яша ихъ и приведоша ихъ къ Яневи. И рече имъ Янъ: что ради толико погубиста человѣкъ? Онемъ же рекшимъ: яко ти держатъ обиліе; да аще истребимъ сихъ, да будетъ гобина; и аще хощеши, предъ тобою вымемъ жито, или рыбу, или иное что. Янъ же рече: по истинѣ лжа то есть: сотворилъ есть Богъ человѣка отъ земли, составленъ костьми и жилами отъ крове и нѣсть въ немъ ничто же, но токмо Богъ единъ вѣсть. Они же глаголаста: вѣмы, како есть сотворенъ человѣкъ. Янъ же рече: како? Они же реста: Богъ мывся въ мовницѣ, и вспотѣвъ отреся вѣтхомъ и сверже съ небеси на землю; и распреся сатана съ Богомъ, кому въ немъ сотворити человѣка. И сотвори діаволъ человѣка, а Богъ душу въ онь вложилъ; тѣмъ же аще умретъ человѣкъ, въ землю идетъ тѣло, а душа къ Богу идетъ. И рече имъ Янъ: по истинѣ прельстилъ есть васъ бѣсъ. Коему Богу вѣруете? И реша: Антихристу. Онъ же рече имъ: то гдѣ есть? Они же рекоша: сидитъ въ безднѣ. И рече имъ Янъ: то кій-то Богъ сидитъ въ безднѣ? той есть бѣсъ, а Богъ есть на небесѣхъ, сѣдитъ на престолѣ славимый отъ Ангелъ, иже предстоятъ ему со страхомъ, не могуще нань зрѣти, а сихъ Ангелъ сверженъ бысть за гордость съ небеси, его же вы глаголете Антихриста, и есть въ безднѣ, яко же вы того глаголете, ждуще, егда снидетъ Богъ съ небеси, сего Антихриста емъ, свяжетъ узами, и посадитъ въ огнѣ вѣчнемъ съ слугами его, иже къ нему вѣруютъ; вамъ же и здѣ пріяти мука у меня и по смерти тамо. Онемъ же глаголющимъ: наши бози повѣдаютъ — не можеши намъ сдѣлать ничесо же. Онъ же рече имъ: лжутъ вамъ бози ваши. Они же реша: намъ стати предъ Святославомъ въ Кіевѣ, а ты намъ не можеши сотворить ни чесо же. Янъ же повелѣ бити ихъ и торгати брады ихъ. Симъ же біеннымъ и поторганнымъ, рече имъ Янъ: что вамъ бози ваши скажутъ? Онемъ же глаголющимъ: стати намъ предъ Святославомъ. И повелѣ Янъ клепъ вложити во уста ихъ, и привязать ихъ ко упругу, и спустити предъ собою въ лодьи, а самъ за ними поиде и сташа на усть Шексны. И рече имъ Янъ: что вамъ бози ваши повѣдаютъ? Они же реша: тако молвятъ бози наши — не быти намъ живымъ отъ тебя. И рече имъ Янъ:

то вамъ право повѣдали. Они же рекоша: аще наю пустиши, много ти добра будетъ; аще ли насъ погубиши, то многу печаль пріимеши и зло. Янъ же рече: аще васъ пущу, то зло ми будетъ отъ Бога. И рече Янъ къ повозникамъ: аще кто у васъ убіенъ бысть отъ сихъ? Одни же рѣша: у меня мати; а другіе рече: у меня сестра, у меня жена. Янъ же рече имъ: мстите своихъ. Они поимше ихъ, биша и возвѣсиша ихъ на дубъ, отмъстіе пріимше отъ Бога и о правдѣ. Яневи же идущу во свояси, въ другую-жъ ночь медвѣдь взлѣзъ угрызе ихъ, и тако погибоша напущеніемъ бѣсовскимъ. Инемъ вѣдуще и глаголюще: а своя погибели не свѣдуще; аще быста вѣдали, не бы пришли на мѣсто се, идѣ же ятыма быти има; аще и ята быста, почто глагоста: не умрети пама, оному мыслящу убити я. Но се есть бѣсовское наущеніе; бѣси бо не вѣдаютъ мысли человѣческія и тайны не свѣдуще; Богъ же единъ вѣсть помышленія человѣческія; бѣси бо не вѣдаютъ ничто же; яко и се скажемъ о взорѣ ихъ, и о немощи и обмороченіи ихъ».

«Ключися нѣкоему Новгородцу пріидти въ Чудь, и пріиде къ кудеснику, хотя волхвованій отъ него. Онъ же, по обычаю своему, хотя начати, и начатъ призывати бѣсы въ храмину свою. Новгородецъ же той сѣдѣ на порогѣ тоя храмины. Кудесникъ же лежаше, оцепенѣвъ и шибе имъ бѣсъ. Кудесникъ же вставъ, рече Новгородцу: бози не смѣютъ пріидти, нѣчто имаши на себѣ, его же боятся. Онъ же воспомяну на себѣ крестъ; и отшедъ, поставя крестъ, кромѣ храмины тоя. Онъ же начатъ призывати опять бѣсы; бѣсы же, метавше имъ, повѣдаша, что ради пришелъ есть? По семъ же начатъ вопрошати его, его же носитъ на себѣ креста. Онъ же рече: то есть знаменіе небеснаго Бога, его же наши бози боятся. Онъ же рече: то кацы суть бози ваши? да гдѣ живутъ? Онъ же рече: бози наши живутъ въ безднахъ, суть же образомъ черны, и крылаты и хвосты имуще; восходятъ же и подъ небо, слушающе вашихъ Боговъ, ваши-жъ Боги на небесѣхъ суть; да аще кто умретъ отъ вашихъ людей, то возносимъ есть на небо; аще ли кто отъ нашихъ людей умретъ, то носимъ есть къ нашимъ богамъ въ бездну, яко же бо есть и грѣшницы во адѣ ждуще муки вѣчныя, а праведницы въ небесныхъ жилищахъ водворяются со ангелы. Сице бо есть бѣсовская сила и лѣпота и немощь, тѣмъ же прельщаютъ человѣки, велящe имъ глаголати видѣнія, являющеся имъ, несвершеннымъ вѣрою, во снѣ, инемъ въ мечтѣ, и тако волхвуютъ наученіемъ бѣсовскимъ. Паче женами бѣсовская волшвленія бываютъ; изкони бо бѣсъ ихъ прельсти, а жена мужа, такожде въ родѣхъ многѣхъ вся жены волхвуютъ чародѣйствомъ, и отравою и иными бѣсовскими бездми, но и мужи прельщены бываютъ невѣрніи отъ бѣсовъ, яко же се въ первые роды [2]».

«Предивно бысть въ Полотскѣ, въ мечтѣ бываше въ нощи, стоняше тутно по улицѣ, аки человѣцы рищуще бѣси. Аще кто вылязаше изъ хоромины, хотя видѣти, и уязвленъ бываше невидимо отъ бѣсовъ язвою, и съ того умираху, и не смѣяху излазити изъ хоромъ. И по семъ во днехъ начаша являтися на конѣхъ и не бѣ ихъ видѣти самихъ, но коней ихъ видѣти копыта, и тако уязвляху люди Полотскія и ихъ область, тѣмъ бо и человѣцы глаголаху: яко на явѣ біютъ Полочаны».

Въ посланіяхъ Русскихъ Архипастырей находимъ ясныя доказательства о распространеніи въ простомъ народѣ тайныхъ сказаній. Приводимъ нѣкоторыя указанія:

Митрополитъ Фотій въ посланіи своемъ къ Новгородскому Архіепископу Іоанну, въ 1410 году, писалъ: «учите, чтобы басней не слушали, лихихъ бабъ не пріимали, ни узловъ, ни примолвленія, и гдѣ таковыя лихія бабы находятся, учите ихъ, чтобы престали [3]».

Новгородскій Архіепископъ Геннадій въ посланіи своемъ къ Нифонту, Епископу Суздальскому, говорилъ: «Уже нынѣ наругаются Христіанству: вяжутъ кресты на вороны и на вороны... воронъ летаетъ, а крестъ на немъ вязанъ, древянъ... а на воронѣ крестъ мѣдянъ. Да привели ко мнѣ попа, да діакона, а они крестьянину дали крестъ тѣльникъ: *древо плакунъ*, да на

кресгъ вырѣзанъ соронъ... А христіанинъ дей съ тѣхъ мѣстъ учалъ сохнути, да не много болѣлъ, да умеръ [4].»

Въ граматѣ Мисаила, Митрополита Бѣлогородскаго и Обоянскаго, писанной въ 1673 году, къ Никодиму, архимандриту Курскаго Знаменскаго монастыря, сказано: «Да въ городѣхъ же и уѣздахъ мужескаго и женскаго полу бываютъ чародѣи и волхвованіемъ своимъ и чародѣйствомъ многихъ людей прельщаютъ. Многіе люди тѣхъ Волхвовъ и Чародѣевъ въ домъ къ себѣ, къ малымъ дѣтямъ и къ больнымъ младенцамъ призываютъ, а они всякое волхвованіе чинятъ, и отъ правовѣрія православныхъ Христіанъ отлучаютъ [5]».

Въ Стоглавѣ, составленномъ Московскимъ Соборомъ 1551 года, написано: «Пѣцыи не прямо тяжутся, и поклепавъ крестъ цѣлуютъ, на поли бьются, и кровь проливаютъ, и въ тѣ поры Волхвы и Чародѣйники отъ бѣсовскихъ наученій пособіе имъ творятъ, кудесы бьютъ, и во Аристотелевы Врата и въ Рафли смотрятъ, и по звѣздамъ и по лапитамъ глядаютъ и смотрятъ дней и часовъ.... и на тѣ чарованія надѣясь, поклебца и ябедникъ не мирятся, и крестъ цѣлуютъ, и на поли биются, и поклепавъ убиваетъ.... Злыя ериси, кто знаетъ ихъ и держится.. Рафли, Шестокрылъ, Воронограй, Остромій, Зодѣй, Альманахъ, Звѣздочетьи, Аристотель, Аристотелевы Врата и иныя кобп бѣсовскія... тѣхъ всѣхъ еретическихъ книгъ у себя бы не держали и не чли... Въ первый понедѣльникъ Петрова поста въ рощи ходятъ и въ наливкахъ бѣсовскія потѣхи дѣятъ... Въ Великій Четвергъ по рану саломѹ палятъ и кличутъ мертвыхъ; нѣкоторіи же невеглаcи попы въ В. Ч. соль предъ престолъ кладутъ и до четверга по велицѣ дни тамъ держатъ, и ту отдаютъ на врачеваніе людямъ и скотомъ... По селомъ и волостемъ ходятъ лживые пророки, мужики и жонки, и дѣвки и старыя бабы, наги и босы, и волосы отростивъ и распустя, трясутся и убиваются, а сказываютъ, что имъ являются С. Пятница и С. Анастасія, и заповѣдаютъ въ среду и пятокъ ручнаго дѣла не дѣлати и женамъ не прясти, и платья не мыти, и каменія не разжегати [6]».

Въ 1552 году, въ наказѣ, данномъ Берсеневу и Тютину за точнымъ исполненіемъ правилъ Московскаго Собора 1551 года, сказано: «къ Волхвомъ бы и къ Чародѣемъ и къ Звѣздочетцомъ волховати не ходили, и у поль бы (при судебныхъ поединкахъ) Чародѣи не были [7]».

Въ Псковской лѣтописи, подъ годомъ 1570 о Докторѣ Елисеѣ Бомелии, записано: «присдаша Нѣмцы къ Іоанну Нѣмчина, лютого Волхва, нарицаемаго Елисея, и бысть ему любимъ въ приближеніи и положи на Царя страхованіе... и конечнѣ былъ отвелъ Царя отъ вѣры, на Русскихъ людей возложилъ Царю свирѣпство, а къ Нѣмцамъ на любовь преложи: понеже безбожніи узнали своими гаданьи, что было имъ до конца разоренными быти; того ради таковаго злаго еретика и прислаша къ нему: понеже Русскіе люди прелестьни и падки на волхвованіе [8]».

Въ книгѣ: *Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей*, изданной въ Москвѣ 1647 года, сказано: «А на сказанныя идольскія мѣры и на вѣдомство не надѣяться, и отъ оружія, и отъ проколотія, и отъ стрѣльбы не заговариваться, которое все отъ діавола есть [9]».

Царь Іоаннъ IV Васильевичъ, лишась первой своей супруги Анастасіи, вѣрилъ, что она померла отъ чародѣйства, Такъ онъ объ этомъ говорилъ Литовскому посланнику Воропаю въ 1572 году [10]; такъ объ этомъ писалъ онъ и къ Курбскому: «А съ женою меня вы по что разлучили? [11]». Курбскій въ своей исторіи Князя Великаго Московскаго пишетъ: «тогда цареви жена умре: они (клѣветники) же рѣша аки бы очаровали ее мужи. Царь же, буйства исполнився, абіе имъ вѣру ялъ [12].» Клѣветники Сильвестра и Адашева говорили Царю: «аще припустиши къ себѣ на очи, очаруютъ тебя и дѣтей твоихъ... Худые люди и ничего негодные Чаровницы тебя Государя... держали предъ тѣмъ, аки въ оковахъ... а то творили они своими чаростьы, аки очи твои закрывающе [13]». Въ 1572 году Царь

Іоаннъ IV Васильевичъ, испрашивая на Соборѣ разрѣшеніе на четвертый бракъ, говорилъ, что его первую супругу Анастасію извели злые люди чародѣйствомъ, втовую отравили, третью испортили злою отравою.[14]

Князь Курбскій, говоря о князѣ Василіѣ Іоанновичѣ, записалъ: «Василій съ законопреступною женою, юною сущею, самъ старъ будучи, искалъ чаровникъ презлыхъ отовсюду, да помогутъ ему къ плодотворенію... О чаровникахъ же оныхъ такъ печашеся, посылающе по нихъ тамо и овамо, ажъ до Корелы, (еже есть Филя: сидитъ на великихъ горахъ, подлѣ Студенаго моря), и оттуда провожаху ихъ къ нему... Яже дерзаютъ непреподобнѣ приводити себѣ на помощь и къ дѣткамъ своимъ мужей презлыхъ, чаровниковъ и бабъ, смывалей и шептуней, и иными различными чары чарующихъ, общующе со діаволомъ и призывающе его на помощь[15]». Разсказывая о Казанской осадѣ 1552 года, онъ вписалъ: «Вкратцѣ еще вспомянути достоитъ, яко Татары на войско Христіанское чары творили и великую плювію наводили: яко скоро по облежанія града, егда солнце начнетъ восходити, взыдутъ на градъ, всѣмъ намъ зрящимъ, ово престарѣвшіе ихъ мужи, ово бабы, и начнутъ вопіяти сатанинскія словеса, машуще одеждами своими на войско наше и вертящеся неблагочиннѣ. Тогда абіе востанетъ вѣтръ и сочинятся облаки, аще бы и день ясенъ зѣло начинался, и будетъ такій дождь, и сухія мѣста въ блато обратятся и мокроты исполнятся; и сіе точно было надъ войскомъ а по сторонамъ нѣсть, но точію по естеству аера случашеся[16]». Говоря о Московскомъ пожарѣ Царь вспоминалъ Курбскому: «наши измѣнники бояге наустиша скудожайшихъ умовъ народъ, что будто матери нашей мати, княгиня Анна Глинская съ своими дѣтьми и съ людьми сердца человѣческая вынимали и таковымъ Чародѣйствомъ Москву попалили[17]».

Царедворцы донесли на боярина Артамона Сергеевича Матвѣева Царю Ѳеодору Алексѣевичу, что онъ съ Докторомъ Стефаномъ читаетъ Черную книгу, и что Николай Спофарій обучаетъ его и сына Чернокнижію. Доносчиками были: карла Захарко и лекарь Берло. Объ этомъ Матвѣевъ писалъ въ своей челобитной 1677 года къ Царю: «Какъ будто я у себя въ домишкѣ, въ палатѣ, съ Степаломъ Докторомъ чли Черную книгу, и въ то де время, будто пришло къ намъ въ палату нечистыхъ духовъ множество, и говорили намъ, мнѣ, холопу твоему, и Доктору Степану, тѣ нечистые духи въ слухъ, что есть у васъ въ избѣ третій человѣкъ... А та де Черная книга въ полдесть, а толщиною въ пальца три; а училъ де будто по той книгѣ меня, холопа твоего, и сынишка моего, Андрюшку, Николай Спофарій[18]». Въ послѣдствіи открылось, что бояринъ Матвѣевъ читалъ лечебникъ, принятый доносчиками за Черную книгу. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, говоритъ бояринъ Матвѣевъ, на боярина Илью Даниловича Милославскаго было подкинуто письмо, въ которомъ сказано, что онъ у себя имѣетъ перстень волшебный думнаго дьяка Ивана Граматина. При Царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ бояринъ Семенъ Лукьяновичъ Стрешневъ былъ обвиненъ въ волшебствѣ и сосланъ на заточеніе, въ Вологду.

ИСТОЧНИКИ РУССКИХЪ ПРЕДАНІЙ.

Мы терпѣливо выслушали словесныя преданія, мы внимательно прочитали старыя записи граматныхъ людей[19], и во всемъ этомъ мы извѣдали, что думаютъ теперь наши современники, что говорили наши предки о тайныхъ сказаніяхъ Русскаго Чернокнижія. Теперь убѣдившись во всемъ этомъ, какъ въ бываломъ, мы невольно спрашиваемъ самихъ себя: не уже ли это есть порожденіе думъ Русскаго народа? неужели все это создавалось въ Русской землѣ? Будемъ откровенны къ самимъ себѣ,

будемъ сознательны предъ современнымъ просвѣщеніемъ для разрѣшенія столь важнаго вопроса: Русскій народъ никогда не создавалъ думъ для тайныхъ созданій; онъ только перенесъ ихъ изъ всеобщаго міроваго Чернокнижія въ свою семейную жизнь. Никогда на Русской землѣ не создавались тайныя сказанія; она, какъ часть вселенной, вмѣщала въ себѣ только людей, усвоявшихъ себѣ міровыя мышленія. Въ этой идеи убѣждаетъ насъ внимательное изслѣдованіе всеобщаго міроваго Чернокнижія. Для достовѣрности сего предположенія, мы присовокупляемъ историческіе факты, объясняющіе перехожденіе тайныхъ міровыхъ сказаній въ Русское Чернокнижіе. Здѣсь открывается очевидное сходство.

Всеобщее міровое Чернокнижіе принадлежитъ первымъ вѣкамъ мірозданія, людямъ древней жизни. Основныя идеи для творенія тайныхъ сказаній выговорилъ впервые древній міръ, а его идеи усвоились всему человѣчеству. Древній міръ сосредоточивался весь на Востокѣ. Тамъ народы, создавая идеи для миѳъ, думы для тайныхъ сказаній, разсказы о бываломъ для повѣрій, олицетворяли ихъ видѣніями. Въ этихъ видѣніяхъ существовалъ бытъ Религіозный, Политическій, Гражданскій. Семейная жизнь народовъ осуществлялась этими бытами. Міръ древній пришелъ, народовъ, составлявшихъ его бытіе, мы не видимъ; но предъ нами остались ихъ миѳы, ихъ повѣрья, ихъ сказанія. Міръ новый своего ничего не создалъ; онъ, какъ усыновленный наслѣдникъ, какъ властелинъ отеческаго имущества, вступилъ въ распоряженіе наслѣдственнаго достоянія, пересоздалъ предметы, существовавшіе не въ духѣ его жизни, отвергъ понятія, противныя его мышленію; но принялъ основныя мысли, восхищавшія его воображеніе, льстившія его слабости.

Миѳы, перешедшіе въ новый міръ образовали Демонологію, столько разнообразную, столько разновидную, сколько разноплеменны были народы, сколько разновидны ихъ олицетворенія. Ни днями, ни годами, но вѣками усвоивались миѳы древней жизни грядущимъ поколѣніямъ. Каждый народъ принималъ изъ нихъ только то, что могло жить въ его вѣрованіяхъ; каждый народъ въ свою очередь прибавлялъ къ нимъ: чего не доставало для его вѣрованія. Изъ этихъ-то усвоеній и дополненій составились, Миѳологія и Символика. Миѳологія древнихъ людей освѣлялась предметами божественными, предметами олицетворенными по волѣ каждаго человѣка. Символика отпечатлевалась знаменіями, которыхъ народъ не постигалъ, которыхъ народъ страшился. Предметы, выражаемые въ Символикѣ непостижимостію и боязнію, заключали въ себѣ понятія о природѣ. Изъ думъ древняго міра составилось Чернокнижіе въ отдѣльныхъ видахъ Кудесничества, Чародѣйства, Знахарьства, Ворожбы. Во всѣхъ этихъ сказаніяхъ мы читаемъ опыты людей, изучавшихъ природу для добрыхъ и худыхъ дѣлъ.

Разсказы о бываломъ образовали повѣрья, неистощимыя до послѣдней возможности, удивительныя до непонятнаго ослѣпленія. Въ народныхъ повѣрьяхъ мы узнаемъ семейную жизнь со всѣми обрядами.

Тайныя сказанія древняго міра осуществлялись людьми, ознаменованными безчисленными названіями. Эти люди, какъ образователи, свои установляемыя таинства облекали чудеснымъ вымысломъ, находили покровителей и распространяли послѣдователей. Письмена Санскритскія увѣряютъ насъ, что Индія есть отчизна тайныхъ сказаній, первородный идеалъ всѣхъ послѣдующихъ измѣненій. Избранные люди Египта и Персіи, посѣщая Индію, изучали тамъ тайныя сказанія, и возвращаясь на свою родину, высказывали ихъ своимъ сородичамъ. Греція подслушала всѣ эти сказанія и передала Риму и за нимъ грядущимъ поколѣніямъ.

Осматривая тайныя сказанія сихъ странъ, мы встрѣчаемъ въ каждой изъ нихъ своихъ Образователей, свои Прорицалища, свои Чернокнижія, свои Гаданія.

Образователи тайныхъ сказаній въ древнемъ мірѣ существовали отдѣльными кастами, имѣвшими разныя названія. Таковы

были: Астророги, Авгуры, Прогностики, Мистагоги, Сортилеги, Гаруспеки, Пиѳониссы.

АСТРОЛОГИ, облекаемые названіями Халдеевъ, Математиковъ, Волхвовъ почитаются старѣйшинами въ образованіи Чернокнижія. Наблюдая теченіе планетъ и созвѣздій, они предсказывали разныя событія въ государствахъ и домашнемъ быту. Ефемериды — твореніе Астрологовъ — вмѣщало въ себѣ описанія извѣстныхъ перемѣнъ въ небесныхъ свѣтилахъ. Незадолго было повѣріе, что Зороастръ Персидскій первый начерталъ Чернокнижіе; но теперь оно, съ открытіемъ Санскритскихъ письменъ, уничтожается.

Въ Русскую землю перешли Астрологи при началѣ ея общественнаго быта и расплодили свои понятія въ семейной жизни такъ глубоко, что и теперь въ селеніяхъ существуютъ темные намеки о вліяніи планетъ на судьбу человѣка. Въ 1584 году Лѣтописцы записали для насъ, какъ народъ видѣлъ въ Москвѣ комету съ крестообразнымъ небеснымъ знаменіемъ, между церквами Іоанна Великаго и Благовѣщенія. Царь Іоаннъ IV Васильевичъ, смотря на эту комету, сказалъ: «вотъ знаменіе моей смерти!» Послѣ сихъ словъ онъ велѣлъ собрать Астрологовъ по Россіи и Лапландіи. Они, собранные тогда въ Москву числомъ до 60, предрекли изъ явленія сей кометы Царскую смерть [20].

Эта запись и сказанія Курбскаго о совѣщаніи Царя Іоанна Васильевича съ Волхвами открываютъ намъ, что Астрологи приходили къ нашимъ предкамъ изъ Лапландіи, и что они своими предсказаніями внушали народу боязнь при появленіи кометъ, доселѣ еще продолжающуюся. Замѣтимъ здѣсь, что и Русская Народная Символика есть порожденіе Астрологовъ.

АВГУРЫ, птицеволшебствующіе, предсказывали будущее изъ явленій молніи и грома, изъ крика и полета птицъ, изъ клеванія курами зеренъ. Крики ворона, вороны, совы, пѣтуха были предвѣстниками бѣдствій; полетъ орла, коршуна рѣшалъ походы; клеваніе зеренъ курами управляло военными успѣхами. Авгурологія перешла въ Русскую землю со многими видоизмѣненіями. Еще и теперь поселяне боятся ворона и вороны, страшатся пѣнія курицы; еще и доселѣ въ святочныхъ гаданіяхъ сохраняется клеваніе зеренъ курицами.

ПРОГНОСТИКИ разсѣяны были во всей Греціи, особливо въ Элидѣ. Епименидъ Критскій, Аварисъ Скиѳскій, Эмпедоклъ Агригентскій тамъ были лучшими Прогностиками. Эти люди извлекали гаданія изъ обыкновенныхъ явленій природы. Счастіе или несчастіе семейной жизни объяснялось снами, воззрѣніемъ животныхъ, звоновъ въ ушахъ, судорожнымъ движеніемъ рѣсницъ. Молитвы и очищенія Прогностиковъ содержались въ книгахъ Орфея и Музея.

Ученіе Прогностиковъ внѣдрилось въ Русскую семейную жизнь издревлѣ, и продолжается доселѣ. Простолюдинъ, объясняя примѣты по ученію Прогностиковъ, и не помышляетъ, что онъ вѣрный ихъ послѣдователь.

МИСТАГОГИ, начальники Элевзинскихъ таинствъ, изъясняли Аѳинянамъ таинственныя ученія въ святилище Цереры, при явленіи страшныхъ призраковъ.

Видѣнія и призраки Русскаго селянина носятъ на себѣ отпечатокъ ученія Мистагоговъ. Люди бывалые, разсказывая о призракахъ, всегда упоминаютъ вмѣстѣ о какомъ нибудь таинственномъ сказаніи.

СОРТИЛЕГИ — люди гадавшіе о событіяхъ по жребіямъ, составляли особенную касту жрецовъ въ Римѣ. Гаданія Сортилеговъ совершались въ урнахъ. Такъ они наполняли урну водою, клали въ нее дощечки, исписанныя знаками, и потомъ вынимая ихъ, изъясняли значеніе. Иногда заставляли вынимать лоскутки бумагъ, исписанные отборными стихами.

Гаданіе Сортилеговъ доселѣ производится въ Русской землѣ. Поселянинъ по жребію рѣшаетъ спорныя семейныя дѣла; въ деревняхъ, на мірской сходкѣ, по жребію выбираютъ въ рекруты; такъ въ городахъ рѣшали по жребію жениховъ для дѣву-

будемъ сознательны предъ современнымъ просвѣщенiемъ для разрѣшенiя столь важнаго вопроса: Русскiй народъ никогда не создавалъ думъ для тайныхъ созданiй; онъ только перенесъ ихъ изъ всеобщаго мiроваго Чернокнижiя въ свою семейную жизнь. Никогда на Русской землѣ не создавались тайныя сказанiя; она, какъ часть вселенной, вмѣщала въ себѣ только людей, усвоявшихъ себѣ мiровыя мышленiя. Въ этой идеи убѣждаетъ насъ внимательное изслѣдованiе всеобщаго мiроваго Чернокнижiя. Для достовѣрности сего предположенiя, мы присовокупляемъ историческiе факты, объясняющiе перехожденiе тайныхъ мiровыхъ сказанiй въ Русское Чернокнижiе. Здѣсь открывается очевидное сходство.

Всеобщее мiровое Чернокнижiе принадлежитъ первымъ вѣкамъ мiрозданiя, людямъ древней жизни. Основныя идеи для творенiя тайныхъ сказанiй выговорилъ впервые древнiй мiръ, а его идеи усвоились всему человѣчеству. Древнiй мiръ сосредоточивался весь на Востокѣ. Тамъ народы, создавая идеи для миѳъ, думы для тайныхъ сказанiй, разсказы о бываломъ для повѣрiй, олицетворяли ихъ видѣнiями. Въ этихъ видѣнiяхъ существовалъ бытъ Религiозный, Политическiй, Гражданскiй. Семейная жизнь народовъ осуществлялась этими бытами. Мiръ древнiй пришелъ, народовъ, составлявшихъ его бытiе, мы не видимъ; но предъ нами остались ихъ миѳы, ихъ повѣрья, ихъ сказанiя. Мiръ новый своего ничего не создалъ; онъ, какъ усыновленный наслѣдникъ, какъ властелинъ отеческаго имущества, вступилъ въ распоряженiе наслѣдственнаго достоянiя, пересоздалъ предметы, существовавшiе не въ духѣ его жизни, отвергъ понятiя, противныя его мышленiю; но принялъ основныя мысли, восхищавшiя его воображенiе, льстившiя его слабости.

Миѳы, перешедшiе въ новый мiръ образовали **Демонологiю**, столько разнообразную, столько разновидную, сколько разноплеменны были народы, сколько разновидны ихъ олицетворенiя. Ни днями, ни годами, но вѣками усвоивались миѳы древней жизни грядущимъ поколѣнiямъ. Каждый народъ принималъ изъ нихъ только то, что могло жить въ его вѣрованiяхъ; каждый народъ въ свою очередь прибавлялъ къ нимъ: чего не доставало для его вѣрованiя. Изъ этихъ-то усвоенiй и дополненiй составились, **Миѳологiя** и **Символика**. Миѳологiя древнихъ людей осѣнялась предметами божественными, предметами олицетворенными по волѣ каждаго человѣка. Символика отпечатлевалась знаменiями, которыхъ народъ не постигалъ, которыхъ народъ страшился. Предметы, выражаемые въ Символикѣ непостижимостiю и боязнiю, заключали въ себѣ понятiя о природѣ. Изъ думъ древняго мiра составилось Чернокнижiе въ отдѣльныхъ видахъ Кудесничества, Чародѣйства, Знахарьства, Ворожбы. Во всѣхъ этихъ сказанiяхъ мы читаемъ опыты людей, изучавшихъ природу для добрыхъ и худыхъ дѣлъ.

Разсказы о бываломъ образовали повѣрья, неистощимыя до послѣдней возможности, удивительныя до непонятнаго ослѣпленiя. Въ народныхъ повѣрьяхъ мы узнаемъ семейную жизнь со всѣми обрядами.

Тайныя сказанiя древняго мiра осуществлялись людьми, ознаменованными безчисленными названiями. Эти люди, какъ образователи, свои установляемыя таинства облекали чудеснымъ вымысломъ, находили покровителей и распространяли послѣдователей. Письмена Санскритскiя увѣряютъ насъ, что Индiя есть отчизна тайныхъ сказанiй, первородный идеалъ всѣхъ послѣдующихъ измѣненiй. Избранные люди Египта и Персiи, посѣщая Индiю, изучали тамъ тайныя сказанiя, и возвращаясь на свою родину, высказывали ихъ своимъ сородичамъ. Грецiя подслушала всѣ эти сказанiя и передала Риму и за нимъ грядущимъ поколѣнiямъ.

Осматривая тайныя сказанiя сихъ странъ, мы встрѣчаемъ въ каждой изъ нихъ своихъ **Образователей**, свои **Прорицалища**, свои **Чернокнижiя**, свои **Гаданiя**.

Образователи тайныхъ сказанiй въ древнемъ мiрѣ существовали отдѣльными кастами, имѣвшими разныя названiя. Таковы

были: Астрологи, Авгуры, Прогностики, Мистагоги, Сортилеги, Гаруспеки, Пиѳониссы.

АСТРОЛОГИ, облекаемые названіями Халдеевъ, Математиковъ, Волхвовъ почитаются старѣйшинами въ образованіи Чернокнижія. Наблюдая теченіе планетъ и созвѣздій, они предсказывали разныя событія въ государствахъ и домашнемъ быту. Ефемериды — твореніе Астрологовъ — вмѣщало въ себѣ описанія извѣстныхъ перемѣнъ въ небесныхъ свѣтилахъ. Незадолго было повѣріе, что Зороастръ Персидскій первый начерталъ Чернокнижіе; но теперь оно, съ открытіемъ Санскритскихъ письменъ, уничтожается.

Въ Русскую землю перешли Астрологи при началѣ ея общественнаго быта и расплодили свои понятія въ семейной жизни такъ глубоко, что и теперь въ селеніяхъ существуютъ темные намеки о вліяніи планетъ на судьбу человѣка. Въ 1584 году Лѣтописцы записали для насъ, какъ народъ видѣлъ въ Москвѣ комету съ крестообразнымъ небеснымъ знаменіемъ, между церквами Іоанна Великаго и Благовѣщенія. Царь Іоаннъ IV Васильевичъ, смотря на эту комету, сказалъ: «вотъ знаменіе моей смерти!» Послѣ сихъ словъ онъ велѣлъ собрать Астрологовъ по Россіи и Лапландіи. Они, собранные тогда въ Москву числомъ до 60, предрекли изъ явленія сей кометы Царскую смерть[20].

Эта запись и сказанія Курбскаго о совѣщаніи Царя Іоанна Васильевича съ Волхвами открываютъ намъ, что Астрологи приходили къ нашимъ предкамъ изъ Лапландіи, и что они своими предсказаніями внушали народу боязнь при появленіи кометъ, доселѣ еще продолжающуюся. Замѣтимъ здѣсь, что и Русская Народная Символика есть порожденіе Астрологовъ.

АВГУРЫ, птицеволшебствующіе, предсказывали будущее изъ явленій молніи и грома, изъ крика и полета птицъ, изъ клеванія курами зеренъ. Крики ворона, вороны, совы, пѣтуха были предвѣстниками бѣдствій; полетъ орла, коршуна рѣшалъ походы; клеваніе зеренъ курами управляло военными успѣхами. Авгурологія перешла въ Русскую землю со многими видоизмѣненіями. Еще и теперь поселяне боятся ворона и вороны, страшатся пѣнія курицы; еще и доселѣ въ святочныхъ гаданіяхъ сохраняется клеваніе зеренъ курицами.

ПРОГНОСТИКИ разсѣяны были во всей Греціи, особливо въ Элидѣ. Епименидъ Критскій, Аварисъ Скиѳскій, Эмпедоклъ Агригентскій тамъ были лучшими Прогностиками. Эти люди извлекали гаданія изъ обыкновенныхъ явленій природы. Счастіе или несчастіе семейной жизни объяснялось снами, воззрѣніемъ животныхъ, звоновъ въ ушахъ, судорожнымъ движеніемъ рѣсницъ. Молитвы и очищенія Прогностиковъ содержались въ книгахъ Орфея и Музея.

Ученіе Прогностиковъ внѣдрилось въ Русскую семейную жизнь издревлѣ, и продолжается доселѣ. Простолюдинъ, объясняя примѣты по ученію Прогностиковъ, и не помышляетъ, что онъ вѣрный ихъ послѣдователь.

МИСТАГОГИ, начальники Элевзинскихъ таинствъ, изъясняли Аѳинянамъ таинственныя ученія въ святилище Цереры, при явленіи страшныхъ призраковъ.

Видѣнія и призраки Русскаго селянина носятъ на себѣ отпечатокъ ученія Мистагоговъ. Люди бывалые, разсказывая о призракахъ, всегда упоминаютъ вмѣстѣ о какомъ нибудь таинственномъ сказаніи.

СОРТИЛЕГИ — люди гадавшіе о событіяхъ по жребіямъ, составляли особенную касту жрецовъ въ Римѣ. Гаданія Сортилеговъ совершались въ урнахъ. Такъ они наполняли урну водою, клали въ нее дощечки, исписанныя знаками, и потомъ вынимая ихъ, изъясняли значеніе. Иногда заставляли вынимать лоскутки бумагъ, исписанные отборными стихами.

Гаданіе Сортилеговъ доселѣ производится въ Русской землѣ. Поселянинъ по жребію рѣшаетъ спорныя семейныя дѣла; въ деревняхъ, на мірской сходкѣ, по жребію выбираютъ въ рекруты; такъ въ городахъ рѣшали по жребію жениховъ для дѣву-

шекъ. Старожолы еще запомнятъ, какъ Москвичи хаживали съ жребіями въ церковь Николы Голстунскаго.

ГАРУСПЕКИ, гадавшіе по жертвамъ, основывали свои предсказанія на внутренностяхъ животныхъ, особенно печени, отгадывали по пламени и дыму.

Ученіе Гаруспековъ мало извѣстно Рус скимъ Чародѣямъ; впрочемъ, уваженіе Кудесниковъ къ печени, вниманіе Знахарей къ дыму заставляетъ подозрѣвать, что и оно когда-то было въ Русской землѣ.

ПИѲОНИССЫ—Ѳессалійскія волшебницы, образуя изъ себя особенную касту въ Ѳессаліи завораживали угрызеніе скорпіоновъ, производили бурю, привлекали луну на землю, останавливали солнце, оживляли умершихъ и низводили живыхъ во гробъ. Всему этому вѣрили во всей Греціи.

Русское Кудесничество и Чародѣйство составилось изъ преданій Ѳессалійскихъ волшебницъ. Наши сельскія колдуньи представляютъ изъ себя живой сколокъ съ этихъ волшебницъ.

ПРОРИЦАЛИЩА древняго міра изрекали людямъ будущее, предсказывали въ дѣлахъ успѣхи и неудачи. Таковы были: прорицалища Аммона и Амфіарая, оракулы Дельфійскій и Додонскій, Трофоніева пещера.

Прорицалище Юпитера Аммона находилось въ Ливійскихъ степяхъ. Тамъ его капище, окруженное со всѣхъ сторонъ песчаными степями, орошалось прозрачными водами источника солнца. Кумиръ, вылитый изъ мѣди, украшенный драгоцѣнными каменьями, выносили въ рощу, гдѣ отвѣчалъ вопрошающимъ не словами, а знаками. Владычество Аммона продолжалось надъ страстями людей многіе вѣки, но во время Страбона оно ослабѣвало, а при Плутархѣ ему уже никто не вѣрилъ[21].

Мы не въ состояніи рѣшить труднаго вопроса: прорицалище Аммона имѣло ли вліяніе на Русскую семейную жизнь? Кажется, съ несомнѣнною вѣроятностію можно предполагать, что оно, лишаясь довѣрія къ вѣрованіямъ древней жизни исчезло тогда, когда еще не начиналась Русская общественная жизнь.

Прорицалище Амфіарая находилось на границахъ Віотіи и Аттики. Тамъ Амфіарай являлся во снѣ и отвѣчалъ на вопросы.

Кто не замѣтитъ, что вліяніе Амфіарая достигло и Русской земли? Явленіе во снѣ суженаго-ряженаго, указывающаго простодушной дѣвушкѣ на свою судьбу, носитъ на себѣ отпечатокъ вѣрованія Віотіанъ.

Оракулъ Дельфійскій, учрежденный въ честь Аполлона Пиѳійскаго, находился въ Віотійскомъ городѣ Дельфахъ, въ средоточіи земли, какъ говаривали Греческіе историки. Въ Дельфахъ былъ храмъ съ истуканомъ, сдѣланный изъ лавровыхъ вѣтвей, Кастальскій источникъ, золотой треножникъ, поддерживаемый желѣзнымъ дракономъ. Пиѳія, возводимая жрецами на треножникъ, окуриваемая одуряющими растѣніями, въ бѣшенствѣ, произносила слова вѣщательныя. Оракулъ Дельфійскій существовалъ двадцать вѣковъ и упалъ тогда, когда Христіанская Религія открыла народамъ небесныя истины.

Мы ни чего не можемъ сказать рѣшительнаго о вліяніи Дельфійскаго оракула на семейную жизнь Русскаго народа.

Додонскій оракулъ находился въ Эпирскомъ городѣ Додонѣ, при подошвѣ горы Томари. Тамъ, среди священной рощи, возвышался храмъ; тамъ былъ пророческій дубъ; тамъ находился источникъ минеральныхъ водъ. Три жрицы возвѣщали рѣшеніе Додонскаго оракула. Сидя близь пророческаго дуба, онѣ вслушивались въ шумъ листьевъ, потрясаемыхъ вѣтромъ, выводили изъ сего отвѣты для гадающихъ; или приходили къ источнику, прислушиваться къ звукамъ, производимымъ журчаніемъ воды, и по нихъ разгадывали.

Понятіе Русскаго народа о шумѣ древесныхъ листьевъ, о журчаніи воды доселѣ сохраняется въ семейныхъ преданіяхъ съ особеннымъ уваженіемъ; но есть ли это вліяніе Додонскаго оракула, рѣшить трудно.

Трофоніева пещера находилась близь Ливадіи. Въ храмѣ, построенномъ среди рощи, стоялъ истуканъ, въ видѣ Ескулапія. Въ мрачной пещерѣ, наполненной звѣрями и гадами, оглашаемой воплемъ и стономъ

мужей и женъ, сидѣли жрецы для отвѣтовъ приходящимъ.

Намъ не извѣстно, было ли какое вліяніе на Русскую землю изъ повѣрій Трофоніевыхъ пещеръ.

Чернокнижія древняго міра сохранялись въ письменныхъ памятникахъ. Народъ, благоговѣя къ нимъ, не смѣлъ читать ни одного тайнаго сказанія. Это право предоставлено было жрецамъ и людямъ избраннымъ, соображавшимся съ ними для рѣшенія судьбы и дѣлъ. Таковы были: Черная магія, Сивиллины книги, книги Орфея и Музея, Кабалистика.

Сказанія о Черной Магіи столь древни, что нѣтъ никакой возможности открыть ихъ первоначальное происхожденіе. Мы встрѣчаемъ Магиковъ въ началѣ всѣхъ исторій, и вліяніе ихъ продолжалось до распространенія умственнаго образованія. Говорятъ, что она существовала отъ начала міра и сохранена при потопѣ Хамомъ въ камнѣ. Сынъ Хамовъ, извѣстный подъ названіями: у однихъ Мизраима, у другихъ Зороастра, у третьихъ Гермеса, по преданію своего отца, нашелъ послѣ потопа скрытую книгу его отцомъ. Книги этой теперь болѣе не существуетъ: она когда то была истреблена небеснымъ огнемъ. Вѣрованіе въ бытіе Черной Магіи существовало на Востокѣ въ тайныхъ сказаніяхъ. Сосредоточіе Магиковъ находилось въ Египтѣ. Фараоны, окруженные магиками, производили разныя ложныя чудеса. Изъ Египта перенесъ Магію въ Грецію Орфей, измѣнившій тайныя сказанія въ Оргію и Сабатство. Въ семейной жизни Русскаго народа Черная Магія извѣстна подъ именемъ Чернокнижія. Напрасно мы будемъ вопрошать вѣка и людей о переселеніи тайныхъ сказаній въ наше отечество. Темные намеки нашихъ поселянъ о бытіи Чернокнижія состоятъ въ томъ, что она писана непонятными письменами, что когда-то была закладена въ Сухареву башню. Въ современной нашей жизни, мы едва встрѣчаемъ людей, бесѣдующихъ о предметахъ, заключающихся въ Чернокнижіи; но предки наши говорили объ этомъ яснѣе; они даже знали многія названія этимъ сказаніямъ. Такъ онѣ исчислены въ Стоглавѣ.

Книги Сивиллъ хранились въ рукахъ женщинъ — Сивиллъ, имѣвшихъ даръ прорицать и открывать волю боговъ. Въ древнемъ мірѣ всѣхъ Сивиллъ считалось 12. Исчисляемъ ихъ:

I. *Сивилла Персидская*, называвшаяся Самбетою, невѣсткою Ноевою, пророчествовала двусмысленными стихами изъ своей книги.

II. *Сивилла Ливійская*, путешествовавшая въ Самосѣ и Дельфахъ, и, какъ говорятъ, упрекавшая людей въ идолослуженіи.

III. *Сивилла Дельфійская* находившаяся въ Храмѣ Дельфійскомъ, и, по сказанію Діодора, первая получила имя Сивиллы. Ученые говорятъ, что Гомеръ извлекъ изъ ея прорицаній нѣкоторыя мысли.

IV. *Сивилла Эритрейская* предсказывала паденіе Трои, и, по увѣренію Евсенія и Св. Августина, ей были извѣстны книги Моусея.

V. *Сивилла Киммерійская.*

VI. *Сивилла Самосская.*

VII. *Сивилла Кумская* по имени Деифоба, знаменитѣйшая изъ всѣхъ, имѣла свое прибываніе въ Кумѣ. Говорятъ, что ея отцемъ былъ Апполоній, а мать Главка. Эта Сивилла продала часть своихъ книгъ Тарквинію Гордому. Въ Римѣ книги сохранялись въ храмѣ Юпитера Капитолійскаго, подъ землею, въ каменной урнѣ. Квиндецемвиры, жрецы, справлялись съ ними въ сомнительныхъ случаяхъ государства. Во время сожженія Капитоліи, сгорѣли и Сивиллины книги. Послѣ этого отправляемы были послы по разнымъ мѣстамъ для собранія Сивиллиныхъ изрѣченій, которыя Августъ положилъ у подножія Апполона Палатинскаго.

VIII. *Сивилла Геллеспонтская* предсказывала во время Солона и Креза.

IX. *Сивилла Фригійская* путешествовала съ своими предсказаніями въ Анкирѣ и Галатіѣ.

*

X. *Сивилла Тибюринская* или Альбюнейская была обожаема въ Тибурѣ.

XI. *Сивилла Эпирская.*

XII. *Сивилла Египетская.*

Въ Русскомъ Чернокнижіи никакого не находимъ понятія о книгахъ Сивиллъ. Развѣ только то принять во вниманіе, что нашими колдуньями должно быть непремѣнно старухи безобразныя и страшныя. За то дошли до насъ Западныя сказанія о Сивиллахъ [22].

КНИГИ ОРФЕЯ И МУЗЕЯ содержали въ себѣ заговоры, очищенія, приговоры для усыпленія змѣи. Орфей, изобрѣтатель Сабватства, учредитель Оргій и другихъ празднествъ Бахуса, по сказанію Цирцея, заимствовалъ таинственныя познанія въ Египтѣ. Лукіянъ и Аполлодоръ увѣряютъ, что книги Орфея состояли изъ гимновъ.

Русское Кудесничество, содержащее въ себѣ заговоры на всѣ возможные случаи, показываетъ какое то сходство съ гимнами Орфея. Замѣтимъ, что заговоры нашихъ Кудесниковъ воспѣваютъ объ одной только семейной жизни.

КАБАЛИСТИКА. Знаніе созданное Евреями для открытія таинственнаго смысла, состояло въ искусствѣ разлагать слова и въ способѣ производить сими словами чудеса, произнося ихъ чудеснымъ образомъ.

Есть намеки въ Чернокнижіи о присвоеніи кабалистическаго знанія Знахарями. Такъ мы видимъ въ рукахъ Знахаря непонятныя слова отъ лихорадокъ, отъ укушенія бѣшеныхъ собакъ. Откуда явилась наша Тарабарская грамата?

ГАДАНІЯ древняго міра, разсѣянныя по всѣмъ мѣстамъ, образовали изъ себя 12 отдѣльныхъ таинствъ. Вліяніе каждаго изъ нихъ на семейную жизнь доселѣ еще отражается. Приступимъ къ описанію Гаданій:

АНТРОПОМАНТІЯ содержала въ себѣ таинственное прорицаніе будущаго по внутреннимъ частямъ тѣла человѣческаго. Римскіе Императоры, Элiогабалъ и Іуліанъ, занимались симъ гаданіемъ.

Русскій народъ никогда не касается до внутреннихъ частей тѣла человѣческаго, но онъ судитъ только умершаго по наружному цвѣту и положенію тѣла. Человѣкъ, умершій въ судорогахъ и спазмахъ, клалъ неизгладимый порокъ на будущую участь своего семейства.

АЕРОМАНТІЯ объясняла будущія событія изъ состоянія воздуха и разныхъ его явленій.

Въ Русской Символикѣ Аеромантія отражается ясно. Въ народѣ еще существуетъ понятіе о паденіи звѣздъ, доселѣ еще говорятъ, что каждая падающая звѣзда есть вѣрный признакъ смерти какого нибудь человѣка. Въ нашихъ селеніяхъ вечернею порой старики разсказываютъ о бываломъ паденіи облаковъ на землю — въ видѣ киселя, о паденіи камней воздушныхъ. Не на этомъ ли мнѣніи основано уваженіе поселянъ къ камню: Башъ и Башиха, находящемуся въ Тульской губерніи, въ Одоевскомъ уѣздѣ [23]?

ГИДРОМАНТІЯ основывалась на предсказаніи будущаго по движенію и цвѣту воды.

Въ Русскомъ Чернокнижіи это гаданіе существуетъ во всей своей силѣ. Наговорить на воду для открытія похитителя вещей, вмѣняется въ необходимость всякому Знахарю.

ГОНТІЯ совершалась призываніемъ духовъ и вызываніемъ тѣни умершихъ изъ гробовъ.

Русское Чародѣйство содержитъ въ себѣ обряды вызыванія духовъ, и народъ вѣритъ, что каждый народный Чародѣй можетъ вызвать тѣнь умершаго.

ДАКТИЛОМАНТІЯ. Гаданіе, производившееся посредствомъ кольца для узнанія враговъ. Кольцо, повѣшенное наниткѣ, раскачивалось надъ круглымъ столомъ, коего края исписаны были буквами. Буква, на которой останавливалось кольцо, служила отвѣтомъ.

Диктиломантія перешла и въ Русское Чернокнижіе, только съ измѣненіемъ. Наши Чародѣи берутъ какое-то змѣиное кольцо, вѣшаютъ его на женскомъ волосѣ и

дожидаются, куда его будетъ качать вѣтеръ, куда кольцо будетъ болѣе дѣлать наклоненій, тамъ живетъ колдунъ, очаровавшій страдальца, о которомъ загадываютъ.

КАПНОМАНТІЯ. Гаданіе, извлекаемое изъ жертвеннаго дыма, объяснялось жрецами народу при начатіи дѣлъ.

Въ Русской Символикѣ это гаданіе осталось со многими измѣненіями. Наши поселяне по дыму узнаютъ погоду и дымомъ истребляютъ многія болѣзни рогатаго скота.

КАТОПТРОМАНТІЯ. Гаданіе, производимое зеркаломъ разрѣшало окончаніе болѣзни.

Въ Русскомъ Чернокнижіи зеркалогаданіе употребляется для многихъ случаевъ. Наши поселяне и горожане гадаютъ въ зеркалѣ объ суженомъ, о жизни и смерти отсутствующаго.

КЕРОМАНТІЯ. Гаданіе воскомъ составляло доброе и худое предзнаменованіе.

Въ Русскихъ святочныхъ гаданіяхъ дѣвушки льютъ воскъ въ воду для узнанія своей судьбы.

КЛЕРОМАНТІЯ. Гаданіе, основанное на метаніи шариковъ, рѣшало дѣла и называлось по жребію.

Гаданіе по жребію такъ усвоилось Русской семейной жизни, что народъ всегда прибѣгаетъ къ нему въ спорномъ дѣлѣ.

ЛЕКАНОМАНТІЯ. Гаданіе, производившееся надъ водою, рѣшало участь людей. Гадатель кладъ въ сосудъ, наполненный водою, драгоцѣнные камни, тоненькія золотыя и серебряныя дощечки съ изображеніемъ знаковъ, и читалъ заговоры. Изъ воды выходилъ тихій звукъ подобный шипѣнію змѣй. Этотъ звукъ рѣшалъ вопросъ.

Въ Русскомъ Чернокнижіи сохранились многіе обряды гаданія надъ водою. Такъ наши Знахари, кидая въ воду уголь: замѣчаютъ—кипитъ ли вода?

ЛИВАНОМАНТІЯ. Гаданіе, извлекаемое изъ куренія благовонныхъ смолъ, заключало въ себѣ рѣшеніе на благопріятныя и худыя ожиданія.

Въ Русскихъ суевѣрныхъ повѣрьяхъ смолы замѣнились ладаномъ и народъ прибѣгаетъ къ этому гаданію въ болѣзняхъ.

МЕТЕОРОМАНТІЯ. Гаданіе производилось объясненіемъ воздушныхъ явленій, особливо грома и молніи.

Слѣды Метеоромантіи сохранились въ Русской Символикѣ съ присовокупленіемъ разныхъ сказаній. Такъ, дѣвица или женщина, услышавши весною въ первый разъ громъ, бѣжитъ къ водѣ для умыванія, предполагая, что умываніе въ это время водою можетъ придать лучшій цвѣтъ ея лицу. Такъ, поселянинъ изъ многократнаго появленія въ лѣтнее время грома предполагаетъ, что его домашній скотъ можетъ безопасно бродить по лѣсамъ, не будучи изъязвленъ змѣями.

МІОМАНТІЯ. Гаданіе, предсказывающее будущее, основывалось на крикѣ и прожорствѣ мышей и крысъ. Было время, когда Римъ трепеталъ отъ крика сихъ животныхъ.

Въ Русскихъ селеніяхъ появленіе мышей всегда угрожаетъ бѣдствіями. Платье поселянина, изгрызенное мышами, предвѣщаетъ ему бѣду неминучую. При началѣ весны мыши, бѣгающія по полямъ, наводятъ тоску на крестьянина о неурожаѣ.

НЕКРОМАНТІЯ производилась очарованіемъ труповъ для вызыванія духовъ.

Въ Русскомъ Чернокнижіи существуетъ только одно повѣріе объ этомъ гаданіи. Наши Чародѣи, не смотря на свою дерзость, не смѣютъ прикасаться къ трупамъ умершихъ людей.

ОНИХОМАНТІЯ составляла гаданіе по ногтямъ. Гадатели натирали ногти мальчикамъ деревяннымъ масломъ и сажею, и заставляли держать ихъ предъ солнцемъ. Появившіяся изображенія разрѣшали гаданіе.

Наши поселяне до сихъ поръ замѣчаютъ обновы — бѣлыя пятнушки, являющіяся въ срединѣ и на краяхъ ногтей, судятъ по цвѣту ногтей о жизни, здоровьѣ и болѣзни человѣка.

ООСКОПІЯ. Разгадывали изображенія на яйцѣ, по желанію беременныхъ женщинъ для узнанія, что родятъ?

Въ Русской семейной жизни это гаданіе доселѣ существуетъ. Беременная женщина вынимаетъ изъ-подъ насѣдки яйцо, разбиваетъ, смотритъ какого пола зародышъ, токого же долженъ быть и будущій дитя.

ПСИХОМАНТІЯ. Гаданіе, основанное на призываніи тѣней умершихъ людей, составляло одно таинство съ Некромантіею.

ТЕРАТОСКОПІЯ составляла особенный родъ гаданій изъ объясненія необыкновенныхъ явленій въ природѣ.

Это гаданіе взошло съ измѣненіями въ Русскую Символику. Такъ животныя, родившіяся о трехъ ногахъ, животныя двуглавыя, наводили ужасъ на душу простолюдина и были истребляемы, какъ порожденіе нечистой силы.

ТЕФРАНОМАНТІЯ. Гаданіе золою разрѣшало вопросы жертвоприносителей.

Зола въ Русскомъ Чернокнижіи имѣетъ почетное преимущество предъ прочими веществами. Чародѣй всегда имѣетъ при себѣ золу изъ семи печей и посыпаетъ ею слѣдъ человѣческій, когда совершаетъ Чары. Такъ, разгнѣванный поселянинъ бросаетъ на дворъ своего сосѣда горстями золу, съ намѣреніемъ истребить все растущее на его землѣ.

ЭНОНТРОМАНТІЯ совершалась гаданіемъ въ зеркалѣ. Өессалійскіе Чародѣи заставляли приходящихъ читать отвѣты, писанные на зеркалѣ кровію, отражавшіеся на другомъ тѣлѣ.

Въ Русскихъ святочныхъ гаданіяхъ Энонтромантія осталась въ измѣненномъ видѣ.

Вотъ очевидныя доказательства о переселеніи тайныхъ сказаній древняго міра въ Русскую землю и о составленіи Русскаго Чернокнижія. Мы смѣло можемъ сказать, что на нашей родной землѣ ни одинъ Русской человѣкъ не былъ изобрѣтателемъ тайныхъ сказаній. Люди бывалые изъ нашихъ предковъ въ чужихъ странахъ, и чужеземщина, приходившая на нашу родину, разсказывали въ семейныхъ бесѣдахъ о существованіи Чернокнижія въ чужихъ земляхъ. Эти разсказы, западая въ сердца простодушныя, переходили изъ рода въ родъ и клеймились суевѣріемъ нашихъ предковъ. Такое мнѣніе, принимаемое нами за положительное основаніе, найдетъ свое подтвержденіе въ самомъ описаніи Чернокнижія.

Не смотря на то въ Русской жизни понятіе о тайныхъ сказаніяхъ представляется совершенно въ другомъ видѣ, нежели какъ мы встрѣчаемъ у другихъ народовъ. Это такъ и должно быть. Общественное образованіе Русскаго народа, совершаясь независимо отъ вліянія другихъ народовъ, по своимъ собственнымъ законамъ, выражалось въ умственной жизни двумя отдѣльными знаменованіями: *понятіями общественными и семейными.*

Русскія общественныя понятія всегда существовали на краеугольномъ основаніи Христіанскаго Православія. Іерархи какъ пастыри церкви и учители народа, Князья и Цари, какъ священные Властелины и блюстители народнаго благоденствія, были представителями общественныхъ понятій. Находясь въ рукахъ столь важныхъ лицъ, они всегда были цѣлы и невредимы, какъ была цѣла и невредима Русская жизнь. Отъ этого самаго въ нашемъ отечествѣ никогда не было переворотовъ въ общественныхъ понятіяхъ, внесенныхъ сосѣдними народами. Все совершалось постепенно, въ теченіи многихъ вѣковъ, людьми являвшимися изъ среды своихъ соотечественниковъ. Славянинъ сближаясь на Сѣверѣ съ Скандинавомъ, былъ только покоренъ его мечу, но не слову; платилъ ему дань своими избытками, но не хвалебными пѣснями; далъ ему пріютъ на своей землѣ, но не принялъ отъ него письменъ. Славянинъ, уклоняясь на Востокъ, сблизился съ Грекомъ; принялъ отъ него Вѣру, пріютилъ Греческихъ пришельцевъ, учился у него, чего не доставало для его умственной жизни; но никогда не говорилъ его языкомъ, никогда не мѣнялъ своихъ понятій общественныхъ на его понятія; онъ остался въ полномъ смыслѣ Славяниномъ. Никогда не ходилъ онъ на За-

падъ. Люди Фряжскіе сами приходили въ его жилище, сами призывали его въ участники. Равнодушный къ Западу, онъ чуждался и словъ и дѣлъ Фряжскихъ. Объ Югѣ онъ забылъ почти съ того самаго времени, какъ судьба бросила его изъ Индіи на землю сѣверной Европы, гдѣ онъ назвалъ себя Славяниномъ. Во всѣхъ переворотахъ сосѣднихъ странъ, онъ не былъ участникомъ. Въ этомъ-то самомъ заключалась ненарушимость Русскаго общественнаго понятія.

Русскія семейныя понятія существовали на своихъ отдѣльныхъ основаніяхъ, и пораждавшіяся въ семействахъ, никогда не сливались съ общественными понятіями. Въ нихъ не было единства; они были столько различны, сколько тогда были различны границы Русской земли. На этихъ заповѣданныхъ чертахъ все измѣнялось отъ стеченія чужеземныхъ мнѣній. Облекаясь Русскимъ словомъ въ гостепріимныхъ семействахъ, эти мнѣнія переносились отъ одного селенія къ другому. Пришельцы и люди Бывалые были передавателями чужеземныхъ мнѣній.

Пришельцами въ Русской старой жизни назывались всѣ чужеземцы, люди не Русской крови, люди не Русской Вѣры. Никогда добрая воля не загоняла пришельца на Русскую землю: нужда и корысть влекли его къ нашимъ предкамъ. Хлѣбосольство Русское давало пріютъ всякому пришельцу. Старѣйшины семействъ, угощая заѣзжаго человѣка, любили слушать его разсказы объ отдаленныхъ странахъ. Эти-то разсказы, передаваясь отъ отца къ сыну, усвоивались Русской жизни, когда они снисходили слабостямъ. Мы, люди XIX вѣка, не можемъ теперь изслѣдовать, что нравилось нашему предку, жившему въ X и XII столѣтіяхъ, изъ разсказовъ чужеземныхъ. Но, принимая въ соображеніе тогдашнее умственное образованіе, дошедшіе до насъ письменные памятники и разсказы о бываломъ изъ древней жизни, мы смѣло можемъ сказать, что наши предки любили болѣе чудесное, поражавшее ихъ воображеніе, любили болѣе великое, поражавшее ихъ умъ, любили болѣе ужасное, оцѣпенявшее ихъ чувства. При всемъ томъ пришлецъ былъ всегда чужимъ для Русскаго въ общественной жизни, и только одни простодушные принимали участіе въ его словахъ и дѣлахъ.

Людьми Бывалыми на Руси почитались сородичи нашихъ предковъ, люди, бывавшіе въ чужихъ земляхъ, люди, пересмотрѣвшіе всѣ заморскія дивы, люди, услаждавшіе своими бесѣдами и старика и юношу. Разсказы бывалаго человѣка записывались въ кельяхъ отшельниковъ и читались въ семейныхъ бесѣдахъ. Таковы были наши Паломники и Ходебщики. Они — наставники въ дѣлахъ, врачи въ болѣзняхъ, совѣтники въ семейныхъ назначеніяхъ, болѣе всего имѣли вліяніе на введеніе чужеземнаго въ семейныя понятія, нежели участія пришельца. За то люди бывалые никогда не выходили изъ круга семейнаго, никогда не были участниками въ обновленіяхъ общественной жизни.

Принимая въ соображеніе эти два источника чужеземныхъ внесеній, мы понимаемъ какъ трудно было чужеземному мышленію взойти въ составъ общественнаго понятія, какъ трудно было ему усвоиться съ Русскою общественною жизнію. Но, не смотря на столько вѣковъ, современное просвѣщеніе рѣзкою чертою отличаетъ всѣ чужеземныя понятія, заимствованныя нашими предками. Глядя съ этой точки на тайныя сказанія другихъ народовъ, мы убѣдились, что они перешли въ Русскую землю со многими измѣненіями, съ измѣненіями, возможными для Русской семейной жизни. На этихъ то измѣненіяхъ мы будемъ слѣдить остатки Русскаго Чернокнижія, и данными подробностями повѣрять идеи, допущенныя нами при всеобщемъ взглядѣ на міровое Чернокнижіе.

Русское Чернокнижіе, сообразно народнымъ семейнымъ понятіямъ, мы раздѣляемъ на четыре сказанія, совершенно разнообразныя по излагаемымъ въ нихъ предметамъ. Въ первомъ сказаніи помѣщается *Кудесничество*, во второмъ описывается *Чародѣйство*, въ третьемъ предлагается *Знахарство*, въ четвертомъ представляется *Ворожба*.

Русское Кудесничество мы представляемъ такъ, какъ оно обращается въ устахъ народныхъ, безъ перемѣны понятій и словъ. Соблюдая это, мы сохранимъ, такъ сказать, словесность простолюдиновъ, неизмѣнный глаголъ многихъ вѣковъ, гласъ людей отдаленныхъ и понятіями и повѣрьями отъ нашей жизни. Если съ одной стороны всѣ кудеснические заговоры есть совершенный вздоръ, созданный для обольщенія народа, то съ другой мы замѣчаемъ въ нихъ духъ поэзіи жившей въ пѣсняхъ и сказкахъ, услаждавшихъ нѣкогда нашихъ предковъ въ дни скорбные. Здѣсь сохранилась наша родная, Русская поэзія; здѣсь блюдутся наши поэмы и были; здѣсь читаемъ жизнь нашихъ предковъ.

Всѣ представляемые здѣсь заговоры подслушаны мною въ семейныхъ разговорахъ поселянъ Тульской губерніи, выписаны изъ тетрадки, писанной Польскими буквами и принадлежавшей нѣкогда Веневскому дѣду; нѣкоторые получены отъ Саратовскаго помѣщика, сбиравшаго ихъ, по моей просьбѣ, изъ разсказовъ Волжскихъ рыбаковъ; а другіе были присланы ко мнѣ изъ Тихвина отъ Г. Парихина.

Вслушиваясь въ заговоры, невольно спрашиваемъ себя: кто былъ творцемъ этой поэзіи? Неужели мы будемъ сомнѣваться, что этими напѣвами оглашалась наша родина, когда въ ихъ звукахъ слышенъ Русской духъ, когда въ нихъ говоритъ Русское сердце о старинѣ родной, о радости домашней, о бѣдѣ семейной, о любви дѣвичей красы, о зазнобѣ молодеческой? Здѣсь всѣ предметы взяты изъ жизни семейной, чуждой общественныхъ отношеній, удаленной въ хижины и поля, сокровенной отъ взора испытующихъ людей. Слѣдовательно: здѣсь человѣкъ только пѣлъ самъ съ собою. Замѣчательно, что здѣсь нѣтъ ни одного чужеземнаго слова, ни одного выраженія: все говоритъ Русскимъ языкомъ и объ Русской жизни. Мы также не смѣемъ допустить здѣсь сомнѣнія, что эта поэзія не была до послѣдней степени подражательною; но совсѣмъ тѣмъ въ ней есть и самобытное; она воспѣвала по вдохновенію Русскаго сердца заповѣданныя тайны. Это мы готовы подтвердить наблюденіями.

Народная поэзія всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ воспѣвала семейную жизнь. Руской народъ, плѣняясь предметами, очаровавшими его уединенную жизнь, воспѣлъ въ своихъ думахъ и тайныя сказанія. Въ такомъ направленіи онъ незамѣтно сходился съ другими народами. Для доказательства представляемъ образчики чужеземныхъ заговоровъ.

«Le magicien Lexilis menait fort durement les puissances des tenebres, et faisait dresser les cheveux aux assistans, quand il hurlait ses execrables evocations.

«Divinités formidiables, s'ecriait-il, hâtez vous d'accourir, et craignez d'offenser ses cheveux gris et cette verge, qui vous ferait bientôt repentir de vos délais. . . je vous en avertis d'avence, obéissez promptement, autrement je fais pénetrer le jour dans vos sombres demeures, je vous en tire toutes l'une apres l'autre, je vous destitue de tout pouvoir, je vous poursuis par les buchers, je vous chasse des sépulcres; et je ne permettrai pas même aux déserts de la Thébaide de vous receler dans leur solitude. Et toi, arbitre des enfers, si tu me crains commande ä tes Esprits, commande a tes Furies, commande a quelques ombres d'accourir; pousse-les hors des tes manoirs a coups des scorpions, et ne permettre pas qui j'interrompe le silence des tiens par des menaces plus horribles.»

Oraison du loup: Viens, bête a laine; c'est l'agneau de l'humilité; je te garde. C'est l'agneau du Redempteur, qui a jeuné quarante jours, sans rébellions, sans avoir pris aucun repas de l'ennemi, et fut tenté en vérité. Va droit, bête grise, a gris aggripence, va chercher la proie, loups et louveteaux; tu n'as point a venir a cette viande, qui est ici. Au nom du Père et du Fils et du Saint-Esprits. Aussi: vade retro o Satana!

«Prière des bergers pour préserver les troupeaux de la gale, de la rogne et de la clavelée, trouvée dans un manuscrit rare et précieux.

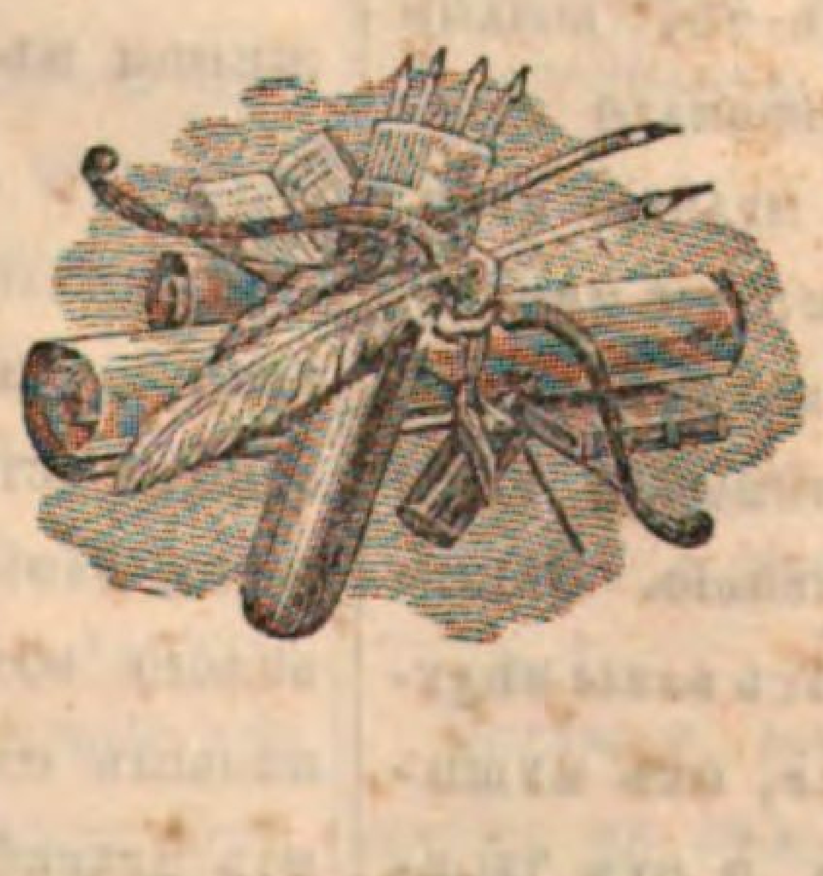
Ce fut par un lundi au matin que le soleil parut, un pastoureau cherchant ses troupeaux, il-dit: mon troupeau sera sain et joli, qui et sujet a moi [24].

Русское *Чародѣйство* описываетъ Чары совершаемыя въ селеніяхъ. Прилагая по возможности объясненія этимъ затѣйливымъ вымысламъ, мы увѣрены, что простодушные люди поймутъ свое ослѣпленіе, хотя для нихъ обольстительное. Съ этою цѣлію избраны здѣсь только тѣ, которыя болѣе всѣхъ памятны. Люди, хотя нѣсколько вникавшіе въ народное суевѣрное понятіе, люди, знающіе довѣренность поселянъ къ чудесному, оправдаютъ цѣль, избранную нами.

Русское *Знахарство* излагаетъ отъявленные обманы знахарей, но которые, по непонятному стеченію обстоятельствъ, принимаются въ простомъ народѣ за спасительныя дѣйствія. Мы часто слышимъ въ разсказахъ бывалыхъ людей, какъ въ старину знахари ввергали цѣлыя селенія въ бѣдствія. Съ истиннымъ желаніемъ добра простодушнымъ людямъ, излагаемъ здѣсь обманы знахарей, бродящихъ изъ одного селенія въ другое, и живущихъ на счетъ ближняго.

Русская *Ворожба* представляетъ народныя гаданія, распорстраняемыя записными гадательницами по городамъ и селеніямъ. Многія изъ нихъ приносятъ оскорбленіе семейной жизни по своимъ послѣдствіямъ; другія же напротивъ — какъ *святочныя гаданія* — составляютъ увеселительныя занятія. Здѣсь приводятся тѣ и другія — съ цѣлію разоблачить таинственныя ожиданія простаго народа. Можетъ быть время и обстоятельсва изгладятъ эти остатки суевѣрій, перешедшихъ къ нашимъ предкамъ изъ чужихъ странъ. Но, пока настанетъ это благодѣтельное время, пока явятся счастливыя обстоятельства — пускай простодушные напередъ ознакомятся съ ничтожествомъ сельскихъ гаданій.

Во всѣхъ народныхъ сказаніяхъ мы часто сохраняли многія слова, подслушанныя въ сельскихъ разговорахъ, имѣющихъ совершенно другое значеніе въ современной нашей жизни. Мы даже сохранили названія разныхъ гаданій, хотя нѣкоторыя изъ нихъ съ перваго взгляда, кажется, состоятъ изъ повтореній одного и того же. Не думаемъ, чтобы насъ въ этомъ обвиняли: сами предметы говорятъ о такой необходимости. Кромѣ сего почитаемъ обязанностію предъувѣдомить почтенныхъ соотечественниковъ, что въ нашихъ Сказаніяхъ не все то помѣщено, что извѣстно въ селеніяхъ. Такъ одного мы не могли вмѣстить здѣсь по внутренему нашему убѣжденію, какъ оскорбительнаго для современнаго просвѣщенія; другое представлялось противнымъ нашей жизни и нашимъ отношеніямъ. Русская сельская жизнь неистощима въ своихъ разсказахъ: надобно много людей и много времени, чтобы вполнѣ представить ея домашній бытъ.

СКАЗАНІЯ

О

О КУДЕСНИЧЕСТВѢ.

1. Заговоръ отъ недуговъ красной дѣвицы въ болѣзни полюбовнаго молодца.

Ложилась спать я, раба такая-та, въ темную вечернюю зорю, темнымъ темно; вставала я, такая-та, въ красную утреннюю зорю, свѣтлымъ свѣтло; умывалась свѣжею водою; утиралась бѣлымъ платомъ. Пошла я изъ дверей во двери, изъ воротъ въ вороты, и шла путемъ дорогою, сухимъ сухопутьемъ, ко Окіанъ морю, на святъ островъ; отъ Окіанъ моря узрѣла и усмотрѣла, глядючи на востокъ краснаго солнышка, во чисто поле, а въ чистомъ полѣ узрѣла и усмотрѣла: стоитъ семибашенной домъ, а въ томъ семибашенномъ домѣ сидитъ красная дѣвица, а сидитъ она на золотомъ стулѣ, сидитъ, уговариваетъ недуги, на колѣняхъ держитъ серебряное блюдечко, а на блюдечкѣ лежатъ булатные ножички. Взошла я, раба такая-та, въ семибашенной домъ, смирнымъ смирнехонько, головой поклонилась, сердцемъ покорилась, и заговорила:

Къ тебѣ я пришла, красная дѣвица, съ покорищемъ объ рабѣ такомъ-то, возьми ты, красная дѣвица, съ серебрянаго блюдечка булатные ножички въ правую руку, обрежь ты у раба, такого-то, бѣлую мякоть, ощипи кругомъ его и обери: скорби, недуги, уроки, призороки, затяни кровавыя раны чистою и вѣчною своею пеленою. Защити его отъ всякаго человѣка: отъ бабы вѣдуньи, отъ дѣвки простоволосыя, отъ мужика одноженца, отъ двоеженца и отъ троеженца, отъ черноволосаго, рыжеволосаго. Возьми ты, красная дѣвица, въ правую руку двѣнадцать ключевъ и замкни двѣнадцать замковъ, и опусти эти замки въ Окіанъ море, подъ Алатырь камень. А въ водѣ бѣлая рыбица ходитъ, и она бъ тѣ ключи подхватила и проглотила; а рыбаку бѣлыя рыбицы не поимывать, а ключевъ изъ рыбицы не вынимывать, а замковъ не отпирывать. Не дужился бы недугъ у раба, такого-то, по сей день, по сей часъ. Какъ вечерняя и утренняя заря станетъ потухать, такъ бы у моего друга милаго всѣмъ бы недугамъ потухать, и чтобы недугъ не дужился по сей часъ, по мое крѣпкое слово, по его вѣкъ.

Заговариваю я, раба такая-та, своего полюбовнаго молодца — такого-то — отъ мужика колдуна, отъ ворона коркуна, отъ бабы колдуньи, отъ старца и старицы, отъ посхимника и посхимницы. Отсылаю я отъ своего друга милаго всѣхъ по лѣсу ходить, иголькикъ брать, по его вѣкъ, и пока онъ живъ, никто бы его не обзорочилъ и не обпризорилъ.

2. Заговоръ красной дѣвицы о береженьи въ дорогѣ полюбовнаго молодца.

Ложилась спать я, раба такая-та, въ темную вечернюю зорю, позднымъ поздно; вставала я въ красную утреннюю зорю, ранымъ рано; умывалась ключевою водою изъ загорнаго студенца; утиралась бѣлымъ платомъ, родительскимъ. Пошла я изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ вороты, и вышла въ чистое поле. Въ чистомъ

полѣ охорошилась, на всѣ четыре стороны поклонилась, на горючь камень Алатырь становилась, крѣпкимъ словомъ заговорилась, чистыми звѣздами обтыкалась, темнымъ облакомъ покрылась.

Заговариваю я, раба такая-та, своего полюбовнаго молодца — такого то — о сбереженьи въ дорогѣ: крѣпко на крѣпко, на вѣкъ, на всю жизнь.

Кто изъ лугу всю траву выщипитъ и выѣстъ, изъ моря всю воду выпьетъ и не взалкаетъ, и тотъ бы мое слово не превозмогъ, мой заговоръ не разсторгъ. Кто изъ злыхъ людей его оборочитъ и обпризорочитъ, и околдуетъ, и испортитъ, у нихъ бы тогда изъ лба глаза выворотило въ затылокъ; а моему полюбовному молодцу — такому-то — путь и дороженька, доброе здоровье на разлукѣ моей.

3. Заговоръ отъ тоски родимой матушки въ разлукѣ съ милымъ дитяткою.

Разрыдалась я родная, раба такая-та, въ высокомъ теремѣ родительскомъ, съ красной утренней зори, во чисто поле глядючи, на закатъ ненагляднаго дитятки своего яснаго солнышка — такого-то. Досидѣла я до поздней вечерней зори, до сырой росы, въ тоскѣ, въ бѣдѣ. Не взмилилось мнѣ крушить себя, а придумалось заговорить тоску лютую, гробовую. Пошла я во чисто поле, взяла чашу брачную, вынула свѣчу обручальную, достала платъ вѣнчальный, почерпнула воды изъ загорнаго студенца. Стала я среди лѣса дремучаго, очертилась чертою призорочною, и возговорила зычнымъ голосомъ:

Заговариваю я своего ненагляднаго дитятку, такого-то, надъ чашею брачною, надъ свѣжею водою, надъ платомъ вѣнчальнымъ, надъ свѣчею обручальною. Умываю я своего дитятку во чистое личико, утираю платомъ вѣнчальнымъ его уста сахорныя, очи ясные, чело думное, ланиты красныя, освѣчаю свѣчою обручальною его становый кафтанъ, его шапку соболиную, его подпоясь узорчатую, его коты шитые, его кудри русые, его лице молодецкое, его поступь борзую. Будь ты, мое дитятко ненаглядное, свѣтлѣе солнышка яснаго, милѣе вешняго дня, свѣтлѣе ключевой воды, бѣлѣе яраго воска, крѣпче камня горючаго Алатыря. Отвожу я отъ тебя: черта страшнаго, отгоняю вихоря бурнаго, отдаляю отъ лѣшаго одноглазаго, отъ чужаго домоваго, отъ злаго водянаго, отъ Вѣдьмы Кіевской, отъ злой сестры ея Муромской, отъ моргуньи Русалки, отъ треклятыя Бабы-Яги, отъ летучаго змѣя огненнаго, отмахиваю отъ ворона вѣщаго, отъ вороны каркуньи, заслоняю отъ Кащея-Ядуна, отъ хитраго чернокнижника, отъ заговорнаго кудесника, отъ яраго Волхва, отъ слѣпаго знахаря, отъ старухи вѣдуньи. А будь ты, мое дитятко, моимъ словомъ крѣпкимъ — въ нощи и въ полунощи, въ часу и въ получасьи, въ пути и дороженьки, во снѣ и на яву — укрытъ отъ силы вражія, отъ нечистыхъ духовъ, сбереженъ отъ смерти напрасныя, отъ горя, отъ бѣды, сохраненъ на водѣ отъ потопленія, укрытъ въ огнѣ отъ сгорѣнія. А придетъ часъ твой смертный, и ты вспомяни, мое дитятко, про нашу любовь ласковую, про нашъ хлѣбъ-соль роскошный, обернись на родину славную, ударь ей челомъ седмерижды семь, распростись съ родными и кровными, припади къ сырой землѣ, и засни сномъ сладкимъ, непробуднымъ.

А будь мое слово: сильнѣе воды, выше горы, тяжелѣе золота, крѣпчаѣ горючаго камня Алатыря, могучаѣ богатыря. А кто вздумаетъ моего дитятку обморочить и узорочить, и тому скрыться за горы Араратскія, въ бездны преисподнія, въ смолу кипучую, въ жаръ палючій. А будутъ его чары — ему не въ чары, морочанье его не въ морочанье, узорчанье его не въ узорчанье.

4. Заговоръ хотника на постановныхъ клѣтяхъ для зайцевъ.

Встаю я, рабъ такой-то, за свѣтло, умываюсь ни бѣло, ни черно, утираюсь ни сухо, ни мокро. Иду я изъ дверей въ двери,

изъ воротъ въ вороты, въ чисто поле, къ лѣсу дремучему, а изъ лѣса дремучаго бѣгутъ ко мнѣ на встрѣчу двадцать сатанаиловъ, двадцать дьявоиловъ, двадцать лѣшихъ, двадцать полкановъ — всѣ пѣшіе, всѣ конные, всѣ черные, всѣ бѣлые, всѣ высокіе, всѣ низкіе, всѣ страшные, всѣ робкіе: стали предо мною тѣ сатанаилы, тѣ дьявоилы, тѣ лѣшіе, тѣ полканы, стали на мою услугу и подмогу. Подите вы, сатанаилы, дьявоилы, лѣшіе и полканы — въ такой-то — островъ, пригоните русаковъ и бѣляковъ на мои клѣвы поставные: сумеречные, вечерные, ночные, утренніе и полуденные. Пригоните, остановите, и въ моихъ клѣтяхъ примкните.

5. Заговоръ на путь дороженьку.

Ѣду я изъ поля въ поле, въ зеленые луга, въ дольныя мѣста, по утреннимъ и вечернимъ зорямъ; умываюсь мѣдяною росою, утираюсь солнцемъ, облекаюсь облаками, опоясываюсь чистыми звѣздами. Ѣду я во чистомъ полѣ, а во чистомъ полѣ растетъ Одолень трава. Одолень трава! Не я тебя поливалъ, не я тебя породилъ; породила тебя мать сыра земля, поливали тебя дѣвки простоволосыя, бабы самокрутки. Одолень трава! Одолѣй ты злыхъ людей: лихо бы на насъ не думали, сквернаго не мыслили. Отгони ты чародѣя, ябедника. Одолень трава! Одолѣй мнѣ горы высокія, долы низкіе, озера синія, берега крутые, лѣса темные, пеньки и колоды. Иду я съ тобою, Одолень трава, къ Окіанъ морю, къ рѣкѣ Іордану, а въ Окіанъ морѣ, въ рѣкѣ Іорданѣ лежитъ бѣлъ горючь камень Алатырь. Какъ онъ крѣпко лежитъ предо мною, такъ бы у злыхъ людей языкъ не поворотился, руки не подымались, а лежать бы имъ крѣпко, какъ лежитъ бѣлъ горючь камень Алатырь. Спрячу я тебя, Одолень трава, у ретиваго сердца, во всемъ пути и во всей дороженьки.

6. Заговоръ на укрощеніе гнѣва родимой матушки

На великъ день я родился, тыномъ желѣзнымъ оградился и пошелъ я къ своей родимой матушкѣ. Загнѣвилась моя родимая родушка, ломала мои кости, счипала мое тѣло, топтала меня въ ногахъ, пила мою кровь. Солнце ясное, здѣзды свѣтлыя, небо чистое, море тихое, поля желтыя — всѣ вы стоите тихо и смирно; такъ была бы тиха и смирна моя родная матушка по вся дни, по вся часы, въ нощи и полунощи. Какъ пчела поноску носитъ, такъ бы родимая матушка плодила добрыя словеса за меня, своего роднаго сына. Какъ воскъ таетъ и горитъ отъ лица огня, такъ бы горѣло и таяло сердце моей родимой матушки. Какъ лебедь по лебедкѣ тоскуетъ, такъ бы моя родимая матушка тосковала по мнѣ, своемъ родномъ сынѣ. Какъ студенецъ льетъ по вся дни воду, такъ бы текло сердце родимой матушки ко мнѣ, своему родному сыну. Какъ дверь къ косяку притворяется, такъ бы мои словеса къ родимой матушки притворялись, по вся дни, по вся часы, во дни и нощи, въ полдень и полночь.

7. Заговоръ на укрощеніе злобныхъ сердецъ.

Сажусь въ сани, крытыя бобрами и соболями и куницами. Какъ лисицы и куницы, бобры и соболи честны и величавы между панами и попами, между міромъ и селомъ; такъ мой нарожденный сынъ былъ бы честенъ и величавъ между панами и попами, между міромъ и селомъ. Ѣду на гадинѣ, ужъ погоняетъ, а самъ дюжъ, у пановъ и судьевъ полонъ дворъ свиней, и я тѣхъ свиней перевмъ. Судъ судомъ, вѣкъ вѣкомъ! Сѣю макъ. Разыдутся всѣ судьи, а тыя сидятъ, что меня ѣдятъ. Меня не съѣдятъ; у меня медвѣжій ротъ, волчія губы, свиные зубы. Судъ судомъ, вѣкъ вѣкомъ! Кто мой макъ будетъ подбирать, тотъ на меня будетъ судъ давать. Спрячу я свой макъ въ желѣзную кадь, а брошу кадь въ Окіанъ море. Окіанъ море не высыхаетъ, кади моей никто не вынимаетъ, и маку моего никто не подбираетъ. Судъ судомъ, вѣкъ вѣкомъ! Замыкаю зубы и губы злымъ сердцамъ, а ключи бросаю въ Окіанъ море, въ свою желѣзную кадь. Когда море высохнетъ, когда макъ изъ кади

поѣдятъ, тогда мнѣ не бывать. Судъ судомъ, вѣкъ вѣкомъ!

8. Заговоръ на посаженіе пчелъ въ улей.

Пчелы роятся, пчелы плодятся, пчелы смирятся. Стану я на востокъ, противъ дольней стороны, и слышу шумъ и гулъ пчелъ. Беру я пчелу роя, окарая, сажаю въ улей. Не я тебя сажаю, сажаютъ тебя бѣлыя звѣзды, рогоногій мѣсяцъ, красное солнышко, сажаютъ тебя и укорачиваютъ. Ты пчела ройся у такого-то, на округъ садись. Замыкаю я тебя матка всѣ пути, дороги ключемъ, замкомъ; а бросаю свои ключи въ Окіанъ море, подъ зеленый кустъ; а въ зеленомъ кустѣ сидитъ матка, всѣмъ маткамъ старшая, сидитъ и держитъ семьдесятъ семь жалъ, а жалитъ непокорныхъ пчелъ. А будетъ вы пчелы моимъ словамъ не покоритесь, сошлю я васъ въ Окіанъ море, подъ зеленой кустъ, гдѣ сидитъ матка, всѣмъ маткамъ старшая, и будетъ за ваше непокорище жалить васъ матка въ семьдесятъ семь жалъ. Слово мое крѣпко!

9. Заговоръ на утиханіе крови.

Два брата камень сѣкутъ, двѣ сестры въ окошко глядятъ, двѣ свекрови въ воротахъ стоятъ. Ты свекоръ воротись, а ты кровь утолись; ты сестра отворотись, а ты кровь уймись; ты братъ смирись, а ты кровь запрись. Брать бѣжитъ, сестра кричитъ, свекоръ ворчитъ. А будь мое слово крѣпко на утиханіе крови у раба такого-то по сей часъ, по сію минуту!

10. Заговоръ отъ укушенія змѣи.

Змія Македоница! за чѣмъ ты, всѣмъ зміямъ старшая и большая, дѣлаешь такія изъяны, кусаешь добрыхъ людей. Собери ты своихъ тетокъ и дядей, сестеръ и братьевъ, всѣхъ родныхъ и чужихъ, вынь свое жало изъ грѣховнаго тѣла, у раба такого-то; а если ты не вынешь своего жала, то нашлю на тебя грозную тучу, каменьемъ побьетъ, молніей пожетъ. Отъ грозной тучи нигдѣ ты не укроишься: ни подъ землею, ни подъ межею, ни въ полѣ, ни подъ колодою, ни въ травѣ, ни въ сырыхъ борахъ, ни въ темныхъ лѣсахъ, ни въ оврагахъ, ни въ ямахъ, ни въ дубахъ, ни въ норахъ. Сниму я съ тебя двѣнацать шкуръ съ разными шкурами, сожгу самою тебя, развѣю по чистому полю. Слово мое не прейдетъ ни въ вѣкъ, ни во вѣкъ!

11. Загогоръ отъ ужаленія козюльки.

На море на Окіянѣ, на островѣ на Буянѣ, стоитъ дубъ ни нагъ, ни одѣтъ, подъ тѣмъ дубомъ стоитъ липовый кустъ, подъ тѣмъ липовымъ кустомъ лежитъ златой каменъ, на томъ камнѣ лежитъ руно черное, на той рунѣ лежитъ инорокая змія Гарафена. Ты змія Гарафена возьми свое жало изъ раба такого-то, отбери отъ него недуги. А коли ты не возьмешь свое жало, не отберешь недуговъ, ино я выну два ножа булатные, отрѣжу я у зміи Гарафены жало, положу въ три сундука желѣзные, запру въ два замка Нѣмецкіе. Ключъ небесный, земный замокъ. Съ этого часу, съ полудня, съ получасу, да будетъ бездыханна всякая козюлька, и ужаленія ея въ неужаленія. А вы зміи и змѣицы, ужи и ужицы, мѣдяницы и сарачицы—бѣгите прочь отъ раба такого-то по сей вѣкъ, по сей часъ. Слово мое крѣпко!

12. Заговоръ на отгнаніе черныхъ мурієвъ.

За моремъ синимъ, за моремъ Хвалынскимъ, посреди Окіанъ моря, лежитъ островъ Буянъ, на томъ островѣ Буянѣ стоитъ дубъ, подъ тѣмъ дубомъ живутъ седьмерицею семь старцовъ, ни скованыхъ, ни связаныхъ. Приходилъ къ нимъ старецъ, приводилъ къ нимъ тьму темъ черныхъ мурієвъ. Возьмите вы старцы по три желѣзныхъ рожна, колите, рубите черныхъ мурієвъ на семьдесятъ семь частей.

За моремъ синимъ, за моремъ Хвалынскимъ, посреди Окіанъ моря, лежитъ островъ Буянъ, на томъ островѣ Буянѣ сто-

нитъ домъ, а въ томъ домѣ стоятъ кади желѣзныя, а въ тѣхъ кадяхъ лежатъ тенета шелковыя. Вы старцы, ни скованные, ни связанные, соберите черныхъ муріевъ въ кади желѣзныя, въ тенета шелковыя, отъ раба такого-то.

За моремъ синимъ, за моремъ Хвалынскимъ, посреди Окіанъ моря, лежитъ островъ Буянъ, на томъ островѣ Буянѣ сидитъ птица Гагана, съ желѣзнымъ носомъ, съ мѣдными когтями. Ты птица Гагана сядь у дома, гдѣ стоятъ кади желѣзныя, а въ кадяхъ лежатъ черные муріи, въ шелковыхъ тенетахъ; сиди дружно и крѣпко, никого не подпускай, всѣхъ отгоняй, всѣхъ кусай. Заговариваю я симъ заговоромъ раба такого-то, отъ черныхъ муріевъ, по сей день, по сей часъ, по его вѣкъ. А будь мой заговоръ дологъ и крѣпокъ. Кто его нарушитъ, того черные муріи съѣдятъ. Слово мое крѣпко!

13. Заговоръ отъ червей.

Тараринъ, Тараринъ, злодѣйской породы, уродъ изъ всѣхъ уродовъ! За чѣмъ ты, Таттаринъ, съѣешь червей у моей лошади изъ такого-то мѣста? Если не выведешь, то вырву тебя съ корнемъ, заброшу за синію даль, ты засохнешь, какъ порошинка. Вспомнишь ты свою ошибку, да будетъ поздно.

14. Заговоръ отъ зубной скорби.

Заря зарница, красная дѣвица, полуношница, въ полѣ заяцъ, въ морѣ камень, на днѣ Лимарь. Покрой ты, зарница, мои зубы скорбны своею фатою отъ проклятаго Лимаря; за твоимъ покровомъ уцѣлѣютъ мои зубы. Врагъ Лимарь откачнись отъ меня; а если ты будешь грысть мои бѣлые зубы, сокрою тебя въ безды преисподнія. Слово мое крѣпко!

15. Заговоръ отъ зубной скорби.

Мѣсяцъ, ты мѣсяцъ, серебряные рожки, златыя твои ножки. Сойди ты мѣсяцъ, сними мою зубную скорбь, унеси боль подъ облака. Моя скорбь ни мала, ни тяжка, а твоя сила могуча. Мнѣ скорби не перенесть, а твоей силѣ перенесть. Вотъ зубъ, вотъ два, вотъ три: всѣ твои; возьми мою скорбь. Мѣсяцъ, ты мѣсяцъ, сокрой отъ меня зубную скорбь!

16. Заговоръ отъ зубной скорби.

Иду я ни улицею, ни дорогою, а по пустымъ переулкамъ, по оврагамъ, по каналамъ. На встрѣчу мнѣ заяцъ. Заяцъ, ты заяцъ: гдѣ твои зубы? Отдай мнѣ свои, возьми мои. Иду я ни путемъ, ни дорогою, а темнымъ лѣсомъ, сырымъ боромъ. На встрѣчу мнѣ сѣрый волкъ. Волкъ, ты сѣрой волкъ: гдѣ твои зубы? Вотъ тебѣ мои зубы, отдай мнѣ свои. Иду я ни землею, ни водою, а чистымъ полемъ, цвѣтнымъ лугомъ. На встрѣчу мнѣ старая баба. Старая ты баба: гдѣ твои зубы? Возьми ты волчьи зубы, отдай мнѣ свои выпалые. Заговариваю я зубы крѣпко на крѣпко у раба такого-то, по сей день, по сей часъ, на вѣкъ вѣкомъ!

17. Заговоръ отъ зубной скорби.

Марѳа, Марія и Пелагея, три сестры Лазаревы, подите къ своему брату Лазарю, спросите у своего брата Лазаря: не болятъ ли у тебя зубы? Не ломятъ ли у тебя кости? Нѣтъ, сестрицы! Не болятъ у меня зубы, не ломятъ у меня кости. Заговариваю я раба такого-то, чтобы у него не болѣли кости, не ломили зубы, по сей часъ, по сей день, по всю жизнь. Чуда Водяной! Возьми зубъ ломовой у раба таба такого-то. Не болятъ у раба такого-то зубы; болятъ зубы у кошки, у собаки, у лисицы, у волка, у зайца, у крота, у быка, у коровы, у свиньи, у лошади, у козла, у барана, у овцы, по вся дни, по всѣ часы, по всю ихъ жизнь, злымъ мученьемъ и сокрушеньемъ.

18. Заговоръ отъ пищалей и стрѣлъ.

За дольними горами есть Окіанъ море желѣзное, на томъ морѣ есть столбъ мѣд-

ной, на томъ столбѣ мѣдномъ есть пастухъ чугунный, а стоитъ столбъ отъ земли до неба, отъ Востока до Запада, завѣщаетъ и заповѣдываетъ тотъ пастухъ своимъ дѣтямъ: желѣзу, укладу, булату красному и синему, стали, мѣди, проволоки, свинцу, олову, серебру, золоту, каменьямъ, пищалямъ и стрѣламъ, борцамъ и кулачнымъ бойцамъ, большой завѣтъ:

Подите вы: желѣзо, каменья и свинецъ въ свою мать землю отъ раба такого-то, а дерево къ берегу, а перья въ птицу, а птица въ небо, а клей въ рыбу, а рыба въ море, сокройтесь отъ раба такого-то. А велитъ онъ: ножу, топору, рогатинѣ, кинжалу, пищалямъ, стрѣламъ, борцамъ, кулачнымъ бойцамъ быть тихимъ и смирнымъ. А велитъ онъ: не давать выстрѣливать на меня всякому ратоборцу изъ пищали, а велитъ схватить у луковъ тетивы и бросить стрѣлы въ землю. А будетъ мое тѣло крѣпче камня, тверже булату, платье и колпакъ крѣпчая панцыря и калчуги. Замыкаю свои словеса замками, бросаю ключи подъ бѣль-горючь камень Алатырь. А какъ у замковъ смычи крѣпки, такъ мои словеса мѣтки.

19. Заговоръ отъ ратныхъ орудій.

Летѣлъ орелъ изъ-за Хвалынскаго моря, разбросалъ кремни и кремницы по крутымъ берегамъ, кинулъ громову стрѣлу во сыру землю. И какъ отродилась отъ кремня и кремницы искра, отъ громовой стрѣлы полымя, и какъ выходила грозная туча, и какъ проливалъ сильной дождь, что имъ покорилась и поклонилась селитра-порохъ, смирнымъ смирнехонько. Какъ дождь воды не пробилъ, такъ вы меня, такого-то, и моего коня искры и пули не пробивали, тѣло мое было бы крѣпче бѣлаго камня. И какъ отъ воды камни отпрядываютъ, и пузыри вскакиваютъ, такъ бы отъ ратныхъ орудій прядали мимо меня стрѣлы и порохъ-селитра. Слово мое крѣпко?

20. Заговоръ отъ пуль свинцовыхъ, мѣдныхъ, каменныхъ.

Въ высокомъ терему, въ понизовскомъ, за рѣкою Волгою, стоитъ красная дѣвица, стоитъ покрашается, добрымъ людямъ похваляется, ратнымъ дѣломъ красуется. Во правой рукѣ держитъ пули свинцовыя, во лѣвой мѣдныя, а въ ногахъ каменныя. Ты, красная дѣвица, отбери ружья: Турецкія, Татарскія, Нѣмецкія, Черкасскія, Русскія, Мордовскія, всякихъ языковъ и супостатовъ; заколоти ты своею, невидимою силою ружья вражія. Будутъ ли стрѣлять изъ ружья, и ихъ пули были бы не въ пули; а пошли бы эти пули во сыру землю, во чисто поле. А былъ бы я на войнѣ цѣлъ и невредимъ, и мой конь былъ бы цѣлъ и невредимъ; а была бы моя одежда крѣпче панцыря. Замыкаю свои приговорныя словеса замкомъ, и ключь кидаю въ Окіанъ море, подъ горючь камень Алатырь. И какъ морю не высыхать, камня не видать, ключей не доставать, такъ меня пулямъ не убивать, до моего живота, по конецъ вѣка.

21. Заговоръ на желѣзо, укладъ, сталь, мѣдь.

Мать сыра земля, ты мать всякому желѣзу, а ты желѣзо поди во свою матерь землю, а ты древо поди во свою матерь древо, а вы перья подите во свою матерь птицу, а птица полети въ небо, а клей побѣги въ рыбу, а ты рыба поплыви въ морѣ, а мнѣ бы, рабу такому-то, было бы просторно по всей землѣ. Желѣзо, укладъ, сталь, мѣдь на меня не ходите, воротитеся ушьми и боками. Какъ мятелица не можетъ прямо летѣть, и ко всякому древу близко приставать, такъ бы всѣмъ вамъ ни мочно ни прямо, ни тяжело падать на меня и моего коня, и приставать ко мнѣ и моему коню. Какъ у мельницы жернова вертятся, такъ бы желѣзо, укладъ, сталь и мѣдь вертѣлись бы кругомъ меня, а въ меня не попадали. А тѣло бы мое было отъ васъ не окровавлено, душа не осквернена. А будетъ мой приговоръ крѣпокъ и дологъ!

22. Зароворъ на карты.

Тридцать шесть картъ, сестры и братья кумы и кумовья, сваты и сватьи, дяди и тетки, отцы и матери, дочери и подчерицы, сыновья и пасынки, свекрови и золов-

ки, тести и тещи, зятья и свояки: заловки и невѣстки, всѣ вы черные, всѣ вы бѣлые, всѣ красные, скажите мнѣ всю сущую правду: что я думаю? что буду думать? Скажите, не утайте, по всей справедливости, какъ вы говорили дочерямъ Иродовымъ, на брачномъ пиру, во почетномъ столу. А будеть не скажите вы сущей правды, не взыщите моей бѣды, ино вамъ не жить болѣе на бѣломъ свѣтѣ; а размычу я васъ по чистому полю, по зеленымъ дубровамъ, по крутымъ берегамъ, по синимъ морямъ. А будетъ вы скажите сущую правду, ино вамъ будетъ житье привольное, раздольное.. Заговариваю я, раба такая-та, на карты на вывѣдываніе своей думы, на спознаніе дѣлъ чужихъ. Слово мое крѣпко!

23. Заговоръ отъ осы.

Оса мать всѣмъ осамъ, ты мнѣ не мать. Осятки дѣтки, всѣмъ дѣтямъ дѣтки, вы мнѣ не дѣти. Беру я Закрученъ траву, сушу на сыромъ бору, жгу въ зеленомъ лугу. Осятки летите на дымъ; оса бѣги въ сырой боръ. Слово замокъ, ключь языкъ!

24. Заговоръ отъ запоя.

Ты небо слышишь, ты небо видишь, что я хочу дѣлать надъ тѣломъ раба, такого-то. Тѣло Маерена, печень тезе. Звѣзды вы ясныя, сойдите въ чашу брачную; а въ моей чашѣ вода изъ загорнаго студенца. Мѣсяцъ ты красный, сойди въ мою клѣть; а въ моей клѣти ни дна, ни покрышки. Солнышко ты привольное, взойди на мой дворъ; а на моемъ дворѣ ни людей, ни звѣрей. Звѣзды, уймите раба такого-то отъ вина; мѣсяцъ, отврати раба такого-то отъ вина; солнышко, усмири раба такого-то отъ вина. Слово мое крѣпко!

25. Заговоръ на остановленіе руды.

Ѣхалъ человѣкъ старъ, конь подъ нимъ карь, по ристанямъ, по дорогамъ, по притоннымъ мѣстамъ. Ты мать руда жильная, жильная, тѣлесная, остановись, назадъ воротись. Старъ человѣкъ тебя запираетъ, на покой согрѣваетъ. Какъ коню его воды не стало, такъ бы тебя руда мать не бывало. Слово мое крѣпко!

26. Заговоръ на остановленіе руды.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ стоитъ дубъ ни нагъ, ни одѣтъ. Подъ дубомъ сидятъ тридевять три дѣвицы, колятъ камку иглами булатными. Вы дѣвицы красныя: гнется ли вашъ булатъ? Нѣтъ! Нашъ булатъ не гнется. Ты руда уймись, остановись, прекратись. Слово мое крѣпко!

17. Заговоръ на остановленіе руды.

Летитъ воронъ безъ крылъ, безъ ногъ, садится воронъ къ рабу такому-то на главу и на плечо. Воронъ сидитъ, посиживаетъ, рану потачиваетъ. Ты воронъ рану не клюй, ты руда изъ раны не бѣги. Идетъ старецъ, всѣмъ ставецъ, несетъ печать. Ты старецъ остановись, ты воронъ не каркай, ты руда не капни. Крови не хаживать, тѣлу не баливать. Пухъ земля, одна семья. Будь по моему!

28. Заговоръ отъ лихорадки.

На горахъ Аѳонскихъ стоитъ дубъ мокрецкой, подъ тѣмъ дубомъ сидятъ тринадесятъ старцевъ съ старцемъ Пафнутіемъ. Идутъ къ нимъ двѣнадесять дѣвицъ простоволосыхъ, простопоясыхъ. И рече старецъ Пафнутій, съ тремянадесятъ старцами: кто сіи къ намъ идоша? И рече ему двѣнадесятъ дѣвицы: есмь мы Царя Ирода дщери, идемъ на весь міръ кости знобить, тѣло мучить. И рече старецъ Пафнутій своимъ старцамъ: зломите по три прута, тѣмъ станемъ ихъ бити по три зори утреннихъ, по три зори вечернихъ. Взмолишась двѣнадесятъ дѣвъ къ тринадесятъ старцамъ съ старцемъ Пафнутіемъ. И не почто же бысть ихъ мольба. И начаша ихъ старцы бити, глаголя: Ой вы еси двѣнадесятъ дѣвицы! Будьте вы тресуницы, водяницы, разслабленныя, и живите на водѣ студеницѣ, въ міръ не ходите, кости не знобите, тѣла не мучьте. Побѣгоша двѣнадесятъ дѣвицъ къ водѣ студеницѣ, тресуницами, водяницами, разслабленными.

Заговариваю я раба, такого-то, отъ изсушенія лихорадки. Будьте вы прокляты двѣнадесять дѣвицъ въ таръ-тарары! отъидите отъ раба, такого-то, въ лѣса темные, на древа сухія [28].

29. Заговоръ ратнаго человѣка, идущаго на войну.

Ѣду на гору высокую, далекую, по облакамъ, по водамъ а на горѣ высокой стоитъ теремъ боярской, а во теремѣ боярскомъ сидитъ забнова, красная дѣвица. Ты дѣвица, забнова молодеческая, иду за тебя во рать на супостатовъ моихъ, враговъ-злодѣевъ. Вынь ты, дѣвица, отеческой мечъ-кладенецъ; достань ты, дѣвица, панцырь дѣдовской; отомкни ты, дѣвица, шлемъ богатырской; отопри ты, дѣвица, копя ворона. Мнѣ мечъ-кладенецъ будь другомъ, мнѣ панцырь дѣдовской будь роднымъ братомъ, мнѣ шлемъ богатырской будь вѣнцомъ обручальнымъ, мнѣ конь вороной будь удалымъ молодцомъ. Выди ты, дѣвица, во чисто поле, а во чистомъ полѣ стоитъ рать могучая, а въ рати оружій нѣтъ смѣты. Закрой ты, дѣвица, меня своей фатой: отъ силы вражей, отъ пищали, отъ стрѣлъ, отъ борца, отъ кулачнаго бойца, отъ ратоборца, отъ дерева Русскаго и заморскаго: отъ дубу, отъ вязу, отъ клену, отъ ясени, отъ ели, отъ рябины, отъ полѣна длиннаго, недлиннаго, четвертиннаго, отъ липы, отъ жимолости, отъ ивы, отъ сосны, отъ яблони, отъ курослѣпу, отъ орѣшины, отъ можжевельнику, отъ сѣна, отъ соломы, отъ кости, отъ желѣза, отъ уклада, отъ стали, отъ мѣди красной, зеленой, проволоки, отъ серебра, отъ золота, отъ птичьяго пера, отъ невѣрныхъ людей: Нагайскихъ, Нѣмецкихъ, Мордвы, Татаръ, Башкирцевъ, Калмыковъ, Гулянцовъ, Бухарцовъ, Кобытей, Вовуловъ, Бумирцовъ, Турчениновъ, Якутовъ, Лунасовъ, Черемисовъ, Вотяковъ, Либановъ, Китайскихъ людей.

Вы дерева отъ меня раба, такого-то, воротитесь, вы желѣзо и мѣдь и сталь и злато отлетайте, вы люди не вѣрные отбѣгайте. А буде я ворочусь по живу и по здорову, мно буду красна дѣвица тобою похвалятися, своею молодеческою поступью выказыватися. Твоя фата крѣпка, какъ камень горючь Алатырь; моя молодеческая поступь сильна, какъ вода мельничная. Духъ духомъ, всѣхъ пинкомъ, нѣтъ никого, я одинъ, по живу, по здорову.

30. Заговоръ ратнаго человѣка, идущаго на войну.

Выкатило красное солнышко изъ-за моря Хвалынскаго, восходилъ мѣсяцъ изъ-подъ синя неба, собирались облака издалека, собирались сизы птицы во градъ каменный, а въ томъ градѣ каменномъ породила меня мать родная, раба такого-то, а рожая, приговаривала: будь ты, мое дитятко, цѣлъ невредимъ: отъ пушекъ, пищалей, стрѣлъ, борцовъ, кулачныхъ бойцовъ; бойцамъ тебя не требовать, ратнымъ оружіемъ не побивать, рогатиною и копіемъ не колоть, топоромъ и бердышемъ не сѣчь, обухомъ тебя бить не убить, ножемъ не уязвить, старожилымъ людямъ въ обманъ не вводить, молодымъ парнямъ ни чѣмъ не вредить; а быть тебѣ передъ нимъ соколомъ, а имъ дроздами; а а будь твое тѣло крѣпче камня, рубаха крѣпче желѣза, грудь крѣпче камня Алатыря; а будь ты: въ домѣ добрымъ отцомъ, во полѣ молодцомъ, во рати удальцомъ, въ міру на любованьѣ, во дѣвичемъ терему на покрашеньѣ, на брачномъ пиру безъ малаго ухищренья, съ отцемъ съ матерью во миру, съ женою во ладу, съ дѣтьми во согласіи.

Заговариваю я свой заговоръ матернимъ заповѣданіемъ; а быть ему во всемъ, какъ тамъ указано, во вѣки ненарушимо. Рать могуча, мое сердце ретиво, мой заговоръ всему превозмогъ.

31. Заговоръ ратнаго человѣка, идущаго на войну.

Выхожу я во чисто поле, сажусь на зеленый лугъ, во зеленомъ лугу есть зелія могучія, а въ нихъ сила видима, невидимая. Срываю три былинки бѣлыя, черныя, красныя. Красную былинку метать буду за Окіанъ море, на островъ на Буянъ, подъ мечъ-кладенецъ; черную былинку покачу

подъ чернаго ворона, того ворона, что свилъ гнѣздо на семи дубахъ, а во гнѣздѣ лежитъ уздечка бранная, съ коня богатырскаго; бѣлую былинку заткну за поясъ узорчатый, а въ поясѣ узорчатомъ завитъ, зашитъ колчанъ съ каленой стрѣлой, съ дѣдовской, Татарской. Красная былинка притащитъ мнѣ мечъ-кладенецъ, черная былинка достанетъ уздечку бранную, бѣлая былинка откроетъ колчанъ съ каленой стрѣлой. Съ тѣмъ мечемъ отобью силу чужеземную, съ той уздечкою обратаю коня яраго, съ тѣмъ колчаномъ со каленой стрѣлой разобью врага супостата.

Заговариваю я ратнаго человѣка, такого-то, на войну симъ заговоромъ. Мой заговоръ крѣпокъ, какъ камень Алатырь.

32. Заговоръ ратнаго человѣка, идущаго на войну.

Подъ моремъ подъ Хвалынскимъ стоитъ мѣдной домъ, а въ томъ мѣдномъ домѣ закованъ змѣй огненный, а подъ змѣемъ огненнымъ лежитъ семипудовой ключь отъ княжева терема, Володимерова, а во княжомъ теремѣ, Володимеровомъ, сокрыта сбруя богатырская, богатырей Ноугородскихъ, соратниковъ молодеческихъ.

По Волгѣ широкой, по крутымъ берегамъ плыветъ лебедь княжая, со двора княжева. Поймаю я ту лебедь, поймаю, схватаю. Ты лебедь полети къ морю Хвалынскому, заклюй змѣя огненнаго, достань ключь семипудовой, что ключь отъ княжева терема Володимерова. Не моимъ крыльямъ долетать до моря Хвалынскаго, не моей мочи разклевать змѣя огненнаго, не моимъ ногамъ дотащить ключь семипудовой. Есть на морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ воронъ, всѣмъ воронамъ старшій братъ; онъ долетитъ до моря Хвалынскаго, заклюетъ змѣя огненнаго, притащитъ ключь семипудовой; а воронъ посаженъ злою Вѣдьмою Кіевскою.

Во лѣсу стоячемъ, во сыромъ бору стоитъ избушка, ни шитая, ни крытая, а въ избушкѣ живетъ злая Вѣдьма Кіевская. Пойду-ль я во лѣсъ стоячій, во боръ дремучій, взойду-ль я въ избушку къ злой Вѣдьмѣ Кіевской. Ты, злая Вѣдьма Кіевская: вели своему ворону слетать подъ море Хвалынское, въ мѣдной домъ, заклевать змѣя огненнаго, достать семипудовой ключь. Заупрямилась, закорачилась злая Вѣдьма Кіевская о своемъ воронѣ. Не моей старости бродить до моря Окіана, до острова до Буяна, до чернаго ворона. Прикажи ты моимъ словомъ заповѣднымъ достать ворону тотъ семипудовой ключь. Разбилъ воронъ мѣдной домъ, заклевалъ змѣя огненнаго, досталъ семипудовой ключь.

Отпираю я тѣмъ ключемъ княжой теремъ, Володимеровъ, достаю сбрую богатырскую, богатырей Ноугородскихъ, соратниковъ молодеческихъ. Во той сбруи не убьетъ меня ни пищаль, ни стрѣлы, ни бойцы, ни борцы, ни Татарская, ни Казанская рать.

Заговариваю я раба, такого-то, ратнаго человѣка, идущаго на войну, симъ моимъ крѣпкимъ заговоромъ. Чуръ слову конецъ, моему дѣлу вѣнецъ!

33. Заговоръ ратнаго человѣка, идущаго на войну.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ сидитъ добрый молодецъ, во неволѣ заточенъ. Къ тебѣ я прихожу, добрый молодецъ, съ покорищемъ. Выдаютъ меня родные братья во княжую рать, одинокого, неженатаго, а во княжей рати мнѣ по добру не жити. Заговори меня своимъ молодеческимъ словомъ. Радъ бы стоять во поле за тебя, горькаго сиротину, да крѣпка моя неволя, да горька моя истома. Заговариваю я тебя раба, такого-то, идти на войну во всемъ по тому, какъ заповѣдывалъ мнѣ родной отецъ. А будешь ты ратнымъ человѣкомъ, ино будь сбереженъ: отъ топора, отъ бердыша, отъ пищали, отъ Татарскія пики, отъ краснаго булата, отъ борца, единоборца, отъ бойца врага-супостата, отъ всей поганой Татарской силы, отъ Казанской рати, отъ Литовскихъ богатырей, отъ черныхъ Божіихъ людей, отъ бабьихъ за-

зоръ, отъ хитрой немочи, отъ всѣхъ недуговъ. И будетъ тебѣ: топоръ не въ топоръ, бердышъ не въ бердышъ, пищаль не въ пищаль, Татарская пика не въ пику, поганая Татарская сила не въ силу, Казанская рать не въ рать, черные Божіе люди не въ люди, бабьи зазоры не въ зазоры, хитрая немочь не въ немочь, Литовскіе богатыри не въ богатыри, недуги не въ недуги. Кручусь, верчусь, отъ топоровъ, бердышей, пищалей, пикъ, бойцовъ, борцовъ, Татарской силы, Казанской рати, черныхъ Божіихъ людей. Отмахнусь по сей вѣкъ, по сей часъ, по сей день.

34. Заговоръ ратнаго человѣка, идущаго на войну.

Встану я рано, утренней зарей, умоюсь холодной росой, утрусь сырой землей, завалюсь за каменной стѣной, Кремлевской. Ты стѣна, Кремлевская, бей враговъ супостатовъ, дюжихъ Татаръ, злыхъ Татарченковъ; а я былъ бы изъ-за тебя цѣлъ, невредимъ. Лягу я поздно, вечерней зарей, на сырой росѣ, во стану ратномъ; а въ стану ратномъ есть могучи богатыри, княжей породы, изъ дальнихъ странъ, со ратной Русской земли. Вы, богатыри могучи, перебейте Татаръ, полоните всю Татарскую землю; а я былъ бы изъ-за васъ цѣлъ, невредимъ. Иду я во кровавую рать Татарскую, бью враговъ и супостатовъ; а былъ бы я цѣлъ, невредимъ. Вы, раны тяжелыя не болите, вы, удары бойцовъ меня не губите, вы, пищали меня не десятерите; а былъ бы я цѣлъ, невредимъ.

Заговариваю я раба, такого-то, ратнаго человѣка, удущаго на войну, симъ моимъ крѣпкимъ заговоромъ. Чуръ слову конецъ, моему дѣлу вѣнецъ!

35. Заговоръ ратнаго человѣка, идущаго на войну.

Завяжу я, рабъ такой-то, по пяти узловъ всякому стрѣльцу немирному, невѣрному на пищалахъ, лукахъ, и всякомъ ратномъ оружіи. Вы узлы заградите стрѣльцамъ всѣ пути и дороги, замкните всѣ пищали, опутайте всѣ луки, повяжите всѣ ратныя оружія. И стрѣльцы бы изъ пищалей меня не били, стрѣлы бы ихъ до меня не долетали, всѣ ратныя оружія меня не побивали. Въ моихъ узлахъ сила могуча, сила могуча змѣиная сокрыта, отъ змѣя двунадесятъ главаго, того змѣя страшнаго, что пролетѣлъ со Окіанъ моря, со острова Буяна, со мѣднаго дома, того змѣя, что убитъ двунадесятъ богатырьми подъ двунадесятъ Муромскими дубами. Въ моихъ узлахъ зашиты злою мачихою змѣиныя головы.

Заговариваю я раба, такого то, ратнаго человѣка, идущаго на войну моимъ крѣпкимъ заговоромъ, крѣпко на крѣпко.

36. Заговоръ молодца на любовь красной дѣвицы.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ лежитъ доска, на той доскѣ, лежитъ тоска. Бьется тоска, убивается тоска, съ доски въ воду, изъ воды въ поломя, изъ полымя выбѣгалъ сатанина, кричитъ: Павушка Романея, бѣги поскорѣе, дуй рабѣ, такой-то: въ губы и въ зубы, въ ея кости и накости, въ ея тѣло бѣлое, въ ея сердце ретивое, въ ея печень черную, чтобы раба, такая-та, тосковала всякой часъ, всякую минуту, по полуднямъ, по полуночамъ, ѣла бы, не заѣла, пила бы, не запила, спала бы, заспала, а все бы тосковала, чтобъ я ей былъ лучше чужаго молодца, лучше роднаго отца, лучше родной матери, лучше роду племени. Замыкаю свой заговоръ семьюдесятью семью замками, семьюдесятью семью цѣпями, бросаю ключи въ Окіанъ море, подъ бѣлъ горючь камень Алатырь. Кто мудренѣе меня взыщется, кто перетаскаетъ изъ моря весь песокъ, тотъ огонитъ тоску.

37 Заговоръ отъ порѣза.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ лежитъ бѣлъ горючь камень Алатырь, на томъ камнѣ Алатырѣ сидитъ красная дѣвица, швея мастерица, держитъ иглу булатную, вдѣваетъ нитку шелковую, рудожелтую, зашиваетъ раны кровавыя. Заговариваю я раба, такого-то, отъ порѣзу. Бу-

лать прочь отстань, а ты кровь течь перестань.

38. Заговоръ отъ недуговъ.

Заговариваю я у раба, такого-то, двѣнадцать скорбныхъ недуговъ: отъ трясавицы, отъ колючки, отъ свербежа, отъ стрѣльбы, отъ огневицы, отъ ломоты, отъ колотья, отъ дерганія, отъ морганія, отъ слѣпоты, отъ глухоты, отъ черной немочи. Ты, злая трясавица, уймись, а не то прокляну въ тартарары; ты неугомонная колючка остановись, а не то сошлю тебя въ преисподнія земли; ты, свербежъ прекратись, а не то утоплю тебя въ горячей водѣ; ты, стрѣльба остановись, а не то засмолю тебя въ смолѣ кипучей; ты, огневица охладись, а не то заморожу тебя Крещенскими морозами; ты, ломотье сожмись, а не то сокрушу тебя о камень; ты, колотье притупись, а не то распилю тебя на мелкія частички; ты, дерганье воротись, а не то запружу тобою плотину на мѣльницѣ; ты, морганье окрутись, а не то въ печи банной засушу; ты, слѣпота скорчись, а не то утоплю тебя въ дегтю; ты, глухота исчезни, а не то засмолю въ бочку и по морю пущу; ты, черная немочь отвяжись, а не то заставлю воду толочь.

Всѣ вы недуги откачнитесь, отвяжитесь, удалитесь отъ раба, такого-то, по сей часъ по сей день, по его жизнь, моимъ крѣпкимъ словомъ.

39. Заговоръ на покраденную вещь.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ стоитъ желѣзной сундукъ, а въ желѣзномъ сундукѣ лежатъ ножи булатные. Подите вы, ножи булатные къ такому и сякому вору, рубите его тѣло, колите его сердце, чтобы онъ воръ воротилъ покражу такого-то, чтобы онъ не утаилъ ни синя пороха, а выдалъ бы все сполна. Будь ты, воръ, проклятъ моимъ сильнымъ заговоромъ въ землю преисподнюю, за горы Араратскія, въ смолу кипячую, въ золу горючую, въ тину болотную, въ плотину мѣльничную, въ домъ бездонный, въ кувшинъ банный; будь прибитъ къ притолкѣ осиновымъ коломъ, иссушенъ суше травы, замороженъ пуще льда, окривѣй, охромѣй, ошалѣй, одервяней, одурей, обезручей, оголодай, отощай, валяйся въ грязи, съ людьми не свыкайся и не своею смертію умри.

40. Заговоръ оборотня.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, на полой полянѣ, свѣтитъ мѣсяцъ на осиновъ пень, въ зеленъ лѣсъ, въ широкой долъ. Около пня ходитъ волкъ мохнатый, на зубахъ у него весь скотъ рогатый; а въ лѣсъ волкъ не заходитъ, а въ долъ волкъ не забродитъ. Мѣсяцъ, мѣсяцъ — золотые рожки! Расплавь пули, притупи ножи, измочаль дубины, напусти страхъ на звѣря, человѣка и гады, чтобы они сѣраго волка не брали, и теплой бы съ него шкуры не драли. Слово мое крѣпко, крѣпче сна и силы богатырской.

41. Заговоръ для любви.

Исполнена есть земля дивности. Какъ на морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ есть бѣлъ горючь камень Алатырь, на томъ камнѣ устроена огнепалимая баня, въ той банѣ лежитъ разжигаемая доска, на той доскѣ тридцать три тоски. Мечутся тоски, кидаются тоски, и бросаются тоски изъ стѣны въ стѣну, изъ угла въ уголъ, отъ пола до потолка, оттуда чрезъ всѣ пути и дороги и перепутья, воздухомъ и аеромъ. Мечитесь тоски, киньтесь тоски и бросьтесь тоски въ буйную ея голову, въ тылъ, въ ликъ, въ ясные очи, въ сахорныя уста, въ ретивое сердце, въ ее умъ и разумъ, въ волю и хотѣніе, во все ее тѣло бѣлое и во всю кровь горячую, и во всѣ ея кости, и во всѣ составы: въ 70 составовъ, полусоставовъ и подсоставовъ. И во всѣ ея жилы: въ 70 жилъ, полужилъ и поджилковъ, чтобы она тосковала, горевала, плакала бы и рыдала по всякъ день, по всякъ часъ, по всякое время, нигдѣ бъ пробыть не могла, какъ рыба безъ воды. Кидалась бы, бросалась бы изъ окошка въ окошко, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, на всѣ пути и дороги, и перепутья съ трепе-

томъ, туженіемъ, съ плачемъ и рыданіемъ, зѣло спѣшно шла бы и бѣжала, и пробыть безъ него ни единыя минуты не могла. Думала-бъ объ немъ, не задумала, спала-бъ, не заспала, ѣла бы, не заѣла, пила-бъ, не запила, и не боялась бы ничего, чтобъ онъ ей казался милѣе свѣту бѣлаго, милѣе солнца пресвѣтлаго, милѣе луны прекрасныя, милѣе всѣхъ и даже милѣе сну своего, по всякое время: на молоду, подъ полнъ, на перекроѣ и на исходѣ мѣсяца. Сіе слово есть утвержденіе и укрѣпленіе, имъ же утверждается, и укрѣпляется и замыкается. Аще ли кто отъ человѣкъ, кромѣ меня, покусится отмыкать страхъ сей, то буди яко червь въ свищѣ орѣховомъ. И ни чѣмъ, ни аеромъ, ни воздухомъ, ни бурею, ни водою дѣло сіе не отмыкается [26].

42. Заговоръ родимой матушки въ наносной тоскѣ своей дитятки.

На морѣ на Окіанѣ, на островѣ на Буянѣ, на полой полянѣ, подъ дубомъ мокрецкимъ сидитъ дѣвица красная, а сама-то тоскуется, а сама-то кручинится во тоскѣ невѣдомой, во грусти недознаемой, во кручинѣ недосказанной. Идутъ семь старцевъ съ старцемъ, незванныхъ, непрошеныхъ. Гой ты еси, дѣвица красная, со утра до вечера кручинная! Ты что, почто сидишь на полой полянѣ, на островѣ на Буянѣ, на морѣ на Окіанѣ? И рече дѣвица семи старцамъ съ старцемъ: нашла бѣда среди околицы, залегла во ретиво сердце, щемитъ, болитъ головушка, не милъ и свѣтъ ясный, постыла вся родушка. Возопиша семь старцевъ съ старцемъ, грознымъ грозно, учали ломать тоску, бросать тоску за околицу. Кидма кидалась тоска отъ востока до запада, отъ рѣки до моря, отъ дороги до перепутья, отъ села до погоста, и нигдѣ тоску не укрыли; кинулась тоска на островъ на Буянъ, на море на Окіанъ, подъ дубъ мокрецкой.

Заговариваю я, родная матушка, такая-та, свою ненаглядную дитятку, такую-то, отъ наносной тоски по сей день, по сей часъ, по сію минуту. Слово мое никто не превозможетъ ни аеромъ, ни духомъ.

43. Заговоръ красной дѣвицы отъ тоски.

Отъ востока до запада, отъ сѣвера до юга, отъ рѣки до моря, отъ пути до перепутья пролегала путь дороженька, всѣмъ дорогамъ старшая и большая, по той дорожки шли дщери Иродовы, несли во рукахъ пруты ивовы, а шли они во міръ кости сушить, тѣло знобить, недугами мучить.

Отъ востока до запада, , отъ сѣвера до юга, отъ рѣки до моря, на путяхъ и перепутьяхъ выростала травушка со муравушкой, на той травушкѣ со муравушкой сидѣли тоска со кручиной, а сидѣли они, да подумывали: какъ бы людей крушить, сердца щемить, свѣта не возлюбить?

Отъ востока до запада, отъ сѣвера до юга, отъ рѣки до моря, среди бѣлокаменной Москвы стоитъ теремъ боярскій, въ томъ теремѣ боярскомъ сидитъ во тоскѣ красная дѣвица по незнаемой бѣдѣ.

Вы, дщери Иродовы не ходите по пути и дороженькѣ на міръ кости знобить, тѣло сушить, людей мучить, а идите вы на травушку со муравушкой, что на ту травушку, гдѣ сидитъ тоска со кручиной, и велите вы тоскѣ со кручиной, чтобы они изгнали изъ ретива сердца красной дѣвицы, у рабѣ такой-то, наносную тоску, а не покорится вамъ тоска со кручиной, ино вы учините бить во пруты ивовы. Заговариваю симъ моимъ заговоромъ крѣпко на крѣпко. А кто мой заговоръ возодолѣетъ, и ему провалиться сквозь таръ-тарары.

44. Заговоръ полюбовнаго молодца на любовь красной дѣвицы.

За моремъ за Хвалынскимъ, во мѣдномъ городѣ, во желѣзномъ теремѣ сидитъ добрый молодецъ, заточенъ во неволѣ, закованъ въ семьдесять семь цѣпей, за семьдесять семь дверей, а двери заперты семьюдесятью семью замками, семьюдесятью крюками. Никто добраго молодца изъ неволи не ослободитъ, никто добраго молодца до сыта не накормитъ, до пьяна не напоитъ. Приходила къ нему родная матушка, такая-та, во слезахъ горючихъ, поила молодца сытой медовой,

кормила молодца бѣлоснѣговой крупой, а а кормивши молодца, сама приговаривала: не скакать бы молодцу по чисту полю, не искать бы молодцу чужой добычи, не свыкаться бы молодцу со буйными вѣтрами, не радоваться бы молодцу на рать могучу, не пускать бы молодцу калену стрѣлу по поднебесью, не стрѣлять бы во бѣлыхъ лебедей, что лебедей княжiихъ, не доставать бы молодцу мечь-кладенецъ врага супостата, а жить бы молодцу во терему родительскомъ, съ отцемъ со матерью, съ родомъ племенемъ. Ужъ, какъ возговоритъ добрый молодецъ: не чисто поле меня сгубило, не буйны вѣтры занесли на чужую добычу, не каленой стрѣлой доставалъ я бѣлыхъ лебедей, не мечемъ-кладенцомъ хотѣлъ я достать враговъ супостатовъ, а сгубила молодца воля молодецкая, во княжемъ терему надъ дѣвицей красной такой-то.

Заговариваю я, родная матушка, такая-та, полюбовнаго молодца такого-то, на любовь красной дѣвицы, такой-то. Вы, вѣтры буйные, распорите ее бѣлу грудь, откройте ея ретиво сердце, навѣйте тоску со кручиной; чтобы она тосковала и горевала; чтобы онъ ей былъ милѣе своего лица, свѣтлѣе ясного дня, краше году племени, привѣтливѣе отца съ матерью; чтобы ей онъ казался во снѣ и на яву, въ день и полдень, въ ночь и полночь; чтобы онъ ей былъ во пригожество красное, во любовь залучную; чтобы она плакала и рыдала по немъ, и безъ него бы радости не видала, утѣхъ не находила. Кто камень Алатырь изгложитъ, тотъ мой заговоръ превозможетъ. Моему слову конецъ на любовь красной дѣвицы такой-то.

45. Заговоръ на воду.

Во черной избѣ, за дубовымъ столомъ стоитъ трясавица на полицѣ. Ты трясавица, не вертись, а ты притолка, не свихнись. Вертѣлось бы, свихнулось зелено вино въ чашѣ; и вертѣло бы вино, и свихнуло бы вино все притоманное, невѣдомое, да что неслыхано, да что не сказано въ такомъ-то дому, на такову-то бѣду. А буде ты, трясавица, завертишься, а буде ты притолька свихнешься, ино будетъ вамъ отъ меня лютово неволье, да злово томленье, а на иново вамъ будетъ все по добру, по здорову, какъ бывало доселево. Слово мое крѣпко.

46. Заговоръ островника на зеленую дуброву.

Хожу я, рабъ такой-то, кругомъ острова, такого-то, по крутымъ оврагамъ, буеракамъ, смотрю я чрезъ всѣ лѣса: дубъ, березу, осину, липу, кленъ, ель, жимолость, орѣшину, по всѣмъ сучьямъ и вѣтвямъ, по всѣмъ листьямъ и цвѣтамъ. А было бы въ моей дубровѣ по живу, по добру, по здорову. А въ мою бы зелену дуброву не заходилъ ни звѣрь, ни гадъ, ни лихъ человѣкъ, ни вѣдьма, ни лѣшiй, ни домовой, ни водяной, ни вихрь. А былъ бы я большой на большой; а было бы все у меня во послушаньи, а былъ бы я цѣлъ и невредимъ.

47. Заговоръ отъ лихаго человѣка.

Иду я по чистому полю, на встрѣчу бѣгутъ семь духовъ съ полудухами, все черные, все злые, все нелюдимые. Идите вы, духи съ полудухами, къ лихимъ людямъ, держите ихъ на привязи, чтобъ я отъ нихъ былъ цѣлъ и невредимъ во пути и дороги, во дому и лѣсу, въ чужихъ и родныхъ, во землѣ и на водѣ, во обѣдѣ и на пиру, въ свадьбѣ и на бѣдѣ. Мой заговоръ дологъ, мои слова крѣпки. Кто мое слово испровержетъ, ино быть во всемъ наиново, по худу, по недобру, какъ вопреди сказано.

48. Заговоръ красной дѣвицы отъ недуговъ полюбовнаго молодца.

Иду я, дѣвица такая-та, изъ воротъ въ чисто поле, въ Окiанъ море, становлюсь я, дѣвица такая-та, на бѣлъ горючь камень Алатырь, опоясываюсь бѣлой пѣленой, заговариваю своего полюбовнаго молодца, такого-то, отъ злыхъ недуговъ съ приведугами, полунедугами. Вы, злые недуги, не недужьте раба такого-то. Отсылаю я васъ въ Окiанъ море, въ бездны преисподнiя, въ котлы кипучiе, въ жаръ палючiй, въ сѣру горючую, по сей день, по сей часъ,

по мое крѣпкое слово. А былъ бы мой полюбовный молодецъ бѣлъ и хорошъ; а милѣе бы его не было во всѣмъ свѣтѣ; а привѣтнѣе бы его не было и во теремѣ княжемъ; а залучнѣе бы его не было во всей околицѣ; а любилъ бы онъ меня отъ роду до вѣку, по всю мою жизнь. Слово мое крѣпко.

49. Заговоръ охотника на утокъ, гусей, тетеревей.

На морѣ на Океанѣ, на островѣ на Буянѣ, на зеленой осокѣ сидитъ птица, всѣмъ птицамъ старшая и большая, а держитъ она грамату неписанную, и велитъ она всѣмъ птицамъ слетатися на такія-та озера и болота, и велитъ всѣмъ птицамъ сидѣть отъ утра до вечера, отъ утренней до вечерній зари, отъ ночи до полуночи. Заговариваю я, рабъ такой-то, утокъ, гусей, тетеревей, всякую птицу вѣдомую и невѣдомую сидѣть несходно по мой приходъ, по мое крѣпкое слово, во вѣки ненарушимо.

50. Заговоръ на любовь.

На морѣ на Океанѣ есть бѣлъ горючь камень Алатырь, никѣмъ невѣдомой, подъ тѣмъ камнемъ сокрыта сила могуча, и силы нѣтъ конца. Выпускаю я силу могучу на такую-то красную дѣвицу; сажаю я силу могучу во всѣ составы, полусоставы, во всѣ кости и полукости, во всѣ жилы и полужилы, въ ея очи ясны, въ ея щеки румяны, въ ея бѣлу грудь, въ ея ретиво сердце, въ утробу, въ ея руки и ноги. Будь ты, сила могуча, въ такой-то красной дѣвицѣ неисходно; а жги ты, сила могуча, ея кровь горючую, ея сердце кипучее на любовь къ такому то полюбовному молодцу. А была бы красная дѣвица, такая-та, во всемъ послушна полюбовному молодцу, такому-то, по всю его жизнь. Ни чѣмъ бы красная дѣвица не могла отговориться ни заговоромъ, ни приговоромъ, и не могъ бы ни старъ человѣкъ, ни младъ отговорить ее своимъ словомъ. Слово мое крѣпко, какъ бѣлъ горючъ камень Алатырь. Кто изъ моря всю воду выпьетъ, кто изъ поля всю траву выщипитъ, и тому мой заговоръ не превозмочь, силу могучу не увлечь.

51. Заговоръ отъ черной немочи.

Летитъ птица за моря, бѣжитъ звѣрь за лѣса, бѣжитъ дерево въ дерево, мать земля въ свою мать землю, желѣзо въ свою мать руду, такъ бы черная немочь бѣжала въ свою мать таръ-тарары, во тьму кромечную, а бѣжала-бъ назадъ не ворочаючи, а былъ бы такой-то человѣкъ живъ и здоровъ. А буде ты, черная немочь, моимъ рѣчамъ покорница не дашь, велю тебя птицѣ за моря унесть, звѣрю въ лѣсъ затащить, мать землѣ въ свою мать во сыру землю заложить, желѣзу въ свою мать руду заковать, и будетъ тебѣ горе великое, а таковъ-то человѣкъ живъ и здоровъ. Замыкаю свои словеса словомъ великимъ, имъ же замыкается всѣ недуги, съ полунедугами, всѣ болѣсти съ полуболѣстями, всѣ хворобы съ полухворобами, всѣ корчи съ полукорчами; а замыкаю я мое слово великое на такого-то человѣка отъ черной немочи, по сей день, по сей часъ, по всю его жизнь.

52. Заговоръ отъ бѣшеной собаки.

На морѣ на Океанѣ, на островѣ на Буянѣ стоитъ домъ, а въ томъ домѣ сидитъ старица, а держитъ она жало. Ты старица возьми свое жало и приди къ рабу, такому-то, вынь изъ раба, такого-то, жало смертное. Заговариваю раны болючія на рукахъ, на ногахъ, на головѣ, во лбу и въ затылкѣ, на бровяхъ, и подбородкѣ. Будьте во вѣки вѣковъ на собакѣ черной, сѣрой, красной, сѣдой, рыжей, бѣлой, сидите и во вѣки не сходите.

53. Заговоръ отъ родимца.

На морѣ на Океанѣ, посредь моря Бѣлаго стоитъ мѣдной столбъ, отъ земли до неба, отъ востока до запада, а во томъ мѣдномъ столбѣ закладена мѣдная мѣдяница отъ болѣстей и хворостей. Посылаю я раба, такого-то, въ тотъ мѣдной столбъ, что на морѣ на Океанѣ, и заповѣдаю ему моимъ словомъ заповѣданнымъ закласть родимецъ во тотъ мѣдный столбъ. А былъ бы съ того заповѣданія такой-то цѣлъ и невредимъ, и отъ родимца избавленъ, по сей часъ, по всю жизнь.

54 Заговоръ молодушки отъ лютой бѣды.

Выхожу я во новы сѣни дубовыя, на широкъ дворъ заборчатой, гляжу я по всѣмъ по дорогамъ и перепутьямъ, вижу я отъ земли до неба звѣзды ясныя. Вы, дороженьки и перепутьицы задержите моего мужа, такого-то; вы, звѣзды ясныя затемните свой свѣтлояркой свѣтъ, чтобы безъ вашего свѣтушки не было ни ходу, ни проходу. Насылаю я на свекра лютаго тоску со кручиною, сонъ со дремотою, забытье со безпамятью; а былъ бы онъ и глухъ и нѣмъ по мою лютую бѣду. Насылаю я на свекровь зазойливую печаль со бѣдою, сонъ со дремотою; а была бы она слѣпа и нѣма по мою лютую бѣду.

55 Заговоръ красной дѣвицы отъ призороковъ.

Посреди Окіанъ моря выходила туча грозная съ буйными вѣтрами, что вѣтрами сѣверными, подымалась мятель со снѣгами, нагонялись волны на высокъ теремъ, налетали орлы черны на широкъ долъ, выходила красная дѣвица къ загорному студенцу, во тоскѣ, во кручинѣ, садилась красная дѣвица вокругъ студенца, а сама говорила таковы рѣчи: Гой ты, туча грозная, со буйными вѣтрами! умчи ты, туча грозная, тоску со печалью отъ красной дѣвицы, рабы такой-то, на Окіанъ море, застели ей путь и дороженьку мятелью со снѣгами, прикрой призороки бѣлосѣрыми волнами, приставь въ сторожи черныхъ орловъ. Умываю я красную дѣвицу, такую-то, изъ загорнаго студенца ключевой водой; стираю я съ красной дѣвицы, такой-то, всѣ узороки съ призороками; отмахиваю я отъ красной дѣвицы, такой-то, зловѣщихъ вороновъ съ воронихами, съ ворончатами; отгоняю я отъ красной дѣвицы, такой-то, ея заклятаго врага, что того врага, что заронилъ призороки въ ея тѣло бѣлое, въ ея сердце ретивое, что того врага, что затмилъ очи ясны, что того врага, что порудилъ красоту дѣвичью, что того врага, что сгубилъ семью почетную, что отнялъ дочь отъ матери, что сокрушилъ отца безвременьемъ дочернимъ.

Заговариваю мои заповѣдныя словеса симъ моимъ крѣпкимъ заговоромъ на отгнаніе призороковъ отъ рабы такой-то, по сей день, по сей часъ, по ея жизнь. А будетъ заговоръ ни чѣмъ не порушимъ: ни водою, ни землею, ни огнемъ, ни аеромъ, ни словомъ, ни духомъ; а быть ему во всемъ потому, какъ уряжено мною. А буде кто покусится порудить мой заговоръ, ино ему провалиться въ бездны преисподнія, въ яму угольную, а красной дѣвицы, такой-то, быть по добру, по здорову.

56. Заговоръ отъ колотья и болѣстей.

Заговариваю у рабѣ, такой-то, колотье и болѣсти симъ моимъ крѣпкимъ заговоромъ; и заповѣдаю вамъ колотье и болѣсти таскаться по міру отъ востока до запада, отъ озера до болота, отъ горы до дола, отъ моря до моря, отъ избы до терема, отъ лѣса до перелѣсья, отъ стара до мала человѣка, отъ звѣря до гада, отъ города до пригородовъ, отъ села до погоста, отъ деревни до стана, отъ звѣзды до мѣсяца; а къ востоку до запада не доходить, а въ озерѣ со болотомъ утонуть, а съ дола на гору не взлѣсть, отъ моря до моря не перебродить, и въ лѣсу съ перелѣсьемъ зацѣпиться, а отъ старца до мала человѣка быть побиту, и отъ звѣря до гада быть заѣдену, отъ города до пригородовъ быть изгнану, отъ села до погоста быть по одаль, отъ деревни до стана быть за каналомъ, отъ звѣзды до мѣсяца не досячь. Мои словеса велики, мой заговоръ крѣпокъ. Кто же отъ человѣкъ порушитъ мои словеса, кто задумаетъ расторгнуть мой заговоръ, и тому не бывать, а быть вовсемъ по моему.

57 Заговоръ на изгнаніе съ островника звѣрей и гадовъ.

Хожу я по залѣсью утренней росой, собираю я травы зельныя, варю травы зельныя во мѣдяной росѣ, поливаю травами зельными со водою по всѣмъ кустамъ, по всѣмъ полямъ, по всѣмъ межамъ. Вы, звѣри лютые, выходите, вы гады выбѣгайте, вы, недобрые люди, отбѣгайте. Во моемъ островникѣ звѣрямъ не живать, гадамъ не бывать, недобрымъ людямъ не захаживать,

а быть бы мнѣ большимъ набольшимъ; а звѣри бы въ моемъ островникѣ меня слушались, а гады бы съ моего островника прочь отбѣгали бы. Мое крѣпкое слово да будетъ всему превозмогъ. Какъ могучи травы зельныя, такъ бы могучей того былъ мой заговоръ подъ молоду, подъ исходъ, подъ перекрой, по восходъ и по закатъ солнца; подъ поясъ Сажара и Кучекроя, подъ Замежуя, подъ Отвори ворота, подъ Наскоча, подъ Зеленца, подъ звѣзды ясныя и темныя со всѣми звѣздами и полузвѣздами.

58. Заговоръ на подходъ.

Стану я рабъ, такой-то, благословясь, пойду перекрестясь, изъ избы дверьми, изъ двора воротами, выйду я въ чистое поле, стану на встокъ лицомъ, на западъ хребтомъ. *Акиры* и *Оры*, и како идутъ цари, царицы, короли, королицы, князи, княгини, всѣ православные роды, и не думаютъ зла и лиха, также и на меня раба, такого-то, не думали бы зла и лиха какъ цари, царицы, короли, королицы, князи, княгини, и всѣ вельможи, и всѣ православные роды, возрадуются и возвеселятся, також де меня раба, такого-то, увидѣли бы цари, царицы, короли королицы, князи, княгини и всѣ православные роды христіянскіе, возвеселились; и какъ не видитъ мати отлученнаго дидя многія лета, а увидитъ возвеселится и возрадуется зѣло весело и радостно також де меня, раба такого то, увидѣвъ, возрадовались бы и возвеселились цари, царицы, короли, королицы, князи, княгини, всѣ вельможи и всѣ православные роды христіанскіе. Какъ не можно небесныя колесницы превратить, також де бы меня и моихъ словъ, не могли-бъ превратить, во вѣки вѣковъ 27.

59. Заговоръ отъ скорой доспѣшки.

Сяду я, благословясь, пойду, перекрестясь, изъ дверей во двери, изъ воротъ въ ворота, въ чистое поле, въ чистомъ полѣ три дороги. Я пойду въ правую дорогу, въ правую дорогу къ Колонію со восточную сторону, къ Океанъ морю. Въ Океанъ морѣ есть Алатырь камень, на томъ камнѣ стоитъ человѣкъ; онъ стреляетъ по чисту полю, а успѣваетъ всякія боли. Прошу я, рабъ такой-то, не стрѣлять по чистому полю, а стрѣлять раба, такого-то, отъ скорой болѣзни, отъ доспѣшки, отъ осудища, отъ отъ чернаго волоса, отъ бѣлаго волоса, отъ русаго волоса, отъ темнаго волоса, и отъ всякаго нечистаго взгляда. Пойду, зайду я рабъ, такой-то, въ домъ къ красной дѣвицѣ, у ней топится свѣча восковая, за темьяномъ, за ладономъ, за кутьей. По прошу я у красной дѣвицы здоровья отъ доспѣшки, отъ вешней, полувешеней, отъ лѣтней, полулѣтней, отъ осенней, полуосенней, отъ зимней, полузимней, отъ земляной доспѣшки, водяной доспѣшки, вѣтряной доспѣшки, отъ стрѣчника и порѣчника.

60. Заговоръ на отстуду между мужемъ и женою.

Стану я, не благословясь, пойду не перекрестясь, не дверьми, не воротами, а дымнымъ окномъ да подвальнымъ бревномъ, положу шапку подъ пяту, подъ пяту, не на сыру землю, не на сыру землю да въ черной чоботъ; а въ томъ чоботу побѣгу я въ темной лѣсъ, на большо озрищо, въ томъ озрищѣ плыветъ челнище, въ томъ челнище, сидитъ чортъ съ чертицей; швырну я съ подъ пяты шапку въ чертища. Что ты чертище, сидишь въ челнищѣ, съ своей чертицей? Сидишь ты чертище прочь лицемъ отъ своей чертици; поди ты, чертище къ людямъ въ пепелищѣ, посели чертище свою чертицу такому-то въ избищѣ, а въ той избищѣ, не какъ ты, чертище, со своей чертицей живутъ людища мирно, любовно, другъ друга любятъ, чужихъ не невидятъ. — Ты чертище вели чертищѣ, чтобъ она чертица, разспустила волосища; какъ жила она съ тобой въ челнищѣ, такъ жилъ бы такой-то со своей женой въ избищѣ. Чтобъ онъ ее не навидѣлъ. Не походя, не поступя, разлилась бы его ненависть по всему сердцу, а у ней по тѣлу неугожество, не могла бы ему ни въ чемъ угодить и опротивила бы ему своей красотой, омерзела бы ему всѣмъ тѣломъ. Какъ легко мнѣ будетъ отступить отъ тебя, какъ легко достать шапку изъ озерища; тебѣ чертицу хранить шапку въ озерищѣ, отъ рыбы, отъ рыбака, отъ злаго колдуна.

чтобы не могли ее ни рыбы съѣсть, ни рыбакъ достать, ни злой колдунъ отколдовать, на миръ и на ладъ. И вмѣсто рукописи кровной отдаю тебѣ я слюну.

61. Заговоръ на удачную ловлю звѣрей.

Встану я, рабъ такой то, благословясь и перекрестясь, чистой водой умоюсь, шитымъ бранымъ полотеничкомъ утрусь, пойду изъ избы, со отцомъ прощусь, съ матерью благословлюсь. Пойду изъ избы въ двери, изъ дверей въ сѣни, изъ сѣней на крылечко, съ крылечка по лѣсницѣ въ чистое поле, въ твердые заводы, въ восточную сторону, во темные лѣса, подъ ясную зорю, подъ красное солнце, подъ свѣтлый мѣсяцъ, подъ частыя звѣзды! Ясной зорей одѣнусь, краснымъ солнцемъ опояшусь, частыми звѣздами опотычусь; пойду я, рабъ такой-то, со своимъ желѣзнымъ кляпцомъ въ тѣмные лѣса, въ восточную сторону, въ чистое поле, а въ томъ чистомъ полѣ лежитъ бѣлъ горючь камень, стану я, рабъ такой-то, къ востоку лицемъ, къ западу хребтомъ, на всѣ четыри стороны поклонюсь. Пособите и помогите вы мнѣ, рабу такому-то, за охотою ходити, бѣлыхъ и сѣрыхъ зайцовъ ловити; куницъ, и лисицъ, и сѣрыхъ волковъ, дорогихъ звѣрей рысей загоняти и залучати, чтобы бѣжали по своей ступи и по своей тропѣ, безопасно, на сторону не отмятывались и взадъ не ворочались. И сохраните меня, раба такого-то, съ моимъ желѣзнымъ кляпцомъ отъ урока и призора, отъ стрѣшника и поперешника, отъ колдуна, и отъ вѣдуна, и отъ повѣтра, отъ двоезубыхъ и троезубыхъ, отъ двоеженныхъ и троеженныхъ, отъ кривыхъ и слѣпыхъ, отъ русоволосыхъ и бѣловолосыхъ, и черноволосыхъ, и отъ пустоволосыхъ, отъ дѣвки и отъ парня, чтобы имъ меня не испорчивать. Поставьте около меня три тына, тынъ желѣзной, а другой мѣдной, третей булатной; замки замкнитесь, отнеситесь ключи и замки; чтобы эти ключи лежали тамъ безопасно, какъ ели къ хвоя, такъ къ кляпцамъ желѣзо! А мнѣ, рабу такому-то, скокъ крѣпокъ и жестокъ! Въ синемъ морѣ синій камень, въ черномъ морѣ черной камень, въ бѣломъ морѣ бѣлой камень. Сей мой заговоръ.

62. Заговоръ на тоску доброму молодцу по красной дѣвицѣ.

Стану я, раба такая-та, благословясь, пойду, перекрестясь, изъ избы въ двери, изъ двора въ ворота, выйду въ чистое поле, въ подвосточную сторону, въ подвосточной сторонѣ стоитъ изба, среди избы лежитъ доска, подъ доской тоска. Плачетъ тоска, рыдаетъ тоска, бѣлаго свѣта дожидается! Бѣлый свѣтъ красно солнышко дожидается, радуется и веселится! Такъ меня, рабу такую-то, дожидался, радовался и веселился, не могъ бы безъ меня ни жить, ни быть, ни пить, ни ѣсть; ни на утренней зорѣ, ни на вечерней; какъ рыба безъ воды, какъ младенецъ безъ матери, безъ материна молока, безъ материна чрева, не можетъ жить, такъ бы рабъ, такой-то, безъ рабы, такой-то, не могъ бы жить, не быть, ни пить, ни ѣсть, ни на утренной зорѣ, ни на вечерній, ни въ обыденъ, ни въ полдень, ни при частыхъ звѣздахъ, ни при буйныхъ вѣтрахъ; ни въ день при солнцѣ, ни въ ночь при мѣсяцѣ. Впивайся тоска, въѣдайся тоска въ грудь, въ сердцѣ, во весь животъ рабу, такому-то, разростись и разродись по всѣмъ жиламъ, по всѣмъ костямъ ноетой и сухотой по рабѣ, такой-то.

63. Заговоръ отъ грыжи.

Стану я рабъ, такой-то, благословясь, пойду, перекрестясь, изъ дверей въ двери, изъ воротъ въ ворота, въ чисто поле, въ подвосточную сторону, къ морю къ Окіану, въ морѣ Окіанѣ лежитъ Алатырь камень, на томъ камнѣ Алатырѣ стоитъ домъ. Попрошу, я рабъ, такой то, здоровья, объ такой-то болѣзни, объ наличномъ мясѣ, отъ грызоты, отъ болеты, отъ ломоты. Бѣжитъ рѣка огненная, чрезъ огненную рѣку калиновой мостъ, по тому калинову мосту идетъ старъ матеръ человѣкъ; несетъ въ рукахъ золотое блюдечко, серебрено перышко, мажетъ у рабѣ, такой-то, семдесятъ жилъ, семдесятъ костей, семдесятъ суставовъ; збавляетъ съ раба, такого-то, семдесятъ болѣзней. Не боли, и не ломи, и не отрыгай, и не откидывай, и ни на концѣ, ни на вѣткѣ никогда.

64. Заговоръ на остуду между молодцомъ и дѣвицей.

Какъ мать быстра рѣка Волга течетъ какъ пески со песками споласкиваются, какъ кусты со кустами свиваются, такъ бы рабъ, такой-то, не водился съ рабой, такой-то, ни въ плоть, ни въ любовь, ни въ юность, ни ярость; какъ въ темной темницѣ и въ клевницѣ, есть нѣжить простоволоса, и долговолоса, и глаза выпучивши; такъ бы раба, такая-та, казалась рабу, такому-то, простоволосой и долговолосой, и глаза выпучивши; какъ у кошки съ собакой, у собаки съ россомахой, такъ бы у раба, такого-то, съ рабой, такой-то, не было согласья ни днемъ, ни ночью, ни утромъ, ни въ полдень, ни въ пабѣдокъ. Слово мое крѣпко.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Старыя записки взяты изъ лѣтоп. Рост. и Кениг. Рук. листъ 103, 105, 106.

2. Это единственный разсказъ, открывающій слѣды Русской Миѳологіи. Вѣрованіе Скандинавовъ живо отражается въ Кудесникахъ Ростовскихъ.

3. Ворожба Чудскаго Кудесника указываетъ прямо на Финское происхожденіе. См. Вѣст. Евр. 1828 г. № 13, стр. 1.

4. Ист. Гос. Рос. Кар. т. V, прим. 252.

5. Тамъ же, т, VI, прим. 324.

6. Русск. Вивліоѳ. Н. Н. Полеваго т. 1. стр. 29.

7. Въ Царскихъ предложеніяхъ, для рѣшенія которыхъ составленъ былъ Стоглавый Соборъ, были вопросы: 22 о колдованіи и гаданіи, 24 объ Ивановѣ днѣ, 25 о кличкѣ на Радуницѣ, 26 о Четверговой соли, 27 о ворожбѣ въ понедѣльникъ послѣ Петрова поста.

8. Издатели Законовъ В. К. Іоп. В. и Судебника помѣстили этотъ паказъ, подъ именемъ *выписи* 1552 г. на стр. 113.

9. Ист. Гос. Рос. Кар. т. IX, прим. 268.

10. Моск. Телегр. 1833 г. ч. 52, стр. 311.

11. Ист. Гос. Рос Кар. т. IX, стр. 216.

12. Сказ. Курб. ч. 11, стр. 112.

13. Сказ. Курб. т. 1, стр. 101.

14. Сказ. Курб. т. 1, стр. 102.

15. Ист. Гос. Рос. Кар. т. IX, стр. 194.

16. Сказ. Курб. т. 1, стр. 133.

17. Сказ. Курб. т. 1, стр. 33.

18. Сказ. кн. Курб. т. II, стр. 53.

19. Ист. о Зат. Бояр. Матв. стр. 11, 161, 162.

20. Очень многаго о Чернокнижіи мы не помѣстили здѣсь; однѣ свѣдѣнія оставлены нами потому, что еще будемъ объ нихъ говорить, а о другихъ не говоримъ за излишествомъ.

21. Ист. Гос. Рос. Кар. т. IX, стр. 328.

22. Смотри въ концѣ книги дополненіе № 1.

23. Смотри въ концѣ книги дополненіе № 2.

24. Le magicien Lexilis, qui florissait à Tunis, était fort mauvais prisonnier. V: Chroniques et contes de Mouchenberg. Ancienne Chronique de la Odre. Jaques Meyer. Cardan dans ses contes.

25. Понятія Русскаго народа о Лихорадкахъ заимствованы отъ Павликіанъ. Православною Церковію были преданы проклятію: *Вопросы къ Богородицѣ о недузѣ Естественномъ, еже имянуется трясавица.* См. Іоанна, Экз. Булгарскаго, изд. *Калайдовичемъ.*—стр. 210.

26. Этотъ заговоръ выписанъ изъ комедіи: *Чародѣйство, или дядя обманувшійся колдунъ, стр.* 51 *Москва* 1831 *года.*

27. Послѣдніе семь заговоровъ были сообщены г. Парихинымъ.

СКАЗАНІЯ
О
ЧАРОДѢЙСТВѢ.

1. Чары на вѣтеръ.

Чары на вѣтеръ извѣстны были въ Русскомъ Чернокнижіи еще въ XVI столѣтіи. Курбскій, участникъ славы Царя Іоанна IV Васильевича, описывая Казанскую битву, говоритъ, что Казанскіе Татары, желая очаровать Русскую рать, навѣвали вѣтры съ своей стѣны. Люди, незнакомые съ Русскою семейною жизнію, до сихъ поръ обвиняютъ Курбскаго за это извѣстіе. Чтобы увѣриться — дѣйствительно ли существуютъ чары на вѣтеръ, стоитъ только заговорить съ первымъ Русскимъ селяниномъ, и сотни примѣровъ будутъ предъ глазами. Въ селахъ говорятъ, что какой-то пчельникъ научилъ Чародѣевъ такому ремеслу, когда отроившіяся пчелы улетали къ сосѣдямъ; но, разсматривая примѣненія чаровъ на вѣтеръ къ разнымъ случаямъ, видно, что они были занесены къ намъ съ чужой стороны. Кажется, безъ всякаго сомнѣнія, можно предполагать, что чары на вѣтеръ изобрѣтены Казанскими Чародѣями.

Чары на вѣтеръ составляютъ жестокую месть въ оскорбленіи. Желая отомстить своему врагу, поселяне отправляются къ Чародѣю, разсказываютъ свою обиду, просятъ его почаровать на вѣтеръ. Чародѣй, получивши подарки: вино, деньги, холстину, спрашиваетъ: «Въ какой сторонѣ живетъ твой супостатъ?» — «Вотъ въ этой-то сторонкѣ, говоритъ обиженный, живетъ мой супостатъ!» — Выходятъ вмѣстѣ на дорогу и оба смотрятъ: есть ли туда попутный вѣтеръ? Если есть вѣтеръ, тогда приступаютъ къ совершенію обряда. Обиженный поселянинъ беретъ съ дороги снѣгъ или пыль, смотря по времени года, и отдаетъ съ поклономъ Чародѣю. Этотъ принявши пыль, бросаетъ на вѣтеръ, приговаривая проклятіе:

«Кулла, Кулла! Ослѣпи такого-то, черные, вороные, голубые, каріе, бѣлые, красные очи. Раздуй его утробу толще угольной ямы, засуши его тѣло тоньше луговой травы. Умори его скорѣе змѣи мѣдяницы!»

Проговоривши проклятіе, Чародѣй глубоко задумывается, потомъ разсказываетъ: видъ, примѣты, мѣсто — куда долетѣли его чары; увѣряетъ, какъ корчило этого человѣка; какъ онъ лишался зрѣнія; какъ раздувался своею утробою; какъ началъ чахнуть; какъ теперь томится недугомъ смертнымъ.

Поселяне убѣждены, что если ихъ врагъ попадется подъ проклятіе Чародѣя, то онъ непремѣнно будетъ жертвою чарованія. Но, какъ этого на самомъ дѣлѣ не бываетъ, то всегда утѣшаютъ себя тѣмъ, что на эти чары попался посторонній человѣкъ, сходный лицемъ и всѣми примѣтами съ его врагомъ. Вѣроятно, что извиненія высказываются напередъ самими чародѣями, въ оправданіе своего обмана. Довѣренность и настроенное воображеніе къ чудесамъ составляютъ основу всякаго чарованія. Знавши простоту поселянъ, ихъ довѣренность ко всему чудесному, мы не должны удивляться, что они позволяютъ себя обманывать Чародѣямъ. Мнѣ извѣстны многія усилія, предпринимаемыя для истребленія сего обмана, но къ сожалѣнію, увеличившія еще болѣе увѣренность простодушныхъ въ дѣй-

ствительности этихъ чаръ. Кажется, что все это происходитъ отъ того, что благодѣтельные помѣщики не знаютъ: какъ вооружиться противъ этого зла? Справедливое удовлетвореніе обиды, вниманіе къ бѣдствію — могутъ навсегда истребить вѣрованіе въ чары на вѣтеръ. Русской поселянинъ тихъ и спокоенъ, добръ отъ природы, понятливъ до послѣдней возможности. Случись съ нимъ бѣдствіе, онъ лишается этихъ наслѣдственныхъ доблестей, и тогда-то предается съ полною довѣренностію въ распоряженіе обманщиковъ.

2. Чары на слѣдъ.

Чары на слѣдъ употребляются едва ли не во всѣхъ селеніяхъ. Вѣрованіе поселянъ такъ къ нимъ безгранично, что никто не можетъ ихъ разувѣрить. Человѣкъ, подвергшійся этому чарованію, почитается отъ всѣхъ погибшимъ, недоступнымъ ко всякому исцѣленію. Трудно рѣшить: когда забрело на Русскую землю это чарованіе? Что оно не Русское созданіе, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Люди, занимающіеся этимъ ремесломъ, суть: Цыгане, Литовцы, Татары, Молдованы, сельскіе Русскіе коновалы, бродящіе по Русскимъ селеніямъ съ предложеніемъ услугъ, всегда остающихся въ накладѣ простодушнымъ поселянамъ. *Спрашивай бывалаго* — Русское повѣріе — составляетъ причину всѣхъ сельскихъ бѣдствій. Разспрашивая бывалаго о чужеземныхъ диковинкахъ, поселяне всегда стараются выпытывать, всѣми возможными средствами, объ отвращеніи бѣдствій. И здѣсь-то бывалый, какъ опытный обманщикъ, научаетъ глупостямъ всякаго рода.

Чары на слѣдъ есть ничто другое, какъ обыкновенная болѣзнь, извѣстная въ медицинѣ подъ именемъ: *Старческаго увяданія* — Marasmus. Человѣкъ сохнетъ, теряетъ съ каждою минутою жизненныя отправленія, лишается умственныхъ способностей, и въ истощеніи постепенномъ, медленномъ, умираетъ. Поселяне, непонимающіе свойства болѣзней, приписываютъ это болѣзненное состояніе чарамъ на слѣдъ.

Въ селеніяхъ чары на слѣдъ употребляются: въ любовныхъ интригахъ, во размолвкѣ сосѣдей, въ явной, непримиримой враждѣ. Въ первыхъ двухъ случаяхъ будто они нагоняютъ только вѣчную тоску, отвращеніе отъ занятій, и неизбѣжную смерть; въ послѣднемъ же случаѣ, кромѣ тоски, изсушаютъ человѣка до послѣдней возможности, и доводятъ не рѣдко до самоубійства. Вотъ основное вѣрованіе поселянъ въ чарованіе.

Поселяне, предпринимающіе совершать чары на слѣдъ, стараются подмѣтить слѣдъ проходящаго человѣка, своего непримиримаго врага. Замѣтивши слѣдъ, они закрываютъ его, чтобы посторонніе не истребили. Чародѣи считаютъ тѣ только лучшими слѣды, которые были напечатлѣны: на пескѣ, пыли, грязи, росѣ, снѣгѣ, и въ особенности тѣ, на которыхъ есть волосы животныхъ и людей. Это условіе, кажется, выдумано, по необходимости, для оправданія обмана. Призванный Чародѣй такъ искусно отдѣляетъ слѣдъ, что онъ представляетъ какъ бы слѣпокъ со ступени. Для этого они употребляютъ широкій ножикъ, какъ говорятъ они же, окровавленный вихремъ. Надъ снятымъ слѣпкомъ читаютъ тайно заговоры. Когда обиженный требуетъ только нанесенія тоски, тогда Чародѣи прячутъ слѣдъ или подъ матицу, или подъ князекъ; когда же обиженный требуетъ смертельнаго отмщенія, тогда онъ, въ глухую полночь, сжигаетъ слѣдъ въ бани.

Зло, совершенное Чародѣями надъ подвергшимся этому чарованію, можетъ быть и уничтожено. Замѣтивши тоску, поселяне призываютъ или *Доку*, или *Вѣдуна*, или *Знахаря*, и просятъ его, съ подарками, избавить больнаго отъ недуга. Дока, рѣшившійся помогать, прежде всего осматриваетъ матицу, потомъ князекъ, пересчитываетъ волосы. Поселяне слѣпо вѣрятъ, что докамъ извѣстно: сколько у каждаго человѣка есть волосъ, и что вылезающіе волосы всегда падаютъ подъ слѣдъ. Если они найдутъ слѣдъ и замѣтятъ въ немъ волосы, тогда обѣщаютъ избавленіе. Когда же обѣщаніе не сбывается, тогда увѣряютъ, что замѣченные ими въ слѣдѣ волосы, вѣроятно, принадлежали другому. Это условіе есть

приготовленное оправданіе для неудачи. Дока выноситъ найденный слѣдъ на улицу и бросаетъ на дорогу, по направленію вѣтра. Этимъ самымъ сгоняется тоска. Когда Дока не отыщетъ слѣда, тогда предлагаетъ больному сжечь бѣлье подъ Благовѣщеніе, увѣряя, что только это средство избавитъ его отъ недуга.

Всякой благомыслящій человѣкъ, конечно, будетъ сожалѣть о заблужденіи поселянъ, и безъ сомнѣнія, пожелаетъ истребленія этого повѣрія. Что чары на слѣдъ есть обманъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Кто, кромѣ помѣщиковъ, и приходскихъ священниковъ, можетъ истребить это зло? На нихъ основывается надежда въ исполненіи общаго желанія!

3. Чары для колѣкъ.

Чары для колѣкъ должны обращать особенное вниманіе помѣщиковъ по своему злоупотребленію въ семейной жизни. Простолюдинъ рѣшительно вѣритъ, что колѣки, люди, обезображенные разными болѣзнями, суть несчастливцы, очарованные Доками, Вѣдунами. Можно ли придумать нелѣпѣе сего заблужденія? Русской поселянинъ, при взглядѣ на колѣкъ, сожалѣетъ объ нихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и страшится, предполагая въ ихъ тѣлѣ присутствіе *нечистой силы*. Не льзя обвинять поселянина за это послѣднее предположеніе: достовѣрныя извѣстія объ изуродованіи людей могутъ приводить всякаго въ содроганіе. Давно ли исчезли въ современной нашей городской жизни толпы слѣпыхъ, подводы съ изуродованными людьми? До сихъ поръ еще скитаются они по селеніямъ, до сихъ поръ еще проказы ихъ существуютъ. Не говоря о явномъ изуродованіи людей, совершаемомъ слѣпыми и колѣками, для благовиднаго собиранія милостыни, чары для колѣкъ дѣйствительно находятся въ Русскомъ Чернокнижіи. Чтобы увѣрить себя, что они занесены въ нашу родину съ чужой стороны, разсмотримъ совершеніе самаго обряда. Это только одно можетъ доказать, что Русской поселянинъ не былъ ихъ изобрѣтателемъ.

Чародѣи, для совершенія своего обряда, берутъ *землю* съ свѣжей могилы, вынимаютъ *золу* изъ семи печей, собираютъ *соль* изъ семи избъ. Все это смѣшиваютъ вмѣстѣ, или зашиваютъ въ онучи, или въ чулки, или кладутъ въ лапти вмѣсто подстилки. Безъ всякаго сомнѣнія, что участникомъ такого обряда долженъ быть кто нибудь изъ семейныхъ, или близкихъ людей. Тотъ, кому обречено это снадобье лишается употребленія ноги. Въ этомъ заключается совершеніе чаровъ для колѣкъ.

Объяснить это чародѣйство можно очень просто. Земля, взятая съ свѣжей могилы, всегда заключаетъ въ себѣ или частицы селитреныя, или известковыя, но въ смѣшеніи съ золою и солью образуетъ такой химическій составъ, который легко можетъ поглощать въ себя испаренія и сообщать ихъ другимъ тѣламъ. Такой составъ, сообщенный съ ногою, весьма скоро поглощаетъ ножную испарину, и будучи растворимъ его, овлажнваетъ, такъ сказать, своею сыростію соприкосновенныя части. Если при этомъ обратимъ вниманіе на способность человѣческой организаціи всасывать влажность, то легко увѣримся, что составъ Чародѣевъ для колѣкъ основанъ на всасываніи испареній, и, что въ слѣдствіе этого неизбѣжно долженъ образоваться: *искуственный ревматизмъ*. Простолюдинъ, не понимая законовъ природы, не вѣруя въ ревматизмы, всегда будетъ увѣрять, что то дѣлаютъ злостные мертвецы, ненавидящіе живущихъ людей, за то, что они, будто бы на перекоръ судьбы, остаются въ замѣнъ ихъ наслаждаться мірскими удовольствіями.

Военные врачи, въ мирное время, должны обращать особенное вниманіе на ревматизмы. Солдаты, желая избавиться отъ службы, добровольно подвергаются чарамъ для колѣкъ.

Невозможно допустить чтобы Русскій поселянинъ, чуждый химическихъ свѣдѣній, могъ быть изобрѣтателемъ искуственнаго ревматизма — или чаровъ для колѣкъ. Если есть изъ Русскихъ, занимающихся этимъ промысломъ, то, вѣроятно, что они исполь-

няютъ это по преданію, безъ всякаго понятія о законахъ химическаго соединенія, безъ знаній о дѣйствіи веществъ на человѣческое тѣло. Послѣ сего мы смѣло можемъ оказать: чары для колѣкъ есть изобрѣтеніе чужеземное, занесенное въ Рускую землю. Доселѣ еще остаются темныя понятія о кликушахъ, которыхъ всегда выдаютъ за бѣснующихся. Но и это есть болѣзнь: *искуственная Истерика.* Кровогонительныя средства, нарушая отправленіе женскихъ органовъ, возвышая раздраженіе нервной системы, образуютъ такое искуственное состояніе *Нервнаго Электричества*, что врачи ни какъ не могутъ подвести болѣзни этого рода подъ обыкновенные законы происхожденія болѣзней. Замѣтимъ еще важное обстоятельство: многіе изъ поселянъ обладаютъ особеннымъ знаніемъ дѣйствія веществъ на человѣческій организмъ, знаніемъ недоступнымъ для врачей. Это-то знаніе облеченное разными таинствами, обрядами, обманами всегда употребляется ими во зло. Отъ сего произошло образованіе многихъ искуственныхъ болѣзней.

4. Чары на лошадь

Чары на лошадь, сопровождаемыя глупымъ вѣрованіемъ въ мщеніе мертвецовъ, нашли для себя пріютъ въ сельской жизни. За достовѣрное можно принять, что основателями сего чародѣйства были Цыганы, люди, посвятившіе всю свою жизнь на обманы, особенно при продажѣ лошадей. Кучера, покровители этого обмана, дѣлаются вмѣстѣ и исполнителями чаровъ на лошадь.

Чтобы совершить надъ лошадьми чары, поселяне, по совѣту Чародѣевъ, вытаскиваютъ изъ гробовъ гвозди, бросаютъ ихъ въ конюшни, и тамъ, гдѣ это будетъ сдѣлано, лошади лишаются ногъ.

Въ этомъ чародѣйствѣ еще болѣе видно ослѣпленіе черни. Гвоздь, хотя бы онъ былъ взятъ прямо изъ кузницы, легко можетъ вонзиться въ ногу животнаго, и тѣмъ лишить его употребленія ноги. Обманщики прикрыли это зло таинственнымъ повѣріемъ, основаннымъ на мщеніи мертвецовъ.

Пастухи изъ ненависти къ владѣльцамъ домашнихъ животныхъ, вбиваютъ въ ноги лошадей, коровъ, овецъ деревянные гвозди, сдѣланные изъ осколковъ гробовыхъ досокъ. Отъ этой жестокой операціи невинное животное хромаетъ, получаетъ раны и умираетъ. Обманщикъ увѣрившій простолюдина повѣріемъ, что покойникъ, приходя ночью вытаскивать гвоздь, ломаетъ ноги животнымъ, доставляетъ всѣ способы для зла. Отклоняя отъ себя постыдное дѣйствіе, простолюдинъ воображаетъ, что причиною сдѣланнаго зла бываютъ посторонніе люди.

Конечно, никто не будетъ считать этотъ поступокъ за чародѣйство; но онъ существуетъ въ сельской жизни, и столько причиняетъ вреда, какъ и самая опустошительная болѣзнь. Поселянинъ самъ собою, не рѣшается на эти чары безъ содѣйствія Чародѣя.

5. Чары на подтекъ.

Чары на подтекъ принадлежатъ болѣе къ домашнимъ бѣдствіямъ, нежели къ чудесамъ, неизъяснимымъ ни законами природы, ни понимаемымъ разсудкомъ. Въ селахъ есть повѣріе, что такимъ чарованіемъ обладаютъ мѣльники.

Мѣльникъ Русской для своего заведенія бываетъ вмѣстѣ и механикомъ и гидравликомъ. Плотина для мельничнаго пруда есть верхъ его искуства, предметъ зависти сосѣдей, и вмѣстѣ укоризна для соперниковъ по ремеслу. Люди ненавистные придумали разрушать плотины, устроиваемыя въ теченіе многихъ лѣтъ. Чародѣи явились съ своими услугами и образовали чары на подтекъ, содержимыя въ большой тайнѣ. Призванные злобнымъ мѣльникомъ, они бросаютъ въ прудъ змѣиное молоко. Поселянинъ вѣритъ, что это такъ, какъ увѣряетъ его Знахарь своего дѣла. Но змѣиное молоко Чародѣя есть — *живая ртуть.* Кромѣ змѣинаго молока, Чародѣи совѣту-

ютъ бросать въ осминномъ мѣшкѣ золу по зарямъ вечернимъ и утреннимъ, увѣряя, что зола выгоняетъ изъ пруда Водянаго Дѣдушку. Чернь слѣпо вѣритъ и въ зори и въ Водянаго.

Могутъ ли Чародѣи разрушить этими средствами плотину, рѣшить невозможно; но, что это зло, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Облекая его миѳами и чудеснымъ разсказомъ о выходѣ Водянаго изъ воды—обманщики обольстили простодушныя сердца поселянъ, часто недоступныя къ состраданію.

6. Чары надъ змѣею.

Чары надъ змѣею изобрѣтены любовными необходимостями. Простодушнымъ кажется всегда возможнымъ преклонить человѣческое сердце къ любви *неволею*. Недовольствуясь одними заговорами, они прибѣгали къ чарованію, и знахари явились предъ ними съ чарами. Востокъ древней жизни, изобрѣтатель чарованій, распространилъ любовныя чары по всему свѣту. Невѣжество людей приняло съ восторгомъ обольщеніе старой жизни, украшенное восторженными разсказами, роскошною жизнію. Русская земля получила всѣ любовныя чарованія отъ Грековъ, съ первыхъ дней сношенія съ этимъ народомъ.

Главное основаніе чаровъ надъ змѣею заключается въ суевѣрномъ вѣрованіи въ нечистую силу. Обманщики успѣли внушить народу, что сопротивленіе противъ нечистой силы есть явная вражда, всегда сопровождаемая человѣческими несчастіями. Не понимая, что источники всѣхъ семейныхъ несчастій заключаются въ собственной порочной жизни, люди приписали ихъ духамъ. Простодушная дѣвушка, увѣренная коварною старухою, что она обворожена, что чары совершены надъ нею для любви такого-то, вѣритъ безпрекословно и предается въ руки обманщиковъ. Неудивительно, что отъ этого вѣрованія, ничтожныя затѣи Знахарей, содѣлались доступными для семейной жизни.

Чародѣи, призванные для совершенія чаровъ надъ змѣею, вручаютъ деревянную рагульку, могущую, по ихъ увѣренію, укрощать змѣй, и отсылаютъ въ лѣсъ искать змѣю. Когда нападутъ на это животное, должно рагулькою придавить его къ землѣ. Въ это время надобно стараться продѣть сквозь змѣиные глаза иголку съ ниткою, и говорить:

«Змѣя, змѣя! какъ тебѣ жалко своихъ глазъ, такъ чтобы раба, такая-то, любила меня и жалѣла.»

Потомъ, когда бываетъ вмѣстѣ съ любимымъ предметомъ, должно продѣть этою иглою съ ниткою платье такъ, чтобы этого никто не замѣтилъ. Въ противномъ же случаѣ чары остаются ничтожными. Когда это будетъ приведено въ исполненіе, тогда начинается любовь, и продолжается дотолѣ, пока будетъ находиться нитка въ платьѣ.

Кромѣ этого, влюбленный долженъ взять съ собою змѣю, вытопить изъ нея сало и сдѣлать свѣчу, которую носить съ собою. Если онъ будетъ замѣчать охлажденіе въ любви, тогда должно зажечь змѣиную свѣчу и любовь снова возгорится. Когда же вся сгоритъ свѣча—тогда любовь на вѣки простываетъ.

Чары надъ змѣею совершаются во многихъ Русскихъ селеніяхъ, хранятся съ большею тайною и покупаются дорогою цѣною.

7. Чары надъ лягушкою.

Чары надъ лягушкою принадлежатъ къ любовнымъ чарованіямъ и занесены въ Русскую землю съ Востока. Приворотить сердце дѣвушки казалось нашимъ предкамъ дѣломъ сверхъ-естественнымъ, выходящимъ изъ круга семейной жизни, недоступнымъ для ихъ разумѣнія. При такихъ ограниченныхъ понятіяхъ легко было обманщикамъ усвоить себѣ власть надъ простодушными сердцами.

Влюбленный, желая обладать *красой дѣвичьей*, всегда прибѣгаетъ къ Знахарю за

совѣтами — *пособить своей тоскѣ*. Знахарь приказываетъ ему выходить утренними зарями къ озерамъ и ловить лягушекъ парныхъ. Если онъ успѣетъ схватать парныхъ лягушекъ, то долженъ положить ихъ въ продыравленный кувшинъ, и бѣжать неоглядываясь, до первой муравьиной кочки, и тамъ его зарыть. Послѣ этого онъ долженъ бѣжать, также не оглядываясь, до своего дома. Если онъ обернется или будетъ прислушиваться къ шуму, визгу, крику — то нечистая сила можетъ его сокрушить. Народъ думаетъ, что нечистая сила по неволѣ должна сообщать чарованіе костямъ парныхъ лягушекъ, но если неопытный будетъ оглядываться, то она жестоко мститъ за невольное отторженіе силы чародѣйства. Поселяне говорятъ, что очень рѣдко случается, чтобы кто либо устоялъ противъ искушеній и сберегъ такую заповѣдь. Притомъ часто случается, что посторонніе люди, научаемые нечистою силою, крадутъ кости парныхъ лягушекъ. Влюбленный идетъ на третій день къ муравьиной кочкѣ, раскапываетъ и находитъ *вилку и крючекъ*. Эти орудія дѣлаютъ чудеса въ любви. Если хочешь кого заставить по неволѣ любить себя, то стоитъ только зацѣпить дѣвушку этимъ крючкомъ — и желаніе увѣнчано. Если же дѣвушка становится въ тягость — то стоитъ только оттолкнуть вилкою — и она на всю жизнь остается равнодушною къ самой горячей любви.

Для благомыслящаго человѣка чары надъ лягушкою есть совершенной вздоръ; но поселянинъ не только безусловно вѣритъ этому, но и съ большею готовностію обращается къ нимъ. Очевидно, что это само по себѣ безвредно, но оно гибельно для дѣятельности сельской. Часто простолюдинъ по цѣлымъ годамъ бываетъ занятъ этою одною мыслію, забывая свои обязанности.

8. Чары надъ голубинымъ сердцемъ.

Чары надъ голубинымъ сердцемъ равно утѣшаютъ и молодымъ и старыхъ. Молодые люди вѣрятъ, что голубиное сердце есть вѣрная дорога къ любви, старые же полагаютъ, что съ такимъ сердцемъ можно привлечь къ себѣ расположеніе отъ всѣхъ людей и на всю жизнь. Разсматривая благоговѣйное уваженіе нашихъ поселянъ къ голубямъ, невозможно было бы и думать, что изъ нихъ составляется чарованіе. Греки и Римляне прибѣгали въ своихъ надобностяхъ къ голубямъ. Не есть ли это чужеземный подарокъ нашимъ поселянамъ? Альбертъ въ своемъ сочиненіи о таинствахъ — сказалъ: Si tecum habueris cor columnis, omnes te ament. Слѣдовательно это повѣріе занесено на Русскую землю съ Запада.

Русскіе поселяне, для совершенія чаровъ надъ голубинымъ сердцемъ, выбираютъ голубей бѣлыхъ, преимущественно голубя и голубку. Разрѣзывая внутренности, они вынимаютъ сердца, обмываютъ въ водѣ и потомъ засушиваютъ въ печи. Эти сердца, высушенныя и завязанныя въ холстину, поселяне и поселянки носятъ близъ своего сердца. Въ этомъ заключается весь обрядъ чарованія. Въ деревняхъ онъ почитается непроницаемою тайною, и переходитъ отъ отца къ сыну. Тѣ, которые не рѣшаются сами совершить обрядъ, изъ уваженія къ голубямъ, подкупаютъ людей бывалыхъ — цыганъ, коноваловъ и старушекъ лечеекъ.

Голубиное сердце, принимаемое за чародѣйство, входитъ въ составъ леченія. Старушки лечейки толкутъ голубиное сухое сердце, даютъ пить по утреннимъ и вечернимъ зарямъ дѣтямъ, страждущимъ злыми недугами — корчами. Поселяне вѣрятъ, что отъ этого уничтожаются злые недуги.

Злобные старики и отвратительныя старухи, изъ ненависти къ супружеской любви молодыхъ людей, похищаютъ очарованныя голубиныя сердца, сжигаютъ въ банѣ, съ намѣреніемъ расторгнуть мужа и жену. Но дальновидныя поселянки придумали и противъ этого зла средство: они, въ свою очередь, крадутъ рубашки этихъ людей, жгутъ ихъ, а пепелъ кладутъ подъ порогъ, на попираніе всѣмъ проходящимъ людямъ

9. Чары надъ змѣями и лягушками.

Въ Русскихъ селеніяхъ почитаютъ за достовѣрное—возможность переселенія змѣй и лягушекъ не только въ дворы, дома, житницы—но и въ живыхъ людей. Казалось, что это мнѣніе, какъ вздорное, не заслуживаетъ и упоминанія; но, какъ оно дѣйствительно существуетъ и притомъ въ превратномъ видѣ, и какъ есть самое величайшее зло въ сельской жизни, то здѣсь упоминается изъ одной необходимости, въ предосторожность простодушнымъ поселянамъ.

Чары надъ змѣями и лягушками составляютъ самое отчаянное чарованіе въ Русскомъ Чернокнижіи. Разгнѣванный поселянинъ, ожесточенный до послѣдней возможности, лишенный всѣхъ средствъ къ отмщенію, прибѣгаетъ съ просьбою къ Чародѣю: совершить чары надъ змѣями и лягушками. Это значитъ, что Чародѣй долженъ напустить змѣй и лягушекъ въ дворъ его врага. Уговорившись за дорогую цѣну, Чародѣй исправляетъ просьбу селянина.

Чародѣи совершаютъ этотъ обрядъ слѣдующимъ образомъ: берутъ змѣй и лягушекъ, засушиваютъ въ печи, потомъ толкутъ въ мелкій порошекъ и хранятъ въ сухомъ мѣстѣ. Когда бываетъ кому нужно напустить этихъ животныхъ, они завязываютъ порошекъ въ холстину и кладутъ въ навозъ. По прошествіи извѣстнаго имъ времени, вынимаютъ холстину, въ которой, по ихъ увѣренію, изъ каждой пылинки образуется новое животное. Такихъ-то, едва образовавшихся животныхъ, Чародѣи разбрасываютъ по дворамъ, гдѣ они размножаются до послѣдней возможности.

Къ несчастію человѣчества, есть такіе жестокіе люди, которые рѣшаются поить этимъ порошкомъ своихъ враговъ. Противъ сего зла поселяне употребляютъ свѣжую малину и землянику. Несчастные страдальцы кладутъ вкругъ себя ягоды этихъ растѣній, и животные, гнѣздящіяся въ нихъ, будто выползаютъ.

Обнародывая это зло съ истиннымъ желаніемъ его уничтоженія, мы увѣрены, что сострадательныя сердца обратятъ все свое стараніе къ его искорененію. Этого требуетъ отъ всѣхъ человѣчество.

10. Чародѣйскій травникъ.

Вѣрованіе поселянъ въ травы бываетъ чрезвычайно разнообразное. Кромѣ благодѣтельнаго ихъ вліянія, уничтожающаго болѣзненныя состоянія человѣческаго тѣла, они допускаютъ, что въ травахъ скрывается нечистая сила, вѣдомая только Чародѣямъ. Пересчитываемъ лишь замѣчательныя травы изъ Чародѣйскаго травника.

1. Трава колюка.

Трава *колюка* сбирается Чародѣями въ Петровки, во время вечерней росы, засушивается, хранится въ коровьихъ пузыряхъ и раздается по особенному расположенію птичьимъ охотникамъ. Поселяне думаютъ, что ружье, окуренное этою травою, мѣтко стрѣляетъ и ни одна птица не ускользнетъ отъ его выстрѣла, и что такое ружье нельзя уже заговорить Кудеснику ни какимъ заговоромъ.

2. Адамова голова.

Трава *Адамова голова* находится въ большемъ уваженіи у поселянъ. Чародѣи сбираютъ ее въ Ивановъ день и хранятъ скрытно до великаго Четверга. По народному понятію чародѣйская сила Адамовой головы простирается только на дикихъ утокъ. Охотники, получившіе эту траву изъ рукъ записнаго Чародѣя, окуриваютъ всѣ снаряды, употребляемые ими при ловлѣ утокъ—въ Великій Четвертокъ.

3. Трава Прикрышъ.

Трава *Прикрышъ* собирается Чародѣями въ Великоденской мясоѣдъ, отъ 15 Августа до 1 Октября. Люди, свѣдущіе въ чарованіяхъ, употребляютъ эту траву противъ свадебныхъ наговоровъ. Когда невѣсту привезутъ изъ церкви въ жениховъ домъ, тогда Знахарь забѣгаетъ впередъ, кладетъ

траву Прикрышъ подъ порогъ. Невѣста, предупрежденная напердъ родными о дѣйствіи Знахаря, при входѣ въ домъ должна перепрыгнуть чрезъ порогъ. Если же она наступитъ на эту траву, тогда всѣ наговоры обрушиваются надъ невѣстиною головою: въ противномъ же случаѣ жестокое ихъ дѣйствіе обнаруживается надъ людьми, желавшими несчастія новобрачной четѣ.

4. Сонъ-трава.

Сонъ-трава сбирается Чародѣями въ Маѣ мѣсяцѣ, при желто-голубомъ цвѣтеніи, съ разными наговорами и обрядами. Поселяне полагаютъ, что она обладаетъ пророческою силою — предсказывать соннымъ добро и зло. Собранная Чародѣемъ съ утреннею росою, опущенная въ холодную воду, она вынимается при полнолуніи, и начинаетъ шевелиться. Въ это время поселянки кладутъ Сонъ-траву подъ подушку и засыпаютъ со страхомъ и надеждами. Если быть счастію, тогда въ сонныхъ видѣніяхъ представляется молодая дѣвушка или молодой мужчина; если же быть бѣдѣ, тогда является смерть.

5. Кочедыжникъ.

Кочедыжникъ или *Папоротникъ* срывается подъ Ивановъ день, съ особенными обрядами и заговорами. Сила чародѣйская, по народному понятію, заключается въ цвѣтѣ Кочедыжника; онъ цвѣтетъ только въ ночь подъ Ивановъ день и охраняется нечистою силою. Поселяне подробно описываютъ цвѣтеніе Кочедыжника. Повторимъ ихъ разсказъ:

Въ глухую полночь изъ куста широколистнаго Папоротника показывается цвѣточная почка. Она то движется впередъ и взадъ, то заколышется какъ рѣчная волна, то запрыгаетъ какъ живая птичка. Все это происходитъ отъ того, что нечистая сила старается скрыть отъ людскаго взора дорогой цвѣтъ. Потомъ ежеминутно увеличиваясь и выростая вверхъ, цвѣтетъ какъ горячій уголь. Наконецъ, ровно въ 12 часовъ, съ трескомъ развертывается цвѣтъ, какъ зарница, и своимъ пламенемъ освѣщаетъ около себя и вдали. Въ этотъ самый мигъ является нечистая сила и срываетъ цвѣтъ.

Рѣшившійся сорвать цвѣтъ Кочедыжника, долженъ ранѣе придти въ лѣсъ, отыскать кустъ, очертить кругомъ черту и дожидаться разцвѣта. Онъ долженъ быть твердъ и непоколебимъ противъ нечистой силы, претерпѣть всѣ искушенія, быть равнодушнымъ противъ всѣхъ превращеній нечистой силы. Если онъ оглянется на зовъ, то нечистая сила свертываетъ голову, или задушиваетъ, или одурачиваетъ на всю жизнь. Доселѣ еще въ деревняхъ нѣтъ примѣра, чтобы кто нибудь могъ сорвать цвѣтъ Кочедыжника, кромѣ Чародѣевъ. Цвѣтъ Кочедыжника имѣетъ силу: владѣть нечистыми духами, повелѣвать землею и водою, отыскивать клады, дѣлать невидимкою. Вся эта сила будетъ принадлежать тому, кто содѣлается обладателемъ этого цвѣта. При отысканіи земляныхъ богатствъ, кладокопатели бросаютъ цвѣтъ Кочедыжника вверхъ. Если гдѣ есть кладъ, этотъ цвѣтъ будетъ носиться надъ нимъ, какъ звѣзда, и прямо упадетъ на землю.

6. Трава Тирличъ.

Трава Тирличъ сбирается подъ Ивановъ день на Лысой горѣ, близъ Днѣпра, подъ Кіевомъ. Поселяне думаютъ, что эта трава обладаетъ силою превращенія и достается только въ удѣлъ однимъ Вѣдьмамъ. Изъ Тирлича выжимается сокъ, которымъ натираютъ Оборотни свои подмышки, при совершеніи чаръ. Вѣдьмы, духи-оборотни проницательные, знавши свойство этой травы, стараются истребить ее. Кудесники и Чародѣи дорожатъ Тирличемъ, какъ сокровищемъ.

7. Разрывъ трава.

Разрывъ-трава имѣетъ два названія: *Прыгунъ, Скакунъ*. Это растеніе, столь рѣдко, что люди, только посвящаемые въ таинство Чернокнижія могутъ находить его. Поселяне думаютъ, что тотъ, кто имѣетъ цвѣтъ Кочедыжника, у кого есть корень

*

Плакуна, то всегда можно поздравить съ обладаніемъ этой драгоцѣнной травы.

Чародѣи приписываютъ этой травѣ разныя свойства: разрывать желѣзо, сталь, золото, серебро, мѣдь на мѣлкіе кусочки.

Въ народныхъ преданіяхъ доселѣ есть повѣріе о кладахъ, скрываемыхъ по разнымъ мѣстамъ. Въ старину, говорятъ старики, разбойники зарывали награбленное имущество въ землю на извѣстное число лѣтъ, запирали желѣзными дверьми съ огромными замками, а ключи бросали въ воду. Сила человѣческая недостаточна бываетъ для разрушенія этихъ дверей и замковъ; потому что нечистая сила, которой поручено стеречь кладъ, защищаетъ его своею спиною. Кто же можетъ бороться съ нечистою силою? Русской поселянинъ бѣжитъ отъ такой борьбы. Кладокопатели издерживаютъ большія суммы на полученіе Разрывъ-травы.

8. Трава Плакунъ.

Трава Плакунъ пользуется во всѣхъ деревняхъ и селахъ уваженіемъ и страхомъ. Чародѣи создали объ ней особенный миѳъ, противный религіи, и обставили обрядами, достойными сожалѣнія.

Чародѣи сбирая Плакунъ траву въ Ивановъ день, утреннею зарею, безъ всякихъ желѣзныхъ орудій выкапываютъ ея корень. Простолюдины полагаютъ, что это растеніе обладаетъ удивительною силою: приводить въ страхъ нечистыхъ духовъ, смирять ихъ и приводить въ покорность. Этою силою обладаютъ только корень и цвѣты. Знахари употребляютъ корень Плакуна для изгнанія Домовыхъ Вѣдьмъ и нечистой силы, стерегущихъ клады.

Съ горестію упоминаемъ о суевѣріяхъ нашихъ поселянъ надъ этою травою. Можетъ быть, наши слова дойдутъ до сердецъ благодѣтельныхъ помѣщиковъ, и, можетъ быть, принесутъ пользу истребленіемъ народнаго зла въ вѣрованіе къ этой травѣ. Наши суевѣры до того простерли свою дерзость, что раскрытіе ихъ проказъ невольно приводитъ въ негодованіе. Выкопавши трту Плакунъ съ корнемъ, являются въ церковь, стараются съ сею травою стоять въ алтарѣ, держа въ рукѣ корень, обращенный на Востокъ, Въ это время они произносятъ заговоръ:

«Плакунъ, Плакунъ! Плакалъ ты долго и много, а выплакалъ мало. Не катись твои слезы по чисту полю, не разносись твой вой по синю морю. Будь ты страшенъ злымъ бѣсамъ, полубѣсамъ, старымъ Вѣдьмамъ Кіевскимъ. А не дадутъ тебѣ покорища, утопи ихъ въ слезахъ; а убѣгутъ отъ твоего позорища, замкни въ ямы преисподнія. Будь мое слово при тебѣ крѣпко и твердо. Вѣкъ вѣкомъ!»

Для нихъ бываетъ недовольно этихъ вздорныхъ словъ; они вздумали еще однимъ обрядомъ придать особенную силу этой травѣ, о которомъ невозможно и упоминать.

Чародѣйскій травникъ, занесенный въ Русскую землю изъ Бѣлоруссіи и Польши, говоритъ о многихъ обрядахъ надъ травою Плакуномъ, обрядахъ противныхъ Христіянской Религіи. У записныхъ знахарей травники сохраняются письменные, Польскими буквами. Не умѣя ихъ читать, они точь въ точь произносятъ ихъ, не упуская даже ни одной буквы. Этотъ новый источникъ сельскаго заблужденія, вѣроятно, зашелъ въ наше отечество во время Самозванцевъ. Кто бы не пожелалъ, чтобы эти травники были уничтожены, или по крайней мѣрѣ, чтобы простолюдины увѣрились въ ихъ ничтожности?

9. Трава Нечуй-вѣтеръ.

Трава Нечуй-вѣтеръ, по сказанію Чародѣевъ, растетъ зимою по берегамъ и озерамъ. Простолюдины думаютъ, что тотъ, кто обладаетъ этою травою, всегда можетъ: остановить вѣтеръ на водѣ, избавить себя и судно отъ потопленія, наконецъ ловить рыбу безъ неводовъ. День для собиранія травы Нечуй-вѣтеръ назначается у поселянъ 1-го Января, подъ Васильевъ вечеръ, въ глухую

полночь. Они думаютъ, что въ это время нечистая сила, прогуливаясь по озерамъ и рѣкамъ, бросаетъ траву Нечуй-вѣтеръ для уничтоженія бури. При всемъ томъ люди зрячіе не могутъ находить это растѣніе; одни только слѣпые отъ рожденія чувствуютъ присутствіе его. Когда они наступаютъ на эту траву, тогда ихъ въ слѣпые глаза кто-то колятъ иглами. Если они успѣютъ поднять и схватить не руками, а ртомъ, тогда они обладаютъ ея силою.

Разсматривая возможность полученія этой травы одними только слѣпыми, мы смѣло можемъ сказать, что изобрѣтатели этого чарованія суть слѣпцы, бродящіе по деревнямъ, кочующіе всю жизнь на счетъ ближняго. Довѣренность къ словамъ слѣпыхъ людей и жалкое состояніе привлекли на ихъ сторону сердца простодушныхъ поселянъ. Вотъ гдѣ возникло вѣрованіе въ траву Нечуй-вѣтеръ, принимаемое всѣми поселянами за непреложную истину.

11. Заклинательная пѣсня надъ духами.

Говорятъ, что заклинательныя пѣсни зашли въ Русскую землю изъ Бѣлоруссіи, Польши, Остзейскихъ губерній и Швеціи. Основательныхъ доказательствъ на это нѣтъ, а разсказамъ не вѣрятъ. Безъ сомнѣнія можно полагать, что они представляютъ только собою остатокъ древней Восточной жизни, переходившій всѣ народы и здѣсь дожившій до нашихъ временъ. Пересказываю одну пѣсню.

С. А. Т. О. Р.
А. Р. Е. П. О.
Т. Е. Н. Е. Т.
О. П. Е. Р. А.
Р. О. Т. А. С.

Что значитъ эта пѣсня, досихъ поръ еще никто удовлитворительнаго не сказалъ. Наши поселяне знаютъ только ея слова, но не понимаютъ ея значенія. Говорятъ, чтобы узнатъ истинный смыслъ ея, должно переставитъ всѣ слова по способу извѣстному однимъ заклинателямъ духовъ. Замѣчательно, что эта пѣсня имѣетъ такой складъ въ словахъ, что можно читать: сверху, снизу, съ правой и лѣвой сторонъ, и все будетъ одно и то же.

Заклинательная пѣсня надъ духами вошла въ Русскую Демонологію, и наши Вѣдьмы испытываютъ ея силу въ обрядѣ посвятительномъ. Къ удивленію нашего времени, естъ еще люди, вѣрующіе въ эти бредни, и страшащіеся ихъ дѣйствія.

Антоній Дюбуръ въ сочиненіи своемъ: Dictionnaire des menages — repertoire toutes les connaissances usuelles, Paris 1836, Том. I, pag. 13, говоритъ:

Sator arepo tenet opera rotas. Le laboureur Arepo conduit avec soin la charrue.

S A T O R
A R E P O
T E N E T
O P E R A
R O T A S.

De quelque coté qn'on lise, on retrouve constamment les memes mots.

Въ одномъ сборникѣ Румянцовскаго музеума, писанномъ въ XVII вѣкѣ, на стр. 65, находится изображеніе этихъ словъ, названное:

Сія печаль премудраго Царя Соломона, протолковася отъ мудраго нѣкоего ритора. Толкъ же ея сице расположися, яже здѣ, ниже сего предложися. Зри опасно, увѣждь извѣстно.» Въ срединѣ страницы изображенъ кругъ, въ кругу четвероугольникъ, раздѣленный на шесть квадратовъ, въ каждомъ квадратѣ помѣщено по одной буквѣ, написанной красными чернилами. На оборотѣ страницы въ 25-ти стихахъ приложено объясненіе.

12. Чародѣйская пѣсня Вѣдьмъ.

Чародѣйская пѣсня Вѣдьмъ поется, говорятъ опытные въ Демонологіи, при полетѣ Вѣдьмъ на шабашъ къ Лысой горѣ. Русскія Вѣдьмы вѣрятъ безусловно въ этотъ

вздоръ и стараются въ немъ увѣрять поселянъ. Въ Русской Демонологіи она имѣетъ слѣдующую форму:

А.
А. Б.
А. Б. Р.
А. Б. Р. А.
А. Б. Р. А. К.
А. Б. Р. А. К. А.
А. Б. Р. А. К. А. Д.
А. Б. Р. А. К. А. Д. А.
А. Б. Р. А. К. А. Д. А. Б.
А. Б. Р. А. К. А. Д. А. Б. Р.
А. Б. Р. А. К. А. Д. А. Б. Р. А.
А. Б. Р. А. К. А. Д. А. Б. Р.
А. Б. Р. А. К. А. Д. А. Б.
А. Б. Р. А. К. А. Д. А.
А. Б. Р. А. К. А. Д.
А. Б. Р. А. К. А.
А. Б. Р. А. К.
А. Б. Р. А.
А. Б. Р.
А. Б.
А.

Чародѣи увѣряютъ, что будто бы при каждомъ звукѣ вылетаетъ по одному духу изъ ада. Наши поселяне вѣрятъ и этому вздорному сказанію.

Слово Абракадабра давно извѣстно въ Европѣ и Азіи. Еврейскіе магики вмѣсто Абракадабра принимали слово *Авракаланъ*. Одни производили его отъ имени Сирійскаго идола, другіе отъ Персидскаго *Авраксаксъ*, означающаго бога солнца, митру. Нѣкоторые составляли изъ этого числа 1, 2, 100, 1, 60, 1, 200 — которыя, вмѣстѣ сложенныя, составляютъ сумму 365, или число дней солнечнаго года. Каббалисты и магики полагали, что въ словѣ Абракадабра скрывается сила изцѣленія отъ лихорадки, произнося его извѣстнымъ таинственнымъ образомъ. Врачь XI столѣтія, К. Серенъ Саммоникъ говорилъ, чтобы Абракадабра имѣла свою силу, должна быть написана въ видѣ треугольника прямаго, или разсѣченнаго. Наши Чародѣи форму слова Абракадабра имѣютъ въ видѣ или двухъ прямыхъ треугольниковъ, или въ видѣ четырехъ разныхъ треугольниковъ, сложенныхъ вмѣстѣ.

13 Пѣсня Вѣдьмъ на Лысой горѣ.

Въ заповѣдныхъ сказаніяхъ поселянъ естъ повѣріе, что какой-то казакъ, забравшись на Лысую гору, подслушалъ пѣсню Вѣдьмъ; но шабашное сборище, узнавши объ открытіи, утопило казака въ рѣкѣ. Съ тѣхъ поръ она гуляетъ по бѣлому свѣту и передается Чародѣями однимъ только Вѣдьмамъ. Нѣтъ почти ни какой возможности постигнуть смыслъ этихъ словъ. Это какая-та смѣсь разнородныхъ звуковъ языка, никому неизвѣстнаго, и, можетъ быть, никогда небывалаго.

Кумара
Нихъ, нихъ, запаламъ, бада.
Эшохомо, лаваса, шиббода.
Кумара.
А. а. а.—о. о. о. —і. і. і.—э. э э. —
у. у. у.—е. е. е.
Ла, ла, собъ, лі, лі, собъ, лу, лу, собъ!
Жунжанъ.
Вихада, ксара, гуятунъ, гуятунъ.
Лиффа, пррадда, гуятунъ, гуятунъ.
Наппалимъ, вашиба, бухтара.
Мазитанъ, руаханъ, гуятунъ.
Жунжанъ.
Яндра, кулайнеми, яндра,
Яндра.

14. Шабашная пѣснь Вѣдьмъ.

Шабашная пѣсня Вѣдьмъ, говорятъ поселяне, открыта одною молодою дѣвушкою, обращенною изъ Вѣдьмъ въ прежнее состояніе.

Гутцъ!
Алегремосъ!
Астаротъ, Бегемотъ!
Аксафатъ, Сабатанъ!
Тенемосъ!
Гутцъ!
Маяла, на, да, кагала!
Сагана!
Веда, шуга, ла, на, да, шуга!
Сагана!

Гулла, гулла, на, да, лаффа!
Сагана!
Шиха, эханъ, рова!
Чухъ, чухъ!
Крыда, эханъ, сцоха!
Чухъ, чухъ, чухъ!
Гутцъ!

15. Пѣсня Вѣдьмъ на Роковомъ шабашѣ.

Вотъ еще странное смѣшеніе звуковъ, сходное съ выговоромъ Цыганъ! Пользуясь этою пѣснію, наши старухи-колдуньи думаютъ, что обладаютъ несмѣтнымъ богатствомъ, что эта пѣсня въ состояніи сей часъ обогатить того, кто только можетъ пропѣть ее. Замѣчательно, что эти старухи всегда бываютъ совершенно нищими, хотя находятся въ состояніи пѣть по сту разъ на день.

Шикалу, Ликалу!
Шагадамъ, магадамъ, викадамъ.
Небазгинъ, доюлазгинъ, фиказгинъ.
Бейхамашъ, гейлулашаннъ, эламанинъ.
Ликалу!
Шію, шію, данъ,—ба, ба, банъ, ю.
Шію, шію, нетоли—ба, ба, згинъ, ю.
Шію, шію, бала, ли, ба, ба, дамъ ю.
О вилла, вилла, дамъ, юхала!
Гираба, наюра, юхала!
Карабша, гултай, юхала!
Захива, ванилши, схабатай, яндха.
Захива, гиряй, гиряй, добила, яндха.
Захива, вилхомай, вилхомай, яндха.
Мяу! згинъ згинъ!
Гаашъ! згинъ, згинъ!
У—у—у! згинъ, згинъ!
Бя,—бяя!—згинъ, згинъ!
Кво—кво! згинъ, згинъ!
Бду, бду! згинъ, згинъ!
Карра! згинъ, згинъ¡
Тили, тили! згинъ, згинъ!
Хивъ, чивъ! згинъ, згинъ!
Жу, жу! згинъ, згинъ!
Згинъ, згинъ, згинъ!

16. Чародѣйская пѣсня Русалокъ.

Поселяне, приписывая Русалкамъ обаятельную силу надъ молодыми людьми, скрываютъ за тайну *Чародѣйскую пѣсню Русалокъ*, приводящую въ усыпленіе. Звукъ словъ этой пѣсни совершенно не понятенъ, не говоря уже о значеніи. До сихъ поръ еще люди, знающіе *всю подноготную*, не умѣютъ пользоваться этою пѣснію.

Шивда, вииза, каланда, миногама!
Ийда, ийда, якуталима, батама!
Нуффаша, зинзама, охуто, ми!
Копоцо, копоцамъ, копоцама!
Ябудала, викгаза, мейда!
Іо, іа, о—іо, іа цокъ! іо, іа, паццо! іо, іа, пиццо!
Зоокатама, зоосцома, никамъ, никамъ, шолда!
Пацъ, пацъ, пацъ, пацъ, пацъ, пацъ пацъ, пацъ!
Пинцо, пинцо, пинцо, дынза!
Щоно, пинцо, пинцо, дынза!
Шоно, чиходамъ, викгаза, мейда!
Боцопо, хондыремо, боцопо, галемо!
Рухадо, рындо, рындо, галемо!
Іо, іа, о! іо, іа, цолкъ! іо іа цолкъ! іо, іа цолкъ!
Ниппуда, боллтамо, гилтовека, шолда!
Коффудамо, шираффо, сцохалемо, шолда!
Шоно, шоно, шоно!
Пинцо, пинцо, пинцо!

17. Чародѣйская пѣсня Солнцевыхъ дѣвъ.

Чародѣйская пѣсня солнцевыхъ дѣвъ, по сказанію Чародѣевъ, поется при брачной жизни огненнаго змѣя съ дѣвушкою. Смѣшеніе Русскихъ словъ со звуками совершенно неизвѣстными, заставляетъ думать, что она передѣлана Русскими на свой ладъ.

«Во всемъ домѣ — гилло магалъ — сидѣла Солнцева дѣва. Не теремъ златой — шингафа — искала дѣва; не богатырь могучь изъ Ноугорода подлеталъ; подлеталъ огненный змѣй. — Лифъ лифъ зауцапа калапуда. | А броня не мѣдяна, не злата; а ширинки на немъ не жемчужены; а шлемъ на немъ не изъ краснаго уклада; а калена стрѣла

не изъ дѣдовскаго ларца — Пицапо фукадалимо короиталима канафо. — Полканъ, Полканъ! разбей ты огненнаго змѣя; ты соблюди дѣвичью красу Солнцевой дѣвы — Вихадима гилло могалъ дирафъ. — Изъ-за Хвалынскаго моря летѣлъ огненный змѣй по синему небу, во дальнюю деревушку, во теремъ къ дѣвѣ. Могучь богатырь — Шиялла шибулда кочилла барайчихо дойцофо кирайха дина. — Во малиновомъ саду камка волжская, а на камкѣ дѣва мертвая, со живой водой, со лютой свекровью, со злымъ свекромъ. Убитъ огненной змѣй, разсыпаны перья по Хвалынскому морю, по сырому бору Муромскому, по мѣдяной росѣ, по утренней зарѣ. — Янииха шойдега бираха видло. — А наѣхалъ злой Татаринъ, и узялъ во полонъ Солнцеву дѣву, во золотую орду, ко лютому Мамаю, ко нехристу басурманскому, ко проклятому бархадѣю. — Уахама широфо.»

СКАЗАНІЯ
О
ЗНАХАРСТВѢ.

1. Пчельное дѣло.

Пчельное дѣло въ селеніяхъ почитается самымъ таинственнымъ, важнымъ и, сверхъ того, не для всѣхъ доступнымъ занятіемъ. Люди зажиточные, хозяйственные, имѣющіе до ста и болѣе ульевъ, всегда, по народной молвѣ, состоятъ въ дружественной связи съ нечистою силою. Мнѣнія поселянъ о пчельномъ дѣлѣ столь разнообразны, что одни избираютъ для него покровителями св. Угодниковъ, другіе обрѣкаютъ Водяному Дѣдушкѣ. Пчельники, приверженцы этого послѣдняго мнѣнія, называются въ селеніяхъ: *Вѣдунами*, *Дѣдами*, *Знахарями*. Каждый изъ нихъ имѣетъ свои собственныя понятія, пріобрѣтаемыя по преданію отъ другихъ, и каждый, въ свою очередь, совершаетъ надъ пчелами свои проказы.

Вѣдуны думаютъ, что пчелы первоначально образовались въ болотахъ, подъ рукою Водянаго Дѣдушки. Матка, какъ первородъ этихъ пчелъ, была выкуплена злымъ Чародѣемъ за тридцать головъ Знахарскихъ и передана въ улей одного Вѣдуна, по повелѣнію нечистой силы. Этотъ Вѣдунъ, изъ ненависти къ людямъ, научилъ матку жалить людей, а матка обучила своему ремеслу всѣхъ пчелъ. Когда пчельникъ Вѣдунъ устроиваетъ гдѣ нибудь пасику, тогда, для хозяйственнаго благоденствія и медоваго обилія, обрекаетъ Водяному Дѣдушкѣ самый лучшій улей. Между Вѣдунами до сихъ поръ еще не рѣшено: оставлять ли этотъ обреченный улей на пасикѣ, или бросать его въ трясинное мѣсто въ болото? Если, которые оставляютъ обреченный улей на пасикѣ, то Дѣдъ охраняетъ только заведеніе; если же потопятъ въ болотѣ этотъ улей, то онъ не только доставляетъ всѣ возможныя средства къ размноженію пчелъ, но еще заставляетъ пчелъ летать на чужую пасику для похищенія меда.

Знахари полагаютъ, что всѣ пчелы первоначально отроились отъ лошади, заѣзженной Водянымъ Дѣдушкою и брошенной въ болото. Когда рыболовы опустили невода въ это болото, то, вмѣсто рыбы, вытащили улей съ пчелами. Отъ этого улья развелись пчелы по всему свѣту. Жаленье пчелъ началось съ того времени, они полагаютъ, какъ одинъ изъ этихъ рыболововъ хотѣлъ украсть матку. Когда уже преступникъ открылся въ своемъ похищеніи, то Знахари, для исцѣленія опухоли и боли, рѣшили между собою, что похититель долженъ съѣсть матку. За это открытіе отъ ужаленія пчелъ, Водяной Дѣдушка передалъ навсегда пчелъ въ руки Знахарей. Получивъ въ свое покровительство пчелъ, они изобрѣли разные способы для охраненія ихъ. Пересчитываемъ:

Для размноженія пчелъ Знахари совѣтуютъ поселянамъ: когда ударятъ къ утрени на Великъ день, быть на колокольнѣ, и, послѣ перваго удара, отломить кусокъ мѣди отъ колокола. Этотъ кусокъ мѣди приносятъ на пасику и кладутъ въ сердовой улей.

Варятъ растенія Дурманъ съ Тысячелиственникомъ, брызгаютъ плетень, деревья, строенія, съ цѣлію истребить сосѣднихъ

пчелъ и отучить своихъ отъ полета на чужой дворъ.

Во время роенія пчелъ заблаговременно приготовляютъ улья, окуренные еловою курушкою, вытертые жгучей крапивою, украшенные разными *приносками*, получаемыми отъ проходящихъ бывалыхъ людей, ставятъ въ ряды, на югъ, востокъ, западъ—такъ, чтобы пчелы прямо вылетали на востокъ. Расположеніе ульевъ пчельники считаютъ важнымъ дѣломъ, и потому, когда желаютъ кому показать свое заведеніе, измѣняютъ его. Это дѣлается большею частію изъ подозрѣнія и недовѣрчивости. Подозрѣніе основывается на томъ, что могутъ устроить подобнымъ образомъ такое же заведеніе; а отъ этого опасаются упадка на цѣны. Опасность зиждется на странномъ мнѣніи: будто бы пчельникъ-Знахарь можетъ дать приказаніе своимъ пчеламъ вытаскать медъ.

Для усыпленія чужихъ пчелъ Знахари сбираютъ маковыя головки и варятъ ихъ въ козьемъ молокѣ. Это молоко, всосанное налетною пчелою, можетъ пріучать чужихъ пчелъ къ переселенію.

Дѣды-пчельники въ селеніяхъ почитаются несвѣдущими въ сношеніяхъ съ нечистою силою: это просто караульщики. Но простолюдинъ уважаетъ и боится оскорбить Дѣда-пчельника; онъ знаетъ, что оскорбленіе всегда ведетъ къ разрушенію хозяйства. Замѣчательная черта Дѣда-пчельника заключается въ предпочтеніи водить пчелъ по лѣсамъ.

2. Сбрызгиваніе.

Сбрызгиваніе принадлежитъ къ важному роду леченія Знахарей. Наши простолюдины такъ въ него вѣрятъ, что, по ихъ понятію, сбрызгиваніемъ можно исцѣлить самый опасный недугъ. Чтобы получить этотъ даръ, поселяне прибѣгаютъ къ Знахарямъ съ просьбою: передать имъ наговоры надъ водою. Откровенность Знахарей пріобрѣтается хлѣбомъ, овсомъ, домашними животными. Передача наговоровъ сопровождается смѣшными обрядами. Приведемъ ихъ здѣсь.

Поселянинъ, желающій получить право отъ Знахаря на Сбрызгиваніе, долженъ три вечера парится въ банѣ, три дня говѣть, три дня ходить по улицѣ съ открытою головою, а послѣдніе три дня посѣщать Знахаря. Въ пустой избѣ Знахарь ставитъ мису съ водою, по угламъ кладетъ соль. Поселянинъ, пришедши къ нему за передачею, долженъ лизать языкомъ раскладенныя по угламъ соль, золу, уголь, и, при каждомъ глоткѣ, прихлебывать изъ мисы воду. Въ это время Знахарь читаетъ про себя наговоры. На третій день вручается поселянину громовая стрѣла и передаются словесно наговоры. Вотъ одинъ изъ наговоровъ:

«Соль солена, зола горька, уголь черенъ. Нашепчите, наговорите мою воду въ мисѣ для такого-то дѣла. Ты соль услади, ты зола огорчи, ты уголь очерни. Моя соль крѣпка, моя зола горька, мой уголь черенъ. Кто выпьетъ мою воду, отпадутъ всѣ недуги; кто съѣстъ мою соль, отъ того откачнуться всѣ болѣсти; кто полижетъ мою золу, отъ того отбѣгутъ лихія болѣсти; кто сотретъ зубами уголь, отъ того отлетятъ узорки со всѣми призороками.»

Поселянинъ, наученный Сбрызгиванію, принимается лечить всѣ болѣзни. Когда старушка придетъ къ нему съ просьбою пособить отъ недуга ея внучки, онъ прежде всего торгуется, потомъ беретъ кнутъ, какъ принадлежность Знахаря, и идетъ въ домъ больной. При входѣ его, всѣ встаютъ съ почтеніемъ, сажаютъ его въ передній уголъ, и начинается угощеніе. Молчаливость на вопросы, закаченные глаза подъ лобъ, маханіе кнутомъ, голова подпертая локтемъ, суть вѣрныя ручательства въ его званіи. Въ полномъ разгулѣ, онъ проситъ показать больную, и, какая бы то ни была съ нею болѣзнь, рѣшаетъ однимъ названіемъ: *недугъ*. Это слово понятно поселянамъ. Требуетъ въ ковшъ воды, читаетъ про себя наговоры, потомъ сбрызгиваетъ больную и тѣмъ оканчивается все дѣло. Уходя, онъ даетъ приказаніе на порогѣ, прислонясь къ притолкѣ, пить остальную воду позарямъ.

Болѣзни, лечимыя Знахарями, суть слѣ-

дующія: *Лихоманки* — лихорадки, *Лихія болѣсти* — судорги, *Родимецъ*, *Колотье*, *Потрясиха* — ревматизмъ тѣльный, *Знобоба молодеческая*, *Тоска наносная*, *Ушибиха* — падучая болѣзнь, *Черная немогъ*, *Узороки*, *Призороки*. Всѣ эти болѣзни именуются у Знахарей, какъ выше сказано, однимъ именемъ: *недугъ*.

3. Переполохъ.

Переполохъ, по значенію Знахарей, есть *отгадъ всякаго испуга*, совершеннаго добромъ и зломъ. Наши поселяне думають, что испугъ всегда случается отъ людской ненависти: но не зная, кто бываетъ причиною испуга, прибѣгаютъ къ Знахарямъ. Знахарь непремѣнно долженъ одолѣть ненавистника, хотя бы онъ былъ за тридесять земель, въ тридесятомъ царствѣ. На то онъ и Знахарь. Да ему ли въ трудномъ положеніи оставатся? Всѣ Знахари говорятъ условно, высказываютъ иносказательно однѣ примѣты, и всегда стараются показать *на убылаго*. При томъ, прежде нежели произнесутъ *отгадъ*, выспрашиваютъ напередъ у приходящаго о всѣхъ домашнихъ обстоятельствахъ. Изъ этихъ разсказовъ они извлекаютъ для себя все нужное.

Знахарь, призванный въ домъ для совершенія Переполоха, требуетъ: мису воды, олова и Богоявленскую свѣчу, а когда испуганные бываютъ еще женатыми и обручальную свѣчу, если эта особа не будетъ овдовѣвшая. Надъ обручальною свѣчею растапливаетъ олово, выливаетъ его въ воду. Какъ скоро начнутъ отдѣляться изъ воды пары, онъ говоритъ окружающимъ: «Смотрите; — вотъ бѣжитъ нечистая сила!» Простодушные поселяне, незнающіе законовъ физическихъ, слѣпо вѣрятъ въ разсказы Знахаря. Послѣ того начинается отгадъ. Показывая на фигуру остывшаго олова, при тусклой свѣчѣ, говоритъ: «вотъ кто испугалъ вашего больнаго!» Потомъ подводитъ больнаго смотрѣть на примѣты. Призванный на смотръ долженъ непремѣнно согласиться съ разсказомъ Знахаря, хотя бы онъ ровно ничего не видалъ и не примѣчалъ. Послѣ этого подходятъ смотрѣть, по одному, всѣ домашніе, съ подтвержденіемъ словъ о разсказѣ Знахаря. Поселяне стараются отыскивать по этимъ примѣтамъ ненавистника. Если они его отыщутъ, то испугъ съ больнаго спадетъ, какъ вода съ гуся; въ противномъ же случаѣ больной, долженъ страдать во всю свою жизнь такимъ недугомъ.

Переполохъ, кромѣ явнаго обмана Знахарей, оставляетъ ужасныя послѣдствія. Семейства, отыскивая ненавистнаго, заводятъ раздоры непримиримые, вражду вѣчную и мстительную. Одно уже семейное несчастіе заставляетъ желать истребленія Переполоха по селамъ.

4. Соняшница.

Соняшница, какъ врачеваніе, составляетъ въ рукахъ Знахарей важное лекарство въ брюшныхъ болѣзняхъ. Въ дѣйствительности Соняшницы поселяне твердо увѣрены, не смотря на мученія, притерпѣваемыя отъ ней больными.

Призванный Знахарь къ совершенію Соняшницы, требуетъ: миску, въ которую бы взошло три штофа воды, пеньки и кружку. Миску съ водою ставитъ больной на животъ; пеньку зажигаетъ. Какъ скоро загорится пенька, онъ обматываетъ ею больную. Часто случается, что больная послѣ того остается обозженною въ разныхъ мѣстахъ. Раны, полученныя отъ обжога, Знахари приписываютъ выхожденію болѣзни изъ тѣла. Пеньку послѣ сего кладетъ въ кружку, а кружку ставитъ въ миску. Въ это время начинаются наговоры, между тѣмъ, какъ больная вопитъ отъ болѣзни, а окружающіе считаютъ вопль страдалицы удаленіемъ нечистой силы изъ больной. Прочитавши наговоры, Знахарь даетъ больной пить воду и удаляется.

Выздоровѣетъ ли больная или нѣтъ, Знахарю все равно; онъ получитъ плату, наградитъ увѣреніемъ и скроется. Вся бѣда лежитъ на больной. Если она не выздоравливаетъ, Знахарь говоритъ, что на нее напущенъ послѣ Соняшницы новый недугъ. Его опять приглашаютъ; онъ снова приступаетъ къ обряду и снова получаетъ деньги.

5. Открытіе колдуна.

Суевѣрные поселяне полагаютъ, что колдунъ есть существо отрекшееся отъ людей, Бога и сроднившееся съ нечистою силою на пагубу людей. Но, какъ колдуны скрываютъ свое искуство и только вредятъ тайно, то простолюдины рѣшились открыть своихъ губителей. Знахари предложили средства для узнанія.

Поселянинъ, подозрѣвая своего сосѣда въ колдовствѣ, приходитъ къ Знахарю за совѣтами. Большая часть людей, впадающихъ въ это подозрѣніе, бываютъ семейные, имѣющіе больныхъ дочерей и сыновей. Знахарь, договорившись за большую цѣну, совѣтуетъ ему дожидаться 25 Марта. Въ роковой день онъ долженъ, послѣ утрени, сѣсть на лошадь, *какую нежаль*, лицемъ къ хвосту, ѣздить по селенію, не оборачиваясь назадъ. Когда выѣдетъ за околицу, то долженъ смотрѣть на трубы. Въ это время нечистая сила провѣтриваетъ колдуновъ, висящихъ на воздухѣ внизъ головой. Если поселянинъ обратится назадъ, то нечистая сила разрываетъ лошадь на части, а онъ самъ остается или вѣчно сумасшедшимъ, или умираетъ отъ страха. Но, какъ послѣднее условіе слишкомъ тяготитъ воображеніе суевѣрнаго, то онъ не рѣшается на такую поѣздку, и проситъ поѣздить за себя Знахаря. Знахарь долго отговаривается, потомъ торгуется за поѣздку, и получивши подарки, обѣщается открыть злаго колдуна. Жребій открытія всегда падаетъ на того, кого подозрѣваетъ поселянинъ, хотя Знахарь никогда и не думалъ ѣздить по селу за открытіемъ колдуна.

Открытіе колдуна почитается верхомъ искуства Знахаря, и поселяне, разсказывая о его могуществѣ, говорятъ: «онъ такъ силенъ, что узнаетъ всѣ мысли, и выскажетъ всѣ дѣла твои, отцовы, дѣдовы.» Къ счастію человѣчества, что наши Знахари бываютъ люди безграматные, закоренѣлые въ предразсудкахъ, люди помѣшанные на своемъ могуществѣ, столько ничтожномъ и обманчивомъ для нихъ и всѣхъ другихъ.

6. Стѣнь.

Простолюдинъ, не понимая законовъ происхожденія болѣзней, законовъ, основанныхъ на точномъ познаніи природы и человѣка, почитаетъ всѣ болѣзни, сопровождаемыя ужасными страданіями и продолжительностію, жертвою злыхъ людей, завистливыхъ къ его благосостоянію. *Изнурительная сухотка дѣтей* — Tabes, *дѣтская чахлость* — Atrophia infantum называютъ въ селахъ — *Стѣнь*. Не прибѣгая съ довѣренностію къ врачебнымъ средствамъ, болѣе надежнымъ, они находятъ утѣшеніе въ тайнахъ, имъ непонятныхъ, въ чудесномъ вѣрованіи, вовсе для нихъ непостижимомъ, и отъ нихъ ожидаютъ избавленія отъ бѣдъ семейныхъ, отъ горестей сердечныхъ, близкихъ его простой и кроткой душѣ. Бродящіе обманщики, успѣвшіе овладѣть воображеніемъ нашихъ поселянъ, жестоко играютъ сельскимъ простодушіемъ, и не мучаютъ людей, къ нимъ довѣренныхъ, но варварски ихъ терзаютъ. Надобно видѣть каждому это жалкое состояніе, чтобы оцѣнить вполнѣ семейныя бѣдствія, проистекающія отъ разныхъ толковъ Знахарей, Кудесниковъ, Вѣдуновъ, Ворожей, Чародѣевъ. Напрасно въ городахъ думаютъ, что поселяне не лечатся, что однимъ сердечнымъ соболѣзнованіемъ услаждаютъ семейныя болѣзни. Бродячій Знахарь укажетъ имъ средство, увѣритъ въ его возможности и оно переходитъ изъ рода въ родъ, какъ зло потомственное. Въ средствѣ, предложенномъ ему за тайну отъ Знахаря, онъ не разбираетъ: вредно ли оно? полезно ли оно? Для его ограниченнаго познанія довольно, что есть возможность.

Въ селахъ дитя, страдающее Стѣнью почитается уже не жильцомъ земнымъ, когда благоразумный отецъ прибѣгаетъ только съ теплою мольбою къ Царю Царей о помилованіи. Растерзанное сердце матерей страдальческимъ томленіемъ, воображеніе, напитанное ложными чудесами, заставляетъ цѣлыя семейства искать отрады въ суевѣріи, умолять объ исцѣленіи Знахарей. Призванный Знахарь, какъ Дока, какъ знающій всю подноготную, берется за вра-

чеванiе. Больное дитя, по его совѣту, несутъ въ лѣсъ, ищутъ раздвоеннаго дерева, кладутъ его въ этотъ промежутокъ на трое, или менѣе сутокъ, сорочку вѣшаютъ на дерево, потомъ вынимаютъ его и ходятъ трижды девять кругомъ дерева. Послѣ этого приносятъ домой, купаютъ въ водѣ собранной изъ девяти рѣкъ или колодцевъ, обсыпаютъ золою, собранною изъ семи печей, кладутъ на печь. Если дитя послѣ сего засыпаетъ, то это вѣрный признакъ исцѣленія, а если оно кричитъ, то должно умереть. Часто случается, что дитя умираетъ въ лѣсу, оставленное обнаженнымъ на открытомъ воздухѣ, или испускаетъ дыханіе подъ обливаніемъ холодной воды. Совѣтъ Знахаря, это явное убійство, почитается въ деревняхъ благодѣяніемъ.

7. Съ глазу.

Востокъ древней жизни, отживая свое бытіе, передалъ народамъ вмѣстѣ съ миѳами и разныя заблужденія. Народное повѣріе: будто взглядъ человѣка лихаго, злобнаго, хитраго, сообщаетъ болѣзни, будто въ глазахъ этихъ людей заключается ядъ, перешло въ Русскую землю съ Востока, по преданію, отъ другихъ народовъ. На Руси это повѣріе названо: *Съ глазу*. Наши простолюдины не имѣютъ еще понятія о глазномъ Месмеризмѣ.

Въ деревняхъ всякое первоначальное образованіе болѣзни почитается *порожденіемъ съ глаза*. Нѣтъ недуга, которой бы непроизходилъ отъ этого зла. Знахари выдумали противъ всего средства, употребляемыя въ сельской и городской жизни, и ихъ средства, по большей части приводятся въ дѣйствіе пожилыми людьми, старухами, слѣдующимъ образомъ.

Берутъ: воды непитой, неотвѣданной ни кѣмъ, вынимаютъ изъ печи три уголька, достаютъ четверговой соли. Все это кладутъ въ стаканъ, дуютъ надъ нимъ три раза, потомъ плюютъ три раза въ сторону. Послѣ сего нечаянно сбрысгиваютъ больнаго три раза, даютъ три раза хлебнуть, вытираютъ грудь противъ сердца; заставляютъ рубашкою обтирать лице, а остальную воду выливаютъ подъ притолоку. Нѣкоторые къ такому составу прибавляютъ клочекъ моху, вынутый изъ угла, другіе читаютъ надъ водою молитвы. Этимъ оканчивается леченіе съ глазу.

8. Хлѣбная завязка.

Хлѣбная завязка почитается грозящимъ бѣдствіемъ хозяину той поляны, гдѣ она будетъ замѣчена. Народъ думаетъ, что это сдѣлано злыми людьми на сокрушеніе всего семейства и родни.

Для отвращенія бѣдствій отъ хлѣбной завязки, Знахари велятъ хозяевамъ полей брать изъ хлѣва то мѣсто, гдѣ почиваютъ свиньи, положить на телѣгу, запречь неѣзженую лошадь и скакать къ полю во весь скокъ. Если поклажа упадетъ съ телѣги, то это недобрый признакъ. Пріѣхавши въ поле, надобно накрыть хлѣбную завязку сею поклажею, не касаясь рукою. Прикосновеніе рукою предвѣщаетъ худой сбытъ будущаго хлѣба. Потомъ должно ѣхать домой, не оглядываясь назадъ, а иначе нечистая сила свернетъ на сторону голову. Послѣ этого запрягаютъ ѣзжалую лошадь, кладутъ лошадиный навозъ и ѣдутъ къ полю. Такою поклажею обсыпаютъ кругомъ всю завязку.

Знахари, заставляя совершать такой обрядъ, увѣряютъ поселянъ, что отъ этого всѣ бѣды, замышляемыя злыми людьми, обращаются на ихъ головы. Часто случается, что поселяне изъ ненависти къ своему сосѣду, подкупаютъ Знахаря сдѣлать завязку. Въ такомъ случаѣ онъ пользуется отъ обѣихъ сторонъ.

9. Зубы лечить.

Вѣрованіе *въ симпатіи* такъ усилилось въ сельской и городской жизни, что все особенное подчиняютъ этому значенію. Симпатія, по народному понятію, есть таинственная сила, могущая невидимо совершать дѣла, по волѣ людей. Къ числу симпатическихъ средствъ народъ принялъ, отъ Знахарей, леченіе зубъ прикосновеніемъ пальца. Обманщики, прикрывая себя

симпатіями, обмазываютъ палецъ наркотическими мазями, извѣстными имъ однимъ, а простодушные вѣрятъ ихъ разсказамъ, хотя и не видятъ пользы.

Леченіе зубъ прикосновеніемъ пальца будто зависитъ отъ таинственнаго обряда. Знахари ловятъ для сего звѣрка *Крота* и умерщвляютъ его указательнымъ пальцемъ правой руки, безъ всякаго орудія, приговаривая шопотомъ слѣдующій наговоръ:

«Кротикъ, ты кротикъ! Я пальцемъ своимъ изъ тебя всю кровь испускаю, и имъ больные зубы излечаю.»

Когда призываютъ Знахарей лечить зубы, они этотъ указательный палецъ кладутъ на больные зубы и читаютъ шопотомъ приведенный наговоръ. Послѣ сего заставляютъ полоскать ротъ по утру и въ вечеру кислымъ уксусомъ. Вѣроятно, что здѣсь дѣйствуютъ наркотическія вещества въ соединеніи съ уксусомъ притупленіемъ возвысившейся раздражительности, а не палецъ, умертвившій крота.

10. Куриная слѣпота.

Болѣзнь, поражающая поселянъ, работающихъ передъ огнемъ, или на солнцѣ, или передъ водою, названа Знахарями: *Куриною слѣпотою*. Для обольщенія поселянъ, они создали повѣріе: будто Куриная слѣпота есть напущеніе злыхъ людей, что она соскабливается ножемъ, которымъ зарѣзываютъ старыхъ курицъ, и что эту слѣпоту злодѣи пускаютъ по вѣтру, кому хотятъ отомстить. Такое заблужденіе легко объяснить: органическо-динамическія вліянія природы, непонятныя простолюдинамъ, производятъ *Ночную слѣпоту* — Hemeralopiam, болѣзнь переименованную Знахарями въ *Куриною*.

Люди, страждущіе Куриною слѣпотою, по совѣту Знахарей, выходятъ въ лавку, нагибаются надъ дегтярною кадушкою, и говорятъ шопотомъ наговоръ:

«Деготь, деготь! Возьми отъ меня куриную слѣпоту, а мнѣ дай свѣтлые глазушки.»

Народъ думаетъ, что деготь доводится съ родни куриной слѣпотѣ, и только изъ жалости беретъ онъ въ свое призрѣніе бродягу-слѣпоту. Послѣ сего больной долженъ идти на перекрестокъ, сѣсть на дорогу и искать что нибудь. Если его кто изъ приходящихъ будетъ спрашивать, то онъ долженъ сказать: «что найду, то тебѣ отдамъ.» Потомъ утираетъ рукою глаза и махаетъ въ проходящаго. Отъ исполненія этого обряда, исчезаетъ Куриная слѣпота.

11. Морозъ.

Въ деревняхъ думаютъ, что неурожаи льна, овса и канопли происходятъ отъ мороза. Морозъ же олицетворяютъ слѣдующимъ повѣріемъ:

Въ Русской народной Символикѣ принято за основаніе, что Морозъ происходитъ отъ выхожденія злыхъ духовъ. Зимою, когда установятся большіе морозы, злымъ духамъ становится тѣсное житье. Въ это время они вылетаютъ на бѣлый свѣтъ, бѣгаютъ по полямъ и дуютъ себѣ въ кулакъ. Отъ такой прогулки морозъ сдавливаетъ снѣгомъ жито, отъ пятокъ духовъ отдается трескъ, и отъ подутія въ кулакъ бываетъ или вѣтеръ съ мятелью, или иней садится на дерева. Для отвращенія сего зла, Знахари выдумали проклятіе на Морозъ, съ совершеніемъ обряда.

Подъ Великъ день, поселяне, наученные Знахарями, приступаютъ къ заклятію Мороза. Старикъ семейства беретъ ложку овсянаго киселя, взлезаетъ съ нимъ на печь, просовываетъ голову въ волковое окно, и тамъ говоритъ:

Морозъ, морозъ! Приходи кисель ѣсть.
Морозъ, морозъ! Не бей нашъ овесъ.
Ленъ да канапи, въ землю вколоти.

Окончивъ эти слова, онъ оборачивается въ избу, и старшая изъ женщинъ въ домѣ, окачиваетъ его водою, въ то самое время, когда онъ слезаетъ съ печи. Старушки увѣряютъ, что проклятіе, высказанное старикомъ на ленъ и канопли, замираетъ на его устахъ отъ воды. Морозъ же удовольство-

ванный киселемъ, не убиваетъ ни льна, ни конопли, ни овса.

12. Неразмѣнный рубль.

Обманщики, живущіе на счетъ ближняго, въ деревняхъ понимаются съ другой стороны. Народъ думаетъ, что они получаютъ все съ избыткомъ, не трудясь, отъ нечистой силы, которая вручаетъ имъ на траты *неразмѣнный рубль*. Прельщаясь такою разгульною жизнію, простодушные прибѣгаютъ къ Знахарямъ для пріобрѣтенія рубля. Кажется, что и наши поселяне, въ свою очередь, ищутъ философскаго камня.

Искатель неразмѣннаго рубля идетъ на базаръ, не говоря ни съ кѣмъ и не оглядываясь назадъ и покупаетъ тамъ гусака, съ перваго запроса, безъ всякаго торга. Принесши его домой, онъ такъ сдавливаетъ ему шею, что гусакъ задыхается, кладетъ неочищеннаго въ печь, и жаритъ до полуночи. Въ 12 часовъ ночи вынимаетъ изъ печи и идетъ съ нимъ на развилину дорожную. Тамъ онъ долженъ говорить: «Купите у меня гусака, дайте за него рубль серебряной.» Въ это время нечистая сила является въ видѣ покупателей, съ предложеніемъ разной цѣны. Искатель долженъ быть твердъ, а иначе его задавитъ нечистая сила. Когда же является покупатель за серебряный рубль, то онъ долженъ ему продавать. Получившій желаемый рубль, долженъ идти прямо домой, не оглядываясь, и ни съ кѣмъ не говорить. Въ это время нечистая сила, желая возвратить рубль, кричитъ за нимъ въ слѣдъ: «ты обманулъ насъ! твой гусакъ мертвый! За чѣмъ же оторвалъ ему голову, увѣряя, что онъ живой?» Искатель не долженъ слушать такихъ разсказовъ; онъ обязанъ скорѣе бѣжать отъ нечистой силы. Если онъ обернется, или будетъ говорить съ нею, то рубль исчезаетъ изъ его рукъ, а онъ самъ очутится въ болотѣ по горло. Когда же возвратится цѣлымъ въ домъ, тогда этотъ рубль будетъ его продовольствовать всю жизнь. Знахари совѣтуютъ такимъ обладателямъ никогда не брать сдачи при покупкѣ вещей; а иначе рубль погибнетъ. Когда они покупаютъ, то будто нечистая сила взлезаетъ въ купца и даетъ сдачи, хотя бы не слѣдовало ничего. Только этотъ рубль никогда не заживается долго: рано или поздно нечистая сила обольститъ обладателя, и тогда вмѣсто рубля открывается черепокъ глиняной. Въ другой же разъ неразмѣнный рубль не дается въ руки.

Здѣсь Знахари совершаютъ явный обманъ надъ поселянами. Часто этотъ неразмѣнный рубль уводитъ со двора лошадь или корову къ дворамъ обманщиковъ: Знахари безъ этого подарка не открываютъ способа пріобрѣтенія.

13. Кость невидимка.

Кость невидимка содѣлываетъ своего хозяина всюду невидимымъ, хотя бы за нимъ смотрѣли во сто глазъ. Кому не нравится быть невидимымъ? Чего бы ревнивый мужъ въ городѣ пожалѣлъ для отысканія такой кости? Чего бы не далъ влюбленный и охотникъ до всякихъ свиданій съ любезнымъ предметомъ — за кость невидимку? Это, или что нибудь другое заставило нашихъ поселянъ отыскивать невидимку. Безъ чудесъ и здѣсь не обошлось! Знахари составили обряды, наговоры, видѣнія.

Кость невидимка, по разсказу Знахарей, заключается въ черной кошкѣ. Искатели сего тайнаго открытія крадутъ кошекъ въ сосѣднихъ деревняхъ и избираютъ изъ нихъ такую, въ которой бы не было ни одного бѣлаго волоска: вся шесть должна быть черная. Въ этомъ поселяне наши очень затрудняются. Другому во всю жизнь не придется отыскать одношерстной кошки, а если и придется, то Знахарь уже найдетъ худыя примѣты. Въ такомъ случаѣ онъ беретъ къ себѣ кошку, обѣщаетъ выщипать бѣлую шерсть, и держать до тѣхъ поръ, пока выростетъ новая. Само собою разумѣется, что это все дѣлается изъ подарковъ, что та же кошка возвращается обратно, и что хоть сто разъ вари — въ кошкѣ не отыщется кости невидимки. Искатель всегда остается виноватымъ, а Знахарь правымъ. Кошка, признанная Знахаремъ за одношер-

стную, варится въ чугунномъ котлѣ, по полуночамъ, до тѣхъ поръ, пока истаютъ всѣ кости, кромѣ одной. Оставшаяся кость есть невидимка. Но, какъ вареніе продолжается многія ночи, то искатели теряютъ терпѣніе, а особливо если Знахарь вздумаетъ представить изъ себя нечистую силу. Между тѣмъ есть и такіе, которые съ большимъ терпѣніемъ просиживаютъ ночей по двадцати, но кости невидимки не остается. Въ такомъ случаѣ все таки остается виновнымъ искатель; онъ или бранилъ въ это время нечистую силу, или опоздалъ придти одною минутою, или не досидѣлъ сколько нибудь, или вздремнулъ, или вспомнилъ о семьѣ своей, или не такъ прочиталъ наговоры, или вздумалъ утаить что нибудь отъ Знахаря, или торгуясь съ Знахаремъ пожалѣлъ барана, овцу, гуся. За все это нечистая сила крадетъ у искателя, какъ недостойнаго — кость невидимку. Въ другой разъ невозможно выварить изъ одношерстной кошки такой кости. Кому на роду написано достать, тотъ и съ перваго разу достанетъ; а кому нѣтъ, тотъ хоть сто кошекъ вывари, все будетъ ничего, говорятъ Знахари.

Искатели всегда остаются въ разореніи отъ кости невидимки и съ надеждою, укрѣпляемою Знахаремъ, приступаютъ къ другимъ исканіямъ. Съ этою увѣренностію они проводятъ цѣлую жизнь, оставляя всѣ прежнія хозяйственныя занятія.

14. Свадебная поруха.

Нигдѣ торжество Знахарей такъ не прославляется, какъ въ сельскихъ свадьбахъ. Благополучная семейная жизнь, вѣчные раздоры, болѣзни первыхъ годовъ, домашнія бѣды — все зависитъ отъ Знахарей. Поселянинъ, затѣвая свадьбу, особливо зажиточный, идетъ къ Знахарю съ большими подарками, съ поклонами, съ просьбами — защитить его молодыхъ отъ свадебной порухи. Здѣсь-то Знахарь высказываетъ все свое могущество; здѣсь то робкій поселянинъ, устрашенный до послѣдней возможности, дѣлаетъ *несчетные посулы* за спасеніе своего семейства. Знахарь въ сельской свадьбѣ есть первый гость: его зовутъ на пирушку прежде всѣхъ; ему принадлежитъ первая чарка зеленаго вина; ему пекутъ первый пирогъ; ему отсылаютъ первые подарки; его всѣ боятся; при немъ всѣ покойны. Удивительно ли, что послѣ этого всѣ свадебныя проказы Знахарей обольщаютъ воображеніе поселянъ, когда ему присвоены такія преимущества въ сельской жизни.

Свадебная поруха состоитъ въ соблюденіи многихъ обрядовъ для будущаго благополучія князя и княгини. Такъ величаютъ въ деревни этими именами новобрачныхъ. Знахарь осматриваетъ всѣ углы, притолоки, пороги, читаетъ наговоры, поитъ наговорною водою, дуетъ на скатерти, вертитъ кругомъ столъ, обметаетъ потолокъ, оскабливаетъ вереи, кладетъ ключъ подъ порогъ, выгоняетъ черныхъ собакъ со двора, осматриваетъ метлы, сжигаетъ голики, окуриваетъ баню, пересчитываетъ плиты въ печи, сбрызгиваетъ кушанья, вяжетъ снопы спальные, ѣздитъ въ лѣсъ за бузиною, и вручаетъ свату вѣтку девятизернаго стручка. Эта вѣтка есть верьхъ искуства. Если ее будутъ держать за пазухой попеременно то сватъ, то сваха, то всѣ умыслы враговъ обратятся ни во что. Если поѣдетъ поѣздъ, забьютъ лошади отъ злобнаго наговора, то стоитъ только махнуть этою вѣткою и все будетъ спокойно. Случись бѣда на пирушкѣ, развяжись кушакъ у молодаго, отвались что нибудь отъ кики молодой, оторвись супонь у лошади, все исправитъ эта одна вѣтка. На третій день Знахарь беретъ свата съ собою въ баню, и здѣсь происходитъ расчетъ въ посулахъ. Если получитъ все уговорное, тогда эту вѣтку сжигаютъ. Такимъ оканчивается обрядъ свадебной порухи.

15. Вывѣдываніе жены.

Знахари присвоили себѣ право вывѣдывать семейныя тайны. Къ числу важныхъ открытій принадлежитъ: *вывѣдываніе жены*. Кажется, можно утвердительно сказать, что отъ этого происходитъ особенная приверженность сельскихъ женщинъ къ

Знахарямъ. Привожу здѣсь два способа вывѣдыванія, замѣчательные только по особенной хитрости Знахарей.

Старухи-свекрови всегда бываютъ нерасположены къ невѣсткамъ, а особливо если находятся въ семьѣ старыя, незамужнія дѣвицы. Внушая всегда сыновьямъ о строгомъ содержаніи женъ, онѣ прибѣгаютъ за откровенными совѣтами къ Знахарямъ: попытать жену въ вѣрности. Для этого употребляютъ траву *Кануперъ*, имѣющую свойство усыплять женщинъ подъ вечеръ, по сказанію Знахарей. Свекровь тотчасъ открываетъ какой нибудь недугъ въ своей невѣсткѣ. Не послушаться свекрови, отвергать присутствіе недуга, есть смертельная обида въ сельской жизни. Вечеромъ варятъ Кануперъ, недужную кладутъ на печь. Свекровь съ зажженною лучиною пробуетъ свою невѣстку по пяткѣ—спитъ ли она? Мужъ обязанъ молчать. Если спитъ, то свекровь начинаетъ шептать на ухо, выпрашивая на разные способы былое и небылое. Мужъ такихъ распросовъ не обязанъ слушать. Послѣ этого идутъ ночью къ Знахарю, и свекровь во услышаніе мужа, разсказываетъ, что отвѣчала ей сонная жена. Знахарь, задобренный напередъ отъ свекрови, разсказываетъ по водѣ примѣты обольстителя. Съ этого времени начинается *семейная разладица*.

Въ старину Русскіе бояре содержали обширную дворню, среди которыхъ всегда затѣвались раздоры, занимавшіе собою большую часть жизни дворовыхъ людей. Частыя отлучки мужей, по барскому приказу, наводили подозрѣнія на женъ. Таскаясь по дорогамъ, они вывѣдывали отъ бывалыхъ людей разные способы къ открытію вѣрности своихъ женъ. Бывалые люди всегда совѣтуютъ: мыться въ банѣ, потомъ вспотѣть на полку, и послѣ обтереть все тѣло полотенцемъ. Когда же пріѣдетъ домой, то потное полотенцо положить тайно отъ жены подъ подушку. Едва жена засыпаетъ, уже мужъ слышитъ, какъ она, сонная, разсказываетъ про свою жизнь. Воображеніе, напередъ настроенное, порождаетъ такія подозрѣнія, о которыхъ женщина никогда и не воображаетъ. Утромъ мужъ идетъ къ Знахарю для распросовъ о примѣтахъ обольстителя. Къ счастію своему догадливыя жены напередъ провѣдываютъ Знахарей съ поклонами и подарками. Знахарь рѣшаетъ по большинству подарковъ.

16. Размѣнный колпакъ.

Въ деревняхъ есть тайное повѣріе, что злые духи научаютъ людей Чернокнижію. Эту страшную тайну поселяне узнаютъ изъ вечернихъ разсказовъ Знахарей, вѣрятъ ей и передаютъ потомству. Въ сельскихъ разсказахъ всегда приводятся примѣры, случившіеся съ разными людьми при наученіи Чернокнижію. Здѣсь приводимъ для любовытства одинъ сельской разсказъ, записанный слово въ слово.

«Въ нашей деревнѣ жилъ одинъ удалой малой. Собой не великъ, а прыти въ немъ было возовъ на десять. Ужъ коли вздумаетъ, бывало, потѣшиться, то вся деревня стономъ стонетъ. Живалъ не трудясь, а хлѣбецъ бѣлой ѣдалъ; за то одежда на немъ была больно не мудра. Онъ былъ всѣмъ съ руки. Пропадетъ ли корова, лошадка, всѣ идутъ къ нему. Просватуютъ ли кого, онъ первый гость. Загрустуетъ ли кто, посылаютъ къ нему на утѣху. Одна бѣда съ нимъ была: попался въ некрутчину. Да и тутъ откашлялся. Нашъ міръ больно на него зубы грызъ. Дѣлать въ огласку никто не посмѣлъ; отъ того-то онъ и жилъ припѣваючи. На святкахъ онъ пропалъ безъ вѣсти. Тутъ-то заговорили старики. Одинъ изъ нихъ зналъ, какъ онъ спознался съ нечистою силою. Дѣло, вишь какъ было.

«Въ деревни зимовали солдаты. Онъ былъ и имъ подъ руку. Солдаты, видишь, научили его, какъ спознаться съ нечистою силою. Повели его на островъ, а лѣсникъ, шелъ за ними издали, не въ домекъ имъ. Ходили, ходили по лѣсу и напали на козюлку. Долго шептали на ней, окаянные; потомъ сорвали ей голову. Лѣсникъ-то былъ не промахъ: залѣзъ на дубъ, да и давай посматривать на нихъ. Вотъ, какъ сорвали голову, да набили въ нее гороху,

давай зарывать въ землю, давай класть примѣты. Лѣсникъ себѣ давай запримѣчать. Прошла зима. Выросъ горохъ. Нашъ малой похаживаетъ себѣ въ лѣсъ, да любуется себѣ горохомъ. А лѣсникъ все за нимъ примѣчаетъ. Вотъ зацвѣлъ горохъ. Удалый нашъ пришелъ полюбоваться. Какъ замѣтилъ цвѣтъ, и ну кривляться кругомъ. Кривлялся, кривлялся, да и давай вырывать горохъ съ корнемъ. Какъ выдернулъ, ну свивать кольцо изъ травы. Вотъ онъ, видишь, себѣ и пошелъ въ стадо. Лѣсникъ выскочилъ изъ дупла, да и себѣ свилъ кольцо. Вотъ какъ удалой пришелъ въ стадо, прищурилъ лѣвой глазъ, а правымъ ну смотрѣть въ кольцо. Лѣсникъ себѣ тоже дѣлаетъ. Вишь, какъ саранча подлетѣла къ удалому нечистая сила. Всѣ были въ шапкахъ, а одинъ въ красномъ колпакѣ. Все подобранъ молодецъ къ молодцу. Лѣсникъ было и струсилъ; да спасибо у него въ головѣ закачено было. Подбѣжалъ въ красномъ колпакѣ, и долго спорилъ съ удалымъ. Чуть было дѣло не дошло до драки. Въ красномъ колпакѣ заплясалъ себѣ трепака. Удалой тутъ-то вскочилъ на цыпочки, подкрался, тяпъ да ляпъ, и сорвалъ красной колпакъ. Какъ взмолился онъ, какъ началъ просить свой колпакъ. Удалой ни гугу. Стоитъ да и только. Вотъ и давай твердить о посулахъ. Удалой запросилъ черную книжку, что заперта на Сухаревой башнѣ. Долго отнѣкивался онъ отъ мѣны; однако поскакалъ за лѣсъ. Удалой похаживаетъ себѣ, да любуется колпакомъ. Видно жаль стало, а промѣнять его больно нужно. Вотъ идетъ весь избитой. Видишь, нечистая-та сила долго не впускала его на башню. А онъ пробрался сквозь щелочку; хоть изодралъ себѣ морду, да за то досталъ. Видно, безъ колпака тошное житье. Давай колпакъ, а тотъ давай себѣ требовать книжку. Маяли, маяли другъ друга, да и размѣнялись. Нечистая сила скрылась съ колпакомъ размѣннымъ; а нашъ удалой зажилъ съ черною книжкою. Съ тѣхъ-то поръ онъ овладѣлъ нечистою силою, хитрилъ по своему надъ православными, да и пропалъ безъ вѣсти. Лѣсникъ-то было себѣ задумалъ; анъ не тутъ-то было. Ничего не выждалъ: только у него во дворѣ вся скотина перевелась.

17. Вѣдьмино селеніе.

Въ деревняхъ вѣрятъ какому-то особенному предчувствію, по которому поселяне будто бы узнаютъ о пребываніи среди ихъ Вѣдьмы. Люди, свѣдущіе въ примѣтахъ, люди, умѣющіе все растолковать, придумали признаки, указывающіе прямо не на людей, а на землю. По этимъ признакамъ владѣтель земли или самъ имѣетъ сообщеніе съ духами, или его жена есть Вѣдьма. Такіе признаки, по увѣренію Знахарей, суть слѣдующіе:

Въ лѣтнее время, поселяне выходя на работу, часто замѣчаютъ на лугахъ или зеленые или желтые круги. Увидѣвши это, они прежде всего узнаютъ, чье это поле? Много ли изломалось на немъ косъ? Потомъ распускаютъ молву, что круги появились недавно, а прежде ихъ не бывало; что самъ хозяинъ, если онъ старикъ, поверстался въ колдуны на этихъ кругахъ; что старшая женщина въ семействѣ его покумилась съ Вѣдьмами; что Вѣдьмы сбираются сюда каждую ночь плясать. Но какъ мужчины всегда скоро избавляются отъ нарѣканій, то вся вина падаетъ на женщинъ. Слѣдствіемъ такого подозрѣнія бываютъ вообще: отчужденіе, ненависть, мщеніе, худые толки, пересуды. Такая новость для Знахарей есть золотой кладъ. Людей, прибѣгающихъ къ нимъ за совѣтами, они предостерегаютъ отъ бѣдъ, ихъ ожидающихъ, увѣряя, что они сами видѣли, какъ ихъ новая Вѣдьма хочетъ извести всю деревню. Распуская такіе слухи, Знахари каждый вечеръ принимаютъ посѣтителей съ поклонами, съ подарками и просьбою защитить ихъ отъ Вѣдьмы. Знахарь, собравши со всей деревни приносы, идетъ въ поле, скапываетъ круги съ землею, и тѣмъ дѣло оканчивается.

Сожалѣя объ этомъ заблужденіи поселянъ, мы смѣло ихъ увѣряемъ, что эти круги суть обыкновенныя явленія въ природѣ, и происходятъ по опредѣленнымъ фи-

зическимъ законамъ. Земля, на которой въ лѣтнее время появляются зеленые круги, имѣетъ подземные источники. Отъ отдѣленія влажности, земля всегда покрывается зеленою травою, совершенно отличною отъ близкихъ мѣстъ. Утромъ, еще до восхода солнечнаго, пары отдѣляясь отъ влажной земли, сгущаются, оставляютъ послѣ себя на травѣ круги; но при восходѣ солнечномъ, когда лучи изрѣжаютъ атмосферу, они изчезаютъ. Это-то дѣйствіе природы Знахари выставляютъ за пляску Вѣдьмъ. Желтые круги, также появляющіеся лѣтомъ, въ утреннее время, происходятъ отъ такъ называемой мѣдяной росы. Эта роса, признаваемая за ядовитую, скопляется на древесныхъ листьяхъ въ видѣ клейкой и смолистой матеріи, и по своей тяжести, стекая, образуетъ около себя кругъ, сообразной высотѣ. Всѣ поселяне знаютъ, что въ природѣ существуетъ мѣдяная роса, но никогда не обращаютъ вниманіе, какъ она стекаетъ съ деревъ на землю; иначе они, вѣроятно, не рѣшились бы оскорблять своего ближняго.

18. Собачья старость.

Собачья старость будто нападаетъ въ деревняхъ на дѣтей одногодокъ, предъ прорѣзываніемъ зубовъ, по большей части, лѣтомъ. Старушки-лечейки, замѣтивши больное дитя, объявляютъ, что дитя, не доживя вѣку, умретъ; что къ нему прикочнулась злая болѣсть — собачья старость. Несчастные родители вѣрятъ этому вздору и просятъ лечейку избавить отъ болѣсти. Къ назначенному дню отыскиваютъ маленькую собачку, однолѣтку, бѣлошерстную; топятъ къ ночи печь *жарко на жарко*, и съ пѣніемъ первыхъ пѣтуховъ приступаютъ къ дѣлу. Лечейка связываетъ собакѣ ноги, и кладетъ въ топленую печь, потомъ принимаетъ изъ полы отъ матери больное дитя, и кладетъ рядомъ съ собакою. Послѣ этого начинаетъ парить дитя и собаку. Родители увѣрены, что чѣмъ большее дитя кричитъ, тѣмъ скорѣе съ него сходитъ болѣсть. Пареніе кончилось. Дитя передается матери также на полу, полубольное, полуизмученное, и нерѣдко умирающее. Собаку всегда стараются въ эту же ночь утопить.

СКАЗАНІЯ
О
ВОРОЖЕѢ.

1. Гаданіе на картахъ.

Ворожить на картахъ такъ усилилось въ городской жизни, что сдѣлалось особенною принадлежностію людей, посвятившихъ такому занятію всю свою жизнь. Въ селахъ ворожба сего рода извѣстна болѣе въ разговорахъ, нежели на самомъ дѣлѣ. Тамъ занимаются болѣе дворовые люди, заѣзжіе изъ городовъ, по привычкѣ; но поселяне не вѣрятъ этой ворожбѣ. Здѣсь нѣтъ чудеснаго, увлекательнаго для ихъ воображенія; здѣсь нѣтъ олицетворенія, могущаго потрясли ихъ духъ; здѣсь разсказы не проникаютъ ихъ грубую жизнь такими утонченными страстями, какъ это бываетъ въ городской жизни. Слѣдовательно: ворожба на картахъ родилась въ городахъ.

Приступая къ открытію гаданія на картахъ, мы не намѣрены входить въ объясненіе разныхъ способовъ, употребляемыхъ гадателями. Это суть предметы условные, всегда измѣняемые по волѣ людей, и разнообразные до безконечносчи. Мы только скажемъ здѣсь о главномъ характерѣ гаданія картахъ.

Гаданіе на картахъ присвоили себѣ женщины, записныя гадательницы, люди, имѣющіе связь со всѣми дворовыми людьми, съ торговками, посѣщающими многіе дома, съ разнощиками, обхаживающими ежедневно большую часть города. Сосредоточивая себя всегда въ эту сферу, они ежедневно сбираютъ отъ нихъ свѣдѣнія о домашней жизни городскихъ людей. Толпа людей, посѣщающихъ домы гадательницъ, всегда бываетъ извѣстна ворожеямъ. Соображаясь съ получаемыми свѣдѣніями, они напередъ знаютъ: кто и за чѣмъ пришелъ? что должно сказать каждому? Всѣ посѣтители вѣрятъ имъ на слово, не требуя ни какихъ доказательствъ. За то всѣ отвѣты ворожеекъ бываютъ двусмысленны. Главныя основанія гаданія на картахъ сосредочиваются на слѣдующихъ наблюденіяхъ:

1. Люди, посѣщающіе ворожеекъ, по большей части, бываютъ влюбленные, люди, имѣющіе въ виду надежду и отчаяніе. Такимъ людямъ ворожейки, смотря по щедрости, всегда предсказываютъ отгадъ благопріятный. Люди отчаянные въ своей любви, разгоряченные, несвязные въ разговорахъ, сами говорятъ о себѣ ворожейкамъ въ худую сторону.

2. Вторый отрядъ людей, посѣщающихъ ворожеекъ состоитъ изъ мужчинъ и женщинъ, лишенныхъ собственности разными образами. Какъ не узнать этихъ людей! Томность, горесть, отчаяніе, минутная надежда, выражаемая улыбкою при добромъ для нихъ разсказѣ, нетерпѣливость, безпрерывные разговоры объ однихъ себѣ, удаленіе отъ людей веселыхъ, отчужденіе отъ любопытныхъ предметовъ, всегда указываютъ ворожейкамъ: за чѣмъ явились къ нимъ люди, носящіе на себѣ отпечатокъ своихъ несчастій!

3. Третій отрядъ людей состоитъ изъ особъ, желающихъ знать: какимъ образомъ улучшить свои домашнія обстоятельства? Одежда, непредвѣщающая большаго достатка; разговоры о трудностяхъ домашней жизни; распросы о должностяхъ легкихъ, покойныхъ, выгодныхъ; разныя предпріятія, невольно высказываемыя; радость и отчаяніе, безпрерывно смѣняемыя при раскидываніи картъ — вотъ вѣрные указатели для ворожеекъ.

На этихъ-то признакахъ и на собираемыхъ свѣдѣніяхъ совершается гаданіе на

картахъ. Удачное открытіе ворожейки всюду разносится и притомъ всегда въ увеличенномъ видѣ; неудача же скрывается отъ стыда и слабости. Страсти вездѣ берутъ перевѣсъ; но въ картахъ еще болѣе видно ихъ владычество. Люди, обманутые ворожейками нѣсколько разъ, не картамъ приписываютъ свои неудачи, но всегда постороннимъ обстоятельствамъ, и при первомъ слухѣ о новой, чудесной ворожейкѣ, толпами бѣгутъ въ покои обманщицы и вѣрятъ въ карты.

Довѣренность къ картамъ, проистекая отъ страстей и худаго направленія духа, можетъ быть только истреблена однимъ истиннымъ, вѣрнымъ образованіемъ ума и удаленіемъ страстей. Всѣ предпріятія для этого будутъ тщетны, если люди будутъ чуждаться умственнаго образованія.

2. Гаданіе на кофеѣ.

Гаданіе на кофеѣ образовалось въ городахъ и изъ нихъ еще не перешло въ селенія. Довѣренность къ такому роду ворожбы гораздо сильнѣе, нежели къ картамъ; отъ того то люди какъ-то неохотно приступаютъ къ гаданію на кофе; одно отчаяніе, рѣдко крайность отваживаютъ на это. Повѣріе, что гаданіе на кофеѣ всегда сбывается, отклоняетъ многихъ отъ такой ворожбы.

Главныя основанія ворожбы на кофеѣ также основаны на знаніи семейныхъ дѣлъ и страстей. Кофейницы, какъ записныя ворожейки, должны быть женщины пожилыхъ лѣтъ, говорливыя, расторопныя, и часто пьяныя, по Русскому народному повѣрію, пьющими отъ ума.

Кофейницы свою ворожбу производятъ открыто, одною густотою вареннаго кофея. Принимая къ себѣ посѣтителей, они эту густоту кладутъ въ чайную чашку, накрываютъ чайнымъ блюдечкомъ; потомъ опрокидываютъ чашку вверьхъ для того, чтобы кофейная густота пристала къ стѣнкамъ чашки. За симъ снимаютъ блюдечко, чашку ставятъ поодаль на столѣ, на блюдечко наливаютъ воды; взявши чашку за дно, опускаютъ на блюдечко, погружая троекратно, при произношеніи словъ: *вѣрность, дружба и согласіе*. Послѣ этого поднимаютъ чашечку и начинается гаданіе, сообразно тѣнямъ и знакамъ отражающимся на кофейной густотѣ. Тѣни и знаки, какъ примѣты условные, изъясняются слѣдующимъ образомъ:

Тѣнь человѣка имѣетъ два значенія: влюбленнымъ предсказываетъ свиданіе, лишеннымъ имущества вѣчную пропажу.

Тѣни зданій всегда предсказываютъ: богатымъ счастливыя предвѣщанія, бѣднымъ худыя ожиданія, щедрымъ нечаянное обогащеніе.

Тѣни земель и растеній предсказываютъ: вѣчные раздоры, худые замыслы, разрывъ любовныхъ связей, неудачи въ дѣлахъ, худые обороты, тоску, грусть.

Тѣни животныхъ предсказываютъ: опасность отъ злыхъ людей, неблагопріятную дорогу, огорчительныя письма, извѣстія о разстройствѣ имѣній, опасность за друзей и влюбленныхъ.

3. Гаданіе на псалтырь.

Гаданіе на псалтырь принадлежитъ вмѣстѣ и сельской и городской жизни. Люди боятся гаданій этого рода, страшась ихъ сбывчивости; но при всемъ томъ ворожба эта производится явно, съ совершеніемъ какихъ-то молитвъ.

Записныхъ гадателей на псалтырь рѣдко встрѣчаемъ. Этимъ занимаются по большей части домашніе люди, своего рода, старушки, знающія всю подноготную. Приступая къ ворожбѣ, онѣ берутъ ключь, пишутъ записочки, требуютъ псалтырь. Записочки вкладываютъ въ псалтырь, ключь винтовымъ концемъ вкладываютъ также въ псалтырь, а круговой конецъ связываютъ веревочкою съ псалтыремъ. Потомъ заставляютъ посторонняго человѣка держать на указательномъ пальцѣ ключь съ псалтыремъ. Послѣ этого ворожея читаетъ тайно какой то псаломъ. Если въ это время завертится псалтырь на пальцѣ, то означаетъ хорошій признакъ и гаданіе бываетъ удовлетворительное. Если псалтырь не вертится

то это худой признакъ, гаданіе, необѣщающее хорошаго.

Основаніе этой ворожбы заключается въ соблюденіи равновѣсія. Малѣйшая неосторожность служитъ въ пользу обманщиковъ. Такой родъ гаданія производится еще другимъ образомъ: открываютъ по произволу псалтырь и заставляютъ приходящихъ читать. Послѣ каждаго чтенія начинается толкованіе. Всякой благоразумный человѣкъ можетъ на передъ представить: какое бываетъ толкованіе. Обманщики, соображаясь съ обстоятельствами, пріискиваютъ такіе псалмы, какіе ближе къ обстоятельствамъ жизни приходящаго человѣка.

Сей способъ гаданія перешелъ къ намъ съ Запада. Шмидтъ, въ своей исторіи о Германцахъ, упоминая о соборѣ Епископа Бургарда, приводитъ вопросные пункты о гаданіи на псалтырѣ. Слѣдовательно: это гаданіе не принадлежитъ собственно Русской жизни; но оно передѣлано на свой ладъ, по подобію другихъ гаданій.

4. Гаданіе на рѣшетѣ.

Гаданіе на рѣшетѣ существуетъ болѣе въ деревняхъ, нежели въ городахъ. Доступное всѣмъ возрастамъ и состояніямъ, оно принимается съ большею довѣренностію при пропажѣ домашнихъ вещей и животныхъ. Дворовые люди въ селеніяхъ почитаются самыми искусными въ гаданіи на рѣшетѣ, Замѣчательно здѣсь особенное исключеніе: сельскихъ дѣвушекъ отлучаютъ отъ рѣшета; его непремѣнно должна совершать замужняя женщина.

Основное положеніе гаданія на рѣшетѣ состоитъ въ соблюденіи равновѣсія. Чѣмъ болѣе попытокъ дѣлается, тѣмъ рѣшето скорѣе теряетъ равновѣсіе. Ворожейки, для увеличенія обмана, прежде сѣютъ этимъ рѣшетомъ снѣгъ, потомъ вытрясаютъ его при лунномъ свѣтѣ. Такое рѣшето, по разсказамъ поселянъ, имѣетъ болѣе дѣйствія.

Способъ гаданія на рѣшетѣ совершается двоякимъ образомъ. Берутъ рѣшето, утверждаютъ его на указательномъ пальцѣ, вытягиваютъ руку въ сторону, и потомъ начинаютъ причитывать имена тѣхъ людей, на кого падаетъ подозрѣніе. Если при чьемъ имени посѣтитель и ворожея замѣтятъ, что рѣшето повернулось, тотъ почитается воромъ.

Вторый способъ гаданія совершается иначе: На верху рѣшета привязываютъ ножницы. Приглашаютъ въ свидѣтели двухъ постороннихъ человѣкъ. Эти свидѣтели ставятъ концы ножницъ на своихъ среднихъ пальцахъ. Въ это время ворожейка начинаетъ причитывать: «Бѣлый укралъ? Черный укралъ! Рыжій укралъ? Сѣдой укралъ? Свѣтлорусый укралъ? Темнорусый укралъ?» При каждомъ вопросѣ замѣчаютъ: не завертѣлось ли рѣшето? Если рѣшето завертѣлось при вопросѣ: бѣлый укралъ? — то похититель есть бѣлый человѣкъ. Послѣ чего начинается толкованіе, что этотъ бѣлый имѣетъ такія та примѣты. Само собою разумѣется, что описаніе примѣтъ дѣлается со словъ приходящихъ, или производится сообразно обстоятельствамъ и времени.

5. Гаданіе на яицахъ.

Гаданіе на яицахъ принадлежитъ въ сельской жизни однѣмъ дѣвицамъ; но въ городахъ оно имѣетъ разныя принароблееія. Такимъ производствомъ почти всегда занимаются бродящія старухи, а изъ домашнихъ няньки. Толкованія старухъ и нянекъ принимаются за сущую правду.

Приступая къ гаданію, старухи берутъ теплую воду въ стаканъ и распускаютъ въ немъ яичной бѣлокъ. При выпусканіи бѣлка отражаются различныя *фигуры*. Поэтимъ-то фигурамъ начинается гаданіе.

фигура, выражающая церковь предвѣщаетъ: дѣвушкѣ скорою свадьбу, пожилой смерть.

Фигура, отражающая корабль съ парусами предвѣщаетъ: замужней женщинѣ скорое прибытіе мужа, дѣвушкѣ отдачу замужъ на чужую сторону, молодому мужчинѣ отдаленное путешествіе.

Если бѣлокъ вдругъ опустится на дно стакана, то это угрожаетъ опаснымъ бѣд-

ствіемъ, смертію, пожаромъ, вѣчною незамужнею жизнію.

Объясненіе сего гаданія основывается на простомъ химическомъ законѣ, на соединеніи двухъ газпородныхъ веществъ. Люди, неслыхавшіе объ этомъ законѣ, вѣрятъ безусловно въ толкованіе ворожеекъ.

6. Гаданіе на иглахъ.

Гаданіе на иглахъ такъ обыкновенно въ кругу дѣвичей жизни, что если какая дѣвушка не попроситъ объ этомъ ворожейку, то всегда поносится отъ своихъ подругъ. Кто знакомъ съ сельскимъ воспитаніемъ, кто знаетъ съ какими предразсудками воспитываются эти дѣвицы, тотъ легко пойметъ произхожденіе гаданія па иглахъ.

Сельскія дѣвушки, рѣшаясь гадать на иглахъ, просятъ или ворожеекъ, или нянекъ; сами же гадать не должны: правда не сбывается. Ворожейки берутъ двѣ иглы, натираютъ саломъ, опускаютъ ихъ въ стаканъ съ водою. Если иглы потонутъ, то это худой признакъ; если онѣ сошлись вмѣстѣ, то это предвѣщаютъ скорое вступленіе въ замужество; если онѣ разошлись одна противъ другой, то это означаютъ, что есть препятствія къ свадьбѣ со стороны недоброжелателей; если онѣ разошлись въ разные стороны, то это предсказываютъ вѣчную незамужнюю жизнь. Всякое явленіе сопровождается намеками на извѣстныхъ жениховъ, и при каждомъ разѣ выпытываютъ отъ дѣвушекъ семейныя тайны и передаютъ ихъ женихамъ.

7. Гаданіе на воскѣ.

Гаданіе на воскѣ употребляется сельскими и городскими дѣвушками во время святочныхъ вечеровъ, по совѣту нянекъ и ворожеекъ. Желая узнать своего суженаго въ глаза, отчаянныя дѣвушки это гаданіе совершаютъ въ банѣ, въ полуночные часы. Явленіе на яву суженаго совершается по милости услужливыхъ нянюшекъ. Расторопный суженый, подкупая няньку, съ вечера переселяется въ баню и дожидается прихода суженой. Когда же суженая хочетъ гадать, онъ предстаетъ къ ней, вручаетъ кольцо и скрывается. Дѣвушка отъ испуга ахаетъ, падаетъ въ обморокъ, а послѣ подсылаются свахи, женихъ является на *смотрины* и дѣло слаживается безъ дальнихъ хлопотъ.

Гаданіе на воскѣ, производимое въ присутствіи многихъ въ домѣ, совершается слѣдующимъ образомъ: растапливаютъ воскъ и вливаютъ его въ стаканъ съ холодною водою. Въ это время опытныя няньки начинаютъ дѣлать предсказанія по отражающимся фигурамъ. Знакомымъ и тороватымъ дѣвушкамъ предсказываютъ все хорошее, благопріятное; напротивъ того бѣднымъ, незнатнымъ, отгадываютъ все худое, оскорбительное. Часто между дѣвушками заводятся интриги. Изъ ненависти къ своей подругѣ подкупаютъ ворожейку, которая высказываетъ нелѣпости разнаго рода. Отъ этого иногда происходятъ вѣчные семейные раздоры.

8. Гаданіе на свинцѣ.

Гаданіе на свинцѣ принадлежитъ къ святочнымъ тайнамъ, производится въ городахъ и селахъ, подъ рукою нянекъ. Въ этомъ гаданіи участвуютъ только дѣвицы, переиспытавшія всѣ прочіе роды гаданій. Общее народное замѣчаніе для этого гаданія есть: скрытность отъ отца и матери, а съ тѣмъ вмѣстѣ и уединенность для занятія.

Ворожеи растапливаютъ свинецъ, вливаютъ его въ холодную воду и дѣлаютъ свои наблюдательныя замѣчанія. На какую сторону будутъ отдѣляться пары, на той сторонѣ быть дѣвицѣ замужемъ. Если свинецъ будетъ представлять церковь, то это означаетъ скорую свадьбу; если будетъ показывать гробъ, то это предвѣщаетъ скорую смерть.

9. Гаданіе въ зеркалѣ.

Самое дѣйствительное *гаданіе въ зеркалѣ* совершается на дворѣ при лунномъ сіяніи, во время святочныхъ вечеровъ. Впрочемъ, по необходимости, совершается и въ домѣ, а притомъ во всякое время. Лучшее время для этого гаданія признает-

ся полночь, при тускломъ комнатномъ свѣтѣ, при всеобщемъ молчаніи.

Гаданіе въ зеркалѣ не принадлежитъ къ кругу изобрѣтеній Русскихъ ворожеекъ; оно перешло въ наше отечество изъ другихъ земель. Суевѣрные Греки, получившіе это завѣщаніе отъ древней Восточной жизни, осуществляли его своими таинствами, приноравливали къ разнымъ обстоятельствамъ, и потомъ, вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ, передали его разнымъ народамъ. Какъ чудесный вымыселъ, какъ обольстительное обояніе, оно пережило вѣка, нравилось всѣмъ народамъ, измѣнялось по прихоти каждаго ворожеи. Наконецъ довелось участвовать въ немъ и Русской жизни.

Наши ворожеи, сбираясь гадать въ зеркалѣ, избираютъ уединенную комнату, берутъ два зеркала, одно большое, другое поменьше. Ровно въ 12 часовъ ночи начинается гаданіе. Большое зеркало ставятъ на столѣ, противъ него маленькое; гадательница садится предъ зеркаломъ, обставленномъ свѣчами. Всѣ окружающіе наблюдаютъ глубокое молчаніе, сидя въ сторонѣ; одна только гадательница смотритъ въ зеркало. Въ это время въ большемъ зеркалѣ начинаютъ показываться одно за другимъ 12 зеркаловъ. Какъ скоро будутъ *наведены зеркала*, то въ послѣднемъ изъ нихъ отражается загадываемый предметъ. Но, какъ явленіе не всегда показывается, то начинаютъ другія наводить. Вѣрный признакъ наведенія есть тусклость зеркала, которое протираютъ полотенцемъ. Наши ворожеи думаютъ, что суженый, вызванный по неволѣ этимъ гаданіемъ, приходитъ въ гадательную комнату и смотритъ въ зеркало чрезъ плечо своей суженой. Суженая, бодрая и смѣлая, всегда разсматриваетъ всѣ черты лица, платье и другія его примѣты. Когда она кончитъ свой обзоръ, тогда кричитъ: «Чуръ сего мѣста!» При этомъ чураніи привидѣніе вдругъ изчезаетъ. Старушки увѣряютъ, что если суженая не зачураетъ привидѣніе, тогда оно садится за столъ, вынимаетъ изъ кармана что-нибудь, кладетъ на столъ. Догадливыя гадательницы въ роковой мигъ начинаютъ чурать; привидѣніе изчезаетъ, а оставленная на столѣ вещь остается въ ея пользу. Послѣдствія оправдываютъ ожиданіе ворожеекъ: оставленная вещь будто всегда похищается у жениха, въ то самое время, когда его суженая наводитъ зеркала. Самое важное обстоятельство въ этомъ гаданіи есть слова: «Суженой, ряженой! Покажись мнѣ въ зеркалѣ» и мысль объ немъ до появленія двѣнадцатаго зеркала.

Почти всеобщая увѣренность въ дѣйствительность сего гаданія, заслуживаетъ сожалѣніе о заблужденія людей, доступныхъ этому вѣрованію. Установка зеркалъ, отражающихъ мелькающія тѣни присутствующихъ людей при гаданіи, сообразно законамъ Оптики; разгорячаемое воображеніе, устремляемое на извѣстный предметъ; вѣра въ дѣйствительность сего гаданія, подтверждаемая разсказами старухъ; воспитаніе, неочищенное отъ предразсудковъ, служатъ основными началами этой ворожбы. Истинное образованіе ума, непреложная вѣра въ Бога, усилія людей благомыслящихъ, можетъ быть, со временемъ, избавятъ нашихъ соотечественниковъ отъ явнаго заблужденія.

10. Гаданіе курицею.

Гаданіе черною курицею принадлежитъ вѣкамъ всеобщаго Европейскаго суевѣрія, когда слова людей виновныхъ не имѣли вѣрности въ судѣ, когда пустыя испытанія винили праваго, оправдывали виновнаго, когда дерзкій преступникъ, одаренный физическою силою, съ мечемъ въ рукѣ защищалъ свою правоту. Когда это гаданіе зашло въ Русскую землю, доказать не возможно. Наши ворожеи употребляютъ его для открытія похитителей.

Въ семействѣ, гдѣ случилось похищеніе, всегда подозрѣваютъ многихъ, особенно въ деревняхъ. Тамъ правыхъ и виноватыхъ сбираютъ вечеромъ въ одну избу, тушатъ огонь, и впускаютъ курицу, осыпанную сажею. Курица, обходя правыхъ, прикасается къ нимъ; но подходя къ вору будто кричитъ, бѣжитъ прочь и не подпускаетъ его къ себѣ. Въ этомъ случаѣ всѣ правые, по необходимости, окрашиваются сажею; одинъ только похититель не удо-

Въ Тульской губерніи эту же самую игру совершаетъ одинъ мальчикъ, безъ всякаго вреда. Беретъ въ руки коротенькую веревочку, голову сгибаетъ къ колѣнямъ, дѣлаетъ вверхъ прыжки, и въ тоже самое время вертитъ веревку кругомъ себя. Издали эта игра представляетъ видъ обращающагося колеса.

18. КОРШУНЪ.

Какой-то добрый геній внушилъ нашимъ предкамъ Коршуна, игру, любимую всѣми сословіями. Можетъ быть олицетвореніе, переданное въ этой игрѣ, веселитъ Русское сердце. *Коршунъ* — строгій, взыскательный семьянинъ, *Насѣдка — сердолюбивая* мать, скрывающая всѣ недостатки своихъ дѣтей, *Цыплята* — шаловливыя, миловидныя дѣти — вполнѣ выражаютъ старую Русскую жизнь. Основная мысль этой игры есть самобытная: это собственность Русской народности.

Въ хорошій лѣтній вечеръ, когда семейства *столпляются* у воротъ, молодежь начинаетъ игру Коршунъ. Безъ затѣевъ въ Русскихъ играхъ ничего не бываетъ. Выбираютъ Коршуна съ большими затѣями и спорами — всякому хочется *поважничать;* менѣе всѣхъ кричатъ о выборѣ *Насѣдки* — это должность тягостная. Всѣ прочіе по неволѣ играютъ изъ себя *Цыплятъ*. Коршунъ сидитъ *одинъ одинехонекъ*, въ отдаленномъ мѣстѣ, въ положеніи довольно любопытномъ. Онъ долженъ со злобою смотрѣть на насѣдку съ дѣтьми, скрежетать зубами, кусать себѣ пальцы, и покрикивать, довольно неудачно, по птичью, какъ коршунъ. Матка подходитъ къ Коршуну, за нею вытягивается длинный рядъ дѣтей. Картина Русская, неподдѣльная! Это народъ всѣхъ возрастовъ, это сцѣпленіе существъ, забывшихъ все земное, существъ — игривыхъ, добрыхъ, людей семейныхъ, Русскихъ. Коршунъ роетъ землю; насѣдка *заводитъ* съ нимъ *рѣчи*:

Н. Коршунъ, Коршунъ! Что ты дѣлаешь?
К. Что? Рою землю, да ямку.
Н. На что роешь ямку?
К. Чтобы денежку найдти.
Н. На что тебѣ денежку?
К. Иголку купить.
Н. На что тебѣ иголку?
К. Мѣшечекъ сшить.
Н. На что тебѣ мѣшечекъ?
К. Соли купить.
Н. На что тебѣ соли купить?
К. Щи посолить.
Н. На что тебѣ щи солить?
К. Одну половину съѣсть, а другою твоимъ дѣтямъ глаза залить.
Н. Фуу! Фуу! За что? Про что?
К. Они мою городьбу разломали.
Н. А какъ высока была твоя городьба?
К. Вотъ смотри: Коршунъ бросаетъ вверхъ камень такъ высоко, сколько позволяютъ силы.
Н. Мою городьбу козелъ бородой достанетъ, да и той они не могутъ разломать.
К. Они буяны. Я ихъ истреблю.
Н. Они мои. Не дамъ. Ши! Ши! Злой Коршунъ! Долой злой Коршунъ! Ши! Ши! Ши! —

Раздосадованный Коршунъ слетаетъ съ мѣста и начинаетъ ловить дѣтей. Насѣдка защищаетъ ихъ, дѣти укрываются за матерью. Шумъ, крикъ, визгъ, бѣганье; всѣ мѣры малосильной Насѣдки противъ похитителя остаются ничтожными. Коршунъ утаскиваетъ дѣтей въ свое гнѣздо. Переловивъ дѣтей, онъ съ ними кидается на Насѣдку щипать — за ея строптивый нравъ. Этимъ оканчивается игра.

19. ЛАПТА.

Игра Лапта составляетъ особенное увеселеніе мужчинъ, преимущественно лѣтомъ. Женскій полъ здѣсь отчужденъ: *всеобщій смѣхъ огласилъ бы дѣвушку* въ глазахъ подругъ, если бы разнеслись объ этомъ вѣсти въ *околодкѣ*. Игру Лапту мы должны отличать отъ всѣхъ другихъ: это особенной родъ какой-то войны, гдѣ проворство, ловкость, быстрота почитаются отличными качествами игрока. Молва народная признаетъ эту игру за старинную, давность которой незапамятна дѣдамъ и прадѣдамъ. Ар-

хеографія при всѣхъ открытіяхъ, ничего не говоритъ о письменахъ, сохранившихъ слѣды игръ. Русская народность сосредоточивалась въ жизни семейной, и измѣнялась только тогда, когда измѣнялась самая жизнь. Въ комъ течетъ Русская кровь, въ комъ бьется Русское сердце, тотъ съ гордостію укажетъ чужеземцу на старую Русскую жизнь, существующую въ быту семейномъ. Конечно, многіе семейства удалили отъ себя много Русскаго, стараго; но оно переселилось въ селенія и города, гдѣ еще современныя обновленія не касались семейной жизни, гдѣ измѣненія почитаются святотатствомъ, гдѣ блюдутъ старину, какъ святыню. Вся лестная надежда чужеземцовъ разобрать исторически Русскую народность — доселѣ остается безъ исполненія. Это происходило единственно отъ того, что думали отыскать народность въ письменныхъ памятникахъ. Простимъ чужеземцамъ за незнаніе нашей Русской жизни. Мы знаемъ, что наши предки записывали только историческія событія; все прочее хранилось въ семейной жизни по обычаю и преданіямъ, изъ рода въ родъ. Пока мы не изучимъ семейной жизни, мы не узнаемъ Русской народности. Самое же изученіе должно совершиться наиподробнѣйшимъ описаніемъ обычаевъ и повѣрій. Безъ этого все будетъ ничтожно; безъ этого всегда исторіи Русскаго народа будутъ безъ общественной Русской жизни.

Игра Лапта, кажется, получила свое названіе отъ деревянной маленькой лапаточки, употребляемой игроками, а *лапта* и *мягъ*—какъ принадлежности игры составляютъ главныя орудія. Чтобы разыграть Лапту, игроки раздѣляются подъ управленіемъ *матокъ* на *двѣ половины*, изъ коихъ одна *служитъ*, а другая *водитъ*.

Прежде всего выбираютъ матокъ, послѣ всѣхъ возможныхъ споровъ. Берутъ лапту, плюютъ на ея одну сторону, бросаютъ вверхъ, говоря: «*сухаго или мокраго тебѣ надобно?*» Если лапта упадетъ на землю стороною сообразно требованію, тогда этого игрока величаютъ *маткою*. Матки набираютъ свою половину. Игроки разсыпаются въ стороны *для сговариванія*. Подходя по парно къ маткамъ, они заставляютъ ее выбирать изъ себя только по условнымъ словамъ, не выражая именно, кому они принадлежатъ. Это дѣлается для того, чтобы матка не могла *подобрать свою половину* изъ лучшихъ игроковъ. Набравши половины, матки начинаютъ метать жребій: *кому служить? кому водить?* гдѣ *быть чертамъ* для игры?

Половина обреченная жеребьемъ *служить*, разсыпается по разнымъ мѣстамъ. Одинъ становится у *игральной* черты—онъ долженъ *подавать* мячь; другой идетъ на *серѣдовину*—ловить мячь; третій становится по *ловлямъ*—бокамъ—также ловить мячь; четвертый караулитъ послѣднюю *коновую* черту. Первый, стоящій на игральной чертѣ, бросаетъ только мячь вверхъ игрокамъ; всѣ прочіе, поймавши мячь, должны бить игроковъ, бѣгущихъ къ новой чертѣ.

Половина, обреченная по жеребью *водить*, становится въ кружекъ на игральной чертѣ. Одинъ беретъ лапту, и бьетъ ею на лету мячь. Пробивши, идетъ назадъ. На его мѣсто становится другой, и то же дѣлаетъ. Въ то самое время когда мячь отъ удара втораго бойца летаетъ по полянѣ, первый боецъ бѣжитъ къ коновой чертѣ, избѣгая всячески, чтобы ловильщики не *поймали* его ударомъ этого мяча. Если это случится, игра кончается.

Каждая половина обязана въ строгости исполнять свои условія.

Половинѣ служить вмѣняется: подавать мячь бойцу только до трехъ разъ, если онъ не успѣваетъ его подбивать лаптою; стараться мячь ловить на лету: въ этомъ заключается польза всей половины—*передача служить*. Если успѣваютъ поймать мячь на лету, то стараются схватить его какъ можно скорѣе и бить имъ бѣгущихъ игроковъ.

Половинѣ водить вмѣняется: бить по мячу лаптою нѣсколько вкось, и какъ можно сильнѣе: отъ этого зависитъ неудача ловильщиковъ. Бѣжать отъ черты до черты скорѣе; не поддаваться мячу; въ неудачахъ обращаться назадъ, пока ловцы передадутъ подавальщику мячь. Если боецъ

получитъ мячемъ ударъ на чертѣ, то это считать *не въ почетъ;* ударъ на дорогѣ заставляетъ принимать передачу.

20. ПЫЖЪ.

Пыжъ, игра опасная, служитъ лѣтнимъ увеселеніемъ для мальчиковъ. Эта игра, отпечатокъ какого-то боя, вѣроятно, занесена къ намъ сосѣдями. Не Татары ли принесли этотъ гостинецъ нашимъ дѣтямъ?

Выходя на лугъ или пустошь, мальчики вооружаются палками, длиною въ 12 вершковъ, довольно толстыми. Для кона очертывается четвероугольное мѣсто, въ срединѣ котораго становится *Пыжъ*, палочка отрубленная въ 3 вершка длиною. Въ этой игрѣ участвуютъ *игроки* и *вожатый*. Выборъ *въ вожатые* производится по особенному жеребью: каждый игрокъ долженъ взять въ правую руку свою палку, а въ лѣвую пыжъ; потомъ, бросивъ на палку пыжъ, начинаетъ *чаковать*, и тотъ, кто сдѣлаетъ больше ударовъ палкою о пыжъ, остается игрокомъ, а кто меньше всѣхъ, тотъ вожатымъ.

Игроки становятся на одну сторону—*на черту*, условленную отъ кона. Вожатый отходитъ въ сторону. Игрокъ бросаетъ палку въ пыжъ, а вожатый бѣжитъ за пыжемъ, чтобы не допустить игрока взять палку и скорѣе воротиться къ кону. Въ этой игрѣ соблюдаются свои условія:

Игрокъ долженъ такъ сбивать пыжъ, чтобы онъ не оставаясь въ четвероугольникѣ, летѣлъ въ сторону, Нарушитель сего условіе—дѣлается вожатымъ.

Сбивши пыжъ, игрокъ долженъ бѣжать за своею палкою, чтобы поднять ее и возвратиться къ кону до приходу вожатаго; если онъ не надѣется сдѣлать этого, то долженъ отбрасывать палку на дальнѣе разстояніе, и выжидать счастія.

Вожатый не долженъ допускать къ кону игрока съ палкою; онъ долженъ скорѣе бросить на конъ пыжъ.

Вожатый долженъ замѣчать: кто изъ игроковъ, послѣ пробитія, возвращается *на черту отъ кона, не обмочивши палку въ четвероугольникѣ?*

Выжидающій счастія игрокъ не долженъ брать палку прежде пробитія другаго, а иначе онъ сдѣлается вожатымъ.

Если всѣ игроки не успѣютъ сбить съ кона пыжъ, тогда вожатый беретъ его изъ четвероугольника, отмѣряетъ шаги по условію, и бросаетъ его въ палки. На чью палку упадетъ пыжъ, тотъ дѣлается вожатымъ.

Если бы кто изъ игроковъ задумалъ спорить, то изъ него *выжимаютъ масло.* Это дѣлается такъ: одинъ изъ игроковъ прижимаетъ спорщика къ себѣ, а другой къ себѣ—палками. Спорщикъ сквозь слезы соглашается продолжать игу.

При *Чакованіи* пыжемъ, игрокъ долженъ говорить:

Чаки, чаковочки,
Маковы головочки,
Малечина, Калечина,
Сколько часовъ
До вечера, до зимняго.
Разъ, два, три [и далѣе].

21. СВАЙКА.

Игра Свайка, кажется, одолжена своимъ бытіемъ Тульской оружейной слободѣ, живущей отдѣльною сферою отъ всѣхъ другихъ сословій, имѣющей свой особенной выговоръ словъ, свои привычки, незамѣтныя въ другихъ мѣстахъ, свои увеселительныя занятія, недоступныя другимъ людямъ. Въ рѣдкихъ мѣстахъ другихъ губерній можно слышать объ этой игрѣ.

Игроки запасаются для этой игры: *Свайкою*, орудіемъ сдѣланнымъ изъ желѣза въ видѣ остраго гвоздя, съ толстою головкою, вѣсомъ отъ 1 до 20 фунтовъ, и *кольцомъ желѣзнымъ.* Въ Тулѣ игроки сбираются у воротъ, и избравши мягкое мѣсто, начи-

нають игру. Вся игра заключается въ условленныхъ пріемахъ.

Бросать свайку такъ, чтобы она прямо упала въ центръ кольца, или, воткнувшись въ землю, оттолкнула бы его на дальнее разстояніе.

Свайка, воткнутая въ землю съ ударомъ о кольцо—считается за одинъ разъ, въ самое кольцо за два раза, а если она отброситъ его далеко, тогда пространство отъ свайки до кольца измѣряется *пирогами* — пяденью.

Если свайка попадаетъ въ кольцо и съ нимъ упадетъ, не воткнувшись въ землю, тогда игрокъ лишается всѣхъ выигрышей. Эту неудачу игроки называютъ: *захлѣбнулся, хомутъ на отца надѣлъ.*

Выигрышъ считается до десяти и болѣе разовъ, смотря по сдѣланному условію, и кто ихъ болѣе сдѣлаетъ — говорятъ: *вышелъ*. Но, кто не сдѣлаетъ десятка, тогда какъ другіе *вышли*, долженъ *подавать свайку*.

Подавать свайку—значитъ—каждому игроку онъ долженъ, какъ виноватый, подавать это орудіе до десяти разъ, а тотъ, какъ ему только лучше, берется за свайку и глубоко вбиваетъ въ землю. Если игрокъ послѣ подачи попадаетъ въ кольцо, тогда проигравшійся снова долженъ подавать свайку до тѣхъ поръ, пока всѣ игроки пробьютъ *уреченные разы*, пока никто изъ нихъ не попадетъ въ кольцо.

Проигравшійся подвергается большимъ насмѣшкамъ. Ему говорятъ: «*масло потекло*»—когда онъ отъ большихъ усилій запотѣетъ; *шильцо къ бильцу подползло* — когда онъ не можетъ вытащить свайку, глубоко забитую въ землю; *потпй фатпй, до звѣзды говпй, а леща подавай*—когда онъ выбьется изъ силъ и отказывается отъ игры; *не тюрюкай тюрю, проползай въ нору*—когда онъ беретъ щепку или что нибудь другое для раскапыванія земли вокругъ свайки; *сбылъ бѣду, какъ сосѣдову жену*—когда окончитъ свои труды. Глубоко вонзившаяся въ землю свайка называется: *рѣдькой*.

22. АГАРУШИКЪ.

Всматриваясь въ игру Агарушикъ, (Огарышекъ?) мы невольно робѣемъ за дѣвицъ старой Русской жизни. Зависть, злая утѣха пожилыхъ и некрасивыхъ дѣвицъ, кажется, изобрѣла эту игру. Дѣвицы, сбираясь играть въ Агарушикъ, напередъ обрѣкаютъ для себя *посмѣшище* — тихихъ, скромныхъ, сиротливыхъ подругъ. Видно, что интриги и въ старину волновали сердца нашихъ бабушекъ.

Молодыя дѣвицы и женщины сходятся играть на пустошь передъ вечеромъ. Сядясь въ кружекъ одна подлѣ другой, выбираютъ изъ среды себя разскащицу, по большой части изъ богатыхъ, которая, обхаживая ихъ, приговариваетъ:

За черемя,
За беремя,
За стараго,
Петръ,
Петровичъ,
Егорычъ,
Труса,
Пеня,
Князь,

На которую достается слово: «*Князь*», та выходитъ изъ *сѣдалокъ*. Разскащица снова обходитъ ихъ съ присказкою, пока останется одна, съ которою она должна говорить по очереди. И та, которая изъ нихъ послѣдняя произнесетъ: «*Князь,*» бѣжитъ. Подруги оставшуюся величаютъ:

Агарушикъ!
Черной камушикъ,
Ненаѣдушикъ,
А послѣдушикъ.
Агарушикъ!

Дѣвица—Агарушикъ, осмѣиваемая игроками, бѣгаетъ за ними, и ловитъ ихъ. Пойманная дѣвица дѣлается помощницею ловли. Въ волѣ игроковъ бываетъ: переловить ли всѣхъ, или только двухъ?

23. ВѢТЧИНКА.

Игра *Вѣтчинка* олицетворяетъ собою какое-то народное поученіе. Не хотѣли ли этою игрою наши предки отучить молодежь отъ похищенія? Если она введена была въ старую Русскую жизнь съ этою нравственною цѣлію, то мы должны имѣть высокое понятіе о семейной жизни нашихъ предковъ.

Въ этой игрѣ молодежь прежде всего вбиваетъ въ землю *колышекъ* и къ нему привязываетъ *веревочку*, длиною до 2 и болѣе аршинъ. Около колышка кладутъ разныя старыя вещи. Въ деревняхъ употребляютъ для этого всегда старыя лапти. *Водырь*, обреченный по жеребью *водить*, беретъ въ одну руку веревку, а въ другую прутъ. Игроки, подходя къ Водырю, спрашиваютъ:

Игроки. Поспѣла ли Вѣтчинка?
Водырь. Нѣтъ!
И. Поспѣла ли Вѣтчинка?
В. Нѣтъ!
И. Поспѣла ли Вѣтчинка?
В. Кипитъ!
И. Поспѣла ли Вѣтчинка?
В. Кипитъ.
Шевелитъ,
Продаваться
Велитъ.

Съ послѣднимъ словомъ начинается расхищеніе Вѣтчинки. Водырь, вытянувши веревку, старается *изловить* похитителей прутомъ. Если кто получитъ ударъ, тотъ заступаетъ мѣсто водыря. Игра продолжается до тѣхъ поръ, пока игроки растаскаютъ всю Вѣтчинку. Когда же не будетъ *открыто* *допряма* похитителей, а Вѣтчинка *невѣдомо кѣмъ* растаскана, тогда *послѣдуетъ порушаніе водырю* — наказаніе. Всѣ игроки берутъ по пруту, становятся въ два ряда. Водырь бѣжитъ по ширинкѣ, преслѣдуемый игроками. Пощады въ этой игрѣ никогда не бываетъ.

24. СУЧКА.

Играть въ сучку, вѣроятно, ввели наши предки съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы пріучить дѣтей своихъ къ борьбѣ со врагомъ. Здѣсь все говоритъ о войнѣ. *Яма* изображаетъ собою *городъ*, *лунка* — *жилище*, *игроки* — *жителей*, защищающихъ свою собственность, *палки* — *оружіе* вообще, *вожатый* — *непріятеля*, *сучка* — какое-то *орудіе* непріятельское. Не много Русскихъ игръ, которыя бы выражали такъ отчетливо защиту собственности отъ пришельца, какъ эта.

Игроки выкапываютъ на пустоши *яму*, глубиною въ пол-аршина и столько же въ поперечникѣ. По краямъ ямы каждый игрокъ выкапываетъ для себя маленькую ямку — *лунку*. Игроки всѣ должны быть вооружены палками, длиною въ $1\frac{1}{2}$ аршина. Выкапываніе ямы и ямокъ совершается безъ домашнихъ орудій. Двое изъ игроковъ *скрещаютъ* къ землѣ палки, и кружатся до тѣхъ поръ, пока концами палокъ выроютъ яму. Для игры приготовляютъ еще маленькой чурбачекъ — *Сучку*. Вся эта игра, заключаясь въ нападеніи и защитѣ, состоитъ въ строгомъ соблюденіи правилъ своего рода.

Для избранія вожатаго игроки ставятъ палку на ногу, и потомъ бросаютъ ее съ ноги въ даль, какъ козаки пику. Чья палка ляжетъ дальше, тотъ игрокъ, а чья ближе, тотъ вожатый.

Игроки обязаны стоять у своихъ лунокъ, съ опущенными въ нихъ палками.

Вожатый стоитъ на условной чертѣ, бросаетъ въ яму сучку, говоря: «овсы!»

Игроки отбиваютъ сучку на условленной чертѣ палками. Этотъ отбой они называютъ: *гаковка!*

Если вожатый такъ будетъ счастливъ, что съ перваго разу попадетъ въ яму, то онъ смѣняется другимъ.

Если игроки *не дадутъ вожатому на лету гаковки*, и въ это время кто нибудь изъ нихъ побѣжитъ отъ лунки отбитать сучку, тогда вожатый въ правѣ занять чужую, пустую лунку, и быть игрокомъ.

Игроки изъ состраданія смѣняютъ вожатаго, если онъ, по неловкости своей, бываетъ причиною долгой игры. Это называется: *выпущалкою.*

25. ЯША.

Свободные люди въ селеніяхъ съ большимъ удовольствіемъ посвящаютъ время игрѣ *Яша. Молодцики, красныя молодушки, сѣнныя дѣвушки* только допускаются въ эту игру; старики, старушки, дѣти стоятъ и радуются на *потѣху дѣвушекъ.* Люди опытные замѣчаютъ, что изъ этой игры *невидимо какъ-то стряпаются свадьбы къ Великоденскому мясоѣду.*

Яшу разыгрываютъ почти всегда осенью, иногда и весною, на лугу. Яша, избираемый всегда изъ молодчиковъ, садится на землю; кругомъ его игроки, схватясь рука съ рукою, ходятъ и приговариваютъ:

Сиди, сиди Яша,
Въ ракитовомъ кустѣ;
Грызи, грызи Яша
Орѣховы зерны.
Лови себѣ Яша,
Кого тебѣ нада;
Лови дѣвку
За русую косу,
Лови красну
За алую ленту.

Игроки, проговоривъ, разбѣгаются. Яша встаетъ и выбираетъ себѣ дѣвицу съ русою косою, съ алою лентою. Игроки окруживъ Яшу, начинаютъ смѣяться надъ его выборомъ, приговаривая:

Выбралъ себѣ Яша
Рябую кукушку;
Выбралъ себѣ Яша
Черную кошку.
Уфъ! черную кошку!

26. БАБКИ.

По милости Грековъ Русскіе обучились играть въ бабки. Древняя игра ихъ Астрагалосъ приняла у Русскихъ свое значеніе, и переиначена въ разные пріемы. Въ Русской семейной жизни эта игра занимаетъ самое почетное мѣсто, и нѣтъ мѣстечка, гдѣ бы она не существовала. Разнородность игры, своемѣстныя названія выказываютъ вполнѣ изобрѣтательность нашихъ предковъ усвоивать себѣ чужое.

Въ игрѣ Бабки Русскіе употребляютъ надкопытную говяжью кость, которая по городамъ и селамъ составляетъ особенный родъ промышлености мальчиковъ. При продажѣ они считаютъ бабки: *гнѣздами* — по двѣ кости, *шестерами* — по шести костей, *битками* — самую большую бабку, *свинчатками* — бабки, налитыя свинцомъ для тяжести и ловкости, *гугунками* — вылитыя изъ чугуна на подобіе бабокъ, *кудагками* — обтесанныя костяныя бабки для особенной игры. Самыя игры бабки, раздѣляются на безчисленные виды. Исчисляемъ нѣкоторые изъ нихъ,

Конъ за конъ. Игроки ставятъ на ровномъ мѣстѣ *по гнѣзду на битку.* Потомъ опредѣляютъ условное разстояніе — *коны.* Кому прежде начинать игру — *бить* и кому послѣ, о томъ мечутъ жеребьи. Для этого игроки бросаютъ вверхъ бабки, съ особенными уловками — *выстилкою.* Если бабка, упавшая на землю, ляжетъ на правый бокъ, то это будетъ *плоцка* — старшая по игрѣ; если ляжетъ на спину, то будетъ *жогъ* — вторая по игрѣ; если ляжетъ бабка на лѣвый бокъ, то это будетъ *ничка,* моложе всѣхъ. Игроки становясь на черту бьютъ битками по старшинству. Если сшибутъ бабки, на кону стоящія, то ихъ считаютъ своимъ выигрышемъ. Когда они всѣ пробьютъ, тогда каждый переходитъ за конъ къ своимъ биткамъ, и бьетъ съ того мѣста, гдѣ лежитъ его битокъ; чья далѣе лежитъ: тотъ прежде начинаетъ и нѣб' а остальные доканчиваютъ игру по разстоянію своихъ битковъ.

Плоцки. Игроки ставятъ на конъ по гнѣзду на битку, и потомъ мечутъ битками, у кого ляжетъ — плоцка, жогъ, ничка. Игроки здѣсь плоцку называютъ *правикомъ,* ничку *лѣвикомъ.* Если битка ля-

жетъ ничкою, то игрокъ долженъ бить ею въ конъ *съ лѣвой руки.* Дальняя плоцка даетъ право игроку на первенство бить прежде всѣхъ другихъ. Въ этой игрѣ игроки не переходятъ на конъ бить во второй разъ.

Кудачекъ. Игроки сбираютъ вмѣстѣ битки, потомъ мечутъ ихъ вверхъ, и чья ляжетъ жогомъ, то хозяинъ этой начинаетъ *отбивать чужія битки.* При отбивкѣ онъ говоритъ: «*разъ на кудакъ, два на кудакъ, три на кудакъ.*» Если онъ ударитъ по неосторожности другія битки, тогда перемѣтываютъ снова бабки, а если сдѣлаетъ промахъ, то считаютъ проигрышъ.

Объ стѣнку. Игроки приходятъ къ забору и ударяютъ по очереди бабками объ стѣнку. Если второй игрокъ положитъ бабку такъ близко къ чужой, что пространство будетъ на одну *пяту,* тогда онъ выигралъ.

У кону. Игроки ставятъ на конъ на каждую битку по *шестеру* бабокъ, потомъ мечутъ битки, и чьихъ больше ляжетъ жоговъ, тотъ первый подходитъ къ кону и бьетъ по гнѣздамъ. Всѣ имъ сбитыя бабки считаются его выигрышемъ. Успѣхъ въ этой игрѣ зависитъ отъ подтесаной битки.

Городокъ. Игроки ставятъ по гнѣзду изъ бабокъ — *городокъ,* въ видѣ *шестиугольника,* а въ серединѣ его помѣщаютъ три гнѣзда — *сердцевину.* Послѣ сего идутъ къ чертѣ и мечутъ битки. Плоцка, жогъ даютъ право играть, а ницка оставляетъ игрока въ *домосѣдахъ* т. е. безъ ничего. Здѣсь употребляютъ свинчатки и чугунки. Игрокъ долженъ сбить прежде отъ черты городню, а если онъ *дотронется сердцевину,* тогда платятъ *пеню* по шестеру. Сердцевина, если останется по разбитіи городка *непочатою,* предоставляется въ пользу домосѣдовъ.

27. КУЛАЧНЫЙ БОЙ.

Кулачный бой въ Русской семейной жизни считался удальствомъ, приводившимъ нѣкогда въ гордость и раздоры цѣлыя селенія и города. Подвергать себя изъ доброй воли побоямъ, бить другихъ безъ пощады — было роскошнымъ веселіемъ для нашихъ отцевъ и дѣдовъ. Давность этой жестокой потѣхи остается на Руси незапамятною, такъ что старшинство ея усвоялось прежде многимъ городамъ. Было время, когда Русскіе бояре, собравшись повеселиться, свозили изъ разныхъ городовъ бойцовъ для потѣшенія. *Бойцы Казанскіе, Калужскіе, Тульскіе* славились предъ прочими, выдерживали сильный бой предъ Татарами, пріѣзжавшими въ Москву съ икрою и рыбами, выигрывали большіе залоги, платили нерѣдко за свою отважность жизнію. Кулачные бои начинались съ *зимняго Николы* и продолжались до *Сборнаго Воскресенія;* но самый веселый разгулъ бывалъ на масляницѣ. Лѣтомъ рѣдко бывали бои, и то по приглашенію бояръ. Городскіе бойцы всегда брали преимущество предъ сельскими.

Кулачные бои совершались разными видами. Болѣе всѣхъ почитался: *бой одинъ на одинъ,* за нимъ — *стѣна на стѣну,* а менѣе всѣхъ *сцѣплялка-свалка.*

Лучшими бойцами одинъ на одинъ считались Тульскіе. Тамъ: *Алеша родимой, Никита Долговязъ, братья Походкины, семейство Зубовыхъ, Тереша Кункинъ* почитались чудо-богатырями, и съ почестью развозились по городамъ. Они *мѣряли свои силы* съ Татарами, Калужанами, Москвичами. Замѣчательная черта этихъ бойцовъ состояла въ томъ: пить вино, за безчестье почитать подарки, предлагаемые боярами, и *не ходить стѣна на стѣну.*

Лучшими бойцами стѣна на стѣну доселѣ прославляются Казанскіе суконщики. Всегдашніе ихъ враги были Татары. Въ Тулѣ бои стѣна на стѣну бывали только у оружейниковъ съ посадскими. Бои формально назначались по днямъ. Охотники за долго поили бойцовъ, однихъ *сманивали* подарками на свою сторону, другихъ *стращивали* угрозами. Охота къ такому бою походила на отъявленную страсть. Старики *подзадоривали* молодыхъ разсказами и обѣщаніемъ биться, молодые, въ ожиданіи *испить винца,* переходили съ вѣстями изъ двора во дворъ, дѣти выходили

на затравку, и составляли предвѣстниковъ *сцѣплялки* изъ старыхъ и молодыхъ бойцовъ. Когда бились стѣна на стѣну, тогда записные бойцы *выдерживались* въ сторонѣ съ толпою людей, уговаривавшихъ стоять за ихъ стѣну, и выпускались только тогда, когда непріятели пробивали стѣну. *Надежа боецъ* летѣлъ съ шапкою въ зубахъ, билъ груды на обѣ стороны, *лежачаго* не трогалъ; а пробивши стѣну, возвращался съ толпою льстецовъ прямо къ кабаку. Часто случалось, что хитрые и слабые бойцы закладывали въ рукавицы бабки чугунки для пораженія противниковъ.

28. РѢДЬКА.

Рѣдька считается любимою игрою женщинъ, дѣвицъ и молодчиковъ, послѣ Ѳоминой недѣли, до Петрова дня. Любовь втерлась и здѣсь. Посидѣть на колѣняхъ у милой женщины — здѣсь не считается въ позоръ, и мужъ равнодушно смотритъ, когда его жена сидитъ *у молодаго парня на колѣняхъ*, когда онъ крѣпко сжимаетъ его жену. Этого требуетъ игра.

Любители игры выходятъ на лугъ, садятся одинъ къ другому на колѣни, сцѣпляясь одинъ съ другимъ въ видѣ длинной гряды. Передній получаетъ названіе *бабушки*, а всѣ прочіе считаются *за рѣдьку*. Является купецъ покупать рѣдьку.

Купецъ. Бабушка! Продай рѣдичьки?
Бабушка. Купи, батюшка.

Купецъ осматриваетъ Рѣдьку, пробуетъ на всѣ манеры, ощупываетъ, и старается выдернуть.

Купецъ. Бабушка! Нѣтъ ли щуплавой рѣдьки?
Бабушка. Что ты, батюшка, вся молодая, горькая, одна къ одной; выдерни себѣ любую на пробу.

Купецъ начинаетъ выдергивать—сколько есть силы.

Купецъ. Бабушка! Твою рѣдьку не выдернуть по доброй волѣ: уросла. Дай-ко косарикъ выкопать съ корнемъ.
Бабушка. Что ты, свѣтъ мой, позоришь мою гряду. Потряси: выплыветъ, словно какъ изъ воды.

Купецъ начинаетъ трясти игроковъ, кого за голову, кого за волосы, кого за руку. Выдернувши кого либо изъ игроковъ, начинаетъ стряхивать объ землю, вытрясая будто изъ него соръ. Въ это время встаютъ всѣ игроки и пригоняютъ побоями купца.

28. КРЫНОЧКИ.

Крыночки — игра сельская, затѣйливая и чудная изображаетъ собою дѣтскія проказы. Здѣсь олицетвореніе высказало полную сельскую жизнь и сохранило занятія отжившаго поколѣнія.

Дѣйствующія лица въ этой игрѣ: *котъ, котова бабушка, дѣтки;* предметы: *крыночки* съ молокомъ, *изба, баня.* Котова бабушка, старая *доможилка*, сидитъ съ котомъ и караулитъ молоко. Голодныя дѣтки, ея внучата, увиваются вокругъ крыночекъ; но надежда тщетная. Дѣтки прибѣгаютъ къ обману. Одни подходятъ къ бабушкѣ, а другія садятся на палатяхъ.

Дѣтки. Бабушка! Гдѣ твой котъ?
Бабушка. Пошелъ глодать кости на поповъ дворъ.
Дѣтки. Чья это нога?
Бабушка. Натальина жениха, вораплута.
Дѣтки. Бабушка! Не хочешь ли ты въ баньку?
Бабушка. Какая у васъ банька?
Дѣтки. Наша баня золотая, каменка кафлинная, топили ребята по семи дней, а пару въ ней для семи деревень.
Бабушка. Какой вѣникъ?
Дѣтки. Вѣникъ шелковой, шелку Шамаханскаго, отбитъ у Татарина въ ордѣ, заброшенъ на боярской дворъ, съ боярскаго принесъ земчій.

Дѣтки снимаютъ котову бабушку съ печки и относятъ въ баню. Бабушка парится; дѣтки выпиваютъ молоко и бьютъ крыноч-

стоивается этой почести. Потомъ вносятъ огонь и смотрятъ: кто окрашенъ сажею, и кто нѣтъ? Если есть человѣкъ, свободный отъ этого, то онъ признается виноватымъ.

Этотъ способъ, открывающій похитителя въ деревняхъ, всѣмъ извѣстенъ. Виновный, зная слѣдствія, не ужели не захочетъ оправдать себя? Онъ, способный на всѣ роды хищенія, не ужели будетъ равнодушенъ къ курицѣ? не ужели побоится ея прикосновенія, особливо поселянинъ, грубый и безстрашный? Мнѣ извѣстенъ случай, гдѣ производилось открытіе похитителя такимъ гаданіемъ. У одного крестьянина были сведены лошади. Подозрѣніе пало на живущаго работника. Прибѣгли къ гаданію курицею. Всѣ собранные были окрашены сажею; одинъ только четырехъ-лѣтній мальчикъ былъ пощаженъ курицею. Истинный похититель — работникъ былъ избавленъ отъ подозрѣнія; а мальчика вся деревня признавала виновнымъ дотолѣ, пока открылось, чрезъ восемь мѣсяцовъ, что работникъ былъ похитителемъ. Между тѣмъ явное открытіе не могло облагоразумить поселянъ въ ослѣпленіи своего поступка. Такъ сильно дѣйствуютъ предразсудки надъ грубыми поселянами и такъ могутъ быть иногда вредны ихъ повѣрія.

11. Водогаданіе.

Водогаданіе въ Русской семейной жизни присвоили себѣ ворожейки, женщины, распоряжающія всѣми домашними сплетнями. Суевѣрные люди, допускающіе всѣ возможные вздоры, находятъ, утѣшеніе въ бесѣдахъ въ ворожейками, сами поддерживаютъ ихъ ремесло. Записныя ворожейки, выдавая Водогаданіе какъ дѣйствительное средство для отгадыванія семейныхъ тайнъ, вседа говорятъ, что онѣ научены этому отъ страшнаго колдуна, и могутъ вѣрно все отгадывать на водѣ, чтобы имъ не предлагали. Въ званіе Водогадательницъ всегда вступаютъ женщины, ни къ чему неспособныя, по большой части вольноотпущенныя, солдатки и особенный классъ «кумушекъ», извѣстныхъ на Руси своею расторопностію въ свадебныхъ и похоронныхъ дѣлахъ. Въ деревняхъ говорятъ, что *это ремесло на роду не приходитъ*, а только передается. *За передачею* женщины прибѣгаютъ къ Знахарю, или старой колдуньѣ. Знахарь требуетъ посуловъ: штофъ вина, скатерть, двѣ рубашки, кушакъ, и полотенцо. Это все заранѣе приносится, потому что требованіе Знахаря извѣстно всему селенію. Знахарь становитъ будущую Водогательницу къ загнѣткѣ, накрываетъ лице полотенцемъ, ставитъ на столъ мису съ водою, садится на лавкѣ и дуетъ на воду; потомъ снимаетъ полотенцо съ Водогательницы. Наговоренная вода выливается подъ верею, а въ мису вливается вино. Знахарь накрывшій мису скатертью, приказываетъ, чтобы она явилась: «во саму утреннюю зорю.» Водогадательница является не съ пустыми руками, а съ двумя штофами вина. Здѣсь уже Знахарь научаетъ водогадательницу всѣмъ премудростямъ.

Русскія Водогадательницы всегда избираютъ одинъ день въ недѣли: четвергъ, а другія предпочитаютъ понедѣльникъ. Вѣроятно, что это предпочтеніе ведется по преданію, безъ всякаго отчета. Русскіе люди Водогаданіе распространяютъ на многіе виды; но его, по большей части, употребляютъ для открытія похитителей, въ нашихъ степныхъ селеніяхъ.

Тамъ, гдѣ случилось похищеніе, собираютъ подозрительныхъ людей, призываютъ граматнаго, пишутъ имя каждаго на особенныхъ лоскуткахъ, ставятъ на столъ огромную чашку съ водою. Ворожея беретъ записки и бросаетъ по одной въ воду. Чья именная бумажка выпрыгнетъ изъ воды, тотъ признается виноватымъ. Большая часть поселянъ не довѣряетъ вполнѣ этому гаданію; другіе считаютъ его тогда только дѣйствительнымъ, когда производятъ на студенцѣ, ознаменованномъ какимъ нибудь важнымъ событіемъ.

Неосновательность такого гаданія представляется такъ очевиднымъ, что самое поверхностное знаніе физическихъ законовъ объясняетъ его. Если бумажка будетъ брошена угломъ въ воду, то удобно можетъ скользить по поверхности, точно также, какъ скользитъ камень, брошенный въ рѣку угломъ.

12. Гаданіе на бобахъ.

Гаданіе на бобахъ принадлежитъ записнымъ городскимъ гадательницамъ. Въ селахъ занимаются этимъ болѣе дворовые люди, а особливо ключницы, няньки и экономки, *по волѣ или неволѣ барской*. Олицетворяя бобы частями человѣческаго тѣла, онѣ разрѣшаютъ вопросы, предлагаемые боярами, боярынями и боярчатами, всегда въ благую пользу. Городскія же гадательницы соображаются въ этомъ случаѣ съ собранными свѣдѣніями и лицами, къ нимъ приходящими. Замѣчательно, что въ гаданіи на бобахъ ворожеи всегда отвѣчаютъ одними мнѣніями. Постоянство гаданія заставляетъ думать, что всѣ отвѣты, излагаемые ими, изучаются по преданію.

Ворожейки для этого гаданія берутъ *сорокъ одинъ бобъ* и раздѣляютъ ихъ, безъ счету, на *три части*. Берутъ первую часть въ одну руку, а другою начинаютъ отсчитывать по четыре бобинки, откладывая ихъ въ сторону, до тѣхъ поръ, пока въ рукѣ будетъ оставаться три, два или одинъ бобъ. Этотъ остатокъ кладутъ въ *первую линію*, подлѣ первой части. Потомъ берутъ третью часть, отсчитываютъ также, остатокъ кладутъ въ *первую линію*, подлѣ третьей части. Послѣ того составляютъ *вторую линію* изъ бобовъ, отлагаемыхъ въ сторону, также въ три подарка. *Третья линія* составляется безъ счету въ три порядка, изъ бобовъ, оставшихся отъ первой и второй линіи. Такимъ образомъ устроивши три линіи, въ каждой по три порядка, приступаютъ къ отгаду на бобахъ.

Второй порядокъ въ первой линіи Ворожеи называютъ: *головою*, третій въ этой же линіи *рукою*, вторый порядокъ во второй линіи *сердцемъ*, третій порядокъ въ третьей линіи *ногою на походѣ*.

Голова предвѣщаетъ: мысли, веселости, быстроту, состояніе ученое; *рука* предзнаменуетъ: богатство, бѣдность; *сердце* говоритъ: печаль или радость; *ноги на походѣ* означаютъ: пріѣздъ и отправку въ путешествіе, полученіе, посылку, исполненіе желанія.

Ровное число бобовъ въ порядкахъ означаетъ препятствіе къ исполненію всѣхъ желаній. Ворожеи въ этомъ случаѣ говорятъ: «Голова печальна, сердце грустно, рука пуста, ноги въ остановкѣ.» Неровное число бобовъ — *нечетъ* въ порядкѣ предвѣщаетъ все доброе, хорошее, благопріятное. Ворожеи тогда говорятъ: «Голова весела, сердце радостно, рука полна, ноги на походѣ.»

Въ этомъ заключается все таинство гаданія на бобахъ; ворожеи такъ разнообразятъ его, что посѣтители всегда измѣняютъ свои намѣренія. То говорятъ, что ваши желанія въ этотъ день не могутъ быть разгаданы отъ возмущенія духа, то желанія высказываются не отъ сердца, то онѣ не по мысли. Все это они разгадываніемъ подтверждаютъ, и оканчивается тѣмъ, что только могутъ сказать ворожеи.

13. Святочныя гаданія.

Никогда Русская семейная жизнь не живетъ въ такомъ раздольи, какъ на Святкахъ. Здѣсь всѣ возрасты принимаютъ участіе въ веселіи, особенно женскій полъ. Молодые люди среди игръ и веселій выбираютъ для себя суженыхъ; старики разсказываютъ про старину; старушки подтверждаютъ разными опытами достовѣрность гаданій. И все это совершается вечерами, въ полномъ собраніи многихъ семействъ. Женщины *позыватки* обходятъ дома съ приглашеніемъ, гдѣ есть дѣвушки, въ семейство зажиточное, гдѣ лелѣется ненаглядное дитятко, краса дѣвичья, зазноба молодеческая.

Вся важность Святочныхъ вечеровъ заключается въ гаданіяхъ, передаваемыхъ изъ рода въ родъ. Отыскивать первоначальное появленіе этихъ гаданій, нѣтъ никакой возможности. Преданія нашихъ предковъ, письменныя и словесныя, ничего не говорятъ объ этомъ. Было бы очень несправедливо, если бы мы приписали ихъ существованіе временамъ не-Христіанскимъ Русскаго народа, какъ доселѣ дѣлаютъ съ предметами, не вполнѣ объяснимыми. Мы останемся при одномъ мнѣніи, что Святочныя гаданія усвоивались Русской жизни

въ продолженіи многихъ вѣковъ, при постоянномъ или временномъ сношеніи нашихъ предковъ съ сосѣдними народами. Если бы была возможность тщательно преслѣдовать отдѣльныя повѣрія по пограничнымъ мѣстамъ въ разныхъ вѣкахъ, потомъ слѣдить ихъ распространеніе по внутреннимъ городамъ, тогда бы мы могли съ точностію означить: изъ какой страны, изъ какого города, отъ какого народа перешли къ намъ суевѣрныя повѣрія, гдѣ они были приняты, гдѣ нѣтъ, гдѣ исчезли, гдѣ и доселѣ существуютъ. Мысль едва исполнимая, едва возможная въ своемъ осуществленіи; но, какъ вѣроятная, она проистекаетъ изъ дѣйствительнаго бытія миѳовъ древней восточной жизни, столь рѣдко переживавшихъ свои періоды, столь явно переходившихъ отъ одного народа къ другому. Мы знаетъ быть Велико Руссовъ, мы постигаемъ быть Мало-Руссовъ, мы вѣримъ отдѣльное существованіе быта Бѣло-Руссовъ; не можемъ ли мы смѣло сказать, что они отдѣльны одинъ отъ другаго? Ихъ разнообразныя проявленія заставляютъ думать: будто они никогда не сливались одинъ съ другимъ, будто никогда жизнь Велико-Русская не селилась на поляхъ Мало-Русскихъ, если бы Исторія не указывала намъ на постепенные возрасты того и другаго, если бы не говорили намъ дѣла, что каждый изъ нихъ осуществлялъ свою данную мысль при содѣйствіи другаго. Отъ чего миѳы, повѣрія, семейныя сказанія Бѣло-Руссіи отличаются отъ миѳовъ, повѣріевъ, семейныхъ сказаній Велико-Руссіи? Отъ чего Мало Руссъ вѣритъ въ повѣріе, едва извѣстное Велико-Руссу, о которомъ совершенно не знаетъ Бѣло-Руссъ? Въ чемъ заключается основная причина переселенія миѳовъ отъ одного народа къ другому? Отъ чего происходитъ ихъ усвоеніе той или другой общественной жизни? Подробное обозрѣніе общественной и семейной жизни рѣшительно оправдываетъ предположеніе о переходѣ повѣрій въ Русскую жизнь въ продолженіи многихъ вѣковъ и отъ многихъ народовъ.

Святочныя гаданія, совершаемыя доселѣ въ Русской семейной жизни, производятся вечерами, съ 25 Декабря по 5 Января, и притомъ въ разное время. Такъ одни совершаются вечеромъ, другія въ полночь, а третьи приготовляются ко сну.

Вечернія гаданія обыкновенно начинаются съ той минуты, какъ скоро освѣщаютъ огнемъ комнаты. Исчисляемъ здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ.

Собравшись всѣ вмѣстѣ, въ одинъ домъ, дѣвицы выходятъ на улицу: здѣсь каждая изъ нихъ должна спрашивать о имени перваго, встрѣтившагося ей человѣка. Онѣ вѣрятъ, что такимъ именемъ будетъ называться ихъ суженый. Это самое *окликаніе* производится подъ Новый годъ; дѣвушки тогда выходятъ на перекрестокъ съ пирогомъ.

Ходятъ слушать подъ окны чужихъ домовъ, и внимая разговору веселому или скучному, предрѣкаютъ себѣ такую же жизнь въ замужствѣ.

Ходятъ въ темнотѣ въ дровяной сарай, берутъ полѣно изъ полѣницы, и потомъ въ покояхъ смотрятъ: если оно гладкое, то мужъ будетъ хорошій; а если кому попадется суковатое, особенно съ трещинами, то онъ будетъ дурной и сердитой.

Выводятъ изъ конюшни лошадей чрезъ оглоблю. Если, которая зацѣпитъ оглоблю ногами, то мужъ будетъ сердитой; если же перескочитъ чрезъ нее, то мужъ будетъ тихій и смирный.

Подходятъ къ анбарамъ: если услышатъ пересыпку хлѣба, то увѣряютъ себя, что ихъ замужняя жизнь будетъ достаточная.

Слушаютъ подъ церковнымъ замкомъ: если подслушаютъ пѣніе: «Со святыми упокой», то это предвѣщаетъ смерть; если услышатъ что нибудь свадебное, то означаетъ, что въ томъ же году выдутъ замужъ.

Снимаютъ съ насѣсти куръ и приносятъ въ ту горницу, гдѣ заранѣе приготовлено въ трехъ мѣстахъ: вода, хлѣбъ, кольцы золотыя, серебряныя, мѣдныя. Если чья курица будетъ пить воду, то мужъ будетъ пьяница; если будетъ ѣсть хлѣбъ, то мужъ будетъ бѣднякъ; если возьметъ кольцо золотое, то мужъ будетъ богачь; если серебряное, то мужъ будетъ ни богатъ ни бѣденъ; если же сдвинетъ съ мѣста мѣдное, то будетъ нищій.

Пересчитываютъ въ лѣсницахъ балясы,

говоря: «Вдовецъ, молодецъ», и доходя до послѣдней, смотрятъ: на какомъ словѣ остановились, то такой будетъ и мужъ.

Выходятъ къ забору и говорятъ: «Залай, залай собаченька, залай сѣренькой волчекъ.» Въ которой сторонѣ услышитъ дѣвушка лай, въ той сторонѣ будетъ жить замужемъ. Если лай раздается близъ дома, то это показываетъ, что отдадутъ замужъ не въ дальнюю сторону; если же лай будетъ тихій, едва слышный, то будетъ выдана замужъ на чужую сторону.

Бросаютъ башмаки чрезъ ворота на улицу, потомъ выходятъ сами на улицу и смотрятъ: въ которую сторону онъ обращенъ носкомъ, тамъ и быть замужемъ. Худой призракъ для дѣвушки, когда ея башмакъ лежитъ обращенный къ домашнимъ воротамъ: въ этотъ годъ не быть ей замужемъ.

Ходятъ смотрѣть въ окны сосѣдей во время ужина. Если замѣтятъ сидящихъ за столомъ съ головами, то предвѣщаютъ себѣ, что будущіе родные всѣ будутъ живы; если же видятъ безъ головъ, то думаютъ, что они скоро всѣ вымрутъ.

Послѣ подблюдныхъ пѣсней выносятъ воду на дворъ, и каждая изъ дѣвушекъ, отливая нѣсколько этой воды подъ верею, беретъ въ горсть снѣгу. Приходя въ покой, смотрятъ: какого цвѣта снѣгъ, то таковъ будетъ и суженый.

Полуночныя гаданія всегда начинаются послѣ ужина, съ 12 часа ночи. Въ нихъ участвуютъ взрослыя дѣвицы, въ присутствіи опытныхъ старушекъ. Исчисляемъ эти гаданія.

Гадающія дѣвушки садятся у оконъ, выговаривая каждая: «Суженый ряженый! Поѣзжай мимо окна.» Если которая услышитъ поѣздъ съ крикомъ, съ свистомъ, то предрѣкаетъ себѣ жизнь веселую и хорошую; а когда поѣздъ будетъ тихой, то обрѣкаетъ себѣ замужнюю жизнь въ бѣдности.

Вывѣшиваютъ за окно ключи, щетку. Кто изъ проходящихъ ихъ пошевелитъ, спрашиваютъ его: «какъ звать?» Думаютъ, что этимъ именемъ будетъ называться суженый.

Берутъ скорлупы Грецкихъ орѣховъ, рѣжутъ восковыя свѣчи на маленькіе кусочки, вставляютъ въ скорлупы, пускаютъ плавать въ чашку, наполненную водою. Потомъ каждая изъ дѣвушекъ зажигаетъ свѣчки своей скорлупы. Здѣсь замѣчаютъ: которая потонетъ, та умреть не замужнею; у которой скорѣе сгорятъ свѣчки, та прежде всѣхъ выдетъ замужъ; а у которой будетъ горѣть долѣе всѣхъ, той не бывать замужемъ.

Отчаянная дѣвушка накрываетъ въ пустой комнатѣ столъ скатертью, кладетъ приборъ, кромѣ ножа и вилки, и говоритъ: «Суженый, ряженый! Приди ко мнѣ поужинать.» Всѣ окружающіе выходятъ въ ближніе покои, а она, оставшись одна, запираетъ двери, окны, садится за столъ съ ожиданіемъ суженаго. Признаки приближенія суженаго суть слѣдующіе: вѣтръ жужжитъ подъ окнами, съ свистомъ; удары въ окны, въ дверь; смрадный запахъ. Потомъ является суженый. Дѣвушка должна сидѣть на своемъ мѣстѣ, молчать на всѣ вопросы, замѣчать черты лица и платье. Суженый садится за столъ, начинаетъ говорить. Дѣвушка вмѣсто отвѣта спрашиваетъ: «Какъ звать?» Суженой сказываетъ имя, вынимаетъ что нибудь изъ кармана. Въ этотъ мигъ дѣвушка должна говорить: Чуръ моего мѣста! Чуръ моей загадки!» Суженой исчезаетъ, оставляя на столѣ вещь, имъ принесенную. Если она сробѣетъ и не зачураетъ, то суженой производитъ разныя проказы.

Дѣвушки выходятъ на дворъ, берутъ скатерть за края, старушка всыпаетъ снѣгъ. Раскачивая скатерть, приговариваютъ; «полю, полю бѣлъ снѣгъ среди поля. Залай, залай собаченька; дознай, дознай суженый!» Въ это время каждая дѣвушка прислушивается, какъ лаятъ собаки. Хриплый лай означаетъ суженаго старика, звонкой молодаго, толстой вдовца.

Дѣлаютъ съ вечера изъ воску стадо лебедей по числу дѣвицъ. Лебедку окрашиваютъ румянами, а лебедь остается бѣлымъ. Гадальщицы выбираютъ для себя лебедя съ лебедкою, опускаютъ въ чашку съ во-

дою и накрываютъ платкомъ. Предъ тѣмъ временемъ, какъ ложится спать, смотрятъ: какъ плаваетъ лебедь съ лебедкою? Если плаваютъ вмѣстѣ, то замужняя жизнь будетъ согласная; если разошлись порознь, то будетъ вражда.

Самыя отчаянныя и пожилыя дѣвушки выходятъ въ лунную ночь на рѣку послушать въ прорубь. Нянюшки стелятъ воловью шкуру. Дѣвушки садятся слушать и смотрѣть въ воду. Которая выдетъ въ этотъ годъ замужъ, та увидитъ своего суженаго въ водѣ, точно въ такомъ нарядѣ, въ какомъ онъ придетъ на сговоръ; которой же сидѣть въ дѣвкахъ, та только услышитъ одинъ стукъ изъ воды.

Наливаютъ съ вечера въ рюмку воды, опускаютъ кольцо и выставляютъ на морозъ. Предъ сномъ нянюшки приноситъ рюмку и смотрятъ сколько бугорковъ, столько родится сынковъ, а сколько ямокъ, столько дочекъ.

Нянюшки съ вечера обсѣваютъ золой башмаки и прячутъ подъ кровати, будто скрытно отъ дѣвушекъ, между тѣмъ какъ каждая напередъ договаривается объ этомъ. Дѣвушки встаютъ и смотрятъ: на чьихъ башмакахъ будетъ больше золы, тѣмъ предрекается большое богатство.

Берутъ вечеромъ, въ потьмахъ, съ кудели пряжу, начесываютъ на гребень и спускаютъ за окно. Предъ сномъ смотрятъ: какіе волосы на гребнѣ, такіе будутъ и у суженаго.

Гаданія на сонъ совершаются дѣвушками по указанію старушекъ, и, для большой дѣйствительности, людьми посторонними.

Сбираютъ изъ прутиковъ мостикъ, кладутъ подъ подушку. Дѣвушка ложась спать говоритъ: «Кто мой суженый, кто мой ряженый, тотъ переведетъ меня чрезъ мостъ.» Суженый является во снѣ и переводитъ за руку чрезъ мостъ.

Кладутъ подъ подушку гребенку, говоря: «Суженый, ряженый! Причеши мнѣ голову.» Суженой является во снѣ и чешетъ голову.

Берутъ наперстокъ соли, наперстокъ воды, смѣшиваютъ и ѣдятъ. Ложась спать, дѣвушка говоритъ: «Кто мой суженый, кто мой ряженый, тотъ пить мнѣ подастъ.» Суженой является во снѣ и подаетъ пить.

Кладутъ подъ подушку четыре короля и говорятъ: «Кто мой суженой, кто мой ряженой, тотъ приснись мнѣ во снѣ.» Суженой снится во снѣ, въ видѣ какого нибудь короля.

14. Снотолкованія.

Нѣтъ женщины, нѣтъ дѣвушки въ нашихъ городахъ и селеніяхъ, которыя бы не вѣрили снамъ. Въ старину бывало, со всякимъ сномъ хаживали женщины къ ворожейкамъ. И тогда Русскіе сны можно было назвать по справедливости чудными снами. Все, что не увидятъ во снѣ, все сбывалось на яву. И какъ такимъ снамъ не вѣрить! Нынѣ уже со всѣмъ не то. Увидятъ ли что во снѣ, сей часъ наводятъ справку съ Московскимъ оракуломъ, чуднымъ оракуломъ. Въ немъ объяснены всѣ сновидѣнія. Не отъ того-то наши современные сны никогда не сбываются.

Наши старушки различали сны по времени ихъ появленія. У нихъ сны бывали: *вечерніе*, *полуночные*, *утренніе*. Вечерній сонъ не имѣлъ ни какой важности; ему мало вѣрили; объ немъ даже не ворожили. Сонъ полуночный почитался важнымъ; объ немъ-то заботились болѣе всего; онъ-то и привлекалъ женщинъ къ ворожейкамъ. Сонъ утренній былъ особенною принадлежностію *молодыхъ*, мужа съ женою, на первомъ году ихъ бракосочетанія. Этимъ сномъ только забавлялись старики, когда *молодая* начнетъ, бывало, разсказывать своимъ роднымъ. Сонъ дѣвушки уважался только во время святочныхъ ночей.

Разгадываніемъ Русскихъ сновъ промышляли кумушки, старыя няньки, сосѣдки-старухи, живущіе въ одиночествѣ и особенный классъ людей — лечейки, женщины бродящія съ узелками травъ по улицамъ въ селахъ и городахъ, а по субботамъ исправлявшіе званіе акушерокъ въ баняхъ. Сны разгадывались всегда по образу жизни людей и подаркамъ. Богатымъ всегда снились сны хорошіе, а бѣдные, что ни увидятъ, все оканчивалось бѣдою. Мы приводимъ здѣсь городскіе сны, записанные слово въ слово съ объясненіями ворожеекъ.

Сонъ молодой, богатой Русской женщины. «Вотъ какъ теперь, вижу гору высокую. Гора та не то, что наши горы земляныя; не то что мой Парамонъ Филимонычъ дѣлалъ для Миши прошлою зимою; гора была вся хрустальная; на горѣ стоялъ теремъ. Да какой же теремъ-то? Весь золотой, весь горитъ, какъ солнышко, весь полонъ людей. Вотъ и думаю: идти ли мнѣ во теремъ? Пойду же, когда такъ придумалось. Иду по дорожкѣ, а гора растетъ выше, теремъ выше того. Билась, билась, а все стою на одномъ мѣстѣ. Придумала снова, какъ дѣлу быть. Не пойду, когда такъ! Сказала и сдѣлала. Вдругъ вижу — и что же? Съ горы идетъ мой Парамонъ Филимонычъ. Я бы было его и не узнала. Да и какъ было узнать? Видишь, онъ былъ молодецъ молодцемъ; кафтанъ на немъ золотой парчи, шапка чернаго бобра; кудри русыя развѣвались по плечамъ ключевой волной. А идетъ то онъ не по сырой землѣ, а по ковру узорчату. Какъ подошелъ ко мнѣ, да и раскланялся, да и взялъ за руку. Я-де тебя давно жду, молвилъ онъ. Какъ пошли мы, гора стала опускаться, теремъ сталъ растворяться, весь народъ покланяться. Тутъ-то я проснулась.»

Разгадываніе сна молодой, богатой женщинѣ. «Ахъ, ты моя доротая голубушка!-Ду какой же сонъ твой славной. Видно кому счастіе на роду написано, тому и на яву и во снѣ сладкое житье. Гора-то твоя хрустальная, то богачество твоего Парамона Филимоныча. Коли ты вздумаешь, взгадаешь сочтитать его, то выростетъ выше нашей поповой горы. Что теремъ-то золотой, то торгъ Парамона Филимоныча. А что народъ во теремѣ, то товаръ золотой во торгу Парамона Филимоныча. А что твой Парамонъ Филимонычъ молодецъ молодцемъ, во кафтанѣ золотой парчи, то утѣха твоя, то молодости твоей прикраса. Что золотъ теремъ растворяется, что народъ покланяется, то богачество расширяется, то дороги товары сбываются. А все-то сонъ твой, любовь да согласіе съ Парамономъ Филимонычемъ.

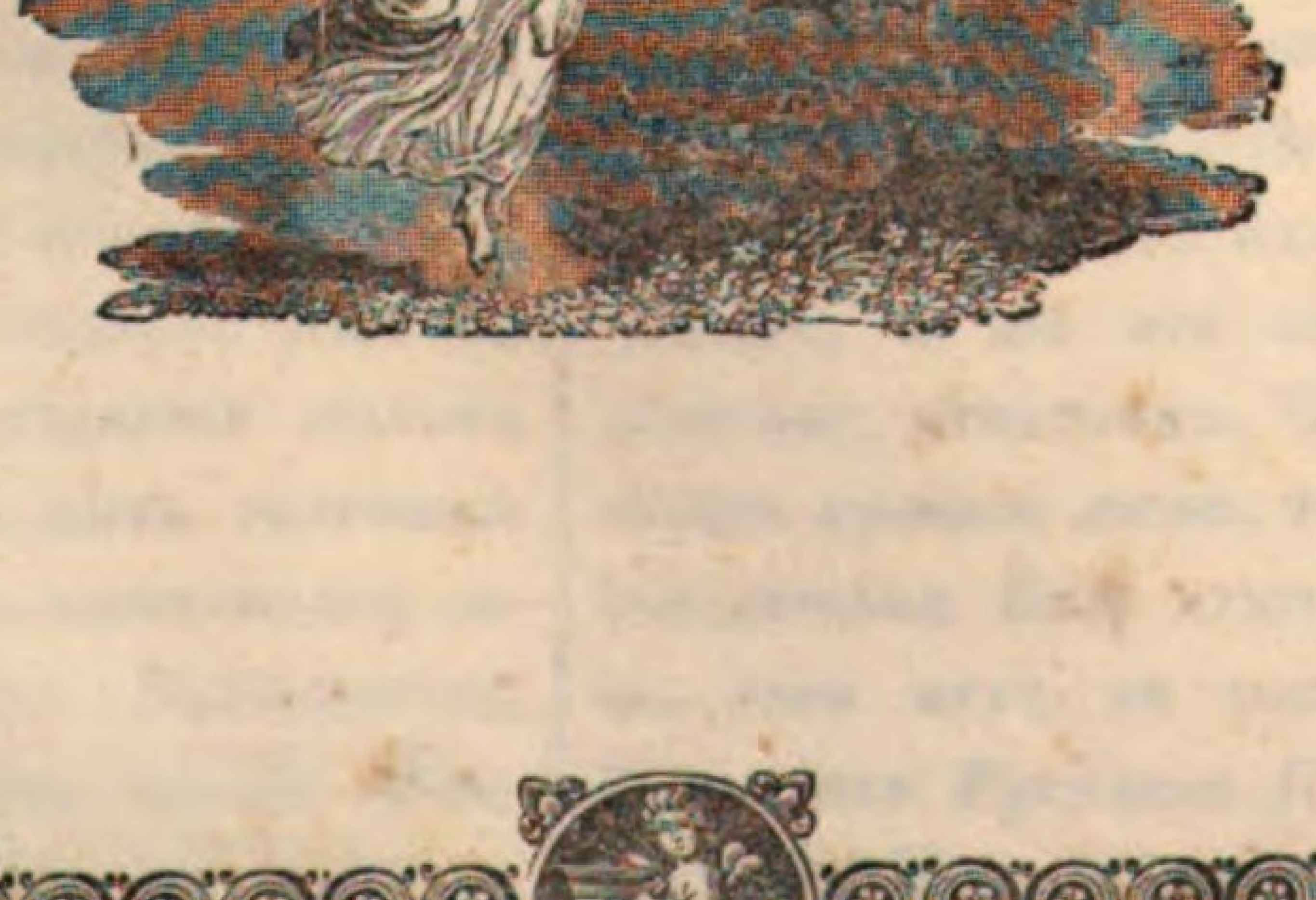
Сонъ старой, богатой женщины. «Живу, будто я, какъ было прежде, съ своимъ Агафономъ Карпычемъ, на первомъ году, во любви, во согласіи. Домъ нашъ полнымъ полонъ; семья-то все красная и почетная. Гостей-то, гостей-то, что и Боже упаси! Въ какихъ нарядахъ ужъ не было! Были молодыя молодушки, были пожилыя въ мою пору, были и старыя старушки Ни одной-то не было красной дѣвушки. Ужъ мой ли Агафонъ Карпычъ не сидитъ, не ходитъ, а все гостей подчаетъ; ужъ и я ли молода за столомъ не сижу, а все гостей подчую. Вдругъ на дворѣ стемнуло, и во покояхъ тожъ. Не вижу гостей и своего Агафона Карпыча. Осталась одна одинехочка. Тошнымъ тошно стало мнѣ въ одиночествѣ. Вдругъ солнышко засвѣтило на дворѣ. Гляжу — ужъ въ зеленомъ саду, вокругъ меня, калина съ малиной, да розовой кустъ. Тутъ я и проснулась. Ко добру ли, къ радости мой сонъ, ума не приложу.»

Разгадываніе сна старой богатой женщинѣ. «Къ добру и къ радости твой дорогой сонъ, золотая моя голубушка. А видѣла-то ты все старое житье, когда здравствовалъ твой Агафонъ Карпычъ. Что семья-то красная, то твоя почетная родня. Что молодыя молодушки, твои замужнія дочки; что пожилыя, въ твою пору, то родимыя сестрицы твои; что старыя старушки, то твои сватьюшки; что не было ни одной красной дѣвушки, то ты одна во дому. А что на дворѣ затемнилось и во покояхъ тожъ, то твое вдовство, золотая моя голубушка. Ужъ какъ солнышко взошло, то на радость тебѣ, во твоемъ одиночествѣ. А зеленъ твой садъ, то красная семья, то радость твоя. Калина съ малиной, то твой сынъ со невѣсткой, то утѣха твоя. Ужъ какъ розовой кустъ, то все внучки твои, то прилука твоя. Хорошъ твой сонъ, и не всѣмъ на роду написано таково счастье. Много радостей было во твоей жизни, а еще больше будетъ ихъ. Береги свой кустъ, покой калину съ малиной. Счастье твое при тебѣ.»

РУССКІЯ

НАРОДНЫЯ ИГРЫ.

НА НАШЕЙ УЛИЦѢ ПРАЗДНИКЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Голуби.
Кума.
Горѣлки.
Мышка.
Безъ соли соль.
Жмурки.
Кулючки.
Сорока.
Веревочка.
Сѣрый волкъ
Первенчики.
Камушки.
Захарка.
Дергачи.
Жгуты.
Чижикъ.
Ужище.
Коршунъ.
Лапта.
Пыжъ.
Свайка.
Агарушикъ.
Вѣтчинка.
Сучька.
Яша.
Бабки.
Кулачной бой.
Рѣдька.
Крыночки.
Ласы.
Сижу посижу.
Четъ нечетъ.
Четки.
Колечко.
Коза.
Гусекъ.

СКАЗАНІЯ

о

РУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ ИГРАХЪ.

1. ГОЛУБИ.

Голуби, любимая игра дѣтей, представляетъ собою плѣнительную картину къ семейной жизни Русскаго народа. Голубь, голубка, дѣти ихъ, вотъ существа, оживляющія эту игру. Наши предки въ олицетвореніи этой группы изобразили семейство — *красное дочерьми, почетное сыновьями.* Нѣтъ сомнѣнія, что глубокая предусмотрительность отца увлекла въ старину дѣтей съ раннихъ лѣтъ къ домашнимъ занятіямъ, не имѣя въ виду измѣненій своего быта. Чѣмъ же мы болѣе можемъ заохотить дѣтей къ такимъ занятіямъ? Дѣти любятъ играть. Дайте имъ такія игры, въ которыхъ бы отражались: или ихъ будущая жизнь, или занятія, ожидающія ихъ. Наши предки заботились о нравственномъ воспитаніи, и вотъ почему подарили дѣтей такою прелестною игрою.

Въ игрѣ Голуби — дѣти избираютъ: *Голубя, Голубку,* а всѣ прочія остаются подъ именемъ *Дѣтей* ихъ. Голубь съ голубкою свиваютъ гнѣздо, живутъ любовно, на потѣшеніе всѣмъ. Кругомъ ихъ бродятъ дѣти. Голубь отлетаетъ на промыслъ, а голубка остается съ дѣтьми. Съ добычею голубь прилетаетъ въ семейство, и раздѣляетъ съ нимъ пищу. Дѣти-голуби оперились, взросли, летаютъ уже по бѣлому свѣту. Люди добрые — по народному присловью — имѣютъ враговъ. Тоже самое создала фантазія и въ этой игрѣ. Здѣсь является врагомъ *Ястребъ.* Какъ онъ страшитъ голубиное семейство! Какъ онъ живо изображаетъ собою нарушителя семейнаго благополучія, врага благоденствія добрыхъ людей! *Ястребъ* въ этой игрѣ бываетъ: *вѣчный,* смѣняемый до конца игры, или съ *хвостикомъ,* смѣняемый при каждой добычѣ. Онъ долженъ: переловить всѣхъ дѣтей-голубковъ, известь мать-голубку, разбить на лету отца-голубя. Какъ жалобно тоскуетъ голубка о потерѣ своихъ дѣтей! Какъ уныло воркуетъ голубь о расхищеніи своего семейства! Русское семейное горе выражается здѣсь въ яркихъ краскахъ. Игра кончается истребленіемъ гнѣзда. Нерѣдко случается, что отважный Ястребъ, залетѣвшій въ голубиное гнѣздо, дѣлается добычею голубя. Какъ ужасно побѣдитель ястребъ развѣваетъ голубиныя перья — доказываютъ остатки изорваннаго платья и побои вѣчнаго ястреба.

2. КУМА.

Кума — игра пожилыхъ женщинъ и дѣвицъ — живо обрисовываетъ собою сельскій обычай — *кумиться.* Въ Русской жизни *Кумовство* столь бываетъ почтительно, что безъ *Кума* и *Кумы* не существуетъ семейнаго веселія. Для кума всегда есть *брага,* для кума есть *медъ осотовый,* а для кумы водятся въ *кутѣ пареныя груши,* для кумы есть *квасъ сыченой, макъ поджареной* и *черныя прянички.* Насталъ *Прощеный день.* Кумъ является къ кумѣ съ мыломъ, а кума идетъ къ нему съ пряниками. Кумъ можетъ цѣловать куму при всей деревнѣ, и все это сочтется почтеніемъ, дружбою, привѣтомъ. Что знаетъ кумъ, то знаетъ *кумова жена,* тоже самое знаетъ и вся деревня. Безъ кумы не ладится свадьба, безъ кума не совершаютъ похоронъ. Вотъ бытъ *Русскаго Кумовства!* Вѣроятно, игра Кума изобрѣтена въ честь этаго

важнаго обычая, которому никто и никогда не измѣнялъ въ семейной жизни нашихъ предковъ.

Поселяне говорятъ, что *городскія кумы спесивы, а водить кумовство въ городахъ стало не въ обычай;* но игра Кума тѣшитъ горожанъ не менѣе всякой. Старая Русь не умерла; ея бытъ во всѣхъ видоизмѣненіяхъ существуетъ въ современной нашей жизни. Лѣтописцы записали жизнь политическую нашихъ предковъ, а преданія и обычаи сохранились въ жизни семейной безъ записей, пережили вѣка, и существуютъ доселѣ. Напрасно говорятъ, что Русская Исторія многаго лишилась: этой Нѣмецкой пѣсни доселѣ еще многіе вѣрятъ. Мы не только не успѣли осмотрѣть свои матеріалы — письменные и словесные — но не знаемъ еще всего, что и какъ писали чужеземцы объ нашихъ предкахъ. Чужеземныя описанія требуютъ строгой повѣрки. Они, какъ люди мимоѣзжіе, незнакомые съ Русскимъ языкомъ, не могли вѣрно передать всего, видѣннаго ими. За ними строго смотрѣли, держали въ запертѣ, чуждались съ ними словъ и дѣлъ. Не мы, люди XIX вѣка, виноваты въ отчужденіи отъ предковъ, родины и обычаевъ. Были за долго люди до насъ, успѣвшіе заглянуть въ чужія земли; съ ними пришли къ намъ чужіе обычаи, и мало по малу вытѣснили старую нашу семейную жизнь изъ городовъ въ села.

Игра Кума совершается двумя отдѣльными пированіями. Одно бываетъ въ опредѣленное время и съ особеннымъ торжествомъ, другое же можетъ происходить во всякое время, и притомъ во многочисленности.

Поселяне Тульской губерніи, на третьей недѣлѣ по Пасхѣ, въ день женъ Мироносицъ, выходятъ въ лѣсъ, какъ они говорятъ—*кукушку кстить*. Двѣ подруги, обреченныя въ кумовство, нагибаютъ молодыя березки, связываютъ ихъ вѣтвями, платками, полотенцами. Сдѣлавши изъ вѣтвей вѣнокъ, привязываютъ къ нему два креста, сдѣланные изъ вѣтвей. Въ то самое время, какъ кумы ходятъ вокругъ вѣнка въ разныя стороны и цѣлуются сквозь вѣнокъ крестообразно, по три раза, прочія женщины поютъ:

Ты, кукушка, ряба,
Ты кому же кума?
Покумимся, кумушка,
Покумимся, голубушка,
Чтобы жить любовно,
Жить, не браниться.

Окончивши пѣснь, кумы мѣняются крестами, величаются подругами, живутъ въ мирѣ и согласіи. Въ этой игрѣ не учавствуютъ мужчины; однѣ только женщины присудствуютъ. Кумовство заключается завтракомъ и хороводными пѣснями.

Въ селеніяхъ Московской, Рязанской и частію Тульской губерній совершается игра Кума въ Семикъ. Тамъ, въ это время, поселяне собираются въ рощи, нагибаютъ молодыя березы—*плакуція*—свиваютъ изъ нихъ вѣнки, обвѣшивая ихъ разноцвѣтными лоскутами и лентами. Потомъ, подходятъ по парно, цѣлуются сквозь вѣнки, приговаривая:

Покумимся, кума,
Покумимся.
Намъ съ тобою не браниться,
Вѣчно дружиться.

Въ это время дарятъ другъ друга *желтыми* яйцами. Въ Костромской губерніи, вмѣсто этихъ словъ, говорятъ: «здравствуй, кумушка, березку завивши!» Замѣчательно, что здѣсь, въ этой игрѣ, учавствуютъ и молодые люди, неженатые, вмѣстѣ съ дѣвицами. Веселыя пѣсни и вѣчно одинакія пляски—сопровождаютъ и здѣсь игру Кума. Послѣ того собираются: *развивать вѣнки* тѣ, которые *покумились Семицкою березкою* и сходятся въ лѣсъ *разкумиться*. Тогда кумовья, развивая вѣнки съ поцѣлуями, поютъ:

Разкумимся, кума,
Разкумимся.
Не сварясь,
Не бранясь,
Ладно живучи,
Припѣваючи.

Кромѣ этого рода игры Кума, поселяне отправляютъ еще другой видъ, совершенно непохожій на вышеписанный. Сбираясь играть, поселяне выбираютъ куму, садятся по два въ рядъ, кругами. Кума *охаживаетъ* кругъ, выглядывая пригожихъ и миловидныхъ. Едва она своимъ *сердцемъ выглядала Доброхотную, и уже заводитъ съ нею рѣчи:*

Кума. «Что это за дитя!

Въ это время Доброхотная встаетъ, и указывая на сидящую съ ней особу, говоритъ:

Доброхотная. Твое и мое?
Кума. Кому его кстить?
Доброхотная. Тебѣ и мнѣ.
Кума. Что ты мнѣ за это дашь?
Доброхотная. Шильцо, мыльцо,
Бѣлое бѣлильцо,
Да зеркальцо;
Рубль да денежку,
Да красную дѣвушку.

Съ окончаніемъ этихъ словъ — *Кума* и *Доброхотная* разбѣгаются въ противоположныя стороны, и объѣжавъ три раза кругомъ сидящихъ, останавливаются. Та, которая успѣетъ изъ нихъ занять прежде мѣсто, остается въ выигрышѣ—сидѣть спокойно, а другая опять идетъ *заводить рѣчи.* Въ этой игрѣ кума должна быть смѣтлива: здѣсь есть обманъ. Въ то время, какъ кума съ кумою *кумятся*, другіе сосѣди успѣваютъ пересѣсть на порожнее мѣсто. Если одна изъ нихъ, незамѣтившая сосѣдняго обмана, сядетъ на чужое мѣсто, тогда со всѣхъ сторонъ начинается: *чуранье:* «*Чуръ съ мѣста! Чуръ съ мѣста!*» Отъ этого часто случается, что въ большомъ кругу ходятъ по двѣ и по четыре кумы.

Для кумы въ селахъ поется особенная пѣсня:

Какъ кума-то къ кумѣ въ рѣшетѣ приплыла,
А я такъ ухомъ не веду, я такъ глазами не гляжу.
Еще чѣмъ-то мнѣ кумушку подчивати?
Да какъ есть про куму воробей во саду,
Воробей во саду, и тотъ безъ заду;
Разложу я воробья на двѣнадцать блюдъ:
Душку, головку въ пирогъ загну,
Я зашейную часть напередъ пошлю,
Самаго воробья жаркимъ наряжу.
Еще кушай-ко, кума, не засаливай уса;
Не верти, кума, въ рукахъ, не носи, кума, домой.

3. ГОРѢЛКИ.

Рѣзвое, милое созданіе—дѣвушка въ 16 лѣтъ—получила завидную долю въ Русской семейной жизни. Краса семьи, утѣха отца и матери, дѣвица красная жила на устахъ молодыхъ и старыхъ. Цѣлый лѣтній день сидѣнья въ свѣтелкахъ, гдѣ только одна необозримая даль веселитъ ее сердце, прискучитъ всякому, прискучитъ даже самой старушкѣ. Не за то ли самое наши старушки-бабушки предоставили своимъ дѣтямъ самую рѣзвую, милую игру — *Горѣлки*—порхать по лугу съ подругами и молодцами? Любовь, столь безщадно отгоняемая бабушками, вкралась здѣсь. Для ней не существуетъ роковаго: *Нѣтъ!* Во всей Велико-Руссіи отдаютъ преимущество этой игрѣ. Наши сородичи—отъ поселянина до боярина—равно забавляются Горѣлками. Съ тѣхъ поръ, какъ чужеземщина заполонила нашихъ дѣтей, отбила у насъ воспитаніе Русское, родное, благочестивое, всѣ наши народныя игры опостылѣли людямъ, чуждающимся роднаго языка. Въ современной жизни мы часто слышимъ, какъ Русскія игры называютъ *мужицкими*, тѣ самыя игры, которыя въ старой жизни забавляли Русскихъ, нашихъ предковъ, отцовъ и матерей. Во многомъ потомство будетъ обвинять нашихъ сородичей. Напрасно мы будемъ воображать, что старая Русская жизнь

существовала безъ отрады: тогда увеселеній еще было болѣе, и при томъ увеселеній общественныхъ. Правда, тогда не было театровъ; но за то цѣлая площадь, усѣянная народомъ, была свободною для увеселеній, для забывъ, для восторговъ; за то цѣлые дворы наполнялись веселыми игроками, которыхъ радушно сзывалъ отецъ къ своей семьѣ, которыхъ привѣтливо встрѣчала мать, которыхъ ласково принимали дѣти. На площадяхъ веселились люди всѣхъ сословій; здѣсь были игры затѣйливыя, обширныя; на дворахъ забавлялись бояре, люди торговые, болѣе всѣхъ дѣвушки богатыхъ отцевъ. Всѣмъ было весело, всѣ жили раздольно, по Русски.

Горѣлки, называемыя въ другихъ мѣстахъ: *Разлуками, Разгарами,* отправляются лѣтомъ. *Играть въ Горѣлки* сбираются болѣе вечернею порою, на широкой дворъ, или на лугъ, или на улицу предъ домомъ. Люди молодые, болѣе дѣвицы и *холостые* мужчины, берутъ первенство въ этой игрѣ. Игроки обрекаютъ одного изъ среды себя, по жребію, *горѣть* — въ должность тяжкую. Всѣ прочіе *спариваются,* т. е. становятся парами, одна за другою. *Горѣльщикъ* становится впереди паръ, неподвижно, не обращаясь ни взадъ, ни впередъ, ни на бокъ. Въ это время игроки разбѣгаются въ разныя стороны. Горѣльщикъ преслѣдуетъ ихъ. Если онъ успѣетъ разлучить ихъ, схватить оплошнаго, то его должность болѣе не продолжается, или, за свою неудачу, онъ долженъ вновь горѣть, хотя бы игра повторялась до 100 разъ. *Въ игрѣ не безъ обману* — говорятъ старушки — и точно такъ! Сколько хитростей придумано для несчастнаго горѣльщика: его можно обмануть каждую минуту.

Сельская жизнь, соединяя въ этой игрѣ людей разнаго возраста, сблизила завѣтныя тайны любви. Здѣсь *люди молодые, слюбляясь,* смѣло разсказываютъ всѣ сердечныя тайны, не смотря на то, что старики, со всѣхъ сторонъ, сторожатъ ихъ забавы.

4. МЫШКА.

Мышка составляетъ домашнюю вечернюю игру дѣтей и взрослыхъ, увеселеніе, повсюду употребляемое въ Велико-Россіи. Съ давнихъ временъ, говорятъ старушки, установленъ въ этой игрѣ *нечетъ,* по которому приходится насчитывать игроковъ — *троихъ, пятерыхъ.* Если нечетъ состоитъ изъ троихъ игроковъ, то двое становятся по угламъ, представляя каждый изъ себя *Мышку.* Третій, признанный по жребію — *водыремъ,* обязанъ ходить по угламъ, и говорить: «*Мышка, мышка! продай уголокъ?*» Въ волѣ всякой мышки находится продавать ли свой уголъ, или удерживать за собою? Если водырь услышитъ: «*не проданъ*» — звукъ довольно для него тягостный, то онъ долженъ переходить къ другому углу. Когда же здѣсь отвѣтятъ на его вопросъ: «*обернись задомъ*» — онъ тотъ-часъ обертывается къ этимъ угламъ задомъ, и, едва касаясь ногами пола, готовъ, при первомъ шорохѣ, летѣть въ чужой уголокъ. Мышка, рѣшившаяся продать свой уголокъ, должна имѣть проворство самое отважное, должна быть увѣрена въ готовности своей сосѣдки, также готовой перемѣниться съ нею углами. Внимательный водырь всегда успѣваетъ захватить уголъ. Мышка, прогулявшая свое мѣсто, принимаетъ на себя должность водыря, а съ этимъ вмѣстѣ начинается опять таже игра — *Мышка.*

5. БЕЗЪ СОЛИ СОЛЬ.

Безъ соли соль есть любимая игра городскихъ дѣвушекъ, управляемыхъ въ своихъ забавахъ пожилыми нянюшками. Эта игра выказываетъ какую-то игривость предковъ, теперь намъ непонятную.

Дѣвушки, собравшіяся въ *досужій часъ порѣзвиться,* мечутъ жеребьи: *кому сидѣть.* Среди широкаго двора, или обширной поляны, садятся двѣ дѣвушки, одна противъ другой, съ протянутыми ногами. Всѣ прочія *столпляются* на одну сторону. Старушка, распоряжающая игрою, наблюдаетъ, чтобы сидѣли дѣвушки съ руками сложеными за спиною, и съ зажмуреными глазами. Дѣвушки переходя одна за другою чрезъ ноги сидящихъ, приговариваютъ: «*Безъ соли соль.*» Сдѣлавши три перехода, останавливаются. Въ это время передняя дѣвушка, съ быстротою молніи, перескакива-

етъ чрезъ ноги сидящихъ, а за нею и всѣ другія. Часто случается, что сидящія ловятъ дѣвушекъ на всемъ ихъ лету. Отъ этой проворности заводятся споры, споры кончатся ссорами, ссоры переходятъ въ брань и слезы. «Она поймала меня отъ того — говоритъ огорченная — что смотрѣла глазами, и прямо мѣтила въ меня.» Добросовѣстная побѣдительница всегда бываетъ уступчива; одни только вздорные спорятъ. *Пойманная* дѣвушка садится на мѣсто побѣдительницы — и игра начинается снова.

6. ЖМУРКИ.

Жмурки, или *Слѣпой козелъ* есть игра домашняя, игра дѣвушекъ и молодыхъ мужчинъ, въ большіе зимніе вечера. Дѣвушки, съ завязанными глазами, какъ бы лишенныя зрѣнія, стараются болѣе *поддаваться* въ руки любезныхъ, молодыхъ мужчинъ, а о мужчинахъ и говорить нѣчего. Влюбленные, подъ видомъ оплошности, только одни и играютъ во весь вечеръ эту игру, тогда какъ другія только посмѣиваются ихъ незнанію прятаться отъ поисковъ Козла. Нѣтъ сомнѣнія, что эту игру изобрѣла любовь: вѣдь наши предки любили не хуже насъ.

Игроки Слѣпаго Козла, обреченнаго въ это званіе по жеребью, подводятъ съ завязанными глазами, къ запертой двери, гдѣ онъ начинаетъ стучать. Игроки спрашиваютъ: «*Кто здѣсь?*» Его отвѣтъ: «*Слѣпой Козелъ.*» Тогда одинъ изъ отважныхъ игроковъ подходитъ къ Козлу и говоритъ:

Слѣпой Козелъ!
Не ходи къ намъ ногой;
Поди въ кутъ,
Гдѣ холсты ткутъ,
Тамъ тебѣ холстикъ дадутъ.

Козелъ, недовольный симъ отвѣтомъ, начинаетъ бить въ дверь ногами. Игроки снова спрашиваютъ: «*Кто здѣсь?*» Слышенъ отвѣтъ: «*Аѳанасъ!*» Тогда всѣ игроки говорятъ:

Аѳанасъ!
Не бей насъ.
Аѳанасъ!
Ходи по насъ!

Съ послѣднимъ словомъ отважный игрокъ ударяетъ ладонью Козла по спинѣ и бѣжитъ прочь. Обиженный начинаетъ искать виноватаго по угламъ, по столамъ, стульямъ. Всякой, пойманный Козломъ, считается виноватымъ, и за свою оплошность долженъ играть Слѣпаго Козла.

7. КУЛЮЧКИ.

Игра Кулючки также принадлежитъ къ числу тѣхъ домашнихъ увеселеній въ коихъ любовь нашихъ предковъ успѣла скрыть себя отъ укоризненныхъ очей. Какъ игра домашняя, болѣе зимняя, она всегда считается возможною; въ ней участвуютъ и мужчины и дѣвицы, говорятъ тайно, что хотятъ, идутъ прятаться также вмѣстѣ, и никто ни кого не думаетъ подозрѣвать. Всѣ говорятъ одно: «*этого требуетъ игра*», и всякое сомнѣніе уничтожается.

Одинъ изъ игроковъ садится въ уголъ — *кулюкать;* другіе закрываютъ ему лице, глаза, всего самого — платками, разными платьями, а онъ скороговоркою причитываетъ:

Кулю, кулю — баба!
Не выколи глаза,
Сынъ подъ окошкомъ,
Свинья подъ лукошкомъ.
Пора, что ли?

Въ это время, всѣ другіе игроки скрываютъ себя во всѣ возможныя, незамѣтныя мѣста. Когда же услышатъ: «*Пора, что ли?*» Отвѣчаютъ ему только: «*Нѣтъ!*» Снова начинается кулюканіе, снова вопросъ: «*Пора, что ли?*» снова отвѣтъ: «*Нѣтъ!*» Это продолжается до трехъ разъ, а иногда и болѣе, пока всѣ игроки успѣютъ скрыться. Не получая отвѣта на свое: *Пора, что ли?* Онъ отправляется въ поискъ. Первый, отысканный имъ, долженъ смѣнять его. Часто случается, что играющіе по ненависти

къ *Кулюгкѣ* заставляютъ его отыскивать всѣхъ до одного.

8. СОРОКА.

Сорока, какъ игра дѣтская, увеселяетъ только дѣтей и матерей, и свято соблюдается въ семейной жизни. Эта игра вводится тогда, когда колыбельныя пѣсни смѣняются играми.

Мать или няня беретъ руку дитяти, водитъ своимъ указательнымъ пальцемъ по его ладони. Нетерпѣливое дитя, пріученное къ этой игрѣ, стоитъ въ радостномъ томленіи, а нѣжная мать говоритъ:

Сорока, сорока,
Кашу варила,
На порогъ поскакивала,
Гостей посматривала:
Не ѣдутъ ли гости?
Не везутъ ли гостинцы?
Пріѣхали гости,
Привезли гостинцы.

Послѣ того дѣйствіе игры переносится съ ладони на пальцы. Указывая на каждый изъ нихъ, говоритъ:

Этому кашки,
Этому бражки,
Этому пивца,
Этому винца,
А этому не достало.
Поди тамъ,
Есть колодецъ
Напейся водицы.

Потомъ, указывая на ладонь, говоритъ:

Тутъ пень,

Показывая на мѣсто кисти —

Тутъ колода,

Подвигаясь къ локотному сгибу—

Тутъ мохъ,

Приближаясь къ подмышкѣ—

Тутъ болото,

Щекоча подъ мышкою —

Тутъ студеная водица.

Смѣхъ дитяти, ласковые поцѣлуи нянюшки, нѣжность маменьки оканчиваютъ игру,

9. ВЕРЕВОЧКА.

Веревочка, старинная свадебная игра, увеселяетъ на *сговорахъ* людей женатыхъ и семейныхъ, на *посидѣлкахъ и молодегникѣ* дѣвушекъ, однѣхъ, безъ мужчинъ. Но это бывало прежде; нынѣ забавляются веревочкою безъ разбора всѣ *свадебные сговорщики.*

Сваха вноситъ въ *горницу веревогку,* концы которой *сватъ* или *дружка* завязываетъ однимъ узломъ. Игроки *хватаются* за эту веревку обѣими руками, составляя изъ себя кругъ около ея. Въ средину круга становится сватъ или сваха для *загину.* Обходя кругомъ всѣхъ, сваха—кому говоритъ *красное словцо,* кому *поетъ присказку,* или *заводитъ* сказку, стараясь высказать въ ней характеры сговорщиковъ. Ея словамъ, хотя иногда довольно обиднымъ, отвѣчаютъ похвалою, улыбкою и добрымъ молодечествомъ. *Круговой* — такъ называютъ свата, стоящаго въ срединѣ игроковъ, среди *росказней,* замѣчаетъ: кто смотритъ по сторонамъ, и, подкарауливъ, тотъ-часъ бьетъ его по рукѣ. *Оплошный* становится въ кругъ, при всеобщемъ смѣхѣ, и заводитъ свои росказни. Иногда, вмѣсто *побасенокъ,* игроки поютъ свадебныя пѣсни. Игра оканчивается по желанію игрокоръ.

10. СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Сѣрый волкъ, игра олицетворенная, носитъ на себѣ отпечатокъ древности. Волкъ, выражая собою нарушителя увеселеній, есть лице семейное изъ старой Русской жизни. Не выражалось ли этимъ олицетвореніемъ въ семействѣ строгое взысканіе старѣйшинъ? Время все скрыло. Предъ нами осталось одно: игра Сѣрый Волкъ.

Въ игрѣ Сѣрый Волкъ участвуютъ только дѣти. Кто нибудь изъ нихъ, по жеребью, играетъ *Волка*, а всѣ прочіе *Дѣтокъ*. Волкъ, поджавъ руками лице, сидитъ сговбившись на бугоркѣ и молчитъ. Дѣтки щиплютъ передъ нимъ траву, и всѣ вмѣстѣ, скороговоркою причитываютъ:

Щипу, щипу по ягодку,
По черную смородинку;
Батюшкѣ въ ставчикъ,
Матушкѣ въ рукавчикъ,
Сѣрому Волку,
Травки на лопату·
Дай Богъ умыться,
Дай Богъ убраться,
Дай Богъ бѣжать!

Съ послѣднимъ словомъ дѣтки встаютъ, бросаютъ въ Волка траву и бѣгутъ. Волкъ обиженный долею, бросается за дѣтками. Дѣтки разными *увертками* обманываютъ Волка, а онъ своею хитростью ловитъ ихъ. Пойманный играетъ Сѣраго Волка.

11. ПЕРВЕНЧИКИ.

Первенчики, игра дѣвушекъ - невѣстъ, есть, въ полной мѣрѣ, игра отъ нѣчего дѣлать. Встарь, наши бабушки не любили гулять по проспектамъ и бульварамъ, которыхъ тогда и не бывало, а сживали съ своими внучками въ свѣтелкахъ и вышкахъ. Когда въ праздничные дни все покоилось, затворницамъ надобно было дать какое нибудь занятіе — и вотъ наши бабушки обучили своихъ внучекъ *Первенчикамъ*. Спасибо бабушкамъ и за это утѣшеніе.

Четыре и болѣе дѣвушекъ садятся на полу, въ кружекъ. Каждая изъ нихъ кладетъ на колѣни къ одной по два пальца. Тогда старшая начинаетъ скороговоркою *поговаривать:*

Первенчики,
Друженчики,
Трынцы,
Волынцы,
Поповы
Ладанцы,
Цыкень,
Выкень.

Произнося каждое изъ этихъ словъ, она указываетъ на одинъ изъ протянутыхъ пальцевъ, и на которой *достается* слово *выкень*, тотъ палецъ и *выкидывается*. Внимательныя дѣвушки успѣваютъ прятать свой палецъ прежде, нежели будетъ произнесено роковое: *выкень*. Отклоняя такимъ образомъ приговоръ, онѣ мучатъ дѣвушку надъ одною очередью часа по два и болѣе. Знающіе эту игру въ одну очередь успѣваютъ отсчитывать всѣ пальцы, и чьей останется одинъ палецъ, та должна и начинать игру.

Старушки разсказываютъ, что въ этой игрѣ дѣвушки часто засыпали вмѣстѣ съ своими бабушками. Вѣрно имъ бѣднымъ было усладительно!

12. КАМУШКИ.

Камушки есть игра лѣтняя, занимающая собою всегда дѣвицъ по полднямъ, рѣдко вечерами. Вѣроятно, что и эта игра изобрѣтена бабушками; она такъ скучна, что утомляетъ собою самую бодрую дѣвицу. Въ Тулѣ, на Оружейной Сторонѣ, цѣлыя семейства сидятъ по улицамъ *кружками*, занимаясь усердно Камушками. Тамъ, въ Гончарской слободѣ, поставляется въ достоинство играть удачно въ эту игру, а знаніе ея ставилось на ровнѣ съ женскими искуствами. Замѣчательно одно: въ позоръ и въ поношеніе ставили мужчинѣ, когда онъ игралъ въ Камушки. Укоризненныя слова, произносимыя дѣвушками, выражаютъ какую-то зависть.

Сбираясь играть въ Камушки, дѣвушки приносятъ съ собою по пяти глиняныхъ камушковъ, гладкихъ, округленныхъ, росписанныхъ разными красками, Эти камушки продаются въ числѣ другихъ товаровъ на городскихъ ярмаркахъ Голышевые камушки считаются роскошью: ихъ приносятъ въ подарки богомольщики изъ Кіева и Ростова. Готовыя играть по двое и болѣе сутокъ, дѣвицы садятся у воротъ кружками, и причитываютъ: «*Уговорецъ, род-*

ной братъ всѣмъ дѣламъ.» Чудесное дѣло: это родъ какой то клятвы, свято хранимой дѣвушками. Вотъ онъ:

Чуръ!
Играть,
Не воровать,
Безъ вороху,
Безъ промаху,
Безъ щелку.

Камушки есть игра самая многосложная. Раздѣляясь на нѣсколько *пріемовъ*, она имѣетъ особенныя дѣйствія. Первой пріемъ называютъ: *пять просфоровъ*, второй *четыре просфора*, третій *три просфора*, четвертый *два просфора*, пятый *одинъ просфоръ*, и послѣдній—*отбиваться*.

Дѣвушки, играющія въ пять просфоговъ, берутъ въ правую руку всѣ пять камней, изъ коихъ одинъ бросаютъ вверхъ, а другіе четыре кладутъ на землю, и, въ тотъ же мигъ, ловятъ на лету брошенный вверхъ камень. Потомъ опять бросаютъ этотъ же камень, схватываютъ съ земли прежніе четыре, и съ ними подхватываютъ на лету брошенный вверхъ камень. Это дѣйствіе дѣвушки называютъ *просфоръ*. Добродушные Греки—кто васъ здѣсь не узнаетъ! Вы, изгнанные изъ Царяграда, несли на Западъ Европы всю ученость Еллинскую, избѣгая побоевъ Мусульманъ, а къ намъ являлись съ камушками, хотя наши дѣды выкупали ваши подарки дорогою цѣною! Второе дѣйствіе этого же пріема называютъ: *Тройки*. Здѣсь одинъ камушекъ бросаютъ вверхъ, а другіе раскидываютъ такъ, чтобы одинъ ложился въ сторону, а прочіе три вмѣстѣ. Игральщицы бросаютъ вверхъ одинъ камень, потомъ схватываютъ съ земли одинъ и ловятъ брошенный; далѣе снова бросаютъ вверхъ, схватываютъ съ земли три камня и ловятъ брошенный. Третіе дѣйствіе этого пріема называютъ: *Двойки*. Здѣсь одинъ камень бросается вверхъ, другіе же раскидываются по парно, и схватываются точно также, какъ въ первомъ дѣйствіи. Четвертое дѣйствіе называется: *Одинагки*. Здѣсь одянъ камень бросается вверхъ, всѣ прочіе разбрасываются порознь, и точно такимъ же образомъ схватываются, какъ въ прежнихъ дѣйствіяхъ.

Пріемъ въ *четыре просфора* отличается отъ перваго тѣмъ, что въ немъ вмѣсто того, чтобы бросать пять разъ боевой камень вверхъ, бросаютъ только четыре. Прочее все остается тоже.

Пріемъ въ *три просфора* отличается отъ втораго тѣмъ, что здѣсь боебой камень бросается вверхъ только три раза. Прочее все тоже.

Пріемъ въ *два просфора* состоитъ въ двукратномъ бросаніи камня вверхъ. Все прочее сходно съ другими пріемами:

Пріемъ въ *одинъ просфоръ* заключается только въ единовременномъ бросаніи камня вверхъ.

Отбиваться составляетъ особенный, окончательный пріемъ игры. Здѣсь дѣвушка за одинъ *присѣстъ* должна бросить двадцать разъ камень вверхъ и двадцать разъ схватить его на лету, не считая уже просфоровъ.

Если въ игрѣ этихъ пріемовъ дѣвушка сдѣлаетъ *промахъ*, или неосторожно зацѣпитъ за другой камень, то лишается права играетъ далѣе. Сосѣдка вмѣсто ея начинаетъ *во новую* свою игру.

Въ игрѣ счастливой, удачной, завистливыя дѣвушки стараются развлечь вниманіе своей *подруги;* онѣ разными приговорами *подкрикиваютъ* подъ руку. Игральщица негодуетъ, руки трясутся, кумни падаютъ. Проигрышъ производитъ невыносимую досаду, ссоры, *упреки*. Ссоры всегда оканчиваются прекращеніемъ игры и становятся предметами раздора многихъ семействъ. Для любопытныхъ выписываемъ приговоры, приводящіе игроковъ въ неистовство, а семейства въ многолѣтніе раздоры:

Кума тарара!
Не съѣзжай со двора,

Съѣдешь, потужишь,
Домой не пріѣдешь.

Гуси-лебеди летѣли,
Чрезъ камушки глядѣли.
Либо ворохъ, либо промохъ,
Либо отщелкъ.

Бара, барабашки,
На сивой кудряшки,
И туды и сюды,
И взадъ и впередъ,
Идутъ, скачутъ,
Съ печи не слѣзутъ.
Стой! Стой! Стой!

Не бывать,
Не видать,
Чужой доли не ѣдать;
Приходили,
Прилетали,
Камни растеряли.

У! взяли, взяли.
Ни туды, ни сюды;
Вотъ не такъ,
Вотъ ни сякъ,
Ни на право, ни на лѣво;
Бухъ, бухъ,
Камень вдругъ!
Полетѣли въ кутъ:
Э! что взяли?
Э! что взяли?

13. ЗАХАРКА.

Захарка, игра дѣтская, веселитъ дѣтей и *изъ ума выжившихъ старушекъ*. Не имѣя ни одной самобытной идеи, она за то и не выражаетъ ни одной любопытной черты изъ семейной жизни. Кажется, что она родилась въ Русскихъ селеніяхъ, гдѣ зимними вечерами хижины поселянъ освѣщаются горящими лучинами. Можетъ быть, предки имѣли свою цѣль, изобрѣтая эту игру, теперь намъ непонятную. Отъ того мы въ ней теперь видимъ какую-то безотчетливость, указывающую прямо на дѣтскія шалости и на неосторожную беззаботность дряхлѣющихъ людей.

Старушка въ семействѣ, желая *потѣшить* дѣтей, беретъ пукъ лучины, сажаетъ ихъ около огня и каждому дитяти даетъ по лучинѣ. Дѣти зажигаютъ концы лучинокъ, махаютъ ими по воздуху, приговаривая за старушкою:

Гори, гори жарко!
Пріѣхалъ Захарка,
Самъ на тележкѣ,
Жена на кобылкѣ,
Дѣтки на санкахъ,
Въ черныхъ шапкахъ.

Всѣ эти слова повторяются до тѣхъ поръ, пока сгорятъ лучины, или пока крикъ дѣтей, обожженныхъ лучинами, произведетъ порядочную суматоху. Въ селеніяхъ бабушки для этого только и сбираютъ дѣтей въ зимніе вечера въ одну избу *позабавиться Захаркою*.

14. ДЕРГАЧИ.

Дергачи есть игра зимняя, увеселяющая молодежь въ скучные осенніе вечера, въ кругу всѣхъ возрастовъ. Въ этой игрѣ есть много сходнаго съ жмурками и много отличнаго. *Посмѣяться отъ бездѣлья*—любимая поговорка нашихъ предковъ—кажется, изобрѣла эту игру.

Собираясь играть въ Дергачи, игроки садятся по мѣстамъ около стѣнъ, а *Водырь*, обреченный по жеребью, съ завязанными глазами, ходитъ по комнатѣ. Отъ игроковъ требуется: *не сходить съ мѣста*. Нарушитель этого постановленія занимаетъ мѣсто Водыря. Какъ скоро всѣ усѣлись, а это дѣло очень трудное и, при множествѣ споровъ, едва выносимое для постороннихъ зрителей, начинается игра. Въ одной сторонѣ игроки говорятъ: «Дергъ! Дергъ!» а въ другой шевелятъ ногами по полу, и если можно, *дергаютъ* Водыря за полы платья. Онъ, ходя по комнатѣ, долженъ отгадывать—кто говоритъ: «*Дергъ!*»—назвать по имени того, кто дернулъ за полы. Счастливое открытіе избавляетъ его отъ долгихъ поисковъ. Тогда онъ передаетъ игру *Дергальщику*.

15. ЖГУТЫ.

Какая-то непостижимая затѣйливость изобрѣла Русскую игру Жгуты, игру *битую*, отъ которой часто игроки дни по три и по четыре лежатъ битыми и разбитыми на печахъ. Надобно имѣть отчаянное терпѣніе, чтобы выдержать эту игру. Пускай бы одни мужчины веселились, а то и женскій полъ садится за эту игру съ восторгомъ. Русская жизнь есть еще загадка.

Въ зимніе *долгіе* вечера, когда сбираются въ деревняхъ на посидѣлки въ одну избу, затѣваютъ въ это время *жгуты*. Всѣ садятся въ *кружекъ* на полу. Въ срединѣ лежитъ шапка, которую должно доставать игрокамъ съ огорода. За спинами игроковъ ходитъ *Жгутовка* съ жгутомъ, и караулитъ на дорогѣ воровъ. Какъ добрый сторожъ, она весело кричитъ:

Кому разъ,
Кому два,
Кому ничего.

Едва лишь кто протянетъ руку за шапкою, Жгутовка того бьетъ жгутомъ по спинѣ. Кто задремлетъ сидя, она кладетъ за его спиною жгутъ, а бодрый сосѣдъ учитъ его хорошими ударами бодрствовать. Когда пойдетъ кутерьма во время бросанія жгута, Жгутовка беретъ шапку и надѣваетъ на кого нибудь. *Кого окликнутъ* въ шапкѣ, тотъ дѣлается Жгутовкою. Если же игроки похитятъ съ огорода шапку, тогда каждый изъ нихъ, смотря по сдѣланному условію, *дѣлаютъ расправу* съ Жгутовкою нѣсколькими ударами.

16. ЧИЖИКЪ.

Чижикъ, игра дѣтская, веселитъ дѣтей удачно и печалитъ нечаянными побоями. Основная мысль этой игры проста — утѣшить; но она далеко не достигаетъ своей цѣли. Вообще, всѣ дѣтскія игры сопряжены на Руси съ опасностями, и кажется, что только однѣ колыбельныя пѣсни показываютъ превосходство семейныхъ увеселеній.

Старшій изъ дѣтей очерчиваютъ на полу мѣлкомъ четвероугольникъ — *Клѣтку*, въ средину кладетъ камень, на которой по отвѣсу полагается палочка — *Чижикъ* — длиною въ одну четверть. Кто нибудь изъ дѣтей подходитъ съ другою длинною палочкою къ клѣткѣ, бьетъ по Чижику, который отъ удара летитъ вверхъ. Тогда другія дѣти стараются бить Чижика на лету, и тотъ остается въ сторонѣ, кто успѣетъ загнать его въ клѣтку. Игра продолжаеся дотолѣ, пока явится кто нибудь изъ игроковъ съ разбитымъ лицемъ, и съ крикомъ начинаетъ доискиваться виноватаго. Но, какъ побои скоро забываются дѣтьми, то игра Чижикъ скоро возобновляется.

17. УЖИЩЕ.

Игра Ужище составляетъ самое веселое раздолье поселянъ и поселянокъ Костромской и Тульской губерній. Нигдѣ нельзя видѣть такой Русской *оборотливости*, какъ въ этой игрѣ Здѣсь желаніе выказать свое удальство подчиняетъ себѣ всѣ движенія, и скачки столь бываютъ удачны, что превосходятъ всякое вѣроятіе. Глядя на игру Ужище, невольно скажешь, что Русская неустрашимость свыкается со всѣмъ; ей все бываетъ свое, все близкое; она ко всему влечетъ Русскаго мужичка, готоваго спорить своимъ терпѣніемъ со всею природою.

Сбираясь *играть Ужище*, Костромитяне берутъ веревку — Ужище, и толпами отправляются на пустошь. Тамъ, двое держатъ веревку за концы и вертятъ ею вокругъ по воздуху. Въ срединѣ ихъ становится третій, и не отходя съ мѣста, прыгаетъ вверхъ тогда, когда другіе изъ веревки дѣлаютъ круги. Это занятіе издали показываетъ, что человѣкъ стоитъ какъ бы въ кругѣ. Чтобы сыграть Ужище надобно имѣть ловкость своего рода: умѣть во время прыгнуть, умѣть кстати согнуть голову, умѣть присядать. Неопытные возвращаются съ разбитою головою и расшибенными ногами. Болѣе всего страдаютъ Костромскія уши.

ки. Приходитъ котъ и мяучитъ. Бабушка *погуяла бѣду* и бѣжитъ изъ бани. Дѣтки разбѣгаются. Бабушка ловитъ ихъ съ котомъ. Кого прежде поймаютъ, тотъ дѣлается бабушкою; а потомъ ловятъ другаго, и этотъ превращается въ кота.

29. ЛАСЫ.

Игра *Ласы* занимаетъ дѣтей зимою. когда кончаются всѣ лѣтнія увеселенія. Эта игра выражаетъ родъ какой-то странной промышлености.

Когда выпадетъ первый снѣгъ, дѣти выдѣлываютъ изъ снѣгу шары, и обливаютъ ихъ водою Эти шары называются Ласами. Соскучившись сидѣть дома, дѣти выходятъ на улицу и *похваляются* Ласами. *Замысловатые парни* продаютъ свои Ласы *дурнямъ* за бабки, по два и по три шестера за каждую. Потомъ начинаютъ играть. Избравши мѣсто, торгуются: «*продай коровку?*» — *Продажна* — отвѣчаетъ игрокъ. Потомъ бросаетъ каждый изъ нихъ ногою свою Ласу. Послѣ этого съ дальнею Ласою начинаютъ по договору за ударъ бить въ чужія Ласы. Если онъ попадетъ, то беретъ за выигрышъ условленную плату бабками; если же сдѣлаетъ промахъ, то самъ платитъ вдвое. Игра продолжается по желанію, всегда болѣе до чистаго проигрыша.

30. СИЖУ ПОСИЖУ.

Стелется на полу коверъ, сестрицы съ братцами садятся въ кружекъ. Дѣвушка, съ завязанными глазами, ходитъ въ срединѣ и приговариваетъ:

Братцы, сестрицы!
Примите меня.
Братцы, сестрицы!
Возьмите меня.

Дѣвушки отвѣчаютъ ей: «*Иди по насъ*,» — Дѣвушка подходитъ и садится къ кому нибудь на колѣни, приговаривая: «*Сижу — посижу.*» У кого она сидитъ, тотъ долженъ молчать. Посторонніе спрашиваютъ: «*У кого?*»—Если дѣвушка отгадаетъ это лице, то ему передаетъ свою обязанность. Часто случается, что дѣвушка *сидитъ да посиживаетъ* на чужихъ колѣняхъ, особенно на братцовыхъ, притворяясь недогадливою.

31. ЧЕТЪ НЕЧЕТЪ.

Гостинцы, приносимые отъ матушекъ, накопляются въ такомъ количествѣ, что дѣвушки рѣшаются проигрывать ихъ будто на тѣ, какихъ у одной нѣтъ, а у другой много. Дѣвушки садятся за столъ, раскладываютъ гостинцы кучками и накрываютъ ихъ платкомъ. Начинается розыгрышъ. Одна спрашиваетъ: *Четъ* или *нечетъ?* Если другая отгадаетъ то или другое, тогда беретъ гостинцы себѣ, какъ выигрышъ, если не отгадаетъ, то сама отвѣчаетъ платежемъ въ такомъ же количествѣ. Затѣйливыя иногда закрываютъ пустое мѣсто, и та, которая не замѣтитъ обмана, расплачивается всѣми гостинцами.

32. ЧЕТКИ.

Нянюшки приносятъ пукъ тростниковыхъ палочекъ по числу дѣвицъ, и раздаютъ дѣвушкамъ для замѣтокъ. Опытная въ этой игрѣ, обираетъ палочки у *подругъ* и складываетъ ихъ вмѣстѣ *съ шутомъ*—палочкою длиннѣе прочихъ, Дѣвицы садятся на полъ въ кружокъ. Въ срединѣ ставятъ пукъ палочекъ вертикально, придерживая его за средину правою рукою, а лѣвою за верхушку *шута*, потомъ принимаютъ вдругъ правую руку, и палочки разсыпаются въ разныя стороны. Игра требуетъ, чтобы дѣвица поднимала *по одинакѣ* всѣ палочки, не трогая другихъ. *Удача* сбирать осторожно палочки почитается *дѣвичьимъ проворствомъ*. Завистливыя находятъ время говорить *разныя разности*, съ намѣреніемъ отвлечь ловкую дѣвушку. Проигравшихъ въ этой игрѣ наказываютъ чѣмъ нибудь, смотря потому, какое напередъ было сдѣлано условіе.

33. КОЛЕЧКО.

Одна изъ дѣвушекъ снимаетъ съ руки кольцо и отдаетъ нянюшкѣ, которая въ

кольцо продѣваетъ длинную ленту, и связываетъ концы. Дѣвушки становятся въ кружокъ и держатся обоими руками за связку. Дѣвушка, обреченная по жеребью *кружиться*, ходитъ въ срединѣ отыскивать: «*у кого кольцо?*» Дѣвушки потихоньку передаютъ кольцо изъ рукъ въ руки. Въ это время, для развлеченія отыскивающей кольцо, производятъ безпрерывное движеніе ленточкою. У кого будетъ открыто кольцо, тотъ смѣняетъ кружившуюся дѣвушку.

34. КОЗА.

Дѣвушки выбираютъ изъ среды себя одну подругу *Козу*, которая, отдѣлясь отъ толпы, приближается къ стѣнѣ въ задумчивости. Игроки, подходя къ ней, *заводятъ рѣчи:*

Дѣвушки. Коза, коза бя,
Гдѣ ты была?
Коза. Коней стерегла.
Дѣвушки. И гдѣ кони?
Коза Они въ лѣсъ ушли.
Дѣвушки. И гдѣ тотъ лѣсъ?
Коза. Черви выточили.
Дѣвушки. И гдѣ черви?
Коза. Они въ гору ушли.
Дѣвушки. И гдѣ гора?
Коза. Быки выкопали.
Дѣвушки. И гдѣ быки?
Коза. Въ воду ушли.
Дѣвушки. И гдѣ вода?
Коза. Гуси выпили.
Дѣвушки. И гдѣ гуси?
Коза. Въ тростникъ ушли.
Дѣвушки. И гдѣ тростникъ?
Коза. Дѣвки выломали.
Дѣвушки. И гдѣ дѣвки?
Коза. Замужъ вышли.
Дѣвушки. И гдѣ мужья?
Коза. Они померли.
Дѣвушки. И гдѣ гроба?
Коза. Они погнили.

Дѣвушки разбѣгаются въ разныя стороны; коза преслѣдуетъ ихъ. Если она которую нибудь изъ нихъ поймаетъ за ленту косы, тогда пойманная получаетъ названіе козы, и игра начинается снова.

35. ГУСЕКЪ.

Гусекъ составляетъ отрадное утѣшеніе пожилыхъ людей лѣтомъ и зимою. Охотники до этой игры предпочитаютъ ее всѣмъ другимъ, даже шахматной, наслаждаются Гуськомъ лучше всѣхъ утѣшеній. Для игры Гусекъ охотники покупаютъ въ щепныхъ рядахъ готовую доску, на которой красками изображена, двойною линіею, извилистая дорога, въ видѣ улитки. Между линіею, на условныхъ мѣстахъ, означены въ кружкахъ предметы: числа, гуси, постоялый дворъ, темница, кружало. Предъ началомъ игры, игроки мечутъ костями: кому сколько достанется очковъ.

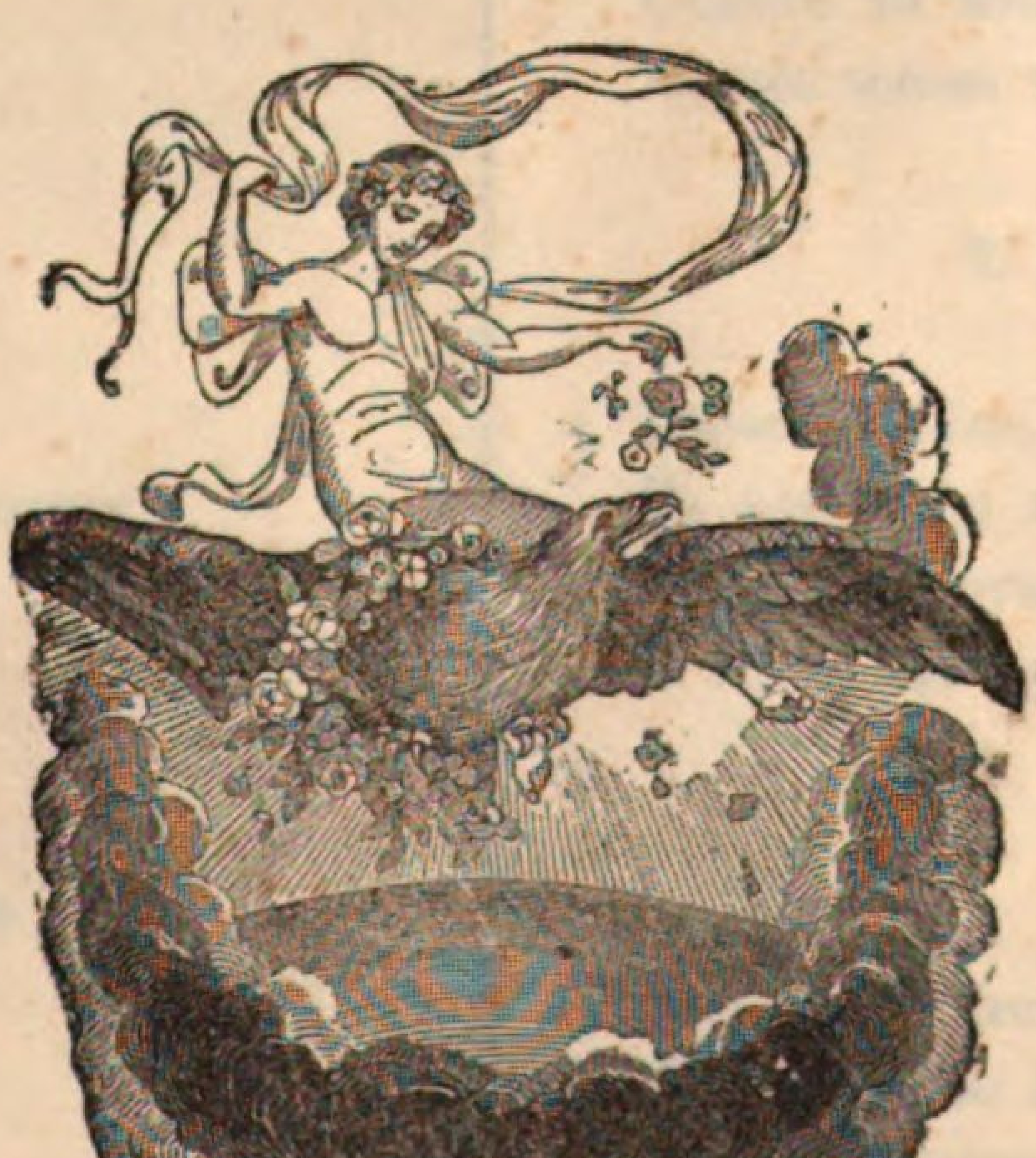
Большинство очковъ даетъ право игроку ходить прежде, и ежели онъ успѣетъ поставить шашку на гуська, тогда можетъ ходить взадъ и впередъ, сколько есть знаковъ. Меньшее число очковъ заставляетъ часто заходить игрока или на постоялый дворъ, или въ темницу. Если онъ зайдетъ на постоялый дворъ, то обязанъ платить пеню за постой по условію; если же очутится въ темницѣ, то лишается уже очереди метать костями и обязанъ оставаться безъ игры до тѣхъ поръ, когда тоже сдѣлается съ другимъ. Выигрышъ всегда остается за тѣмъ, кто по опредѣленному числу очковъ, имѣя право ходить взадъ и впередъ, дойдетъ до послѣдняго знака.

Безъ всякаго сомнѣнія, Гусекъ занесенъ къ намъ съ чужой стороны и, какъ кажется, подаренъ намъ Нѣмцами. Здѣсь только и есть Русскаго: постоялый дворъ и кружало, въ которыхъ замѣтно Русское удальство.

РУССКІЯ

НАРОДНЫЯ ЗАГАДКИ И ПРИТЧИ.

Загадать ли тебѣ, дѣвица, семь загадокъ?
Загадай ты, сынъ гостиной, хоть десятокъ.

Всѣ загадки и притчи, помѣщенныя здѣсь, были собраны мною въ Тулѣ и Москвѣ; но не все собранное можно было печатать. Кому извѣстна Русская жизнь на просторѣ, кто знаетъ Русскую жизнь въ ея веселомъ разгулѣ, тотъ уже знаетъ, почему нельзя было всего напечатать.

РУССКІЯ

НАРОДНЫЯ ЗАГАДКИ.

1. *Смерть.*

На морѣ на Окіанѣ,
На островѣ на Буянѣ,
Сидитъ птица Юстрица,
Она хвалится, выхваляется,
Что все видала,
Всего много ѣдала.
Видала Царя въ Москвѣ,
Короля въ Литвѣ,
Старца въ кельи,
Дитя въ колыбели;
А того не ѣдала,
Чего въ морѣ не достало.

2. *Роза-шиповникъ.*

Древо древоданское,
Листья лихоханскіе,
Цвѣты ангельскіе,
Когти дьявольскіе.

3. *Бумага и писецъ.*

Ни небо, ни земля,
Видомъ свѣтла,
Садятся на ней
Темнообразныя птицы.
Два созираютъ,
Два сожидаютъ,
Одинъ повелѣваетъ.

4. *Буйный вѣтеръ, туча грозная, солнце ясное, сердце страстное.*

Безъ крылъ летитъ,
Безъ ногъ бѣжитъ,
Безъ огня горитъ,
Безъ ранъ болитъ.

5. *Улей, пчелы, жало, воскъ, медъ.*

Стоитъ градъ на востокѣ
Широкими дверьми,
Около его много воинства,
У каждаго воина по копью.
Идетъ родъ Адамля,
Отнялъ у нихъ все имѣніе.
Вышнему слава, земному также!

6. *Грудной младенецъ.*

Живая живулечка,
Сидитъ на живомъ стулечкѣ,
Живое мясцо теребитъ.

7. *Груди.*

Бѣлый лебедь,
На блюдѣ не былъ,
Ножемъ не рушенъ,
А всякъ его кушалъ.

8. *Макъ.*

Маленькой крошка
Сквозь землю прошелъ,
Красну шапочку нашелъ.

9. *Перо.*

Летѣлъ панъ,
На воду палъ,
Воды не взмутилъ.

10. *Небо, звѣзды, мѣсяцъ.*

Взгляну я въ окошко,
Раскину рогожку,
Посѣю горошку,
Положу хлѣба краюшку.
Всякой видитъ,
Да не всякой чуетъ.
Кому свѣтло,
Кому темно,
А мнѣ голубо.

11. *Похороны.*

Бѣгутъ бѣгунчики
Ревутъ ревунчики,
Не дышатъ,
Не пышатъ,
По сухому берегу бѣжатъ.

12 *Каганъ капусты.*

Подъ дубкомъ, дубкомъ,
Подъ карандышкомъ,
Свилось клубкомъ,
Да не камышкомъ.

13. *Бѣлокъ съ желткомъ.*

Во бѣломъ городѣ,
Во темномъ подвалѣ,
Стоятъ въ одной бочкѣ:
Царево вино,
Царицынъ медъ,
Розно, несмѣшано.

14. *Наперстокъ.*

Шла свинья изъ болота,
Вся исколота.

15. *Серьги.*

Подъ лѣсомъ, лѣсомъ
Колесы висятъ,
Дѣвицъ красятъ,
Молодцевъ плѣнятъ.

16. *Мышь.*

Подъ поломъ, поломъ
Ходитъ барыня съ коломъ.

17. *Вѣникъ.*

Скрученъ, связанъ
По избѣ пляшетъ.

18. *Пчела и восковая свѣча.*

Летитъ звѣрокъ
Чрезъ Божій домокъ,
Самъ съ собой говоритъ:
Вотъ моя силка горитъ.

19. *Огурецъ.*

Безъ оконъ, безъ дверей
Полна храмина людей.

20. *Орѣхи.*

Махотка маленька,
Кашка сладенька.

21. *Сито.*

Сивая кобыла
По торгу ходила,
Къ намъ пришла,
По рукамъ пошла.

22. *Понева.*

Отъ поясницы до ногъ
Семьдесятъ пять дорогъ.

23. *Колесы.*

Четыре брата на свѣтѣ:
Два меньшіе впереди
Два большіе позади,
Спѣшатъ, бѣгутъ,
Другъ друга не догонятъ.

24. *Лодка.*

Ѣду, ѣду,
Слѣда нѣту;
Рѣжу, рѣжу,
Крови нѣту.

25. *Звонъ колокольный.*

Звонко звякнетъ,
Утка крякнетъ,
Сбирайтесь дѣтки
Къ одной маткѣ.

26. *Притолоки.*

Двѣ сестры страдаютъ,
Въ каморку зазираютъ,
Взойдти не смѣютъ.

27. *Печь, огонь, дымъ.*

Мать толста,
Дочь красна,
Сынъ храберъ,
Подъ небеса ушелъ.

28. *Крестины.*

Подъ городомъ подъ Брянскимъ,
Подъ дубомъ подъ Царскимъ,
Два орла орлуютъ,
Одно яичко балуютъ.

29. *Зубы.*

Около прорубки
Стоятъ бѣлыя голубки.

30. *Орѣхи, скорлупа, зубы.*

Стоитъ крѣпко,
Виситъ слабко,
Около ихъ гладко,
У всѣхъ есть снасть,
Имъ же ѣсть сласть.

31. *Часы.*

Стучитъ, гремитъ, вертится,
Никого не боится,
Считаетъ свой вѣкъ,
Самъ не человѣкъ.

32. *Великой постъ.*

Стоитъ мостъ
На семь верстъ,
На мосту столбъ,
На столбу цвѣтъ,
Во весь свѣтъ.

33. *Дверь съ притолоками.*

Двое стоятъ,
Двое лежатъ,
Пятой ходитъ,
Шестой водитъ.

34. *Звонъ церковный.*

Выду на вывой,
Ударю во билиберды,
Утѣшу Царя въ Москвѣ,
Разбужу Короля въ Литвѣ,
Мертвеца въ землѣ,
Игуменью въ кельѣ,
Малу дитю въ колыбели.

35. *Ножницы.*

Два конца,
Два кольца,
По срединѣ гвоздь.

36. *Игла съ ниткой.*

Бѣжитъ свинка,
Золотая спинка,
Льняной хвостокъ.

37. *Хлѣбъ.*

Загаю я загадку,
Брошу за грядку,
Въ годъ пущу,
Годовикъ рощу.

38. *Токъ.*

Дѣдушка лысъ
На небо глядитъ,
Внучекъ чернобрысъ
По лысинѣ хлыстъ.

39. *Вилы.*

Шла свинья изъ авину,
Размыкавши сѣно по рылу.

40. *Варьги.*

Размыхъ, размыхъ
Малу махнушку,
Пущу бѣлу голышку.

41. *Каганъ.*

Стоитъ попокъ,
Самъ низокъ,
Сто на немъ ризокъ.

42. *Столъ.*

На широкомъ дворѣ,
На гладкомъ полѣ,
Стоятъ четыре попа
Подъ одною шляпою.

43. *Корова.*

Четыре четырки,
Двѣ растопырки,
Седьмой вертунъ,
Два стеклушка въ немъ.

44. *Свѣча.*

Самъ нагъ,
Рубашка въ пазушкѣ;
Самъ бѣлъ,
Дѣтки красны.

45. *Жукъ.*

Черенъ да не воронъ,
Рогатъ да не быкъ,
Шесть ногъ безъ копытъ,
Идетъ—земли не деретъ.

46. *Красны.*

Раскинуты тенетки,
Прилетѣли лебедки,
Труть, мнуть,
Раздвинуть, воткнуть.

47. *Пары водяные.*

Безъ рукъ, безъ ногъ
Не малъ клочекъ
Къ верху ползетъ.

48. *Вѣникъ.*

Стоитъ Ерофейка,
Подпоясанъ коротенька.

49. *Рукомойникъ.*

Надъ кислой рѣкой
Колокольчики звонки.

50. *Солнце.*

Изъ окна въ окно
Золото бревно.

51. *Паутина.*

Старикъ мететъ по горницѣ,
Метлы летятъ по околицѣ.

52. *Лошадь, корова, лодка.*

Прилетѣли на хоромы
Три вороны;
Одна говоритъ:
Мнѣ въ зимѣ добро,
Другая—мнѣ въ лѣтѣ добро
А третья—мнѣ всегда добро.

53. *Котелъ съ водою.*

Подъ клѣтомъ, подъ наметомъ,
Стоитъ бочка съ вороньимъ саломъ.

54. *Годъ.*

Одинъ до двѣнадцати родилъ,
А двѣнадцать семь породило,
Изъ семерыхъ четыре выросло.

55. *Мутовина.*

Стоитъ пвина
Вся въ сучьяхъ.

56 *Книга.*

Идетъ ни мужикъ, ни баба,
Несетъ ни сгибень, ни пирогъ,

57. *Замокъ.*

Маленькой да гнутенькой
Весь домъ стережетъ.

58. *Зеленой лукъ.*

Сидитъ баба на грядахъ,
Вся одежа въ заплатахъ.
Кто не взглянетъ,
Тотъ всплачетъ.

59. *Коса.*

Маленькой да гнутенькой
Весь лугъ обошелъ.

60. *Перо писчее.*

Сорву косматому голову,
Выну сердце,
Дамъ пить,
Станетъ говорить.

61. *Бочка съ краномъ.*

Стоитъ старикъ надъ рѣкой,
Самъ не пьетъ, другихъ поитъ;
Воду льетъ ни ртомъ,
Ни ковшомъ, а долотомъ.

62. *Овинъ.*

Стоитъ миронъ,
Полна голова воронъ.

63 *Гречиха.*

Черно, расколано,
Беретъ оскомица.

64. *Сонъ.*

Мила, перемила,
Свои очи надсадила,
Хоть грѣхъ, хоть два,
А смерть хочется.

65 *Черемуха.*

Черненька, маленька,
Всему свѣту миленька.

66. *Вино и похмѣлье.*

Стоитъ море
На пяти столбахъ,
Царь говоритъ:
Потѣха моя,
Царица говоритъ:
Погибель моя.

67. *Сорока.*

Бѣла — какъ снѣгъ,
Зелена — какъ лугъ,
Черна — какъ жукъ,
Поетъ — какъ быкъ,
Повертка въ лѣсъ.

68. *Горшокъ.*

Жилъ нероня,
Умеръ нероня.
Никто его не хороня,
Ни попы, ни дьяки,
Ни мы дураки.

69. *Соль.*

На водѣ родится,
На огнѣ выростетъ,
Съ матерью увидится,
Опять умретъ.

70. *Ленъ прядутъ.*

Пять овечекъ стогъ подъѣдаютъ,
Пять овечекъ прочь отбѣгаютъ,

71. *Табакъ.*

Не пекутъ, не жуютъ,
Не глотаютъ, а всѣ вкусно ѣдятъ.

72. *Колоколъ.*

Кричитъ безъ языка,
Поетъ безъ горла,
Радуетъ и бѣдуетъ,
А сердце не чуетъ.

73. *Ракъ.*

Идетъ въ баню черенъ,
Выходитъ красенъ.

74. *Тѣнь.*

Ходитъ безъ ногъ,
Рукава безъ рукъ,
Уста безъ рѣчи.

75. *Деньги.*

Кругло, мало,
Всякому мило.

76. *Комаръ.*

Остро, нековано,
Коснусь поколано.

77. *Вишня.*

Сижу на теремъ,
Мала, какъ мышь,
Красна, какъ кровь,
Вкусна, какъ медъ.

78. *Эхо.*

Живетъ безъ тѣла,
Говоритъ безъ языка,
Никто его не видитъ,
А всякой слышитъ.

79. *Шиповникъ.*

Сидитъ колюка на вилахъ,
Одѣта во багрянецъ,

Кто подойдетъ
Того кольнетъ.

80. *Умъ.*

Ни тѣло, ни духъ,
А съ крыльями вокругъ,
Къ кому подлечу,
Какъ разъ научу.

81. *Муха.*

Легко порхаетъ,
Сама не знаетъ,
Кто взглянетъ,
Всякой угадаетъ.

82. *Орѣхи.*

Росло, повыросло,
Изъ куста повылезло,
По рукамъ покатилось,
На зубахъ очутилось.

83. *Солнечный свѣтъ изъ окна.*

Мету, мету,
Не вымету,
Несу, несу,
Не вынесу.

84. *Рыдванъ съ дышломъ.*

Ѣдетъ орда,
Оглобля одна,
А дуги ни одной.

85. *Коса, трава, копна сѣна.*

Щука двинетъ,
Лѣсъ вянетъ,
На томъ мѣстѣ городъ станетъ.

86. *Корова, ноги, рога, хвостъ.*

Четыре ходоста,
Два бодоста,
Седьмой хлѣбестунъ.

87. *Безменъ.*

Самъ худъ,
А голова съ пудъ.

89. *Щи.*

Дорогой капиталъ
Всѣ души напиталъ,

89. *Рѣпа.*

Кругла, да не дѣвка,
Съ хвостомъ да не мышь.

90. *Люлька.*

Безъ рукъ, безъ ногъ,
На всѣ стороны клонится.

91. *Птица въ клѣткѣ.*

Не грѣшна
А повѣшена.

92. *Церковь.*

Клѣть плетена,
Она вверхъ сведена,
Сто рублей дана.

93. *Окошко.*

Дерну, подерну,
По бѣлому полотну.

94. *Мѣсяцъ.*

Сивой жеребецъ
Подъ вороты глядитъ.

95. *Корзина.*

Виситъ баба на грядахъ
Вся въ заплатахъ.

96. *Въ огородѣ рожъ.*

Косо, непрямо,
Куда ты идешь?
Тебя стерещи,
Зелено, кудряво,
Тебя стерещи.

97. *Игла.*

Маленькой, сухенькой
Всѣхъ одѣваетъ.

98. *Задвижка.*

У насъ, у васъ
Поросенокъ увязъ.

99. *Имя.*

На водѣ не тонетъ,
На огнѣ не горитъ,
Въ землѣ не гніетъ.

100. *Вилы.*

Бѣгуньки бѣгутъ,
Скрыпульки скрипятъ,
Роговатики везутъ,
Маховатики колотятъ.

101. *Рѣшето.*

Дыръ много,
Вылѣсть не куды.

102. *Сопли.*

Бѣдный на земь кидаетъ,
Богатый съ собой сбираетъ,

103. *Почта.*

Въ городахъ рубятъ,
Въ деревню щепки летятъ.

104. *Глаза.*

Братъ съ братомъ
Черезъ дорожку живутъ,
Одинъ другаго не видятъ.

105. *Ложки къ чашкѣ щей.*

Бѣгутъ голубочки,
Къ одной пролубочкѣ.

106. *Каганъ капусты.*

Лапикъ на лапику,
А игла не была.

107. *Письмо.*

Бѣлое поле,
Черное сѣмя,
Кто его сѣетъ,
Тотъ разумѣетъ.

108. *Сердцевина древесная.*

Равенъ съ свѣтомъ,
А свѣту не видитъ.

109. *Перо.*

Чего чрезъ избу не перекинешь?

110. *Дорога.*

Чого къ избѣ не приставишь?

111. *Вода въ рѣшетѣ.*

Чего кругомъ избы не обнесешь?

112. *Береза: 1 лучина, 2 сокъ, 3 вѣникъ, 4 береста для оплетенія горшка.*

Съ одного дерева
Да четыре угодья:
Первое—отъ темной ночи свѣтъ,
Второе—некопаной колодезь,
Третіе—старому здоровье,
Четвертое разбитому связь.

113. *Серпъ.*

Маленькой, горбатенькой,
Все поле проскакалъ,

114. *Почвы, лотокъ.*

Лежитъ свинья
О двухъ рылахъ.

115. *Вѣникъ.*

Подъ лавкой гудокъ,
На полу гудокъ,
Наиграется гудокъ,
Сядетъ въ уголокъ.

116. *Лапти.*

Въ лѣсъ иду клѣтки,
Изъ лѣсу иду клѣтки.

117. *Вино.*

Стоитъ голенище,
Въ голенище суслое масло.
Смѣлость, бодрость,
И смерть не далеко.

118. *Блоха.*

Милой мой,
Спитъ со мной,
Въ траурѣ ходитъ,
Не знаетъ по комъ.

119. *Чужой ключъ.*

Стоитъ Сидора,
Проситъ стоя,

Мой куликъ великъ,
А дыра то мала.

120. *Бѣдность.*

Ни дровъ, ни свѣчей,
Чѣмъ истопить печей,
Въ правомъ сочельникъ,
Въ лѣвомъ чистой понедѣльникъ.

121. *Блины.*

По плѣшивому хлопну,
На плѣшиваго капну,
Выну сто холстовъ,
На сто концовъ.

122. *Жернова.*

Два барашка грызутся,
Промежь ихъ пѣна валитъ.

123. *Масло коровье.*

Желтенькая собачька
Въ промежуточкѣ лежитъ.

124. *Молоко.*

Чиста да не вода,
Клейна да не смола,
Съ трудомъ его достаютъ,
У кого нѣтъ раздаютъ.

125. *Лукъ.*

Возьму я зелье,
Брошу въ землю,
Какъ въ верхъ побѣжитъ,
Тутъ его буду косить.

126. *Дерево,*

И лѣтомъ весело,
И осенью сытно,
И зимой тепло.

127. *Пѣтухъ.*

Не княженецкой породы,
А ходитъ съ короной,
Не ратной ѣздокъ,
А съ ремнемъ на ногѣ,
Не сторожемъ стоитъ,
А всѣхъ рано будитъ.

128. *Каша.*

Черна, мала крошка,
А угодья много въ ней,
Въ водѣ поварятъ,
Ребята съѣдятъ.

129. *Ружье.*

Летитъ орелъ,
Дышетъ огнемъ,
По конецъ хвоста
Человѣчья смерть.

130. *Хрящъ.*

Собою не органъ,
А въ зубахъ играетъ.

131. *Собака.*

На дворѣ калачемъ,
А въ избѣ пирогомъ.

132. *Прозваніе.*

Какъ не брошу,
Ко всему льнетъ.

133. *Снѣгъ.*

Зимою грѣетъ,
Весною тлѣетъ,
Лѣтомъ умираетъ,
Осенью оживаетъ.

134. *Блоха.*

Мала, а проворна,
Гдѣ бываетъ
Тамъ повелѣваетъ;
Въ шатеръ взойдетъ,
Богатыря перевернетъ.

135. *Пирогъ.*

Возьму пыльно,
Сдѣлаю жидко,

Брошу въ пламень,
Будетъ какъ камень.

136. *Солнце.*

Чего со стѣны не вырубишь?

137. *Звѣзды.*

Взгляну въ окошко,
Стоитъ рѣпы лукошко.

138. *Яицо.*

Кругла соловейка,
Кто тебя гладилъ?
Я сама гладка.

139. *Матица.*

Лютая свекровь,
Семейство стрежетъ,
Свекровь разсердится,
Все семейство разбѣжится.

140. *Огонь отъ свѣчи.*

Днемъ спитъ,
Ночью глядитъ,
Утромъ умираетъ,
Другой его смѣняетъ.

141. *Хлѣбъ.*

Временемъ разсѣваю,
Временемъ собираю,
Самъ сытъ бываю,
И людей кормлю.

142. *Миса съ ложками.*

Полно корыто
Людей набито.

143. *Богенокъ.*

Безъ души родился,
Народу пригодился.
Дамъ пить — пьетъ,
Попрошу — отдаетъ.

144. *Собака.*

Собой не птица,
Пѣть не поетъ,
Кто къ хозяину идетъ,
Она знать даетъ.

145. *Подарки кумѣ на прощеный день.*

Семъ пересемъ,
Семушку носилъ,
Травушку купилъ,
Кумушку дарилъ.

146. *Квасная кадка въ подвалѣ.*

Подъ поломъ поломъ
Стоитъ бабушка съ котломъ.

147. *Заслонка печная.*

Двое парятся,
Третій толкается,
Когда открывается,
Вся сласть подымается.

148. *Глаза.*

Сидитъ птица Салоса,
Безъ крыльевъ, безъ хвоста,
И косматa и горбата,
Куда ни взглянетъ,
Правду скажетъ.

149. *Яицо.*

Что въ стѣну не воткнешь?

150. *Ухватъ.*

Рогатъ да не быкъ,
Хватаетъ да не сытъ,
Людямъ отдаетъ,
А самъ на отдыхъ идетъ.

151. *Садиться верхомъ на лошадь.*

Лезу
По желѣзу,
На мягкую гору.

152. *Безменъ.*

У дѣда подъ крыльцомъ,
Виситъ дубина съ кольцомъ,
Налита свинцомъ.

153. *Ленъ.*

Били меня,
Колотили меня,
Во всѣ чины производили,
И на столъ посадили.

154. *Чело у печки.*

По сторону бѣлецъ,
По другую бѣлецъ,
По середки чернецъ.

155. *Рукомойникъ надъ лоханкою.*

На морѣ невѣстка колыблется,
На небѣ деревья дивуются:
Какъ она, чортъ, не оборвется?

156. *Топоръ.*

Въ лѣсъ идетъ, свѣтитъ,
Изъ лѣсу идетъ, свѣтитъ.

157. *Дверь.*

Елка смахнется,
Всѣ люди оглянутся.

158. *Корецъ.*

Щука на морѣ,
Хвостъ на горѣ.

159. *Уголья въ жаровнѣ.*

Полный засѣчекъ,
Красныхъ яичекъ.

160. *Человѣкъ.*

Стоятъ вилы,
На вилахъ бочка,
На бочкѣ кивало,
На кивалѣ зѣвало,
На зѣвалѣ мигало,
На мигалѣ островъ,
На островѣ козы ходятъ.

161. *Морозъ.*

Самъ Самсонъ,
Самъ мостъ мостилъ,
Безъ топора, безъ клинья,
Безъ подклинья.

162. *Озимь.*

Подъ мостомъ,
Подъ ярустомъ,
Лежитъ сукно однорядошно.

163. *Комаръ.*

Летитъ птица,
Не крылата,
Не горбата,
Носикъ долгой,
Голосъ тонкой,
Кто ее убьетъ,
Человѣчью кровь прольетъ.

164. *Дорога.*

А се!
Я разлеглася.
Кабы я встала,
Такъ небо достала,
Кабы руки да ноги,
Я бы вора связала,
Кабы ротъ да глаза,
Я бы все разсказала.

165. *Роса.*

Заря заряница,
Красная дѣвица,
Къ церкви ходила,
Ключи обронила,
Мѣсяцъ увидѣлъ,
Солнце скрало.

166. *Рукомойникъ.*

Курица съ хохломъ
Всякому поклонъ.

167. *Годъ.*

Стоитъ дубъ,
На немъ двѣнадцать гнѣздъ,
Въ кажгомъ гнѣздѣ
По четыре яица,
Въ каждомъ яицѣ
По семи цыпленковъ.

168. *Ласточка и гнѣздо.*

Шило,
Мотрошило,
Безъ угловъ избу сомшило.

169. *Рѣка.*

Между горъ,
Бѣжитъ конь вороной.

170. *Звѣзды на небѣ.*

Разсыпался корабль
По мхамъ, по морямъ,
По всѣмъ городамъ;
Не собрать того корабля,
Ни князьямъ, ни попамъ,
Ни думнымъ дьякамъ.

171. *Зубы.*

Полно подполье,
Бѣлыхъ лебедей.

172. *Домъ, бревна, мохъ.*

На полѣ на Романовѣ
Стоятъ кони отобраны,
Пьютъ воду ключевую,
Ѣдятъ траву болотную.

173. *Глаза.*

Кругло, горбато,
Около махнато,
Придетъ бѣда,
Потечетъ вода.

174. *Сапогъ на ногѣ.*

Кожана квашонка,
Мутовка мясна.

175. *Мутовка.*

Ходитъ баранъ по подполью,
Тычетъ рогомъ по уголью.

176. *Груди и дитя.*

Два комка,
Третья лакомка.

177. *Прорубь.*

Шуба нова,
На подолѣ дыра.

178. *Шитье сапогъ.*

Сквозь коня и коровъ
Свиньи ленъ волочатъ.

179. *Городьба.*

Три брата,
За панибрата,
Однимъ кушакомъ подпоясаны.

180. *Вороба для размотки пряжи.*

Четыре сестры
Бѣгать шустры,
Одна за другой,
Не догонятъ одной.

181. *Скоба въ дверяхъ.*

Стару бабу,
За пубъ да за пупъ.

182. *Горшокъ.*

Вился, родился,
Мучился, кстился,
Пошелъ, запялся,
Весь міръ засмѣялся.

183. *Дуга.*

Стану—такъ выше коня,
А лягу—такъ ниже кота.

184. *Мельница.*

Залаяла собачка
На Мурманскомъ,
Заревѣлъ медвѣдь
На Романскомъ,
Затопали кони
На Кириловомъ полѣ.

185. *Хлѣбы въ печи.*

Въ печурки
Двѣ чурки,
Два гуся, двѣ утки,
Два тетерева.

186. *Вьютъ веревки.*

У нашего Дениса,
Сломилась ось,
И таратайка врось.

187. *Пряжа съ куделью.*

По локоть горбато,
По локоть мохнато,
По локоть въ кулакъ ушло.

188. *Громъ.*

Мотовило,
Котовило,
По поднебесью
Ходило,
Всѣхъ устрашило.

189. *Птичье гнѣздо.*

Безъ рукъ, безъ топоренка,
Состроена избенка.

190. *Оконница.*

Полосы оловянны,
А межи деревянны.

191. *Ружье.*

Дудка, дуда;
На дудкѣ дыра,
Дуда затрещитъ,
Свинья убѣжитъ.

192. *Хлѣбъ.*

Комовато, ноздревето,
И губато, и горбато,
И тяскло, и кисло,
И пресно, и вкусно,
И красно, и кругло,
И легко, и мягко,
И твердо, и ломко,
И черно, и бѣло,
И всѣмъ людямъ мило.

193. *Снѣгъ, земля, вѣтеръ.*

Отцова сундука не поднять,
Сестрина точива не сорвать,
Братнина коня не поймать.

194. *Глаза.*

Возжечки не долги,
Не коротки
Кругъ поля встали,
А кругъ головы не достали

195. *Оводъ.*

Летитъ по птичью,
Реветъ по бычью.

196. *Ногъ.*

Не стукнетъ,
Не брякнетъ,
Ко всякому подойдетъ.

197. *Сѣнокосъ и стога.*

Щука конура
По лѣса губила,
Лѣса пали
Горы встали.

198. *Мѣсяцъ.*

Шелъ я мимо,
Видѣлъ диво:
Виситъ котелъ
О девяносто ведеръ.

299. *Вѣкъ человѣческій.*

Стоитъ столбъ,
На столбѣ цвѣты,
Подъ цвѣтомъ котелъ,
Надъ цвѣтомъ орелъ,
Цвѣты срываетъ,
Въ котелъ бросаетъ,
Цвѣтокъ не убываетъ
И въ котлѣ не прибываетъ.

200. *Ведро съ коромысломъ.*

Двое купаются,
Третій дивуется.

201. *Рукомойникъ.*

Сѣла уточка на вязъ,
Кто попроситъ, тому дастъ.

202. *Берега и ледъ.*

Оглобли остались,
А дровни помчались.

203. *Вѣникъ.*

Днемъ курица ребрится,
А къ ночи въ уголъ садится.

204. *Игла.*

Маленька боярынька
Весь міръ покручаетъ.

205. *Змѣй и ружье.*

Ползло зло,
Зло схватилось,
У зла жизнь прекратилась.

206. *Годъ мѣсяцъ, недѣля, день, ночь.*

Выросъ кустъ изъ четырехъ мѣстъ,
На томъ кусту двѣнадцать гнѣздъ,
Въ каждомъ гнѣздѣ по четыре синицы,
У каждой синицы по четырнадцать яицъ:
Семь бѣленькихъ, да семь черненькихъ.

207. *Небо и земля, солнце и мѣсяцъ, день и ночь, огонь и вода.*

Двое стоячихъ,
Да двое лежачихъ,
Да два здорника,
Да два разбойника,
Разорителя.

208. *Вѣникъ.*

Маленькой, горбатенькой
Весь полъ обѣгалъ.

209. *Кисель гороховой.*

Въ печь понесутъ жидко-горячо,
Изъ печи несутъ густо-холодно.

210. *Плотина, вода, работа.*

Замокъ водяной,
Ключь древяной
Заяцъ ушолъ
Ловецъ утонулъ.

211. *Постъ, мясоѣдъ, Пасха.*

Полдуба сухова,
Полдуба сырова,
Да макушка золотая

ВАРІАНТЫ

РУССКИХЪ НАРОДНЫХЪ ЗАГАДОКЪ.

Для 14.

Шла коза изъ Питера,
Вся спина истыкана.

Для 30.

Кругомъ гладко,
Въ середкѣ сладко,
На ту сласть
У всѣхъ есть снасть.

Для 34.

Взойду я, взойду на гой, гой, гой,
Ударю я, ударю во бирюль, рюль, рюль,
Утѣшу я, утѣшу Царя въ Москвѣ,
Царя въ Москвѣ, Короля въ Литвѣ.
Выду я, на гой, гой, гой,
И ударю я гой, гой, гой!
Разбужу Царя въ Москвѣ,
Короля въ Литвѣ,
Старца въ кельи,
Дитю въ колыбели
Попа въ терему.

Для 36.

Штучка одноручка,
Носичекъ стальной,
А хвостикъ льняной.

Для 37.

Загану загадку,
Кину чрезъ грядку
Годъ я жду,
Годовикъ возьму.

Для 58.

Стоитъ чудо
Въ семи углахъ,
Кто не взглянетъ,
Тотъ заплачетъ.

Для 98.

Клѣть плетена,
Въ верхъ ведена
На сто угловъ,
На полтретьяста рублевъ.

Для 108.

Съ лѣсомъ равенъ
А не видно его.

Для 129.

Летитъ птица орелъ,
Несетъ въ зубахъ огонь,
По перекъ хвоста
Человѣчья смерть.

РУССКІЯ
НАРОДНЫЯ ПРИТЧИ.

1. Горшокъ.

Взятъ отъ земли, яко Адамъ,
Ввер женъ въ пещь, яко три отрока,
Посаженъ на колесницу, яко Фараонъ,
Повезенъ на торжище, яко рабъ,
Проданъ за двѣ лепты, яко хворостъ,
Пострадалъ отъ братій, яко Іосифъ,
Вывезенъ на дорогу, яко зеліе страдное,
И поверженъ въ ровъ на посмѣяніе, яко
Даніилъ.

Шла нѣкая вдовица, зѣло убогая,
Подняла его и принесла въ домъ,
Облекла его въ пеструю одежду,
Дала пить и сталъ жить.

2. Притча Дарія Царя Персидскаго.

И повѣда Царь Перскій притчу во всѣ страны.

«Стоитъ щитъ, на щитѣ сидитъ заяцъ; прилетѣлъ соколъ и взялъ зайца; прилетѣла сова на щитъ и сѣла вмѣсто зайца.»

Аще вгадаете, людіе, мою притчу, дамъ вамъ три кади злата и сребра.—И не вгада сію притчу ни единъ отъ человѣкъ. Пріиде бѣсъ о единомъ окѣ, повѣдая всѣмъ сущимъ на землѣ: повѣдаю притчу вамъ, людіе, за кадь сребра и злата.» И приступиша людіе къ бѣсу. И глагола имъ бѣсъ о единомъ окѣ:

Щитъ бо—есть земля; на щитѣ сидитъ заяцъ — то есть правда на землѣ; прилетѣлъ соколъ и взялъ зайца—то взята правда съ земли на небо; прилетѣла сова вмѣсто зайца на щитъ—то сѣла на землѣ кривда.

Послаша людіе къ Дарію, глагола: «Се отвѣтъ нашъ!» И присла Дарій людямъ три кади злата и сребра.

И почаша людіе дѣлити злато и сребро по кадямъ, а бѣсу здѣ предстоящу. Насыпаша людіе едину кадь злата, и рѣкоша бѣсу: «Се наша кадь есть.» — Добро есть ваше, людіе—отвѣщава имъ бѣсъ.—Насыпаша людіе другую кадь злата, и рѣкоша бѣсу: «Се наша кадь есть.»—Добро есть ваше, людіе—отвѣщава имъ бѣсъ.— Насыпаша людіе едину кадь сребра, и рѣкоша бѣсу: «Се наша кадь есть.»—Добро есть ваше, людіе—отвѣщава имъ бѣсъ.—Подѣлиша людіе добро: овъ злато взя, овъ сребро. И ничто же остася бѣсу. И обратиша людіе кадь, сущу пусту, вверхъ дномъ, и посыпаша златомъ дно, и рѣкоша: «Се твое есть добро.»—Видя бѣсъ толику хитрость, отвѣщава: «Кривду дѣете, людіе.»—И рѣкоша людіе: «Кривой бѣсъ! самъ рекъ еси ты, что взята бысть правда не небо, а здѣ кривда остася.»

3. Трое.

Батька съ сыномъ, да батька съ сыномъ, да дѣдушка со внукомъ. Много ли стало?

4. Четверо.

Мать съ дочькой, мужъ съ женой, бабушка со внукомъ, отецъ съ сыномъ. Много ли стало?

5. Кумъ.

Здраствуйте, братцы, моей жены дѣтки. Кланяйтеся своему отцу и моему отцу; скажите, что его жены мужъ пришелъ.

6. Сынъ.

Шурьиновъ племянникъ, какая зятю родня?

7. Замыслы.

Звалъ Ячмень Пшеничку: «пойдемъ туда, гдѣ золото родится; мы тамъ будемъ съ тобою водиться.» Пшеничка сказала: «У тебя, Ячмень, длиненъ усъ, да умъ коротокъ; за чѣмъ намъ съ золотомъ водится? оно къ намъ само привалится.

8. Благоразуміе.

Шелъ мужикъ. На встрѣчу ему идутъ мужики: Солнце, Вѣтеръ и Морозъ. Мужикъ мужикамъ поклонился, по середъ дороги становился. Послѣй того, мужикъ снялъ шапку доловъ, да и Вѣтру поклонъ. Солнце сказало: «постой, мужикъ, вотъ я-те сожгу!» А Вѣтеръ молвилъ: «я тебя не допущу.» Морозъ промолвилъ: «постой, мужикъ, я те заморожу.» А Вѣтеръ молвилъ: «я тебя отдую.»

РУССКІЯ

НАРОДНЫЯ ПРИСЛОВЬЯ.

КАБЫ ТОРЪ ПРИГОВОРЪ
ДА ТЕБѢ ВО ДВОРЪ.

Народныя преданія о старой Русской жизни сохранили намъ и бытъ семейный и заповѣданныя тайны нашихъ отцовъ. Въ старыя времена наши дѣды жили просто, безъ затѣевъ, жили по своему, не зная, что дѣлается въ другомъ городѣ, не заботились о томъ, что говорятъ объ нихъ другіе люди. Такая жизнь, въ свою очередь, сопровождалась приключеніями, и что ни городъ, то былъ норовъ. Смѣшное и любопытное рѣзко разграничивалось и выставлялось на показъ. Въ дѣлахъ домашнихъ, гдѣ не касалось чужихъ людей, гдѣ каждый думалъ и гадалъ о себѣ, все было скрыто; но когда дѣла выходили изъ обыкновеннаго круга, тогда они были общественными, явными во всей Русской землѣ. Тогда-то заповѣданныя тайны разглашались повсюду, какъ укоризна, какъ городское посмѣшище. Изъ этого источника родились народныя Присловья.

Въ наше время трудно доказывать, когда начались въ Русской землѣ народныя Присловья. Народныя преданія указываютъ только, что они когда-то существовали въ Русской землѣ. Преданія не Исторія, указываютъ на былое, но не назначаютъ времени, Достовѣрность ихъ не подвержена сомнѣнію. То, что переходитъ столѣтія безъ измѣненій, что говоритъ былое безъ преувеличиваній, всегда справедливо. Таковы преданія.

Исторія нашей родины указываетъ намъ, что междоусобныя войны Удѣльныхъ Князей доводили города до непримиримой вражды: ожесточеніе и ненависть превосходили тогда всякое вѣроятіе. Обратите вниманіе на войны Москвичей съ Новгородцами, Рязанцами и Тверянами, когда народная ненависть управляла духомъ войны, и вы найдете въ нихъ источники народныхъ Присловій. Въ эти-то несчастныя времена, озлобленные, безсильные горожане выдумывали Присловья про другіе города. У нихъ сильный Князь и защита крѣпкая—говорили старики, когда имъ разсказывали о тишинѣ другаго города. Да можно имъ жить съ Татарами въ ладу, имѣя въ кладовыхъ награбленное богатство, говаривали Тверитяне, стѣсненные поборами, немогшіе удовлетворять Татарскихъ Баскаковъ, какъ Рязань и Москва. Городскія ожесточенія начинались всегда съ того времени, когда дьяки пріѣзжали съ размѣнными граматами. Нарушеніе мира предоставляло полную свободу горожанамъ доискиваться чужихъ пороковъ.

Въ наше время народныя Присловья принадлежатъ уже Исторіи. Народныя преданія сохранили ихъ и передали намъ, какъ былое, какъ когда-то волновавшее сердца нашихъ предковъ. Смѣшно было бы, если мы принимали ихъ за современный намъ бытъ, когда они не только не принадлежатъ нашей жизни, но и всему нашему времени. Нельзя уже вѣрить, чтобы ослѣпленное самолюбіе могло еще дорожить ими и усвоивать ихъ своей мѣстности: для нихъ время прошло. Исторія чуждается всякихъ мѣлочей, равнодушно смотритъ на ослѣпленіе современника и одну быль передаетъ потомству. Для народныхъ Присловій давно наступило потомство.

Не я первый принялся за обозрѣніе Русскихъ народныхъ Присловій; задолго до меня были люди, старавшіеся приурочить ихъ къ Исторіи. Въ XVIII вѣкѣ разсказывалъ объ нихъ моимъ сородичамъ Березайскій въ анекдотахъ Пошехонцовъ, въ XIX И. М. Снегиревъ, въ своихъ Пословицахъ. Оба они глядѣли на этотъ предметъ съ различныхъ точекъ зрѣнія, и каждый изъ нихъ достигъ своей цѣли. Я же, что слышалъ про старину отъ стариковъ, то и разсказываю для будущихъ временъ.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПРИСЛОВЬЯ.

АРЗАМАСЦЫ.

Гусятники.

АРХАНГЕЛЬЦЫ.

Моржеѣды. — Ивановичъ, Ивановичъ! Слезь съ крыши; я къ тебѣ пріѣхала.

Жена какого-то Архангельскаго поселянина, соскучась по мужѣ, рѣшилась искать его въ Петербургѣ. Зная, что ея мужъ промышляетъ кровлею крышекъ, она не спрашивала его въ дворахъ и домахъ, а высматривала все по крышамъ. Вдругъ ей показалось, что на одной крышѣ стоитъ ея мужъ. Да, это онъ, точно онъ, какъ живой стоитъ, думаетъ она. «Ивановичъ, Ивановичъ! Слезь съ крыши; я къ тебѣ пріѣхала.» Проходящіе будто едва могли увѣрить, что на крышѣ стоитъ не мужъ, а статуя.

БОЛХОВИТЯНЕ.

Рака съ звономъ встрѣчали. Вотъ воевода къ намъ ползетъ, щетинку въ зубахъ несетъ.

БОРИСОГЛѢБЦЫ.

Кислогнѣздые.

Большая часть жителей Борисоглѣбска состояла прежде изъ скорняковъ и клейщиковъ. Дома и дворы ихъ, наполненые сими фабричными заведеніями, издавали самый непріятный запахъ. Прохожіе, проходя Борисоглѣбскъ, съ досады говаривали: Кислогнѣздые. Нынѣ этотъ попрекъ совершенно уничтожился, и осталось одно преданіе.

БОРОВИЧИ.

Луковники. Луку, луку зеленаго!

Поселяне Боровскаго уѣзда искони занимались огородною промышленностію, и осенью, проѣзжая по селеніямъ съ своими товарами, кричали во услышаніе всѣхъ: «Луку, луку, зеленаго!»

БРЯНЦЫ.

Куралесъ. — Брянская каза.

Въ старину Брянскіе поселяне считались странными людьми у нашихъ стариковъ. Бывало, поѣдутъ ли на торгъ, а пріѣдутъ или къ кружалу, или на гумно. Въ этомъ виноваты были ихъ лошадки, а поселянинъ, какъ выѣзжалъ изъ двора, такъ уже спокойно засыпалъ. Проѣзжіе, видя ихъ безпечность, прозвали ихъ: Куралесами.

БѢЖЕЧАНЕ.

Колокольню рожкомъ подколотили.

Въ незапамятное время, по разсказамъ стариковъ, поселяне Бѣжецкаго уѣзда, были страстные охотники до табаку и держали его въ рогѣ. Когда же хотѣли нюхать табакъ, то вынимали рожокъ и били имъ о ладонь или сапогъ. Кажется, что этотъ попрекъ приписали Бѣжечанамъ раскольники, гонители табака.

БѢЛОЗЕРЦЫ.

Бѣлозерскіе снетки.

Извѣстные Бѣлозерские снетки, продаваемые по Русскимъ гогодамъ, доставили Бѣлозерцамъ это прозваніе.

БУЕВЦЫ.

Буй да Кадуй чортъ три года искалъ, а Буй да Кадуй у воротъ сидѣлъ.—Буй городокъ отбей кошелекъ. — Домосѣды. Лѣсники.

Есть народное преданіе, что когда-то Татары хотѣли разорить городъ Буй; но, не зная къ нему дороги, шатались изъ лѣса въ лѣсъ. Буевцы, смѣясь Татарскимъ Баскакамъ въ Москвѣ, говорили имъ: «Буй да Кадуй чортъ три года искалъ, а Буй да Кадуй у воротъ сидѣлъ.»

ВИТЕБЦЫ.

Волынка и гудокъ обереги нашъ домокъ; саха и борона разорили наши дома.

ВАРНАВИНЦЫ.

Медовики.

ВЕТЛУЖАНЕ.

Санники. — Санникъ да телѣжникъ, а выѣхать не на чемъ.

ВИЧУГОВЦЫ.

Салфетошники.

ВЛАДИМІРЦЫ.

Клюковники.—По клюкву, по клюкву, по красную клюкву.

Многіе изъ Владимірскихъ поселянъ хаживали зимою по городамъ съ клюквою и причитывали разныя присказки о своей клюквѣ. Горожане подмѣтили ихъ слова и обрекли въ попрекъ.

Собирались кулики, на болотѣ сидючи, они Суздальцы и Володимірцы, и волынка и гудокъ.

Это присловье составилось изъ народной пѣсни въ селеніи Гуслицы про Владимірцовъ.

Деревянныя печи, золотыя вороты, желѣзныя церкви.

Есть народное преданіе, что Владимірцы пріѣхали когда то въ Москву похвалиться. Москвичи долго слушали похвальбы Володимірскія, да съ досады и говорили: «Охъ вы, плотники! У васъ и всего де: деревянныя печи, золотыя ворота, желѣзныя церкви.» Деревянная печь дѣйствительно находилась въ старомъ архіерейскомъ домѣ близъ Успенскаго собора; золотыя Владимірскія ворота получили свое названіе отъ золотой главы; желѣзная церковь, стоявшая тамъ близъ Рождественскаго монастыря, уничтожена была въ концѣ XVIII вѣка.

ВОЛОГОДЦЫ.

Теленка съ подковой съѣли. – Толоконники.—Толокномъ Волгу замѣсили.

Старинная сказка о Вологодцахъ — какъ они толокно мѣсили въ Волгѣ—доселѣ сохраняется въ народныхъ преданіяхъ. Говорятъ, что когда-то они собрались въ дорогу, и взяли съ собой вмѣсто хлѣба—толокна. Подходятъ къ Волгѣ; время было обѣденное. Вотъ и расположились на берегу обѣдать. Кашеваръ вынулъ мѣшокъ съ толокномъ и сталъ разводить Дежень въ Волгѣ. Мѣшалъ, мѣшалъ ложкой, и сталъ подчивать земляковъ. Взяли ложки дружно Вологодцы, принагнулись и полезли въ Волгу за Деженемъ. Попробуютъ: вода, водой. Гдѣ Деженъ? Никто не знаетъ, не вѣдаетъ. Пристали къ кашевару. Бѣдной, сколько не увѣрялъ, а долженъ былъ опустяся въ Волгу, отыскивать толокно. Опустится на дно Волги и вынырнетъ ни съ чемъ. Земляки не пускаютъ его на берегъ. Догадался кашеваръ, что дѣлать, а догадавшись, сказалъ: Водяной съѣлъ. На Водяномъ не будешь отыскивать, сказали Вологды, и воротились обѣдать въ свою деревню. Вѣдь не голоднымъ жи было идти въ путь?

ВЯЗМИЧИ.

Пряничники — Ковришка съ анисомъ. — Мы люди неграмотные, ѣдимъ пряники неписаные.

ВЯТИЧАНЕ.

Вятская баталія. — Слѣпороды. — Вятка всему богатству матка.

Вятская баталія, говорятъ, происходила между Вятичанами и морскимъ чудовищемъ. Неизвѣстно, кто эту баталію перенесъ на лубочныя картинки.

Слѣпородами Вятичанъ прозвали послѣ несчастной ихъ битвы съ Устюжинами. Это было въ 1480 году, когда къ нимъ они пришли, какъ сосѣди, на помощь противъ Татаръ. Вятичане открыли сраженіе противъ Устюжанъ ночью, подъ предводительствомъ Михаила Разсохина, а Устюжанами управлялъ Новогородскій выходецъ Аноалъ. Съ разсвѣтомъ дня увидѣли они, что били своихъ сосѣдей, а не Татаръ.

ГАЛИЧАНЕ.

Корову на баню тащили. — Городъ Галивонъ, озеро Миронъ, а люди кривичи. — Овгинники. — Толокно весломъ въ рѣкѣ мѣшали, а толокна не достали.

Галичанъ наши дѣды называли кривичами по ихъ хитрости и оборотливости въ торговыхъ дѣлахъ. Сказка о толокнѣ почти одинаковая съ Вологодскою.

ГЛУХОВЦЫ.

Попушный табачекъ.

ДАНИЛОВЦЫ.

Любимые ловцы Даниловцы невыдавцы. — Кошкодавы: кошку не купили, а на базарѣ задавили.

ДѢДНОВЦЫ.

Макары.

Есть народное преданіе, что Дѣдновцы, Рязанской губерніи, отправили своего старосту съ выборными людьми отъ всего міра встрѣтить Петра Великаго съ хлѣбомъ и солью. Государь, принимая отъ нихъ приношеніе, спросилъ старосту объ имени. Староста огласилъ себя Макаромъ. Государь сказалъ: «хорошо.» Потомъ спросилъ и другихъ объ имени. Дѣдновцы, будто вообразили, что имя старосты ихъ понравилось Царю, всѣ до одного назвались Макарами. Государь, смѣясь, сказалъ: «Будьте же вы всѣ Макарами.» Съ тѣхъ поръ Дѣдновцы слывутъ Макарами.

ДМИТРОВЦЫ.

Лягушечники.

Болота, окружающія Дмитровъ, всегда бываютъ наполнены, лягушками. Прохожіе и проѣзжіе, проѣзжая чрезъ сей городъ, бывали оглушены квакaніемъ лягушекъ, и въ негодованіи прозвали и самыхъ жителей лягушками.

ЕЛЬЧАНЕ.

Сыгужники. — Радуга ушатъ воды выпила. У насъ, въ Ельцѣ, на Соснѣ рѣчѣ, курица втенка [утенка] *вывела.*

Одна Ельчанка когда-то лѣтомъ поставила на дворѣ ушатъ воды, чтобы солнышко нагрѣло воду, а сама занялась хозяйствомъ. Въ это время, пришла корова и выпила воду. Приходитъ сынъ съ базара. Мать посылаетъ его посмотрѣть воду. Сынъ выходитъ на дворъ и видитъ: воды нѣтъ, а радуга распространилась надъ ушатомъ. Вотъ онъ и кричитъ своей матери: «матушка, матушка! Радуга ушатъ воды выпила.»

ЕФРЕМОВЦЫ.

Въ кашелѣ кашу варили.

Ефремовцы зимою ходятъ съ обозами въ Москву, и всю съѣстную провизію кладутъ въ лычные, плѣтеные кашели. Когда-то у нихъ вышелъ весь запасъ

каши; а безъ каши, извѣстное дѣло, мужику жить нельзя. Въ чемъ же варить? Гдѣ горшокъ взять?—думали мужики, собравшись въ кружокъ. Вотъ и придумала одна умная голова: «будемъ же, ребята, варить кашу въ кашелѣ.» Сдуманное дѣло тутъ же затѣялось. Нальютъ воды въ кашель, засыпятъ крупъ, посмотрятъ: крупы цѣлы, воды нѣтъ. Снова нальютъ воды, а вода опять пропадетъ. Выбились Ефремовцы изъ силъ. Вотъ и придумала одна умная голова: «а що, ребята, неволить себя! будемъ варить кашу безъ воды?» Сдуманное дѣло тутъ же затѣялось. Разложили огонь, повѣсили надъ нимъ кашель, а сами пошли спать на воза. Соснули по-Русски, вспомнили про кашу, да и всѣ пошли къ огню. Приходятъ—нѣтъ ни каши, ни кашеля — все сгорѣло.

ЕГОРЬЕВЦЫ.

Самъ ножъ точитъ, а говоритъ: не бось!—Рудометы.

ЗАДНѢПРОВЦЫ.

Задрипанцы.

Такъ Кіевляне въ старину величали Запорожцевъ за ихъ неопрятность.

КАДУЕВЦЫ.

Калошники.

КАЛУЖАНЕ.

Калужанинъ поужинаетъ, а Тулякъ такъ ляжетъ.—Щагольники: щаголъ щаглуетъ на осиновомъ дубѣ, да воскогурнетъ: ткау! ткау!—Наша Калузя Москвы больше не больше, а калагами да квасомъ удалый.—Козла въ тесте соложеномъ утопили.

Говорятъ, что старые Калужане, сбираясь когда-то въ дорогу, дожидались благопріятной погоды. Сбираться Русскому мужику недолго; другое дѣло бабьи сборы. Скоро собрались мужики Калужане. Всякой гадалъ о погодѣ по своему. Вотъ досталось одному по жеребью посмотрѣть: куда дуетъ вѣтеръ? Выходитъ на двогъ, вѣтра нѣтъ; идетъ на улицу, вѣтра нѣтъ; подходитъ къ погосту, сидитъ ворона на осиновомъ деревѣ и кричатъ. Тутъ мужикъ вспомнилъ примѣты старыхъ людей, и бѣжитъ къ избѣ съ крикомъ: «О, ребята, буде, буде ведрушко. Щаголъ щаглуетъ на осиновомъ дубѣ, а воскогурнетъ: ткау! ткау!»

КАЛЯЗИНЦЫ.

Свинью за бобра купили. У нашего Макарьи по три деньги Натальи, а грошъ дай, любую выбирай.

КАШИНЦЫ.

Собаку за волка убили, да деньги заплатили.

Когда-то Кашинцы собрались поохотиться. Сборы были долги: да за то собрались всѣмъ городомъ. Вотъ и спрашиваютъ другъ у друга: что бить? Что ловить? Міръ придумалъ, пригадалъ: бить волковъ. Далека ходить было некуда; лѣсъ росъ подъ ногами. Стали по облавамъ и ждутъ звѣря. Бѣжитъ звѣрь немудрой. Кашинцы вскрикнули разомъ, подняли дубины, да и давай мачалить звѣря. Лежитъ звѣрь убитой, а какой? Тутъ только міръ спозналъ, что убита воеводина собака. Съ воеводой даромъ не сладишь; собрали со всѣхъ дворовъ окупъ, да и помирились съ нимъ.

КАШИРЦЫ.

Шапку долой. А що? Глянь: все бо бояре.

Каширскіе поселяне, проѣзжая съ барщины по Каширской дорогѣ, повсюду встрѣчали избы съ трубами, вороты съ растворами, сани съ козырями, точь въ точь какъ на барскомъ дворѣ. Староста Артема отдалъ приказъ мужикамъ: «Когда въѣдутъ въ таку деревню, то снимать всѣмъ шапки.» Старо-

ста былъ мужикъ смушленой и догадливой; онъ прежде слыхалъ, что въ такихъ деревняхъ живутъ только господа, и потому-то велѣлъ мужикамъ снимать шапки. Лишь только въѣдутъ въ деревню, мужики ужъ другъ другу кричать: «шапку долой. А що? Глянь: все бо бояре.» Послѣ открылось дѣло, что въ такихъ деревняхъ жили не бояре, а однодворцы.

Про Каширскихъ однодворцевъ въ народѣ извѣстна старинная сказка. Когда-то однодворцы провинились предъ чортомъ. Чортъ, собравши виноватыхъ со всѣхъ деревень, положилъ ихъ въ рѣшето да и понесъ на базаръ продавать. Извѣстное дѣло, что онъ не ходитъ, не ѣздитъ, а только летаетъ. Поднялась буря. Чортъ давай разгонять бурю. Въ это время рѣшето повернулось, а однодворцы посыпались на Каширскія поля. Съ тѣхъ поръ говорятъ, они живутъ тамъ цѣлыми селеніями.

КИНЕШЕМЦЫ.

Суконщики.— Кинешма да Рѣшма кутитъ да мутитъ, а Вологда убытки платитъ.

КЛИНОВЦЫ.

Лапотники.

КОСТРОМИЧИ.

Лучше бы три раза погорѣла, чѣмъ разъ овдовѣла.—Костромичи вкучу, Ярославцы прочь; они на руку не чисты; лапти растеряли, по дворамъ искали; было шесть, сыскали семь.

КОЛОГРИВЦЫ.

Дехтярники.

КОЛОМЕНЦЫ.

Чернонебые.

КРАПИВЕНЦЫ.

Сѣно съ колокольнымъ звономъ встрѣчали, а воеводы не видали.

Прослышали Крапивенцы, что съ Соловы поднялся къ нимъ воевода. Нарядились міряне въ праздничные кафтаны и сѣли по лавкамъ. А чтобы знать, когда встрѣчать воеводу, то послали десятскаго на колокольню, съ наказомъ: «какъ будетъ подъѣзжать воевода, звони.» Заклубилась пыль по дорогѣ. Десятской затрезвонилъ. Вышли міряне съ хлѣбомъ солью. Глядятъ: ѣдетъ мужикъ съ сѣномъ. Ему-то міряне и ударили челомъ.

ЛИВЕНЦЫ.

Соломатой мостъ обломили.

Въ какое-то незапамятное время пріѣхалъ въ Ливны на воеводство воеводичъ. Ливенцы наварили саламаты по горшку съ двора и повезли въ подарокъ воеводичу. Поѣхалъ обозъ съ саламатой по мосту, а мостъ, никрытой, нишитой, изъ тычинокъ собранной, хворостомъ прикрытой, подъ соломатой провалился.

ЛЮБИМЦЫ.

Козу пряникомъ кормили. — Водохлебы.—Не учи козу, сама стянетъ съ воза, а пречиста рука все причиститъ. — Двѣнадцатой часъ, а матушка съ міру не бывала.

Въ старину Любимские поселяне не живали дома, а переселялись въ поднощики по кружаламъ и харчевнямъ, гдѣ они, какъ страстные любители чаю, получили прозваніе водохлебовъ и бухваловъ.

Въ незапамятную старину, двое Любимскихъ поселянъ собрались покататься на масляницѣ. Заложили лошадь въ сани. У обоихъ были одни сапоги, да и тѣ надѣли на разныя ноги. Выѣхала лошадь. Дуга золоченая,

збруя ременная, лошадь некормленная. Ѣдутъ, да остановятся: будто конь изъ хомута вонъ, будто конь горячь; а конь отъ голоду ни съ мѣста и безъ хомута. Принялись мужики за кнутья: подъ гору бьютъ въ четыре кнута, а съ горы въ десять. Конь все стоитъ тутъ же.

ЛАДОЖАНЕ.

Щуку съ яицъ согнали.

ЛУГОВЦЫ.

Разнощики.

МАЛОРОССІЯНЕ.

Мазепинцы.—Хохлы.— Чубы.—Хохолъ глупѣе вороны, а хитрѣе чорта. — Москаль продалъ съ хохла поясъ на ярмаркѣ за три деньги, а хохолъ въ придачу пошолъ ни за калачъ, ни за денежку. — Цапъ веdетъ сто барановъ на базаръ, а Татаринъ сто хохловъ въ Крымъ. — Что вы за люди? Мы бо не люди, а Малороссіяне. Козакъ, коли ни пье, такъ воши бье, а все таки не гуляе.

МОЖАЙЦЫ.

Можайскій вѣтеръ.

Москвичи доселѣ такъ величаютъ Можайскихъ поселянъ людьми вѣтреными, въ торговыхъ дѣлахъ. Кажется что это присловье дано было Можайцамъ еще въ старину, когда они переходили отъ Москвичей къ Шемякѣ и Полякамъ противъ Князя Василья Васильевича Темнаго.

МОСАЛИ.

Гуторы: гуторили, гуторили, да и загуторили воеводу.—Матушка Заугра! Не потопи нашего города Мосальска и нашего старосту Гаврюшку.

Когда-то Мосали отправили цѣлымъ міромъ своего старосту Гаврюшку провѣдать въ Москву: почему православные принимаютъ людей на заработки? Староста выѣхалъ на саняхъ, прямо по рѣкѣ Угрѣ. Время было на ростопели; рѣка Угра поднималась изъ береговъ. Староста долго не думалъ; сѣлъ въ сани, махнулъ кнутомъ по лошади да и взъѣхалъ прямо на льдину, а Мосали провожали его всѣмъ міромъ. Вдругъ вода поднялась изъ береговъ; икры пошли за икрами; старосту затерло во льдинахъ. Взахались Мосали, припали къ берегу и стали голосить: «Матушка Заугра! не потопи нашего города Мосальска и нашего старосту Гаврюшку.»

МЕЦНЯНЕ.

Амчинина бы те въ дворъ!

Когда-то Мецняне, обиженные лѣтомъ проѣзжими, вздумали зимой отыскивали виноватыхъ. Лѣтомъ было не до того имъ: то сѣнокосъ, то жатва. Зимой другое дѣло: съ печи да на полати, съ палатей да на печь. Собрались міромъ и стали толковать: гдѣ же искать проѣзжихъ? Извѣстное дѣло: на постоялыхъ дворахъ. Долго не думали, собрались всѣмъ міромъ на однихъ саняхъ, да отправились въ дорогу. Куда не пріѣдутъ, вездѣ находятъ виноватыхъ. Расправа коротка: въ кнуты да въ дубины. Съ тѣхъ поръ Мценские дворники не могутъ равнодушно слушать, когда имъ говорятъ: «Амчинина бы те во дворъ!»

МОСКВИЧИ.

Рака со звономъ встрѣчали.—Московскій часъ подожди.—Съ Москалемъ дружи, а камень за пазухой держи.—Москаль не великъ человѣкъ, да бя! [опасенъ].—*Правда Московская. — Москаля верти* [обманывай].—*Видь Москаля, полы срижи, да втекай.*—Мать: *кто иде?* Дочь: *Чортъ.* Мать: *Добре, догушка, а бы не Москаль.—Отъ чорта открестишься, а отъ Москаля дубиной не отобьешься. — Въ Москвѣ толсто звонятъ, да тонко ѣдятъ.—Москва стоитъ на болотѣ, ржи въ ней не молотятъ, а больше*

деревенскаго пѣдять. — Винъ якъ на Москалился, що изъ пидъ живаго пьяты рѣжитъ. — Видно великъ городъ, что семь воеводъ.

Многие Московския присловья принадлежатъ временамъ историческимъ. Такъ присловье: *Правда Московская* вышло отъ Псковичей, когда Москвичи взяли Псковъ, когда они на Москвѣ били челомъ въ своей покорности. — *Видно великъ городъ, что семь воеводъ*—указываетъ прямо на Семибоярщину. Другие же выдуманы Малороссиянами. Такъ присловье: *Московский часъ подожди* — произошло отъ медленности въ дѣлахъ. Поговорка Москвичей: сей часъ! — надоѣла Малороссиянамъ.

МУРОМЦЫ.

Калашники. Вертячие бобы. — Святогоны.

Послѣднее присловье осталось за Муромцами съ того времени, когда они выгнали изъ своего города Епископа Василия, въ XIII вѣкъ.

НЕРЕХОНЦЫ.

Село Лунино, Арменки глупые, а Нерехта на умъ наставитъ. — Не бойся по Арменской дорогѣ воровъ, а бойся въ Нерехтѣ каменныхъ домовъ.—Нерехонтские бѣгуны.

Нерехонтские поселяне получили прозвание бѣгуновъ отъ того, что они зимою ходятъ съ безменомъ по селамъ покупать пряжу,

НОВГОРОДЦЫ.

Долбежники. — Гущеѣды. — Упрямъ, какъ Новгородецъ. — Ты вѣдь не Новгородской дворянинъ.

Долбежниками Москвичи называли Новгородцевъ по ихъ дубинкамъ, съ которыми они въ старину ходили на бой. Гущеѣдами прозвали Новгородцевъ за постное кушанье, во время поста приготовляемое изъ ободраннаго ячменя, свареннаго въ одной водѣ. Въ старину хлѣбосольные Москвичи, выговаривая спѣсивому гостю, что онъ не приѣзжалъ къ обѣду, говорили: ты вѣдь не Новгородской дворянинъ.

НИЖЕГОРОДЦЫ.

Бородка Нижегородка, а усъ Макарьевский.

Другие это присловье измѣняютъ иначе: усъ Макарьевский—*усъ Астраханецъ.*

НОВОТОРЫ.

Города Коростеня, владѣнье Олгино, народъ кривичи.

Въ Новоторжскѣ есть близъ города городище, а жители желая оставить за собою старшинство, говорятъ: «мы люди старые; прежде были посадские города Коростеня, владѣнье Олгино, народъ кривичи.»

Новоторы воры.

Такъ съ незапамятныхъ временъ Новоторовъ величаютъ Осташи, а Новоторы отвѣчаютъ имъ тогда на этотъ попрекъ: «И Осташи хороши!»

ОЛОНЧАНЕ.

Олонцы добры молодцы. — Наши молодцы не бьются, не дерутся, а кто больше съѣстъ, тотъ и молодецъ. — У насъ одинъ молодецъ съѣлъ тридцать три пирога съ пирогомъ, да все съ творогомъ. — Одинъ молодецъ ѣлъ хлѣба мягка, ножа былъ востра, а какъ шапка свалилась, на полъ покатилась, до рѣки пихалъ ногой, а войдя въ рѣку, погуялъ, что-то лопнуло. Не брюхо ли лопнуло? подумалъ. Глядитъ: брюхо цѣло, ремень лопнулъ. Голову нагнулъ и шапку надѣлъ.

Всѣ эти старинныя присловья остались только въ народныхъ преданіяхъ Москвичей. Нынѣ только за Олончанами осталось одно присловье: добры молодцы.

ОНЕЖАНЕ.

Прохоровы дѣти. Прохоряты. — *Прохоръ письмо прислалъ, а лабодырному велѣлъ деньги сбирать.* — *Во всей Онѣгѣ нѣтъ телѣги.* — *Лѣтомъ воеводу на саняхъ возили по городу.*

ОРЛОВЦЫ.

Проломленныя головы. — *Орелъ да Кромы первые воры, да и Караги на подмогу.*

ОДОЕВЦЫ.

Молодечь, молодечь! Продай за грошъ постныхъ яицъ!

Когда-то Одоевцы пріѣхали въ Москву за товарами. Пришло время обѣденное, вотъ и они нарядили молодца — купить все нужное къ обѣду. Молодецъ идетъ на рынокъ и видитъ огурцы. Дивится Одоевецъ огурцамъ, а не знаетъ какъ ихъ назвать. Молодечь! что-то за товаръ! — спрашивалъ Одоевецъ у Москвича. Москаль догадался, что птица налетѣла заѣзжая, и давай говорить: «Постные яицы, снесли птицы заморскіе, а къ намъ въ Москву приплыли по Москвѣ рѣкѣ.» Да! подумалъ Одоевецъ, теперь Петровки; оно и кстати. Куплю же ихъ. И сталъ торговать: «Молодечь, молодечь! продай за грошъ постныхъ яицъ?»

ОСТАШИ.

Волчьи объѣдки. — *Ершееды.* — *Опозорили, опозорили. Да чѣмъ же? Ужъ и не говори!*

ПСКОВИЧИ.

Небо кольями подпирали.

Когда-то во Псковѣ было долго ненастное время, тучи ходили низко, такъ низко, что православные думали небо валится на землю. Собрались на мірскую сходку подумать — какъ бы отбыть бѣду? Три дня Псковичи думали, а на четвертой приладили дѣло: «разобрать городьбы, да кольями подпереть небо. Разобрали городьбы и стали съ кольями по всѣмъ концамъ города. Наступило ведрушко, прошли тучи. Идетъ Посацкой по городу, самъ бороду покручиваетъ, на народъ поглядываетъ, посередъ площади становится, а самъ говоритъ: «здорово-те православны! Отбыла бѣда; идите по домамъ.»

Хоцу, вскоцу, не хоцу, не вскоцу.

Будто въ старину, когда просватывали невѣсту, мать дѣлала изъ пояса кругъ посередь полу, а невѣста становилась на лавку. Отецъ съ матерью оглашали дочери жениха. Дочь должна была отвѣчать: «Хоцу, вскоцу, не хоцу, не вскоцу.» Если она соглашалась, то становилась въ кругъ, а если нѣтъ, то начинала плакать.

ПЕНЕЖАНЕ.

Покупала по цетыри денецки, продавала по двѣ грошики. Барыша куца, куцей, а денегъ ни копиецки.

Одна Пенежанская крестьянка пріѣхала когда то изъ деревни въ городъ Пенегу торговать рыбою. Накупила товару, продала весь его, да возвратилась домой. Когда мужъ спрашивалъ у ней, что она дѣлала въ городѣ? жена ему отвѣчала вышеприведенными словами.

ПОШЕХОНЦЫ.

Слѣпороды: въ трехъ соснахъ заблудились. — *За семь верстъ комара искали,*

а комаръ у Пошехонца сидѣлъ на носу.- На сосну лазили Москву смотрѣть.

О старинныхъ проказахъ Пошехонцевъ у насъ, на Руси, была издана особенная книга: Анекдоты древнихъ Пошехонцевъ. Соч. Василія Березайскаго. Спб. 1798. Второе изданіе было напечатано въ 1821 году, съ прибавленіемъ Словаря. Но это собраніе Пошехонскихъ анекдотовъ состоитъ большею частію изъ произвольныхъ вымысловъ, а часть даже переведена съ Польскаго.

РЖЕВЦЫ.

Батьку на кобеля промѣняли.

РОМАНОВЦЫ.

Схорони концы.—Барана въ зыбкѣ качали.

Когда-то въ старину одинъ изъ Романовскихъ поселянъ укралъ ягненка. Встосковался хозяинъ по ягненку! нельзя жить безъ него—всѣмъ онъ говорилъ. Наложу руки на себя — кричала его жена. Сжалились православные надъ бѣдняками, ударили въ набатъ. Сошлись міряне на сходку. Вотъ міръ и придумалъ: идти съ повальнымъ обыскомъ по домамъ, а какъ виноватаго найдутъ—такъ безъ пощады въ рѣкѣ утопить. Приходятъ къ вору съ обыскомъ. Романовецъ, прослыша про мірской приговоръ, спеленалъ пеленка и положилъ въ колыбель. Входятъ міряне. Романецъ качаетъ барана, будто своего дитя. «А гдѣ, родимой, ты спряталъ-то барана?» говорили ему старики. «Вотъ вамъ правая рука! даю чрезъ милое дитя, и чтобы ему съ матерью на ножъ поторчать» — отвѣчалъ Романовецъ старикамъ.

РОСТОВЦЫ.

Вислоухіе. Лапшеѣды. — Озеро соломой зажигали. У насъ ти, въ Ростовѣ, чесноку ти, лука-ти много, а навозъ-ти все коневій.

Вислоухими—старики прозвали Ростовцевъ за зимнюю шапку съ длинными ушми; лапшеѣдами—за любимое ихъ кушанье, лапшу.

Когда-то въ Москвѣ понадобилось много рыбы. Послали батраковъ съ наказомъ по городамъ: свозить рыбу въ Москву. Такія прибыльныя вѣсти дошли до Ростова. Въ то время на дворѣ стояли Крещенскіе морозы. Озера всѣ замерзли. Думаютъ Ростовцы: гдѣ же взять рыбы? Не стать изъ снѣгу валять. Думали день, не придумали; на другой собрались и порѣшили: снять съ крышъ солому, да соломой и разтопить озеро. Снесли солому съ крышъ и принесли на озеро. Ну, ребята, говоритъ староста, зажигай на счастливую!—Запылала солома, что твой Ивановъ день. Озера не растопили, только деревню спалили.

РЯЗАНЦЫ.

Кособрохіе.—Мѣшкомъ солнышко ловили.—Блинами острогъ конапатили.

Когда-то Рязанцы воевали съ Москвичами. Сошлись стѣна съ стѣной, а драться ни кому не хочется. Вотъ Москвичи и догадались: пустить солнышко на Рязанцовъ: «ослѣпнуть де они. Тогда и безъ бою одолѣемъ ихъ.» Засвѣтило солнушко съ утра, а Москвичи и стали махать шапками на Рязанскую сторону. Ровно въ полдень солнце поворотило свой ликъ на Рязанцовъ. Догадались и Рязанцы: высыпали изъ мѣшковъ толокно, и стали ловить солнышко. Поднимутъ мѣшки вверхъ, наведутъ на солнышко, да и тотчасъ завяжутъ. Поглѣдятъ вверхъ, а солнышко все на небѣ стоитъ, какъ вкопаное. Не сдобровать намъ, говорили Рязанцы. Попросимъ миру у Москвичей; пускай солнце возьмутъ назадъ. Сдумали и сдѣлали.

Когда-то прогнѣвался воевода на Рязанцовъ и грозилъ имъ большой бѣдой. Проходитъ годъ, проходитъ два, а воевода все не выдумаетъ большой бѣды. Наступила масляница. Запировали Рязанцы. Бьетъ воевода въ набатъ; сбираются православные на базаръ. Идетъ воевода, не кланяется, а подошедъ къ людямъ, молвилъ: Вы, де и забыли, что острогъ не замшенъ. Канопатить скорѣй.» До того ли Рязанцамъ было; у всѣхъ одно на умъ: блины. Вотъ и придумали мужики всѣхъ блиновъ не поѣдимъ; постъ на носу. Законопатимъ острогъ блинами. Сдумали и сдѣлали. Идетъ воевода смотрѣть острогъ. Смотритъ: вездѣ крѣпко. Давно бы такъ то, говорилъ воевода Рязанцамъ, слушались меня.

СМОЛЬЯНЕ.

Якой губерни? Смоленьской. Якого уѣзда? города Драгобужска. Якой волости? Демьяновой посады. Якого села? Съ Ивановой усадьбы. Якого боярина? Про то не вѣдамъ.

СТАРИЧАНЕ.

Пѣтуха встрѣгали съ хлѣбомъ съ солью.

Прослышали Старичане, что въ ихъ городъ Старицу идетъ грозенъ посолъ. Надо умилостивить грознаго посла—говорили старики па мірской сходкѣ. «Вы, люди старые, придумайте, пригадайте, а мы, молодые, не прочь отъ васъ.» Придумали старики: напечь пироговъ съ яицами и идти за городъ съ поклономъ на встрѣчу къ послу. По сказанному, какъ по писанному, все было сдѣлано. Прибѣжали ребята съ поля, повѣдали всѣмъ: пришелъ грозенъ посолъ; стоитъ у города; шуба на выворотъ; самъ низенекъ, а поперегъ о пяти охватъ, словечка не молвитъ, а шипитъ только.» То не грозенъ посолъ подходитъ къ старицѣ, а залетѣлъ Индѣйской пѣтухъ. Вышли Старичане встрѣчать грозна посла. Встрѣчали по старому, всѣ безъ шапокъ, а старики говорили пѣтуху: «вотъ тебѣ пирогъ и яицы, не погуби нашъ городъ Старицы.»

СПАСЦЫ.

Откуда ты молодецъ? Спаской купецъ. Чѣмъ торгуешь? Краснымъ товаромъ: сальными свѣщами и чистымъ дехтемъ.

СТАРОРУСЦЫ.

Лошадь съѣли, да въ Новгородъ писали, чтобъ еще прислали.

СУДИСЛАВЦЫ.

Грибовики.

СОЛИГАЛИЧАНЕ.

Бревенщики.—Известняки.

СУЗДАЛЬЦЫ.

Мизенники. Мазалы.—

ТВЕРИТЯНЕ.

Ряпушники.—Забѣгай, забѣгай! А что? Не видишь, что куница бѣжитъ. Это собака съ Клементьева двора. Пу, такъ пускай себѣ бѣжитъ.

ТИХВИНЦЫ.

Свято то мѣсто, гдѣ Тихвинца нѣтъ.

ТОРОПЧАНЕ.

Таботеры.—Торопчанина обманетъ Цыганъ, Цыгана Жидъ, Жида Грекъ, а Грека чортъ.

Говорятъ старики, что такое Новогородское присловье о Торопчанахъ

разошлось изъ Новгорода по всѣмъ городамъ, когда цыганъ вымѣнялъ лошадей на лапти во всѣмъ Торопцѣ.

ТУЛЯКИ.

Стальная душа. — Блоху на цѣпь приковали. — Бачика присядь, присядь, чижи летятъ. — Хорошъ заяцъ, да тумакъ; хорошъ малой, да Тулякъ.

Очень, очень давно было, когда Тульскіе оружейники занимались разными проказами, а этого времени, по всѣмъ распросамъ, никто уже не помнитъ, тогда, говорятъ старожилы, они любили сидѣть подъ мостомъ и встрѣчать проѣзжихъ гостей. Въ эти-то времена они заслужили себѣ присловье «хорошъ малой, да Тулякъ.»

Въ старину Тульскіе оружейники бывали большіе охотники до чижей и соловьевъ. Съ начача весны они отпгавлялись ловить по лѣсамъ пѣвчихъ птицъ. Когда-то отецъ съ сыномъ долго бродилъ по лѣсамъ, безъ всякой удачи. Отецъ влезъ на дерево посмотрѣть, а сынъ разставлялъ тенета и сыпалъ для приманки семячко Вдругъ полетѣли чижи. Отецъ этого не видалъ Сынъ кричитъ ему: «Бачика! присядь, присядь, чижи летятъ.» Отецъ все посматриваетъ вдаль. Съ досады и отчаянія потерять чижей, сынъ беретъ дубинку и сталкиваетъ отца съ дерева.

УСОЛЬЦЫ.

Огуречники.

УГЛИЧАНЕ.

Не бось, не бось, батька! Вѣдь это не наше.

Было время, говорятъ старики, котораго давно никто не помнитъ, ненастное и голодное; въ это-то время собрались Углицкіе мужики, отецъ съ сыномъ поворовать съ горя. Ночь была темная, а отецъ на бѣду еще былъ и подслѣповатъ. Какъ вышли изъ двора, то и дорога пропала. Пропѣли третьи пѣтухи, и дорога сыскалась, когда уже прошло золотое время. Поди, батько, такъ говорилъ сынъ отцу, ты посмѣлѣй меня. Какъ на бѣду, отецъ, куда не придетъ, вездѣ мерещится ему свой домъ. Сынъ указалъ отцу чужой домъ. Лезетъ старикъ на сынниныхъ плечахъ, и за что не дотронется, все какъ будто свое беретъ, а сынъ ему кричитъ: «Не бось, не бось, батько! Вѣдь это не наше!»

ХОЛМОГОРЦЫ.

Заугольники.

Когда-то Петръ Великій проѣзжалъ въ Архангельскъ, то Холмогорскіе старовѣры, изъ страха, боясь приблизиться къ Государю, смотрѣли на него изъ-за угла. Съ тѣхъ поръ будто сосѣди стали ихъ называть Заугольниками.

ЧУХЛОМЦЫ.

Чухломской рукосуй! Рукавицы за пазухой, а другихъ ищетъ.

ШУЯНЕ.

Кабы мнѣ крѣпкаго мыльца.

ЮРЬЕВЦЫ.

Китаешники.

ЯРОСЛАВЦЫ.

Бѣлотельцы. Ярославль городокъ, Москвы уголокъ. — Пудъ мыла извели, а родимаго пятна у сестры не смыли.

ДОПОЛНЕНІЯ

КО ВТОРОЙ ЧАСТИ.

I. КНИГИ СИВИЛЛЪ.

Книги Сивиллъ, извѣстныя нашимъ предкамъ, доселѣ сохраняются въ спискахъ, различныхъ по содержанію и по составу. Обращаемъ вниманіе нашихъ читателей на старые списки.

I. Троицкій списокъ: О Сивиллахъ, колико ихъ было. Исторіографъ, Н. М. Карамзинъ полагалъ, что этотъ списокъ написанъ Максимомъ Грекомъ [И. Г. Р. т. VIII прим. 241]. Онъ находится въ библіотекѣ Московской Троицкой Лавры.

2. Румянцовскій списокъ, находящійся въ семъ Музеумѣ, отличается изяществомъ изображеній Сивиллъ и письмомъ. Заглавіе его: «*Книга о Сивиллахъ, колика быша, и кіими имяны и о предреченіяхъ ихъ.*»

Толстовскіе списки, числомъ семь, находятся въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Изъ нихъ:

1. Прорицаніе Сивиллъ. Списокъ помѣщенъ въ хронографѣ отдѣльною статьею на 938 листѣ. См. Росп. Толст. отдѣл. I. № 129.

2. Сказаніе о двунадесяти Сивиллахъ, сирѣчь пророчицахъ. Списокъ помѣщенъ отдѣльною статьею въ рукописи на 306 листу. См. Росп. отдѣл. I. № 141.

3) Сказаніе о двунадесяти Сивиллахъ, сирѣчь пророчицахъ. Списокъ помѣщенъ въ полууставной рукописи отдѣльною статьею на 177 листу. См. Росп. отдѣл. II, № 65.

4) Изъ книги мудреца Маркуса о двунадесяти Сивиллахъ. Списокъ помѣщенъ отдѣльною статьею въ рукописи на 260 листу. См. Росп. отдѣл. II, № 140.

5) Изъ книги мудреца Маркуса о десяти Сивиллахъ. Списокъ помѣщенъ отдѣльною статьею въ рукописи на 237 листу. См. Росп. отдѣл. II, № 18.

6) Прорицанія древнихъ Сивиллъ, съ разкрашенными ихъ изображеніями. Списокъ помѣщенъ отдѣльною статьею въ рукописи на 413 листу. См. Росп. отдѣл. II, № 217.

7) Мудреца Маркуса изъ его книги о десяти Сивиллахъ. Списокъ помѣщенъ отдѣльною статьею въ рукописи на 48 листу. См. Росп. отдѣл. III, № 86.

Списокъ Румянцовскій писанъ на толстой Александрійской бумагѣ, въ поллистѣ, крупнымъ полууставомъ. Заглавныя буквы въ отдѣльныхъ описаніяхъ нарисованы золотомъ, а въ срединѣ киноварью. При этомъ спискѣ приложены изображенія двѣнадцати

Сивиллъ, писанныя масляными красками на холстѣ, съ золотыми полями. Въ концѣ книги, на листу 92, находится слѣдующее послѣсловіе:

«Богу въ Троицѣ славимому, благопоспѣшествующему, совершися и издася сія новая книга повелѣніемъ Великаго нашего монарха, Царя и Августа Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, въ лѣто 715., мѣсяца Октоврія въ 1 день.»

Судя по этому послѣсловію, кажется, можно предполагать, что эту книгу хотѣли печатать. Эпиграфъ, писанный на оборотѣ заглавнаго листа, объясняетъ побудительныя причины къ изданію:

Сивилля Ерифреа предрече:

Горе, горе тебѣ Гогъ, и всѣмъ вкупѣ родо Магогъ.
Марсонъ и Аггонъ, еликая зла вамъ жребій воздастъ.

Толкованіе.

Горе тебѣ Гогъ: сирѣчь Скифе, Татаре, Варваре.
Горе тебѣ Магогъ: сирѣчъ невѣрный Вярваре, Турче.
И тебѣ Марсонъ и Аггонъ: сирѣчь Сарацыне и Арапе.
Жреби бо вамъ—многія зла всѣмъ невѣрнымъ уготовляется,
Сѣверный уже двоеглавый орелъ и благовѣрный
Поразитъ васъ всѣхъ Махметановъ, погановъ,
И оружіемъ креста царства и странъ вашихъ возодолѣетъ.

Содержаніе этого списка слѣдующее: *Предисловіе*, писанное на 14 поллистахъ, вмѣщаетъ въ себѣ мнѣнія разныхъ писателей о Сивиллахъ; съ 15 поллиста начинается: *О Сивиллахъ предглаголаніе*. Текстъ начинается

«Преизрядное видится быти древнее оное верховнаго Аристотеля реченіе, еже пишетъ во своихъ Метафісікахъ: се есть вси человѣцы естественно вѣдати желаютъ желаніе сіе о свѣдѣніи всѣхъ вещей, аще и многообразно бываетъ, обаче Философи въ четыре опредѣленія вопросительная собираютъ, сирѣчь: аще есть? что есть? каково? и чего ради есть? Сицевымъ образомъ и намъ начинать предложеніе наше о Сивиллахъ подобаетъ, яко да чиновнѣ и несмѣшена будетъ повѣсть наша. Чинъ бо святъ есть по Философу всѣхъ вещей. Сего ради, что не чиновно пишется, то зѣло темно и неудобъ разумно является; что же чиновнѣ и во своихъ мѣстахъ положено, удобъ разумно и безтрудно есть.

«Во первое убо опредѣленіе философское: аще есть? Сице отвѣщаемъ:

«Вопрошается во первыхъ: аще есть или бысть Сивилля? Понеже о ней, иже не суть во естество вопрошеніе, и отвѣтъ не дается.

«Во прошедшая времена убо Сивиллямъ быти и не единой, по различнымъ и различнымъ имянамъ нарицаніе явѣ есть. Быти же нынѣ женѣ сицевой Сивиллѣ, аще и не обрѣтается, понеже не требѣ есть намъ ихъ.

«Второе опредѣленіе есть: что есть Сивилля! Обычай есть у всѣхъ Философовъ, о всѣхъ вещахъ вопросити: что есть? И то имянуется у Грековъ: оросъ, у Латиневъ: дефиницiо, сирѣчь опредѣленіе, или оканчиваніе; понеже оканчиваетъ существо и естество вещей.

«Мы о Сивиллахъ сице отвѣщаемъ: Сивилля есть женскій полъ человѣкъ, дѣвственный, чрезъ мановеніе предречительный; человѣка бо имянуемъ Сивиллу. Понеже и жена, яко Аристотель во Метафісікѣ пишетъ: несовѣршенный мужескій полъ есть, зане жена студеншій имать и мокротіи̂шій, нежели мужескій полъ сложеніе. Сего ради скорое ростетъ, и скорое исчезаетъ, и разумъ имать мягчайшій и непостояншій. Дѣвственную имянуемъ Сивиллу, понеже дѣвицамъ быти, вси историцы согласно пишутъ, и на дѣвическій чинъ удобно духъ вселяется, яко пишетъ Іеронимъ; предречительную же имянуемъ понеже вси Сивилли предрекоша и предреченія ихъ исполняхуся.

«Третіе опредѣленіе: каково есть Сивилля имянуется: Ѳеовули; у Римлянскихъ языковъ: пророчица имянуется, сего ради пророчицы Сивиллы нарицахуся. Сама Сивилля Ериѳреа о себѣ еще рече, глаголютъ нѣцыи: яко Сивилля ложная и юрода есть, егда же всякая исполнена будутъ, тогда паки воспомянутъ о мнѣ.

«Четвертое опредѣленіе: чего ради есть Сивилля? Отвѣщаемъ сице: яко да вящше пострамлены будутъ, не токмо Евреи, пророковъ своихъ нынѣ злѣ толкуютъ и превращенно разумѣютъ, но и язычніи, иже на боговъ своихъ и волховъ великую надежду имѣша. Сице Родигинъ во книзѣ 14 пишетъ: яко Даруинъ Царь изыде отъ острова Самоса, и дщери Пивкра Царя въ жены поя, именемъ: Нису и Ватію; отъ первыя родися ему дщи, именемъ Сивилля, отъ нея же имя тое въ всѣхъ умножися и дадеся. Въ древнія времена книги Сивиллъ и ихъ предреченія въ сокровищахъ Римскихъ Царей хранишася, яко пишетъ Іоаннъ Зонорасъ, историкъ Греческій истинный; яко и во сокровищахъ Греческихъ Царей хранени быша книги Сивиллскія, въ нихъ же бѣша написаны не токмо стихи, но и образы различные человѣкомъ и звѣремъ.

«Понеже убо зѣло древле быша тыя Сивилли, того ради и смущеніе великое есть, не токмо между стиховъ и предреченіяхъ, но и между именъ ихъ, яко мудріи вси древніи имена Сивиллъ воспоминаху, и въ нихъ же обрѣтается предреченіе. Славнѣйшая и благороднѣйшая Сивилля Ериѳреа, яко нѣцыи глаголютъ: тогда нача пророчествовати, егда нача созидатися славный градъ Троада. Многія убо и различныя Сивилли обрѣтаются во исторіяхъ, та же и стихи и предреченія ихъ не исчисленна суть. Сочисляются же между иныхъ Сивиллъ: Родійская Сикелійская, Левканійская, Сардинская, та же Сивилля имянуется Ѳеспротійская, и Касандра, и Евреенина, и Халдейская, и Елиса, и Ѳетталійская, и Тараксандра, и Самонея, иже пророчествова, егда Византія созиздашеся. Многая-жъ тая имена имъ обрѣтаются, понеже каяждо отъ нихъ многими и различными имяны имянуется. Древніи убо вси число всѣхъ Сивиллъ и имяна ихъ на десятое число сочисляютъ; нынѣшніе же послѣдніи мудріи даже до двунадесятаго числа ихъ простираютъ; сего ради и мы послѣдуемъ той проходный путь, и даже до двунадесятаго числа ихъ простираемъ.»

На 25 полулистѣ начинается: *повѣсть о Сивилляхъ и о именехъ и о пророченіи ихъ. Глава I, Сивилля 1 Персидская.* Извлекаемъ описаніе этой Сивиллы:

«Аще убо и многія и различныя Сивилли быша во различныхъ временахъ и странахъ, обаче между всѣхъ древнѣйшая и славнѣйшая Персидская бысть, яже и Халдейская нарицается. Свойственное же имя ей бѣ Самвиѳи, яко Суида во своихъ Лексиконахъ пишетъ, во реченіи Сивилля повѣствуетъ: Персидская же нарицается, понеже отъ страны Персидскія бысть; иніи же нарицаютъ ее Халдейскою; отъ нѣкіихъ же имянуется и Евреенина. Отецъ же бысть тоя Сивилли именемъ: Вирососъ, иже Халдейскую Исторію написа, мати же ея бѣ: Ериманѳа. Ходила во златыхъ ризахъ, зраку была младообразнаго, красотою зѣло добра. А было пророченіе ея до Р. Х. за 1248 лѣтъ. Книги-жъ отъ нея написаны суть числомъ 24, о всѣхъ языцѣхъ и странахъ объявляющія. Іустинъ Философъ, въ словѣ своемъ къ языкомъ, пишетъ: сія Сивилла отъ Вавилона родословитися глаголетъ, сущая дщи Вироса Халдеянина; не вѣдаю убо, каково она во страну Италійскую во Камбанію пріиде, пророченіе предглагола, въ нѣкій градъ имянованъ Кума, идѣ-же есть бани, сирѣчь теплые источники. Мы-жъ сами пришли въ той градъ, и зряху нѣкое мѣсто, въ немъ же палата Царская велика, изъ единаго камени усѣчена видѣхомъ: вещь величайшая и всякаго чуда достойная, идѣ-же пророченія оная Сивилла содѣла, яко глаголаху намъ граждане того града, яко они отъ праотецъ своихъ отъ преданія слышаху. Посредѣ же палаты тоя Царскія показаша намъ три корыта, изъ того же камени рѣзаныхъ, иже исполнены водою, глаголаше: яко оная въ нихъ умывашеся, и одеждою одѣянная во внутреннѣйшій храмъ палаты тоя входяше. Посредѣ же храма того на высокій степень и престолъ сѣде, и пророченіе глагола. Показаша намъ мѣсто то, идѣ-же Сивилла пророченія дѣяша, и сосудъ нѣкій отъ мѣди сотворенъ, въ немъ же остатки тѣла ея хранятся, глаголаху. Во книзѣ же нарицаемой Туркогреціи, о мѣстѣ обитанія тоя же Сивиллы сице пишетъ: слѣдуетъ древній храмъ языческій и потомъ озеро, иже именуется Авернъ, близъ же его, на онуюстрану, гора предлежитъ, во

той же горѣ пещера сице пространна, яко мало что не въ милю Италіанскую усѣчена есть; въ ней же множайшіе храмы суть малотеплии, яко въ нѣкихъ и потствовать возможно. Тамо обитаніе Сивилли быти глаголютъ.»

На листахъ 31, 32 и 33 помѣщены стихи этой Сивиллы, а на 35 листѣ начинается описаніе второй Сивиллы: *Лівика.*

«Вторая Сивилла Лівпанина, или Лівика имянуется, понеже отъ Ливіи бѣ, яже есть третья часть вселенныя, Африка отъ Латиновъ имянуется, нынѣ же Барбарія отъ Турковъ речется; была взору средняго и зѣло черна, нося же всегда въ руцѣ масляную вѣтвь. Сія Сивилля сице чрезъ стихи глагола:

«Пріидетъ день свѣтлости,
И разгонитъ вся темности,
За вся грѣхи посланъ будетъ,
И на вселенную новый даръ да будетъ,
Пріидите и не ищите темности и мрака.
Солнце сладкозрачное, се свѣтъ изрядно сіетъ.»

Всѣ эти стихи, какъ сказано, выписаны изъ сочиненій Климента Александрійскаго.

На 37 листѣ слѣдуетъ описаніе: *Сивилля третія Делфика.*

«Сивилля Делфика или Делфійская имянуется, понеже во Делфіи, Греческомъ градѣ родися, идѣ-же великое и славное волхвище Аполлоново бысть. Свойственное же имя Артемисъ наречена есть. Бысть же прежде Троадскія брани, и писа прореченія чрезъ стихи, отъ нея же большую часть стиховъ Омиръ, славный стихотворецъ, во своихъ книгахъ сложи. Сія Сивилля носяше во своихъ рукахъ всегда вѣтвь Дафнію, сирѣчь Бобковиное древо, имѣла главу связану власы своими, была младообразнаго лица. Бысть же отъ страны Фригіи и во волхвища Делфійская пріиде, и сице поя чрезъ стихи:

О Делфіи служители, далекострѣльному Аполлону,
Пріидохъ азъ пророчествовати Зевсови умъ страшнощитному.
Возъярихся бо на своего брата Аполлона.

«Климентъ Александрійскій, во книгахъ своихъ Строматахъ, пишетъ: есть же иная Сивилля Ериѳрея, именоватая Ерофилли, ея-жъ воспоминаетъ Ираклей Понтійскій, во книзѣ своей о прореченіяхъ. Во Делфисѣ же показуется камень, на немъ же глаголется перво сидѣти Сивиллѣ, яже отъ Геликона горы пріиде, идѣже отъ Мусы воспитана бысть. Иніи глаголютъ яко отъ градовъ малыхъ пріиде, и бѣ дщи Ламіа Сидоніанина.

На листу 41 слѣдуетъ описаніе: *Сивилля четвертая Химерійская.*

«Четвертая Сивилля Хімерійская, или Хімерія имянуется, понеже въ Хімеріи градѣ Италіанскія страны родися. Климентъ Александрійскій во книзѣ первой Строматахъ своихъ пишетъ: яко обита въ Римской горѣ, именемъ Кармалѣ, и сынъ ея бысть Евандръ, иже храмъ Пану созда, иже Илуперкаліонъ имянуется. Сія Сивилля всегда въ рукахъ своихъ цвѣтъ рожу нося. Историцы повѣствуютъ, яко Никифовъ Царь Греческій посломъ Одона, Кесаря Нѣмецкаго, сицевое предложеніе между иныхъ предложилъ: обрѣтаются ли во ихъ странахъ Онагри, сирѣчь осли дивіи? Послы же отвѣщаху: яко у нихъ, во странахъ ихъ, Онагри не обрѣтаются, по токмо славное прореченіе Сивилское есть, въ немъ же написано: яко Онагри суть Ассиріяне и Срацыни, сирѣчь Турки, противъ же тыхъ Римляно-Греки не могутъ брани творити, яко Ипполитъ Сикеманинъ согласуется со Сивилскою рѣчбою, иже рече: Левъ и Скимнъ, сирѣчь Львовы дѣти, вкупѣ изгоняютъ Онагру. Вы убо, Греки, Льва мните быти вашего Самодержца, а Скимна краля Французскаго, есть же не тако; понеже вси Онагра толкуютъ Князя Срацынскаго, его же мы, Французы, во послѣднее время покорити будемъ. Сице послы глаголали.

На листу 43 начинается описаніе: *Сивилля пятая Ериѳрея.*

«Пятая Сивилля Ериѳрея, яже отъ иныхъ имянуется Ерофилля; родители же ея быша Аполлонъ и Ламіа; иніи же глаголютъ быти отца ея Крінагора, иніи же, яко Ерминъ пишетъ, Ѳеодору матерь ея имянуютъ. Сія

же Сивилля прорече Грекомъ о Троадской брани, яко Троада погибнетъ и Омиръ творецъ ложная писать будетъ. Ериѳреа же имянуется понеже родися во веси Ериѳронъ, иже именовашеся быти, сирѣчь купина, не далеко отъ острова Хіо. Нынѣ же тая весь во градѣ устроена есть, имянуется Ериѳри. Инии же глаголютъ яко она въ Вавилонѣ родися, и того ради Ериѳреа имянуется, понеже въ томъ островѣ и веси стихи ея изобрѣтены суть. Многоименитая сія Сивилля есть: понеже ея Сикилійскою имянуютъ, инии же Сардіану, инии же Гергіфу, инии же Родійскою, инии Лівійскою, инии же Левканійскою, инии же Самію нарицаху. Бысть же она прежде плѣненія Троадскаго града за 483 лѣта. Пишутъ о ней яко житіемъ разумна и честна бысть, носила же въ рукахъ своихъ агнца; инии же пишутъ яко въ рукахъ носила всегда мечь голый и яблоко кругло, яко звѣздами украшено; мечемъ же подпирашеся, а яблоко всегда подъ ноги свои метала; сложила же книги различныя, и видъ гуслей треугольный во первыхъ она изобрѣте, и многія стихи сложи, обаче между всѣхъ стиховъ ея 33 стихи Иростіи суть преславны, иже по своемъ имени, перва краеграніе собираетъ на Греческій языкъ; на Славенскій же языкъ тому быти не возможно, скудости ради стихомѣрія; сего ради и Греческіе тыя древніе и истинные стихи противъ Славянскихъ стиховъ предлагаемъ. Написаны суть стихи тыя изъ древнія харатейныя книги Еллинскія. Аще убо нѣцыи глаголютъ тымъ стихамъ быти Кумейскія Сивилли, мы большей части послѣдуемъ и Ериѳреи воздаемъ.»

Въ Румянцовскомъ спискѣ написаны Греческія изрѣченія Сивиллы вмѣстѣ съ Славянскимъ переводомъ, на четырехъ листахъ.

На 53 листу слѣдуетъ описаніе: *Сивилля шестая Самійская.*

«Шестая Сивилля Самійская, или Самія нарицается, свойственное же имя ей бысть Фито и Самонота; Самійская же имянуется, понеже отъ острова Греческаго, иже Самосъ имянуется, рождена бысть. Сомосъ же есть и нынѣ Греческій островъ славный во Бѣломъ морѣ.

«О сей Сивиллѣ писалъ Ератостенъ Философъ, и зѣло ея похваляетъ. Ходила же во цвѣтномъ одѣяніи, и книгу и вѣнецъ терновый въ руцѣхъ нося. Была до воплощенія Божія слова за 2 тысячи лѣтъ.

«Сія Сивилля 9 родовъ человѣческихъ предрече, иже Сивилля Ериѳреа и Кумеа иначе истолковаша; она сицевый толкъ сложи: яко 9 родовъ человѣческихъ на 9 рудъ отнесе, сирѣчь: 1 родъ златый, 2 родъ серебряный, 3 мѣдный, 4 родъ оловянный, 5 родъ желѣзный, и прочихъ по числомъ рудъ.»

На 57 листу находится описаніе *Сивилля Кумійская.*

«Седмая Сивилля Кумійская, яже Аманфіа и Ерофилля нарицается, Кумейская же имянуется понеже отъ града Кума, иже есть во Камбаніи, во странѣ Италіянской; написа же она многое прореченіе, сего ради и живописуется: носяше въ руцѣ книгу и знамя. О ней пишетъ Авлъ Геллій въ первой книзѣ повѣсти своея, сицевымъ образомъ: Старица нѣкая, незнамая, яжъ Сивилла Кумейская быша, ко Тарквинію древнему Царю Римскому три книги, или девять, яко инии историцы пишутъ, принесе. Въ тыхъ же книгахъ написано бысть предреченіе о будущихъ вещѣхъ и о правилѣхъ Римскихъ. Цѣну же за оныя книги 300 златыхъ проси; или яко инии пишутъ: 300 пенязей Филиппійскихъ златыхъ, иже сочисляютъ 10,000 златыхъ; инии же пишутъ яко тысячу златыхъ проси. Царь же Тарквиній небреже о книгахъ тѣхъ, ради великія цѣны. Она же возъярися и при бытіи зрѣнія его сожже 3 книги. И за прочія книги ту же цѣну проси. Понеже убо она, видя отъ Царя яко юрода поругается, паки иныя три книги сожже. И тую же цѣну за остатныя три книги просила есть. Инии пишутъ яко четырежды по двѣ книги сожже и остася токмо едина книга. И тuюжде цѣну Царь даде единыя книги ради, яже она о первыхъ всѣхъ просила. Царь же, видя великодушіе жены, три остатнія книги за триста Филипійскихъ златыхъ покупи. И повелѣ тыя книги во Капитоліи сохранити. Капитолія же бѣ въ Римѣ славный храмъ бога Зевсова. И по-

велѣ Царь, яко въ тыя книги во дѣлѣхъ нужныхъ и сумнительныхъ отъ 15 мужей первыхъ изъ Синклиту смотритися.»

На 71 листу начинается описаніе: *Сивилля осьмая Еллиспондійская.*

«Осьмая Сивилля Еллиспондійская, или Еллиспондика, имянуется же Еллиспондійская, понеже отъ Еллиспондосъ Греческія страны бысть; Еллиспондосъ же есть потокъ или гортань Бѣлаго моря, недалеко отъ Царяграда. Родися же отъ веси Мармисо, недалеко отъ града Троады; бысть же во время Кира Царя и Солона философа; была до воплощенія Божія за 530 лѣтъ; въ рукахъ своихъ носила класы житніи.»

На 73 листу слѣдуетъ описаніе: *Сивилля девятая Фригіанина.*

«Девятая Сивилля Фригіанина, или Фрига, яже и Колофонская, отъ града Греческаго Колофона наречеся. Свойственное имя ей бысть: Ламбуса, отъ родословія Калхандо волхва, иже бысть во брани Греческой, противъ града Троады, и о семъ предрече. Обита же и предрече во градѣ Ангирѣ, иже есть во Асіи; въ рукахъ же своихъ нося всегда голый мечь. Видъ же ея бысть старообразенъ, суть же и стихи ея нѣцыи древніи, пройстіи, ихъ же она написана о девятописменномъ имени.

На листу 78 находится описаніе: *Сивилля десятая Тивуртія.*

«Десятая Сивилля Тивуртія, или Тивуртина, свойственное же имя ей бысть Альвуна, была же во время Августа Кесаря, до Р. Х. за 19 лѣтъ; родомъ отъ страны Италіянскія, носила въ рукахъ своихъ вѣтвь финиковую.»

На листу 82 слѣдуетъ описаніе: *Сивилля первая-надесять Египтіанина.*

«Первая-надесять Сивилля Египтіанина, или Египтіа, имянуется же Египтіа, понеже во Египетстѣй странѣ родися, свойственное же имя ей бѣ: Агриппина, или Тараксандра; носила же въ рукахъ своихъ книгу; возраста была средняго, ходила во одѣяніи красномъ.

На листу 86 находится описаніе: *Сивилля вторая-надесять Европеа.*

«Вторая-надесять Сивилля Европеа или Европеанина, свойственное же имя ей бысть Самонеа, была до Р. Х. за 133 лѣта, лицемъ красна, ходила во златомъ одѣяніи, власы имѣла распростерты, носила въ руцѣ своей книгу и скипетръ.

«Сія Сивилля о плѣненіи Царяграда отъ Италіановъ и Французовъ предрече чрезъ сіи стихи:

Сыновъ Еніи слава во Византію пріидетъ,
И Еллины будутъ во мягкой силѣ,
Даже до льва ногъ шестьдесятъ,
Даже до того времени, яко пищу его медвѣдь поястъ;
На сего же медвѣдя небрегаемый орелъ возритъ,
И орла козелъ осѣнитъ и птица орла низвержетъ,
И нѣкое знаменіе великое будетъ:
Собраніе во Адріадское море,
И подъ слѣпымъ вождемъ козу изгонитъ,
Византію осквернитъ, и козелъ большое не возопіетъ,
Ниже алекторъ возгласитъ,
Даже егда шестьдесятъ и три ноги
И девять перстовъ сочислятся.

«Сіи стихи знаменуютъ пришествіе Французовъ и Венеціяновъ, егда Царьградъ плѣниша. Толкуютъ ся же сице: яко Римское Царство преведено будетъ отъ великаго Константина во Византій и пребудетъ во мирѣ, даже до времени Греческаго Царя Мануила, иже поживе шестьдесятъ лѣтъ. Егда убо дѣти его оскудѣютъ, и Андроникъ къ себѣ Царство привлечетъ, и Исака внука Мануилова, иже ни въ чемъ сочисленъ бѣ. Прежде Андроникова сына убіетъ и Алексіа брата Исакова, великою брадою преукрашенна, навѣтуетъ, и ослѣпитъ и во темницу затворитъ, отъ связанія же разрѣшится связанный Алексій, и ко владѣтелю Адріадскому Бѣлаго моря пойдетъ, и Венеціяны съ Французы совокуплени будутъ, и кораблепачальствующему Дандулу, его же лукавство Мануила Царя ослѣпи, и во Грецію пріидутъ, и Византіемъ возвладѣютъ, и Грековъ отъ Царства отгонятъ, и тогда ниже Царь будетъ. Но Французъ, иже яко козелъ толкуется, и ино глагола-

тельно наречется, и пребудутъ Грецы внѣ отъ Царяграда 63 лѣта и 9 мѣсяцъ.

«Сія вся исполнися тогда, егда Царьградъ отъ Французовъ плѣнися. Паки сія же Сивилля произвѣствова, яко во время плѣненія Царяграда отъ Турковъ кровопролитіе неисчисленное будетъ, и о семъ чрезъ сія стихи прорече:

Не умолчу, но объявлю умъ отца
Словеса безсмертная тлѣннымъ вѣдати:
Ѳракія родитъ великій вредъ.
Родъ же ея нѣсть далекъ,
И возбодитъ чадо злое, и злая рана будетъ,
И зѣло возпухнетъ, и скоро раздерется,
И великая кровь возтечетъ.

«Сіи стихи предзнаменоваша плѣненіе Цареградское отъ Султана Мехмета Турскаго и кровопролитіе, яже тогда неисчисленное бысть.»

Обращаемъ вниманіе на три Толстовскіе списка, замѣчательные уже только по переводу и по языку.

Въ третьемъ Толстовскомъ спискѣ, писанномъ полууставомъ, въ XVII вѣкѣ, помѣщено о Сивиллахъ:

«Сіи пророчествоваша въ различныя времена до Р. Х.; аще суть и невѣрніи, но чистаго ради житія ихъ открылося имъ земныхъ ради глаголати предбудущая.

«Первая Сивилла, именемъ Персика, яже отъ Перскія страны бысть, ходила во златыхъ ризахъ или одѣяніи, зрака была младообразнаго, красотою зѣло добра, а было пророчество ея до Р. Х. за 248 лѣтъ.

«Вторая Сивилла, именемъ Любика, яже отъ страны Африкійскія, отъ града Любека. Взору была средняго, ходила въ зеленомъ вѣнцѣ, а была радостна, и смѣялася всегда.

«Третія Сивилла, именемъ Делвика, была младообразнаго лица, ходила во одѣяніи черномъ, имѣла главу обязану власы своими и въ рукахъ всегда носила воловій рогъ.

«Четвертая Сивилла, именемъ Хивика, или Химера, родомъ страны Волоцскія, ходила распустивъ власы свои, въ синемъ одѣяніи.

«Пятая Сивилла, именемъ Самія, ходила во цвѣтномъ одѣяніи и мечь голой подъ ноги метала, а была до воплощенья Божія слова за 2 тысячи лѣтъ.

«Шестая Сивилла, именемъ Демофила, была старообразна лицемъ, ходила въ простомъ одѣяніи.

«Седьмая Сивилла, именемъ Еллиспона, была въ Троядской странѣ, возраста средняго, ходила въ простомъ одѣяніи, а была до воплощенія слова Божія за 530 лѣтъ.

«Осьмая Сивилла, именемъ Ѳригіата, была отъ града Трои, до Р. Х. за 1005 лѣтъ; лицемъ была старообразна, и нравомъ гнѣвлива, а ходила просто, власы свои роспустя.

«Девятая Сивилла, именемъ Европія, была до Р. Х. 133 лѣта, лицемъ красна, ходила во златомъ одѣяніи.

«Десятая Сивилла, именемъ Тыбуртыня, родомъ страны Волоцскія, ходила въ красномъ одѣяніи, а на главѣ своей носила козловую кожу, а была до Р. Х. за 19 лѣтъ.

«Первая-надесять Сивилла, именемъ Агрифа, возраста была средняго, ходила во одѣяніи красномъ, и прижавъ держала къ грудемъ руцѣ свои.

«Вторая-надесять Сивилла, именемъ Естрія, или Ерофилія. Пишутъ о ней, что житіемъ разумна была и честна, а ходила въ черномъ одѣяніи, а въ рукахъ всегда носила мечь голой и яблоко кругло, аки звѣздами украшено, мечемъ ся подпирала, а яблоко всегда подъ ноги себѣ метала, а была въ лѣто Гедеона Судьи, иже во Израилѣ.»

Шестой Толстовскій списокъ, писанный въ XVI вѣкѣ, полууставомъ, не имѣетъ ни заглавія, ни начальныхъ

листовъ. Первый листъ представляетъ изображеніе Сивиллы, писанное, какъ и всѣ другія, самымъ грубымъ образомъ, водяными красками. Описаніе начинается съ 414 листа:

«А была всеродовичъ; ходила въ червчатой одеждѣ, руки прімаючи къ сердцу, кабы задумалася, писала, что есть, такъ се полюбило, чтобы ее слово тѣломъ стало, что человѣкъ уродился, а грѣшники вмѣстѣ были.»

На оборотѣ этого же листа находится изображеніе второй Сивиллы, также безъ подписи, а на 415 листу описаніе:

«Изъ всѣхъ лучши была. Про тою сказывалъ Аполодорусъ Ерытрейсъ, что изъ его города посадскаго человѣка жинка была; писала та много о городѣ Троѣ, что было тому городу взяту быти, и выпустошену. Ходила въ хитонѣ одѣяніи, была всеродовичъ и кручиновата; а подъ ногами яблоко круглое звѣздами, тѣмъ образомъ, что небо.»

На оборотѣ 417 листа находится третье изображеніе Сивиллы, съ подписью вверху: *Персика:*

«Персика наречена бысть, родомъ изъ Перскія земли, которая была въ третьемъ вѣку свѣта, какъ пишетъ о ней Философъ Мирайдиле, до Р. Х. за 1248 лѣтъ. О ней писалъ Философъ Никаноръ Греческій, которой великаго Александра дѣяніе писалъ: ходила въ золотомъ одѣяніи, свѣту умильново и хороша лицемъ, была молода, красоту свою съ чистотою держала.»

На оборотѣ 419 листа находится четвертое изображеніе Сивиллы, безъ подписи, а на 418 описаніе:

«Того для ее называютъ Либикою, что была изъ Ливіи и изъ Афріи, въ тѣ поры, какъ Персика, и о ней говоритъ книжникъ Еврипидесъ: была всеродовичъ, ходила въ вѣнцу цвѣту зеленаго, въ ризѣ бѣлой и въ честной сѣдинѣ, была весела.»

На оборотѣ 421 листа находится изображеніе пятой Сивиллы, безъ подписи, а на 420 описаніе:

«А зовутъ ее потому, что и она въ костелѣ Аполоновомъ уродилась, у Дельфу, то иная, а не та, которая людемъ чрезъ черту указывала, была она въ третьемъ вѣку свѣта до Троянской войны, и та Троянскую войну прежъ объявила, и сказала, что королевство Троянское будетъ разорено. И о той Сивиллѣ писалъ Кризинъ во своихъ книгахъ, что она, будучи молода, ходила въ черномъ платьѣ, обвязавъ волосы около главы, а въ рукахъ держала рогъ. А иные пишутъ такъ объ ней: что и сватался на ней король, имя ему Отреусъ, и посылалъ къ ней кубокъ золотъ въ поминкахъ, и она за него не похотѣла, и не пошла.»

На оборотѣ 423 листа находится шестое изображеніе Сивиллы, безъ подписи, а на 424 описаніе:

«Сивилла Хелеспоньска родилася на Троянской вотчинѣ, въ мѣстѣ Герціюмъ, въ тѣ поры жила, какъ былъ Цырюсъ Король Перскій. Была женщина стара, не хороша, въ простой одеждѣ, охульна. О той писалъ Хераклидъ Понтыкусъ.»

На оборотѣ 425 листа находится седьмое изображеніе Сивиллы, безъ подписи, а на 426 листу описаніе:

«А была со Ѳрадѣи, гдѣ была Троя, а была стара, кручиновата, жалостна, ходила оголивъ плеча, распустивъ волосы, голову наклоня, пальцемъ указывала.»

На оборотѣ 427 листа находится осьмое изображеніе Сивиллы, безъ подписи, а на 428 описаніе:

«Пишутъ о ней се, что родилась во второмъ вѣку свѣта до Р. Х. за 2000 лѣтъ, при философѣ добрѣ ученомъ, невѣрномъ, имя ему Трезмисъ Гитана, ходила нарядно и хорошею наметкою голову покрывъ, а подъ ногами мечь имѣла безъ поженъ, для того знамени, что быти войнамъ на свѣтѣ. О томъ писалъ философъ Еростотарнесъ,

что нашелъ въ ея книгахъ о Александрѣ Македонскомъ.»

На оборотѣ 429 листа находится девятое изображеніе Сивиллы, безъ подписи, а на 430 описаніе:

«Умія Сивилла, или Демофила, невѣдомо отколѣва была, а была она въ четвертомъ вѣку свѣта. Была стара, ходила въ платьѣ простомъ, не хороша лицемъ была, а взглядъ былъ кручиноватой. Та однаго часу пришла до Короля Тарквиніуса, и принесла ему девять книгъ писаны на харатьи, а говорила ему, чтобъ онъ купилъ книги. И спросилъ ее король: что за нихъ хочешь? И она ему молвила: триста золотыхъ великихъ. И король разсмѣялся. И она сдѣлала огонь предъ его очами и сожгла ихъ трои книги. И молвила опять Королю: Король, купи ты другія трои книги? И пыталъ ее. Молвила ему за триста золотыхъ великихъ. И Король разсмѣялся, и думалъ, что она шальна. И она другія трои книги сожгла. И молвитъ опять: Король, купи ты трои книги; будетъ тебѣ послѣ того жаль. И попыталъ ее, что дать. И молвила: триста золотыхъ великихъ. Король видѣлъ ея крѣпость и мудрость, что хотѣла остаточныя трои книги сжечь, и далъ ей триста золотыхъ, а книги взялъ. И какъ сталъ въ нихъ честь, и тужилъ о томъ Король, что всѣхъ не купилъ, и схоронилъ тѣ книги.»

На оборотѣ 432 листа находится десятое изображеніе Сивиллы, а на 433 описаніе:

«А се родилася во Уропѣи до Р. Хр. лѣтъ за 133, была возраста хорошаго, плоти румяной, лицемъ чиста, ходила въ золотомъ бархатѣ.»

На оборотѣ 433 листа находится одинадцатое изображеніе Сивиллы, безъ подписи, а на 434 описаніе:

«Наипослѣднѣйшая та была родомъ изъ Италіянскія земли, только до Р. Х. была въ Римѣ за 19 лѣтъ, при Октовьяне Цысаре. О той-то Солинкусъ пишетъ: коли Римляне хотѣли хвалить Цысаря Октовьяна, что при немъ былъ покой во всѣмъ свѣтѣ, и хотѣли другой костелъ поставити ему. И позвалъ къ себѣ Сивиллу Тыбуртину, и сказалъ ей ту рѣчь. И она у него просила сроку до трехъ дней не сказывати ему. Пишутъ: ходила она въ красной одежи, а кожу козлову носила на плечахъ.»

«Пятый Толстовскій списокъ, писанный скорописью въ XVII вѣкѣ, содержитъ въ себѣ краткія выписки изъ книги мудреца Маркуса о десяти Сивиллахъ. Выписываемъ:

«Первая именемъ Персика отъ страны Персидскія, ходила во златомъ одѣяніи до вѣку своего въ доброй красотѣ, за 1148 лѣтъ до Христова воплощенія.

«Вторая Сивилла изъ Авриніи, града Любска, имя ей было Любика, а была вѣку средняго, ходила въ вѣнцѣ зеленомъ, а всегда была радостна, смѣялася.

«Третія Сивилла имя ей Делфика, а была младообразна, ходила въ черномъ одѣяніи, обвязавъ свои власы около головы своея, а въ рукахъ своихъ носила рогъ.

«Четвертая Сивилла, именемъ Хибика, или Химера, родомъ Словенской земли, ходила въ синемъ одѣяніи, и власы распустивъ.

«Пятая Сивилла, именемъ Самія, ходила нарядясь цвѣтно, а мечь голой подъ ноги метала.

«Шестая Сивилла, имя ей Демофила, стара и ходила въ простомъ одѣяніи. Принесла къ Царю Тарквинію 9 книгъ, чтобы у нея тѣ книги Царь купилъ. И Царь вопросилъ у нее: чего за книги хощетъ? И она сказала цѣну 3 ста злотыхъ великихъ. И царь тому посмѣялся. И она сожгла три книги. И о тѣхъ книгахъ говорила Царю, чтобы у нея Царь и остаточныя 6 книгъ купилъ, а просила ту же цѣну. И Царь ей опять посмѣялся. И она сожгла другія три книги. И о тѣхъ книгахъ говорила Царю, чтобы у нея купилъ послѣднія 3 книги, а далъ бы ту же цѣну, а не дастъ на нихъ тѣхъ златыхъ великихъ, и она и тѣ сожжетъ. Царь же удивился тому, и призва философовъ, и вопроси ихъ о книгахъ тѣхъ: который разумъ имѣютъ? Они же сказаша Царю, что тѣ книги прореченія Сивиллъ,

разумъ великъ имутъ о ближнѣхъ дѣлѣхъ и нашему ученію. Царь же много оскорбися о сожженіи ради книгъ, и повелѣ ей дати цѣну, еже сперва просила.

Седьмая Сивилла Еллиспонтійская была съ Троянской земли за 53 лѣта до Р. Х.; а была женщина простая, ходила въ платьѣ простомъ.

Осьмая Сивилла именемъ Ѳригія. И та была отъ Тройска града, была стара, кручиновата, сердита, ходила власы распустя.

Сивилла девятая была въ Европіи за 133 года до Р. Х.; ростомъ была красна, а ходила въ золотѣ.

Десятая Сивилла именемъ Тибуртина, была изъ Вологъ, а была до Р. Х. за 19 лѣтъ, при Октовьянѣ Царѣ, ходила въ красномъ одѣяніи, а носила на главѣ козловую кожу.

Первая-надесять Сивилла была средняго вѣку, ходила въ красномъ одѣяніи, руки держала на грудѣхъ.

Вторая-надесять Сивилла, именемъ Еритрія или Ерофиля, была всѣхъ честнѣе, а была еще при Израильстѣмъ Судьѣ Гедеонѣ, средняго вѣку, а носила платье черное, кручинна обычаемъ была, а въ рукахъ носила голой мечь, и подпиралась имъ, держала яблоко круглое со звѣздами.»

Вотъ, что думали о Сивиллахъ наши старики по западнымъ сказаніямъ. Съ чего переведенъ текстъ Румянцовскаго списка, доселѣ, еще неизвѣстно; но текстъ одного Толстовскаго списка переведенъ изъ Хроники Бѣльскаго.

II. Башъ и Башиха.

Уваженіе ко всему необыкновенному, огромному въ природѣ начавшееся на востокѣ, перешло и въ Русскую землю. У насъ есть свои идеалы для поселянъ: *Конь камень*, *Корогуновъ камень*, *Тугевъ камень*—два камня *Башъ и Башиха*. Каждый изъ сихъ камней имѣетъ свой миѳъ семейный, указывающій прямо, что онъ не нашъ, доставшійся намъ по наслѣдству. У Литовцевъ, Финновъ, Нѣмцовъ — язычниковъ, огромные камни замѣняли кумиры и служили требищами для боговъ. Если бы наши камни имѣли такое же назначеніе у Славяно-Руссовъ, то мы вмѣсто миѳа семейнаго объ нихъ знали бы миѳъ религіозный. Этого нѣтъ у насъ.

Камни Башъ и Башиха находятся въ Одоевскомъ уѣздѣ Тульской губерніи, въ селѣ Башевѣ, въ 25 верстахъ отъ Одоева, близъ дороги, среди поля. Фигура камней почти квадратная, небольшаго размѣра. Лежитъ одинъ отъ другаго на $1^1/_2$ аршина. Поселяне не запахиваютъ мѣсто кругомъ камней, опасаясь бѣдъ.

Семейный миѳъ о камняхъ Башъ и Башиха состоитъ въ слѣдующемъ: Башъ былъ Татаринъ, а Башиха жена его. Другіе же говорятъ, что они были кумъ и кума. Баши переселились на Русь, жили и померли. Добрые люди схоронили ихъ на этомъ мѣстѣ. Вскорѣ послѣ того приплыли два кам

ня изъ Оки въ Упу, а изъ Упы пришли прямо на ихъ могилы и остановились тутъ. То были тѣни Башей, нежелавшія разстаться съ ними и по смерти. Когда-то разсердился Башъ на Башиху и ударилъ ее сапогомъ. На камнѣ Башихи осталась ступня. Было время, когда любопытные хотѣли вырыть камни, и посмотрѣть на нихъ со всѣхъ сторонъ. Баши не желали этого; а когда начали обрывать ихъ, они уходили въ землю. Православные, сколько не трудились, бросили съ досады. Одинъ изъ нихъ съ горя, началъ рубить камни топоромъ, и вскорѣ показались пятны красныя. За такую дерзость Баши начали мстить: поля не плодородили, животныя умирали, люди бѣдняли. Съ тѣхъ поръ Баши начали людямъ являться во снѣ и помогать имъ уже добромъ, если думали объ нихъ хорошее.

Почтенный нашъ Археологъ И. М. Снегиревъ говоритъ, «сія чета литоморфовъ двойственностію своей соотвѣтствуетъ дуализму въ Славянской миѳологіи, а по приписываемымъ имъ чудеснымъ свойствамъ, представляетъ какія-то божества.... Названіе же Баши Татарское, или Монгольское; ибо у Монголовъ, бывшихъ Ламайской вѣры, башъ и башка значили голову, начало. И такъ Баши есть остатокъ отъ Татарщины (выпускъ IV, стр. 74).»

СКАЗАНІЯ

РУССКАГО НАРОДА.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

СОДЕРЖАНІЕ.

1. ПѢСНИ СВЯТОЧНЫЯ.

къ нимъ:

Русскія святки.
Варіанты пѣсенъ.
Сравнительныя пѣсни.
Примѣчанія.

2. ПѢСНИ ХОРОВОДНЫЯ.

къ нимъ:

Варіанты пѣсенъ.
Сравнительныя пѣсни.
Примѣчанія.

3. ПѢСНИ ПЛЯСОВЫЯ.

къ нимъ:

Варіанты пѣсенъ.

4. ПѢСНИ СВАДЕБНЫЯ.

къ нимъ:

Сравнительныя пѣсни.
Варіанты.

5. ПѢСНИ СЕМЕЙНЫЯ.

6. ПѢСНИ РАЗГУЛЬНЫЯ.

7. ПѢСНИ УДАЛЫЯ.

8. ПѢСНИ СОЛДАТСКІЯ.

9. ПѢСНИ КАЗАЦКІЯ.

10. ПѢСНИ ИСТОРИЧЕСКІЯ.

11. ПѢСНИ ОБРЯДНЫЯ.

12. ПѢСНИ КОЛЫБЕЛЬНЫЯ.

РУССКІЯ
НАРОДНЫЯ ПѢСНИ.

Всѣ помѣщенныя здѣсь пѣсни однѣ собраны были мною въ губерніяхъ: Тульской, Калужской, Рязанской, Московской, Орловской и Тверской; а другія доставлены: Пошехонскія А. Н. Кастеринымъ, Санктпетербургскія и Ярославскія Н. Т. Яковлевымъ, Тихвинскія Парихинымъ, Уральскія В. Н. Далемъ.

РУССКІЯ СВЯТКИ.

Никогда Русская жизнь не является въ такомъ раздольи, какъ на Святкахъ: въ эти дни всѣ Русскіе веселятся. Всматриваясь въ Святочные обычаи, мы всюду видимъ, что наши Святки созданы для Русскихъ дѣвъ. Въ посидѣлкахъ, гаданіяхъ, играхъ, пѣсняхъ все направлено къ одной цѣли — къ сближенію суженыхъ; въ городахъ и селеніяхъ люди заживаютъ одной семьей — и все для суженыхъ. Именно тогда только и видимъ, какъ веселый разгулъ шевелитъ Русскими сердцами, какъ родное раздолье представляетъ на яву нашъ народный бытъ. Только въ Святочные дни юноши и дѣвы сидятъ за просто, рука объ руку; суженыя явно гадаютъ при своихъ суженыхъ, старики весело разсказываютъ про старину и съ молодыми сами молодѣютъ; старушки грустно вспоминаютъ о житьѣ дѣвичьемъ и съ радостію подсказываютъ дѣвушкамъ пѣсни и загадки. Наша старая Русь воскресаетъ только на Святкахъ.

Вѣрно каждый изъ Русскихъ пожелалъ бы знать: когда начались наши Святки? Тщетное желаніе въ наши дни! Посмотрите только, какъ наши старые обычаи, незаписанные, необъясненные, скрывались вмѣстѣ съ старыми людьми, исчезали вмѣстѣ съ прошлыми годами, и потомъ посудите сами, какъ поздно юное поколѣніе вздумало сбирать преданія отцовъ и дѣдовъ. Кто, послѣ этого, дорожа родными обычаями, осмѣлится прибѣгать къ ничтожнымъ предположеніямъ, когда нѣтъ вѣрнаго указанія, когда нѣтъ стараго повѣствованія. Въ наше время уже стыдно приписывать всю необъяснимую старину временамъ нехристіанскимъ Русскаго народа. Зачѣмъ думать о небываломъ, зачѣмъ помышлять, что всѣ данныя нашей народности объяснены? Этого нѣтъ, и вотъ почему мы не можемъ сказать: изъ какой страны перешли къ намъ Святочныя преданія? гдѣ они приняты и усвоились? гдѣ они измѣнились и временемъ и людьми? такъ ли эти Святки забавляли нашихъ бабушекъ, какъ теперь утѣшаютъ нашихъ дѣвъ? Предъ нами только люди говорятъ и поютъ о быломъ по памяти; а памятниковъ, объясняющихъ нашу народность, не существуетъ. Мы, Русскіе, такъ богаты своею народностію, что ни одно Славянское поколѣніе не можетъ сравняться съ нами; но такъ бѣдны предъ ними описательными собраніями, что стыдно и вспоминать. Можетъ быть, со временемъ, и мы соберемъ завѣтныя были нашихъ отцевъ и дѣдовъ; а теперь:

> Благословите, братцы, старину сказать,
> Какъ бы старину стародавнюю,
> Какъ бы въ стары годы, прежніе,
> Во тѣ времена первоначальныя.

Въ старину Русскія Святки бывали не въ тѣ годовыя времена, какъ нынѣ приходится намъ пировать на нихъ. Прежде наши дѣды праздновали Святки въ послѣднихъ дняхъ десятаго мѣсяца; а это бывало тогда, когда они считали свой годъ съ Марта. Послѣ ихъ жили другіе люди съ своими обычаями, и тогда дѣдушки начинали пировать Святки въ концѣ четвертаго мѣсяца; а это измѣнилось тогда, когда они начали считать свой годъ съ Сентября. Послѣ и этой перемѣны вышло новое постановленіе: наши дѣды стали праздновать Святки въ концѣ двѣнадцатаго мѣсяца; а это совершилось тогда, когда Великій Петръ заблагоразсудилъ начинать новый годъ съ Января. Въ этомъ заключается вся исторія Русскихъ Святокъ, и здѣсь-то конецъ книжному сказанію. Правда, здѣсь нѣтъ и въ поминѣ Русскихъ Святокъ; но они сохраняются въ словесныхъ преданіяхъ. Какъ не велики, какъ не обширны эти преданія, но Русскія Святки еще обширнѣе, такъ что нѣтъ ни словъ, ни рѣчей пересказать всего.

Правдивая сказка сказывается про Святки Московскія, Тульскія, Калужскія и Рязанскія.

Подъ конецъ Филипповокъ, когда ста-

рики начинали подумывать о закупкѣ скромнаго, старушки уже раздумывали прошлогоднюю думу: въ чьемъ-то домѣ праздновать Святки? кого-то созывать на Святочные вечера? какихъ дѣвушекъ сбирать погостить къ своимъ дочкамъ? Эти думы гадались не въ своемъ домѣ и не съ одной своей головой. На Руси изстари велось посѣщать во время Филипповокъ родныхъ и знакомыхъ. Молодыя женщины съ утра хаживали на весь день къ роднымъ съ работами, а пожилыя приходили за ними уже послѣ вечеренъ, посовѣтывать и потолковать со старушками. Въ этихъ-то совѣтахъ матушки болѣе всего хлопотали о своемъ задумываньи и, какъ опытныя, ссорились съ молодыми невѣстками, когда онѣ твердили о своей роднѣ. Очень часто добрый совѣтъ оканчивался словами: «еще далеко до Васильева вечера; успѣемъ послѣ попридумать; не во гнѣвъ вашей милости, скажемся тогда;» но это бывало только тогда, когда матушки хотѣли поставить на своемъ. Послѣ совѣтовъ начинались пересылки. Нянюшки и бабушки ходили изъ двора во дворъ, улаживали дѣло миромъ да согласіемъ.

Домъ богатый, зажиточный, гдѣ есть невѣста, «гдѣ живутъ довольно,» всегда выбирался для празднованія Святокъ. Изъ богатаго дома матушка заблаговременно начинала посѣщать родныхъ, приглашать старыхъ и малыхъ на Святки, всѣхъ поименно, по отечеству, съ поклонами и просьбами. За ними, на другой день, снаряжались нянюшки «нарядным дѣломъ» по домамъ: «просить такую-то дочку погостить на Святки.» Нянюшекъ съ нарядным дѣломъ принимали со всею почестью. Въ то время, какъ онѣ «по наряду раздавали поклоны» поименно отъ каждаго и объявляли приглашеніе, хозяйка хлопотала объ угощеніи. За чарою вина нянюшки высказывали: какихъ приглашаютъ суженыхъ и какихъ нѣтъ побывать на посидѣлкахъ. Въ числѣ званыхъ всегда бывали изъ суженыхъ сестрицы братцы. Объ чужихъ нянюшки не высказывали при всѣхъ и даромъ. Это только разсказывалось на проводахъ, когда догадливая хозяйка вводила нянюшку въ кладовую и тамъ, за каждую вѣсточку, надѣляла узелочками съ Украинскими привозами. Дѣвушки въ это время помышляли о своемъ: онѣ посматривали и примѣривали матушкины наряды, а стороной засылали добрую бабушку развѣдать о товаркѣ: въ чемъ она придетъ на Святки и съ кѣмъ? Всѣ эти пересылки и наряды оканчивались за три дни до звѣзды. Таковъ былъ обычай, и дѣлалось ни раньше, ни позже.

Наставалъ «Великій день». Всѣ православные разговлялись въ своихъ домахъ, въ своей семьѣ. Это бывало очень рано, и такъ рано, что старики высыпались до полуденъ. Едва только старики начинали просыпаться, молодые входили къ нимъ съ просьбами: сыновья просились поздравить тестя съ тещею, невѣстки упрашивали поклониться отцу съ матерью. Свекровь, отпуская дѣтей, на проводахъ приказывала невѣсткѣ поразвѣдать о суженыхъ. За ними вслѣдъ являлись, въ вечеру, матушкины задушевныя гостьи: «бабки-позыватки.» Этимъ гостямъ предлагались всѣ возможныя угощенія, потому что матушки страшились ихъ зловѣщаго языка. За угощеніями и распросами о чужихъ домахъ, поручалось имъ побывать у всѣхъ родныхъ и знакомыхъ, попросить по усерднѣе и по ласковѣе всѣхъ гостей къ себѣ въ такой-то день. Получивши подарки, бабки-позыватки рано утромъ начинали обходить дома. Послѣ такого почетнаго приглашенія, всѣ званыя женщины начинали снаряжаться. Для убора дѣвушекъ приглашались особенно родные и знакомые.

Отцы семействъ также не оставались безъ дѣла; они заранѣе приглашали къ себѣ Хожалыхъ Сватовъ, людей опытныхъ и свѣдущихъ. Женщины въ это дѣло не вмѣшивалися. Сватъ всегда выходилъ утромъ, съ палкою въ рукахъ, для приглашеній. Входя въ домъ, онъ молился иконамъ, кланялся хозяевамъ и говорилъ:

«Филимонъ Спиридоновичъ и Анна Карповна кланяются вамъ, батюшка, Артамонъ Трифоновичъ, и вамъ, матушка, Агафья Нелидовна.»

Проговоривши, Сватъ кланялся въ поясъ, а ему отвѣчали съ поклонами:

«Благодаримъ покорно Филимона Спиридоновича и Анну Карповну.»

Сватъ снова начиналъ:

«Приказали де они васъ, батюшка, Артамонъ Трифоновичъ и васъ, матушка, Агафья Нелидовна покорно просить: на вечеръ посидѣть, на красныхъ дѣвушекъ посмотрѣть, хлѣба соли откушать, гуся порушить.»

На привѣтныя слова Свата отвѣчали:

«Напрасно Филимонъ Спиридоновичъ и Анна Карповна безпокоятся; мы, то есть, люди свои, и безъ этой чести постараемся побывать.»

Сватъ говорилъ:

«Приказали де они вамъ, батюшка, Артамонъ Трифоновичъ и вамъ, матушка, Агафья Нелидовна, вспомянуть: ужъ такъ испоконъ вѣка заведено; не нами началось, не нами и кончится. Не порушайте пира, не вводите въ изъянъ добрыхъ людей. Безъ васъ-то нѣтъ у Филимона Спиридоновича пира; безъ васъ-то нѣтъ у Анны Карповны дѣвичьяго веселья.»

«Правда, правда, Сватушка! Для пира у Филимона Спиридоновича достанетъ всего и будутъ гости» — говорилъ хозяинъ.

«Вѣдь, мы не первые гости у Анны Карповны; и безъ нашихъ дѣтокъ составится дѣвичье веселье» — говорила хозяйка.

«Что же прикажете сказать Филимону Спиридоновичу и Аннѣ Карповнѣ?» — говорилъ Сватъ.

«Кланяйся, Сватушка, Филимону Спиридоновичу и Аннѣ Карповнѣ. Побываемъ, непремѣнно побываемъ.»

Наставалъ первый Святочный вечеръ. По улицамъ тянулись поѣзды; у воротъ стояли толпами женщины. Поѣздами везли дѣвушекъ въ званый домъ погостить на Святкахъ. Дѣвушку-невѣсту провожали: матушка, нянюшка, подруги-дѣвицы, бабушки и знакомыя. Къ поѣзду присоединялись и постороннія женщины, изъ любопытства: посмотрѣть на поѣздъ; на комъ какіе наряды, какъ будутъ принимать гостей въ званомъ домѣ. Во первыхъ саняхъ поѣзжанъ сиживали: матушка съ дочкою, въ ногахъ любимая подруга, какая нибудь бѣдная дѣвушка; въ другихъ саняхъ накладены были въ разныхъ узлахъ наряды, гостинцы и подарки, сидѣли провожатыя. Чѣмъ болѣе былъ поѣздъ, тѣмъ болѣе славы, тѣмъ почетнѣе для званаго дома. Впереди поѣзда шла бабка-позыватка. Гости, подъѣзжая къ воротамъ званаго дома, стучались и дожидали встрѣчи, не выходя изъ саней. Хозяинъ съ хозяйкою выходили встрѣчать прошеныхъ гостей къ воротамъ. Пока хозяева чрезъ порогъ калитки приглашали гостей, провожатые вынимали изъ саней узелки. По окончаніи всѣхъ привѣтствій, гости вступали на дворъ и здоровывались другъ съ другомъ. Въ огромныхъ сѣняхъ встрѣчала гостей дочка съ подругами и нянюшками. Гости входили въ покои, молились, кланялись, цѣловались и ни какъ не хотѣли садиться. Для гостей не то было время. Почетныхъ гостей приглашали не хотя и гости не обижались. Таковъ былъ обычай. Во время этихъ споровъ нянюшки сдавали на руки наряды, бабушки раздавали дѣтямъ гостинцы, а матушки одѣляли сѣнныхъ дѣвокъ подарками. Матушка, оставляя дочку въ званомъ домѣ, со слезами просила: «пріютить свою ненаглядную дитятку, утѣшать и миловать.» Увѣренія хозяйки дома «не осрамимъ себя, удоволимъ дѣтище, не бросимъ себя въ грязь,» — сопровождали пріѣзжихъ до воротъ. Таковы были встрѣчи для всѣхъ дѣвушекъ.

Званыя дѣвушки тотчасъ дружились. Встарину дѣвушки иначе не называли другъ дружку какъ подруженьками, а хозяева и вся домашняя челядь красными дѣвушками. Съ перваго вечера подруженьки придумывали разныя затѣи: что дѣлать на Святкахъ? чему быть днемъ, чему вечеромъ? Новыхъ гостей угощали всѣми возможными яствами, вареными и печеными; укладывали спать на пуховыхъ перинахъ, посреди комнаты, на полу, съ разными гаданіями.

Съ ранней зари всѣ православные поднимались; у всѣхъ былъ въ головѣ Васильевъ вечеръ. Въ званомъ домѣ суетились всю ночь.

Матушки снаряжали посылки къ сосѣдямъ узнать: къ кому пріѣзжали вчера поѣзды? сколько было саней? сколько было людей? въ чемъ были наряжены? какъ много вынимали изъ саней узелковъ? какъ встрѣчали поѣздъ? кого дарили поѣзжане? Всѣ эти распросы были необхо-

димы, потому что изъ нихъ заключалось уваженіе ко званому дому.

Бабушки ссорились со всѣми; нянюшки готовили взварецъ; вся дворня, еще до свѣта, упивалась зеленымъ виномъ и, не видя Божьяго дня, ходила ощупью.

Въ другихъ домахъ матушки насыпали кулечки съ гостинцами и снаряжали нянюшекъ провѣдывать дочекъ. Однѣ только дѣвицы спали до обѣденъ.

Хозяйка съ нетерпѣніемъ ожидала обѣденъ, чтобъ поднять своихъ гостей. Едва только послышался колокольный звонъ, она уже изъ двери приговаривала:

«Пора, пора, красныя дѣвицы вставать! Ваши суженые давнымъ давно встали; три овина обмолотили; на двухъ базарахъ побывали; трехъ свиней продали; на вороныхъ коняхъ проѣзжали; своихъ суженыхъ искали. Что снилось? что во снѣ видѣлось?»

Съ послѣднимъ словомъ, растворяя двери, входила она съ бабушками къ краснымъ дѣвицамъ разгадывать сны. Въ числѣ этихъ бабушекъ всегда находились: свахи, подосланныя отъ суженыхъ, бабки-позыватки, подговоренныя съ вечера матушками замѣчать за свахами и разгадывать сны, когда откроются недоброжелатели. Хозяева не могли отказывать свахамъ и бабкамъ-позывакамъ: это значило бы нарушать старые обычаи и ссориться со всѣмъ городомъ. Дѣвичьи сны и отгадыванія бабушекъ повторяются отъ слова до слова на всѣхъ Святкахъ. Вотъ дѣвичій сонъ.

«Послушай, Ивановна, мой сонъ» — начинала прежде всѣхъ разсказывать богатая дѣвушка.

«Ну, ну, говори моя ягодка малиновая, Аграфена Ѳедосѣевна,»

«Вотъ видишь, Ивановна. Только что я вздремнула, и уже вижу: взошелъ мѣсяцъ, да гдѣ же? у батюшки въ терему. Золоты рога глядятъ во зеленъ садъ, а въ зеленомъ саду цвѣтутъ цвѣты алые, ростутъ яблоки наливные, поютъ птички малиновки. Какъ увидѣла все это, да такъ испугалась, что завернулась въ подушку.»

«Эка ты, подруженька! Ты бы зачуралась» — говорили дѣвушки.

«Страшно было, дѣвушки! Хочу сказать, языкъ не воротится; хочу привстать, ноги подкатываются. Слышу кто-то душитъ меня подушкою. Встаю. Что же вижу? По саду гуляетъ Жаръ-птица. Я въ садъ иду, она на встрѣчу мнѣ; я отъ ней бѣгу, она за мной летитъ, я къ батюшкѣ во теремъ, она за мной. Вхожу въ покои, а Жаръ-птица взлетѣла на мѣсяцъ, сѣла на золотомъ рогѣ, и манитъ меня къ себѣ. Не помню, какъ я поднялась къ мѣсяцу, какъ сѣла рядомъ съ Жаръ-птицею.»

«Что же дальше?» — спрашивала бабушка.

«Ничего больше не помню, Ивановна.»

«Ты не хватала ли рукой за голову?»

«Не знаю.»

«Мы всѣ видѣли, Ивановна, какъ Аграфена Ѳедосѣевна положила руку подъ голову и заснула крѣпко.»

«То-то и есть, красныя дѣвицы; сами виноваты, что ваши сны забываются.»

«Скажи намъ лучше, Ивановна, что значитъ сонъ Аграфены Ѳедосѣевны?»

«Да какой же хорошій сонъ, красныя дѣвицы. Слушайте только! Свѣтелъ-то мѣсяцъ, то батюшка родимый, Ѳедосѣй Ивановичъ; что золоты-то рога у мѣсяца, то дѣтки у Ѳедосѣя Ивановича, Аграфена Ѳедосѣевна да Иванъ Ѳедосѣевичъ; что зеленой-то садъ, то чужой дворъ; что въ зеленомъ-то саду цвѣтутъ цвѣтки алые, то молодыя молодушки, почетныя невѣстушки; что яблочки-то наливные, то молодые деверьюшки; что поютъ-то птички малиновки, то красныя дѣвушки; что Жаръ-птица-то во зеленомъ саду, то суженый у себя во двору; что Жаръ-птица-то у Ѳедосѣя Ивановича во терему, то у него зять во пиру; что Жаръ-птица сидитъ на золотомъ рогу, что Аграфена Ѳедосѣевна на другомъ, то быть замужемъ. Право такъ!»

«А какъ скоро, Ивановна, сбудется сонъ?»

«Ахъ, родимыя мои голубушки! Вѣдь сонъ-то не доспился. Вѣстимо скоро, такъ скоро, что не увидишь, какъ и Святки пройдутъ; не замѣтишь, какъ свахи придутъ; не подмѣтишь, какъ росписи укрѣпятъ; не учуешь, какъ рукобитье пробьютъ и за дубовый столъ посадятъ; не взвидишь, какъ подъ вѣнецъ поставятъ, а только опом-

нишься, какъ во княжемъ пиру возвеличать. Вотъ какъ скоро!»

«Ужъ ты всегда такъ, Ивановна, говоришь. Мой сонъ совсѣмъ не то означаетъ. Я тебѣ не вѣрю.»

«Охъ, ты, Аграфена Ѳедосьевна, вѣдь, ты у насъ съ весны заневѣстилась; вѣдь суженые-то давно ужъ заглядывали роспиcи.»

«Что ты, что ты, Ивановна?» — шептала хозяйка бабушкѣ. «Не пускай въ огласку дѣло Ѳедосья Ивановича. Можетъ быть что и разладится.

«Ужъ что знаю, такъ знаю; а притаманнаго ни кому не открою. У насъ свадьба...

Соболемъ Агрэфенушка всѣ лѣса прошла,
Крыла лѣса, крыла лѣса чернымъ бархатомъ,
Въ путь катила, въ путь катила золотымъ кольцомъ.

«Будетъ, будетъ пѣть, Ивановна. Дѣвушкамъ пора вставать; ужъ взварецъ простылъ.»

Дѣвушки вставали, одѣвались и пили взварецъ. Бабка-позыватка отправлялась изъ званаго дома просить: матушекъ посмотрѣть на забавушки ненаглядныхъ дочекъ; батюшекъ посидѣть на вечеринки; тетушекъ, бабушекъ, кумушекъ, нянюшекъ и всю домашнюю челядь въ гостяхъ побывать. За чарою вина бабка высказывала: какіе суженые приглашены; а сама спрашивала: съ кѣмъ они намѣрены побывать на посидѣлкахъ. За всякое извѣстіе награждали ихъ деньгами платками, гостинцами. Вслѣдъ за бабкой-позываткой, отправлялись въ званый домъ нянюшки съ гостинцами, съ наставленіями: «такъ-ли одѣта ихъ дочка, весело ли ей, не скучаетъ ли она, не надобно ли ей чего.» По секрету поручалось ей сказать, «съ какимъ суженымъ она должна быть привѣтливѣе», тайно отъ всѣхъ развѣдать, «какіе суженые ихъ провѣдывали».

Нянюшекъ всегда принимали ласково. Сначала хозяйка гнѣвалась, «зачѣмъ приносятъ гостинцы.» Нянюшка уговаривала принять гостинцы и лакомить дѣвушекъ. Хозяйка доказывала, что въ ея домъ весело гостямъ и всего вдоволь. Споры оканчивались принятіемъ кулечка и угощеніемъ нянюшки. Дѣвушки окружали посланницу, спрашивали о родныхъ и знакомыхъ. Нянюшка разсказывала «о тоскѣ матушкиной, грусти батюшкиной, скукѣ братцовой». Бывало не рѣдко, что дѣвушки плакали отъ этихъ разсказовъ, и тогда только «развеселивались», когда подруженьки начинали утѣшать. Заботливыя нянюшки, исполняя въ точности порученіе матушекъ, увеселяли дѣвицъ прибаутками, загадками, гаданіями. При нянюшкахъ хозяйка являлась съ завтракомъ. Всѣ яства подавались на оловянныхъ блюдахъ. Дѣвушки только отвѣдывали; онѣ много не ѣдали: зоркіе глаза нянюшекъ разнесли бы злыя вѣсти по городу. За сытными блюдами начинались совѣщанія, «какія бы сыграть игры». Дѣвушки-причудницы спорили, ссорились и отъ досады прекращали завтракъ. Нянюшки подслушивали и передавали вѣсти матушкамъ съ разными дополненіями, догадками сосѣдей, съ своими намеками. Встарину часто бывало, что мать обиженной дѣвушки пріѣзжала нечаянно въ званый домъ, брала съ собою дочь, приговаривая «будто бы по ней встосковался отецъ, а она сама видѣла дурные сны». Догадливые люди понимали и судили посвоему.

Если завтракъ оканчивался мирно, нянюшки прощались съ дѣвицами. На проводахъ нянюшка уводила «хоженую» въ уголокъ распросить кой-о-чемъ. Дѣвицы провожали нянюшекъ «съ наказами»: «кланяться батюшкѣ и матушкѣ, всѣмъ роднымъ и домашнимъ»; хозяйка приказывала: «просить родителей навѣдать дочекъ, побывать на вечеръ». Нянюшекъ провожали до воротъ всею семьею.

Крѣпкими запорами затворялись ворота; ни одно постороннее лицо не впускалось на дворъ; въ это время красныя дѣвицы катались съ горъ, бросали снѣжками другъ въ дружку. Эти утѣхи недолго продолжались: холодъ загонялъ дѣвицъ въ комнаты.

Старшая нянюшка предлагала дѣвушкамъ святочныя игры; но дѣвицы не рѣшались на игры; каждая поджидала братца. Это была роковая минута для нихъ. Каждая дѣвушка предполагала въ чужомъ братцѣ суженаго, вспоминала матушкины наставленія. Когда братцы приходили провѣдывать сестрицъ, тогда начинались игры. Въ числѣ самыхъ важныхъ игръ почитались: «сижу-посижу», потому что

въ этой игрѣ часто приходилось дѣвушкамъ сидѣть на колѣняхъ братцовыхъ, «коза и слѣпой козелъ.»

Съ окончаніемъ игръ, братцы прощались съ сестрицами и уходили. Дѣвушки однѣ начинали загадывать загадки, продолжая ихъ разгадывать до самаго вечера. Наши народныя загадки высказывались только въ одно это время. Между загадками старушки разсказывали сказочки, были о старомъ житьѣ-бытьѣ. Важность этихъ разсказовъ превосходитъ всякое вѣроятіе. Надобно быть Русскимъ, надобно дорожить всѣми обычаями, чтобы оцѣнить ихъ достоинство. Разсказы чужеземцевъ о нашей старинѣ до невѣроятности жалки и ничтожны предъ Русскими воспоминаніями. Кто разъ былъ внимательнымъ очевидцемъ Святокъ, тотъ никогда не повѣритъ чужеземнымъ описаніямъ; онъ увѣренъ, что только на Сваткахъ можетъ встрѣтиться лицомъ-къ-лицу съ забытою, старою Русскою жизнію: въ это время она воскресаетъ со всѣми ея прелестями и причудами, со всѣми восторгами и вѣрованіями. Народная память, сохраняя завѣтныя были, олицетворяла ихъ въ преданіяхъ. Вотъ почему наши загадки и пословицы, не бывъ вписаны въ сказаніяхъ, не гибли, какъ сгибли памятники временъ минувшихъ — лѣтописи...

Въ сумерки начинали съѣзжаться званые гости. Хозяинъ встрѣчалъ у воротъ гостей, хозяйка дожидалась у крыльца, дѣвицы выбѣгали въ сѣни. Послѣ длинныхъ привѣтствій, всѣхъ возможныхъ пожеланій, упрековъ за спѣсивость, хозяева сажали гостей по мѣстамъ. Въ размѣщеніи гостей соблюдался строгій выборъ: въ комъ прочили добро, того сажали выше; въ комъ мало нуждались, того отводили въ сторону. Богатые старики всегда занимали первыя мѣста по правую сторону; часто рядомъ саживали съ ними пожилыхъ женщинъ. Въ богатомъ домѣ всегда бывали женщины здоровыя, плотныя, дородныя; гостья съ такими преимуществами была красою пира; для ней хозяева отводили почетное мѣсто съ низкими поклонами. Молодыя женщины сиживали по лѣвую сторону, сохраняя глубокое молчаніе; имъ дозволялось только заниматься «переборочкою», т. е. положить руки на колѣни, сложить пальцы съ пальцами, и вертѣть однимъ большимъ пальцемъ около другаго. Женщина въ такомъ положеніи почиталась самою степенною; свекрови и матери взирали на нее съ улыбкою; мужья и братья гордились такою важностію; посторонніе перешептывались отъ зависти. Молодые люди, особенно суженые, сидѣли въ уголкахъ на одной сторонѣ съ мужчинами. Дѣвицъ усаживали чиннымъ порядкомъ, пониже молодушекъ; имъ дозволялось перешептываться между собою, (вслухъ нельзя имъ было ничего говорить), по временамъ выходить за гостинцами въ другія комнаты, откуда выглядывали нянюшки. Гости могли только изрѣдко смотрѣть на дѣвицъ, но вмѣшиваться въ дѣвичьи разговоры никто не дерзалъ.

Гости пріѣзжали «въ тяжкихъ нарядахъ», въ праздничныхъ уборахъ. Русскіе наряды отличались всегда своею постоянностію и вѣковою прочностію. Платье, сшитое отцомъ, доставалось на жизнь сына и внучатъ. Мужчины не разбирали, ловко ли сидитъ кафтанъ на таліи, коротки, или длинны рукава: платье всегда шивалось длинное и широкое; съ такими угодьями оно бывало всѣмъ впору. Эта прочность характеризовала семейство и, при богатомъ состояніи, почиталась родовымъ достоинствомъ. Большая бобровая шапка, соболья или лисья шуба, кафтанъ съ мѣдными или серебряными пуговицами, съ шнурами, нашитыми на спинѣ, шелковая Персидская или кумачная подпояска — составляли нарядъ праздничный, нарядъ богатаго гостя. Женскіе наряды сохраняли еще болѣе постоянства и характеризовали не только женщинъ, но даже цѣлые города. По кокошнику или сборнику можно было узнать изъ какого кто города. Таковы были кокошники Калужскіе, Бѣлевскіе, Осташскіе, Торжковскіе, Московскіе; сборники Тульскіе, Московскіе, Орловскіе, Мценскіе, Ярославскіе. Кокошники и сборники дѣлывались изъ шелковыхъ матерій яркихъ цвѣтовъ, или изъ краснаго и малиноваго бархата, съ позументами по краямъ, съ жемчужными узорами. Серьги и шейные уборы, составляя важную часть приданаго, считались вѣковѣчными; шейные уборы состояли изъ жемчужныхъ нитокъ, повязокъ, веревочекъ и пузырей. Нитки нанизывались изъ бурмитскаго жемчуга,

веревочки и пузыри изъ самаго мелкаго жемчуга, повязки вышизывались жемчугомъ въ видѣ широкой тесемки. Этою работою занимались дѣвушки-невѣсты постами, когда сбирались родныя и знакомыя женщины «посидѣть на день». Кромѣ-того, на руки надѣвались жемчужные нарукавники. Сарафаны парчевые, епанчи штофныя съ собольею опушкою, бѣлые кисейные накрахмаленные рукава длиною въ три аршина, серебряная цѣпочка на шеѣ, косынка, бѣлая кисейная фата на кокошникѣ, кастровые чулки, башмаки съ большими каблуками или черевички — украшали замужнихъ богатыхъ женщинъ, являвшихся на обѣды и вечеринки. Уборы красныхъ дѣвицъ состояли изъ душегрѣйки, сарафана, косынки, алой ленты для русой косы; но всѣ наряды были ничтожны, если дѣвушка имѣла большую, русую косу; этому сокровищу не полагалось цѣны.

Еще до пріѣзда гостей ставили посреди комнаты, всегда ближе къ переднему углу, столъ съ закусками изъ всякой всячины. На оловянныхъ тарелкахъ были насыпаны: орѣхи - простые, каленые, Сибирскіе, Грецкіе, Волошкіе; жамки - груздики, кругляки, угольнички, сердечки, горошки, прянички; пряники - Вяземскіе, Бѣлевскіе, Тульскіе, папушники; яблоки — свѣжія, разныхъ сортовъ, свинцовки, боровинки, грушовки, опортовыя, духовыя, наливныя, арапки, скрижапель, плодовидки, зимовки, яблоки моченыя, сушеныя, Украинскія, пареныя съ квасомъ; изюмъ - крупный и мелкій; коринка; винныя ягоды; черносливъ - Украинскій и заморскій; груши - моченыя, свѣжія, сухія; дули; Калужскіе бергамоты; сушеныя вишни - Владимірскія, родителевка, Василевка, бѣль и Украинскія; варенья - смородинныя, кружовничныя, вишневыя, малинныя (сахарныя и медовыя); сливы - зюзинскія и моченыя; костеника моченая кисточками; брусника моченая; калина съ медомъ упаренная; шептала; пастилы Коломенскія - клюквенныя и яблочныя; клюква моченая. Въ богатыхъ домахъ всѣ эти гостинцы заготовлялись впрокъ, на цѣлый годъ.

Угощеніе гостей начиналось тотчасъ послѣ ихъ пріѣзда. Хозяинъ на деревянныхъ подносахъ, въ серебряныхъ кубкахъ, выносилъ наливки - смородинныя, яблочныя, малиновки, рябиновки; меды - бѣлые, клюквенные; пиво - бархатное, душистое; брагу мартовскую. Каждаго гостя хозяинъ провозглашалъ по имени съ прошеніемъ откушать, а хозяйка, стоя сзади его, кланялась въ поясъ. Ломливый гость не биралъ напитка изъ рукъ хозяина: онъ требовалъ съ настойчивостью, чтобы его угощала хозяйка. Мужъ передавалъ женѣ своей подносъ. Гость, принимая кубокъ, говорилъ тысячи пожеланій каждому въ семействѣ, и выпивалъ для важности съ разстановкою. Такому гостю дозволялось поцѣловать хозяйку. Почетное угощеніе напитками доставалось только на долю стариковъ и старушекъ. Вслѣдъ за напитками, хозяйка обносила гостей закусками, и всегда съ жалобами, что чинные гости мало берутъ. Молодымъ женщинамъ не поднашивали вина; онѣ часто сами выходили въ другія комнаты выпить кваску. Тамъ хозяйка угощала ихъ изъ темнаго стакана, наполненнаго вишневкою или годовалымъ крѣпкимъ медомъ. Дѣвицъ не угощали: они имѣли въ узелкахъ матушкины гостинцы. Суженые всегда считались непитущими.

Послѣ безчисленныхъ угощеній являлись шуты потѣшить гостей. Наряженные въ разное платье, они начинали плясать, разсказывать прибаутки, басенки, сказочки, часто намекая на характеры гостей и слабости матушекъ въ отысканіи суженыхъ. Натѣшивши гостей, хозяева отпускали ихъ съ гостинцами и подарками. За ними вслѣдъ, съ дозволенія хозяевъ и почетныхъ гостей, вхаживали «наряженные». Въ числѣ этихъ наряженныхъ всегда бывали суженые изъ особъ постороннихъ, неприглашенныхъ на вечеринки. Самые забавные уборы наряженныхъ бывали: медвѣдь, коза, слѣпые лазари, бойцы. Вмѣсто масокъ, натирали лицо сажею, подрумянивались кирпичемъ. На голову надѣвалась безобразная шапка. Козу и медвѣдя одѣвали въ овчинные тулупы на выворотъ. Слѣпые лазари являлись въ оборванныхъ кафтанахъ, съ палкою въ рукахъ. Вмѣсто горбовъ подкладывали подъ кафтаны подушки. Гости упрашивали наряженныхъ повеселиться, и наряженные исполняли просьбу гостей. Коза съ медвѣдемъ плясала, лазари пѣли стихеры, бойцы бились и бо-

рились, старухи караулили на огородѣ горохъ и ловили воровъ. Въ числѣ воровъ всегда бывали суженые гости. Если они имѣли враговъ, то эти враги, въ одеждѣ старухи, проговаривали разные упреки подъ видомъ сказки. Обижаться никто не смѣлъ, если только не величали въ сказкѣ поименно гостей. Нескромныхъ наряженныхъ тотчасъ удаляли. Нерѣдко случалось, что близкіе родственники званаго дома бывали въ числѣ наряженныхъ, и если ихъ узнавали, то они тотчасъ перемѣняли свой уборъ. Хозяинъ всегда обязанъ былъ угощать наряженныхъ напитками. Непитущихъ гостей считали за важныхъ людей и провожали съ честію. Когда же они прикушивали наливки, тогда дворовые, при уходѣ, обязаны качать ихъ: таковъ былъ обычай.

Послѣ всѣхъ увеселеній вносили столъ и ставили посреди комнаты. Старики, старушки вставали и давали просторъ молодушкамъ и суженымъ обоего пола. Являлась почетная сваха съ скатертью и накрывала столъ. Старшая нянюшка приносила блюдо съ водою и ставила на столъ. Красныя дѣвицы, молодушки, старушки, суженые снимали съ себя кольца, перстни, серьги и клали на столъ, загадывая надъ ними «свою судьбу». Хозяйка приносила скатерть-столечникъ, а сваха накрывала ею блюдо. Гости усаживались. Въ срединѣ садилась сваха прямо противъ блюда. Нянюшки клали на столечникъ маленькіе кусочки хлѣба, соль и три уголька. Сваха запѣвала первую пѣсню: «хлѣбу да соли». Всѣ сидящіе гости пѣли подъ ея голосъ. Съ окончаніемъ первой пѣсни сваха поднимала столечникъ и опускала въ блюдо хлѣбъ, соль, угольки, а гости клали туда же свои вещи. Блюдо снова накрывалось. За этимъ начинали пѣть святочныя подблюдныя пѣсни. Во время пѣнія сваха разводила въ блюдѣ, а съ окончаніемъ пѣсни трясла блюдомъ. Каждая пѣсня имѣла свое значеніе; но всѣ эти значенія были невездѣ одинаковы. Такъ во многихъ мѣстахъ одно и то же значеніе прилагалось къ разнымъ пѣснямъ, смотря по мѣстному обычаю. Эти значенія: къ скорому замужству; къ свиданію; замужство съ ровнею; замужство съ чиновнымъ; къ сватанію; къ бѣдности; къ сытой жизни; къ свадьбѣ; къ богатству; исполненіе желанія; веселая жизнь; дѣвушкамъ къ замужеству, молодцамъ къ женидьбѣ; счастливая доля; дорога; замужство съ милымъ; прибыль; замужство во дворъ; несчастіе; къ смерти; къ болѣзни; къ радости. По окончаніи каждой пѣсни пѣлся особенный припѣвъ:

Да кому мы спѣли, тому добро.
Слава!
Кому вынется, тому сбудется.
Слава!
Скоро сбудется, не минуется.
Слава!

Послѣднему кольцу теперь въ около-Московныхъ губерніяхъ не поютъ подблюдной пѣсни: ему обрекаютъ горькую участь. Напротивъ того поступаютъ въ Сибири и Заволжскихъ мѣстахъ. Тамъ послѣднему кольцу поютъ свадебную пѣсню, а послѣ его уже катаютъ по полу, смотря въ какую сторону оно покатится: если дѣвушкѣ покатится кольцо къ дверямъ, то къ замужеству, мужчинѣ къ дорогѣ.

Въ селеніяхъ Яренскаго уѣзда Вологодской губерніи совершенно напротивъ совершаются подблюдныя игры. Тамъ приносятъ въ покои пустое блюдо, безъ воды, и ставятъ его на столъ; также приносятъ хлѣбъ, уголь и золу, завязываютъ ихъ въ платки и опускаютъ въ блюдо. Послѣ этого каждый изъ посѣтителей дѣлаетъ изъ платковъ, ширинокъ, полотенецъ разныя фигуры: лошадей, коровъ, ребятъ, птицъ, звѣрковъ, и это все опускаютъ въ блюдо. Игроки становятся кругомъ стола и поютъ первую пѣсню: «Царь-Слава!» Во время пѣнія игроки поднимаютъ вверхъ руки, а при концѣ каждаго стиха притопываютъ ногою. Въ это время почетный гость садится на высокую скамью, и когда пропоютъ первую пѣсню, то игроки поднимаютъ его со скамьи и начинаютъ качать. Качаніе кончилось. Игроки подбѣгаютъ къ столу и съ проворствомъ вынимаютъ изъ блюда, кто что успѣемъ. Послѣ этого складываютъ вещи кучками по угламъ. Игроки завязываютъ глаза, и потомъ ходятъ попарно, мужчина съ женщиною, кругомъ стола, и поютъ сначала Святочныя пѣсни, далѣе Хороводныя. Во время пѣнія игроки стараются схватить вещи со стола. По окончаніи игры развязываютъ глаза и смо-

трять, кому что досталось. По этой вещи начинают разгадывать.

По окончании святочныхъ подблюдныхъ пѣсенъ начинали хоронить золото. Оставшееся кольцо отъ подблюдныхъ пѣсенъ одна изъ дѣвушекъ брала въ руку и ходила около дѣвушекъ, которыя сидѣли, сложивъ руки на колѣняхъ. Пока пѣли первые четыре стиха, она потихоньку клала кольцо въ чьи нибудь руки, а дѣвушки передавали его одна другой. Пѣсня кончилась. Кто хоронилъ золото, тотъ долженъ отгадать у кого оно. Если отгадаетъ, то оканчивалась игра; если же нѣтъ, то опять начинали хоронить золото.

Не имѣя ни положительныхъ, ни отрицательныхъ свѣдѣній о происхождении Русскихъ Святокъ, мы и не доискиваемся этого; но наши подблюдныя игры съ пѣснями зашли къ намъ изъ Греціи. Тамъ извѣстна была игра и пѣсня подъ именемъ: клидона. Гречанки употребляли эту игру тогда, когда желали узнать будущее счастіе или несчастіе въ женидьбѣ, любовь. Собираясь вмѣстѣ, онѣ клали въ сосудъ, наполненный водою, кольца, перстни, монеты, и потомъ вынимали ихъ при пѣніи пѣсенъ. Пропѣтая пѣсня рѣшала участь Гречанки по ея вещи. Греки не употребляли припѣва «слава!»; это только существуетъ у Русскихъ.

Послѣ всѣхъ утѣшеній гости начинали чинно подниматься домой. Хозяева обязаны были упрашивать гостей посидѣть. Проводы и прощанія продолжались по часу и болѣе, до воротъ.

Дѣвушки послѣ гостей, начинали кликать суженаго и ворожить разными способами, подъ руководствомъ опытныхъ нянюшекъ. Глубокая полночь прекращала всѣ святочныя увеселенія.

Послѣ первой вечеринки знакомые и родные сговаривались попировать въ своемъ кружку. Здѣсь мужчины вступали въ свои права и распоряжались по-своему. Въ одинъ вечеръ назначалось для пирушекъ нѣсколько домовъ. Вечернею порою запрягались сани, и молодые, мужъ съ женою, переряженные, съ закрытыми лицами, отправлялись пировать. Скрытныхъ гостей съ радостію принимали, ласково угощали, а между-тѣмъ старались стороною узнавать объ нихъ. Если долго не спознавали гостей, то начиналось качаніе: гостя подхватывали на руки и бросали вверъ, пока онъ покается. Гости открыты — и снова пирушка. Потомъ отправлялись пировать цѣлымъ поѣздомъ въ другіе дома, и праздновали до заутрень.

Въ городахъ и селахъ святочныя ночи посвящены были разъѣздамъ и пирушкамъ для поддержанія родства, прійсканія невѣстъ и суженыхъ. Посадскіе люди никогда не осмѣливались кататься утромъ, какъ бояре, ѣздившіе въ огромныхъ саняхъ большимъ семействомъ, до обѣда, по улицамъ.

Люди бѣдные, неимѣвшіе богатыхъ родныхъ, никогда не призываемые на вечеринки въ число почетныхъ гостей, забавлялись на улицахъ кружками. Наряженные во всѣ возможные каррикатурные виды, они забавляли сами себя. Отважные, предводимые какимъ-нибудь скрытнымъ суженымъ, осмѣливались входить въ званые домы какъ потѣшники. Только однѣ бѣдныя дѣвицы не лишали себя святочныхъ наслажденій: подблюдныхъ пѣсень, гаданій и загадокъ

Въ городахъ — Крестцахъ, Тихвинѣ и Новгородѣ святочные потѣшники называются окрутниками, наряженными. Тамъ съ вечера 28 декабря всѣ сословія, подъ видомъ окрученныхъ, ходятъ и ѣздятъ толпами по Новогороду, отъискивая свѣчу. Свѣча, поставленная на окно, показывала приглашеніе; та же свѣча, снятая съ окна, служила для нихъ отказомъ. Вообще, гдѣ живутъ суженыя, всегда уже ставится свѣча; иначе позоръ падаетъ на домъ, на все семейство. Обыкновенные наряды окрученныхъ: кафтанъ, сшитый изъ рогожи, на которомъ, вмѣсто пуговицъ, висятъ Валдайскія баранки; казакинъ, составленный изъ разныхъ, цвѣтныхъ лоскутовъ сукна и холстины; полотенцо, повязанное чрезъ плечо съ висячимъ косаремъ; красный кушакъ съ деревяннымъ охотничьимъ ножемъ. Въ числѣ окрутниковъ бывали особенные люди: рольники, разсказывающіе исторіи, сказки, поющіе пѣсни.

Русскія Святки въ Торопцѣ, уѣздномъ городѣ Псковской губерніи сохранили особенное названіе: Субботки. Сходствуя въ названіи съ Святками Богемскими, Галиційскими, Карпато-Русскими, они отличаются обрядовыми положеніями. Торо-

пецкими субботками распоряжаются честныя вдовушки, извѣстныя своимъ незазорнымъ поведеніемъ. Въ срединѣ комнаты вдовушка вѣшаетъ бумажный цвѣтный фонарь, украшенный лентами. Въ этомъ фонарѣ горятъ сборныя свѣчи. Встарину за ранѣе дѣвушки приносили къ вдовѣ свои свѣчки, съ особенными замѣтками. Чья свѣча долѣе прогоритъ, та дѣвушка болѣе всѣхъ проживетъ. Если свѣча горитъ ровно, не плыветъ, то дѣвушка будетъ имѣть покойную жизнь; если чья свѣча плыветъ, то замужняя жизнь будетъ безпокойная, несчастная. Для дѣвушекъ устроивались скамейки уступами, отъ пола до потолка, въ видѣ полукруга; а по другимъ сторонамъ ставились скамейки для мужчинъ.

Предъ вечеромъ дѣвушки-Торопчанки сбираются ко вдовушкѣ на субботки въ пышныхъ старинныхъ нарядахъ. Пока производятся сборы, усаживанія, вороты запираются на крѣпко: ни одинъ мужчина не впускается. Когда оканчиваются всѣ распоряженія, дѣвушки поютъ пѣсни. Въ это время отпираются вороты и начинаютъ входить холостые мужчины. Величальными пѣснями дѣвушки встрѣчаютъ гостей. За величаніе каждый даритъ щедро дѣвушекъ. Величальные сборы отдаются дѣвушками въ пользу вдовушки за ея хлопоты и уборы. Женатые мужчины и замужнія женщины прежде не имѣли права присудствовать на субботкахъ: имъ дозволялось только смотрѣть изъ другой комнаты или съ улицы въ окошки; но нынѣ это постановленіе измѣняется. Субботки для Торопчанокъ приносятъ неисчислимыя выгоды. Здѣсь невѣсты высматриваютъ себѣ жениховъ, а женихи выбираютъ невѣстъ.

Таковы были на Руси Святочныя увеселенія православныхъ людей, нашихъ отцовъ и дѣдовъ. Самый важный вечеръ былъ Васильевъ; онъ составлялъ украшеніе Русскихъ Святокъ; для него дѣлались всѣ приготовленія и почетныя и семейныя вечеринки; въ этотъ только вечеръ всѣ гаданія почитались важными и сбыточными.

Русскія святки оканчиваются въ Заокскихъ губерніяхъ вечеромъ четвертаго Января. Въ этотъ вечеръ матушки пріѣзжали нарядныиъ дѣломъ въ званый домъ, и, послѣ гаданій, увозили съ собою дочекъ.

То старина, то и дѣянье...

Русскія святочныя пѣсни, называемыя подблюдными, игральными, по ихъ приноровленію къ игрѣ, и обрядными, безъ всякаго сомнѣнія принадлежатъ временамъ отдаленнымъ, для опредѣленія которыхъ нѣтъ доказательствъ. Какъ созданіе народное, пѣсни носятъ на себѣ особенный отпечатокъ-напѣвъ, отличающійся отъ всѣхъ другихъ мѣрною расчетливостію въ тонахъ.

Русскія святочныя пѣсни бываютъ: анапестическія, дактилохореическія, съ окончаніемъ трибрахическимъ, хореическимъ, дактилическимъ, ямбическимъ; или состоятъ: изъ анапестопиррихіевъ. Размѣръ стиховъ бываетъ: двухстопный, трехстопный, четырехстопный. Вотъ примѣры:

Щука шла | изъ Нова | города.
Она хвостъ | волокла | изъ Бѣла-
озера.

Какъ на щу | къ чешуй | ка серебряная.

Здѣсь трехстопный анапестическій стихъ имѣетъ трибрахическое окончаніе.

Растворю | я квашон | ку на донышкѣ.

Здѣсь тотъ же трехстопный анапестическій стихъ имѣетъ дактилическое окончаніе.

Ахъ ты свѣй, | мати, мучи | цу, пеки |
пироги;
Къ тебѣ бу—дутъ го | сти неча | ян-
ные:
Къ тебѣ бу | дутъ въ лаптяхъ | ко мнѣ
въ сапогахъ,

Здѣсь четырехстопный анапестическій имѣетъ Ямбическое окончаніе.

И я золото | хороню, | хороню,
Чисто серебро | хороню, | хороню.

Эти трехстопные стихи состоятъ изъ анапестопиррихія и 2 анапестовъ.

Жемчужина | окатная,
До чего тебѣ | докатитися?

Здѣсь 1 стихъ состоитъ изъ 2 пеоновъ, а 2 есть анапестопиррихическій; но по новѣйшему стихосложенію эти же стихи со-

ставляютъ чистые ямбическіе трехстопные, дактилическаго окончанія.

Русскія Святочныя пѣсни были собраны мною въ разныхъ мѣстахъ. Пѣсни подблюдныя, означенныя № 1, 2, 3, 4, 7, 8, 9, 13, 14, 15, 16, 17, 19, 21, 24, 25, 30, — напечатаны со словъ Тульскихъ пѣсельниковъ; пѣсни № 5, 11, 18, 27—сообщены мнѣ изъ Казани; пѣсни № 6, 10, 12, 20, 22, 23, 26, 28, 29—напечатаны со словъ Московскихъ пѣсельниковъ; пѣсни № 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, доставлены мнѣ изъ Рязанской губерніи. Пѣсни игорныя напечатаны со словъ Тульскихъ пѣсельниковъ. Что же касается до разнорѣчій одной и той же пѣсни, то онѣ всѣ означены въ примѣчаніяхъ.

Варіанты Святочныхъ пѣсенъ, представленные для открытія всѣхъ злоупотребленій, допущенныхъ издателями пѣсенниковъ, указываютъ на постепенныя измѣненія нашей народности. Увѣренъ твердо, что любители нашихъ пѣсенъ обратятъ на это вниманіе и постараются уничтожить всѣ своеволія издателей пѣсенниковъ. Иначе разрушеніе можетъ довести наши пѣсни до совершеннаго уничтоженія.

Пріобрѣтеніе пѣсенниковъ другихъ Славянскихъ поколѣній сопряжено съ невѣроятнымъ затрудреніемъ; къ намъ доходятъ только книги Французскія, Нѣмецкія, Англійскія, а изъ Славянскихъ едва одна изъ тысячи, и то завозится по случаю. Теперь для сравненія Святочныхъ пѣсенъ я представляю только: Мало-Русскія и Словакскія. Святочныхъ пѣсенъ нѣтъ въ пѣсенникахъ Шаффарика, Караджича, Вацлава Олешки и Войцицкаго.

ПѢСНИ ПОДБЛЮДНЫЯ.

1.

Слава Богу на небѣ,
Слава!
Государю нашему на сей землѣ!
Слава!
Чтобы нашему Государю не старѣться,
Слава!
Его цвѣтному платью не изнашиваться,
Слава!
Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться,
Слава!
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться.
Слава!
Чтобы правда была на Руси
Слава!
Краше солнца свѣтла;
Слава!
Чтобы Царева золота казна
Слава!
Была вѣкъ полнымъ полна;
Слава!
Чтобы большимъ-то рѣкамъ
Слава!
Слава неслась до моря,
Слава!
Малымъ рѣчкамъ до мѣльницы.
Слава!
А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Слава!
Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ.
Слава!
Старымъ людямъ на потѣшеніе,
Слава!
Добрымъ людямъ на услышаніе[1].
Слава!

2.

Катилося зерно по бархату,
Слава!
Еще ли то зерно бурмитское,
Слава!
Прикатилося зерно ко яхонту,
Слава!
Крупенъ жемчугъ со яхонтомъ,
Слава!
Хорошъ женихъ со невѣстою[2].
Слава!

3.

Идетъ кузнецъ изъ кузницы,
Слава!
Шубенка на немъ худехонька;
Слава!
Одна пола во сто рублей,
Слава!
Другая пола въ тысячу,
Слава!
А всей-то шубенкѣ цѣны нѣтъ.
Слава!
Цѣна ей у Царя въ казнѣ,
Слава!
У Царя въ казнѣ, въ золотомъ ларцѣ.
Слава!

4.

Идетъ кузнецъ изъ кузницы,
Слава!
Несетъ кузнецъ три молота.
Слава!
Кузнецъ, кузнецъ, ты скуй мнѣ вѣнецъ,
Слава!
Ты скуй мнѣ вѣнецъ и золотъ и новъ,
Слава!
Изъ остаточковъ золотъ перстень,
Слава!
Изъ обрѣзочковъ булавочку.
Слава!
Мнѣ въ томъ вѣнцѣ вѣнчатися,
Слава!
Мнѣ тѣмъ перстнемъ обручатися,
Слава!
Мнѣ тою булавкою убрусъ притыкать[3].
Слава!

5.

Еще ходитъ Иванъ по погребу,
Слава!
Еще ищетъ Иванъ неполнаго,
Слава!
Что неполнаго, непокрытаго,
Слава!
Еще хочетъ Иванъ дополнити
Слава!
Свою братину зеленымъ виномъ[4].
Слава!

6.

Летитъ соколъ изъ улицы,
Слава!
Голубушка изъ другой,
Слава!
Слеталися, цѣловалися,
Слава!
Сизыми крыльями обнималися.
Слава!
Ужъ и имъ добрые люди дивовалися
Слава!
Какъ соколъ съ голубушкой уживалися[5].
Слава!

7.

Скачетъ груздочекъ по ельничку,
Слава!
Ищетъ груздочекъ бѣляночку;
Слава!
Не груздочекъ скачетъ, а боярской сынъ,
Слава!
Не бѣляночку ищетъ, а боярышню[6].
Слава!

8.

Ужъ, какъ вышло пузище на рѣпище,
Слава!
Вынесло пузище осмину вшей,
Слава!
Осмину вшей, полъ-осмины блохъ.
Слава!

9.

Растворю я квашонку на донышкѣ,
Слава!
Я покрою квашонку чернымъ соболемъ,
Слава!
Опояшу квашонку яснымъ золотомъ;
Слава!
Я поставлю квашонку на столбичкѣ.
Слава!
Ты взойди, моя квашонка, съ краями ровна,
Слава!
Съ краями ровна и со всѣмъ полна.
Слава!

10.

У Спаса въ Чигасахъ за Яузою,
Слава!
Живутъ мужики богатые,
Слава!
Гребутъ золото лопатами,
Слава!
Чисто серебро лукошками.
Слава!

11.

Я брошу подушку черезъ ворота,
Слава!
Ты пади, моя подушка, черезъ ворота,
Слава!
Что черезъ ворота, во высокъ теремъ,
Слава!
Изъ высока терема на тесовую кровать.
Слава!
Да кому на той подушкѣ спать, почивать?
Слава!
Спать отроку съ отроковицею,
Слава!
Еще молоцу съ дѣвицею.
Слава!

12.

Золота парча развивается,
Слава!
Кто-то въ путь въ дорогу сбирается.
Слава!

13.

Расцвѣли на небѣ двѣ радуги,
Слава!
У красной дѣвицы двѣ радости:
Слава!
Со милымъ другомъ совѣтъ
Слава!
И растворенъ подклѣтъ.
Слава!

14.

Щука шла изъ Новагорода,
Слава!
Она хвостъ волокла изъ Бѣлозера,
Слава!
Какъ на щукѣ чешуйка серебряная,
Слава!
Что серебряная, позолоченая;
Слава!
Какъ у щукѣ спина жемчугомъ сплетена,
Слава!
Какъ головка у щуки унизаная,
Слава!
А на мѣсто глазъ дорогой алмазъ.
Слава!

15.

На корытѣ сижу,
Слава!
Я корысти гляжу,
Слава!
Я еще посижу,
Слава!
Я еще погляжу;
Слава!
Я глядь-поглядь
Слава!
И корысть пришла на дворъ,
Слава!
И корысть на дворъ, женихи за столъ.
Слава!

16.

Чарочка поплывушечка,
Слава!
До чего тебѣ доплывати?
Слава!
Пора тебѣ вонъ выплывать,
Слава!
Князьямъ, боярамъ вино подносить.
Слава!

17.

Ахъ, ты сѣй, мати, мучицу, пеки пироги,
Слава!
Какъ къ тебѣ будутъ гости нечаянные,
Слава!
Какъ нечаянные и незваные.
Слава!
Къ тебѣ будутъ гости, ко мнѣ женихи,
Слава!
Къ тебѣ будутъ въ лаптяхъ, ко мнѣ въ сапогахъ.
Слава!

18.

Лѣнивая лѣнивица,
Слава!
Лѣнилася она
Слава!
Часто по воду ходить;
Слава!
Она таяла снѣгъ
Слава!
На печномъ столбу;
Слава!
Она вытаяла
Слава!
Золотъ перстень,
Слава!
Золотъ перстень
Слава!
О трехъ ставочкахъ.
Слава!
Да кому перстнемъ обручатися?
Слава!
Обручатися отроку съ отрочицею,
Слава!
Еще молодцу со дѣвицею.
Слава!

19.

Жемчужина окатная,
Слава!
До чего тебѣ докатитися?
Слава!
Пора тебѣ выкатитися
Слава!
Князьямъ и боярамъ на шапочку.
Слава!

20.

Стоятъ сани снаряженные,
Слава!
И полостью они подернуты,
Слава!
Только сѣсть въ сани, да поѣхати.
Слава!

21.

Ужъ, какъ кличетъ котъ кошурку:
Слава!
Ты поди, моя кошурка, въ печурку спать;
Слава!
У меня, у кота, есть скляница вина,
Слава!
У меня, у кота, конецъ пирога,
Слава!
У меня, у кота, и постеля мягка.
Слава!

22.

Вился, вился ярый хмѣль,
Слава!
Около тычинки серебряныя;
Слава!
Такъ бы вились князья и бояре
Слава!
Около Царя православнаго.
Слава!

23.

Покачу я колечько кругомъ города,
Слава!
А за тѣмъ колечькомъ я сама пойду,
Слава!
Я сама пойду, суженаго найду.
Слава!

24.

Ласточка, касаточка,
Слава!
Не вей гнѣзда во высокомъ терему;
Слава!
Вѣдь не жить тебѣ здѣсь и не лѣтывати,
Слава!

25.

Саночки, самокаточки,
Слава!
Они сами катятъ, сами ѣхать хотятъ.
Слава!

26.

По огороду хожу, полотенцы стелю;
Слава!
Я еще похожу, я еще постелю.
Слава!

27.

Курочка, погребушечка!
Слава!
Да греблася она на заваленкѣ,
Слава!
Еще выгребла золотъ перстень,
Слава!
Золотъ перстень о трехъ ставочкахъ,
Слава!
Да кому перстнемъ обручатися?
Слава!
Обуручитися отроку съ отрочицею,
Слава!
Еще молодцу со дѣвицею.
Слава!

28.

Ахъ, ты гнутое деревцо, черемышка!
Слава!
Куда клонишься, туда склонишься.
Слава!

29.

Ты, мати, мати, порода моя!
Слава!
И ты взгляни, мати, въ оконичко,
Слава!
И выкинь, мати, опушинку,
Слава!
Чтобы было чѣмъ опушить ясна сокола,
Слава!
Что ясна сокола, то моего жениха.
Слава!

30.

Ужъ, какъ на небѣ двѣ радуги,
Слава!
А у богатаго мужика двѣ радости;
Слава!
Что первая-то радость — сына женитъ,
Слава!
Что другая-то радость—дочь замужъ отдаетъ.
Слава!
Ужъ какъ за сыномъ корабли бѣгутъ,
Слава!
А за дочерью сундуки везутъ.
Слава!

31.

Медвѣдь пыхтунъ,
Слава!
По рѣкѣ плыветъ;
Слава!
Кому пыхнетъ во дворъ,
Слава!

Тому зять во теремъ.
Слава!

32.

Пойду млада къ вереюшкѣ,
Слава!
Брякну, млада, во колечушко;
Слава!
Какъ колечко скажется,
Слава!
Такъ суженой откликнется.
Слава!

33.

Сидитъ воробей на перегородѣ,
Слава!
Глядитъ воробей на чужу сторону.
Слава!

34.

За столомъ сижу,
Слава!
Я на чашу гляжу,
Слава!
Я пятернею вожу,
Слава!
Золото кольцо ищу;
Слава!
Я еще поспижу,
Слава!
Я еще повожу,
Слава!
И суженаго найду.
Слава!

35.

Бѣжитъ боберъ за куницею,
Слава!
Бѣжитъ, бѣжитъ,
Слава!
Да все къ себѣ манитъ;
Слава!
Еще побѣжитъ,
Слава!
Со всѣмъ утащитъ.
Слава!

36.

Рылся кочетокъ на заваленькѣ,
Слава!
Вырылъ кочетокъ жемчужинку.
Слава!

37.

Катилася одонья ржи,
Слава!
Кому прикатится тому добро.
Слава!

ПѢСНИ ИГОРНЫЯ.

1.

И я золото хороню, хороню,
Чисто серебро хороню, хороню,
Я у батюшки въ терему, въ терему,
Я у матушки во высокомъ, во высокомъ.
Палъ, палъ перстень
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину.
Гадай, гадай дѣвица, отгадывай красная!
Въ коей рукѣ былица?
И я рада бы гадала,
И я рада бы отгадывала,
Кабы знала, кабы вѣдала.
Чрезъ поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелкомъ перевиваючи
Златомъ приплетаючи,
Ахъ, вы кумушки, вы голубушки!
Вы скажите не утайте,
Мое золото отдайте;
Меня мати хочетъ бити,
По три утра, по четыре,
По три прута золотые,
Четвертымъ жемчужнымъ.

Еще дѣвицы гадали,
Еще красныя гадали,
Да не отгадали.

Палъ, палъ перстень
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину.
Очутился перстень
Да у боярина, да у молодаго,
На правой на ручкѣ,
На маломъ мизинцѣ.

Еще дѣвицы гадали,
Да не отгадали,
Еще красныя гадали,
Да не отгадали.
Наше золото пропало,
Чистымъ порохомъ запало,
Призаиндивѣло, призаплеснивѣло.
Молодайка, отгадай-ка!

2.

Пошли гусли вдоль по горницѣ,
Ай вдоль да по скамѣечкѣ;
Дошли гусли до столечника,
Что до дубоваго.
Ты возьми, возьми умница
Со правой руки золотъ перстень,
Со своей ли головы золотъ вѣнецъ[7].

ПѢСНИ ОБРЯДНЫЯ.

ПѢСНИ КОЛЯДСКІЯ[8].

1.

Виноградье красно, почему спознать:
Что Устиновъ домъ Малафеевича,
Что у его двора все шелкова трава,
Что у его двора все серебряный тынъ;
Ворота у него дощатыя,
Подворотички рыбыя зубья[9].
На дворѣ у него да три терема:
Во первомъ терему да свѣтелъ мѣсяцъ,
Во второмъ терему красно солнышко,
Во третьемъ терему часты звѣзды;
Что свѣтелъ мѣсяцъ, то Устиновъ домъ,
Что красно солнце, то Улита его,
Что часты звѣзды, малы дѣтушки.
Да, дай Боже, Устину Малафеевичу
Съ борзыхъ коней сыновей женить,
Да, дай Боже, Устинѣ Хавроньевнѣ
Съ высока терема дочерей выдавать.
Подари, государь, колядовщиковъ.
Наша коляда ни рубль, ни полтина,
А всего полъ-алтына[10].

2.

За рѣкою, за быстрою,
Ой колодка! ой колодка!
Лѣса стоятъ дремучіе,
Во тѣхъ лѣсахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе,
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя,
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы,
Поютъ пѣсни калодушки.
Ой колодка! ой колодка!
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатной ножъ.
Котелъ кипитъ горючій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ;
Хотятъ козла зарѣзати.
Ой колодка! ой колодка!
Ты, братецъ, Иванушко,
Ты выди, ты выпрыгни!
Я радъ бы выпригнулъ,
Горючь камень
Къ котлу тянетъ,
Желты пески
Сердце высосали.
Ой колодка! ой колодка!

3

Коляда, коляда!
Пришла коляда
На канунѣ Рождества;
Мы ходили, мы искали
Коляду святую
По всѣмъ по дворамъ, по проулочкамъ.
Нашли коляду
У Петрова-то двора;
Петровъ-то дворъ желѣзный тынъ:
Среди двора три терема стоятъ,
Въ первомъ терему свѣтелъ мѣсяцъ,
Въ другомъ терему красно солнце,
А въ третьемъ терему частыя звѣзды.
Свѣтелъ мѣсяцъ — Петръ, сударь,
Свѣтъ Ивановичъ;
Красно солнце—Анна Кириловна;
Частыя звѣзды—то дѣти ихъ.
Здравствуй хозяинъ съ хозяюшкой,
На долгіе вѣки, на многія лѣта.

4.

Прикажи, сударь хозяинъ, ко двору придти,
Виноградье красно зеленое.
Прикажитко ты, хозяинъ, коляду проскa-зать,
Виноградье красно зеленое.
Ахъ! мы ходимъ, мы ходимъ по Кремлю городу,
Виноградье красно зеленое.
Ужъ ищемъ мы, ищемъ господинова двора:
Виноградье красно зеленое.
Господиновъ дворъ на седьми верстахъ,
Виноградье красно зеленое.
На седьми верстахъ, на осьмидесяти стол-бахъ,
Виноградье красно зеленое.
Что же около двора, да желѣзной тынъ,
Виноградье красно зеленое.

Что на всякой же тычинкѣ по маковкѣ,
Виноградье красно зеленое.
Что на всякой же по крестику;
Виноградье красно зеленое.
Что на всякомъ же крестику по жемчужку,
Виноградье красно зеленое.
А среди того двора, что три терема стоятъ,
Виноградье красно зеленое.
Что три терема стоятъ златоверховаты,
Виноградье красно зеленое.
Что въ первомъ терему красно солнце,
Виноградье красно зеленое.
Красно солнце, то хозяинъ въ дому,
Виноградье красно зеленое.
Что въ другомъ терему свѣтелъ мѣсяцъ,
Виноградье красно зеленое.
Свѣтелъ мѣсяцъ, то хозяйка въ дому,
Виноградье красно зеленое.
Что во третьемъ терему часты звѣзды,
Виноградье красно зеленое.
Часты звѣзды, то малы дѣтушки;
Виноградье красно зеленое.
Хозяинъ въ дому, какъ Адамъ на раю,
Виноградье красно зеленое.
Хозяйка въ дому, какъ оладья на меду,
Виноградье красно зеленое.
Малы дѣтушки, какъ олябышки.
Виноградье красно зеленое.

5.

По Дунаю, по рѣкѣ,
По бережку по крутому
Лежатъ гусли неналаженныя.
Коляда!
Кому гусли налаживати?
Коляда!
Наладить гусли
Зензевею Андрѣяновичу.
Коляда!
Зензевея дома нѣтъ;
Онъ уѣхалъ въ Царь городъ
Суды судить, ряды рядить;
Коляда!
Онъ женѣ-то шлетъ
Кунью шубу.
Коляда!
Сыновьямъ-то шлетъ
По добру коню.
Коляда!
Дочерямъ-то шлетъ
По черну соболю.
Коляда!

6.

Ужъ какъ шли ребята колядовщики,
Виноградъ, красно зеленая моя!
Колядовщики, все фабрищики.
Виноградъ, красно зеленая моя!
Мы искали двора господина своего,
Господиновъ дворъ на семи верстахъ,
На семи верстахъ, на осьми столбахъ.
Посреди двора, посреди широка,
Стоятъ три терема,
Три терема златоверхіе:
Въ первомъ терему красно солнышко,
Во второмъ терему свѣтелъ мѣсяцъ,
Во третьемъ терему часты звѣздочки.
Самъ хозяинъ въ дому, господинъ въ терему,
Хозяюшка въ дому, госпожа въ высокомъ,
Молодыя дѣтушки въ дому, какъ орѣшки въ меду.
Виноградъ, красно-зеленая моя!
Благодарствуй, хозяинъ, на хлѣбѣ, на соли и на жалованьѣ!
Виноградъ, красно-зеленая моя!
Накормилъ, напоилъ, съ двора спустилъ.
Виноградъ, красно-зеленая моя!

ВАРІАНТЫ
СВЯТОЧНЫХЪ ПѢСЕНЪ.

ПѢСНИ ПОДБЛЮДНЫЯ.

Ни одна пѣсня не потерпѣла такого измѣненія, какъ помѣщенная нами подъ N 1. Намъ извѣстны только четыре варіанта этой пѣсни, которые и помѣщаемъ здѣсь.

1.

Хлѣбу да соли дологъ вѣкъ,
Государю нашему долѣ того.
Государь нашъ не старѣется,
Его добрые кони не ѣздятся,
Его цвѣтное платье не носится,
Его вѣрные слуги не старѣются.

Мы этотъ варіантъ взяли изъ книги: Записки и замѣчанія о Сибири ...ы ...ой. М. 1837, стр. 122.

2.

Слава Богу на небѣ!
Государю на сей землѣ!
Чтобъ нашему Государю не старѣться,
Его цвѣтному платью не изнашиваться,
Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться,

Его вѣрнымъ слугамъ не измѣнiваться.
А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ.

Въ томъ самомъ видѣ этотъ варiантъ былъ помѣщенъ нами во второй части Сказаний Русскаго Народа. Такъ эта пѣсня записана была еще въ 1828 въ Тулѣ; помѣщенная же теперь въ собранiи намъ была неизвѣстна при печатанiи Сказаний.

3.

Ужъ какъ слава тебѣ Боже на небѣ!
Слава нашему Государю на сей землѣ!
Нашъ Государь не старится,
Его цвѣтно платье не носится,
Его добрые кони не ѣздятся.
Эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Еще хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ.

Такъ этотъ варiантъ мы слыхали неоднократно въ Москвѣ. Наше современное, новое поколѣнiе большею частiю начинаетъ забывать старыя преданiя. Пренебрегая разсказами пожилыхъ людей, они смотрятъ въ пѣсенники, когда думаютъ что-нибудь спѣть, и тамъ повторяютъ старое въ изуродованномъ видѣ. Это часто происходитъ отъ того, что нашъ народъ вѣритъ печатному, какъ правдѣ. Не рѣдко бываетъ, что дѣвицы-причудницы по своему измѣняютъ народныя пѣсни. Это случается на Руси только тогда, когда сбираются для пѣнiя дѣвушки изъ разныхъ городовъ.

4.

Ужъ какъ слава тебѣ Боже на небеси!
Государю нашему на сей земли!
Его цвѣтное платье не носится,
Его вѣрные слуги не старются,
Его добрые кони не ѣздятся.
Мы пѣсню сiю Государю поемъ,
Государю поемъ, ему честь воздаемъ.

Такъ этотъ варiантъ былъ помѣщенъ въ собранiи пѣсенъ Прача. Смотри изданiе второе, Ч. II. стр. 65. Что здѣсь перемѣнено Прачемъ, читатели могутъ сами понять.

Пѣсня, означенная подъ N 2, имѣетъ также незначительныя измѣненiя. Мы приводимъ одинъ только варiантъ, слышанный нами въ Калугѣ.

Катилося зерно по бархату,
Что по бархату Кизылбашскому;
Ужъ и было то зерно бурмитское.
Прикатилося зерно ко яхонту,
Крупенъ жемчугъ со яхонтомъ,
Хорошъ женихъ со невѣстою.

Пѣсня, напечатанная подъ № 4, находится въ пѣсенникахъ въ измѣненiями и перестановками въ стихахъ.

1.

Идетъ кузнецъ изъ кузницы,
Несетъ кузнецъ три молота.
Кузнецъ, кузнецъ!
Ты скуй мнѣ вѣнецъ,
Ты скуй вѣнецъ и златъ и новъ,
Золотъ перстень изъ остаточковъ,
А булавочку изъ обрѣзочковъ.
Мнѣ въ томъ ли вѣнцѣ вѣнчатися,
Мнѣ тѣмъ ли перстнемъ обручатися,
Мнѣ той ли булавкой убрусъ притыкать.

2.

Идетъ кузнецъ до кузницы,
Куетъ кузнецъ въ три молота.
Кузнецъ, кузнецъ скуй мнѣ вѣнецъ,
Вѣнецъ золотой, дорогой
Со яхонтами, со камнями!
Скуй изъ золота золотъ перстень,
Изъ чиста серебра булавочку.
Во томъ ли вѣнцѣ вѣнчаюся,
Тѣмъ ли перстнемъ обручаюся,
Той ли булавочкой убрусъ притыкаю.

Такъ этотъ варiантъ записанъ былъ мною въ Дѣдиловѣ, селенiи Богородицкаго уѣзда, Тульской губернiи. Очевидное измѣненiе во второмъ стихѣ, прибавленiе пятаго, измѣненiе седьмаго, указываетъ прямо на разрушенiе стараго. Трудно отдать преимущество въ спорномъ дѣлѣ, когда нѣтъ вѣрнаго указанiя.

Пѣсня, напечатанная мною подъ № 5, сходна съ Сибирскою, помѣщенною въ запискахъ о Сибири на стр. 122; но въ С. Петербургѣ я слышалъ съ измѣненiями.

Ходилъ Иванъ по погребу,
Ходилъ Иванъ по боярскому,
Искалъ Иванъ дополнити
Неполное, непокрытое,
Хочетъ Иванъ дополнити
Зелено вино со медомъ.

Въ Сибирской пѣсни нѣтъ послѣдняго стиха, помѣщеннаго въ нашемъ въ собранiи.

Пѣсня, напечатанная подъ № 6, имѣетъ свои измѣненiя.

1.

Летитъ соколъ изъ улицы,
Голубушка изъ другой;
Слеталися, обнималися.
Во гнѣздо подымалися.

2.

Летитъ соколъ изъ улицы,
Летитъ голубушка изъ дубровы;
Слеталися, цѣловалися,
Середь поля разставалися.

Первый варіантъ списанъ во Владимірской губерніи, въ городѣ Муромѣ; вторый я слышалъ въ Мценскомъ уѣздѣ.

Пѣсня, напечатанная подъ № 9, имѣетъ слѣдующія измѣненія:

Растворю я квашонку на донышкѣ,
Я поставлю квашонку на столбичкѣ,
Я покрою квашонку чернымъ соболемъ,
Опояшу квашонку краснымъ золотомъ.
Ты взойди, моя квашонка, полнымъ полна.
Полнымъ полна, съ краями ровна.

Пѣсня, напечатанная подъ № 11, почти сходна съ Сибирскою, помѣщенною въ запискахъ о Сибири, гдѣ только иначе одинъ послѣдній стихъ: «Добру молодцу со дѣвицею.»

Пѣсня, напечатанная подъ № 14, совершенно обезображена издателями пѣсенниковъ. Тамъ, куда не доходили эти сборники, она встрѣчается въ первобытной полнотѣ. Вотъ ея измѣненія:

Щука шла изъ Новагорода,
Она хвостъ волокла изъ Бѣлаозера;
Какъ у щукѣ чешуйка серебряная,
Что серебряная, позолоченая,
А головка у щучки унизаная.

Одни издатели пѣсенниковъ выпускали изъ этой пѣсни стихъ:

Что серебряная, позолоченая.

Другіе, послѣ стиха: «головка у щуки унизаная»—прибавляли «унизанная, принаряженная.»

Пѣсня, напечатанная въ нашемъ собраніи подъ № 15, имѣетъ два измѣненія; одно находится въ послѣднемъ стихѣ:

И корысть на дворъ, сто рублей на столъ.

Другое измѣненіе состоитъ въ смѣшеніе двухъ стиховъ въ одинъ. Такъ:

На корытѣ сижу, я корысти гляжу;
Я еще посижу, я еще погляжу;
И я глядь, поглядь корысть на дворъ,
Корысть на дворъ, сто рублей на столъ.

Пѣсня, напечатанная въ нашемъ собраніи подъ № 17, имѣетъ слѣдующія измѣненія. Издатели пѣсенниковъ печатали первый стихъ такъ:

Ахъ! сѣй мати мучицу, пеки пироги.

Или:

Ахъ! ты сѣй, мати, мучицу, пеки пироги.

Другіе въ третьемъ стихѣ, вмѣсто: «незваные»-печатали: «невѣданные.» Въ одномъ селеніи Ярославской губерніи я слышалъ начало этой пѣсни совершенно иначе:

Ужъ ты, мати, бей опару, пеки пироги.

Пѣсня, напечатанная въ нашемъ собраніи подъ № 18, сходна съ Сибирскою, помѣщенною въ запискахъ о Сибири, гдѣ не достаетъ только одного 12 стиха: «что трехъ яхонтахъ.» Въ 9 и 10 стихахъ у насъ находится: «золотъ перстень»-а тамъ: «позотъ перстень.» Изъ 13 стиха тамъ сдѣлано два:

Да кому этимъ перстнемъ
Обручатися?

Въ послѣднемъ стихѣ у насъ: «еще молодцу со дѣвицею»—а тамъ: «добру молодцу со дѣвицею.»

Пѣсня, напечатанная въ нашемъ собраніи подъ № 21, печаталась издателями пѣсенниковъ въ слѣдующемъ видѣ:

Ужъ, какъ кличетъ котъ кошурку въ печерку спать;
Ты поди, моя кошурка, въ печурку спать;
У меня, у кота, есть скляница вина,
Есть скляница вина и конецъ пирога,
У меня, у кота, и постеля мягка.

Въ пѣсенникѣ, изданномъ въ Москвѣ М. М. въ 1837 году, прибавлено два стиха:

Что мягка, хороша
И теплехонька.

Пѣсня, напечатанная въ нашемъ собраніи подъ № 23, имѣетъ слѣдующія разнорѣчія:

Покачу колечко около города,
Сама пойду, мила друга найду.
Покачу колечко кругомъ города,
За тѣмъ колечкомъ сама пойду,
Я сама пойду, милу ладу найду.

Для пѣсни, напечатанной въ нашемъ собраніи подъ № 24, мнѣ извѣстенъ одинъ

только варіантъ, подслушанный въ Калужской губерніи:

Ласточка, касаточка,
Не вей гнѣзда подлѣ терема!
Тебѣ лѣто тутъ не лѣтывати
И зимушку не зимовати.

Пѣсня, напечатанная въ нашемъ собраніи подъ № 27, сходна съ Сибирскою, помѣщенною въ запискахъ о Сибири, гдѣ есть нѣкоторыя отличія: Такъ вмѣсто-«золотъ перстень» — напечатано — «позолотъ перстень.» Въ пятомъ стихѣ прибавлено: «этимъ»; въ шестомъ вмѣсто: «обручатися отроку съ отрочицею»—напечатано такъ: «еще отроку съ отрочицею.»

Для пѣсни, напечатанной въ нашемъ собраніи подъ № 30, извѣстны два варіанта:

Ужъ какъ на небѣ двѣ радуги,
У богатаго мужика двѣ радости:
И онъ сына-то женитъ, дочь замужъ отдаетъ.

Въ запискахъ о Сибири напечатана эта иначе, съ растановкою стиховъ и прибавленіемъ словъ.

Еще на небѣ
Да двѣ радуги,
Какъ у нашего хозяйна
Двѣ радости:
Еще первая радость-
Сына женилъ,
А другая-то радость-
Дочь замужъ отдалъ;
Еще за сыномъ
Корабли бѣгутъ,
А за дочерью
Сундуки везутъ.

ПѢСНЯ ИГОРНАЯ.

Русской Святочный обычай—золото хоронить—безъ всякаго сомнѣнія принадлежитъ къ древности. Его сопровождали особенною пѣснию, въ видѣ игры; но эта пѣсня претерпѣла значительныя измѣненія. Мы помѣщаемъ три варіанта.

Вотъ какъ была напечатана эта пѣсня въ запискахъ о Сибири, на стр. 121.

И я золото хороню,
Чисто серебро хороню,
Я у батюшки въ терему
Я у матушки во высокомъ.
Палъ, палъ перстень,
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину.
Гадай, гадай дѣвица,
Въ чужой рукѣ былица.
Еще дѣвицы гадали,
Еще красныя гадали,
Да не отгадали.
Очутился перстень
Да у дворянина, да у молодаго,
На правой на ручкѣ,
На лѣвомъ мизинцѣ.
Чрезъ поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелкомъ приплетаючи,
Златомъ увиваючи.
Куда утка шла,
Туда пыль прошла;
Куда я молода,
Туда рожъ густа:
Овиниста, примолотиста,
Еще изъ зерна коврига,
Изъ полу зерна пирогъ,
Въ голенище широкъ,
Въ топорище высокъ.

И я золото хороню, чисто серебро хороню,
Я у батюшки въ терему, я у матушки во высокомъ.
Гадай, гадай дѣвица, отгадывай красная:
Въ коей рукѣ былица, змѣиная крылица?
И я рада бы гадала, какъ бы знала, вѣдала
Чрезъ поле идучи, русу косу плетучи,
Шелкомъ прививаючи, златомъ приплетаючи.
Ахъ, вы кумушки! вы голубушки!
Вы скажите, не утайте; меня мати хочетъ бити
По три утра, по четыре, по три прута золотые,
По три прута золотые, четвертымъ жемчужнымъ.
Палъ, палъ перстень въ калину, въ малину.
Въ черную смородину, въ зеленъ виноградчекъ.
Очутился перстень да у дворянина, да у молодаго
На правой на рукѣ, на лѣвомъ мизинцѣ.
Дѣвушки гадали, да не отгадали,
Красныя гадали, да не отгадали.

И я золото хороню,
Чисто серебро хороню,
Я у батюшки въ терему
Я у матушки въ высокомъ.
Гадай, гадай дѣвица,
Въ коей рукѣ былица
Змѣиная крылица?
И я рада бы гадала,
Кабы знала, кабы вѣдала,
Чрезъ поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелкомъ пришиваючи,
Златомъ приплетаючи.
Ахъ вы кумушки! вы голубушки!
Вы скажите, не утайте.
Меня мати хочетъ бити
По три утра, по четыре,
По три прута золотые,
Четвертымъ жемчужнымъ.
Палъ, палъ перстень
Въ черную смородину.
Очутился перстень
Да у дворянина,
Да у молодаго,
На правой на ручкѣ
На лѣвомъ мизинцѣ.
Дѣвушки гадали,
Да не отгадали,
Красныя гадали,
Да не отгадали.
Еще съѣла рыба
Проглотила рыба
Еще соли солонку.

Въ такомъ обезображенномъ видѣ печатались оба эти варіанта въ пѣсенникахъ. Первая напечатана была въ пѣсенникѣ, изданномъ въ 1819 году въ типографіи Глазунова, вторая въ пѣсенникѣ Калатилина. Болѣе всѣхъ была изуродована эта пѣсня въ изданіи Прача. Такъ:

Ужъ я золото хороню,
Чисто серебро хороню
Я у батюшки въ терему
Я у матушки въ высокомъ.
Гадай, гадай дѣвица, отгадывай красная
Въ коей рукѣ былица, змѣиная крылица.
Ужъ я рада бы гадала,
И я рада бы отгадывала.
Чрезъ поле идучи,
Русу косу плетучи,
Шелковъ пришиваючи,
Златомъ приплетаючи.
Ахъ вы кумушки, вы голубушки,
Вы скажите, не утайте,
Мое золото отдавайте!
Меня мати хочетъ бити
По три прута, по четыре,
По три прута золотые,
Четвертой жемчужной.
Вечеръ, вечеръ молоденька
Съ дворяниномъ проиграла,
Съ руки перстень потеряла.
Палъ перстень
Въ калину, въ малину,
Въ черную смородину.
Очутился перстень
Да у дворянина,
Да у молодаго,
На правой на ручкѣ
На пальцѣ мизинцѣ.
Дѣвушки гадали,
Красныя гадали, да не отгадали.
Наше золото пропало,
Да и порохомъ запало,
Да и мохомъ заросло, призаиндивѣло.
Молодайка отгадайка?

ПѢСНЯ ОБРЯДНАЯ.

Для Русскихъ обрядныхъ пѣсенъ такъ мало встрѣчается варіантовъ, что едва на десять приходится одна. Кажется, что это происходитъ отъ того, что праздничныя пѣсни, исчезая вмѣстѣ съ обрядами народными, почти позабыты поселянами. Прибавимъ къ этому еще важное обстоятельство: мы не вездѣ успѣли еще осмотрѣть наши преданія; едва ли изъ ста повѣрій могли узнать одно. Можетъ быть, современемъ, и откроются. Для второй пѣсни мы имѣемъ только одинъ варіантъ, напечатанный Срезневскимъ въ Украинскомъ Вѣстникѣ, въ 1817 году. Вотъ эта пѣсня.

За рѣкою, за быстрою, ой калiодка!
Лѣса стоятъ дремучіе,
Во тѣхъ лѣсахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе,
Вокругъ огней скамьи стоятъ
Скамьи стоятъ дубовыя;

На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы
Поютъ пѣсни калодушкѣ;
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатной ножъ;
Возлѣ его козелъ стоитъ.

Въ этой обряднѣ пѣснѣ чего-то не достаетъ. Пѣсня, помѣщенная въ нашемъ собраніи, дополняетъ всѣ пропуски и притомъ имѣетъ какое-то сходство съ одною колыбельною, старою пѣснею.

СРАВНИТЕЛЬНЫЯ ПѢСНИ.

ПѢСНИ ОБРЯДНЫЯ.

Для сравненія Русскихъ Колядскихъ пѣсенъ мы имѣемъ до десяти Мало-Русскихъ, совершенно разныхъ и по мысли и по составу. Это разнорѣчіе мыслей указываетъ болѣе на разность обрядовъ. Въ первомъ изданіи Мало-Русскихъ пѣсенъ, напечатанныхъ Максимовичемъ въ Москвѣ, 1827 года, помѣщено было на стр. 173—177 шесть слѣдующихъ пѣсенъ:

1.

А у пана Ивана, да на его дворѣ
Стояло древо тонке, высоке,
Тонке, высоке—листомъ широке.
Изъ того древа церковка рублена;
А въ той церковцѣ стоятъ три престолы:
На первомъ престолѣ—святее Роздво,
На другомъ престолѣ—святого Василя,
На третемъ престолѣ—Иванѣ Креститель.
Святее Роздво—намъ радость принесло,
Святый Василь—новый годъ принесъ,
Иванъ Креститель—воду перекрестивъ.

2.

Ишовъ, перейшовъ мѣсяцъ по небу;
Да стрѣвся мѣсяцъ зъ ясною зарею.
Ой зоря, зоря! Де въ Бога була!
Де въ Бога була—де маешъ стати? —
—Де маю стати? у пана Ивана,
У пана Ивана—да на его дворѣ,
Да на его дворѣ—да у его хатѣ.
А у его хатѣ да двѣ радости:
Першая радость—сына женити,
А друга радость—дочку оддавати;
Сына женити—молодця Евминка,
Дочку оддавати—молоду Настусю!
Бувай-же здоровъ, молодче Евминку,
Да не самъ зъ собою—зъ отцемъ зъ матерью?
Изъ милымъ Богомъ, и зо всѣмъ родомъ,
Исусомъ Христомъ, святымъ Рожествомъ!

3.

Да чому ты, дѣвчино, гуляти не идешь?
Ой якъ же минѣ гуляти пойти,
Що мои братики зъ войська пріѣхали?
Привезли минѣ три подарочки:
Перший подарокъ—золотый перстень,
Другій подарокъ—зеленая сукня,
Третій подарокъ—перлова нитка.
Золотый перстень—якъ огонь сяе,
Зеленая сукня—слѣдъ заметае,
Перлова нитка—головку обвязуе.

4.

Ой гула, гула крутая гора:
Що не вродила шовкова трава;
Тольки вродило зелене вино. —
Красная панна вина стерегла,
Вина стерегла—крѣпко заснула.
Якъ налетѣли райскіи пташечки,
Обдзебали зелене вино,
Да пробудили красную панну.
Ой скоро-жъ вона тее учула,
Своимъ рукавцемъ на ихъ махнула!
Ой шуги въ луги! райскіи пташки,
А минѣ вина самой надобно:
Брата женити, сестру давати,
Сама молода заручена!

5.

А въ сего пана скамья заслана,
Да на сей скамьѣ три кубки стоять:
Въ першому кубцѣ—медокъ-солодокъ,
У другомъ кубцѣ—крѣпкее пино,
У третемъ кубцѣ—зелене вино.
Зелене вино—для пана сего,
Крѣпкее пиво—для жонки его,
Медокъ-солодокъ—для его дѣтокъ.

6.

Ой въ Кіевѣ да на рыночку,
Да на жовтомъ песочку,
Тамъ дѣвочка садъ сажала,
Садъ сажала—поливала,
Поливаючи примолвляла:
Рости, саду! высче мене,
Высче мене—красче мене!
Въ тому суду три корыстоньки:
Перша корысть—то орѣшеньки,

Друга корысть—то вишеньки,
Третя корысть—то яблучки:
Орѣшками—чечоватися,
Яблучками—подкидатися.
Да бувай здовова зъ батькомъ зъ матерью,
И зъ милымъ Богомъ, и зо всѣмъ родомъ,
Исусомъ Христомъ, святымъ Рожествомъ!

Въ 1836 году были изданы въ С. Петербургѣ: «Мало-Россійскія и Червонорусскія народныя думы и пѣсни.» Въ этомъ собраніи, въ числѣ обрядныхъ Малороссійскихъ пѣсенъ были помѣщены четыре Колядскихъ. Вотъ онѣ:

1.

Ой заказано и зарадано,
Святый вечоръ! или славенъ еси нашъ милый Боже!

Всѣмъ козаченькамъ у войсько итти:
Пану....ку короговъ нести;
А у его ненька,
Вельми старенька,
Выпровожала
И научала:
«Ой сыне мой, сынку!
Не поперeжай у передъ войська,
И не оставайся позадъ войська:
Держися войська—все середняго
И козаченька все статечного.»
Молодый....ко не послухавъ нени своеи,
У передъ войська конемъ играе,
А позадь войська мечемъ махае.
Угляне, се, самъ царь на креслѣ:
«Ой колибъ я знавъ,
Чій то сынъ гулявъ:
То я-бъ за его, свою дочь отдавъ,
Половину царства ему бы отдавъ.»

2.

Изъ-за горы, изъ-за каменнои,
Святый вечеръ!
Да воттолъ выспупа велике войсько,
А по переду панъ....ко иде,
Панъ....ко иде, коника веде,
Хвалится конемъ передъ королемъ,—
Да нема у короля токого коня,
Якъ у нашего пана....ка.
Хвалится стрѣлою
Передъ дружиною,
Да нема у дружины,—
Такой стрѣлы,
Якъ у нашего пана....ка.
Хвалится лукомъ
Передъ гайдукомъ,—
Да нема у гайдука,
Такого лука.
Якъ у нашего пана....ка.
Да бувай же здоровъ, пане....ку!
Да не самъ собою,
Съ отцемъ съ матерью:
Со всѣмъ родомъ
Живите съ Богомъ.

3.

Ой рано, рано, куры запѣли,
Святый вечоръ!
А еще раньше панъ....ко вставъ,
Лучкомъ забрящавъ,
Братьевъ побужавъ:
«Да вставайте, братья, кони сѣдлайте,
Кони сѣдлайте, хорты скликайте:
Да поѣдемъ въ чистее поле, на прогулянье,
На розгляданье.
Да найдемо, братья, куну въ деревѣ,
Дѣвку въ теремѣ....
Отъ-се вамъ, братья,—куна въ деревѣ,
А минѣ, братья,—дѣвка въ теремѣ.

4.

Ой ясна, красна, калина у лузѣ,
А ще краснѣйша.... а у домѣ,
По двору ходить,
Якъ заря сходить;
Въ сѣночки войшла,
Якъ зоря зашла.
Въ свѣтлоньку войшла—паны встають,
Шапки иснимають, еи пытають:
«Чи ты царевна, чи королевна?»
Я....кова дочка,....чка.»

Въ 1832 году были изданы въ Харьковѣ: «Словацкія пѣсни.» Здѣсь мы мы нашли пять Колядскихъ пѣсенъ, которыя и помѣщаемъ.

1.

Боже мой, Боже мой
Высокаго неба!
Не дай-же мѣ ѣсти
Жобранего хлѣба!

2.

Семь, семь Кралей,
Семь Цезарей,
Зъ довѣрностьо поспѣхайте!
Вшисцы ся му понижуйте,
Господину маленькему,
Люда спаситело.

3.

Я бувъ со химе разъ,
Не пойде другiй разъ;
Ле-бо мѣ тягали
За власы съ повали.

4.

Боже мой, Боже мой!
Претивъ мя опустилъ!
Вълкъ мѣ жену забилъ,
Ле со му вонъ пустилъ.

5.

Пасли овцы Велесы
При Бетлемскомъ салашѣ.
Аньелъ ся имъ оказавъ
—До Бетлема росказавъ—
Станьте горѣ и подьте,
Пана Христа найдете!
Найдете его въ ѣсличкахъ,
Повинута въ плѣночкахъ;
Марiя го колебе,
«Нини, нини!—му спѣва—
Нини, нини, нинички!
Спи, мой сынку, малечкiй!»

ПРИМѢЧАНIЯ.

1. Первая подблюдная пѣсня имѣетъ всѣ признаки древности. Какая-то торжественность въ пѣнiи, теперь намъ непонятная, отличаетъ ее отъ всѣхъ другихъ. Въ ней сказано все, что дорого Русскому сердцу, что онъ самъ любитъ болѣе всего въ свѣтѣ. Бывшiй очевиднымъ свидѣтелемъ болѣе сотни посидѣлокъ, слышалъ каждый разъ ее съ измѣненiями. Въ концѣ 1837 года было получено мною изъ Бѣлева новый списокъ этой же пѣсни, совершенно въ другомъ видѣ, нежели какъ она напечатана была въ Сказанiяхъ Русскаго народа. Послѣ этого вторично слышалъ ее уже отъ Новгородскихъ дѣвушекъ, живущихъ въ С. Петербургѣ. Эти два факта заставили издателя сдѣлать предпочтенiе всѣмъ другимъ, означеннымъ въ варiантахъ.

2. Издатели пѣсенниковъ часто относили эту пѣсню къ числу свадебныхъ, не имѣя ни какого основанiя. Кажется, что это происходило единственно отъ того, что что они слыхали ее на свадьбахъ, и, можетъ быть, по этому самому и причисляли къ свадебнымъ.

3. Мы помѣстили эту пѣсню, основываясь на всеобщемъ употребленiи. Варiанты, съ замѣчательными измѣненiями, казались намъ явно передѣланными. Это очевидно будетъ всякому при сличенiи.

4. Нѣсколько разъ мнѣ случалось слышать эту пѣсню съ особенною приплясокою и какимъ-то отважнымъ напѣвомъ, совершенно отличнымъ отъ напѣва святочныхъ подблюдныхъ.

5. Эта святочная подблюдная пѣсня употребляется на свадебныхъ вечеринкахъ при величанiи молодыхъ, и при томъ безъ припѣва: «Слава!»

6. Во всѣхъ изданныхъ пѣсенникахъ издатели печатали вмѣсто — «боярской сынъ»—«дворянской сынъ»—а вмѣсто барышню—«дворяночку». Здѣсь очевидно новое измѣненiе. Съ тѣхъ поръ, какъ слово бояринъ начало исчезать, вѣроятно, издатели пѣсенниковъ почитали неприличнымъ употреблять эти слова. Это-то самое ввело въ ошибку Г. Иванчина-Писарева, сдѣлавшаго ошибочное заключенiе объ старыхъ Русскихъ обычаяхъ въ своемъ взглядѣ на народную поэзiю.

7. Эта игорная святочная пѣсня употребляется на свадебныхъ посидѣлкахъ, съ перемѣною словъ и съ прибавленiемъ величальныхъ стиховъ. Вотъ какъ она поется на свадьбахъ:

Пошли гусли въ доль по лавкѣ,
Впередъ по скамѣйкѣ;
Дошли гусли до умника,
До разумника Ивана Ивановича!
Ты пожалуй нашъ, умникъ,
Съ правой руки золотъ перстень,
Съ буйной головы золотъ вѣнецъ.

8. Пѣсни Колядскiя принадлежатъ къ незапамятнымъ временамъ. Что такое Коляда? Рѣшительнаго опредѣленiя никто еще не сдѣлалъ; различныя мнѣнiя на-

шихъ писателей объ этомъ предметѣ не произвели еще положительнаго результата. Чулковъ и его послѣдователи говорятъ: «Коляда, идолъ его былъ въ Кіевѣ и почитали его богомъ мира; праздникъ его совершали 24 Декабря игранiемъ, веселіемъ и пированіями, въ коихъ не оставляли употреблять обрядовъ, и идолу Туру принадлежащихъ; но и нынѣ по нѣкоторымъ городамъ и деревнямъ память идола коляды не оставляютъ. Въ день, называемый Сочельникъ, т. е. 24 Декабря, въ вечеру, собираются нѣсколько дѣвокъ, и, приходя подъ окно къ каждому, поютъ особую для того пѣсню, упоминая имя Коляды, что называется: «колядуютъ»—за что обыватели даютъ имъ по нѣскольку денегъ. См. Абевега, стр. 223.»

Мы уже въ 2 части Сказаній Русскаго народа, въ обозрѣніи Исторіи Русской народной Литературы—подробно говорили о миѳографахъ, выдумывавшихъ небывалыя Славянскія божества. Любопытныя могутъ сами прочитать всѣ помѣщенныя тамъ разысканія о Славянской миѳологіи.

Гнѣдичь, въ введеніи своемъ къ Ново-Греческимъ пѣснямъ, писалъ на стр. 32: «Праздникъ и пѣсни Коляды, въ Малороссіи и теперь существующія, можно изъяснять Холядесъ. Обыкновенно о Рождествѣ дѣлаютъ тамъ изъ свиныхъ кишекъ колбасы, холядесъ, въ это время простолюдины ходятъ подъ окнами домовъ колядовать, такъ сказать, выпрашивать колбасъ: ибо въ пѣсни, которую при этомъ случаѣ поютъ, требуютъ въ награду между прочимъ—«кильцо колбасъ.» Гнѣдѣчь не помѣстилъ этой пѣни; но она, слѣдующая:

Щедрикъ, ведрикъ!
Дайте вареникъ.
Грудочку кишки
Кильцо килбаскы.

Максимовичъ, въ примѣчаніяхъ къ Малороссійскимъ пѣснямъ, перваго изданія, на стр. 222, писалъ: «Колядки, суть пѣсни, которыя поютъ вечеромъ 25 Декабря, обыкновенно подъ окнами, называя по именамъ хозяевъ, его дѣтей и проч. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ однакожъ колядуетъ и цѣлую недѣлю, которая и называется колядами.»

И. М. Снегиревъ, въ описаніи Русскихъ простонародныхъ праздниковъ, во второй части, пишетъ о Колядѣ: «по сродной человѣчеству олицетворяемости и Коляда праздпество, по примѣру Римскаго двуликаго Януса, въ послѣдствіи обращено въ Кіевское божество мира и торжествъ, какими обыкновенно оканчивалось прошедшее лѣто и начиналось новое; но вѣроятно она совершалась въ честь древнихъ отечественныхъ божествъ, Перуна, или Дажба, или Волоса, предъ которыми клялись, полагая золото, на которыхъ намекаетъ хороненіе золота и гаданіе. Такимъ образомъ древній обрядъ обращенъ въ миѳическое лице и, какъ укоренившійся давностью, обычай, вошелъ въ составъ жизни народной и семейной (стр. 60)... Многіе производятъ коляду отъ Римскихъ календъ потому, что празднованіе оной приходится въ одно почти съ ними время и самыя слова созвучны между собою; но календы у Римлянъ были не въ одномъ Январѣ, а во всѣхъ мѣсяцахъ. Чтожъ касается до замѣченнаго нами сходства въ нѣкоторыхъ частяхъ этого праздника Янусова съ Славяно-Русскимъ; то вѣроятно оно произошло отъ Славянскихъ племенъ, бывшихъ подъ Римскимъ владычествомъ, и въ послѣдствіи передавшихъ этотъ обычай своимъ переселенцамъ на западъ и югъ Россіи, гдѣ донынѣ воспѣвается Каляда и продолжается колядованіе; а на Сѣверъ, полагать надобно, она перенесена Балтійскими Славянами.»

Н. М. Карамзинъ, въ 1т. стр. 101 своей исторіи, писалъ: «Декабря 24 язычники Рускіе славили Коляду, бога торжествъ и мира. Еще и въ наше время, па канунѣ Рождества Христова, дѣти земледѣльцевъ собираются колядовать подъ окнами богатыхъ крестьянъ, величаютъ хозяина въ пѣсняхъ, твердятъ коляды и просятъ денегъ. Святочныя игрища и гаданія кажутся отстаткомъ сего языческаго праздника.»

Коляда есть замѣчательное явленіе въ преданіяхъ всѣхъ Славянскихъ поколѣній. Велико-Руссы почти рѣшительно истребили память о Колядѣ. Изъ всѣхъ преданій только сохранились колядскія пѣсни, и то въ рѣдкихъ селеніяхъ. Пѣсни поютъ дѣти и старики, извѣстные тамъ подъ именемъ «побирушекъ» нищихъ. Вечеръ предъ Рождествомъ Христовымъ называются у Велико Руссовъ—«Сочельникъ.» Мало-Руссы вѣрятъ въ бытіе Коляды; дѣти ихъ вмѣстѣ

съ молодыми ходятъ колядовать подъ окнами; колядчики поютъ пѣсни, ударяя въ бубны и колокольчики, съ величаніемъ хозяина. Словаки празднуютъ Трехъ царей, и обрядами сопровождаютъ благословеніе домовъ. Виндійцы считаютъ Каляду божествомъ празднествъ съ особенными обрядами; дѣти колядуютъ по домамъ съ пѣснями и плясками. Сербы и Болгары ходятъ колядовать и поздравляютъ съ новымъ годомъ; хозяева награждаютъ колядовщиковъ подарками.

Велико-Русскія колядскія пѣсни, напечатанныя въ нашемъ собраніи, далеко не достигаютъ своей полноты. Каждая пѣсня имѣетъ свои отличія и въ оборотахъ словъ и въ мысляхъ; а это самое указываетъ намъ на разные обряды въ Русскихъ областяхъ. Безъ сомнѣнія, если бы были сборны всѣ Колядскія пѣсни, мы не прибѣгали бы къ догадкамъ.

17. Рыбій зубъ есть замѣчательная примѣта у Русскихъ. Старушки наши Щучьи зубы сбираютъ для предохраненія отъ змѣя. Непонятно, почему нашъ народъ почитаетъ болѣе большіе зубы, нежели малые, и даже въ числѣ рыбьихъ зубовъ считаетъ моржевые.

18. Велико-Русскія Колядскія пѣсни, взошедшія въ наше собраніе: подъ № 1. выписана изъ Абевега—Чулкова, № 2 и 3 записаны со словъ Тульскихъ поселянъ, № 4 выписана изъ книги Фриза—Руководство къ физическому описанію областнаго города Устюга великаго; № 5 списано со словъ Муромскихъ пѣсельниковъ; № 6 списана со словъ поселянъ Ярославскаго узда.

РУССКІЯ

ХОРОВОДНЫЯ ПѢСНИ.

1.

Какъ на улицѣ дождикъ накрапываетъ,
Хороводъ красныхъ дѣвокъ прибываетъ.
Охъ, вы, дѣвушки, поиграйте!
Ужъ, какъ вы холостые не глядите:
Вамъ глядѣньицемъ дѣвушекъ не взяти,
Ужъ, какъ взять ли, не взять ли по любви,
Что по батюшкину повелѣнью,
Что по матушкину благословенью.

2.

1. А мы просо сѣяли, сѣяли;
Ой Дидъ, Ладо, сѣяли, сѣяли!
2. А мы просо вытопчемъ, вытопчемъ;
Ой Дидъ, Ладо, вытопчемъ, вытопчемъ!
1. А чѣмъ же вамъ вытоптать, вытоптать?
Ой Дидъ, Ладо, вытоптать, вытоптать!
2. А мы коней выпустимъ, выпустимъ;
Ой Дидъ, Ладо, выпустимъ, выпустимъ!
1. А мы коней переймемъ, переймемъ;
Ой Дидъ, Ладо, переймемъ, переймемъ!
2. А чѣмъ же вамъ перенять, перенять?
Ой Дидъ, Ладо, перенять, перенять!
1. Шелковымъ поводомъ, поводомъ;
Ой Дидъ, Ладо, поводомъ, поводомъ!
2. А мы коней выкупимъ, выкупимъ;
Ой Дидъ, Ладо, выкупимъ, выкупимъ!
1. А чѣмъ же вамъ выкупить, выкупить?
Ой Дидъ, Ладо, выкупить, выкупить!
2. А мы дадимъ сто рублей, сто рублей;
Ой Дидъ, Ладо, сто рублей, сто рублей!
1. Не надо намъ тысячи, тысячи;
Ой Дидъ, Ладо, тысячи, тысячи!
2. А что же вамъ надобно, надобно?
Ой Дидъ, Ладо, надобно, надобно!
1. Намъ-то надобно дѣвицу, дѣвицу.
Ой Дидъ, Ладо, дѣвицу, дѣвицу!
1. А нашего полку убыло, убыло;
Ой Дидъ, Ладо, убыло, убыло!
2. А нашего полку прибыло, прибыло.
Ой Дидъ, Ладо, прибыло, прибыло[1]!

3.

Ай на горѣ макъ, макъ,
Подъ горою такъ, такъ, такъ!
Маки, маковочки,
Золотыя головочки!
Стань-те вы въ рядъ,
Спросимъ-те про макъ[2].

4.

Заплетися плетень, заплетися;
Ты завейся, труба золотая,
Завернися камка крущатая!
Изъ-за горъ дѣвица утей выгоняла:
Тига утушка домой!
Тига сѣрая домой!
Я сама гуськомъ,
Сама сѣренькимъ.
Ой свѣтъ, сѣра утица!
Потопила малыхъ дѣтушекъ
Во меду, да во патокѣ,
Да во яствѣ сахорномъ,
Да во питьѣ медяномъ.
Я старымъ старикамъ
Киселя съ молокомъ;
Молодымъ молодкамъ
Шелковую плетку;
А краснымъ дѣвицамъ
Бѣлилъ да румянъ.
Расплетися плетень, расплетися;
Ты развейся труба золотая,
Ты развернися камка крущатая!
Изъ-за горъ дѣвица утей выгоняла:
Тига утушка домой!
Тига сѣрая домой!
Я сама гуськомъ,
Сама сѣренькимъ.
Ой свѣтъ, сѣра утица!
Вынимала малыхъ дѣтушекъ,
Изъ меду, изъ патоки,
Изъ яствъ сахорныхъ,
Изъ питья медянаго[3].

5.

Селезень сизъ голубчикъ, селезень,
Хохлатой селезень!
Селезень догоняй утку,
Молодой догоняй утку.
Поди утушка домой,
Поди сѣрая домой!
У те семеро дѣтей,
Осмой селезень[4].

6.

Ай на горѣ мы пиво варили;
Ладо мое, Ладо, пиво варили!
Мы съ этого пива всѣ вкругъ соберемся;
Ладо мое, Ладо, всѣ вкругъ соберемся!
Мы съ этого пива всѣ разойдемся;
Ладо мое, Ладо, всѣ разойдемся!
Мы съ этого пива всѣ присядемъ,
Ладо мое, Ладо всѣ присядемъ!
Мы съ этого пива спать ляжемъ,
Ладо мое, Ладо, спать ляжемъ!
Мы съ этого пива опять встанемъ;
Ладо мое, Ладо, опять встанемъ!
Мы съ этого пива всѣ въ ладоши ударимъ;
Ладо мое, Ладо, въ ладоши ударимъ!
Мы съ этого пива всѣ перепьемся;
Ладо мое, Ладо, всѣ перепьемся!
Теперь съ этого пива всѣ передеремся;
Ладо мое, Ладо, всѣ передеремся[5]!

7.

Скажи, скажи воробышекъ,
Какъ дѣвицы ходятъ?
Они этакъ, и вотъ этакъ!
Туды глядь, сюды глядь,
Гдѣ молодцы сидятъ.
Скажи, скажи воробышекъ,
Какъ молодцы ходятъ?
Они этакъ, и вотъ этакъ!
Туды глядь, сюды глядь,
Гдѣ голубушки сидятъ!
Скажи, скажи воробышекъ,
Какъ старушки ходятъ?
Они этакъ, и вотъ этакъ!
Туды глядь, сюды глядь,
Гдѣ молодые сидятъ.
Скажи, скажи воробышекъ,
Какъ злые люди ходятъ?
Они этакъ, и вотъ этакъ!
Туды глядь, сюды глядь,
Гдѣ добрые сидятъ[6].

8.

Какъ пошелъ нашъ молодецъ
Вдоль улицы на конецъ.
Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ, Донъ[7]!
Ахъ, какъ звали молодца,
Позывали удальца!
Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ!
Сынъ Ивановичъ, Донъ!
Какъ во пиръ пировать,
Во бесѣдушку сидѣть,
На игрище поиграть.
Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ!
Сынъ Ивановичъ, Донъ!
Ужъ, какъ мнѣ-ли, молодцу,
Мало можется,
Мало можется,
Играть хочется.
Иль я выйду, молодецъ,
На свой новый на крылецъ,
Закричу я, молодецъ,
Громкимъ голосомъ своимъ:
Ахъ! какъ есть ли у меня
Слуги вѣрные мои?
Вы берите ключи,
Отмыкайте сундуки,
Вынимайте кафтанъ,
Рудожелтъ камчатъ;
Вынимайте шапку,
Черную мурмашку;
Вы подайте гусли,
Звончатые мои?
Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ!
Сынъ Ивановичъ, Донъ!
Какъ пошелъ нашъ молодецъ
Ко вдовушкѣ на конецъ.
Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ!
Сынъ Ивановичъ, Донъ!
Какъ садился молодецъ,
Какъ садился удалецъ
Противъ вдовушки на скамьѣ.
Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ!
Сынъ Ивановичъ, Донъ!
Заигралъ онъ во гусли,
Заигралъ во звончатые свои.
Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ, Донъ!
Молодецъ вдовѣ челомъ,
Уронилъ шапку долой.
Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ!
Сынъ Ивановичъ, Донъ!
Ужъ ты, вдовушка моя,
Молодая вдова,
Подними шапку мурмашку?
Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ!
Сынъ Ивановичъ, Донъ!
Не твоя, сударь, слуга,
Я не слушаю тебя:
Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ!
Сынъ Ивановичъ, Донъ,
Какъ пошелъ нашъ молодецъ
Вдоль улицы на конецъ.

Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ!
Сынъ Ивановичъ, Донъ!
Ахъ, какъ звали молодца,
Позывали удальца!
Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ!
Сынъ Ивановичъ, Донъ!
Какъ во пиръ пировать,
Во бесѣдушку сидѣть,
На игрище поиграть.
Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ!
Сынъ Ивановичъ, Донъ!
Какъ пошелъ нашъ молодецъ
Къ дѣвушкѣ на конецъ.
Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ!
Сынъ Ивановичъ, Донъ!
Какъ садился молодецъ,
Какъ садился удалецъ
Противъ дѣвушки на скамьѣ.
Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ!
Сынъ Ивановичъ, Донъ!
Заигралъ онъ во гусли,
Заигралъ во звончатые свои.
Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ!
Сынъ Ивановичъ, Донъ!
Молодецъ дѣвицѣ челомъ,
Уронилъ шапку долой.
Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ!
Сынъ Ивановичъ, Донъ!
Ужъ, ты, дѣвушка моя,
Ты, красная моя,
Подними шапку мурмашку?
Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ!
Сынъ Ивановичъ, Донъ!
Я твоя, сударь, слуга,
Я послушаюсь тебя.
Ахъ, Донъ, ты нашъ Донъ!
Сынъ Ивановичъ, Донъ[8]!

9.

Посмотрите добрые люди,
Какъ жена меня, молодца, не любитъ,
Душа, сердце мое, ненавидитъ!
Я поѣду во Китай городъ гуляти,
Молодой женѣ покупку покупати:
Саму, саму придиковинну юпку,
Саму, саму придиковинну кофту.
Жена моя, женушка,
Сердитое мое сердце!
Ты постой-ка, жена,
Я примѣрю на тебя,
Я примѣрю, приложу,
Я на женушку погляжу.
Посмотрите, добрые люди,
Какъ жена меня, молодца, не любитъ,
Душа, сердце мое, не навидитъ!
Я поѣду во Китай городъ гуляти,
Молодой женѣ покупку покупати:
Саму, саму придиковинну плетку.
Жена моя, женушка,
Сердитое мое сердце!
Ты постой-ка, жена,
Я примѣрю на тебя,
Я примѣрю, приложу,
Я на женушку погляжу.
Посмотрите добрые люди,
Какъ жена меня, молодца, любитъ,
Душа, сердце мое, поцѣлуетъ[9]!

10.

Заинька бѣленькой!
Хожу я по хороводу,
Гляжу я, смотрю я
По всему народу,
Ищу богатаго тестя.
Нашелъ я, нашелъ я
Богатаго тестя.
Будь ты мнѣ тестикъ,
А я тебѣ зятикъ!
Заинька бѣленькой!
Хожу я по хороводу,
Гляжу я, смотрю я
По всему народу,
Ищу я ласкову тещу.
Нашелъ я, нашелъ я
Ласкову тещу.
Будь ты мнѣ теща,
А я тебѣ зятикъ!
Заинька бѣленькой!
Хожу я по хороводу,
Гляжу я, смотрю я
По всему народу,
Ищу я богатаго шурина.
Нашелъ я, нашелъ я
Богатаго шурина.
Будь ты мнѣ шуринъ,
А я тебѣ зятикъ!
Заинька бѣленькой!
Хожу я по хороводу
Гляжу я, смотрю я
По всему народу,
Ищу я ласкову своячиню.
Нашелъ я, нашелъ я
Ласкову своячиню.
Будь ты мнѣ своячиня,
А я тебѣ зятикъ!

Заинька бѣленькой!
Хожу я по хороводу,
Гляжу я, смотрю я
По всему народу,
Ищу себѣ ладу милую.
Нашелъ я, нашелъ я
Себѣ ладу милую.
Будь ты мнѣ лада невѣстой,
А я тебѣ женихомъ!
Я выпивши пива,
Ударю тестя въ рыло;
Я прiѣвши пироги,
Пущу тещу-матушку въ толчки.
Осѣдлай шуринъ коня,
Поѣзжай шуринъ съ двора.
Ласковой своячинѣ
Подарю подарочикъ:
Шелкову плетку.
Веселъ я, веселъ,
Что одинъ остался,
Что одинъ остался
Съ своей ладо милой,
Съ своей ладо милой
Три раза поцѣлуюсь[10].

11.

Я малешенекъ у матушки родился,
Я глупешенекъ у батюшки женился;
Привелъ себѣ жену молодую,
Словно грушу зеленую,
Словно яблочко налитое.
А жена-то молодчика не взлюбила,
Негодяемъ молодчика называла.
Какъ пошла жена молодая,
Какъ сама загуляла безъ меня,
Ровно десять денечковъ
Ко мнѣ, мужу, не бывала,
На десятой денечекъ
Ко мнѣ жена приходила,
Не дошедши, остановилась,
Мнѣ, негодяю, поклонилась.
Ахъ, ты, мужъ негодный!
Будешь ли кормить хлѣбомъ?
Сударыня жена!
Буду кормить калачами.
Будешь ли, негодный,
Меня поить квасомъ?
Буду я поить сытой,
Сытой медовою.
Будешь ли, негодный,
Пускать меня въ гости?
Сударыня жена!
Ступай во всѣ[11].

12.

Какъ подъ лѣсомъ, подъ темнымъ
Выростала трава шелковая;
Какъ тутъ ходилъ, гулялъ
Заѣзжій гость;
Онъ во дудочку игралъ,
Онъ глядѣлъ, смотрѣлъ
Невѣсту себѣ.
Выходила красна дѣвка,
Тонка, высока,
Тонешенка, бѣлешенька,
Собой хороша.
Охъ, ты, дѣвушка душа,
Подь замужъ за меня!
Не пойдешь спокаешься,
Вспомянешь меня.
Сосѣдушки, собранушки!
Скажите вы мнѣ:
Каковъ человѣкъ?
Онъ пьяница, пропоица,
Удалая голова;
Онъ пропьетъ и тебя.
Какъ подъ лѣсомъ, подъ темнымъ
Выростала шелковая трава;
Какъ тутъ ходилъ, гулялъ
Заѣзжій гость;
Онъ въ дудочку игралъ,
Онъ глядѣлъ, смотрѣлъ
Невѣсту себѣ.
Выходила красна дѣвка,
И толста и кругла,
И толстехонька, и круглехонька,
Собой дурна.
Охъ, ты, дѣвушка душа,
Подь замужъ за меня!
Не пойдешь, вспокаешься,
Вспомнишь меня.
Сосѣдушки, собранушки!
Скажите вы мнѣ:
Каковъ человѣкъ?
Сосѣдушки, собранушки
Спохвалили молодца.
Ужъ, ты молодецъ,
Заѣзжій гость!
Вино кури, пиво вари,
Иду замужъ за тебя[12]!

13.

Ты не пой, соловей,
Ты не пой, молодой,
При долинѣ;
Ты не вей гнѣзда,

Ты не вей гнѣзда
При теремѣ.
Какъ во теремѣ дѣвица
Дорогой коверъ вышиваетъ;
Она золотомъ коверъ вышивала,
Она жемчугомъ коверъ унизала.
Ужъ, кому мой коверъ достанется?
Доставался мой коверъ
Старому мужу.
Я могу ковра убавить,
Я со всѣхъ сторонъ, со четырiихъ,
Я со всѣхъ угловъ, съ золотыихъ.
Какъ во теремѣ дѣвица
Дорогой коверъ вышиваетъ;
Она золотомъ коверъ вышивала,
Она жемчугомъ коверъ унизала.
Ужъ, кому мой коверъ достанется?
Доставался мой коверъ
Ладу милому.
Я могу ковра прибавить,
Я со всѣхъ сторонъ, со четырiихъ,
Я со всѣхъ угловъ, съ золотыихъ[13].

14.

Чрезъ кругъ летитъ утка,
Калина, малина моя!
Чрезъ нашъ хороводецъ.
Калина, малина моя!
Пора дѣвушекъ замужъ,
Калина, малина моя!
Пора красныихъ замужъ,
Калина, малина моя!
За крестьянскаго-ль сына?
Калина, малина моя!
У крестьянскаго сына
И толочь и молоть,
Рѣшетомъ подсѣвать.
Калина, малина моя!
Чрезъ кругъ летитъ утка,
Калина, малина моя!
Чрезъ нашъ хороводецъ.
Калина, малина моя!
Пора дѣвушекъ замужъ,
Калина, малина моя!
Пора красныихъ замужъ,
Калина, малина моя!
За боярскаго-ли сына?
Калина, малина моя!
У боярскаго сына
Окошки косыя,
Лакеи босые,
Собаки борзыя.
Калина, малина моя!
Чрезъ кругъ летитъ утка,
Калина, малина моя!
Чрезъ нашъ хороводецъ.
Калина, малина моя!
Пора дѣвушекъ замужъ,
Калина, малина моя!
Пора красныихъ замужъ,
Калина, малина моя!
За старостина-ль сына?
Калина, малина моя!
У старостина сына
Прянички сладенькие,
Медъ сыченой.
Калина, малина моя!
А мы сѣли, да съѣли[14].
Калина, малина моя!

15.

Какъ у насъ было за дворьемъ
Росла трава шелковая:
Ой люли, шелковая!
По той травѣ лада шла,
За ладой мужъ бредетъ.
Ой люли, шелковая!
Ты постой, лада моя,
Ты подожди, лада моя!
Ой люли, шелковая!
Я, сударь, не твоя,
Я родимаго батюшки.
Ой люли, шелковая!
Какъ у насъ было за дворьемъ
Росла трава шелковая!
Ой люли, шелковая!
Какъ шли молодцы изъ Москвы,
Вели коня подъ ковромъ,
Ой люли, шелковая!
Подъ золотымъ чепракомъ.
Конь копытомъ землю выбивалъ,
Ой люли, шелковая!
Бѣлъ камень выбивалъ.
Въ очиво камня нѣтъ,
Ой люли, шелковая!
Въ моемъ мужѣ правды нѣтъ;
Съ чужой женой водится,
Ой люли, шелковая!
Со мной, младой, ссорится,
Надо мной, младой, издѣвается.
Ой люли, шелковая!
Чужой женѣ башмаки,
А мнѣ младой котики.
Ой люли, шелковая!

Ужъ, я ли мужа подарю,
Сошью мужу рубашку,
Ой люли, шелковая!
Изъ тонкаго полотенца,
Изъ дерюжнаго конца[15].
Ой люли, шелковая!

16.

Ай вдоль, да по улицѣ,
Ай вдоль, да по широкой,
Ой люли, ой люли по широкой!
Шли тутъ дѣвушки,
Шли тутъ молодушки.
Ой люли, ой люли молодушки!
Меня, младу, съ собой звали,
Меня, младу, съ двора кликали.
Ой люли, ой люли кликали!
Вы постойте, подождите,
Бѣлы руки подожмите;
Ой люли, ой люли подожмите!
Я пойду-ль, я спрошаю-ль
У матушки, у свекра-батюшки.
Ой люли, ой люли батюшки.
Свекоръ-батюшка пусти погулять?
Свекровушка-матушка пусти погулять?
Ой люли, ой люли погулять!
Хотя пустимъ погулять,
Да безъ мужа не ходи.
Ой люли, ой люли не ходи!
Ужъ, мой ли мужъ старой старичища
Не пускаетъ одну на игрища!
Ой люли, ой люли на игрища!
Я пойду-ль, я спрошусь
Своего стараго мужа.
Ой люли, ой люли стараго мужа!
Пусти на улицу погулять,
Съ ребятами поиграть.
Ой люли, ой люли поиграть!
Хоть я отпущу гулять,
Прежде шкуру дай содрать[16].
Ой люли, ой люли содрать!

17.

Ахъ, и по морю! ахъ и по морю!
Ахъ, и морю, морю синему!
Плыла лебедь, плыла лебедь,
Лебедь бѣлая, со лебедушками,
Со малыми, со дитятами,
Ни тряхнется, ни ворохнется;
Плывши лебедь, встрепенулася,
Подъ ней вода всколыхнулася,
Плывши лебедь, вышла на берегъ.
Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся,
Гдѣ ни взялся младъ ясенъ соколъ;
Убилъ, ушибъ, убилъ, ушибъ,
Убилъ, ушибъ лебедь бѣлую;
Онъ кровь пустилъ по синю морю;
Онъ пухъ пустилъ, онъ пухъ пустилъ,
Онъ пухъ пустилъ, по подъ небесью;
Сорилъ перья, сорилъ перья,
Сорилъ перья по чисту полю.
Гдѣ ни взялась, гдѣ ни взялась
Красна дѣвица душа;
Брала перья, брала перья,
Брала перья лебединыя,
Клала въ шапку, клала въ шапку,
Клала въ шапку соболиную,
Милу дружку, милу дружку,
Милу дружку на подушечку,
Родну батюшкѣ, родну батюшкѣ,
Родну батюшкѣ на перинушку.
Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся,
Гдѣ ни взялся добрый молодецъ.
Богъ на помочь, Богъ на помочь,
Богъ на помочь красна дѣвица душа!
Она-жъ ему, она-жъ ему,
Она-жъ ему не поклонится.
Грозилъ парень, грозилъ парень,
Грозилъ парень красной дѣвицѣ:
Добро дѣвка, добро дѣвка,
Добро дѣвка, дѣвка красная!
Зашлю свата, зашлю свата,
Зашлю свата, за себя возьму;
Будетъ время, будетъ время,
Будетъ время и поклонишься мнѣ;
Будешь дѣвка, будешь дѣвка,
Будешь дѣвка у кроватушки стоять;
Будешь дѣвка, будешь дѣвка,
Будешь дѣвка бѣлы руки, руки цѣловать;
Будешь держать, будешь держать,
Будешь держать шелкову плеть въ рукахъ.
Я думала, я думала,
Я думала, что не ты идешь,
Что не ты идешь, не мнѣ кланяешься;
Я думала, я думала,
Я думала, что поповской сынъ,
Что поповской сынъ, воръ Алешинька[17]!

18.

Какъ у насъ во дворѣ,
Какъ у насъ во широкомъ,
Люли браво, во широкомъ!
Стоятъ дѣвушки въ кругу,
Стоятъ красныя въ кругу,
Люли браво, въ кругу!
Одной-то нѣтъ, одной-то нѣтъ,
Одной-то нѣтъ свѣтъ Марьюшки!
Люли браво, свѣтъ Марьюшки!

Она ждетъ, пождетъ къ себѣ,
Друга милаго, суженаго.
Люли браво, суженаго!
Стелю, стелю перинушку,
Стелю, стелю пуховую.
Люли браво, пуховую!
Кого люблю, кого люблю,
Кого люблю, тому подарю:
Люли браво, подарю!
Не дарикъ большой, а любовной,
Пуховую перинушку.
Люли браво, перинушку!
И ты выди, свѣтъ Машинка,
Ты бери за бѣлы руки суженаго;
Люли браво, суженаго!
Дари суженаго подаркомъ,
Дари ряженаго перинушкой[18].
Люли браво, перинушкой!

19.

Взойду на церковь, на маковку,
Уроню шелковину серебряную.
Ѣхалъ Людинъ,
Селиванъ Петровъ,
Подня лъ шелковину серебряную.
Мы ему сулили,
Мы ему дарили:
Три коня Татарскихъ,
Три плети Бухарскихъ,
Три ковра,
Золоты мохра;
Онъ просилъ дѣвицу,
Да молоденькую.
Эта куна, эта лиса;
Эта вылѣзь вонъ[19].

20.

Селезень, сизъ косатый,
Утѣха моя!
Молодецъ кудреватый,
Надежа моя!
Расчесалъ милый кудри,
Утѣха моя!
По алому кафтану,
Надежа моя!
По парчевому камзолу,
Утѣха моя!
Заигралъ милый во гусли,
Надежа моя!
Какъ струна струнѣ молвитъ:
Утѣха моя!
Пора молодцу женится,
Надежа моя!
На душѣ ли, на вдовицѣ?
Утѣха моя!
Не женись холостой,
Утѣха моя!
Не женись молодецъ,
Надежа моя!
На вдовѣ своенравной.
Надежа моя!
Селезень, сизъ косатый,
Утѣха моя!
Молодецъ кудреватый,
Надежа моя!
Расчесалъ милый кудрый,
Утѣха моя!
По алому кафтану,
Надежа моя!
По парчевому камзолу.
Утѣха моя!
Заигралъ милый въ гусли,
Надежа моя!
Какъ струна струнѣ молвитъ:
Утѣха моя!
Пора молодцу женится,
Надежа моя!
На душѣ-ль красной дѣвицѣ?
Утѣха моя!
Женись молодецъ,
Надежа моя!
Женись холостой,
Утѣха моя!
На дѣвицѣ красной[20].
Надежа моя!

21.

Я пойду, пойду во зеленой садъ гулять,
Поищу я молодаго соловья.
Соловей ты мой, батюшко!
Ты скажи, скажи мой младъ соловей:
Кому воля, кому нѣтъ воли гулять?
Молодушкамъ нѣтъ волюшки,
Краснымъ дѣвицамъ своя воля гулять.
У молодушки три кручинушки:
Да какъ первая кручинушка —
Слать пуховую перинушку;
А другая-то кручинушка —
Растворяй жена широки ворота;
А какъ третья-то кручинушка —
Ѣдетъ, ѣдетъ мой ревнивый мужъ домой;
Онъ везетъ, везетъ гостинецъ дорогой,
Шелкову плетку, гнуто кнутовье,
Да ударитъ меня межъ бѣлыхъ плечь.

Стану съ мужа я кафтанъ скидывати,
Часты пуговки растегивати;
Хоть и рученьки бѣлешеньки,
Хоть и пальчики тонешеньки,
На рукахъ ли золоты перстни,
Только стану, стану разувать,
Про замужню жизнь вспоминать[21].

22.

Какъ у нашихъ у воротъ,
Люли браво, у воротъ!
Стоялъ дѣвокъ хороводъ,
Люли браво, хороводъ!
У точеныхъ у дверей,
Люли браво, у дверей!
Всѣ дѣвки веселы!
Люли браво, веселы!
Одна дѣвка лучше всѣхъ,
Люли браво, лучше всѣхъ!
Авдотьюшка вдовина,
Люли браво, вдовина!
По бережку гуляетъ,
Люли браво, гуляетъ!
Рукавчикомъ махаетъ,
Люли браво, махаетъ!
Сердечушкомъ воздыхаетъ,
Люли браво, воздыхаетъ!
Словечушко говоритъ:
Люли браво, говоритъ!
Ахъ, свѣтъ моя сторона,
Люли браво, сторона!
Покровская слобода!
Люли браво, слобода!
Ужъ, мнѣ въ тебѣ не бывать,
Люли браво, не бывать!
Пивца, винца не пивать,
Люли браво, не пивать!
Сладкихъ яблокъ не ѣдать,
Люли браво, не ѣдать!
Съ молодцами не гулять!
Люли браво, не гулять[21]!

22.

Какъ у насъ во пиру,
Какъ у насъ во бесѣдѣ,
Ай люли, люли, во бесѣдѣ!
Всѣмъ молодушкамъ весело,
Всѣмъ Ивановнамъ весело;
Ай люли, люли, весело!
Одной молодушкѣ грустно,
Одной молодушкѣ скучно!
Ай люли, люли, скучно!
Ужъ, у ней ли старый мужъ,
Ужъ, у ней ли старый грибъ;
Ай люли, люли, старый грибъ!
Молодушкѣ погулять,
Молодушкѣ побывать,
Ай люли, люли, побывать!
Съ ребятами поиграть,
Съ неженатыми потолковать,
Ай люли, люли, потолковать!
Запрещаетъ, не велитъ,
Грозитъ бѣдную побить,
Ай люли, люли, побить!
Слезы катятся, играть хочется,
А стару мужу не покорюсь.
Ай люли, люли, не покорюсь!
Отпусти, сударь, батюшка,
На улицу погулять?
Ай люли, люли, погулять!
Я пошла, млада, разгулялась,
Въ зеленомъ саду разыгралась,
Ай люли, люли, разыгралась!
Все съ ребятами, съ неженатыми;
Что заря пришла, я домой пошла;
Ай люли, люли, домой пошла!
Родной батюшка у воротъ стоитъ.
Ты поди, поди моя бѣдная,
Ай люли, люли, бѣдная!
Твой высокъ теремъ растворши стоитъ,
Твой ревнивый мужъ за столомъ сидитъ,
Ай люли, люли, сидитъ!
Шелкова плетка на столѣ лежитъ,
Толстая дубина передъ нимъ.
Ай люли, люли, передъ нимъ!
Я взошла во высокъ теремъ,
Мой высокъ теремъ затворяется,
Ай люли, люли, затворяется!
Мой ревнивый мужъ подымается,
За шелкову плеть принимается,
Ай люли, люли, принимается!
Плетка свиснула, руда брызнула.
Ужъ, ты, гдѣ была жена страдница?
Ай люли, люли, страдница!
Я была молода въ зеленомъ саду,
Все съ ребятыми, съ неженатыми[23].
Ай люли, люли съ неженатыми!

24.

Дѣвушки вино курили,
Красныя вино курили,
По молодца посылали,
По добраго человѣка,
По гостинаго сына.

Самъ молодецъ выглядываетъ,
Самъ жидовинъ отговариваетъ:
Дѣвушки! я не буду къ вамъ,
Красныя! вы не ждите меня.
Дѣвушки пиво варили,
Красныя вино курили,
По молодца посылали,
По добраго человѣка,
По гостинаго сына.
Самъ молодецъ выглядываетъ,
Самъ жидовинъ отговариваетъ:
Дѣвушки! я не буду къ вамъ,
Красныя! вы не ждите меня.
Дѣвушки меды ставили,
Красныя меды ставили,
По молодца посылали,
По добраго человѣка,
По гостинаго сына.
Самъ молодецъ выглядываетъ,
Самъ жидовинъ отговариваетъ:
Дѣвушки! я не буду къ вамъ,
Красныя! вы не ждите меня!
Дѣвушки баню топили,
Красныя баню тополи,
По молодца посылали,
По добраго человѣка,
По гостинаго сына.
Самъ молодецъ выглядываетъ,
Самъ жидовинъ приговариваетъ:
Дѣвушки! и я буду къ вамъ,
Красныя! вы не ждите меня.
Дѣвушки приготовили,
Красныя приготовили:
Три дубины дубовыя,
Три хворостины березывыя,
Три прута жимолостные.
Какъ идетъ молодецъ
На широкій къ нимъ дворъ,
Шапочкой потряхиваетъ,
Зеленъ кафтанъ охорашиваетъ,
Сапоги на ножкахъ оправливаетъ.
Какъ учали молодца парити,
Въ три дубины дубовыя,
Въ три хворостины березывыя,
Въ три прута жимолостные.
Какъ идетъ молодецъ съ широка двора,
Сапожки на ножкахъ не оправливаетъ.
Еще, дай Богъ, у дѣвушекъ
Вѣкъ не бывать,
Въ баньки у дѣвушекъ не париватися!
Щелокъ мылокъ,
Вѣникъ мякокъ
Въ спину льнетъ[26].

25.

Какъ изъ улицы идетъ молодецъ,
Изъ другой идетъ красна дѣвица,
По близехоньку сходилися,
По низехоньку поклонилися.
Да что возговоритъ добрый молодецъ:
Ты здорово-ль живешь, красная дѣвица?
Я здорова живу, милъ сердечный другъ;
Каково ты жилъ безъ меня одинъ?
Давно мы съ тобою не видалися,
Говоритъ дѣвка улыбаючись,
Что съ той поры, какъ разсталися.
Говоритъ ей добрый молодецъ:
Мы пойдемъ гулять на царевъ кабакъ,
Мы за рубль возьмемъ зелена вина,
За другой возьмемъ меду сладкаго,
А за третій возьмемъ пива пьянаго,
За двѣ гривенки сладкихъ пряничковъ.
Какъ возговоритъ красна дѣвица:
Я нейду гулять на царевъ кабакъ;
Я боюсь, боюсь роднаго батюшки,
Я боюсь, боюсь родной марушки.
Тутъ разсталися и прощалися,
Промежду себя цѣловалися.
Ты прости, прости добрый молодецъ,
Ты прости, милъ сердечный другъ!
Да что возговоритъ добрый молодецъ:
Ты прости, прости моя ладушка,
Ты прости, радость красна дѣвица[23]!

26.

Передъ нашими вороты,
Передъ нашими вороты,
Люли, люли бурлаки!
Передъ нашими вороты
Разыгралися ребята.
Люли, люли бурлаки!
Всѣ ребята молодые,
Молодые, холостые;
Люли, люли бурлаки!
Они шуточку шутили,
Во новы сѣни вскочили,
Люли, люли бурлаки!
Во новы сѣни вскочили,
Новы сѣни подломили,
Люли, люли бурлаки!
Красну дѣвку подманили,
Во новы сани садили;
Люли, люли бурлаки!

Ты садися, дѣвка, съ нами,
Ты поѣдешь, дѣвка, съ нами,
Люли, люли бурлаки!
Съ нами, съ нами молодцами,
Съ понизовыми бурлаками;
Люли, люли бурлаки!
У насъ жить будетъ добренько:
У насъ горы золотыя,
Люли, люли бурлаки!
У насъ горы золотыя,
Въ горахъ камни дорогіе.
Люли, люли бурлаки!
На обманъ дѣвка сдалася,
На бурлацкіе пожитки;
Люли, люли бурлаки!
А бурлацкіе пожитки,
Что добры, да не велики,
Люли, люли бурлаки!
Что добры, да не велики:
Одна ложка, да котомка,
Еще третья-то обортка[26].
Люли, люли бурлаки!

27.

Какъ у насъ въ околицѣ,
Какъ у насъ во свѣтличькѣ,
Подъ окномъ дѣвица сидѣла
Подъ краснымъ, косящетымъ,
Буйну голову чесала,
Свою русу косу плела,
Свою русу косу плела,
Къ себѣ друга милаго ждала.
Погляжу млада въ окошко:
Ужъ, не идетъ ли милый другъ?
Ужъ, какъ мой милъ идетъ,
Что ясенъ соколъ летитъ,
Шапочку охорашиваетъ,
Бѣлыми руками помахиваетъ,
Черными кудрями потряхиваетъ.
Я выходила, молода,
Изъ высокаго терема
На широкій дворъ,
Встрѣчать друга милаго.
За бѣлы руки хватала,
Во высокъ теремъ вводила,
Подъ косящето окно сажала.
Ужъ ты, милой другъ,
Порадуйся со мной,
Подивись моей русой косѣ!
Ахъ, ты, косынька, коса,
Коса, дѣвичья краса!
Ужъ, какъ ты ли, русая коса,
Изсушила меня молодца.
Потускнѣли черны очи,
Позавялъ румянецъ на лицѣ;
Нѣту удали у добраго,
Нѣту радости у молодчика.
Не плачь, не горюй,
Другъ сердечный мой!
Моя русая коса
Не на горе рождена;
Моя русая коса
На роду тебѣ обречена.
И по батюшкину велѣнью,
И по матушкину согласью,
Расплетаетъ мою косу
Разладница сваха.
Ужъ, ты, русая коса,
Расплетайся поскорѣй;
Ужъ, ты, красная дѣвица,
Выдь скорѣй за меня[27].

28.

За моремъ Синичка не пышно жила,
Не пышно жила, пиво варивала,
Солоду купила, хмѣлю въ займы взяла,
Черной Дроздъ пивоваромъ былъ.
Дай же намъ Боже, пиво-то сварить,
Пиво-то сварить и вина накурить.
Созовемъ къ себѣ гостей, мѣлкихъ пташечекъ.
Совушка, вдовушка, не званая пришла.
Снигирюшка по сѣничкамъ похаживаетъ,
Соловушка головушку поглаживаетъ.
Стали всѣ птички межъ собой говорить:
Что же ты, Снигирюшка, не женишься?
Радъ бы я женился, да нѣкого взять!
Взялъ бы я Пернатку—та матка моя;
Взялъ бы я Чечетку—та тетка моя;
Взялъ бы я Синичку—сестричка моя;
Взялъ бы я Сороку—щекотливая;
Есть за моремъ Перепелочка,
Та мнѣ ни матушка, ни тетушка;
Ту я люблю, ту за себя возьму.
Здраствуй хозяинъ съ хозяюшкою,
Со малыми дитятами[28]!

29.

Подойду, подойду,
Подъ Царь-городъ подойду!
Вышибу, вышибу,
Копьемъ стѣну вышибу!
Выкачу, выкачу

Съ казной бочку выкачу!
Подарю, подарю,
Люту свекру-батюшкѣ!
Будь добръ, будь добръ —
Какъ родимый батюшка!
Подойду, подойду,
Подъ Царь-городъ подойду!
Вышибу, вышибу,
Копьемъ стѣну вышибу!
Вынесу, вынесу,
Лисью шубу вынесу!
Подарю, подарю
Люту свекровь-матушку!
Будь добра, будь добра —
Какъ родима матушка[29]!

30.

Ходилъ нашъ свѣтлый князь,
Ходилъ около своего города,
Ходитъ около своего высокаго,
Ищетъ нашъ свѣтлый князь,
Ищетъ нашъ добрый князь,
Свою ли свѣтлую княгиню,
Свою ли добрую княгиню.
Ходитъ, ходитъ князь,
Ходитъ кругомъ города;
Онъ сѣчетъ, онъ рубитъ
Своимъ мечемъ ворота.
Скоро ли, свѣтлый князь,
Сыщемъ красну дѣвицу?
Ужъ я ли гдѣ найду
Красну дѣвицу, княгиню,
Ту ли дѣвицу княгиню,
Златымъ перстнемъ подарю[30].

31.

Княжій сынъ хороберъ,
Да ты что ходишь, гуляешь?
Княжій сынъ хороберъ,
Да мы что примѣчаешь?
Скажу вамъ друзья, подруженьки:
Какъ хожу я, какъ гуляю,
Какъ хожу я, какъ примѣчаю
Все свою лишь молодую.
Вѣдь моя-то княгиня,
Вѣдь моя-то молодая
Во Новѣ-городѣ гуляетъ,
На Торговой сторонѣ играетъ:
Ужъ на моей ли княгинѣ,
Ужъ на моей ли молодой
Красенъ вѣнчикъ сіяетъ,
Сарафанъ на ней камчатный,
Убрусецъ весь жемчужный,
Алы бархатны башмачки,
Два яхонта во серьгахъ,
Два алмаза во глазахъ,
Со походкой лебединой,
Со поступью орлиной[31].

32.

Жилъ курилка у воротъ,
Жилъ чижикъ у воротъ,
Жилъ воробышекъ у воротъ,
Воробышекъ маленькій,
Чижикъ желтенькій.
Ахъ! братцы, мало насъ!
Голубчики, немножко!
Вы сбирайтесь, молодые,
Вы сходитесь, холостые,
Въ хороводѣ людей мало,
Веселиться не съ кѣмъ стало.
Ахъ! братцы, мало насъ,
Голубчики, немножко!
Вы сбирайтесь, молодыя,
Вы сходитесь, красныя.
Еремѣй, сударь, иди къ намъ,
Ивановичъ приступись!
Ахъ! братцы, мало насъ,
Голубчики, немножко!
Чижикъ, пыжикъ у воротъ,
Воробышекъ въ хороводѣ[32].

33.

Подъ берегомъ селезень,
Подъ кремнистымъ селезень.
Выди, выди селезень,
Выди хохлатый селезень?
Студено ли те, селезень?
Мнѣ не то тепло,
Мнѣ не то студено,
Мнѣ не то одному.
Принодѣнься селезень,
Вотъ со дѣвушки вѣнокъ,
Со молодушки платокъ,
Съ старой бабы шлыкъ,
Съ малаго дитяти пеленка,
Съ мужика, бурлака,
Полъ-караблика,
Съ сѣрой утицы
Сизой пухъ[33].

34.

Подлѣ рѣчки стоялъ частъ ракитовъ кустъ,
За кустомъ лежалъ сиротинушка,

На кустику соловейка пѣсни пѣлъ,
А сиротинушка высвистывалъ:
У моего дружка у сердечнаго
Былъ пиръ на весь міръ,
Всѣ гости сходилнсь, гости съѣзжалися,
Не было только одной голубушки!
Подлѣ рѣчки стоялъ частъ ракитовъ кустъ,
За кустомъ лежалъ сиротинушка,
На кустику соловейка пѣсни пѣлъ,
А сиротинушка высвистывалъ:
Вотъ она идетъ, будто пава плыветъ,
Рѣчи ведетъ, будто лебедь поетъ!
Мнѣ жаль тебя, сиротинушку,
А жалчей того батюшку,
А жалчей того матушку;
У батюшки со матушкой
Я одна во дому всѣмъ ворочу;
У мила дружка во терему
Я послушница свекровушки;
У тебя ли, сиротинушки,
Я лежу у сердечушка[34].

35.

1. Бояре! да вы по что пришли?
Молодые, да вы по что пришли?
2. Княгини! да мы невѣстъ смотрѣть!
Молодыя, да мы невѣстъ смотрѣть!
1. Бояре! покажите жениха?
Молодые, покажите жениха?
2. Княгини! во се нашъ женишокъ!
Молодыя, во се нашъ женишокъ!
1. Бояре! покажите теремъ?
Молодые покажите теремъ?
2. Княгини! во се дѣвичій теремъ!
Молодыя, во се дѣвичій теремъ!
1. Бояре! покажите кафтанъ?
Молодые покажите кафтанъ?
2. Княгини! во се нашъ кафтанъ!
Молодыя, во се нашъ кафтанъ!
1. Бояре! покажите кушакъ?
Молодые, покажите кушакъ?
2. Княгини! во се нашъ кушакъ!
Молодыя, во се нашъ кушакъ!
1. Бояре! покажите сапоги?
Молодые, покажите сапоги?
2. Княгини! во се нашъ сапожокъ!
Молодыя, во се нашъ сапожокъ!
1. Бояре! идите во теремъ?
Молодые, идите во теремъ?
2. Княгини! поздороваться!
Молодыя, со всѣмъ поѣздомъ[35]!

36.

Во саду ли было, подъ яблонью,
Въ зеленомъ, подъ кудрявою,
Соловей выщекочетъ,
Молодой выщекочетъ.
Въ терему-то
Свѣтъ у красной дѣвицы,
Во высокомъ-то у души,
Красны дѣвицы играютъ.
Ужъ, ты слышишь ли,
Красна дѣвица,
Свѣтъ душа?
Тебя батюшка кличетъ,
Тебя свѣтъ родной кличетъ?
Охъ! вы, свѣтъ мой подруженьки,
За чѣмъ раньше не сказали,
Я право не слыхала.
Во саду ли было, подъ яблоныо,
Въ зеленомъ, подъ кудрявою,
Соловей выщекочетъ,
Молодой выщекочетъ.
Въ хороводѣ красны дѣвицы
У воротъ стоятъ,
Въ хороводѣ красны дѣвицы
Всей околицей играютъ.
Ужъ, ты слышишь ли,
Красна дѣвица,
Свѣтъ душа?
Тебя подруженки манятъ,
Молодой по дороженькѣ идетъ.
Охъ! вы, свѣтъ мои подруженки,
Я давно сама завидѣла,
Я сама къ нему иду[36].

37.

У душечки, красной дѣвицы
Зеленъ огородецъ,
Новый, новый огородецъ,
Чистой частоколецъ.
Подъ тотъ-ли огородецъ,
Подъ тотъ-ли частоколецъ,
Ручеекъ течетъ.
Покатился частоколецъ,
Повалился частоколецъ,
Къ землѣ приклонился.
Отъ того частокольца
Сбито три тычочка,
Отъ того отъ тынычка
Лежатъ три слѣдочка.
Ужъ тѣ три слѣдочка
Снѣжкомъ призапали.
Три дружечка

Про красну дѣвицу
Небыль насказали,
Небыль, небыль, небылицу,
Небылыя рѣчи:
Будто красна дѣвица
Порану вставала,
По утру рано вставала,
Голову чесала,
Русу косу заплетала,
Лентой перевивала.
На зарѣ ранешенько
Друга провожала,
Друга провожала
До зеленаго луга.
Со полу-дороги ворочалась,
Съ милымъ не прощалась[37].

38.

Около сыра дуба,
Люли, люли, дуба!
Растетъ черень черница,
Люли, люли, черница!
А во той ли во черницѣ,
Люли, люли, во черницѣ!
Черенъ соболь скачетъ;
Люли, люли, скачетъ!
Поскачи, поскачи соболь,
Люли, люли, соболь!
По чисту полю,
Люли, люли, полю!
Поплови, поплови утя,
Люли, люли, утя!
По тиху Дунаю;
Люли, люли, Дунаю!
Ищи себѣ друга,
Люли, люли, друга!
Ищи себѣ любушку.
Люли, люли, любушку!
Около сыра дуба,
Люли, люли, дуба!
Растетъ черень черница,
Люли, люли, черница!
А во той-ли во черницѣ,
Люли, люли, во черницѣ!
Красныхъ дѣвицъ хороводъ.
Люли, люли, хороводъ.
Скачите вы, дѣвушки, пляшите;
Люли, люли, пляшите!
Вы, холостые, не смотрите.
Люли, люли, не смотрите!
Смотрючи, дѣвушку не взяти,
Люли, люли, не взяти!
Взять ли, не взять по любови,
Люли, люли, по любови!
По батюшкину благословенью,
Люли, люли, благословенью!
По матушкину умоленью[38].
Люли, люли, умоленью!

39.

Изъ-за бору, бору,
Изъ-за зеленаго,
Протекала свѣтъ
Быстрая рѣчка,
Стучала, гремѣла
По кремнямъ острымъ,
Обрастала быстра рѣчка
Калиной, малиной.
На калиновомъ мосточкѣ
Сидѣла голубка,
Ноженьки мыла,
Перемывала,
Свое сизо перышко
Перебирала,
Свою буйну голову
Чесала,
Перебравши сизо перье,
Перечесавши буйну голову,
Сама взворковала:
Завтра по утру
Батюшка будетъ;
Хоть онъ будетъ, аль не будетъ,
Тоски не убудетъ;
Въ двое, въ трое у голубки
Печали прибудетъ[39].

40.

Со высокихъ воротъ,
Со высокихъ воротъ,
Вдоль по дороженькѣ,
Вдоль по пробойной,
Летитъ соколъ,
Ѣдетъ молодецъ.
Соколъ ли мой, соколъ,
Залетная пташка!
Ты проѣзжій, добрый молодецъ,
Привезъ меня молоду
Въ чужу дальню сторону;
Сушилъ, крушилъ три года,
Велѣлъ, грозилъ молодой
Забыть родиму сторону.
Напишу-ль я граматку
По бѣлому бархату
Чистымъ, краснымъ золотомъ;
Отошлю я свою граматку
Въ дальный городъ Астрахань,

Къ родимому батюшкѣ,
Къ родимой матушкѣ.
У меня-ли, у младой,
Все горе, да кручинушка;
У меня-ли, у младой,
Все сердечушко изныло;
У меня-ли, у младой,
Есть зазнобушка одна.
Прикажи, сударь, батюшка,
Прикажи, сударыня, матушка:
Скакать, плясать, жировать?
Скачи, пляши, дитятко,
Жируй, осударыня,
Покамѣсть старость не пришла!
Ужъ какъ старость ли придетъ,
Всѣ забаушки припшбетъ[40].

41.

Какъ у насъ ли во селѣ
Красны дѣвицы пригожи,
Пригожи, да румяны,
Ясны очи, заглядчиваты!
Ужъ и что дѣвицы завидятъ,
Все на ясны очи берутъ.
А у нихъ мука мѣлка овсяна,
Овсяна, мѣлко вытолчена,
Мѣлко вытолчена,
Въ рѣшето высѣяна.
Какъ у насъ во селѣ
Есть вдовушка честна,
У ней дочька умна, учена;
Она во теремѣ сидитъ,
Въ рукахъ пялички держитъ,
Всѣ узоры вышиваетъ[41].

42.

Ай во полѣ, ай во полѣ,
Ай во широкомъ раздольѣ
Стоятъ шатры, стоятъ полотняные!
Во шатрахъ сидятъ князья, бояре,
За шатромъ гостинъ сынъ гуляетъ.
Онъ во гусли играетъ,
Дѣвушку утѣшаетъ:
Не плачь, не плачь, дѣвушка,
Не плачь, не плачь, красная!
Сошью тебѣ, дѣвушка,
Шупку, юбку, тѣлогрѣйку,
Монисту со камнями,
Серги съ жемчугами.
Ай во полѣ, ай во полѣ,
Ай во широкомъ раздольѣ
Стоятъ шатры, стоятъ полотняные!
Въ шатрахъ сидятъ князья, бояре,
За шатромъ красна дѣвица гуляетъ.
Она рѣчи ведетъ
Къ гостину молодцу:
Не надобно, молодецъ,
Ни шубки, юбки, тѣлогрѣйки,
Ни монисты со камнями,
Ни серегъ съ жемчугами;
Пусти меня, молодецъ,
Ко дѣвичью стадичку!
Тогда я тебя отпущу,
Когда русу косу расплету[42].

43.

Чрезъ рѣченьку лежала,
Чрезъ рѣченьку лежала
Тонка, гибка жердиночка,
Что никто по той жердиночкѣ не пройдетъ.
Только шли, прошли стары бабы,
Стары бабы старобразы.
Еще смѣть ли спросить старыхъ бабъ,
Еще что въ городу вздорожало?
Вздорожали, вздорожали молоды бабы:
На овсяной блинъ по три бабы,
А четверта провожата,
А пятая на придачу.
Чрезъ рѣченьку лежала,
Чрезъ рѣченьку лежала
Тонка, гибка жердиночка,
Что никто по той жердиночкѣ не пройдетъ.
Только шли, прошли молоды бабы,
Молоды бабы, пригожія.
Еще смѣть ли спросить молодыхъ бабъ,
Еще что въ городѣ вздорожало?
Вздорожали, вздорожали добры молодцы:
Еще восемь молодцовъ на полденьги,
А девятый провожатый,
А десятый на придачу.
Чрезъ рѣченьку лежала,
Чрезъ рѣченьку лежала
Тонка, гибка жердиночка,
Что никто по той жердиночкѣ не пройдетъ.
Только шли, прошли добры молодцы.
Еще смѣть ли спросить добрыхъ молодцовъ,
Еще что въ городѣ вздешевѣло?
Вздешевѣли, вздешевѣли красны дѣвушки:
По сту рублей красна дѣвица,
А по тысячѣ дѣвицъ на копѣйку[43].

44.

На горѣ калинушка стояла,
Разноцвѣтомъ разцвѣтала,
На калинушкѣ сидитъ соловейка,
Веселыя пѣсни распѣваетъ,

Холостому молодцу вѣсть подаетъ:
Пора тебѣ, молодецъ, жениться.
Пойду ли я на матушку на Волгу,
Къ набольшому тамъ атаману.
Чѣмъ меня государь-батюшка подаруетъ?
Подарилъ меня государь-батюшка женою,
Глупою женою, неразумной:
Я за гудокъ, а она за прялку;
Я въ гудокъ играти, а она мотати.
Не зачѣмъ въ люди на кручину,
Дома кручинушки довольно.
На горѣ калинушка стояла,
Разноцвѣтомъ расцвѣтала;
На калинушкѣ сидитъ соловейка
Веселыя пѣсни распѣваетъ,
Холостому молодцу вѣсть подаетъ:
Пора тебѣ, молодецъ, жениться,
Тебѣ, старой бабѣ, постричься.
Пойду ли я на матушку на Волгу,
Къ набольшому тамъ атаману.
Чѣмъ меня государь-батюшка подаруетъ?
Подарилъ меня государь-батюшка женою,
Умною женою и разумной:
Я за гудокъ, а она за пѣсни,
Я въ гудокъ играти, а она плясати.
Не зачѣмъ въ люди по веселье,
Дома весельица довольно[44].

45.

Какъ за горницей, за повалушею
Не въ гусли играютъ,
Не въ свирѣли говорятъ;
Говорятъ мои подруженьки
На игрища идти.
Ужъ меня, молодешеньку,
Свекоръ не пускаетъ,
Заставляетъ свекоръ батюшка:
Гумно чистить,
Метлой мести,
Метлой мести,
Дѣтей качать.
Ужъ я ли въ сердце взойду,
И метлу изломлю,
И гумно истопчу,
И дѣтей уложу;
А сама-то молодешенька
На игрище пойду:
Наскачуся, напляшуся,
Наиграюсь молода.
Какъ за горницей, за повалушею
Не въ гусли играютъ,
Не въ свирѣли говорятъ;
Говорятъ мои подруженьки
На игрищи идти.
Ужъ меня, молодешеньку,
Свекровь не пущаетъ,
Заставляетъ свекровь матушка:
Красенца ткать,
Конопли брать,
По воду ходить,
Избы топить,
Ребятъ кормить.
Ужъ я ли въ сердце войду,
Красна изорву, берды изломлю,
Конопли изомну,
Кувшины перебью,
Дѣтей накормлю;
А сама то молодешенька
На игрище пойду:
Наскачуся, напляшуся,
Наиграюсь молода[45].

46.

Какъ во городѣ было Казани,
Протекала тутъ Волга рѣка,
По той-то, по Волгѣ рѣкѣ
Проплывала осетръ рыба,
Что осетръ рыба свѣжая.
Ой вы, ребята молодые!
Вы берите широки невода,
Вы ловите осетръ рыбу свѣтлую.
Какъ бы эту осетръ рыбу
По добру привелось изловить
Хозяину на столы дубовые,
Да на скатерти браныя,
Да на блюда на серебряныя.
Какъ во городѣ было Казани,
Протекала тутъ Волга рѣка,
По той-то, по Волгѣ рѣкѣ
Плывутъ добры молодцы
На волжаныхъ лодеичкахъ.
Какъ передъ ними во дали,
Что вдали, въ чистомъ полѣ,
Разыгралися черные соболи.
Ой вы, ребята молодые!
Вы берите широки путы,
Вы ловите черные соболи.
Какъ бы эти черные соболи
По добру привелось изловить
Хозяюшки на шубу, да на бѣлы плечи[46].

47.

Ужъ вы, дѣвушки, играйте,
Ужъ вы, красныя, веселитесь!
Вотъ со дѣвушки вѣнокъ,
Вотъ со молодушки платокъ,
Ужъ со старой старушки

Вотъ шелковой платокъ.
Ужъ вы, дѣвушки, играйте,
Ужъ вы, красныя, веселитесь!
Чей вѣнокъ толочу, волочу,
Чей вѣнокъ толочу, волочу,
По подлавичью, по залавичью?
Ужъ вы, дѣвушки, играйте,
Ужъ вы, красныя, веселитесь!
Я не дамъ вѣнка топтать,
Я не дамъ вѣнка толочить!
Я сама ли выскачу,
Я сама ли выпляшу.
Ужъ вы, дѣвушки, играйте,
Ужь вы, красныя, веселитесь!
Чей платокъ толочу, волочу,
Чей платокъ толочу, волочу
По полицѣ, по скамѣичкѣ?
Ужъ вы, дѣвушки, играйте,
Ужъ вы, красныя, веселитесь!
Я не дамъ платка топтать,
Я не дамъ платка толочить!
Я сама ли выскачу
Я сама ли выпляшу.
Ужъ вы, дѣвушки, играйте,
Ужъ вы, красныя, веселитесь!
Чей шелковой толочу, волочу,
Чей шелковой толочу, волочу
По улицѣ, по задворицѣ?
Ужъ вы, дѣвушки, играйте,
Ужъ вы, красныя, веселитесь!
Я не дамъ шелкова топтать,
Я не дамъ шелкова толочить!
Я сама ли выскачу,
Я сама ли выпляшу.
Ужъ вы, дѣвушки, играйте,
Ужъ вы, красныя, веселитесь!
Ты, старушка стара,
Не подъ силу молода,
Ты станомъ коротка,
Ты плечами широка.
Ужъ вы, дѣвушки, играйте,
Ужъ вы, красныя, веселитесь!
Я станомъ коротка,
Я плечами широка,
А на эти-то плеча
Три рябиновыхъ дубца,
Три дубца распареные,
Три дубца разжареные.
Ужъ вы, дѣвушки, играйте,
Ужъ вы, дѣвушки, веселитесь!
А у те подпояска долга,
Что полусеми сажень изба,
Повернуться нельзя.
Ужъ вы, дѣвушки, играйте,
Ужъ вы, красныя, веселитесь!
Я повернула, пошла,
Будто ягода красна,
Будто земляника хороша.
Ужъ вы, дѣвушки, играйте
Ужъ вы, красныя, веселитесь!
А у те что за чеботы?
Ты обейка чеботы,
Ты пробейка чеботы.
Ужъ вы, дѣвушки, играйте,
Ужъ вы, красныя, веселитесь!
Мнѣ не мужъ ихъ купилъ,
Мнѣ никто заводилъ,
Заводилъ Константинъ
На свои шесть алтынъ;
Хоть истопчутся,
Хоть износятся,
Мой батюшка-то швецъ,
Мой женихъ то кузнецъ,
Моя матушка прядеюшка,
Мнѣ вервицу напрядетъ[47].
Ужъ вы, дѣвушки, играйте,
Ужъ вы, красныя, веселитесь!

48.

По широкой по рѣкѣ,
По раздольной по Окѣ
Плыветъ селезень.
Люли, люли, селезень!
Ты стой, постой,
Ты стой, постой
Хохлатый селезень:
Люли, люли, селезень!
У тебя ли во дому
Повернулось по бревну,
По бревну, по сосновому.
Люли, люли, селезень!
По широкой по рѣкѣ,
По раздольной по Окѣ
Плыветъ суденышка:
Люли, люли, селезень!
На суденышкѣ дѣтинушка,
На дѣтинушки рубашечка,
Подъ сердечушкомъ зазнобушка.
Люли, люли, селезень!
У тебя ли во дому
Сочинилася бѣда:
Измѣнила молода[48].
Люли, люли, селезень!

49.

Ай во полѣ, ай во полѣ,
Ай во полѣ липинка!

Подъ липою, подъ липою,
Подъ липою бѣлъ шатеръ.
Во томъ шатрѣ, во томъ шатрѣ,
Во томъ шатрѣ столъ стоитъ,
За тѣмъ столомъ, за тѣмъ столомъ,
За тѣмъ столомъ дѣвица,
Рвала цвѣты, рвала цвѣты,
Рвала цвѣты со травы,
Вила вѣнокъ, вила вѣнокъ,
Вила вѣнокъ съ городы,
Со дорогимъ, со дорогимъ,
Со дорогимъ яхонтомъ.
Кому вѣнокъ, кому вѣнокъ,
Кому вѣнокъ износить?
Носить вѣнокъ, носить вѣнокъ,
Носить вѣнокъ старому.
Старому вѣнокъ, старому вѣнокъ,
Старому вѣнокъ не сносить,
Мою молодость, мою молодость,
Мою молодость не сдержать.
Ай во полѣ, ай во полѣ,
Ай во полѣ липинка!
Подъ липою, подъ липою,
Подъ липою бѣлъ шатеръ,
Во томъ шатрѣ, во томъ шатрѣ,
Во томъ шатрѣ столъ стоитъ,
За тѣмъ столомъ, за тѣмъ столомъ,
За тѣмъ столомъ дѣвица,
Рвала цвѣты, рвала цвѣты,
Рвала цвѣты со травы,
Вила вѣнокъ, вила вѣнокъ,
Вила вѣнокъ съ городы,
Со дорогимъ, со дорогимъ,
Со дорогимъ яхонтомъ.
Кому вѣнокъ, кому вѣнокъ,
Кому вѣнокъ износить?
Носить вѣнокъ, носить вѣнокъ,
Носить вѣнокъ милому;
Милому вѣнокъ, милому вѣнокъ,
Милому вѣнокъ износить;
Мою молодость, мою молодость,
Мою молодость содержать[49].

50.

У воробушки головушка болѣла!
Охъ, какъ болѣла?
Такъ болѣла, такъ болѣла, такъ болѣла!
У воробушки сердечушко щемило!
Охъ, какъ щемило?
Такъ щемило, такъ щемило, такъ щемило!
У воробушки спинушка болѣла!
Охъ, какъ болѣла?
Такъ болѣла, такъ болѣла, такъ болѣла!
У воробушки рученька болѣла!
Охъ, какъ болѣла?
Такъ болѣла, такъ болѣла, такъ болѣла!
У воробушки ноженька болѣла!
Охъ, какъ болѣла?
Такъ болѣла, такъ болѣла, такъ болѣла!
Ужъ сталъ воробей присѣдати!
Охъ, какъ воробей присѣдати?
Такъ присѣдати, такъ присѣдати, такъ присѣдати!
Захотѣлъ воробей перемѣны!
Охъ, какъ перемѣны?
Такъ перемѣны, такъ перемѣны, такъ перемѣны[49]!

51.

Я посѣю бѣлъ ленъ,
И тонокъ, и дологъ,
И бѣлъ, волокнистъ.
Уродился бѣлъ ленъ,
И тонокъ, и долгъ,
И бѣлъ, волокнистъ.
Сталъ ленъ поспѣвати,
Сталъ бѣлъ созрѣвати,
И тонокъ, и долгъ.
А я млада горевати:
Съ кѣмъ-то мнѣ ленъ брати?
Какъ свекоръ тутъ молвитъ:
Я съ тобою,
Я съ снохой молодою!
Чортъ это, не бранье,
Все лишь горреванье!
Я посѣю бѣлъ ленъ,
И тонокъ, и долгъ,
И бѣлъ, волокнистъ.
Уродился бѣлъ ленъ,
И тонокъ и долгъ,
И бѣлъ волокнистъ.
Сталъ ленъ поспѣвати,
Сталъ бѣлъ созрѣвати,
И тонокъ, и долгъ,
И бѣлъ, волокнистъ.
А я млада горевати:
Съ кѣмъ-то ленъ мнѣ брати?
Какъ свекровь тутъ молвитъ:
Я съ тобою,
Съ снохой молодою!
Чортъ это, не бранье,
Все лишь гореванье!
Я посѣю бѣлъ ленъ,
И тонокъ, и долгъ,
И бѣлъ, волокнистъ.
Уродился бѣлъ ленъ,

И тонокъ, и дологъ,
И бѣлъ волокнистъ.
Сталъ ленъ поспѣвати,
Сталъ ленъ созрѣвати,
И тонокъ, и дологъ,
И бѣлъ волокнистъ.
А я млада горевати:
Съ кѣмъ-то мнѣ ленъ брати?
Какъ ладушка молвитъ:
Я съ тобою.
Съ моей дорогою!
Вотъ это-то бранье,
Все лишь цѣлованье[51]!

52.

Пошли дѣвки въ сыры боры
Пошли красны въ лѣсъ по ягодки!
Ой люли, люли, по ягодки!
Всѣ дѣвки понабралиcь,
Всѣ красны понабралиcь;
Ой люли, люли, понабрались!
Одна дѣвка не набралася,
Одна дѣвка не набралася.
Ой люли, люли, не набралася!
Сама ходючи, разтужилася,
Разтуживши, взмолилася.
Ой люли, люли, взмолилася!
Стала плакати,
Подругъ кликати:
Ой люли, люли, кликати!
Подруженьки, вы голубушки,
Вы голубушки сложитеся,
Ой люли, люли, сложитеся!
Вы сложитеся по ягодкѣ,
Вы бросьте мнѣ по горсточкѣ;
Ой люли, люли, по горсточкѣ!
У меня ли, у младешеньки,
Не родной отецъ, не родная мать;
Ой люли, люли, не родная мать!
У меня ли, у младешеньки,
Свекоръ-отецъ, свекровь-мать,
Ой люли, люли, свекровь-мать!
И бьютъ, и журятъ,
Понапрасну бранятъ.
Ой люли, люли, бранятъ!
Подруженьки не сложилися,
Голубушки не согласилися.
Ой люли, люли, не согласилися!
Въ отвѣтъ держатъ подруженьки,
Въ отвѣтъ держатъ голубушки:
Ой люли, люли, голубушки!
Не кто велѣлъ за кустомъ лежать,
Не кто велѣлъ по полямъ играть[52].
Ой люли, люли, играть!

53.

Какъ у нашихъ у воротъ,
Какъ у нашихъ у воротъ,
Люли, люли, у воротъ!
Стоялъ дѣвокъ хороводъ,
Стоялъ дѣвокъ хороводъ,
Люли, люли, хороводъ!
Молодушекъ табунокъ,
Молодушекъ табунокъ,
Люли, люли табунокъ!
Меня дѣвки кликали,
Меня дѣвки кликали,
Люли, люли, кликали!
На улицу поиграть,
На улицу поиграть,
Люли, люли, поиграть!
Въ хороводѣ поплясать,
Въ хороводѣ поплясать.
Люли, люли, поплясать!
Меня свекоръ не пустилъ,
Меня свекоръ не пустилъ,
Люли, люли, не пустилъ!
Хотя пустилъ, пригрозилъ,
Хотя пустилъ, пригрозилъ:
Люли, люли, пригрозилъ!
Гуляй сноха да не долго,
Гуляй сноха да не долго!
Люли, люли, да не долго!
А я млада загуляла,
А я млада загуляла,
Люли, люли, загуляла!
До саминьких пѣтушковъ,
До саминькихъ пѣтушковъ;
Люли, люли, пѣтушковъ!
Какъ зорюшка занялась,
Какъ зорюшка занялась,
Люли, люли, занялась!
А я млада поднялась,
А я млада поднялась,
Люли, люли, поднялась!
На встрѣчу мнѣ деверекъ,
На встрѣчу мнѣ деверекъ,
Люли, люли, деверекъ!
Деверьюшка батюшка,
Деверьюшка батюшка,
Люли, люли, батюшка!
Проводи меня домой,
Проводи меня домой,
Люли, люли, домой!

До моего до двора,
До моего до двора,
Люли, люли, до двора!
До высока терема,
До высока терема.
Люли, люли, терема!
Подхожу я ко двору,
Подхожу я ко двору,
Люли, люли, ко двору!
Свекоръ ходитъ по двору,
Свекоръ ходитъ по двору,
Люли, люли, по двору!
Повѣсивши голову,
Повѣсивши голову,
Люли, люли, голову!
Станетъ свекоръ младу бить,
Станетъ свекоръ младу бить,
Люли, люли, бить!
А ты меня отними,
А ты меня отними;
Люли, люли, отними!
Не отнимешь прочь поди,
Не отнимешь прочь поди[53].
Люли, люли, прочь поди!

54.

Какъ у нашихъ у воротъ
Стоитъ озеро воды.
Ой люли, ой люли,
Стоитъ озеро воды!
Молодецъ коня поилъ,
Къ воротичкамъ приводилъ
Ой люли, ой люли,
Къ воротичкамъ приводилъ!
Къ верeюшкѣ привязалъ,
Красной дѣвкѣ приказалъ:
Ой люли, ой люли,
Красной дѣвкѣ приказалъ!
Красна дѣвица, душа!
Сбереги добра коня,
Ой люли, ой люли,
Сбереги добра коня!
Сбереги добра коня,
Коня семитысячнаго.
Ой люли, ой люли,
Коня семитысячнаго!
Не сорвалъ бы повода,
Не сломилъ бы удила.
Ой люли, ой люли,
Не сломилъ бы удила!
Красна дѣвица идетъ,
Словно павушка плыветъ;
Ой люли, ой люли,
Словно павушка плыветъ!
На ней платье голубое,
Лента алая въ косѣ;
Ой люли, ой люли,
Лента алая въ косѣ!
На головушкѣ перо
Хоть пять сотъ рублей дано,
Ой люли, ой люли,
Хоть пять сотъ рублей дано!
Хоть пять сотъ рублей дано,
Стоитъ тысячи оно.
Ой люли, ой люли,
Стоитъ тысячи оно[54]!

55.

Стояло тутъ косово дерево,
Лели, лели, лели!
Во томъ деревцѣ тыночикъ стоитъ,
Лели, лели, лели!
Во томъ тыночкѣ бесѣда сидитъ,
Лели, лели, лели!
Во той бесѣдѣ пляшутъ дѣвицы.
Лели, лели, лели!
Мимо тутъ ѣхалъ удалъ молодецъ;
Лели, лели, лели!
Снявши шапочку, онъ дѣвкѣ челомъ,
Лели, лели, лели!
Слезши съ коня, онъ руку подаетъ.
Лели, лели, лели!
Дѣвка ему поклонилась,
Лели, лели, лели!
Красна ему руку подала.
Лели, лели, лели!
Взявши съ тыночка, за руку повелъ,
Лели, лели, лели!
За руку повелъ подъ златъ вѣнецъ.
Лели, лели, лели[55]!

56.

Околъ Дону, околъ Дону,
Околъ тихаго Дуная,
Добрый молодецъ гуляетъ,
Добрый молодецъ гуляетъ,
Табунъ коней загоняетъ.
Кони, кони вороные,
На нихъ узды золотыя,
Чепраки парчевые,
Подковы серебряныя.
Ужъ, ты дѣвица душа
Догадайся, догадайся.
Ужъ я рада бъ догаться,
Родного батюшки боюсь;

Я боюсь, боюсь отца,
Да потѣшу молодца,
Я за то его потѣшу,
Что одинъ сынъ у отца[56].

57.

Заинька поскачи,
Сѣренькой попляши.
Кружкомъ, бочкомъ повернись,
Кружкомъ, бочкомъ повернись!
Заинька въ ладоши.
Сѣренькой въ ладоши.
Кружкомъ, бочкомъ повернись,
Кружкомъ, бочкомъ повернись!
Здѣсь города всѣ Нѣмецкіе,
Закрѣпочки желѣзныя;
Кружкомъ, бочкомъ повернись,
Кружкомъ, бочкомъ повернись!
Есть зайцу куда выскочить,
Есть сѣрому куда выскочить.
Кружкомъ, бочкомъ повернись,
Кружкомъ, бочкомъ повернись[57]!

ВАРІАНТЫ
ХОРОВОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 2, мы имѣемъ четыре варіанта, замѣчательныя по своимъ разнорѣчіямъ.

1.

А мы копонь капали;
Зеленая травушка, алой цвѣтъ!
А мы просо сѣяли;
Зеленая травушка, алой цвѣтъ!
А мы просо вытопчемъ.
Зеленая травушка, алой цвѣтъ!
А чѣмъ же вамъ вытоптать?
Зеленая травушка, алой цвѣтъ!
А мы коней выпустимъ;
Зеленая травушка, алой цвѣтъ!
А мы коней изловимъ.
Зеленая травушка, алой цвѣтъ!
А чѣмъ же вамъ изловить?
Зеленая травушка, алой цвѣтъ!
Шелковымъ поводомъ.
Зеленая травушка, алой цвѣтъ!
А мы коней выкупимъ;
Зеленая травушка, алой цвѣтъ!
Да чѣмъ же вамъ выкупить?
Зеленая травушка, алой цвѣтъ!
А мы дадимъ бѣлую куницу;
Зеленая травушка, алой цвѣтъ!
Не надо намъ бѣлую куницу.
Зеленая травушка, алой цвѣтъ!
А что же вамъ надобно?
Зеленая травушка, алой цвѣтъ!
А намъ надо дѣвицу;
Зеленая травушка, алой цвѣтъ!
За дѣвицу слова нѣтъ.
Зеленая травушка, алой цвѣтъ!
Вотъ же вамъ дѣвица!
Зеленая травушка, алой цвѣтъ!
А нашего полку убыло;
Зеленая травушка, алой цвѣтъ!
А нашего полку прибыло.
Зеленая травушка, алой цвѣтъ!

Такъ этотъ варіантъ мы слышали въ Дмитровскомъ уѣздѣ, Московской губерніи.

2.

А мы просо сѣяли;
Ой Диди, калинка моя!
Ой Ладо, малинка моя!
А мы просо вытопчемъ.
Ой Диди, калинка моя!
Ой Ладо, малинка моя!
А чѣмъ вамъ вытоптать?
Ой Диди, калинка моя!
Ой Ладо, малинка моя!
А мы коней выпустимъ;
Ой Диди, калинка моя!
Ой Ладо, малинка моя!
А мы коней сгонимъ;
Ой Диди, калинка моя!
Ой Ладо, малинка моя!
А чѣмъ же вамъ сгонять?
Ой Диди, калинка моя!
Ой Ладо, малинка моя!
А шелковымъ поясомъ;
Ой Диди, калинка моя!
Ой Ладо, малинка моя!
А мы коней выкупимъ;
Ой Диди, калинка моя!
Ой Ладо, малинка моя!
А чѣмъ же вамъ выкупить?
Ой Диди, калинка моя!
Ой Ладо, малинка моя!
А мы дадимъ веверицу;
Ой Диди, калинка моя!
Ой Ладо, малинка моя!
А не надо намъ веверицу.

Ой Диди, калинка моя!
Ой Ладо, малинка моя!
А что же вамъ надо?
Ой Диди, калинка моя!
Ой Ладо, малинка моя!
А намъ надо дѣвицу.
Ой Диди, калинка моя!
Ой Ладо, малинка моя!
А вотъ вамъ дѣвицу!
Ой Диди, калинка моя!
Ой Ладо, малинка моя!
А нашего полку убыло;
Ой Диди, калинка моя!
Ой Ладо, малинка моя!
А нашего полку прибыло.
Ой Диди, калинка моя!
Ой Ладо, малинка моя!

Этотъ варіантъ списанъ нами со словъ поселянъ Каширскаго уѣзда, Тульской губерніи.

3.

А мы бродимъ воду;
Ой Дидъ, Ладо, бродимъ воду!
А мы просо сѣяли;
Ой Дидъ, Ладо, просо сѣяли!
А мы просо вытопчемъ.
Ой Дидъ, Ладо, вытопчемъ!
А чѣмъ же вамъ вытоптать?
Ой Дидъ, Ладо, вытоптать!
А мы коней выпустимъ;
Ой Дидъ, Ладо, выпустимъ!
А мы коней переймемъ;
Ой Дидъ, Ладо, переймемъ!
А чѣмъ же вамъ перенять?
Ой Дидъ, Ладо, перенять!
Шелковымъ поводомъ.
Ой Дидъ, Ладо, поводомъ!
А мы коней выкрадимъ;
Ой Дидъ, Ладо, выкрадимъ!
А какъ же вамъ выкрасть?
Ой Дидъ, Ладо, выкрасть!
А мы водой переймемъ;
Ой Дидъ, Ладо, переймемъ!
А мы воду обойдемъ;
Ой Дидъ, Ладо, обойдемъ!
А мы дадимъ кунъ;
Ой Дидъ, Ладо, кунъ!
А намъ не надо кунъ.
Ой Дидъ, Ладо, кунъ!
А что же вамъ надо?
Ой Дидъ, Ладо, надо!
А намъ надо дѣвицу.
Ой Дидъ, Ладо, дѣвицу!
А мы выдадимъ дѣвицу;
Ой Дидъ, Ладо, дѣвицу!
А мы беремъ дѣвицу.
Ой Дидъ, Ладо, дѣвицу!
А нашего полку убыло;
Ой Дидъ, Ладо, убыло!
А нашего полку прибыло.
Ой Дидъ, Ладо, прибыло!

Этотъ варіантъ списанъ со словъ поселянъ Жиждренскаго уѣзда, Калужской губерніи.

4.

А мы просо сѣяли;
Ой Дидъ со Ладой, сѣяли?
А мы просо вытопчемъ.
Ой Дидъ со Ладой, вытопчемъ!
А чѣмъ же вамъ вытоптать?
Ой Дидъ со Ладой, вытоптать!
А мы коней выпустимъ;
Ой Дидъ со Ладой, выпустимъ!
А мы коней переймемъ.
Ой Дидъ со Ладой, переймемъ!
А чѣмъ вамъ перенять?
Ой Дидъ со Ладой, перенять!
Шелковымъ поводомъ.
Ой Дидъ со Ладой, поводомъ!
А мы коней выкупимъ;
Ой Дидъ со Ладой, выкупимъ!
А чѣмъ же вамъ выкупить?
Ой Дидъ со Ладой, выкупить!
А мы дадимъ сто гривенъ;
Ой Дидъ со Ладой, сто гривенъ!
Не надо намъ тысячи.
Ой Дидъ со Ладой, тысячи!
А мы дадимъ молодца;
Ой Дидъ со Ладой, молодца!
У насъ молодецъ дома есть.
Ой Дидъ со Ладой, дома есть!
А что же вамъ надобно?
Ой Дидъ со Ладой, надобно!
А намъ надобно дѣвицу.
Ой Дидъ со Ладой, дѣвицу!
А нашего полку убыло;
Ой Дидъ со Ладой, убыло!
А нашего полку прибыло.
Ой Дидъ со Ладой, прибыло!

Такъ этотъ варіантъ списанъ нами со словъ поселянъ Веневскаго уѣзда, Тульской губерніи. Тотъ же самый мы слышали въ Зарайскомъ уѣздѣ, Рязанской губерніи; толь-

ко вмѣсто припѣва: «Ой Дидъ со Ладой!» — пѣли: «Ой Диде, Ладо!» —

Для пѣсни, напечатанной подъ № 3, мнѣ извѣстны только три варіанта.

1.

Ай на горѣ ли макъ, макъ,
А подъ горою такъ, такъ!
Ахъ, свѣтъ мои маковочки,
Золотыя головочки!
Станьте вы въ рядъ,
Будетъ у насъ макъ!

2.

У насъ на горѣ макъ, макъ;
У васъ подъ горою такъ, такъ!
Ой маки, маковочки,
Золотыя головочки!
Станьте всѣ въ рядъ,
Допросимъ про макъ!

3.

Маки, маки, маковицы,
Золотыя головицы!
Станемте мы такъ,
Спросимте про макъ!

Первый варіантъ списанъ со словъ поселянъ Козловскаго уѣзда, Тамбовской губерніи; вторый подслушанъ въ Каширскомъ уѣздѣ; а третій выписанъ изъ собранія Прача, ч. 2. стр. 67, гдѣ онъ причисленъ къ Святочнымъ.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 4, мнѣ извѣстенъ одинъ варіантъ, слышанный отъ поселянъ Тульскаго уѣзда.

Заплетися плетень, заплетися;
Ты завейся, труба золотая,
Ты завернися, камка хрущетая!
Ахъ, свѣтъ сѣра утица!
Потопила малыхъ дѣтушекъ
Ты въ меду и въ патокъ,
И во ѣствѣ во сахорномъ!
Расплетися плетень, расплетися;
Ты развейся, труба золотая,
Ты развернися камка хрущетая!
Ахъ, свѣтъ сѣра утица!
Выкупай малыхъ дѣтушекъ
Ты изъ меда, изъ патоки,
Ты изъ ѣства сахорнова!

Для пѣсни, напечатанной подъ № 5, мнѣ извѣстны два варіанта.

1.

Селезень, селезень,
Хохлатой селезень!
Ты выди, селезень,
Ты посмотри, селезень;
Гдѣ утушка твоя?
Гдѣ семеро утей?
Селезень догоняй утку,
Молодой догоняй утку.
Поди утушка домой,
Поди сѣрая домой!
У те семеро дѣтей,
Осьмой селезень.

2.

Сизъ голубчикъ селезень,
Хохлатой селезень!
Селезень догоняй утку,
Молодой догоняй утку.
Поди утушка домой,
Поди сѣрая домой!
У те семеро дѣтей
Осьмой селезень.
Будетъ утушка нырять
По полямъ, по порямъ,
По кустамъ, по избамъ,
По чужимъ селезнямъ,
По заѣзжимъ гостямъ.

Первый варіантъ списанъ со словъ поселянъ Александровскаго уѣзда, Владимірской губерніи; а второй два раза слышалъ въ селеніяхъ Калужскаго уѣзда.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 6, мнѣ извѣстенъ одинъ варіантъ, слышанный въ Тульскомъ уѣздѣ.

Ай на горѣ высоко,
Ладо мое, Ладо, высоко!
Ай на горѣ мы пиво варили;
Ладо мое, Ладо, пиво варили!
Мы къ этому пиву въ кругъ соберемся,
Ладо мое, Ладо, въ кругъ соберемся!
Мы къ этому пиву всѣ присядемъ;
Ладо мое, Ладо, всѣ присядемъ!
Мы этого пива всѣ выпьемъ;
Ладо мое, Ладо, всѣ выпьемъ!
Мы съ этого пива спать ляжемъ;
Ладо мое, Ладо, спать ляжемъ!
Мы къ этому пиву опять встанемъ,

Ладо мое, Ладо, опять встанемъ!
Мы съ этого пива всѣ въ ладоши ударимъ;
Ладо мое, Ладо, въ ладоши ударимъ!
Мы съ этого пива всѣ перепьемся;
Ладо мое, Ладо, всѣ перепьемся!
Мы съ этого пива всѣ передеремся;
Ладо мое, Ладо, всѣ передеремся!
Мы отъ этого пива домой уберемся.
Ладо мое, Ладо, уберемся!

Для пѣсни, напечатанной подъ № 8, мы имѣемъ три варіанта.

1.

Ужъ какъ звали молодца,
Подзывали удальца,
Ахъ вздунай, братцы! вздунай,
Сынъ Ивановичъ вздунай!
Что въ пиръ пировать,
На игрище поиграть;
Ахъ...
Ужъ какъ мнѣ ли, молодцу,
Худо можется;
Ахъ...
Выходилъ нашъ молодецъ,
На крутой красной крылецъ,
Ахъ...
Закричалъ нашъ молодецъ,
Закричалъ нашъ удалой,
Ахъ...
Закричалъ нашъ удалой,
Громкимъ голосомъ своимъ:
Ахъ...
Ахъ вы слуги мои!
Слуги вѣрные мои!
Ахъ...
Вы берите ключи,
Отпирайте сундуки,
Ахъ...
Вынимайте кафтанъ
Золотой парчевой,
Ахъ...
Золотой парчевой
Съ серебряной бахрамой.
Ахъ...
Какъ пошелъ нашъ молодецъ
Вдоль по улицѣ въ конецъ,
Ахъ...
Какъ садился молодецъ
Противъ вдовушки на скамью.
Ахъ...
Ахъ, ты вдовушка, вдова,
Супротивница моя,
Ахъ...
Супротивница моя,
Супротивъ сидишь меня;
Ахъ...
Подыми шапку,
Черну мурманку.
Ахъ...
Не слуга, сударь, твоя,
Я не слушаю тебя:
Ахъ...
Я когда буду твоя,
Такъ послушаю тебя.
Ахъ...

Мы буквально выписали этотъ варіантъ изъ собранія Прача. Онъ помѣстилъ его въ числѣ Святочныхъ, и напечаталъ ноты для этой пѣсни.

2.

Ахъ, какъ звали удальца,
Позывали удальца.
Ахъ! Дунай, братцы, Дунай,
Сынъ Ивановичъ, Дунай!
Какъ во пиръ пировать,
На игрище играть.
Ужъ какъ мнѣ ли, молодцу,
Мало можется,
Мало можется,
Играть хочется;
И я выду, молодецъ,
На свой новый на крылецъ,
Закричу я молодецъ
Громкимъ голосомъ своимъ:
Ахъ! какъ есть ли у меня
Слуги вѣрные мои?
Вы берите ключи,
Отмыкайте сундуки,
Вынимайте кафтанъ,
Рудожелтъ камчатъ,
Вынимайте шапку,
Черную мурманку,
Вы подайте гусли
Звончатые мои.
Какъ пошелъ нашъ молодецъ
Ко вдовушкѣ на конецъ;
Онъ садился молодецъ
Ко вдовушкѣ на скамью,
Заигралъ во гусли,
Во звончатые свои.
Уронилъ шапку,
Черну мурманку.
Ахъ! ты вдовушка моя,
Молодая вдова,

Подними шапку,
Черпу мурманку.
Не твоя, сударь, раба,
Я не слушаю тебя.

Точно въ такомъ видѣ этотъ варіантъ былъ напечатанъ въ пѣсенникѣ Чулкова, ч. 4, и въ Новиковскомъ, часть 4, стр. 166. По образцу этихъ двухъ пѣсенниковъ печатали всѣ послѣдующіе издатели пѣсенъ, съ прибавленіемъ своего издѣлія. Мы не обращаемъ вниманія читателей на эти передѣлки; они сами могутъ встрѣтить ихъ въ пѣсенникахъ.

3.

Ахъ! звали молодца.
Позывали удальца
На игрище поиграть,
На святые вечера!
Дунай мой, Дунай,
Силивановичъ Дунай!
Во пиру онъ пировалъ,
Во бесѣдушкѣ сидѣлъ
На святыхъ онъ вечерахъ,
На игрищахъ поигралъ!
Дунай мой, Дунай.

Въ такомъ видѣ напечаталъ этотъ отрывокъ М. Н. Макаровъ, въ своемъ сочиненіи: «Русскія преданія.» М. 1838, стр. 34. Еще задолго до изданія этого сочиненія, Г. Макаровъ напечаталъ въ трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности статью: «О старинныхъ Русскихъ праздникахъ и обычаяхъ,» гдѣ въ третьемъ отдѣлѣ: «Рѣка Донъ»—на стр. 115—было помѣщено иначе начало этой пѣсни:

Ахъ звали молодца,
Позывали удальца
На игрище поиграть
На Ярилу посмотрѣть!
Ахъ! Донъ, ты нашъ Донъ,
Сынъ Ивановичъ, Донъ!

Припѣвъ къ этой пѣсни по большей части подверженъ измѣненію. Кто поетъ—Донъ, кто—Дунай; одни прибавляютъ—Ивановичъ, другіе—Селивановичъ. Мнѣ часто случалось слышать въ Москвѣ, въ Марьиной рощѣ, какъ эту пѣсню пѣли сокращенно. Сокращеніе начиналось со словъ: «Ужъ какъ мнѣ ли молодцу»—и продолжается до стиха: «Звончатые мои.» Въ Тульской губерніи поютъ эту пѣсню всю до конца. Припѣвъ Донъ употребляютъ—въ Москвѣ, въ Калугѣ, въ Тулѣ, въ Каширѣ, въ Веневѣ, въ Алексинѣ, въ уѣздахъ по селамъ Московскомъ, Тульскомъ, Рязанскомъ, Каширскомъ, Богородицкомъ, Тарузскомъ, Орловскомъ. Объ другихъ уѣздахъ я не могу ничего сказать, потому, что мнѣ тамъ не приходилось слышать эту пѣсню. Вслушиваясь въ напѣвъ этой пѣсни, я всегда находилъ его одинакимъ, и что всего замѣчательнѣе: по мѣрѣ удаленія отъ Москвы на сѣверъ, эта пѣсня начинаетъ измѣняться въ напѣвѣ, но всегда съ сохраненіемъ своего характера.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 12, мнѣ извѣстны три варіанта.

1.

Ходилъ Борисъ да по хороводу,
Да по дѣвичью, да по молодичью:
Искалъ Борисъ ласковыя тещи,
Хорошія невѣсты.
Сыскалъ Борисъ и ласкову тещу
И добрую невѣсту.
Добрые люди! пожалуйте на свадьбу,
Хлѣба съ солью покушать,
Бѣлова лебедя рушать,
Пива съ медомъ пити.
Охти мнѣ горе! охти гореванье!
Расхулили, да разговорили
Борисову-то тещу,
Пригожую невѣсту:
Будто Борисъ пьяница,
Будто онъ и пропойца.
Добрые люди! не жалуйте на свадьбу,
Хлѣба съ солью кушать,
Бѣлова лебедя рушать,
Пива съ медомъ пити;
Хлѣбъ, соль не пасено,
Вино не курено,
Пиво не варено.

Такъ этотъ варіантъ былъ напечатанъ въ пѣсенникѣ, изданномъ въ С. Петербургѣ 1819 года, ч. 4, стр. 160.

2.

Какъ подъ лѣсомъ, лѣсомъ шелкова трава,
Ходилъ, гулялъ Донской казакъ, самъ во скрипку игралъ,
Игралъ, игралъ, выигрывалъ, дѣвокъ выбиралъ:
Хорошая, пригожая, поди за меня!

Не пойдешь ты, вспокаешься, вспомянешь меня.—
Пойтить было къ сосѣдушкамъ, спросить про тебя:
Сосѣдушки, голубушки! каковъ человѣкъ?
Онъ пьяница, пропоица, пропьетъ и тебя.
Сосѣдушки, голубушки не хвалятъ тебя:
Ты пьяница, пропоица, пропьешь и меня.

Такъ этотъ варіантъ былъ напечатанъ въ пѣсенникѣ, изданномъ въ С. Петербургѣ 1814 г. въ четвертой части, стр. 491.

3.

Какъ подъ лѣсомъ, лѣсомъ шелкова трава.
Ой ли, ой ли, ой люшеньки! шелкова трава!
Ходилъ, гулялъ, Донской казакъ, самъ въ скрипку игралъ.
Ой ли, и проч.
Игралъ, игралъ, выигрывалъ, дѣвокъ выбиралъ:
Хорошая, пригожая! поди за меня;
Не пойдешь ты, вспокаешься, вспомянешь менѣ:
Пойти было къ сосѣдушкамъ, спросить про тебя:
Сосѣдушки, голубушки! каковъ человѣкъ?
Онъ пьяница, пропоица, пропьетъ и тебя.
Сосѣдушки, голубушки не хвалятъ тебя:
Ты пьяница, пропоица, пропьешь и меня.

Какъ подъ лѣсомъ, лѣсомъ, шелкова трава,
Ходилъ, гулялъ Донской казакъ, самъ въ скрыпку игралъ,
Игралъ, игралъ, выигрывалъ, дѣвокъ выбиралъ:
Хорошая, пригожая! поди за меня;
Не пойдешь ты, вспокаешься, вспомянешь меня.
Пойти выло къ сосѣдушкамъ, спросить про тебя.
Сосѣдушки, голубушки! каковъ человѣкъ?
Сосѣдушки, голубушки схвалили тебя.
Вино кури, пиво вари, иду замужъ за тебя.
Ой ли, ой ли, ой люшиньки! иду замужъ за тебя!

Этотъ варіантъ былъ напечатанъ въ пѣсенникѣ, изданномъ въ С. Петербургѣ 1819 г. ч. 4. стр. 57.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 13, мнѣ извѣстенъ только одинъ варіантъ.

Не пой, не пой соловей,
Не пой молодой при долинѣ,
Не вей соловей гнѣзда при теремѣ.
Во теремѣ дѣвица коверъ вышиваетъ,
Коверъ золотомъ вышиваетъ,
Коверъ жемчугомъ унизываетъ.
Доставался коверъ старому мужу;
Старому мужу ковра не надобно.
Дѣвица коверъ убавляетъ
Съ угловъ золотыхъ, со всѣхъ концовъ.
Доставался коверъ молоду;
Молодому коверъ надобенъ.
Дѣвица коверъ прибавляетъ,
Съ угловъ золотыхъ, со всѣхъ концовъ.

Этотъ варіантъ списанъ со словъ поселянъ Алексинскаго уѣзда. Замѣчательно, что эту пѣсню пѣли тамъ на посидѣлкахъ; между тѣмъ, какъ эту же самую пѣсню я болѣе двадцати разъ слыхалъ въ хороводахъ. Съ Русскими пѣснями такое измѣненіе часто случается. Желательно собрать мѣстныя наблюденія о всѣхъ пѣсняхъ, имѣющихъ подобныя отличія. Другія пѣсни, какъ свадебныя, рѣшительно не имѣютъ такого измѣненія; между тѣмъ какъ хороводныя и плясовыя болѣе всѣхъ подвержены этому. Мѣстные обычаи здѣсь имѣютъ важное вліяніе какъ на разнорѣчія самыхъ пѣсенъ, такъ и на принаровленія ко времени и обстоятельствамъ.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 14, мнѣ извѣстны три варіанта.

1.

Въ кругѣ летитъ утка,
Въ нашъ хороводъ утка.
Диди, калина моя!
Диди, малина моя!
Пора дѣвушекъ замужъ,
Пора красныхъ замужъ
За крестьянскаго-ль сына?
Диди, калина моя!
Диди, малина моя!
Крестьянской сынъ
Мелитъ, и толчетъ,
И рѣшетомъ подсѣваетъ.
Диди, калина моя!
Диди, малина моя!
Въ кругѣ летитъ утка,
Въ нашъ хороводъ утка.
Диди, калина моя!
Диди, малина моя!
Пора дѣвушекъ замужъ,
Пора красныхъ замужъ

За боярскаго-ль сына?
Диди, калина моя!
Диди, малина моя!
Боярской сынъ не великъ,
Лакеи босые, собаки борзыя,
Окошки косыя, вереи точеныя.
Диди, калина моя!
Диди, малина моя!
Въ кругъ летитъ утка,
Въ нашъ хороводъ утка.
Диди, калина моя!
Диди, малина моя!
Пора дѣвушекъ замужъ,
Пора красныхъ замужъ
За старостина-ль сына?
Диди, калина моя!
Диди, малина моя!
Старостинъ сынъ молотитъ,
Кладетъ прянички сладенькие,
Медъ сыченой, груши пареныя.
Диди, калина моя!
Диди, малина моя!
Дѣвушки сѣли, сѣли,
Красныя сѣли, да съѣли.
Диди, калина моя!
Диди, малина моя!

Такъ этотъ варіантъ записанъ былъ со словъ поселянъ Мещевскаго уѣзда.

2.

Подъ кругъ летитъ утица,
Подъ нашъ хороводецъ утица.
Ай утица, утица!
Отдадимъ дѣвушекъ замужъ,
Отдадимъ красныхъ замужъ
За крестьянскаго сына, мужика.
Ай утица, утица!
Крестьянской сынъ гораздъ
И толочь, и молоть, и колоть,
Рѣшетомъ подсѣвать, брагу варить.
Ай утица, утица!
Подъ кругъ летитъ утица,
Подъ нашъ хороводецъ утица.
Ай утица, утица!
Отдадимъ дѣвушекъ замужъ,
Отдадимъ красныхъ замужъ
За боярскаго сына, барича.
Ай утица, утица!
Боярской сынъ тороватъ,
Во дому окошки косыя,
Во терему лакеи босые
Во двору собаки борзыя.
Ай утица, утица!
Подъ кругъ летитъ утица,
Подъ нашъ хороводецъ утица.
Ай утица, утица!
Отдадимъ дѣвушекъ замужъ,
Отдадимъ красныхъ замужъ
За старостина сына, молодца.
Ай утица, утица!
Старостинъ сынъ воровать,
Даритъ прянички сладенькие,
Гоститъ медомъ сыченымъ,
Кормитъ орѣшками гладенькими.
Ай утица, утица!

Такъ этотъ варіантъ былъ записанъ со словъ поселянъ Веневскаго уѣзда.

3.

Чрезъ кругъ летитъ утка,
Чрезъ нашъ хороводецъ.
Лели, лели утка!
Дѣвушки поиграйте,
Красныя поиграйте!
Лели, лели утка!
Пора дѣвушекъ замужъ,
Пора красныхъ замужъ.
Лели, лели утка!
Все приданое готово
И наряды припасены.
Лели, лели утка!
Пора дѣвушекъ замужъ
За крестьянскаго-ль сына?
Лели, лели утка!
У крестьянскаго сына
И толочь, и молоть,
Рѣшетомъ подсѣвать.
Лели, лели утка!
Чрезъ кругъ летитъ утка,
Чрезъ нашъ хороводецъ.
Лели, лели утка!
Дѣвушки поиграйте,
Красныя поиграйте!
Лели, лели утка!
Пора дѣвушекъ замужъ,
Пора красныхъ замужъ.
Лели, лели утка!
Все приданое готово
И наряды припасены.
Лели, лели утка!
Пора дѣвушекъ замужъ
За боярскаго-ль сына?
Лели, лели утка!
У боярскаго сына
Окошки косыя,

Лакеи босые,
Собаки борзыя.
Лели, лели утка!
Чрезъ кругъ летитъ утка,
Чрезъ нашъ хороводецъ.
Лели, лели утка!
Дѣвушки поиграйте,
Красныя поиграйте!
Лели, лели утка!
Пора дѣвушекъ замужъ,
Пора красныхъ замужъ.
Лели, лели утка!
Все приданое готово
И наряды припасены.
Лели, лели утка!
Пора дѣвушекъ замужъ
За старостина-ль сына?
Лели, лели утка!
У старостина сына
Пряничкп сладенькіе,
Медъ сыченой.
Лели, лели утка!

Такъ этотъ варіантъ записанъ былъ со словъ поселянъ Серпуховскаго уѣзда.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 15, мнѣ извѣстны два варіанта.

1.

Какъ у насъ было за дворьемъ,
Ой люли, люли, люли!
Росла трава шелковая.
Ой люли, люли, люли!
По той травѣ мужъ идетъ,
Ой люли, люли, люли!
Мужъ идетъ, жена бредетъ.
Ой люли, люли, люли!
Ты постой, жена моя,
Ой люли, люли, люли!
Ты подожди, жена моя!
Ой люли, люли, люли!
Я не жду тебя, сударь,
Ой люли, люли, люли!
Я иду къ родимому батюшки.
Ой люли, люли, люли!
Какъ у насъ было за дворьемъ,
Ой люли, люли, люли!
Росла трава шелковая.
Ой люли, люли, люли!
Какъ шли, прошли молодцы,
Ой люли, люли, люли!
Добры молодцы, Московщики,
Ой люли, люли, люли!
Вели коня подъ ковромъ,
Ой люли, люли, люли!
Подъ золотымъ чепракомъ.
Ой люли, люли, люли!
Конь копытомъ землю выбивалъ,
Ой люли, люли, люли!
Бѣлъ камень выбивалъ;
Ой люли, люли, люли!
Во очиво камня нѣтъ.
Ой люли, люли, люли!
Моего мужа дома нѣтъ;
Ой люли, люли, люли!
Съ чужой женой водится,
Ой люли, люли, люли!
Со мной, младой, ссорится,
Ой люли, люли, люли!
Чужой женой хвалится;
Ой люли, люли, люли!
Чужой женѣ подарочки,
Ой люли, люли, люли!
А мнѣ младой побои;
Ой люли, люли, люли!
Чужой женѣ башмаки,
Ой люли, люли, люли!
А мнѣ, младой, котики.
Ой люли, люли, люли!
Я сама его удружу,
Ой люли, люли, люли!
Я сама мужа подарю,
Ой люли, люли, люли!
Тонку бѣлую рубашку,
Ой люли, люли, люли!
Изъ дерюжнаго конца.
Ой люли, люли, люли!

Такъ этотъ варіантъ былъ записанъ со словъ поселянъ Епифанскаго уѣзда, Тульской губерніи.

2.

Ай за дворьемъ, дворьемъ,
Росла трава шелковая;
Ой люли, шелковая!
Ай по травушкѣ мужъ идетъ,
По шелковой жена бредетъ.
Ой люли, шелковая!
Ты стой, постой жена моя,
Ты подожди меня, жена моя.
Ой люли, шелковая!
Я не жду тебя, сударь,
Я иду къ родимому батюшкѣ.
Ой люли, шелковая!
Ай за дворьемъ, дворьемъ,

Росла трава шелковая;
Ой люли, шелковая!
Ай шли, прошли молодцы,
Молодцы, всѣ Московщики;
Ой люли, шелковая!
Вели коня подъ ковромъ,
Подъ золотымъ чепракомъ.
Ой люли, шелковая!
Конь копытомъ землю выбивалъ,
Бѣлъ камень выбивалъ.
Ой люли, шелковая!
На очиво камня пѣтъ,
Въ моемъ мужѣ правды нѣтъ;
Ой люли, шелковая!
Съ чужой женой водится,
Со мной, младой, ссорится;
Ой люли, шелковая!
Чужой женой хвалится,
А мной, младой, издѣвается;
Ой люли, шелковая!
Чужой женѣ подарочки,
А мнѣ, младой, побоища;
Ой люли, шелковая!
Чужой женѣ сарафанъ,
А мнѣ, младой, смуръ-кафтанъ.
Ой люли, шелковая!
Ужъ я-ль мужа удружу,
Ужъ я-ль мужа подарю:
Ой люли, шелковая!
Тонку бѣлую рубашку
Изъ дерюжнаго конца.
Ой люли, шелковая.

Этотъ варіантъ списанъ со словъ поселянъ Бѣлевскаго уѣзда, Тульской губерніи.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 17, мнѣ извѣстны три варіанта.

1.

Ахъ, и по морю! ахъ и по морю!
Ахъ, и морю, морю Хвалынскому!
Плыла лебедь, плыла лебедь,
Лебедь бѣлая, со лебедушками,
Со малыми, со дитятами.
Ни тряхнется, ни ворохнется,
Ни откликнется, ни отзовется;
Плывши лебедь, встрепенулася,
Подъ ней вода всколыхнулася,
Подъ ней вода возмутилася,
Плывши лебедь, вышла на берегъ.
Ахъ, и по морю! ахъ и по морю!
Ахъ, и морю, морю Хвалынскому!
Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся,
Гдѣ ни взялся младъ ясенъ соколъ,
Убилъ, ушибъ, убилъ, ушибъ,
Убилъ, ушибъ лебедь бѣлую;
Онъ пухъ пустилъ, онъ пухъ пустилъ,
Онъ пухъ пустилъ по подъ небесью;
Онъ кровь пустилъ, онъ кровь пустилъ,
Онъ кровь пустилъ по морю Хвалынскому;
Сорилъ перья, сорилъ перья,
Сорилъ перья по чисту полю.
Ахъ, и по морю! ахъ и по морю!
Ахъ, и морю, морю Хвалынскому!
Гдѣ ни взялась, гдѣ ни взялась,
Гдѣ ни взялась красна дѣвица душа;
Брала перья, брала перья,
Брала перья лебединыя,
Клала въ шапку, клала въ шапку,
Клала въ шапку соболиную
Милу дружку, милу дружку,
Милу дружку на подушечку,
Родну батюшкѣ, родну батюшкѣ,
Родну батюшкѣ на перинушку.
Ахъ, и по морю! ахъ, и по морю!
Ахъ, и морю, морю Хвалынскому!
Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся,
Гдѣ ни взялся, добрый молодецъ.
Богъ на помочь, Богъ на помочь,
Богъ на помочь красна дѣвица душа!
Она-жъ ему, она-жъ ему
Она-жъ ему не поклонится;
Она-жъ ему, она-жъ ему,
Она-жъ ему не откликнется.
Грозилъ парень, грозилъ парень,
Грозилъ парень красной дѣвицѣ,
Грозилъ парень, грозилъ парень,
Грозилъ парень лихой бѣдой:
Добро дѣвка, добро дѣвка,
Добро дѣвка, дѣвка красная!
Зашлю свата, зашлю свата,
Зашлю свата, за себя возьму;
Будетъ время, будетъ время,
Будетъ время и поклонишься мнѣ;
Будешь дѣвка, будешь дѣвка,
Будешь дѣвка у кроватушки стоять;
Будешь дѣвка, будешь дѣвка,
Будешь дѣвка бѣлы руки цѣловать;
Будешь держать, будешь держать,
Будешь держать шелкову плеть въ рукахъ;
Будешь просить, будешь просить,
Будешь просить милости себѣ.
Я думала, я думала,

Я думала, что не ты идешь,
Что не ты идешь, не мнѣ кланяешься.

Этотъ варіантъ списанъ со словъ поселянъ Тульскаго уѣзда.

2.

Ахъ, по морю! ахъ по морю!
Ахъ, по морю, морю синему!
Плыла лебедь, плыла лебедь,
Лебедь бѣлая моя,
Ни тряхнется, ни тряхнется,
Ни тряхнется, ни ворохнется;
Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся,
Гдѣ ни взялся младъ ясенъ соколъ;
Убилъ, ушибъ, убилъ, ушибъ,
Убилъ, ушибъ лебедь бѣлую мою;
Онъ кровь пустилъ, онъ кровь пустилъ,
Онъ кровь пустилъ по синю могю;
Онъ перушки, онъ перушки,
Онъ перушки по чисту полю;
Онъ пухъ пустилъ, онъ пухъ пустилъ,
Онъ пухъ пустилъ по подъ небесью.
Гдѣ ни взялась, гдѣ ни взялась,
Красна дѣвица душа.
Брала перья, брала перья,
Брала перья лебединыя мои,
Клала въ шапку, клала въ шапку,
Клала въ шапку соболиную,
Милу дружку, милу дружку,
Милу дружку на подушечку.
Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся,
Гдѣ ни взялся доброй молодецъ.
Богъ на помочь, Богъ на помочь,
Богъ на помочь красна дѣвица душа.
Она-жъ ему, она-жъ ему,
Она-жъ ему не поклонится.
Добро дѣвка, добро дѣвка,
Добро дѣвка, дѣвка красная моя!
Будетъ время, будетъ время,
Будетъ время и поклонишься мнѣ,
Будешь стоять, будешь стоять,
Будешь стоять у кроватушки моей,
Будешь держать, будешь держать,
Будешь держать шелковую плеть въ рукахъ.

Такъ этотъ варіантъ былъ напечатанъ прежде въ Новиковскомъ пѣсенникѣ, ч. 4, стр. 216; а потомъ въ собраніи пѣсенъ Прача, ч. 2, стр. 6, въ числѣ Протяжныхъ.

3.

Ахъ, по морю, морю!
Ахъ, по морю Хвалынскому!
Поверхъ волны, да широкой,
Плыла лебедь бѣлая,
Лебедь бѣлая, со лебедушками.
Плывши лебедь бѣлая,
Сама встрепенулася,
Подъ ней вода всколыхнулася,
Плывши лебедь, вышла на берегъ.
Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся
Младъ ясенъ соколъ,
Онъ плылъ, подплылъ,
Поверхъ волны, да широкой,
Убилъ, ушибъ, убилъ, ушибъ,
Лебедь бѣлую со дитятами;
Онъ кровь пустилъ, по синю морю,
Онъ пухъ пустилъ по подъ небесью,
Сорилъ перья по чисту полю.

Ахъ, по морю, морю!
Ахъ, по морю Хвалынскому!
Поверхъ волны, да широкой,
Гдѣ ни взялась, гдѣ ни взялась
Красна дѣвица душа;
Брала перья, брала перья,
Брала перья лебединыя,
Клала въ шапку, клала въ шапку,
Клала въ шапку соболиную,
Милу дружку, милу дружку,
Милу дружку на подушечку,
Родну батюшкѣ, родну батюшкѣ,
Родну батюшкѣ на перинушку.

Ахъ, по морю, морю!
Ахъ, по морю Хвалынскому!
Поверхъ волны, да широкой,
Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся,
Гдѣ ни взялся добрый молодецъ.
Богъ на помочь красна дѣвица душа!
Она-жъ ему не поклонится.
Грозилъ парень красной дѣвицѣ:
Добро дѣвка, дѣвка красная!
Зашлю свата, за себя возьму;
Будетъ время и поклонишься мнѣ;
Будешь дѣвка у кроватушки стоять;
Будешь дѣвка ночью дожидать;
Будешь дѣвка сапоги снимать;
Будешь дѣвка бѣлы руки цѣловать.
Она-жъ и поклонится,
Она-жъ и съ покорищемъ
Въ отвѣтъ рѣчи держитъ:
Я думала, что не ты идешь,
Что не ты идешь, не мнѣ кланяешься.

Этотъ варіантъ записанъ со словъ поселянъ Ливенскаго уѣзда.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 20, мнѣ извѣстенъ одинъ варіантъ, напечатан-

ный въ Новиковскомъ пѣсенникѣ, въ 4 ч. стр. 76. Онъ сходенъ съ напечатанною пѣнею, и по этому самому мы его не помѣщаемъ здѣсь.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 21, мнѣ извѣстны два варіанта. Изъ нихъ одинъ помѣщенъ въ собраніи пѣсенъ Чулкова, ч. 2, стр. 196.

1.

Я пойду, пойду въ зеленой садъ гулять,
Поищу я молодова соловья,
Соловеюшко, ты мой, батюшко,
Ты скажи, скажи мой младой соловей:
Кому воля, кому нѣтъ воли гулять?
Молодушкамъ нѣтъ волюшки,
Краснымъ дѣвушкамъ своя воля гулять.
У молодушки три кручинушки:
Да какъ первая кручинушка
Слать пуховую перинушку,
А другая-то кручинушка
Растворяй жена широки ворота,
А какъ третья-то кручинушка
Ѣдетъ, ѣдетъ мой ревнивый мужъ домой,
Онъ везетъ, везетъ гостинцъ дорогой:
Шелкову плетку, гордово кнутовье.
Какъ ударилъ меня межъ бѣлыхъ плечь,
Стану съ мужа кафтанъ скидывати,
Часты пуговки растягивати,
Хоть и ручушки бѣлешеньки,
Хоть и пальчики тонешеньки,
На рукахъ ли золоты перстни,
Только стану, стану мужа разувать.

2.

Соловей мой, соловеюшка,
Соловей, мой родной батюшка!
Полети, мой соловеюшка
На мою дальну сторонушку;
Ты скажи, мой соловеюшка:
Кому воля, кому нѣтъ воли гулять?
Краснымъ дѣвушкамъ своя воля гулять,
А молодушкамъ мужья не велятъ;
Гулять волюшка у батюшки,
У родимыя у матушки;
У молодки три заботушки:
Ужъ, какъ первая заботушка—
Чужа дальняя сторонушка;
А другая-то заботушка—
Мужъ удалая головушка;
А какъ третья-то заботушка—
Лиха матушка-свекровушка,
Не пущаетъ младу по воду одну.

Такъ этотъ варіантъ былъ напечатанъ въ собраніи пѣсенъ Прача, ч. 2, стр. 30.

Для пѣсни напечатанной подъ № 22, мнѣ извѣстны два варіанта.

1.

У нашихъ то у воротъ, да у воротъ,
У точеныхъ у верей, да у верей,
Стоялъ дѣвокъ хороводъ, да хороводъ.
А всѣ дѣвки веселы, да веселы,
Одна дѣвка лучше всѣхъ, да лучше всѣхъ,
Авдотьюшка вдовина, да вдовина,
По бережку гуляла, да гуляла,
Рукавкикомъ махала, да махала,
Сердечушкомъ воздыхала, да воздыхала,
Словечушко сказала, да сказала:
Ахъ свѣтъ моя сторона, да сторона,
Покровская слобода, да слобода!
Ужъ мнѣ въ тебѣ не бывать, да не бывать,
Пивца, винца не пивать, да не пивать,
Сладкихъ яблокъ не ѣдать, да не ѣдать,
Съ молодцами не гулять, да не гулять.

Такъ онъ былъ напечатанъ въ собраніи пѣсенъ Чулкова, ч. 2, стр. 212.

2.

Какъ у нашихъ у воротъ,
Люли браво, у воротъ!
Стоялъ дѣвокъ хороводъ,
Люли браво, хороводъ!
Какъ у нашихъ, у точеныхъ у верей,
Люли браво, у верей!
Стоятъ дѣвушки въ кругу,
Люли браво, въ кругу!
Всѣ дѣвушки веселы,
Люли браво, веселы!
Одна вдовушка лучше всѣхъ,
Люли браво, лучше всѣхъ!
Авдотьюшка вдовина,
Люли браво, вдовина!
Изъ Паранина села.
Люли браво, села!
Вдовушка по бережку гуляетъ,
Люли браво, гуляетъ!
Рукавчикомъ махаетъ,
Люли браво, махаетъ!
Сердечушкомъ воздыхаетъ,
Люли браво, воздыхаетъ!
Словечушко говоритъ;
Люли браво, говоритъ!
Ахъ свѣтъ моя сторона,
Люли браво, сторона!
Покровская слобода,

Люли браво, слобода!
Изъ Парапина села,
Люли браво, села!
Ужъ мнѣ въ тебѣ не бывать,
Люли браво, не бывать!
Пивца, винца не пивать,
Люли браво, не пивать!
Сладкихъ яблокъ не ѣдать,
Люли браво, не ѣдать!
Въ хороводахъ не играть,
Люли браво, не играть!
Съ ребятами не плясать,
Лоли браво не плясать!
Съ молодцами не шутить,
Люли браво, не шутить!

Такъ былъ записанъ этотъ варіантъ со словъ поселянъ Моршанскаго уѣзда, Тамбовской губерніи.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 23, мнѣ извѣстны два варіанта.

1.

Ай люли, во пиру,
Ай люли, во бесѣдѣ,
Всѣмъ молодушкамъ весело,
Всѣмъ Ивановнамъ весело.
Ай люли, во пиру,
Ай люли, во бесѣдѣ,
Одной молодушкѣ грустно,
Одной молодушкѣ скучно.
Ай люли, у ней ли старой мужъ,
Ай люли, у ней ли старый грибъ
Молодушки погулять,
Молодушкѣ побывать,
Съ неженатыми поиграть,
Съ ребятами потолковать,
Запрещаетъ, не велитъ,
Грозитъ бѣдную побить.
Ай люли, молода!
Ай люли, молода!
Слезы катятся,
Играть хочется,
А стару мужу не покорюсь.
Ай люли, молода!
Ай люли, молода!
Отпусти сударь батюшка
На улицу погулять?
Ай люли, млада разгулялась,
Ай люли, въ зеленомъ саду разыгралась,
Все съ ребятами, не женатыми!
Ай люли, заря взошла,
Ай люли, млада домой пришла!
Родной батюшка у воротъ стоитъ,
Самъ, младой, мнѣ говоритъ:
Ты поди, поди моя бѣдная!
У тебя теремъ растворенъ стоитъ,
Твой ревнивый мужъ за столомъ сидитъ,
Шелкова плеть на столѣ лежитъ,
Толстая дубина передъ нимъ.
Ай люли, молода!
Ай люли, молода!
Во высокъ теремъ взошла,
Высокъ теремъ затворяется,
Ревнивой мужъ осержается,
За шелкову плеть принимается.
Ай люли, молода!
Ай люли, молода!
Плетка свиснула,
Руда брызнула.
Ай люли, молода!
Ай люли, молода!
Гдѣ жена была?
Гдѣ страдница гуляла?
Ай люли, молода!
Ай люли, молода!
Была молода въ зеленомъ саду,
Все съ ребятами, съ неженатыми.

2.

Поверхъ моря, поверхъ моря,
Поверхъ синяго, поверхъ синяго,
Разыгралась погодушка,
Что погодушка верховая,
Что верховая, Московская.
Поверхъ луга, поверхъ луга,
Поверхъ зеленаго, поверхъ зеленаго,
Разыгралися дѣвушки,
Расплясалися молодушки.
Всѣмъ молодушкамъ весело,
Всѣмъ Ивановнамъ весело.
Одной молодушкѣ грустно,
Одной Ивановнѣ скучно.
Всѣ мужья добры,
Всѣ мужья ласковы;
Ужъ, у ней-ли старый мужъ,
Ужъ, у ней-ли старый грибъ,
Не велитъ поиграть,
Не велитъ поплясать
Съ ребятами, неженатыми,
Запрещаетъ, не велитъ,
Грозитъ бѣдную побить.
Молодушкѣ играть хочется,
Молодушкѣ плясать хочется.

Слезы горючи катятся,
Сердце надрывается.
Стара мужа не спрошусь,
Стару мужу не покорюсь.
Я спрошаюсь у батюшки,
Я спрошаюсь у роднова:
Отпусти, сударь, батюшка,
На улицу погулять?
Какъ я-ли млада, разгуляюсь,
Какъ я-ли, млада разыграюсь,
Съ ребятами, съ неженатыми
До поздней зари.
Что заря взошла,
Я гулять пошла;
Что заря пришла,
Я домой пошла.
Мой батюшка у воротъ,
Мой родимой у дубовыхъ
Меня, младу, ждетъ.
Ты поди, дочь гулливая,
Во свой высокой теремъ;
Твой мужъ за столомъ сидитъ,
Шелкова плетка на столѣ лежитъ,
Толстая дубина передъ нимъ.
Я взошла, млада, во теремъ,
Теремъ златоверхъ пошатнулся,
Мой мужъ ума рехнулся,
За шелкову плеть ухватился.
Плетка свиснула, руда брызнула.
Гдѣ жена была?
Гдѣ ты, страдница жила?
Я была, была въ зеленомъ саду,
Я жила, жила съ ребятами.

Первый варiантъ списанъ со словъ поселянъ Моршанскаго уѣзда, а второй со словъ поселянъ Алексинскаго уѣзда.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 26, мнѣ извѣстны два варiанта. Первый изъ нихъ помѣщенъ былъ въ собранiи пѣсенъ Чулкова, ч. I, стр. 223. безъ припѣва, почти слово въ слово, и, по этому самому, мы его здѣсь не помѣщаемъ. Вторый варiантъ, записанный со словъ поселянъ Каширскаго уѣзда, помѣщаемъ здѣсь.

За широкими вороты,
За широкими вороты,
Люли, люли бурлаки!
Вдоль по бережку крутому,
Внизъ по матушкѣ Окѣ,
Люли, люли бурлаки!
Поднималися ребяты,
Молодые, холостые,
Люли, люли бурлаки!
Они шуточку сшутили,
Во новы сѣни вскочили,
Люли, люли бурлаки!
Во новы сѣни вскочили,
Новы сѣни подломили,
Люли, люли бурлаки!
Красну дѣвку подманили,
Во нову ладью садили.
Люли, люли бурлаки!
Вдоль по бережку крутому,
Внизъ по матушкѣ Окѣ,
Люли, люли бурлаки!
Внизъ по матушкѣ Окѣ
Ты поѣдешь, дѣвка, съ нами,
Люли, люли бурлаки!
Съ нами, съ нами, молодцами,
Съ понизовыми бурлаками.
Люли, люли бурлаки!
Наши домы на лодьяхъ,
Наши сборы на водахъ,
Люли, люли бурлаки!
У насъ жить будетъ добренько:
У насъ горы золотыя,
Люли, люли бурлаки!
У насъ горы золотыя,
Въ горахъ камни дорогiе.
Люли, люли бурлаки!
Вдоль по бережку крутому,
Внизъ по матушкѣ Окѣ,
Люли, люли бурлаки!
Во ладью дѣвка садилась,
Съ понизовыми бурлаки,
Люли, люли бурлаки!
На обманъ дѣвка сдалася,
На бурлацкiе пожитки;
Люли, люли бурлаки!
Что бурлацкiе пожитки
Ужъ добры, да не велики,
Люли, люли бурлаки!
Одна ложка, да котомка,
Еще третья-то обортка.
Люли, люли бурлаки.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 27, мнѣ извѣстны два варiанта.

1.

Подъ окномъ дѣвка сидѣла, подъ косящетымъ,

Буйну голову чесала и русу косу плела,
И русу косу плела, къ себѣ милова ждала.
Погляжу млада въ окошко, нейдетъ ли милой мой?
Ахъ, какъ мой милой идетъ, что ясенъ соколъ летитъ,
Своими бѣлыми ручками помахиваетъ,
Своими черными кудрями потряхиваетъ.
Я встрѣтила милова средь широкова двора,
И я съ радостью милова за бѣлы руки взяла,
Повела свою милова во высокой во теремъ,
Посадила я милова подъ косящетымъ окномъ.
Подивися милой мой надъ моей русой косой!
Ахъ, ты, косынька, коса, коса, дѣвичья краса!
Ужъ, какъ ты меня, коса, изсушила молодца,
И ты вынула румянецъ изъ бѣлова изъ лица,
Ахъ, изъ бѣлова изъ лица, изъ удала молодца!
Не круши ретивое, милъ сердечной мой!
Моя русая коса не на горе рождена,
Моя русая коса на роду тебѣ обречена!

Такъ этотъ варіантъ былъ записанъ со словъ поселянъ Подольскаго уѣзда, Московской губерніи.

2.

Какъ у насъ было, на улицѣ,
Какъ у насъ было, на широкой,
Всѣ дѣвушки въ хороводѣ
Веселились и играли.
Ужъ какъ тутъ-ли вспознали,
Что въ хороводѣ нѣтъ Парани,
Нѣту, нѣту, ни бывала,
Во теремѣ горевала,
Подъ окномъ Параня сидѣла,
Подъ краснымъ косящетымъ,
Буйну голову чесала,
Свою русу косу плела,
Къ себѣ друга милова ждала.
Погляжу млада, въ окошко:
Ужъ нейдетъ ли милой другъ?
Какъ у насъ было, на улицѣ,
Какъ у насъ было, на широкой,
Всѣ дѣвушки въ хороводѣ
Веселились и играли.
Какъ Паранинъ милъ идетъ
Что ясенъ соколъ летитъ,
Шапочку охорашиваетъ,
Бѣлыми руками помахиваетъ,
Черными кудрями потряхиваетъ.
Выходила Параня
Изъ высока терема
На супротивъ своего дружка,
Друга милова встрѣчала,
За бѣлы руки хватала,
Во высокъ теремъ вводила,
Подъ косящето окно сажала.
Ужъ ты, милъ сердечной мой,
Ты порадуйся со мной,
Подивись моей русой косѣ!
Ахъ, ты, косынька, коса,
Коса, дѣвичья краса!
Ужъ, какъ ты-ли, русая коса,
Изсушила меня, молодца.
Потускнѣли черны очи,
Позавялъ румянецъ на лицѣ;
Потерялась удаль молодецка,
Нѣту радости у молодчика.
Ужъ давнымъ давно люди
Спровѣдали нашу тайну,
Ужъ разладница сваха
Расплетаетъ мою косу.
И по батюшкину велѣнью,
И по матушкину благословенью
Моя русая коса
На роду тебѣ обречена.

Такъ этотъ варіантъ записанъ со словъ поселянъ Крапивенскаго уѣзда.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 28, мы не прилагаемъ варіантовъ. Вездѣ, гдѣ я слышалъ эту пѣсню, всегда пѣли одинако; даже въ самыхъ печатныхъ пѣсенникахъ не произведено почти никакой перемѣны. См. собраніе пѣсенъ Чулкова, ч. стр. 232. Въ пѣсенникѣ изданномъ въ С. Петербургѣ, въ 1819 г. въ тип. Глазунова, П. III. во 2 ч. стр. 92, прибавлено послѣ стиха:

—Черной дроздъ пивоваромъ былъ —
Сизъ орелъ винокуромъ слылъ.

Тамъ послѣдній стихъ напечатанъ такъ:

Съ малыми дѣтками на многи лѣта!

Точно съ такими же дополненіями напечатана была она въ книгѣ М. Н. Макарова: «Русское національное пѣснопѣніе,» стр. 41. Еще вмѣсто стиха:

Взялъ бы я сороку—щекотливая,

У него напечатано:

Взялъ бы я сороку—языкъ не хорошъ.

Объ этой пѣсни, М. Н. Макаровъ приложилъ свои объясненія. Мы выписываемъ ихъ:

«Кто вѣритъ изустнымъ преданіямъ, тотъ повѣритъ и тому, что За моремъ Синичка неоспоримо заключаетъ въ себѣ какую нибудь важную иронію. Сказываютъ, что въ государствованіе Царя Іоанна Грознаго, когда, можетъ быть, еще только первой шагъ сдѣлала въ свѣтъ пѣсня сія, нѣкто, по видимому не благопріятствующій автору ея, предложилъ какому-то сильному бояриину изъясненіе дурнаго оборота пѣсни и—она была запрещена: то-есть прославлено было въ народѣ, что ежели де кто-нибудь будетъ пѣть пѣсню: За моремъ Синичка, тотъ подвергнетъ себя штрафу.—Тутъ За моремъ Синичка умолкла, а долго ли хранилась въ заточеніи, неизвѣстно. Говорятъ также, что будто-бы одинъ изъ великихъ нашихъ Монарховъ, вѣроятно Петръ I, любилъ слышать пѣсню сію и заставлялъ нерѣдко при торжествахъ своихъ пропѣвать оную хоромъ, составленнымъ изъ вѣрныхъ ратниковъ.»

Мы не вѣримъ этой сказкѣ. М. Н. Макаровъ возводитъ эту пѣсню въ бытъ историческій; а исторія требуетъ фактовъ. Этого нѣтъ и быть не было на самомъ дѣлѣ. Какія историческія преданія мы имѣемъ изъ временъ Іоанна Грознаго? Кто ихъ намъ разсказывалъ? Народъ сохранилъ только намъ преданіе о его Казанской битвѣ. Все прочее позабылъ!

Для пѣсни, напечатанной подъ № 29, я не знаю ни одного варіанта. Одинъ только разъ я слышалъ эту пѣсню въ Ефремовскомъ уѣздѣ.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 30, мнѣ извѣстны два варіанта.

1.

Ходитъ Царь
Около города,
Около высока;
Ищетъ Царь,
Ищетъ Царь
Царевну свою,
Королевну свою.

Такъ этотъ варіантъ былъ напечатанъ въ запискахъ о Сибири, стр. 117. Тамъ продолженіе этой пѣсни означено подъ особеннымъ № 4.

Я хожу, хожу
Кругомъ города,
Я сѣку, рублю
Мечемъ ворота,
Еще все ли я
Красну дѣвицу ищу;
Еще гдѣ я
Красну дѣвицу найду,
Тутъ ее
Златымъ перстнемъ подарю.

Безъ всякаго сомнѣнія, что эти двѣ отдѣльныя пѣсни составляютъ одно и тоже. Время измѣнило, можетъ быть, самый обрядъ, и съ этимъ вмѣстѣ наши Сибирскіе простолюдины раздѣлили и самую пѣсню.

2.

Ходилъ князь по хороводу,
Ходилъ князь по дѣвичьему,
Ходилъ, ходилъ князь,
Да все смотритъ князь,
Ищетъ нашъ добрый князь
Свою-ли свѣтлую княгиню,
Свою-ли добрую княгиню.
Ходилъ князь кругомъ города;
Онъ сѣчетъ, онъ рубитъ
Своимъ мечетъ ворота.
Скоро-ли свѣтлый князь
Найдемъ свѣтлую княгиню?
Ужъ я-ли гдѣ найду
Свою-ли свѣтлую княгиню,
Златымъ перстнемъ подарю.

Такъ этотъ варіантъ былъ сообщенъ мнѣ изъ Пензы, отъ Д. И. С.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 31, мнѣ извѣстны два варіанта.

1.

Княжій сынъ хороберъ,
Да ты, что ходишь, гуляешь?
Царевъ сынъ хороберъ,
Да что ты примѣчаешь,
Царевъ сынъ хороберъ?

Я хожу, хожу, гуляю,
Я хожу, примѣчаю
Да свою я Царевну,
Да свою Королевну.
А моя-то Царевна,
А моя-то Королевна
Во Новѣгородѣ гуляетъ,
На ней вѣнчикъ сіяетъ,
Сарафанъ на ней камчатый.
Ты войди, Царь, во городъ,
Ты возьми ее за руку,
Поклонитесь низенько,
Поздоровайтесь миленько.

Такъ этотъ варіантъ былъ напечатанъ въ Запискахъ о Сибири, стр. 117

2.

Во се хороберъ!
Во се хороберъ!
Что ходишь, гуляешь,
Что примѣчаешь?
Я хожу, я гуляю,
Я въ хороводѣ примѣчаю
Свою подруженьку.
Вѣдь, моя-то молодая,
Вѣдь, моя-то княгиня
Во Новѣгородѣ гуляетъ,
На Торговой сторонѣ играетъ:
Ужъ на моей-ли княгини,
Ужъ на моей-ли молодой
Красенъ вѣнчикъ сіяетъ,
Сарафанъ на ней камчатный,
Убрусецъ весь жемчужный,
Алы бархатны башмачки,
Два яхонта во серьгахъ,
Два алмаза во глазахъ,
Со походкой лебединой,
Со поступью соболиной.
Во се моя молодая,
Во се моя княгиня!
Ты войди, хороберъ,
Ты войди въ хороводъ,
Ты возьми молодую,
Ты возьми княгиню.

Такъ этотъ варіантъ былъ сообщенъ мнѣ изъ Старой Русы.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 32, мнѣ извѣстенъ одинъ варіантъ, напечатанный въ Зап. о Сибири, стр. 116.

Чижикъ, пыжикъ у воротъ,
Воробышекъ маленькій!
Ахъ, братцы, мало насъ,
Голубчики, немножко!
Въ хороводѣ людей мало,
Веселиться не съ кѣмъ стало.
Ахъ, братцы, мало насъ,
Голубчики, немножко!
Максимъ, сударь, поди къ намъ,
Егоровичъ приступись!
Ахъ, братцы, мало насъ,
Голубчики не множко!

Для пѣсни, напечатанной подъ № 33, мнѣ извѣстны два варіанта.

1.

Подъ берегомъ селезень,
Подъ кремнистымъ селезень.
Ужъ ты выди, селезень,
Ужъ ты выплыви, селезень!
Студено ли те, селезень?
Студено ле те, хохлатый?
Мнѣ бы не было студено,
Мнѣ бы было тепло,
Я одинъ, одинъ селезень.
Ужъ ты выди, селезень,
Ужъ ты выплыви, селезень,
Приодѣнься селезень—
Такъ, такъ потеплѣй.
Вотъ со дѣвушки вѣнокъ,
Со молодушки платокъ,
Со старой бабы шлыкъ,
Съ мужика, бурлака,
Полъ-караблика,
Съ сѣрой утицы
Сизой пухъ,
Изъ нашего хоровода
Красну дѣвицу.

Такъ этотъ варіантъ былъ сообщенъ мнѣ изъ Валдайскаго уѣзда.

2.

Подъ коренемъ олень,
Да подъ дубовымъ олень,
Тепло ли те, олень?
Мнѣ не то тепло,
Мнѣ не то студено,
Пріодѣнься олень,
Пріокутайся.
Какъ со дѣвушки вѣнокъ,
Со молодушки платокъ,
Съ старой бабы шлыкъ,
Съ малаго ребеночка пеленочка,
Съ мужичка, бурлачка,
Полъ-кораблика.

Такъ этотъ варіантъ былъ напечатанъ въ Запискахъ о Сибири стр. 118. Тамъ въ дополненіе къ этой пѣсни приложена народная игра, совершенно имѣющая въ Велико-Русскихъ губерніяхъ другой назначеніе; но какъ видно, изъ записокъ о Сибири, она соединяется съ пѣснію, и имѣетъ свой припѣвъ: «Кто сидитъ въ кругу оленемъ, тотъ собираетъ со всѣхъ платки, ленты, и когда соберетъ со всѣхъ, то ему поютъ:

Сиди, сиди ящеръ — ладу, ладу!
На золотѣ стулѣ — ладу, ладу!
Грызи, грызи ящеръ — ладу, ладу!
Орѣховы ядра — ладу, ладу!

Для пѣсни, напечатанной подъ № 34, мнѣ извѣстны два варіанта.

1.

Надъ рѣчкою, надъ быстрою,
Стоитъ ракитовъ кустъ,
Вкругъ ракитова кусточка
Лежитъ сиротинушка,
Сиротинушка, горемычная.
Соловейка пѣсни пѣлъ,
Сиротинушка высвистывалъ:
Во пиру ли, во бесѣдѣ
Много было гостей дорогихъ,
Не было только соловеюшки,
Что соловеюшки, голубушки.
Надъ рѣчкою, надъ быстрою
Стоитъ ракитовъ кустъ,
Вкругъ ракитова кусточка
Лежитъ сиротинушка,
Сиротинушка горемычная.
Соловейка пѣсни пѣлъ,
Сиротинушка высвистывалъ:
Вотъ соловьюшка-голубушка
Идетъ, будто пава плыветъ,
Рѣчи ведетъ, будто лебедь поетъ.
Мнѣ жаль тебя сиротинушку,
А жалчей того батюшку,
А жалчей того матушку;
У батюшки со матушкой
Я одна во дому всѣмъ ворочу;
У мила дружка во терему
Я послушница свекровушки;
У тебя ли, сиротинушки,
Я лежу у сердечушка,
У чужихъ людей, моихъ злодѣевъ,
Я слыву гуленушкой.

Такъ этотъ варіантъ былъ записанъ со словъ поселянъ Орловскаго уѣзда.

2.

Подлѣ рѣчки стоялъ часть ракитовъ кустъ,
За кустомъ лежалъ сиротинушка,
На кустику соловейка пѣсни пѣлъ,
А сиротинушка высвистывалъ:
Былъ званой пиръ и бесѣда,
Были гости всѣ званые,
Не было моей голубушки;
А моя-то голубушка
Идетъ, будто пава плыветъ,
Рѣчи ведетъ, будто лебедь поетъ,
Слово молвитъ, радость даритъ,
Сама-то голубушка говоритъ:
Мнѣ жаль тебя, сиротинушку,
А и жалчей того батюшку,
А и жалчей того матушку;
У батюшки со матушкой
Я одна во дому всѣмъ ворочу;
У мила дружка во терему
Я послушница свекровушки;
У тебя ли, сиротинушки,
Я лежу у сердечушка;
У моего мужа, лиходѣя,
Я слыву во постылыхъ.

Такъ этотъ варіантъ былъ записанъ со словъ поселянъ Тарузскаго уѣзда.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 35, мнѣ извѣстенъ одинъ варіантъ, напечатанный въ запискахъ о Сибири, стр. 119.

Бояре! да вы по что пришли?
Молодые, да вы по что пришли?
Княгини! да мы невѣстъ смотрѣть!
Молодыя, да мы невѣстъ смотрѣть!
Бояре! покажите жениха,
Молодые, покажите жениха.
Княгини! во се нашъ женишокъ!
Молодыя, во се нашъ женишокъ!
Бояре! покажите кафтанъ,
Молодые, покажите кафтанъ.
Княгини! во се нашъ кафтанъ!
Молодыя, во се нашъ кафтанъ!
Бояре! покажите кушакъ,
Молодые, покажите кушакъ.
Княгини! во се нашъ кушакъ!
Молодыя, во се нашъ кушакъ!
Бояре! покажите сапоги,
Молодые, покажите сапоги.

Княгини! во се нашъ сапожокъ!
Молодыя, во се нашъ сапожокъ!
Бояре! поздороваться!
Молодые, со всѣмъ поѣздомъ!

Для пѣсни, напечатанной подъ № 36, мнѣ извѣстны два варіанта.

1.

Во саду было, подъ яблонью,
Въ зеленомъ, подъ кудрявою,
Соловей выщекочетъ,
Молодой выщекочетъ.
Во терему-то
Свѣтъ у Марьи души
Въ высокомъ-то у Ивановны,
Красны дѣвицы играютъ.
Ужъ ты слышишь-ли,
Марья душа,
Ужъ ты слышишь-ли, Ивановна?
Тебя батюшка кличетъ,
Тебя свѣтъ родной кличетъ!
Охъ! свѣтъ-то мои подруженьки
Зачѣмъ раньше не сказали;
Я право не слыхала.

Такъ былъ напечатанъ этотъ варіантъ въ Запискахъ о Сибири, стр. 112, гдѣ самая пѣсня означена въ числѣ Плясовыхъ.

2.

Во саду-ли было, подъ яблонью,
Въ зеленомъ, подъ кудрявою,
Соловей щекоталъ,
Молодой щекоталъ.
Во терему златоверхомъ
У красной, свѣтъ, дѣвицы,
Во высокомъ-то у души,
Красны дѣвицы играютъ.
Ужъ, ты слышишь-ли,
Красна дѣвица, свѣтъ душа?
Тебя батюшка кличетъ,
Тебя свѣтъ родной кличетъ?
Охъ! свѣтъ мои подруженьки
Зачѣмъ раньше не сказали,
Я право не слыхала.
Въ саду-ли было, подъ яблонью,
Въ зеленомъ, подъ кудрявою,
Соловей щекоталъ,
Молодой щекоталъ.
Въ хороводѣ красны
У воротъ стоятъ,
Въ хороводѣ красны дѣвицы
Всей околицей играютъ.
Ужъ, ты слышишь-ли,
Красна дѣвица, свѣтъ душа,
Какъ подруженьки манятъ?
Ужъ, ты видишь-ли,
Красна дѣвица, свѣтъ душа,
Молодой идетъ по дороженькѣ?
Охъ! вы, свѣтъ мои подруженьки,
Зачѣмъ раньше не сказали?
Я право не слыхала;
А какъ милъ идетъ,
Я давно сама завидѣла;
Я сама къ нему иду.

Такъ этотъ варіантъ былъ записанъ со словъ поселянъ Спасскаго уѣзда.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 37, мнѣ извѣстенъ одинъ варіантъ, напечатанный въ Запискахъ о Сибири, стр. 113.

У души у красной дѣвицы
Новый огородецъ,
Новый, новый огородецъ,
Частой частоколецъ;
Пошатился, повалился,
Къ землѣ приклонился.
Отъ того-же отъ тыночка
Лежатъ три слѣдочка,
Три слѣдочка, два слѣдочка,
Снѣшкомъ призапали,
Про меня, красну дѣвицу,
Небыль насказали.
Небыль, небыль, небылицу,
Не былыя рѣчи:
Будто я, красна дѣвица,
Порану вставала,
Поутру рано вставала,
Голову чесала,
Русу косу заплетала,
Ленточку вплетала,
Друга провожала;
Проводила мила друга
До зелена луга,
До зеленаго лужочка,
До полу-дороги;
Со полу-то я дорожки
Домой воротилась,
Съ милымъ не простилась.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 38, мнѣ извѣстенъ одинъ варіантъ, напечатанный въ Запискахъ о Сибири, стр. 115.

Около сыра дуба

Растетъ черпь черница,
А во той-ли во черницѣ
Черенъ соболь скачетъ;
Поскачи, поскачи соболь
По чистому полю,
Поплови, поплови утя
По тиху Дунаю;
Ищи себѣ друга,
Котораго любишь.
Скачите, вы, дѣвушки, пляшите,
Вы, холостые, не смотрите,
Смотрючи, дѣвушку не взяти,
Взять, не взять по любови,
По батюшкину благословенью,
По матушкину умоленью.

Для пѣсни, напечатанный подъ № 39, мнѣ извѣстенъ одинъ варіантъ, напечатанный въ Запискахъ о Сибири, стр. 114.

Изъ бору, бору,
Изъ зеленаго,
Стучала, гремѣла
Быстрая рѣчка.
Обростала быстра рѣчка
Калиной, малиной.
На калиновомъ мосточкѣ
Сидѣла голубка,
Ноженьки мыла,
Перемывала,
Свое сизое перышко
Перебирала.
Перебравши сизо перье,
Сама взворковала:
Завтра, поутру,
Батюшка будетъ;
Хоть будетъ, аль не будетъ,
Тоски не убудетъ,
Въ двое, въ трое у голубки
Печали прибудетъ.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 40, мнѣ извѣстенъ одинъ варіантъ, напечатанный И. М. Снегиревымъ — во 2 ч. стр. 92, Русскихъ простонародныхъ праздниковъ, подъ названіемъ Чухломской пѣсни.

Соколъ-ли мой, соколъ,
Залетная пташка.
Ты проѣзжій, доброй молодецъ,
Привезъ меня молоду
Въ чужу дальнюю сторону;
Сушилъ, крушилъ три года,
Напишу-ль я граматку
По бѣлому бархату
Чистымъ, краснымъ золотомъ;
Отошлю-ль я эту грамотку,
Въ дальній городъ Астрахань,
Къ родимому батюшкѣ,
Къ родимой матушкѣ.
Прикажетъ ли, сударь, батюшка
Скакать, плясать, танцовать?
Скачи, пляши, дитятко,
Танцуй сударыня,
Покамѣсть старость не пришла!
Коли старость къ намъ придетъ,
Такъ мы ее пришибемъ
Сафьяпинкимъ башмачкомъ.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 41, мнѣ извѣстны два варіанта. Первый изъ нихъ напечатанъ И. М. Снегиревымъ во 2 ч. стр. 95, Русск. прост. праздниковъ, а второй записанъ со словъ поселянъ Тульскаго уѣзда.

1.

Что мои-то ясны очи заглядчиваты!
Еще что очи завидятъ, то на очи берутъ?
Что мѣлка мука овсяна, мѣлко вытолчена.
Мѣлко вытолчена, въ сито высѣяна,
Что умна была дочь у честной вдовы,
У честной вдовы умно выучена;
Она въ теремѣ сидѣла,
Въ рукахъ пялички держала,
Всѣ узоры вышивала.

2.

Шли, прошли по околицѣ
Красны дѣвицы румяны,
Очи ясны, заглядчиваты!
Ужъ и что дѣвицы завидятъ,
Все на ясны очи берутъ,
Все запримѣчаютъ;
А у нихъ-ли мука озимовата,
Еще мѣлка овсяна,
Мѣлко вытолчена,
Въ рѣшето высѣяна.
Ужъ, какъ если въ околицѣ
У вдовушкѣ салосѣ,
У вдовѣ дочка умна, учена;
Она, вдовушка, учила
Свою дочку молоду
Въ рукахъ пялички держать,
Золоты ширинки вышивать,

Для пѣсни, напечатанной подъ № 42, мнѣ извѣстенъ одинъ варіантъ, напечатанный въ 2 ч. стр. 93, Русск. простон. праздниковъ.

Во полѣ, полѣ, широкомъ раздольѣ,
Стояли три шатра, три полотняные.
Во первомъ шатрѣ подъячіе пишутъ,
Во второмъ шатрѣ князья и бояре,
Въ третьемъ шатрѣ гостиный сынъ гуляетъ,
Самъ въ гусли играетъ,
Дѣвушку утѣшаетъ:
Не плачь, не плачь, дѣвушка,
Не плачь, не плачь, красная!
Сошью тебѣ, дѣвушка,
Шубку, юбку и тѣлогрѣйку;
Еще тебѣ, дѣвица, монисту со крестами,
Серги съ жемчугами.
Не надобно, молодецъ,
Ни шубки, ни юбки, ни тѣлогрѣйки,
Ни монисту со крестомъ,
Ни серегъ съ жемчугомъ.
Ахъ! отпусти, молодецъ,
Ко дѣвичью стадичку!
Тогда я тебя отпущу,
Когда русу косу расплету.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 43, мнѣ извѣстенъ одинъ варіантъ, напечатанный во 2 ч. стр, 94, Расск. прост. праздниковъ.

Тонка, гибка жестянка,
Чрезъ рѣчушку жестяночка лежала,
Что никто по той жестяночкѣ не пройдетъ.
Только шли, прошли стары бабы,
Стары бабы старобразы.
Еще смѣть ли спросить старыхъ бабъ,
Еще что въ городу вздорожало?
Вздорожали, вздорожали молоды бабы:
На овсяной блинъ по три бабы,
А четверта провожата,
А пятая на придачу.
Еще шли, прошли молоды бабы,
Еще смѣть ли спросить молодыхъ бабъ,
Еще что въ городѣ вздорожало?
Вздорожали, вздорожали добры молодцы:
Еще восемь молодцовъ на полденьги,
А девятый провожатый,
А десятый на придачу.
Еще шли, прошли добры молодцы;
Еще смѣть ли спросить добрыхъ молодцовъ:
Еще что въ городу вздешевѣло?
Вздешевѣли, вздешевѣли красны дѣвушки,
Со сту рублей красна дѣвушка,
А по тысячѣ дѣвицъ на косицу.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 44, мнѣ извѣстенъ одинъ варіантъ, напечатанный во 2 ч. стран. 97 Русск. прост. праздниковъ.

На горѣ калинушка стояла,
Разными цвѣтами разцвѣтала,
На той ли на калинѣ сидитъ соловейка,
Веселъ и пѣсни распѣваетъ,
Холостому молодцу вѣсть подаетъ:
Пора тебѣ, молодецъ, жениться,
Тебѣ, красной дѣвушкѣ, постричься.
Пойду ли я на матушку на Волгу,
Къ набльшому тамъ атаману;
Чѣмъ меня государь батюшка подаруетъ?
Подарилъ меня государь батюшка женою,
Глупою женою, неразумной;
Я за гудокъ, а она за прялку;
Я въ гудокъ играти, а она мотати.
Не за чѣмъ въ люди на кручину,
Дома кручинушки довольно.
Подарилъ меня государь батюшка женою,
Умною женою и разумной,
Я за гудокъ, а она за пѣсни,
Я въ гудокъ играти, а она плясати.
Не за чѣмъ въ люди по веселье,
Дома весельица довольно.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 45, мнѣ извѣстны два варіанта. Первый изъ нихъ былъ напечатанъ во 2 ч. стр. 99, Русск. прост. праздниковъ; а второй записанъ со словъ поселянъ Алексинскаго уѣзда.

1.

Какъ за горницей, за повалушею,
Не въ гусли играютъ,
Не въ свирѣли говорятъ;
Говорятъ мои подруженьки
На игрища идти.
А меня ли, молодешеньку,
Свекоръ не пускаетъ,
Заставляетъ свекоръ-батюшка
Гумно чистить,
Гумно чистить,
Метлой мести;
Ужъ я въ сердце взойду
И метлу изломлю,
И гумно истопчу,

Сама ли, молодешенька,
На игрища пойду:
Наскачуся, напляшуся,
Наиграюсь молода.
А меня, молодешеньку,
Свекровь не пущаетъ,
Заставляетъ свекровъ-матушка
Красенца ткать.
Ужъ я въ сердце-то взойду,
Красна изорву, бердо изломлю,
Какъ на игрище уйду:
Наскачуся, напляшуся,
Наиграюсь молода!

2.

Какъ за горницею, за павалушею,
Не въ гусли играютъ,
Не въ свирѣли говорятъ,
Не въ трубы трубятъ,
Говорятъ мои подруженьки,
Говорятъ мои сосѣдушки,
На игрища идти.
Ужъ меня, молодешеньку,
Свекоръ унимаетъ,
Злодѣй онъ не пускаетъ,
Заставляетъ свекоръ-батюшка:
Во полѣ гумно чистить,
Во дворѣ метлой мести,
Во избѣ дѣтей качать.
Ужъ я ли въ сердце взойду,
И метлу изломлю,
И гумно истопчу,
И дѣтей уложу;
А сама-то, молодешенька,
На игрище пойду:
Наскачуся, напляшуся,
Наиграюсь молода.
Какъ за горницею, за павалушею,
Не въ гусли играютъ,
Не въ свирѣли говорятъ,
Не въ трубы трубятъ,
Говорятъ мои подруженьки,
Говорятъ мои сосѣдушки,
На игрища идти.
Ужъ меня, молодешеньку,
Свекровь унимаетъ,
Злодѣйка она не пускаетъ,
Заставляетъ свекровъ-матушка:
И толочь, и молоть,
Красенца сновать,
По воду ходить,
Избы топить,
Ребятъ кормить.
Ужъ, это не по мнѣ,
Ужъ я ли въ сердце взойду,
Не толку, не мелю,
Конопли изломлю,
Красна изорву,
Дѣтей накормлю;
А сама-то, молодешенька,
На игрище пойду:
Наскачуся, напляшуся,
Наиграюсь молода.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 46, мнѣ извѣстенъ одинъ вариантъ, напечатанный во 2-й ч. стр. 98, Русск. прост. праздниковъ.

Въ Казани было городѣ,
Протекала тутъ Волга рѣка,
Какъ по той Волгѣ рѣкѣ
Проплывала осетръ рыба,
Что осетръ рыба свѣжая:
Какъ бы эта да осетръ рыба
Хозяину да на столы дубовые,
Да на скатерти ткацкія,
Да на блюда серебряныя!
Далече, далече во чистомъ полѣ,
Разыгрались черные, черные соболи.
Какъ бы эти да черные соболи
Хозяюшкѣ на шубу, да на бѣлы плечи.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 47, мнѣ извѣстны два варіанта. Первый изъ нихъ помѣщенъ во 2 ч. стр. 95, Русск. прост. праздниковъ, а второй поется въ селеніяхъ Чухломскаго уѣзда.

1.

Сидитъ олень подъ сырымъ дубкомъ.
Тепло ли те, олень, студено ли те, олень?
Мнѣ во лѣтѣ тепло, во зимѣ холодно.
Прiодѣньте оленя, прикутайте:
Что со дѣвушки вѣнокъ, со молодушки платокъ,
Со старыя бабы шелковый поясокъ,
Чей, чей это вѣнокъ толочу, волочу,
Толочу, волочу по подлавичью, по заваличью?
Я не дамъ вѣнка топтать, я не дамъ волочить?
Сама выскачу, сама выпляшу,
Я своимъ станкомъ, я коротенкимъ.
Хотя станъ коротокъ, назовутъ Королемъ Королевичемъ.
А гдѣ утка шла, тутъ и пыль прошла,

А гдѣ я млада, тутъ и рожь густа,
Умолотиста, умолотиста,
Еще съ колосу маленька, съ зерна пирогъ.

Мы замѣчаемъ, что въ этой пѣсни смѣшаны совершенно двѣ разныя пѣсни: загляните въ Записки о Сибири, на стр. 118 — тамъ помѣщено начало этой пѣсни; загляните же на стр. 121 той же книги, и вы увидите конецъ. Анализъ сдѣланъ вѣрный. Мы не беремъ на себя рѣшить задачу, кто первый смѣшалъ народныя пѣсни. Можетъ быть, это само собою разрѣшится, если мы обратимъ вниманіе на усвоеніе Русскихъ привычекъ, на тотъ способъ, какъ поселяне охотно принимаютъ отъ заѣзжихъ людей новости. Такія смѣшенія въ Русскихъ пѣсняхъ мы встрѣчаемъ очень часто.

2.

Начало этого варіанта, по словамъ И. М. Снегирева, то же самое, слѣдовательно опять видимъ смѣшеніе новыхъ пѣсенъ. Конецъ же встрѣчаемъ другой.

Хотя станъ коротокъ, да плечи широки,
А на эти плечи три рябиновыхъ дубца,
Три распареные, три разжареные,
Подпояска-то долга, о семи сажень изба,
Повернуться нельзя, повернулася пошла,
Будто ягода красна, какъ землянка хороша.
Обей чеботы, пробивай чеботы!
Мнѣ не мужъ ихъ купилъ, и никто заводилъ,
Заводилъ Константинъ на свои шесть алтынъ;
Хоть истопчутся, изломаются,
Мой батюшка-та швецъ, а женихъ кузнецъ,
Моя матушка прядеюшка, вервицу напрядетъ.

И въ этомъ варіантѣ есть, по видимому, много сокращеній, особенно послѣ стиха: «Будто ягода красна.» — Здѣсь очевидно чего-то не достаетъ.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 48, мнѣ извѣстны два варіанта. Первый изъ нихъ записанъ со словъ поселянъ Мещевскаго уѣзда, а второй Муромскаго.

1.

По широкой по рѣкѣ,
По раздольной по Окѣ
Плыветъ селезень.
Люли, люли, селезень!
По той рѣкѣ, да широкой,
По той Окѣ, да глубокой,
Бѣжитъ добрый молодецъ.
Люлю, люли, селезень!
Ты стой, постой,
Ты стой, постой,
Хохлатый селезень.
Люли, люли, селезень!
У тебя ли во дому
Повернулось по бревну,
По бревну, по сосновому.
Люли, люли, селезень!
Селезень не слушаетъ,
Селезень не туруетъ,
Селезень проплываетъ.
Люли, люли, селезень!
По широкой, по рѣкѣ,
По раздольной по Окѣ,
Плыветъ суденышка.
Люли, люли, селезень!
На суденышкѣ дѣтинушка,
На дѣтинушкѣ рубашечка,
Подъ сердечушкомъ зазнобушка.
Люли, люли, селезень!
Во слѣдъ суденышка
Бѣжитъ матушка,
Бѣжитъ, сама рѣчи ведетъ:
Люли, люли, селезень!
У тебя ли во дому
Сочинилася бѣда:
Измѣнила молода.
Люли, люли, селезень!
Дѣтинушка не слушается,
Суденышка колышется,
Ко дну клонется.
Люли, люли, селезень!

2.

Ужъ какъ было по рѣкѣ,
Ужъ какъ было по Окѣ.
Гай, гай, селезень!
Плыветъ селезень,
Плыветъ молодой.
Гай, гай, селезень!
Ѣдутъ молодцы, удалые,
Всѣ Волжане, молодые.
Гай, гай, селезень!
Ты стой, постой,
Ты стой, постой,
Молодой селезень.
Гай, гай, селезень!

У тебя ли во дому
Повернулось по бревну,
По бревну, по сосновому.
Гай, гай, селезень!
Ужъ какъ было по рѣкѣ,
Ужъ какъ было по Окѣ.
Гай, гай, селезень!
Выплывалъ молодецъ,
Выплывалъ удалой.
Гай, гай, селезень!
Самъ суденышкомъ вертитъ,
Самъ веселцами гребетъ.
Гай, гай, селезень!
На суденушкѣ дѣтинушка,
На дѣтинушкѣ рубашечка,
Гай, гай, селезень!
Подъ сердечушкомъ зазнобушка,
Во дому одна сударушка.
Гай, гай, селезень!
У тебя ли во дому
Сочинилася бѣда:
Измѣнила молода.
Гай, гай, селезень!

Для пѣсни, напечатанной подъ № 49, мнѣ извѣстны два варіанта. Первый изъ нихъ былъ напечатанъ въ Собраніи пѣсенъ Прача, ч. 2, стр. 57; а второй въ пѣсенникѣ, изданномъ въ СПБ. въ типографіи Глазунова, П. Ш., въ 4. стр. 52. Оба эти варіанта совершенно сходны съ пѣснею, приложенною въ текстѣ, а по этому самому мы и не помѣщаемъ ихъ здѣсь.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 50, мнѣ извѣстенъ одинъ варіантъ, напечатанный въ пѣсенникѣ П. Ш., изданномъ въ СПБ. въ 1819 г. ч. 4, стр. 54.

У воробушки головушка болѣла.
Какъ болѣла, какъ болѣла, какъ болѣла?
У воробушки сердечушко щемило;
У воробушки спинушка болѣла;
У воробушки рученька болѣла,
Ужъ какъ сталъ воробей присѣдати;
Захотѣлъ воробей перемѣны.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 51, мнѣ извѣстны два варіанта. Первый изъ нихъ былъ напечатанъ въ пѣсенникѣ П. Ш. изданномъ въ СПБ. въ 1819 г. ч. 4, стр. 55; а второй записанъ со словъ поселянъ Серпуховскаго уѣзда. Мы помѣщаемъ только послѣдній.

Какъ посѣю бѣлъ ленъ,
Какъ выращу бѣлъ ленъ,
Тонкой, долгой,
Бѣлъ, волокнистой.
Какъ выросъ бѣлъ ленъ,
Тонкой, долгой,
Бѣлъ, волокнистой.
Какъ ленъ поспѣвалъ,
Какъ бѣлъ созрѣвалъ,
Тонкой, долгой,
Бѣлъ, волокнистой;
А я, млада, горевала:
Съ кѣмъ-то мнѣ ленъ брати?
Свекоръ-то молвитъ:
Я съ снохою, моей молодой!
Чортъ это, не бранье,
Все лишь гореванье!
Какъ посѣю бѣлъ ленъ,
Какъ вырощу бѣлъ ленъ,
Тонкой, долгой,
Бѣлъ, волокнистой.
Какъ выросъ бѣлъ ленъ,
Тонкой, долгой,
Бѣлъ, волокнистой.
Какъ ленъ поспѣвалъ,
Какъ бѣлъ созрѣвалъ,
Тонкой, долгой,
Бѣлъ, волокнистой;
А я, млада, горевала:
Съ кѣмъ-то мнѣ ленъ брати?
Свекровь-то молвитъ:
Я съ снохою, моей молодою!
Чортъ это, не бранье,
Все лишь горlivанье!
Какъ посѣю бѣлъ ленъ,
Какъ вырощу бѣлъ ленъ,
Тонкой, долгой,
Бѣлъ, волокнистой.
Какъ выросъ бѣлъ ленъ,
Тонкой, долгой,
Бѣлъ, волокнистой.
Какъ сталъ ленъ поспѣвать,
Какъ сталъ ленъ созрѣвать,
Тонкой, долгой,
Бѣлъ, волокнистой;
А я, млада, горевала:
Съ кѣмъ-то мнѣ ленъ брати?
Какъ милой-то молвитъ:
Я съ тобою, моей дорогою!
Вотъ это-то бранье,
Все лишь цѣлованье!

Для пѣсни, напечатанной подъ № 52, мнѣ извѣстны два варіанта. Первый изъ нихъ напечатанъ въ пѣсенникѣ П. Ш. изданномъ въ СПБ. 1819 г., ч. 4, стр. 58. Въ этомъ варіантѣ есть только нѣкоторыя измѣненія, которыя и помѣщаемъ.

Вмѣсто: «Всѣ дѣвки понабрались» — Всѣ понаѣлися.

Вмѣсто: «Одна дѣвка не набралася» — Одна дѣвка не наѣлася.

Пропущено въ пѣсенникѣ П. Ш. четыре стиха:

У меня ли, у младешеньки,
Свекоръ-отецъ, свекровь мать,
И бьютъ, и журятъ,
По напрасну бранятъ.

Въ послѣднемъ стихѣ вмѣсто: «Не кто велѣлъ по полямъ играть» — Не кто велѣлъ съ холостымъ играть.

Второй варіантъ записанъ со словъ поселянъ Богородицкаго уѣзда Тульской губерніи.

Какъ пошли дѣвки въ сыры боры,
Какъ загуляли красны въ лѣсъ по ягодки!
Ой люли, люли, по ягодки!
Ужъ всѣ дѣвки понабралися,
Ужъ всѣ красны нахватали.
Ой люли, люли, нахватали!
Какъ тутъ дѣвка не набралась,
Какъ тутъ красна не нахваталась.
Ой люли, люли, не нахваталась!
Какъ тутъ по сыру бору
Ходючи дѣвка, разтужилася;
Ой люли, люли, разтужилася!
Какъ тутъ разтужась, взмолилася,
Какъ взмолившись, окликалася.
Ой люли, люли, окликалася!
Стала дѣвка плакати,
Стала подругъ кликати:
Ой люли, люли, кликати!
Вы подруженьки, вы голубушки,
Вы мои голубушки сложитеся,
Ой люли, люли, сложитеся!
Вы сложитеся мнѣ по ягодкѣ,
Вы бросьте по одной горсточкѣ;
Ой люли, люли, горсточкѣ!
У меня-то, у младешеньки,
У меня-то, у горемычной,
Ой люли, люли, горемычной!
Чужой отецъ, чужая мать,
Мнѣ отецъ свекоръ, мнѣ мать свекровь.
Ой люли, люли, свекровь!
Меня, младу, забранятъ,
Меня, младу, зажурятъ.
Ой люли, люли, зажурятъ!
Ей подруженьки не сложилися,
Ей подруженьки не скинулися.
Ой люли, люли, не скинулися!
Рѣчи держатъ ей подруженьки,
Рѣчи держатъ ей голубушки:
Ой люли, люли, голубушки!
Не кто велѣлъ по кустамъ бродить,
Не кто велѣлъ соловушекъ ловить!
Ой люли, люли, ловить!

Для пѣсни, напечатанной подъ № 53, мнѣ извѣстенъ одинъ варіантъ, напечатанный въ пѣсенникѣ П. Ш. изданномъ въ СПБ. 1819, въ 3 ч. стр. 110.

Какъ у нашихъ у воротъ,
Ай люли, у воротъ!
Стоялъ дѣвокъ хороводъ,
Меня, младу, кликали
На улицу поиграть,
Въ хороводѣ поплясать;
Меня свекоръ не пустилъ,
Хотя пустилъ, пригрозилъ:
Гуляй сноха, да недолго!
А я, млада, гуляла
До саминькихъ пѣтушковъ;
Какъ зорюшка занялась,
А я, млада, поднялась;
На встрѣчу мнѣ деверекъ:
Деверьюшка, душечка,
Проводи меня домой,
До высока терема.
Станеръ свекоръ младу бить,
А ты меня отними,
Не отнимешь, прочь поди.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 54, мнѣ извѣстны два варіанта. Первый изъ нихъ былъ напечатанъ въ собраніи пѣсенъ Д. Кашина, во 2 ч. стр. 3, совершенно сходный съ пѣснею, напечатанною нами въ текстѣ. Второй записанъ со словъ Тульскихъ оружейниковъ.

Какъ у нашихъ у воротъ
Стоитъ озеро воды.
Ой люли, озеро воды!
Молодецъ коня поилъ,
Къ воротичкамъ приводилъ.

Ой люли, приводилъ.
Къ верейюшкѣ привязалъ,
Красной дѣвкѣ приказалъ;
Ой люли, приказалъ!
Красна дѣвица, душа,
Ты умна и хороша!
Ой люли, хороша!
Сберегии ворона коня,
Коня богатырскаго.
Ой люли, богатырскаго!
Онъ рѣзовъ на полетѣ,
Онъ силенъ на привязи.
Ой люли, на привязи!
Не сорвалъ бы повода,
Не сломилъ бы удила.
Ой люли, удила!
Красна дѣвица идетъ,
Словно павушка плыветъ;
Ой люли, плыветъ!
На ней сарафанъ кумачной,
Лента алая въ косѣ;
Ой люли, въ косѣ!
Въ ушахъ серьги золотыя,
Подареньице дружка!
Ой люли, дружка!

Въ Тулѣ я еще слышалъ, какъ вмѣсто:

Не сорвалъ бы повода,
Не сломилъ бы удила.

Пѣли:

Не оборвалъ бы повода,
Повода шелковыя,
Удила злаченыя.

Вмѣсто:

На головушкѣ перо,
Хоть пять сотъ рублей дано.

Пѣли:

Какъ на дѣвицѣ фуро
Пятьдесятъ рублей дано,
Какъ на дѣвицѣ фуро
Семитысячное.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 55, мнѣ извѣстенъ одинъ варіантъ, напечатанный въ собраніи Прача, ч. I. стр. 58.

Стояло тутъ косово дерево,
Вью, вью, вью, вью, лелю!
Во томъ деревцѣ тыночикѣ стоитъ,
Во томъ тыночкѣ бесѣда сидитъ,
Во той бесѣдѣ пляшутъ дѣвицы.
Мимо тутъ ѣхалъ удалъ молодецъ,
Снявши онъ шапочку, да дѣвкѣ челомъ,
Слезши съ коня, онъ руку подаетъ.
Дѣвка ему и поклонилась,
Красна ему и руку подала,
Взявши съ тыночка, за ручку повелъ.
Вью, вью, вью, вью лелю.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 56, мнѣ извѣстны два варіанта. Первый изъ нихъ былъ напечатанъ въ собраніи пѣсенъ Прача, ч. 2, стр. 56, а второй записанъ со словъ поселянъ Богородицкаго уѣзда.

1.

Околъ Дону, околъ Дону, околъ тихова Дунаю,
Околъ тихаво Дунаю добрый молодецъ гуляетъ,
Добрый молодецъ гуляетъ, табунъ коней загоняетъ,
Кони вороные, на нихъ узды золотыя.
Догадайся, догадайся, душа, красна дѣвица:
Ужъ я рада-бъ догадаться, роднова батюшки боюся.
Я боюсь, боюсь отца, да потѣшу молодца,
Я за тѣмъ его потѣшу, что одинъ сынъ у отца,
Что одинъ сынъ у отца, зовутъ Ванюшкою.

2.

Околъ Дону, околъ Дону широкова,
Околъ Дону, околъ Дону тихова,
Добрый молодецъ загулялъ,
Табунъ коней загонялъ.
Вы кони, кони вороные,
Со уздами золотыми,
Побѣжите до тихова Дуная,
Что до тихова Дуная,
До прилуки молодой.
Околъ Дону, околъ Дону широкова,
Околъ Дону, околъ Дону тихова,
Ѣдетъ добрый молодецъ;
Подъ нимъ кони вороные,
Со уздами золотыми.
Ужъ ты, дѣвица душа,
Догадайся, догадайся!
Ужъ я рада-бъ догадаться,
Роднова батюшки боюся,
Родной матушки стыжуся.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 57, мнѣ извѣстны два варіанта. Первый изъ нихъ былъ напечатанъ въ собраніи пѣсенъ Прача, ч. 1, стр. 56; а второй записанъ со словъ поселянъ Касимовскаго уѣзда.

1.

Заинька поскачи, сѣренькой попляши,
Кружкомъ, бочкомъ повернися.
Заинька попляши, сѣренькой поскачи,
Державъ себя за бочки.
Заинька въ ладоши, сѣренькой въ ладоши,
Кружкомъ, бочкомъ повернися.
Здѣсь города всѣ Нѣмецкіе.
Закрѣпочки желѣзныя.
Еще зайцу куда выскочить,
Сѣрому куда выскочить.

2.

Ой ли, заинька поскачи,
Ой ли, заинька попляши.
Кружкомъ, бочкомъ повернись,
Вотъ такъ, такъ, такъ!
Ой ли, заинька въ ладоши,
Ой ли, сѣренькой въ ладоши.
Кружкомъ, бочкомъ повернись,
Вотъ такъ, такъ, такъ!
Здѣсь города всѣ Нѣмецкіе,
Закрѣпи желѣзныя.
Кружкомъ, бочкомъ повернись,
Вотъ такъ, такъ, такъ!
Есть зайцу куда выскочить,
Есть сѣрому куда убѣжать.
Кружкомъ, бочкомъ повернись,
Вотъ такъ, такъ, такъ!

СРАВНЕНІЯ
ХОРОВОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ.

Принимая во вниманіе многочисленность Русскаго народа, незнакомаго съ заморскою граматою, рѣшаюсь печатать сравнительныя пѣсни Русскими буквами. Предвижу напередъ, что это будетъ для ученыхъ очень непріятно. Точно, я самъ вижу, что это будетъ не по ихъ желанію; но, имѣя въ виду основательныя причины, предпочитаю общую пользу частной, и даже мелочной. У насъ, на Руси, изъ 50 миллионовъ читаютъ заморскую грамату едва ли 2 миллиона; а людей, свѣдущихъ въ Русской граматѣ, примѣрно можно положить до 20 миллионовъ. Что же прикажите дѣлать, гг. ученые, съ этими 20 миллионами? Неужели имъ должно отказаться отъ чтенія? Болѣе тысячи разъ видалъ, какъ наши, Русскіе граматные люди бросали читать книги и журналы, единственно отъ того, что находили въ книгахъ заморскія слова, совершенно имъ незнакомыя. Отнимать у Русскихъ людей жажду къ чтенію какой изъ насъ, Русскихъ, согласится? Притомъ, помѣщая для сравненія Русскихъ пѣсенъ — пѣсни другихъ Славянскихъ поколѣній, имѣлъ въ виду ознакомить своихъ соотечественниковъ съ граматностію ихъ соплеменниковъ. Это, кажется, имѣетъ полное вниманіе на подобныя требованія. Было же время, когда всѣ Славяне говорили однимъ языкомъ, имѣли одну грамату; но это время прошло невозвратно. Люди сильные заставили заграничныхъ Славянъ забыть родную грамату, принудили ихъ невольно употреблять чужія буквы. Между тѣмъ эти заграничные Славяне съ жадностію читаютъ книги Кіевской печати. Такъ было при Синявинѣ въ 1807 году, въ Черногоріи; такъ теперь еще болѣе видимъ въ Богеміи, Галиціи и Сербіи. Въ Галиціи живутъ Русскіе, сохраняя всѣ свои обычаи и родной языкъ, и Галичане говорятъ съ Русскими однимъ языкомъ, употребляя только чужеземную букву въ письмѣ. Въ 1833 году Вацлавъ Олешка издалъ Галиційскія пѣсни, и вмѣсто буквъ Славянскихъ употребилъ Римскія. Въ 1823 году Шаффарикъ издалъ въ Пестѣ: Пісне свѣтске ліду Словенского — Нѣмецкими Готическими буквами. Съ 1824 года Караджичъ началъ издавать въ Лейпцигѣ Народне Српске Піесме — буквами Русскими, съ примѣсью изобрѣтенныхъ имъ другихъ буквъ, которыхъ не находится въ Русской азбукѣ. Теперь прошу покорно заставить прочитать это Вавилонское смѣшеніе Русскаго человѣка, незнакомаго съ заморскою граматою? Можетъ быть, скажутъ, что безграмотныхъ людей должно оставлять безъ вниманія въ такомъ случаѣ. Смѣло могу увѣрить васъ, людей ученыхъ, что эти безграматные люди знаютъ одну Русскую грамату такъ, какъ

должно ее знать, какъ требуетъ этого ихъ общественная жизнь; чужеземнымъ же языкамъ не имѣли ни времени, ни средствъ выучиться; а читать и учиться имѣютъ сильное желаніе. Предоставляю всѣмъ и каждому говорить, что угодно, о моемъ предпріятіи, а я рѣшился печатать пѣсни Славянскихъ поколѣній Русскими буквами. Пускай на ученой сторонѣ будутъ права учености, неоспоримыя, утвержденныя вѣками; а на моей сторонѣ требованія 20 милліоновъ Русскихъ людей. Въ такомъ случаѣ съ восторгомъ принимаю всякую укоризну за свое предпріятіе, и радуюсь, если изъ 20 милліоновъ успѣю хотя одному угодить въ его любознаніи.

Печатая пѣсни Славянскихъ поколѣній Русскими буквами, не рѣшаясь даже помѣщать ихъ въ переводѣ, я помѣщаю прямо, какъ они были напечатаны издателями, замѣняя только чужеземныя буквы — Русскими. Люди ученые могутъ сами прочитать всѣ заграничныя изданія Славянскихъ пѣсенъ; они имѣютъ къ тому и способы, и знанія, и свободное время. Сверхъ того я не имѣлъ и цѣли печатать Славянскія пѣсни для ученыхъ людей; мое изданіе предназначено для Русскихъ людей, любящихъ свою родину, знающихъ только одинъ свой родной языкъ.

ПѢСНИ ГАЛИЦІЙСКІЯ.

Для сравненія Галиційскихъ пѣсенъ употреблены были пѣсни, изданныя въ Львовѣ Вацлавомъ Олешкою, въ 1833 году.

1.

А ми просо сіяли, сіяли,
Ой Дидъ, Лада, сіяли, сіяли!
А ми просо видопчемъ, видопчемъ,
Ой Дидъ, Лада, видопчемъ, видопчемъ!
Та чимже вамъ видоптать, видоптать?
Ой Дидъ, Лада, видоптать, видоптать?
А ми кони випустимъ, випустимъ,
Ой Дидъ, Лада, випустимъ, випустимъ!
А ми кони переімемъ, переімемъ,
Ой Дидъ, Лада, переімемъ, переімемъ!
Та чимже вамъ переіпять, переіпять?
Ой Дидъ, Лада, переінять, переінять?
Ой шелковомъ неводомъ, неводомъ,
Ой Дидъ, Лада, неводомъ, неводомъ!
А ми кони викупимъ, викупимъ,
Ой Дидъ, Лада, викупимъ, викупимъ!
Та чимже вамъ викупить, викупить?
Ой Дидъ, Лада, викупить, викупить!
А ми дамо сто рубли, сто рубли,
Ой Дидъ, Лада, сто рубли, сто рубли!
Не надо намъ тисячи, тисячи,
Ой Дидъ, Лада, тисячи, тисячи!
А ми дамо дивицу, дивицу,
Ой Дидъ, Лада, дивицу, дивицу!
Ой тото намъ надобно, надобно,
Ой Дидъ, Лада, надобно, надобно!

2.

Пойдеми на ловъ, на ловъ,
Товарищу мой!
На ловъ, на ловъ, на лови,
До зеленеи доброви,
Товарищу мой!
Ажъ тамъ биже заяцъ, заяцъ,
Товарищу мой!
Пущай харти съ мисца,
Нихъ зайца ухвися,
Товарищу мой!
Пойдеми на ловъ, на ловъ,
Товарищу мой!
На ловъ, на ловъ, на лови,
До зеленеи дуброви,
Товарищу мой!
Ажъ тамъ биже серна, серна,
Товарищу мой!
Пущай харти съ мисца,
Нехай серне ухвися.
Товарищу мой!
Пойдеми на ловъ, на ловъ,
Товарищу мой!
На ловъ, на ловъ, на лови,
До зеленеи дуброви,
Товарищу мой!
Ажъ тамъ биже соболь, соболь,
Товарищу мой!
Пущай харти съ мисца,
Нехай соболя ухвися.
Товарищу мой!
Пойдеми на ловъ, на ловъ,
Товарищу мой!
На ловъ, на ловъ, на лови,
До зеленеи дуброви.
Товарищу мой!
Ажъ тамъ биже панна, панна,
Товарищу мой!

Пущай харти съ мисца,
Нехай панна ухвися.
Товарищу мой!
А терасъ же си дилеми, дилеми,
Товарищу мой!
Тоби заяць и серна,
А мнѣ соболь и панна.
Товарищу мой!
А киди си кривда, кривда,
Товарищу мой!
Тоби седло, а мнѣ конь,
Терасъ же си земня гонь.
Товарищу мой!
А киди си кривда, кривда,
Товарищу мой!
Моя сабля, а твой кін,
Терасъ же си земня біп.
Товарищу мой!
Кидижъ еще кривда, кривда,
Товарищу мой!
Твое гардло, а мой мпчь,
Твоя глова пойди прежъ.
Товарищу мой!

3.

Станьмо, братья, въ коло,
Въ тимъ коли весело,
Вси въ разъ заспиваймо,
Нехай знаютъ люди,
Що у насъ може буде,
Охоту додаймо.
А такъ плеснемъ въ руки трасъ, трасъ, трасъ,
Тупнимо ногами въ разъ, въ разъ, въ разъ.
Обернимся въ коло,
Вискожмо весело:
Всякъ то въ дому того,
Котори насъ знае,
Щире насъ кохае,
И ми любимъ его;
Нехай пріязнь наша статечна,
Жие завсе съ нами сполечна.
Хитрости облюдна,
Будь отъ насъ одлюдна,
Вонъ прежъ за ворота,
Нехочи въ насъ зради,
Въ насъ щирость безъ вади,
И щира въ насъ зната;
Облюдна въ Кайданахъ бренъ, бренъ, бренъ!
Наша щирость чиста, якъ день, день!

4.

Ой на гори, ой тамъ ленъ,
На долини зелениnька.
По три гроши молодець,
По таляру дивка,
По тисячу жинка.
Мои мили матиночки,
Просимъ васъ панночки,
Потупайте въ разъ, въ разъ!

ПѢСНИ БОГЕМСКІЯ.

Для сравненія Богемскихъ пѣсенъ употреблены были пѣсни, изданныя Шаффарикомъ въ Пестѣ въ 1823 году.

1.

Широки горшокъ, бистра водичка.
Напой ми, мила, мого коничка!
Верь бо пе напоимъ,
Лебо се бо боимъ,
Не сама маличка.

Твой коникъ врани, остроковани,
Покоралъ би ми подковками,
Я би не наросла,
Замужъ би не пошла,
Межи горами.

2.

Ходила Зузанька около Дуная,
Носила на рукахъ шварниго шугая,
Шугаю, шуганъ, чо ти мамъ оробить:
Чи ти виховать, чи до води ходить?
Мамко мога, мамко, лепъ ме виховайте!
Кедъ ми виховате, на вону ми дайте!
Приде вамъ похвала до пани краловне;
Же будемъ боговать недалеко отъ негъ.
Приде вамъ похвала отъ пана сизара:
Же сте выховали по вону бузара.
Гусарі, гусарі пекни коне мате,
Та пойдемъ межи васъ, ктерого ми дате?
Даме ти ми, даме съ тою червленою гривою,
Чо се будетъ носить по таборѣ съ милой.
Даме ти ми, даме, чижми съ острогами,
Чо ти буду бринкать горе долинами.

ПѢСНИ СЕРБСКІЯ.

Для сравненія Сербскихъ пѣсенъ мы употребили пѣсни, издаваемыя въ Лейпцигѣ Вукомъ Стефановичемъ Караджичемъ, съ 1824 года.

1.

Наша дода Бога моли,
Ой додо, ой додо ле!
Да удари росна киша,
Ой додо, ой додо ле!
Да покисну сви орачи,
Ой додо, ой додо ле!
Сви орачи и копачи.
Ой додо, ой додо ле!
И по куни пословачи.
Ой додо, ой додо ле!

2.

Поранилe девоiке,
Iело ле, iело, добра девоiко!
Поранилe на воду;
Iело ле, iело, добра девоiко!
Рогомъ воду мучаше,
Iело ле, iело, добра девоiко!
А очима бистраше.
Iело ле, iело, добра девоiко!

3.

Кралъу, светли кралъу!
Кралъу, светли кралъу, лельо!
Кральице банице!
Кральице банице!
Кральице банице, лелю!
Устаi, те пошетаi.
Устаi, те пошетаi,
Устаi, те пошетаi, лельо!
Одъ двора до двора,
Одъ двора до двора,
Одъ двора до двора, лельо!
До царева стола,
До царева стола,
До царева стола, лельо!
Где царь вино пiе,
Где царь вино пiе,
Где царь вино пiе, лельо!
Царица му служи,
Царица му служи,
Царица му служи, лельо!
Изъ златна кондира.

4.

Соколъ гнездо вiе у iеловоi гори,
У iеловоi гори, на iеловоi грани:
Соколу долазе из горе iунаци:
Издаi намъ, соколе, iанину планину,
А ми демо изъ села девоiку.
Ал iе то зачула изъ села девоiка,
Брже iе скочила, гору запалила.
Горела iе гора три дни и три ночи,
Док iе догорела соколу до гнезда.
Соколъ гнездо гаси, а девоiку куне:
Ой дево̀, девойко, млого девовала!
Млого девовала, мало невовала!
И што невовала, и то боловала!

ПѢСНЯ ХОРВАТСКАЯ.

Пѣсня Хорватская, прилагаемая нами для сравненія съ нашими хороводными, находится въ большомъ употребленіи. Въ 1818 году, въ Загребѣ, въ присутствіи Императора и Короля Франциска и Императрицы Каролины, Хорватскіе дворяне, одѣтые въ національное платье, пѣли эту пѣсню. Полагаютъ, что она сочинена Епископомъ М. Верховцемъ; но онъ только измѣнилъ одно окончаніе, сообразно обстоятельствамъ и присутствію Высочайшихъ особъ.

Коло, коло, на около,
Хитро, любно и весело!
Дѣвушки прискачите,
Весело намъ поиграйте,
Хорватицы, Далматинки,
Дщери лѣпыя, и Славонки,
Крѣпостью гласовите,
Коло съ нами составите!
День веселія намъ, нынѣ у насъ,
Око Божіе гледа на насъ,
Два милы гостя пришли,
Отъ богатаго города Вѣны
Богъ и счастье ніе къ намъ жалуе.
Око, лице ніимъ свѣдочи,
Ди су дошли намъ помочи.
Боже, сохрани сихъ гостей!
Къ намъ дошли для счастья.
Кудь се имъ пойти, дай имъ счастье.
На край утесахъ, и край моря
Да водила-бъ ихъ ясна зоря,
Солнце свѣтло и ведро дня,
Дарувало ніимъ до ночлега,
Или пойдутъ лѣсомъ густымъ,
Или пойдутъ горами пустыми:
Горы легко преминули,
Лѣса засвѣтло преминули.
Вѣтеръ мили, сухи, тихи,
Куда подуй съ ними,

Ливень наглый, вихорь лютый,
Дорогимъ гостямъ пути не змути.
Чрезъ утесы, чащи, воды,
Нехай мирно идутъ, переходятъ:
Да Словонцы и Хорваты,
Еще разъ виде до возврату,
И въ судахъ ни увидятъ,
Чиго добра имъ желаютъ,
Долго счастливо царствовати,
И весело насъ управити.
Учуй насъ, Цесарь и Крали мощный!
Да нимъ добро всѣ желаемъ,
Да що всигда вѣрны, послушны,
Во неволи и силы
Австрійскому дому были.
Буди ти намъ Титъ,
А Каролина пакъ Гизелей,
Изъ Баварскихъ кралей крови,
Ку я имала Стефанъ первый.
Боже, храни наши гости,
Ки су нашъ источникъ радости!

ПРИМѢЧАНІЯ.

1. Сія общенародная пѣсня извѣстна повсюду. Нѣтъ мѣстечка, нѣтъ на Руси человѣка, гдѣ бы она не приводила въ восторгъ наше родное чувство. Наши археологи приписываютъ этой пѣсни безграничную древность; увѣряютъ безъ доказательствъ, что она принадлежала Славянамъ-язычникамъ. Слова: «Дидъ, Ладо» — были и будутъ камнемъ преткновенія для этихъ изыскателей, увѣренныхъ твердо, что эти слова суть имена языческихъ боговъ, и что эта пѣсня осталась памятникомъ язычества нашихъ предковъ. Ничтожность этихъ предположеній мы изложили подробно въ обозрѣніи исторіи Русской народной Литературы.

Русскіе люди поютъ эту пѣсню съ разными измѣненіями въ словахъ, указанными нами въ варіантахъ. Голосъ этой пѣсни, протяжной, сходной съ обрядовыми пѣснями, имѣетъ особенное отличіе отъ всѣхъ другихъ. Старики разсказываютъ, что въ старину она была первою пѣснею при встрѣчи весны, первою народною радостію для всѣхъ сословій, первымъ началомъ лѣтняго веселія. Какъ пѣсня, сопряженная съ играми, она сопровождалась всеобщимъ веселіемъ. Для игры этой пѣсни, сбирались дѣвицы и молодцы въ селеніяхъ изъ разныхъ деревень, въ городахъ изъ разныхъ дворовъ. Обыкновенно, предъ началомъ этой пѣсни, хороводница выступала на лугъ и запѣвала первую сборную пѣсню; а игроки, постепенно сближаясь въ кружки, приготовлялись пѣть хороводныя пѣсни. Предъ началомъ пѣсни, игроки раздѣлялись на двѣ половины, сначала въ дальнемъ разстояніи, потомъ, при пѣніи, сближались постепенно одна къ другой. Въ разныхъ мѣстахъ мнѣ случалось видѣть рѣзкія особенности: когда оканчивали пѣсню, вторая половина, уступая дѣвицу первой, запѣвала снова пѣсню, тѣмъ же порядкомъ до конца, и брала въ обмѣнъ отъ первой также дѣвицу. Другіе совершали иначе: по окончаніи пѣсни, вторая половина уступала дѣвицу съ трудомъ, такъ что первая половина почти насильно исторгала изъ среды ея; а потомъ, при вторичномъ пѣніи этой пѣсни, отдавала добровольно вторую дѣвицу. Иные допускали еще особенное: когда послѣ перваго пѣнія, вторая половина вручала первой дѣвицу, то ее встрѣчалъ отважной молодецъ и вводилъ за собою въ кругъ, при ударенiи въ ладоши. При второмъ пѣніи первая половина сама уступала уже молодца, и его неохотно принимали во второй. Такія разнообразныя дѣйствія отличаютъ эту игру болѣе своими мѣстностями, нежели измѣненіями древнихъ обрядовъ. Можетъ быть, наши предки имѣли свои причины въ этомъ дѣйствіи; но оно, какъ непонятное намъ, не можетъ допускать предположеній. Для исторіи нужны факты, а не ничтожныя догадки.

2. Ростить макъ — игра сельская и городская разыгрывается съ весны до осени. Мужчины и женщины сплетаются руками въ кругъ. Въ срединѣ круга садится хороводникъ. Игроки ходятъ кругомъ его и поютъ пѣсню. Пропѣвши, игроки останавливаются и спрашиваютъ у хороводника: «Сѣяли ли макъ?» — Только землю вспахали — отвѣчаетъ онъ. Игроки запѣваютъ пѣсню и послѣ спрашиваютъ: «Сѣяли ли макъ?» — Отвѣтъ: «Сѣяли!» Хороводные то же поютъ и спрашиваютъ: «Взошелъ

ли макъ?»—Отвѣтъ: «Всходитъ!»—Игроки опять спрашиваютъ: «Зацвѣлъ ли макъ?»—Отвѣтъ: «Зацвѣлъ!»—Игроки то же поютъ и спрашиваютъ: «Поспѣваетъ ли макъ?»—Отвѣтъ: «Поспѣваетъ!» Игроки то же поютъ и спрашиваютъ: «Поспѣлъ ли макъ!»—Отвѣтъ: «Поспѣлъ; сбирайтесь отряхать.»—Съ послѣднимъ словомъ хороводникъ встаетъ и старается убѣжать изъ круга. Игроки ловятъ его. Поймавши, начинаютъ трясти всѣми возможными образами. Часто случается, что хороводникъ, лишенный отъ трясенія волосъ, начинаетъ драку. Пожилая женщина, всесвѣтная кума, является примирительницею, а иногда усиливаетъ еще болѣе ссору. Замѣчательно, что въ хороводники для этой пѣсни часто выбираютъ дурачка, человѣка безотвѣтнаго, согласнаго за кусокъ пряника, выносить всякіе побои, миролюбиваго и послушнаго до послѣдней возможности.

3. Икра плетень, самая восхитительная для сельскихъ дѣвушекъ, сопровождается этою пѣснею. Молодцы, дѣвушки, мужчины становятся по-парно и, сомкнувшись руками въ видѣ плетня, вытягиваются въ линію. Пѣсня раздѣляется на двѣ половины: во время пѣнія первой, игроки заплетаются въ плетень, а во второй первая пара подпимаетъ въ верхъ соединенныя руки; подъ эту арку начинаютъ проходить игроки и постепенно расплетаются.

4. Эта хороводная пѣсня сопровождается игрою Селезень—въ которой два игрока изображаютъ Утку и Селезня. Вечеромъ игроки сбираются на лугъ, составляютъ кружокъ, въ срединѣ коего становятся двое игроковъ: Селезень и Утка. Хороводные поютъ пѣсню, ходятъ кругомъ Селезня и Утки, соединясь рука съ рукою. Въ это время Утка начинаетъ нырять изъ круга; игроки ее не пропускаютъ, Селезень старается поймать Утку. Нырянie и ловля продолжаются до тѣхъ поръ, пока Селезень поймаетъ Утку. Часто случается, что игроки желая продолжить игру, удерживаютъ Селезня. Это называется у нихъ: «подзадоривай задоръ.» Утка насмѣхается надъ Селезнемъ.

5. Въ Замосковныхъ губерніяхъ эту пѣсню поютъ всегда осенью, когда изъ «новины» варятъ новое пиво. Пѣсня сопровождается игрою—Пиво варить. Веселый, комическій разгулъ нашей сельской жизни оживляетъ хороводъ. Наваривши браги къ «Бабьему лѣту», молодыя женщины выходятъ съ нею къ воротамъ, угощаютъ прежде старыхъ людей, а потомъ молодыхъ. Веселые гости, удоволенные брагою принимаются за игру—Пиво варить. Игроки, въ продолженіи всей пѣсни, выражаютъ движеніемъ рукъ и разными положеніями содержаніе пѣсни. При окончаніи пѣсни является на лугъ женщины съ ушатомъ браги и угощаютъ игроковъ.

6. Съ этою хороводною пѣснею наши поселяне соединяютъ игру Воробышекъ. Игроки соединяются въ кружокъ, а хороводникъ представляетъ изъ себя воробья. При началѣ каждаго куплета хороводникъ стоитъ спокойно, а потомъ, сообразно словамъ пѣсни, изображаетъ минами разные характеры людей, съ присоединеніемъ отъ себя всѣхъ возможныхъ кривляній. Продолженіе этой игры часто бываетъ безконечное. Игроки умѣютъ причитывать разныя затѣи. Большею частію стараются изображать горбатыхъ, хромыхъ, людей непавистныхъ. Здѣсь выказывается въ полной мѣрѣ сатирическій характеръ нашего народа.

7. Въ докозательство, что въ этой пѣснѣ должно пѣть Донъ, а не Дунай, поселяне Тульской губерніи сохраняютъ народную думу Иванъ-Озеро. Всѣ измѣненія, происшедшія въ припѣвѣ этой пѣсни означены въ варіантахъ.

8. Не думаемъ, чтобы эта пѣсня была сочинена въ честь Дона Ивановича, рѣки, вытекающей въ Тульской губерніи изъ Иванъ-озера. Въ игрѣ, сопровождающей пѣсню, есть слѣды древности; но какъ разгадать, что самая пѣсня именно относится до рѣки Дона? Рѣка Донъ имѣетъ свою народную исторію — Велико Русскую, свое родство съ сестрою Волгою — по повѣрьямъ Велико-Русскимъ. Рѣка Донъ находится въ особенномъ почтеніи у казаковъ, составляетъ для нихъ быль историческую въ отношеніи къ отцамъ. Вотъ всѣ народныя воспоминанія о Донѣ.

Эта народная пѣсня, сопровождаясь игрою, извѣстна повсюду. Въ Москвѣ она распѣвается: въ Марьиной рощѣ, въ Тверской ямской, за Роговскою заставою. Игро-

ки сходятся вмѣстѣ, становятся въ кружокъ, а хороводникъ, находясь въ срединѣ, изображаетъ собою Дона Ивановича разными дѣйствіями, сообразными пѣснѣ. Отважные игроки сопровождаютъ пѣн е игрою на балалайкѣ. Когда игроки поютъ:

Какъ садился удалецъ
Противъ вдовушки на скамьѣ.

Хороводникъ, съ балалайкою въ рукахъ, садится на землю. Когда игроки стоятъ противъ него и поютъ продолженіе, онъ подыгрываетъ на балалайкѣ, кланяется вдовушкѣ, шапка съ него спадаетъ. Съ отказомъ вдовы, хороводникъ поднимаетъ свою шапку и встаетъ, а игроки продолжаютъ ходить хороводъ и пѣть. То же самое дѣйствіе совершается и при пѣніи стиховъ:

Какъ садился удалецъ
Противъ дѣвушки на скамьѣ.

Въ это время дѣвица выходитъ изъ круга поднимать его шапку; хороводникъ, принимая изъ ея руки шапку, благодаритъ ее поцѣлуемъ.

Въ Замосковныхъ селеніяхъ эту пѣсню употребляютъ и на свадебныхъ вечеринкахъ. Если свадьба бываетъ весною или осенью, то игроки выходятъ на лугъ, или на погостъ, или на огородъ. Въ это время молодыя дѣвицы — невѣсты — подъ предводительствомъ свашеньки, веселятся съ женихомъ и его товарищами. Зимою же совершаютъ эту хороводную игру въ покояхъ. Въ Алексинѣ Тульской губерніи, при капустныхъ зарубкахъ, поютъ также эту пѣсню.

9. Въ хороводной игрѣ эта пѣсня принимаетъ особенное значеніе: «Женнина любовь». Мужчины и женщины составляютъ хороводный кругъ. Въ срединѣ становятся двое: мужъ и жена. Когда поютъ пѣсню, хороводные ведутъ свой обыкновенный кругъ, мужъ ухаживаетъ за женою, а жена, отворачиваясь отъ него, пренебрегаетъ ласками. Пѣсня раздѣляется на двѣ половины: въ первой мужъ ухаживаетъ за женою, съ обѣщаніемъ подарковъ, во второй жена, увидѣвши у мужа кнутъ, ласково привѣтствуетъ его и начинаетъ цѣловать. Въ Тульской губерніи эта пѣсня усвоена дворовыми людьми.

Во 186 части Сына Отечества, за 1837 г. стр. 401, объ этой игрѣ, существующей въ городѣ Ярославлѣ, писалъ г. Петровскій: «Дѣвицы дѣлаютъ изъ себя кругъ, на средину коего выходитъ молодецъ и дѣвица, но чаще двѣ дѣвицы: занимающая мѣсто мужчины надѣваетъ на голову мужскую шляпу. Хороводъ и ходящіе вкругъ поютъ:

Я поѣду, жена,
Въ Китай городъ гулять!
Жена, моя женушка,
Сердитое сердце твое!
Я куплю тебѣ, жена,
Кисеи на рукава!
Жена, моя женушка,
Сердитое сердце твое!
Вотъ тебѣ, жена
Кисеи на рукова!
Жена, моя женушка,
Сердитое сердце твое!

Въ продолженіи пѣнія, представляющая жену, ходитъ отворотясь и не глядитъ на представляющую мужа; при послѣднемъ стихѣ, мужъ подаетъ женѣ кисею; она вырываетъ у него изъ рукъ и бросаетъ; хоръ поетъ:

Посмотрите добрые люди,
Какъ жена мужа не любитъ:
Гдѣ ни сойдется, не поклонится,
Отворотится.
Я поѣду, жена,
Въ Китай городъ гулять;
Я куплю тебѣ, жена,
Золото колечко.

Здѣсь также, какъ и выше сказано, жена продолжаетъ ходить отворотясь, и когда мужъ подаетъ ей кольцо, отталкиваетъ его прочь; хоръ поетъ:

Посмотрите, добгы люди,
Какъ жена мужа не любитъ,
Гдѣ ни сойдется, не поклонится,
Отворотится.
Я поѣду, жена,
Въ Китай-городъ гулять;
Я куплю тебѣ, жена,
Шелковую плетку.
Вотъ тебѣ, жена,
Дорогой подарокъ.

Жена ходитъ отворотясь; когда гропоютъ: шелковую плетку, оборачивается къ мужу и смотритъ на него поласковѣ

при послѣднемъ стихѣ, мужъ хлещетъ жену плеткой, а она ему кланяется; хоръ поетъ:

Посмотрите, добры люди,
Какъ жена-то мужа любитъ:
Гдѣ ни сойдется, все поклонится,
Поцѣлуется.
Жена, моя женушка,
Отходчиво сердце твое!

10. Заинька, игра, сопровождаемая пѣснею, замѣчена только мною въ одномъ Московскомъ уѣздѣ, по Троицкой дорогѣ. Тамъ игроки выбирали изъ среды себя нѣсколько рѣзвыхъ и отважныхъ людей для званій: заиньки, тестя, тещи, шурина, свояченицы. Эти избранныя лица становились въ средину хоровода, а игроки, ходя кругомъ ихъ, пѣли пѣсню. Мужчина, представлявшій собою жениха, первенствовалъ предъ всѣми, приглашалъ тестя, тещу, шурина, свояченицу въ родство, и, съ отысканіемъ невѣсты, изгонялъ новую родню. Въ селѣ Братовщинѣ находился въ серединѣ одинъ только женихъ; но когда нужно ему было находить новую родню, онъ указывалъ по избранію на хороводныхъ; подъ конецъ пѣсни выходила въ кругъ нареченная невѣста, и цѣловалась съ женихомъ.

11. Съ этою хороводною пѣснію соединяется игра — Женинъ разладъ». — Старѣйшинство мужа надъ женою въ сельской жизни выражается его гордою и спѣсивою походкою въ хороводѣ; между тѣмъ униженная жена насильно выкупаетъ у мужа себѣ волю. Игроки соединяются рука съ рукою, поютъ пѣсню и ходятъ кругомъ мужа съ женою. По окончаніи пѣсни, жена удаляется изъ хоровода, а мужъ, какъ бы въ отчаяніи, садится съ задумчивостію на лугъ. Въ Крапивенскомъ уѣздѣ Тульской губерніи сначала въ хороводѣ ходитъ одинъ только мужъ, а потомъ выступаетъ изъ хоровода женщина съ поклонами, и изгоняется мужемъ, когда игроки оканчиваютъ пѣсню.

12. Наши поселяне для заѣзжаго гостя поютъ пѣсню и играютъ игру — «Женихъ» въ отмщеніе за ихъ сватовство въ селѣ. Съ отважною смѣлостію, игроки, въ присудствіи гостя, поютъ пѣсню. Поговорка ихъ — «изъ пѣсни не выкинешь слова» — ограждаетъ ихъ отъ нареканія. Сельскіе люди въ свою очередь умѣютъ пошутить, но шутки ихъ высказываются прямо, — съ плеча; ихъ Сатира нечего не имѣетъ скрытнаго; она вся обнажена. Хороводники собираются въ кругъ, поютъ пѣсню, а мнимый женихъ становится въ кругъ и всматривается въ дѣвицъ и молодицъ. Когда запоютъ:

Выходила красна дѣвка,

Дѣвица выходитъ изъ хоровода и ходитъ въ противоположную сторону, около хороводныхъ отъ жениха. Когда игроки поютъ:

Охъ, ты, дѣвушка душа,
Подь замужъ за меня!

Женихъ ударяетъ невѣсту по плечу. Игроки останавливаются, невѣста, обращаясь къ нимъ, поетъ, а послѣ они ей отвѣчаютъ. Невѣста, получивши худой отзывъ, вступаетъ въ хороводъ. Женихъ остается одинъ. Игроки поютъ вторую половину пѣсни; невѣста также выходитъ изъ круга, и, когда ей одобрятъ жениха, она подходитъ къ нему, женихъ принимаетъ дѣвицу за бѣлыя руки и хороводъ оканчивается.

Во многихъ мѣстахъ мнѣ случалось видѣть, что только хороводники поютъ и играютъ одну половину пѣсни. Судя по этому, можно было бы подумать, что эта пѣсня изуродована, и что вторая половина есть только варіантъ первой; но выходитъ совершенно напротивъ. Одна половина не можетъ быть безъ другой, и что вторая половина есть продолженіе первой. Въ селеніяхъ по Троицкой дорогѣ отъ Москвы — даже вмѣсто: «заѣзжій гость» — употребляютъ другія слова: «Донской казакъ.» Здѣсь только видно одно своевольное измѣненіе словъ; не на этомъ ли самомъ основывается и уничтоженіе второй половины?

13. Эта пѣсня употребляется во время осеннихъ свадебъ. Дѣвушки выходятъ на лугъ, или огородъ, составляютъ хороводъ, а въ срединѣ ходитъ дѣвица съ платкомъ въ рукѣ — ковромъ. Когда поютъ:

Доставался мой коверъ
Старому мужу.

Хороводницы начинаютъ смѣяться, а дѣвица поетъ въ защиту себя:

Я могу ковра убавить.

Подъ конецъ пѣсни, хороводницы принимаютъ изъ рукъ дѣвицы коверъ и уводятъ ее подъ руку.

Въ этой хороводной пѣснѣ представлять невѣсту — жребій всегда падаетъ на дѣйствительную невѣсту; отъ ней только принимаютъ коверъ; ее только выводятъ подъ руки изъ хоровода. Послѣ первой игры, дѣвушки поочередно принимаютъ на себя званіе невѣстъ, и коверъ переходитъ отъ одной къ другой.

14. Дѣвичья разборчивость въ женихахъ, столь замѣтная въ семейной жизни, перешла въ хороводныя игры со всѣми причудами. Сельская кумушка сбираетъ дѣвицъ и управляетъ хороводомъ. Дѣвушки поютъ пѣсню, а кумушка въ извѣстныхъ мѣстахъ указываетъ на выборъ жениховъ. Въ Алексинскомъ уѣздѣ въ селѣ Павшинѣ мнѣ случалось видѣть, какъ кумушка причитывала отъ себя разныя поговорки женихамъ, ни мало не принадлежащія къ пѣснѣ. Въ Калужскомъ уѣздѣ мнѣ случалось видать, что дѣвицы сами намекали на извѣстныхъ жениховъ, называя ихъ по имени.

15. При пѣніи этой хороводной пѣсни выступаетъ въ кругъ мужъ; за нимъ вслѣдъ идетъ ревнивая жена. Пока игроки поютъ пѣсню, мужъ отворачивается отъ жены, потомъ обращается къ ней съ ласками; но ревнимая жена, всегда строгая къ его дѣйствіямъ, ни чему не внимаетъ и указываетъ прямо на кого нибудь изъ хороводныхъ, что она только отбиваетъ у ней мужа. Только одинъ разъ я видѣлъ въ Бѣлевскомъ уѣздѣ, какъ мужъ, ревнивая жена и полюбовница ходили втроемъ въ хороводѣ.

16. Въ этой хороводной пѣснѣ народная игра изобразила супружескую невѣрность. Кумушка становится въ средину хоровода и изображаетъ минами то гулливую жену, то намекаетъ на извѣстныя лица. Здѣсь Русскіе забываютъ скромность и порокъ выставляется предъ глаза всѣхъ. Часто случается, что невѣрная жена здѣсь только является предъ мужемъ съ своими преступленіями. Обиженный мужъ уводитъ свою жену изъ самой игры «для раздѣлки» побоевъ. Самое замѣчательное явленіе въ этой пѣсни есть то, что игроки съ начала не составляютъ хоровода, но раздѣляются на двѣ половины, и потомъ, сближаясь одна съ другою, схватываютъ руки и составляютъ хороводъ. Въ этой игрѣ мужчины пожилыхъ лѣтъ, старушки всегда приближаются къ хороводу и смотрятъ со всею внимательностію на игроковъ, ни мало не участвуя въ самой игрѣ. Самая пѣсня, при многочисленномъ собраніи хороводныхъ, принимаетъ величественный видъ. Мужчины молодые, недавно женившіеся, стоятъ въ трепетномъ ожиданіи. Эта быль народная ярко отсвѣчиваетъ современное состояніе Злокскихъ поселянъ; эта быль, досихъ поръ еще незамѣченная ни кѣмъ, остается въ неизвѣстности.

17. Всеобщее употребленіе этой пѣсни заслуживаетъ особенное вниманіе. Кажется, что она менѣе всѣхъ претерпѣла измѣненій въ составѣ своемъ. Какъ любимая хороводная пѣсня, она равно плѣняетъ и горожанъ и поселянъ. Въ Москвѣ у Тверскихъ воротъ, за Раговской заставой, въ Марьиной рощѣ всегда можно лѣтомъ слышать эту пѣсню. Въ свадьбахъ лѣтнихъ и осеннихъ, дѣвушки предъ вечеромъ всегда уже занимаются этою игрою. Мнѣ не случалось слышать эту пѣсню въ Калужской губерніи, точно такъ, какъ другихъ пѣсенъ не слыхалъ въ Московской и Орловской. Можетъ быть, что онѣ и поются въ этихъ мѣстахъ.

При разыгриваніи этой пѣсни, дѣвицы и мужчины схватясь рука съ рукою, ходятъ свой обыкновенный кругъ, и поютъ пѣсню. Игра, сопровождающая эту пѣсню, называется: «Покорище дѣвицы.» Замѣчательно, что для этой игры не выбираютъ хороводника, какъ въ другихъ; по крайней мѣрѣ, мнѣ не случилось замѣтить этого. Голосъ этой пѣсни самый протяжный въ первомъ стихѣ, и потомъ ускоряется во второмъ. Поселяне соблюдаютъ особенный тактъ удареніемъ ноги.

18. Въ городскихъ весеннихъ и осеннихъ свадьбахъ всегда можно слышать эту хороводную пѣсню. Въ сельскихъ хороводахъ она не употребляется. Пѣсню поютъ не задолго предъ дѣвичникомъ, когда уже изготовятъ приданое для невѣсты. Невѣстину перину выносятъ на дворъ, кладутъ на траву, сваха садится на перину, кругомъ ея стоятъ дѣвушки и поютъ пѣсню. Послѣ словъ:

Она ждетъ, пождетъ къ себѣ
Друга милаго, суженаго.

Сваха начинаетъ взбивать перину, а дѣвушки поютъ далѣе. По окончаніи пѣсни, невѣста выходитъ изъ покоевъ и даритъ дѣвушекъ подарками. Сваха начинаетъ сомнѣваться: «Полно она ли невѣста?» Невѣстина мать выноситъ красный платокъ и даритъ сваху. Невѣсту сажаютъ на перину и вносятъ въ комнату.

Въ припѣвѣ къ этой пѣсни, какъ и въ другихъ, мы встрѣчаемъ слово: «Браво» не Русское. Мы твердо увѣрены, что это слово вставлено въ новѣйшее время; наши предки этихъ словъ не знали. Что же касается до пѣсни, то и въ ней есть перемѣны, какъ это отмѣчено въ варіантахъ.

19. Какъ осенняя хороводная пѣсня, она разыгрывается послѣ лѣтней уборки, когда отпразднуютъ Бабье лѣто. Дѣвушки сбираются на лугъ, сговариваются напередъ—кому изъ нихъ быть невѣстой? Игра, сопровождающая эту пѣсню, называется—«Невѣста.» Здѣсь нужна большая смѣтливость: стать въ такомъ порядкѣ, чтобы послѣднее слово пѣсни именно падало на нее. Сваха, распорядительница игры, становится въ хороводѣ, а дѣвушки поютъ пѣсню. По окончаніи пѣсни, дѣвушки выходятъ изъ хоровода. Потомъ снова поютъ ту же пѣсню, и также выходятъ. Выходъ дѣвицъ продолжается до трехъ, а иногда и болѣе разъ, по количеству игроковъ, или по сдѣланному условію. Дѣвицы-невѣсты становятся отдѣльно, сваха ходитъ кругомъ нихъ и поетъ, и та, на которую достается послѣднее слово пѣсни, остается невѣстою. Въ такомъ случаѣ, если она богатая, то ей только завидуютъ; если же бѣдная, то надъ нею насмѣхаются.

20. Сопровождаемая хороводною игрою—«Любовушка» пѣсня Селезень принадлежитъ къ весеннимъ хороводамъ. Составляется хороводъ изъ мужчинъ и женщинъ. Добрый молодецъ задумалъ жениться, и обходя хороводъ, выбираетъ себѣ невѣсту. Въ около-Московныхъ селеніяхъ, мнѣ случалось видѣть, что добрый молодецъ ходилъ въ хороводѣ съ балалайкою; напротивъ этого прибавленія не видалъ въ Заокскихъ селеніяхъ. Въ Тульскомъ уѣздѣ въ хороводѣ участвуютъ три лица: молодецъ, вдова и дѣвица. По окончаніи первой половины пѣсни, вдова, отверженная мірскимъ совѣтомъ, выходитъ изъ хоровода; дѣвица же остается до конца игры.

21. При пѣніи этой хороводной пѣсни, игроки соединяются вмѣстѣ, рука съ рукою, въ срединѣ ходитъ кума и своими тѣлодвиженіями старается выразить смыслъ пѣсни. Эта игра отправляется въ Велико-Русскихъ губерніяхъ осенью, когда начинаются въ селахъ свадьбы.

22. Наши поселяне употребляютъ игру: Вдова—осенью, воспоминая прежнюю замужнюю жизнь женщины. Въ этой игрѣ всегда принимаютъ участіе: «Свахи-вдовы, бабушки-балагурки, старухи-домосѣдки.» Хороводница стоитъ на бугоркѣ, обращенная къ чужой деревнѣ, а игроки, окружившіе ее, поютъ пѣсню.

23. Игра: Гуляй, гуляй—разыгрывается на деревенскихъ праздникахъ, когда—«добренькіе мужа подвыпьютъ, храбрости наберутся, смѣлѣй говорятъ.» Въ это время, они прежде всего начинаютъ учить женъ. Другіе, смотря на такихъ мужей, говорятъ: «Каково онъ ломается?» Свекрови, восхваляя своихъ сыновей, приговариваютъ: «Вотъ такъ мужъ! не даетъ потачки своей женѣ.» Досужливыя тещи выводятъ своихъ дѣтокъ на лугъ и начинаютъ хороводную игру: Гуляй, гуляй съ пѣніемъ и припляскою.

44. Заѣзжіе люди въ деревняхъ всегда почитаются людьми почетными, гостями.—Скупыхъ вездѣ не любятъ, а особливо въ селеніяхъ, гдѣ нужны люди тороватые. На большихъ дорогахъ всегда можно видѣть этихъ тороватыхъ гостиныхъ людей. Такъ величаютъ купцовъ, щедро награждающихъ услуги поселянъ; тамъ поютъ скупымъ пѣсню: Молодецкой сынъ. Лѣтомъ эта игра отправляется на лугу, а зимою въ большой сборной избѣ. Игроки, схватясь рука съ рукою, становятся въ кругъ, въ срединѣ ходитъ скупой молодецкой сынъ, а хороводные поютъ пѣсню.

25. Сходбище — сельская хороводная игра — разыгрывается въ началѣ весны, когда изъ городовъ возвращаются молодые люди для рабочей поры. Дѣвушки выходятъ на лугъ, къ нимъ сбираются прибылые, и составляютъ хороводъ. Въ средину

круга становятся молодецъ и дѣвица. Игроки ходятъ кругомъ нихъ и поютъ пѣсню.

26. Бурлаками Русскіе люди называютъ людей, находящихся на судахъ, отправляющихся въ концѣ зимы въ низовыя губерніи. Богатство этихъ людей, состоящее изъ палки, ложки, катомки; языкъ, вмѣщающій въ себѣ смѣсь разнородныхъ словъ; грубость, превышающая границы вѣроятія—отличаютъ ихъ отъ всѣхъ сословій. Проходя толпами по городамъ и селамъ, они располагаются для обѣда, ночлеговъ на площадяхъ и лугахъ. Вода, рѣдко квасъ, хлѣбъ, по большой части пшеничной, составляютъ ихъ всегдашнюю пищу. Содержатели постоялыхъ дворовъ, цѣловальники и торговки ведутъ съ ними безпрерывныя ссоры. Затѣйливые поселяне поютъ про нихъ многія пѣсни. Въ хороводной игрѣ Бурлаки—поселянинъ, бойкой молодецъ, становится въ кругъ, разными ломаньями представляетъ изъ себя бурлака и сманиваетъ по бурлацки «дѣвку-незнавку.» Хороводные ходятъ кругомъ его и поютъ пѣсни.

27. Въ Русской семейной жизни русая коса составляетъ нетъемленную прелесть дѣвицъ. Наши пѣсни: семейныя, хороводныя, еще болѣе свадебныя воспѣваютъ эту косу. Всякая дѣвица вмѣняетъ себѣ въ обязанность лелѣять свою косу. Для ней покупается алая лента, для ней есть въ запасѣ коровье масло, квасъ, а иногда, и что часто бываетъ, холодная ключевая вода, для ней бережется роговой гребень. Но это только бываетъ въ дѣвичьей жизни. Является сватъ и, предъ вѣнчаніемъ, свахи расплетаетъ косу съ особенными обрядами. Русая коса—поминай какъ звали—забыта, теряетъ всю прелесть въ замужней жизни; она спрятана подъ кику, подъ платокъ. Часто гнѣвной мужъ беретъ неучтиво за русую косу, и бьетъ жену, сколько есть силы. Можно ли думать о русой косѣ въ замужней жизни. Эти рѣзкія черты отличаютъ разные переходы Русской семейной жизни У насъ, на Руси, былъ еще: «Косной разводъ,» извѣстный намъ по свадьбѣ Царя Алексѣя Михайловича. Хороводная игра Русая коса употребляется осенью, во время свадебъ. Дѣвушки составляютъ кругъ, хороводницы—дѣвушки и сваха—ходятъ въ кругу, а хороводные поютъ пѣсню. —

28. Русскіе поселяне олицетворили свою семейную жизнь хороводною игрою: свадьбою Снигиря съ Перепелкою. Синичка, какъ свекровь дѣлаетъ приготовленія къ свадебнымъ пирамъ; Снигирь, какъ женихъ выбираетъ себѣ невѣстъ. Въ этой хороводной игрѣ женихъ—Снигирь ходитъ по хороводу, указываетъ на игроковъ, означая тѣмъ свой выборъ. Игроки поютъ пѣсню. Есть еще другая, подобная пѣсня этой; но это новѣйшая компиляція въ родѣ застольныхъ пѣсенъ. Мнѣ часто случалось слышать эту пѣсню и на зимнихъ посидѣлкахъ, и въ это время пѣвцы измѣняли голосъ ея на тихій тонъ, между тѣмъ какъ въ хороводѣ она имѣетъ быстрый и веселый напѣвъ.

29. Въ Ефремовскомъ уѣздѣ хороводные пѣли эту пѣсню, не соединяясь рука съ рукою, а ходили кругъ всѣ рядомъ. При словахъ:—подарю, подарю — останавливались до окончанія первой половины. Голосъ этой пѣсни, совершенно отличный отъ всѣхъ другихъ хороводныхъ напѣвовъ, составляетъ особенный торжественный тонъ. Въ срединѣ хоровода не находилось хородника, какъ обыкновенно бываетъ это при другихъ обрядахъ.

30. Въ срединѣ хоровода ходитъ молодецъ и указываетъ на игроковъ рукою. Когда хороводные пропоютъ: — скоро ли, свѣтлый князь — онъ одинъ доканчиваетъ пѣсню; въ это время уже не ходитъ, а стоитъ въ срединѣ круга.

31. При пѣніи этой пѣсни хороводные раздѣляются на двѣ половины, и стоятъ обѣ половины одна противъ другой. Между ими ходитъ Хороберъ, и поетъ вмѣстѣ съ игроками пѣсню. Подъ конецъ пѣсни хороводные сходятся вмѣстѣ, составляютъ кругъ и ходятъ обыкновеннымъ шагомъ.

32. Эту пѣсню поютъ въ весеннихъ хороводахъ, предъ начатіемъ игръ. Запѣвало начинаетъ прежде пѣть одинъ, къ нему присоединяются другіе. Поселяне Тульскаго уѣзда обыкновенно выражаютъ эту пѣсню: «кликнуть кличь.»

33. Составляются хороводъ. Селезень садится на землю между хороводныхъ, скорчившись, какъ старикъ. Когда пропоютъ хороводные:—Студено ли те, Селезень—онъ

встаетъ и поетъ слѣдующіе три стиха. Послѣ этого хороводные поютъ и бросаютъ ему разныя вещи. Селезень все это надѣваетъ на себя. Пѣсню пропѣли. Селезень хочетъ удалиться изъ круга; но хороводные удерживаюетъ его и отбираютъ вещи.

34. При пѣніи этой пѣсни — Сиротинушка лежитъ на землѣ, кругомъ его ходятъ хороводные и поютъ пѣсню. Когда же запоютъ: — вотъ она идетъ — выходитъ къ нему изъ хоровода дѣвушка, останавливается передъ нимъ и поетъ пѣсню вмѣстѣ съ игроками.

35. Хороводные раздѣляются на двѣ половины: въ первой отдѣляются мужчины во второй женщины дѣвушки. Въ срединѣ каждой половины стоитъ женихъ. Обѣ половины сближаются, поютъ попеременно пѣсню; первыя показываютъ вещи, послѣ пѣнія стиховъ второй половины. Подъ конецъ пѣсни игроки сближаются еще болѣе и цѣлуются.

36. Составляется хороводъ. Въ срединѣ круга ходитъ дѣвушка. Когда пропоютъ первую половину пѣсни — Тебя свѣтъ родной кличетъ — она отвѣчаетъ имъ пѣніемъ трехъ слѣдующихъ стиховъ. То же самое происходитъ и подъ конецъ второй половины пѣсни.

37. Хороводные схватясь рука съ рукою, ходятъ обыкновенный кругъ, а въ срединѣ ходятъ или дѣвушки или свахи. Эта пѣсня употребляется въ хороводахъ, въ свадебныхъ вечеринкахъ и зимнихъ посидѣлкахъ.

38. При пѣніи этой пѣсни хороводные, схватясь рука къ рукою, ходятъ и поютъ притопывая ногами; подъ конецъ пѣсни разнимаютъ руки и бьютъ въ ладоши. Конецъ этой пѣсни имѣетъ одинаковое окончаніе съ пѣснею, помѣщенною въ текстѣ подъ № 1.

39. Хороводные, во время пѣнія этой пѣсни, сначала, ходятъ только кругъ, а потомъ, разъединяясь, вытягиваются въ линію и пляшутъ.

40. Составляется хороводъ. Дѣвица входитъ на средину и поетъ съ игроками пѣсню. Часто мнѣ случалось видѣть какъ эту пѣсню разыгрывали на зимнихъ вечеринкахъ и свадебныхъ посидѣлкахъ.

41. Во время пѣнія этой пѣсни хороводные не соединяются руками, а стоятъ всѣ на одномъ мѣстѣ.

42. Это хороводная пѣсня разыгрывается въ Семикъ и на Троицынъ день, когда завиваютъ вѣнки. Въ средину хоровода входитъ молодецъ и дѣвица, кругомъ ихъ ходятъ игроки и поютъ.

43. При пѣніи этой пѣсни хороводные раздѣляются на двѣ половины, и стоятъ другъ противъ друга. Когда одна половина пропоетъ: — Еще, что въ городѣ вздорожало? — другая отвѣчаетъ тремя стихами. Это повторяется три раза.

44. Составляется хороводъ. Въ срединѣ его ходятъ мужъ и жена, а игроки поютъ пѣсню.

45. Въ средину хоровода входитъ удалая жена и повторяетъ съ хороводными пѣсню.

46. Всего только два раза я слышалъ эту хороводную пѣсню, и два раза замѣчалъ особенные обряды. Въ первой сопровождалась обыкновеннымъ хороводомъ; во второй я видѣлъ какъ поселяне разыгрывали эту игру въ честь своего барина, предъ домомъ боярскимъ на Успеньевъ день. Бояринъ высылалъ послѣ пѣнія вино и закуски. Это обыкновеніе ведется изстари, какъ обрядъ.

47. Эта хороводная пѣсня принадлежитъ къ весеннимъ праздникамъ, когда поселяне отправляютъ Никольщину. Въ это время сбираются гости къ празднику, попировать у знакомыхъ и родныхъ. Въ старину Никольщина отправлялась цѣлымъ міромъ. Поселяне собирали складчину, курили вино, брагу, пекли пироги, варили щи и кашу. Староста распоряжался всѣми приготовленіями: послѣ обѣдни, когда сбирались гости, староста угощалъ бѣдныхъ приходящихъ даромъ, а богатые давали ему вкладу. Все это происходило подлѣ церкви, на открытомъ воздухѣ. Никольщина продолжалась дня по три и болѣе. Гости веселились на погостѣ, ходили по дворамъ и вездѣ пировали. Въ это время болѣе всего разыгрывалась эта пѣсня всѣмъ міромъ. Въ середину хоровода входитъ кумушка и своими тѣлодвиженіями увеселяетъ игроковъ.

48. Состовляется хороводъ. Селезень, статный дѣтина, гуляетъ по хороводу, а игроки поютъ пѣсню. Селезень всегда намекаетъ ни кого нибудь своими тѣлодви-

женіями, и за то часто игра оканчивается непріятностями.

49. Эта хороводная пѣсня разыгрывается въ Семикъ и Троицынъ день, когда завиваютъ вѣнки.

50, Сатирическая хороводная игра, сопровождаемая этою пѣснію, разыгрывается на Успенщину, когда гости бываютъ на веселѣ. Она отправляется также и осенью, кромѣ этого дня.

51. Эта хороводная осенняя игра отправляется болѣе всего въ народный праздникъ Бабьяго лѣта.

52. Составляется хороводъ. Дѣвушка входитъ въ средину хоровода и ходитъ кругомъ игроковъ, касаясь каждаго рукою, а игроки поютъ пѣсню. —

53. Къ стр. 104. Въ Тулѣ прежде бывало, что оружейники пѣвали эту пѣсню большими сборищами, ходя по улицамъ. Въ селахъ разыгрываютъ этотъ хороводъ обыкновеннымъ образомъ.

54. При разыгрываніи этого хоровода, игроки, схватясь рука съ рукою, ходятъ и поютъ. Такъ бываетъ это въ весеннихъ хороводахъ. На осеннихъ свадьбахъ дѣвушки сбираются въ кружки на пустой дворъ, или лугъ, и поютъ пѣсню, несхватываяся руками.

55. Эта хороводная пѣсня разыгрывается въ Семикъ и Троиценъ день.

56. Въ срединѣ хоровода гуляетъ добрый молодецъ, а дѣвушки ходятъ кругомъ его и поютъ пѣсню. —

57. Сатиричиская хороводная игра. Заинька входитъ въ средину хоровода и, сообразно словамъ пѣсни, представляетъ своими тѣлодвиженіями разныя гримасы. Подъ конецъ хоровода заинька падаетъ на землю и убѣгаетъ сквозь хороводъ.

РУССКІЯ

ПЛЯСОВЫЯ ПѢСНИ.

1.

Ай, вдоль по улицѣ молодчикъ идетъ,
Ай, вдоль по широкой удаленькой.
Ой, жги, ой жги! говори!
Вдоль по широкой удаленькой идетъ.
Какъ на молодцѣ-то смуръ кафтанъ;
Опоясачка-то шелковая;
Ой, жги, ой жги! говори!
Опоясачка шелковая.
Рукавички-то барановыя;
Сапошки-то сафьяновыя;
Ой, жги, ой, жги! говори!
На немъ шапочка-то бархатная,
А околышекъ черна соболя.
Ой, жги, ой, жги! говори!
А околышекъ черна соболя.
Подъ полою у молодца дуда,
Подъ другой-то онъ гусли несетъ.
Ой, жги, ой, жги! говори!
Подъ другой-то онъ гусли несетъ.
Какъ струна-то загула, загула,
А дуда-то выговаривала:
Ой, жги, ой, жги! говори!
А дуда то выговаривала.
Пора молодцу женидьбу давать,
Холостому время свататься.
Ой, жги, ой, жги! говори!
Холостому время свататься.
Стару бабу за себя-бъ ему взять.
Стару бабу напечи бы держать;
Ой, жги, ой, жги! говори!
Стару бабу на печи бы держать.
Стару бабу киселемъ бы кормить,
Сытой бабу припаивати.
Ой, жги, ой, жги! говори!
Сытой бабу припаивати.
Кабы бабѣ калача, калача:
Стала-бъ баба горяча, горяча.
Ой, жги, ой, жги! говори!
Стала-бъ баба горяча, горяча.
Кабы бабѣ киселя, киселя:
Стала-бъ баба весела, весела.
Ой, жги, ой, жги! говори!
Стала-бъ баба весела, весела.
Какъ бы бабѣ молока, молока:
Стала-бъ баба молода, молода.
Ой, жги, ой, жги! говори!
Стала-бъ баба молода, молода.
Кабы бабѣ сапоги, сапоги:
Пошла-бъ баба въ три ноги, въ три ноги;
Ой, жги, ой, жги! говори!
Пошла-бъ баба въ три ноги, въ три ноги,
Затянула-бъ баба пѣсенку
Тонкимъ, звонкимъ голосочкомъ.
Ой, жги, ой, жги! говори!
Тонкимъ, звонкимъ голосочкомъ.
Ты любимая-ль пѣсня моя,
Я любила тебя въ дѣвкахъ пѣвать;
Ой, жги, ой, жги! говори!
Я любила тебя въ дѣвкахъ пѣвать.
Я люблю тебя и замужемъ,
У мила дружка въ очахъ живучи.
Ой, жги, ой, жги! говори!
У мила дружка въ очахъ живучи.
Ахъ, бѣда-ль моя, бѣда-ль моя,
Ахъ, бѣда моя немаленькая!
Ой, жги, ой, жги! говори!
Ахъ, бѣда моя немаленькая!
Что зовутъ меня не дѣвушкою,
Не дѣвушкою, не молодушкою,
Ой, жги, ой, жги! говори!
Не дѣвушкою, не молодушкою.
Я со вечера-то дѣвица,
Со полуночи молодушка,
Ой, жги, ой, жги! говори!
Со полуночи молодушка.
Ко бѣлу свѣту хозяюшка,
Чрезъ сорокъ недѣль матушка.
Ой, жги, ой, жги! говори!
Чрезъ сорокъ недѣль матушка.

2.

Во полѣ береза стояла,
Во полѣ кудрявая стояла.
Люли, люли, стояла!
Люли, люли, стояла!
Не кому березу заломати,
Не кому кудряву заломати.
Люли, люли, заломати!
Люли, люли, заломати!

Я пойду, погуляю,
Я пойду, погуляю,
Люли, люли, погуляю!
Люли, люли, погуляю!
Бѣлую березу заломаю,
Бѣлую березу заломаю.
Люли, люли, заломаю!
Люли, люли, заломаю!
Срѣжу съ березы три пруточка,
Срѣжу съ березы три пруточка;
Люли, люли, три пруточка!
Люли, люли, три пруточка!
Сдѣлаю три гудочка,
Сдѣлаю три гудочка,
Люли, люли, три гудочка!
Люли, люли, три гудочка!
Четвертую балалаечку,
Четвертую балалаечку.
Люли, люли, балалаечку!
Люли, люли, балалаечку!
Вы гудки не гудите,
Вы гудки не гудите;
Люли, люли, не гудите!
Люли, люли, не гудите!
Стара мужа не будите,
Стара мужа не будите.
Люли, люли, не будите!
Люли, люли, не будите!
Старой спитъ со похмѣлья,
Старой спитъ со похмѣлья.
Люли, люли, со похмѣлья!
Люли, люли, со похмѣлья!
Пойду-ль я на новы сѣни,
Пойду-ль я на новы сѣни,
Люли, люли, на новы сѣни!
Люли, люли, на новы сѣни!
Стану-ль старова будити,
Стану-ль старова будити.
Люли, люли, будити!
Люли, люли, будити!
Встань, мой старой, пробудися?
Встань, мой старой, пробудися?
Люли, люли, пробудися!
Люли, люли, пробудися!
Ой, борода сѣдая, пробудися?
Ой, борода сѣдая, пробудися?
Люли, люли, пробудися!
Люли, люли, пробудися!
Вотъ тебѣ помои, умойся,
Вотъ тебѣ помои, умойся.
Люли, люли, умойся!
Люли, люли, умойся!
Вотъ тебѣ рогожка, утрися,
Вотъ тебѣ рогожка, утрися.
Люли, люли, утрися!
Люли, люли, утрися!
Вотъ тебѣ барана расчешися,
Вотъ тебѣ барана, расчешися.
Люли, люли, расчешися!
Люли, люли, расчешися!
Вотъ тебѣ лапотки, обуйся,
Вотъ тебѣ лапотки, обуйся.
Люли, люли, обуйся!
Люли люли, обуйся!
Вотъ тебѣ шубенька, одѣнься,
Вотъ тебѣ шубенька, одѣнься,
Люли, люли, одѣнься!
Люли, люли, одѣнься!
Вотъ тебѣ дорошка, прогуляйся,
Вотъ тебѣ дорошка, прогуляйся.
Люли, люли, прогуляйся!
Люли, люли, прогуляйся?
Во полѣ береза стояла,
Во полѣ кудрявая стояла.
Люли, люли, стояла!
Люли, люли, стояла!
Не кому березу заломати,
Не кому кудряву заломати.
Люли, люли, заломати!
Люли, люли, заломати!
Я пойду, погуляю,
Я пойду, погуляю;
Люли, люли, погуляю!
Люли, люли, погуляю!
Бѣлую березу заломаю,
Бѣлую березу заломаю.
Люли, люли, заломаю!
Люли, люли, заломаю!
Срѣжу съ березы три пруточка,
Срѣжу съ березы три пруточка,
Люли, люли, три пруточка!
Люли, люли, три пруточка!
Сдѣлаю три гудочка,
Сдѣлаю три гудочка,
Люли, люли, три гудочка!
Люли, люли, три гудочка!
Четвертую балалаечку,
Четвертую балалаечку,
Люли, люли, балалаечку!
Люли, люли, балалаечку!
Пойду-ль я на новы сѣни,
Пойду-ль я на новы сѣни.
Люли, люли, на новы сѣни!
Люли, люли, на новы сѣни!
Вы гудки загудите,

Вы гудки загудите.
Люли, люли, загудите!
Люли, люли, загудите!
Встань, мой милой, пробудися?
Встань, мой милой, пробудися?
Люли, люли, пробудися!
Люли, люли, пробудися!
Вотъ тебѣ водица, умойся,
Вотъ тебѣ водица, умойся,
Люли, люли, умойся!
Люли, люли, умойся!
Вотъ тебѣ полотенцо, утрися,
Вотъ тебѣ полотенцо, утрися,
Люли, люли, утрися!
Люли, люли, утрися!
Вотъ тебѣ гребень, расчешися,
Вотъ тебѣ гребень, расчешися;
Люли, люли, расчешися!
Люли, люли, расчешися!
Вотъ тебѣ башмачки, обуйся,
Вотъ тебѣ башмачки, обуйся;
Люли, люли, обуйся!
Люли, люли, обуйся!
Вотъ тебѣ кафтанчикъ, одѣнься,
Вотъ тебѣ кафтанчикъ, одѣнься.
Люли, люли, одѣнься!
Люли, люли, одѣнься!
Войди въ теремъ, веселися,
Войди въ теремъ, веселися.
Люли, люли, веселися!
Люли, люли, веселися!

3.

Во лузяхъ, во лузяхъ,
Еще во лузяхъ, зеленыихъ лузяхъ,
Еще во лузяхъ, зеленыихъ лузяхъ!
Выросла, выросла,
Выростала трава шелковая,
Выростала трава шелковая!
Разцвѣли, разцвѣли,
Разцвѣли цвѣты лазоревые,
Разцвѣли цвѣты лазоревые!
Съ той травы, съ той травы,
И я съ той травы выкормлю коня,
И я съ той травы выкормлю коня!
Выкормлю, выкормлю,
И я выкормлю, выглажу его,
И я выкормлю, выглажу его!
Поведу, поведу,
Поведу я коня къ батюшкѣ,
Поведу я коня къ батюшкѣ!
Батюшка! батюшка!
Ахъ, ты, батюшка, родимой мой!
Ахъ, ты, батюшка, родимой мой!
Ты прими, ты прими,
Ты прими слово ласковое,
Полюби слово привѣтливое!
Не отдай, не отдай,
Не отдай меня за старова замужъ,
Не отдай меня за старова замужъ!
Старова, старова,
И я старова на смерть не люблю,
И я старова на смерть не люблю!
Съ старыимъ, съ старыимъ,
И я съ старыимъ гулять нейду,
И я съ старыимъ гулять нейду!
Во лузяхъ, во лузяхъ,
Еще во лузяхъ, зеленыихъ лузяхъ,
Еще во лузяхъ, зеленыихъ лузяхъ!
Выросла, выросла,
Выростала трава шелковая,
Выростала трава шелковая!
Расцвѣли, расцвѣли,
Расцвѣли, цвѣты лазоревые,
Расцвѣли цвѣты лазоревые!
Съ той травы, съ той травы,
И я съ той травы выкормлю коня,
И я съ той травы выкормлю коня!
Выкормлю, выкормлю,
И я выкормлю, выглажу его,
И я выкормлю, выглажу его!
Поведу, поведу,
Поведу я коня къ батюшкѣ,
Поведу я коня къ батюшкѣ!
Батюшка! батюшка!
Ахъ, ты батюшка, родимой мой!
Ахъ, ты батюшка, родимой мой!
Ты прими, ты прими,
Ты прими слово ласковое,
Полюби слово привѣтливое!
Не отдай, не отдай,
Не отдай меня за младова замужъ,
Не отдай меня за младова замужъ!
Молодова, молодова,
И я молодова на смерть не люблю,
И я молодова на смерть не люблю!
Со младыимъ, со младыимъ,
И я со младыимъ гулять не пойду,
И я со младыимъ гулять не пойду!
Во лузяхъ, во лузяхъ,
Еще во лузяхъ, зеленыихъ лузяхъ,
Еще во лузяхъ, зеленыихъ лузяхъ!
Выросла, выросла,
Выростала трава шелковая,

Выростала трава шелковая!
Расцвѣли, расцвѣли,
Расцвѣли цвѣты лазоревые,
Расцвѣли цвѣты лазоревые!
Съ той травы, съ той травы,
И я съ той травы выкормлю коня,
И я съ той травы выкормлю коня!
Выкормлю, выкормлю,
И я выкормлю, выглажу его,
И я выкормлю, выглажу его!
Поведу, поведу,
Поведу я коня къ батюшкѣ,
Поведу я коня къ батюшкѣ!
Батюшка! батюшка!
Ахъ, ты батюшка, родимой мой!
Ахъ, ты батюшка, родимой мой!
Ты прими, ты прими,
Ты прими слово ласковое,
Полюби слово привѣтливое!
Ты отдай, ты отдай,
Ты отдай меня заровнюшку замужъ,
Ты отдай меня заровнюшку замужъ!
Ровню я, ровню я,
Ужъ, я ровню душой люблю,
Ужъ, я ровню душой люблю!
Съ ровней я, съ ровней я,
Ужъ я съ ровней гулять пойду,
Ужъ я съ ровней гулять пойду!

4.

Ахъ, сѣни мои, сѣни,
Сѣни новыя мои!
Сѣни новы, кленовы,
Вы рѣшетчаты мои!
Ужъ какъ знать ли мнѣ, младой,
По васъ, сѣничкамъ, не хаживати,
Ужъ какъ мнѣ мила дружка
За рученьку не важивати!
Выходила молода
За новы ворота,
За новы, дубовы,
За рѣшетчаты мои;
Выпускала сокола
Изъ правова рукава:
Полети ты, мой соколъ,
И высоко, и далеко,
И высоко, и далеко,
На родиму сторону;
На родимой сторонѣ
Грозенъ батюшка живетъ;
Онъ грозенъ, сударь, грозенъ,
И не милостивъ ко мнѣ
Не велитъ поздно гулять,
Съ холостымъ парнемъ играть,
Не послушала отца;
Я потѣшу-ль молодца,
Я за то его потѣшу,
Что одинъ сынъ у отца;
Что одинъ сынъ у отца,
Уродился въ удальца;
Зовутъ Ванюшкою
Пивоварушкою.
Пивоваръ вино варилъ,
Зелено вино курилъ,
Зелено вино курилъ,
Красныхъ дѣвушекъ манилъ:
Вы, пожалуйте, дѣвицы,
На поварню на мою,
На поварню на мою,
Угощу васъ, напою.
На поварнѣ у меня
Пиво пьяно на ходу,
Пиво пьяно на ходу,
И на сладкомъ на меду.

5.

Ахъ, утушка луговая,
Люли, люли, луговая!
Молодушка молодая,
Люли, люли, молодая!
Гдѣ спала ты, ночевала?
Люли, люли, ночевала!
Ночевала я въ лужечкѣ,
Люли, люли, въ лужечкѣ!
Подъ ракитовымъ кусточкомъ,
Люли, люли, кусточкомъ!
Какъ шли, прошли веселые,
Люли, люли, веселые!
Два молодца удалые;
Люли, люли, удалые!
Они срѣзали по пруточку,
Люли, люли, по пруточку!
Они сдѣлали по гудочку,
Люли, люли, по гудочку!
Ай, вы гудки не гудите,
Люли, люли, не гудите!
Моего батюшку не будите;
Люли, люли, не будите!
Мой батюшка спитъ съ похмѣлья,
Люли, люли, съ похмѣлья!
Со великаго перепою;
Люли, люли, съ перепою!
Моя матушка за рѣкою,
Люли, люли, за рѣкою!
Варитъ пиво молодое,

Люли, люли, молодое!
Куритъ вино зеленое;
Люли, люли, зеленое!
Поитъ зятя молодаго,
Люли, люли, молодаго!
Своего гостя дорогаго,
Люли, люли, дорогаго!

6.

Я вечеръ млада
Во пиру была,
Во бесѣдушкѣ,
Не у батюшки,
Не у матушки:
Я была млада
У мила дружка,
У мила дружка,
У сердечнаго.
Я не медъ пила,
И не полпивцо,
Я пила млада
Сладку водочку,
Сладку водочку,
Все вишневочку,
Я не рюмочкой
Не стаканчикомъ;
Я пила молода
Изъ полуведра,
Изъ полуведа
Черезъ край пила.
И я полемъ шла—
Не валялася,
И я лѣсомъ шла—
Не шаталася,
Ко двору пришла—
Пошатнулася,
За вереюшку
Ухватилася:
Верея-ль моя,
Вереюшка!
Поддержи меня,
Бабу пьяную
И похмѣльную;
Не увидѣлъ бы
Свекоръ батюшка,
Не сказалъ бы онъ
Своему сыну,
Моему мужу.
У меня ли мужъ
Горькой пьяница;
Онъ вина не пьетъ,
Съ воды пьянъ живетъ.
Надо мной, младой,
Онъ ломается.
У меня-ль, младой,
Въ домѣ убрано:
Ложки вымыла,
Во щи вылила;
Пирогъ вымыла,
Въ горохъ вылила;
Чашу вымыла,
Въ кашу вылила;
Косячки скребла,
Пироги пекла.

7.

Ходили дѣвушки по бережку,
Сѣяли красныя ярый хмѣль,
Сѣяли хмѣль, приговаривали,
Сѣяли хмѣль, приговаривали:
Рости нашъ хмѣль по тычинкамъ вверхъ!
Безъ тебя хмѣлюшки не водится,
Пьяное пивушко не варится,
Пьяное пивушко не варится,
Добрые молодцы не женятся,
Красныя дѣвушки замужъ нейдутъ.
Вздумала Дуняша, замужъ пошла,
Вздумала Дуняша, замужъ пошла.
Теща про зятя пирогъ пекла:
Соли да муки на четыре рубли,
Сахару да изюму на восемь рублей,
Сахару да изюму на восемь рублей.
Сталъ весь пирогъ-то двѣнадцать рублей.
Думала теща пятерымъ не съѣсть.
Зять-то сѣлъ, за присѣстомъ съѣлъ,
Зять-то сѣлъ, за присѣстомъ съѣлъ.
Теща по горницы похаживаетъ,
Тихонько зятюшку побраниваетъ:
Какъ тебя, зятюшку, не розорвало?
Какъ тебя, зятюшку, не розорвало?
Спасибо тещенька, на хлѣбѣ, на соли,
Да на сладкомъ пирогѣ!
Что ты, тещенька, употчивала,
Что ты, тещенька, употчивала.
Милости прошу объ великомъ посту;
Я-жъ тебя, тещенька, отпотчиваю:
Я тебѣ всю честь воздамъ,
Я тебѣ всю честь воздамъ:
Въ четыре дубины березывыя,
Пятый кнутъ по заказу свитъ.
Ходи, гуляй, тещенька!
Ходи, гуляй, тещенька!
Рвалась теща, чуть вырвалася;
Бѣжала теща, насилу ушла;

Прибѣжала теща ко двору,
Прибѣжала теща ко двору.
Бросилась теща въ избѣ средь полу!
Гляньте, ребята: не зять ли идетъ?
Зять у воротъ, на похмѣлье зоветъ,
Зять у воротъ, на похмѣлье зоветъ.
Скажите зятю: со вечоръ хмѣльна,
Съ пива да съ вина болитъ голова;
Съ сладкаго меду, я вся-де больна,
Съ сладкаго меду, я вся-де больна.

8.

Полоса-ль моя, полосынька,
Полоса-ль моя непахана,
Непахана, нескарожена!
Заросла-ль моя полосынька
Частымъ ельничкомъ,
Ельничкомъ, березничкомъ,
Молодымъ, горькимъ осинничкомъ.
Я гуляючи по ельничку,
По ельничку, по березничку,
Брала грибки рыжечки,
По березничку бѣляночки,
По березничку бѣляночки.
Я брала, брала, аукалась:
Ау, ау, пастушки-дружки!
Ау, ау, пастушки-дружки!
Никто въ лѣсѣ не откликнется;
Никто въ темномъ не аукнется!
Никто въ темномъ не аукнется!
Откликалися молодцы,
Государевы охотнички!
Моего батюшки работнички!

9.

Не будите молоду
Ранымъ рано поутру;
Вы взбудите молоду,
Когда солнышко взойдетъ,
Когда птички запоютъ,
Когда выдетъ пастушекъ,
Заиграетъ въ рожокъ.
Хорошо пастухъ играетъ,
Словно, выговариваетъ:
Собирайте дѣвки красны,
Свое стадо на лужокъ.
Собралися красны дѣвки,
Въ хороводъ пошли играть;
Одна дѣвка весела,
Въ хороводъ плясать пошла.
Она пляшетъ, рукой манитъ
Пастуха плясать съ собой.
Сюда, сюда, пастушокъ!
Сюда, сюда, миленькой дружокъ!
Бросилъ стадо, пастушокъ,
Пошелъ съ дѣвушкой въ кружокъ;
Онъ часочикъ проплясалъ,
Коровушку потерялъ;
А другой какъ проплясалъ,
И полстада потерялъ.
Когда-бъ знала молода,
Не манила-бъ пастуха!

10.

Во саду ли, въ огородѣ
Дѣвица гуляла,
Невеличка, круглолична,
Румяное личко.
За ней ходитъ, за ней бродитъ,
Удалый молодчикъ;
За ней носитъ, за ней носитъ
Дороги подарки;
Дорогіе тѣ подарки:
Кумачи да китайки.
Кумачу я не хочу,
Китайки не надо.
Принеси, моя надежа,
Алаго гризету
На двѣ шубки, на двѣ юпки,
На двѣ тѣлогрѣи,
Чтобъ не стыдно было дѣвкѣ
На улицу выдти,
Перешей, моя надежа,
Во Нѣмецко платье.
Спасибо те, молодчикъ,
Снарядилъ дѣвицу!
Я пойду ли, младешенька,
Во торгъ торговати,
На рынокъ гуляти.
Я куплю, млада, младенька,
Пахучія мяты.
Посажу я эту мяту
Подлѣ своей хаты.
Не топчи, бѣлъ, кудрявтый,
Пахучія мяты.
Я не для тебя садила,
Не для тебя поливала;
Для кого я поливала,
Того обнимала.

11.

Солнце, солнце на закатѣ,
Время, время на утратѣ.
Семка дѣвки на лужекъ,
Гдѣ муравка и цвѣтокъ,
Гдѣ мы съ вечера рѣзвились,

Въ хороводѣ веселились.
Нутка примемтесь спять,
Тужъ игорку играть.
Собиралисъ, разыгрались,
На лужкѣ всѣ расплясались,
Во пріятной тишинѣ,
Подъ березкою однѣ.
Вдругъ сталъ слышенъ голосокъ,
Раздавался во лѣсокъ;
Гдѣ ты? Гдѣ ты? ау! ау!
Безъ тебя я здѣсь умру!
Тутъ всѣ дѣвки спохватились
И домой всѣ торопились.
Свѣтикъ Аннушка дружокъ,
Одна сѣла на лужокъ.
Со травы цвѣты рвала,
Къ себѣ милаго ждала.
Не успѣла скласть въ пучечки,
Какъ выходитъ изъ-за рѣчки
Парень удалой, красичокъ,
Свѣтикъ Аннушкинъ дружокъ,
Подошелъ, къ ручкѣ прилегъ.
У Аннушки сердце екъ!
Сердце сердцу покорилось,
Щечки альцемъ покрылись.
Парень дѣвку полюбилъ,
Во высокъ теремъ вводилъ.

12.

Какъ пошли наши подружки
Въ лѣсъ по ягоды гулять,
Вѣю, вѣю, вью, вью,
Въ лѣсъ по ягоды гулять!
По черную черничку,
По красну земляничку;
Вѣю, вѣю, вью, вью,
По красну земляничку!
Онѣ ягодъ не набрали,
Подруженьку потеряли,
Вѣю, вѣю, вью, вью,
Подруженьку потеряли!
Любимую подружку,
Свѣтъ Катеринушку!
Вѣю, вѣю, вью, вью,
Свѣтъ Катеринушку!
Не въ лѣсу ли заблудилась?
Не въ травѣ ли заплелась?
Вѣю, вѣю, вью, вью,
Не въ травѣ ли заплелась!
Какъ бы въ лѣсѣ заблудилась,
То бы лѣсы приклонились;
Вѣю, вѣю, вью, вью,
То бы лѣсы приклонились!
Во травѣ бы заплелась,
Трава-бъ шелкомъ повилась.
Вѣю, вѣю, вью, вью,
Трава-бъ шелкомъ повилась!
Пойду-ль я по тропинки,
Найду-ль я три елинки!
Вѣю, вѣю, вью, вью,
Нуйду-ль я три елинки!
Подъ елинкою кровать,
На кровати-то перина;
Вѣю, вѣю, вью, вью,
На кровати-то перина!
На кровати-то перина,
На перинѣ-то свѣтъ Катерина,
Вѣю, вѣю, вью, вью,
На кровати-то свѣтъ Катерина!
Передъ ней свѣтъ дѣтина
Онъ и проситъ Катерину:
Вѣю, бѣю, вью, вью,
Онъ и проситъ Катерину!
Коли любишъ, такъ скажи,
А не любишь откажи.
Вѣю, вѣю, вью, вью,
А не любишь откажи!
Я, любить, не люблю
Отказать не хочу.
Вѣю, вѣю, вью, вью,
Отказать не хочу.

13.

Ельникъ, мой ельникъ,
Частой мой березникъ,
Люшеньки, люли,
Частой мой березникъ!
Частой мой березникъ,
Глубокой колодезь,
Люшеньки, люли,
Глубокой колодезь!
Глубокой колодезь,
Студена водица,
Люшеньки, люли,
Глубокой колодезь!
Студена водица,
Стой, не разливайся,
Люшеньки, люли,
Стой, не разливайся!
Стой, не разливайся,
По мхамъ, по болотамъ,
Люшеньки, люли,
По мхамъ, по болотамъ!
По мхамъ, по болотамъ,
По стяжкамъ, дорожкамъ,

Люшеньки, люли,
По стяжкамъ, дорожкамъ!
По стяжкамъ, дорожкамъ,
Мнѣ къ батюшкѣ ѣхать,
Люшеньки, люли,
Мнѣ къ батюшкѣ ѣхать!
Мнѣ къ батюшкѣ ѣхать,
Не вино курити,
Люшеньки, люли,
Не вино курити!
Не вино курити,
Мнѣ не пиво варити,
Люшеньки, люли,
Мнѣ не пиво варити!
Мнѣ не пиво варити,
Мнѣ свадьбу играти,
Люшеньки, люли,
Мнѣ свадьбу играти!
Мнѣ свадьбу играти,
Мнѣ брата женити,
Люшеньки, люли,
Мнѣ брата женити!
Мнѣ брата женити,
Сестру сговорити,
Люшеньки, люли,
Сестру сговорити!
Сестру сговорити,
Самой замужъ выйдти.
Люшеньки, люли,
Самой замужъ выйдти!
Ельникъ, мой ельникъ,
Частой березникъ.
Люшеньки, люли,
Частой березникъ!
Недѣлю гостила,
Я брата женила,
Люшеньки, люли,
Я брата женила!
Я брата женила;
Другую гостила,
Люшеньки, люли,
Другую гостила!
Другую гостила,
Сестру сговорила,
Люшеньки, люли,
Сестру сговорила!
Сестру сговорила;
Третью гостила,
Люшеньки, люли,
Третью гостила!
Третью гостила,
Сама замужъ пошла.
Люшеньки, люли,
Сама замужъ пошла!

14.

Ай, на горѣ дубъ, дубъ,
Что бѣла береза;
Промежъ дуба и березы
Рѣчка протекала;
Рѣчка, рѣчка неглубокая,
Водица студеная;
Нельзя, нельзя воды пити,
Нельзя почерпнути.
Какъ у стараго мужа
Жена молодая;
Нельзя, нельзя жену бити,
Нельзя поучити.
Я билъ жену одинъ часъ
А плакалъ недѣлю,
Сушилъ, крушилъ ясны очи,
По четыре ночи.

15.

Во Муромскихъ во лѣсахъ
Стоитъ бражка на пескахъ,
Молода брага и пьяна,
И разымчива была.
Веселая голова,
Не ходи мимо двора,
Милъ дорожку не тори,
Худой славы не клади.
Милъ дорожку проторилъ,
Худу славу положилъ.
Отцу, матери безчестье,
Роду племени покоръ,
Мнѣ головушка долой,
Мнѣ нельзя идти домой,
Сказать матери родной.
Скажу такъ, скажу сякъ,
Скажу экакъ и вотъ такъ:
Скажу въ садику была,
Скажу яблочки рвала,
Все наливчатыя
И разсыпчатыя;
На бѣло блюдо клала,
На серебряной подносъ,
Ко милому относила
Во высокой во теремъ.
Милой яблокъ не беретъ,
И отвѣта не даетъ,
Не отказываетъ,
Не приказываетъ.
И я топнула ногой,

Сама съ терема долой,
Оставайся, чортъ съ тобой!
Не ломайся надо мной,
Надъ дѣвичей красотой,
Надъ моей русой косой.
Я на лѣсенку вступила,
Да одумалася;
Ворочуся назадъ,
Другу выговорю:
Ты послушайка, негодный,
Погодай негодяй!
Я за что тебя люблю,
За что жаловать хочу?
Я за то тебя любила,
Что на ноженьку легокъ,
На босу ногу сапогъ,
Со полуночи гулять готовъ.

16.

Улица, улица, широкая моя!
Травка, муравка, зеленая моя!
Знать-то мнѣ по уличкѣ не хаживати,
Травку, муравку не таптывати,
На свою милу не глядывати.
Какъ моя-то мила сидитъ одна,
Подъ окномъ сидитъ, рѣчь говоритъ:
Мальчикъ ты, мальчикъ молоденькой,
Удалая головушка твоя!
Не садися ты возлѣ меня,
Возлѣ меня, красной дѣвицы души,
Возлѣ меня, отецкой дочери.
Грозенъ, грозенъ батюшка,
Грозней того матушка,
Не пускаютъ на улицу гулять;
Пустятъ, не пустятъ при вечерѣ,
При вечерѣ, при вечерней при зарѣ;
А я, молодешенька, догадлива была,
Прялочку взяла, на посидѣлочку пошла;
Куры вспѣли, домой нейду;
Другія вспѣли, не думаю идти;
Третьи вспѣли, заря взошла,
Заря взошла, домой пошла.

17.

Ай во саду, саду, люблю садовую,
Люблю, люблю садовую, грушу зеленую,
Грушу, грушу зеленую, дѣвку веселую.
Надъ рѣкой дѣвка стоитъ, сама рѣчи говоритъ:
Аль я безсчастна, дѣвка безталанна!
Сговорила меня мать за крестьянина отдать.
Нейду, нейду, матушка, нейду осударыня,
Нейду, осударыня, за мужъ за крестьянина.
Крестьянинъ, родимая, много пашни пашетъ,
Много пашни пашетъ, много засѣваетъ,
Борозды глубокія, полосы широкія,
Серпы-то тупые, жнецы-то глупые.
Ай во саду, саду, люблю садовую,
Люблю, люблю садовую, грушу зеленую,
Грушу, грушу зеленую, дѣвку веселую.
Надъ рѣкой дѣвка стоитъ, сама рѣчи говоритъ:
Аль я безсчастна, дѣвка безталанна!
Сговорила меня мать за боярина отдать;
Нейду, нейду, матушка, нейду осударыня,
Нейду, осударыня, замужъ за боярина.
Бояринъ охотникъ, много собакъ держитъ,
Собаки борзыя, холопи босые,
Что бояринъ воевать, а я горе горевать,
Что бояринъ въ Москву, а я кинуся въ тоску.
Ай во саду, саду, люблю садовую,
Люблю, люблю садовую, грушу зеленую,
Грушу, грушу зеленую, дѣвку веселую.
Надъ рѣкой дѣвка стоитъ, сама рѣчи говоритъ:
Аль я безсчастна, дѣвка безталанна!
Сговорила меня мать за земскаго отдать.
Иду, иду матушка, иду осударыня,
Иду, осударыня, замужъ за земскаго.
Что земской-то міромъ кутить,
А я млада, младешенька, посулы считать.

18.

За рѣченькой яръ-хмѣль,
Яръ, яръ хмѣль!
Вкругъ кустика вьется;
Яръ, яръ хмѣль!
Перевейся нашъ яръ хмѣль,
Яръ, яръ, хмѣль!
На нашу сторонку;
Яръ, яръ хмѣль!
На нашей сторонкѣ,
Яръ, яръ хмѣль!
Удача большая,
Яръ, яръ хмѣль!
Тычья золотыя,
Яръ, яръ хмѣль!
Вѣтья шелковыя.
Яръ, яръ хмѣль!
Я выщиплю хмѣлю,
Яръ, яръ хмѣль!
Хмѣлю яраго,
Яръ, яръ хмѣль!
Позову я гостя,
Яръ, яръ хмѣль!
Гостя дорогаго,

Яръ, яръ хмѣль!
Батюшку роднаго,
Яръ, яръ хмѣль!
Мой батюшка пьетъ, ѣстъ,
Яръ, яръ хмѣль!
Домой ѣхать хочетъ;
Яръ, яръ хмѣль!
А я, молодешенька,
Яръ, яръ хмѣль!
Горе горевати;
Яръ, яръ хмѣль!
Вѣдь, я не умѣю,
Яръ, яръ хмѣль!
Горе горевати;
Яръ, яръ хмѣль!
Только я умѣю,
Яръ, яръ хмѣль!
Скакати, плясати.
Яръ, яръ хмѣль!

19.

Ахъ, жилъ я, молодецъ,
Жилъ во своей деревнѣ,
Жилъ во своей деревнѣ,
Живучи, не видалъ веселья;
Заросла моя деревня
И горами и долами,
И горами и долами,
И крутыми берегами.
По задворью дѣвица
Водицу носила,
Коромысло кипарисно,
Ведерцы дубовы,
Ведерцы дубовы,
Обручьи кедровы;
Коромыслы гнутся,
Свѣжа вода льется.
Дѣтинушка бѣлъ кудрявъ,
Изъ окошка смотритъ,
Изъ окошка смотритъ,
Ничего не молвитъ,
Тяжко воздыхаетъ,
Слезно возрыдаетъ:
Кабы ты, дѣвица,
Не эдакъ ходила,
Не эдакъ ходила,
Другихъ не любила,
Другихъ не любила,
Меня не сушила.
Ахъ по лугу, лугу,
Да по зеленому,
Ходилъ, гулялъ молодецъ,
Не радошенъ, не веселъ,
Не радошенъ, не веселъ,
Дѣвушки не нашелъ,
Дѣвушки не нашелъ,
Самъ заплакалъ, да пошелъ,
Повѣсилъ головушку,
На праву сторонушку,
Потупилъ ясны очи,
Во мать во сыру землю.
Увидѣла матушка,
Усмотрѣла родная
Со высока терема,
Со высока терема,
Изъ косящета окна:
Дитя мое, дитятко,
Дитя мое, милое!
Что ходишь не весело;
Гуляешь не радостно?
Сударыня, матушка!
Не ты меня изсушила,
Не ты меня изсушила,
Не ты меня сокрушила;
Изсушила, мутушка,
Чужая сторонушка,
Чужая сторонушка,
За рѣкой слободушка,
Во слободушкѣ дворикъ,
Во дворикѣ вдовушка;
У вдовушки дѣвушка,
Она меня изсушила,
Она меня сокрушила.

20.

По улицѣ мостовой,
По широкой, столбовой,
По широкой, столбовой,
Шла дѣвица за водой;
За ней парень молодой,
Кричитъ дѣвицѣ: постой!
Красавица подожди.
Пойдемъ вмѣстѣ за водой,
Пойдемъ вмѣстѣ за водой,
За холодной, ключевой.
Ахъ, ты, парень, паренекъ,
Твой глупенькой разумокъ!
Не кричи во весь народъ;
Мой батюшка у воротъ,
Зоветъ меня въ огородъ,
Чесноку, луку полоть,
Маку сѣянова,
Луку зеленова.
Возьму въ правую руку луку,
А во лѣвую чесноку,

Я по цвѣтикамъ пойду,
По лазоревымъ гулять,
По лазоревымъ гулять,
Цвѣта алаго искать.
Не нашла цвѣта алаго,
Супротивъ своего милаго.
Ахъ, мой миленькой хорошъ,
Чернобровъ, душа пригожъ;
Чернобровъ, душа пригожъ,
Мнѣ подарочикъ принесъ,
Подарочикъ дорогой,
Съ руки перстень золотой,
Съ руки перстень золотой.
Мнѣ не дорогъ твой подарокъ,
Дорога твоя любовь;
Не хочу перстня носить,
Хочу такъ, дружка, любить.
Собирался мой милой,
Собирался дорогой,
Что на Волгу на рѣку,
На крутой на бережокъ,
На крутой на бережокъ,
Что на желтенькой песокъ.
Ужъ я по воду пойду,
На крутой берегъ взойду,
Туда, сюда погляжу:
Куда рѣченька бѣжитъ?
Волга рѣченька быстра
Скоро судно пронесла,
Суденышко потонуло,
А я млада воздохнула.

21.

Молодка, молодка молодая,
Солдатка, солдатка полковая!
Ужъ полно по улицѣ ходити,
Ужъ полно по миленькомъ тужити!
Ахъ, какъ мнѣ по миломъ не тужити?
Такого другаго не нажити:
Хорошъ, пригожъ, милый уродился,
Что ростомъ, дородствомъ, красотою,
Своей молодецкой поступкой.
Вечоръ я со милымъ побранилась:
Побранка была небольшая;
Не знаю, какъ со милымъ помириться?
Самой покорится — не годится;
Людей посылати — мнѣ некстати.
Дождуся я млада поры-время,
Что поры ли, время, темной ночи,
Что темныя ноченьки, осенней,
Сама я къ милому побываю,
Въ глаза дорогому попеняю:
Ахъ, любчикъ, мой миленькой голубчикъ!
Не слушай ты разума чужаго;
Чужихъ, моя радость, наговоровъ.
Люди-то смущаютъ, разлучаютъ:
Людямъ-то завидно, что совѣтно.

22.

Мнѣ моркотно молоденькѣ,
Нигдѣ мѣста не найду;
Ахъ, люли! Ахъ, люли!
Нигдѣ мѣста не найду.
Отъ ѣды младу отбило,
Бражка въ горлышко нейдетъ.
Ахъ, люли! Ахъ, люли!
Бражка въ горлышко нейдетъ.
Посидѣлки, хороводы
Опостылѣли ужъ мнѣ.
Ахъ, люли! Ахъ, люли!
Опостылѣли ужъ мнѣ.
Все мерещется дѣтина,
На яву мнѣ и во снѣ.
Ахъ, люли! Ахъ, люли!
На яву мнѣ и во снѣ.
Какъ теленокъ за коровой,
Такъ и я за нимъ бреду,
Ахъ, люли! Ахъ, люли!
Такъ и я за нимъ бреду.
Какъ пастухъ, покиня стадо,
Вездѣ парня я ищу.
Ахъ, люли! Ахъ, люли!
Вездѣ парня я ищу.
Когда встрѣтится со мною,
Взбударажитъ все нутро;
Ахъ, люли! Ахъ, люли!
Взбударажитъ все нутро.
Мимо пройдетъ, да не взглянетъ,
Какъ морозомъ подеретъ.
Ахъ, люли! Ахъ, люли!
Какъ морозомъ подеретъ.
Вдоль спины переноишетъ
Хворостиной, аль кнутомъ;
Ахъ, люли! Ахъ, люли!
Хворостиной, аль кнутомъ.
Мнѣ то-то за честь и небольно,
Хоть малиной не корми.
Ахъ, люли! Ахъ, люли!
Хоть малиной не корми.
Сяду прясть, пряжа рвется,
Донцо ѣдетъ подо мной;
Ахъ, люли! Ахъ, люли!
Донцо ѣдетъ подо мной.
Вертено изъ рукъ валится,
Мочки клочу, не чешу.
Ахъ, люли! Ахъ, люли!

Мочки клочу, не чешу.
Возьму ведры за водой,
Къ парню въ избу забреду.
Ахъ, люли! Ахъ, люли!
Къ парню въ избу забреду.
Какъ не выгонитъ оттуда,
Умиреть хоть рада съ нимъ.
Ахъ, люли! Ахъ, люли!
Умереть хоть рада съ нимъ.
Нутка къ ляду!—онъ мнѣ скажетъ—
Надоѣла ужъ ты мнѣ!
Ахъ, люли! Ахъ, люли!
Надоѣла ужъ ты мнѣ!
Какъ проклята лихоманка
Привязалася, отстань!
Ахъ, люли! Ахъ, люли!
Привязалася, отстань!
Тутъ-то свѣта я не взвижу,
Рада-бъ въ петлю, иль на ножъ.
Ахъ, люли! Ахъ, люли!
Рада-бъ въ петлю, иль на ножъ.
Носъ повѣшу, лобъ наморщу,
И, потупясь, поплетусь.
Ахъ, люли! Ахъ, люли!
И, потупясь, поплетусь.
А, куда?—Сама не знаю,
Какъ безумная бреду,
Ахъ, люли! Ахъ, люли!
Какъ безумная бреду.
Во расплохъ вчера у матки
Я стянула новину;
Ахъ, люли! Ахъ, люли!
Я стянула новину.
А у батюшки роднаго
Поубавила мошну;
Ахъ, люли! Ахъ, люли!
Поубавила мошну.
Я дождуся той поры,
Какъ наѣдутъ торгаши.
Ахъ, люли! Ахъ, люли!
Какъ наѣдутъ торгаши.
Шелковъ разныхъ и бумаги
Накуплю я на торгу;
Ахъ, люли! Ахъ, люли!
Накуплю я на торгу,
Накрою рубахъ, ширинокъ,
И посвойски настрочу,
Ахъ, люли! Ахъ, люли!
И посвойски настрочу.
Подойду ближе я къ дѣтинѣ,
Какъ пойдетъ сушить овинъ,
Ахъ, люли! Ахъ, люли!
Какъ пойдетъ сушить овинъ.
Поклонюсь дѣтинѣ низко,
Поднесу свои дары.
Ахъ, люли! Ахъ, люли!
Поднесу свои дары.
Авось ему любо будетъ,
Вось погуторить со мной.
Ахъ, люли! Ахъ, люли!
Вось погуторить со мной.
Какъ не будетъ ему любо,
И дары будутъ не въ честь;
Ахъ, люли! Ахъ, люли!
И дары будутъ не въ честь.
Чортъ возьми роднsocё, сосѣдей,
Вся деревня сгинь огнемъ!
Ахъ, люли! Ахъ, люли!
Вся деревня сгинь огнемъ!
Ужъ тогда-то будетъ тошно,
Я млада ряхнусь ума.
Ахъ, люли! Ахъ, люли!
Я млада рехнусь ума.
И тогда-то свои руки
Наложу я на себя.
Ахъ, люли! Ахъ, люли!
Наложу я на себя.

23.

Пряди моя пряха,
Пряди, не лѣнися.
И я рада-бъ пряла,
Меня въ гости звали.
Звали, позывали,
Къ сосѣду въ бесѣду,
На пиръ пировать;
У сосѣда будетъ
Мой милъ хорошій,
Мой милъ пригожій,
Холостъ, неженатый,
Бѣлый, кудряватый.
Вотъ ѣдетъ мой милый
На ворономъ конѣ,
Въ бѣломъ балахонѣ,
Шапочка съ углами,
Головка съ кудрями.
Ко двору подъѣзжаетъ,
Дѣвица встрѣчаетъ,
За ручки хватаетъ,
За столикъ сажаетъ.

24.

Ахъ, ты, ноченька,
Ночка темная;
Ты молодушка,
Ты молоденька!

Ты головушка!
Ты побѣдненька!
Съ кѣмъ ночь темную
Ночевать тебѣ?
Съ кѣмъ осеннюю
Коротать тебѣ?
Лягу спать одна
Безъ мила дружка;
Безъ мила дружка
Беретъ грусть, тоска;
Беретъ грусть, тоска:
Далеко милъ живетъ;
Далеко живетъ
Онъ за рѣченькой.
Ужъ я съ той со тоски
Погулять пойду,
Погулять пойду,
Повидаюсь съ нимъ.
Машетъ милый мнѣ
Ручкой правою,
Ручкой правою,
Шляпой черною.
Перейди ко мнѣ
Ты за рѣченьку.
Перешла-бы я:
Перехода нѣтъ;
Переходъ хоть есть:
Тонка жордочка!

25.

Ахъ, молодость, молодость,
Чѣмъ-то вспомянуть тебя?
Ай, лешеньки, лешеньки!
Чѣмъ-то вспомянуть тебя?
Вспомяну я молодость
Тоскою, кручиною;
Ай, лешеньки, лешеньки!
Тоскою, кручиною.
Тоскою, кручиною,
Печалью великою.
Ай, лешеньки, лешеньки!
Печалью великою.
Не пила, не ѣла я,
Все милова ждала,
Ай, лешеньки, лешеньки!
Все милова ждала.
Пойду млада по воду
Съ ушатами, ведрами;
Ай, лешеньки, лешеньки!
Съ ушатами, ведрами.
Пущу ведры подъ гору,
Сама взойду на гору;
Ай, лешеньки, лешеньки!
Сама взойду на гору.
Сама сяду на траву,
Прикинуся яблоцью;
Ай, лешеньки, лешеньки!
Прикинуся яблонью.
Яблонью кудрявою,
Грушею зеленою,
Ай, лешеньки, лешеньки!
Грушею зеленою.
Мимо той ли яблоньки,
Протекала рѣченька,
Ай, лешеньки, лешеньки!
Протекала рѣченька.
Какъ по той по рѣченькѣ
Съѣзжалися господа;
Ай, лешеньки, лешеньки!
Съѣзжалися господа.
Съѣзжалися господа
Съ семидесяти городовъ.
Ай, лешеньки, лешеньки!
Съ семидесяти городовъ.
Срубили они яблоньку,
Подъ самой подъ корешокъ
Ай, лешеньки, лешеньки!
Подъ самой подъ корешокъ
Раскололи яблоньку
На доски на тонкія;
Ай, лешеньки, лешеньки!
На доски на тонкія.
На доски на тонкія,
Дѣлать гусли звончаты.
Ай, лешеньки, лешеньки!
Дѣлать гусли звончаты.
Кому поиграть въ гусли?
Кому поплясать будетъ?
Ай, лешеньки, лешеньки!
Кому поплясать будетъ?
Играть въ гусли молодцу,
Плясать красной дѣвицѣ.
Ай, лешеньки, лешеньки!
Плясать красной дѣвицѣ.

26.

Какъ на улицѣ шумятъ,
Сарафанъ бабы дѣлятъ,
Ой, вы, дѣвки!
Ой, вы, бабы молодыя!
Кому клинъ дать, кому станъ,
Кому весь бы сарафанъ?
Ой, вы, дѣвки!
Ой, вы, бабы молодыя!

А большимъ-бы господамъ
На попоны лошадямъ?
Ой, вы, дѣвки!
Ой, вы, бабы молодыя!
А боярскимъ дочерямъ
На обстрочку къ рукавамъ?
Ой, вы, дѣвки!
Ой, вы, бабы молодыя!
Вышла дѣвка молода,
Поразхвасталась она:
Ой, вы, дѣвки!
Ой, вы, бабы молодыя!
Какъ вечеръ меня милой
Цѣловалъ, да миловалъ;
Ой, вы, дѣвки!
Ой, вы, бабы молодыя!
Крѣпко къ сердцу прижималъ
Онъ сударушкою называлъ,
Ой, вы, дѣвки!
Ой, вы, бабы молодыя!
Ты, сударушка моя,
Вѣрно любишь-ли меня?
Ой, вы, дѣвки!
Ой, вы, бабы молодыя!
Какъ мнѣ тебя не любить!
Не могу тебя забыть!
Ой, вы, дѣвки!
Ой, вы, бабы молодыя!

27.

Ты поди, моя коровушка домой,
Пропади, моя головушка долой;
Ай диди, калинка моя!
Въ саду ягода, малинка моя!
Ужъ какъ всѣ мужья до женъ добры,
Покупили женамъ черные бобры,
Ай диди, калинка моя!
Въ саду ягода, малинка моя!
Лишь мой-то, некошной муженекъ,
Лишь мой-то, сердечной съ кулачекъ;
Ай диди, калинка моя!
Въ саду ягода, малинка моя
Онъ купилъ-то мнѣ коровушку,
Онъ сгубилъ-то мою головушку;
Ай диди, калинка моя!
Въ саду ягода, малинка моя!
Отворяй, жена, широки ворота,
Принимай, жена, корову за рога.
Ай диди, калинка моя!
Въ саду ягода, малинка моя!
Встану я, млада, ранешенько,
Я умоюся бѣлешенько сама;
Ай диди, калинка моя!
Въ саду ягода, малинка моя!
Погоню я корову на росу,
На встрѣчу мнѣ медвѣдь изъ лѣсу;
Ай диди, калинка моя!
Въ саду ягода, малинка моя!
Я медвѣдя испугалась,
Я за кустики, млада, бросалась.
Ай диди, калинка моя!
Въ саду ягода, малинка моя!
Во лугахъ было, въ зеленыхъ лугахъ,
Принимала я корову за рога.
Ай диди, калинка моя!
Въ саду ягода, малинка моя!
Ты поди, моя коровушка, домой;
Ты поди, моя недоена, домой.
Ай диди, калинка моя!
Въ саду ягода, малинка моя!
У насъ горенка нетоплена стоитъ,
А ребятушки некормлены кричатъ.
Ай диди, калинка моя!
Въ саду ягода, малинка моя!
Какъ ворчитъ-то мужъ супостатъ,
Онъ велитъ мнѣ дѣтей кормить;
Ай диди, калинка моя!
Въ саду ягода, малинка моя!
Приказалъ онъ коровушку доить,
Ты, коровушку подой-ка, да подой!
Ай диди, калинка моя!
Въ саду ягода, малинка моя!
А подойничекъ помой-ка, да помой,
А ребятушекъ напой-ка, да напой.
Ай диди, калинка моя!
Въ саду ягода, малинка моя!

28.

Пойду млада по Дунаю,
Ой люли, погуляю!
Зайду, млада, въ бесѣду;
Ой люли, во смиренну!
Во бесѣдѣ сидитъ старой,
Ой люли, постылой!
На колѣняхъ держитъ гусли,
Ой, люли, лубяные!
На гуслицахъ струны;
Ой люли, мочальныя!
Старой въ гусли заиграетъ,
Ой люли, заиграетъ!
Мое сердце ноетъ, ноетъ;
Ой люли, занываетъ!
Скоро ноги подломились,
Ой люли, подломились,
Бѣлы руки опустились,

Ой люли, опустились!
Ясны очи потупились,
Ой люли, потупились!
Пойду млада по Дунаю,
Ой люли, погуляю!
Зайду млада въ бесѣду;
Ой люли, во веселую!
Во бесѣдѣ сидитъ молодой,
Ой люли, мой любезной!
На каленяхъ держитъ гусли,
Ой люли, звончатые!
На гуслицахъ струны,
Ой люли, золотыя!
Молодой въ гусли заиграетъ,
Ой люли, заиграетъ!
Мое сердце радо, радо,
Ой люли взвеселилось!
Скоры ноги расплясались,
Ой люли, расплясались!
Руки бѣлы размахались,
Ой люли, размахались!
Очи ясны разглядѣлись.
Ой люли, разглядѣлись!

29.

У меня-ль во садочку,
У меня-ль во зеленомъ,
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
Хорошо пташки пѣли,
Хорошо воспѣвали,
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
А я-ль, молоденька,
Охоча гуляти,
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
Скакати, плясати,
Въ зеленъ садъ ходити;
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
За тѣ-ль меня скачки,
За тѣ-ль поплясушки,
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
Меня батюшка билъ, билъ,
Меня родной мой билъ, билъ.
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
Не легкимъ, тяжелымъ,
Что изъ веника пруточкомъ.
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
А я-ль, молоденька,
А я-ль, веселенька,
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
Я съ тѣхъ ли побоевъ,
Я съ тѣхъ ли тяжелыхъ,
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
Недѣлю лежала,
Другую вставала.
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
У меня-ль во садочку
У меня-ль во зеленомъ,
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
Хорошо пташки пѣли,
Хорошо воспѣвали,
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
А я ль, молоденька,
Охоча гуляти,
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
Скакати, плясати,
Въ зеленъ садъ ходити;
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
За тѣ-ль меня скачки,
За тѣ-ль поплясушки,
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
Меня матушка била,
Меня родная била,
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
Не легкимъ, тяжелымъ,
Шелковымъ поясочкомъ.
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
А я-ль, молоденька,
А я-ль, веселенька,
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
Я съ тѣхъ ли побоевъ,
Я съ тѣхъ ли тяжелыхъ,
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
Недѣлю лежала,
Другую вставала.
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!

У меня-ль во садочку.
У меня-ль во зеленомъ,
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
Хорошо пташки пѣли
Хорошо воспѣвали.
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
А я-ль, молоденька,
Охоча гуляти,
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
Скакати, плясати,
Въ зеленъ садъ ходити;
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
За тѣ-ль меня скачки,
За тѣ-ль поплясушки,
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
Меня миленькой билъ, билъ,
Меня сердечной билъ, билъ,
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
Не тяжелымъ, а легкимъ,
Дубовой дубиной.
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
А я-ль, молоденька,
А я-ль, веселенька,
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
Я съ тѣхъ ли побоевъ,
Я съ тѣхъ ли легкихъ,
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!
Одинъ день лежала,
На другой вставала.
Люшеньки люли!
Люшеньки люли!

30.

Изъ подъ дуба, изъ подъ вяза,
Изъ подъ вязова коренья,
Ой калина! Ой малина!
Изъ подъ вязова коренья
Бѣжитъ зайка горностайка.
Ой калина! Ой малина!
Въ зубахъ несетъ вязенину,
Небылую небылицу,
Ой калина! Ой малина!
Про душу красную дѣвицу,
Про любимую сестрицу;
Ой калина! Ой малина!
Дѣвка стоя на плоту,
Моетъ шелкову фату;
Ой калина! Ой малина!
Она мыла, колотила,
Фату въ воду опустила,
Ой калина! Ой малина!
Фату въ воду опустила,
За фатой въ воду скачила,
Ой калина! Ой малина!
Башмачки обронила,
И чулочки обмочила.
Ой калина! Ой малина!
Мнѣ не жаль, вѣдь, башмаковъ,
А жаль шелковыхъ чулковъ;
Ой калина! Ой малина!
Мнѣ эти ли башмачки
Сударь батюшки купилъ,
Ой калина! Ой малина!
Бѣлы шелковы чулочки
Милъ сердечной подарилъ
Ой калина! Ой малина!
Счастливъ выходъ мой:
Идетъ любчикъ мой горой,
Ой калина! Ой малина!
Идетъ любчикъ мой горой
Несетъ гусли подъ полой.
Ой калина! Ой малина!
Самъ въ гусли играетъ,
Приговариваетъ:
Ой калина! Ой малина!
Ахъ, дѣвки къ намъ?
Ахъ, молодицы къ намъ!

ВАРІЯНТЫ
ПЛЯСОВЫХЪ ПѢСЕНЪ.

Въ Русскихъ плясовыхъ пѣсняхъ измѣненія словъ зависятъ часто отъ воли пѣсельниковъ. Поставляя это на видъ, какъ главное и необходимое условіе въ изложеніи варіантовъ, я рѣшаюсь ограничиваться только одними главными измѣненіями. Большую часть плясовыхъ пѣсенъ присвоили себѣ Московскіе Цыганы. Голосъ ихъ, тѣлодвиженія, совершенно отличныя отъ характеристики Русскихъ, придали этимъ пѣснямъ особенное достоинство; но за то они измѣняютъ по своему слова пѣсенъ. Напѣвъ Русскихъ также измѣняется

по мѣстности; а съ этимъ вмѣстѣ замѣтно кое-гдѣ и измѣненіе словъ.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 1, мнѣ, извѣстны три варіанта. Первый напечатанъ въ собраніи пѣсенъ Прача. ч. 2, стр. 38, гдѣ два стиха соединены въ одинъ. Такъ:

Ай! по улицѣ молодчикъ идетъ, вдоль по широкой удалинькой.
Ай жги, ай жги, горори, вдоль по широкой удалинькой.

Кромѣ того есть измѣненія въ словахъ:

«Черна соболя» — чернова соболя.
«Свататься» — обабиться.
«На печи бы» — на печи въ углу.

Пропущено въ срединѣ пѣсни съ стиха:

«Кабы бабѣ калача, калача»
до:
Я со вечера-то дѣвица.

Вторый варіантъ напечатанъ въ собраніи пѣсенъ Кашина, ч. 3, стр. 119. Здѣсь измѣненіе находится въ словахъ: вмѣсто:

Подъ полою у молодца дуда—
—Подъ полой несетъ дуду загулу.—

Или вмѣсто:

Какъ струна-то загула, загула,
А дуда-то выговаривала.—
—Какъ струна-то загула, загула,
А другая-то выговаривала.—

Или вмѣсто:

Сытой баву припаивати—
—Молокомъ бабу подпаивати.—

Третій варіантъ былъ записанъ со словъ поселянъ Богородицкаго уѣзда; въ немъ только въ припѣвѣ два стиха совершенно другіе:

Эй! эй! эй! жги, поджигай!
Эй! эй! эй! жги, говори!

Все прочее сходно съ пѣснею, помѣщенною въ текстѣ.

Есть еще особенные варіанты этой пѣсни, напечатанные въ пѣсенникахъ, но мы не обращаемся къ нимъ.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 2, мнѣ извѣстны два варіанта. Первой напечатанъ въ собраніи пѣсенъ Прача ч. 1, стр. 30, гдѣ два стиха соединены въ одинъ; а припѣвъ напечатанъ слѣдующій:

Люй, ли, лю, ли.

Въ срединѣ пѣсни пропущено съ стиха: «Вы гудки не гудите—до—Пойдуль я на новы сѣни.»

Кромѣ того еще пропущены стихи:

«Вотъ тебѣ дорожка, прогуляйся.»
«Вы гудки не гудите.»

Конецъ пѣсни у Прача пропущенъ.

Вторый варіантъ былъ записанъ со словъ Московскихъ пѣсельниковъ, но измѣненія заключаются въ ничтожныхъ словахъ. Во всѣхъ за-Московныхъ селеніяхъ поютъ вмѣсто: «Во полѣ береза стояла»— Вы поли береза стояла.—

Для пѣсни, напечатанной подъ № 3, мнѣ извѣстны два варіанта, первый напечатанъ у Прача, ч. 1, стр. 38, гдѣ два стиха соединены въ одинъ, а иногда три въ одинъ. Отъ этого самаго потерялось всякое согласіе звуковъ — начало Русскаго народнаго стихосложенія. Слова пѣсни во всемъ сходны съ помѣщенною мною въ текстѣ. Вторый варіантъ былъ записанъ со словъ Тульскихъ пѣсельниковъ; въ немъ только особеннаго, кромѣ измѣненія словъ, народный разгульный напѣвъ. Мнѣ никогда не случалось видѣть такого разгула въ пѣніи нашихъ пѣсенъ, какъ въ этой. Поселяне соединяютъ еще съ пѣніемъ этой пѣсни свистъ, стараясь приноровить его въ тактъ; пляска, употребляемая при этой пѣсни, бываетъ многосложна, гдѣ каждый изъ плясуновъ старается выдѣлывать свое особенное па, большею частію по произволу. Заѣзжіе фигляры, лже-учители Русскихъ плясуновъ, умѣли составить какую-то глупую пляску, совершенно противоположную нашей народности. Русскія пѣсни пришлись не по плечу чужеземцовъ. Да и гдѣ имъ сладить съ нашею пляскою, когда природа не надѣлила ихъ нашимъ богатырскимъ разгуломъ, когда отказала имъ въ такихъ ногахъ, которыя только могутъ быть у Русскаго мужичка, отъ которыхъ, во время пляски, дрожитъ земля, шатается изба, клочетъ въ груди ретивое. Русской пляскѣ нельзя выучится; она приходитъ на роду, говорятъ наши земляки. Родись плясуномъ и будешь плясать—говорятъ наши старики. Мнѣ часто случалось видѣть и въ городахъ за-Московныхъ и въ Питерѣ, какъ чужеземцы обучаютъ Русскихъ плясать. Жалкіе

люди эти чужеземцы! Неужели они думают и въ этомъ уже уничтожить нашу народность? Ихъ ученики, вытянутые въ спичку, ходятъ не на ногахъ, а на ходуляхъ. Эта единственная каррикатура на Русскія пляски. Православные наши дѣды сохранили намъ народность, и ни одна чужеземная затѣйливость не должна управлять Русскими плясками. И какой изъ Русскихъ дозволитъ заѣзжему фигляру, искателю денегъ и приключеній въ нашей родимой сторонѣ, искажать народныя пляски. Мы не думаемъ, чтобы Русские считали національными тѣ народныя пляски, которыя онѣ обучились плясать по наставленіямъ чужеземца.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 4, мнѣ извѣстны два варіанта. Первый, записанный со словъ поселянъ Каширскаго уѣзда, имѣетъ только въ концѣ слѣдующее прибавленіе:

На гумнѣ-ли у меня
Хлѣба, солоду вдоволь,
Хлѣба, солоду вдоволь,
И хмѣлю яраго подспорь.

Вторый варіантъ напечатанъ въ собраніи пѣсенъ Прача ч. 1, стр. 53, гдѣ каждые два стиха соединены въ одинъ. Въ самомъ текстѣ у него пропущены слѣдующіе стихи:

Сѣни новы, кленовы,
Вы рѣшетчаты мои!
Ужъ какъ знать ли мнѣ, младой,

За новы, дубовы,
За рѣшетчаты мои.

Вмѣсто:
Не велитъ поздно гулять,
Съ холостымъ парнемъ играть.
У него:
Не пускаетъ молоду поздно вечеромъ одну.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 5, мнѣ извѣстны только варіанты, помѣщенные въ собраніяхъ Прача ч. 2, стр. 61, Кашина, ч. 3, стр. 23. Въ за-Московныхъ селеніяхъ поютъ эту пѣсню осенними праздниками, когда встрѣчаютъ Бабье лѣто и Покровъ. Веселый разгулъ сельскихъ женщинъ въ пляскѣ, игривость добрыхъ мужичковъ выражаютъ въ полномъ блескѣ народное веселіе, неимѣющее ничего подобнаго въ народности.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 6, мнѣ извѣстны три варіанта. Первый напечатанъ въ собраніи Кашина, ч. 3, стр. 86. Вторый былъ подслушанъ мною въ Москвѣ, гдѣ замѣчены только немногія измѣненія.

Я со вечера молода
Во пиру пировала,
Во бесѣдушкѣ,
Я со вечера молода
Была не у батюшки,
Была не у матушки,
Я была молода...

Третій варіантъ былъ записанъ со словъ Тульскихъ пѣсельниковъ, гдѣ встрѣчались только измѣненія въ словахъ, и невсегда докончивали пѣсню. Они, по большой части ее прерывали на стихахъ:

Онъ вина не пьетъ,
Съ воды пьянъ живетъ.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 7, мнѣ извѣтенъ одинъ варіантъ, напечатанный въ собраніи пѣсенъ Кашина, ч. 3, стр. 11. Въ Тулѣ эта пѣсня удаляется отъ характера плясовыхъ. Тамъ прежде пѣвали ее оружейники, ходя по городу, не употребляя пляски. Въ селеніяхъ же эта пѣсня сопровождается веселою пляскою.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 8, мнѣ извѣстны два варіанта. Первый изъ нихъ былъ напечатанъ въ собраніи пѣсенъ Кашина, ч. 3, стр. 44; а вторый нѣсколько разъ слыхалъ я по селеніямъ, лежащимъ по Окѣ. Тамъ вечеромъ лодошники, плывя внизъ по Окѣ, поютъ эту пѣсню совершенно отличнымъ голосомъ. Въ селеніяхъ Тульской губерніи мужчины и женщины всегда поютъ эту пѣсню съ пляскою, прибавляя особенный къ концу стихъ:

Моей матушки любовнички!

Для пѣсни, напечатанной подъ № 9, мнѣ извѣстны три варіанта. Первый напечатанъ въ собраніи пѣсенъ Кашина, ч. 3, стр. 51. Вторый нѣсколько разъ слышалъ по селеніямъ Троицкой дороги отъ Москвы. Тамъ, въ селѣ Пушкинѣ, эта пѣсня имѣетъ какое-то народное торжество. Вечеромъ, когда

пригоняютъ съ полей стада, сбираются поселяне и странствующіе пилигримы. Пастухи играютъ въ рожки, поселянки пляшутъ. Добрые Москвитяне нарочно ѣздятъ слушать эту пѣсню въ село Пушкино. Въ селѣ Братовшинѣ, по той же дорогѣ, пляшутъ поселяне подъ эту же пѣсню; но ихъ пляска не имѣетъ такого очарованія, какъ Пушкинская. Третій варіантъ замѣченъ мною въ Тульскихъ селеніяхъ, гдѣ на осеннихъ праздникахъ эта пѣсня имѣетъ особенное преимущество. Впрочемъ, время употребленія этой пѣсни замѣтно тамъ болѣе весною. Въ этомъ варіантѣ есть слѣдующее въ концѣ прибавленіе.

Пастушокъ, ты мой дружокъ!
Сбирай стадо на лужокъ,
Сбирай стадо на лужокъ,
Поиграй ты во рожокъ.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 10, мнѣ извѣстны два варіанта. Первый напечатанъ въ собраніи Кашина, ч. 3, стр. 59. Вторый записанъ со словъ Тульскихъ пѣсельниковъ; но въ немъ встрѣчаются самыя ничтожныя перемѣны, какъ-то:

Вы саду ли, вы городѣ,
Дѣвица гуляла;
Она ростомъ невеличка,
Собой круглоличка.
За дѣвицей ходитъ,
Удалый молодчикъ;
Онъ иноситъ, онъ и носитъ
Дороги подарки...

Другіе измѣняютъ эти стихи еще иначе:

Вы саду ли, вы городѣ
Дѣвица гуляетъ;
Больно невеличка,
Мала, круглоличка.
По улицѣ ходитъ
Удалый молодчикъ;
На дѣвицу смотритъ,
За дѣвицей ходитъ.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 11, мнѣ извѣстны три варіанта. Первый напечатанъ въ собраніи пѣсенъ Кашина ч. 3, стр. 143; вторый въ собраніи Прача, ч. 1, стр. 3, гдѣ стихи размѣщены такъ:

Солнце на закатѣ, время на утратѣ,
Сѣли дѣвки на лужокъ, гдѣ муравка, гдѣ цвѣтокъ,
Гдѣ мы съ вечера рѣзвились, въ хороводѣ веселились,
На пріятной тишинѣ, подъ березкою однѣ.
Только слышенъ голосокъ, раздавался во лѣсокъ:
Гдѣ красавица милая, свѣтикъ, радость, дорогая?

Третій варіантъ записанъ былъ со словъ Московскихъ пѣсельниковъ. Здѣсь разнообразіе является до невѣроятной степени.

Солнце, солнце на закатѣ,
Время, время на утратѣ.
Ой, ой, ой! время на утратѣ!
Ой, ой, ой! время на утратѣ!
Пошли дѣвки на лужокъ,
На муравку и цвѣтокъ
Ой, ой, ой! и цвѣтокъ!
Ой, ой, ой! и цвѣтокъ!

Для пѣсни, напечатанной подъ № 12, мнѣ извѣстны два варіанта. Первый напечатанъ въ собраніи пѣсенъ Прача, ч. 1 стр. 48, гдѣ каждые два стиха соединены въ одинъ. Вторый былъ записанъ со словъ Веневскихъ поселянъ.

Касъ пошли наши подружки,
Какъ пошли наши голубки,
Въ лѣсъ по ягоды гулять,
Цвѣты алые срывать.
Сѣю, вѣю, цвѣты алые срывать!
Какъ пошли наши подружки,
Какъ пошли наши голубки,
По черную черничку,
По красну землянпчку.
Сѣю, вѣю, по красну землянпчку!
Подружки ягодъ не набрали,
Крясну дѣвку потеряли,
Какъ любимую подружку,
Свѣтъ душу Катеринушку.
Сѣю, вѣю, свѣтъ душу Катеринушку!
Не то въ лѣсъ заблудилась,
Не то въ травѣ заплелась,
Не то въ сыры боры отошла,
Не то въ круты горы утекла.
Сѣю, вѣю, въ круты горы утекла!
Какъ бы въ лѣсѣ заблудилась,
То бы лѣсы приклонились;
Какъ бы въ травѣ заплелась,
Трава-бъ шелкомъ повилась.
Сѣю, вѣю, шелкомъ повилась!

Какъ бы въ сыры боры отошла,
Сыры боры разступились;
Какъ бы въ круты горы утекла,
Круты-бъ горы пошатнулись,
Сѣю, вѣю, горы пошатнулись!
Какъ пошли наши подружки,
Какъ пошли наши голубки,
Вдоль по улицѣ тропинькой
Прямо въ лѣсъ гулять.
Сѣю, вѣю, въ лѣсъ гулять!
Во лѣсу нашли по елинки,
Подъ елинкою кровать,
На кровати-то перина,
На перинѣ-то свѣтъ Катерина.
Сѣю, вѣю, свѣтъ Катерина!
Передъ ней стоитъ дѣтина,
Онъ и проситъ Катерину:
Коли любишь, такъ скажи,
А не любишь, откажи!
Сѣю, вѣю, откажи!
Я любить, не люблю,
Отказать не хочу;
Полюблю тогда дружка,
Когда вздумаю замужъ.
Сѣю, вѣю, вздумаю замужъ!

Для пѣсни, напечатанной подъ № 13, мнѣ извѣстенъ одинъ варіантъ, напечатанный въ собраніи пѣсенъ Прача, ч. 1, стр. 37, гдѣ каждые два стиха соединены въ одинъ.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 14, мнѣ извѣстенъ одинъ варіантъ, записанный со словъ Зарайскихъ поселянъ.

Ой, на горѣ, горѣ дубъ,
На горѣ бѣла береза;
Подъ горою, подъ крутою
Рѣчка протекала;
Рѣчка, рѣчка неглубокая,
Водица студеная;
Нельзя, нельзя воды пити,
Нельзя почерпнути.
Ой на горѣ, горѣ дубъ,
На горѣ бѣла береза;
Подъ горою, подъ крутою
Деревня лежитъ;
Какъ у стараго мужа
Жена молодая;
Нельзя, нельзя жену бити,
Нельзя поучити.
Я билъ жену одинъ часъ,
А плакалъ недѣлю,
Сушилъ, крушилъ ясны очи
По четыре ночи.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 15, мнѣ извѣстны два варіанта. Первый былъ напечатанъ въ собраніи пѣсенъ Прача, ч. 1, стр. 44; вторый записанъ со словъ поселянъ Алексинскаго уѣзда. Измѣненія встрѣчаются самыя неважныя: вмѣсто—Во Муромскихъ во лѣсахъ—Во Донскихъ во лѣсахъ—Во Московскихъ во лѣсахъ. Конецъ пѣсни составляютъ такія выраженія, какія у насъ не печатаются.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 16, мнѣ извѣстенъ одинъ варіантъ, напечатанный въ собраніи пѣсенъ Прача, ч. 1, стр. 45. Въ селеніяхъ Тульскаго уѣзда эту пѣсню поютъ всегда на Успеньевъ день.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 17, мнѣ извѣстны два варіанта. Первый былъ напечатанъ въ собраніи пѣсенъ Прача ч. 1, стр. 46; вторый записанъ со словъ поселянъ Одоевскаго уѣзда.

Ай, во садику, саду зеленомъ,
Люблю, люблю садовую, грушу зеленую,
Люблю, люблю дѣвку веселую.
На крутомъ берегу дѣвка стоитъ,
Сама дѣвка рѣчи говоритъ:
Аль я безсчастна, дѣвка безталанна!
Сговорила меня мать, за крестьянина отдать,
Не быть, не бывать, замужъ не отдать,
Нейду, нейду, матушка, нейду осударыня,
Нейду, осударыня, замужъ за крестьянина.

Продолженіе пѣсни одинаково съ помѣщенною въ текстѣ, только конецъ измѣненъ.

Иду, иду матушка, иду осударыня,
Иду, осударыня, замужъ за барина,
Что баринъ за охотой гонять,
А я, млада, по околицѣ гулять.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 18, мнѣ извѣстенъ одинъ варіантъ напечатанный въ собраніи пѣсенъ Прача, ч. 1, стр. 49, гдѣ нѣтъ припѣва. Въ Тульскомъ уѣздѣ я два раза слышалъ, какъ эту пѣсню пѣли на праздникѣ Бабьяго лѣта. Въ пляскѣ участвовали тогда однѣ женщины.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 19, мнѣ извѣстны три варіанта. Первый былъ напечатанъ въ собраніи пѣсенъ Прача, ч. 1, стр. 50. Вторый записанъ со словъ поселянъ Мещерскаго уѣзда.

Какъ жилъ я молодецъ
Во своей деревнѣ,
Живучи, все горевалъ.
Какъ заросла деревня
Зеленымъ лѣсомъ,
Зеленымъ лѣсомъ,
Горькимъ осинничкомъ.
По задворью дѣвица
По воду ходила...

Продолженіе одинаково съ помѣщенною въ текстѣ пѣснею. Третій варіантъ былъ записанъ со словъ поселянъ Бѣлевскаго уѣзда.

Молодецъ, молодецъ,
Жилъ молодецъ
На краю во деревнѣ,
Жилъ, горевалъ,
Веселья не видалъ.
Заросла наша деревня
И горами и долами,
И крутыми берегами.
По деревнѣ дѣвица
Водицу носила —
Коромысло кипарисно,
Ведерцы дубовы,
Обручьи кедровы.
Дѣвица рыдаетъ
Коромысло гнется,
Свѣжа вода льется.
Дѣтинушка бѣлъ кудрявъ
На дѣвицу смотритъ,
Ничего не молвитъ,
Тяжко воздыхаетъ.
Кабы ты, дѣвица,
Смирно ходила,
Другихъ не любила,
Меня не сушила.

Продолженіе этой пѣсни тамъ не извѣстно. Въ пѣснѣ, помѣщенной нами въ текстѣ, очевидно, что вторая половина выражаетъ какую-то двойственность и по смыслу и по содержанію. Дѣйствительно ли соединены двѣ пѣсни въ одной, или конецъ потерялся въ Бѣлевской пѣснѣ, мы не беремся рѣшить до открытія другихъ варіантовъ этой же пѣсни.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 20, мнѣ извѣстно болѣе десяти варіантовъ; но всѣ они имѣютъ неважныя измѣненія; кромѣ того, что конецъ этой пѣсни во многихъ пѣсенникахъ не печатали — Прачъ, Кашинъ и другіе. Народная пляска— сельская, сопровождающая эту пѣсню, имѣетъ всѣ прелести; напротивъ того городская, настроенная заѣзжими фиглярами, представляетъ ужасную каррикатуру, смѣшную до послѣдней возможности. Удивительно, какъ Русскіе стараются перенимать всѣ нелѣпые гримасы отъ фигляровъ! Мы исчисляемъ здѣсь только одни прибавочные стихи:

По улицѣ мостовой,
Шла дѣвица за водой,
Въ шубочкѣ голевой,
И повязка голубая,
Въ косѣ лента золотая.

Красавица подожди.
Бѣлы руки подожми.

Пойдемъ вмѣстѣ за водой,
Веселѣе намъ съ тобой;
Я рука съ рукой пойду,
Въ оранжереи я зайду,
Пару персиковъ сорву,
Тебя, мой другъ, подарю.

Волга рѣченька быстра
Скоро судно пронесла,
Суденышко вдаль, вдаль,
А мнѣ дружка жаль, жаль;
Суденышко во Москву,
А я, млада, во тоску;
Суденышко во бучилу,
А я, млада, во кручину.
Суденышко потонуло,
А я, млада, воздохнула.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 22, мнѣ извѣстенъ одинъ варіантъ, напечатанный въ пѣсенникѣ, извѣстномъ подъ заглавіемъ: «Русскія пѣсни, сочиненныя въ селѣ Спасскомъ.» Тамъ эта пѣсня была напечатана съ сохраненіемъ народнаго правописанія.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 23, мнѣ извѣстенъ одинъ варіантъ, записанный со словъ Тульскихъ пѣсельниковъ:

Досужая дѣвка
Всю ночку не спала,
Сидѣла да пряла.
Пряди, моя пряха,
Пряди, не лѣнися,
Пряжица не рвися.
Я бы рада пряла
Да льну не достало,
Къ тому-жъ лѣнь напала,
Мила друга ждала.
Меня звали въ гости,
Во пиръ во бесѣду
Къ милому сосѣду.
Пріѣхали трои
На вороныхъ коняхъ,
Въ бѣлыхъ балахонахъ,
Шляпы-то съ углами,
Головки съ кудрями.
Какъ мой-то тутъ милый
Бѣлой, кудряватой,
Холостъ, неженатой.
Бывало мой милый,
Бывало хорошій,
Часто въ гости ходитъ,
Гостинчики носитъ:
Прянички, груздочки
На сладкомъ медочку,
Орѣшки калены,
Милымъ подарены,
Съ Москвы привезены.
Зеленая роща
Всю ночь прошумѣла;
Тесова кроватка
Всю ночь проскрипѣла;
А я, молоденька,
Всю ночьку не спала,
Постелюшку стлала,
Мила дружка ждала,
Ждала, поджидала,
Насилу дождалась,
Цѣловать бросалась.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 26 мнѣ извѣстенъ одинъ варіантъ, записанный со словъ поселянъ Касимовскаго уѣзда.

Вотъ на улицѣ шумятъ,
Сарафанъ бабы дѣлятъ;
Ой, вы, сарафанъ бабы дѣлятъ!
Кому клинъ сулятъ, кому станъ,
Кому весь ужъ сарафанъ!
Ой, вы, сарафанъ бабы дѣлятъ!
Ужъ большимъ то господамъ
На попоны лошадямъ;
Ой, вы, сарафанъ бабы дѣлятъ!
Ужъ боярскимъ дочерямъ,
На ширинки женихамъ.
Ой, вы, сарафанъ бабы дѣлятъ!
Выходила молода
На зелены на луга,
Ой, вы, сарафанъ бабы дѣлятъ!
Поразхвасталась она
Передъ всѣми людьми:
Ой, вы, сарафанъ бабы дѣлятъ!
Какъ вечеръ мой милой
Провожалъ меня домой,
Ой, вы, сарафанъ бабы дѣлятъ!
Провожалъ меня домой,
Цѣловалъ, да миловалъ,
Ой, вы, сарафанъ бабы дѣлятъ!
Крѣпко къ сердцу прижималъ,
И подружкой называлъ.
Ой, вы, сарафанъ бабы дѣлятъ!
Ты, подруженька моя,
Вѣрно любишь-ли меня?
Ой, вы, сарафанъ бабы дѣлятъ!
Я дружка давно люблю,
Не могу дружка забыть.
Ой вы, сарафанъ бабы дѣлятъ!

Для пѣсни, напечатанной подъ № 28, мнѣ извѣстенъ одинъ варіантъ, записанный со словъ Крапивенскихъ поселянъ:

Пойду млада по Дунаю,
Погуляю млада по тихому;
Зайду млада во бесѣду,
Зайду млада во смиренну.
Во бесѣдѣ сидитъ старой,
Мой мужъ постылой;
На колѣняхъ держитъ гусли,
Стары гусли, лубяные,
На гуслицахъ струны,
Стары струны, мочальныя.
Старой въ гусли играетъ,
Мое сердце ноетъ, занываетъ,
Мои ноги подломилисъ,
Бѣлы руки опустилисъ,
Ясны очи потупились.
Пойду млада по Дунаю,
Погуляю млада по тихому;
Зайду млада во бесѣду,
Зайду млада во веселую.
Во бесѣдѣ сидитъ молодой,
Мой-то милой, любезной;
На колѣняхъ держитъ гусли,
Новы гусли, звончатые,

На гуслицахъ струны,
Новы струны, золотыя.
Молодой въ гусли играетъ,
Мое сердце шевелитъ,
Скоры ноги разплясались,
Бѣлы руки размахались,
Очи ясны разглядѣлись.

Для пѣсни, напечатанной подъ № 30, мнѣ извѣстенъ одинъ варіантъ, напечатанный въ собраніи пѣсенъ Прача, ч. 2, стр. 50, гдѣ находится особенный припѣвъ.

Ой калина! Ой малина!
Верь, вирь, вьюны, вьюны, вьютъ,
Верь, вирь, вьюшки, вьюшки, вьютъ.
Ой калина! Ой малина!

РУССКІЯ

СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ.

1. Пѣсни сговорныя.

1.

Ты камочка, камочка моя,
Ты камка мѣлкотравчатая!
Не давайся развертываться
Ни по атласу, ни по бархату,
Ни по аксамиту на золотѣ.
Какъ аксамитъ-то волю взялъ,
Хрущату камку развернулъ,
Всѣ узоры высмотрѣлъ,
Всѣ круги позолоченые.
Ты, Машенька Ефимовна,
Не давайся насматриваться
Ни купцамъ, ни чернавцамъ,
Ни тому сыну боярскому.
Какъ боярской сынъ волю взялъ,
Онъ Машеньку за ручку бралъ,
Онъ Ефимовну за бѣлую,
Онъ повелъ за дубовый столъ,
За скатерти браныя,
За яства сахорныя.

2.

Звонко деревцо свирѣльное,
Звончей его во лѣсу нѣтъ;
Умное дитятко, Машенька,
Разумное дитятко, Ефимовна,
Умнѣй ее въ роду нѣтъ,
Краше ее въ теремѣ нѣтъ.
Вставала она ранешенько,
Умывалась бѣлешенько,
Румянилась алешенько,
Сурмилась чернешенько,
Долго Богу молилась.
Будетъ ли мой лютой свекоръ,
Каковъ родной батюшка?
Будетъ ли лютая свекровушка,
Какова родная моя матушка?
Она думала, да и задумалась.
Приходилъ ее суженый Петръ,
Петръ, сударь, Петровичъ,
Онъ дарами дарилъ,
Ласковыя рѣчи говорилъ.

3.

На зарѣ Иванъ, сударь, Петровичъ,
Вставалъ ранешенько,
Умывался бѣлешенько,
Передъ зеркаломъ хрустальнымъ
Чесалъ кудри черныя,
Чесалъ, самъ приговаривалъ:
Завивайтесь кудри,
Завивайтесь черныя!
Ужъ, какъ завтра-ль васъ, кудри,
Ужъ, какъ завтра-ль васъ, черныя,
Не самъ буду завивати,
Станетъ завивати красна дѣвица.
А и матушка родимая
А и слышавши его рѣчи,
Говорила своему сыну милому:
Дитя ли мое, дитятко,
Дитя ли мое, милое!
Не гадай впередъ, не загадывай,
Не угадавши, не отгадывай.
Какова еще рука у дѣвицы?
Какова еще бѣлая у красной?
Либо завьются кудри,
Либо не завьются черныя;
Коли будетъ совѣтъ да любовь,
Кудри сами станутъ завиваться;
Коли будетъ кось да перекось,
Не развивши, станутъ развиваться.
Ужъ, завьются-ли кудри,
Ужъ, завьются-ли черныя
Не отъ бѣлыхъ рукъ суженыхъ,
Не отъ румяныхъ рукъ ряженыхъ,
Не отъ частаго гребешка,
Не отъ частаго костяного;

Завиваются ли кудри,
Завиваются ли черныя
Отъ веселья, отъ радости;
Развиваются ли кудри,
Развиваются ли черныя,
Отъ печали, отъ горести,
Отъ тоски, отъ кручинушки.

4.

Какъ приходилъ батюшка во теремъ,
И онъ будилъ темнешенько,
Будилъ свое дитятко,
Будилъ свое милое:
Ты встань, Машенька,
Ты встань, Ефимовна,
Пойдемъ со мной за столъ.
Право, не слышу батюшка,
Право, мнѣ спать хочется;
Мнѣ дѣлать тамъ нечего;
Тамъ и безъ меня людей много.
Какъ приходила матушка во теремъ,
И она будила темнешенько,
Будила свое дитятко,
Будила свое милое:
Ты встань, Машенька;
Ты встань, Ефимовна,
Пойдемъ со мной за столъ.
Право не слышу матушка,
Право, мнѣ спать хочется;
Мнѣ дѣлать тамъ нечего;
Тамъ и безъ меня людей много.
Какъ приходилъ суженый во теремъ,
Приходилъ во высокъ ряженый,
И онъ будилъ темнешенько,
Будилъ Машеньку,
Будилъ свѣтъ, Ефимовну:
Я къ тебѣ, душа, пріѣхалъ,
Я къ тебѣ гостей привезъ;
Пойдемъ со мной за столъ.
Право, слышу и вижу, сударь,
Право, встану, сударь,
Право, мнѣ спать не хочется;
Иду съ тобой, сударь, за столъ;
Мнѣ тамъ дѣло есть;
Безъ меня и людей тамъ нѣтъ.

5.

На горѣ стоитъ елочка,
Подъ горою свѣтелочка,
Во свѣтелочкѣ Машенька.
Приходилъ къ ней батюшка,
Будилъ ее, побуживалъ:
Ты, Машенька, пойдемъ домой?
Ты, Ефимовна, пойдемъ домой?
Я нейду и не слушаю:
Ночь темна и немѣсячна,
Рѣки быстры, перевозовъ нѣтъ,
Лѣса темны, карауловъ нѣтъ.
На горѣ стоитъ елочка,
Подъ горою свѣтелочка,
Во свѣтелочкѣ Машенька.
Приходила къ ней матушка,
Будила, побуживала:
Машенька, пойдемъ домой?
Ефимовна, пойдемъ домой?
Я нейду и не слушаю:
Ночь темна и не мѣсячна,
Рѣки быстры, перевозовъ нѣтъ,
Лѣса темны, карауловъ нѣтъ.
На горѣ стоитъ елочка,
Подъ горою свѣтелочка,
Во свѣтелочкѣ Машенька.
Приходилъ къ ней Петръ,
Петръ, сударь, Петровичъ,
Будилъ ее, побуживалъ;
Машенька, пойдемъ домой?
Душа Ефимовна, пойдемъ домой?
Я иду, сударь, и слушаю:
Ночь свѣтла и мѣсячна,
Рѣки тихи, перевозы есть,
Лѣса темны, караулы есть.

6.

Какъ во Кремлѣ было во городѣ,
Во палатѣ бѣлокаменной,
На коврѣ на красномъ золотомъ,
Противъ зеркала хрустальнаго,
Какъ Петръ, сударь, чесалъ кудри,
Чесалъ кудри, приговаривалъ,
Какъ Петровичъ чесалъ черныя,
Чесалъ, самъ приговаривалъ:
Прилегайте кудри черныя,
Къ моему лицу бѣлому,
Къ моему-ль лицу румяному.
Привыкай душа Машенька,
Привыкай свѣтъ Ефимовна,
Къ моему уму разуму,
Ко нраву молодецкому,
Къ обычаю княженецкому.
Что Машенькѣ за досаду показалося,
Что Ефимовнѣ за великую показалося;
Привыкать ей не хотѣлося
Ко нраву молодецкому,
Ко обычаю княженецкому.

7.

Вдоль по улицѣ пыль летитъ,
Зять къ тещѣ въ гости ѣдетъ;

Онъ весь въ позументахъ,
Въ большихъ баргаментахъ.
Не узнала теща,
Не узнала голубка,
Чѣмъ зятя дарити.
Подарю я своего зятя,
Подарю я своего свѣта,
Большимъ подаркомъ:
Персидскимъ платочкомъ.
Зять даровъ не принимаетъ,
Спасибо не кажетъ,
Челомъ не ударяетъ.
Вдоль по улицѣ пыль летитъ,
Зять къ тещѣ въ гости ѣдетъ;
Онъ весь въ позументахъ,
Въ большихъ баргаментахъ.
Не узнала теща,
Не узнала голубка,
Чѣмъ зятя дарити.
Подарю я своего зятя,
Подарю я своего свѣта,
Большимъ подаркомъ:
Конемъ воронымъ.
Зять даровъ не принимаетъ,
Спасибо не кажетъ,
Челомъ не ударяетъ.
Вдоль по улицѣ пыль летитъ,
Зять къ тещѣ въ гости ѣдетъ;
Онъ весь въ позументахъ,
Въ большихъ баргаментахъ.
Не узнала теща,
Не узнала голубка,
Чѣмъ зятя дарити.
Подарю я своего зятя,
Подарю я своего свѣта,
Большимъ подаркомъ,
Большимъ, дорогимъ:
Я милою дитятею,
Марьею Ефимовною.
Зять дары то принимаетъ,
Спасибо-то говоритъ,
И челомъ-то ударяетъ.

8.

Снаряжайся душа, Машенька,
Снаряжайся душа, Ефимовна,
Во цвѣтно платье одѣвайся,
Ключевой водой умывайся,
Бѣлыми бѣлилами бѣлися,
Алыми румяными румянься,
Черными сурмилами сурмися,
Предъ зеркальцомъ стоючи,
На свою косу глядючи,
Свою-ль русую расплетаючи.
Какъ пріѣхали, душа Машенька,
Какъ пріѣхали, свѣтъ Ефимовна,
Къ тебѣ князья, бояре всѣ,
Привезли съ собою молодца,
Того-ль сына княженецкаго,
Петра Петровича,
Хорошо снаряженнаго,
Хорошо больно изукрашеннаго.
Тебѣ съ нимъ не часъ часовати,
Ужъ, тебѣ-ль съ нимъ не годовати,
А тебѣ-ль съ нимъ вѣкъ вѣковати,
Красу дѣвичью не вспоминати,
Насъ, красныхъ дѣвушекъ, позабывати.

9.

Свѣтилъ мѣсяцъ изъ облаковъ.
Какъ же ему не свѣтлу быть?
Богъ даровалъ ему красный день!
Веселъ сидитъ, Иванъ, господинъ,
Иванъ, сударь, Петровичъ.
Какъ же ему невеселу быть?
Богъ даровалъ ему суженую,
Тещу ласковую, тестя тароватаго,
Шурина добраго, свояченицу красную,
Новую, почетную роднію.

10.

Что Ефимовъ дворъ — море,
Что Гавриловичевъ дворъ — море,
Что круты берега — его тесаный теремъ,
Что сильны вѣтры — его крѣпки стражи,
А у него на морѣ бѣлая рыбица,
Машенька Ефимовна.
Ловили ловцы,
Купцы молодцы;
Тѣ ловцы неудальцы,
Невода у нихъ не шелковые,
Крючья у нихъ не серебряные.
Что Ефимовъ дворъ — море,
Что Гавриловичевъ дворъ — море,
Что круты берега — его тесаный теремъ,
Что сильны вѣтры — его крѣпки стражи,
А у него на морѣ бѣлая рыбица,
Машенька Ефимовна.
Ловили ловцы,
Бояре молодцы;
Тѣ ловцы всѣ удальцы:
Невода у нихъ шелковые,
Крючья у нихъ серебряные.
Поймали они бѣлую рыбицу,
Поймали Марью Ефимовну,

Поймавши, за столъ сажали
Со Петромъ да Петровичемъ.

11.

Какъ у Ефима на дворѣ
Выростало деревцо кипарисное.
На то ли деревцо соловьямъ былъ слетъ,
Молодымъ былъ слетъ.
Какъ ко Ефиму во теремъ
Былъ боярамъ съѣздъ,
Молодымъ былъ съѣздъ;
Какъ у Ефима-то дитя,
Марья, душа, Ефимовна,
Умное, разумное,
Вѣжливое, привѣтливое.
По утру встанетъ ранешенько,
Умоется бѣлымъ-бѣлешенько,
Одѣнется чистымъ-чистешенько,
Помолится Богу низешенько.
Ужъ, про то ли бояре прослышали,
Ужъ, про то ли провѣдали,
Пріѣхали ко Ефиму во теремъ,
Ко Гавриловичу во высокъ,
Хотятъ ее съ собой взять:
Не близко, не далеко,
Во Божью церковь,
Съ молодымъ княземъ рядомъ поставити,
Со Петромъ Петровичемъ,
Золоты вѣнцы положити.

12.

Ты, Иванъ, сударь, Петровичъ,
Выбирай добра коня,
Осѣдлай въ дорого сѣдло,
Садись въ молодецку стать,
Бери плетку шелковую,
Поѣзжай къ тестеву двору;
Ты дари его бархатомъ,
Ты проси свою суженую,
Свою суженую, свою ряженую,
Машеньку, душу Ивановну.
Тесть бархата не принимаетъ,
И словечка не отвѣчаетъ.
Ты, Иванъ, сударь, Петровичъ,
Выбирай добра коня,
Осѣдлай въ дорого сѣдло,
Садись въ молодецку стать,
Бери плетку шелковую,
Поѣзжай къ тещину двору;
Ты дари ее золотой парчей,
Ты проси свою суженую,
Свою суженую, свою ряженую,
Машеньку, душу Ивановну.
Теща золотой парчи не принимаетъ,
И словечка не отвѣчаетъ.
Ты, Иванъ, сударь, Петровичъ,
Выбирай добра коня,
Осѣдлай въ дорого сѣдло,
Садись въ молодецку стать,
Бери плетку шелковую,
Поѣзжай ко терему высокому,
Къ душѣ красной дѣвицѣ,
Къ Марьѣ Ивановнѣ.
Ты дари ее золотымъ кольцомъ,
Золотымъ кольцомъ съ алмазами,
Золотымъ вѣнцомъ съ яхонтами;
Ты зови ее съ собой.
Машенька беретъ дары,
Ивановна беретъ золотые,
Сама молвитъ словечушко:
Эти дары мнѣ по сердцу,
Эти золоты мнѣ по душѣ;
Хоть не хочется, а съ тобой ѣдется.

13.

Слеталися соколы,
Слеталися ясные,
Во чисто поле, во зеленое,
Ко дубику ко высокому;
Съѣзжалися князья, бояре,
Ко Ефимову двору,
Къ Гавриловичеву ко широкому,
Кликали громкимъ голосомъ:
Ой ты, Ефимъ, господинъ,
Ефимъ, сударь, Гавриловичъ!
Къ тебѣ ли мы пріѣхали
Не гостить, не праздновати,
Не большие пиры подымати,
Не крѣпку думушку думати;
А мы слышали, слышали,
Добры люди намъ сказывали:
У тебя ли во высокомъ терему,
У тебя ли въ изукрашенномъ,
Есть красна дѣвица душа,
Машенька, свѣтъ Ефимовна;
Ужъ, она-ль хороша, пригожа,
Лучше ее въ городѣ нѣтъ,
Умнѣй ее въ роду нѣтъ!
Она-то намъ и надобна,
Для нейто мы и пріѣхали
Съ Петромъ съ господиномъ,
Съ Петромъ Петровичемъ.

14.

У Ивана у Петровича
Новыя сѣни разрѣшетилися,

Новыя крылечки понавѣсилися;
Что изъ тѣхъ ли, изъ новыхъ сѣней
Вылетала пташечка, перепелычка,
Перепелычка, свѣтъ Аннушка,
Златокрылая Ивановна.
Какъ на встрѣчу ей идетъ
Батюшка родимый,
Иванъ Петровичъ,
Идетъ, самъ приговариваетъ:
Ты за чѣмъ рано вонъ вылетаешь?
Вонъ вылетаешь изъ высокаго терема,
Изъ высокаго терема, изъ косящета окошечка?
Отвѣтъ держитъ Анна, свѣтъ Ивановна:
Не сама я вылетаю,
Не своею я охотою;
Выдаетъ меня, сударь, батюшка,
Снаряжаетъ родна матушка,
Къ чужому отцу, къ матери.
Къ чужому роду племени.

15.

Съ ранней утренней зари
Стояли кони на дворѣ.
Никто про тѣхъ коней не знаетъ,
Никто про тѣхъ коней не вѣдаетъ;
Одна знала, спознала Машенька,
Машенька, свѣтъ Ефимовна.
Брала коней за поводы,
Ставила коней во стойла,
Сыпала сахаръ вмѣстѣ овса,
Лила сыту вмѣсто воды,
Отошедши, конямъ кланялась:
Ужъ, вы кушайте, пейте кони мои!
Завтра по утру свезите меня
Далѣ, подалѣ отъ батюшки,
Ближе поближе къ свекру въ домъ.
Съ ранней утренней зари
Стояли кони на дворѣ.
Никто про тѣхъ коней не знаетъ,
Никто про тѣхъ коней не вѣдаетъ;
Одна знала, спознала Машенька,
Машенька, свѣтъ Ефимовна.
Брала коней за поводы,
Ставила коней во стойла,
Сыпала сахаръ вмѣсто овса,
Брала сыту вмѣсто воды,
Отошедши конямъ кланялась:
Ужъ, вы кушайте, пейте кони мои!
Завтра по утру свезите меня,
Далѣ, подалѣ отъ матушки,
Ближе, поближе къ свекрови въ домъ.

16.

Какъ ѣхалъ Иванъ ко тещену двору,
Какъ ѣхалъ Петровичъ ко широкому,
Кланялся тещенькѣ низехонько:
Спрашивалъ тещеньку смирнехонько:
Ты теща моя, теща ласковая!
Ты скажи мнѣ правду всю:
Здорова ли моя суженая?
Прыгаетъ ли моя ряженая?
Да когда-жъ она приѣдетъ ко мнѣ?
Зять ты мой, зятюшка,
Зять ты мой, поклонистой!
Скажу тебѣ правду всю:
Здорова, не здорова она,
Прыгаетъ, не прыгаетъ она,
А приѣдетъ, когда Богъ велитъ.
Какъ ѣхалъ Иванъ къ тещену двору,
Какъ ѣхалъ Петровичъ ко широкому
Кланялся тещенькѣ низехонко,
Спрашивалъ тещеньку тише того:
Ты теща моя, теща ласковая!
Ты скажи мнѣ правду всю:
Спитъ ли, не спитъ ли она?
Коли спитъ, не будите ее,
Коли не спитъ, встрѣтила бы меня.
Зять ты мой, зятюшка,
Зять ты мой, поклонистой!
Скажу тебѣ правду всю:
Не спитъ она, а дремлетъ,
А будить не велѣла себя,
Не спитъ и не встрѣтитъ тебя.
Какъ ѣхалъ Иванъ къ тещену двору,
Какъ ѣхалъ Петровичъ ко широкому,
Кланялся тещенькѣ до земли,
Спрашивалъ тещеньку пошептомъ:
Ты теща моя, теща ласковая!
Ты скажи мнѣ правду всю:
Во пиру-ль моя ряженая?
Не гуляетъ ли въ зеленомъ саду?
Не срываетъ ли алы цвѣты?
Не рветъ ли цвѣты лазоревые?
Ой зять, ты мой зятюшка,
Ой зять, ты мой поклонистой!
Ужъ, какъ ты-ль зять низко кланяешься,
Низко, низехонько, до земли.
Не сказавши правду, скажешься,
Не молвивши, молвишь все:
Твоя суженая, твоя ли ряженая
Гуляетъ во зеленомъ саду,
Рветъ цвѣтики аленькие,
Срываетъ цвѣтики лазоревые,

Плететъ вѣночекъ тебѣ,
Она ждетъ тебя къ себѣ.

17.

Стоитъ на горѣ бѣлъ шатеръ,
Шатеръ бѣлъ, полотнятъ,
Во томъ ли во шатрѣ спалъ, почивалъ
Иванъ, господинъ, Петровичъ.
Его будили молодцы,
Будили, побуживали:
Ты встань, пробудись
Иванъ, сударь, Петровичъ!
Какъ у насъ ли на морѣ,
Какъ у насъ ли на синемъ
Корабль плыветъ,
Корабль съ чистымъ серебромъ.
Ой вы, братцы молодцы,
Вы, товарищи мои!
Этого добра много въ домѣ у меня.
Стоитъ на горѣ бѣлъ шатеръ,
Шатеръ бѣлъ, полотнянъ,
Во томъ ли во шатрѣ спалъ, почивалъ
Иванъ, господинъ, Петровичъ.
Его будили молодцы,
Будили, побуживали:
Ты встань, пробудись
Иванъ, сударь, Петровичъ:
Какъ у насъ ли на морѣ,
Какъ у насъ ли на синемъ
Корабль плыветъ,
Корабль съ краснымъ золотомъ.
Ой вы, братцы молодцы,
Вы, товарищи мои!
Этого добра много въ домѣ у меня.
Стоитъ на горѣ бѣлъ шатеръ,
Шатеръ бѣлъ, полотнянъ,
Во томъ ли во шатрѣ спалъ, почивалъ
Иванъ, господинъ, Петровичъ.
Его будили молодцы,
Будили, побуживали:
Ты встань, пробудись,
Иванъ, сударь, Петровичъ!
Какъ у насъ ли на морѣ,
Какъ у насъ ли на синемъ
Корабль плыветъ,
Корабль съ красной дѣвицей,
Машенькой, душой Ивановной.
Ой вы, братцы молодцы,
Вы, товарищи мои!
Этого добра нѣтъ у меня.
И мы встанемъ-те, пойдемъ-те,
Къ себѣ въ домъ его перейменъ-те.

18.

Свѣтелъ мѣсяцъ родимый батюшка,
Красно солнышко родима матушка!
Не бейте вы полу о полу,
Не хлопайте вы пирогъ о пирогъ,
Не пробивайте вы меня бѣдную,
Не давайте вы меня горькую,
На чужу дальню сторонушку,
Ко чужому отцу, къ чужой матери.
Какъ чужіе-то отецъ съ матерью
Безжалостивы уродилися:
Безъ огня у нихъ сердце разгорается,
Безъ смолы у нихъ гнѣвъ раскипается;
Наспжусь-то я у нихъ, бѣдная,
Ко конецъ стола дубоваго,
Нагляжусь-то я, наплачуся.

19.

Голубушки мои бѣлыя, подруженьки!
Приступитесь ко мнѣ горько бѣдненькой,
Пособитет-ко мнѣ горюшко мыкати,
Не взначай-то ко мнѣ горе привалилося,
Приключилося мнѣ горе немалое:
Запоручилъ-то меня, дѣвицу красную,
Свѣтелъ мѣсяцъ родимый батюшка,
Запоручила-то меня бѣдну горькую,
Красно солнышко родима матушка,
За поруки за крѣпкія,
За замки вѣковѣчныя.

20.

Подит-ка ты сюда, родима тетушка,
Тетушка моя, ты, Анна Васильевна?
Не знаешь, не видаешь моего горя великаго:
Ко мнѣ горе прикачнулося, да немалое,
Какъ продумали меня, бѣдну горькую,
Свѣтелъ мѣсяцъ родимый батюшка,
Красно солнышко родима матушка,
На чужу дальню сторонушку,
Къ чужому-то отцу, къ чужой матери.

21.

Родимый ты, мой батюшка,
Родима ты, моя матушка!
Куда вы меня пробиваете?
Аль я у васъ не работница?
Аль я у васъ не заботница?

22.

Что во свѣтлой во свѣтлицѣ,
Подъ косящетымъ окошечкомъ,
Сидѣла красна дѣвица, душа,
Похвалялась похвальбой своей,
Похвальбой своей великою:

Что не взять, не взять Алексѣю меня,
Что не взять, не взять Васильевичу?
Что ни стомъ рублей, ни тысячей,
Ни помѣстьемъ, большой вотчиной?
Какъ услышалъ Алексѣй, господинъ,
Похвальбу ея великую:
Не хвалися красна дѣвица, душа,
Свѣтъ Евфросинья Васильевна!
Я возьму тебя за себя,
И безъ ста рублей, безъ тысячи,
Безъ помѣстьевъ, большой вотчины;
Я самъ-семъ пріѣду съ боярами,
Я восьмую возьму свашеньку,
И девятую присватью,
Я десятую тебя за себя;
Я возьму тебя за праву руку,
Поведу тебя къ суду Божьему,
Къ суду Божьему, ко злату вѣнцу,
Отъ злата вѣнца, къ себѣ на дворъ.
Еще вотъ тебѣ, батюшка,
Вѣковѣчная ключница!
Еще вотъ тебѣ, матушка,
Вѣковѣчная платьемойница!
Ужъ, какъ мнѣ ли, молодцу,
Вѣковѣчная молода жена!

23.

Какъ у Настиньки матушка,
Недобра была, неласкова,
У Васильевны родная
Недобра, непривѣтлива;
Посылала ее матушка
Во сырой боръ по ягоды:
Выбирай себѣ, дитятко,
Ты изъ ягоды ягоду,
Изъ калины калинушку,
Изъ черной ягоды смородинку.
Какъ у Настиньки матушка
И добра была и ласкова,
У Васильевны родная
И добра и привѣтлива;
Посылала ее матушка
Во высокъ теремъ бояръ смотрѣть:
Выбирай себѣ, дитятко,
Изъ князей себѣ княжича,
Изъ бояръ себѣ боярина,
Изъ ратныхъ ратнаго,
Изъ приказа приказныхъ,
Иль изъ чина посадскаго.
Какъ идетъ ея дитятко,
Скоры ноги подгибаются,
Бѣлы руки опускаются,
Очи ясны помутилися,
Горючи слезы катилися.
Я не выбрала, матушка,
Лучше чину посадскаго.

24.

Ты рѣка-ль моя, рѣченька,
Ты рѣка-ль моя, винная,
Ты по сахару рѣка текла,
По патакѣ разливалася;
У тебя ли, у рѣченьки,
Берега были хрустальные,
А пески были жемчужные;
Какъ на томъ-ли на бережку,
Что стоялъ бѣлотонкой шатеръ,
Ужъ какъ вышла дѣвица изъ терема,
Что пришла ко бѣлу шатру,
Что будила, побуживала
Удалаго, добраго молодца:
И ты встань, пробудись молодецъ,
Пробудись душа, радость моя;
Я не пить къ тебѣ и не ѣсть пришла,
Я пришла позабавиться
Въ политавры во золотыя.
Проиграла красна дѣвица,
Проиграла золотъ перстень.
Не въ досаду ли дѣвица?
Проигрался свѣтъ молодецъ,
Проигралъ золоты часы,
Не въ досаду ли добрый молодецъ,
Не въ досаду ли свѣтъ молодецъ?
Не въ досаду ли мнѣ, дѣвицѣ,
Проиграла я, свѣтъ дѣвица,
Проиграла руку косу?
Не въ досаду ли дѣвица,
Не въ досаду ли красная,
Не въ досаду ли и добрый молодецъ?

25.

Виноградъ, виноградъ разцвѣтаетъ,
А ягоды, а ягоды поспѣваютъ.
Виноградъ — Иванъ, сударь,
Виноградъ — Петровичъ;
А ягоды, а ягоды Маланьюшка,
А ягоды, а ягоды Ивановна.
И имъ люди, и имъ люди дивовалися,
Что въ совѣтѣ, что въ любови сочеталися;
И вы люди, и вы люди не дивуйтеся,
И вы сами, и вы сами хороши уродилися,
Личикомъ, личикомъ бѣлешеньки,
А разумомъ, а разумомъ умнешеньки.

26.

По двору, двору,
По широкому двору,
Ходитъ, тутъ гуляетъ

Сизо-глинистый голубчикъ,
Передъ нимъ гуляетъ,
Сизо-глиниста голубка,
Кличетъ, покликаетъ
Сизо-глинисту голубку:
Полети, лети
Сизо-глиниста голубка;
Я тебя люблю
За полеточку твою.
По сѣнямъ, сѣнямъ,
Да по новымъ по сѣнямъ
Ходитъ, тутъ гуляетъ
Александръ, сударь,
Да Васильевичъ;
Передъ нимъ гуляетъ
Да и Вѣрушка
Да и Петровна.
Кличетъ, покликаетъ
Онъ Вѣрушку,
И Петровну:
Подь сюда, сюда
Ты и Вѣрушка,
Да и Петровна.
Я тебя люблю
За походочку твою,
Да за частенькую.
Пройдешь душа радость,
Ты утѣшишь меня;
Слово, душа, скажешь,
Ты накормишь меня.

27.

От горницы, отъ горницы,
Да и до горницы
Лежатъ брусья, лежатъ брусья,
Неотесанные,
Неоскобленные;
По тѣмъ брусьямъ, по тѣмъ брусьямъ,
Шла Хрисинька,
Шла Михайловна;
Въ рукѣ несла, въ рукѣ несла
Зеленое вино,
Въ другой несла, въ другой несла
Меды ставленые,
Подъ мышкою, подъ мышкою
Бѣлъ крупитчатый калачъ.
За нею идетъ, за нею идетъ
Иванъ, сударь,
Да Ивановичъ.
Ты стой, постой, ты стой, постой
Хрисинька,
Да Михайловна;
Ты дай испить, ты дай испить
Зеленаго вина,
Ты дай запить, ты дай запить
Меду ставленнаго,
Ты дай заѣсть, ты дай заѣсть
Бѣлъ крупитчатый калачъ.
Не для тебя, не для дебя
Я вино курила,
Не для тебя, не для тебя
Я меды ставила,
Не для тебя, не для тебя
Я калачъ пекла,
Калачъ крупитчатый.
Вино курила, вино курила
Для батюшки своего,
Батюшки роднаго;
Меды ставила, меды ставила
Для матушки своей,
Для матушки родимой;
Калачъ пекла, калачъ пекла
Я для братца своего,
Для братца родимаго.
Бѣлъ заюшка, горностаюшка,
Куда идешь,
Не оглянешься?
Или у тебя, или у тебя
Прилука есть гдѣ?
Примана есть гдѣ?
Прилука моя, прилука моя
Зеленые луга,
Примана моя, примана моя
Ключевая вода.
Ты, Хрисинька моя,
Ты, Михайловна моя,
Куда идешь, куда идешь,
Не оглянешься?
Или у тебя, или у тебя
Прилука есть гдѣ?
Примана есть гдѣ?
Прилука моя, прилука моя
Ты Иванъ, сударь,
Примана моя, примана моя
Ты Ивановичъ.

28.

Ты заря-ль моя, зорюшка,
Зорюшка вечерняя,
Ой ляли, ляли, ляли,
Зорюшка вечерняя!
Зорюшка вечерняя,
Солнышко восхожее,
Ой ляли, ляли, ляли,
Солнышко восхожее!
Высоко восходило,
Далеко освѣтило,

Ой ляли, ляли, ляли,
Далеко освѣтило!
Черезъ чистое поле,
Чрезъ синее море,
Ой ляли, ляли, ляли,
Черезъ синее море!
Черезъ быструю рѣку,
Черезъ широкую рѣку,
Ой ляли, ляли, ляли,
Черезъ широкую рѣку!
Какъ на той, на рѣченьки
Да лежала досчечка,
Ой ляли, ляли, ляли,
Да лежала досчечка!
И тонкая, и гибкая,
И досчечка дубовая,
Ой ляли, ляли, ляли,
И досчечка дубовая!
Какъ по той, по досчечки
Никто не хаживалъ,
Ни кого не важивалъ,
Ой ляли, ляли, ляли,
Ни кого не важивалъ!
Перешелъ Михаилъ, сударь,
Перешелъ Гавриловичъ,
Ой ляли, ляли, ляли,
Перешелъ Гавриловичъ;
Перевелъ Анѳисыньку,
Перевелъ Гавриловну,
Ой ляли, ляли, ляли,
Перевелъ Гавриловну!
Переведши, онъ ее
И цѣлуетъ, и милуетъ,
Крѣпко къ сердцу прижимаетъ,
Ой ляли, ляли, ляли,
Крѣпко къ сердцу прижимаетъ!
Крѣпко къ сердцу прижимаетъ,
Надеждою называетъ,
Ой ляли, ляли, ляли,
Анѳисынькою называетъ!
Другъ ты мой, Анѳисынька,
Радость моя, Гавриловна
Ой ляли, ляля, ляли,
Радость моя, Гавриловна!
Ты меня состарѣла,
Безъ ума поставила,
Безъ великаго разума,
Ой ляли, ляли, ляли,
Безъ великаго разума!
Медомъ, брагою поила,
За гостинцами дарила,
Ой ляли, ляли, ляли,
За гостинцами дарила!
Рубашечка полотняна,
Анѳисынька молодая,
Ой ляли, ляли, ляли,
Гавриловна молодая,
Рубашечка подарена,
Анѳисынька сговорена,
Ой ляли, ляли, ляли,
Анѳисынька сговорена!

29.

Ой ни чарочки по столику, гремятъ,
Ни яндовочки погодя говорятъ,
Свѣтъ Сашенька ходитъ по терему,
Ивановна ходитъ по высоку;
Она ходитъ убирается,
Въ цвѣтно платье наряжается,
Убиравшись, въ гости просится:
Ужъ ты, миленькой,
Хорошенькой дружокъ,
Николай Андреевичъ,
Ты пусти меня въ гости побывать
Ко родимому батюшкѣ, ко родимой матушкѣ.
Я давно, сударь, въ гостяхъ не была
Отъ весны, сударь, до осени,
Отъ утра, сударь, до вечера.
Ты, радость умная, разумная моя,
Александра Ивановна,
Въ добрыхъ людяхъ такъ не водится,
Убравши, въ гости не просятся.
Ты сама у меня гостья во дворѣ,
При бесѣдушкѣ хозяюшка въ дому,
При компаньи похвала мнѣ молодцу.
Еще ты у меня пивушка не пьешь,
Зеленаго вина въ ротъ не берешь,
Только кушаешь сладкой медъ,
Сладкой медъ да сладку водочку,
Сладку водочку — анисовую,
Чрезъ сахаръ перегоненную.

30.

Катеринушку въ гости зовутъ,
Ивановну во бесѣдушку.
Алексѣй, сударь, Спиридоновичъ,
Прикажи коляску заложить,
Прикажи, сударь, Англійскую.
Я сей часъ, сударь, въ гости уберусь,
Я сей часъ, сударь, въ гости снаряжусь,
Я заставлю тебя работу работать:
Дѣтей малыхъ въ колыбѣли качать,
Меня младу середи двора встрѣчать,
Среди двора широкаго,
Супротивъ крыльца высокаго.

Что-то на улицѣ стучатъ?
Не моя ли Катеринушка катитъ?
Не моя ли Ивановна катитъ?
Не подъ ней ли колясочка гремитъ?
Не подъ ней ли Англійская гремитъ?

31.

Александра матушка породила,
Гаврилыча, родная, на великъ день,
Въ самую заутреню, во звоны колокольные,
Во звоны колокольные, во пѣнье церковное;
А сама приговаривала: будь мое дитятко
И бѣло и румяно, ко торгу будь счастливо,
По невѣстамъ талантливо!

32.

Нетесанъ теремъ, нетесанъ,
Только хорошо украшенъ,
Разными красками разцвѣченъ.
Не ученъ Лука, не ученъ, Ивановичъ,
Только хорошо снаряженъ;
Снаряжала его матушка,
Отпущала въ гости къ тещенькѣ.
Зеленъ — сосенька, желтый цвѣтъ!
Почто тебя, Лука, дома нѣтъ,
Почто тебя, Ивановичъ, дома нѣтъ?
Ждала я тебя день, ждала другой,
Не бывалъ, писала-бъ письмо, не умѣю,
Послала-бъ посла, не смѣю;
Сама-бъ я пошла, стыжуся,
Роднаго батюшки боюся,
Родной матушки кроюся.
Ты, заря-ль моя, зорюшка,
Ты, душа-ль моя, Прасковьюшка,
Ты, душа-ль моя, Андреевна.
Городомъ прошла зарею,
Ко двору пришла тучею,
Вдарила въ ворота бурею,
Пустила по двору сильный дождь,
Сама поплыла уткою,
На крыльцо взошла павою,
Во новы сѣни лебедемъ,
Во высокъ теремъ соколомъ,
Садилась за столъ съ молодцомъ,
Махнула платкомъ во теремъ.
Вы раздайтеся бояре,
Разступитеся дворяне!
Чѣмъ меня батюшка жалуетъ?
Небольшимъ даромъ — теремомъ.
Чѣмъ меня матушка жалуетъ?
Вѣдь большимъ даромъ — женихомъ,
Вѣковымъ дружкомъ Лукой,
Вѣковымъ дружкомъ Ивановичемъ.

33.

У воротъ трава росла,
У воротъ шелковая,
Кто ту траву топталъ,
Кто ту топталъ шелковую?
Ой ляли, ой ляли,
Топталъ шелковую!
Ай топталъ Николай, сударь,
Ай топталъ Ивановичъ,
Ой ляли, ой ляли,
Топталъ Ивановичъ!
Онъ искалъ перепелокъ,
Молодыхъ коростѣлокъ;
Не нашелъ перепелокъ,
Молодыхъ коростелокъ,
Только нашелъ Алимпіадушку,
Только нашелъ Ивановну,
Ой ляли, ой ляли,
Нашелъ Алимпіадушку!
Коростѣлку на тарѣлку,
Перепелку на блюдичко,
Перепелку на блюдичко,
Алимпіадушку на рученьку,
Ивановну на правую.
Посиди Ивановна
У друга у милаго,
У сердца у ретиваго,
У Николая Ивановича.
Ты лежишь, какъ душечка,
Ты дышешь, какъ кунычка.
Другъ ты мой, Алимпіадушка,
Радость моя Ивановна,
Ты меня состарѣла,
Безъ ума поставила,
Безъ ума, безъ разума,
Безъ великой памяти.

34.

Во саду ли, въ огородѣ, во вишенью,
Ходитъ голубь, ходитъ сизый, со голубушкою,
Что у голубя, что у сизаго золотая голова,
Что у голубушки позолоченная.
Что голубь, что сизый, то Андрей, сударь,
Что голубь, что сизый, то Андреевичъ.
Что голубушка, то Аннушка,
Что голубушка, то Ивановна.
Приходилъ къ нему товарищъ,
Позавидовалъ ему:
Какъ бы этака жена у меня душа была,
Я-бъ не билъ бы, не бранилъ,

Порошку румянъ ей купилъ,
Набѣлись моя надежда,
Нарумянься душа;
Поѣзжай моя Надежда,
Куда надобно тебя.
Кони, кони вороные,
Извощики молодые,
Сани писаные,
Узды низаныя,
Шлеи строченыя, позолоченыя,
Возжи лентовыя, позументныя,
На извощичкахъ перчаточки
Алы серебряныя.
На хорошихъ, на пригожихъ не заглядывайся,
На веселыхъ на бесѣдахъ не засиживайся:
И того будетъ съ тебя, что и я у тебя,
И того будетъ съ меня, что и ты у меня.

35.

Кто у насъ уменъ?
Кто у насъ разуменъ?
Ой ляли, ляли, ляли,
Кто у насъ разуменъ!
Александръ, сударь, уменъ,
Васильевичъ разуменъ,
Ой ляли, ляли, ляли,
Васильевичъ разуменъ!
Онъ хорошо ходитъ,
Манежно ступаетъ,
Ой ляли, ляли, ляли,
Манежно ступаетъ!
Чулокъ не валяетъ,
Ой ляли, ляли, ляли,
Чулокъ не валяетъ!
Во конюшеньку заходитъ,
Ворона коня выводитъ,
Ой ляли, ляли, ляли,
Ворона коня выводитъ!
Ворона коня выводитъ,
Самъ его сѣдлаетъ,
Ой ляли, ляли, ляли,
Самъ его сѣдлаетъ!
На коня-то садится,
Подъ нимъ конь веселится,
Ой ляли, ляли, ляли,
Подъ нимъ конь веселится!
Онъ по лугу ѣдетъ — лугъ зеленѣетъ,
Вода-то лелѣетъ,
Ой ляли, ляли, ляли,
Вода-то лелѣетъ!
Ко двору пріѣзжаетъ,
Сестрица встрѣчаетъ,
Ой ляли, ляли, ляли,
Сестрица встрѣчаетъ!
За ручку принимаетъ,
Рюмку водки наливаетъ,
Ой ляли, ляли, ляли,
Рюмку водки наливаетъ!
Своему братцу подноситъ.
Не пью я хмѣльнаго,
Вина зеленаго,
Ой ляли, ляли, ляли,
Вина зеленаго!

36.

Во горницѣ, во скамьѣ,
На дубовомъ на столѣ,
На шелковомъ на коврѣ,
Люли, люли,
На коврѣ, на коврѣ!
Стоитъ чара золотая,
Ляли, ляли,
Чара золотая!
Полна сытой налита.
Кому чару выпивать?
Выпивать чару Карпу,
Люли, люли,
Трифонычу!
Остаточки Катéньки,
Люли, люли,
Васильевной!
Ты, Катенька, мой дружокъ,
Ты, Васильевна, мой животокъ,
Роди сына сокола,
Люли, люли,
Сына сокола!
А дочерь лебедку,
Люли, люли,
Лебедку!
Учи сына граматѣ,
А дочерь шелкомъ шить;
Учи сына торговать,
А дочерь тонко прясть,
Люли, люла,
Тонко прясть!

37.

Во моемъ во садочку,
Во моемъ во зеленомъ,
Тутъ ходила, гуляла
Молодая боярыня,
Молодая боярыня,
Афросинья Ѳедоровна,
Рвала она цвѣточки,
Плела дѣвушкамъ вѣночки.

Какъ сказала Афросиньи,
Что Поликарпъ ѣдетъ,
Что Трифонычъ домой ѣдетъ;
Она бросила цвѣточки,
Потоптала вѣночки,
Среди двора встрѣчала,
Цѣловала, миловала,
Да всей правды не сказала.
Я скажу тебѣ правду,
Дай на новыхъ на сѣняхъ,
На частыхъ переходахъ;
Я рожу тебѣ сына,
Что бѣлаго сыра.
Я рожу тебѣ дочку
Что бѣлаго снѣжочку;
Тебѣ сынъ перемѣна,
А мнѣ дочь перепутье,
Куда я ни поѣду,
Къ своей дочки заѣду.

38.

Перевью тыно́мъ рѣку,
Я тыномъ тынинкою,
Въ третій рядъ крапивкою.
Загоню лебедя съ лебедкою.
Почему знать лебедя?
Почему знать лебедку?
У лебедя золота голова,
У лебедки серебряная.
Лебедь Козьма, сударь,
Лебедь да Антиповичь,
Лебедка Анисья,
Сударыня Васильевна.
Какъ просилась Анисьюшка
У Козьмѣ на улицу,
А Антипыча на широку.
Другъ ты мой, Анисья,
Радость моя, Васильевна,
Я тогда тевя пушу
Погулять на улицу,
Поиграть на широкую,
Когда родишь девять сыновъ,
Когда родишь десятую дочерь.
Я тогда сама не пойду,
Я тогда не подумаю;
Я тогда сына женю,
Я тогда сноху пущу
Погулять на улицу,
Поиграть на широкую.

39.

Звонко звонятъ во Новѣгородѣ,
Звончей того во каменной Москвѣ.
Звонила звоны Алимпіадушка,
Звонила звоны Гавриловна,
Мимо ѣхалъ тутъ Лука господинъ,
Мимо ѣхалъ тутъ Львовичъ.
Звона ея онъ заслушался,
Красоты ея засмотрѣлся;
Пріѣхалъ домой, сталъ расказывать:
Видѣлъ я, матушка, свою суженую,
Видѣлъ я, сударыня, свою ряженную;
Ростомъ она и тонка и высока,
Лицомъ она и бѣла и румяна,
Бровью она почернѣе меня.

40.

Ай на дубчику два голубчика сидятъ,
Промежъ себя рѣчи говорятъ,
Ай ляли, ляли,
Рѣчи говорятъ!
Промежъ себя рѣчи говорятъ,
Про удалаго молодца, про Александру,
Ай ляли, ляли,
Про Александровича!
Какъ нѣтъ такого молодца,
Что Александра Александровича;
Ай ляли, ляли,
Александровича!
Онъ съ рублика на рубликъ ступалъ,
По пяти рублей на улицу кидалъ,
Десятью вороты запиралъ,
Какъ и сотнею сиротъ обдѣлялъ,
Ой ляли, ляли,
Сиротъ обдѣлялъ!
Вы сироты, помолите обо мнѣ
Объ удаломъ молодцѣ, Александрѣ.

41.

Соловей калинушку щипетъ,
Ой ляли, люли,
Щипетъ!
Калинушку щипетъ,
Соловушку кличетъ,
Ой люли, люли,
Кличетъ!
Петръ по комнатѣ ходитъ,
Ивановичъ по новой гуляетъ,
Онъ Сашеньку свою выкликаетъ,
Онъ крѣпко рученьку прижимаетъ,
Ой люли, люли,
Прижимаетъ!

42.

Конь воду выпивалъ,
Копытами выбивалъ,
Карпа Максимыча
Дома не случилося.
Поѣхалъ Максимовичъ,

Во Казань городъ гулять.
Привезъ дѣвку Казанку,
Казанку, Казанку, Казанку!
Конь воду выпивалъ,
Копытами выбивалъ,
Карпа Максимыча
Дома не случилося.
Поѣхалъ Карпъ, сударь,
Поѣхалъ Максимовичъ,
Во Рязань городъ гулять.
Привезъ дѣвку Рязанку,
Рязанку, Рязанку, Рязанку!
Конь воду выпивалъ,
Копытами выбивалъ,
Карпа Максимовича
Дома не случилося.
Поѣхалъ Карпъ, сударь,
Поѣхалъ Мамсимовичъ,
Во Москву городъ гулять.
Привезъ дѣвку Московку,
Московку, Московку, Московку!
Ты, дѣвка Казанка,
Стели намъ постелюшку;
Ты, дѣвка Рязанка,
Клади возголовьице,
Ты Алимпія да Петровна
Ложись на постѣлюшку;
Ты, дѣвка Московка,
Одѣвай насъ одѣялицемъ.

43.

Какъ у мѣсяца золотые рога,
Какъ у солнышка лучи ясные.
Ай люли, люли,
Лучи ясные!
Лучи ясные, распрекрасные.
Какъ на комъ кудри русые,
Кудри русые, самородные?
Ай люли, люли,
Самородные!
Самородные, ненаемные,
По плечамъ лежатъ,
Словно жаръ горятъ,
Жениться велятъ.
Ой люли, люли,
Жениться велятъ!
На Григорью кудри русые,
На Андреевичу самогодные,
Ай люли, люли,
Ненаемные!
Женись, женись Григорій, сударь,
Ты женись, женись Андреевичъ.
Ты возьми, возьми дочь купеческую;
Она умница и разумница,
Ай люли, люли,
Умница и разумница!
Разумница и тамбурница,
Она шьетъ ковры на добры кони,
Ай люли, люли,
На добры кони!
На добры кони, на Григорьевы,
Ай люли, люли,
Андреевича!

44.

Пантелей, государь, ходитъ по двору,
Кузьмичъ гуляетъ по широкому,
Кунья на немъ шуба до земли,
Соболья на немъ шапка до верху,
Божья на немъ милость до вѣку,
Суженая смотритъ изъ подъ-полога,
Бояре-то смотрятъ изъ города,
Боярыни-то смотрятъ изъ терема;
Бояре-то молвятъ: чей-то такой?
Боярыни молвятъ: чей-то господинъ?
А сужена молвитъ: мой дорогой!

45.

Вѣнули вѣтры да по полю,
Грянули веслы да по морю!
Пролились слезы Катеринины,
Пролились горькія Яковлевны:
Съ кѣмъ-то мнѣ думу думати?
Думу думать со роднымъ батюшкой:
Та мнѣ дума ни вѣрна, ни крѣпка,
Тѣ словеса не понравилися.
Думать думу съ родной матушкой:
Та мнѣ дума ни вѣрна, ни крѣпка,
Тѣ словеса не понравилися.
Думать думу съ Гурымъ княземъ,
Съ Гуромъ князем, Сергѣевичемъ:
Та мнѣ дума и вѣрна и крѣпка,
Тѣ словеса мнѣ понравилися.

46.

Соболемъ Прасковьюшка всѣ лѣса прошла,
Крыла лѣса, крыла лѣса чернымъ бархатомъ,
Въ путь катила, въ путь катила золотымъ кольцомъ,
Прикатила, прикатила ко синю морю,
Всвиснула, взгаркнула громкимъ голосомъ:
Кто у насъ на морѣ перевощикомъ?
Кто бы меня, кто бы меня, дѣвицу,
Кто бы меня перевезъ на ту сторону?
Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся Иванъ, господинъ.
Я тебя, Прасковьюшка, перевезу на ту сторону;

Я за тобою, за тобою корабль пришлю,
Корабль пришлю, судно крѣпкое, колыхливое.
Не присылай за мной судна крѣпкаго, колыхливаго;
Я у батюшки дитя пугливое, тороплвое.
Я за тобою, я за тобою самъ прилечу,
Самъ прилечу, подъ крыломъ унесу.
Мнѣ та сторона, мнѣ та сторона давно мила,
Мнѣ давно мила, судно принесла.

47.

Ай во садику, садику,
Во зеленомъ винограднику,
Что каталися два яблочка,
Два яблочка, два сахорныя,
На серебряномъ блюдичкѣ;
Что первое-то яблочко,
То Николай, сударь, Петровичъ,
А другое-то яблочко,
То Надежда Дмитріевна.
Николай, сударь, вдоль по улицѣ идетъ,
Петровичъ вдоль по широкой идетъ,
Въ правой рукѣ ворона коня ведетъ;
Разыгрался его добрый конь,
Онъ разбилъ седло Черказское,
Перервалъ узду тесменую.
Надежда у воротъ его стоитъ.
Ты, Надежда, переймп моего коня,
Ты, Дмитріевна, коня воронаго.
Захочу я, сударь, перейму коня,
Захочу я, сударь, не перейму коня.
Давно, мой другъ, сердита на тебя,
Что не ходишь, другъ, не жалуешь ко мнѣ,
Ни цѣлуешь, ни милуешь, другъ, меня.
Безъ тебя, мой другъ, постеля холодна,
Одѣялице заиндивѣло, изголовьице потонуло во слезахъ;
Тебя, мой другъ, дожидаючи,
Я надсѣлася рыдаючи.

48.

У насъ нынѣ рано, на зарѣ,
Щекотала ласточка на дворѣ,
Плавала лебедушка по водѣ,
Сидѣла свѣтъ Машенька на камнѣ,
Сидѣла Ивановна на бѣломъ,
На бѣломъ на камушкѣ сидючи,
Свои бѣлы рученьки схватючи,
На крутой на бережекъ глядючи,
По бережку цвѣтики разцвѣли,
По цвѣтикамъ батюшка гуляетъ.
Гуляй, гуляй батюшко не долго,
Снимп меня съ камушка съ бѣлаго,
Скупи меня съ правила драгаго.
У батюшки жалости не много:
Не снялъ меня съ камушка бѣлаго,
Не скупилъ меня съ правила драгаго.
У насъ нынѣ рано, на зарѣ,
Щекотала ласточка на дворѣ,
Плавала лебедушка по водѣ,
Сидѣла свѣтъ Машенька на камнѣ,
Сидѣла Ивановна на бѣломъ,
На бѣломъ на камушки сидючи,
Свои бѣлы рученьки схватючи,
На крутой на бережекъ глядючи,
По бережку цвѣтики разцвѣли,
По цвѣтикамъ Данила гуляетъ.
Гуляй, гуляй Данило не долго,
Снимп меня съ камушка съ бѣлаго,
Скупи меня съ правила съ драгаго.
У Данилѣ жалости много,
У Пантелѣевича жалости много;
Онъ снялъ меня съ камышка бѣлаго,
Онъ скупилъ меня съ правила драгаго.

49.

Кто у насъ холостъ ходитъ?
А кто-жъ у насъ неженатъ?
Антипій, сударь, холостъ ходитъ,
Ивановичъ, сударь, неженатъ.
Пора ему жениться, на добрый конь садиться,
Пора ему ѣхати ко тестеву ко двору,
Ко тестеву ко двору, ко тещену терему,
Къ тещену терему, ко дѣвичей комнатѣ.
Ты, дѣвица, отопри, красавица отопри?
Я рада бы отперла, боюсь батюшки,
Боюсь батюшки, опасаюсь матушки.
Съѣзжаетъ Антипій со широкаго двора,
Со широкаго двора, со высокаго терема.
Тутъ дѣвица отперлась, красавица отперлась.
Антипій, сударь, воротись, Ивановичъ воротись?
Я радъ бы воротился, мой добрый конь не стоитъ,
Мой добрый конь не стоитъ, буйный вѣтеръ шляпу рветъ,
Буйный вѣтеръ шляпу рветъ, красно солнце въ лице сжетъ.

50.

По зарѣ, по зоринькѣ,
Мой милъ гуляетъ,
Ой ляли, ляли,
По зорѣ милъ гуляетъ!
Онъ во скрипочку играетъ,
Во скрипочку во калиновую,

Во другую во малиновую,
Табунъ стада загоняетъ.
Поиграйте дѣвушки,
Поиграйте красныя,
У роднмаго батюшки,
Ой ляли, ляли,
У роднмаго батюшки!
Я была игрива и шутлива,
Я уходомъ уходила,
Цвѣтно платье уносила.
Передайте лодочку
На мою сторонушку,
На моей сторонушкѣ,
Всѣ мои забавушки.
По зарѣ, по зоринькѣ,
Александръ гуляетъ,
Ой ляли, ляли,
Васильевичъ!
Онъ коней пару запрягаетъ,
За вороты выѣзжаетъ,
Его Устиньюшка провожаетъ,
Алексѣевна провожаетъ.

51.

Какъ по сѣнямъ, сѣнюшкамъ,
По новымъ сѣнямъ, рѣшетчатымъ,
Ай ляли, ляли,
По сѣнямъ рѣшетчатымъ!
Тутъ ходила, гуляла,
Молодая бoярыня, Афросинья Никифоровна,
Ай ляли, ляли,
Афросинья Никифоровна!
Она будила, пробуживала
Своего друга милаго,
Ай ляли, ляли,
Своего друга милаго!
Петра Петровича,
Молодаго, пригожаго,
Ай ляли, ляли,
Молодаго, пригожаго!
Ты встань, проснись,
Мой милый другъ,
Ай ляли, лили,
Пробудись душа моя!
Я скажу тебѣ
Диковинку немаленькую;
Ай ляли, ляли,
Немаленькую!
Какъ на нашемъ на широкомъ дворѣ
Не достало ворона коня,
Ай ляли, ляли,
Ворона коня!
Не достало ворона коня,
Какъ засохъ зеленый садъ,
Ай ляли, ляли,
Зеленый садъ!
Что съ яблонькой, съ отросточкой,
Съ отросточкой, съ зеленой вѣточкой,
Ай ляли, ляли,
Съ зеленой вѣточкой!

52.

У насъ было по двору,
У насъ по широкому
Ходилъ, гулялъ молодецъ,
Захаръ Пантелеевичъ,
Ой люли, люшеньки,
Захаръ Пантелеевичъ!
Связалъ онъ буйную голову
Тафтою зеленою,
Ой люли, люшеньки,
Тафтою зеленою!
Тафтою зеленою,
Лентою широкою,
Ой люли, люшеньки,
Лентою широкою!
Увидѣла матушка
Съ высокаго терема
Изъ окошечка изъ краснаго,
Ой люли, люшеньки,
Изъ окошечка изъ краснаго!
Да чье-жъ это дитятко?
Да чье-жъ это милое?
Ой люли, люшеньки,
Да чье-жъ это милое!
Твое, твое дитятко,
Твое, твое милое,
Ой люли, люшеньки,
Твое, твое милое!
Что ходишь не весело?
Что гуляешь не радостно?
Ой люли, люшеньки,
Гуляешь не радостно!
Сударыня матушка,
Жениться мнѣ хочется,
Ой люли, люшеньки,
Жениться мнѣ хочется!
Женись мое дитятко,
Женись мое милое,
Ой люли, люшеньки,
Женись мое милое!
Возьми, возьми дитятко,
Ты возьми купеческую дочь,
Ой люли, люшеньки,
Купеческую дочь!
Съ большими придаными,

Съ коврами со ткаными,
Ой люли, люшеньки,
Съ коврами со ткаными!
Сударыня матушка,
Она мнѣ не нравится,
Ой люли, люшеньки,
Она мнѣ не нравится!
Есть у сосѣда дѣвушка,
Она мнѣ давно понравилась,
Ой люли, люшеньки,
Она мнѣ давно понравилась!
Женись мое дитятко,
Женись на дѣвушкѣ сосѣдушкѣ,
Ой люли, люшеньки,
На дѣвушкѣ сосѣдушкѣ!

53.

Пойду млада по двору,
Взгляну млада по морю:
Какой по морю рай плыветъ,
По синему раюшка плыветъ?
Ахъ, ты, Анна Петровна свѣтъ!
Сойди же ты съ терема высокаго,
Поймай, поймай раюшка дружка.
На что же мнѣ раюшка?
У меня есть ладушка,
Свѣтъ сударь, Иванъ Андреевичъ.

54.

Ахъ, Дунюшка, любушка, Авдотья душа,
Всѣмъ ты мнѣ, Дунюшка, по мысли пришла,
Головушку чешешь и косу плетешь,
Бѣло лице моешь и брови сурмишь,
Себя украшаешь, Петра веселишь.
Брякнуло колечко серебряное,
Вздрогнуло сердечко Авдотьюшкино,
Хватала Авдотьюшка свѣчу со стола,
Встрѣчала Михайловна Петра сокола,
Петра сокола, и Петровича дружка.
Ахъ, Петрушка-батюшка, ты гдѣ погулялъ?
Петровичъ, надежа, ты гдѣ погулялъ?
Вѣдь былъ я у тестя въ гостяхъ;
Дарилъ меня тестюшко стоялымъ конемъ,
Дарила меня тещенька черказскимъ сѣдломъ,
Большая своѣченя шитымъ чепракомъ,
Меньшая своѣченя тесмяной уздой.

55.

Изъ-за лѣсу, лѣсу,
Лѣсика темнаго,
Изъ-за лѣсу конь бѣжитъ,
Подъ конемъ земля дрожитъ,
На конѣ узда гремитъ,
За конемъ стрѣла летитъ,
За стрѣлой молодецъ бѣжитъ.
У воротичекъ Афимьюшка стоитъ.
Афимьюшка! перейми моего коня?
Алексѣевна! перейми моего добра?
Я захочу, сударь, перейму,
А не захочу, не перейму;
Я не твоя еще, сударь,
Я Божья, да батюшкина.
Изъ-за лѣсу, лѣсу,
Лѣсика темнаго,
Изъ-за лѣсу конь бѣжитъ,
Подъ конемъ земля дрожитъ,
На конѣ узда гремитъ,
За конемъ стрѣла летитъ,
За стрѣлою молодецъ бѣжитъ.
У воротичекъ Афимьюшка стоитъ.
Афимьюшка! перейми моего коня?
Алексѣевна! перейми моего добра?
Я захочу, сударь, перейму,
А не захочу, не перейму;
Я не твоя еще, сударь,
Я Божья, да матушкина.
Изъ-за лѣсу, лѣсу,
Лѣсика темнаго,
Изъ-за лѣсу конь бѣжитъ,
Подъ конемъ земля дрожитъ,
На конѣ узда гремитъ,
За конемъ стрѣла летитъ,
За стрѣлою молодецъ бѣжитъ.
У воротичекъ Афимьюшка стоитъ.
Афимьюшка! перейми моего коня?
Алексѣевна! перейми моего добра?
Я теперь, сударь, перейму,
Я теперь Божья, да твоя.

56.

Какъ изъ гнѣздушка пташечка,
Изъ гнѣздушка теплаго,
Изъ вѣточки яблонной
Выпорхала, вылетала
На чисто поле, на зеленое,
Что на тѣ луга муравистые.
Рвала травушку съ корешка,
Бросала травушку на сторонушку;
Рвала, вырывала пташечка,
Вырывала маковъ цвѣтъ,
Вырвавши, имъ любовалася.
Какъ изъ терема, терема,
Изъ терема краснаго, высокаго,
Краснаго, высокаго, свѣтлаго,
Изъ подъ присмотра матушкина
Выходила, выбѣгала,
Выходила красна дѣвица,

Красна дѣвица душа, Авдотьюшка,
Что на тотъ на широкой дворъ,
Выходила душа Авдотьюшка
Во зеленый, кедровый садъ,
Садилась свѣтъ Николаевна
За новый, дубовый столъ,
Смотрѣла всѣхъ пріѣзжихъ гостей,
Всѣхъ пріѣзжихъ, незнакомыхъ:
Выбирала себѣ суженаго.
Ужъ никто-то ей не по сердцу.
Выбирала себѣ Авдотьюшка,
Выбирала свѣтъ Николаевна,
Тебя ли Андрей, господинъ,
Андрей, сударь, Поликарповичъ.
Ужъ выбравши, любовалася,
Любовалася, красовалася:
Ужъ какъ то онъ мнѣ понравился;
Ужъ какъ то онъ мнѣ по сердцу;
Ужъ какъ-то мнѣ ли на него не наглядѣтися;
Ужъ какъ мнѣ ли на него не насмотрѣтися;
Ужъ какъ мнѣ ли съ нимъ не хочется и разстатися.

57.

Закатись ты, солнце красное,
Ты взойди свѣтелъ мѣсяцъ,
Ты свѣти во всю ноченьку,
Ты свѣти во всю темную,
Во весь путь, во всю дороженьку.
Свѣтилъ бы моему суженому,
Моему ли другу милому,
Ивану, сударь, Николаевичу;
Чтобъ съ дороженьки не сбился,
Чтобъ назадъ не воротился,
Чтобъ въ лѣсу не заблудился,
Чтобъ въ рѣкѣ не измочился,
Лихіе бы люди не напали,
Злы собаки не отогнали;
Безъ него-то мнѣ тошнехонько,
Безъ него-то мнѣ грустнехонько.

58.

Настасья Илью съ крыльца провожала,
Петровна Гаврилыча съ краснаго провожала,
А сама наказывала:
Пріѣзжай на дѣвичникъ,
На дѣвичій, сударь, вечеръ,
Привези, сударь, коробью
Дорогую, золотую;
Что во той-ли, во коробьѣ,
Мнѣ написана разлука,
И десять алтынъ тутъ денегъ,
И десять аршинъ лентъ красныхъ,
Голубыхъ атласныхъ,
Пунцовыхъ княжихъ,
Простыхъ дѣвичьихъ,
Камчатой какошникъ,
Тупейна гребенка,
Жемчужный налобничекъ,
Парчевыя чулочки
И серебряныя пряжки.

59.

Ты взойди, взойди солнышко,
Ты взойди, взойди красное,
Ты горючей гори прежняго
У Прасковьюшки во теремѣ,
У Феклистовны въ изукрашенномъ;
У ней-ли будетъ нынѣ пиръ,
Князья всѣ со боярами,
Хорошо всѣ изнаряжены,
Кафтаны на всѣхъ бархатные,
Алы бархатные съ позументами,
Ужъ наряднѣе всѣхъ молодый князь,
Молодый князь Иванъ, господинъ,
Иванъ, господинъ, Васильевичъ.
Ужъ и онъ-ли Еленушка,
Ужъ и онъ-ли душа королевишна,
Молодой князь твой суженый,
Твой суженый, твой ряженый.

60.

Цвѣти моя грушица,
Цвѣти моя зеленая,
Зеленымъ зеленехонько!
Скоро тебя, моя грушица,
Скоро тебя, моя зеленая,
Станетъ поливати Катенька,
Катенька Егоровна,
Изъ своихъ рукъ изъ бѣлыхъ,
Изъ чиста мѣдна ковшичка.
Ужъ, она ли у батюшки
Во саду во зеленомъ
Всему хорошо выучена:
И цвѣтики сажать
И яблонки поливать.
Ужъ, она ли у матушки
Въ теремѣ во высокомъ
Всему хорошо выучена:
И ткать, и прясть,
И золотомъ шить
По атласу, по бархату.
Ужъ, и мнѣ ли, молодцу,
Съ ней любо будетъ жить:
Мнѣ ею ли любоватися,
Мнѣ ею ли красоватися;

Ужъ, и мнѣ ли, молодцу,
Всѣ станутъ завидовати,
Завидовати, перешептывати:
Кабы и намъ такія суженыя,
Кабы и намъ такія ряженыя —
Съ ними бы мы были веселы,
И веселы и радостны.

61.

Не долго цвѣтику во садику цвѣсти,
Не долго вѣночку на стопочкѣ висѣть,
Не долго Марьюшкѣ во дѣвушкахъ сидѣть,
Не долго Ефимовнѣ во красныхъ сидѣть,
Гордись, гордись, батюшка, не отдавай,
Пока тебя, батюшка, зять подаритъ,
Подаритъ тебя, батюшка, зять тремя сукнами,
Тремя сукнами, багрецовыми.
Не долго цвѣтику во садику цвѣсти,
Не долго вѣночку на стопочкѣ висѣть,
Не долго Марьюшкѣ во дѣвушкахъ сидѣть,
Не долго Ефимовнѣ во красныхъ сидѣть.
Гордись, гордись, матушка, не отдавай,
Пока тебя, матушка, зять подаритъ,
Подаритъ тебя, матушка, зять тремя парчами;
Изъ бѣленькой сшей мнѣ, матушка, сарафанъ,
Изъ голубенькой сшей мнѣ, матушка, душегрѣечку,
Изъ аленькой сшей мнѣ, матушка, епанечку.

62.

Матушка Марьюшку учила,
Душу Ефимовну учила:
Не ходи, мое дитятко,
Не ходи, мое милое,
Въ отцовскій садъ по яблоки,
Не лови пестрыхъ бабочекъ,
Не пугай мелкихъ пташечекъ,
Не мѣшай громку соловью.
Ужъ, какъ яблочко-ль сорвешь,
Та-ли яблонька засохнетъ;
Пестру-ль бабочку возмешь,
Та-ли бабочка подохнетъ;
Мелку-ль пташечку испугаешь,
Та-ли пташечка улетитъ;
Соловью ль громку помѣшаешь,
Тотъ ли соловей не засвиститъ.
А лови ты, мое дитятко,
А лови ты, мое милое,
Ясна сокола во чистомъ полѣ,
Во чистомъ полѣ, во зеленомъ.
Ловила душа Марьюшка,
Ловила душа Ефимовна,
Яснаго сокола во чистомъ полѣ,
Во чистомъ полѣ, во зеленомъ,
Сажала его на бѣлу руку,
Приносила его къ родной матушкѣ.
Матушка моя, государыня!
Изловила я яснаго сокола.
Ужъ какъ тотъ-ли соколъ,
Ужъ какъ тотъ-ли ясенъ,
Ты, Петръ, сударь, господинъ,
Ты, Петръ, сударь, Петровичъ.

63.

Подъ горою стоитъ бѣлъ шатеръ,
Во шатрѣ сидитъ княженецкая дочь;
Она думу думаетъ крѣпкую,
Про друга милаго, ненагляднаго;
Про Юрья могучаго, Дмитріевича.
Приходилъ къ ней братецъ.
Ты, сестрица, сестрица моя!
Юрій коня проситъ?
И ты, братецъ, давай, не отказывай,
А про меня ничего не сказывай.
Подъ горою стоитъ бѣлъ шатеръ,
Во шатрѣ сидитъ княженецкая дочь;
Она думу думаетъ крѣпкую,
Про друга милаго, ненагляднаго,
Про Юрья могучаго, Дмитріевича.
Приходилъ къ ней братецъ.
Ты, сестрица, сестрица моя!
Юрій узды проситъ?
И ты, братецъ, давай, не отказывай,
А про меня ничего не сказывай.
Подъ горой стоитъ бѣлъ шатеръ,
Во шатрѣ сидитъ княженецкая дочь;
Она думу думаетъ крѣпкую,
Про друга милаго, ненагляднаго,
Про Юрья могучаго, Дмитріевича.
Приходилъ къ ней братецъ.
Ты, сестрица, сестрица моя!
Юрій тебя проситъ?
И ты, братецъ, давай, не отказывай,
А про меня все сказывай;
Зови гостей на почетный пиръ,
А приданое давно лежитъ,
Давно лежитъ припасеное,
Родимой матушки моей,
Во княжей казнѣ, дворецкой,
Во укладычкахъ, большихъ сундукахъ.

64.

Выводила матушка Марьюшку,
Выводила, государыня, Ефимовну,

Изъ терема изъ краснаго,
Изъ краснаго, изъ высокаго,
Выводила матушка Ефимовну,
Выводила, государыня, Марьюшку,
Во свѣтлую свѣтличку,
Во убогную горничку,
Къ гостямъ, все незнакомымъ,
Къ молодымъ, все нарядымъ;
Сажала матушка Марьюшку,
Сажала, государыня, Ефимовну,
Возлѣ себя на краюшкѣ.
Выбирай мое дитятко,
Выбирай мое милое,
Изъ гостей незнакомыхъ, знакомаго,
Изъ молодыхъ, молодаго, наряднаго;
Ужъ какъ съ тѣмъ-ли тебѣ гостемъ вѣкъ вѣковать,
Вѣкъ вѣковать и меня забывать.
Ужъ какъ выбрала Марьюшка,
Ужъ какъ выбрала Ефимовна
Изъ гостей незнакомыхъ, знакомаго,
Изъ молодыхъ, молодаго, наряднаго,
Петра, сударя, Петровича.
Ужъ, и я ли съ нимъ, матушка,
нимъ вѣкъ вѣковать буду,
бя, матушка, не позабуду.

65.

жъ какъ по морю, морю,
го синю морю Хвалынскому,
Что плыла сѣра утица,
За собой вела селезня,
Молодаго, хохлатаго,
Хохлатаго, мохнатаго.
Ужъ какъ ей утушкѣ завидовали,
Ужъ, и ей сѣрой, завидовали:
Ай да наша утушка!
Ай да наша сѣрая!
Вотъ какого нашла себѣ селезня,
Селезня молодаго, хохлатаго
А и тутъ говоритъ утушка,
А и тутъ говоритъ сѣрая:
Не завидуйте утушки,
Не завидуйте сѣрыя!
И у васъ будутъ селезни,
Селезни еще лучшіе.
Ужъ, какъ по терему, терему
Шла прошла Машенька,
Шла прошла свѣтъ Ефимовна,
За собой вела молодца,
Молодца хорошаго.
Какъ ей дѣвушкѣ завидовали:
Добро тебѣ, Марьюшка,
Добро тебѣ, свѣтъ Ефимовна,
Что нашла себѣ молодца,
Молодца хорошаго!
А и тутъ говорила Машенька,
А и тутъ говорила Ефимовна:
Не завидуйте дѣвушки,
Не завидуйте красныя!
И вамъ будутъ молодцы,
Молодцы еще лучшіе.
Тогда вамъ не позавидую,
И позавидовать не вздумаю,
А порадуюсь радостью,
Поѣду за вами въ поѣзжаныя.

66.

Ходила Машенька,
Гуляла Гавриловна,
Во саду со дѣвицами,
Во зеленомъ съ красными;
Она рвала цвѣточки,
Лазуревые василечки.
Какъ не знаючи, не вѣдаючи,
Приходитъ къ ней матушка,
Беретъ ее за бѣлы руки,
Приводитъ во свѣтличку,
Сажаетъ за дубовый столъ,
Подлѣ ея суженаго,
Подлѣ ея ряженаго,
Ивана да Петровича.
Ты живи, мое дитятко,
Ты живи-ль, мое милое,
Не съ родимою матушкою,
А съ своимъ-ли суженымъ.
Тебѣ мое благословенье!

67.

Стучитъ, гремитъ на улицѣ,
У терема у Гавриловнина,
У высокаго у Маланьюшкина,
Ѣдетъ-то ее суженый,
Ѣдетъ-то ее ряженый,
Пафнутій, сударь, Трифоновичъ,
На добрыхъ коняхъ, на вороныхъ,
Везетъ съ собой атласу и бархату,
Зоветъ съ собой Маланьюшку:
Ты душа-ль моя, красна дѣвица,
Малашенька, свѣтъ Гавриловна,
Поѣзжай ко мнѣ, поѣзжай?
Я привезъ къ тебѣ атласу и бархату,
Дорогой сарафанъ, самоцвѣтный.
Не поѣду, не поѣду господинъ,
Пафнутій, сударь, Трифоновичъ;
Твоего сарафана мнѣ не надобно;
Я у батюшки ни нага, ни боса.

Стучитъ, гремитъ на улицѣ
У терема у Гавриловнина,
У высокаго у Маланьюшкина,
Ѣдетъ-то ее суженый,
Ѣдетъ-то ее ряженый,
Пафнутій, сударь, Трифоновичъ,
На добрыхъ коняхъ, на вороныхъ,
Везетъ съ собой каменьевъ и жемчугу,
Крупное зарукавьице,
Зоветъ съ собой Маланьюшку:
Ты душа моя, красна дѣвица,
Малашенька, свѣтъ Гавриловна,
Поѣзжай ко мнѣ, поѣзжай?
Я привезъ тебѣ каменьевъ и жемчугу,
Крупное зарукавьице.
Не поѣду, не поѣду господинъ,
Пафнутій, сударь, Трифоновичъ,
Твои каменья и жемчуги,
Твое крупно зарукавьицо
Не нужны мнѣ, не надобны;
Я у матушки безъ нихъ пригожа.
Стучитъ, гремитъ на улицѣ,
У терема у Гавриловнина
У высокаго у Маланьюшкина,
Ѣдетъ-то ее суженой,
Ѣдетъ-то ее ряженой,
Пафнутій, сударь, Трифоновичъ,
На добрыхъ коняхъ, на вороныхъ,
Везетъ съ собой золотъ перстень,
Золотъ перстень, золотъ вѣнецъ,
Зоветъ съ собой Маланьюшку:
Ты душа-ль моя, красна дѣвица,
Малашенька, свѣтъ Гавриловна,
Поѣзжай со мной, поѣзжай?
Я привезъ къ тебѣ золотъ перстень,
Золотъ перстень и золотъ вѣнецъ.
Ѣду, ѣду господинъ,
Пафнутій, сударь, Трифоновичъ;
Мнѣ тѣмъ-ли вѣнцомъ вѣнчатися;
Возьму теперь и атласы и бархаты,
Надѣну сарафанъ самоцвѣтный,
Уберусь въ каменья и жемчуги,
И въ крупное зарукавьице.

68.

На рѣчкѣ лебедушка кликала,
На быстрой бѣлая кликала:
Ты лети, лети лебедь мой,
Ты лети, лети бѣлый мой!
Безъ тебя ли мнѣ, лебедушкѣ,
Рѣчка не такъ течетъ,
Въ полѣ трава не зелена.
Въ теремѣ Марьюшка плакала,
Во высокомъ Ефимовна плакала.
Ты иди, иди суженый мой,
Ты иди, иди ряженый мой,
Скорѣй иди Петръ, господинъ,
Петръ, сударь, Петроричъ!
Безъ тебя ли мнѣ, дѣвицѣ,
Темно красное солнышко;
Безъ тебя ли мнѣ, дѣвицѣ,
На ясенъ свѣтелъ мѣсяцъ;
Безъ тебя ли мнѣ, дѣвицѣ,
Теремъ не такъ стоитъ;
Безъ тебя ли мнѣ, дѣвицѣ,
Сахорны яства на умъ не идутъ;
Безъ тебя ли мнѣ, дѣвицѣ,
Сладкаго меду не хочется;
Безъ тебя ли мнѣ, дѣвицѣ,
Денечекъ весь пасмуренъ;
Безъ тебя ли мнѣ, дѣвицѣ,
Не спится темною ночкой.

69.

Во горницѣ, во свѣтличкѣ,
Два голубя сидятъ,
Два сизые за дубовымъ столомъ;
Они сидятъ, любуются,
Во честномъ пиру красуются.
Для нихъ во литавры бьютъ,
Во цымбалы играютъ,
Марьюшку забавляютъ,
Ефимовну утѣшаютъ.
Марьюшку батюшка кличетъ,
Ефимовну, сударь, кличетъ.
Ой вы, дѣвушки, голубушки,
Право не слыхала,
Красныя право не дослышала!
Во горницѣ, во свѣтличкѣ,
Два голубя сидятъ,
Два сизые за дубовымъ столомъ;
Они сидятъ, любуются,
Во честномъ пиру красуются.
Для нихъ во литавры бьютъ,
Во цымбалы играютъ,
Марьюшку забавляютъ,
Ефимовну утѣшаютъ.
Марьюшку матушка кличетъ,
Ефимовну, сударыня, кличетъ.
Ой вы, дѣвушки, голубушки,
Право не слыхала,
Красныя право не дослышала!
Во горницѣ, во свѣтличкѣ,
Два голубя сидятъ,
Два сизые за дубовымъ столомъ:
Они сидятъ, любуются,

Во честномъ пиру красуются.
Для нихъ во литавры бьютъ,
Во цымбалы играютъ,
Марьюшку забавляютъ,
Ефимовну утѣшаютъ.
Марьюшку суженый кличетъ,
Ефимовну ряженый кличетъ,
Петръ, господинъ, Петровичъ.
Ты выдь сюда, Марьюшка,
Ты выдь сюда, Ефимовна!
Ой вы, дѣвушки, голубушки,
Право давно слышу,
Красныя, право давно слышу!

70.

Не ходить было Марьюшкѣ,
Не ходить было Ефимовнѣ
На широкій дворъ гулять,
Въ хороводы играть;
Не смотрѣть было Марьюшкѣ,
Не смотрѣть было Ефимовнѣ
На молодыхъ молодцовъ,
На молодыхъ, изнаряженныхъ.
Приглянулся Марьюшкѣ,
Приглянулся душѣ Ефимовнѣ
Молодой молодецъ,
Молодой, изнаряженной,
Петръ, сударь, Петровичъ.
Не хочетъ съ нимъ и разстатися,
А хочетъ насъ оставити,
Позабывши батюшку и матушку.

71.

Иванъ, сударь, по двору гуляетъ,
Съ батюшкой добра коня выбираетъ,
Съ матушкой его всѣмъ снаряжаетъ,
Ко тещену двору подъѣзжаетъ.
Ты теща, теща моя ласковая!
Ты пусти меня къ себѣ на дворъ,
Ты пусти меня къ моей суженой?
Я ли сарафанъ ей привезъ,
Сарафанъ самоцвѣтный.
Ей сарафанъ не надобенъ,
А надобно другое что;
У ней сарафанъ дома есть.
Иванъ, сударь, по двору гуляетъ,
Со батюшкой добра коня выбираетъ,
Со матушкой его всѣмъ снаряжаетъ,
Ко тещену двору подъѣзжаетъ.
Ты теща, теща моя ласковая!
Ты пусти меня къ себѣ на дворъ,
Ты пусти меня къ моей суженой?
Я ли жемчугъ ей привезъ,
Жемчугъ со алмазами,
Со алмазами и со яхонтами.
Ей жемчугъ и со алмазами
И со яхонтами не надобны,
А надобно другое что;
У ней-ли то и дома есть.
Иванъ, сударь, по двору гуляетъ,
Со батюшкой добра коня выбираетъ,
Со матушкой всѣмъ его снаряжаетъ,
Ко тещену двору подъѣзжаетъ.
Ты теща, теща моя ласковая:
Ты пусти меня къ себѣ на дворъ,
Ты пусти меня къ моей суженой?
Я ли золотъ перстень привезъ,
Золотъ перстень со алмазами,
Со алмазами и со яхонтами.
Изволь къ своей суженой,
Изволь, сударь, въѣзжать;
Ей золотъ перстень надобенъ,
Ей надобенъ и со алмазами,
Со алмазами и со яхонтами,
Ей тѣмъ перстнемъ обручатися.

72.

Палагея, матушка,
Васильевна, государыня,
Николаюшкѣ сынку говаривала,
Ивановичу милому наказывала:
Ты спи, мое дитятко,
Ты спи, мое милое,
Ты спи, не засыпайся,
Поранѣе просыпайся,
Во соборныя заутрени,
Въ громкій ранній благовѣстъ,
Поскорешеньку одѣвайся,
Бѣлешенько умывайся,
Частымъ гребешкомъ чешися,
Прилежно Богу молися,
Да дастъ Онъ тебѣ суженую!
Чтобы твоя суженая-ряженая
Была хороша, пригожа,
Была бы умна, да вѣжлива,
Къ добрымъ людямъ привѣтлива,
Свекру-батюшкѣ покорлива,
Свекровѣ-матушкѣ послушлива,
Деверьюшкамъ услужлива,
Золовушкамъ досужлива,
Тебѣ, милому другу, любовная!

73.

Какъ сказали Иванъ грозенъ,
Онъ грозенъ, сударь, не милостивъ,
Онъ ѣхалъ мимо тестева двора,
Пріѣхалъ ко широкимъ воротамъ,
Ударилъ копьемъ въ ворота.

Дома ли тесть или теща?
Или шуринъ, ясенъ соколъ?
Или бѣла лебедь, свояченица?
Или душенька, Машенька,
Машенька, свѣтъ, Ивановна?
Если спитъ, не будите ее,
А не спитъ, встрѣтила бы меня.
Марьюшка по сѣнямъ шла,
Въ рукахъ золоты ключи несла,
Она красныхъ дѣвушекъ побуживала:
Вы вставайте, красны дѣвушки, души,
Вы берите золоты мои ключи,
Отпирайте кованы сундуки,
Вынимайте багрецоваго сукна,
Кройте Ивану новъ кафтанъ,
Ни дологъ, ни коротокъ,
Ни узокъ, ни широкъ,
Во подолѣ раструбистой,
Къ ретиву сердцу прижимистой.
Ай спасибо, Машенька,
На твоемъ хорошемъ кафтанѣ!
Мнѣ ни дологъ, ни коротокъ,
Мнѣ ни узокъ, ни широкъ,
Во подолѣ раструбистой,
Къ ретиву сердцу прижимистой.
Ужъ, мнѣ не льзя на добра коня вскочить,
Ужъ, мнѣ не льзя въ стремя ногу положить.

74.

Собирается Иванъ, господинъ,
Иванъ, сударь, Петровичъ,
Ко тестю въ домъ ѣхати,
Ко тещѣ во теремъ идти,
Садится на ворона коня,
Беретъ съ собой дорогіе дары,
Дорогіе дары, что Московскіе,
На правую руку сажаетъ сокола.
Пріѣзжаетъ на широкой дворъ,
Сходитъ съ ворона коня,
Входитъ во свѣтлую свѣтличку.
Государь, ты тесть, батюшка!
Прими отъ меня багрецовое сукно.
Государыня теща, матушка!
Прими отъ меня золоту парчу.
Ты ли, шуринъ дорогой!
Прими отъ меня ясна сокола.
И ты, тесть батюшка,
И ты, теща матушка,
Покажите мнѣ мою суженую,
Покажите мнѣ мою ряженую,
Отпустите со мной ее;
Ты ли, шуринъ дорогой,
Проводи ее ко мнѣ;
Мнѣ ясенъ соколъ не надобенъ,
Мнѣ надобнѣй его Марьюшка,
Мнѣ надобнѣй его душа Ивановна,
Она у меня ясенъ соколъ.

75.

Около шатра бѣлаго, полотнянаго,
Машенька садила цвѣточки,
Ивановна разсаживала алые;
Въ томъ шатрѣ спалъ, почивалъ,
Спалъ, господинъ, Иванъ,
Иванъ, сударь, Петровичъ;
Онъ кличетъ, покликаетъ:
Машенька подь ко мнѣ въ шатеръ,
Сердце мое, Ивановна?
Я не иду, сударь, не слушаю.
Я слышала, люди сказывали,
Люди сказывали: у тебя отецъ гордь.
Душенька, Машенька,
Будь сама добра!
Держи голову поклонную,
А сердце покорное.
Я не иду, сударь, не слушаю.
Люди сказывали: у тебя мать гордая.
Душенька, Машенька,
Будь сама добра!
Держи голову поклонную,
А сердце покорное.
Я не иду, сударь, не слушаю.
Я еще слышала, люди сказывали,
Добрые говорили: у тебя братья лихи,
Братья лихи, сестры злы.
Душенька, Машенька,
Будь сама добра!
Будь ласкова, привѣтлива,
Во всемъ догадлива, да смѣтлива,
Въ чужихъ словахъ незамѣтлива,
А въ своихъ проста, да умѣтлива.

76.

Воротися соколъ, воротися,
Воротися ясенъ, воротися.
Что-жъ ты, за соколъ,
Летишь ты безъ голубки,
Безъ голубки безъ сизой?
Воротися женихъ, воротися,
Воротися молодой, воротися.
Что-жъ ты, за женихъ,
Идешь ты безъ невѣсты?
Еще ты позабылъ шляпу на стопкѣ,
Еще позабылъ ты голицы на полицѣ.

77.

Чарочка медяная
Гостей упоила,

Съ честью, съ любовью
Гостей со двора проводила.
Душенька, Машенька,
Кованая твоя косынька!
Хотятъ косу расплетати,
Свекровъ конь подковати;
Свекровъ конь не рѣзовъ,
Машеньку не везетъ,
Ко суду Божьему,
Ко златому вѣнцу.
Чарочка медяная
Гостей упоила,
Съ честью, съ любовью
Гостей со двора проводила.
Душенька, Машенька,
Кованая твоя косынька!
Хотятъ косу расковати,
Ивановъ конь подковати;
Ивановъ конь рѣзовъ,
Машеньку везетъ,
Ко Божьему суду,
Ко златому вѣнцу.

78.

Жить тебѣ добромъ, красна дѣвица,
Машенька, душа, Ефимовна!
Упоила добра молодца,
До коня провожаючи,
А сама спрашиваючи:
Ты когда, сударь, ко мнѣ будешь?
Ты когда по меня пришлешь?
Ты когда, сударь, къ себѣ возьмешь,
Къ своему-ль отцу, къ матери?
Ужъ, какъ вымолвилъ Петръ, господинъ,
Петръ, сударь, Петровичъ:
Я въ субботу къ тебѣ буду,
Въ Воскресенье по тебя пришлю,
Я тебя, мой свѣтъ, къ себѣ возьму.

79.

Неправдива малина!
Сказывала: будто цвѣсти не будешь,
Зеленаго листика не пустишь,
Алаго цвѣтика не выцвѣтишь.
Какъ пришла та пора,
Малинушка разцвѣла,
Зеленые листики пустила,
Алые цвѣтики разцвѣтила.
Неправдива Машенька,
Неправдива Ивановна!
Сказывала она: замужъ не пойду;
Сказывала она: не подумаю;
Сказывала она: Ивана не люблю,
Ивана Петровича.
Какъ пришла та пора,
Машенька замужъ пошла.
Ты на что, душа, прельстилася?
Молодца-ль себѣ добилася?
На его-ль лице бѣлое?
На его-ль лице румяное?
На его-ль брови черныя?
На орѣшки-ль, на прянички-ль?
На изюмъ ли, сладки-ль ягодки?

80.

На дворѣ дождичекъ накрапываетъ,
У Ивана, сударя, Петровича,
Золотъ перстень съ руки спадываетъ,
Женихъ невѣсту спрашиваетъ:
Суженая, скажи правду всю,
Кто тебѣ изъ роду милъ?
Мнѣ милъ, милешенекъ,
Батюшка родимой.
Невѣста моя, неправда твоя!
На дворѣ дождичекъ накрапываетъ,
У Ивана, сударя, Петровича,
Золотъ перстень съ руки спадываетъ,
Женихъ невѣсту спрашиваетъ:
Суженая, скажи правду всю,
Кто тебѣ изъ роду милъ?
Мнѣ мила, милешенька,
Матушка родимая.
Невѣста моя, неправда твоя!
На дворѣ дождичекъ накрапываетъ,
У Ивана, сударя, Петровича,
Золотъ перстень съ руки спадываетъ,
Женихъ невѣсту спрашиваетъ:
Суженая, скажи правду всю,
Кто тебѣ изъ роду милъ?
Мнѣ милъ, милешенекъ,
Ты, господинъ.
Невѣста моя, то правда твоя!

81.

Какъ на морѣ, на синемъ,
На крутомъ бѣломъ камешкѣ,
Красна дѣвица дары мыла
Тонки, полотняные,
Дорогіе, всѣ тафтяные;
Мимо ѣхалъ ее суженой.
Богъ на помочь, красна дѣвица!
Пристоялися скоры ноги
Отъ камня отъ бѣлаго,
Примахалися бѣлы руки,
Приломалися золоты кольцы.
Отвѣтъ держитъ красна дѣвица,
Душа Машенька,
Ефимовна свѣтъ:

Хоть жалѣй, сударь, не жалѣй,
Я еще, сударь, не твоя,
Божья, сударь, да батюшкина!
Какъ на морѣ, на синемъ,
На крутомъ бѣломъ камешкѣ,
Красна дѣвица дары мыла
Тонки, полотняные,
Дорогіе, всѣ тафтяные;
Мимо ѣхалъ ее суженой,
Богъ на помочь, красна дѣвица!
Пристоялися скоры ноги
Отъ камня отъ бѣлаго,
Примахалися скоры ноги
Приломалися золоты кольцы.
Отвѣтъ держитъ красна дѣвица,
Душа Машенька,
Ефимовна свѣтъ:
Хоть жалѣй, сударь, не жалѣй,
Я еще, сударь, не твоя;
Божья, сударь, да матушкина!
Какъ на морѣ, на синемъ,
На крутомъ бѣломъ камешкѣ,
Красна дѣвица дары мыла
Тонки, полотняные,
Дорогіе, всѣ тафтяные;
Мимо ѣхалъ ее суженой.
Богъ на помочь, красна дѣвица!
Пристоялися скоры ноги
Отъ камня отъ бѣлаго,
Примахалися бѣлы руки,
Приломалися золоты кольцы.
Отвѣтъ держитъ красна дѣвица,
Душа Машенька,
Ефимовна свѣтъ:
Хоть жалѣй, сударь, не жалѣй,
Я Божья, сударь, да теперь твоя!

82.

Чрезъ рѣченьку черемуха лежала,
Да никто по черемухѣ не ходитъ,
Лишь одинъ Иванъ переходитъ,
Свѣтъ Ѳедоровичъ переходитъ,
Душу Дарьюшку переводитъ,
Свѣтъ Николаевну переводитъ,
Переводитъ онъ ее, цѣлуетъ
Чрезъ низаное ожерелье,
Чрезъ пуговки золотыя.

83.

Кормилецъ мой, батюшка,
Кинулся ты, мой батюшка,
На злато, на серебро!
Кормилица моя, матушка,
На цвѣтно платье!
Запоручили вы меня, горькую,
За поруки за крѣпкія,
Молодехоньку,
Зеленехоньку.
Ахъ, кормилецъ мой, батюшка!
Ахъ, кормилица моя, матушка!
Не примайте вы, винной чарочки;
Не посолъ вашъ, винная чарочка,
Не посолъ, не перемѣнушка;
Своего посла вы избываете,
Посла вольнаго,
Слугу вѣрнаго,
Безотвѣтнаго.

84.

Прилетѣли вольны пташечки
Изъ-за моря, моря синяго;
Перепархиваютъ пташечки
По чисту полю, по кустикамъ,
Все любуются по парочкѣ.
Только добрый молодецъ,
Иванъ Петровичъ,
Въ свѣтѣ бѣломъ сиротинушка;
Онъ тоскуетъ, какъ горька кокушечка,
Горючьми слезами заливается,
Безпріютная головушка;
Никто къ дѣтинушкѣ бѣдному,
Никто въ свѣтѣ не пришатнется,
Словомъ ласковымъ, привѣтливымъ,
Сиротинушку не радуетъ,
Онъ пройдетъ ли въ поле чистое,
Чтобъ размыкать тамъ кручинушку,
Свое горе и тоску печаль;
Тоски, горе безотвязныя.
Онъ пойдетъ ли во темны лѣса,
Не скрываетъ тамъ кручинушки,
Изнываетъ все сердечушко
Отъ печали въ добромъ молодцѣ,
Вянетъ, сохнетъ въ одиночествѣ,
Будто травка среди поля дикаго.
Не милъ молодцу и Божій свѣтъ.
Одна Марья Ефимовна сжалилась
Надъ бѣдняжкой, сиротинушкой;
Приласкала, приголубила
Безпріютную головушку;
Полюбила красна дѣвушка
Ивана Петровича, дѣтинушку,
Пріодѣла фатой шелковою,
Назвала его дружкомъ миленькимъ.
Прошла печаль-кручинушка,
Веселъ сталъ дѣтинушка!

85.

Черна ягода смородина

Прилегла къ круту бережку;
Прилегали кудри русыя
Къ лицу бѣлому, румяному;
Приглядывали красны дѣвицы
За румянымъ молодцомъ.
Русы кудри по плечамъ лежатъ
На Ивану, да Ивановичу;
Брови черны, что у соболя,
Очи ясны, что у сокола.
Слышешь ли, Иванъ Ивановичъ?
Мы тебѣ пѣсню поемъ,
По имени называемъ,
По отчеству величаемъ;
Станешь дарить,
Станемъ хвалить;
Не станешь дарить,
Станемъ корить.

86.

Ужъ, ты, свашенька умная,
Ужъ, ты, хорошая боярыня,
Въ большо мѣсто посаженая,
Авдотья Ивановна!
Слышала ли, свашенька?
Мы тебѣ пѣсню поемъ,
По имени называемъ,
По отчеству величаемъ.
Станешь дарить,
Станемъ хвалить;
Не станешь дарить,
Станемъ корить.

87.

Ужъ, ты, сватушка родимый,
Ужъ, ты, умная головушка,
Ты окладиста бородушка,
Александръ Петровичъ!
Ты охочь по пирамъ ходить,
Пѣсни слушати;
Ты досужъ по свадебкамъ гулять,
Дѣвушекъ сманивати;
Ты охочь ли дѣвушекъ дарить?
Не дари рублемъ, не полтиною,
Ты дари золотою гривною.
Слышешь ли, сватушка,
Александръ Петровичъ?
Мы тебѣ пѣсню поемъ,
По имени называемъ,
По отчеству величаемъ;
Станешь дарить,
Станемъ хвалить;
Не станешь дарить,
Станемъ корить.

88.

Какъ на Иванушкѣ кудри русыя
По плечамъ лежатъ;
Какъ на эти кудри дивоватися
Съѣзжалися купцы и бояре;
Ужъ, они-ль дивовалися,
Ужъ, они-ль у людей спрашивали:
Чье это дитятко!
Чье это милое?
Оно нѣжное и манежное,
Оно чистое и рѣчистое,
Оно ясное и прекрасное,
Сидитъ ли, красуется,
Во пиру ли величается.
Это дитятко матушкино,
Натальи, свѣтъ, Ивановны;
Это дитятко батюшкино,
Ивана, свѣтъ, Ивановича.

89.

Ты, Иванъ, сударь,
Ты, Иванъ Ивановичъ,
Какъ породила тебя матушка
Въ Воскресенье, на великъ день,
Во самую заутреню,
Пеленала тебя матушка
Во пеленочки камчатныя,
Положила тебя матушка
Въ колыбельку багрецовую,
Раскачала тебя матушка
Отъ востока до запада,
А сама приговаривала:
Баю, баю, мое дитятко!
Баю, баю, мое милое!
Ты, Иванъ, сударь,
Ты, Иванъ Ивановичъ.

90.

Александрушка, господинъ,
Ивановичъ бояринъ,
Рубилъ яблонь подъ корень,
Тесалъ доски тонкія,
Дѣлалъ гусли звонкія.
Кому эти гусельцы?
Кому эти звончаты?
Аннушкѣ гусельцы,
Ивановнѣ звончаты.
Ей ли во гусли не съиграть?
Ее ли молодости не свесть?
Нѣтъ не свесть, не свесть!

91.

Ужъ, ты лебедь,
Ужъ, ты сизый,
Ты скажи: гдѣ былъ?

Былъ я, лебедь,
На синемъ морѣ,
Жилъ я, лебедь,
Во красномъ терему.
Ужъ, ты лебедушка,
Ужъ, ты сизая,
Ты скажи: гдѣ была?
Была я, лебедка,
На синемъ морѣ,
Жила я, лебедка,
Во высокомъ терему.
А что же таково случилось,
А что же таково приключилось,
Какъ живутъ-то ныньче
Лебедь съ лебедкой вмѣстѣ,
Какъ и клюютъ-то ныньче
Одну зеленую травушку,
Какъ и пьютъ-то ныньче
Одну чистую водицу?
Ужъ, ты, Иванъ, сударь,
Ужъ, ты, Ивановичь,
Гдѣ ты былъ, побывалъ?
А былъ ли я, добры люди,
А жилъ ли я, добры люди,
Во матушкѣ каменной Москвѣ.
А гдѣ росла Марьюшка?
А гдѣ повыросла Ивановна?
Она ли росла у батюшки,
Она ли повыросла у матушки,
Во томъ во высокомъ терему.
И вы, люди, веселитеся,
И вы, люди, порадуйтеся,
Какъ ныньче Иванъ съ Марьею
За однимъ столомъ сидятъ;
Какъ ныньче Иванъ съ Марьею
Все одни яства ѣдятъ;
Какъ нынче Иванъ съ Марьею
Все одни рѣчи говорятъ.

92.

Какъ не яхонтъ по горницѣ катился
Какъ не жемчужина за яхонтомъ увивалася,
А Иванъ, сударь, на сговоръ снаряжался,
А Ивановичъ на сговоръ убирался;
Хорошо его матушка родная убирала,
Гребешкомъ кудри русыя чесала,
Жестоко ему матушка наказывала,
Жестоко ему родимая приказывала:
Ужъ, какъ будешь ли Иванъ на сговорѣ,
Ужъ, какъ будешь ли Ивановичъ на сговорѣ,
Ужъ, какъ будутъ ли тебя дѣвицы величати,
Ужъ, какъ будутъ ли тебя по имени называти,
Ужъ, какъ станутъ ли тебя отчествомъ возвышати,
И ты дари, сударь, дѣвицъ не скупися,
И ты дари, сударь, золотою гривною,
И ты дари, сударь, гривною Московскою.

93.

Не бушуйте вы, вѣтры буйные,
Не раскачевайте вы звонкіе колокола,
Не пускайте вы звону по родной землѣ,
Не будите вы молоду жену
У Николая свѣтъ Алексѣевича,
Не будите вы Марью Андріяновну!
Какъ вечеръ ли она у матушки была,
Къ бѣлу свѣту она сына породила,
Что сына-та Николая Николаевича.
Во тѣ поры Николая дома не случилося,
Во тѣ поры его Государь-Царь жаловалъ:
Тремя городами, тремя стольными.
Какъ во-первомъ городу вино курятъ,
Какъ во-второмъ городу пиво варятъ,
Какъ во-третьемъ городу его сына крестятъ.

94.

Леталъ соловьюшка
По зеленому по кустарничку,
По частому, по березничку,
Залеталъ соловьюшка
Во зеленой садъ не знаючи,
Садился соловьюшка
На вѣточку не вѣдаючи.
Ужъ, та-ль вѣточка приманчивая,
Ужъ, та-ль заленая прилюбчивая,
Соловью показалася,
Громкому понравилася,
Не хочетъ съ ней и разстатися.
Гулялъ, Петръ, господинъ,
Петръ, сударь, Петровичъ
По чистому полю, по зеленому,
По зеленому, по широкому;
Загулялъ, господинъ, Петръ,
Петръ, сударь, Петровичъ,
Къ Ефиму въ домъ не знаючи,
Къ Гавриловичу не прошучи;
Смотрѣлъ на дѣвицу красную,
Машеньку, душу Ефимовну.
Ужъ, она-ль, Машенька,
Ужъ, она-ль, свѣтъ Ефимовна,
Хороша-пригожа уродилася,
Ему собой приглянулася,
Не можетъ съ ней разстатися,
А хочетъ съ ней обвѣнчатися.

95.

Бѣла-каменна палата грановита!
Не дубовые столы застучали,
Бѣлы скатерти камчатны зашумѣли,
Что серебряны приборы загремѣли,
Идутъ мамки, идутъ няньки со свѣчами,
А бабушка идетъ со здоровьемъ,
Проздравляютъ Василья со дитею, со малою:
Какъ жена тебѣ сына спородила,
Государю Царю служиваго,
А тебѣ, сударь, перемѣна.
Бѣла-каменна палата грановита!
Не дубовые столы застучали,
Бѣлы скатерти камчатны зашумѣли,
Что серебряны приборы загремѣли,
Идутъ мамки, идутъ няньки со свѣчами,
А бабушка идетъ со здоровьемъ,
Проздравляютъ Василья со дитею, со малою:
Какъ жена тебѣ дочку спородила,
Государынѣ-Царицѣ золотошвѣйку,
А тебѣ, сударь, перепутье.

96.

Чарочка медвяная,
Во пиру ходила,
Рюмочка походя говорила,
Ни кто за чару не примется,
Принялся за чару Василій господинъ,
Подносилъ чару Θедосьѣ душѣ.
Ты прими, ты прими чару, Θедосья душа?
Отойди прочь, отойди прочь Василій господинъ,
Отойди прочь Федуловичъ.
Мнѣ-ль, молодой, худо можется,
Худо можется, мало спалося,
Мало спалося,
Много видѣлося:
Будто у насъ середи двора,
Середи двора выростала трава шелковая,
На той на травѣ расцвѣли цвѣты,
Всѣ лазоревые,
По тѣмъ по цвѣтамъ
Ходитъ сизой павлинъ,
Съ сизой павушкою.
Θедосья душа я тебѣ сонъ разсужу,
Я на словахъ тебѣ разскажу:
Сизой павлинъ, то ужъ я господинъ,
Сизая павушка, то ты у меня,
Лазоревые цвѣты, то дѣти у насъ,
Шелковая травушка, то слуги у насъ.

97.

Леталъ голубь, ворковалъ,
Ко терему припадалъ,
Что въ теремѣ говорятъ?
Говорятъ, сударь, говорятъ,
Василій женѣ говорилъ:
Жена, моя барыня,
Θедосья Тарасьевна!
Роди сына сокола
Личикомъ во себя,
А разумомъ умомъ во меня.
За услугу за твою
Солью перстень золотой,
Солью тебѣ и другой,
Со вставочкой дорогой,
Бриліантомъ осыпной.
Носи, мой другъ, не жалѣй,
Качай сына, да лелѣй.
Леталъ голубь, ворковалъ,
Ко терему припадалъ,
Что въ теремѣ говорятъ?
Говорятъ, сударь, говорятъ,
Василій женѣ говорилъ:
Жена, моя барыня,
Θедосья Тарасьевна!
Роди дочку лебедку
Личикомъ во себя,
А разумомъ умомъ во меня.
За услугу за твою
Сошью тебѣ пару голубу,
Сошью тебѣ и другу.
Носи, мой другъ, нежалѣй,
Качай дочь, да лилѣй.

98.

Какъ по сѣничкамъ Θедосья ходила,
Какъ по новымъ Тарасьевна гуляла,
Во рукахъ она пялички носила,
Она три узора вышивала:
Ужъ какъ первой-то узоръ вышивала,
Что свѣтелъ мѣсяцъ со звѣздами,
А другой-то узоръ вышивала,
Что красно солнце со лучьями,
Ужъ какъ третій-то узоръ вышивала,
Что грозна туча со дождями.
Какъ свѣтелъ-то мѣсяцъ со лучами,
То свѣтъ Василій господинъ съ сыновьями,
Свѣтъ Федуловичъ съ соколами;
Какъ красно солнце со лучьями
Свѣтъ Θедосья душа съ дочерями;
Какъ грозна туча со дождями
Свѣтъ Θедосья душа со слугами,
Свѣтъ Тарасьевна съ крѣпостными.

99.

Какъ по сѣнямъ, по сѣничкамъ,

Что ходила, что похаживала
Молодая боярыня, свѣтъ Ѳедосья Тарасьевна,
Будила, побуживала
Своего друга милаго,
Свѣтъ Василья Федуловича:
Ужъ ты встань, пробудися же,
Государь-то въ походъ пошелъ,
А къ тебѣ-то посолъ пришелъ,
Буйная голова нечесаная,
Русы кудри незавиты,
Кони вороны не осѣдланы,
Вѣрны слуги не снаряжены.
Не пугайся ты, любушка,
Свѣтъ Ѳедосья Тарасьевна!
Будетъ дѣло все сдѣлано!
Ужъ, я встану скорешенько,
Я умоюсь бѣлешенько,
Причешу буйную голову,
Я завью кудри русыя,
Прикажу осѣдлать коней,
И слугамъ снарядиться,
Только сѣсть да поѣхати
Мнѣ на службу Царскую.

100.

Еще во саду, саду,
Во зеленомъ саду,
Какъ подъ яблонью кровать,
Подъ кудрявою тесова,
Позолоченная —
На кровати-то перина
Пуховая постлана,
Какъ кисейно изголовьице
Со алыми со бантиками,
Одѣялицо соболино постлано,
Что подъ тѣмъ ли одѣяломъ
Свѣтъ Игнатій лежитъ,
Свѣтъ Петровичъ.
Ужъ какъ около его слуги,
Слуги вѣрные его,
Разуваютъ, раздѣваютъ,
Спать укладываютъ,
Уговариваютъ:
Ужъ, ты лягь, сударь, усни,
Хоть на малой часъ, на минуту!
Ужъ какъ малой часъ прошелъ,
Скороходъ къ нему пришелъ.
Ужъ, ты встань, сударь,
Свѣтъ Игнатій господинъ,
Свѣтъ Петровичъ,
Хоть на малой часъ, на минуту!
Ужъ, какъ на морѣ корабль
Съ чистымъ золотомъ ушелъ,
Съ чистымъ серебромъ,
И съ крупнымъ жемчугомъ.
Не могу я встать,
Головы поднять,
Скоры ноги не бѣгутъ,
Бѣлы руки не берутъ.
Еще во саду, саду,
Во зеленомъ саду,
Какъ подъ яблонью кровать,
Подъ кудрявою тесова,
Позолоченная —
На кровати-то перина
Пуховая постлана,
Какъ кисейно изголовьице
Съ алыми со бантиками,
Одѣялицо соболино постлано,
Что подъ тѣмъ ли одѣяломъ
Свѣтъ Игнатій лежитъ,
Свѣтъ Петровичъ.
Ужъ, какъ около его слуги,
Слуги вѣрные его
Разуваютъ, раздѣваютъ,
Спать укладываютъ,
Уговариваютъ:
Ужъ ты лягь, сударь, усни,
Хоть на малой часъ, на минуту!
Ужъ какъ малой часъ прошелъ,
Скороходъ къ нему пришелъ.
Ужъ ты встань, сударь,
Свѣтъ Игнатій господинъ,
Свѣтъ Петровичъ,
Хоть на малой часъ, на минуту!
Ужъ какъ на морѣ корабль
Съ красной дѣвицей ушелъ.

101.

У голубя голова,
Вся серебренная,
То-то голубь,
То-то сизой голубокъ!
У голубушки головка,
Позолоченная!
То-то голубь,
То-то сизой голубокъ!
У Василья голова
Всегда причесанная,
У Федуловича голова
Приглаженная.
То-то голубь,
То-то сизой голубокъ!
У Ѳедосьи голова
Въ жемчугахъ убрана,
У Тарасьевны голова

Въ кокошникъ убрана.
То-то голубь,
То-то сизый голубокъ!
Ужъ какъ этой головѣ
Дивовался бояринъ,
Дивовался молодой,
То-то голубь,
То-то сизой голубокъ!
Дивовался молодой,
Не женатой, холостой;
То-то голубь,
То-то сизой голубокъ!
Какъ бы эта голова,
У меня въ домѣ была.
То-то голубь
То-то сизой голубокъ!
Я бы лѣтомъ сталъ
Во каретушкахъ катать,
А зимою-бъ во рѣшетчатыхъ саняхъ
На вороныхъ лошадяхъ.
То-то голубь,
То-то сизой голубокъ!

102.

Вдоль по рѣчкѣ, по рѣкѣ,
Вдоль по рѣчкѣ суденышко плыветъ,
Вдоль по быстрой разкрашенное;
Въ томъ ли суденышкѣ
Свѣтъ Василій сидитъ,
Свѣтъ Федуловичъ.
По бережку шла
Свѣтъ Ѳедосья Тарасьевна.
Звонко, громко кричитъ,
Своимъ громкимъ голосомъ:
Воротися, соколъ,
Воротися, мой милый другъ!
Свѣтъ Василій Федуловичъ!
Я тебѣ радость скажу,
Я тебѣ сына рожу
Я тебѣ сына ясна сокола.
Вдоль по рѣчкѣ, по рѣкѣ,
Вдоль по рѣчкѣ суденышко плыветъ,
Вдоль по быстрой раскрашенное;
Въ томъ ли суденышкѣ
Свѣтъ Василій сидитъ,
Свѣтъ Федуловичъ.
По бережку шла
Свѣтъ Ѳедосья Тарасьевна.
Звонко, громко кричитъ,
Своимъ громкимъ голосомъ:
Воротися, соколъ,
Воротися, мой милый другъ!
Свѣтъ Василій Федуловичъ!
Я тебѣ радость скажу,
Я тебѣ дочку рожу,
Я тебѣ дочку лебедь бѣлую.
Эта радость мнѣ не велика!
Ужъ какъ сынъ-то у меня хозяинъ въ дому,
Ужъ какъ дочь у меня гостинка въ дому.

103.

Ужъ, какъ Петръ господинъ,
Петръ, сударь, Дмитріевичъ,
Матушки своей послушался,
Спалъ онъ, не засыпалъ,
А по ранѣе просыпался
Въ соборныя заутрени,
Въ громкій ранній благовѣстъ,
По скорешеньку одѣвался,
Бѣлешенько умывался,
Частымъ гребешкомъ чесался,
Въ чисто зеркало смотрѣлся,
Во чистое во хрустальное.
Прилежно Богу молился,
На колѣна онъ становился:
Да дай же мнѣ Богъ суженую,
Что-бъ суженая моя, ряженая,
Была хороша, пригожая,
Была бы умна, да веселливая
Къ добрымъ людямъ привѣтливая,
Свекру-батюшкѣ покорливая,
Свекрови-матушки послушливая,
Деверьямъ-братьямъ услужливяя
Мнѣ молодцу любовная.
Ой Петръ, сударь, Дмитріевичъ!
Ужъ, какъ далъ тебѣ Богъ суженую,
Ужъ какъ далъ тебѣ ряженую,
Ту ли душу Прасковьюшку,
Ту ли свѣтъ Васильевну,
Ужъ, какъ въ теремъ ли войдетъ,
Свекоръ батюшка усмѣхнется,
Ужъ съ терема-ль долой сойдетъ,
Свекровъ-матушка возрадуется,
По свѣтелочкѣ ли пройдетъ,
Деверья-братья не насмотрятся
Во зеленъ ли садъ пойдетъ,
Сестры-золовки прочь нейдутъ.
Ужъ ты ли, господинъ,
Петръ, сударь, Дмитріевичъ,
Ею ты неналюбуешься,
Ею ты ненакрасуешься,
Тебѣ ее милѣе нѣтъ.

104.

Долго по долгу соколъ не летитъ,
Знать что соколъ за лѣсъ залетѣлъ;

Долго по долгу къ намъ Петра нѣтъ.
Ѣдетъ Петръ-то, ѣдетъ Петръ-то,
Ѣдетъ Васильевичъ на ворономъ конѣ,
Конь подъ нимъ словно звѣрь лютой,
Грива у коня златомъ перевита,
Хвостъ у коня какъ лютая змѣя,
Самъ на конѣ, самъ на конѣ,
Какъ соколъ на рукѣ.
Разыгрался разыгрался Петровъ-то конь,
Разыгрался разыгрался Васильевичевъ конь,
Онъ перескочилъ черезъ тынъ въ зеленъ садъ,
Переломилъ, переломилъ,
Переломилъ онъ железную тынь,
Отломилъ онъ у яблони сукъ,
Отломилъ, отломилъ,
Отломилъ у кудрявыя сукъ.
Возговоритъ свѣтъ, Василій господинъ,
Возговоритъ свѣтъ, Васильевичъ:
Кто безъ меня въ зеленомъ саду былъ?
Кто железну тынь переломилъ?
Кто безъ меня у яблони сукъ сломилъ?
Кто безъ меня у кудрявыя сукъ сломилъ?
Возговоритъ свѣтъ, Петръ, господинъ,
Возговоритъ свѣтъ, Васильевичъ:
Я безъ тебя въ зеленомъ саду былъ,
Я безъ тебя железну тынь сломилъ,
Я безъ тебя у яблони сукъ сломилъ,
Я безъ тебя у кудрявыя сукъ сломилъ.
Долго по долгу соколъ не летитъ,
Знать что соколъ за лѣсъ залетѣлъ;
Долго по долгу къ намъ Петра нѣтъ.
Ѣдетъ Петръ-то, ѣдетъ Петръ-то,
Ѣдетъ Васильевичъ на вороночъ конѣ
Конь подъ нимъ словно звѣрь лютой,
Грива у коня златомъ перевита,
Хвостъ у коня, какъ лютая змѣя,
Самъ на конѣ, самъ на конѣ,
Какъ соколъ на рукѣ.
Разыгрался, разыгрался Петровъ-то конь,
Разыгрался, разыгрался
Разыгрался Васильевичевъ конь,
Расшеталъ дубовы верей,
Разогналъ красныхъ дѣвушекъ,
Душу Пашеньку съ собою взялъ.
Возговоритъ свѣтъ, Василій господинъ,
Возговоритъ свѣтъ, Васильевичъ:
Кто безъ меня въ домъ былъ?
Кто безъ меня вереюшки расшеталъ?
Кто безъ меня красныхъ дѣвушекъ разогналъ?
Кто безъ меня Прасковьюшку взялъ?
Возговоритъ свѣтъ, Петръ господинъ,
Возговоритъ свѣтъ, Васильевичъ:
Я безъ тебя въ домъ былъ,
А мой конь вереюшки расшеталъ,
Я безъ тебя красныхъ дѣвушекъ разогналъ,
Я безъ тебя Прасковьюшку душу взялъ.

105.

Повѣяли со Волги вѣтры буйные,
Вѣтры буйные, все осенние,
Зашумѣла грушица въ зеленомъ саду,
Понеслись вѣсти по каменной Москвѣ,
Понеслись вѣсти по широкому терему:
Какъ у Тараса радость сочинилася,
Какъ у Ивановича въ дому сочинилася:
Породила его молода жена,
Свѣтъ Наталья Васильевна,
Сына умнаго, разумнаго,
Свѣтъ Ивана Тарасовича.

106.

Ужъ, ты гдѣ былъ, побывалъ
Свѣтъ нашъ, тысяцкій воевода?
Ужъ, ты гдѣ былъ, побывалъ
Свѣтъ Иванъ Ивановичъ, воевода?—
Я былъ, побывалъ,
Во каменной Москвѣ.
А что же ты, воевода, подѣлывалъ?—
Я, дѣвицы, тамъ торговалъ,
Я, красныя, тамъ торговалъ.
А чѣмъ же ты торговалъ?
А чѣмъ же ты за товаръ бралъ?—
Я торговалъ дорогими парчами,
Я бралъ не кунами, не черными соболями,
Я бралъ все со русыми со косами,
Я бралъ со дѣвичьими красотами.

107.

То Михайлъ пѣсенка,
Да что ясному соколу
И со бѣлой лебедушкой,
Свѣтъ, Ириною Григорьевной!
Слышишь ли, Михайло, господинъ?
Слышишь ли, Ѳедотовичъ?
Тебѣ пѣсню поемъ, тебѣ честь воздаемъ,
Еще какъ мы тебя величаемъ, величаемъ,
Мы по имени тебя называемъ, называемъ,
По отчеству тебя возносимъ, возносимъ;
Да что сыръ молодой на блюдѣ, на блюдѣ,
Что зелено вино съ шафраномъ, съ шафраномъ,
Да что сладкой медъ съ кордамономъ, съ кордамономъ.

Во саду вишенье садовое, садовое,
Во саду яблоко наливное, наливное.
Ты, Михайло господинъ, не скупися, не скупися,
Съ золотой гривной разступися, разступися!
Ай спасибо Михайло, господинъ,
Ай спасибо Ѳедотовичъ, сударь!
И мы медъ твой выпили,
Мы челомъ тебѣ ударили,
По поклону, по нискому,
Мы по слову, по ласковому.
У Михайлы въ гостяхъ не бывали, не бывали,
И мы меду его не пивали, не пивали,
А что медъ-то его, то водица, то водица,
А что дары-то его, то тряпица, то тряпица.

108.

Воротися соколъ, воротися, воротися,
Позабылъ ты шляпу на стопкѣ, на стопкѣ,
Позабылъ ты невѣсту цѣловать, цѣловать.

109.

Какъ ходила душа Марьюшка,
Гуляла свѣтъ Ивановна,
У себя ли во терему,
У себя ли во высокомъ;
Брала золоты ключи,
Отпирала кованы ларцы,
Вынимала дороги подарочки:
Свекру-батюшкѣ шелковъ платокъ,
Шелковъ платокъ — Персидской,
Свѣкровѣ-матушкѣ цвѣтенъ грезетъ,
Цвѣтенъ грезетъ, яхонтовой,
Свѣту деверью косыночку,
Косыночку тонку полотняную,
Дорогой золовушкѣ подвязочки,
Подвязочки шиты золотомъ,
А другу ли своему суженому,
Милому своему ряженому,
Ивану Петровичу,
Подарила цвѣточекъ,
Лазуревой василечекъ.
Береги его Иванъ, господинъ,
Береги его, сударь, Петровичъ;
Для тебя я его ростила,
Для тебя я его нѣжила,
Для тебя я его лелѣяла.

110.

И вы, гости наши, посидите у насъ,
И вы, свѣтлы наши, побесѣдуйте у насъ!
Ты взойди туча грозная,
Ты пролей сильный дождикъ,
Чтобы наши гости
Посидѣли у насъ,
Чтобы наши свѣтлы
Побесѣдовали у насъ.

111.

Вьюнъ на водѣ извивается,
А зять у воротъ убивается.
Ахъ, тесть мой, тесть ласковый!
Отдай ты мой даръ, мое суженое.
Тесть тутъ ему высылаетъ коня,
Ласковый тутъ ему высылаетъ въ уздѣ.
Ахъ, то не мое, то несуженое!
Ахъ, то не мое, то неряженое!
Вьюнъ въ водѣ извивается;
А зять у воротъ убивается.
Ахъ, теща моя, теща ласковая!
Ахъ, теща моя, теща привѣтливая!
Ты отдай мой даръ, мое суженое.
Теща даетъ ему даръ, свой ларецъ.
Ахъ, то не мое, то не суженое!
Ахъ, то не мое, то не ряженое!
Вьюнъ на водѣ извивается,
А зять у воротъ убивается.
Ахъ, шуринъ мой, шуринъ ласковый!
Ты отдай мой даръ, мое суженое,
Мое суженое, мое ряженое.
Шуринъ ему даритъ даръ,
Шуринъ ему да Ульяну, душу,
Ульяну, душу, да Антоновну.
Ахъ, вотъ ли мой даръ, мое суженое!

112.

Не свивайся, не свивайся трава со былинкой,
Не лестися, не лестися голубь со голубкой,
Не свыкайся, не свыкайся молодецъ съ дѣвицей;
Хорошо было свыкаться, тяжко разставаться.
Со полудни до вечеренъ голубчикъ летаетъ,
Онъ летаетъ, онъ летаетъ, голубушку ищетъ;
Не долетая голубки, у людей-то спрощаетъ:
Гдѣ видали, гдѣ слыхали про мою голубку?
А моя-то свѣтъ голубка очень знакомита:
Очи ясны, брови черны, личикомъ бѣленька.
Пробиралася голубка на сине море,
Чрезъ лѣса, болоты, и черныя грязи;
Сѣла, пала надъ водою, плакала слезно,
Утирала ручьи слезъ русою косою;
Звала меня, позывала Наталья въ гости,
Сулила мнѣ, посуливала конопель двѣ горсти,

Конопель двѣ горсти, пшеницы полгорсти.
Какъ у той, у Васильевны кровать тесовая,
На кровати перинушка лежитъ пуховая.
Заливалася Наталья горючьми слезами,
Прощалася съ Петромъ, умильно вздыхаючи.

113.

Матушка, матушка,
Мать ты моя, государыня!
Мнѣ ли нынче сонъ привидѣлся:
Какъ у насъ ли во зеленомъ саду
Выросло деревцо кипарисное;
На то ли деревцо слетались соколы,
Слетались все молодые.
Ужъ одинъ ли соколъ лучше всѣхъ,
Лучше всѣхъ, быстрѣе всѣхъ:
Онъ взвился подъ облака,
Спускался стрѣлкою,
Налеталъ на утушку,
Нападалъ онъ на сѣрую,
Уносилъ себѣ въ гнѣздо.
Что возговоритъ ея матушка,
Что возговоритъ государыня:
Ты дитя ли мое, дитятко,
Ты дитя ли мое, милое,
Я этотъ сонъ разсужу,
По словамъ тебѣ разскажу:
Что зеленый садъ, то широкій нашъ дворъ,
Кипарисное деревцо, то я у тебя,
Соколы молодые, то гости у насъ,
Гости пріѣзжіе, незнакомые;
Ужъ одинъ ли соколъ, то твой суженый,
Ужъ одинъ ли быстрый, то твой ряженый;
Сѣрая утушка, то ты у меня;
Увезетъ тебя твой суженый,
Увезетъ къ себѣ домой,
Разлучитъ тебя со мной.

114.

Ужъ какъ возговоритъ въ теремѣ
Свѣтъ Улита Софроновна:
Что ясенъ-ли свѣтелъ мѣсяцъ?
Что веселъ-ли мой милый другъ,
Свѣтъ Степанъ Никифоровичъ?
И онъ пьетъ, прохлаждается,
И онъ мною похваляется:
У меня жена разумная,
Что не пьетъ пива пьянаго,
Зелена вина въ ротъ не беретъ;
У ней рѣчь лебединая,
А походка павлиная;
Она пройдетъ — утѣшитъ меня,
Слово молвитъ — накормитъ меня.

115.

Марья Ивана съ крыльца провожала,
Ивановна съ высокаго провожала,
А сама приказывала:
Ты, Иванъ, сударь, Петровичъ,
Ты пріѣдешь на дѣвичникъ,
На дѣвичій, сударь, вечеръ,
Привези, сударь, шкатулку;
Было бы во шкатулкѣ
Деликатное убранство:
Полтораста аршинъ лентъ,
Всякаго, разнаго цвѣта:
Розовыхъ, алыхъ,
Голубыхъ, васильковыхъ,
Померанцовыхъ, желтыхъ,
Фіолетовыхъ, бѣлыхъ,
Пурпуровыхъ, зеленыхъ.
Мнѣ изъ серебряныхъ лентъ
На груди убрать бантъ;
Еще мнѣ зеркальце стѣнное,
Гребень, сударь, рѣзной,
Мнѣ вѣеръ рѣзной,
Двое шелковыхъ чулковъ,
Черевички бархатныя,
Перчаточки шелковыя,
Мнѣ корицы, гвоздики,
Мнѣ мятнаго масла,
Мнѣ гвоздишнаго масла,
Мнѣ двѣнадцать горшечковъ
Порошковыхъ румянъ,
Порошку сто бумажекъ,
Пятьдесятъ рублей денегъ,
Чѣмъ дарить красныхъ дѣвушекъ.

116.

Машенька по горенкѣ ходила,
Ефимовна по новой гуляла,
Миндальные орѣшки щелкала,
Скорлупку въ окошечко кидала,
Петру въ кудри попадала,
Петровичу въ черны попадала;
Ужъ, онъ ли оглянулся,
А самъ усмѣхнулся:
Добро-жъ ты, Машенька,
Добро-жъ ты, свѣтъ Ефимовна!
За твои ли орѣшки
Отсмѣю тебѣ насмѣшки,
Не станешь надъ суженымъ смѣяться,
Скорлупой въ него бросаться,

II. Пѣсни дѣвицъ на дѣвичнику.

117.

Перекатно красно солнышко,
Ты звѣзда перекатная,
За облакъ звѣзда закатилася
Прочь отъ свѣтлаго мѣсяца.
Перешла наша дѣвица
Изъ горницы во горницу,
Изъ столовой во новую;
Перешедъ, она задумалася,
А задумавшись, заплакала,
Во слезахъ слово молвила:
Государь мой, родный батюшка,
Не возможно-ль того сдѣлати,
Меня, дѣвицу, не выдати?

118.

Не лежи черный бобръ у крутыхъ береговъ,
Черная куна возлѣ быстрой рѣки;
Не сиди Севастьянъ во чужомъ пиру,
Севастьянъ господинъ и Созонтовичъ;
Снаряжай ты свадьбу Ѳедосьину,
Что Ѳедосьину Севастьяновнину.
Глупые люди, неразумные!
Ужъ у меня свадебка снаряжена
Девять печей хлѣба испечено,
Десятая печь тертыхъ калачей;
Девять четвертей пива наварено,
Десять четвертей зелена вина,
Ужъ у меня приданое изготовлено
Девять городовъ съ пригородами.

119.

Во полѣ лебедушка кликала,
Во теремѣ Хавроньюшка плакала.
Богъ суди родимаго батюшку,
Молоду въ чужи люди отдаетъ!
Остается зеленъ садъ безъ меня,
Завянутъ всѣ цвѣточки во саду:
Аленькій мой, бѣленькій цвѣтокъ,
Голубый, лазоревый василекъ.
Накажу своему батюшкѣ родному:
Вставай ты, мой батюшко, раненько,
Поливай всѣ цвѣтики частенько,
Утренней, вечерней зарею.

120.

Я сидѣла во теремѣ,
Я вязала себѣ шапочку,
Я по алому по бархату;
Гдѣ ни взялся ясенъ соколъ,
Онъ махнулъ правымъ крылышкомъ,
Онъ задѣлъ за тарелочку,
Онъ задѣлъ за серебряную,
Онъ просыпалъ крупенъ жемчугъ
До единаго зернышка.
Какъ расплакалась дѣвушка,
Передъ батюшкой стоючи.
Ты не плачь, мое дитятко!
Созову тебѣ князей, бояръ,
Подберутъ твой крупенъ жемчугъ
До единаго зернышка.

121.

Поверхъ моря, поверхъ синяго,
Поверхъ синяго, поверхъ Хвалынскаго,
Налеглись туманы со морянами,
Невидно ни лодочки, ни молодчика;
Надъ душею, красною дѣвицею,
Надъ Марьею, свѣтъ Ивановною
Поселилася не мала бѣда,
Помрачило ретиво сердце,
Облегло тоской со кручиною.
Государь мой, родный батюшка,
Свѣтъ Иванъ Ивановичъ!
Ты возьми булатный ножь,
Ты сонмай мою бѣлу грудь,
Посмотри въ ретиво сердце.
Охъ, ты, мое дитятко милое,
Свѣтъ Марья Ивановна!
Ужъ, за чѣмъ брать булатный ножъ,
Ужъ, за чѣмъ сонмать бѣлу грудь,
Ужъ, за чѣмъ смотрѣть ретиво сердце;
Вѣдь по твоему бѣлу лицу
Всѣмъ дознать тебя, дитятко:
Какъ бѣло лице потусмилося,
Какъ брови черныя пріусмягнули,
Какъ алы румянцы призакрылися,
Какъ очи ясны помутилися,
Какъ изъ очей слезы покатилися.

122.

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Изъ-за горъ было, горъ высокихъ,
Летитъ стадо лебединое,
А другое гусиное,
Отставала лебедь бѣлая,
Прочь отъ стада лебединаго,
Приставала лебедушка
Что ко стаду, ко сѣрымъ гусямъ;
Не умѣетъ лебедушка
По гусиному кликати:
Не щипите меня, лебедь,

Ой вы, гуси сѣрые!
Не сама я къ вамъ залетѣла,
Занесло меня погодою.
Отставала Ѳедорушка,
Отставала Ивановна,
Что отъ красныхъ отъ дѣвушекъ,
Приставала Ѳедорушка,
Приставала Ивановна
Къ молодымъ молодушкамъ;
Не умѣетъ Ѳедорушка
Ни головушки оправити;
Ее стали бабы журити,
А Ѳедорушка плакати:
Не журите, бабы старыя!
Не сама я къ вамъ заѣхала,
Не своею охотою;
Завезли меня добры кони,
Что добры кони Ивановы,
Что Ивана Максимовича.

123.

Сборы, сборы Аннушкины,
Велики сборы Ивановнины:
Сбирала подружекъ за свой столъ,
Сажала подружекъ высоко,
Сама садилася выше всѣхъ,
Клонила головушку ниже всѣхъ,
Думала думушку крѣпче всѣхъ.
Ахъ, вы дѣвушки, вы подруженьки!
Придумайте, пригадайте:
Какъ мнѣ быть да жить въ чужихъ людяхъ?
Какъ мнѣ назвать свекра лютаго?
Какъ величать свекровь лютую?
Мнѣ свекромъ назвать—осердится;
Мнѣ батюшкомъ назвать—не хочется;
Мнѣ свекровью назвать—осердится;
Мнѣ матушкой назвать—не хочется.
Убавлю я спѣси, гордости,
Прибавлю я ума-разума;
Назову я свекра—батюшкой,
А люту свекровь—матушкой.

124.

Какъ не пава свѣтъ по двору ходитъ,
Не павлинныя перья роняетъ,
Какъ ходила тутъ, гуляла
Афросиньюшка вкругъ терема,
Свѣтъ Ивановна вкругъ высокаго,
Говорила таковы слова небылыя:
Отомкнися мой Нѣмецкій замокъ, отомкнися,
Отложися полуженая цѣпь, отложися,
Отворися кипарисная дверь, отворися,
Распахнися шитой, браной положекъ, распахнися,
Пробудися моя матушка, пробудися,
Ужъ не вѣкъ мнѣ у васъ вѣковати,
Не недѣлюшку мнѣ гостити,
Одну ноченьку ночевати,
И той мнѣ во тоскѣ, во слезахъ не видати.
На молитвѣ-ль мнѣ ее простояти?
Иль съ батюшкой думу думати?
Иль съ матушкой гадати?
Иль съ подружками рѣчь говорити?

125.

При послѣднемъ было вечерѣ,
У Настасьи на дѣвичнику,
У Андреевнѣ на дѣвичнику,
Прилеталъ къ ней ясенъ соколъ;
Онъ садился на окошечко,
На дубовую причелинку,
На серебряну перекладинку.
Какъ увидѣла матушка,
Изъ высокаго терема,
Изъ косящатаго окошечка,
Закричала громкимъ голосомъ:
Ты, дитя-ль мое, дитятко,
Дитя, Настасья Андреевна!
Ты пріяй яснаго сокола,
Яснаго сокола, залетнаго,
Добраго молодца, заѣзжаго,
Карпа Трифоныча.
Родимая моя матушка!
Мое сердце не оборотится,
Уста кровью запекаются,
Сердце кровью обливается,
Мнѣ пріяить ясного сокола,
Приголубить добраго молодца!

126.

На бережку зеленъ садикъ стоитъ,
Въ томъ садику канарѣйка поетъ,
Слетались къ ней мелки пташки.
Свѣтъ ты, наша канарѣечка!
Ужъ знать намъ къ тебѣ не летати,
Пшена съ просомъ не клевати.
На бережку высокъ теремъ стоитъ,
Въ томъ теремѣ свѣтъ Настасья сидитъ,
Сходились къ ней красны дѣвушки.
Ахъ, ты, свѣтъ наша, Настасьюшка!
Ужъ знать намъ къ тебѣ не хаживати,
Темныхъ ночекъ не ночевывати,
Тайныхъ рѣчей не говаривати.

127.

По горамъ, по горамъ ходила,
Всѣ цвѣты, цвѣты видѣла;

Одного цвѣта, нѣтъ какъ нѣтъ,
Ужъ какъ нѣтъ цвѣту алаго,
Алаго, самаго моего прекраснаго.
Иль его, краснымъ солнцемъ выпекло?
Иль его частымъ дождемъ выбило?
Иль его совсѣмъ во саду не было?
По двору, по двору ходила,
Всѣхъ гостей, гостей видѣла;
Одного гостя, нѣтъ, какъ нѣтъ,
Ужъ какъ нѣтъ гостя милаго,
Милаго, моего батюшки родимаго;
Нѣтъ нигдѣ его, совсѣмъ здѣсь не было,
Моего гостя милаго, батюшки родимаго.
Иль мнѣ послать было не кого?
Иль мнѣ самой сходить было нѣкогда?

128.

Ты заря-ль моя, ты заря вечерняя,
Ты Марья, ты Васильевна.
Поиграйте дѣвушки, поиграйте красныя,
Поиграйте красныя, у меня на дѣвичнику.
Батюшка у воротъ стоитъ, батюшка домой кличетъ,
Батюшки не слушаю, отъ игры домой нейду;
Не доиграна игра, не допѣта пѣсенка.
Ты заря-ль моя, ты заря вечерняя,
Ты Николай, ты Григорьевичъ.
Поиграйте дѣвушки, поиграйте красныя,
Поиграйте красныя, у меня на дѣвичнику.
Матушка у воротъ стоитъ, матушка домой кличетъ.
Матушки не слушаю, отъ игры домой не иду;
Не доиграна игра, не допѣта пѣсенка.
Ты заря-ль моя, ты заря вечерняя,
Ты игра моя, ты Григорьевичъ.
Николай у воротъ стоитъ, Григорьевичъ домой кличетъ.
Хоть не рада, да слушаю, отъ игры домой пойду;
Хоть не доиграна игра, хоть не допѣта пѣсенка.

129.

Вечеръ наша перепелушка
Всее ноченьку прокликала,
Всее темную прокликала;
Какъ заутра, ранешенько
Ни чуть не стало слышати,
Золотой клѣтки не видати;
Знать соколы къ ней прилетали,
Перепелку съ собой взяли.
Какъ вечеръ наша Прасковьюшка,
Какъ вечеръ свѣтъ Григорьевна,
Всее ноченьку проплакала;
Какъ рано, ранешенько,
Ни чуть не стало слышати,
Ни чуть ее во теремѣ не видати;
Знать бояре къ ней пріѣзжали,
Прасковьюшку съ собой взяли.

130.

Высоко я въ теремѣ сижу,
Далеко я по зарѣ слышу,
Какъ лебедь лебедушку кличетъ:
Ты лебедушка, мой дружечекъ,
Прилети ко мнѣ на часочекъ!
У меня въ гнѣздышкѣ тепленько,
Подъ крылышкомъ горяченько.
Высоко я въ теремѣ сижу,
Далеко я по зарѣ слышу,
Какъ Николай Аграфену кличетъ,
Какъ Ивановичъ Николаевну кличетъ:
Ты, Аграфенушка, мой дружечекъ,
Приди ко мнѣ на денечекъ!
У меня подворье широкое,
У меня хоромы высокіе,
У меня кровать тесовая,
Перинушка пуховая,
Одѣялицо соболиное.

131.

Залетала пташечка
Во соловью клѣточку,
За серебряную сѣточку,
За золоченую рѣшеточку,
За жемчужну переплеточку;
А сама-то возтоскуется,
А сама-то возгорюется:
Охъ-ти мнѣ, охъ тошнехонько!
Охъ-ти мнѣ, охъ грустнехонько!
У соловья во клѣточкѣ,
За серебряной сѣточкой,
За золоченой рѣшеточкой,
За жемчужной переплеточкой,
Безъ травы-то зеленыя,
Безъ воды-то ключевыя!
Ужъ меня вонъ не выпустятъ,
А сама вонъ не вылечу.
Заѣзжала Натальюшка,
Заѣзжала Борисовна
Ко Петру во высокъ теремъ,
Въ изукрашенной къ Васильевичу;
А сама-то возтоскуется
А сама-то возгорюется:
Охъ-ти мнѣ, охъ тошнехонько!
Охъ-ти мнѣ, охъ грустнехонько!
Въ чужихъ людяхъ, въ чужомъ терему,

Во чужомъ, незнакомомъ мнѣ,
Безъ батюшки, безъ матушки,
Безъ сестрицъ-то голубушекъ,
Бесъ красныхъ безъ дѣвушекъ!
Ужъ меня вонъ не выпустятъ,
А сама вонъ не выѣду.

132.

Разлилась, разлелѣялась
По лугамъ вода вешняя·
Унесло, улелѣило
Чадо милое, дочь отъ матери.
Оставалася матушка
На крутомъ, красномъ бережку;
Закричитъ она громкимъ голосомъ:
Воротись, мое дитятко,
Воротись, мое милое!
Позабыла трои ключи,
Трои ключи золоты,
Со кольцомъ со серебрянымъ,
А внутри вызолоченымъ;
Какъ первый-то ключикъ
Отъ зеленаго садика,
А другой-то ключикъ
Отъ высокаго терема,
А третій-то ключикъ
Отъ кована ларчика.
Государыня матушка!
Позабыла я не трои ключи,
Не трои ключи золоты;
Позабыла я матушка
Волю батюшкину,
Нѣгу матушкину,
Пріятство сестрицино.

133.

Ужъ какъ во теремѣ дѣвушки,
Ужъ какъ во высокомъ красныя,
Разыгралися, разпотѣшилися,
Разскакалися, разплясалися,
Одна лишь душа Катеринушка,
Катеринушка, свѣтъ Васильевна,
Задумалась, подгорюнилась;
Она плачетъ, что рѣка льется.
Ужъ ее ли дѣвушки уговаривали,
Ужъ ее ли красныя приголубливали:
Ты не плачь, не плачь Катенька,
Ты не плачь, не плачь Васильевна,
Что идетъ къ тебѣ батюшка!
Батюшка тоски моей не вѣдаетъ;
Онъ грусти моей не размыкаетъ;
Онъ горю моему непомочь.
Ужъ какъ въ теремѣ дѣвушки,
Ужъ какъ въ высокомъ красныя,
Разыгралися, разпотѣшилися,
Разскакалися, разплясалися,
Одна лишь душа Катеринушка
Катеринушка, свѣтъ Васильевна,
Задумалась подгорюнилась;
Она плачетъ, что рѣка льется.
Ужъ ее ли дѣвушки уговаривали,
Ужъ ее ли красныя приголубливали:
Ты не плачь, не плачь Катенька,
Ты не плачь, не плачь Васильевна,
Что идетъ къ тебѣ матушка!
Матушка тоски моей не вѣдаетъ;
Она грусти моей не размыкаетъ;
Она горю моему непомочь.
Ужъ какъ въ теремѣ дѣвушки,
Ужъ какъ въ высокомъ красныя,
Разыгралися, разпотѣшилися,
Разскакалися, разплясалися,
Одна лишь Катеринушка,
Катеринушка, свѣтъ Васильевна,
Задумалась, пригорюнилась;
Она плачетъ, что рѣка льется.
Ужъ ее ли дѣвушки уговаривали,
Ужъ ее ли красныя приголубливали;
Что идетъ къ тебѣ твой суженый,
Твой суженый, твой ряженый,
Что Григорій, сударь, Александровичъ.
Какъ вскрикнетъ Катеринушка,
Душа свѣтъ Васильевна:
Ужъ какъ онъ-то тоску мою вѣдаетъ;
Я съ нимъ грусть свою размыкаю;
Ужъ онъ-то моему горю помочь;
Ужъ онъ-то сердцу не надсада;
Ужъ какъ онъ-то только и во мысляхъ былъ!

134.

Съ Оки вѣтры понавѣяли,
Незваные гости на дворъ взъѣхали,
Подломили, подломили сѣни новыя,
Подломили съ переходами,
Раздавили, раздавили чару золотую,
Раздавили со финистрою,
Выпугали, выпугали соловья изъ саду,
Изъ саду молодаго, зеленаго!
Что встужется, что восплачется,
Александрушка, душа Николаевна:
Свѣтъ вы мои, сѣни новыя,
Свѣтъ вы мои, съ переходами!
Ужъ мнѣ по васъ не хаживати,
Ужъ мнѣ по васъ не гуливати!
Свѣтъ ты моя, чара золотая,
Свѣтъ моя со финистрою!
Ужъ мнѣ изъ тебя не кушивати!

Свѣтъ ты мой, соловей во саду!
Кто-то меня будетъ пораненьшеньку будить?
Пораненьшеньку будить, скору дѣлу учить?
Что возговоритъ Гаврила, господинъ,
Гаврила, сударь, Григорьевичъ:
Ты не плачь, свѣтъ Николаевна,
Я сострою тебѣ сѣни новыя,
Сѣни новыя съ переходами;
Я солью тебѣ чару золотую,
Чару золотую со финистрою.
Я у тебя соловей во саду;
Я стану тебя порану будить;
Я стану тебя скору дѣлу учить.

135.

Ужъ какъ жарко во теремѣ свѣчи горятъ,
Горятъ свѣчи воску яраго,
Ужъ, какъ горько плачетъ свѣтъ Аннушка,
Унимаетъ ее родной батюшка,
Уговариваетъ родна матушка:
Не плачь, не плачь, мое дитятко!
Ужъ я тебя не въ полонъ даю,
Не въ полонъ даю, не полонить хочу;
Ужъ я тебя замужъ отдаю
За умнаго, за разумнаго,
За бѣлаго, за румяннаго.
Вѣдь, я тебя не одну пущу,
Не одну пущу, поѣзжанъ пошлю,
Поѣзжанъ пошлю, сваху снаряжу.
Государыня моя матушка!
Я сама знаю, про то вѣдаю;
Въ гостяхъ гости всѣ разъѣдутся,
И сватьюшки всѣ разойдутся;
Одна я, младешенька, останусь,
На чужой дальней сторонушкѣ,
У чужаго отца, матери,
У чужаго роду племени.

136.

Ой вы, гуси, гуси,
Сизые, Китайскіе!
Ужъ, гдѣ вы, гуси были?
Сизые Китайскіе побывали?
И что вы видѣли?
Мы были на синемъ морѣ,
Мы видѣли диво большое:
Что сѣрая утушка купалася,
На бѣло она полоскалася,
Купавшися утушка,
Полоскавшися утушка,
Положила она крылушки
На бѣлъ горючь камешекъ!
Ой вы, бояре, бояре,
Молодые, Московскіе!
Ужъ, гдѣ вы были, побывали?
Да, что-жъ вы видѣли?
И мы были, и мы были
У Ипата на дворѣ,
И мы видѣли диво большое:
Ипатъ ходитъ по двору,
Онъ дворъ выметаетъ,
Онъ коврами устилаетъ,
Ульянушка ходитъ, да плачетъ,
Къ ларчику припадаетъ:
Ларчикъ, ты мой ларчикъ,
Кованый ты мой, дубовый!
Я годъ тебѣ копила,
На другой снаряжала,
Я въ часъ одинъ раздарила:
Свекру сорочку,
Свекрови другую,
Заловкамъ по алой лентѣ.
Красуйтеся золовушки
Во моей лентѣ алой!

137.

Катилося солнце красное,
По синю своду, небесному,
Бросало лучи яркіе
На лѣса густые, на поля широкія.
Ходила душа Настасьюшка,
Гуляла свѣтъ Поликарповна
По высокому терему,
Возводила очи ясные,
Всѣ заплаканные,
На подружекъ голубушекъ,
На красныхъ дѣвушекъ:
Ужъ, не годъ мнѣ годовати,
Ужъ, не недѣлю съ вами пировати,
Одинъ денечекъ гостевати,
Да и тотъ весь горевати,
Во слезахъ его не видати.
Пріѣдутъ люди незнакомые
Увезутъ меня отъ батюшки,
Увезутъ отъ родимой матушки,
Разлучатъ съ вами, дѣвушками.

138.

Раскачалася грушица,
Предъ яблонькой стоючи;
Расплакалась Аннушка,
Предъ батюшкой стоючи:
Государь ты мой, батюшка!
Ты къ чему рано вино куришь?
Ты къ чему рано пиво варишь?
Ты къ чему рано становишь меды сладкіе?
Ты, дитя ли мое, дитятко,
Ты, дитя ли мое, милое!

Я хочу тебя замужъ отдать
Не за князя, не за барина,
За того ли сына гостинаго.
Государь ты мой, батюшка!
Не льзя-ль думу раздумати,
А меня бы замужъ не выдати?
Ты, дитя ли мое, дитятко,
Ты, дитя ли мое, милое!
У насъ дѣло-то сдѣлано,
По рукамъ у насъ ударено,
Быть сговору, дѣвичнику,
Дѣвичьему вечеру;
Въ Воскресенье тебѣ, дитятко,
Къ суду Божьему ѣхати,
Подъ златымъ вѣнцомъ стояти,
Съ удалымъ добрымъ молодцомъ,
Съ Петромъ Ивановичемъ.

139.

Не зеленая травушка,
Не мягкая муравушка,
Во чистомъ полѣ подъ дубикомъ
Отъ дождичка отъ крупнаго,
Отъ вихоря отъ бурнаго
Ко сырой землѣ прилегаетъ,
Бурюшки пройти не чаетъ.
Приходила Аннушка
Къ родимому батюшкѣ,
Помутились очи ясные,
Возмутились въ горючихъ слезахъ,
Во слезахъ она не молвитъ,
Одно словечушко промолвила:
Ой ты, батюшко родимый!
Ты за что, за что, прогнѣвался?
Ты за что, за что, разгнѣвался?
На свое ли дитя милое,
На свою ли дочь родимую,
Что отдать хочешь въ чужи люди,
Въ чужи люди, незнакомые,
На чужу дальню сторону?
Ужъ и я-ль тебѣ помѣха въ чемъ,
Изгоняешь съ очей долой?
Износила ль платье цвѣтное?
Переѣла-ль кусокъ сахорный?
Выпила ли меды сладкіе?
Вытоптала ли сады зеленые?
Присушила ли цвѣты лазуревы?
Изсушила-ль яблоньку наливчату?
Что возговоритъ ее батюшка,
Батюшка ее родимый,
Петръ, господинъ, Ѳедоровичъ:
Ты дитя ли мое, дитятко!
Ты дитя ли мое, милое!
Не клади ты на меня жалобу,
А клади Богу жалобу
На сваху-ль ту, разлучницу,
Что на злую-ль стару подговорщицу;
Мнѣ не вѣкъ тебя поить, кормить,
Мнѣ не вѣкъ тебя лелѣять,
А пора ужъ замужъ выдати.
Чужа дальняя сторонушка
Досадитъ тебѣ лишь въ первы дни;
Послѣ та сторонушка полюбится,
Чужа дальняя понравится;
А ужъ и во той-ли, во сторонушкѣ,
Позабудешь ты и батюшку.

140.

Какъ у насъ во садику
Много было цвѣтовъ посѣяно,
А не много ихъ уродилося,
Какъ у насъ-ли во теремѣ
Много было красныхъ дѣвушекъ,
А теперь не много осталося.
Какъ не было у насъ измѣнницы,
Проявилася у насъ измѣнница,
Елизавета Васильевна.
Ты на что, душа, прельстилася?
На орѣшки-ль, аль на пранички?
Или на его слова ласковыя?
Ты хотѣла въ монастырь идти,
А насъ, красныхъ дѣвушекъ,
Ты хотѣла насъ съ собой взять,
Которую во клюшницы,
Которую во ларешницы,
Которую во казначеи,
А сама во Игуменьи.

141.

Наставало времячко,
Ужъ наставало непогодливое,
Что родимой матушкѣ,
Надеждѣ Ивановнѣ,
Отпускать свою доченьку,
Свое ли дитя милое,
Маланьюшку душу Гавриловну,
На чужудальню сторону,
Что на чужую, незнакомую;
Ужъ, какъ слезно восплачется,
Ужъ, какъ грустно восгорюется:
Ты дитя-ли мое, дитятко,
Ты дитя-ли мое, милое,
Поѣзжай на чужую сторону,
Въ чужи люди, незнакомые!

Какъ въ добрѣ ты жить станешь,
И матушку забудешь;
Въ худѣ ли жить станешь,
И матушку вспомянешь.

142.

Подруженьки, голубушки,
Подруженьки мои милыя! —
Говорила Маланьюшка,
Свѣтъ Гавриловна плачучи,
Говорила краснымъ дѣвушкамъ,
Говорила, сама молвила:
Не отпирайте, не отпирайте,
Не отпирайте воротъ гостямъ,
Чужимъ гостямъ, незнаемымъ;
Не пускайте, не пускайте
Чужихъ гостей, незнаемыхъ,
Гостей на широкой дворъ;
Запирайте, запирайте,
Запирайте сѣнную дверь,
Сѣнную дверь во свѣтелочкѣ;
Не отворяйте, не отворяйте,
Не отворяйте дверь ко терему,
Ко терему-ль моему высокому;
Не пускайте, не пускайте,
Не пускайте чужихъ гостей,
Чужихъ гостей, незнаемыхъ.
Ой не плачь, не плачь,
Не плачь, душа Маланьюшка,
Не плачь, свѣтъ наша Гавриловна,
Не чужой гость, не чужой,
Не чужой идетъ, твой суженый,
Идетъ къ тебѣ твой ряженый!

143.

Пріѣхали, Машенька,
Пріѣхали, душа Ефимовна,
Бояре на дворъ ко батюшкѣ
Добра коня торговати.
Мнѣ добрый конь не надобенъ,
Мнѣ на немъ не ѣздити,
А надобенъ онъ батюшкѣ.
Пріѣхали, Машенька,
Пріѣхали, душа Ефимовна,
Бояре на дворъ ко батюшкѣ
Ясна сокола купити.
Мнѣ ясенъ соколъ не надобенъ,
Мнѣ имъ не тѣшиться,
А надобенъ онъ батюшкѣ.
Пріѣхала, Машенька,
Пріѣхала, душа Ефимовна,
Свашенька ко матушкѣ,
Свашенька немилостивая,
Свашенька нежалостивая,
Хочетъ твою косыньку расплетати,
Съ русой жемчугъ разсыпати,
Съ высокаго терема сводити,
На чужу сторону увозити,
Въ чужи люди, незнакомые,
Къ чужому отцу, къ матери,
Къ деверьямъ, къ золовушкамъ.

144.

Высоко звѣзда восходила,
Выше солнца, выше мѣсяца.
Какъ у насъ во теремѣ
Марьюшка горько плакала,
Ефимовна слезно вопила,
Поминала про чужу сторону,
Про чужаго отца съ матерью:
Какъ чужой-то отецъ съ матерью
Безжеланные уродилися.
Посылали меня по воду,
Посылали молоду на Москву рѣку.
Какъ съ восточной сторонушки
Подымалася погодушка,
Налетали гуси сѣрые,
Возмутили воду свѣжую;
Я молода безъ воды домой пришла.
Свекоръ-батюшка журитъ, бранитъ,
Свекровь-матушка бить хочетъ;
Спасибо золовушкѣ,
За меня слово замолвила:
Ой ты, глупая невѣстушка,
Неразумная твоя головушка!
Какова бы вода случилася,
Въ ведрахъ бы устоялася.

145.

Черны кудри за столъ пошли,
Русу косу за собой повели.
Черны кудри у русой косѣ спрашивали:
Русая коса, не ужъ-ли ты моя?
Еще же черны кудри я не твоя,
Божья да батюшкина.
Черны кудри за столъ пошли,
Русу косу за собой повели.
Черны кудри у русой косѣ спрашивали:
Русая коса, не ужъ-ли ты моя?
Еще же черны кудри я не твоя,
Божья да матушкина.
Черны кудри за столъ пошли,
Русу косу за собой повели;
Черны кудри у русой косѣ спрашивали:
Русая коса, не ужъ-ли ты моя?
Я Божья да теперь твоя.

146.

Летала пташечка по саду,

Порхала легкая по зелену,
Взвивалася подъ облака,
Спускалася стрѣлкою.
Какъ ловятъ пташечку,
Сажаютъ во клѣточку.
Ужъ не летать-то мнѣ, пташечкѣ,
Не летать, знать, по саду,
Не летать, знать, по зеленому,
Не взвиватися, знать, подъ облака.
Не спускатися, знать, стрѣлою.
Какъ гуляла Марьюшка по терему,
Какъ гуляла Ефимовна по высокому,
Играла со дѣвицами,
Играла съ подружками красными.
Какъ отдаютъ Марьюшку,
Какъ отдаютъ душу Ефимовну
Во чужой дворъ, во чужи люди,
Во чужи люди, незнакомые,
Къ чужому отцу, къ матери.
Что возплачется, что возтоскуется:
Ужъ не гулять мнѣ по терему,
Ужъ не гулять мнѣ по высокому!
Ужъ не играть, знать, съ подружками,
Съ подружками, съ красными дѣвушками!
Ужъ не нажить мнѣ, не нажить,
Не нажить, знать, прежней волюшки!
Чужіе отецъ съ матерью
Не дадутъ долго спать;
А деверья съ золовками
Станутъ вкось смотрѣть.

147.

Катилось солнышко ко западу,
Катилось красное ко терему,
Ко терему боярскому, княженецкому,
Восходилъ свѣтелъ мѣсяцъ ко востоку,
Онъ свѣтитъ ясно, и не меркнетъ,
А кидаетъ лучи ясные
Къ Машенькѣ во высокъ теремъ,
Къ Ефимовнѣ въ изукрашенный.
Пріѣзжали князья, бояре
Ко Ефиму на широкій дворъ,
Восходили въ свѣтлую свѣтличку;
Они Богу молилися,
Хозяину чинно кланялися,
Всѣ рядомъ садилися;
Одно мѣстечко оставили,
Впереди подъ иконами.
Звали къ себѣ, выкликали,
Выкликали красную дѣвицу,
Марьюшку, душу, Ефимовну;
Ты выдь, душа, Марьюшка,
Ты выдь, свѣтъ Ефимовна?
Покажи намъ свое лице бѣлое,
Покажи намъ свое лице румяное!
Для тебя ли мы пиромъ пріѣхали.
Ты сядь съ добрымъ молодцемъ,
Съ добрымъ молодцемъ, съ твоимъ суженымъ,
Съ твоимъ суженымъ, съ твоимъ ряженымъ,
Съ Петромъ Петровичемъ,
Подъ святыми иконами,
Подъ Божіею милостью.
Тебѣ завтра съ нимъ обручатися,
Золотымъ кольцомъ мѣнятися,
Золотымъ вѣнцомъ вѣнчатися,
Вѣкъ тебѣ съ нимъ не разставатися.

148.

На морѣ селезень косу вьетъ,
Сѣрая утушка полощется.
Куда-жъ она торопится?
Знаетъ батюшка со матушкой,
Доброй молодецъ со свашенькой.
Какъ утушка полоскалася,
Ей всѣ утушки завидовали.
Не завидуйте утушки,
Не завидуйте сѣрыя;
И у васъ будутъ селезни
Молодые, хохлатые.
Противъ зеркальца чистаго,
Противъ зеркальца хрустальнаго,
Чесалъ молодецъ кудри черны,
Дѣвица бѣлится, румянится,
За нимъ же торопится.
Ей всѣ дѣвушки завидовали,
Ей всѣ красныя завидовали.
Не завидуйте дѣвушки,
Не завидуйте красныя!
И у васъ такіе-жъ будутъ молодцы,
Такіе-жъ будутъ хорошіе,
Такіе-жъ будутъ пригожіе,
Такіе-жъ бѣлорумяные.

149.

Машенька дѣвушкамъ говаривала,
Ефимовна краснымъ наказывала:
Не кидайте, не бросайте
Вы батюшекъ и матушекъ,
Живите въ высокомъ терему,
Не ходите къ чужимъ отцамъ,
Къ чужимъ отцамъ, къ матерямъ!
Ужъ чужіе то отцы-свекры
Все журятъ, все бранятъ,
Все бранятъ, все ворчатъ;
Ужъ чужія-то матери-свекрови,

Не дадутъ младешенькѣ выспаться,
Выспаться, вылежаться,
Вылежаться, вынѣжиться;
Ужъ чужіе-то братья-деверья,
Изъ угла вкось глядятъ;
Ужъ чужія-то сестры-золовушки
Въ глаза лестью льстятъ,
За очью поѣдомъ съѣсть хотятъ.
А теерь наша Машенька,
Душа, свѣтъ, Ефимовна,
Сама кидаетъ, бросаетъ,
Кидаетъ роднаго батюшку,
Бросаетъ родную матушку;
Не милъ ей высокъ теремъ,
Не нравится ей изукрашенный;
А милъ-то ей суженый,
Нравится ей ряженый,
Петръ, сударь, Петровичъ;
Идетъ къ чужому отцу,
Что къ чужому отцу-свекору.
Ужъ, свекоръ теперь не журитъ, не бранитъ,
Не бранитъ, не ворчитъ;
Идетъ къ чужой матери къ свекрови;
Ужъ, свекровь ли теперь даетъ выспаться,
Даетъ выспаться, вылежаться;
Ужъ, чужіе-ль братья-деверьюшки
Изъ угла теперь вкось не глядятъ;
Ужъ, какъ чужія-ль сестры-золовушки
Въ глаза теперь не льстятъ,
За очью поѣдомъ съѣсть не хотятъ.
Ужъ, какъ они ли ей полюбилися,
Ужъ, какъ они ли ей приглянулися,
Не хочетъ съ ними и разстатися.
И вы, красныя дѣвушки, подруженьки,
И вы — что про-что припѣваете?
Всѣ ваши рѣчи дѣвичьи, незнаемыя,
Незнаемыя, дѣвицамъ невѣдомыя.
Придетъ пора и время дорогое,
И вы сами задумаете по моему,
И вы сами поѣдете на чужу сторону,
Къ свекру-батюшку, къ свекровѣ-матушкѣ,
Къ своему суженому, ряженому.

150.

Ужъ, не вихри рьяные вылетали,
Ужъ, не солнцѣ красное замеркало,
Ужъ, не свѣтелъ мѣсяцъ затмѣвался,
Ужъ, не тучи грозныя бушевали,
Ужъ, не туманы дождевые носилися;
А Марьюшка Ефимовна во терему
Сидя, во высокомъ помрачилась,
Своей печалью, горестью,
Своей несносною кручиною.
Марьюшка горько плачетъ,
Ефимовна, какъ рѣка льется.
Она вечеръ поздно слышала:
Какъ хочетъ ее батюшка,
Какъ хочетъ ее матушка,
Что отдать-ли во чужи люди,
Во чужи люди, незнакомые,
На чуждальню сторонушку.
Ко чужому отцу, къ матери.
Ой не плачь наше дитятко,
Ой не плачь наше милое!
Чужая сторонушка слюбится,
Чуждальняя полюбится!

151.

Машенька дѣвушкамъ говаривала,
Ивановна краснымъ наказывала:
Подруженьки мои, красныя дѣвицы!
Прикатайте ту гору красную, песчаную,
Чтобы не льзя было ни взойти, ни въѣхати,
Чтобъ ни конному, ни пѣшему,
Ни коня ввести въ поводу.
А говорилъ ей вечеръ суженый,
Иванъ, сударь, Петровичъ:
Я на ту-ли гору пѣшъ взойду,
Пѣшъ взойду и коня введу,
Я коня введу въ поводу,
А руками понесу тебя на плечѣ,
Ко двору приду, въ теремѣ посажу,
Къ своему батюшкѣ, къ матушкѣ.

152.

Шло солнышко по залѣсью,
Шло оно, остановилось;
Шла красна дѣвица по терему,
Красна дѣвица, Машенька,
Машенька, душа Ивановна,
Шедши она, остановилася,
Кидала ключи на кованы ларцы.
Батюшка, сударь, родимый мой!
Я теперь не ключница.
Матушка моя родимая,
Я тебѣ теперь не ларешница!
Клюшница я и ларешница
Чужому отцу, чужой матери.

153.

Какъ у насъ-ли во теремѣ,
Какъ у насъ-ли во высокомъ,
Дѣвушкамъ былъ сборъ,
Краснымъ большой.
Пришли не дѣльцо дѣлати,
Не крѣпку думу думати,
Пришли къ душѣ Машенькѣ,
Сошлись къ свѣту Ивановнѣ,

Вечериночку сидѣть,
Дѣвичій вечеръ весь пропѣть,
Князей, бояръ потѣшити,
Гостей пріѣзжихъ позабавити,
Повеличать, душу, Машеньку,
Повеличать, душу, Ивановну,
Повеселить въ послѣдній день,
Позабавить въ послѣдній часъ.

154.

Ой ты, мать моя, матушка,
Ой ты, мать моя, государыня!
Ты войди, моя матушка,
Во высокой во теремъ,
Ты во свѣтлую горницу,
Во уборную свѣтличку;
Ты сядь, моя матушка,
Впереди подъ окошечкомъ,
Подъ святыми иконами;
Погляди моя матушка,
На мою на русу косу,
На дѣвичью красу;
Ужъ, не долго мнѣ, матушка,
Ужъ, не долго мнѣ, государыня
Во красѣ любоватися,
Во русой косѣ красоватися,
Отъ субботы до субботы,
До дѣвичьяго вечера;
Въ Воскресенье мнѣ, матушка
Къ суду Божьему ѣхати,
Подъ золотымъ вѣнцомъ стояти,
Съ удалымъ, добрымъ молодцомъ,
Иваномъ Петровичемъ.

155.

Играло солнце красное,
Играло да затмилося;
Свѣтилъ свѣтелъ мѣсяцъ
Свѣтилъ да померкнулъ;
Веселилась душа дѣвица,
Веселилась да пріуныла;
Играла душа Машенька,
Играла да пригорюнилась,
Играла свѣтъ Ивановна,
Играла да прикручинилась.
Ужъ, не одна ли я у батюшки,
Ужъ, не одна ли я у матушки,
Да и ту взвидѣть не хотятъ,
Да и ту гонятъ съ очей долой!
Дѣвушки обо мнѣ не потужатъ,
Красныя обо мнѣ не пожалѣютъ.
Пожалѣетъ-ли мой милый другъ,
Мой милый другъ, мой суженый,
Иванъ, сударь, Петровичъ?

Онъ глазикомъ мигнетъ,
Вся печаль моя пропадетъ;
Онъ за бѣлу руку возьметъ,
Всю мнѣ радость подаетъ;
А душой какъ назоветъ,
Въ сердце радость изольетъ.

156.

Ужъ, какъ жарко было камню самоцвѣтному
Лежать на горѣ противъ солнышка,
Ужъ, какъ тошно было сердцу Машенькину,
Тошно сердцу Ивановниной,
Живучи у батюшки въ послѣдни часы,
Живучи у матушки въ послѣдни дни,
Смотрючи, глядучи на русу косу,
На русу косу, на дѣвичью красу,
Слышати про Ивановъ отъѣздъ,
Про Ивана да и Петровича,
На чужедальню сторону,
За покупкою дорогихъ парчей,
Дорогихъ парчей и бархатовъ.

157.

У насъ ли было во теремѣ,
У насъ ли было во высокомъ,
Стоялъ столикъ невеликъ
Алымъ бархатомъ покрытъ,
Позументомъ обложенъ,
Со широкой бахрамой,
На немъ зеркальцо хрустально,
Покрывальце тафтяно;
Противъ зеркальца сидитъ дѣвица,
Противъ чистаго красная,
Машенька, душа Ефимовна.
Она бѣлится, румянится,
Во цвѣтное платье одѣвается,
Во алмазы убирается,
Ко вѣнцу-ль она снаряжается,
Со дѣвицами прощается,
Съ красавицами разлучается.
Вы подружки, вы голубушки,
Подруженьки мои милыя!
Не тужите вы, не плачьте,
Не слезите лице бѣлое:
Не на вѣки я съ вами прощаюся;
Скоро я опять къ вамъ буду,
Безъ русыя ужъ косы,
Безъ дѣвичьей моей красы.

158.

Машенька съ терема выходила,
Ефимовна съ высокаго выходила,
Съ яблонки вѣточку сламливала,
Коню подъ копыто бросила,

Красное, дѣвичье слово молвила:
Стой яблонька вѣкъ безъ верха,
Живи, мой батюшка, вѣкъ безъ меня!
Не чаялъ меня, батюшка, въ вѣкъ избыть,
Избылъ меня, батюшка, единымъ часомъ,
Единою, одною минутою.
Машенька съ терема выходила,
Ефимовна съ высокаго выходила,
Съ яблонки вѣточку сламливала,
Коню подъ копыто бросила,
Красное, дѣвичье слово молвила:
Стой яблонька вѣкъ безъ верха,
Живи, моя матушка, вѣкъ безъ меня!
Не чаяла меня, матушка, въ вѣкъ избыть,
Избыла меня, матушка, единымъ часомъ,
Единою, одною минутою,
Избыла меня съ очей долой.

159.

Ужъ, ты Марья Ивановна,
Не клади Богу жалобу
Ни на батюшку, ни на матушку,
Ты клади Богу жалобу
На сваху ту разлучницу,
Что хаживала, говаривала,
Говорила по тихохоньку,
Твою матушку уговаривала,
Хвалила, выхваливала
Чужудальню сторонушку:
Какъ чужая-то сторонушка
Сахаромъ изнасѣяна,
Сытою поливана.
Что возговоритъ ее матушка,
Надежда Ивановна:
Ты полно, обманщица,
Ты полно, подговорщица!
Я сама знаю чужую сторону,
Чужудальнюю, незнакомую;
Ужъ, какъ чужая-то сторонушка
Горемъ вся изнасѣяна,
Она слезами поливана,
Печалью огорожена.

160.

Ужъ, что это у насъ нынѣ
Во терему, дѣвушки, за диво,
Во высокомъ, красныя, за дивное?
Такого дива никогда не бывало.
Душа наша, Машенька,
Свѣтъ наша, Ефимовна,
Ходитъ задумавшись,
Сидитъ подгорюнившись,
Ни моется, ни рядится,
Ни бѣлится, ни румянится,
Только слезами обливается.
Къ ней ли вѣсточки приходили,
Ей матушка приносила:
Ужъ, какъ будутъ ли гости незнакомые,
Князья, бояре, чужіе, незнаемые;
Станутъ ее косыньку расплетати,
Съ русой жемчугъ обсыпати,
На двѣ сторонушки раздѣляти.

161.

Цвѣла грушица во садику,
Цвѣла моя во зеленомъ,
Жило мое дитятко,
Жило мое милое,
Во терему во высокомъ,
Во высокомъ, въ изукрашенномъ;
Не все тебѣ жить во теремѣ,
Не все тебѣ жить со дѣвицами,
Не все тебѣ быть со красными.
Какъ пріѣдетъ Иванъ, господинъ,
Иванъ, сударь, Петровичъ,
Завезетъ тебя къ себѣ домой,
Не къ дѣвушкамъ, не къ краснымъ,
Къ молодымъ ли все молодушкамъ.
Молодыя ли ужъ молодушки
Родились всѣ примѣтливы,
Всѣ примѣтливы, всѣ насмѣшливы;
Ступишь ли ногой?
Поглядятъ всѣ за тобой;
Махнешь ли рукой?
Засмѣются надъ тобой;
Молвишь ли словечко?
Передразнивать начнутъ;
Сядешь ли за столъ?
Всѣ куски во рту сочтутъ;
Станешь-ли молчать?
Станутъ дурочкой величать:

162.

Красно солнышко зашло,
И темна ночь наступила,
А гостей не бывало въ Ефимовѣ домъ,
Во Ефимовѣ домъ, свѣтъ Гавриловичевъ.
Машенька душа, Ефимовна,
Суженаго себѣ ожидаетъ,
Петра, сударя, Петровича,
Во цвѣтно платье снаряжается,
Во цвѣтное, во шелковое.
Ужъ, какъ пріѣдетъ ли мой суженый,
Ужъ, какъ пріѣдетъ ли мой ряженый,
И вы, дѣвушки, голубушки,
Подружки мои милыя,
Запойте погромче, повеселѣе,
Повеселѣе, да порадостнѣе;

Чтобы суженому моему не соскучилося,
Чтобы ряженому моему не взгрустнулося.

163.

Ужъ, ты, громкой соловей
Пой во всю темну ноченьку,
Пой мой громкой
Во всю мѣсячную!
Ужъ, не долго мнѣ тебя слушати,
Ужъ, не долго тебѣ меня тѣшити!
Скоро повезутъ меня изъ терема
Изъ высокаго, изъ краснаго,
Къ чужому отцу, къ матери,
Ко свекору, ко свекровушкѣ,
Къ недобрымъ деверьямъ,
Ко злымъ, лихимъ золовушкамъ;
Жаль-то мнѣ роднаго батюшку,
Жаль-то мнѣ родную матушку,
Жаль-то мнѣ тебя, соловьюшка,
А жалчей того русой косы,
Моей ли дѣвичей красы.

164.

Не кличь, не кличь лебедушка,
Не кличь въ полѣ бѣлая!
Не плачь, не тужи Машенька,
Не плачь, не грусти душа Ивановна,
По батюшкѣ и по матушкѣ,
По громкомъ соловью во саду!
Какъ свекоръ ли батюшка
Къ тебѣ будетъ милостивъ,
Какъ свекровь ли матушка
Къ тебѣ будетъ милостива.
Иванъ, сударь, Петровичъ
У тебя соловей во саду,
Во высокомъ терему,
Во высокомъ, изукрашенномъ;
Денечекъ онъ кричитъ,
И всю ноченьку поетъ;
Тебя ли, Машеньку,
Тебя ли, свѣтъ Ивановну,
Забавляетъ, утѣшаетъ,
Спать долго не мѣшаетъ,
Къ обѣднямъ разбужаетъ.

165.

Леталъ ясенъ соколъ по-подъ небесью,
Садился младъ ясенъ соколъ на оконницу;
Оконница отворялася,
Младъ ясенъ соколъ встрепенулся.
Невѣстѣ дѣвушки говорили:
Красна дѣвица прiучай сокола.
Ахъ, вы, красныя дѣвицы!
Ужъ, я рада бы прiучила сокола;
Ужъ, этотъ соколъ не прилука моя,
Ужъ, этотъ соколъ разлука моя;
Разлучитъ меня съ отцемъ съ матерью,
И съ вами, съ красными дѣвицами.

166.

Ой вы, дѣвушки, голубушки,
Вы, подружки мои красныя!
Не пойте весело и радостно,
Запойте пожалостливѣе, поунывнѣе;
Ужъ, какъ хотятъ-ли увести меня,
Чужи люди, незнакомые,
Не на пиръ пировать,
Не веселье исправлять;
Ужъ, везутъ-ли меня, красныя,
Къ чужому отцу, къ матери
Не спать, не дремать,
Не гулять, а работать.

167.

Лебедь наша бѣлая,
Лебедушка молоденькая!
Боишься ли ты мороза?
Я мороза боюся,
Я за бѣлый снѣгъ схоронюся.
Ты, Машенька душа,
Машенька, свѣтъ Ефимовна!
Боишься ли ты свекора?
Я свекора-то боюся,
Я за батюшку схоронюся.
Ты, Машенька душа,
Машенька, свѣтъ Ефимовна!
Боишься ли ты свекрови?
Я свекрови-то боюся,
Я за матушку схоронюся.
Ты, Машенька душа,
Машенька, свѣтъ Ефимовна!
Боишься ли ты Петра,
Петра, господина, Петровича?
Я его не боюся,
Я съ нимъ обоймуся.

168.

Ты, рѣка ли моя, рѣченька,
Ты, рѣка ли моя, быстрая,
Ты течешь, не колыхнешься,
На ровкѣ съ желтымъ пескомъ не возмутишься;
Ты, дитя мое, дитятко,
Ты, дитя мое, милое,
Сидишь ты, не усмѣхнешься,
Что возговоришь, не улыбнешься.
Дѣвушки, голубушки!
Да чему же мнѣ смѣятися?
На что глядя, радоватися?
У меня полный дворъ гостей,

У меня полна горница гостей,
Снарядить меня есть кому,
Отпустить меня нѣкому:
Нѣтъ у меня батюшки родимаго.
Ой ты, братецъ мой, родной!
Ты поди къ Божьей церкви,
Ты ударь трижды въ колоколъ,
Разбуди моего батюшку,
Разбуди моего родимаго.

169.

Какъ разгнѣвался Ефимъ, господинъ,
Ефимъ, сударь, Гавриловичъ.
А кто у меня во саду былъ?
Мелкихъ пташечекъ поспугалъ?
Любимую соловушку съ собой взялъ?
Какъ разгнѣвался Ефимъ, господинъ,
Ефимъ, сударь, Гавриловичъ.
А кто у меня на дворѣ былъ?
Дубовы верешки раскачалъ?
Широки воротичьки разломалъ?
На дворъ конемъ штурмовалъ?
Во высокъ теремъ смѣло взошелъ?
Красныхъ дѣвушекъ разогналъ?
Любимую дѣвушку съ собой взялъ?

170.

Яблонка моя, яблонка,
Яблонка моя, зеленая,
Не цвѣти теперешней весной,
Не плоди сладкихъ яблочковъ!
Я скажу моему батюшкѣ,
Я скажу моей матушкѣ:
Что ты худо поливана,
Что ты худо лелѣяна,
Отъ того и яблочковъ нѣтъ;
Что сама я стану поливати,
Сама корешокъ обчищати,
Сама червячковъ обметати.
Авось, либо, батюшка и сжалется,
Авось, либо, матушка и взмилуется,
Не отдадутъ меня нынѣшній годъ
На чужудальнюю сторону,
На чужудальнюю, незнакомую,
Безъ горя горе мыкати,
Безъ слезъ горько плакати,
Безъ думы крѣпко думати,
Безъ скуки скучати,
Безъ грусти горевати.

171.

Ко мнѣ ласточка прилетала,
Ко мнѣ вѣсточку приносила:
Къ тебѣ будетъ дорогой гость,
Дорогой гость, батюшка.
Пускай онъ будетъ,
А моей тоски не убудетъ!
Ко мнѣ ласточка прилетала,
Ко мнѣ вѣсточку приносила:
Къ тебѣ будетъ дорогой гость,
Дорогой гость, матушка.
Пускай она будетъ,
А моей тоски не убудетъ!
Ко мнѣ ласточка прилетала,
Ко мнѣ вѣсточку приносила:
Къ тебѣ будетъ немилый гость,
Немилый гость, твой суженый,
Пускай онъ будетъ,
И моя тоска вся убудетъ!

172.

Съ рѣченьки утушка слетывала,
Съ тихой сѣрая вспархивала,
Прилетала утушка,
Прилетала сѣрая
На бурное, на сине море;
Не знала утушка,
Не знала сѣрая:
Гдѣ ей опуститися?
Отъ вихоря уклонитися?
Гуси стали щипати,
А утушка громко кликати:
Ой ты, рѣчька моя, рѣченька,
Ты, рѣчька ли моя, тихая!
Кабы знала я, да вѣдала
Такую надъ собой невзгодушку,
Разстаться бы съ тобой не подумала.
Сходила съ терема Машенька,
Сходила съ высокаго Ефимовна,
Пріѣзжала ко свекору въ домъ;
Свекоръ-батюшка неласковый,
Неласковый, не какъ родной.
Входила къ свекрови во теремъ;
Свекровь-матушка угрюмая,
Угрюмая, не какъ родная.
Деверья по свѣтличкѣ похаживаютъ,
Объ ней все поговариваютъ:
Ужъ, какъ наша ли невѣстка
Не хороша, не пригожа,
Не ласкова, не привѣтлива;
Золовушки перешептываютъ:
Ужъ, какъ наша ли невѣстка
Негоразда ни чему:
Ни ткать, ни прясть,
Ни золотомъ шить,
Ни щей сварить, ни пирога испечь,
Ни пѣсенку запѣть,
Ни во дудочку, ни поплясать,

А словечушко промолвитъ,
За другимъ въ карманъ пойдетъ.
Ужъ, не знала Машенька,
Ужъ, не вѣдала Ефимовна,
Куда ей дѣватися,
Куда ей укрытися,
Отъ насмѣшекъ, отъ зависти?
Что всплачетъ, что возгорюется,
Что возгорюется, что встоскуется:
Ой ты, теремъ мой у батюшки,
Ой ты, высокой мой у матушки!
Кабы знала я, да вѣдала
Здѣсь себѣ таково житье,
Растаться бы съ тобой я не подумала,
Выдти бы изъ тебя не помыслила;
Я жила бы въ тебѣ смирнешенько,
Я была бы въ тебѣ веселешенька,
Не знала бы я тоски и горести.

173.

Какъ во терему сидѣла Машенька,
Какъ во высокомъ сидѣла Ефимовна,
Она шила шелками въ пяличкахъ
Она шила цвѣтными во новыхъ,
А шила, сама приговаривала:
Ты гори, гори солнышко,
Ты гори ясное, красное!
Не скоро закатывайся,
По залѣсью останавливайся,
А я пялички дошью.
Какъ ѣхалъ мимо того терема суженый,
А ѣхавши, молвилъ: Богъ на помочь, красна дѣвица!
Для кого шьешь? для кого не отдыхаешь?
Шью, сударь, дорогъ платокъ,
Не для тебя, а для батюшки!
Какъ во терему сидѣла Машенька,
Какъ во высокомъ сидѣла Ефимовна,
Она шила шелками въ пяличкахъ,
Она шила цвѣтными во новыхъ,
А шила, сама приговаривала:
Ты гори, гори солнышко,
Ты гори ясное, красное!
Не скоро закатывайся,
По залѣсью останавливайся,
А я пялички дошью,
Какъ ѣхалъ мимо того терема суженый,
А ѣхавши, молвилъ: Богъ на помочь, красна дѣвица!
Для кого шьешь? для кого не отдыхаешь?
Шью, сударь, цвѣтно платьице
Не для тебя, а для матушки.
Какъ во теремѣ сидѣла Машенька,
Какъ во высокомъ сидѣла Ефимовна,
Она шила шелками въ пяличкахъ,
Она шила цвѣтными во новыхъ,
А шила, сама приговаривала:
Ты гори, гори солнышко,
Ты гори ясное, красное!
Не скоро закатывайся,
По залѣсью останавливайся,
А я пялички дошью.
Какъ ѣхалъ мимо того терема суженый,
А ѣхавши, молвилъ: Богъ на помочь, красна дѣвица!
Для кого шьешь? для кого не отдыхаешь?
Шью, сударь, сердечько золотцомъ,
Для себя и для тебя.

174.

Родимый ты, мой батюшка,
Родима ты, моя матушка!
Не мечитесь на золото, на серебро,
Не кидайтесь на сладки прянички,
Не берите вы бѣлилъ бѣлыхъ,
Не принимайте румянъ красныхъ,
Не мѣняйте меня ни на-что!
Безъ золота я у васъ богатехонька,
Безъ сластей-то у васъ сытехонька,
Безъ бѣлилъ-то у васъ бѣлехонька,
Безъ румянъ-то у васъ краснехонька.

175.

Свѣтелъ мѣсяцъ—родимый батюшка,
Красно солнышко—родимая матушка!
Вы разставляйте столы дубовые,
Накрывайте скатерти браныя,
Вы сажайте красныхъ дѣвушекъ,
Угощайте моихъ бѣлыхъ подружекъ.

176.

Полно-ка, сватьюшка, плакати,
Перестань, родная, кручиниться!
Берит-ко ты золоту казну,
Покупай себѣ добрыхъ коней
Къ намъ въ гости ѣздити,
Медъ, вино, да пиво кушати.
Знай, ѣзди, не лѣнись,
Ѣшъ, пей, да веселись,
И насъ въ гости къ себѣ позывай.

177.

Безъ вѣтра, безъ вихоря
Верeюшка пошатнулася,
Воротички отворилися,
И бояре во дворъ въѣхали,
Молодые на крыльцо взошли;
Женихъ Богу молится;

Всѣмъ онъ низко кланяется.
Закидалися, забросалися
Дѣвицы-красавицы;
Свѣтъ невѣстушка
За дѣвушку схоронилася.
Схороните меня вы, дѣвушки,
Схороните вы, подруженьки!
Прибылъ погубитель мой,
Разлучилъ мою головушку
Съ отцемъ, съ матерью,
Съ родомъ, съ племенемъ.

178.

Свѣтъ ты, моя волюшка,
Свѣтъ ты, моя нѣгушка,
У родимой матушки!
Куда-то свою волюшку
Мнѣ пустить будетъ?
Пущу я мою волюшку
Во чистое поле;
Пущу я свою волюшку
Во темный лѣсъ.
Во темномъ лѣсѣ она заплутается.
Нѣтъ—пущу я мою волюшку
По милымъ подруженькамъ.
Покрасуйтеся, подруженьки,
Покрасуйтеся, любезныя,
Поколь вы у батюшки,
Поколь вы у матушки!
А я горькая, горемычная,
Я уже открасовалася;
Отшутила съ вами я
Всѣ шутки шутливыя.

179.

По морю корабль плыветъ,
По круту бережку каретушка,
Во кораблику Иванушка плыветъ,
Во каретушкѣ Дарьюшка ѣдетъ.
Какъ Иванъ-то Богу молится,
Всѣмъ святымъ обрекается:
Сонеси корабль со каретушкой,
Сочини невѣсту съ женихомъ,
Ивана съ Дарьею!
По морю корабль плыветъ,
По круту бережку каретушка,
Во кораблику Иванушка плыветъ,
Во каретушкѣ Дарьюшка ѣдетъ.
Какъ Дарья-то Богу молится,
Всѣмъ святымъ обрекается:
Разлучи корабль со каретушкой,
Разнеси жениха со невѣстой,
Ивана-то съ Дарьею!

180.

Ты, сосна-ль моя, сосенушка!
Много-ль у тебя отросточковъ?
Только нѣту одной маковки.
Есть ли у Дарьюшки родъ племень?
Только нѣту одной матушки.
Благословить меня есть кому,
А снарядить меня нѣкому.
Благословляеть-то родной батюшка,
А снаряжаютъ-то все чужи люди,
Чужи люди, незнакомые.
Какъ чужой отецъ мнѣ не батюшка,
А чужая-то мать мнѣ не матушка,
А деверья-то мнѣ не родные братцы,
А золовушки-то мнѣ не родныя сестрицы!
Какъ свекоръ-то журитъ, бранитъ,
А свекровь-то велитъ побить.

181.

Ужъ, какъ широко Волга рѣка разливалася,
Ужъ, какъ далеко камка Бурская по мосту разстилалася;
Ужъ, какъ Волгу-то рѣку проѣзжалъ
Иванъ, сударь, на ворономъ конѣ,
Ужъ, какъ переѣхавши Волгу Петровичъ,
Съ ворона коня долой слазивалъ,
Велъ ворона коня подъ уздечку шитую,
Что по той ли по камкѣ Бурской
Прямо къ терему высокому,
Прямо къ Марьюшкѣ Ивановной.
Во томъ ли во теремѣ высокомъ,
Во томъ ли теремѣ княженецкомъ,
Свѣтъ Марья Ивановна снаряжалася,
Снаряжалася, сама горько плакала:
Ужъ, какъ будетъ-то жить во чужихъ людяхъ?
Ужъ, какъ будетъ-то звать свекра батюшкою?
Ужъ, какъ будетъ-то звать свекровь матушкою?
Ужъ и мнѣ звать его батюшкою не хочется,
Ужъ и мнѣ звать ее матушкою не хочется,
Во чужихъ людяхъ такъ не водится.
Чужи люди все спѣсивы, ломливы;
Что ломливы, непривѣтливы.
Ужъ, убавлю я спѣси, гордости,
Ужъ, прибавлю я ума-разума,
Буду звать: свекоръ-батюшка,
Буду звать: свекровь-матушка.

182.

Какъ у Ефима на дворѣ,
У Гавриловича на широкомъ,
Выростала зелена трава,
Трава шелковая;
Какъ по той-ли, по травѣ
Расцвѣтали цвѣты,
Цвѣты лазоревые;
Какъ по той, по травѣ
Разосланы были ковры,
Ковры золотые,
Края вышитые;
Какъ по тѣмъ-ли, по коврамъ
Тутъ шла, тутъ прошла
Свѣтъ Машенька, душа;
Въ рукахъ она несла
Воска яраго свѣчу,
Несучи, слово молвила:
Ты гори, моя свѣча,
Воска яраго свѣча,
Противъ солнечна луча!
Ужъ, не быть тебѣ, свѣча,
Противъ солнечна луча!
Ужъ, не быть тебѣ, свекру,
Противъ батюшки роднаго!
Ужъ, не быть тебѣ, свекрови,
Противъ матушки родной!
Ужъ, не быть тебѣ, деверю,
Противъ братца родимаго!
Ужъ, не быть тебѣ, золовки,
Противъ сестрицы родимой!

183.

Свѣтелъ мѣсяцъ—родимый батюшка,
Красно солнышко—родная матушка!
Мнѣ не надобно ни золота, ни серебра,
Прошу вашего честнаго благословенія.

III. Пѣсни шуточныя.

184.

Друженька хорошенькой!
Друженька пригоженькой!
Какъ на дружкѣ кафтанъ багрецоваго сукна,
Какъ на дружкѣ камзолъ
Золотой парчевой;
Какъ на дружкѣ штаны
Черны бархатные;
Какъ на дружкѣ чулки,
Бѣлы шелковые;
Какъ на дружкѣ башмаки
Черны замшевые;
Пряжки съ искорками,
Вонъ повыскакали.
Онъ при тросточкѣ стоитъ,
Прибодряся говоритъ;
На немъ шляпа съ перомъ
И перчатки съ серебромъ;
Коли хочешь въ рай,
Передайся намъ?
Еще есть про тебя
У насъ скляница вина,
И скляница вина,
И пива ендова,
Еще крынка молока
И конецъ пирога.

185.

На дружкѣ-то кафтанъ
Весь по ниткѣ сбиранъ;
Какъ на дружкѣ-то кафтанъ
Со фальшивой бахрамой;
Какъ на дружкѣ-то штаны
Послѣ дяди сатаны;
Чулки вязаные,
И тѣ краденые;
Башмачки хороши,
Лишь подошвы изошли;
Пряшки съ искорками
Вонъ повыскакали;
На дружкѣ-то шляпенка,
Послѣ сватушки чертенка;
Онъ по горницѣ прошелъ,
Трои шолуди нашелъ;
На полати-то взглянулъ,
Трои лапти стянулъ.
На поварнѣ живалъ,
И онъ ложки мывалъ,
Помои пивалъ,
Мочалки сосалъ.
Посадимъ тебя за столъ,
Пришибемъ тебя пестомъ,
На закусочку
Колотушечку.
Скажемъ по воду пошелъ,
Скажемъ подъ ледъ ушелъ.
Друженька по горницѣ похаживаетъ,
Частехонько поговариваетъ:
Ужъ куда я, братцы, хорошъ,
На лиху болѣсть похожъ!
Рожа пряслицею,

Глаза склянщею,
Да и носъ крючкомъ,
Голова пестомъ.
Дружка вороты рублемъ отпираетъ,
Коломъ запираетъ;
Дружку по денешкамъ принимаютъ,
А дубиной провожаютъ.
Друженька хорошенькой!
Друженька пригоженькой!

186.

Свашенька хорошенька!
Свашенька пригоженька!
Какъ на свахѣ, свахѣ
Не самъ чепецъ пляшетъ,
Вши его поднимаютъ,
А гниды толкаютъ.
Сваха на свадьбу спѣшила,
На мутовкѣ рубаху сушила.
Ѣхала свашенька изъ города,
Свѣсила ноженьки изъ короба.
Увидѣли свашеньку два щеголя,
Приударили свашеньку въ два шелепа;
Свашенька испугалася,
На дохлу курицу кидалася.
Стучитъ, гремитъ на улицѣ,
Ѣдетъ сваха на курицѣ;
Пестомъ она погоняетъ,
На свадьбу поспѣшаетъ.
Ужъ, какъ друженько-то Захаръ
Гонитъ ее сзади на базаръ,
Продать хотя не изъ рожи,
А пусть хоть бы изъ кожи.
Да не одинъ мясникъ божится,
Что и шкура не годится;
Одинъ только Мартынъ,
Давалъ съ курицой алтынъ.
Ужъ, какъ друженько осердился,
Къ Москвѣ рѣкѣ торопился,
Сваху за воротъ схватилъ,
Къ шеѣ камень прицѣпилъ,
Головой пускаетъ въ воду.
Какъ на встрѣчу имъ Татары
Гонятъ стадо таракановъ.
Дружко сваху промѣнялъ,
Пару таракановъ взялъ.
Ее садятъ въ коробокъ,
Ведутъ въ Казань городокъ,
Соломою ее кормятъ,
Вмѣсто пива щолокомъ поятъ.
Свашенька съ Волги уходила,
На воробьѣ на свадьбу прикатила.
Свашенька хорошенька!
Свашенька прихоженька!

187.

Подари насъ умненькой,
Подари хорошенькой,
Не рублемъ, не полтиною,
А простою насъ гривною!
Буде станешь дарить,
То дари—поскорѣе;
А не станешь дарить,
То мы станемъ корить,
И въ глаза говорить:
У Агапа кудри,
У Данилыча черны,
На четыре грани,
Черти его драли,
Маленьки чертеняты
Туда-жъ волочили.
Агафонъ, господинъ, не скупися, не скупися,
Съ золотой гривной разступися, разступися!
Тебѣ тѣмъ казны не скопити, не скопити!
Василисѣ башмаковъ не купити, не купити!
Къ обѣднѣ пойдетъ въ нихъ — замараетъ, замараетъ,
Отъ обѣдни пойдетъ въ нихъ—растеряетъ, растеряетъ.

188.

Ты женихъ, господинъ, удивися, удивися!
Подъ тобой ковры золотые, золотые,
Подъ коврами ларцы кованые, кованые,
Въ ларцахъ казна несмѣтна, несмѣтна,
Золотые тебѣ на свадьбу, на свадьбу,
А серебряные-то дѣвицамъ, дѣвицамъ,
А копѣйки твои—въ богодѣльню, въ богодѣльню.

189.

Во теремѣ гусли лежали,
Ай не кому во гусли играти,
Еще Петра дома не случилося,
Захарьевича дома не случилося,
У ласкова тестя пируетъ,
У ласковой тещи столуетъ.
А теща-то зятя провожала,
Среди двора зятю наказала:
Ахъ, зять-ты мой, зять любезный!
Ты пей, зять, вино не допьяна,
А сладкаго меду не досыта,

Ты садись на коня, не шатайся,
Поѣдешь домой, не валяйся,
Надъ Аннушкою не ломайся;
Вѣдь, Аннушка дитя молодое,
Ивановна не устарокъ,
Обычья твоего не знаетъ,
Ко нраву твоему не привыкла,
Разувать, раздѣвать не обыкла,
Въ уста цѣловати не достанетъ,
На лавочку станетъ, такъ достанетъ.

190.

Во саду не лукъ-ли?
А дружка у насъ не глухъ ли?
Друженька хорошенькой!
Друженька пригоженькой!
Во саду не чеснокъ ли?
А дружка у насъ не безъ ногъ ли?
Друженька хорошенькой!
Друженька пригоженькой?
На дворѣ не снѣгъ ли?
А дружка у насъ не слѣпъ ли?
Друженька хорошенькой!
Друженька пригоженькой!
Сказали про дружка: богатъ онъ!
Сказали про него: тороватъ онъ!
Друженька хорошенькой!
Друженька пригоженькой!
Будто съ гривны на гривну ступаетъ,
Рублемъ вороты запираетъ.
Друженька хорошенькой!
Друженька пригоженькой!
Да, что-жъ его за богатство?
Онъ съ щепки на щепку ступаетъ,
Друженька хорошенькой!
Друженька пригоженькой!
Онъ съ щепки на щепку ступаетъ,
Коломъ ворота запираетъ.
Друженька хорошенькой!
Друженька пригоженькой!
Поѣхалъ дружка воевати
Вокругъ печи на лопатѣ,
Друженька хорошенькой!
Друженька пригоженькой!
Со лютыми со звѣрями,
Съ тараканами, со сверчками.
Друженька хорошенькой!
Друженька пригоженькой!
Пять лѣтъ онъ воевалъ,
Ни одного не поймалъ;
Друженька хорошенькой!
Друженька пригоженькой!
На шестомъ году блоху онъ убилъ,
И ту чуть чуть не упустилъ.
Друженька хорошенькой!
Друженька пригоженькой!

191.

Пойдемъ-ко мы по ряду,
По всей честной бесѣдѣ,
Дойдемъ-ка до умнаго,
До разумнаго до сватушки,
До Петра Даниловича.
Онъ охочь по пирамъ ходить,
Онъ охочь и пѣсенъ слушать,
Да гораздъ, вѣдь, и дѣвицъ дарить.
Не рублемъ дари а полтиною,
Золотой своею гривною,
Изъ гривны по три денежки,
На дѣвицу по копѣечкѣ.

192.

Слышешь-ли, чуешь-ли,
Петръ, свѣтъ Даниловичъ?
Мы тебѣ пѣсню поемъ,
Тебѣ мы честь воздаемъ.
Какъ бѣлый сыръ на блюдѣ лежитъ,
Что сахорный кусъ на тарелочкѣ,
Какъ маковъ цвѣтъ въ огородѣ стоитъ,
То сватушка нашъ за столомъ сидитъ.

193.

Ты, сватушка, дари,
Расхорошенькой дари!
Станешь насъ дарить,
Не будемъ-тя бранить.
Какъ Петра-то жена
На дѣвичникъ сряжала,
Въ платъ полтину завязала,
Отпущаючи, приговаривала:
Ты, поѣдешь, другъ, на свадьбу,
Тамъ тебѣ дѣвицы красныя
Станутъ пѣсни правити,
Тебя, моего друга, величати.
Ты дари ихъ, не скупися,
Золотой казной разступися,
Ворона коня тебѣ не купити,
По гостямъ тебѣ не гостити.
Ты, сватушка, догадайся,
Разхорошенькой смекни!
Разпахни шубу овчинну,
Даставай мошну сафьянну,
Вымай-ко гривну золотую,
Изъ гривны по три денежки,
На дѣвицу по копѣечкѣ.

194.

Спасибо тебѣ, сватушка, на дару твоемъ!
Ужъ, твой ковшикъ мы весь выпили,

Золотую гривну вынули;
То намъ на бѣлыя бѣлилы,
То намъ на красныя румяны.

195.

Чтобы-те свату по міру ходить,
По міру ходить, силу волочить!
Ужъ, какъ сватъ по бережку похаживаетъ,
Въ чисту рѣченьку поглядываетъ,
Да вѣдь, самъ себя похваливаетъ:
Ужъ, и какъ же я хорошъ!
Ужъ, и какъ же я пригожъ!
Самъ-то пестомъ, голова пестомъ,
Рожа пряслицею, глаза раковицею.

196.

Ты, сватушка, ненаѣда, догадайся,
Ко дворамъ скорѣй подымайся.
Ужъ, какъ сватъ-то, ненаѣдъ
Съѣлъ корову, да быка,
Насѣдку съ циплятами;
Какъ у свата-то косые глаза
По полицамъ все глядятъ,
Они каши знать хотятъ,
Каши масляной, ложки крашеной.

197.

Александръ, не гляди подъ столъ;
У насъ нѣтъ масловъ.
Хоть и были маслы,
Да кошки унесли,
Да кобели пестры,
Да всѣ твои сестры.

198.

Какъ свашенька молвитъ:
Не въ моготу сидѣти
Подъ большимъ нарядомъ!
Золотой кокошникъ
Головушку ломитъ,
Къ сырой землѣ клонитъ;
Алмазны серги
Мнѣ уши оттянули;
Бурмитской жемчугъ
Мнѣ шею понатеръ;
Соболиная шубка
Мнѣ плечи обдавила.

IV. Пѣсни семейныя.

199.

По городу, по городу звоны пошли,
По терему, по терему дары понесли.
Дарила дары, дарила дары душа дѣвица.
Прими, сударь, дары, прими, сударь, дары, добрый молодецъ!
На мои дары, на мои дары не погнѣвайся;
Мои-то дары, мои-то дары непасеные,
Моя-то свадьба, моя-то свадьба незнаемая.

200.

Кони вы мои, кони,
Кони вороные,
Сослужите мнѣ службу,
Сослужите мнѣ вѣрную:
Завтра, порану, привезите ко мнѣ,
Завтра по утру примчите ко мнѣ
Мою суженую, мою ряженую,
Ту-ли душу, красну дѣвицу,
Анисью Львовну;
Какъ у насъ дѣло-то сдѣлано,
Какъ у насъ-ли помолвлено,
Помолвлено, на словѣ положено,
По рукамъ у насъ ударено
Со отцемъ и матерью:
Быть сговору дѣвичьему,
Завтра къ суду Божьему ѣхати,
Подъ златымъ вѣнцомъ стояти.

201.

Соколы мои, соколы,
Соколы мои залетные!
Вы гдѣ же летали?—
И мы летали, летали
Съ города на городъ,
Летали съ поля на поле.
И вы что же тамъ видѣли?—
И мы видѣли, видѣли
Сѣру утицу на морѣ.
Для чего-жъ вы ее не взяли?—
Хоть мы ее и не взяли,
Крылья, перья повыщипали.
Иванъ, господинъ, выходилъ на ново крыльцо,
Онъ бояръ, господъ всѣхъ спрашивалъ:
И вы гдѣ бояре ѣздили?—
И мы ѣздили, ѣздили
Съ городу на городъ.
И вы что же тамъ видѣли?—
И мы видѣли, видѣли
Красну дѣвицу въ терему,
Свѣтъ Настасью душу,
Настасью Петровну.
Для чего же вы ее не взяли?
Хоть мы ее и не взяли,
Къ Воскресенью примолвили.

202.

Катился мѣсяцъ ясный
По лазоревому небу,
Кидалъ лучи свѣтлые
На рѣки на быстрыя, глубокія.
Ходилъ, Иванъ, господинъ,
Иванъ, сударь, Петровичъ,
Въ зеленомъ саду по зарѣ,
Взводилъ очи ясные,
На кусточки частые,
На цвѣточки алые,
На цвѣтики лазоревые.
Ужъ, не долго мнѣ васъ растити,
Ужъ, не долго васъ лелѣяти,
По зарямъ поливати.
Какъ пріѣдетъ моя суженая,
Какъ пріѣдетъ моя ряженая.
Акулина душа Трифоновна,
Ужъ, мнѣ-ли будетъ не до васъ,
Не до васъ, а до молодой жены.

203.

Ужъ, пойду ли я къ тестю въ домъ,
Ужъ, пойду ли я къ тещѣ ласковой
Возьму мою суженую,
Возьму мою ряженую,
Душу Машеньку,
Машеньку, свѣтъ Ефимовну,
Возьму за бѣлы руки,
За бѣлы руки, за румяныя,
Посажу за дубовый столъ,
Посажу я возлѣ себя;
Поцѣлую, поцѣлую Машеньку,
Поцѣлую душу Ефимовну,
Назову ее душой своей,
Душой своей и радостью.

204.

Ты, Иванъ, сударь, Петровичъ,
Ты у меня уродился хорошъ-пригожъ,
Досужливъ, вѣжливъ, и талантливъ,
А какъ ко тещѣ въ домъ придешь,
Сперва Богу помолись,
Тестю низехонько поклонись,
Чтобъ былъ ни свирѣпъ, ни угрюмъ;
А какъ ко тещѣ въ теремъ войдешь,
Помолись Богу лучше того,
Тещѣ поклонись ниже того,
Чтобы была ни спесива, ни горда,
Чтобы была добра да ласкова,
Не нудила бы твою суженую,
Не грустила бы, не слезила бы
Марьюшка, душа Ивановна;
Ужъ, она-ли у батюшки на нѣгѣ выросла,
Ужъ, она-ли у матушкѣ
Слезинки не выронила.
А какъ къ суженой пойдешь,
Берись за бѣлы руки,
Поздоровайся, повидайся,
Справь поклоны отъ отца и матери,
Сажай съ собой за дубовый столъ,
Ты тѣшь ее орѣшками, пряничками;
А какъ сядешь за красный столъ,
Вели честной свашеньки
Подавать краснымъ дѣвушкамъ
Гостинцы, яства сахорныя,
Чтобы они тебя величали,
Твою суженую возвышали.

205.

Какъ ходилъ Иванъ, господинъ,
Разхаживалъ, сударь, Петровичъ,
У себя ли во свѣтличкѣ,
Во свѣтличкѣ новой, изукрашенной,
Вынималъ изъ кована ларца,
Изъ кована, изъ дубоваго,
Дары, подарки дорогіе:
Тестю батюшкѣ сукно,
Сукно багрецовое,
Тещѣ-матушкѣ парчу,
Парчу золоченую,
Свѣту шурину кафтанъ,
Кафтанъ ала бархата,
Дорогой своячинѣ ленточку,
Ленточку союзную,
Душѣ ли своей суженой,
Свѣту ли своей ряженой,
Марьѣ Ивановнѣ
Золотъ перстень со алмазами,
Со алмазами и со яхонтами.
Ты носи, моя душенька,
Что на правой ли на рученькѣ,
Что на бѣломъ ли на мизинчекѣ,

206.

Какъ у Ефима ли во свѣтличкѣ,
У Гавриловича во свѣтлой,
Предъ святымъ образомъ,
Загоралися свѣчи,
Воска яраго свѣчи,
Загоралися свѣтлехонько,
Засвѣтилися яркохонько.
Что возговоритъ Ефимъ, господинъ,
Ефимъ, сударь, Гавриловичъ:
Ты, дитя ли мое, дитятко,
Ты, дитя ли мое, милое,
Машенька, душа Ефимовна!
Подойди къ святому образу,

Поклонись трижды до земли,
Помолися по прилежнѣе;
Чтобы далъ Богъ тебѣ суженаго:
Ласковаго, привѣтливаго,
Любовнаго, совѣтливаго,
Чтобы годъ шелъ за недѣлюшку,
Недѣлюшка за денечекъ шла.

207.

Какъ у Ефима на дворѣ
Выростало деревцо кипарисное,
На то ли деревцо соколамъ былъ слетъ,
Подъ то ли деревцо бояромъ былъ съѣздъ.
Они думу думали,
Думушку крѣпкую:
Ужъ, какъ намъ взойдти
Ко Ефиму на дворъ,
Ко Гавриловичу на широкъ?
Ужъ, какъ бы намъ взять
У Ефима дитя,
У Гавриловича милое?
Гдѣ ни взялся смѣлый
Иванъ, господинъ,
Иванъ, сударь, Ивановичъ.
Семъ-ко я пойду,
Семъ-ко я возьму
У Ефима-то дитя,
У Гавриловича милое.
А и слышалъ то его батюшка,
А и слышала то его матушка.
Ты, дитя наше милое!
Мы всѣмъ поѣздомъ поѣдемъ,
Мы съ честнымъ дѣломъ взъѣдемъ,
Помолясь, взойдемъ,
Поклонясь, возьмемъ.

208.

Какъ Ивана матушка
Въ Воскресенье породила
Во соборныя во заутрени;
На роду она слово молвила:
Ой ты будь, мое дитятко,
Ой ты будь, мое милое,
И талантливо и счастливо,
Ко добрымъ людямъ привѣтливо!
Какъ задумаешь женитися,
Какъ пріѣдешь ты къ тестю на дворъ,
Ты отдай коня конюху,
Чтобы свелъ на конюшенный дворъ,
Накормилъ бы пшеницею,
Напоилъ бы сытицею;
Какъ взойдешь на ново крыльцо,
Не клади плеточку,
Ты повѣсь ее на стопочку;
Какъ взойдешь во новы сѣни,
Не клади просто шляпоньку,
Ты отдай ее друженькѣ;
Какъ взойдешь во свѣтлу свѣтличку,
Ты низко тестю кланяйся,
Ты ниже того тещенькѣ;
Какъ взойдешь ли во высокъ теремъ
Къ краснымъ дѣвушкамъ,
Узнавай твою суженую:
Твоя суженая наряженая,
На ней платье всѣхъ цвѣтнѣй.

209.

Ты бѣлая моя, сосѣдушка,
Голубушка Настасья Ивановна!
Оставляешь ты меня, горькобѣдную
На чужой дальной сторонушкѣ;
Поклонися ты, моя голубушка,
Родимому моему батюшкѣ,
Поклонись ты, моя сосѣдушка,
Родимой-то моей матушкѣ.
Иванъ, сударь, Васильевичъ!
Не покинь меня, горькобѣдную,
На чужой дальной сторонушкѣ.

210.

Ты послушай, голубушка,
Ты, умная, догадайся,
Какъ отца съ матерью
Во чести содержать,
Какъ добра мужа почитать!
Ужъ, я-ль тебя буду:
Сытно кормить,
Сытно кормить,
Сытой поить,
Къ отцу къ матери пускать,
Въ обновы одѣвать,
Чужимъ людямъ хвалить.
И ты, голубушка,
Раздѣвайся запросто,
Живи во новой семьѣ,
Какъ въ своей роднѣ.
Ты кланяйся батюшкѣ,
Ты поклонись матушкѣ,
Ты поклонись всей роднѣ.

V. Пѣсни обрядныя.

211. На подарки новой родни.

Гусли мои, гусельцы,
А гдѣ гусли были? —

У Хавроньи во теремѣ.
Что Хавронья дѣлаетъ?—
Плачетъ, возрыдаетъ,
Къ ларцу припадаетъ:
Ты, ларчикъ мой, ларчикъ,
Кованой, приданой!
Не годъ я копила,
Пришла пора, время;
Я въ часъ роздарила:
Я свекру сорочку,
Свекрови другую,
Деверьямъ платочки,
Золовкамъ вѣночки;
Красуйтесь золовки,
Красуйтесь голубки!
Какъ я красовалась,
Косой похвалялась.
Гусли мои, гусельцы!

212. На покупку косы у невѣсты передъ поѣздомъ.

Не трубушка трубила рано на зарѣ,
Свѣтъ дѣвица плакала по русой косѣ:
Вечоръ мою косыньку перевили,
И жемчугомъ косыньку унизали,
Какъ Богъ суди, Ивана Назаровича
Прислалъ ко мнѣ сваху немилостиву,
Учала мою косыньку рвать, порывати,
И золото съ косыньки обрывати,
И жемчугъ съ русыя разсыпати.

213. При пріѣздѣ свахи къ поѣзду.

Я не знала, не вѣдала,
Ко мнѣ сваха пріѣхала:
Сваха гордая, спѣсивая,
Молодая, ломливая;
Она ступитъ, не ступитъ,
Да хотя она ступила
По атласу, по бархату,
По аксамиту на золотѣ,
Она молвила, не молвила,
Да хотя она молвила
Со княжною, съ боярыней,
Съ Анною Фаддеевной:
Одѣвайся ты, умная,
Снаряжайся разумная!
Не спѣши, сваха гордая!
Мнѣ куда снаряжатися
Отъ родимаго батюшки,
Отъ родимой матушки?

214. При отпускѣ невѣсты къ вѣнцу.

Матушка, что во полѣ пыльно?
Сударыня, что во полѣ пыльно?—
Дитятко, кони разыгрались,
Свѣтъ мое милое, кони разыгрались.
Матушка, на дворъ гости ѣдутъ?
Сударыня, на дворъ гости ѣдутъ?—
Дитятко, не бойся, не выдамъ,
Свѣтъ мое милое, не бойся, не выдамъ.
Матушка, на крылечко гости идутъ?
Сударыня, на крылечко гости идутъ?—
Дитятко, не бойся, не выдамъ,
Свѣтъ мое милое, не бойся, не выдамъ.
Матушка, въ нову горницу идутъ?
Сударыня, въ нову горницу идутъ?—
Дитятко, не бойся, не выдамъ,
Свѣтъ мое милое, не бойся, не выдамъ.
Матушка, за дубовый столъ садятся?
Сударыня, за дубовый столъ садятся?—
Дитятко, не бойся, не выдамъ,
Свѣтъ мое милое, не бойся, не выдамъ.
Матушка, образъ со стѣны снимаютъ?
Сударыня, образъ со стѣны снимаютъ?—
Дитятко, не бойся, не выдамъ,
Свѣтъ мое милое, не бойся, не выдамъ.
Матушка, меня благословляютъ?
Сударыня, меня благословляютъ?—
Дитятко, Господь Богъ съ тобою,
Свѣтъ мое милое, Господь Богъ съ тобою!

215. При отпускѣ приданаго.

Разлилась, разлелѣялась
По лугамъ вода вешняя,
Вода вешняя, рѣчная.
У Ивана Михайловича,
Ахъ, бѣда учинилася:
Какъ безъ вѣтра, безъ вихоря
Ворота растворилися,
Три кораблика уплыли:
Какъ первый корабль съ золотомъ,
А другій съ чистымъ серебромъ,
А третій съ красной дѣвицей.
Какъ не жаль-то мнѣ ни золота,
Мнѣ ни чистаго серебра,
Да что жаль-то мнѣ дѣвицы,
Свѣтъ Надежды Ивановны,
Моей дочери родныя.
У Ивана Васильевича,
Да что за радость учинилася?
Что безъ вѣтра, безъ вихоря

Ворота растворилися,
Три кораблика прибыли:
Какъ первый корабль съ золотомъ,
А другій съ чистымъ серебромъ,
А третій съ красной дѣвицей.
Мнѣ не дорого золото,
Мнѣ не дорого чисто серебро,
Мнѣ дорога дѣвица,
Свѣтъ Надежда Ивановна,
Моя будущая невѣста.

216. При уборѣ къ вѣнцу.

На морѣ утушка купалася,
На синемъ сѣрая полоскалася,
Полоскавши утушка, встрепенулася,
Встрепенувши утушка, вышла на берегъ.
Вышедши утушка, да вскрикнула:
Какъ-то мнѣ съ синимъ моремъ разставатися?
Какъ-то мнѣ съ крутыхъ береговъ подниматися?
Въ теремѣ дѣвушка умывалася,
Въ высокомъ красная снаряжалася,
Бѣлыми бѣлилами бѣлилася,
Алыми румянами румянилася,
Черными сурмилами сурмилася,
Насурмивши, она заплакала:
Какъ-то мнѣ съ батюшкой разстатися,
Съ родной матушкой прощатися?

217. При уборкѣ приданаго.

Яблочко въ саду ростетъ,
Наливное на вѣточкѣ.
А кто-жъ у насъ яблочко?
А кто-жъ у насъ наливное?
Ой ляли, ляли,
Наливное яблочко!
Яблочко Катинька,
Ой свѣтъ Гавриловна.
Какъ за Катинькой батюшка
Даетъ приданаго:
Гусака чубараго,
Да и гусыню сѣрую,
Да и коня съ конюшни,
Да и село съ помѣстьями.
Государь ты, мой батюшка!
Какъ гусакъ ѣда моя,
Какъ гусыня краса моя,
Какъ конь гульба моя,
Ой ляли, ляли,
Село съ помѣстьями!

218. При заплетаніи косы у невѣсты.

Двѣ рѣки сотекалися,
Двѣ свахи съѣзжалися;
Думали думу надъ русой косой:
Какъ намъ расплетать русу косу?
Какъ разложить косу на двое?
Вы постойте, свахи гордые,
Дайте мнѣ посидѣть у батюшки,
У родимой у матушки,
Дайте поучиться какъ домомъ жить:
Домомъ жить—много вѣдать надобно.

219. Въ жениховомъ домѣ при поѣздѣ за русою косою.

Кони вы мои, кони,
Кони вороные!
Сослужите мнѣ службу,
Сослужите мнѣ вѣрную:
Завтра по рану привезите ко мнѣ,
Завтра по утру примчите ко мнѣ
Мою суженую, мою ряженую,
Ту-ли душу, красну дѣвицу,
Анисью Панкратьевну;
Какъ у насъ дѣло-то сдѣлано,
Какъ у насъ-ли помолвлено,
Помолвлено, на словѣ положено,
По рукамъ у насъ ударено
Со отцемъ и матерью:
Быть сговору дѣвичьему,
Завтря къ суду Божьему ѣхати,
Подъ златымъ вѣнцомъ стояти.

220. При поѣздѣ къ свадьбѣ.

Подымалася погодушка,
Что со Московской сторонушки,
Уносила лебедь бѣлую,
Лебедь бѣлую, черноногую,
Со желтыхъ водъ, со ключевыхъ,
Съ тихихъ рѣчекъ, со глубокихъ.
Отъ своихъ бѣлыхъ лебедушекъ,
Гнала, гнала лебедь бѣлую,
Гнала, гнала черноногую,
Гнала въ бурно море сине.
Сине море взволновалося,
Лебедь бѣлая встосковалася.
Ой ты, буря непогодушка,
Унесла меня съ моей сторонушки,
Съ желтыхъ водъ, со ключевыхъ,
Съ тихихъ рѣчекъ, со глубокихъ,
Отъ своихъ бѣлыхъ лебедушекъ!
Ужъ не жаль-то мнѣ желтыхъ водъ, ключевыхъ,

Ужъ не жаль-то мнѣ тихихъ рѣчекъ, глубокихъ,
Ужъ не жаль-то мнѣ бѣлыхъ лебедушекъ:
Жаль-то мнѣ своей сторонушки,
Жаль-то мнѣ своихъ бѣлыхъ перушковъ,
Бѣлыхъ перьевъ, бѣлыхъ крылышекъ!
Какъ изъ славной Тверской улицы
Подымалися князья, бояре всѣ,
Соѣзжалися ко Иванову двору:
Вороты дубовыя отворяются,
Входятъ гости на широкій дворъ;
Идутъ гости на ново крыльцо.
Въ терему-ли видятъ дѣвицу,
Во высокомъ видятъ красную,
Еленушку душу Ивановну.
Ужъ берутъ ли ее за бѣлы рки,
Ужъ уводятъ-ли отъ дѣвушекъ,
Ужъ уводятъ-ли отъ красныхъ.
Какъ сажаютъ душу Еленушку,
Еленушку свѣтъ Ивановну,
Что за тотъ-ли за дубовый столъ,
Что за тѣ-ли скатерти браныя;
Послѣ увезли домой къ себѣ,
Къ свекору, чужему батюшкѣ,
Къ свекрови, чужой матушкѣ,
Къ чужимъ сестрамъ, золовушкамъ,
Къ чужимъ братьямъ, деверьюшкамъ.
Свекоръ батюшка осержается,
Свекровь матушка разгнѣвается,
Умные деверья вкось глядятъ,
Глупыя золовушки съѣсть хотятъ.
Душа Еленушка встоскуется,
Свѣтъ Ивановна взгорюется,
Въ горючихъ слезахъ восплачется:
Ой, вы гости незнакомые!
Увезли меня отъ батюшки
Увезли отъ родимаго,
Увезли меня изъ терема,
Увезли изъ высокаго,
Разлучили со дѣвицами,
Со дѣвицами ли красными
Со моими-ль подружками.
Ужъ, не жаль-то мнѣ и терема,
Ужъ, не жаль-то мнѣ высокаго,
Ужъ, не жаль-то мнѣ красныхъ дѣвушекъ:
Жаль-то мнѣ роднаго батюшку,
А жалчей того русой косы,
Что моей-ли дѣвичьей красы.

221. При передачѣ своей сестры.

Братецъ, постарайся,
Братецъ, поломайся!
Не продавай сестру
Ни за рубль, ни за золото.
Брату мила сестра,
А золото милѣй.
Братецъ, Татаринъ,
Продалъ сестру за талярь,
Русу косу за полтину!

222. При провожаніи невѣсты изъ бани.

При дѣвичьемъ было при вечерѣ,
При Марьиномъ-то дѣвичникѣ,
Не трубушка трубила рано на зарѣ,
То плакала Марьюшка по русой косѣ;
Свѣтъ моя косынька, русая коса!
Разовьютъ тебя, косыньку, на шесть долъ,
Заплетутъ тебя, косыньку, на двѣ косы.
Дотоль тя, косыньку, дѣвушки плели,
Теперича косыньку свахѣ ужъ плести;
Укрутятъ тя, косыньку, вокругъ головы,
Повяжутъ по косынькѣ бабью красоту,
Бабья красота на печи въ углу,
Дѣвичья красота во поле, на лугу.

223. Коровайная.

Коровай катается,
Коровай валяется,
Коровай на лопату сѣлъ,
Коровай на ножки всталъ,
Коровай гряды досталъ.
Ужъ, нашъ-то коровай
Для всей семьи годенъ,
Для всей семьи, чужой родни:
Чужому батюшкѣ заѣсть,
Чужой матушкѣ закушать,
Молодой княгинѣ нашей,
Свѣтъ Марьѣ Ефимовнѣ,
Утричкомъ прикушать,
Молодому-то князю нашему,
Свѣту Петру Петровичу
Сыто насыто наѣсться.

224. При поѣздѣ къ вѣнчанью.

Родимо мое дитятко,
Иванушка, свѣтъ Петровичъ!
Какъ поѣдешь ты жениться-то,
Привезешь себѣ ты молоду жену,
Не покинь ты меня, бѣдну, горькую,
При старости и при хворости;
Не мѣняй меня, горемышную,
На свою молодую-то жену.

225. При обуванiи къ вѣнцу.

Родимой ты мой, братецъ,
Куда ты меня обуваешь?
Куда ты меня снаряжаешь?
Обуваетъ меня, снаряжаетъ,
Въ чужу дальнюю сторонушку,
Къ чужому отцу съ матерью,
Къ чужому роду племени.
Али я, была у васъ не работницею?
Али я, была у васъ не заботницею?

226. При разрѣзыванiи коровая.

Свѣти, свѣти мѣсяцъ
Нашему коровою;
Проглянь, проглянь солнце
Нашему коровою.
Вы, добрые люди, посмотрите,
Вы нашего коровая отвѣдайте.
Вы, князь съ княгиней покушайте.

227. Послѣ бани.

Спасибо тебѣ, родимый братецъ,
На дровцахъ сухихъ, перелѣтовыхъ!
Спасибо тебѣ, родная невѣстушка,
На пару, на банькѣ,
На мягкомъ на вѣничькѣ!

228. Предъ вѣнчанiемъ къ роднымъ.

Родимый ты, мой батюшка!
Спалось ли тебѣ, мой родный?—
Не спалось мнѣ во всю темну ночь,
Во всю ноченьку я думу думала.
Не темно стало на дворѣ уже,
Заря занимается,
Мои недруги-разлучники сбираются;
Разлучають меня съ отцомъ, съ матерью,
Съ моимъ родомъ-племенемъ.
Родимый ты, братецъ мой!
Ты поди-ка въ темный лѣсъ,
Ты сруби, сруби березыньку,
Загради ты путь-дороженьку,
Чтобы моимъ недругамъ
Нельзя было ни пройти, ни проѣхати.
Ты поди-ка, моя подруженька!
Не прогнѣвайся, моя любезная,
Что тебя я не встрѣтила
Посреди пути-дороженьки,
Посреди двора широкаго,
Супротивъ крыльца высокаго,
Не по спѣси, не по гордости,
За своимъ горемъ великiимъ.
Вы не будете ко мнѣ ходить,
Звать на улицу широкую;
Заростетъ ваша дороженька
Травкой муравою,
Западутъ ваши слѣдиночки
Бѣлопуховымъ снѣжкомъ.
Ты поди-ка, моя милая,
Аграфена Ивановна!
Я спрошу тебя, надѣючи,
Ты скажи, меня жалѣючи:
Какъ жить въ чужихъ людяхъ?

229. Отвѣтная невѣстѣ.

Ладушка наша милая,
Анна Ивановна!
Надо жить во чужихъ людяхъ
Умѣючи,
Разумѣючи.
Чужи люди словно темный лѣсъ,
Словно туча грозная.
Безъ морозу сердце вызябнетъ,
Безъ бѣды глаза выхолятъ.
Въ чужихъ людяхъ будь:
И покорна,
И пословна.

230. При въѣздѣ поѣзда на дворъ.

Не полая вода на широкiй дворъ
Къ моему батюшкѣ взлелѣяла;
Взлелѣяли мои недруги,
Хотятъ они разлучить меня
Съ отцомъ, съ матерью,
Съ родомъ, съ племенемъ.
Встрѣчай ты, мой батюшка,
Встрѣчай ты, моя матушка,
Своихъ другowъ, моихъ недруговъ,
Недруговъ, разлучниковъ;
Разлучатъ они меня
Съ отцемъ, съ матерью,
Съ родомъ, съ племенемъ.

231. При заплетанiи косы.

Свѣтъ ты, моя коса русая!
Свѣтъ ты, мой шелковой косникъ!
Плети ты, моя невѣстушка,
Плети косу мелко на мелко,
Вяжи узлы крѣпко на крѣпко!

232. Предъ отъѣздомъ поѣзда.

Не было вѣтру, да повянуло,
Не было гостей, да наѣхало
Полонъ дворъ золотыхъ каретъ,
И бояръ и князей.

Вышугали, выпугали
Соловья изъ саду зеленаго.
Расплакалися дѣвицы,
Растужилися красныя;
О своемъ соловушкѣ,
О красѣ дѣвичьей.
Не плачте, не тужите,
Поймаютъ соловья въ саду.

233. Предъ вѣнчаніемъ.

Матушка родимая моя,
Мать ты моя, государыня!
Князья, бояре на дворѣ. —
Не пугайся, дитятко,
Не пугайся, мое милое,
Не пущу ихъ во высокъ теремъ.
Матушка, матушка,
Мать ты моя, родимая!
Князья бояре Богу молятся. —
Не пугайся, дитятко,
Не пугайся, мое милое,
У гостей такъ водится;
Не пущу ихъ во высокъ теремъ.
Метушка, матушка,
Мать ты моя, родимая!
Князья, бояре за дубовый столъ садятся. —
Не пугайся, дитятко,
Не пугайся, мое милое,
У гостей такъ водится;
Не пущу ихъ во высокъ теремъ.
Матушка, матушка,
Мать ты моя, родимая!
Князья, бояре тебя зовутъ,
Зовутъ къ себѣ, позываютъ.
Дитя-ли, мое дитятко,
Дитя-ли, мое милое,
Князья бояре не меня зовутъ,
Не меня зовутъ, позываютъ,
Не ко мнѣ они пріѣхали;
А тебя ли, мое дитятко,
А тебя ли, мое милое,
Зовутъ они, позываютъ,
Къ себѣ они кличутъ, выкликаютъ;
Къ тебѣ они пріѣхали,
Увезти тебя съ собой хотятъ,
Къ твоему ли то суженому
Къ Ивану-то Петровичу.

234. На распусканіе косы.

Ай, спасибо тебѣ, чарочька золоченая!
Ай, спасибо тебѣ, ковшичекъ серебряной!
И вы дѣвицу красную употчивали;
Помогли мнѣ распустить русу косу.

235. Отъ невѣсты своей матери.

Родима ты, моя матушка,
Поучи меня уму разуму!
Какъ мнѣ жить да быть на чужой сторонѣ?
Ты, родимо мое дитятко!
Ужъ, живи, да привыкай-то ты
Къ чужой дальной сторонушкѣ,
Къ чужому отцу, матери.

236. Отъ матери по отъѣздѣ ея дочери къ вѣнцу.

Прощай, родимо дитятко!
Поила было я, кормила тебя,
Лелѣяла мою дитятку,
Думала, чаяла, что будешь ты
При старости мнѣ, при хворости,
На радость, да на сбереженье.
Оставила ты меня при старости,
Покинула ты меня при хворости,
Бросила ты меня, сироту одинокую.

237. При заплетаніи косы.

Ты красота моя, красота,
Красота-ль моя дѣвичья,
Мнѣ куда красу дѣть будетъ?
Мнѣ куда положить будетъ?
Если въ лѣсъ пущу — заблудится,
Въ зеленъ садъ — загуляется;
Я возьму свою красоту
Во свои руки бѣлыя
Во перстни во злаченые,
Унесу во чисто полѣ
Во чисто полѣ на травушку,
Отошедши, послушаю,
Не тоскуетъ-ли руса коса,
Дѣвичья красота?
Ужъ, какъ шли люди добрые,
Люди добрые, прохожіе,
Мужички деревенскіе,
Подкосили эту травушку,
Увидали русу косу:
Еще чья эта красота
У бережи ношена,
Не у мѣста положена?
Я возьму свою красоту
Во свои руки бѣлыя,
Понесу во высокъ теремъ
Я своей сестрѣ милой
Натальѣ Ивановнѣ.

238. При обувании невѣсты братомъ.

Какъ по саду, по садику,
Что ходила тутъ, гуляла
Молодая боярыня,
Во рукахъ она носила
Двѣ серебряныя тарелочки,
Подходила ко яблонкѣ.
Ахъ, ты яблонька, яблонька,
Зелена и кудревая
Наклонись-ко пониже мнѣ,
Ко матушкѣ ко сырой землѣ,
Я сорву съ тебя два яблочка,
Положу на тарелочку,
Понесу во высокъ теремъ,
Во высокъ теремъ къ милу братцу
Алексѣю Ивановичу.
Ахъ, ты братецъ, голубчикъ мой,
Ясенъ соколъ,
Ты прими-ко два яблочка,
Ты принявъ, разрушай-ко,
Поразрушивши, покушай-ко,
Моего горя послушай-ко,
Неоставь меня, милой братъ,
На чужой на сторонушкѣ
У чужова отца, матери,
У чужова роду племени.
Ты сестра, моя милая,
Ты носи платья, не снашивай,
Тѣрпи горе, не сказывай,
Ахъ, ты братецъ, голубчикъ мой,
Нося платье, сносится,
Потерпя горе, скажешься.

239. При выдачѣ невѣсты.

Какъ вечоръ кинарейка
Да громко щекотала,
Поутру ее рано
Не слыхать ее стало —
Щекотать перестала;
Знать, что къ нашей кинарейкѣ
Соколы прилетали,
И съ собой ее взяли.
Соколу въ руки дали,
Молодому вручили.
Ты владѣй, владѣй соколъ —
Нашей кинареечкой;
Не давай ее въ обиду
Ты ни ласточкамъ ни касаточкамъ,
Ни молоденькимъ пташечкамъ.
Да вечоръ свѣтъ Наталья
Да громко говорила,
Поутру ли рано
Не слыхать ее стало,
Говорить перестала;
Знать что къ нашей Наташѣ
Да бояре пріѣзжали
И съ собой ее взяли,
Молодцу въ руки дали,
Молодому вручили
Ты владѣй, владѣй Александра
Еще нашей Натальей,
Алексѣевной душою.
Не давай ее въ обиду
Ты ни свекру, ни свекрови
Ни деверьямъ, ни золовушкамъ;
Ты давай высыпаться ей
До девятаго часу.

240. При встрѣчѣ поѣзда.

Какъ изъ трубки въ трубку лилося
Изъ серебряной въ золотую,
Вылетала изъ трубки голубка
И со сизымъ голубочкомъ,
Со яснымъ соколочкомъ,
Садилася голубка на окошко,
А голубь на другое,
Ужъ, какъ зачалъ голубь ворковати,
А голубушка щекотати
Всякими разными голосами,
Человѣчьими словесами.
Да свѣтъ Наташенька
По горинкѣ ходила
Да ходила, да ходила, да ходила!
Во рукахъ она жалобу носила,
Она къ батюшкѣ приносила.
Еще батюшко жалобу не принялъ,
Къ ретиву сердцу не прижалъ.
Натальюшка по горинкѣ ходила,
Во рукахъ она жалобу носила,
Къ Василью приносила,
Къ Алексѣевичу приносила.
Какъ Василій-то жалобу принялъ,
Къ ретиву сердцу прижалъ.

СРАВНЕНІЯ

СВАДЕБНЫХЪ ПѢСЕНЪ.

ПѢСНИ МАЛО-РУССКІЯ.

Для сравненія Мало-Русскихъ пѣсенъ съ нашими Русскими мы выписываемъ изъ книги: Малороссійскія и Червоно-Русскія народныя думы и пѣсни, Спб. 1836, стр. 93.

1.

Теперь у насъ да дѣвичъ вечоръ,
Рано, рано, да дѣвичъ-вечоръ, — хороше изряженъ,
Да не такъ изряженъ, якъ обсаженъ:
У три стѣны каменныи, четвертая золотая
А на той стѣнѣ теремъ стоитъ,
А на теремочку маковочка,
А на маковочкѣ ластовочка:
Да свела гнѣздечко съ чорнаго шовку,
Да вывели дѣтки—однолѣтки,—
Перво дѣтятко молодый Ивашкѣ,
А друге дѣтятко молода Марусенька.

2.

Слала зоря да мѣсяця:
«Ой мѣсяцу, мой товаришу!
Не заходь ты, ранѣй мене,
И зайдемо обое разомъ
Освятимо небо и землю —
Срадуется звѣрь у полѣ, гость у дорозѣ.
Слала Марусечка да до Ивасечка,
Ой Ивасе! мой суженый,
Не сѣдай на посаду раній мене,
Обсадимо обое разомъ:
Съвеселимо два двора разомъ,
Ой первый дворъ, батька твого,
А другій дворъ, батька мого.

3.

Пливе утонька, безъ утиняты,
На море почевати,
А проти ей сизый селезень,
Съ чорными косицами:
Ой постой утко!
Да не пливи утко,
Щось тобѣ за вѣсть скажу:
Бувъ я ни ставку,
Чувъ я славоньку—
И про тебе, сира утонько!
Да плетутъ сѣтки
Да на твои дѣтки—
И на тебе, сира утонько!
Да нехай же плетутъ
И приплетуютъ:
Яжъ того не боюся,
Я на дно порну,
И сѣти порву,
И дѣточокъ повыпускаю.
Идутъ дружечки
У два рядочка,
А Марусечка посереду;
Проти неи молодый Ивасечко,
Съ своими боярами:
Ой постой, постой Марусечко!
Щось тобѣ за вѣсть скажу:
Бувъ я на мѣстѣ
Чувъ же я вѣсти—
И про тебе молода Марусечко!
Да не купуютъ чепци
И кибалочки,
Да на твою головочку.
Да нехай купаютъ
Да нехай торгуютъ:
Яжъ того не боюся
Я у недѣленьку, да у вечерѣ
Я у тее, приберуся.

4.

Выйди, матенько, огляди,
Що тебѣ бояре привезли:
Да привезли скрыню и перину,
И молодую княгиню.

5.

Ой кони, наши вороны!
Чи чуете на силу?
Чи съвезете княгиню
Да на тую горонку крутую,
Да у тую свѣтлоньку новую,
А у той свѣтлоньцѣ медъ, вино пьютъ:
Да вже жъ нашу Марусеньку давно ждутъ.

6.

Мати Марусеньку родила,
Мисяцемъ обгородила,

Солнечкомъ подперезала,
Да свекорка выпровожала.

7.

Да сказали Марусенька не пряха
А чи матинька не ткаха:
Ажъ вона раненько вставала,
Тонкій рушники напряла,
У тихого Дуная бѣлила,
Молодыхъ бояръ дарила.

8.

Засвѣти, Боже, изъ раю,
Нашему коровaю:
Шобъ було виднесенько,
Краяти дронесенько.

9.

Пойду я до Дунаю,
Стану, подумаю:
Да чи минѣ до воду брати,
А чи минѣ коровай бгати?

10.

Старша дружечко,
Подивися у окошечка:
Чи высоко солнечко на небѣ,
Чи богато бояръ на дворѣ?
Богато, не богато, тилько всѣхъ
Красчій Ивашкъ ото всѣхъ.
Ой вы бояре! ясныи соколоньки,
Чомъ же вы до насъ не рано пріѣхали?
Чи вы бояре кониковъ добували,
Чи вы боярe жупановъ позычали?
Ой вы дружечки, сивыи голубочки!
У насъ коники посѣдлани стояли
У насъ жупаны побганы лежали,
То у Ивасечка, ласковый панъ отченько,
Забаривъ насъ ласковыми словами
Наповавъ насъ сладкими медами,
Прохавъ насъ прозьбою и грозьбою,
Щобъ мы привезли Марусеньку съ собою.

ПѢСНИ ЧЕРВОНО-РУССКІЯ

или

ГАЛИЦІЙСКІЯ.

Для сравненія Червоно-Русскихъ пѣсенъ съ нашими Русскими, мы выписываемъ изъ пѣсенника Вацлава Олешки.

1.

Вода луги позаливала,
Дороги позабирала,
Никуда переихати
Федуневи ни заручени!
Его тестонько любитъ,
Ему мостоньки моститъ
Съ камня дорогого,
Съ перстня золотого.
Вода луги позаливала,
Дороги позабирала,
Никуда перевхати
Федуневи на заручени!
Его тещенька любитъ,
Ему мостоньки моститъ
Съ камня дорогого
Съ перстня золотого.
Вода луги позаливала,
Дороги позабирала,
Никуда переихати
Федуневи на заручени!
Его дивонька любитъ,
Ему мостоньки моститъ
Съ камня дорогого,
Съ перстня золотого.
Вода луги позаливала,
Дороги позабирала,
Никуда переихати
Федуневи на заручени!
Его сватонька любитъ,
Ему мостоньки моститъ
Съ камня дорогого,
Съ перстня золотого.
Вода луги позаливала,
Дороги позабирала,
Никуда переихати
Федуневи на заручени!
Его родонько любитъ,
Ему мостоньки жоститъ
Съ камня дорогого,
Съ перстня золотого.

2.

Чорная галенько, чорненька,
Дежъ-бо ты сокола завела?
Ой нигдѣ я его не вела
Самъ за мной летѣвъ,
За моимъ летаньемъ тихинькимъ,
И пероньком чорненькимъ.
Красная Марусенько, красна,
Дежъ-бо ты Ивасенька завела?
Нигдѣ-жъ я его не вела,
Самъ вонъ за мною пріѣхавъ,
За моимъ ходонькомъ дробненькимъ,
За моимъ личенькомъ бѣленькимъ.

3.

Короваеве тѣсто
Не смѣсилося въ мѣсто,
Но ся влѣзло на рынокъ,
Зацвѣло якъ калинокъ.
Ой годъ, годъ пшеницѣ,
Семъ лѣтъ въ стозѣ стояти,
Часъ изъ тебе коровай опхати;
Ой сбере Петруненько
То ся тый крусныв удавъ:
Подошва ему желѣзна,
Обручи ему сребныи
А на вершочку жовтый цвѣтъ:
Славный нашъ коровай на весь свѣтъ!

4.

Поѣхавъ староста на ловы
Въ темныи лѣсы, дубровы
Тамъ его дробный дощъ пагонивъ,
Лысыи шубоньки помочивъ.
Ажъ ся староста сдумавъ
Учила тое свашенька:
Не журися старостоньку
Я твои суконьки посушу,
Я твое личенько прекрашу.

5.

Розточено, поволочено по сѣняхъ,
Розстелено ленны скатерти по столу.
Куда ми ишла красна Марусенька на посагъ,
Пытается, довѣдается вотъ батенька,
А вотъ кого, мой батеньку посагъ ставъ?
Бошъ Бога, божъ добрыхъ людей, дѣтятко,
Посягуетъ самъ Господь Богъ съ ангелами,
Посягуетъ тя, мое дѣтятко, съ другами.

6.

Благослови Боже и ты родный батеньку!
Дежъ твой, Марусеньку, старшій братъ,
Що твои косы розлетавъ?
Де твои выплетки, подѣвавъ?
Чи на тихій Дунай попускавъ,
Чи молодшой сестриньцѣ даровавъ?
Де твои, Марусенько, ковали
Що твою кососенку ковали?
Та нехай прійдутъ, розкуютъ,
Все совѣ сребро, золото заберутъ.

7.

Ой Татаръ, братчикъ Татаръ,
Продавъ сестру за таляръ,
Русу косу за шостакъ,
Румяно личико таки такъ!

8.

А не вѣй вѣтре въ лозы,
Повѣй по дорозѣ,
Розвѣй русу косу,
По червонимъ поясу!

9.

Ивасева мати двери подхиляла
И съ зорою розмавляла:
Ой зоре моя, зоре, зоренько вечерняя!
Тожесь ми присвѣтила:
До дому мытницю,
До поля работницю,
До коморы ключницю.

10.

Наѣхали гостеньки
Изъ чужой сторопеньки,
Взяли си подпивати
Иди, Марусеньку,
Въ нашу стороненьку;
Въ сторонѣ на тыи
Гороньки золотыи,
Травоньки шовковыи
Рѣченьки медовыи.
Прилетѣла зазуленька
Сѣла си въ окопочку.
Той стала ковати,
Всимъ правду казати:
Свѣтъ же я облетала.
А того не видала:
Всегда горы земляныи,
Травоньки зеленыи,
Рѣченьки водяныи.

ПѢСНИ СЛОВАЦКІЯ.

Для сравненія Словакскихъ пѣсенъ съ нашими Русскими, мы выписываемъ изъ пѣсенника Яна Коллара: Narodnié spiewanky cili pjsne swetske Slowaku w uhrach. W Budine. 1834.

1.

Тече вода, тече вода, тече мутна,
Отъ чего же ты, моя мила смутна?
Ако я мамъ, ако я мамъ весела быть?
Строгъ же мой, строгъ мой суженой ненится.
Кед же строгъ, нехъ се строгъ, нехъ здравъ буде.
О рокъ, о два, о рокъ, о три, обженюсъ,
О рокъ, о два, о рокъ о три, о десяти.
Предка меня онъ, предка меня може зяти,
Кедъ ни панну, кедъ ни панну а спонъ вдову,
Предка будемъ, предка будемъ его жену.

2.

Дѣвка, дѣвка въ млодомъ цвѣтѣ,
Нѣтъ ти пары въ цѣломъ свѣтѣ?
Кабы самъ ти пару нашелъ,
Безъ теби бы самъ зажилъ.
Дѣвка, дѣвка радъ бы те взять,
Жени мала, нечу те дать;
Отечь би далъ, а мать неда,
Же ей дѣвка дома треба.
Мати, мати, дозволь дѣвче,
Нехъ ми пода руку, сердце,
Нехъ ми пода руку, сердце,
Же не блидне мое лице.

3.

Засвѣтило солнце на сосѣдовѣ домѣ,
Вѣрю, ужъ не будешь дѣвча-то долго въ немъ.

4.

Подъ Мураномъ въ те долинѣ
Сивiй голубь воду пiе,
Бѣла роза процвѣтала,
Матка дочерь заплетала.
Не плети же матка туго,
Ужъ не будетъ ваша длуго,
Могла бишь плесть слабже.
Чья будешь моя дѣвка?
Сугакова шварна женка.
А какъ же его будешь звати?
Ангельчокъ мой, риштокъ злотый.

5.

Еще ся васъ, мамушечка, спытать маю:
Чи я съ вами еще дале бывать маю?
Же была дома дольше.
Ахъ, ни со мной, дѣвка моя, ни со мной;
Кого себѣ выйволила, той съ тобой.
А я сама себѣ выйволила съ розы цвѣтъ,
Лѣпшiй же мой, наимилѣйшiй, есть той цвѣтъ.
Еще же васъ, матечку, спытать маю:
Чи я съ вами еще дале бывать маю?
Ахъ, ни со мной, дщерька моя, ни со мной;
Кого себѣ выйволила, той съ тобой.—
А я сама себѣ выйволила сокола,
Завтра пойдемъ къ нему бывать съ костела.
Еще ся те, мой братричку, спытать маю:
Чи я съ тобой еще дале бывать маю?
Ахъ, ни со мной, сестра моя, ни со мной;
Кого себѣ выйволила, той съ тобой.
А я сама себѣ выйволила перличку,
Завтра мы съ нимъ особаша братричку.
Еще же ся те, сестричку, спытать маю:
Чи я съ тобой еще дале бывать маю?
Ахъ ни со мной, сестра моя, ни со мной;
Кого себѣ выйволила, той съ тобой.
А я сама себѣ выйволила мужечка.
Съ Богомъ матка, отецъ, братъ и сестричка!

6.

Двѣнадцать трубачей трубило,
Еще къ тому двѣнадцать
Пашалатокъ шварныхъ
Служило.
Трубите трубачи веселѣе!
Кому же мой вѣнокъ
И златый перстенекъ
На столъ?
Шла до каморы плакала,
Свой зеленый вѣнокъ
И златый перстенекъ
Складала.

7.

Ей млада невѣста, пекнешь приправлена,
Вшеска твоя глава шварна оздобена?
Али ю не будешь ужъ долго носити,
Въ туто швилочку можешь ю сложити,
Кимъ си туто парту на главѣ носила,
Дотоль си слободне шла, ходила.
Але ужъ на партѣ штучки розвязуемъ,
А съ тимъ ти, панешке, свободу сбавуемъ.
Да, да долой съ главы ту парту сложи,
Какъ и не смѣешь класти вѣкъ на свою главу,
А когда разплетемъ твои власы,
Будешь ся звать женой на будущи часы.

8.

Подьте же ужъ, подьте, дружечки мои,
Будетъ росплетать косыньку мою.
О милые мои, вы желты власы!
Ужъ ми ихъ прикрые чепецъ бѣлесый.

9.

Ахъ, ужъ сама сложила паненску озбоду,
А съ тѣмъ скончала всяку ну свободу,
Здрава будь и порта и вѣнокъ зеленый,
Ужъ вѣкъ не имать при мнѣ!
Добра ночь дѣвчата, я васъ одпитуемъ,
Ужъ днесь въ послѣднiй разъ стоимъ межъ вами,
Завтра будемъ сидѣть ужъ межъ женами.
На мнѣ и въ манжелствѣ не запоминайте,
А една по другой тѣжъ ся выдавайте!

10.

За нашими гумны лугъ широкъ,
Трава высока,
По ней ся проходи дѣвка румяна,
Пекня Червена.

Ахъ, мамичко, мамко, кому меня отдашь?
За кого меня выдашь?
Ахъ дщеречко, сватаю за младова,
Отдамъ тебя за младова.
Ахъ мамичко, мамко, то мнѣ не въ волю;
Главка моя болитъ!
Ахъ, дщеречко, дщерко, сватаю за стараго,
Отдамъ за младова.
Ахъ мамичко, мамко—то мнѣ въ волю!
Нѣтъ у меня боли!

СЕРБСКІЯ ПѢСНИ.

Для сравненія Сербскихъ пѣсенъ съ нашими Русскими, выписываемъ изъ пѣсенника Вука Караджича.

1.

Ой и два свата и два упросника!
Ле, леля, ле!
Куда вы идете, что вы ищете?
Ле, леля ле!
И мы идемъ, мы ищемъ дѣвойки!
Ле, леля, ле!
У насъ она есть не прошеная.
Ле, леля, ле!
Мы пришли за тѣмъ, просить ее!
Ле, леля, ле!
Вы за тѣмъ пришли, да мы не даемъ!
Ле, леля, ле!
Ой! дадите же, будетъ нашею!
Ле, леля, ле!
Свекоръ придетъ ли, принесетъ сукна?
Ле, леля, ле!
Женихъ придетъ ли, принесетъ кольцо?
Ле, леля, ле!
И женихъ будетъ и кольцо будетъ.
Ле, леля, ле!
Деверь придетъ ли, принесетъ вѣнецъ?
Ле, леля, ле!
Будетъ деверь, вѣнецъ принесетъ.
Ле, леля, ле!

2.

Пора, Павле, пора, милый брате!
Пора тебѣ перстневать невѣсту,
Когда будешь у тещина двора,
Когда взвидишь лѣпоту—дѣвочку,
Не гляди ей ни въ вѣнецъ, ни въ серьги,
Не гляди ей на цвѣтное платье,
Не гляди на шитье рукава.
Швецъ сдѣлалъ ей цвѣтно платье,
Рукава ей вышивала швія,
Кузнецъ сковалъ ей золотъ вѣнецъ;
А смотри ей въ лицѣ и осанку.
Съ тѣмъ-то, брате, вѣкъ вѣковать!

3.

Ой, орлови, орлови!
Вы летаете высоко,
Вы летаете высоко,
Вы видите далеко,
Видите-ль вы сватовъ?
Ведутъ ли намъ сношеньку?
Тонка-ль она, высока?
Бѣла-ль она, румяна?
Не колышется-ль на ней новъ вѣнецъ?
Не вьется ли надъ кумомъ червонъ бархатъ?
Здоровы ли подъ младоженемъ конь-зеленко?

4.

Росла яблонка предъ дворомъ Ранка,
Серебреный стебель, золотыя вѣтви,
Золотыя вѣтви, бисерныя листья,
Бисерныя листья, кораллово яблоко.
Летитъ стадо сизыхъ голубей,
Садятся голубки, воркуютъ,
Воркуютъ, да бисеръ зоблютъ.
Одинъ голубь не воркуетъ, не зоблетъ,
Вопитъ его Ранкова мамка:
Лети дальше, сизой голубь,
Ту ли яблонку садилъ Ранко,
Самъ садилъ, самъ поливалъ,
Чтобъ подъ ней сидѣли сваты,
Сидѣли сваты, да вино пили.

5.

Золоты пушки загремѣли,
Лѣпу Мару со двора везутъ.
Лепа Мара, не жаль тебѣ матки?—
За что-жъ бы мнѣ было жаль матки?
У моего милова есть матка по лучше.
Лѣпа Мара, не жаль тебѣ отца?—
За что-жъ бы мнѣ было жаль отца?
У моего милова есть отецъ по лучше.
Лѣпа Мара жаль тебѣ брата?—
За что-жъ бы мнѣ было жаль брата?
У моего милова есть братъ получше.
Лѣпа Мара, не жаль тебѣ сестры?
За что-жъ бы мнѣ было жаль сестры?
У моего милова есть сестра получше.

6.

Отломилась вѣтка отъ бузины,
Лѣпа Смиля отъ своей матки,
Отъ своей матки, отъ своего рода.
Воротись Смиля, зоветъ тебя матка,
Зоветъ матка и дастъ кошумо.
Было время, матка, прежде звати,
Прежде звати, кошумо давати,

Пока не отдала милому куму,
Милому куму и деверю,
Пока еще не было перстня на рукѣ,
Перстня на рукѣ, вѣнца на главѣ.

7.

Не плачь же, душа дѣвойка!
Пускай твоя матка плачетъ,
Вѣчно плачетъ, по тебѣ жалѣетъ;
Какъ подружки пойдутъ за водою,
А лѣпой Розы на водѣ нѣтъ.
Нѣтъ Розы, не свѣжа вода!

8.

Какъ летитъ цвѣтокъ съ чиста поля,
Какъ падетъ цвѣтокъ дѣвойкѣ на зеленъ вѣнецъ,
На зеленъ вѣнецъ, на русу косу.
Ужъ-то не листъ летитъ съ чиста поля,
То бѣла марама невѣстина,
Бѣла марама, горемычпыя!
Называть мнѣ своей чужу матку,
Забывать мнѣ свою родиму матку!
Называть мнѣ своимъ чужа брата,
Забывать мнѣ братца родимаго!

9.

Вьется облакъ по ясному небу,
Идетъ Ранко по бѣлому двору,
Проситъ Ранко прощенія у матки,
У своей матки, у своего отца.
Прости меня, мила матка,
Мила матка, бѣла церковь,
Дай прощенье, дай благословенье.
Ужъ я иду на чуже село,
Во чуже село, за чужой сестрой,
За чужой сестрой, за моей любой.

10.

Ахъ, сосѣдка, наша другарица,
Другарица наша, невѣрница!
Не вечеръ ли намъ закаялась:
Не пойду, сосѣдки, ко чужому,
Не стану цѣловать чужу руку,
Не надѣну я чужаго перстня!
А теперь ты идешь къ чужому
И ты цѣлуешь чужу руку,
Надѣваешь чужой перстень.

11.

Выводи, братъ, сестру на поглядѣнье!
Я бы вывелъ, да мнѣ ее жалко!
Жаль, не жаль, а выводить надо.
Выводи же, отдавай скорѣе,
Отдавай намъ, вѣдь она ужъ наша.

12.

Млодожене, румяная роза!
Даемъ тебѣ стручокъ розмарина!
Коли свянетъ стручокъ размарина,
Тебѣ стыдно, а намъ грѣшно будетъ!
Поливай же стручокъ розмарина!
Чтобъ не завяпулъ стручокъ розмарина!

ВАРІАНТЫ
СВАДЕБНЫХЪ ПѢСЕНЪ.

Русскія Свадебныя пѣсни, собранныя А. И. Кастеринымъ отъ пѣсельницъ Пошехонскихъ.

1.

Вы цвѣтики мои, цвѣтики,
Голубы цвѣты лазоревы,
Много васъ было посѣяно,
Да не много уродилося.
Вы подружки, вы голубушки,
Много васъ было во теремѣ,
Да не много оставалося;
У насъ не было измѣнщицы
Свѣтъ души-ль красны дѣвицы,
Хавроньи Пелагеевны.
Ты сказала, что замужъ нейдешь,
Ты сказала — не подумаешь;
Ты сказала — въ монастырь пойдешь,
Въ монастырь пойдешь, во игуменьи,
А васъ, дѣвушки, съ собой возьму:
Я любимую во ключницы,
Котору во ларешницы,
Сама буду игуменья;
А теперь сама замужъ идешь.
Ты на что, душа, польстилася?
На удалаго-ль добра молодца
Сидора Пафнутьича,?
На его ли лице бѣлое?
На его ли щеки румяныя?
На его ли брови черныя?

2.

Виноградъ въ саду растетъ,
Виноградъ въ зеленомъ растетъ,
А ягода, ягода поспѣваетъ;
Виноградъ, Иванъ господинъ,
Да Петровичъ сударь,
А ягода Марья душа,
Да Ефимовна!
Рыбушка, плотвитушка,
По водѣ рыба плыветъ, извивается,
Да мнѣ молодой мало можется,
Батюшкина хлѣба ѣсть не хочется;
Батюшкинъ хлѣбъ полынью пахнетъ,
Горькою горчицей отзывается.

Виноградъ въ саду растетъ,
Виноградъ въ зеленомъ растетъ,
А ягода, а ягода поспѣваетъ;
Виноградъ Иванъ господинъ,
Да Петровичъ сударь,
А ягода Марья душа,
Да Ефимовна!
Рыбушка, плотвитушка,
По водѣ рыба плыветъ, извивается,
Да мнѣ молодой много можется
Да Иванова хлѣба кушать хочется,
Его хлѣбъ сахаромъ пахнетъ
И разными духами отзывается.

3.

Во Китаѣ Крымѣ городѣ,
На коврѣ, на красномъ золотѣ,
Свѣтъ Петръ чесалъ кудри,
Чесалъ кудри, приговаривалъ,
Самъ съ Сашенькой разговаривалъ:
Свѣтъ Сашенька перевей кудри!
Захочу я, сударь, перевью,
Захочу, сударь, не перевью:
Еще я, сударь, не твоя—
Я Божья, сударь, да батюшкина,
Государыни матушки.
Во Китаѣ Крымѣ городѣ,
На коврѣ, на красномъ золотѣ,
У стола, стола убранова,
Противъ зеркала хрустальнова,
Петръ чесалъ кудри,
Чесалъ кудри приговаривалъ:
Ты, Сашенька, перевей кудри,
Ивановна, кудри русыя!
Я теперь, сударь, перевью,
Я теперь, сударь, вся твоя.

4.

Изъ-за лѣсу, лѣсу темнаго,
Конь бѣжитъ, земля дрожитъ,
Подъ конемъ трава шумитъ,
На конѣ приборъ гремитъ,
За конемъ стрѣла летитъ,
За стрѣлой добрый молодецъ идетъ;
Онъ идетъ, шляпой помахиваетъ,
Во высокъ теремъ поглядываетъ,
Самъ съ Пашенькой разговариваетъ:
Ты, Полинька, перейми моего коня?
Захочу, сударь, перейму.
Изъ-за лѣсу, лѣсу, темнаго,
Конь бѣжитъ, земля дрожитъ,
Подъ конемъ трава шумитъ,
На конѣ приборъ гремитъ,
За конемъ стрѣла летитъ,
За стрѣлой добрый молодецъ идетъ,
Онъ идетъ, шляпой помахиваетъ,
Во высокъ теремъ поглядываетъ,
Самъ съ Пашенькой разговариваетъ,
Осиповну уговариваетъ:
Полинька, перейми моего коня?
Я теперь тебя послушаю;
Перейму я коня воронаго,
Захвачу за узду злаченую,
Подведу я къ добру молодцу,
Къ Ивану сударь Петровичу.

5.

Матушка, что во полѣ пыльно?
Государыня моя, что во полѣ пыльно?
Дитятко, кони разыгрались.
Матушка, чьи же эти кони?
Дитятко, свѣтъ Алексѣевы кони.
Матушко, каретушка ѣдетъ?
Дитятка, ни къ намъ, ко сосѣду.
Матушка, на широкой дворъ въѣзжаетъ?
Дитятко, не бойсь, не пугайся!
Матушка, къ намъ въ горницу идутъ?
Матушка, меня благословляютъ?
Государыня моя, во каретушку сажаютъ?
Дитятко садися, крестись!

6.

Стелется и вьется,
По лугамъ зеленѣетъ,
Цѣлуетъ, милуетъ,
Алексѣй жену цѣлуетъ,
Ивановичъ милуетъ,
Душечкой называетъ:
Душечка Онечка,
Сердце мое, Львовна душа!
Роди сына сокола:
Личикомъ во себя,
Умомъ, разумомъ во меня.
За услугу за твою,
Сарафанъ тебѣ сошью.

7.

Я кладу млада жалобу,
Не на батюшку, не на матушку,
Я кладу, млада, жалобу
Я на сваху на сводницу;
На нее подговорщицу,
Что ходила частешенько,
Говорила гладешенько,
Выхваляла чужу сторону:
Какъ чужая сторонушка,
Она сахаромъ посѣяна,
Виноградомъ огорожена.
Не жила тамъ я, не вѣдала,

Какова чужая сторонушка;
Она горемъ посѣяна—
И кручиной огорожена;
У Петра широкой дворъ
Онъ стоитъ на семи шагахъ,
На семи съ половиною,
Да и то воробьиныхъ.
Зазову сваху въ гости къ себѣ,
Напою сваху до пьяна,
Я столкну ее съ лѣстницы.
Околѣть бы тебѣ свашенька,
Безъ кадила, безъ факела,
Безъ попа и безъ дьякона.

8.

На горѣ стоитъ елочка,
Подъ горою свѣтелочка,
Во свѣтелочкѣ бесѣдушка,
Во бесѣдѣ красна дѣвица душа.
Приходилъ къ ней батюшка,
Онъ и звалъ ее съ собой домой:
Ты пойдемъ, Сашенька, домой,
Ты пойдемъ, Петровна, домой?
Я нейду, не слушаю;
Ночь темна и не мѣсячна,
Рѣки быстры, перевозовъ нѣтъ,
Лѣса темны, карауловъ нѣтъ.
На горѣ стоитъ елочка,
Подъ горою свѣтелочка,
Во свѣтелочкѣ бесѣдушка,
Во бесѣдѣ красна дѣвица;
Приходилъ къ ней, Алексѣй господинъ,
Ты пойдемъ, Аннушка, со мной,
Я иду, иду и слушаю,
Ночь свѣтла и мѣсячна,
Рѣки быстры, перевозы есть,
Лѣса темны, караулы есть.

9.

Сборы мои, сборики.
Сбирала подругъ
За свой столъ,
Сажала подругъ высоко,
Сама садилась выше всѣхъ,
Клонила головушку ниже всѣхъ,
Думала думушку крѣпче всѣхъ.
Подружки мои, голубушки!
Придумайте мнѣ, пригадайте:
Еще какъ идти въ чужи люди?
Еще какъ назвать люта свекра?
Батюшкой назвать — не хочется,
Свекромъ назвать — осердится;
Убавлю спеси, гордости,
Прибавлю ума разума,
Назову свекра — батюшкой,
А свекровушку — матушкой.
Чей, чей зеленъ садъ,
Онъ стоитъ, поблекнувши?
Чья, чья молода вдова,
Да свѣтъ Дарья Семеновна?
Мой зеленъ садъ,
Онъ стоитъ поблекнувши,
Я, молода вдова,
Безъ друга, безъ милаго.

10.

Александра душа домъ строила,
Съ оградою со каменною,
Со хрустальными воротичками,
Сама хвалилася:
Что не взять, не взять меня,
Не со стомъ, не съ тысячами,
Не съ столичнымъ городомъ,
Не съ храбрымъ войскомъ.
Ужъ какъ ѣхалъ Василій князь,
Услыхалъ похвальбу эту.
Возьму я, возьму тебя
Безъ съ стовъ, безъ тысячей,
Не столичнымъ городомъ,
И безъ храбрыхъ воиновъ.

11.

Какъ по двору, дворику,
Дворику широкому,
Ходилъ, гулялъ молодецъ—
Иванъ Алексѣевичъ,
Повѣсилъ головушку,
На праву сторонушку.
Увидѣла матушка,
Съ высокаго терема—
Дитя-ль мое, дитятко,
Дитя-ль мое, милое,
Что ходишь не весело,
Говоришь нерадочно?
Родимая матушка!
Задумалъ жениться.
Женись, женись дитятко,
Женись мое милое!
Возьми, возьми дитятко
Съ высокаго терема,
Большую боярыню.
Родимая матушка,
Та мнѣ не хозяюшка.
Какъ по двору, дворику,
Дворику широкому,
Ходилъ, гулялъ молодецъ—
Иванъ Алексѣевичъ,
Повѣсилъ головушку,

На праву сторонушку.
Увидѣла матушка
Съ высокаго терема—
Дитя-ль мое, дитятко,
Дитя-ль мое, милое,
Что ходишь не весело,
Говоришь нерадочно?
Родимая матушка,
Задумалъ, жениться.
Женись, женись, дитятко,
Женись мое милое!
Возьми, возьми, дитятко,
Съ высокаго терема,
Дочь купца богатаго.
Возьму, возьму матушка;
Эта мнѣ, матушка,
Въ домѣ хозяюшка.

12.

Ужъ мать ты, моя матушка,
Ужъ ты мать, государыня!
Мнѣ вечоръ мало спалося,
На зарѣ пріуспалося,
Мнѣ великой сонъ видѣлся:
Будто у насъ середи двора,
Середи двора баничка,
Что худымъ-то худешенька;
Она вся развалилася,
По бревну раскатилася.
Середи бани печища стоитъ,
На печищѣ котелище лежитъ,
По полу ходитъ гусыня,
А по лавочкамъ ласточки,
По окошечкамъ голубки.
Ты дитя-ль мое, дитятко,
Я тебѣ этотъ сонъ раскажу:
Что баня вся раскатилася,
То тебя, мое дитятко,
Увезутъ съ широка двора;
Что на печищѣ котелище лежитъ,
То лютой свекоръ батюшка;
Что по полу ходитъ гусыня,
То люта свекровь матушка;
Что по лавочкамъ ласточки,
То золовки голубушки;
Что по окошечкамъ голубки,
То деверья ясны соколы.

13.

Какъ подъ яблоню кровать,
Ехи!
Подъ кудрявою тесова,
Ехи!
Кровать точеная,
Ехи!
Позолоченая.
Ехи!
На кровати перина,
Ехи!
Пуховая постлана,
Ехи!
На перинѣ простыня,
Ехи!
Батистова постлана,
Ехи!
Три подушечки,
Ехи!
На перинѣ молодецъ,
Ехи!
Да свѣтъ Петръ господинъ,
Ехи!
Алексѣевичъ, сударь,
Ехи!
Ужъ какъ около его,
Ехи!
Слуги вѣрные его,
Ехи!
Разуваютъ, раздѣваютъ,
Ехи!
Спать укладываютъ.
Ехи!
Ужъ ты ляжъ-ко, усни,
Ехи!
Да свѣтъ Петръ господинъ,
Ехи!
Алексѣевичъ сударь,
Ехи!
Скоро часъ тебѣ дошелъ,
Ехи!
Корабль съ холстомъ.
Ехи!
Охъ, вы братцы мои!
Ехи!
Ужъ какъ этого добра,
Ехи!
Много въ домѣ у меня.
Ехи!
Какъ подъ яблоню кровать,
Ехи!
На кровати молодецъ,
Ехи!
Да свѣтъ Петръ господинъ,
Ехи!
Алексѣевичъ сударь.
Ехи!

Ужъ какъ около его,
Ехи!
Слуги вѣрные его,
Ехи!
Разуваютъ, раздѣваютъ,
Ехи!
Спать укладываютъ.
Ехи!
Ужъ ты ляжъ-ко усни.
Ехи!
Да свѣтъ Петръ господинъ,
Ехи!
Алексѣевичъ сударь.
Ехи!
Скоро часъ тебѣ дошелъ,
Ехи!
Корабль съ дѣвушками пришелъ,
Ехи!
Ахъ теперь могу я встать,
Ехи!
И головушку поднять,
Ехи!
Скоро ноженьки бѣгутъ,
Ехи!
Бѣлы рученьки берутъ.
Ехи!
Ужъ какъ этого добра,
Ехи!
Нѣту въ домѣ уменя.

14.

Кто у насъ хорошъ,
Люшеньки, люли!
По горницѣ ходитъ,
Люшеньки, люли!
Манежно ступаетъ,
Люшеньки, люли!
Чулокъ не мараетъ,
Люшеньки, люли!
Башмакъ не ломаетъ,
Люшеньки, люли!
На широкой дворъ выходитъ,
Люшеньки, люли!
Ворона коня выводитъ,
Люшеньки, люли!
Онъ коня сѣдлаетъ,
Люшеньки, люли!
Конь-то съ нимъ играетъ,
Люшеньки, люли!
На коня садится,
Люшеньки, люли!
Конь подъ нимъ бодрится,
Люшеньки, люли!
Къ лугамъ подъѣзжаетъ,
Люшеньки, люли!
Луги зеленѣютъ,
Люшеньки, люли!
Къ садамъ подъѣзжаетъ,
Люшеньки, люли!
Цвѣты разцвѣтаетъ,
Люшеньки, люли!
Къ рѣкамъ подъѣзжаютъ,
Люшеньки, люли!
Рѣка разливается,
Люшеньки, люли!
Къ терему подъѣзжаетъ,
Люшеньки, люли!
Красны дѣвушки встрѣчаютъ,
Люшеньки, люли!
За бѣлы руки принимаютъ,
Люшеньки, люли!
За убраной столъ сажаютъ,
Люшеньки, люли!
Стаканъ водки наливаютъ.
Люшеньки, люли!
Я не пью хмѣльнова,
Люшеньки, люли!
Вина зеленова.
Люшеньки, люли!
Выпью ли, не выпью,
Люшеньки, люли!
Для своего прихода,
Люшеньки, люли!
Стаканъ сладкова меда.

15.

Какъ по улицамъ, улицамъ,
По частымъ переулочкамъ,
Какъ ѣздилъ тутъ, разъѣзжалъ
Удалый, добрый молодецъ,
Свѣтъ Василій Алексѣевичъ!
Заглядѣлася дѣвушка,
Засмотрѣлась невѣста его,
Позабыла узорье шить,
Всѣ узоры узорчатые,
И круги позолоченые.
Перепутала ниточки,
Приломала иголочки,
Притеряла булавочки.
Мнѣ не жалко-бы ниточекъ,
И не жалко булавочекъ,
Только жаль добра молодца,
Свѣтъ Василья Алексѣевича.

16.

Какъ по сѣнямъ, по сѣничкамъ,
По частымъ переходичкамъ,

Что ходила, тутъ гуляла,
Молодая боярыня,
Свѣтъ Дарья Ивановна,
Въ рукахъ она носила,
Да два яхонта,
Двѣ алмазныя запанки,
Несучи, приговаривала:
Ахъ, вы яхонты, яхонты
И алмазныя запанки!
Полежите малешенько,
Поколь молодешенька,
Я взойду въ нову горницу,
Изъ столовой въ уборную,
Погляжу я въ окошечко:
Ужъ какъ свѣтелъ-ли, свѣтелъ мѣсяцъ?
Что красно-ль, красно солнышко?
Ужъ какъ веселъ-ли, мой милый другъ,
Николай Кузьмичъ?
Во честномъ пиру сидючи,
Онъ сидитъ, прохлаждается,
Самъ женой похваляется:
У меня жена умная,
Молодая, разумная,
Безъ бѣлилъ лицо бѣлое,
Безъ румянъ щеки алыя,
У ней рѣчь лебединая,
А походка павлиная;
Она пройдетъ—утѣшитъ меня,
Слово молвитъ—обрадуетъ.

17.

Какъ у мѣсяца золоты рога,
А у солнышка лучи ясные,
У Ивана кудри русыя,
У Алексѣевича по плечамъ лежатъ,
По его плечамъ могучимъ,
Соѣзжалися князья и бояры,
Дивовалися на это дитя!
Еще чье это дитя милое?
Хорошо очень вспорожено,
Да не солнышко-ли вспородило?
Не свѣтелъ-ли мѣсяцъ, вспоилъ, вскормилъ?
Нечастыя-ль звѣзды взлелѣяли?
Возговоритъ дитя милое:
Ужъ вы, князья, бояре,
Вы разумные, люди добрые!
Вспородила меня родна матушка,
Вскормилъ, вспоилъ родной батюшка,
Взлелѣяли мамки, нянюшки,
Завила кудри сестра милая.

18.

Надъ рѣкою было, надъ Іорданью,
Что стояло тутъ древо святое,
Что святое оно, кипарисное;
Какъ на этомъ древѣ, кипарисѣ,
Что сидѣла тутъ птица немалая,
И немала она, невелика,
Она славила славу большую:
Ужъ какъ быть-то Петру воеводой,
Алексѣевичу воеводой!
Да носить ему шубу соболью,
А на шубѣ цѣпи золотыя.
На цѣпяхъ звѣри лютые,
У Петра слуги молодые.
Ужъ вы гой еси, вѣрные слуги:
Вы пригряньте веслами поскорѣе,
Литва къ городу приступаетъ.
Ужъ какъ надо Литву порубити,
Честь, хвалу молодцу получити.

19.

Вдоль по рѣчкѣ, рѣкѣ
Суденцо плыветъ,
Во суденцѣ сидитъ
Удалой, доброй молодецъ,
Алексѣй Ивановичъ;
По бережку идетъ молода боярыня,
Анисья Львовна душа,
Шипко, громко кричитъ,
Своимъ громкимъ голосомъ:
Воротися соколъ,
Воротися мой милый другъ!
Я тебѣ радость скажу,
Я веселье великое:
Я тебѣ сына рожу,
Я тебѣ сына, ясна сокола.
То-то—радость моя,
То веселье великое!
Ужъ какъ сынъ-то у насъ,
Сынъ-то хозяинъ во дому.
Вдоль по рѣчкѣ, рѣкѣ,
Суденцо плыветъ,
Во суденцѣ сидитъ
Удалъ, доброй молодецъ,
Алексѣй Ивановичъ;
По бережку идетъ молодая боярыня,
Анисья Львовна душа,
Шипко, громко кричитъ
Своимъ громкимъ голосомъ:
Воротися соколъ,
Воротися мой милый другъ!
Я тебѣ радость скажу,
Я веселье великое:

Я дочьку рожу,
Дочь лебедь бѣлую!
То-то радость моя,
То веселье великое!
Ужъ какъ дочь-то у насъ
Хозяйка въ дому.

20.

На морѣ утушка купалася,
На морѣ сѣрая полоскалася.
Въ теремѣ дѣвица мылася,
Бѣлыми бѣлилами бѣлилася,
Алыми румянами румянилася,
Черными сурмилами брови сурмила.
Умывшись она, снарядившись она,
За столъ сѣла,
За столомъ дѣвушка призадумалась,
Призадумавши, заплакала,
Во слезахъ слово промолвила:
Богъ судья, родимому батюшкѣ,
Молоду, зелену отдаетъ меня!
Остается зеленой садъ безъ меня,
Безъ меня, безъ милова дитя,
Остается два цвѣтика безъ меня.
Встань мой батюшка раненько,
Полей два цвѣтика маленько,
Свѣжею, ключевою водою,
А сверхъ того горючими слезами.

21.

Какъ у чарочки серебряной,
Золотой ее вѣночекъ,
Какъ у нашего у свѣта,
У хозяина, дорогой его обычай,
Гдѣ ни пьетъ, гдѣ ни ѣстъ,
Гдѣ ни кушаетъ, сударь,
Домой ѣдетъ ночевати.
Среди двора широкаго,
Молодую жену кличетъ:
Ужъ ты, Сашенька, встрѣчай,
Ивановна отворяй,
Воротички поскорѣй!
Не досугъ, сударь, встрѣчать,
Мнѣ не время отворять,
Ужъ я сына-то качаю,
Перемѣну себѣ чаю,
Перемѣну дорогую,
Я невѣстку молодую.
Какъ у нашего у свѣта,
У хозяина, дорогой обычай,
Гдѣ ни пьетъ, гдѣ ни ѣстъ,
Гдѣ ни кушаетъ, сударь,
Домой ѣдетъ ночевати.
Середи двора широкаго,
Молодую жену кличетъ:
Ужъ ты, Сашенька, встрѣчай,
Ивановна отворяй!
Воротички поскорѣй!
Не досугъ, сударь, встрѣчать,
Мнѣ не время отрорять,
Ужъ я дочку-то качаю,
Перепутья себѣ чаю,
Перепутья дорогаго,
Зятя молодаго.

22.

Какъ въ горницѣ, да во свѣтлицѣ,
Да на капопели,
Два голубя сидѣли:
Два сизеньки, два бѣленьки,
Перьями разноцвѣтны.
И льютъ, и пьютъ,
Въ цимбалы играютъ.
Да свѣтъ Наташенька
Алексѣевна,
Тебя батюшка кличетъ?
Подружки мои,
Голубушки,
Право не слыхала.
Какъ во горницѣ, да во свѣтлицѣ,
Да на конопели,
Два голубя сидѣли,
Два сизеньки, два бѣленьки,
Перьями разноцвѣтны.
И льютъ, и пьютъ,
Въ политавры бьютъ,
Въ цымбалы играютъ.
Да свѣтъ Наташенька,
Алексѣевпа,
Тебя Александръ кличетъ?
Подружки мои,
Голубушки,
А я вотъ и иду,
Сей часъ я бѣгу,
Къ нему поскорѣй.

23.

Рано, по рану, на зарѣ,
Стояли коники на дворѣ;
Никто кониковъ не напоитъ,
Звала, позывала Ѳедора душа,
Сыпала пшеницу, замѣсь овса,
Лила ситицы, замѣсь водицы.
Пейте, вы кушайте, кони мои!
Завтра пораньшѐ, везите меня,
Далѣ, по далѣ отъ батюшки,
Ближе, поближе ко свекру на дворъ.

24.

Какъ Алексѣя-то, матушка,
Въ воскресенье спородила,
На колѣняхъ его держала,
По головушки гладила,
Уму разуму учила:
Ты дитя-ль мое, дитятко,
Ты дитя-ль мое, милое,
Будь счастливъ, талнливъ!
Ко невѣстамъ будь счастливый,
Ко людямъ привѣтливый,
Ко царю будь услужливый,
Ты задумаешь жениться,
Ты пріѣдешь ко тестю на дворъ,
Не пускай коня по двору,
Ты отдай коня конюху,
Чтобы свелъ во конюшенку;
Ты взойдешь во новы сѣни,
Обтирай ножки скорыя;
Ты взойдешь во столовую,
Скидавай шляпу пуховую;
Ты войдешь во уборную,
Ты много Богу молися,
Ты низко тестю кланяйся,
А пониже того тещенькѣ,
Чтобы вывела суженою;
Твоя сужена снаряжена,
За убраный столъ посажена,
Да она сидитъ съ городомъ,
На головушкѣ съ теремомъ.

25.

Друженька хорошенькой!
Друженька пригоженькой!
Какъ на дружкѣ-то штаны
Черны бархатны.
Друженька хорошенькой!
Друженька пригоженькой.
Бѣлы шелковы чулки,
Смазные башмаки,
Друженька хорошенькой!
Друженька пригоженькой,
Пряжки съ выскаками,
Вонъ повыскакали.
Друженька хорошенькой!
Друженька пригоженькой!
Пухова шляпа съ перомъ,
И перчатки съ серебромъ,
Друженька хорошенькой!
Друженька пригоженькой!
Онъ при тросточки стоитъ,
Приободривши, говоритъ:
Друженька хорошенькой!
Друженька пригоженькой!
Я ужъ, братцы, хорошъ,
Я на купчика похожъ.

26.

Ты рѣка-ль моя, рѣченька,
Ты рѣка-ль моя, быстрая,
Течетъ рѣчька, не колыхнется,
Со желтымъ пескомъ не взмутится.
Ты дитя-ль мое, дитятко,
Что сидишь ты, не улыбнешься,
Говоришь, не усмѣхнешься?
Ужъ ты мать моя, матушка!
Для чего мнѣ веселится?
У насъ горница полна гостей,
Ужъ какъ нѣту гостя милаго,
Моего батюшки родимаго.

27.

На морѣ, на крутомъ берегу,
Высокъ дубъ стоитъ,
На этомъ дубѣ вѣситъ клѣточка,
Въ клѣточки канареечка;
Сбиралисъ къ ней птички, пташечки.
Свѣтъ ты, наша канареечка,
Знать намъ къ тебѣ не летати,
Сытичку, пшеничку не клевати!
На морѣ, на крутомъ берегу,
Высокъ теремъ стоитъ,
Во томъ теремѣ,
Красна дѣвица сидитъ.
Собиралисъ къ ней все подруженьки.
Свѣтъ ты, наша подружка,
Знать къ тебѣ намъ не хаживати!
Крѣпкихъ думъ не думывати,
Тайныхъ рѣчей не говаривати.

28.

Недолго цвѣточку
Во садикѣ цвѣсти,
Пора цвѣточикѣ
На вѣночки плести.
Не долго Ѳедорушкѣ во дѣвушкахъ сидѣть,
Не долго Карповнѣ русу косу плесть. —
Гордись, гордись, батюшко, да не отдавай;
Гордись, гордись, матушка,
Поколь тебя, матушка, зять не подаритъ:
Тремя парчами, объерью на золотѣ.
Гордись, гордись, братецъ,
Поколь тебя зять не подаритъ:
Тремя сукнами,
Тремя Англійскими.

29.

Ужъ какъ на морѣ, на морѣ,
На синемъ каменѣ,
Бояре въ трубу трубятъ,
Молодые въ золоченую,
Никто трубы не слушаетъ.
Только слушала трубушку,
Натальина матушка,
Алексѣевна сударыня.
Пробѣжала по новымъ по сѣнямъ,
Закричала громкимъ голосомъ:
Не трубити трубы радостны,
Возтрубите трубы жалостны,
Отъ меня-то дитя везутъ —
Отъ меня благословеннаго,
Отъ меня надѣленнаго.
Ужъ какъ на морѣ, на морѣ,
На синемъ на каменѣ,
Бояре въ трубу трубятъ,
Молодые въ золоченую.
Никто трубы не слушаетъ,
Только слушала трубушку,
Натальина матушка,
Алексѣевна сударыня.
Побѣжала по новымъ по сѣнямъ,
Закричала громкимъ голосомъ:
Не трубите трубы жалостно,
Затрубите трубы радостно,
Что ко мнѣ дитя везутъ,
Ко мнѣ благословеннаго,
Ко мнѣ надѣленнаго.

30.

Какъ разсвищется соловей:
Да кто у меня въ саду былъ,
Зеленую травушку притопталъ,
Лазоревые цвѣтики приломалъ,
Канареекъ, пташечекъ разгонялъ,
Любимую пташечку съ собой взялъ,
Любимую пташечку, канареечку?
Какъ возговоритъ Иванъ господинъ:
Да кто у меня въ домѣ былъ,
Широкіе воротички растворилъ,
Во высокъ теремъ входилъ,
Красныхъ дѣвушекъ испугалъ,
Любимую дѣвушку съ собой взялъ,
Любимую дѣвушку Ѳедорушку?
Какъ возговоритъ Карпъ:
Да я у тебя въ домѣ былъ,
Широкіе воротички растворилъ,
Во высокъ теремъ входилъ,
Красныхъ дѣвушекъ испугалъ,
Любимую дѣвушку съ собой взялъ,
Любимую дѣвушку, Ѳедорушку.

31.

Изъ-за мѣсяца, мѣсяца,
Изъ-за свѣтлаго свѣтитъ.
Ужъ какъ зять къ тещѣ ѣдетъ,
На вороныхъ лошадкахъ.
Изумилася теща!
Чѣмъ мнѣ зятя дарити,
Молодаго просити?
Подарю зятя свѣта
Я платкомъ дорогимъ.
И то зять не принимаетъ,
За дары не считаетъ.
Подарю зятя свѣта
Я конемъ воронымъ,
И то зять не принимаетъ
За дары не считаетъ.
Подарю зятю свѣту
Марью душу.
Это зять-то принимаетъ,
За дары почитаетъ.

32.

Какъ сказали, что Иванъ негрозенъ,
Онъ грозенъ, грозенъ, немилостивъ,
До Ульянушки нежалостливъ,
Ужъ онъ бралъ руку объ руку,
Приломалъ золоты перстни,
Золоты перстни со яхонты,
Съ дорогими брилльянтами.
Какъ растужется Ульянушка,
Расплачется Ивановна:
Еще какъ сказать батюшкѣ?
Еще какъ солгать матушкѣ?
Я скажу, скажу батюшкѣ,
Я солгу родимой матушкѣ:
Вынимала золоты ключи,
Отпирала кованы сундуки,
Вынимала сукно Англійское,
Я кроила Ивану кафтанъ,
Кроючи, по немъ примѣривала,
Чтобъ не длиненъ, не коротокъ былъ,
Во подоличикѣ раструбицей былъ,
Чтобъ легко было на коня вскочить,
Вдоль по улицѣ проѣхати,
Тестя-батюшку утѣшить,
Тещу-матушку обрадовать.

33.

Соловей, соловьюшко,
Изъ саду вылетаетъ;
Канарейка, пташечка,
Напередъ залетала,

Соловья ворочала.
Воротисъ, соловьюшко,
Воротись, молоденькой!
Безъ тебя въ саду пусто;
Канарейки пташечки,
Всѣ сидятъ, припечаливши.
Ужъ какъ Степанъ-то
Коня сѣдлалъ,
Михайловичъ со двора съѣзжалъ,
Молодая боярыня,
Степанида Ивановна,
Во новы сѣни выходила,
Молодыхъ слугъ кликала:
Вы слуги мои, вѣрные!
Подавайте каретушку?
Во карету садилася,
Напередъ заѣхала,
Да степана, ворочала.
Воротися, мой милый другъ!
Да степанъ свѣтъ Михайловичъ!
Безъ тебя-то въ домѣ пусто,
Всѣ рабы не слушаютъ.

34.

Раступиси, раступиси,
Мать сыра земля,
Расколися гробова доска!
Пробудися родной батюшка!
Мнѣ не годокъ у васъ годовать,
Не недѣлюшку прогостить —
Одну ноченьку ночевать —
И ту проплакать, прогоревать.
Раступиси, раступиси,
Мать сыра земля!
Расколися гробова доска,
Пробудися родна матушка!

35.

Шла Прасковья въ городъ тучею,
А изъ города зарею —
Къ широку двору пришла лебедушкою,
Во новы сѣни взошла красной дѣвушкой,
Махнула вихремъ во весь теремъ.
Нетесанъ теремъ, нетесанъ,
Только хорошо раскрашенъ
Всякими разными красками,
Всякими, алыми, голубыми.
Неученъ Гурей Еремеевичъ,
Неученъ, только хорошо снаряженъ,
Снаряжала его матушка,
Отпущала къ тещѣ въ домъ,
Чтобы его тещенька полюбила,
Свѣтъ Прасковьей душой наградила.

Русскія свадебныя пѣсни, собранныя Г. И. Парихинымъ въ Тихвинѣ.

1.

Ужъ какъ во полѣ калинушка стоитъ,
Да эхе!
На калинѣ соловей птица сидитъ,
Да эхе!
Горьку ягоду калинушку клюетъ,
Да эхе!
Онъ малиною закусываетъ:
Да эхе!
Прибѣгали къ соловью два сокола,
Да эхе!
Взяли, брали соловья съ собой,
Да эхе!
Посадили въ зеленомъ саду,
Да эхе!
Что-ль во садичку во клеточку,
Да эхе!
За серебрену рѣшеточку;
Да эхе!
Какъ заставили всю ночь воспѣвать,
Да эхе!
При кручинѣ молодца утѣшать,
Да эхе!
При кручинѣ, не при радости.
Да эхе!
Молодецъ во всю ночь не спалъ,
Да эхе!
Душу красну дѣвицу утѣшалъ.
Да эхе!
Утѣшаетъ, уговариваетъ:
Да эхе!
Ты не плачь, красна дѣвица душа!
Да эхе!
Тебѣ душенька чужая сторона,
Да эхе!
Еще мнѣ неродимая моя,
Да эхе!
Что-ль дородному молодцу.
Да эхе!
Заговаривала красна дѣвица душа:
Да эхе!
Ужъ какъ нѣту такова молодца,
Да эхе!
Что-ль Ивана Ивановича,
Да эхе!
Ни въ Казани нѣтъ, ни въ Астрахани,
Да эхе!
Нѣтъ въ Псковѣ, ни въ Новѣгородѣ,
Да эхе!

Не на Свирской ярмаркѣ,
Да эхе!
У Макарья на желтыхъ пескахъ.
Да эхе!
Какъ у насъ, братцы, во городѣ,
Да эхе!
Что-ль во городѣ во Тихвинѣ,
Да эхе!
Проявился таковой молодецъ,
Да эхе!
Что-ль Иванъ, да Ивановичъ;
Да эхе!
Онъ по садику погуливаетъ,
Да эхе!
Свой тугой лукъ натягиваетъ,
Да эхе!
Калену стрѣлу накладываетъ,
Да эхе!
Ко стрѣлѣ приговариваетъ:
Да эхе!
Ты стрѣла, стрѣла, тугой лукъ!
Да эхе!
Полети моя калинова стрѣла,
Да эхе!
Чрезъ три поля чистыя,
Да эхе!
Чрезъ три рѣчки быстрыя,
Да эхе!
Чрезъ два мѣлка ручеечка;
Да эхе!
Ты убей, калинова стрѣла,
Да эхе!
Сѣру утучку на тихой заводи,
Да эхе!
Бѣлую лебедь на бѣломъ камнѣ,
Да эхе!
Ясна сокола на возлетѣ,
Да эхе!
Красну дѣвицу въ высокомъ терему.
Да эхе!
Сѣра утица ѣства моя,
Да эхе!
А бѣлая лебедь кушанье,
Да эхе!
Младъ ясенъ соколъ утѣха молодцу,
Да эхе!
Красна дѣвица невѣста ему,
Да эхе!
Что-ль дородному молодцу,
Да эхе!
Что-ль Ивану Ивановичу.
Да эхе!

2.

Да что-ль по сѣнямъ, сѣничкамъ,
Да что-ль по сѣнямъ, сѣничкамъ,
По частымъ переходичкамъ,
По частымъ переходичкамъ,
Да что-ль ходила, гуляла,
Да что-ль ходила, гуляла,
Молодая боярыня,
Молодая боярыня,
Душа красна дѣвица,
Душа красна дѣвица:
Да что-ль Анна Ивановна,
Да что-ль Анна Ивановна;
Она ходила, погуливала,
Она ходила, погуливала,
Она будила, разбуживала,
Она будила, разбуживала,
Что-ль дороднаго молодца,
Что-ль дороднаго молодца,
Что-ль Ивана Ивановича,
Что-ль Ивана Ивановича.
И ты встань, проснись, дородный молодецъ,
И ты встань, проснись, дородный молодецъ?
Пробудись душа, отецкой сынъ,
Пробудись душа, отецкой сынъ!
Отвязался твой доброй конь,
Отвязался твой доброй конь,
Отъ столба, столба дубовинькаго,
Отъ столба, столба дубовинькаго,
Отъ колечка серебрянаго,
Отъ колечка серебрянаго,
Отъ витаго, позолоченаго,
Отъ витаго, позолоченаго;
Перервалъ узду тесмяную,
Перервалъ узду тесмяную,
Что-ль съ поводомъ со шелковымъ,
Что-ль съ поводомъ со шелковымъ,
Съ колечкомъ серебрянымъ,
Съ колечкомъ серебрянымъ;
Онъ скочилъ во зеленой садъ,
Онъ скочилъ во зеленой садъ,
Весь зеленой садъ поистопталъ,
Весь зеленой садъ поистопталъ,
Что-ль со калиной, со малиной,
Что-ль со калиной, со малиной,
Съ черной ягодой смородиною,
Съ черной ягодой смородиною,
Что-ль съ грушею-ль зеленою,
Что-ль съ грушею-ль зеленою.
Какъ возговоритъ дородной молодецъ,
Какъ возговоритъ дородной молодецъ,

Что Иванъ да Ивановичъ,
Что Иванъ да Ивановичъ:
Не тужи-ко, красна дѣвица душа,
Не тужи-ко, красна дѣвица,
Да что-ль Анна Ивановна,
Да что-ль Анна Ивановна?
Буде Богъ насъ помилуетъ,
Буде Богъ насъ помилуетъ,
Государь, Царь пожалуетъ,
Государь, Царь пожалуетъ,
И мы будемъ на святой на Руси,
И мы будемъ на святой на Руси,
Что-ль во городѣ во Тихвинѣ,
Что-ль во городѣ во Тихвинѣ,
Наживемъ мы зеленой садъ,
Наживемъ мы зеленой садъ,
Что-ль со калиной, со малиною,
Что-ль со калиной, со малиною,
Съ черной ягодой смородиною,
Съ черной ягодой смородиною.
Что-ль со грушею зеленою,
Что-ль со грушею зеленою.
Я пошлю свата свататься,
Я пошлю свата свататься
Ко твоему ко батюшкѣ,
Ко твоему ко батюшкѣ,
Къ государынѣ матушкѣ,
Къ государынѣ матушкѣ;
Я тебя за себя возьму,
Я тебя за себя возьму,
Душу красную дѣвицу,
Душу красную дѣвицу,
Да что-ль Анну Ивановну,
Да что-ль Анну Ивановну.
Заговорила красна дѣвица душа,
Заговорила красна дѣвица душа,
Да что-ль Анна Ивановна,
Да что-ль Анна Ивановна:
Охъ, ты мать моя, матушка,
Охъ, ты мать моя, матушка!
Мать родима, государыня моя,
Мать родима, государыня моя!
Ты бери, мать, золотые ключи,
Ты бери, мать, золотые ключи,
Отмыкай окованы сундуки,
Отмыкай окованы сундуки,
Вынимай сукно малиновое,
Вынимай сукно малиновое,
И ты крой жениху кафтанъ,
И ты крой жениху кафтанъ,
Чтобъ не дологъ, не коротокъ былъ,
Чтобъ не дологъ, не коротокъ былъ,
Во подолѣ былъ раструбистой,
Въ подолѣ былъ раструбистой,
Къ ретиву сердцу прижимистой,
Къ ретиву сердцу прижимистой,
Чтобъ полегче на добра коня вскочить,
Чтобъ полегче на добра коня вскочить,
Поскорѣе въ стремена ноги вложить,
Поскорѣе въ стремена ноги вложить,
Чтобъ побаще проѣхати,
Чтобъ побаще проѣхати,
Мимо тестева широка двора,
Мимо тестева широка двора,
Мимо тещена высока терема,
Мимо тещена высока терема,
Мимо невѣстина окошечка,
Мимо невѣстина окошечка,
Чтобъ увидѣла красна дѣвица душа,
Чтобъ увидѣла красна дѣвица душа,
Да что-ль Анна Ивановна,
Да что-ль Анна Ивановна,
Что-ль дороднаго молодца,
Что-ль дороднаго молодца,
Что-ль Ивана, да Ивановича,
Чтоль Ивана, да Ивановича.

3.

Да что-ль по мосту, мосточку,
По калинову мосточку,
Да что-ль ѣхала карета,
Каретушка золотая,
Что-ль во той-ли во каретѣ
Душа Анна сидѣла,
Душа Ивановна голубка;
Сидючи, она жалко плачетъ,
Пожальчее причитаетъ,
Что-ль по батюшкиной воли,
Что-ль по матушкиной нѣги,
По любезномъ гуляньѣ.
Не соколъ ее облетаетъ,
Что-ль Иванъ князь объѣзжаетъ,
Что-ль Ивановичъ голубчикъ,
Ко каретѣ припадаетъ,
Душу Анну унимаетъ,
Что-ль Ивановну голубку:
Ты не плачь, не плачь Анна,
Не плачь Ивановна голубка!
У меня будетъ вольнѣе,
Что-ль вольнѣе и нѣжнѣе;
Куда пойдешь, отпросися;
Отпросившись, доложися,
Доложившись, поклонися.
Отпусти, сударь, пожалуй,
Меня къ батюшки въ гости,

Къ родной матушки въ гости,
Къ роднымъ братцамъ погостити,
Ко сестрицамъ посидѣти,
Со подружками повидатися?
И то, что-жь это за воля?
И то, что жь это за нѣга?
Мнѣ у батюшки вольнѣе,
Мнѣ у матушки нѣжнѣе,
Со подружками веселѣе.

4.

Ахъ вы дѣвки, дѣвушки,
Голубины гнѣздышки!
Много васъ посѣяно,
Да не много выросло:
Одно поле Кіевско,
А другое Черниговско.
Промежъ тѣхъ двухъ полей
Не лебедь вскликала,
Не куна взыграла,
Да что-ль Анна всплакала,
Что-ль Ивановна всплакала,
По своей русой косѣ,
Что-ль по красной-то красотѣ:
Ты коса-ль, краса моя,
Коса безкручинная,
Коса безпечальная!
Какъ вчера русу косу
Въ парной бани парили,
А сего дня русу косу,
Подъ вѣнецъ поставили,
Женою называли:
Женою Ивана князя,
Женою Ивановича.

5.

Какъ на синемъ на морѣ,
Что-ль на бѣломъ каменѣ
Строила Анна душа,
Строила Ивановна,
Строила себѣ широкой дворъ,
Со высокимъ теремомъ,
Строючись, она похвалялася,
Похвалою великою,
Что-ль не взять моего широка двора,
Со высокимъ теремомъ,
Что-ль ни стомъ, ни тысячей,
Что-ль ни стольнымъ городомъ,
Что-ль ни славнымъ Кіевомъ.
Какъ услышалъ ту
Похвалу великую
Иванъ князь, да Ивановичъ:
Не хвалися Анна душа,
Не хвалися Ивановна,
Своимъ широкимъ дворомъ,
Со высокимъ теремомъ;
Я возьму твой широкой дворъ,
Со высокимъ теремомъ,
Я безъ ста, безъ тысячи,
Я безъ стольна города,
Я безъ славна Кіева;
Я возьму твой широкій дворъ,
Со высокимъ теремомъ,
Я самъ другъ со священникомъ,
Самъ третій со діакономъ,
Самъ четвертъ со тысяцкимъ,
Самъ шестой со боярами,
Самъ восьмой со подружками,
Самъ девятъ со свахою,
Да тебя десятую,
Душу красну дѣвицу,
Да что-ль Анну Ивановну.

6.

Ты труба-ль, моя трубушка,
Трубушка серебряная;
Вобструби по ратному
Кавалерскимъ голосомъ,
Чтобъ никто трубу не слышалъ,
Лишь единъ услышалъ бы
Да что-ль Аннинъ батюшко
Свѣтъ души Ивановны;
Въ кой-бы часъ услышалъ-бы
Въ тотъ-бы часъ восплакалъ-бы;
Бояра-ль, мои бояра,
Бояра-ль Анны души
Свѣтъ души Ивановны,
Задвигайте дубовы столы,
Вы снимайте браны скатерти,
Понесите хлѣбъ и соль;
Отъ меня дочь ведутъ,
Отъ меня молодую ведутъ,
Душу красную дѣвицу
Да что-ль Анну Ивановну;
Со двора сундуки везутъ,
Со терема ларцы несутъ,
Во ларцахъ дары лежатъ,
Всѣ дары бѣльчатые,
Все атласы, бархаты,
Все алмазы, золото!..

Ты труба-ль, моя трубушка,
Трубушка серебряная,
Вострубп по ратному
Кавалерскимъ голосомъ,
Чтобъ никто трубу не слышалъ,
Лишь единъ услышалъ бы
Что-ль Ивана батюшка,

Свѣтъ князя Ивановича.
Въ кой часъ услышалъ бы,
Въ тотъ бы часъ возрадовался.
Бояра-ль, мои бояра,
Бояра — да Ивана князя,
Бояра-ль Ивановича,
Раздвигайте дубовы столы,
Растилайте браны скатерти,
Становите хлѣбъ и соль,
Ко мнѣ сноху ведутъ,
Ко мнѣ молодую ведутъ,
Молодую боярыньку,
Да что-ль Анну Ивановну,
Что-ль во дворъ сундуки везутъ,
Во теремъ ларцы несутъ,
Во ларцахъ дары лежатъ,
Все дары бѣльчатые
Все атласы, бархаты,
Все алмазы, золото,
И мнѣ тѣми дарами дарить
Что-ль дороднова молодца,
Что-ль Ивана Ивановича!

7.

Соловей, соловьюшко,
Соловей мой младенькой,
Младенькой, косматенькой
Съ саду вонъ вылетывалъ;
Перепелка пташечка
Напередъ залетала,
Соловья ворочала.
Воротись соловьюшко,
Воротись мой младенькой,
Младенькой, косматенькой!
Безъ тебя въ саду пусто,
Безъ тебя невесело,
Да все птички пташечки
Головки повѣсили,
Крылышки опустили.
Что-ль дородный молодецъ,
Что-ль Иванъ Ивановичъ
Съ дому вонъ выѣзживалъ,
Душа красная дѣвица
Каляску закладала,
Напередъ заѣзжала,
Молодца ворочала.
Воротись мой миленькой,
Что-ль дородный молодецъ,
Что-ль Иванъ Ивановичъ?
Безъ тебя въ домѣ пусто,
Безъ тебя не весело.
Все рабы, работнички,
Безъ тебя не слушаютъ,
Безъ дороднаго молодца,
Безъ Ивана Ивановича.

8.

Да что-ль по сѣнямъ, сѣничкамъ,
По частымъ переходичкамъ,
Да что-ль ходила, гуляла,
Молодая боярынька,
Да что-ль Анна Ивановна,
Во бѣлыхъ рукахъ носила,
Два серебряныхъ блюдечка,
Что-ль на тѣхъ ли на блюдечкахъ,
Да два червчатыхъ камышка,
Двѣ алмазныя запанки.
Ужъ вы яхонты, яхонты,
Брилльянты граненые!
Полежите, малешенько,
Я схожу молодешенька
Я во свѣтлую свѣтлицу,
Во столовую горницу,
Посмотрю-ль молодешенька
Я на младъ на свѣтелъ мѣсяцъ.
Что-ль свѣтелъ ли, свѣтелъ мѣсяцъ?
Печетъ-ли красное солнышко?
Веселъ, веселъ ли мой суженой,
Что-ль дородной-то молодецъ,
Что-ль Иванъ да Ивановичъ?
За дубовымъ столомъ стоячи,
Онъ чару наливаючи,
Что-ль женой похваляючи,
У меня жена умная,
У меня жена разумная,
Молодая боярынька,
Да что-ль Анна Ивановна.

9.

Какъ изъ трубки въ трубку вилося,
Да вилося, да вилося, да вилося!
Изъ серебряной въ золотую;
Въ золотую, въ золотую, въ золотую!
Выливалася изъ трубки голубка;
Да голубка, да голубка, да голубка!
Прилеталъ изъ долины соловейко;
Соловейко, соловейко, соловейко!
Какъ садился соловейко на окошко,
На окошко, на окошко, на окошко!
А голубушка подъ окошко;
Подъ окошко, подъ окошко, подъ окошко!
Ужъ какъ сталъ соловейко горкотати,
Горкотати, горкотати, горкотати!
А голубушка щелкотати.
Щелкотати, щелкотати, щелкотати!
Душа Марфушка по сѣнечкамъ гуляла,
Да гуляла, да гуляла, да гуляла!

Что-ль Ивановна по новымъ гуляла,
Да гуляла, да гуляла, да гуляла!
Во бѣлыхъ рукахъ жалобу носила,
Да носила, да носила, да носила!
Она батюшки жалобу дарила;
Да дарила, да дарила, да дарила!
У ней, батюшка жалобы не приметъ
Да не приметъ, да не приметъ, да не приметъ!
Какъ изъ трубки въ трубку вилося,
Да вилося, да вилося, да вилося!
Изъ серебряной въ золотую;
Въ золотую, въ золотую, въ золотую!
Выливалася изъ трубки голубка;
Да голубка, да голубка, да голубка!
Прилеталъ изъ долины соловейко
Соловейко, соловейко, соловейко!
Какъ садился соловейко на окошко;
На окошко, на окошко, на окошко!
А голубка подъ окошко;
Подъ окошко, подъ окошко, подъ окошко!
Ужъ какъ сталъ соловейко горкотати ,
Горкотати, горкотати, горкотати!
А голубка щелкотати,
Щелкотати, щелкотати, щелкотати!
Душа Марфушка по сѣнечкамъ гуляла,
Да гуляла, да гуляла, да гуляла!
Что-ль Ивановна по новымъ гуляла,
Да гуляла, да гуляла, да гуляла!
Во бѣлыхъ рукахъ жалобу носила;
Да носила, да носила, да носила!
Она матушки жалобу дарила;
Да дарила, да дарила, да дарила!
У ней матушка жалобы не приметъ,
Да не приметъ, да не приметъ, да не приметъ!
Какъ изъ трубки въ трубку вилося,
Да вилося, да вилося, да вилося!
Изъ серебряной въ золотую,
Въ золотую, въ золотую, въ золотую!
Выливалася изъ трубки голубка ,
Да голубка, да голубка, да голубка!
Прилеталъ изъ долины соловейко;
Соловейко, соловейко, соловейко!
Какъ садился соловейко на окошко,
На окошко, на окошко, на окошко!
А голубка подъ окошко;
Подъ окошко, подъ окошко, подъ окошко!
Ужъ какъ сталъ соловейко горкотати,
Горкотати, горкотати, горкотати!
А голубка щелкотати;
Щелкотати, щелкотати, щелкотати!

Душа Марфушка по сѣнечкамъ гуляла;
Да гуляла, да гуляла, да гуляла!
Что-ль Ивановна по новымъ гуляла,
Да гуляла, да гуляла, да гуляла!
Во бѣлыхъ рукахъ жалобу носила,
Да носила, да носила, да носила!
Она братцамъ жалобу дарила,
Да дарила, да дарила, да дарила!
У ней братья жалобы не примутъ;
Да не примутъ , да не примутъ, да не примутъ!
Какъ изъ трубки въ трубку вилося
Да вилося, да вилося, да вилося!
Изъ серебряной въ золотую,
Въ золотую, въ золотую, въ золотую!
Выливалася изъ трубки голубка,
Да голубка, да голубка, да голубка!
Прилеталъ изъ долины соловейко,
Соловейко, соловейко, соловейко!
Какъ садился соловейко на окошко ,
На окошко, на окошко, на окошко!
А голубка подъ окошко,
Подъ окошко, подъ окошко, подъ окошко!
Ужъ какъ сталъ соловейко горкотати,
Горкотати, горкотати, горкотати!
А голубка щелкотати,
Щелкотати, щелкотати, щелкотати!
Душа Марфушка по сѣничкамъ гуляла,
Да гуляла, да гуляла, да гуляла!
Что-ль Ивановна по новымъ гуляла;
Да гуляла, да гуляла, да гуляла!
Во бѣлыхъ рукахъ жалобу носила;
Да носила, да носила, да носила!
Она сестрицамъ жалобу дарила;
Да дарила, да дарила, да дарила!
У ней сестрицы жалобы не примутъ,
Да не примутъ, да не примутъ, да не примутъ!
Какъ изъ трубки въ трубку вилося,
Да вилося, да вилося, да вилося!
Изъ серебряной въ золотую,
Въ золотую, въ золотую, въ золотую!
Выливалася изъ трубки голубка;
Да голубка, да голубка, да голубка!
Прилеталъ изъ долины соловейко;
Соловейко, соловейко, соловейко!
Какъ садился соловейко на окошко,
На окошко, на окошко, на окошко!
А голубушка подъ окошко;
Подъ окошко, подъ окошко, подъ окошко!
Ужъ какъ сталъ соловейко горкотати;
Горкотати, горкотати, горкотати!

А голубка щелкотати,
Щелкотати, щелкотати, щелкотати!
Душа Марфушка по сѣнечкамъ гуляла,
Да гуляла, да гуляла, да гуляла!
Что-ль Ивановна по новымъ гуляла,
Да гуляла, да гуляла, да гуляла!
Во бѣлыхъ рукахъ жалобу носила,
Да носила, да носила, да носила!
Что-ль Григорью-то жалобу дарила,
Да дарила, да дарила, да дарила!
Что-ль Ивановичу да дарила;
Да дарила, да дарила, да дарила!
Что-ль Григорей-то жалобу принялъ;
Таки принялъ, таки принялъ, таки принялъ!
Что-ль Ивановичъ таки принялъ!...

10.

Ушь какъ во саду, саду,
Да во зеленомъ саду,
Да, чтоль подъ яблонью кровать,
Да подъ кудрявой тесова,
Да чтоль на той-ли на кровати
Да чтоль перина лежитъ,
Да чтоль на той-ли на перинѣ
Да изголовье высоко,
Да что на томъ на изголовье
Да одѣяло соболье,
Да что подъ тѣмъ подъ одѣяломъ
Да чтоль Иванъ, сударь, спитъ,
Да чтоль Ивановичъ спитъ.
Да ужь какъ около него
Да все лакеи-то его
Да разкручаютъ, раздѣваютъ,
Да распоясываютъ,
Да спать укладываютъ,
Да ты Иванъ, сударь, спи,
Да ты, Ивановичъ усни!
Да что малый часъ прошелъ,
Да чтоль лакей скоро пришелъ,
Да скору вѣсточку принесъ.
Да ты Иванъ, сударь, вставай,
Да ты, Ивановичъ вставай!
Да скоры ноги обувай,
Да бѣло лице умывай,
Да русы кудри разчеши,
Да черну шляпу надѣнь,
Да на сине море бѣги,
Да громкимъ голосомъ кричи.
Да на синемъ морѣ корабль,
Да карабль съ золотомъ ушолъ
Да корабль съ чистымъ ушолъ,
Да не могу я, братцы, встать,
Да не руки, ноги поднять,
Да не буйной головы,
Да чтоль во саду саду,
Да во зеленомъ саду
Да чтоль подъ яблонью кровать,
Да подъ кудрявой тесова,
Да чтоль на той ли на кровати
Да чтоль перина лежитъ,
Да что на той ли на перинѣ
Да изголовье высоко,
Да что-ль на томъ на изголовьѣ
Да одѣяло соболье,
Да что подъ тѣмъ подъ одѣяломъ
Да что-ль Иванъ, сударь, спитъ,
Да что-ль Ивановичъ спитъ!
Да ужъ какъ около него,
Да все лакеи-то его
Да разкручаютъ, раздѣваютъ,
Да распоясываютъ,
Да спать укладываютъ.
Да ты Иванъ, сударь, спи,
Да ты, Ивановичъ усни,
Да что малый часъ прошелъ,
Да чтоль лакей скоро пришелъ,
Да скору вѣсточку принесъ:
Да ты Иванъ сударь вставай,
Да ты Ивановичъ вѣставай!
Да скоры ноги обувай,
Да бѣло лице умывай,
Да русы кудри разчеши,
Да черну шляпу надѣнь,
Да на сине море бѣги,
Да громкимъ голосомъ крычи.
Да на синемъ море корабль,
Да корабль съ дѣвицами ушелъ,
Да корабль съ красными ушелъ,
Да съ твоей суженою,
Да съ твоей ряженою
Да по скорешенькому вставалъ,
Да скоры ноги обувалъ,
Да бѣло лице умывалъ,
Да русы кудри разчесалъ,
Да черну шляпу надѣвалъ,
Да на сине море бѣжалъ,
Да громкимъ голосомъ кричалъ:
Да вы постойте корабли,
Да воротитесь дороги,
Да съ моей сужоною
Да съ моей ряженою.

11.

Да чтоль по двору, двору,
Да по широкому двору,

Да чтоль Иванъ, сударь, ходитъ,
Чтоль Ивановичъ голубчикъ,
Да ворона коня водитъ,
Да по тучнымъ бедрамъ гладитъ.
Да охъ ты, комонь мой, комонь,
Да комонь, добрая лошадь!
Да ты куда комонь ѣздилъ?
Да ты, кого комонь видѣлъ?
Да ужь я ѣздилъ, да ѣздилъ
Да я изъ города въ городъ,
Да я изъ орды во орду,
Да ужь я видѣлъ, да видѣлъ
Да я высокій теремъ,
Да тамъ гордливу, гордливу,
Да я тамъ Анну спесиву,
Чтоль Ивановну голубку.
Да чтоль гордлива, гордлива,
Да душа Анна спесива,
Чтоль Ивановна гордлива,
Да она ступитъ, не ступитъ,
Да слово молвитъ, не молвитъ,
Да чтоль хотя она ступитъ,
Да сковра на поволоку,
Да чтоль хотя она молвитъ,
Да со великія горды.
Какъ на улицѣ комарье
На дворѣ, сударь, грязище.
Какъ во теремѣ порошье,
Да я на то ли комарье,
Да я шитой браной пологъ,
Да я на то ли грязищѣ
Да я калиновой мостикъ,
Да я на то ли порошье
Да я шелковый вѣникъ,
Да я на Анну спесиву
На Ивановну гордливу,
Да я шелковую плетку,
Да на тебя ли мой комонь,
Да я шелкову уздечку.

Русскія свадебныя пѣсни, собранныя И. Т. Яковлевымъ на Петербургскихъ купеческихъ свадьбахъ.

1.

Не трубушка трубила рано по зорѣ,
Свѣтъ дѣвица плакала по русой косѣ:
Вечоръ-то мою косынку дѣвушки плели,
И золотомъ перевили,
И жемчугомъ русую унизали;
Какъ Богъ суди Ивана Тарасьевича!
Прислалъ сваху немилостиву,
Учала мою косынѣку рвать, порывать,
И золото съ косынки оборвала все,
И жемчугъ съ русой поразсыпала весь.

2.

У Тараса Яковлевича
Ахъ бѣда учинилася,
Какъ безъ бури, безъ вихря,
Воротички растворилися,
Три кораблика уплыли:
Какъ первой-то корабль съ золотомъ,
А другой съ чистымъ серебромъ,
А третій съ красной дѣвицей.
Кикъ не жаль-то мнѣ залота,
Мнѣ ни чистаго серебра,
Да что жаль-то мнѣ дѣвицы,
Свѣтъ Прасковьи Тарасьевны,
Моей дочери родныя.
У Петра Васильевича
Да что за радость учинилася?
Что безъ бури, безъ вихря,
Ворота растворилися,
Три кораблика приплыли,
Какъ первой-то корабль съ золотомъ,
А другой съ чистымъ серебромъ,
А третій съ красной дѣвицей.
Мнѣ не дорого золото,
И ни чисто серебро,
Дорога красна дѣвица,
Свѣтъ Прасковья Тарасьевна,
Моя будущая невѣстушка.

3.

Черны кудри за столъ пошли,
Русую косу за собой повели.
Черны кудри у русой косѣ спрашивали:
Русая коса, не уже-ль ты моя?
Еще же черны кудри я не твоя,
Божья да батюшкина.
Черны кудри за столъ пошли,
Русую косу за собой повели.
Черны кудри у русой косѣ спрашивали:
Русая коса, уже-ль ты моя?
Я Божья, да теперь твоя.

4.

На морѣ утица купалася,
На морѣ сѣрая поласкалася,
Вышедши на берегъ утица, встрехнулася,
Встрехнувшись утица, воскликнула:
Какъ-то мнѣ съ синимъ моремъ разставатися будетъ?
Какъ - то мнѣ съ крутыхъ береговъ подыматися будетъ?
Придетъ зима холодная,

Придутъ морозы жестокіе,
Выпадутъ снѣги глубокіе,
Не-хотя съ синимъ моремъ разстанешься,
Не-хотя съ крутыхъ береговъ подымешься.
Въ теремѣ Прасковьюшка умывалася,
Во высокомъ Тарасьевна умывалася,
Горючими слезами обливалася:
Какъ-то мнѣ съ батюшкой разстатися будетъ?
Какъ-то мнѣ съ матушкой прощатися будетъ?
Придетъ Игнатій со всѣмъ поѣздомъ,
Придетъ Петровичъ со всѣмъ поѣздомъ,
Возметъ Прасковью душу за праву руку,
Поведетъ Тарасьевну ко суду Божью;
Отъ суда Божьяго ко себѣ на дворъ.

5.

Какъ у Ивана рай мой, рай!
У Тарасьевича на широкомъ
Выростала тутъ трава,
Трава шелковая;
Какъ по той ли травѣ
Разцвѣли тутъ цвѣты,
Цвѣты лазоревые;
Какъ по той ли по травѣ,
Разостланы были ковры,
Ковры золотые,
Края вышитые,
Какъ по тѣмъ ли по коврамъ
Тутъ шла, тутъ прошла
Свѣтъ Прасковьюшка душа,
Свѣтъ Васильевна;
Въ рукахъ она песла
Свѣчу воску ярова.
Ужъ не горѣть свѣчѣ
Противъ лучья солнечна;
Ужъ не быть тебѣ свекру
Противъ батюшки роднаго;
Ужъ не быть тебѣ свекрови
Противъ матушки родной;
Уже не быть тебѣ деверю
Противъ братца роднаго;
Ужъ не быть тебѣ золовкѣ
Противъ сестрицы моей.

6.

Звонко звонятъ во Казани городѣ,
Звончей того звонятъ во каменной Москвѣ,
Звонила звоны красна дѣвица душа;
Мимо ѣхалъ ея суженой,
Онъ звона ея заслушался,
Красоты ея засмотрѣлся,
Пріѣхавши домой, похваляется:
Государыня матушка!
Видѣлъ свою суженую,
Видѣлъ я свою ряженую.
Глаза у ней какъ у яснаго сокола,
Брови у ней черна соболя,
Ростомъ она повыше меня,
Краше ее въ теремѣ нѣтъ,
Умнѣе въ городѣ нѣтъ,

7.

Охъ, ты умная головушка,
Ты удалый, добрый молодецъ!
Ты охочь по пирамъ ходить,
По сговорамъ, по дѣвичникамъ,
По дѣвичьимъ вечерамъ;
Ты охочь пѣсенъ слушати,
Ты охочь, сударь, дѣвицъ дарити,
Не рублемъ, не полтиною,
Золотыми червонцами.

8.

Друженька хорошій,
Друженька пригожій!
Ты по лавкамъ скакалъ,
Пироги съ полокъ таскалъ,
Друженька хорошій,
Друженька пригожій!
Пироги съ полокъ таскалъ,
И за пазуху совалъ;
Друженька хорошій,
Друженька пригожій!
По-подъ лавочью бродилъ,
Да мышей наловилъ,
Друженька хорошій,
Друженька пригожій!
Да мышей наловилъ,
Свахѣ шубу сшилъ.
Друженька хорошій,
Друженька пригожій!
Ужъ какъ сваха на свадьбу спѣшила,
Что на ней была шуба мышина.

9.

Проснися, пробудися,
Ты мой батюшка родимый!
Ужъ не годъ мнѣ у тебя годовати,
Не недѣлюшку гостити, одну ноченьку,
Одну ноченьку почевати, да и той мнѣ
Во тоскахъ, во слезахъ не видати,
Мнѣ дѣвичью красу вспоминати.

10.

По городу, городу звоны пошли,
По терему дары понесли,
Дарила дары душа красна дѣвица.
Прими, сударь, дары, прими, сударь,
Дары добрый молодецъ!

Но мои-то дары не прогнѣвайся,
На мои-то дары не прогнѣвайся;
Мои-то дары непасены,
Мои-то дары непасены,
Моя свадьба, моя свадьба невзначай.

11.

Ты труба ли моя, трубушка,
Ты труба-ль моя, серебряная!
Воструби громко, звонко,
Громко, звонко, жалостно
Къ моему родному батюшкѣ.
Со двора сундуки везутъ,
Со крыльца ларцы несутъ,
Со терема Прасковьюшку ведутъ,
Со высокаго Тарасьевну.
Ты труба-ль моя, серебряная!
Воструби громко, звонко,
Воструби громко, звонко, жалостно,
Къ моему-ль свекру батюшкѣ.
На дворъ сундуки везутъ,
На крыльцо ларцы песутъ,
Во высокъ теремъ дѣвицу ведутъ.

12.

Друженька хорошенькой!
Друженька пригоженькой!
Какъ на дружкѣ-то кафтанъ
Кармазиннаго сукна,
Друженька хорошенькой!
Друженька пригоженькой!
Какъ на дружкѣ-то камзолъ
Золотой парчевой,
Друженька хорошенькой!
Друженька пригоженькой!
Какъ на дружкѣ-то штаны,
Черны бархатны,
Друженька хорошенькой!
Друженька пригоженькой!
Какъ на дружкѣ то чулки
Бѣлы шелковы,
Друженька хорошенькой!
Друженька пригоженькой!
Смазные башмаки,
Пряжки съ искарками,
Друженька хорошенькой!
Друженька пригоженькой!
И шляпа съ перомъ,
И перчатки съ серебромъ.
Друженька хорошенькой!
Друженька пригоженькой!
Коли хочешь въ рай,
Передайся къ намъ.
Друженька хорошенькой!
Друженкка пригоженькой!
Какъ у насъ про тебя
И стекляница вина,
Друженька хорошенькой!
Друженька пригоженькой!
И стекляница вина
И пива ендова,
Друженька хорошенькой!
Друженька пригоженькой!
Кувшинъ молока,
И конецъ пирога.
Друженька хорошенькой!
Друженька пригоженькой!

13.

Ты моя краса-ль, красота,
Красота ли моя, дѣвичья,
Мнѣ куды красу дѣть будетъ?
Мнѣ куды положить будетъ?
Положу-ль я красу свою дѣвичью
Далеко, во чисто поле, на травушку муравушку,
На цвѣты алы, лазоревые;
А сама отойду млада,
Отошедши, послушаю:
Не тоскуетъ ли по мнѣ красота,
Что по мнѣ, красной дѣвицѣ?—
Ужъ какъ шли тутъ люди добрые,
Люди добрые, господа пригожіе,
Онѣ красѣ дивовалися;
Ужъ чья эта красота,
Что у бережи ношена,
Не у мѣста положена?—
Я возьму свою красоту,
Во свои руки бѣлыя,
Во перстни золоченые,
Понесу свою красоту въ высокъ теремъ,
Во высокъ теремъ къ родной матушкѣ,
Положу свою я красоту
На столы дубовы, убраные,
На бѣлы скатерти, камчатныя,
На серебряную тарелочку.
Ужъ и тутъ ли красѣ не мѣстечко?
Я отдамъ свою красоту,
Своимъ милымъ подруженькамъ.
Ужъ и тутъ ли красѣ не мѣстечко,
Красованью не лежаньице?—
Тѣ дѣвушки на возрастѣ,
Красота ихъ на выносѣ;
И отдамъ красоту свою
Родной сестрицѣ голубушкѣ.
Ужъ какъ тутъ-ли красѣ мѣстечко?
Ужъ та дѣвушка молодешенька,

Красота ее глупешенька.
Ты сестрица моя голубушка,
Береги мою красоту,
Такъ кабы я ее берегла;
Ужъ я ею красовалася,
Красой своей похвалялася.

14.

Вы цвѣты ли мои, цвѣтики,
Вы цвѣты алы, лазоревые,
Лазоревые, васильковые,
Много было васъ посѣяно,
Да немного васъ уродилось.
Вы души ли, красны дѣвицы—
Много было васъ во теремѣ,
Да не много оставалось.
Вы на что, на что-же осердились?—
Не было у насъ измѣнщицы,
Не было у насъ обманщицы,
А теперь проявилась,
Что душа-ль красна дѣвица,
Свѣтъ Ульяна Петровна,
Что теперь за столомъ сидитъ,
Что теперь за столомъ сидитъ,
Съ удалымъ добрымъ молодцомъ,
Свѣтъ Игнатьемъ Петровичемъ.
Ты на что душа прельстилась?
На его-ль лицо бѣлое?
На его-ль лицо румяное?
На его-ли кудри русыя?
На его-ль слова ласковыя?

15.

Ахъ, свѣтъ ли мои аленьки цвѣточки,
Свѣтъ лазоревые василечьки!
Вы къ чему такъ рано приублекли?
На васъ лютые морозы не бывали,
Частые дожди не ливали.
Ахъ свѣтъ ли наша, милая подружка,
Прасковья душа свѣтъ Тарасьевна?
Къ чему такъ рано приуныла?
Отъ Игнатья грозы не видала,
Свѣтъ отъ Петровича не слыхала.
Ахъ, вы свѣтъ ли мои милыя подружки!
Ужъ какъ видно сокола по полету,
А Игнатья видно по поступки;
Онъ легошенько на поженьку ступаетъ,
Почастешеньку въ ясны очи взираетъ,
Бѣлы рученьки пожимаетъ,
Вѣковѣчною супругою называетъ.

16.

На горѣ стоитъ елочка,
Подъ горой свѣтелочка,
Во свѣтелочки Прасковья сидитъ,
Во свѣтелочки Тарасьевна.
Приходилъ къ ней батюшка,
Звалъ, позывалъ онъ дочь свою,
Прасковью свѣтъ Тарасьевну!
Ты Прасковья пойдемъ домой?
Я нейду, нейду, не слушаю,
Ночь темна, немѣсячна,
Рѣки быстры, перевоза нѣтъ,
Улицы грязны, перехода нѣтъ,
Лѣса темны, караула нѣтъ.
На горѣ стоитъ елочка,
Подъ горой свѣтелочка,
Во свѣтелочкѣ Прасковья сидитъ,
Во свѣтелочкѣ Тарасьевна.
Приходила къ ней родная матушка,
Звала ее позывала,
Свѣтъ Прасковьей называла,
Свѣтъ дочь моя Тарасьевна:
Ты пойдемъ домой?—
Я нейду, нейду, не слушаю.
Ночь темна, немѣсячна,
Рѣки быстры, перевоза нѣтъ,
Улицы грязны, перехода нѣтъ.
Лѣса темны, караула нѣтъ,
На горѣ стоитъ елочка,
Подъ горой свѣтелочка,
Во свѣтелочки Прасковья,
Во свѣтелочки Тарасьевна сидитъ.
Приходилъ къ ней Игнатiй господинъ,
Приходилъ къ ней свѣтъ Петровичъ.
Ты поди, Прасковья, со мной
Ты поди душа, Тарасьевна?—
Я пойду и послушаю тебя,
Ночь свѣтла и мѣсячна
Рѣки тихи, перевозы есть,
Улицы сухи, переходы есть,
Лѣса темны, караулы есть.

17.

Какъ по двору, дворику, по широкому дворику,
Ходилъ, гулялъ Иванъ Петровичъ,
Ходилъ онъ невеселъ,
Гулялъ онъ нерадошенъ.
Увидала его матушка съ высокаго терема,
Изъ высока терема изъ косящатаго окна,
Дитя ли мое, дитятко,
Дитя-ль мое, милое!
Что ходишь невеселъ, нерадошенъ?
Повѣсилъ головушку,
На праву сторонушку.
Государыня моя матушка!
Жениться мнѣ хочется.
Женись, женись дитятко.
Женись мое милое!

Возьми, возьми дитятко
Съ высокаго терема
Придворную фрейлену.
Родимая матушка.
Съ высокаго терема
Придворная фрейлена
Та въ домѣ не хозяюшка.
Возьми, возьми дитятко
Купеческую дочку.
Возьму, возьму, матушка,
Купеческую дочку;
Та въ домѣ хозяюшка.
А мнѣ будетъ мила жена.—

18.

Что ни низко, не высоко,
Соловей гнѣздо совиваетъ,
Молодой тепло согрѣваетъ.
Что не близко, не далеко,
Тарасъ дитю снаряжаетъ.
Что не пава, что не пава,
Что не павушка по двору ходитъ,
Не павлинныя перья роняетъ,
Что ходила свѣтъ Прасковья душа,
Кругъ терема высокаго;
Она била, колатила
Золотымъ кольцомъ въ замочекъ,
Она бивши, колотивши,
Сама рѣчи говорила:
Отоприся, отоприся,
Нѣмецкой замокъ отоприся?
Отложися, отложися,
Полуженная цѣпь отложися?
Растворися, растворися,
Кипарисная дверь растворися?
Распахнися, распахнися,
Широкой браной положекъ распахнися?
Ты проснися, ты проснися,
Родной батюшка пробудися?
Мнѣ-ль не годъ у тебя годовати,
Мнѣ-ль не вѣкъ у тебя вѣковати,
Мнѣ недѣлюшку погостить,
И ту во тоскѣ, въ слезахъ не видати,
Не вѣкъ ходя, красу проходити,
Не вѣкъ сидя, красу просидѣти,
И мнѣ съ батюшкой думу думати,
Не вѣкъ мнѣ съ матушкой горевати,
Что съ подружкой посидѣти.

19.

Воротится, соколъ, воротится,
Побывалъ шляпу на стопкѣ,
По забылъ ты невѣсту цѣловати, цѣловати!

20.

Во саду-ль было, во садику,
Въ зеленомъ виноградику,
Что ходила, тутъ гуляла,
Свѣтъ душа красна дѣвица,
Красна дѣвица, свѣтъ Прасковья Тарасьевна;
Въ рукахъ она носила блюдо серебряное,
Подходила она къ яблони,
Говорила она яблонкѣ:
Кудрявая яблонка,
Наклонися низехонько,
Низехонько, до сырой земли;
Я сорву съ тебя два яблочка,
Два яблочка, наливчатые,
Два наливчатые, разсыпчатые,
Поднесу я два яблочка
Во высокъ теремъ къ милому братцу,
Свѣтъ Ивану Тарасьевичу.
Ахъ, ты братецъ мой, голубчикъ,
Ты прими-ка два яблочка,
Ты принявши, разрушай-ка,
Ты разрушавши, покушай-ка,
Моего горя послушай-ка,
Моего горя великаго:
Не покинь меня милой братецъ,
Свѣтъ Иванъ Тарасьевичъ!
Ты сестрица, голубушка,
Свѣтъ Прасковя Тарасьевна,
Развѣ Богъ не помилуетъ,
Государь не пожалуетъ,
Я тогда тебя позаду.

21.

Вотъ Китаѣ кремлѣ городѣ,
На коврѣ красномъ золотѣ,
У стола, стола убранаго,
Противъ зеркала хрустальнаго,
Свѣтъ Игнатій чесалъ кудри,
Свѣтъ Петровичъ чесалъ черны,
Чесалъ кудри, приговаривалъ,
Самъ съ Прасковьею разговаривалъ:
Прасковьюшка, перевей кудри,
Тарасьевна, перевей черны?
Захочу я—перевью,
А захочу—не перевью,
Я еще, сударь, не твоя,
Я еще, сударь, батюшкина.
Во Китаѣ кремлѣ городѣ,
На коврѣ красномъ золотѣ,
У стола, стола убранаго,
Противъ зеркала хрустальнаго,
Свѣтъ Игнатій чесалъ кудри,
Свѣтъ Петровичъ чесалъ черны?

Чесалъ, кудри приговаривалъ,
Самъ съ Прасковьею разговаривалъ:
Прасковьюшка, перевей кудри,
Тарасьевна, перевей черны?
Захочу я—перевью,
А захочу— не перевью,
Я еще, сударь, не твоя,
Я еще, сударь, матушка.
Во Китаѣ кремлѣ городѣ,
На коврѣ красномъ золотѣ,
У стола, стола убранаго,
Противъ зеркала хрустальнаго,
Свѣтъ Игнатій чесалъ кудри,
Свѣтъ Петровичъ чесалъ черны,
Чесалъ кудри приговаривалъ,
Самъ съ Прасковьею разговаривалъ:
Прасковьюшка, перевей кудри,
Тарасьевна, перевей кудри?
А я теперь, сударь, вся твоя!
Давай я кудри перевью,
Давай я черны перевью.

22.

Прасковья розаночки разсаживала,
Противъ бѣла шатра полотнянаго,
Изъ бѣла шатра свѣтъ Игнатій выходилъ,
Звалъ, позывалъ Прасковьюшку душу:
Прасковьюшка, подь ко мнѣ въ шатеръ?
Тарасьевна, подь ко мнѣ во бѣлой?
Я нейду, нейду, не слушаю,
Слышала я, люди сказывали:
У тебя отецъ грозенъ!
Сердце мое, Прасковья душа,
Будь сама добра,
Сама ласкава!
Ты держи голову поклоннѣе,
Ретивое сердце покорливое,
Будешь мила моему батюшки.
Прасковья душа розаночки разсаживала,
Противъ бѣла шатра полотнянаго,
Изъ бѣла шатра свѣтъ Игнатій выходилъ,
Изъ полотнянаго свѣтъ Тарасьевичъ выходилъ,
Звалъ, позывалъ Прасковью душу:
Прасковьюшка, подь ко мнѣ въ шатеръ?
Тарасьевна, подь ко мнѣ во бѣлой?
Я нейду, нейду, не слушаю.
Слышала, люди сказывали,
У тебя матушка зла.
Сердце мое, Прасковья душа,
Будь сама добра,
Сама ласковая!
Ты держи голову поклоннѣе,
Ретиво сердце покорливое,
Будешь мила моей матушкѣ.
Прасковья душа розапочки разсаживала,
Противъ бѣла шатра полотнянаго,
Изъ бѣла шатра свѣтъ Игнатій выходилъ,
Изъ полотнянаго свѣтъ Петровичъ входилъ,
Звалъ, позывалъ Прасковью душу:
Прасковьюшка, подь ко мнѣ въ шатеръ?
Тарасьевна, подь ко мнѣ во бѣлой?
Я иду, иду и слушаю,
Слышала, люди скасывали:
У тебя отецъ добръ,
А матушка ласковая.

23.

Отлелѣяла, отлелѣяла Волга,
Быстра рѣченька съ крутымъ бережкомъ,
Отжилася, отнѣжилася свѣтъ
Прасковья душа у батюшки.
Какъ пошло мое дитятко,
Съ высокаго терема,
По частымъ по ступеничкамъ,
Впереди идетъ свѣчничекъ,
По бокамъ поѣзжаные гости,
Позади идетъ матушка.
Воротись, мое дитятко?
Позабыло ты, дитятко,
Трое ключики
На шелковомъ пояскѣ.
Не одни я позабыла ключи,
Позабыла я, матушка,
Волю батюшкину,
Да и нѣгу матушкину,
Приголубки милыхъ братьевъ,
Да и ласки сестрицыны,
Я еще позабыла красу свою дѣвичью,
Я косу свою русую.

24.

На берегу на Іорданѣ,
Что тутъ стояло древо святое,
Святое, непростое,
Непростое оно, кипарисное,
Что на томъ ли на древѣ,
Сидѣла птица не мала,
Что не мала она, велика;
Она славила славу большую,
Ужъ какъ быть-то:
Ивану воеводой,
Ужъ какъ быть-то
Тарасьевичу воеводой!
Ужъ носить ему шубу соболью,
А на шубѣ цѣпи золотыя!
У Ивана кони вороные,

У Тарасьевича вороные,
Вѣрны слуги его, молодые.

25.

Ужъ какъ чей зеленой садъ
Безъ цвѣтовъ лазоревыхъ?
Ужъ какъ чей золотъ теремъ безъ крыши, безъ золотой?
Ужъ какъ чей золотъ перстень безъ вставки, безъ яхонта?
Ужъ какъ чья голубушка
Безъ сизаго голубя?
Какъ возговоритъ Ѳедосья,
Какъ возговоритъ свѣтъ Никитишна:
Ужъ какъ мой зеленой садъ
Безъ цвѣтовъ лазоревыхъ;
Ужъ какъ мой теремъ безъ крыши, безъ золотой;
Ужъ какъ мой золотъ перстень безъ вставки, безъ яхонта;
Ужъ какъ я голубушка безъ друга сердечнаго.

26

Не лежи черной боберъ
На крутомъ берегу,
Не сиди Тарасъ, господинъ,
Во чужомъ пиру,
Не сиди свѣтъ, Яковлевичъ,
Во чужомъ пиру,
Снаряжай свадьбу снаряжену.
Ахъ, вы глупые люди, неразумные!
У меня свадьба снаряжена,
Девять варей пиво сварено,
Десятая варя сладкихъ медовъ.
Не гуляй птица въ чужомъ саду,
Не сиди, Ѳедосья, во чужомъ пиру,
Не сиди Тарасьева во чужомъ пиру,
Снаряжай свадебку снаряжену.
Ахъ, вы глупые люди, неразумные!
У меня свадьба снаряжена,
Девять печей хлѣба испечено,
Десятая печь сладкихъ пироговъ.

27.

Какъ у мѣсяца золоты рога,
Какъ у солнышка лучи ясные,
У Ивана кудри русыя,
У Тарасьевича по плечамъ лежатъ,
Ужъ ему люди дивовалися:
Не красно-ль солнце воспородило?
Не свѣтелъ-ли его мѣсяцъ воспоилъ, воскормилъ?
Не частыя-ли звѣзды возлелѣяли?
Ахъ, вы глупые люди, неразумные!
Воспородила меня родная матушка;
Вспоилъ, вскормилъ родной батюшка,
Возлелѣяли меня няньки, мамушки.

28.

Въ воскресенье Ивана-то родная матушка спородила,
Въ воскресенье Тарасьевича родная матушка спородила,
Во воскресенску заутреню,
Уму, разуму учила:
Ужъ ты будь, мое дитятко,
Таланливой и счастливой,
Государю услужливой,
Къ невѣстамъ счастливой!
Ты поѣдешь жениться:
Не пускай коня по двору,
Ты сведи коня ворона
На конюшенку придворную,
Ты отдай коня ворона
Ты придворнымъ конюхамъ,
Напоили-бы его сытицею,
Накормили-бы пшеницею;
Ты взойдешь во новы сѣни,
Скидавай пухову шляпу,
Обтирай кудри русыя,
Вытирай ноги до суха;
Ты взойдешь въ нову горницу,
Ты долго Богу молися,
Ты низко тестю кланяйся,
Поклонися пониже тещенькѣ,
Узнавай свою сужену;
Твоя сужена снаряжена,
Выше всѣхъ она посажена,
Что сидитъ она съ городомъ,
На головушкѣ теремъ,
А въ ушахъ дороги серьги,
Дороги, брилльянтовы.

29.

Изъ за мѣсяца свѣтитъ, ой, реди, реди!
Изъ за свѣтлаго свѣтитъ, ой реди, реди!
Свѣтитъ мѣсяцъ по рощѣ, ой реди, реди!
Еще ѣдетъ зять къ тещѣ, ой реди, реди!
Во придворной во коляскѣ, ой реди, реди!
На манежныхъ лошадкахъ, ой реди, реди!
Изумился теща, ой реди, реди!
Изумилася голубка, ой реди, реди!
Чѣмъ мнѣ зятя свѣта дарити, ой реди, реди!
Подарю ужъ зятя свѣта, ой реди, реди!
Золотыми часами, ой реди, реди!
Зять часы принимаетъ, ой реди, реди!
За дары не считаетъ, ой реди, реди!

Онъ со стула не встанетъ, ой реди, реди!
Благодарствуй не скажетъ, ой реди, реди!
Изъ за мѣсяца свѣтитъ, ой реди, реди!
Изъ за свѣтлаго свѣтитъ, ой реди, реди!
Свѣтитъ мѣсяцъ по рощѣ, ой реди, реди!
Еще ѣдетъ зять къ тещѣ, ой реди, реди!
Въ придворной коляскѣ, ой реди, реди!
На манежныхъ лошадкахъ, ой реди, реди!
Изумилася теща, ой реди, реди!
Изумилася голубка, ой реди, реди!
Чѣмъ мнѣ зятя свѣта дарити, ой реди, реди!
Подарю зятя свѣта, ой реди, реди!
Свѣтъ Парасковьею душою, ой реди, реди!
Надѣлю зятя свѣтъ Тарасьевною, ой реди, реди!
Зять въ дары Прасковью принимаетъ, ой реди, реди!
За честь считаетъ, ой реди, реди!
Онъ со стула встанетъ, ой реди, реди!
Благодарствуй скажетъ, ой реди, реди!

30.

Ахъ, заря, заря, свѣтъ Прасковья душа!
Ахъ, заря, заря, свѣтъ Тарасьевна!
Зарею она въ городъ шла,
Ко двору она пришла тучею,
На широкой дворъ взошла дождечкомъ,
На круто крылечко взошла солнышкомъ,
Во высокъ теремъ взошла дѣвицей,
Сѣла за столомъ съ молодцомъ,
Махнула вѣеромъ во весь теремъ,
Становитеся всѣ князья рядомъ,
Говоритъ съ батюшкой всѣ ладомъ.
Чѣмъ меня батюшка даруетъ?
Даруетъ батюшка тремя теремами,
Сулитъ батюшка жениха.
Ахъ, заря, заря, свѣтъ Прасковья душа,
Ахъ, заря, заря, свѣтъ Тарасьевна!
Зарею она въ городъ шла,
Ко двору она пришла тучею,
На широкой дворъ взошла дождечкомъ,
На круто крылечко взошла солнышкомъ,
Во высокъ теремъ взошла дѣвицей,
Сѣла за столомъ съ молодцомъ,
Махнула вѣеромъ во весь теремъ,
Становитеся князья всѣ рядомъ,
Говоритъ съ матушкой всѣ ладомъ.
Чѣмъ меня матушка даруетъ?
Даруетъ матушка тремя сундуками,
Сулитъ матушка жениха.

31.

Какъ по сѣнямъ, по сѣничкамъ,
По частымъ переходичкамъ,
Золотые были выходы,
Что по тѣмъ по выходамъ,
Разостланы куньи, соболи,
Что по тѣмъ куньямъ, соболямъ,
Все сидѣли красны дѣвушки,
Пелагеины подруженьки,
Все Петровны голубушки.
Посидите дѣвушки,
И вы съ утра день, до вечера,
Со вечера, до бѣла свѣта,
Со бѣла свѣта, до суда Божья.
И вы сдайте, дѣвушки,
И вы съ рукъ, да на руки,
Къ Ивану на вѣки,
Къ Петровичу на вѣки.
Золотыя метелочки,
Что мѣли, повымѣли?
Три горницы, три новыя,
Одну не вымѣли,
Угловую нову горницу,
Гдѣ сидитъ лютой свекоръ,
Со лютой со свекровушкой.
Ужъ они умѣютъ судить, рядить,
Про чужое мило дѣтище,
Что недавно приведенное,
Что идетъ дремливое,
Много бѣдъ набѣдило,
Много искотъ наискотила,

32.

Что безъ вѣтра, безъ вихоря,
Воротички отворотилися.
Какъ въѣзжалъ на широкой дворъ
Свѣтъ Игнатій, господинъ,
Свѣтъ Петровичъ, сударь.
Увидѣла Прасковья душа,
Изъ косящатаго окошечка,
Закричала громкимъ голосомъ:
Сберегите, подружки, меня!
Сберегите голубушки!
Вонъ идетъ разоритель мой,
Вонъ идетъ погубитель мой,
Вонъ идетъ расплети косу,
Вонъ идетъ увезти красу.
Какъ возговоритъ свѣтъ Игнатій господинъ,
Какъ возговоритъ свѣтъ Петровичъ:
Не пугайся, Прасковья душа,
Не пугайся, Тарасьевна!
Ужъ не я разоритель твой,
Ужъ не я погубитель твой,
Ужъ не я расплету косу,
Ужъ не я увезу красу;
Разоритель твой батюшка,

Погубительница матушка,
Расплететъ косу свашенька,
Увезетъ красу друженька;
Мое дѣло постороннее,
Постороннее, мнѣ тебя взять.

33.

Не кладу судну жалобу
Ни на батюшку,
Ни на матушку,
Положу я судну жалобу
На сваху чужестранницу,
На ту подговорщицу:
Что ходила почастехоньку,
Говорила полегохоньку,
Чужу сторону нахваливала,
Нахваливала, наговаривала:
Какъ чужая-то сторонушка—
Она сахаромъ посѣяна,
Сладкой водицей поливана,
Виноградомъ огорожена,
Она радостью подвязана.
У Петра широкой дворъ,
У Петровича широкой дворъ,
Онъ стоитъ на семи верстахъ,
На семи съ половиною,
Среди двора новъ теремъ,
Что новымъ онъ, новешенекъ.
Не жила, такъ не вѣдала,
Пожила, такъ спровѣдала:
Какъ чужая-то сторонушка
Она горемъ насѣяна,
Горючими слезами поливана,
А печалью огорожена.
А скорбью подвязана,
У Игнатья широкой дворъ,
Онъ стоитъ на семи шагахъ,
На семи съ половиною,
Среди двора банюшка,
Что гнилымъ, гнилешенька,
Углы прочь отвалилися,
А бревны раскатилися,
Что нельзя не пройти, ни проѣхати,
Мнѣ къ родимому батюшки.
Позову сваху въ гости,
На пою сваху до пьяна,
Я столкну сваху съ лѣстницы,
Я сломлю свахѣ голову.
Вотъ тебѣ, свашенька,
За твое стараньице!
Говорила все, наговаривала,
Наговаривала, обманывала.

34.

Я не знала, не вѣдала,
Ко мнѣ сваха пріѣхала,
Молодая, гордивая,
Молодая, спѣсивая,
Не ступя, она ступила,
Не молвя, слово молвила,
Хоть она и ступила
По атласу, по бархату,
Что по той парчѣ, на золотѣ,
Хоть она слово молвила
Со князьями, со боярами,
Что со мной, красной дѣвицей,
Свѣтъ Прасковьей Тарасьевной:
Собирайся, ты, умная,
Снаряжайся разумная,
Прочь отъ батюшки, отъ матушки,
Прочь отъ красныхъ дѣвушекъ,
Милыхъ подруженекъ.
Подъ судомъ мнѣ тошнехонько,
Отъ вѣнца голова болитъ,
Бѣлы руки опустятся,
Скоры ноги подкосятся,
Очи ясныя помутятся.

35.

Растопися банюшка,
Раскалися ты каменка;
Ты разсыпся крупенъ жемчугъ
По атласу, по бархату,
Что по той парчѣ, на золотѣ.
Какъ расплачется, свѣтъ Прасковья душа,
Какъ расплачется, свѣтъ Тарасьевна,
Передъ роднымъ своимъ батюшкой!
Государь мой, родимый батюшка:
Ты на что вино куришь?
Ты на что пиво варишь?
Ты на что меда ставишь?
Ты дитя-ль мое, дитятко!
Поѣзжанъ дарю, друга милаго,
Что свекра, со свекровушкой,
Деверьевъ, со золовушками.
Растописи банюшка,
Раскалися ты каменка;
Ты разсыпся крупенъ жемчугъ
По атласу, по бархату,
Что по той парчѣ, на золотѣ.
Какъ расплачется, свѣтъ Прасковья душа,
Какъ расплачется, свѣтъ Тарасьевна,
Предъ родною своею матушкой:
Государыня моя, родная матушка!
Ты на что холсты носишь?
Ты на что дары краишь?

Ты дитя-ль мое, дитятко!
Поѣзжанъ дарю, друга милаго,
Что свекра, со свекровушкой,
Деверьевъ, со золовушками.

36.

По частымъ переходичкамъ,
Что ходила, тутъ гуляла,
Молодая тутъ боярыня,
Свѣтъ Ѳедосья Тарасьевна;
Во рукахъ она носила
Да два яхонта чистые,
Два алмаза граненые,
Изумруды зеленые,
А сама приговаривала:
Ахъ, вы яхонты, яхонты,
Да алмаза граненые,
Изумруды зеленые!
Полежите малешенько,
Пока я, молодешенька,
Ужъ я-ль, молодешенька,
По утру встану ранешенько,
Я умоюся бѣлешенько,
Я одѣнуся чистешенько,
Я пойду, молодешенька,
Изъ горницы, въ горницу,
Изъ свѣтелочки, въ теремную,
Я открою въ садъ окошечко,
Погляжу я во окошечко:
Что свѣтелъ-ли мѣсяцъ,
Что красно-ль красно солнышко,
Что ужъ веселъ-ли милый другъ,
Свѣтъ Василій Ѳедуловичъ?
Въ честномъ пиру сидючи,
Онъ пьетъ, прохлаждается,
Самъ женой похваляется.
У меня жена умная,
Свѣтъ Ѳедосья Тарасьевна;
Она пива и меду не пьетъ,
Зелена вина въ ротъ не беретъ,
Она ходитъ какъ павушка,
Говоритъ какъ лебедушка,
Она пройдетъ, утѣшитъ меня,
Слово молвитъ, обрадуетъ,

37.

Стелется и вьется,
По лугамъ трава зеленѣется.
Цѣлуетъ, милуетъ,
Ѳедуловичъ милуетъ,
Василій жену цѣлуетъ,
Душенькой называетъ,
Разлапушкой величаетъ.
Душенька Ѳедосья,
Сердце мое Тарасьевна!
Спороди ты сыночка,
Сына яснаго соколочка,
И личикомъ во меня,
И разумомъ и умомъ.
За услугу за твою
Солью перстень золотой,
Солью тебѣ и другой,
Со вставочкой дорогой,
Брильліянтомъ осыпной.
Носи, мой другъ, не жалей,
Качай сына, да лелѣй.
Стелется и вьется,
По лугамъ трава зеленѣется.
Цѣлуетъ, милуетъ,
Василій жену цѣлуетъ,
Ѳедуловичъ милуетъ,
Душенькой называетъ,
Разлапушкой величаетъ:
Душенька Ѳедосья,
Сердце мое Тарасьевна!
Спороди дочку
И дочь бѣлу лебедушку,
И личикомъ во себя,
И разумомъ и умомъ.
За услугу за твою
Сошью тебѣ пару голубу,
Сошью тебѣ и другу,
Левантинову голубу.
Носи, мой другъ, не жалѣй,
Качай дочь, да лелѣй.

38.

Не вѣйте, не вѣйте,
Вѣтры буйные,
Не раскачивайте
Звонки колоколы,
Не разбудите
У Василья жену,
Не разбудите
У Ѳедуловича жену.
Вечеръ его жена
Во пиру была,
По утру рано
Сына родила!
Бабушка была
Съ Шереметьева двора;
Кумомъ былъ Долгоруковъ сынъ;
Кума-то была,
Трубецкаго жена.
За то его Царь,
За то его Государь
Много жаловалъ:

Тремя городами,
Съ пригородочками,
Съ притеремочками.

39.

Ужъ я думала, подумала,
Я путемъ слово молвила,
Полно жить мнѣ у батюшки,
Работать на матушку,
Мнѣ пора младой замужъ идти.
Услыхалъ мой батюшка
Словеса мои грубыя,
Отдалъ меня батюшка
За семь сотъ два городовъ,
За двѣнадцать монастырей.
Не велѣлъ мнѣ батюшка
Не тужити и не плакати,
Ни къ себѣ въ гости ѣздити.
Я годъ жила, не тужила,
Я другой жила, не плакала,
Я на третій годъ стосковалася,
На четвертой годъ сбиралася,
Я собравшись, поѣхала.
Какъ встрѣчалъ меня батюшка
Среди поля чистаго,
На пути, на дороженьки,
А родимая матушка
У широкихъ воротичковъ,
А какъ братцы, ясны соколы,
Середи широкаго двора,
А сестрицы голубушки
Середи-то крутаго крыльца.
Какъ возговоритъ батюшка:
Ты за чѣмъ дочь пріѣхала?
Государь, родной батюшка!
Живучи, столковалась
У чужаго отца, матери,
У чужаго роду, племени.

40.

Ахъ, вы гуси.
Ахъ, вы лебеди,
Вы куды, гуси летали?
А мы ужъ летали, летали
Съ моря, да на море.
Да ужъ что вы гуси видѣли?
Сѣру утицу на морѣ.
Для чего-жъ вы ее не взяли:
Хотя мы ее не взяли,
Крылья, перья вонъ повыщипали,
Горючую кровь пролили;
Ужъ теперь же наша.
Вы князья, вы бояре:
Вы куды, князья ѣздили?
А мы ѣздили, ѣздили,
А мы изъ города, въ городъ.
Ужъ и что князья видѣли?
А мы видѣли, видѣли:
Душу Полиньку, въ теремѣ,
Свѣтъ Тарасьевну въ высокомъ.
Для чего-жъ вы ее не взяли?
Хотя мы ее не взяли,
По рукамъ ударили
Быть сговору, дѣвишнику,
Быть дѣвичьему вечеру,
Мы русу косыньку расплели,
Мы по плечекамъ распустили,
Ужъ теперь она наша стала.

Сибирская свадебныя пѣсни, помѣщенныя въ Запискахъ о Сибири.

1.

Волга рѣка
Разливается,
Широка камка
Растилается;
Григорій на конѣ,
Петровичъ на добромъ,
Спотѣшается.
Матрена въ теремѣ,
Матвѣвна въ высокомъ,
Снаряжается.
Снарядилась,
Горько плакала,
Какъ будетъ идти
Во чужіе люди;
Какъ будетъ звать
Свекра батюшкомъ.
Батюшкомъ звать мнѣ не хочется,
Свекромъ звать такъ не водится.
Убавлю я спеси, гордости,
Прибавлю я ума, разума,
Буду звать
Свекоръ батюшка.

2.

Какъ во свѣтлой во свѣтлицѣ,
Во столовой, новой горницѣ, ой ре-ди-ди!
За столомъ бѣлодубовымъ,
Тутъ сидѣла красна дѣвица,
Свѣтъ Анна Ивановна, ой ре-ди-ди!
Ко столу припадаетъ,
Ко отцу причитаетъ:
Государь, родной батюшка,
Свѣтъ Иванъ, сударь, Петровичъ?
Ты спиши лице бѣлое

На столѣ бѣлодубовомъ.
У тебя гости будутъ,
У тебя меня спросятъ,
У тебя меня нѣтъ.
Ты на столъ-то взглянешь,
Меня дѣвицу вспомянешь,
Свѣтъ Анну Ивановну.

3.

Вокругъ моря, вокругъ синяго,
Вокругъ синяго, моря Хвалынскаго,
Облегли туманы, со маренами.
У души, у красной дѣвицы,
У Матрены души Дмитріевны,
Вокругъ ея ретиваго сердца,
Облегла тоска со кручиною.
Государь мой, родной батюшка,
Свѣтъ Дмитрій Степановичъ!
Ты возьми саблю острую,
Ты сними мою бѣлую грудь,
Смотри ретивое сердце.
Свѣтъ мое дитятко любезное,
Свѣтъ Матрена, душа Дмитріевна!
Нечего брать саблю острую,
Нечего снимать твою бѣлую грудь,
Нечего смотрѣть ретивое сердце,
Знать тебя, дитятко,
По бѣлому лицу:
Бѣлое лицо пріусмягнуло,
Алыя румянцы прикрылися,
Ясныя очи помутилися,
Изъ очей слезы покатилися.

4.

Ахъ, ты свѣтъ моя, свѣтлая свѣтлица,
Ахъ, ты свѣтъ-ли моя, столовая горница,
Во сыромъ-то бору свѣтлица рубленна,
По тихому Дону свѣтлая плавлена,
На прекрасномъ мѣстѣ свѣтлица ставлена,
Косящатыми окошками во зеленой садъ,
Крутымъ краснымъ крылечкомъ во широкій дворъ.
Какъ во той-ли-то во свѣтлой во свѣтлицѣ,
Какъ во той-ли во столовой новой горницѣ,
Наставлены столы-то все дубовые,
Разостланы скатерти браныя;
А за тѣмъ ли столомъ бѣлодубовымъ
Сидѣлъ удалой, добрый молодецъ,
Какъ по имени Василій сударь Григорьевичъ.
Онъ игралъ въ гусли звончатыя,
Онъ наигрывалъ волю, волю батюшкину,
Онъ наигрывалъ нѣгу, нѣгу матушкину.
Приходила гусли слушать Ольга душа,
Приходила гусли слушать Аѳанасьевна;
Она слушала гусли, сама вонъ пошла,
Сама вонъ пошла, горько заплакала.
Ахъ ты свѣтъ-то воля, воля батюшкина,
Ахъ ты свѣтъ-то нѣга, нѣга матушкина.
Отставать-то будетъ отъ воли, воли батюшкиной,
Отставать-то будетъ отъ нѣги, нѣги матушкиной,
Привыкать-то будетъ ко нраву свѣтъ Василія,
Привыкать-то будетъ ко нраву свѣтъ Григорьевича.

5.

Дорогая наша гостейка,
А свѣтъ Марья, душа Ивановна,
На добрыхъ коняхъ пріѣхала,
Во атласѣ она, въ бархатѣ,
Соболями гостья обвѣшаная,
Жемчугомъ гостья унизанная.
Вы берите тое гостейку,
За тѣ-то ручки бѣлыя,
За тѣ-то перстни злаченые,
Вы ведите тое гостейку
Во столовую новую горницу;
Вы садите тое гостейку
За столы-то, за дубовые,
Вы за скатерти, за браныя,
Вы за ѣства, за сахарныя,
Вы за питья, за медвяныя,
Ты покушай наша гостейка,
У любезнаго у сватушки,
У любезной своей сватьюшки.

Русскія свадебныя пѣсни, собранныя въ Олонецкой губерніи.

1.

Ты скажи-ка, чужой чужбининъ,
Ужъ ты гдѣ меня повысмотрѣлъ,
Ужъ ты гдѣ меня повыглядѣлъ,
На горочкѣ катаючись,
О христовомъ дни качаючись,
Аль на тихой-смирной бесѣдушкѣ?
И тогда у меня молодешенькой
Было туку принабавлено,
Было росту принаставлено,
Накладно да лицо бѣлое
И бѣлымъ было набѣленое
Алымъ да нарумянено.»

2.

«Не дари-ка, чужой чужбининъ,
Ты нищенскими подарками, —

На церковномъ крыльцѣ выпроси—
Ужъ я жила молодешенька
У родимаго у батюшки,
Я носила молодешенька
По христовымъ воскресеньицамъ
Я башмачки козловые,
Чулочики бумажные;
По годовымъ по праздничкамъ
Я чулочки шелковые
И башмачики сафьянные!
Ты послушай, чужой чужбининъ:
Съ моимъ родомъ познатися
Прозакладать все житье-бытье, имѣньице,
И хоромное строеньице.
Какъ даритъ тебѣ, отдаривать
Мой родъ, племя великое?
У меня родня широкая:
Сорокъ тетушекъ,
Сорокъ дяденекъ
Шестьдесятъ желанныхъ дядюшекъ.
Въ моемъ-де роду племени
Всѣ попы, отцы духовные
И причетники церковные,
По губерніямъ—губернаторы,
По городамъ—городничие,
По уѣздамъ—исправники,
По правленьямъ—славны головы
Да по земскимъ—пятисотские!

3.

Охти мнѣ, да охти мнѣ шинько!
Хоть мнѣ долго издѣватися,
Будетъ бѣдной покоритеся!
Подойдти да молодешиньки
Ко столу-да ко княжескому,
Ко кругу-да молодецкому,
Поклонитеся да низешенько
Ужъ мнѣ снять фату алую.
Не помни, чужой чужбининъ
Ты ни лихой моей лихости,
Да не грубой моей грубости;
Ты гляди, чужой чужбининъ,
Господинъ души, отецкой сынъ,
Мнѣ прямо во бѣло лицо,
Въ точь, во ясны очи.
Я дѣвушка не корыстная!
Тебѣ брать, чтобы не каяться
Мнѣ бы жить, чтобы не плакаться
На чужой дальней сторонушкѣ!

4.

Прости, красно мое солнышко,
Желанный кормилецъ, батюшка,
И родительница матушка!
Охти мнѣ—да охти мнѣ-шинько
Дочь кручинную головушка.
По послѣднему денечику
Я сидѣла молодешенька
Я во свѣтлой своей свѣтлицѣ,
Во высокой новой горницѣ.
Ужъ я шила волю золотомъ,
Обшивала чистымъ сребромъ,
Я смотрѣла молодешенька
Изъ косящага окошечта,
На озеро на Онежское;
Изъ-за озера за Онежскаго
Летятъ птицы заморскія,
Соловей, птица свистущая,
Орелъ, птица говорущая.
Орелъ сѣлъ да на окошечко
Соловей сѣлъ подъ окошечкомъ;
Орелъ сталъ да выговаривать,
Соловей сталъ да высвистывать:
Не сиди, наша голубушка,
Подъ косящатымъ окошечкомъ,
Ты не трать да чиста серебра
И не порти красна золота:
По сегодняшнему денечку
Быть саду да полоненному,
Всему роду покоренному;
Волюшкѣ быть въ неволюшкѣ,
Дѣвушкѣ быть во забавушкѣ.
Незадолго поры-времени
Проскрыпѣли дубовыя сани,
Пробренчала золота узда,
Просвистала шелковая плѣть:
Пріѣзжалъ злодѣй, большой сватъ,
Насулилъ онъ батюшкѣ
Много пива, много пьянаго.
Говорилъ желанный батюшка:
Мнѣ-ка пить, да не запитися;
Не промѣняю любовь дочери
Я за винную за рюмочку.
Выводилъ да злодѣй большой сватъ
Много злата, много серебра,
Много скатнаго жемчуга.
Говоритъ родимая матушка:
Серебромъ та не слюзы слюзитъ
Золотомъ-да не тыны тынитъ,
Жемчугомъ да пе сады садитъ.—
Пропились да промотались
Желанные мои родители,
Пропили мою головушку,
Не запивную за рюмочку:
Вѣрно я да молодешенька
Надоѣла, да наскучила!

Видно бѣдная я напрокучила
Своимъ долгимъ дѣвичествомъ,
Глупымъ, малымъ ребячествомъ!
Я пріѣла молодешенька
Всѣ я стоги пятигодные,
Да засѣки неисходныя!
Приносила молодешенька
Всѣ я цвѣтныя платьица,
Придержала молодешенька
Всю безсмѣтную золоту казну!
Какъ при мнѣ молодешенькѣ
У моихъ свѣтъ, у родителей
Ужъ какъ въ полѣ не родилося,
На дворѣ да не плодилося,
На столѣ да не спарилося!
Изживаютъ меня бѣдную,
Будто ворога изъ города,
Люта звѣря изъ темна лѣса!
Погоди, родима матушка,
Схватишься да догадаешься,
Коль не будетъ меня бѣдной
И по бережку находишься,
Камешкомъ наприбираешься,
И къ сердцу прижимаешься!
Рада будешь, красно-солнышко,
Черезъ поле въ глаза видѣти,
Черезъ лѣсъ да голосъ слышати,
Черезъ рѣчку рѣчь говорити.
У меня у молодешеньки
Будетъ волюшка спрошоная
Красота да доложоная;
Мнѣ захочется тошнешенько
На родимую сторонушку,
Да отхочется скорошенько.
У меня день пройдетъ спрошаючи,
Другой день да вздолжаючись,
Недѣлька снаряжаючись,
На родимую сторонушку.
Осенью—да бездорожьеце,
А весною—да безпольеце,
Лѣтомъ—лѣтнія работушки,
Зимою—зимушка студеная.
И не спустятъ меня, бѣдную,
На родимую сторонушку...
Ужъ мы свидимся—наплачемся,
Разойдемся—натоскуемся.

5.

По послѣднему денечку,
Нанесли тучку черную
Со громами со трескучими,
Со молніями со сверкучими:
На батющковъ высокъ теремъ,
На матушкину горенку.
Пріѣзжалъ чужой чужбининъ
Съ храбрымъ своимъ поѣздомъ
Съ поѣзжанами молодыми.
Гдѣ-то есть у молодешеньки
Соколъ братъ, братецъ родименькой,
Голубчикъ златокрыленькой,
Запонка, да воротовая
Сердоликъ дорогой камень?
Наряжу я молодешенька
Службицу я невеликою;
Да работу нетяжелую:
Ты сходи-ка, братецъ, соколъ мой,
Въ постоянную конюшеньку,
Ты возми-ка, братецъ, соколъ мой,
Что лошадь самую лучшую,
Запряги-ка, братецъ, соколъ мой,
Въ саночки, да въ самокаточки,
Поѣзжай-ка, братецъ, соколъ мой,
Въ славный городъ Вытегру,
Въ лавочки торговыя.
Закупи-ка, братецъ, соколъ мой,
Горнетуру мнѣ черного,
И шелковъ семи разныихъ,
Гдѣ-то есть у молодешеньки
Тайны, милые подруженьки,
Дорогія поравеночки
Вы повышейте, голубушки
Заузорчатую занавѣсь;
Вы на первомъ углу вышейте:
Вы Литву да со Татарами;
На другомъ углу вышейте
Вы Москву да со боярами;
Вы на третьемъ углу вышейте:
Царя да со Царицею;
На четвертомъ углу вышейте
Короля съ королицею;
На середочкѣ вы вышейте
Красно солнышко со мѣсяцомъ
Да со частыми звѣздочками.
Ты повѣсь-ка, братецъ, соколъ мой,
Заузорчатую занавѣсь:
Ко крыльцу, да ко перильному
И ко столбику точеному,
Ко колечку золоченому;
Какъ поѣдетъ да чужой чужбининъ—
Въ городахъ онъ не бывающій,
Мудрости мало-видающій—
Разглядится, да разсмотрится
На узорчатую занавѣсь
И оставитъ молодешеньку
На родимой сторонушкѣ

У желанныихъ родителей...
Глупая я, красна дѣвица,
Неразумная головушка!
Какъ поѣдетъ да чужой чужбининъ—
Впереди его вожатые,
Позади же провожатые,
По сторонѣ да сбережатые;
Въ городахъ они бывалые,
Много мудрости видалые,
Не отпустятъ молодешеньку
На родимую сторонушку!

6.

Не пускай-ка, братецъ, соколъ мой,
Безъ допросу на круто крыльце,
Безъ доклада къ красной дѣвицѣ!
«Я не знала, не вѣдала,
Когда сваха пріѣхала,
Спѣсивая, горделивая.
Она ступить—неступила,
Слова не смолвила;
Хотя жъ она ступила,
Хотя жь она смолвила:
Наряжайся-ка, умная,
Снаряжайся, разумная,
Что ль во-ту-ль Божію церковь,
Что ль къ тому-ль Божію суду
Отойди же прочь обманщица,
Отойди подговорщица
Мнѣ и такъ ужъ тошнехонько
Разставаться съ родительми
У суда вѣдь ноги ломятъ,
Подъ вѣнцомъ голова болитъ.»

7.

Про тебя-ль это красна дѣвица
Рѣчь не добрая, да не хорошая.
Что сгубила ты да добра молодца,
Что ни зельями, да ни кореньями,
Что сгубила ты, да красотой своей?
Чернымъ оченькамъ съ поволокою
Грудью бѣлою, лебединою,
Станомъ, поступью, да что-ль павлиною.
Люди добрые льзя-ли вѣры иняiть,
Что сгубила я да добра молодца?
Ахъ не я, не я, голова своя
Голова своя, да молодецкая,
Своя волюшка, да безъотецкая
Зелено вино, да брага пьяная.

8.

Ужь какъ сталъ меня свекрушко побранивати,
А свекровка на ошестки переварчиваетъ,
А золовки колотовки колотовничаютъ
А деверья соколы насмѣхаются!
Мила лада на полатяхъ изъ подлобьица глядитъ,
Изъ подлобьица глядитъ, ничего не говоритъ!
Я осмѣлилася, ощетинилася,
Свекру—батюшку сказала: киселемъ бы задавился!
А свекровушки сказала: молокомъ бы залилась!—
А золовушкамъ гулубушкамъ: самимъ въ люди идти;
А деверьямъ соколамъ! будутъ жены таковы;
Милой лады на палатяхъ изкосило-бы глаза,
Притуманиловы, присаврасило бы!

РУССКІЯ

СЕМЕЙНЫЯ ПѢСНИ.

1.

Какъ бы знала, какъ бы вѣдала
Непріятство друга милаго,
Нелюбовь друга сердечнаго,
Не сидѣла бы поздно вечеромъ,
Я не жгла-бъ свѣчу воску яраго,
Не ждала бы я друга милаго,
Не топила бы красна золота,
Не лила бы золота кольца,
И не тратила бы золотой казны.
Я слила бы себѣ крылушки,
Полетѣла бъ на иной городъ,
Что искать себѣ друга милаго.
И я сѣла бы среди площади,
И я стала бы кличь кликати.
Кто бы сталъ со мной совѣтывать,
Какъ бы мнѣ забыть друга милаго,
Проклинала-бъ я разлучника,
Что разлучилъ меня со милымъ дружкомъ,
Со милымъ дружкомъ, со сердечнымъ.

2.

Ты дуброва моя, дубровушка,
Ты дуброва моя, зеленая!
Ты къ чему рано зашумѣла,
Приклонила свои вѣточки?
Изъ тебя ли, изъ дубровушки,
Мелки пташечки вонъ вылетали,
Одна пташечка оставалася,
Горемышная кукушечка.
Что кукуетъ она день и ночь,
Ни на малой часъ перемолку нѣтъ,
Жалобу творитъ кукушечка
На залетнова ясна сокола:
Разорилъ онъ ее тепло гнѣздышко,
Разогналъ ея малыхъ дѣтушекъ,
Малыхъ дѣтушекъ, кукунятушекъ.
Что по ельничку, по березничку,
По часту лѣску, по орѣшничку.
Что во теремѣ сидитъ дѣвица,
Что во высокомъ сидитъ красная,
Подъ косящетымъ подъ окошечкомъ;
Она плачетъ, какъ рѣка льется,
Возрыдаетъ, что ключи кипятъ,
Жалобу творитъ красна дѣвица
На заѣзжева добра молодца:
Что сманилъ онъ красну дѣвицу,
Что отъ батюшки и отъ матушки,
И завезъ онъ красну дѣвицу
На чужудальню сторону,
На чужудальню, незнакомую,
Что завезши, хочетъ покинути.

3.

Ужъ какъ полно красна дѣвица тужити,
Не наполнишь ты синя моря слезами,
Не воротишь друга милаго словами!
Говорила я милому, говорила,
Я въ упросъ ли друга милаго просила:
Не женися ты, мой милой, не женися?
Не послушался, душа моя, женился!
Онъ присыпалъ ко бѣдну сердцу печали,
И онъ налилъ очи ясныя слезами ,
Запечаталъ уста алыя онъ кровью.

4.

Стругалъ стружки добрый молодецъ,
Брала стружки красна дѣвица,
Бравши стружки, на огонь клала,
Все змѣй пекла, зелье дѣлала,
Сестра брата известь думала;
Выходила по середъ двора,
Наливала чару прежде времени,
Подносила брату милому.
Ты пей сестра, напередъ меня.—
Пила, братецъ, наливаючи,
Тебя, братецъ, поздравляючи.
Канула капля коню на гриву,
У коня грива загорѣлася.
Сходитъ молодецъ съ добра коня,
Вынималъ свою саблю острую,
И сонмалъ съ сестры буйну голову.
Не сестра ты мнѣ родимая,
А змѣя ты подколодная.—
Онъ клалъ дрова среди двора,
И онъ сжегъ ея тѣло бѣлое,
Что до самаго до пепла;
Онъ развѣялъ пухъ по чисту полю,
Заказалъ всѣмъ тужить и плакати.

5.

Ужь какъ палъ туманъ на сине море,
А злодѣй-тоска въ ретиво сердце;

Не сходить туману съ синя моря,
Ужъ не выдти кручинѣ изъ сердца вонъ.
Не звѣзда блеститъ далече во чистомъ полѣ,
Курится огонечекъ малешенекъ;
У огонечка разостланъ шелковой коверъ,
На коврикѣ лежитъ удалъ добрый молодецъ,
Прижимаетъ платкомъ рану смертную,
Унимаетъ молодецку кровь, горючую;
Подлѣ молодца стоитъ тутъ его добрый конь.
И онъ бьетъ своимъ копытомъ въ мать сыру землю,
Будто слово хочетъ вымолвить своему хозяину:
Ты вставай, вставай, удалъ добрый молодецъ!
Ты садись на меня, своего слугу,
Отвезу я добра молодца на родиму сторону,
Къ отцу, матери родимой, къ роду племени,
Къ малымъ дѣтушкамъ, къ молодой женѣ!
Какъ вздохнетъ тутъ удалъ добрый молодецъ;
Подымалась у удалова его крѣпка грудь,
Опустились у молодова бѣлы руки,
Растворилась его рана смертельная,
Пролилась ручьемъ кровь горючая,
Тутъ промолвилъ добрый молодецъ своему коню:
Ахъ ты, конь мой, конь, лошадь вѣрная!
Ты товарищь въ полѣ ратномъ,
Добрый пайщикъ службы царской!
Ты скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ,
Что за ней я взялъ поле чистое;
Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать калена стрѣла.

6.

Сторона-ль моя, сторонушка,
Сторона-ль моя, незнакомая!
Что не самъ-то я на тебя зашелъ,
Что не доброй-де конь меня завесъ;
Завезла меня, доброва молодца,
Прыткость, бодрость молодецкая,
И хмѣлинушка кабацкая.
Породила меня матушка
Во безчастной день, во пятницу,
Въ зеленомъ саду гуляючи,
Что подъ крышею подъ зеленою,
Что подъ яблонью подъ кудрявою;
Пеленала-де меня матушка
Во свивальничекъ алой бархатной;
Одѣвала меня матушка
Одѣяльицемъ соболинымъ;
Берегла меня матушка
И отъ вѣтру и отъ вихоря,
Что отъ часта, мелка дождичка;
Не спасла меня матушка
Что отъ службы Государевой,
Отъ чужедальной сторонушки.

7.

Ужъ не лебедь ходитъ бѣлая
По зеленой травки, шелковой,
Ходитъ красна дѣвица душа
Во кручинѣ, въ мысляхъ горестныхъ,
Закрывала очи ясныя
Снѣгобѣлымъ рукавомъ,
Проливала слезы крупныя,
Думала думу крѣпкую.
На кого меня покинулъ ты,
Милъ сердечной другъ?
Для тебя отстала я отъ всѣхъ,
И отъ батюшки и отъ матушки,
Я покинула родиму сторонушку,
Расплела я косу русую,
Повѣривши другу милому.
Ахъ, раскройся мать-сыра земля!
Поглоти меня, несчастную;
Ужъ мнѣ солнышко не свѣтитъ,
Ужъ меня милой другъ не любитъ.

8.

Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда взошла, когда выросла?—
Ты рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда цвѣла, когда вызрѣла?
Я весной взошла, лѣтомъ выросла,
Я весной цвѣла, лѣтомъ вызрѣла.
Подъ тобою ли, рябинушкой,
Что не макъ цвѣтетъ, не трава ростетъ,
Не трава ростетъ, не огонь горитъ,
Не огонь горитъ—ретиво сердце,
Ретиво сердце, молодецкое.
Ахъ, горитъ, горитъ, какъ смола кипитъ,
По душѣ-ль, душѣ, по лебедушкѣ,
По лебедушкѣ, по голубушкѣ,
По голубушкѣ, красной дѣвицѣ.
Ты душа-ль, душа красна дѣвица!
На зарѣ-ль, зарѣ, зарѣ утренней,
При восходѣ ли свѣтла солнышка,
Не простившися съ отцемъ, съ матерью,
Не видавшись съ добрымъ молодцомъ,
Жизнь оставила, скончалася.
Ой, вы вѣтры, вѣтры теплые,
Вѣтры теплые, вы осенние!
Вы не дуйте здѣсь, васъ не надобно.

Прилетайте вы, вѣтры буйные,
Что со сѣверной со сторонушки,
Вы развѣйте здѣсь мать сыру землю,
И развѣевши по чисту полю,
По чисту полю, по широкому,
Вы разкройте мнѣ гробову доску,
Ужъ и дайте мнѣ вы въ послѣдній разъ
Распрощатися съ моей милою,
Съ моей милою, съ душой дѣвицей!
Окропивъ ея горючей слезой,
Я вздохну, умру подлѣ ней тогда.

9.

Ахъ палъ туманъ на сине море,
Вселилася кручина въ ретиво сердце,
Не схаживать туману со синя моря
Злодѣйкѣ кручинѣ съ ретива сердца.
Что далече, далече, во чистомъ полѣ
Стояла тутъ дубровушка зеленая,
Среди ея стоялъ золотой курганъ,
На курганѣ раскладенъ былъ огонечекъ,
Возлѣ огонечка постланъ войлочекъ,
На войлочкѣ лежитъ ли доброй молодецъ,
Припекаетъ свои ранушки боевыя,
Ранушки боевыя, кровавыя.
Что изъ далеча, далеча, изъ чистаго поля
Приходятъ къ нему братцы товарищи,
Зовутъ ли доброва молодца на святую Русь.
Отвѣтъ держитъ доброй молодецъ:
Подите, братцы, на святую Русь,
Приходитъ ли мнѣ смерть скорая,
Отцу матери скажите челобитьице,
Роду, племени скажите по поклону всѣмъ,
Молодой женѣ скажите волюшку свою,
На всѣ ли, на четыре па сторонушки,
Малымъ дѣтушкамъ скажите благословеньице.
Ахъ не жаль-то мнѣ роду племени,
Не жаль-то мнѣ молодой жены,
Мнѣ жаль-то малыхъ дѣтушекъ,
Остались дѣтушки малешеньки,
Малешеньки дѣтушки, глупешеньки,
Натерпятся холода и голода.

10.

Какъ у ключика у гремучева,
У колодезя у студенова,
Добрый молодецъ самъ коня поилъ,
Красна дѣвица воду черпала,
Почерпнувъ воды, поставила,
Какъ поставивши, призадумалась,
А задумавшись, заплакала,
А заплакавши, слово молвила:
Хорошо тому жить на семъ свѣтѣ,
У кого есть отецъ и мать,
Отецъ и мать, и братъ сестра,
Ахъ, и братъ, сестра, что и родъ племя.
У меня-ль, у красной дѣвицы,
Ни отца нѣту, ни матери,
Какъ ни брата, ни родной сестры,
Ни сестры, ни роду племени,
Ни того ли мила друга,
Мила друга—полюбовника.

11.

Ахъ далече, далече, во чистомъ полѣ
Стояло тутъ деревцо вельми высоко,
Подъ тѣмъ ли подъ деревцомъ выростала трава,
На той ли на травоньки разцвѣтали цвѣты,
Разцвѣтали цвѣты, все лазоревые;
На тѣхъ ли на цвѣтахъ разостланъ коверъ,
На томъ ли на коврѣ два братца сидятъ,
Два братца сидятъ, два родимые;
Большой-то братецъ пѣсню припѣвалъ:
Породила насъ матушка двухъ-то сыновей,
Вспоилъ, вскормилъ батюшка, какъ двухъ соколовъ.
Вспоивши, вскормивши, ни чему насъ не училъ,
Научила молодца чужедальняя сторона,
Чужедальняя сторона, понизовы города.
Чужедальняя сторона безъ вѣтру сушитъ,
Безъ вѣтру сушитъ, безъ морозу знобитъ.
Какъ думала матушка насъ вѣкъ не избыть,
Избыла насъ родимая единымъ часомъ;
А теперь тебѣ, матушка, насъ вѣкъ не видать,
А намъ на родимой сторонѣ не бывать.

12.

Ахъ, вы вѣтры, вѣтры буйные,
Вы буйные—вѣтры осенніе!
Потяните вы во ту сторону,
Во ту сторону, во восточную,
Отнесите вы къ другу вѣсточку,
Что нерадостную вѣсть, печальную;
Какъ вечеръ-то молодешенькѣ,
Мнѣ мало спалось, много видѣлось,
Не хорошъ-то мнѣ сонъ привидѣлся:
Ужъ кабы у меня, у младешеньки,
На правой рукѣ на мизинчекѣ,
Распаялся мой золотъ перстень,
Выкатился дорогой камень,
Расплеталася моя руса коса,
Выплеталася лента алая,
Лента алая, Ярославская,

Подареньице друга милова,
Свѣтъ дородна добра молодца.

13.

Ахъ! конь ли мой, конь, лошадь добрая!
Ты не ходи, мой конь, на Дунай рѣку,
Ты не пей, конь, изъ ручья воды;
Изъ ручья красна дѣвица умывалася,
Она бѣлыми бѣлилами бѣлилася,
Она алыми румянами румянилася,
Она черными сурмилами сурмилася,
Во хрустальню чисто зеркало гладѣлася,
Красотѣ своей дѣвичьей дивовалася.
Красота-ль моя, красота дѣвичья!
Ты кому-то красота достанешься?
Какъ досталась красота моя мужу старому.
Я могу ли красота тебя убавити?
Да что краснаго золота увѣсити?
Да что крупнаго жемчугу разсыпати?

14.

Какъ у доброва молодца зеленъ садикъ,
Посѣялъ добрый молодецъ цвѣточки,
Посѣявши цвѣточки, самъ заплакалъ:
Ахъ, я свѣтъ мои лазоревы цвѣточки!
Кому-то васъ цвѣточки поливати,
Онъ лютыхъ отъ морозовъ укрывати?
Отецъ и мать у молодца старенки,
Одна была родима сестрица,
И та пошла на Дунай рѣку за водицей.
Во Дунай ли рѣкѣ она потонула?
Въ темномъ ли лѣсу заблудилась?
Сѣрые-ль ее волки разорвали?
Аль злы Татары ее полонили?
Кабы она въ Дунай рѣкѣ потонула,
Дунай рѣка съ пескомъ возмутилась;
Кабы ее сѣры волки разорвали,
Косточки бы по чисту полю разметали;
Какъ бы ее Татары полонили,
Ужъ бы мнѣ, добру молодцу, вѣсточка была.

15.

Не былинушка въ чистомъ полѣ зашаталася,
Зашаталася безпріютная голубушка,
Безпріютная головушка, молодецкая;
Ужъ куда я, добрый молодецъ, не кинуся,
Что по лѣсамъ, по деревнямъ все заставы,
На заставахъ ли все крѣпки караулы;
Они меня ловятъ, стерегутъ;
Что кадо-то ни пойду, братцы, ни поѣду,
Что ни въ чемъ-то мнѣ, добру молодцу, нѣтъ счастья.
Я съ дороженьки, доброй молодецъ, ворочуся,
Государынѣ своей матушкѣ спрошуся.
Ты скажи, скажи, моя матушка родная:
Подъ которой ты меня звѣздой породила?
Ты какимъ меня и счастьемъ надѣлила?

16.

Ахъ, ты солнце, ты солнце красное!
Ты къ чему рано за лѣсъ катишься?
У меня въ глазахъ сердечной другъ,
Не гоститъ онъ, не жалуетъ,
Все домой снаряжается.
Провожу ли я друга милаго
Чрезъ два поля чистыя,
Черезъ три луга зеленые,
Чрезъ матушку каменну Москву.
Я тутъ съ другомъ разставалася,
Я слезами обливалася,
Во слезахъ ему слово молвила:
Коли лучше меня найдешь—позабудешь;
Коли хуже меня найдешь—вспомянешь.

17.

Не спала то я, младешенька, не дремала,
Я ни думала, младешенька, ни гадала,
Съ правой руки яснаго сокола опустила;
Подымался младъ ясенъ соколъ выше лѣсу,
Выше лѣсу, выше зеленой дубровы!
Опускался младъ ясенъ соколъ на сине море,
Онъ садился младъ ясенъ соколъ на корабликъ;
По кораблику гостиный сынъ гуляетъ,
Во звончатые онъ гусельки играетъ,
Онъ душу красну дѣвицу утѣшаетъ:
Ты не плачь, не плачь, душа красна дѣвица,
Наживай себѣ друга милаго, иного.
Буде лучше меня найдешь—позабудешь;
Буде хуже найдешь—вспомянешь,
Вспомянувъ меня, душа моя заплачешь.

18.

Какъ у насъ было, во прошломъ году,
Уродилась сильна ягода въ бору,
Заблудилась красна дѣвица въ лѣсу,
Она вышла на Оку рѣку,
Сама сѣла на крутомъ берегу,
Она кличетъ перевощика къ себѣ:
Перевощикъ, перевощикъ молодой,
Перевези меня скорешенько домой?
У меня дома нѣтъ никого;
Родной батюшко къ обѣдни пошелъ,
Родна матушка во честной пиръ.
Прилеталъ тутъ къ ней сизъ голубчикъ,

И онъ сѣлъ, взлетѣлъ на младой на дубокъ;
Поклевалъ голубъ желуди всѣ,
Отъ сыра дуба отросточки,
Разсыпалйсь ея косточки.

19.

Вострепенется соколъ,
На дубу сидючи,
Какъ расплачется дѣвица,
Во терему сидючи:
Не давай, сударь, батюшко,
Замужъ за Волгу рѣку,
Государыня матушка,
Ты меня за Волжанина?
Какъ захочется, батюшко,
Мнѣ у тебя побывать,
Государыня матушка,
Мнѣ у тебя погостить,
Я на Волгу приду
Я суденца не найду,
Хоть суденцо найду,
Весельца не сыщу,
Хоть весельцо сыщу,
Я гребца не найду,
Хоть гребца я найду,
Волга рѣка протечетъ;
А меня, младешеньку,
Въ низъ по рѣкѣ понесетъ.
Ахъ, свѣтъ мой красной день
Ужъ мнѣ тебя не видать;
Ты, надежа сердечный другъ,
Мнѣ у тебя не бывать.
Я пойду молодешенька
Въ зеленые луга,
Закричу млада громко:
То-то мнѣ злая бѣда!
Ахъ вы, лютые звѣри,
Собирайтеся ко мнѣ.
Вотъ вамъ сладкая пища—
Терзайте меня;
Хоть только оставьте
Ретиво сердце,
Вы отдайте милу другу
Во бѣлыя руки.
Ахъ, пускай милъ посмотритъ,
Какъ я его любила!

20.

У дородпаго, добра молодца
Въ три ряда кудри завивалися,
Во четвертой рядъ по плечамъ лежатъ;
Не сами кудри завивалися,
Завивала красна дѣвица,
По единому, русому волосу.
Завивши кудри, сама задумалась:
Кабы знала я, вѣдала
Про свое горе, про несчастіе,
Про замужье про бездѣльное,
Я бы сидѣла вѣкъ въ дѣвушкахъ
У родимаго своего батюшки,
У родимой своей матушки;
Я бы чесала буйну голову,
Я бы плела трубчату косу,
Вплетала-бъ ленту алую,
Ленту алую, шелку краснаго,
Шелку краснаго, Шемаханскаго.
Какъ бы знала я, млада, вѣдала,
Что просваталъ меня батюшко
Не въ любимую сторонушку,
Не за прежняго полюбовника,
Не за ладушку за милаго,
А отдалъ меня батюшко,
Не въ согласную семью,
Не въ покрытую избу,

21.

Какъ по крутому, по красному бережку,
Что по желтому, сыпучему песочку,
Какъ ходила, тутъ гуляла красна дѣвица,
Она рыла себѣ кореньица, зелье лютое,
Натопила она кореньица въ меду, въ патокъ,
Напоила добра молодца до пьяна,
Напоивши, положила спать,
Положивши, красна дѣвица, насмѣхалася:
Ты спишь ли, моя надежа, иль такъ лежишь?—
Я не сплю, не сплю, душа моя, едва живъ лежу;
Ты умѣла, красна дѣвица, отравить меня,
Ты умѣй, душа, и схоронить меня;
Не клади меня, красна дѣвица, у Божіей церкви,
Положи меня, красна дѣвица, во чистомъ полѣ,
При широкой, дальней при дороженькѣ;
Въ головахъ поставь, красна дѣвица, золотой крестъ,
На груди поставь, душа моя, калену стрѣлу,
Подъ бока клади звончатые гусли,
Въ ногахъ поставь, красна дѣвица, моего коня.
Буде старъ человѣкъ пойдетъ—помолится,
Моему ли тѣлу грѣшному поклонится;
Какъ охотники пойдутъ — такъ настрѣлятся;

Буде младъ человѣкъ пойдетъ — въ гусли наиграется;
Какъ поѣдутъ мои друзья, братья и товарищи,
На моемъ добромъ конѣ наѣздятся.

22.

У душечки, у красной дѣвицы
Много горя, много кручинушки,
Въ ретивомъ сердце зазнобушки,
Нѣту радости ни на малой часъ,
Еще только у ней и радости,
Что въ умѣ у ней сердечный другъ.
Во сыромъ бору гуляла,
Съ милымъ дружкомъ не видалась,
Красотою не любовалась,
Она хочетъ съ нимъ увидѣться,
Съ добрымъ молодцомъ перекликнуться;
Ау, ау, мой сердечный другъ!
Передай голосокъ черезъ темной лѣсъ,
Черезъ матушку Оку, быструю рѣку.
Ты, душа-ль моя, красна дѣвица!
Я и радъ бы тебѣ откликнутся,
За мной ходятъ строги сторожи,
Строги сторожи, отецъ съ матерью,
Еще съ ними молода жена,
Молода жена, моя постылая.

23.

Про между двумя высокими горами
Выростала тонка бѣлая береза,
Что тонка береза, кудрявата,
Гдѣ не грѣетъ ее солнышко, ни мѣсяцъ,
И не частыя звѣзды усыпаютъ,
Только крупными дождями уливаютъ,
Еще буйными вѣтрами подуваютъ.
Про между то было нашими сосѣдями
Выростала тутъ красоточка,
Прославлялась красотою и опрятствомъ,
Еще ростомъ, дородствомъ и пригожствомъ;
Всѣхъ вольностью она была вольнѣе,
И поступками она всѣхъ веселѣе.
Гдѣ собрались сосѣди веселиться,
Тутъ не былъ милъ другъ ее надежа;
Стала тутъ красоточка грустить,
Ей домой тутъ надо было воротиться,
И въ постелюшку съ кручинушки ложиться;
Тамъ не спится, красной дѣвушкѣ корпится,
Подъ головушкой подушечка вертится,
Одѣяльцо соболино съ плечь катится.
Какъ не грѣютъ ее соболи, куницы,
Ни Сибирски чернобурыя лисицы,
Только грѣетъ ее миленькой дружечекъ,
Молодецкою сердечною любовью.
Вэговорила она съ грусти и съ печали,
Со великія тоски злой и со кручины:
Какъ не ласточка къ ней съ вѣстью прилетала,
Нерадостную касаточка вѣсть приносила,
Что лежитъ моя надежда труденъ-боленъ,
Труденъ-боленъ милъ, моя надежда, въ постелѣ,
Что на мягкой на пуховой на перинѣ,
Подъ собольимъ камчатнымъ одѣяломъ;
По правую руку тутъ стоятъ отецъ и мать,
По лѣву руку тутъ стоятъ братъ съ сестрою,
Въ головахъ стоятъ друзья и братья,
Супротивъ сердца красна дѣвица,
Со слезами она Богу молится:
Что подай Боже милу другу здоровья,
Хоть на единой, на маленькой часочикъ,
Хоть на единой, на лишній на денечикъ!
Ужъ какъ бы я съ милымъ другомъ погуляла,
Я бы травушки муравушки потоптала,
Я бы цвѣточковъ лазоревыхъ нарвала,
Я бы вѣночикъ милу другу собирала,
На головку надежъ надѣвала,
Веселясь, проводила бы до дому,
Я сказала бы: надежа мой любезный!
Мы пойдемъ съ тобой, любезный, въ одно мѣсто,
Не разлучимся, надежа, мы до смерти,
Мы простимся со бѣлымъ свѣтомъ на вѣки.
Какъ останутся такія про насъ вѣсти,
Что любилися съ тобою хорошенько,
Мы и умерли съ тобою, другъ, вѣрненько.

24.

На улицѣ то дождь, то снѣгъ,
То дождь, то снѣгъ, то вьялица,
То вьялица, то метелица,
Кутитъ, мутитъ, въ глаза несетъ,
Меня младу свекоръ зоветъ.
Для свекровушка, для батюшки
Сама съ мѣста не тронуся,
Не тронутся, не ворохнуся.
На улицѣ то дождь, то снѣгъ,
То дождь, то снѣгъ, то вьялица,
То вьялица, то метелица,
Кутитъ, мутитъ, въ глаза несетъ,
Меня младу свекровь зоветъ.
Для мутушки, для свекровушки
Сама съ мѣста не тронуся,
Не тронуся, не ворохнуся.
На улицѣ то дождь, то снѣгъ,

То дождь, то снѣгъ, то вьялица,
То вьялица, то метелица,
Кутитъ, мутитъ, въ глаза несетъ,
Меня младу милъ другъ зоветъ;
Для друженька, для милаго
Иду, иду скорешенько,
Скорешенько, торопешенько.

25.

Туманно красно солнышко, таманно,
Что краснаго солнышка не видно?
Кручинна красная дѣвица, печальна;
Никто ее кручинушки не знаетъ:
Ни батюшка, ни матушка, ни родные,
Ни бѣлая голубушка сестрица.
Печальна красная дѣвица, печальна.
Не можешь ты злу горю пособить,
Не можешь ты мила друга позабыть,
Ни денною порою, ни ночною,
Ни утренней зорею, ни вечерней.
Въ тоскѣ своей возговоритъ дѣвица:
Я въ тѣ поры мила друга забуду,
Когда подломятся мои скоры ноги,
Когда опустятся мои бѣлы руки,
Засыплются глаза мои песками,
Закроются бѣлы груди досками.

26.

Какъ по садику, по зеленому
Доброй молодецъ похаживаетъ,
Онъ тугой лукъ натягиваетъ,
Колену стрѣлу накладываетъ,
Каленой стрѣлѣ приказываетъ:
Ты лети, лети калена стрѣла,
Выше лѣсу по поднебесью,
Пронзи, убей калена стрѣла
Сиза голубя на каменной стѣнѣ,
Сѣру утицу на Волгѣ на рѣкѣ,
Красну дѣвицу во высокомъ терему,
Чтобъ доставалась ни мнѣ и ни кому,
Ни разлучнику злодѣю моему,
Чтобы доставалась она матери сырой землѣ,
Чтобъ доставалась сырой землѣ, гробовой доскѣ.

27.

Калину съ малиною вода поняла:
На ту пору матушка меня родила;
Не собравшись съ разумомъ, замужъ отдала,
На чежедальнюю на сторонушку.
Чужая сторонушка безъ вѣтру сушитъ;
Чужой отецъ съ матерью безвинно крушитъ;
Не буду я къ матушкѣ ровно три годка,
На четвертой къ матушкѣ пташкой полечу,
Горемышной пташечкою, кукушечкой.
Сяду я у матушки во зеленомъ саду,
Своимъ кукованьемъ весь садъ изсушу,
Слезами горючими весь садъ потоплю,
Родимую матушку сердцемъ надорву.
Матушка по сѣничкамъ похаживаетъ,
Невѣстушекъ-ластушекъ побуживаетъ:
Вы встаньте, невѣстушки, голубки мои!
Что у насъ за пташка въ зеленомъ саду?
Большья невѣстка велитъ застрѣлить,
Меньшая невѣстка проситъ погодить;
Родная сестрица, залившись слезами,
Молвила: не наша-ль горюша сюда
Прилетѣла пташкой съ чужой стороны?

28.

Да спасибо же тебѣ, синему кувшину,
Ты размыкалъ, разогналъ злу тоску кручину!
Посѣдѣла-то моя буйная головушка
Ни отъ время, ни отъ лѣтъ, все отъ безвременья;
Я родился во слезахъ, во слезахъ крестился,
Плакалъ долго сиротой отъ людскихъ навѣтовъ;
Красна дѣвица душа не для утѣшенья,
Все для слезъ же меня молодца полюбила;
Потухаютъ во слезахъ мои ясны очи,
Изсыхаетъ бѣла грудь съ тяжкихъ воздыханій.
Да спасибо же тебѣ, синему кувшину,
Ты размыкалъ, разгонялъ злу тоску кручину!

29.

Не сиди, мой другъ, поздно вечеромъ;
Ты не жги свѣчу воску яраго,
Ты не жди меня до полуночи.
Ахъ, прошли, прошли наши красны дни,
Наши радости буйный вѣтръ унесъ,
И разсѣялъ ихъ по чисту полю!
Соизволилъ такъ родной батюшка,
Приказала мнѣ родная матушка,
Чтобъ женился я на иной женѣ!
Не горятъ въ небѣ по два солнышка,
Не свѣтятъ по два мѣсяца,
Не любитъ два раза добру молодцу!
Ужъ я батюшки не ослушаюсь,
Родной матушки я послушаюсь,
Обвѣнчаюсь я со иной женой,
Я съ иной женой, съ смертью раннею,
Съ смертью раннею и насильною!
Залилась слезами красна дѣвица,

Во слезахъ она слово молвила:
Ахъ, ты, милой мой, ненаглядной мой!
Не жилица я на бѣломъ свѣтѣ
Безъ тебя, моя надеженька!
Нѣтъ у горлинки двухъ голубчиковъ,
У лебедушки двухъ лебедиковъ,
У меня не быть двумъ милымъ дружкамъ!—
Не сидитъ она поздно вечеромъ,
А горитъ свѣча воску яраго,
На столѣ стоитъ новъ тесовой гробъ,
Во гробу лежитъ красна дѣвица.

30.

Ахъ, ты поле мое, поле чистое!
Ты раздолье мое, широкое!
Ахъ, ты всемъ, поле, изукрашено:
Ты травушкой и муравушкой,
Ты цвѣточками, василечками;
Ты однимъ поле обезчещено,
Что посреди тебя, поля чистаго,
Выросталъ тутъ частъ ракитовъ кустъ,
Что на кусточкѣ, на ракитовомъ,
Какъ сидитъ тутъ младъ сизъ орелъ,
Въ кохтяхъ держитъ черна ворона;
Онъ точитъ кровь на сыру землю.
Подъ кустикомъ, подъ ракитовымъ,
Что лежитъ, убитъ добрый молодецъ,
Избитъ, израненъ, исколотъ весь.
Что не ласточки, не касаточки
Кругъ тепла гнѣзда увиваются,
Увивается тутъ родная матушка;
Она плачетъ—какъ рѣка льется,
А родна сестра плачетъ — какъ ручей течетъ,
Молода жена плачетъ—какъ роса падетъ,
Красно солнышко взойдетъ, росу высушитъ.

31.

Ужъ ты, душечка, добрый молодецъ,
Удалая твоя головушка,
Что умильны твои очи ясны,
Ты куда, родимый, снаряжаешься?
Во чужу-ль дальную сторону,
Во чуждальную, незнакомую?
Аль во Новгородъ, аль во Ярославль?
Во Казань ли городъ, аль въ Астрахань?
Иль во матушку каменну Москву?
Ты возьми, возьми меня съ собой,
Назови меня родной сестрой,
Иль душечкой молодой женой.
Ужъ ты, красна дѣвица душа,
Прилука, зазнобушка молодецкая!
И я радъ бы тебя взяти съ собой,
Про меня тамъ люди вѣдаютъ,
Да что нѣтъ у меня родной сестры,
Нѣтъ ни душечки молодой жены,
Лишь одна у меня матушка,
Да и та уже старешенька.

32.

Говорилъ то мнѣ милъ сердечный другъ,
Говорилъ, крѣпко наказывалъ,
Съ инымъ гулять не приказывалъ:
По смирнѣе живи любушка,
Моя бѣлая лебедушка.
Я наказу не послушалась,
Съ инымъ дружкомъ повадилась,
Повадившись, разбранилась,
Разбранившись, слезно плакала,
Во слезахъ слово промолвила:
Погляди, сердечный другъ,
У насъ на дворѣ туманъ,
Что сухой дымъ со частымъ дождемъ,
Во чистомъ полѣ буйны вѣтры,
На синемъ морѣ погодушка;
Есть у молодца зазнобушка,
Зазнобилъ сердце дѣтинушка,
Зазнобивши онъ, въ путь пошелъ,
Что во путь, на чужую сторону.

33.

Ахъ, вы горы, горы крутыя!
Ничего-то вы горы не породили,
Что ни травушки, ни муравушки,
Ни лазоревыхъ цвѣточковъ, василечковъ;
Ужъ вы только породили круты горы
Бѣлъ горючь камень, великъ добрѣ,
Что на камушкѣ растетъ ли частъ ракитовъ кустъ,
Что подъ кусточкомъ лежитъ-убитъ добрый молодецъ,
Разметавъ свои руки бѣлыя,
Растрепавъ свои кудри черныя,
Изъ реберъ его поросла трава,
Ясны очи его пескомъ засыпались.
Что не ласточка, не касаточка
Вкругъ тепла гнѣзда увивается,
Увивается его матушка родимая.
Ахъ! какъ я тебѣ, сынъ, говаривала:
Не водись, мой сынъ, со бурлаками,
Что со бурлаками, со ярыгами;
Не ходи, мой сынъ, во царевъ кабакъ,
Ты не пей, мой сынъ, зелена вина;
Потерять тебѣ, сыну, буйну голову!

34.

Ахъ, ты сердце мое, сердце
Ретивое, молодецкое!
Къ чему ноешь, занываешь;

Ничего мнѣ не скажешь,
Что ни радости, ни печали,
И ни одной бѣды и напасти?
Привязалось ко мнѣ горе,
Къ молодому молодцу,
Я не знаю какъ и быти,
Своему горю пособити,
Не могу горя избыти,
Ни заѣсть и ни запити;
Я пойду ли лучше въ полѣ,
И разсѣю мое горе,
По всему по чистому полю.
Уродися мое горе,
Ты травою полыньею;
Какова трава полынь горька,
Таково-то горе сладко!

35.

Грушица, грушица моя,
Грушица зеленая моя!
Подъ грушею свѣтлица стоитъ,
Во свѣтлицѣ дѣвица сидитъ,
Слезну рѣчь говоритъ:
Катись мѣсяцъ за лѣсъ, не свѣти,
Всходи красно солнце, не пеки;
Стань мой сердечный въ памяти;
Полно глаза мои жечь,
Полно изъ глазъ слезы точить,
Полно бѣло-лице мочить!
Я и такъ много терплю,
Грусть превеликую держу,
Грусть къ злодѣю отошлю;
Пусть злодѣй спознаетъ самъ,
Какъ жить на свѣтѣ тяжело,
Безъ мила друга своего.
Пойду-ль во зеленый садъ гулять,
Сорву со грушицы цвѣтокъ,
Совью на голову вѣнокъ:
Поду-ль на быстрой на Дунай,
Стану на мелкомъ на берегу,
Брошу вѣнокъ мой во рѣку,
Погляжу во ту сторону:
Тонетъ ли, тонетъ ли вѣнокъ?
Тужитъ ли, тужитъ ли дружокъ?
Не тонетъ мой аленькой вѣнокъ.
Знать-то иная у него,
Знать-то иную полюбилъ,
Знать-то получше меня,
Знать-то повѣжливѣе,
Знать-то попривѣтливѣе.

36.

У залетнаго яснаго сокола
Подопрѣло его правое крылышко,
Правое крылошко, правильно перышко.
У заѣзжева добра молодца,
Что болитъ его буйная головушка,
Что щемитъ его ретиво сердце,
Ни по батюшкѣ, ни по матушкѣ,
Ни по братцѣ, ни по родной сестрѣ,
Ни по душечкѣ, по молодой женѣ;
А болитъ его буйная головушка,
А щемитъ его ретиво сердце,
Что по душечкѣ, красной дѣвицѣ,
Что по прежней ли полюбовницѣ.
Во зеленомъ его садику,
У любовной его яблоньки,
Отвалился что не лучшій сукъ,
Покатились сладки яблочки,
Что по матушкѣ по сырой землѣ.
Подбирала сладки яблоки,
Что душа ли, красная дѣвица,
Его прежняя полюбовница,
Уколола правую ноженьку
Объ сучекъ сладкой яблоньки;
Что болитъ, болитъ ея ноженька,
Отъ того щемитъ ретиво сердце
У дороднаго, добра молодца,
У младаго ея полюбовника.

37.

Ой ты, дума моя, думушка,
Ужъ ты-ль, дума крѣпкая!
Не могу я думы крѣпкія
Ни придумати, ни раздумати,
Приложить ума разума;
Какъ вечеръ мой милъ, сердечный другъ,
Загадалъ ли мнѣ загадочку,
Хитру, мудру, неотгадливу,
Неотгадливу, непридумчиву,
Непридумчиву, ужастную,
Онъ сказалъ мнѣ про свою затѣю:
Застрѣлилъ моего не люба въ зеленомъ саду.
Не тужу я о постыломъ,
О постыломъ моемъ мужѣ;
Лишь тужу я о любимыхъ,
О любимыхъ моихъ дѣтяхъ,
Весь вѣкъ будутъ сиротами,
Сироты и горемыки.

38.

Ужъ какъ видно, это видно,
Да кто кого любитъ,
Во бесѣдушку приходитъ,
Противъ друга и садится,
На дубовой на скамѣечкѣ,
На кленовой на дощечкѣ,

Тяжелехонько вздыхаетъ,
Про кручинушку не скажетъ.
И я съ горя, со кручины,
Со великія печали,
Я пойду гулять на Волгу,
Что на пристань корабельнѣ.
Посмотрю млада, младенька,
Внизъ по матушкѣ по Волгѣ:
Не плыветъ ли легкой корабликъ?
Ужь и тамъ ли моя радость гуляетъ,
Купцомъ проживаетъ,
Во звонку дудочку играетъ,
Товарищей забавляетъ.
Вы не плачьте, ребята,
Не тужите, молодые,
Не однимъ вамъ больно, тошно;
А мнѣ молодцу тошнѣй,
По душѣ-ль красной дѣвицѣ,
По названой ли сестрицѣ.
Ты, душа-ль, красна дѣвица,
Ты, названая сестрица!
Либо выди, либо выглянь,
Иль открой, душа окошко,
Хоть окошечка немножко.
Со восточной со сторонки
Поднималисъ буйны вѣтры,
Буйны вѣтры со вихорями;
Прибивало новъ корабль
Ко калинову мосточку,
Ко ракитову кусточку.
Выходила красна дѣвица
Съ ковшомъ по водицу,
Съ окованнымъ со ведромъ;
Размахнула, почерпнула,
Кудри черны зачерпнула,
По примѣтамъ узнавала:
Ой, я со этими кудрями
На одномъ пиру бывала,
Вино, медъ, пиво пивала,
Сладкимъ медомъ заѣдала,
Слаще меду тутъ видала,
И къ сердечку прижимала.

39.

Ахъ, ты, душечка, удалый молодецъ,
Ты горазденъ, душа, огонь высѣкать!
Часты искры сыплются,
Скоро трутъ загарается,
Въ ретиво сердце вселяется,
Сиротою называется.
Сиротинушку я люблю,
Сиротинкѣ рубашечку сошью,
Я дружку ли голуночикъ золотой.
Сиротинушка, мой свѣтикъ дорогой!
Я не знаю, что мнѣ дѣлать надъ собой?
Кабы красной дѣвки волюшка своя,
Я бы вышла за широки ворота,
Я взяла-бъ за праву руку,
Повела бы во нову горницу тебя,
Посадила-бъ на тесовую кровать,
Я бы стала сиротину цѣловать.

40.

Красна дѣвица, надежа,
Во садику гуляла,
Она въ садику гуляла,
Грушицу ломала,
Она грушицу ломала,
Другу отсылала,
Къ милу другу отсылала,
Словомъ наказала:
Ты не во время, другъ, ходишь,
Не въ пору гуляешь;
Приходи, моя надежа,
Иною порою,
Какъ иною-то порою
Вечерней зарею:
Когда батюшки нѣтъ дома,
А матушка въ гостяхъ,
Милы братья на охотѣ,
Сестры въ посидѣлкахъ,
Невѣстушки голубушки
Пойдутъ по сосѣдямъ.
Какъ пошелъ моя надежа
Самъ прочь отъ окошка,
Запѣваетъ моя радость
Любимую пѣсню:
Ахъ, не дай же Боже жити,
Жити безъ покою,
Безъ покою-то мнѣ жити,
Чужихъ женъ любити!
Темна ноченька не спится,
Сердечушко крушится,
Золота казна сорится,
По милой тошнится.

41.

Возлѣ садику млада хожу,
Возлѣ зелена млада гуляю,
Соловьевыхъ пѣсенъ слушаю:
Хорошо въ саду соловей поетъ,
Онъ поетъ, поетъ припѣваючи,
Къ моему горю примѣняючи,
Къ моему житью ко безсчастному.
Не пеняю я, молодешенька,
Ни на батюшку, ни на матушку,
Ни на братца, на яснова сокола,

Ни на сестрицу, лебедь бѣлую;
Что пеняю я, младешенька,
На свою ли участь горькую,
На свои ли очи ясны.
Ахъ! вы очи, очи ясны,
Вы глядѣли, да заглядѣлися,
Вы смотрѣли, да засмотрѣлися;
Не по мысли вы друга выбрали,
Не по моему по обычаю.

42.

Ахъ, ты садъ ли, ты мой садочикъ,
Садъ да зеленой виноградье!
Ты къ чему садъ рано развѣтаешь,
Разцвѣвши, садъ засыхаешь?
Землю листьемъ садъ устилать,
Не пришло еще поры-времени?
Я сама тебя, садъ, садила,
Я сама тебя поливала,
Животъ, сердце надрывала,
Я не для кого инова,
Для своего ли друга милова.
Что въ тебѣ ли, да во садочкѣ,
Соловей пѣсни воспѣваетъ,
Что и тотъ ли вонъ вылетаетъ,
А тебя, садикъ, пустъ оставляетъ.
Ахъ, ты, другъ ли мой, дружечикъ,
Сердце, радость, мой животочикъ!
Не въ досаду ли тебѣ будетъ,
Не противно ли твоему сердцу,
Что я стану тебѣ говорити:
Ты за чемъ ко мнѣ въ гости не ходишь?
Что не жалуешь, не гуляешь?
Али батюшка запрещаетъ?
Али матушка не пущаетъ?
Иль я тебѣ не по мысли?
Буде хочешь другъ—водися,
А не хочешь—откажися.
Я вечеръ, вечеръ молоденька
Долго вечеръ просидѣла,
Я до самова до разсвѣта,
Всю лучинушку припалила,
Всѣхъ подруженекъ утомила,
Все тебя, мой другъ, дожидалась.

43.

Ни въ умѣ было, ни въ разумѣ,
Въ помышленьѣ того не было,
Чтобъ красной дѣвицѣ за мужъ идти.
Соизволилъ такъ сударь батюшка,
Похотѣла такъ моя матушка
Ради ближнева перепутьица;
И я въ торгъ пойду, побывать зайду,
Изъ торгу пойду, ночевать зайду.
Я спрошу у своей дитятки:
Каково жить въ чужихъ людяхъ?—
Государыня моя матушка!
Отдавши въ люди, стала спрашивать:
Во чужихъ людяхъ жить умѣючи,
Держать голову поклонную,
Ретиво сердце покорное.
Ахъ, вечеръ меня больно свекоръ билъ,
А свекровь ходя, похваляется:
Хорошо учить чужихъ дѣтей,
Нероженыхъ, нехоженыхъ,
Невспоеныхъ, и невскормленыхъ.

44.

Ахъ, кабы на цвѣты да не морозы,
И зимой бы цвѣты разцвѣтали;
Ахъ, кабы на меня да не кручина,
Ни о чемъ бы я не тужила,
Не сидѣла бы я подпершися,
Не глядѣла бы я во чисто поле.
И я батюшки говорила:
Не давай меня, батюшка, замужъ,
Не давай, государь, за неровню;
Не мѣчись на большое богатство,
Не гляди на высоки хоромы.
Не съ хоромами житъ—съ человѣкомъ,
Не съ богатствомъ жить мнѣ—съ свѣтомъ.
Я по сѣнямъ шла, я по новымъ шла,
Подняла шубку соболиную,
Чтобъ моя шубка не прошумѣла,
Чтобъ мои пуговки не прозвякнули,
Не услышалъ бы свекоръ батюшко,
Не сказалъ бы онъ своему сыну,
Своему сыну, моему мужу.

45.

Ахъ, таланъ ли мой, таланъ таковъ,
Иль участь моя горькая,
Иль звѣзда моя злосчастная?
Высоко звѣзда возходила,
Выше свѣтлова мѣсяца,
И затмило красное солнышко.
Ахъ, таланъ ли мой, таланъ таковъ,
Иль участь моя горькая?
На роду ли мнѣ написано,
На дѣлу ли мнѣ досталося,
Во всю жизнь несчастье видѣти?
Аль въ людяхъ людей не было?
Полюбить ли было нѣкого?—
По несчастьямъ то случилося,
Что въ мила друга влюбилася.
Онъ казался мнѣ милѣй всего,
Такъ взяла вѣру божбѣ его;
А нынѣ ли мой сердечной другъ

Покидаетъ меня, бѣдную,
Измѣняетъ мнѣ душа моя.

46.

Какъ на дубчику два голубчика
Цѣловалися, миловалися,
Сизыми крыльями обнималися,
Отколь ни взялся младъ ясенъ соколъ,
Онъ ушибъ, убилъ сизова голубя,
Сизова голубя, мохноногова;
Онъ кровь пустилъ по сыру дубу,
Онъ кидалъ перья по чисту полю,
Онъ и пухъ пустилъ по поднебесью.
Какъ растужется, разворкуется,
Сизая голубушка по голубѣ,
О голубчикѣ мохноногинькомъ.
Какъ возговоритъ младъ ясенъ соколъ:
Ты не плачь, не плачь сиза голубушка,
Сиза голубушка по своемъ голубчикѣ?
Полечу ли я на сине море,
Пригоню ли тебѣ голубей стадо,
Выбирай себѣ сизова голубя,
Сизова голубя, мохноногова.
Какъ возговоритъ сиза голубушка:
Не лети соколъ на сине море,
Не гони ко мнѣ голубей стадо:
Вѣдь то мнѣ будетъ ужъ другой вѣнецъ,
Малымъ голубятушкамъ не родной отецъ.

47.

Тебѣ полно, лапушка, ко мнѣ ходить,
Тебѣ полно, сударушка, меня любить.
Отойди, отстань ты, доброй молодецъ,
Тебѣ полно другъ ко мнѣ ходить!
Отецъ и мать дознался,
И родъ, племя догадалися,
Какъ ссылаютъ красну дѣвицу
Съ широка двора долой.
Пошелъ прочь сердечной другъ,
Залилась дѣвка горючьми слезами.
Не рыбушка въ неводѣ размѣталася,
Красна дѣвица по молодцу стосковалася,
Стосковавши, красна дѣвица слезно плакала:
Прогнѣвила я друга милова;
Я пойду ли ко милу другу съ повинною:
Ты прости, прости душа моя,
Ты прости, прости сердечный другъ!
Не въ досаду тебя я сдѣлала,
Я хотѣла тебя извѣдати—
Что любишь ли меня, какъ я тебя?

48.

Не ходи холостъ поздно вечеромъ,
Поздно вечеромъ вдоль по улицѣ,
Вдоль по улицѣ, вдоль по широкой,
Не маши, холостъ, рукой правою,
Не отсвѣчивай золотымъ перстнемъ,
Дорогою ставочкой со яхонтомъ.
Коли я тебѣ полюбилася,
Полюбилася, показалася,
Засылай ко мнѣ свата сватати,
Свата доброва, дядю роднова.
У тебя много ума, разума,
У меня много есть приданова,
Пять сотъ рублевъ голыемъ деньгами,
Пятьдесетъ дворовъ со крестьянами,

49.

Ахъ, ты камень мой, камышекъ,
Самоцвѣтной мой, лазоревой!
Излежался мой дорогой камень,
На крутой горѣ противъ солнышка:
Ни лучья нѣту, ни искорки;
У моего ли друга милова,
Нѣту правды въ ретивомъ сердцѣ;
Говоритъ онъ, все обманываетъ,
Изъ ума меня вывѣдываетъ:
Одного ли я его люблю?

50.

Ахъ, рѣченьки, рѣченьки, холодныя водынки!
Вы дѣвушки, сударушки пособите плакати,
Пособите плакати, мила друга кликати.
Что мой милой не ѣдетъ, али кто его держитъ?
Его прежняя милая за ручку держала,
А другая-то милая въ уста цѣловала,
Его третья то милая съ двора провожала.
Есть у моего милаго три зеленые сада:
Въ первомъ саду кукушечка жалобно кукуетъ,
Въ другомъ саду соловейко громко воспѣваетъ,
Въ третьемъ саду грушица вельми зеленая.
Подъ грушею зеленою дѣвица сидѣла,
Она плачетъ, возрыдаетъ, къ землѣ припадаетъ,
Миткалнымъ платочкомъ слезы утираетъ,
На милаго во свѣтличку частенько взираетъ:
Еще знать-то у милаго дома не здорово,
Что закрыты у милаго косящаты окны,
Занавѣшаны окошки черною тафтою!
Не стало примѣты на косящатомъ окнѣ:
Хрустальнаго стакана съ алыми цвѣточки,
Серебрена вороночка, съ коришневой водкой;
Изъ того ли вороночка мы съ милымъ пивали,
Пили, ѣли, прохлажались, и съ милымъ цѣловались.

51.

Хорошо тому на свѣтѣ жить,
У кого нѣтъ стыда въ глазахъ,
Нѣтъ стыда въ глазахъ, ни совѣсти!
Нѣтъ у молодца заботушки,
Въ ретивомъ сердцѣ зазнобушки!
Зазнобилъ меня любезный другъ,
Зазнобилъ, сердце повысушилъ;
Безъ краснова солнца высушилъ,
Безъ морозу сердце вызнобилъ.
Я сама дружка повысушу!
Не зельями, не кореньями;
Безъ морозу сердце вызноблю,
Безъ краснова солнца высушу!
Схороню тебя, мой миленькой,
Въ зеленомъ саду подъ грушею;
Я сама сяду, послушаю:
Не стонетъ ли мать сыра земля?
Не вскрывается-ль гробова доска?
Не встаетъ ли мой сердечный другъ?
Заростн моя могилушка
Ты травушкой, муравушкой!
Не достанься, мой любезный другъ,
Ни дѣвушкамъ, ни молодушкамъ,
Ни своей змѣѣ полюбовницѣ!
Ты достанься, мой любезный другъ,
Сырой землѣ, гробовой доскѣ!

РУССКІЯ

РАЗГУЛЬНЫЯ ПѢСНИ.

1.

Какъ во городѣ было во Суздалѣ,
Во Ефимьевой славной слободѣ,
Во высокомъ теремѣ, состроенномъ,
Жилъ угрюмой мужъ, жена ласкова,
Жилъ боярской сынъ, слуги добрые,
Жилъ извощикъ глупъ, кони скорые,
Всего было много, а ѣсть нѣчего,
Всѣхъ въ гости зовутъ, а никто нейдетъ
Отъ хозяйскаго нрава грубаго,
Отъ пріема всѣмъ изневаженнаго.
Ужъ какъ пріѣхалъ гость зазваной
За обѣденной столъ, во великъ день.
Ужъ не буря тутъ взволновалася,
А кровь въ хозяинѣ разыгралася,
Принахмуря, сидя, брови сѣрыя,
Руки старыя въ кулаки согнулъ,
Учалъ зорить гостя зазванаго,
Безъ вины, безъ разума.
Ужъ вступилась ли жена добрая
За обиду за гостиную:
Ужъ ты, мужъ, что-по-что бранишь
Гостя зазванаго во пиру своемъ?
Не женѣ учить старова мужа,
Борчалъ злой старикъ за столомъ;
Гость-то учинилъ обиду крайнюю:
Онъ съѣлъ за-разомъ калачъ большой,
Калачъ большой, двухъ копѣешной.
Съ той поры, съ крутой бѣды,
Запустѣлъ теремъ состроенной.

2.

Собирались дѣвки въ Ивановъ домъ,
Собирались красныя на супрядку,
Собирались гости съ чужихъ волостей,
Затирали вина семьей полковша,
Зазывали гостей всю Ивановщину,
Всю Никольщину, всю Успенщину:
Позабыли позвать Ильинскихъ ребятъ.
Ужъ какъ пришелъ гость да незваной,
Посадили гостя на загнеточкѣ,
На загнеточкѣ, противъ яндовочки;
Стаканъ браги поднесутъ, за вихоръ потрясутъ;
Къ яндовѣ подведутъ, за ухо потрясутъ;
Ко водѣ подведутъ, за бородку трясутъ;
За бородку трясутъ, по избѣ волокутъ,
По сѣничкамъ гонятъ вѣничкомъ.

3.

Молода по сѣнямъ шла, по новымъ,
По новымъ шла, тяжело несла,
Тяжело несла рѣшето овса,
Сушила, молола, хлѣбы пекла,
Напекла, молода, овсяныхъ сухарей.
Заставилъ мужъ добру-молоду
Рыбу Семушку варить, гостей подчивать.
Молода въ сѣни вошла: туты семъ, сюды семъ,
Будто Сему варила, гостей подчивала.
Заставилъ мужъ добру-молоду
Леща рыбу варить, гостей подчивать.

Молода въ сѣни вошла, руками плеща,
Будто Леща рыбу варила, гостей подчивала.
Заставилъ мужъ добру-молоду
Строить круглый пирогъ, гостей подчивать.
Молода въ гости пошла, кругомъ обошла:
Будто пирогъ строила, гостей подчивала.
Ужъ вы гости мои, дорогіе мои,
Вы покушайте, не чинитесь!
Моя стрепня — рукова стрехня,
Мой доспѣхъ — всѣмъ на смѣхъ.

4.

Ужъ не та ли на меня, молодца, бѣда,
Бѣда нашла, кручинушка злая:
Всѣ-то мои братцы поженились, молодцы,
Только я одинъ холостъ, не женатъ;
Всѣ-то, вѣдь, чужія жены
Умны злодѣюшки, прелестливы;
Какъ злодѣюшка чужа жена
Прельстила добра молодца, меня.
Я за колечко брякъ, брякъ, брякъ!
Собачушка тяфъ, тяфъ, тяфъ!
Молодецкое сердечушко юкъ, юкъ, юкъ!
А мужъ жидовинъ присмотрѣлъ,
Онъ съ плетью приспѣлъ, подоспѣлъ.
Мою спинушку набухали,
Большими четырьми обухами;
А какъ пятой-то кистень
По бокамъ моимъ свистѣлъ.

5.

Я жила-была у матушки,
Дроченое дитя.
Не пускала меня, матушка,
На улицу гулять.
Ужъ мнѣ хочется, младешенькѣ,
Въ зелены сады ходить.
Я ведерочки возьму,
Сама по воду пойду,
Сама по воду пойду
На Москву на рѣку,
На Москву на рѣку,
Къ Разгуляю кабаку,
По студеную воду.
Чѣмъ мнѣ по воду идти,
Лучше къ милому зайти.
Мой милый сердце радъ,
Воротички отворялъ,
Воротички отворялъ,
За бѣлы руки принималъ,
Во свѣтличку ведетъ,
Всѣ веселія даетъ.
Я у мила забавлялась
До вечернія зари;
Я ведерки подняла,
На Москву рѣку пошла,
Размахнула, почерпнула, подняла, пошла.
Несучи я младешенька, раздумалася:
Какъ домой младой придти?
Какъ мнѣ матушки сказать?
Не умѣла какъ сказать,
Поучилася солгать.
Скажу гуси прилетали,
Скажу серенькіе;
Скажу воду возмущали,
Скажу свѣженькую;
Я стояла на Москвѣ на рѣкѣ,
На крутомъ берегу,
Дожидалася младенька,
Пока устоялася вода.
Мой батюшка родимой не повѣрилъ тому,
Моя матушка родимая припечалилася.

6.

Ахъ ты, душечка, молодой ямщикъ!
Ты къ чему рано упиваешься?
Во кабакъ идешь, самъ шатаешься,
Изъ кабака идешь, самъ валяешься,
Возлѣ стѣночки пробираешься,
За вереюшку самъ хватаешься.
Верея-ль ты моя, вереюшка,
Верея-ль ты моя, сосновая!
Не сама въ землю становилася,
Становили тебя добры молодцы,
Добры молодцы, Володимірцы.
Какъ у сизова млада селезня
Не сами перья заломалися,
Заломала ихъ сѣра утица
По единому сизу перушку.
Какъ у доброва малодца
Не сами кудри завивалися,
Завивала ему красна дѣвица
По единому черну волосу,
Завивши кудри, сама заплакала:
Кабы знала млада, вѣдала,
Вѣкъ сидѣла бы я во дѣвушкахъ.

7.

Скокнулъ я,
Спрыгнулъ я
Изъ огорода во зеленый садъ гулять.
Встрѣчу мнѣ,
Встрѣчу мнѣ
Молодцы, ловцы, всѣ Михайловцы!
Они мнѣ даютъ,
Они мнѣ сулятъ

Яснаго сокола обнашивати.
Я-жъ не умѣю,
Я-жъ не гораздъ
Яснаго сокола обнашивати.
Пущу сокола,
Пущу сокола,
Пущу сокола по поднебесью летать.
Скокнулъ я,
Спрыгнулъ я
Изъ огорода во зеленый садъ гулять.
Встрѣчу мнѣ,
Встрѣчу мнѣ
Молодцы, ловцы, всѣ Михайловцы!
Они мнѣ даютъ,
Они мнѣ сулятъ
Добра коня объѣзживати.
Я жъ не умѣю,
Я-жъ не гораздъ
Добра коня объѣзживати.
Пущу я коня,
Пущу я коня,
Пущу я коня по чисту полю гулять.
Скокнулъ я,
Спрыгнулъ я
Изъ огорода во зеленый садъ гулять.
Встрѣчу мнѣ,
Встрѣчу мнѣ
Молодцы, ловцы, всѣ Михайловцы!
Они мнѣ даютъ,
Они мнѣ сулятъ
Старую старуху трепать, цѣловать,
Трепать, цѣловать,
Къ сердцу прижимать,
Къ сердцу прижимать,
Животомъ называть,
Животомъ называть,
Еще душечкою.
Я-жъ не умѣю,
Я-жъ не гораздъ
Старую старуху трепать, цѣловать,
Трепать, цѣловать,
Къ сердцу прижимать,
Къ сердцу прижимать,
Животомъ называть,
Еще душечкою.
Скокнулъ я,
Спрыгнулъ я
Изъ огорода во зеленый садъ гулять.
Встрѣчу мнѣ,
Встрѣчу мнѣ
Молодцы, ловцы, всѣ Михайловцы!
Они мнѣ даютъ,
Они мнѣ сулятъ
Красну дѣвицу трепать, цѣловать,
Трепать, цѣловать,
Къ сердцу прижимать,
Къ сердцу прижимать,
Животомъ называть,
Животомъ называть,
Еще душечкою.
Я-жъ то умѣю,
Я-жъ то гораздъ
Красну дѣвицу трепать, цѣловать,
Трепать, цѣловать,
Къ сердцу прижимать,
Къ сердцу прижимать,
Животомъ называть,
Еще душечькою

8.

Пѣтушокъ, пѣтушокъ,
Золотой гребешокъ!
За чѣмъ рано встаешь,
Голосисто поешь,
Голосисто поешь,
Съ милымъ спать не даешь?
И я встану, младешенька,
Ранымъ, рано, ранешенько,
Я умоюся, младешенька,
Шуйскимъ мыльцомъ бѣлешенько,
Я взойду ли подъ насѣточку,
Пѣтушка возьму за крылышко,
За правильное за перышко.
Я ударю объ насѣточку:
Еще вотъ тѣ пѣтушокъ,
За ночной за смѣшокъ!
За чѣмъ рано встаешь,
Голосисто поешь,
Голосисто поешь,
Съ милымъ спать не даешь!

9.

Леталъ голубъ со голубкой,
Голубъ сизенькой,
Сизокрыленькой.
Гдѣ ты голубъ былъ?
Гдѣ голубчикъ побывалъ?
Былъ у душечки.—
Красной дома не засталъ,
У кровати простоялъ.
Кровать точеная,
Позолоченая,
Широкой браной положекъ
Тафтою обложенъ,
Разными шелками разстроченъ.
Я во горенку взошелъ,
Я сударушку нашелъ:

Что сидитъ красна дѣвица
За дубовымъ за столомъ,
Разстилаетъ полотенце
Полушелковое,
Кроитъ милому рубашку.
Какъ не стало рукавца,
Я послала молодца;
Молодецъ съ рукавцомъ
Очень долго не бывалъ.
Рукавъ правинькой
Молодецъ бравинькой
Мнѣ не жаль рукавца,
Мнѣ жаль удалова молодца.

10.

Ахъ, ты мальчикъ, кудрявчикъ мой,
Кудреватая головушка твоя!
Еще кто тебя спородилъ молодца?
Спородила родна матушка меня,
Вспоилъ, вскормилъ родной батюшка меня,
Бѣло вымала Валдайская вода,
Завила кудри разлапушка моя,
Разлапушка, красна дѣвица душа,
Завивала, приговаривала:
Когда рѣченьки разольются,
То черны кудри разовьются.
Я съ того горя въ зеленый садъ пойду,
Я построю нову гореньку въ саду,
Съ тремя красными окошечками:
Первымъ окномъ на Москву рѣку,
Другимъ окномъ къ Государеву дворцу,
Третьимъ окномъ въ Ямскую слободу,
Ко славному ко Патрикею ямщику.
У славнаго Патрикея ямщика,
Жила-была дочь хороша,
Разлапушка свѣтъ, Аннушка.
Выходила молода,
За новыя ворота.
Ахъ, какъ мой-то милъ
Онамедни черевички купилъ:
Черевички, невелички,
Алы бархатные.
Ужъ я вышла молода
За новыя ворота,
Черевички скрипятъ,
Молодчики глядятъ,
Гулять со мной хотятъ,
Меня въ гости зовутъ,
Въ карманъ золото кладутъ.

11.

Стукнуло, грянуло въ лѣсѣ,
Комаръ съ дуба свалился,
Упалъ онъ на коренищъ,
Збилъ онъ до голу плечище.
Слетались мухи горюхи,
Славныя грожотухи;
Стали онѣ возглашать,
О комарѣ вспоминать:
Ахъ, ты нашъ свѣтикъ комаръ,
Жаль намъ тебя не мало!
Какъ будешь ты умирати,
Гдѣ намъ тебя погребати?
Схороните меня въ полѣ,
Въ зеленой дубровѣ;
Тамъ-то ребяты бываютъ,
Зелено вино распиваютъ,
Туды, сюды зазираютъ,
Про комара вспоминаютъ:
Тутъ-то лежитъ комарище,
Удалой парень, ребятище.

12.

Ахъ, Иванушка на печкѣ лежитъ,
А Ульяпушка на печку глядитъ;
Какъ пришла ли ея мать,
Учала ея ломать,
Учала ее ломать,
Лишь кости гремятъ,
Лишь кости гремятъ,
И суставы говорятъ.
Ахъ, Суздальцы, Володимірцы,
Ни сказать, ни плясать съ колокольчиками,
Съ колокольчиками, болобольчиками!
Ахъ, станемъ говорить, выговаривати,
Черно на бѣло выворачивати.
Ахъ! медъ поспѣлъ, медъ сыченой;
Ахъ! я была молодка, да молоденька,
А мужа-тъ мой онуча неношеная.
Какъ у Карпова двора,
Да окатана гора;
Какъ не Карпъ ее каталъ,
И не Карпова жена;
Укатали бояре семи городовъ,
Поставили избушку семи локотковъ,
А одна-то доска поперещилася,
Поперещилася, потрескалася;
Я ударю во косокъ,
Про между пяти достокъ,
Какъ понесся голосокъ,
Изъ избушки во лѣсокъ,
Какъ отдался голосокъ
Въ самой тотъ же во часокъ,
Что Ульяна отъ побою переставилася,
А и нѣкому по ней повопить, покричать,
Повопить, покричать, попечалиться.
Государь Матвѣй,

Покричи звончей;
А и вотъ тебѣ полтина,
Женѣ твоей холстина,
Ужъ сыну копя,
Заломи голова,
А дочери коза лубяные глаза.

13.

По подъ лѣсу, лѣсу, перелѣсу
Леталъ голубъ, леталъ сизой,
Отлетаетъ, самъ воркуетъ:
Полети голубъ, полети сизой,
На мою на родную сторонушку,
Отнеси голубчикъ батюшкѣ вѣсточка:
Вчера меня, младу, лада билъ,
Онъ бьетъ дуракъ, причитываетъ:
Покинь жена волю, волю батюшкину. —
Хотя я згину, воли не покину.
По подъ лѣсу, лѣсу, перелѣсу
Леталъ голубь, леталъ сизой,
Онъ летаетъ, самъ воркуетъ:
Полети голубь, полети сизой,
На мою родную сторонушку,
Отнеси голубь, отнеси сизой,
Ко матушкѣ вѣсточку;
Вечеръ меня, младу, лада билъ,
Онъ бьетъ дураетъ, причитываетъ:
Покинь жена нѣгу, нѣгу матушкину.
Хотя я згину, нѣги не покину.

14.

Чарочки по столику похаживаютъ,
Яндова походя, говоритъ,
Старымъ бабамъ полѣно сулитъ.
Въ старыхъ бабахъ корысти-то нѣтъ,
Только ихъ и дѣло на печи сидѣть.
Чарочки по столику похаживаютъ,
Яндова походя, говоритъ,
Молодымъ молодкамъ плетку сулитъ.
Та ли плетка о семи хвостахъ:
Первой разъ ударитъ, такъ семь рубцовъ,
Другой разъ ударитъ, такъ четырнадцать,
Третій разъ ударитъ, такъ двадцать одинъ.
Чарочки по столику похаживаютъ,
Яндова походя, говоритъ,
Краснымъ дѣвушкамъ лозу сулитъ;
Та ли лоза въ лѣсу выросла.
Хотя выросла, да не вывезена,
Мнѣ, красной дѣвушкѣ, битой не быть.

15.

Вотъ какъ мужъ жену любилъ,
Щепетненько водилъ
По морозу нагишомъ,
По крапивѣ босикомъ.
Какъ жена-то мужа любила,
Щепетнѣй того водила,
Щепетнѣй того водила,
Въ тюрьмѣ мѣсто откупила,
Въ тюрьмѣ мѣсто откупила,
Пятьдесятъ рублевъ дала.
Такъ вотъ же тебѣ, муженекъ,
Вѣковѣчной уголокъ;
Не толки, не мели,
Только руку протяни,
Только руку протяни,
Да вспомяни,
Ты вспомяни,
И готовое прими.

16.

У колодезя, у студенова купался боберъ,
Купался боберъ, купался черной,
Покупавшись боберъ, на гору пошелъ,
Обсушается, обтрехается.
Охотнички ѣздятъ, черна бобра ищутъ,
Хотятъ бобра убить, облупить,
Да шубку шити, бобромъ опушити,
Пастуховой жена подарити.
Пастухова женѣ неурядливая,
Шубку наденетъ, животину погонитъ,
А дома-то шубку скинетъ,
Потопчетъ, да подъ лавку кинетъ.
У колодезя, у студенова купался боберъ,
Купался боберъ, купался черной,
Покупавшися боберъ, на гору пошелъ,
Обсушается, обтряхается.
Охотнички ѣздятъ, черна бобра ищутъ,
Хотятъ бобра убить, хотятъ облупить,
Да шубку шити, бобромъ опушити,
Красной дѣвицѣ подарити.

17.

Охъ, бѣдной ежъ,
Горемышной ежъ!
Ты куды ползешь?
Куды ежешься? —
Я ползу, ползу
Къ боярскому двору,
Къ высокому терему,
Къ Марьѣ Осиповнѣ.
Стукъ, стукъ у воротъ!
Кто пришелъ? —
Бѣдной ежъ!
За чѣмъ? —
Пошутить, подрянить,
Позабавиться, попросить.
Что принесъ? —
Сто рублевъ!

Охъ, бѣдной ежъ,
Горемышной ежъ!
Доселева ежа сами искали,
Безъ платы пускали,
Оглаживали,
Много жаловали;
А нынѣ ежа за сто рублевъ не берутъ.
Охъ, бѣдной ежъ,
Горемышной ежъ!
Ты куды ползешь?
Куды ежешься?—
Я ползу, ползу
Къ боярскому двору,
Къ высокому терему,
Къ Марьѣ Осиповнѣ.
Стукъ, стукъ у воротъ!
Кто пришелъ?—
Бѣдной ежъ!
За чѣмъ?—
Пошутить, подрянить,
Позабавиться, попросить.
Что принесъ?—
Триста рублевъ!
Охъ, бѣдной ежъ,
Горемышной ежъ!
Доселева ежа сами искали,
Безъ платы пускали,
Оглаживали,
Много жаловали;
А нынѣ ежа за триста рублевъ не берутъ.
Охъ, бѣдной ежъ,
Горемышной ежъ!
Ты куды ползешь?
Куды ежешься?—
Я ползу, ползу
Къ боярскому двору,
Къ высокому терему,
Къ Марьѣ Осиповнѣ.
Стукъ, стукъ у воротъ!
Кто пришелъ?—
Бѣдной ежъ!
За чѣмъ?—
Пошутить, подрянить,
Позабавиться, попросить.
Что принесъ?—
Пять сотъ рублевъ!
Охъ, бѣдной ежъ,
Горемышной ежъ!
Доселева ежа сами искали,
Безъ платы пускали,
Оглаживали,
Много жаловали;
А нынѣ ежа за пять сотъ не берутъ.
Охъ, бѣдной ежъ,
Горемышной ежъ!
Ты куды ползешь?
Куды ежешься?—
Я ползу, ползу
Къ боярскому двору,
Къ высокому терему,
Къ Марьѣ Осиповнѣ.
Стукъ, стукъ у воротъ!
Кто пришелъ?
Бѣдной ежъ!
За чѣмъ?—
Пошутить, подрянить,
Позабавиться, попросить,
Что принесъ?
Тысячу рублевъ!
Взяли ежа во высокъ теремъ,
Положили ежа на тесову кровать,
Стали ежа цѣловать, миловать,
И душею называть, и къ сердцу прижимать,
Оглаживати, охорашивати,
Ужимать, укрывать,
Прихватывать.

18.

Еще какъ люди въ людяхъ-то живутъ,
На людей люди улаживаютъ,
На свекровь спонораливаютъ;
У меня младой свекровушка лиха,
Что лиха, лиха, неласковая,
Кривошлыка непривѣтливая,
Посылаетъ и туда и сюда,
Какъ на всѣ ли на четыре стороны,
Въ темной погребъ по зелено вино:
Въ погребу водка анисовая,
Тесова кровать, расписаная,
На кроватушки перинушка лежитъ,
На перинушки дитинушка сидитъ.
Въ погребу млада замѣшкалась,
Холостому стаканъ поднесла,
Неженатому зеленаго вина.
Холостой стаканъ меду принималъ,
Ко стакану бѣлу руку прижималъ;
И онъ при людяхъ сестрою называлъ,
Безъ людей то своею душечкою.
Ахъ, ты, душечка, молодушка моя,
Показалася походочка твоя!
Какъ пройдешь—утѣшишь ты меня,
А промолвишь—радость моя.
Я иду ли, молода, по широкому двору,
Иду, иду, да пошатываюсь;
А моя-то кривошлыкая свекровь

По новымъ сѣнямъ похаживаетъ,
Коблукомъ сѣни проламываетъ,
Своимъ сыномъ мнѣ угрраживаетъ.
Еще, дай Боже, до вечера дожить,
Своего сына дождаться,
Накучу я, намучу сынку
На любимую невѣстушку.
Я велю сынку во Новгородъ сходить,
Я велю ли шелковую плѣть купить,
Съ головы кожу до ногъ спустить.
Ахъ, ты, мать моя, матушка,
Ахъ, мать, государыня моя!
Не устать-то мнѣ во Новгородъ сходить,
Вѣдь невторова шелковую плѣть купить,
Не бѣда, вѣдь, мнѣ жену свою учить,
Съ головы кожу до пять спустить,
Да, вѣдь, съ ней-то мнѣ вѣкъ будетъ изжить.

19.

Ахъ! Пашенька, Прасковьюшка,
Счастливая Параня, таланливая!
Она растворитъ квашонку на донышкѣ,
Что на донышкѣ, во ведерышкѣ,
По уторамъ-то мука, среди квашни вода;
Три недѣли квашня кисла, не выкисла,
На четвертую недѣлю замолаживалась,
Ахъ! на пятую недѣлю стала хлѣбушки валять;
Она по полу валяла, по подлавичью катала,
На печи пекла, кочергой згребла,
Кочергой згребла, кулаки прижгла;
Она склала въ коробокъ, поѣхала въ городокъ,
Пріѣхала въ городокъ и расклала на полокъ.
Ахъ, никто хлѣбы не купитъ, никто не торгуетъ!
А Казанскіе купцы пересмѣшливые;
Они хлѣбовъ не купили, только цѣну-то набили;
Она скала въ коробокъ, поѣхала во домокъ.
Ахъ, на встрѣчу Паранѣ еще тотъ да иной,
Ахъ, тотъ да иной, дворянинъ молодой.
Что Паранюшка везешь? что Прасковья продаешь?
Я не каменье везу, ни кирпичи продаю,
Ужъ я хлѣбы везу, мягки, бѣлинькіе,
Мягки, бѣлинькіе, вострокисленькіе.
Пріѣхала въ домокъ, склала хлѣбы въ уголокъ;
У нихъ сивая свинья-то догадлива была:
Она хлѣбовъ-то не ѣла, только корочки измяла,
Только корочки измяла, три недѣли пролежала,
На четвертой на недѣли свою душу отдала.

20.

Ахъ, гдѣ жена была, гдѣ сударыня была?
Я была, сударь, была у попа въ гостяхъ.
Ахъ, что жена пила, что боярыня пила?
Я пила, сударь, пила много пива и вина,
За твое, сударь, здоровье бокалъ меду выпила.
Ахъ, спасибо те жена, не забыла ты меня.
Ахъ, какъ тебя забыть, не могу тебя изъбыть!
Сударь, ты вѣдь у меня, какъ бѣльмо на глазу,
Какъ бы вѣра-то была, продала бы я тебя.
Я купила бы молодчика молоденькова,
Что молоденькова и хорошенькова.

21.

Во Архангельскомъ во градѣ
Ходятъ дѣвушки въ нарядѣ,
Еще аленькіи цвѣточки,
Еще дѣвушки, дружочки.
Ахъ! у насъ было на свозѣ,
На Буяновой горѣ,
Во Пирешлой слободѣ,
У столба да у версты,
Какъ стоялъ тутъ дворокъ,
Невысокой теремокъ,
Ахъ во томъ ли терему
Красны дѣвушки сидятъ:
Дуня да и Маша Алексѣевны,
Что охочи за окошечко поглядывати,
Холостыхъ ребятъ приманивати.
Случилось молодцу въ вечеру поздно идти,
Что на тѣ поры окошко отворяется,
Ахъ, Дуняша-то въ окошкѣ усмѣхается.
Случилося молодой за водой идти одной,
Подъ Бояновой горой,
Стоитъ парень молодой,
Идетъ Дуня съ колодца,
Увидѣла молодца,
Не дошедъ Дуня къ Ванюшѣ, поклоняется
Рѣчи Ваня говоритъ,
Постоять Дунѣ велитъ.
Ахъ, не въ гусельцы играютъ,
Не въ свирѣли говорятъ,
Говоритъ красна дѣвица
Со удалымъ молодцомъ:
Про насъ люди говорятъ,
Разлучить съ тобой хотятъ.
Еще гдѣ тому бывать,

Что намъ порозну живать;
Еще гдѣ же тому статься,
Чтобы намъ съ тобой разстаться.
На погибель бы тому,
Кто завидуетъ кому!

22.

Заваруй, варуй, варуйко,
Сила маленькой дѣтинка!
Проложилъ Сила дорогу,
Мимо валу землянова,
Мимо саду зеленова,
Архирейскова, большова,
Во Чудинскую слободку,
Ко Чурилову подворью,
Ко Варварину здоровью.
А Варвара залежала,
Платомъ голову связала.
Пріѣзжали, навѣщали,
Трои сани съ козырями.
Привозили, приносили,
Трои дороги подарки.
Ахъ, какъ первые подарки—
Шестьдесятъ аршинъ китайки;
А другіе-то подарки,
Пятьдесятъ аршинъ грезету—
Голубова, дорогова;
Ахъ, какъ третьи-то подарки,—
Золотой водки два штофа.
Ты вставай душа Варвара,
Отправляйся мое сердце,
Ко второму часу ночи.
Не звѣзда съ неба упала,
Варварѣ вѣстка перепала,
Заваруюшки не стало:
На бою Силу убили,
Со раскату застрѣляли,
Молодцово платье сняли.
Тутъ Варварушка вставала,
Пятьдесятъ рублей хватала,
Силѣ платье выкупала.
Я те, Сила, говорила:
Не водись, Сила, съ ребятами,
Съ двумя двужильными ребяты,
Не теперешніе воры,
По ночамъ часто ходили,
Они окны выбивали,
Красныхъ дѣвокъ доставали,
Доставали, цѣловали.

23.

Веселые по улицамъ похаживаютъ,
Гудки и волынки понашиваютъ,
Промежду собой весело разговариваютъ:
Да гдѣ же веселымъ будетъ спать, ночевать?—
Мы ночуемъ у старой бабѣ во келейкѣ.
У старой бабѣ во келейкѣ бесѣдушка была,
Промежду собой старухи разговаривали:
У кого денегъ полтина, у кого двѣ, три,
У меня ли, у старой бабы, четыреста рублевъ,
Въ подпольѣ на полкѣ, въ кубышкѣ лежатъ.
Веселые-то ребята злы, догадливы:
Ай одинъ началъ играть,
А другой началъ плясать,
А третій веселой будто спать захотѣлъ,
Онъ и ручку протянулъ,
И кубышечку стянулъ.
Пойдемтетко ребята
Подъ ракитовъ частой кустъ,
Станемъ денешки дѣлить,
Стару бабушку хвалить:
Ты живи баба подолѣ,
Ты копи денегъ поболѣ,
И мы дворъ твой знаемъ,
Опять зайдемъ,
Мы кубышку твою знаемъ,
Опять возьмемъ;
А тебя дома не найдемъ,
И дворъ сожжемъ.

24.

Ахъ, какъ по лугу, лугу, по зеленому лугу,
Какъ шли, прошли двѣ родны сестры,
Что большая та меньшую уговаривала;
Не сиди, моя сестрица, ты одна въ терему,
Не открывай, моя голубушка, окошечка,
Неравно къ тебѣ, сестрица, соколъ залетитъ,
Что соколъ залетитъ, молодецъ забѣжитъ;
Онъ станетъ-те, сестрица, изъ ума выводить,
Изъ ума вонъ выводить, все обманывати,
Все обманывати, подговаривати;
Не мечись моя голубка на его ты слова,
Вѣдь его-то слова все обманчивыя;
А его-то красота великая сухота.
Еще погодя маленько къ ней молодецъ пришелъ,
Онъ сталъ красну дѣвицу изъ ума вонъ выводить,
Изъ ума вонъ выводить, все обманывати,
Все обманывати, подговаривати:
Мы пойдемъ, пойдемъ дѣвица во зеленой садъ гулять,

Заламаемъ, заламаемъ мы зеленъ виноградъ.
Ахъ! яблочко я съѣла, позадумалася,
Винограду я поѣла, тутъ разсудокъ потеряла.
Еще погодя маленько, больша сестра идетъ,
Что больша сестра идетъ, съ себя волосы деретъ.
Ахъ, по роду, сестрица, ты родная мнѣ была,
По теперешней досадѣ супостатка ты моя,
Отцу, матери, сестра, ты безчестье принесла.

25.

Какъ у нашего сосѣда
Весела была бесѣда,
Да всѣ гости полюбовны,
Молодыя молодицы,
Души красныя дѣвицы.
Ахъ! всѣ дѣвушки смирненьки,
Одна дѣвушка рѣзвенька,
Пошла съ молодцомъ плясать.
Заиграла, зашутила,
Парню на ногу ступила;
Сталаноженька болѣти,
Стала дѣвица тужити,
Часто по воду ходити,
На окошечко смотрѣть,
Тяжелехонько вздыхати.
Не вздыхай, моя надежа,
И я самъ-то про то знаю,
Съ молодицей поводиться,
Нагу, босу находиться,
А съ дѣвицей поводиться,
Въ цвѣтномъ платьѣ находиться.
Износилъ я отъ дѣвицы
Черномуръ кафтанъ съ бобрами,
Кушакъ алой съ полосами,
Пестрединную рубашку
Съ кумачемъ и съ выстрочками.

26.

Протекало синее море,
Слеталися птицы стадами,
Садилися птицы рядами,
Спрашивали малую птицу,
Малую птицу, синицу:
Гой еси малая птица,
Малая птица, синица!
Скажи намъ всю истинную правду,
Скажи ты намъ про вѣсти морскія,
Кто у васъ на морѣ меньшія?—
Провѣщаетъ малая птица,
Малая птица, синица:
Глупые вы, мелки пташки!
Всѣ птички на морѣ большія,
Всѣ птички на морѣ меньшія.
Орелъ на морѣ воевода,
Перепелъ на морѣ подьячій,
Пѣтухъ на морѣ цѣловальникъ,
Журавль на морѣ водоливецъ:
Тото долгія ноги,
Тото армяжное платье!
По овсяному зернышку ступаетъ.
Чижь на морѣ живописецъ,
Клестъ на морѣ портной мастеръ,
Сова у насъ на морѣ воеводша:
Тото высокія брови!
Тото веселые взгляды!
Тото хорошая походка!
Тото желтые сапожки!
Съ пошки на пошку ступаетъ,
Высокія брови подымаетъ.
Гуси на морѣ бояре,
Утята на морѣ дворяне,
Чирята на морѣ крестьяне,
Воробьи на морѣ холопья,—
Бѣдѣ воробейко срываетъ,
Битъ воробейко не бываетъ;
Лебеди на морѣ князи,
Лебедушки на морѣ княгини;
Желна у насъ на морѣ трубачь;
Воронъ на морѣ игуменъ—
Живетъ онъ всегда позадь гуменъ,
Грачики на морѣ старцы,
Галочки старочки, черпички,
Ласточки молодички,
Касаточки красныя дѣвушки;
Красная рожа ворона,
Зимою ворона по дорогамъ,
Лѣтомъ ворона по застрехамъ;
Рыболовъ на морѣ харчевникъ;
Дятелъ на морѣ плотникъ;
Всякое дерево онъ долбитъ,
Хощетъ намъ храмъ сорудить;
Сокола у насъ на морѣ наѣздникъ,
На всякую птицу палетаетъ,
Грудью ее побиваетъ;
Куликъ на морѣ разсыльщикъ,
Кокушка та вздорная кликушка,
Блинница на морѣ цапля,
Чечетъ гость торговой,
Сорока-то у насъ щеголиха,
Безъ калача не садится,
Безъ милова спать не ложится,
Безъ сладкаго меду не встаетъ,

Пѣшая къ обѣдни не ходитъ,
Все бы ей въ богатыхъ колымагахъ,
Все бы она во нарядахъ,
Все бы кони ей вороные,
Все бы ей кольцы золотые,
Все бы ей ребята молодые,
Все бы молодые, холостые.
Бѣдная малая птичка,
Малая птичка, синичка,
Сѣна косить не умѣетъ,
Стадо ей водить не по силѣ,
Съ голоду я птичка помираю.

27.

У Спаса къ обѣдни звонятъ,
У прихода часы говорятъ,
По монастырямъ благовѣстятъ.
Теща къ обѣдни спѣшитъ,
На мутовкѣ рубашку сушитъ
На поваренкѣ кокошнички.
А и теща къ обѣдни пошла—
Что идетъ помалешеньку,
Ступаетъ потихошеньку,
Съ ноги на ногу поступываетъ,
На башмачки посматриваетъ,
Чеботы наколачиваетъ.
А всѣ церкви теща прошла,
А зашедъ то Николѣ челомъ,
А николѣ Мясницкому;
Всѣ люди теща прошла,
А зашелъ-то она зятю челомъ,
Да Денису Борисовичу.
А и зять на нее не глядитъ,
Господинъ слово не говоритъ.
А и вижу я, вижу сама,
А что есть на немъ бѣшеная!
Бить зятю дочь мою,
Прогнѣвить сердце материно,
И пролить ему горячу кровь.
А и чѣмъ будетъ зятя дарить,
Чѣмъ господина дарить?
Есть-то у меня, у вдовы,
Есть-то у меня, у молоды,
Будетъ съ него живота!
Пойду млада въ торги,
Куплю млада камки,
Сошью ли я зятю кафтанъ,
Сошью дочери сарафанъ,
Чтобы зять дочерь не билъ,
Не гнѣвилъ сердце материно,
Не проливалъ бы горячу кровь.
У Спаса къ обѣдни звонятъ,
У прихода часы говорятъ,
По монастырямъ благовѣстятъ.
Теща къ обѣдни спѣшитъ,
На мутовкѣ рубашку сушитъ,
На повареньки кокошнички.
А и теща къ обѣдни пошла—
А идетъ помалешеньку,
Ступаетъ потихошеньку,
Съ ноги на ногу поступываетъ,
На башмачки посматриваетъ,
Чеботы наколачиваетъ.
А всѣ церкви теща прошла,
А зашедъ-то Николѣ челомъ,
А Николѣ Мясницкому;
Всѣ люди теща прошла,
А зашедъ то она зятю челомъ
Да Денису Борисовичу.
А и зять на нее не глядитъ,
Господинъ слово не говоритъ.
А и вижу я, вижу сама,
А что есть на немъ бѣшеная!
Битъ зятю дочерь мою,
Прогнѣвить сердце материно,
Пролить ему горячу кровь.
А и чѣмъ будетъ зятя дарить,
Чѣмъ господина дарить?
Есть-то у меня, у вдовы,
Есть то у меня, у молоды,
Будетъ съ него живота!
А три палаты, три каменны,
А и маковицы серебряны,
Крыши позолочены;
Промежу тѣми палатами
Протекла быстрая рѣка,
А на той на быстрой рѣкѣ
Много гусей, лебедей,
Много сѣрыхъ малыхъ уточекъ;
А и тѣмъ-то буду зятя дарить,
Мнѣ-то тѣмъ господина дарить,
А Дениса Борисовича!
А и зять на нее поглядѣлъ,
Господинъ слово выговорилъ:
Теща ты, теща моя,
Богоданная матушка!
Ты поди-ко живи у меня,
А работы не робь на меня;
Только ты баню топи,
Только ты воду носи,
Еще мнѣ робенка качай!

28.

Охъ, въ горѣ жить—некручинну быть!
А и горе горе, гореваньице!
Охъ, въ горѣ жить—некручинну быть!

Нагому ходить—не стыдиться,
А и денегъ нѣту—передъ деньгами,
Появилась гривна—передъ злыми дни.
Не бывать плѣшаку кудрявому,
Не бывать гуляки богатому,
Не отростить дерева суховерхаго,
Не откормить коня сухопараго,
Не утѣшить дитя безъ матери,
Не скроить атласа безъ мастера.
Ай горе, горе, гореваньице!
А и лыкомъ горе подпоясалось,
Мочалами ноги изопутаны!
А я отъ горя въ темны лѣса—
А горе прежде въ лѣсъ зашелъ;
А я отъ горя въ почестной пиръ—
А горе зашелъ, впереди сидитъ;
А я отъ горя на царевъ кабакъ—
А горе встрѣчаетъ, ужъ пиво тащитъ.
Какъ я нагъ-то сталъ, насмѣялся онъ.

29.

У дороднаго, добра молодца
Много было на службѣ послужено,
На печи было въ волю полежано;
Дослужился я доброй молодецъ до край печи
И увидѣлъ корыто предолгое,
Что опросилъ я у товарищевъ:
Не та ли то Волга, широка и долга,
Широка и долга, крутобережна?
Какъ увидѣлъ въ ставчикѣ ложечки:
Не тѣ ли-то веслы, чѣмъ на Волгѣ гребутъ?
У дороднаго, добра молодца
Много было на службѣ послужено,
Съ кнутомъ за свиньями похожено,
Много цвѣтнаго платья поношено,
По подъ оконью онучь было попрошено,
И сахарнаго куса поѣдено,
У ребятъ корокъ отъимано;
На добрыхъ коняхъ поѣзжено,
На чужія дровни присѣдаючи,
Ко чужимъ дворамъ приставаючи.
У дороднаго, добра молодца
Много было на службѣ послужено,
На поварняхъ было посижено,
Кусковъ и оглодковъ попрошено,
Потихоньку, безъ просу, потаскано,
Голиками глаза выбиты,
Ожегомъ плеча поранены.

РУССКІЯ

УДАЛЫЯ ПѢСНИ.

1.

Ахъ ты, батюшка, Ярославль городъ!
Ты хорошъ-пригожъ, на горѣ стоишь,
На горѣ стоишь, на всей красотѣ
Промежъ двухъ рѣкъ, промежъ быстрыихъ,
Промежъ Волги рѣки, промежъ Котрасли.
Съ луговой было со сторонушки,
Протекла тутъ Волга матушка,
Съ нагорной-де со сторонушки
Пробѣгала тутъ, рѣка Котрасля;
Что сверху-то было Волги матушки,
Что плыветъ, гребетъ легка лодочка:
Хорошо-то была лодка изукрашена,
У ней носъ, корма раззолочены,
Что расшита легка лодочка
На двѣнадцатеры веселочки;
На кормѣ сидитъ атаманъ съ ружьемъ,
На носу стоитъ есаулъ съ багромъ,
По краямъ лодки добры молодцы,
По среди лодки красна дѣвица,
Есаулова родная сестрица,
Атаманова полюбовница;
Она плачетъ, какъ рѣка льется,
Въ возрыданьи слово молвила:
Не хорошъ-то мнѣ сонъ привидѣлся,
Ужъ какъ бы у меня, красной дѣвицы,
На правой рукѣ, на мизинчекѣ,
Распаялся мой золотъ перстень,
Выкатился дорогой камень,
Расплеталася моя коса руса,
Выплеталася лента алая,
Лента алая, Ярославская;
Атаману быть пойману,
Есаулу быть повѣшену,
Добрымъ молодцамъ головы срубятъ,
Красной дѣвицѣ въ темницѣ быть.

2.

Изъ Кремля, Кремля, крѣпка города,
Отъ дворца, дворца Государева,
Что до самой ли Красной площади,
Пролегала тутъ широкая дорожка,
Что по той ли, по широкой дороженькѣ,
Какъ ведутъ казнить тутъ добра молодца,

Добра молодца, большаго бояриня,
Что большаго бояриня, атамана стрѣлецкаго,
За измѣну противъ Царскаго Величества.
Онъ идетъ ли молодецъ—не оступается,
Что быстро на всѣхъ людей—озирается,
Что и тутъ Царю не покоряется.
Предъ нимъ идетъ грозенъ палачъ,
Во рукахъ несетъ остеръ топоръ,
А за нимъ идетъ отецъ и мать,
Отецъ и мать, молода жена;
Они плачутъ, что рѣка льется,
Возрыдаютъ, какъ ручьи шумятъ,
Въ возрыданьи выговариваютъ:
Ты, дитя ли наше милое,
Покорися ты самому Царю,
Принеси свою повинную;
Авось тебя Государь Царь пожалуетъ,
Оставитъ буйну голову на могучихъ плечахъ.
Каменѣетъ сердце молодецкое;
Онъ противится Царю, упрямствуетъ,
Отца, матери не слушаетъ,
Надъ молодой женой не сжалится,
О дѣтяхъ своихъ не болѣзнуетъ.
Привели его на красную площадь,
Отрубили буйну голову,
Что по самы могучи плечи.

3.

Ахъ, подъ лѣсомъ, лѣсомъ, подъ зеленой дубравой
Сама протекала матка быстрая рѣка,
Урываючи круты, красны бережки,
Осыпаючи желты пески, сыпучи,
На томъ, на крутомъ, на красномъ бережкѣ,
Само выростало свято дерево кипарисно,
На томъ, на святомъ деревѣ кипарисномъ
Молодой соловей тепло гнѣздо свиваетъ,
Малыхъ дѣтушекъ выводитъ;
Онъ жалобно свищетъ, хорошо воспѣваетъ,
Вспоминаючи красное, теплое лѣто.
Нѣгдѣ мнѣ, соловьюшки, тепла гнѣзда свити?
Нѣгдѣ мнѣ малыхъ дѣтокъ выводити?
Какъ тутъ растужится, какъ расплачется,
Удалый добрый молодецъ,
Сидючи онъ во темной темницѣ,
Вспоминаючи свою родимую сторонушку:
Ужъ нѣгдѣ мнѣ на своей сторонѣ побывать?
Съ отцомъ съ матерью не видѣться,
Съ родомъ, съ племенемъ не свыкаться,
Молодой женой не любоваться,
Малыхъ дѣтушекъ не вспоить;
Знать-то мнѣ, добру молодцу,
Во темницѣ головушку свою положить.

4.

Еще что же вы, братцы призадумались,
Призадумались, ребятушки, закручинились?
Что повѣсили свои буйны головы,
Что потупили очи ясны во сыру землю?
Еще ходимъ мы, братцы, не первой годъ,
И мы пьемъ, ѣдимъ на Волгѣ все готовое,
Цвѣтно платье носимъ припасеное;
Еще ли лихъ на насъ супостатъ злодѣй,
Супостатъ злодѣй, воевода лихой,
Высылаетъ изъ Казани часты высылки,
Высылаетъ все высылки стрѣлецкія,
Они ловятъ насъ, хватаютъ добрыхъ молодцовъ,
Называютъ насъ ворами, разбойниками.
И мы братцы, вѣдь, ни воры, ни разбойники,
Мы люди добрые, ребята все поволжскіе;
Еще ходимъ мы по Волгѣ не первой годъ,
Воровства, грабительства довольно есть.

5.

Голова-ль ты моя, головушка,
Голова ты моя, послушливая!
Послужила ты, моя головушка,
Ровно тридцать лѣтъ и три года,
Съ добра коня не слѣзаючи,
Изъ стремянъ ногъ не вынимаючи;
А не выслужила ты головушка
Ни корысти себѣ, ни радости,
Какъ ни слова себѣ добраго,
И ни славы высокія;
Только выслужила головушка
Два столбика высокіе,
Перекладинку кленовую,
Еще петельку шелковую.
По Мясницкой славной улицѣ,
За Мясницкими за воротами
Ведутъ князя бояриня;
Предъ нимъ идутъ попы, дьяконы,
Во рукахъ несутъ большу книгу;
А за нимъ идетъ стрѣльцовъ рота,
На голо несутъ бердыши острые;
А по правую по сторонушку
Идетъ его грозенъ плачъ,
Во рукахъ несетъ топоръ широкій;
А по лѣвую сторонушку
Тутъ идетъ его родна сестра;
Она плачетъ, что рѣка льется,
Возрыдаетъ, что ручьи текутъ;
Унимаетъ ее родимый братъ;

Ты не плачь, не плачь родна сестра,
Не слези свои очи ясныя,
Не руди своего лица бѣлаго,
Не надсажай своего сердца ретиваго.
Какъ чего-жъ тебѣ хочется?
Иль помѣстій моихъ, иль вотчины?
Иль имѣнія тебѣ богатаго?
Иль злата, иль серебра?
Иль моего тебѣ здоровьеца?
Ахъ, ты, свѣтъ мой, любезный братъ!
Ничего-то мнѣ не хочется:
Ни помѣстій твоихъ, ни вотчинъ,
Ни имѣній твоихъ богатыхъ,
Ни злата, ни серебра,
Ужъ какъ только мнѣ, братецъ, хочется
Твоего, сударь, здоровьеца.
На что возговоритъ родимый братъ:
И ты, свѣтъ моя родна сестра!
Тебѣ плакать, не выплакать,
Молить Бога, не вымолить,
У Царя просить, не выпросить.
И такъ меня Богъ помиловалъ,
Государь Царь пожаловалъ,
Велѣлъ срубить буйну голову
По мои плечи могучія.
Какъ взвели князя на срубъ высокъ,
На его мѣсто показанно,
Онъ молился Спасу чудному образу,
Онъ на всѣ стороны низко кланялся:
Вы простите меня міръ и народъ Божій,
Помолитесь за мои грѣхи,
За мои-ль грѣхи тяжкіе.
Не успѣлъ лишь народъ взозрити,
Какъ отсѣкли буйну голову,
По его плечи могучія.

6.

У меня ли, молодца, змѣя жена,
Змѣя жена, ладо скороспѣйка,
Моя-то змѣя изъ норы ползетъ, озирается,
По песку ползетъ, извивается,
По травѣ ли ползетъ, всю траву сушитъ;
Изсушила моя лада травушку,
Да что травушку, муравушку.
Ты, душа-ль, душа, красна дѣвица,
Изсушила ты добра молодца,
Какъ былиночку во чистомъ полѣ,
Довела ты его до погибели,
Что до той ли темной темницы.
Какъ изъ славнаго села Преображенскаго,
Что изъ того ли приказа Государева,
Что вели казнить добраго молодца,
Что казнить его, повѣсить;
Его бѣлы руки и ноги скованы,
По праву руку идетъ страшенъ палачъ,
По лѣвую идетъ его мать родная,
Позади идетъ красна дѣвица,
Его милая полюбовница,
Что зазноба его ретива сердца,
Погубительница живота его.

7.

Лѣса ли вы, лѣсочки, лѣса темные!
Кусты ли вы, кусточки, кусты частые!
Ахъ, станы ли вы, станочки, станы теплые!
Еще всѣ-то вы кусточки ужъ повыжжены,
Еще всѣ наши станочки поразорены,
Еще всѣ наши товарищи переиманы.
Какъ и первой-то товарищь въ градѣ Кіевѣ,
А второй-то нашъ товарищь въ каменной Москвѣ,
Какъ и третій-то товарищь въ славномъ Питерѣ,
Я остался, добрый молодецъ, въ темныхъ лѣсахъ;
Закружилася моя головушка, закружилася!
Какъ увидѣлъ я, добрый молодецъ, перевощиковъ:
Перевезите меня, братцы, вы на ту сторону,
За перевозъ-то я награжу золотымъ кольцомъ.
Переѣхалъ я, доброй молодецъ, на ту сторону,
На ту сторону, на далекую, самъ кончаться сталъ.
Вы положите меня, братцы, между трехъ дорогъ:
Между Кіевской, Московской, славной Муромской;
Въ ногахъ-то поставьте мнѣ моего коня,
Въ головушки поставьте животворящій крестъ,
Въ руку правую дайте саблю острую.
И пойдетъ-ли, иль поѣдетъ кто — остановится,
Моему кресту животворному онъ помолится,
Моего коня, моего ворона — испугается,
Моего-то меча — меча остраго — устрашится онъ.
Что не тотъ ли тутъ похороненъ воръ розбойникъ,

Сынъ разбойника, сынъ удалаго Стеньки
Разина.

8.

Какъ досель, братцы, черезъ темный
лѣсъ
Не пропархивалъ тутъ, братцы, младъ бѣ-
лый кречетъ,
Не пролетывалъ тутъ, братцы, ни сизой
орелъ;
А какъ ныньче у насъ, братцы, черезъ
темный лѣсъ
Пролегла, лежитъ дороженька широкая!
Что по той ли, по широкой по дороженькѣ
Проѣзжалъ ли младъ удалъ, добрый моло-
децъ.
На зарѣ-то было, братцы, на утренней,
На восходѣ было, братцы, свѣтла солныш-
ка,
На закатѣ было, братцы, свѣтла мѣсяца,
Какъ убитъ, лежитъ удалъ добрый моло-
децъ;
Что головушка у молодца проломана,
Ретиво сердце у молодца прострѣлено,
Что постелюшка подъ молодцемъ камышь
трава,
Изоголовьецо подъ добрымъ часть раки-
товъ кустъ,
Одѣяличко на молодцѣ ночька темная,
Ночька темная, осенняя, холодная.
Прилетали къ доброму молодцу три ла-
сточки:
Ужъ какъ первая-то пташка родная ма-
тушка,
А другая то пташечка мила сестра,
А какъ третья-то пташечка млада жена;
Онѣ взяли мертво тѣло за бѣлы руки,
Понесли онѣ то тѣло во высокъ теремъ.

9.

Не шуми мати зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ, доброму молодцу, думу ду-
мати,
Какъ заутра мнѣ, доброму молодцу, во до-
просъ идти,
Передъ грознаго судью, самаго Царя.
Еще станетъ меня Царь Государь спраши-
вати:
Ты скажи, скажи, дѣтинушка, крестьянской
сынъ,
Ужъ какъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ
разбой держалъ?
Еще много ли съ тобой было товарищей?
Я скажу тебѣ, надежа, православный Царь,
Всю правду я скажу тебѣ, всю истину:
Что товарищей у меня было четверо,
Ужъ какъ первой мой товарищь — темная
ночь,
А второй мой товарищь — булатный ножъ,
А какъ третій товарищь мой—добрый конь,
А четвертой мой товарищь—тугой лукъ,
Что разсылыщики мои—калены стрѣлы.
Что возговоритъ, надежа, православный
Царь:
Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьянской
сынъ!
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ дер-
жать;
Я за то тебя, дѣтинушку, пожалую
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами съ перекладиною.

10.

Ахъ, туманы вы, туманушки,
Вы туманы мои, непроглядные,
Какъ печаль, тоска ненавистны!
Изсушили туманушки молодцовъ,
Сокрушили удалыхъ до крайности!
Ты взойди, взойди красно солнышко,
Надъ горой взойди надъ высокою,
Надъ дубровушкой надъ зеленою,
Надъ урочищемъ добраго молодца,
Что Степана свѣтъ Тимофеевича,
По прозванью Стеньки Разина.
Ты взойди, взойди, красно солнышко,
Обогрѣй ты насъ, людей бѣдныхъ:
Мы не воры и не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички;
Мы весломъ махнемъ—корабль возьмемъ,
Кистенемъ махнемъ—караванъ собьемъ,
Мы рукой махнемъ — дѣвицу возьмемъ.

11.

На зарѣ то было, братцы, на утренней,
На восходѣ краснаго солнышка,
На закатѣ свѣтлаго мѣсяца,
Не соколъ леталъ по поднебесью,
Ясаулъ гулялъ по насадику;
Онъ гулялъ, гулялъ, погуливалъ,
Добрыхъ молодцовъ побуживалъ;
Вы вставайте, добры молодцы,
Пробуждайтесь казаки Донски!
Не здорово на Дону у насъ,
Помутился славной тихой Донъ,
Со вершины до Черна моря,
До Черна моря, Азовскаго.
Помѣшался весь казачій кругъ;
Атамана больше нѣтъ у насъ,

Нѣтъ Степана Тимофеевича,
По прозванію Стеньки Разина!
Поймали добра молодца,
Завязали руки бѣлыя,
Повезли во каменну Москву,
И на славной Красной площади
Отрубили буйну голову.

12.

Во градѣ было во Кіевѣ,
Жила, была вдова богатая;
У ней было девять сыновей,
Десятая дочь любимая;
Ее братья возлелѣяли,
Возлелѣявъ, замужъ выдали
За младаго за морянина,
За хорошаго боярина.
Поѣхалъ онъ съ нею за море;
Тамъ годъ живутъ, и другой живутъ,
На третій годъ встосковалися,
Поѣхали къ своей матушкѣ;
Они день ѣдутъ, и другой ѣдутъ,
На третій день становилися
Кашу варить и коней кормить.
Не злы вороны налетали,
Злы разбойники наѣхали,
Морянина смерти предали,
Морянченка въ море бросили,
Морянушку въ полонъ взяли.
Разбойники послѣ спать легли.
Одинъ изъ нихъ не спитъ, не лежитъ,
Не лежитъ онъ, Богу молится,
Самъ морянку выспрашиваетъ:
Морянка, морянка, морянушка,
Изъ котораго ты города?
Ты какого отца, матери?
Я города, сударь, Кіева,
Жила, была вдова богатая,
У ней было девять сыновей,
Десятая я несчастная.
Меня братья возлелѣяли,
Возлелѣявъ, замужъ выдали
За младаго, за морянина,
За хорошаго боярина.
Взвопилъ онъ тутъ громкимъ голосомъ:
Вы братья, вы братья родимые!
Не морянина мы зарѣзали,
Мы зарѣзали зятя милаго!
Не морянченка въ море бросили,
А племянника мы роднаго!
Не морянушку въ полонъ взяли,
Полонили сестру родимую!
Сестрица, сестрица родимая!
Не сказывай нашей матушкѣ;
Опять тебя отдадимъ замужъ,
Надѣлимъ тебя больше прежняго.
Что возговоритъ во слезахъ сестра:
Вы чѣмъ меня не надѣлите,
Мила друга не воскресите.

13.

Ты воспой, воспой младъ жавороночикъ,
Сидючи весной на проталинкѣ.
Доброй молодецъ сидитъ во темницѣ,
Пишетъ граматку къ отцу, къ матери,
Онъ проситъ того жавороночка:
Отнеси ты, младъ жавороночикъ,
На мою ли, ахъ, на дальню сторону,
Ты мое письмо къ отцу, къ матери.
Во письмѣ пишетъ доброй молодецъ:
Государь, ты мой родной батюшка!
Государыня, ты моя родна матушка!
Выкупайте вы добра молодца,
Добра молодца, своего сына,
Своего сына, своего родимаго.
Какъ отецъ и мать отказалися,
И весь родъ племя отрекалися,
Какъ у насъ въ роду воровъ не было,
Воровъ не было и разбойниковъ.
Ты воспой, воспой младъ жавороночикъ,
Сидючи весной на проталинкѣ.
Доброй молодецъ сидитъ въ темницѣ,
Пишетъ граматку къ красной дѣвицѣ,
Въ другой разъ проситъ жавороночка,
Чтобъ отнесъ письмо къ красной дѣвицѣ.
Во письмѣ пишетъ доброй молодецъ:
Ты душа-ль моя, красна дѣвица,
Моя прежняя полюбовница!
Выкупай, выручай добра молодца,
Своего прежняго полюбовника.
Какъ возговоритъ красна дѣвица:
Ахъ, вы нянюшки, мои мамушки
Мои сѣнныя, вѣрныя дѣвушки!
Вы берите мои золоты ключи,
Отмыкайте скорѣй кованы ларцы,
Вы берите казны, сколько надобно,
Выкупайте скорѣй добра молодца,
Моего прежняго полюбовника.

14.

У насъ-то было, братцы, на тихомъ Дону,
На тихомъ Дону, во Черкасскомъ городу,
Породился удалой, доброй молодецъ,
По имени Степанъ Разинъ Тимофеевичъ.
Во казачій кругъ Степанушка не хаживалъ,

Онъ съ нами, казаками, думу не думывалъ;
Ходилъ, гулялъ Степанушка во царевъ кабакъ,
Онъ думалъ крѣпку думушку съ голудвою.
Судари мои, братцы, голь кабацкая!
Поѣдемъ мы, братцы, на сине море гулять,
Розобьемъ, братцы, басурмански корабли,
Возьмемъ мы, братцы, казны сколько надобно,
Поѣдемте, братцы, въ каменну Москву,
Покупимъ мы, братцы, платье цвѣтное,
Покупивши цвѣтно платье, да на низъ поплывемъ.

15.

Не вечерняя заря, братцы, притухала,
Полуношная звѣзда, братцы, восходила.
Что во славномъ городѣ было Казани,
Что на крутенькомъ, на красномъ бережечкѣ,
Что на желтомъ, на сыпучемъ на песочкѣ,
Тутъ не черные вороны солетались,
Собирались понизовые бурлаки,
Они думали крѣпкую думушку за едино.
Ахъ, состроимъ мы, ребятушки, гребной стружокъ,
И подѣлаемъ заключенки кленовые,
Изнавѣсимъ мы веселочки ветловые,
Что мы грянемъ, ребятушки, въ низъ по Волгѣ,
Остановимся, ребятушки, среди Волги,
Сопротивъ того стольникова дому,
Что у стольничья прикащика дочь хороша.
Что просилася дочь у батюшки погуляти,
Ай! пусти, пусти меня батюшка погуляти,
На низовыхъ-то бурлаковъ поглядѣти?
Понизовые бурлаки злы, лукавы,
Напоили красну дѣвицу до пьяна,
Ужъ какъ та ли красна дѣвица уснула,
У поволжскова атамана на колѣняхъ;
Да что возговоритъ поволжской атаманъ:
И мы грянемъ-те, ребятушки, внизъ по Волгѣ,
Чтобы не было отъ стольника погони.
Ото сна ли красна дѣвица пробудилась;
И за очи съ отцемъ, съ матерью простилась,
Ты прости, прости батюшка родимой,
Ты скажи отъ меня матушкѣ челобитье!

16.

Ты безсчастный, добрый молодецъ,
Безталанная твоя головушка;
Что не въ чемъ то мнѣ, братцы, талану, нѣтъ,
Ни въ торгу, братцы, ни въ товарищахъ,
Что ссылаютъ меня съ корабля долой!
Ты сойди, сойди съ корабля долой,
Отъ тебя ли, отъ безчастнова,
Сине море взволновалося,
Всѣ волны въ морѣ разыгралися!
Ужъ какъ возговоритъ безчастной молодецъ:
Мы пригрянемъ-те всѣ въ веселочки,
Мы причалимъ-те ко бережку,
Ко частому кусту, ракитовому,
И мы срѣжемъ-те по прутику,
И мы сдѣлаемъ-те по жеребью,
Ужъ мы кинемъ-те во сине море.
Ужъ какъ всѣ жеребьи по верхъ воды,
А безчастнова какъ ключь ко дну.

17.

Изъ за лѣсу, лѣсу темнова,
Изъ за горъ, да горъ высокихъ,
Не красно солнце выкатилося,
Выкатился бѣлъ горючь камень,
Выкатившись, самъ разсыпался
По мѣлкому зерну, да по маковому.
Во Изюмѣ славномъ городѣ,
На степи на Саратовской,
Разнемогался тутъ доброй молодецъ.
Онъ проситъ своихъ товарищей:
Ахъ вы, братцы мои, товарищи!
Не покинь-те добра молодца при бѣдности,
Что при бѣдности и при хворости;
А хотя меня и покините,
Какъ пріѣдете во святую Русь,
Что во матушку каменну Москву,
Моему батюшкѣ низкой поклонъ,
Родной матушкѣ челобитьеце,
Молодой женѣ своя воля;
Хоть вдовой сиди, хоть за мужъ поди;
Моимъ дѣтушкамъ благословеньице.

18.

У Троицы, у Сергія было, подъ горою
Стояла новая, темная темница;
Во той ли, во новой, темной темницѣ,
Сидѣлъ удаленькой, добренькой молодчикъ;
Никто къ нему не зайдетъ, никто не заѣдетъ,
Друзья, братья, товарищи всѣ прочь отступилися.
Зашла къ нему, заѣхала матушка родная. —
Дитя ль мое, ты дитятко, дитя чадо милое!
Кому тебя, мое дитятко, будетъ выручати?

Друзья, братья, товарищи всѣ въ томъ отказали;
Семь разъ тебя я, мое дитятко, выручала,
Семь тысячекъ чистыхъ денежекъ издержала;
Осьмой-то тысячи у меня не достало:
Такъ знать тебѣ, дитятко, здѣсь вѣкъ вѣковати!

19.

Что далече, далече, во чистомъ полѣ,
Что при пути, при широкой дороженькѣ,
Стояла тутъ кудрявая береза,
Тонешенька, бѣлешенька, кудрявата;
Подъ той, подъ кудрявою березой
Стояли тутъ станицы воровскія,
Во той ли во станицѣ красна дѣвица;
Не пѣсенки красна дѣвица воспѣваетъ,
Что кричитъ красна дѣвица, воетъ, плачетъ:
Я сорокъ лѣтъ съ разбойниками ходила,
Я сорокъ душъ съ душею погубила,
И батюшкѣ и матушкѣ не спустила,
И родъ, красна дѣвица, потребила.
Не голуби промежъ себя воркуютъ,
Промежъ себя разбойники рѣчь говорили:
Не стало у насъ, братцы, атамана,
Засаженъ нашъ атаманъ во темницу,
Во темную темницу, заключенну;
Не въ саду нашъ атаманъ гуляетъ,
Гуляетъ нашъ атаманъ по темницѣ,
По темной темницѣ заключенной;
Тяжко, больно нашъ атаманъ воздыхаетъ;
Къ сердечушку бѣлы руки прижимаетъ,
Любимую свою рощу вспоминаетъ:
Ой, свѣтъ же ты, моя воровская роща!
Ужъ какъ мнѣ по тебѣ, роща, не тужити,
Подъ широкой дорожкой не стояти,
Купеческихъ людей не разбивати,
Столько злата и серебра не отбирати.

20.

Какъ прошла ли про меня, дѣвицу, небылица:
Будто я батюшку обезславила,
Родную матушку обезчестила,
Что сама-то я къ милу другу приходила.
Ахъ! за то на меня батюшка осердился,
Родимая матушка разгнѣвалася;
Что построилъ мнѣ, сударь батюшка, темницу,
Безъ дверей-то онъ построилъ, безъ окошекъ,
Что одна только у темницы трубица.
И я стану своего батюшку просити:
Проруби ты мнѣ, сударь батюшка, три окошка:
Ужъ какъ первое окошко въ чисто поле,
А другое-то окошко въ садъ зеленый,
Ахъ, какъ третье-то окошко къ синю морю.
Какъ поутру я, дѣвица рано встану,
Погляжу я, красна дѣвица, въ чисто поле—
Ничего-то я, красна дѣвица, не видала.
Погляжу-то я, красна дѣвица, въ садъ зеленой—
Жалобнехонько въ саду пташки разпѣвали.
Погляжу-то я, красна дѣвица, на сине море—
Какъ плыветъ, тутъ выплываетъ новъ корабликъ,
Какъ на томъ корабликѣ мой дружечикъ.
Я во окошечко милу другу кричала,
Я платкомъ милу другу махала:
Какъ не слышетъ, мой сердечный другъ, не видитъ,
Такъ я ручушкой милу другу махнула,
Въ окошечко милу другу поклонилась:
Ты прости, моя надежда, другъ сердечной!
Ужъ какъ знать-то мнѣ съ тобою не видатися!

21.

Гулялъ молодецъ по Украйнѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года,
Загулялъ молодецъ къ королю въ Литву;
Король молодца любилъ, жаловалъ,
Королевна не могла наглядѣтися
На его красоту молодецкую.
Какъ сталъ молодецъ упиватися,
Буйными словами похвалятися:
Ужъ попито, братцы, поѣдено,
Въ краснѣ, въ хорошѣ похожено,
Съ одного плеча платья поношено,
Королевну за рученьку поважено,
Съ королевной на перинушки полежано.
Ужъ какъ злы, лихи на молодца своя братья!
Доносили на молодца самому королю.
Ты гой еси, нашъ батюшка, грозной король!
Не знаешь про то дѣло, не вѣдаешь:
Живетъ королевна съ добрымъ молодцемъ.
Король на молодца вдругъ прогнѣвался,
Закричалъ, завопилъ громкимъ голосомъ:
Какъ если у меня слуги вѣрные?
Вы возьмите удалова добра молодца,

Посадите его въ темну темницу,
А сами подите во чисто поле,
Вы ройте двѣ ямы глубокія,
И вы ставьте два столбика высокіе,
Перекладинку кладите кленовую,
Вы петельку повѣсте шелковую.
Поведите удалова добра молодца;
Не водите его вдоль по улицѣ,
Поведите его позади дворца,
Не увидѣла бы королевишна.
На первую ступень ступилъ молодецъ:
Прости, прости мой отецъ и мать!
На другую ступень ступилъ молодецъ:
Прости, прости весь родъ, племя!
На третью ступень ступилъ молодецъ:
Прости, мой свѣтъ королевишна!
Далеко королевна голосъ слышала,
Бѣжала во свой въ высокъ теремъ,
Брала она свои золоты ключи,
Отпирала шкатулку серебряную,
Вынимала два ножечка булатные,
Порола свои груди бѣлыя.—
Молодецъ въ чистомъ полѣ качается,
Королевишна на ножечкахъ кончается.
Пришелъ къ ней скоро родной батюшка.
Не успѣлъ король лишь взозрити,
Увидѣлъ убиту королевишну.
И онъ билъ свои руки объ дубовой столъ:
Ахъ, свѣтъ ты моя, дочь любезная!
Для чего мнѣ заранѣе не повѣдала,
Что жила въ любви съ добрымъ молодцомъ?
Ужъ я бы доброва молодца пожаловалъ,
Отъ смерти бы добра молодца помиловалъ.—
Закричалъ, завопилъ громкимъ голосомъ:
Ужъ если у меня слуги вѣрные?
Вы пошлите ко мнѣ двухъ грозныхъ палачей,
Чтобъ рубили они головы доносщикамъ,
Что доносили они мнѣ на дочь мою.

22.

Ахъ, ты душечка, жена моя молодая!
Что на улицѣ застоялась?
На приказь, мой свѣтъ, заглядѣлась,
На приказное ли на окошко?—
Ахъ, ты душечка, мой сердечной другъ!
Я на улицѣ застоялася,
На приказъ, мой свѣтъ, заглядѣлася:
Во приказѣ во Государевомъ,
Что во той ли, темной темницѣ,
За желѣзною рѣшеткою,
Сидитъ душечка, доброй молодецъ.
И онъ пишетъ себѣ граматку,
Не перомъ пишетъ, не чернилами,
Онъ своими горючьми слезами,
Ни ко батюшкѣ, ни ко матушкѣ,
Онъ ко душечкѣ молодой женѣ:
Ахъ, ты душечка, молода жена!
Продавай свое житье, бытье,
Выкупай меня изъ неволюшки,
Какъ изъ той ли, темной темницы;
Буде мало тебѣ покажется,
Въ кабалу отдай малыхъ дѣтушекъ.—
На отвѣтъ пишетъ, молода жена:
Ахъ, ты душечка, мой сердечной другъ!
Не продамъ своего житья, бытья,
Не отдамъ въ кабалу малыхъ дѣтушекъ;
Ужъ и такъ тебя Богъ помилуетъ,
Государь Царь тебя пожалуетъ.
Какъ далече, далече во чистомъ полѣ
Стоятъ два столбика высокіе,
Перекладинка лежитъ кленовая,
И петелька виситъ шелковая.
Ужъ какъ я тебѣ, другъ, говорила,
Честью и лестью упрашивала:
Не сѣдлай коня поздно вечеромъ,
Не съѣзжай съ двора по полуночи,
Не вози платье кровавое!
Ужъ какъ ты, мой другъ, не послушался,
Ты сѣдлалъ коня поздно вечеромъ,
Ты съѣзжалъ съ двора по полуночи,
Привозилъ платье кровавое;
Ты за то сидишь въ темной темницѣ:
Не щитай меня женой своей.

23.

Ужъ, какъ по морю, по морю синему,
Здунинай Дунай, морю синему!
По синему было морю, по Хвалынскому,
Туда плыветъ Соколъ кoрабль по тридцать лѣтъ,
Тридцать лѣтъ корабль на якорѣ не стаивалъ,
Къ крутому бережечку не причаливался,
И онъ желтаго песку въ глазахъ не видалъ.
А бока то сведены по туриному,
А носъ, да корма по змѣиному,
Атаманомъ былъ на немъ Илья Муромецъ,
А на Муромцѣ кафтанъ рудожелтый цвѣтъ,
На кафтанѣ были пуговки злаченыя,
А на каждой-то пуговкѣ по лютому льву.
И напали на Соколъ корабль разбойнички,
Ужъ, какъ злые-то Татары со Калмыками,
И хотятъ они Соколъ корабль разбитъ, разгромить,

Илью Муромца хотѣли въ полонъ полонить.
Илья Муромецъ по кораблю похаживаетъ,
Своей тросточкой по пуговкамъ поваживаетъ:
Его пуговки златыя разгорѣлися,
Его люты львы да разревѣлися,
Ужъ, какъ злые-то Татары испугалися,
Во сине море Татары побросалися.

РУССКІЯ

СОЛДАТСКІЯ ПѢСНИ.

1.

Вечеръ то мнѣ матушка малымъ мало спалося,
Что малымъ мало спалося, много видѣлося;
Какъ привидѣлась мнѣ, матушка, крута гора во снѣ,
Что на крутой на горѣ бѣлъ горючь камень лежитъ;
А на камнѣ выросталъ часть ракитовой кустъ,
Какъ на кустикѣ сидитъ птица, младъ сизой орелъ,
Во кохтяхъ своихъ онъ держитъ черна ворона.
Что возговоритъ родная ее матушка:
Ты дитя мое, дитя милое,
Я тебѣ, дитя, сонъ этотъ разсужу:
Что крута гора, то каменна Москва,
Бѣлъ горючъ камень, то нашъ Кремль городъ,
А ракитовъ кустъ, то Кремлевской дворецъ,
Сизой орелъ, то нашъ батюшка православный Царь,
А черной воронъ, то Шведской Король.
Побѣдитъ нашъ Государь землю Шведскую,
И самаго Короля во полонъ возьметъ.

2.

Ахъ, ты батюшка свѣтелъ мѣсяцъ!
Что ты свѣтишь не по старому,
Не по старому и не по прежнему?
Что со вечера не до полуночи,
Со полуночи не до бѣла свѣта;
Все ты прячеться за облаки,
Укрываешься тучей темною.
Что у насъ было, на святой Руси,
Въ Петербургѣ, въ славномъ городѣ,
Во соборѣ Петропавловскомъ,
Что у праваго у клироса,
У гробницы Государевой,
У гробницы Петра перваго,
Петра перваго, Великаго,
Молодой сержантъ Богу молится,
Самъ онъ плачетъ, какъ рѣка льется,
По кончинѣ вскорѣ Государевой,
Государя Петра перваго;
Въ возрыданье слово вымолвилъ:
Разступись ты, мать сыра земля,
Что на всѣ ли на четыре стороны!
Ты раскройся гробова доска,
Развернися золота парча!
И ты встань, пробудись, Государь,
Пробудись батюшка, православной Царь!
Погляди ты на свое войско милое,
Что на милое и на храброе;
Безъ тебя мы осиротѣли,
Осиротѣвъ, обезсилили.

3.

Изъ славнаго города изъ Пскова,
Подымался Царевъ большой бояринъ,
Графъ Борисъ, сударь, Петровичъ Шереметевъ;
Онъ со конницею и со драгуны,
Со пѣхотными солдатскими полками,
Не дошедши Красной мызы, становился,
Хорошо добрѣ полками приполчился.
Не ясенъ соколъ по поднебесью летаетъ,
То бояринъ по полкамъ нашимъ гуляетъ;
Что не золотая трубушка вострубила,
Да что возговоритъ Царевъ большой бояринъ,
Графъ Борисъ, сударь, Петровичъ Шереметевъ:
Ой вы, дѣтушки, драгуны и солдаты,
Можно ли мнѣ на васъ понадѣяться?
Супротивъ непріятеля постояти?
Да что возговорятъ драгуны и солдаты:

Мы ради Государю послужити,
Единъ за единаго умерети.
Тутъ скоро бояринъ подымался
Со конницей и со пѣхотой;
Нашли они на Шведскіе караулы,
Они Шведскіе караулы сами скрали,
Маіора въ полонъ къ себѣ взяли;
Привели они маіора къ генералу,
Ко полевому кавалеру.
Приказалъ его генералъ допросити?
Скажи ты, маіоръ земли Шведской,
Скажи намъ всю истинную правду,
Не моги ты у Царя утаити:
Далече ли стоитъ ваша сила?
И много ли силы съ генераломъ,
Съ самимъ генераломъ Шлипенбахомъ?
Что возговоритъ генералъ земли Шведской:
Ахъ! ты гой еси Царевъ большой бояринъ,
Графъ Борисъ, сударь, Петровичъ Шереметевъ!
Не могу я у Царя утаити,
Скажу всю истинную правду:
Стоитъ наша сила въ чистомъ полѣ,
За тѣми за мхами, за болоты,
За той превеликой переправой,
По край близъ Варяжского моря;
А силы съ генераломъ сорокъ тысячь,
Съ любимымъ генераломъ Шлипенбахомъ.
И того бояринъ не устрашился.
И онъ скоро съ полками подымался.
Не двѣ грозныя тучи на небѣ всходили,
Сражались два войска большія,
Московское войско со Шведскимъ;
Запалила тутъ Шереметева пѣхота
Изъ мелкаго ружья и изъ мортировъ.
Какъ не громъ предъ тучею грянулъ,
Тропилъ пушка разродилась,
У боярина сердце разъярилось;
Не сыра мать земля разступилась,
Не сине море всколебалось;
Примыкали штыки на мушкеты,
Бросали ружья на погоны,
Вынимали сабли острыя,
Приклоняли копья булатныя,
Гнались за Шведскимъ генераломъ,
До самаго города до Дерпта.
Какъ разплачутся Шведскіе солдаты,
Во слезахъ едва слово промолвятъ:
Лихая-де Московская пѣхота!
Что часто на вылазку выступаетъ,
Безъ бою насъ жестоко побѣждаетъ.
Тутъ много мы Шведовъ порубили,
А въ трое больше въ полонъ взяли,
Государю тѣмъ прибыль учинили.

4.

Не отъ тучи, не отъ грома, не отъ солнышка,
Отъ великаго оружія солдатскаго
Загоралася въ чистомъ полѣ кавылъ трава,
Добиралась до бѣлаго камешка;
Что на камешкѣ сидитъ младъ ясенъ соколъ,
Подпалилъ онъ свои быстрыя крылышки,
Обожегъ онъ свои скорыя ноженьки.
Прилетѣло къ соколу стадо вороновъ,
Что садились черны вороны во кругъ его,
И въ глаза ли ясному соколу насмѣхалися,
Называли они сокола вороной:
Ты ворона, ты ворона подгуменная!
Да что взговоритъ въ кручинѣ младъ ясенъ соколъ:
Какъ пройдетъ моя бѣда со кручиною,
Отрощу я свои крылья, крылья быстрыя,
Оживлю я свои ноги скорыя;
Я взовьюсь, младъ ясенъ соколъ, выше облака,
Опущуся въ ваше стадо я скорѣй стрѣлы,
Перебью я черныхъ вороновъ до единаго.
Ахъ! когда былъ Краснощековъ во неволюшкѣ,
Онъ вскричалъ ли, онъ взвопилъ громкимъ голосомъ:
Ой, вы го еси, друзья, братья, товарищи!
Не покинь-те доброва молодца при бѣдности;
Ужъ какъ будетъ время пригожусь, братцы, вамъ,
Замѣню я вашу смерть животомъ моимъ,
Животомъ моимъ и грудью бѣлою.

5.

Какъ у ласточки, у касаточки,
На лету крылья примахалися!
Какъ у душечкѣ красной дѣвицы
На ходу ноги подломилися;
У дороднаго добра молодца
Въ три ряда кудри завивалися,
Во четвертой рядъ по плечамъ лежатъ,
Ой во пятой рядъ съ плечь валилися.
Ой почуяли черны кудри,
Что невзгодушку великую,
Что служить службу Государеву.
Повели тутъ добра молодца
Въ канцелярію Государеву,
Записали добра молодца

Въ драгуны Государевы.
Ой не жаль-то мнѣ черныхъ кудрей,
Только жаль мнѣ своей стороны!
На сторонушкѣ три зазнобушки:
Ой какъ первая зазнобушка—
Раставался я съ отцемъ, съ матерью,
Съ отцемъ, съ матерью,
Съ молодой женой,
Съ сиротами, ребятами,
Съ моими малыми дѣтками.

6.

Не бушуйте вы, вѣтры буйные,
Вы буйные вѣтры, осенніе!
Успокойся ты, море синее,
Не волнуй ты море средиземное!
Ты постой, постой лѣто теплое,
Не теки, постой солнце красное;
Не я самъ велю, вамъ указъ велитъ,
Съ страны указъ пришелъ, съ страны сѣверной.
Хоть давно течетъ солнце красное,
Давно вѣютъ вѣтры буйные,
Не видали вы такого вида:
По указу ли Царя бѣлаго,
Наказать врага вѣроломнаго,
На восточную дальню сторону
Снаряжался флотъ съ бѣлой Руси,
Со бреговъ Невы рѣки славныя,
Снарядившись, протекалъ моря,
Всѣ препятства ни во что вмѣнялъ.
Приближаяся къ Царю граду,
Адмиралъ вскричалъ громкимъ голосомъ:
Ой ты гой еси, невѣрной царь!
Прогнѣвилъ ты своею гордостью
Нашу мудрую Государыню,
Прогнѣвляешь ты самаго Творца;
Я за то присланъ наказать тебя;
Поспѣши упасть ты къ стопамъ ея,
Ты успѣй просить прощенія;
Не успѣешь ты просить прощенія,
Опровергну тронъ невѣрнаго.

7.

Ахъ, по морю, морю синему,
По синему морю, по Хвалынскому,
Что плывутъ тутъ, выплываютъ тридцать кораблей,
Что одинъ изъ нихъ корабль, братцы, напередъ бѣжитъ,
Впереди бѣжитъ корабль, какъ соколъ летитъ.
Хорошо больно корабликъ изукрашенъ былъ,
Паруса на кораблѣ были тафтяные,
А тетивочки у корабля шемаханскова шелку,
А подзоры у кораблика рытова бархату,
На рулю сидѣлъ нашъ батюшка, православный Царь.
Что не золотая трубушка вострубила,
Да что возговоритъ нашъ батюшка, православный Царь:
Ахъ, вы гой еси, матросы легкіе,
Вы мечитеся на мачты корабельныя,
Вы смотрите во трубочки подзорныя,
Что далеко ли до Стекольнова?

8.

По утру-то было ранымъ рано,
На зорѣ-то было на утренней,
На восходѣ красна солнышка,
Что не гуси, братцы, и не лебеди
Со лузей, озеръ подымалися,
Подымалися добрые молодцы,
Добрые молодцы, люди вольные,
Все бурлаки понизовые,
На канавушку на Ладожску,
На работушку государеву;
Провожаютъ ихъ, добрыхъ молодцовъ:
Отцы, матери, молоды жены,
И со малыми со дѣтками.

9.

Еще что у насъ въ Москвѣ, братцы, за кручина,
На канунѣ было свѣтлаго Воскресенія,
Заунывно въ Царь колоколъ звонили,
Съѣзжалися князья и всѣ бояре
Во Успенской во соборъ Богу молиться.
Молились они Господу со слезами,
Что одинъ изъ нихъ бояринъ не молился,
Генералъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ;
По частешеньку вонъ изъ церкви выступаетъ,
Ко бѣлой каменной оградѣ припадаетъ,
Горючими слезами обливался,
Миткалевымъ онъ платочкомъ утирался.
Ужъ тошно мнѣ, боярину, тошнехонько,
Никогда-то мнѣ таково тошно не бывало!
Что болитъ, болитъ у боярина головка,
Щемитъ ретивое сердечко,
Что сказана боярину царска служба,
Указанъ путь, широкая дорожка,
Подъ славной подъ городъ подъ Полтаву,
Какъ быть-то мнѣ боярину убиту,
Подъ славнымъ подъ городомъ подъ Полтавой,
На чистомъ на полѣ лебединомъ.

10.

По Московской, по широкой по дороженькѣ
Не кавылъ трава, братцы, зашаталася,
Не алы цвѣты, братцы, развивалися,
Зашаталася тутъ сильна армія,
Сильна армія, Царя бѣлаго,
Идучи, братцы, въ землю Прусскую,
На чужудальню на сторонушку,
На чужудальню, незнакомую,
Развѣвалися знамена бѣлыя:
Напередъ идутъ новокорпусны,
Въ середи везутъ артиллерію,
Позади ѣдетъ сильна конница,
Славна конница, кирасирская.
Ужъ какъ всѣ веселы идутъ,
Веселы идутъ, припапудрены,
Что одинъ изъ нихъ не веселъ идетъ,
Не веселъ идетъ, призадумавшись,
Что за нимъ идетъ красна дѣвица,
Она плачетъ, какъ рѣка льется,
Возрыдаетъ, что ключи кипятъ,
Ужъ какъ взговоритъ удалой, добрый молодецъ:
Ты не плачь, не плачь красна дѣвица,
Не слези лица румянаго,
Не вздыхай моя разумная!
Не одной-то, вѣдь, тебѣ тошно,
И мнѣ, молодцу, грустнехонько,
Что иду-тю я на чужую сторону,
На чужудальню, незнакомую,
Что на службу я иду Государеву.

11.

Ахъ ты поле, поле чистое,
Ты чистое поле, Бугжацкое!
Ужъ когда мы изойдемъ тебя,
Всѣ бугры твои перевалимся?
Какъ давно пора сойтися
Что со той ордой невѣрною,
Что со той силой Турецкою,
Намъ исполнить волю Царскую,
Нашей мудрой Государыни.
Что не облаки подымалися,
Не грозны тучи соходилися,
Собиралось тьмы невѣрныхъ врагъ,
Что острили мечи черные,
Мечи черные, булатные,
И хвалилися, наѣхавши:
Не срубити, но отрѣзати
Буйны головы солдатскія.
Не громка труба воскликнула,
Какъ возговоритъ Румянцовъ графъ:
Добры молодцы, товарищи,
Наши добрые солдатушки!
Не дадимъ врагамъ хвалитися,
Пойдемъ сами противъ злости йхъ.
За нимъ двинулась вся армія.

12.

Какъ во славномъ было городѣ Колыванѣ,
Что стояли тутъ бѣлокаменны палаты,
Что въ тѣхъ ли вѣлокаменныхъ палатахъ,
Какъ стояли тутъ столы дубовые,
За столомъ сидитъ Шведская Королева,
Передъ ней стояли Шведскіе генералы.
Что возговорятъ Шведскіе генералы:
Ахъ, ты гой еси, наша Шведская Королева!
Ты за чѣмъ къ Королю брату не пишешь,
Чтобъ прислалъ онъ силы на подмогу,
Что за силою прислалъ бы провіанту?
Что взговоритъ тутъ Шведская Королева:
Ахъ, вы гой еси, мои Шведскіе генералы!
Ужъ я и такъ къ Королю брату писала,
Чтобъ прислалъ онъ мнѣ силы на подмогу,
А за силою прислалъ бы провіанту.
Не успѣла Королевна слова молвить,
Ужъ какъ Бѣлой Царь къ городу подступаетъ,
И онъ шанцы, батареи отбиваетъ,
Въ бѣлокаменну стѣну стрѣляетъ,
А въ городъ армію свою впускаетъ,
И онъ Шведскіе караулы всѣ снимаетъ,
Онъ Россійскіе караулы раставляетъ.

13

Ахъ, вы бѣдныя головушки, солдатскія,
Какъ ни днемъ, ни ночью вамъ покою нѣтъ!
Что со вечера солдатамъ приказъ отданъ былъ,
Со полуночи солдаты ружья чистили,
Ко бѣлу свѣту солдаты въ строю стоятъ.
Что не золотая трубушка вострубила,
Не серебренна сиповочка взыграла,
Что возговоритъ нашъ батюшка, православный Царь:
«Ахъ, вы гой еси, всѣ князья и бояре!
Вы придумайте мнѣ думушку, пригадайте,
Еще какъ намъ Азовъ городъ взяти?»
Еще князи и бояре промолчали.
Еще жъ самъ нашъ батюшка прослезился:
«Ахъ вы гой еси, солдаты и драгуны!
Вы придумайте мнѣ думушку крѣпкую,
Еще какъ-то намъ Азовъ городъ взяти?
Какъ не ярыя пчелушки зашумѣли,

Что возговорятъ солдаты и драгуны:
Взять ли намъ, не взять ли бѣлой грудью.
На восходѣ было краснаго солнышка,
На закатѣ было свѣтлаго мѣсяца,
На зарѣ они на приступъ пошли,
Подъ тотъ ли, подъ славной подъ Азовъ городъ,
Что подъ тѣ ли стѣны бѣлокаменныя,
Ахъ подъ тѣ ли подъ раскаты подъ высокіе.
Что съ горъ не бѣлы камни покатилися,
Покатилися со стѣнъ непріятели,
Не бѣлы снѣги въ полѣ забѣлелися,
Забѣлелися бѣлы груди басурманскія;
Ахъ не съ дождика ручьи разливалися,
Разливалася тутъ кровь нечестивая.

14.

Ужъ какъ шли, прошли солдаты,
Они шли, прошли слободкой,
Во слободкѣ становились,
У вдовушки попросились:
Ты вдова, вдова Наталья!
Пусти, вдова, ночевати
Ночевати, постояти!
Насъ немножко, маленько:
Полтораста насъ на коняхъ,
Полтретьяста пѣшеходовъ.
А вдова имъ отвѣчала,
Ночевать ихъ не пущала;
— У меня дворокъ маленекъ,
А горенка не величка;
У меня дѣтей семейка! —
Они силой ворвалися
Во горенку вобралися.
Пѣшеходы всѣ по лавкамъ,
А конница по скамейкамъ,
А большой гость впереди сѣлъ,
Впереди сѣлъ подъ окошкомъ.
А вдова стоитъ у печки,
Поджавъ свои бѣлы ручки,
Стоитъ она, слезно плачетъ.
А большой гость унимаетъ:
«Не плачь, вдова молодая!
Ты давно-ль, вдова, овдовѣла?»
— И я въ горѣ позабыла.—
«Ужъ и много-ль, вдова, дѣтокъ?»
— У меня дѣтокъ четверо.—
«Ужъ и много-ль, вдова, хлѣба?»
— У меня хлѣба осьмина. —
«Ужъ и много-ль, вдова, денегъ?»
— У меня денегъ полтина.
«Подойди, вдова, поближе!
Поклонися мнѣ пониже!
Ты скинь, вдова, съ меня киверъ—
Во киверѣ полотенце:
Не твово ли рукодѣльица?
На правой рукѣ колечко—
Не твово ли обрученья?»
А вдова-то испугалась,
Во новы сѣни бросалась,
Малыхъ дѣтушекъ будила:
Вы — вставайте, мои дѣти!
Вы вставайте мои малы!
Не свѣтелъ-то мѣсяцъ свѣтитъ,
Не красное солнце грѣетъ,
Пришелъ батюшка родимый! —
А большой гость отвѣчаетъ:
Не буди ты малыхъ дѣтокъ!
Я пришелъ къ вамъ не надолго:
На одинъ я на денечикъ!
Что на едный на часочикъ!»

РУССКІЯ

КАЗАЦКІЯ ПѢСНИ.

1.

Что пониже города было Саратова,
А повыше было города Царицына,
Протекла, пролегала мать Камышенка рѣка;
Какъ съ собой она вела круты, красны берега,
Круты, красны берега и зеленые луга;
Она устьицемъ впадала въ Волгу матушку рѣку;
Что по той ли быстринѣ, по Камышенкѣ рѣкѣ,
Какъ плывутъ, тутъ выплываютъ два снарядные стружка,
Хорошо были стружечки изукрашены,

Они копьями, знамены, будто лѣсомъ поросли;
На стружкахъ сидятъ гребцы, удалые молодцы,
Удалые молодцы, все Донскіе казаки,
Да еще же Гребенскіе, Запорожскіе;
На нихъ шапочки собольи, верхи бархатные,
Еще смурые кафтаны кумачемъ подложены,
Астрахански кушаки, полушелковые,
Пестрядинныя рубашки съ золотымъ голуномъ,
Что зеленъ сафьянъ сапожки, кривые каблуки,
И съ зачосами чулки, да всѣ гарусные;
Они веслами гребутъ, сами пѣсенки поютъ;
Они хвалятъ, величаютъ православнаго Царя,
А бранятъ они, клянутъ воеводу,
Что съ женою, и съ дѣтьми и со внучатами
Заѣдаетъ воръ собака наше жалованье,
Кормовое, годовое, наше денежное;
Да еще же не пущаетъ насъ по Волгѣ погулять,
Внизъ по Волгѣ погулять, съ дунинаю воспѣвать.

2.

Внизъ-то было по матушкѣ Камышенкѣ рѣкѣ,
Супротивъ-то было устьица Самары рѣки,
Что плыветъ тутъ легка лодочка коломенка,
Что въ той ли лодочки сидитъ младъ посланникъ Царевъ,
Карамышевъ князь Семенъ, сударь Константиновичъ,
Во лѣвой рукѣ держитъ Государевъ указъ.
Что по крутому, красному бережку,
Что по желтому, сыпучему песочку,
Что ходили тутъ, гуляли добрые молодцы,
Добрые молодцы гуляли, все Донскіе казаки,
Что Донскіе, Гребенскіе, Запорожскіе,
Да и славные казаки, братцы, Яицкіе,
Они думали крѣпку думушку за едино,
Что сказали всѣ словечушко во единой гласъ,
Становили они пушку, братцы, мѣдную,
Закатили въ нее ядрышко чугунное,
Что палили они въ лодочку коломенку.
Ни кого они въ лодочкѣ не ранили,
Только убили одного Царскаго посланника.

3.

Ой ты нашъ батюшка, тихой Донъ!
Ой, что же ты, тихой Донъ, мутнехонекъ течетъ?
Ахъ, какъ мнѣ, тиху Дону, не мутному течи!
Со дна меня, тиха Дона, студены ключи бьютъ,
Посередъ меня, тиха Дона, бѣла рыбица мутитъ,
Поверхъ меня, Дона, три роты прошли:
Ай первая рота шла—то Донскіе казаки,
Другая рота шла—то знамена пронесли,
А третья рота шла—то дѣвица съ молодцомъ.
Молодецъ красну дѣвицу уговариваетъ:
Не плачь, не плачь дѣвица, не плачь красная моя!
Что выдамъ тебя, дѣвица, я за вѣрнаго слугу,
Слугѣ будешь ладушка, мнѣ миленькой дружокъ,
Подъ слугу будешь постелю слать, со мной вмѣстѣ спать.
Что возгоритъ дѣвица удалому молодцу:
Кому буду ладушка, тому миленькой дружокъ,
Подъ слугу буду постелю слать, съ слугой вмѣстѣ спать.
Вынимаетъ молодецъ саблю острую свою,
Срубилъ красной дѣвицѣ буйную голову,
И бросилъ онъ ее въ Донъ во быструю рѣку.

4.

Ахъ, таланъ ли мой, таланъ таковъ!
Или участь моя горькая,
Ты звѣзда моя злосчастная,
Высоко звѣзда восходила,
Выше свѣтлова, млада мѣсяца,
Что затмило солнце красное.
Ахъ, таланъ ли мой, таланъ таковъ!
Или участь моя горькая,
На роду ли мнѣ написано,
На дѣлѣ ли мнѣ досталося,
Что со младости до старости,
До сѣдова бѣла волоса,
Во весь вѣкъ мнѣ горе мыкати,
Что до самой гробовой доски.
Во Азовѣ славномъ городѣ,
Во стѣнѣ бѣлокаменной,
Какъ тутъ была темна темница,
Безъ дверей и безъ окошечекъ.

Ай! во той ли темной темницѣ,
Что сидитъ тутъ добрый молодецъ,
Добрый молодецъ, Донской казакъ,
Въ заключенье, ровно двадцать лѣтъ,
Ровно двадцать лѣтъ и два года.
Случилось тутъ мимо ѣхати
Самому Царю Турецкому,
Что султанскому величеству;
Что возговоритъ добрый молодецъ:
Ай, ты гой еси, Турецкой Царь,
Ты султанское величество!
Прикажи меня поить, кормить;
Не прикажешь ты поить, кормить.
Прикажи скорѣй казнить;
Не прикажешь ты менѣ скорѣй казнить,
Прикажи на волю выпустить;
Не прикажешь ты вонъ выпустить,
Напишу я вскорѣ грамату,
Не перомъ и не чернилами,
Я своими горючьми слезами,
Ко товарищамъ на тихой Донъ;
Славной тихой Донъ взволнуется,
Весь казачій кругъ взбунтуется,
Разобьютъ силу Турецкую,
И тебя царя въ полонъ возьмутъ.
Ай, что возговоритъ Турецкой царь,
Что султанское величество,
Ко своимъ ли ко фельдмаршаламъ:
Выпускайте добра молодца,
Добра молодца, Донскаго казака,
Во его ли землю Русскую,
Ко его ли Царю бѣлому.

5.

Мимо славнаго города Воронежа,
Пролегала тамъ широкая дороженька,
Что ко славному ко городу, ко Санпитеру;
Что по той было, по широкой по дороженькѣ
Ужъ какъ шли, прошли казаки съ тиха Дона,
Что съ тиха, братцы, Дона со Ивановича;
Ужъ какъ всѣ, братцы, казаки сквозь Москву прошли,
Что одинъ изъ нихъ казакъ остается,
Онъ заходитъ на кружало Государево,
Онъ снимаетъ съ себя шапочку черна соболя,
Онъ и молится Спасителеву образу,
Онъ и кланяется на всѣ четыре стороны,
Государевымъ цѣловальникамъ особливъ поклонъ.
Ахъ, вы здравствуйте государевы цѣловальники!
Вы продайте мнѣ вина на пять сотъ рублевъ,
А товарищамъ моимъ на тысячу.
Промежду собой цѣловальники взглянулися:
Ужъ какъ экого питуха у насъ не было,
Ужъ какъ знать это, братцы, не Донской казакъ,
Ужъ какъ знать это атаманъ ихъ.
Вывозили имъ пойла, сколько надобно.
Ужъ вы пейте, мои ребята, сколько вамъ хочется! —

6.

Подымался съ Москвы большой бояринъ
Онъ на тихой Донъ Ивановичъ гуляти.
Не доѣхавши тиха Дона, становился,
Похвалялся всѣхъ казаковъ перевѣшать.
Казаки, братцы, тотчасъ догадалися,
Во единой кругъ они сбиралися.
Середи круга становился Царевъ бояринъ,
Онъ сталъ читать Государевы указы:
Дочитался онъ до Царскаго титула,
Казаки всѣ шапки поснимали,
А большой Царевъ бояринъ шляпы не снялъ;
Отъ того казаки взволновалися,
На боярина они бросалися,
Буйну голову его срубили,
А бѣло тѣло въ тихой Донъ бросили,
И убивши, тѣлу говорили:
Почитай ты, бояринъ, Государя,
Не гордись ты передъ нимъ и не слався.
Ко Царю они съ повинной приходили.
Ты гой еси, батюшка православной Царь!
Ты суди насъ праведной расправой,
Повели надъ ними дѣлать, что изволишь,
Ты воленъ надъ нашими буйными головами.

7.

Ужъ какъ внизъ было, по матушкѣ по Волгѣ рѣкѣ,
Какъ плывутъ тутъ, выплываютъ три снарядные стружка,
Ужъ на тѣхъ ли на стружкахъ удалые молодцы,
Удалые молодцы, все Донскіе казаки;
На нихъ шапочки собольи, верхи бархатные;
На нихъ штанники кумашные въ три строчки строчены,
Александрійски рубашки съ золотымъ галуномъ,

На нихъ бѣленьки чулочки, сафьянны сапожки.
Они сѣли, да гребнули, сами пѣсенки запѣли,
Что про князя и съ дѣтьми и со внучатами;
Заѣдаетъ, онъ, воръ собака, наше жалованье,
Кормовое, годовое, третье денежное;
Ужъ на тѣ ли онъ на денежки палаты становитъ,
За мучнымъ большимъ рядомъ, за Неглинною рѣкой,
Что не хуже и не лучше Государева дворца,
Только тѣмъ они похуже, что верхи не золочены.
Похвалялся этотъ князь во Казани побывать,
Во Казани побывать, верхи вызолотить.
Ужъ какъ тамъ, братцы, князекъ и головку положилъ,
Онъ головку положилъ, его громъ тамъ убилъ.

8.

Какъ со славной, со восточной со сторонушки,
Протекла быстра рѣчушка, славный тихій Донъ;
Онъ прорылъ, прокопалъ, младецъ, горы крутыя,
А по правую-то сторонушку лѣса темные.
На Дону-то все живутъ, братцы, люди вольные,
Люди вольные живутъ—то Донскіе казаки.
Собиралисъ казаки-други во единой кругъ,
Они стали межъ, собою да все *дуванъ* дѣлить:
Какъ на первой-атъ пай они клали пять сотъ рублей,
На другой-то пай они клали всю тысячу,
А на третій становили красну дѣвицу.
Какъ разстужится, какъ расплачется добрый молодецъ:
Голова ль ты моя, головушка, несчастная!
Ко бою-то, ко батальицѣ ты найпервая,
На паю-то, на дуванѣ ты послѣдняя.
Какъ возговоритъ красна дѣвица добру молодцу:
Ахъ, не плачь ты, не тужи, удалъ добрый молодецъ!
Я сотку тебѣ шелковъ коверъ въ пять сотъ рублей,
А другой коверъ сотку тебѣ во всю тысячу,
А третій-то коверъ я сотку, что и смѣты нѣтъ.

9.

У насъ, братцы, на Дону, во Черкасскомъ городу,
Проявилась у насъ, братцы, прирожоная *тума*,
Онъ изъ тумъ, братцы, тума, Сенька Маноцковъ злодѣй;
Крѣпкой думушки съ старинками онъ не думывалъ;
Думывалъ крѣпкую онъ думушку съ ярыжками.
Перекинулся, собака, ко Азовскому пашѣ,
А Азовскій-то паша сталъ его спрашивати:
Ты скажи, скажи пріятель, правду истинную:
Что-то думаютъ у васъ, во Черкасскомъ городу?
Да у насъ-то на Дону, во Черкасскомъ городу,
Старики-то пьютъ, гуляютъ, по бесѣдушкамъ сидятъ,
По бесѣдушкамъ сидятъ, про Азовъ вашъ говорятъ:
Ой не дай Боже Азовцамъ ума, разума того:
Не поставили-бъ они башенки на устьрѣчки Каланчи,
Не перекинули бы цѣпи черезъ славный тихій Донъ,
Не подвели бы они струны ко звонкимъ колоколамъ.
Ужъ не льзя намъ, братцы, будетъ во сине море пройдтить,
По синю морю гулять, зипуновъ-то доставать.
Какъ у насъ было на Дону, во Черкасскомъ городу,
Войсковой нашъ атаманъ во всю ночушку не спалъ:
Какъ со вечеру соколъ нашъ Роговыя проплывалъ,
Ко бѣлу свѣту соколъ нашъ по синю морю гулялъ,
По синю морю гулялъ, кораблики разбивалъ.

10.

На зарѣ-то было, на зорюшкѣ,
На зарѣ-то было, на утренней,
На восходѣ было солнца краснаго,
Не буйные вѣтры подымалися,
Не синее море всколыхалося,

Не фузеюшка въ полѣ прогрянула,
Не люта змѣя въ полѣ просвиснула,
Просвистала пулечка свинчатая;
Она падала, пулька, не на землю,
Не на землю, пуля, и не на воду,
Она падала, пуля, въ казачій кругъ,
На урочную то на головушку,
Что да на перваго есаулушку;
Попадала пулечка промежъ бровей,
Что промежъ бровей, промежъ ясныхъ очей;
Упалъ младецъ коню на черну гриву,

11.

Не травушка, не кавылушка въ полѣ шаталася,
Какъ шатался, волочился удалъ добрый молодецъ,
Въ одной тоненькой, въ полотняной во рубашечкѣ,
Что во той-то было во кармазинной черкесочкѣ;
У черкесочки рукавчики назадъ закинуты,
И камчатны его полочки назадъ застегнуты,
Бусарманскою онѣ кровію позабрызганы:
Онъ идетъ удалъ добрый молодецъ, самъ шатается,
Горючей онъ слезою обливается,
Онъ тугимъ-то своимъ лукомъ опирается;
Позолотушка съ туга лука долой летитъ.
Какъ никто-то съ добрымъ молодцомъ не встрѣчается:
Лишь встрѣчалась съ добрымъ молодцемъ родная матушка:
Ахъ, ты чадо мое, чадушко, чадо милое мое!
Ты за чѣмъ такъ, мое чадушко, напиваешься?
До сырой-то до земли все приклоняешься,
И за травушку, за кавылушку все хватаешься?
Какъ возговоритъ добрый молодецъ родной матушкѣ:
Я не самъ такъ добрый молодецъ напиваюся,
Напоилъ-то меня Турецкой царь тремя пойлами,
Что тремя-то было пойлами, тремя розными:
Какъ и первое то его пойло—сабля острая,
А другое его пойло—копье мѣткое было,
Ево третье-то пойло—пуля свинчатая.

12.

Какъ ты батюшка, славный тихій Донъ,
Ты кормилецъ нашъ, Донъ Ивановичъ:
Про тебя лежитъ слава добрая,
Слава добрая, рѣчь хорошая.
Какъ бывало ты все быстеръ бѣжишь,
Ты быстеръ бѣжишь все чистехонекъ:
А теперь ты, кормилецъ, все мутенъ течешь,
Помутился ты, Донъ, съ верху до низу.
Рѣчь возговоритъ славный тихій Донъ:
Ужъ какъ-то мнѣ все мутну не быть,
Распустилъ я своихъ ясныхъ соколовъ,
Ясныхъ соколовъ, Донскихъ казаковъ;
Размываются безъ нихъ мои круты бережки,
Высыпаются безъ нихъ косы желтымъ пескомъ.

13.

Не великой тамъ огонюшекъ горитъ,
То-то въ полѣ кипарисный гробъ стоитъ,
Во гробу лежитъ удалый молодецъ:
Во рѣзвыхъ ногахъ ему чуденъ крестъ,
У буйной головушки душа добрый конь.
Какъ и долго ли въ рѣзвыхъ ногахъ стоять,
Какъ и долго ли желты пески глотать?
Выбилъ яму по колѣно онъ.
Конь мой, конь, товарищъ вѣрный мой!
Ты веселье мое въ чистомъ полѣ!
Бѣги, мой конь, ты къ моему двору,
Бѣги ты, конь мой, все не стежкою,
Ты не стежкою, не дорожкою;
Бѣги мой конь тропинкою,
Ты тропинкою, все звѣриною,
Куда травушка ковылушка лежитъ,
Тамъ холодная криниченька бѣжитъ.
Злодѣй Турчинъ не поймаетъ тебя,
И Татаринъ не осѣдлаетъ тебя.
Прибѣгижъ конь къ моему ты ко двору,
Вдарь копытомъ у верейчки;
Выдетъ къ тебѣ старая вдова,
Старая вдова, родная мать моя,
Станетъ тебя про сына спрашивати:
Не убилъ, не утопилъ ли ты его?
Ты скажи: твой сынъ жениться захотѣлъ,
Въ чистомъ полѣ положилъ-то я его,
Обнимаетъ поле чистое теперь.

14.

Какъ на славныхъ на степяхъ было Саратовскихъ,
—Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Камышина,
Собиралися казаки-други, люди вольные,
Собиралися они, братцы, во единый кругъ:
Какъ Донскіе, Гребенскіе и Яицкіе;

Атаманъ у нихъ Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ,
Есаулъ у нихъ Асташка, сынъ Лаврентьевичъ;
Они думали думушку все единую:
Ужъ какъ лѣто проходитъ, лѣто теплое,
А зима настаетъ, братцы, холодная,
Какъ и гдѣ-то намъ, братцы, зимовать будетъ?
На Яикъ намъ идтить, да переходъ великъ,
Да на Волгѣ ходить намъ, все ворами слыть,
Подъ Казань градъ идти, да тамъ Царь стоитъ,
Какъ грозной-де Царь Иванъ Васильевичъ;
У него тамъ силы много множество.
Да тебѣ, Ермаку, быть тамъ повѣшену,
А намъ, казакамъ, быть переловленнымъ,
Да по крѣпкимъ по тюрмамъ поразсаженнымъ.
Какъ не золотая трубушка вострубила,
Не серебряная рѣчь громко возговоритъ,
Рѣчь возговоритъ Ермакъ сынъ Тимофеевичъ:
Гей вы думайте, братцы, вы подумайте,
И меня Ермака, братцы, послушайте:
Зазимуемъ мы братцы, всѣ въ Астрахани,
А зимою мы, братцы, посправимся,
А какъ вскроется весна красная,
Мы тогда-то, други братцы, во походъ пойдемъ,
Мы заслужимъ предъ грознымъ Царемъ вину свою:
Какъ гуляли мы, братцы, по синю морю,
Да по синему морю, по Хвалынскому;
Разбивали мы, братцы, бусы, корабли,
Какъ и тѣ-то корабли, братцы, не орленые,
Мы убили посланничка не царскаго,
Какъ того-то, вѣдь, посланничка Персидскаго.
Какъ во славномъ было городѣ во Астрахани,
На широкой, на ровной было площади,
Собиралисъ казаки-други во единой кругъ,
Они думали думу крѣпкую,
Да и крѣпкую думушку единую:
Какъ зима-то проходитъ все холодная,
Какъ и лѣто настанетъ, братцы, лѣто теплое,
Да пора ужъ намъ, братцы, въ походъ идтить.
Рѣчь возговоритъ Ермакъ Тимофеевичъ:
Ой вы гой еси, братцы, атаманы молодцы,
Эй вы дѣлайте лодочки каломенки,
Забивайте вы кочета еловые;
Накладайте бабаички сосновые,
Мы поѣдемъ-те, братцы, съ Божьей помочью,
Мы пригрянемъ-те, братцы, вверхъ по Волгѣ по рѣкѣ,
Перейдемъ-те мы, братцы, горы крутыя,
Доберемся мы до царства басурманскаго,
Завоюемъ мы царство Сибирское,
Покоримъ его мы, братцы, Царю Бѣлому,
А Царя-то Кучума въ полонъ возьмемъ,
И за то-то Государь Царь насъ пожалуетъ.
Я тогда-то пойду самъ ко Бѣлу Царю,
Я надѣну тогда шубу соболиную,
Я возьму кунью шапочку подъ мышечку,
Принесу я Царю Бѣлому повинную:
Ой ты гой еси надежа, православный Царь!
Не вели меня казнить, да вели рѣчь говорить:
Какъ и я-то Ермакъ, сынъ Тимофеевичъ;
Какъ и я-то воровской Донской атаманушка;
Какъ и я-то гулялъ, вѣдь, по синю морю,
Что по синю морю, по Хвалынскому;
Какъ и я-то разбивалъ вѣдь бусы, корабли,
Какъ и тѣ-то корабли всѣ неорленные;
А теперича надежа православный Царь
Приношу тебѣ буйную головушку,
И съ буйной головой царство Сибирское.
Рѣчь возговоритъ надежа православной Царь.
Какъ и грозной-то Царь Иванъ Васильевичъ:
Ой ты гой еси Ермакъ сынъ Тимофеевичъ,
Ой ты гой еси войсковой Донской атаманушка!
Я прощаю тебя да и со войскомъ твоимъ:
Я прощаю тебя да за твою службу,
За твою-то ли службу мнѣ за вѣрную,
И я жалую тебѣ Ермакъ славной тихой Донъ.

15.

Пріуныло, пріумолкло войско Донское,
Пріужаснулась армеюшка Царя Бѣлаго,
Безъ вѣрнаго служителя Государева,
Безъ Ивана Матвѣевича Краснощокова.
Взяли Краснощокова въ полонъ Шведы,
Повели добраго молодца къ Ливенгаупту.
Какъ и сталъ его Ливенгауптъ спрашивати:

«Ты скажи, скажи добрый молодецъ, не утай ничего:
Ты чѣмъ служилъ Царю Бѣлому, какъ ты жалованъ?
Сотникомъ, полковникомъ, иль бригадирушкой?»
Рѣчь возговоритъ Краснощоковъ Ливенгаупту:
«Я служилъ Царю Бѣлому ровно тридцать лѣтъ,
И не сотникомъ, полковникомъ, бригадирушкой,
Я служилъ Царю Бѣлому рядовой казакъ.»
Нѣтъ, не правду разудалой открываешь мнѣ;
На тебѣ, младецъ, управушка не казачая,
На тебѣ-то управушка командирская;
Я хочу тебя, младца, просить просьбою:
Ты служилъ Царю Бѣлому ровно тридцать лѣтъ,
Послужи ты царю Шведскому хоть три года. —
Какъ воскрикнулъ Краснощоковъ Ливенгаупту:
«Ахъ, если бы была при мнѣ сабля острая,
Послужилъ бы я надъ твоей буйной головушкой.»

16.

По горамъ-то было по Индерскимъ,
По раздольицамъ было по широкимъ,
Собиралося тутъ собраньице Киргизское:
Не мало ихъ было и не много: сорокъ тысячъ;
Предводителемъ былъ у нихъ ханъ султанъ Сержалинъ отецъ;
По выше крѣпости Калашниной, по ниже яру Чепушинскаго
Пикетные казаки ихъ скараулили,
Подавали вѣстынку и вверхъ и внизъ до войсковова.
Тутъ казаки-братцы собиралися,
Всѣ Яицкіе съѣзжалися,
Думали-то они думу крѣпкую за едино
Чрезъ Яикъ рѣку переправлятися;
Во глухую полночь съѣзжалися,
Распустили они полковое знамя,
Поставили они распятье образъ,
Чутко Богу молились, низко кланялись.
Помолившись Богу, распростились,
Распростившись, на ударъ пошли.
Напередъ-то бѣжитъ дорожей доброй молодецъ,
Васильюшка Митрясовъ сынъ,
Во рукахъ-то онъ держитъ полковое знамя.
Возговорилъ-то Василій таковы слова:
«Ой, вы, гой еси казаки--братцы, Яицкіе!
Вы не робьте, казаки, не разбѣгайтесь.»
На крылѣ у Киргизъ бѣжитъ злодѣй басурманинъ,
Басурманинъ, Каракалпачининъ,
За плечьми у него турка цѣльная;
Онъ стрѣлялъ въ дорожаго добра молодца,
Убивалъ-то его въ бѣлую грудь,
Онъ падалъ коню на черную гриву,
А съ черной гривы на мать сыру землю.
Какъ разбили казаки Яицкіе собраньице Киргизское,
И разбивши стали дуванъ дуванить:
Доставалось на казака хорошей одежды
По сѣнной копнѣ.

17.

Въ сѣнокосную пору
Собиралъ Мимбай толпу.
Вотъ онъ съ собранной толпой,
Не даетъ намъ всегда покой,
Перелѣзъ Уралъ въ Красномъ Яру,
И надѣлалъ намъ вреду.
Калмыковскіе казаки
Во походъ за нимъ пошли;
На узеняхъ его догоняли,
У насъ кони всѣ повстали,
Мы секретно подъѣзжали;
Ни Мимбая вора били
Чрезъ Кушумъ рѣчку плыли,
Тяжело Тангай вздохнулъ
И Мимбая онъ спихнулъ.
Мимбай при смерти лежалъ,
Пѣшкомъ въ лугъ бѣжалъ.
Не узналъ прежнюю власть
И еще взялъ такую же власть,
Также съ собранной толпой,
Не даетъ опять покой.
Вотъ онъ нынѣшнюю зиму
Сдѣлалъ намъ такое диво:
Мимбай былъ такой ниспокойникъ,
А Пролубщиковъ былъ у насъ полковникъ,
Вверхъ за Каршу заѣжалъ,
И онъ воръ Мимбай на него напалъ,
Такъ Мимбай тутъ поступилъ,
Его до смерти изрубилъ.
Калмыковская команда,
Верхнимъ форпостомъ шла,
Скоро на скоро собралась,
Во походъ за нимъ пошла,

Во походъ за нимъ пошла
На Борбултъ рѣчки его нашла;
На Борбултѣ его съѣзжала,
И тамъ Мимбая поймала,
И сайдакъ съ него снимала,
Сайдакъ съ него снимала,
Рѣзвы ноги заковала,
Рѣзвы ноги заковала,
Въ Калмыкову представляла,
Въ калмыкову представляла.
Гдѣ Мимбай не воровалъ,
А Калмыковскихъ не миновалъ.
Канцелярскіе суды
Произвели Тангаева въ чины.

18.

За славной за рѣченькой Утвою,
По горамъ было Утвинскимъ,
По раздольицамъ по широкимъ,
Распахана была пашенка яровая;
Не плугомъ была пашня пахана, не сохою,
А вострыми Мурзавецкими копьями;
Не бороною была пашенка взборнована,
А коневыми рѣзвыми ногами;
Не рожью посѣяна была пашенка, не пшеницей,
А посѣяна была пашенка яровая
Казачьими буйными головами;
Ни поливой она вспоиивана,
Ни осеннимъ, сильнымъ дождечкомъ,
Вспоиивана была пашенка
Казачьими горючьми слезами.

19.

На зарѣ-то бывало, на зоренькѣ,
На зарѣ утренней;
На восходѣ солнца краснова
Воевода большой по садику гулялъ,
Онъ гулялъ, погуливалъ въ однихъ чулкахъ безъ чоботокъ,
Азямчекъ на рарпашечку.
Дотолева зеленый садъ зеленъ стоялъ,
А нынѣ зеленый садъ присохъ, приблекъ
И пріуныли въ саду пташечки.
Дотолева-то воевода большой
Казаковъ любилъ,
Онъ любилъ и много жаловалъ;
А ныньче воевода на казаковъ прогнѣвался,
На казаковъ прогнѣвался, разсердился.
И сталъ казаковъ казнить, вѣшати,
И сажать по темнымъ тюрьмамъ.
Выходилъ нашъ большой воевода
На широкій дворъ,
Во рукахъ держалъ бумаженьку—
Имянной указъ—повелѣньице;
Ужъ онъ всѣхъ казаковъ пересматривалъ,
По имянно ихъ перекликивалъ,
Одного-то изъ нихъ не дощитывался,
Что ни лучшаго въ полку бояриpermission,
Казачьяго ихъ атаманушку,
Иванушку Ивановича,
По прозваньицу сына Карыгина.
Какъ у казачьяго атаманушки
Была жена умная, разумная,
Узнала она о несчастьицѣ;
Выходила она на красенъ крылецъ,
Закричала громкимъ голосомъ:
Ужъ, вы, гой еси, слуги вѣрные,
И казаки ординарные!
Вы кидайтесь и бросайтесь
На конюшенъ дворъ,
Вы запрегайте-ка коней вороныхъ
Во каретушку золотую,
Я поѣду по Москвѣ гулять,
По Московской большой улицѣ
И по мелкимъ переулочкамъ,
Буду искать своего друга милаго,
Иванушку сына Ивановича!
Какъ на встрѣчу ей идетъ пьяница,
Горькій пьяница—пропоица.
Я спрошу, спрошу горьку пьяницу:
Ужъ, ты, гой еси, горькій пьяница,
Разудаленькій, добрый молодецъ!
Не видалъ ли ты, друга моего милова,
Иванушку Иваныча,
По прозваньицу сына Карыгина?
Твой-то милый другъ,
Казацкой атаманушка,
Въ кабакѣ сидитъ за кружальцомъ Государевымъ,
Онъ пьетъ вино все безденежно.
Подъѣзжала она ко Цареву кабаку,
Подъѣхавши, она восплакала:
Ужъ, ты, гой еси милый другъ,
Иванушка Ивановичъ,
По прозваньицу сынѣ Карыгинѣ!
Несчастьице надъ нами случилося:
На насъ воевода большой осердился и прогнѣвался;
Всѣ твои друзья-братья
Порублены и всѣ повѣшены!—
Онъ взялъ съ собой топоръ и плаху
Пошелъ къ воеводѣ съ повинною.
Ужъ, ты, батюшка, воевода большой!
Я пришелъ къ тебѣ съ повинною,
Принесъ съ собой топоръ и плаху.

Мои друзья и братья всѣ порублены
И всѣ повѣшены—прикажи и мнѣ
Отрубить буйну мою голову!

20.

До толева про Океанъ море не слыхано,
А нынѣ на Океанъ море собираются,
Собирался на Океанъ море Новоторженинъ,
Убиралъ онъ тридцать кораблей безъ единаго.
Украшалъ себѣ Соколъ корабль,
Ужь онъ деревцы становилъ кипарисовы,
Снасточки, бичевочки шелковыя,
О двѣнадцати тонкихъ парусахъ,
Бѣлыхъ, полотняныхъ;
Онъ на корму сажалъ Илью Муромца,
На носу Стеньку Разина.
Отваливали они Соколъ корабль
Отъ бережку отъ крутаго,
Отъ песочку сыпучаго,
Отъ камышку зеленаго;
Плыли они по синю морю,
И несчастьице случилося:
Билъ ихъ Соколъ корабль
Сизой орелъ—и отъ духу его
Соколъ корабль чуть не залился.
Стенька Разинъ возговоритъ:
Ужъ, ты, общій большой братъ,
Илья Муромецъ!
Ты подай-ко мнѣ лукъ,
Во пятнадцать пудъ?
Натягивалъ Степанушка
Свой тугой лукъ,
Накладывалъ калену стрѣлу
Убивалъ сиза орла
Во право крыло, въ ретиво сердце.

21.

Какъ на Волгѣ на рѣкѣ, на Камышенкѣ,
Живутъ казаки, люди вольные,
Донскіе, Гребенскіе со Яицкими.
У казаковъ атаманушка
По имени Ермилъ сынъ Тимофеевичъ.
Не золота его трубочка вострубила,
Ни звонкая, ни громкая его рѣчь возговорила,
Говорилъ-то нашъ Ермилъ Тимофеевичъ:
Ужъ, вы слушайте, братцы, послушайте,
Дайте мнѣ Ермилу думушку придумати:
Проходитъ у насъ лѣто теплое,
Наступаетъ зима холодная,
Еще гдѣ же намъ казакамъ зиму зимовать?
Намъ на Волгѣ быть—все ворами слыть,
На Яикъ идти—переходъ великъ,
Подъ Казань идти—грозенъ Царь стоитъ,
Грозенъ Царь, Иванъ Васильевичъ;
У него много силы, арміи,
Не мало, не много, сорокъ тысячь.
Идти-ль, не идти-ль, братцы, намъ
На Иртышь рѣку;
Мы возьмемъ, братцы, Туболъ городъ,
И пойдемъ къ Царю съ повинною,
Возьмемъ топоръ съ пикою.
Ловилъ Ермилъ сынъ Тимофеевичъ
Своего не лучшаго коня,
Вдѣвалъ свою уздечку тесмянную,
Накладывалъ портники бѣлы бумажны,
И прикладывалъ свое сѣдельцо Черкаское,
Подтягивалъ двѣнадцать подпругъ шелковыхъ;—
Не для красы, а для крѣпости.
Садился Ермилъ на своего добра коня,
И поѣхалъ къ Царю своему съ повинною.
Пѣшкомъ идетъ Ермилъ — свою силу ведетъ,
Онъ идетъ потихохоньку и почастехохоньку,
Подъѣзжаемъ онъ къ широку дворцу,
Къ широку, къ Царскому,
Ко крылечку окрашенному.
Онъ слезъ Ермилъ съ добра коня,
Потихохоньку и по частехохоньку;
Онъ пошелъ Ермилъ
Во Царски бѣлыя палатушки.
Онъ идетъ Ермилъ сынъ Тимофеевичъ
Потихохоньку и почастехохоньку,
Онъ взошелъ во Царски бѣлы палатушки—
Ты, здорово батюшка, нашъ православный Царь,
Иванъ сынъ Васильевичъ!
Я пріѣхалъ къ тебѣ, Ермилъ, съ повинною,
Я шатался, мотался Ермилъ
По чисту полю и по синю морю,
Разбивалъ я, Ермилъ, бусы, корабли,
И Таксырскіе и басурманскіе,
А больше корабли Государевы,
Государевы карабелички безъ примѣтушекъ,
Безъ Царскаго герба.
Да возговорилъ нашъ батюшка, православный Царь:
Ужъ, вы, гой еси, князья, бояре,
И думные мои боярушки!
Еще что мнѣ дѣлать надъ Ермиломъ:
Иль казнити, иль вѣшати?
Да возговорилъ одинъ думчій бояринъ:
Еще мало намъ Ермила
Казнити, вѣшати!

Да возговорилъ Ермилъ сынъ Тимофеевичъ:
Злодѣй бояринъ, не Царскій думчій.
Безъ суда хочешь меня казнити, вѣшати!
Богатырска его сила подымалася,
И богатырская его кровь разгарается,
Вынималъ Ермилъ изъ своихъ ноженъ саблю острую.
Буйна голова отъ плечь могучихъ отвалилася
И по Царскимъ палатамъ покатилася.
Ермакъ въ бѣдѣ сидитъ, бѣдой крутитъ,
А думчіе боярушки испугалися,
Изъ Царскихъ палатушекъ разбѣжалися,
А Царская хорантина перемѣнилась.

22.

Возмутился славный нашъ тихій Донъ,
Возмутился и совершился
До славнаго до устьица,
До города до Черказскаго,
Возмутилъ его Донской казакъ,
По имяни и по отечеству Игнатьюшка Иванычъ,
По фамильицѣ Некрасовъ;
Онъ-то ушелъ, увелъ силы рати сорокъ тысячъ;
Окромѣ стариковъ староженныхъ,
Опричъ малолѣтковъ малолѣтнихъ,
И отъ тумовъ прироженныхъ.
Да со вечера они собиралися,
А во полуночь они во походъ пошли,
На бѣлой зарѣ проходили
Славной тихой Донъ;
На славную Днѣпръ рѣку они становилися,
Во чистомъ полѣ и во зеленыхъ лугахъ расположилися
Казаченьки теплыми лагерьми.
Распускали Царску знамичку позлащеную,
Собирался къ знамичку казачій кругъ,
Во кругу стоитъ хорошенькой, раздвижной стулъ,
На стулѣ сидитъ ихъ молодой атамануш-ка,
Игнатьюшка Ивановичъ сынъ Некрасовъ,
Передъ нимъ стоятъ его сотники любимые;
Онъ же пишетъ на скоро граматку,
Ни перомъ пишетъ, ни чернилами,
А онъ пишетъ своими горючьми слезами,
Къ графу Долгорукому:
Ты спасибо, нашъ батюшка!
Поилъ, кормилъ, берегъ и жаловалъ,
Ты въ одномъ же на насъ, батюшка прогнѣвался,
Захотѣлъ старикамъ усы, бороды сбрить;
И молодыхъ дѣтей во солдаты брать,
Ты пріѣхалъ къ намъ на тихой Донъ,
Безъ указу-то насъ разорять сталъ.
Ужъ мы, бросили свое бытье богатство,
Съ того-то мы со тиха Дона долой пошли,
Мы пошли къ Турецкому хану въ подданство,
Онъ принялъ насъ со честію, со славою,
И пожаловалъ намъ по коню, коню хорошему,
И сѣдельчику Черказскому.

23.

По морю, морю по Верейскому,
По тому морю, по морю Турецкому,
Плывутъ, выплываютъ три кораблика,
Одинъ корабль на передъ плыветъ—
Какъ соколъ летитъ,
У него носъ, корма по звѣриному,
Водяные бока по змѣиному,
Въ томъораблѣ разкрашенъ чердакъ,
Въ томъ чердакѣ столики стоятъ, черны дубовые,
На столахъ разосланы скатерти бѣлы-браныя,
На скатертяхъ стоятъ яства сахарныя,
И пойлицы медовыя,
За столомъ сидитъ Шведскій король,
А предъ нимъ стоятъ два невольничка,
Съ тиха Дона два полковничка;
Одинъ держитъ Царское знамечко позлаченое,
А второй держитъ золотой подносъ,
На подносѣ стоятъ двѣ рюмочки серебряныя,
Въ рюмочкахъ пойлицы медовыя.
Ты, ужъ гой еси, Шведской король!
Изволь принять—изволь выкушать.
Да не намъ бы предъ тобою-то стояти,
И не намъ бы тебѣ подносити.
Да возговорилъ Шведскій Король:
Мнѣ пить, ѣсть—не хочется,
Гульба, прохлада на умъ нейдетъ,
Нонѣсь—вечеръ мало спалось
И во снѣ много видѣлось,
Привидился мнѣ некорыстный сонъ:
Во снѣ привидѣлась мнѣ крутая гора,
На той на горѣ частъ ракитовъ кустъ стоитъ,
На томъ кустѣ тепло гнѣздышко,
Тепло гнѣздышко, соколиное.

Да возговоритъ душечка Шведской король:
Ужъ вы, гой еси мои невольнички,
Со тиха Дона полковнички!
Кто сонъ мой отгадаетъ,
Того я выпущу на волюшку?
Да возговорили раздушечки два полковничка:
Со тиха Дона два невольничка:
Устоишь-ли въ своемъ словѣ Королевскомъ?
Выпустишь-ли насъ невольничковъ на волюшку?
Ужъ мы сонъ твой отгадаемъ:
Крута гора—наша Россіюшка,
А кустикъ ракитовъ — наша каменна Москва,
А гнѣздышко соколиное — Россійская армiюшка.

24.

Во горахъ, долахъ, во раздольицахъ, снѣги бѣлые,
Во лузяхъ, во лузяхъ, во зеленыихъ, вода полая.
Протекала тутъ Яикъ рѣка быстрая,
Она мыла, вымывала бѣлъ горючь камень,
Изъ подъ камешка изъ подъ бѣлаго—
Чистъ ракитовъ кустъ.
Какъ подъ кустикомъ, подъ ракитовымъ,
Разудаленьки, добры молодцы—
Дуванъ дуванили,
Дѣлили они золоту казну пуховой шляпой;
Доставалось имъ разудалинькимъ
По пять сотъ рублей,
Атаманушки съ Есаулушкой вся тысяча;
Одного они добра молодца задуванили,
Золотой казной призабидили:
На пай пала ему, добру молодцу,
Красна дѣвица:
Набѣлена, нарумянена,
Во цвѣтно платье принаряжена,
Золотой лентой подпоясана.
И на то-то добрый молодецъ пріосердился.
Онъ взялъ красну дѣвицу за праву руку,
И повелъ ее на круту гору;
Онъ хотѣлъ ей рубить буйну голову.
Раздуша моя, красна дѣвица заплакала:
Не руби ты мнѣ, доброй молодецъ, буйну голову!
У меня есть кунья шуба во пять сотъ рублей,
Есть жемчужная моя поднизочка во всю тысячу;
А я тебѣ, дѣвица, въ барышахъ пришла.

25.

Мнѣ не дорого, хозяинъ,
Пиво пьяное твое,
Дорога мнѣ, хозяинъ,
Смиренная бесѣдушка твоя;
Во бесѣдѣ у насъ, хозяинъ,
Люди добрые сидятъ,
Они говорятъ, разсужаютъ,
Рѣчь хорошую говорятъ:
Отъ чего наша каменна Москва загоралась?
Загоралась каменна Москва
Отъ большихъ господъ,
Отъ большаго господина,
Графа Шереметева.
Выходила его ключница
Во новые выхода,
Заронила она искру
Воскояровой свѣчей:
Оттого у насъ каменна Москва загоралась.
Письмо пишетъ король Шведской,
Къ Государыни самой:
Милосердная ты Государыня!
Помиримся мы съ тобой?
Если хочешь ты со мной помириться,
Отдай славны мои города:
Первый Ригу, второй Ревель, третій Кронштатъ.
Если не отдашь ты мои городочки,
Я къ тебѣ въ гости приду,
Какъ я въ Питерѣ побѣдаю,
Въ Москву ужинать приду.

26.

Ахъ ты, батюшка воеводушка!
Ты за что на насъ прогнѣвался?
Или сдѣлали тебѣ измѣнушку,
Измѣнушку, перемѣнушку?
Ты за чѣмъ у насъ коней обралъ,
Ты коней обралъ, по полкамъ роздалъ,
Ты по тѣмъ полкамъ, по гусарскимъ?
Ты полковничка у насъ разжаловалъ,
Есаулушковъ на часы ставилъ.
Аль мы въ чемъ тебѣ прослужилися?
Я за тѣмъ у васъ коней обралъ,
Я коней обралъ, по полкамъ раздалъ,
А на всѣхъ полкахъ кони выпали,
Генералушки всѣ пріопѣшали,
Кононерушки пѣшкомъ идутъ,
Они лямочки на плечахъ несутъ,
А орудія на себѣ везутъ.

27.

Ахъ, служили мы на границѣ три годочка,

Намъ ни вѣсточки, ни граматки съ Дону
нѣту,
И словеснаго челобитьица намъ не при-
слано,
На четвертомъ годочкѣ перепала вѣсточка.
Не полуночная звѣзда съ небесъ упадала,
А скорая почта прибѣгала
Ко походному нашему атаману,
Ко Иванушкѣ Ивановичу Фролову:
Ужъ ты здравствуй, походный нашъ ата-
манъ!
Ужъ ты здравствуй, съ походными старши-
нами!
Ужъ ты здравствуй, со служащими казаками!
Какъ у насъ-то на тихомъ Дону не здо-
рово:
Какъ пріѣхали къ намъ на тихой Донъ все
разсыльщики,
Во разсыльщикахъ были два боярина,
Безъ указа-то они Государева насъ разо-
ряютъ,
И они старыхъ стариковъ всѣхъ ссылаютъ,
Молодыхъ-де малолѣтокъ берутъ во солдаты.
Отъ того-то нашъ славный, тихій Донъ воз-
мутился,
Возмутился славный, тихій Донъ вплоть
до устьица,
Какъ и до славнаго до города Черкаскаго.

28.

На зарѣ то было на утренней,
На восходѣ было солнца краснаго,
Середи торгу, базару, красной площади
Собиралися казаченьки во единый кругъ,
Во кругу-то стоитъ добрый молодецъ,
Онъ стоитъ, стоитъ, самъ не тряхнется,
И русы-то его кудрюшки не ворохнутся;
Передъ нимъ-то стоитъ воеводушка;
Онъ не бьетъ его, ни пытаетъ, крѣпко
спрашиваетъ:
Ты скажи, скажи, добрый молодецъ,
Скажи ты правду истинну:
Не атаманъ ли ты, разудаленькій, или
атаманскій сынъ?
Не воевода ли ты, разудаленькій, воевод-
скій сынъ?
Не съ иной ли земли ты, разудаленькій,
грозенъ посолъ?
Отвѣтъ держалъ добрый молодецъ воеводѣ:
Не тебѣ, собакѣ, меня, молодца, спрашивать,
А не мнѣ-то было тебѣ отвѣтъ держать,
Распросилъ бы меня батюшка, православ-
ный Царь,
Я сказалъ бы ему батюшкѣ правду истин-
ну:
Разорилъ ты прежде войско Донское,
А другое войско Оренбургское.
Пріѣхалъ ты къ намъ разорять въ городъ,
Потревожилъ нашихъ стариковъ старыхъ.

29.

Кукушечка соловушку журила, бранила!
Ты глупенькой, неразумненькой, молодой
соловей!
Не вей ты, не вей гнѣздышко, не вей при
дорожкѣ,
Ты свей тепло гнѣздышко, ты свей при
долинкѣ,
При зеленой при травинкѣ, при мелкомъ
лѣсочкѣ;
Никто твое теплое гнѣздышко, никто не
разоритъ.
На Дону подъ горой стояла темна темница,
Безъ дверей, окошекъ, съ одной трубочкой,
съ дымовою,
Сидѣлъ тутъ посаженой разудалъ добрый
молодецъ.
Никто-то къ нему не взойдетъ, никто не
заѣдетъ,
Взошла къ нему да заѣхала гостья доро-
гая,
Не гостья дорогая, матушка родная.
За что тебя, мило дитятко, въ тюрьму по-
садили?
Посадили меня, добра молодца, за каза-
цку дочку.
Еще долго-ль, мое дитятко, во тюрмѣ си-
дѣть тебѣ?
Сидѣть-то мнѣ, родна матушка, тридцать
три годочка.
Не можно-ль тебѣ, родна матушка засту-
пится?
Не можно-ль тебѣ, родна матушка, отку-
питься?
За выкупку, родна матушка, ровно восемь
тысячъ.
Золотой казны у насъ, дитятко, не доста-
нетъ,
Добры кони у насъ, дитятко, притомились,
Цвѣтно платье у насъ, дитятко, приноси-
лось.
Друзья, братья, товарищи отступились.

30.

Изъ за лѣсу было, лѣсу темнаго,
Изъ за горъ-то было, горъ высокихъ,
Не бѣлая заря занималася,

Не красно солнце выкатилося,
Не двѣ армiюшки съѣзжалися,
Перва армія отъ Царя Бѣлаго,
Втора армія славна Францiя,
Въ авангардъ пошли полки казачьи,
Во казачьемъ полку несчастье случилось:
Сраженьице у нихъ приключилось.
Изъ подъ кустика, куста ракитнаго
Не лютая-то змѣя выползала,
Свинцовая пуля тутъ вылетала;
Упадала она въ казачій полкъ,
Ни кого-то въ полку не ранила,
Убила пулечка въ полку урядника,
Ферисанушку, сына Григорьевича,
По фамилiи сына Манскаго;
Упадалъ онъ коню на черну гриву,
Со черной гривы на мать сыру землю.
Ужъ онъ друзьямъ, братьямъ наказывалъ:
Ужъ вы гой еси, братья товарищи!
Вы коли въѣдете на святую Русь,
Вы скажите моему батюшкѣ низкой поклонъ,
Родной матушкѣ челобитьице,
Молодой женѣ своя волюшка,
Остаюсь я, молодецъ, на чужой сторонѣ.

31.

Во полѣ, полѣ чистомъ, стояло тутъ деревцо,
Тонко, высоко, тоненько, высоконько,
Подъ этимъ подъ деревцомъ травка выростала,
На той на травонькѣ цвѣты разцвѣли,
На тѣхъ на цвѣтикахъ разставленъ шатеръ,
Во томъ во шатерикѣ разостланъ коверъ,
На томъ на коврикѣ столики стоятъ,
На тѣхъ на столикахъ скатерти лежатъ,
На тѣхъ на скатертяхъ пойлище стоитъ,
У того у столика два стула стоятъ,
На тѣхъ на стуликахъ два братца сидятъ,
Два братца, два родные.
Большой-то меньшему ту рѣчь говоритъ:
Братецъ, ты мой братецъ, родимый, родной!
Единая насъ матушка, братецъ родила,
Не научила уму, разуму, въ службу пустила;
Чужадальня сторонушка безъ вѣтру сушитъ,
Безъ вѣтру, безъ вихря, безъ краснаго солнышка,
Чужой отецъ съ матерю безъ вины журятъ.

32.

Долина, долинушка, широкое мое раздольице!
Не пѣшъ-то я по тебѣ хожу, сѣдельце за плечьми ношу,
Цвѣтное платье въ торакахъ вожу,
Добра коня въ поводу веду,
За тоненькій поводъ, шелковый,
За ту узду за тесмяную,
За то кольцо за серебряно.
Хозяинъ-то рѣчь возговоритъ:
Что ты добрый конь не веселъ стоишь,
Повѣсилъ ты свою буйну голову?
Аль я на тебѣ тяжелъ сижу?
Аль тяжела моя сбруя ратная?
Аль остро копье булатное?—
Конь хозяину рѣчь возговоритъ:
Хозяинъ ты мой ласковый!
Не тяжелъ ты на мнѣ сидишь,
Не тяжела сбруя ратная;
Тяжелы мнѣ дальны переходушки,
Безъ водицы коню, безъ кормища,
А мнѣ коню идти по неволюшкѣ,
А тебѣ доброму молодцу по охотушкѣ;
Тяжела мнѣ служба Чуманова,
Чуманова сына Урманова.

33.

Одинъ-то былъ у отца, у матери единый сынъ,
И того-то берутъ разудалаго въ службу Царскую,
По указу берутъ его Государеву;
Онъ со вечера добрый молодецъ собирается,
Со полуночи, разудаленькій, сталъ коня сѣдлать,
На бѣлой зарѣ, добрый молодецъ, со двора съѣзжать;
Провожаетъ его разудалаго и отецъ и мать
И отецъ и мать его добра молодца,
Весь и родъ племя;
Позади-то идетъ горюшенька, молода жена,
Позади идетъ, слезно плачетъ она.
Разудаленькій, доброй молодецъ ее уговариваетъ:
Ты не плачь жена, не плачь душа лебедушка бѣлая!
Впереди, то у насъ, у добрыхъ молодцевъ
Разливаласа вода полая.
Разудаленькій мой, добрый молодецъ,
Милъ сердечный другъ меня не обманывай;
Изъ твоихъ очей, сердечный другъ, слезы катятся.

Разудаленькій добрый молодецъ опять ее уговариваетъ:
Воротись ты, жена, воротись душа, лебедушка бѣлая!
Впереди-то у насъ, у добрыхъ молодцевъ, огни горятъ,
И огни горятъ негасимые.
Разудаленькій, милъ сердечный другъ, меня не обманывай;
То горитъ, то пылаетъ у тебя, милъ сердечный другъ, ретиво сердце;
А ты видно, сердечный другъ, ко мнѣ не воротишься.

34.

А за славнымъ было батюшкомъ за Байкаломъ моремъ,
А и вверхъ было по маткѣ Селенгѣ по рѣкѣ,
Изъ верхняго острогу Селенгинскаго,
Только высылка была удалымъ молодцамъ,
Была высылка добрымъ молодцамъ,
Удалымъ молодцамъ, Селенгинскимъ казакамъ:
А вторая высылка посольскимъ стрѣльцамъ;
На поддачу имъ даны были табуноцки мужики,
Табуноцки мужики, люди ясашные.
Воевода походилъ у нихъ Ѳедоръ молодой Дементьяновичъ,
Ясауломъ походилъ у него братъ родной,
А по имени Прокофій Козѣевъ молодецъ.
Переправились казаки за Селенгу за рѣку,
Опущалися на улусы на Мунгальскіе.
По грѣхамъ надъ улусами учинилося,
А Мунгаловъ въ домахъ не годилося,
Они ѣздили за звѣрями облавами,—
Они туто казаки усмѣхаются,
Разорили всѣ улусы Мунгальскіе:
Они женъ, дѣтей Мунгаловъ въ полонъ взяли,
Шкарбъ и животъ у нихъ обрали весь.
Они стали казаки переправлятися
На другу сторону за Селенгу за рѣку,
Опилися кумысу—кобыльяго молока.—
Изъ-за того было бѣлаго каменя
Кабы не черные вороны налетывали,
Набѣгали тутъ Мунгалы изъ чиста поля—
Учинилася, бой, драка тутъ великая.
Они женъ, дѣтей Мунгалокъ отбили назадъ;
А прибили казаковъ много до смерти,
Вдвое, втрое казаковъ ихъ переранили;
Табуноцки мужики на побѣгъ побѣгли,
Достальныхъ казаковъ своихъ выдали.—
А прибудутъ казаки въ Селенгинской острогъ,
По базарамъ казаки они похаживаютъ,
А и хвастаютъ казаки, Селенгинскіе молодцы,
А своими вѣдь широкими бердышами.

35.

А и по край было моря синяго,
Что на устьѣ Дону-то тихаго,
На крутомъ, красномъ бережку,
На желтыхъ, разсыпныхъ пескахъ
А стоитъ крѣпкой Азовъ городъ
Со стѣной бѣлокаменною,
Земляными раскатами и рвами глубокими
И со башнями караульными.
Середи Азова города
Стоитъ темная темница,
А злодѣйка—земляная тюрьма;
И во той было во темной темницѣ,
Что двери были желѣзныя,
А замокъ былъ въ три пуда,
А проби были булатные,
Какъ засовы были мѣдные;
Что во той темной темницѣ
Засаженъ сидитъ Донской казакъ
Степанъ Тимофеевичъ.
Мимо той да темной темницы
Лучилося царю идти, самому царю,
Тому Турецкому Салтану Салтановичу.
А кричитъ Донской казакъ
Степанъ Тимофеевичъ:
«А ты гой еси, Турецкой царь,
Салтанъ Салтановичъ!
Прикажи ты меня поить, кормить—
Либо казнить, либо на волю выпустить.»
Постоялся Турецкой царь
Салтанъ Салтановичъ:
«А мурзы вы, улановья!
А вы згаркайте изъ темницы
Того тюремнаго старосту.»
А и мурзы, улановья металися черезъ голову,
Привели его уланове они старосту тюремнаго;
И сталъ онъ Турецкой царь
У тюремнаго старосты спрашивать.
«Еще что за человѣкъ сидитъ?
Ему староста разсказываетъ:
«А и ты гой еси, Турецкой царь,
Салтанъ Салтановичъ!

Что сидитъ у насъ Донской казакъ
Степанъ Тимофеевичъ.
И приказалъ скоро Турецкой царь:
«Вы мурзы, улановья!
Ведите Донскаго казака
Ко палатамъ моимъ царскимъ.»
Еще втапоры Турецкой царь
Напоилъ, накормилъ добраго молодца
И тошно сталъ его спрашивати:
«А ты гой еси, Донской казакъ!
Еще какъ ты къ намъ въ Азовъ попалъ?
Разсказалъ ему Донской казакъ:
«А и посланъ я изъ каменной Москвы
Къ тебѣ царю въ Азовъ городъ,
А и посланъ былъ скорымъ посломъ,
И гостинцы дорогіе къ тебѣ везъ;
А на заставахъ твоихъ всего меня ограбили
Мурзы, улановья, а моихъ товарищей
Разсадили добрыхъ молодцевъ
И по разнымъ, темнымъ темницамъ.»
Еще втапоры Турецкой царь
Приказалъ мурзамъ, улановьямъ
Собрать добрыхъ молодцевъ
Стенки Разина товарищей.
Отпущаетъ добрыхъ молодцевъ,
Стеньку въ каменну Москву;
Снарядилъ добраго молодца
Степана Тимофеевича,
Наградилъ златомъ, серебромъ,
Еще питьями заморскими.
Отлучился Донской казакъ отъ Азова города,
Загулялся Донской казакъ
По матушкѣ Волгѣ рѣкѣ,
Не явился въ каменну Москву.

36.

Промежъ было Казанью, промежъ Астраханью,
А пониже города Саратова,
А повыше города было Царицына,
Изъ тоя ли было нагорной сторонушки,
Какъ бы прошла, протекла Камышенка рѣка,
Своимъ устьемъ она впала въ матушку Волгу рѣку.
А по славной было матушкѣ Камышенкѣ рѣкѣ
Выгребали, выплывали пятдесятъ легкихъ струговъ,
Воровскихъ казаковъ:
А на всякомъ стружечку по пятдесятъ гребцовъ,
По пятдесятъ гребцовъ — воровскихъ казаковъ.
Заплывали, загребали въ Коловинскіе острова,
Становились, молодцы, во тихихъ заводяхъ,
Погулять они на зеленые луга.
Разставили майданы Терскіе
И раздернули ковры Сорочинскіе;
А играли казаки золотыми они деньгами,
Кто-де костью, кто-де картами — всѣ удалы молодцы.
Посмотрятъ молодцы въ низъ по Волгѣ рѣкѣ,
Какъ бы чернь-то на Волгѣ зачернѣется,
А идутъ гребные изъ Астрахани.
Дожидались казаки, удалые молодцы,
Воеводу изъ Астрахани Репнина,
Князя Данилу Александровича.
А на что душа рождена, того Богъ и далъ.
Подошли тѣ гребные въ Коловинскіе острова,
И бросали казаки они потѣхи всѣ,
И бросалися во свои легоньки стружки,
Напущалися казаки на гребные струги;
Они всѣ туто торговыхъ перещупали,
Они спрашиваютъ воеводу изъ Астрахани:
А то коли онъ съ вами, покажите его намъ?
А до васъ до купцовъ, удалыхъ молодцовъ, и дѣла нѣтъ.
Потаили купцы воеводу,
А прятали его подъ товары подъ свои.
Говорили молодцы, воровскіе казаки:
А вы сами себѣ враги, за что его спрятывали?
Обыскали подъ товарами воеводу,
Репнина князя Данилу Александровича,
Изрубили его во части мелкія,
Разбросали по матушкѣ Волгѣ рѣкѣ;
А его-то госпожу, воеводову жену,
И со малыми дѣтушками
Они всѣ молодцы, воровскіе казаки, помиловали;
А купцовъ молодцовъ ограбили,
Насыпали червонцами легки свои струги,
Пошли по Камышенкѣ рѣкѣ.

37.

Во Сибирской во украйнѣ,
Во Даурской сторонѣ,
Во Даурской сторонѣ —
А на славной на Амурѣ рѣкѣ,

На устьи Комары рѣки
Казаки Царя Бѣлаго
Острогъ себѣ поставили,
Острогъ себѣ поставили,
Ясакъ Царю собирали.
Изъ-за сабли острыя,
Изъ-за сабли острыя—
Изъ-за крови горячи казаки.
Кругъ острогу Комарскаго
Они глубокій ровъ вели,
Высокой валъ валили,
Рогатки ставили,
Частоколъ колотили,
Смолье приготовили.
Поутру рано, ранешенько,
Ровно двадцать пять человѣкъ,
Выходили молодцы
На славну Амуръ рѣку,
Съ неводочками шелковыми
Они по рыбу свѣжую.
Несчастье сдѣлалось
Надъ удалыми молодцы:
Изъ далеча, изъ чиста поля,
Изъ раздолья широкаго,
Изъ хребта Шингальскаго,
Изъ-за бѣлаго каменя,
Изъ-за ручья глубокаго
Выкатилося знамечко,
Выкатилося знамечко—
Большое Богдойское;
А знамя за знамемъ идетъ,
А рота за ротами валитъ,
Идетъ Богдойской князецъ
Онъ со силою поганою,
Со силою поганою—
Ко острогу Комарскому.
Какъ не вешняя вода
По лугамъ разливалася,
Облелѣяла-сила поганая
Вкругъ острогу Комарскаго.
Отрѣзали у казаковъ
Ретиво сердце со печенью,
Полонили молодцовъ
Двадцать пять человѣкъ,
Съ неводочки шелковыми
И съ рыбою свѣжею.
А и ѣздитъ Богдойской князецъ,
На своемъ на добромъ конѣ,
Какъ черной воронъ летаетъ
Кругъ острогу Комарскаго;
Кричитъ Богдойской князецъ
Ко острогу Комарскому:
«А сдайтеся казаки
Изъ острогу Комарскаго!
А и буду васъ жаловать
Златомъ, серебромъ,
Да и женки прелестными,
А женки прелестными—
И душами красными дѣвицами.»
Не сдаются казаки,
Во острогѣ сидючи,
Кричатъ они казаки
Своимъ громкимъ голосомъ:
«Отъѣзжай, Богдойской князецъ
Отъ острогу Комарскаго.»
А втапоры Богдойской князецъ,
Со своею силою поганою,
Плотной приступъ чинитъ
Ко острогу Комарскому.
Казаки они справилися,
За ружье ставилися,
А было у казаковъ
Три пушки мѣдныя,
А ружье долг[illegible]ѣрное:
Три пушечки гунули,
А ружьемъ вдругъ іранули,
А прибили они казаки
Тѣ силы Богдойскія,
Тѣ силы Богдойскія—
Будто мушки Ильинскія,
Тое силы поганыя.
Заклинался Богдойской князецъ,
Бѣгучи отъ острогу прочь,
Отъ острогу Комарскаго,
А самъ заклинается:
«А не дай, Боже, напредки бывать!»
На славной Амурѣ рѣкѣ
Крѣпость поставлена,
А и крѣпость поставлена крѣпкая,
И сдѣланъ гостиной дворъ,
И лавки каменны.

38.

Пріуныли, пріутихли на Дону Донски казаки,
А Яицкіе, Донскіе, Запорожскіе;
А и что казаки уныли?
Пріуныли на Дону Донскіе казаки,
Да что взялъ у нихъ Государь Царь городъ,
Со тремя съ тѣми со малыми съ пригородками,
А и со славною со Кубанью, съ крѣпкимъ Лютикомъ.

А во славномъ да въ Черказскомъ земляномъ городкѣ
А стоитъ у казаковъ золотой бунчугъ,
А на бунчугѣ стоитъ чуденъ золотъ крестъ,
А передъ крестомъ туто стоитъ войсковой ихъ атаманъ,
А по имени ли Флоръ сынъ Минаевичъ.
Ко кресту тутъ собиралися Донски казаки,
А и Донскіе, Гребенскіе, Запорожски хохлачи;
Становилися молодцы во единой войской кругъ,
Середи круга стоитъ войсковой атаманъ,
А по имени ли Флоръ сынъ Минаевичъ.
Атаманъ рѣчи говоритъ, будто въ трубу трубитъ:
«А и вы, братцы, казаки, вы Яицкіе, Донски, Запорожскіе!
Пособите мнѣ атаману вы думу думати,
Челобитну ли намъ писати, Государю подавать?
Самому ли мнѣ атаману въ Москву ѣхати?
Перемирье бы намъ взять передъ самимъ Царемъ:
Залегли пути дороги за сине море гулять,
Еще отъ вора отъ Васьки съ дѣтьми,
Залегли пути дороги за сине море,
А и не стало намъ добычи на синемъ морѣ
И на тихомъ Дону на Иванычѣ.»
И поѣхалъ атаманъ въ каменну Москву.—
Еще будетъ атаманъ въ каменной Москвѣ,
Поклонился Государю о праву руку,
Сквозь слезы онъ словечко едва выговорилъ:
«Ахъ, ты свѣтъ нашъ, надежда благовѣрный Царь!
А и грозенъ, Осударь, Петръ Алексѣевичъ!
Прикажи намъ на Дону чѣмъ кормиться?
Залегли пути дорожки на сине море
Отъ вора отъ Васьки съ дѣтьми,
Еще тѣ наши дороги увойныя ли.
»Ай и гой еси атаманъ и съ Донскими казаки!
У тебя, у атамана, есть казачій судъ,
Если не порядочно живетъ
Суди правдой по тому суду,
Потому суду, да правому,
Живи съ казаками на Дону во миру.

РУССКІЯ

ИСТОРИЧЕСКІЯ ПѢСНИ.

1.

Вы, молодые ребята, послушайте,
Что мы, стары старики, будемъ сказывати,
Про грознаго Царя Ивана Васильевича,
Какъ онъ нашъ Государь Царь подъ Казань городъ ходилъ,
Подъ Казанку подъ рѣку подкопы подводилъ,
За Сулай за рѣку бочки съ порохомъ каталъ,
А пушки и снаряды въ чистомъ полѣ разставлялъ.
А Татаре по городу похаживаютъ,
И всяко грубіянство оказываютъ,
Они грозному Царю насмѣхаются,
А и не быть нашей Казани за Бѣлымъ за Царемъ!
Ахъ, какъ тутъ нашъ Государь разгнѣвался,
Что подрывъ такъ долго медлится,
Приказалъ онъ за то пушкарей казнить,
Подкопщиковъ и зажигальщиковъ.
Какъ всѣ тутъ пушкари призадумалися,
А одинъ пушкарь поотважился:
Прикажи, Государь Царь, слово выговорить?
Не успѣлъ пушкарь слово вымолвить,
Тогда лишь догорѣли зажигательныя свѣчи,
И вдругъ разрывало бочки съ порохомъ,
Какъ стѣны бросало за Сулай за рѣку.
Всѣ Татаре тутъ, братцы, устрашился,
Они Бѣлому Царю покорилися.

2.

Когда зачиналася каменна Москва,
Тогда начинался и грозный Царь,
Что грозный Царь Иванъ, Осударь, Васильевичъ.
Какъ ходилъ онъ подъ Казань городъ,

Подъ Казань городъ и подъ Астрахань,
Онъ Казань городъ мимоходомъ взялъ,
Полонилъ Царя и съ Царицею,
Выводилъ измѣну изо Пскова,
Изо Пскова и изъ Новагорода.
И тутъ ли Царь похвалятьcя сталъ,
Что вывелъ измѣну изо Пскова,
Изо Пскова и изъ Новагорода.
Ахъ, какъ бы вывесть измѣну изъ каменной Москвы?
Что взговоритъ Малюта злодѣй Скурлатовичъ:
Ахъ, ты гой еси, Царь Иванъ Васильевичъ!
Не вывесть измѣнушки до вѣку,
Сидитъ супротивникъ супротивъ тебя,
Онъ пьетъ и ѣстъ съ одного блюда,
Цвѣтное платье носитъ съ одного плеча.
И тутъ Царь догадается,
На Царевича злобно осержается;
Что возговоритъ грозной Царь Иванъ Васильевичъ:
Ахъ, вы гой еси, князья и бояре!
Вы берите Царевича подъ бѣлы руки,
Поведите во палату особую;
Вы снимайте съ него платье цвѣтное,
Надѣвайте на него платье черное,
Поведите его на болото жидкое,
На ту ли лужу на поганую;
Вы предайте его скорой смерти.
Всѣ бояре испугалися,
Изъ палаты вонъ разбѣжалися,
Большой за меньшаго хоронятся.
Одинъ остался Малюта злодѣй;
Онъ бралъ Царевича за бѣлы руки,
Повелъ во палату особливую,
Снималъ съ него платье цвѣтное,
Надѣвалъ на него платье черное;
Повелъ на болото на жидкое,
Что на ту ли на лужу поганую.
Провѣдалъ слуга Никиты Романыча,
Садился на лошадь водовозную,
Скоро скакалъ къ Никитѣ Романовичу.
Какъ закричалъ онъ громкимъ голосомъ:
Гой еси батюшка, Никита Романовичъ,
Ты пьешь, ѣшь и прохлажаешься,
Надъ собой кручинушки не вѣдаешь:
Упадаетъ звѣзда поднебесная,
Угасаетъ свѣча воску ярагo,
Не становится у насъ млада Царевича.
Никита Романычъ испугается,
Садится на лошадь водовозную,
Скоро скачетъ на болото жидкое,
Что на ту ли на лужу поганую.
Ударилъ онъ Малюту по щекѣ.
Ты Малюта, Малюта Скурлатовичъ!
Не за свой ты кусъ примаешься:
Ты этимъ кусомъ подавишься.
Онъ бралъ Царевича за бѣлы руки,
И повелъ его, куда надобно.
Что возговоритъ грозной Царь:
Ахъ, вы гой еси, князья мои и бояре!
Надѣвайте на себя платье черное,
Собирайтеся ко заутрени,
Слушать по Царевичѣ панихиду.
Я васъ, бояре, всѣхъ въ котлѣ сварю.
Всѣ бояре испугалися;
Надѣвали они платье черное,
Собирались ко заутрени,
Слушать по Царевичѣ панихиду.
Пріѣхалъ Никита Романовичъ,
Нарядился въ платье цвѣтное,
Привелъ съ собой млада Царевича,
И поставилъ за дверьми сѣверны.
Что возговоритъ грозный Царь:
Ахъ, ты гой еси, Никита Романовичъ!
Что въ глаза ли ты мнѣ насмѣхаешься?
Какъ упала звѣзда поднебесная,
Что угасла свѣча воску ярагo,
Не стало у меня млада Царевича.
Что возговоритъ Никита Романовичъ;
Ахъ, ты гой еси надежа, православный Царь!
Мы не станемъ пѣть по Царевичѣ панни-хиду,
А станемъ мы пѣть молебенъ заздравный.
Онъ бралъ Царевича за бѣлу руку,
Выходилъ изъ за сѣверныхъ дверей.
Что взговоритъ грозный Царь:
Ты Никита, Никита Романовичъ!
Еще чѣмъ мнѣ тебя пожаловать?
Иль тебѣ полцарства дать?
Иль тебѣ золотой казны сколько надобно?
Ахъ, ты гой еси, Царь Иванъ Васильевичъ!
Не надо мнѣ полцарства, ни золотой казны,
Только дай мнѣ злодѣя Скурлатова,
Я сведу на то болото жидкое,
Что на ту ли на лужу поганую.
Что возговоритъ Царь Иванъ Васильевичъ:
Еще вотъ тебѣ Малюта злодѣй,
И дѣлай съ нимъ, что хочешь ты.

3.

Какъ бы во сто двадцать седьмомъ году,
Въ седьмомъ году, въ осьмой тысячи,

А и дѣялось, учинилося,
Кругомъ сильна царства Московскаго
Литва облегла со всѣ четыре стороны;
А и съ нею сила: Сорочина долгополая,
И тѣ Черкесы Пятигорскіе,
Еще ли Калмыки съ Татарами,
Со Татарами, со Башкирцами,
Еще Чушки со Люторами.
Какъ были въ Москвѣ припасы многіе,
А и царскіе и княженецкіе,
Боярскіе и дворянскіе,
А не льзя ни пройти, ни проѣхати,
Ни конному, ни пѣшему,
И ни соколомъ вонъ вылетати.
А изъ сильнаго Царства Московскаго,
Изъ великаго Государства Россійскаго,
А Скопинъ князь Михайло Васильевичъ,
Онъ правитель Царству Московскому,
Оберегатель міру крещеному
И всей нашей земли свѣтло-Русскія,
Какъ ясенъ соколъ вонъ вылетывалъ,
Какъ бѣлой кречетъ вонъ выпархивалъ.
Выѣзжалъ воевода Московскій, князь Скопинъ,
Князь Махайло Васильевичъ,
Онъ походъ чинилъ ко Новугороду.
Какъ и будетъ Скопинъ во Новѣгородѣ,
Пріѣзжалъ онъ Скопинъ на съѣзжій дворъ,
Входилъ въ избу во съѣзжую,
Садился Скопинъ на ременчатъ стулъ,
А и беретъ чернилицу золотую,
А и въ ней-то перо лебединое,
И беретъ онъ бумагу бѣлую,
Писалъ ярлыки скорописчаты
Въ Свицкую землю, заморскую,
Ко любимому брату названому,
Ко Свицкому королю Карлосу.
А отъ мудрости слово поставлено:
«А и гой еси, названой братъ,
А ты Свицкой король, Карлусъ!
А и смилуйся, смилосердуйся,
Смилосердуйся, покажи милость,
А и дай мнѣ силы на подмочь!
Наше сильно Царство Московское
Литва облегла со всѣ четыре стороны,
Приступила Сорочина долгополая,
А тѣ Черкесы Пятигорскіе,
А и тѣ Калмыки со Башкирцами,
А и тѣ Чушки со Люторами;
И не можемъ мы съ ними управиться:
Я закладываю три города Русскіе.»
А съ ярлыками послалъ скораго ямщика,
Своего любимаго шурина
А того Ивана Ивановича.
Какъ и будетъ ямщикъ въ Свицкой землѣ,
У честна Короля, честнаго Карлуса,
Онъ съѣзжаетъ прямо на королевской дворъ,
А ко Свицкому королю Карлусу,
Среди двора королевскаго
Скочилъ ямщикъ со добра коня,
Вязалъ коня къ дубову столбу,
Сумы подхватилъ, самъ во палаты идетъ;
Ни за чѣмъ ямщикъ не замѣшкался.
Приходитъ во палату бѣлокаменну,
Разковыривалъ сумы, вынималъ ярлыки,
Онъ кладетъ королю на круглой столъ.
Принимавши король, разпечатываетъ,
Разпечатываетъ, самъ разсматриваетъ,
И печальное слово повыговорилъ:
Отъ мудрости слово поставлено,
Отъ любимаго брата названаго,
Скопина князя Михайлы Васильевича,
Какъ проситъ силы на подмочь,
Закладываетъ три города Русскіе.
А честной король, честной Карлусъ
Показалъ ему милость великую,
Отправляетъ силу со трехъ земель:
А и первыя силы то Свицкія,
А другія силы Саксонскія,
А третія силы Шкодскія—
Того ратнаго люду, ученаго,
А не много, ни мало—сорокъ тысячей.
Прибыла сила ко Новугороду,
Изъ Новагорода въ каменну Москву.
У ясна сокола крылья отросли,
У Скопина князя думушки прибыло.
А по утру, рано ранешенько,
Въ соборѣ Скопинъ онъ заутреню отслушалъ,
Отслушалъ, самъ въ походъ пошелъ,
Подымавши знаменье Царское;
А на знаменье написано:
Чуденъ Спасъ со Пречистою;
На другой стононѣ было написано:
Михайло и Гаврило Архангелы,
Еще вся тута сила небесная.
Во восточную сторону походомъ пошли,
Они вырубили Чудь бѣлоглазую,
И ту Сорочину долгополую;
Въ полуденною сторону походомъ пошли,
Прекрашили Черкесъ Пятигорскихъ,
А не много дралися, скоро сами сдались;
А на сѣверну сторону походомъ пошли,

Прирубили Калмыковъ со Башкирцами;
А на западну сторону походомъ пошли,
Прирубили Чукши со Люторами;
А кому будетъ Божья помочь?
Скопину князю Михайлѣ Васильевичу!
Онъ очистилъ царство Московское
И велико Государство Россійское.
На великихъ тѣхъ на радостяхъ
Служили обѣдни съ молебнами,
И кругомъ города ходили въ каменной Москвѣ;
Отслуживши обѣдни съ молебнами,
И всю литургію великую,
На великихъ на радостяхъ пиръ пошелъ,
А пиръ пошелъ и великой столъ
У Скопина князя Михайла Васильевича
Про весь провославной міръ.
И велику славу до вѣку поютъ
Скопину князю, Михайлѣ Васильевичу.
Какъ бы малое время замѣшкавши,
А во той же славной каменной Москвѣ,
У того ли было князя Воротынскаго,
Крестили млада княжевича,
А Скопинъ князь Михайло кумомъ былъ,
А кума была дочь Малютина,
Того Малюты Скурлатова.
У того-то князя Воротынскаго
Какъ будетъ почестной столъ,
Туто было много князей и бояръ и званыхъ гостей.
Будетъ пиръ во полу пиръ,
Княженецкой столъ во полу столъ,
Какъ пьяненьки тутъ разхвастались:
Сильной хвастаетъ силою,
Богатаетъ хвастаетъ богатствомъ,
Скопинъ князь Михайло Васильевичъ,
А и не пилъ онъ зелена вина,
Только одно пиво пилъ и сладкой медъ,
Не съ большаго хмѣлю онъ похвастается:
«А вы, глупой народъ, неразумные!
А всѣ вы похваляетесь бездѣлицей:
Я скопинъ, Михайло Васильевичъ,
Могу смѣло похвалятися,
Что очистилъ царство Московское
И велико Государство Россійское;
Еще ли мнѣ славу поютъ до вѣку,
Отъ стараго до малаго,
Отъ малаго, до вѣку моего.»
А и тутъ боярамъ за бѣду стало.
Въ тотъ часъ они дѣло сдѣлали:
Поддернули зелья лютаго,
Подсыпали въ стаканъ въ меды сладкіе,
Подавали кумѣ его крестовой,
Малютиной дочери Скурлатовой.
Она-то, кума его крестовая,
Подносила стаканъ меду сладкаго
Скопину князю Михайлѣ Васильевичу.
Принимаетъ Скопинъ, не отпирается,
Онъ выпилъ стаканъ меду сладкаго,
А самъ говорилъ таково слово:
«Услышалъ во утробѣ не ловко добрѣ! —
А и ты съѣла меня, кума крестовая,
Малютина дочь Скурлатова;
А зазнаючи, мнѣ со зельемъ стаканъ подала.
Съѣла ты меня, змѣя подколодная!»
Голова на плечахъ зашаталася,
Онъ и тутъ Скопинъ скоро со пиру пошелъ,
Онъ садился Скопинъ на добра коня,
Побѣжалъ къ родимой матушкѣ;
А только успѣлъ съ нею проститися.
А матушка ему пѣнять стала:
«Гой еси, мое чадо милое,
Скопинъ князь Михайло Васильевичъ!
Я тебѣ приказывала,
Не велѣла ѣздить ко князю Воротынскому;
А и ты меня не послушался,
Лишила тебя свѣту бѣлаго
Кума твоя крестовая,
Малютина дочь Скурлатова.»
Онъ къ вечеру Скопинъ и преставился.
То старина и дѣянье.
Какъ бы синему морю на утѣшенье,
А быстрымъ рѣкамъ слава до моря,
Кабы добрымъ людямъ на послушанье,
Молодымъ молодцамъ на перенимание,
Еще намъ, веселымъ молодцамъ, на потѣшенье,
Сидючи въ бесѣдѣ смиренныя,
Изпиваючи медъ, зелено вино.
Гдѣ-то пиво пьемъ, тутъ и честь воздаемъ,
Тому болрину великому
И хозяину своему ласкову.

4.

Копилъ-то кроль, копилъ силушку,
Копилъ-то онъ собака двѣнадцать лѣтъ;
Накопилъ-то онъ силушки: смѣты нѣтъ,
Много, смѣты нѣтъ, сорокъ тысячь полковъ.
Накоплемши онъ силы, на Русь пошелъ;
Онъ на Русь пошелъ, на три города,
На три города, на три стольные:

На первый то городъ на Полотскій,
На другой то городъ на Велики Луки,
На третій-то на батюшку на Опсковъ градъ
Онъ и Полотскій городъ мимоходомъ взялъ,
А Велики Луки онъ на сквозь прошелъ;
Подходилъ онъ подъ батюшку подъ Опсковъ градъ,
Становился собака въ зеленыхъ лугахъ,
Садился онъ собака во золотъ стулъ,
Смекалъ-то онъ силушку по-три дни,
По три-дни и по-четыре:
Много-ли силушки убыло,
А много-ли силушки прибыло?
Убыло силушки сорокъ сотъ,
А прибыло силушки сорокъ полковъ;
Тутъ же онъ собака возрадуется:
«Охъ, вы гой еси, мои скорые хожатели,
Скорые хожатели и скорые поспѣшатели!
Мечитесь скоро въ зеленые луга,
Въ зеленые луга Государевы!
Посылаетъ онъ воеводу своего
А самъ крѣпко наказываетъ:
Бери свово коня Бахмута,
Поѣзжай во батюшку во Псковъ градъ:
Во городъ въѣзжай, не спрашивай,
Ко двору подъѣзжай, не докладывай,
Во палаты возходи, не бей челомъ,
Клади ярлыки на дубовы столы.»
За столами сидитъ воевода Царевъ,
Шуйскій князь Иванъ Петровичъ!
«Охъ, ты гой еси воевода Царевъ,
Шуйскій князь Иванъ Петровичъ!
Отдай городъ Опсковъ безъ бою,
Безъ бою и безъ драки великія,
Безъ того уголовія смертнаго?
Я на первомъ часу возьму Опсковъ градъ,
На другіемъ часу стану чистити,
На третьемъ часу стану столъ становить,
Стану пить, веселиться, прохлажатися;
Князей твоихъ бояръ всѣхъ въ полонъ поберу,
Донскихъ казаковъ всѣхъ подъ мечь преклоню,
А я тебя, воеводу, казнить буду!»
Возговоритъ воевода Царевъ,
Шуйскій князь Иванъ Петровичъ:
Блуденъ сынъ король съ королевичемъ,
Съ паномъ гетманомъ Хоткевичемъ,
И съ воинскимъ конемъ Вороновичемъ!
Не отдамъ я тебѣ городъ безъ бою,
Безъ бою и безъ драки великія,
И безъ того уголовія смертнаго!»
Какъ со вечера ратные причащалися,
Со полуночи ружья чистили,
Ко бѣлой зарѣ, какъ куры пропѣли,
Не туча съ тучей сходилася,
Не заря со зарей смыкалася,
Сходилися два войска, два великія,
Бѣлаго Царя съ королевскимъ.
Тутъ ѣздитъ, разъѣзжаетъ, удалый добрый молодецъ,
Еще тотъ ли же воевода Царевъ,
Шуйскій князь Иванъ Петровичъ.
Кому у насъ на бою, бартцы, Божья помочь?
Помогъ Богъ воеводѣ Московскому,
Шуйскому князю Ивану Петровичу!
Побить силу королевскую:
Всѣхъ латничковъ, сиповщиковъ,
Кольчужничковъ, барабанщичковъ;
На силу король самъ третей убѣжалъ.
Бѣгучи, онъ, собака, заклинается:
Не дай Боже, мнѣ во Руси бывать!
Ни дѣтямъ моимъ, и ни внучатамъ!
И ни внучатамъ, и ни правнучатамъ.

5.

А что свѣтелъ, радошенъ во Москвѣ
Благовѣрный Царь Алексѣй, Царь Михайловичъ?
Народилъ Богъ ему сына Царевича, Петра Алексѣевича,
Перваго Императора по землѣ.
Всѣ-то Русскіе какъ плотники мастеры
Во всю ноченьку не спали, колыбель, люльку дѣлали
Они младому Царевичу,
А и нянюшки, мамушки, сѣнныя красныя дѣвушки
Во всю ноченьку не спали, одѣялицо вышивали,
По бѣлу рыту бархату они краснымъ золотомъ;
Бояре тюрьмы съ покаянными всѣ разпущали;
А погребы Царскіе они всѣ растворяли.
У Царя благовѣрнаго еще пиръ и столъ на радости,
А князи сбиралися, бояре съѣзжалися и дворяне сходилися.
А все народъ Божій. На пиру пьютъ, ѣдятъ, прохлажаются,
Во весельи, въ радости не видали, какъ дни прошли,

Для младаго Царевича Петра Алексѣевича,
Перваго Императора.

6.

А подъ славнымъ было городомъ подъ Ригою
Что стоялъ Царь Государь по три годы,
Ласковый Алексѣй Царь Михайловичъ.
Изволилъ Царь Государь наряжатися,
Наряжается Царь Государь въ каменну Москву,
А ласковый Алексѣй Царь Михайловичъ.
Что по утру было рано, ранешенько,
Какъ на свѣтлой зарѣ, на утренней,
На восходѣ было краснаго солнышка,
Какъ бы гуси, лебеди воскликали,
Говорили солдаты новобранные:
«А свѣтъ Государь благовѣрной Царь,
А и ласковый Алексѣй Царь Михайловичъ!
Ты изволишь наряжаться въ каменну Москву,
Не оставь ты насъ, бѣдныхъ, подъ Ригою,
Ужъ и такъ намъ Рига наскучила,
Она наскучила намъ Рига, напрокучила:
Много холоду, голоду приняли,
Наготы, босоты вдвое того.»
Что не злата труба подъ Ригою протрубила,
Проглаcилъ Государь, благовѣрный Царь:
«А и дѣтушки, вы солдаты новобранные!
Не однимъ вамъ Рига-то наскучила,
Самому мнѣ, Государю, напрокучила;
Когда Богъ насъ принесетъ въ каменну Москву,
А забудемъ бѣдность, нужду великую,
А и выставлю вамъ погребы Царскіе,
Что съ пивомъ, съ виномъ, меды сладкіе.

7.

За рѣкою, перепpавою, за деревнею Сосновкою,
Подъ Конотопомъ подъ городомъ, подъ стѣною бѣлокаменной,
На лугахъ, лугахъ зеленыхъ,
Тутъ стоятъ полки Царскіе,
Все полки Государевы,
Да и роты были дворянскія.
А изъ далеча, изъ чиста поля,
Изъ того ли изъ раздолья широкаго,
Кабы не черные вороны табуномъ табунилися,
Собиралисъ, съѣзжались Калмыки со Башкирцами,
Напущались Татарове на полки Государевы;
Они спрашиваютъ Татарове
Изъ полковъ Государевыхъ себѣ сопротивника.
А изъ полку Государева сопротивника
Не выбрали ни изъ стрѣльцовъ, ни изъ солдатъ молодцовъ.
Втапоры выѣзжалъ Пожарской князь,
Князь Семенъ Романовичъ,
Онъ бояринъ большой слыветъ,
Пожарской князь,
Выѣзжалъ онъ на вылазку
Сопротивъ Татарина и злодѣя наѣздника;
А Татаринъ у себя держитъ копье острое,
А славной Пожарской князь
Одну саблю острую во рученькѣ правой.
Какъ не два ясна сокола во чистомъ полѣ слеталися,
А съѣзжались въ чистомъ полѣ
Пожарской бояринъ съ Татариномъ.
Помогай Богъ князю Семену Романовичу Пожарскому!
Своею саблей острою онъ отводилъ остро копье Татарское,
Изрубилъ ему голову, что Татарину наѣзднику.
А завыли злы Татарове, поганые,
Убилъ у нихъ наѣздника, что ни славнаго Татарина.
А злы Татарове Крымскіе, они злы, да лукавые,
Подстрѣлили добра коня у Семена Пожарскаго.
Падаетъ окорачь доброй конь.
Возкричитъ Пожагской князь во полки Государевы:
«А и вы солдаты новобранные, вы стрѣльцы Государевы!
Подведите мнѣ добра коня, увезите Пожарскаго,
Увезите во полки Государевы.»
Злы Татарове Крымскіе, они злы, да лукавые,
А металися грудою, полонили князя Пожарскаго.
Увезли его во свои степи Крымскія
Къ самому Хану Крымскому — деревенской шишиморѣ.
Его сталъ онъ допрашивать:
«А и гой еси, Пожарской князь,
Князь Семенъ Романовичъ!
Послужи ты мнѣ вѣрою, да ты вѣрою, правдою,
Тою ли за очью неизмѣнною,

Еще какъ ты Царю служилъ, да Царю своему Бѣлому,
А и такъ-то ты мнѣ служи, самому Хану Крымскому.
Я, вѣдь, буду тебя жаловать златомъ и серебромъ,
Да и женки прелестными, и душами красными дѣвицами.»
Отвѣчаетъ Пожарской князь самому Хану Крымскому:
«А и гой еси, Крымской Ханъ — деревенской шишимора!
Я бы радъ тебѣ служить, самому Хану Крымскому,
Кабы не скованы мои рѣзвы ноги,
Да не связаны бѣлы руки во чембуры шелковые,
Кабы мнѣ сабелька острая,
Послужилъ бы тебѣ вѣрою на твоей буйной головѣ,
Я срубилъ бы тебѣ буйну голову.»
Скричитъ тутъ Крымской Ханъ, деревенской шишимора:
«А и вы Татары поганые!
Увезите Пожарскаго на горы высокія, срубите ему голову,
Изрубите его бѣло тѣло во части во мелкія,
Разбросайте Пожарскаго подалече чисту полю.»
Кабы черные вороны закричали, загайкали,
Ухватили Татарове князя Семена Пожарскаго,
Отрубили буйну голову,
Изсѣкли бѣло тѣло во части во мелкія,
Разбросали Пожарскаго подалече чисту полю,
Они сами уѣхали къ самому Хану Крымскому.
Онъ день, другой нейдетъ, никто не провѣдаетъ.
А изъ полку было Государева казаки двое выбралнсь,
Тѣ ли казаки были молодцы,
Они на гору пѣшкомъ пошли,
И взошли туто на гору высокую,
И увидѣли тѣ молодцы то вѣдь тѣло Пожарскаго:
Голова его по себѣ лежитъ, руки, ноги разбросаны,
А его бѣло тѣло во части изрублено
И разбросано по раздолью широкому.
Тѣ казаки молодцы его тѣло собрали,
Да въ одно мѣсто складывали;
Они сняли съ древа липовой лубъ,
Да и тутъ положили его,
Увязали липовой лубъ на крѣпко,
Понесли его Пожарскаго къ Конотопу ко городу.
Во Конотопѣ городѣ пригодился тамъ епископъ быть,
Собиралъ онъ епископъ поповъ, и дьяконовъ
И церковныхъ причетниковъ,
И тѣмъ казакамъ, удалымъ-молодцамъ,
Приказалъ обмыть тѣло Пожарскаго.
И склали его бѣло тѣло въ домовище дубовое,
И покрыли тою крышкою бѣлодубовою.
А и тутъ люди дивовалися,
Что его тѣло въ мѣсто сросталося.
Отпѣвши надлежащее погребеніе,
Бѣло тѣло его погребли во сыру землю,
И пропѣли пѣтье вѣчное
Тому князю Пожарскому.

8.

Во славномъ городѣ Орѣшкѣ,
По нынѣшнему званію Шлюшенбургѣ,
Пролегла туто широкая дорожка,
По той по широкой дорожкѣ
Идетъ тутъ Царевъ большой бояринъ,
Графъ Борисъ сынъ Петровичъ Шереметевъ,
Со тѣми онъ со пѣхотными полками,
Со конницей и со драгунами,
Со удалыми Донскими казаками.
Вошли они во Красную мызу
Промежу тѣми высокими горами,
Промежу тѣми широкими долами —
А всѣ полки становилися.
А втапоры Борисъ сынъ Петровичъ
Въ объѣздъ онъ Донскихъ казаковъ посылаетъ,
Донскихъ, Гребенскихъ да и Яицкіихъ.
Какъ скрали они Шведскіе караулы,
Майора себѣ въ полонъ полонили,
Привезли его въ лагери Царскіе.
Не злата труба въ полѣ протрубила,
Проглаcилъ Государь, слово молвилъ,
Государь Московскій — первый Императоръ:
«А и гой еси, Борисъ сынъ Петровичъ!
Изволь ты майора допросити тихонько, помалешеньку:
А сколько-де силы въ Орешкѣ
У вашего короля Шведскаго?
Говоритъ тутъ майоръ не съ утайкою

А сталъ онъ силу разсказывать:
«Съ генераломъ въ полѣ сорокъ тысячей,
Съ королемъ въ полѣ смѣты нѣтъ.»
А втапоры Царевъ большой бояринъ,
Князь Борисъ сынъ Петровичъ Шереметевъ,
А самъ онъ Царю рапортуетъ:
«Что много де силы въ полѣ той Шведской:
Съ генераломъ стоитъ силы сорокъ тысячей,
Съ королемъ въ полѣ силы смѣты нѣтъ.»
Не злата труба въ полѣ протрубила,
Прогласилъ первый Императоръ:
»А и гой еси, Борисъ Петровичъ!
Не устрашися майора допросити,
Не корми майора цѣлы сутки,
Повторите второй допросъ,
Другія сутки не кормите,
И сладко онъ раскажетъ,
Сколько у нихъ силы Шведскія.»
А втапоры Борисъ Петровичъ Шереметевъ,
На то-то болно былъ догадливъ,
А двое-де сутки майора не кормили,
Во третьи винца ему подносили;
А втаповы майоръ разсказалъ:
Всѣхъ съ королемъ нашимъ и генераломъ
Силы семь тысячай, а болѣе того нѣту.
И тутъ Государь взвеселился.

РУССКІЯ

ОБРЯДНЫЯ ПѢСНИ.

ПѢСНИ ОВСЕНЮ.

1.

Ай во борѣ, борѣ,
Стояла тамъ сосна,
Зелена, кудрява.
Ой Овсень! ой Овсень!
Ѣхали бояре,
Сосну срубили,
Дощечки пилили,
Мосточикъ мостили,
Сукномъ устилали,
Гвоздьми обивали
Ой Овсень! ой Овсень!
Кому-жъ, кому ѣхать
По тому мосточку?
Ѣхать тамъ Осеню,
Да новому году.
Ой Овсень! ой Овсень!

3.

Ой Овсень! ой Овсень!
Походи, погуляй
По святымъ вечерамъ,
По веселымъ теремамъ!
Ой Овсень! ой Овсень!
Посмотри, погляди,
Ты взойди, посѣти
Къ Филимону на дворъ.
Ой Овсень! ой Овсень!
Посмотрѣлъ, поглядѣлъ,
Ты нашелъ, ты взошелъ
Къ Филимону на дворъ!
Ой Овсень! ой Овсень!
Какъ въ срединѣ Москвы
Здѣсь вороты красны,
Вереи всѣ пестры.
Ой Овсень! ой Овсень!
Филимоновъ весь дворъ
Обведенъ, затыненъ
Кипариснымъ тыномъ
Ой Овсень! ой Овсень!
Филимоновъ-то тынъ
Серебромъ обложенъ,
Позолотой убитъ!
На дворѣ у Филимона
Три теремчика стоятъ:
И свѣтленьки и красненьки,
Золотые терема!
Первый теремъ
Свѣтелъ мѣсяцъ;
Другой теремъ
Красно солнце;
Третій теремъ
Часты звѣзды.
Свѣтелъ мѣсяцъ
Хозяинъ нашъ,
Красно солнце
Жена его,

Часты звѣзды
Ихъ дѣтушки.

3.

Овсень, Овсень! я тетерю гоню,
Овсенъ, Овсень! полевую гоню;
Она подъ кустъ,
А я за хвостъ;
Мнѣ начла хвостъ,
Анъ денегъ горсть.

4.

Петръ въ Орду собирается.
Коляда Овсень!
Александръ у ногъ увивается.
Коляда Овсень!
Ты не ѣзди въ Орду, не служи королю.
Коляда Овсень!
Служи Бѣлому Царю.
Коляда Овсень!
Ужъ какъ мнѣ ли безъ тебя хлѣба соли не ѣдать.
Коляда Овсень!
На постели не сыпать.
Коляда Овсень!
Ужъ какъ спать въ тоскахъ, на голыхъ доскахъ,
Коляда Овсень!
На горячей печи, на девятомъ кирпичѣ.
Коляда Овсень!

ВЕСНЯНКИ.

1.

Весна красна!
На чемъ пришла?
На чемъ пріѣхала?—
На сошечкѣ,
На бороночкѣ.
Какъ и всѣ дѣвки на улицѣ,
И всѣ красныя на широкой,
Одной дѣвушки нѣтъ;
Сидитъ она во теремѣ,
Ширинку шьетъ золотомъ,
Узду везетъ тесмянную,
Ахъ, горе великое!
Кому-то достанется?
Достанется моему суженому,
Моему ряженому.

2.

Весна, весна красная!
Приди, весна, съ радостью,
Съ радостью, радостью,
Съ великою милостію:
Со льномъ высокімъ,
Съ корнемъ глубокімъ,
Съ хлѣбами обильными.

ПѢСНИ СЕМИЦКІЯ.

1.

Благослови, Троица!
Богородица!
Намъ въ лѣсъ пойти,
Намъ вѣнки завивать,
Ай Дидо! ой Ладо!
Намъ вѣнки завивать
И цвѣты сорывать;
Ай Дидо! ой Ладо!
А мы въ лѣсъ пойдемъ
И цвѣтовъ нарвемъ,
Мы цвѣтовъ нарвемъ
И вѣнокъ совьемъ,
Ай Дидо! ой Ладо!
Свекору батюшкѣ,
Свекровѣ матушкѣ,
Свекору батюшкѣ малиновой,
Свекровѣ матушкѣ калиновой.
Ай Дидо! ой Ладо!
Пойду-ль я тишкомъ,
Лужкомъ, бережкомъ,
Сломлю-ль съ сыра дуба вѣточку,
Брошу на быструю реченьку.
Ай Дидо! ой Ладо!
Не тонетъ, не плыветъ
Съ сыра дуба вѣточка,
Не тужитъ по мнѣ
Свекоръ батюшка,
Свекровь матушка.
А Дидо! ой Ладо!

2.

Луговая корстель,
Ладо, Ладо, коростель!
Не кричи рано по зарѣ!
Не буди меня рано на зарѣ,
У меня матушка—мачиха;
Она меня поздно спать кладетъ,
Она меня рано взбуживаетъ,
Къ легкому дѣлу — къ жерновамъ
Луговая корстель,
Закричи рано по зарѣ,
Разбуди меня рано на зарѣ!
У меня матушка—родная;
Она меня рано спать кладетъ,

Она меня поздно побуживаетъ,
Къ тяжкому дѣлу — къ пялицамъ.

3.

Конопля, конопля зеленая моя!
Что жъ ты, конопля, не весело стоишь?
Ахъ, какъ мнѣ, коноплѣ, веселой стоять?
Снизу меня, коноплю, бурей сломило,
Сверху коноплю воробьи клюютъ!
Дѣвка, ты дѣвушка красная!
Что-жъ ты, дѣвушка, не весело сидишь?
Ахъ, какъ мнѣ, дѣвушкѣ, веселенькой быть?
Мой батюшка хочетъ замужъ меня отдать,
А мачиха хочетъ въ черницы постричь!
Мой батюшка пошелъ бояръ собирать,
А мачиха пошла за игуменьею.
Скрыпнули ворота растворчаты,
Брехнула собака борзая на цѣпи.
Мнѣ чела батюшка съ боярами!
Ажно—моя матушка съ игуменьею!
Садись, мое дитятко, на золотое стульце;
Расплетай, мое милое, русую косу!
Пусти меня, матушка, на Донъ погулять,
Бѣлильцы, румянцы съ лица постирати?
Смоешь, мое дитятко, горючей слезой,
Сотрешь, мое милое, пельчатымъ рукавомъ!

4.

Ахъ! по травкѣ, по муравкѣ,
Вокругъ города большова
Гулялъ молодецъ удалой.
Ой, Туръ, молодецъ удалой!
Онъ изъ города большова
Вызывалъ красну дѣвицу
Съ нимъ на травкѣ поборотися.
Ой, Дидъ, Ладо, побоpотися!
Вышла красна дѣвица
И молодца поборола,
На муравку уронила.
Ой, Дидъ, Ладо, уронила!
Доброй молодецъ вставая,
Закрывалъ лице руками,
Утиралъ горючи слезы;
Онъ не смѣлъ своей кручины
Добрымъ людямъ объявить.
Ой, Туръ! Дидъ! Ладо! объявить.

5.

Каравонъ красныхъ дѣвушекъ!
Какъ у насъ въ году три праздника:
Первой праздникъ—Семикъ честной,
Другой праздникъ—Троицынъ день,
А третій праздникъ—Купальница.
Какъ у насъ зелена трава,
Какъ милой мой другъ
Въ кабакѣ напивается,
Какъ милой мой другъ
По зеленой травкѣ валяется.
А Орина подходила,
Никиту своего будила:
Встань, убудися, Никита,
Встань, убудися, волокита?
Сосѣди смѣются,
Въ безчестье-то ставятъ.
Всталъ Никита, пробудился,
За руку съ Ориной ухватился,
Домой Никита потащился.

6.

Во полѣ рябинушка, ой Дидо, Ладо!
Во полѣ кудрявая, ой Дидо, Ладо!
На той на рябинушкѣ, ой Дидо, Ладо!
Четыре были вѣточки, ой Дидо, Ладо!
На тѣхъ ли на вѣточкахъ, ой Дидо, Ладо!
Четыре было ягодки, ой Дидо, Ладо!
Первая ягодка Аннушка, ой Дидо, Ладо!
Вторая ягодка Катенька, ой Дидо, Ладо!
Третья ягодка Машенька, ой Дидо, Ладо!
Четвертая ягодка Авдотьюшка, ой Дидо, Ладо!
Для ради N. для ради N. ой Дидо, Ладо!
Столы становилися, ой Дидо, Ладо!
Для ради N. для ради N. ой Дидо, Ладо!
Всѣ гости съѣзжалися, ой Дидо, Ладо!
Яства становилися, ой Дидо, Ладо!

ПѢСНИ РАДУНИЦКІЯ.

1.

Ой Лелю, молодая, о Лелю!
Ты вюная, о Лелю!
Ты по горницѣ пройди, о Лелю!
Покажи свое лице, о Лелю!
Да въ окошечко, о Лелю!
Покажи намъ молодца, о Лелю!
Своего-то вьюнца, о Лелю!
Да пожалуйко яичко, о Лелю!
Еще красненькое, о Лелю!
Что на красномъ блюдѣ, о Лелю!
И при добрыхъ людяхъ, о Лелю!

3.

Ты вставай-ка, молодецъ,
Ты вставай, нашъ вьюнецъ!
Ты разчесывай кудри
Костянымъ гребешкомъ,
Ужъ ты взгляни въ окошко,
Косящетое!

Тебѣ пѣсню поемъ,
Тебѣ честь воздаемъ,
Награди-ко насъ подаркомъ,
Сладкимъ пряничкомъ,
Бѣлымъ сахарнымъ.

2.

Какъ въ деревни у Ильинской
У Ефима молодца,
Что стоялъ тутъ теремъ
Со крутымъ верхомъ,
Со косящатымъ окномъ.
Противъ краснаго крыльца,
Противъ косящатаго окна,
Выростало деревцо трехъ-угодливое.
Что во томъ ли терему
Дубовы столы стоятъ,
Дубовы столы стоятъ,
Браныя скатерти лежатъ;
На тѣхъ ли на столахъ
Медвяны яствы стоятъ.
За тѣми ли столами
Князья, бояре сидятъ,
Медвяны яствы ѣдятъ,
Сахарныя питья пьютъ.
Се катайтеся, бояре,
Съ высока терема!
Не сшибите деревца
Трехъ-угодливаго.
Еще первая угода —
Подъ корень деревца,
А другая-то угода—
Посередъ деревца,
А третья-то угода—
Подъ вершину деревца.
Соловей гнѣздо вьетъ,
Онъ и яицы несетъ,
Молодыхъ дѣтокъ ведетъ.
Посередъ деревца
Пчелы ярыя шумятъ,
Много меду наносятъ.
Подъ корень деревца
Кровать нова тесова,
Перинушка пухова;
На той ли кроватушкѣ,
Ефимушка лежитъ,
Съ молодой своей женой,
Со Оксиньюшкой душой;
А у нихъ въ головахъ
Звончаты гусли лежатъ.
И кому въ гусли играть?
Кому тѣшиться?
Играть въ эти гусли
Ефиму молодцу,
Ему тѣшить, утѣшать
Молоду свою жену,
Оксиньюшку свою душу.
Чѣмъ васъ, молодцовъ,
Станутъ жаловати?
Пивомъ ендовой, или стекляницей вина,
Или золотой казной?
Ничего намъ не подать,
Мы со двора пойдемъ,
Мы осердимся.
Три бѣды мы сокуримъ:
Первую бѣду:
Ворота мы растворимъ,
Коней пару уведемъ;
А другую-то бѣду:
Избы, двери растворимъ,
Мы гостей align="">ознобимъ;
Третью-то бѣду:
Во теремъ зайдемъ,
Мы заслонъ унесемъ,
Во печи остудимъ,
Гостей оголодимъ,
И васъ, молодыхъ,
На стыдъ наведемъ.
Еще здравствуй молодой,
Съ молодой своей женой!
И спасибо тебѣ хозяинъ,
На жалованьи!
Вьюнецъ, молодецъ—молодой!
Вьюнецъ, молодецъ—молодая!
Вьюнецъ, молодецъ—молодая!
Вьюнецъ, молодецъ—молодой!

ПѢСНИ ПЕТРОВСКІЯ.

1.

Ой Дидо! ой Ладо! на курганѣ
Соловей гнѣздо завиваетъ,
Иволга развиваетъ;
Хоть ты вѣй, не вѣй соловей,
Не бывать твоему гнѣзду свитому,
Не бывать твоимъ дѣтямъ вывожатымъ,
Не летать имъ по дубровѣ,
Не клевать имъ яророй пшеницы.
Ой Ладо! ой Ладо! ой Дидо!

2.

Во ржи береза зеленька стояла,
Ой Дидъ и Ладо, зелена, кудревата!
Подъ той березой соловейко щекочетъ,
Ой Дидъ и Ладо, молодое щекочетъ.

Соловейко батько, скажи мнѣ всю правду,
Ой Дидъ и Ладо, ты скажи мнѣ всю правду:
Не утай, молодое, да что первая Лада?
Ой Дидъ и Ладо! да что первая Лада?.
«Какъ первая-то Лада золотъ съ руки перстень,
«Ой Дидъ и Ладо! золотъ съ руки перстень.»
Не утай, молодое, да что друга Лада?
Ой Дидъ и Ладо! да что друга Лада?
«Другая-то Лада кунья съ плеча шуба,
«Ой Дидъ и Ладо! кунья съ плеча шуба.»
Не утай молодое, да что третья Лада?
Ой Дидъ и Ладо! да что третья Лада?
«А третья-то Лада другъ милой сердечной,
»Ой Дидъ и Ладо! другъ милой сердечной.»

РУСЄКІЯ

КОЛЫБЕЛЬНЫЯ ПѢСНИ.

1.

Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
Приди котикъ ночевать,
Моего Сашеньку качать,
Баю, баюшки, баю!
Баю, Сашеньку, баю!
Моего Сашеньку качать,
Качать, прибаюкивати.
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
Спи, усни, угомонъ
Тебя возьми.
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
У котушки, кота
Колыбель хороша:
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
У моего Сашеньки
Лучше его.
Баю, баюшки, баю,
Баю Сашеньку, баю!
У кота, кота
Перинушка мягка;
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
У моего Сашеньки
Мягче его,
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньки, баю!
У кота, кота
И подушечка бѣла;
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
У моего Сашеньки
Лучше его.
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
У кота, кота
Одѣялицо тепло:
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
У моего Сашеньки
Соболиное лежитъ;
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
У котушки, кота
Плетка подъ подушечкой лежитъ,
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
У моего Сашеньки
На стѣночкѣ виситъ.
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сашеньку, баю!
Спи, усни, угомонъ
Тебя возьми.
Баю, баюшки, баю,
Баю, Сешеньку, баю!

2.

По горамъ, горамъ,
По высокімъ,
По раздольицамъ,
По широкімъ,
Тутъ огни горятъ
Негасимые.
Злы Татарове
Тутъ полонъ дѣлятъ.
Доставалася
Теща зятю въ плѣнъ;

Онъ отвезъ ее
Къ молодой женѣ.
«Ахъ и вотъ тебѣ,
Молода жена,
Полоняночка
Съ Руси Русская!
Ты заставь ее
Три дѣла дѣлать:
Что и первое
То дитя качать,
А другое то
Тонкій кужель прясть,
Что и третіе
То цыплятъ пасти.»—
«Ты баю, баю,
Мое дитятко!
Ты по батюшкѣ
Злой Татарченокъ,
Ты по матушкѣ
Милъ внученочекъ:
Вѣдь твоя-то мать
Мнѣ родная дочь;
Семи лѣтъ она
Во полонъ взята,
На правой рукѣ
Нѣтъ мизинчика.
Ты баю, баю,
Мое дитятко!»
Какъ услышала
Тутъ Татарочка,
Она кинулась,
Она бросилась
На бѣлы руки
Къ своей матушкѣ:
«Ахъ, родимая
Моя матушка!
Выбирай себѣ
Коня лучшаго:
Мы бѣжимъ съ тобой
На святую Русь,
На святую Русь,
Нашу родину!»

3.

На горѣ, горѣ, да крутой,
Огни горятъ, да все свѣтлые,
Баю, баюшки, баю!
На тѣхъ огняхъ, да свѣтлыихъ,
Котлы кипятъ, да кипучіе,
Баю, баюшки, баю!
Вокругъ огней, да свѣтлыихъ,
Сидятъ Татары, да все злые,
Баю, баюшки, баю!
Сидятъ, дѣлятъ да все животы
Твоего отца, да родимаго.
Баю, баюшки, баю!
Встань, пробудись, да дитятко,
Снимай со стѣны сабельки,
Баю, баюшки, баю!
Снимай со стѣны сабельки.
И все-то мечи булатные;
Баю, баюшки, баю!
Ты коли, руби сабельками
Злыхъ Татаръ съ Татарченками;
Баю, баюшки, баю!
Ты сѣки, кроши губителей
Все мечами да булатными.
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!

4.

Спи, усни, мое дитятко!
Покуль гроза пройдетъ,
Покуль бѣда минетъ.
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
Спи, усни, мое дитятко!
Гроза пройдетъ страшная,
Бѣда минетъ наносная.
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
Спи, усни, мое дитятко!
Твоя матушка поляночка,
Твой батюшка поляночикъ.
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
Злы Татарове набѣгали,
Домы, теремы сожигали,
Старыхъ стариковъ убивали,
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
Молодыхъ въ полонъ полонили,
Животы по себѣ дѣлили.
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
Разлучили тебя, титятко,
Съ родимой-ли матушкой,
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
Отогнали прочь, дитятко,
Твоего ли батюшку родимаго.
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
Ты рости, рости, дитятко,
Во крѣпости и младости.
Баю, баюшки, баю!

Баю, мое дитятко!
Ужъ у тебя ли на дворѣ
Состоитъ теремъ одинехочикъ
Безъ батюшки и матушки,
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
Безъ твоей молодой жены;
Ты сѣдлай коня воронаго,
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
Ты скачи въ орду золотую,
Вывози батюшку роднова,
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитяко!
На святую ли Русь;
Вывози матушку родиму,
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!
На широкой ли дворъ
Вывози молоду жену
Во теремъ изукрашенный.
Баю, баюшки, баю!
Баю, мое дитятко!

СРАВНЕНІЯ.

ЧЕРВОНО-РУССКІЯ ПѢСНИ.

I. СЕМЕЙНЫЯ ПѢСНИ.

1.

Гей летала зазуленька по Украйнѣ,
Гей ронила сивы перья по долинѣ,
Ой якъ тяжко сивымъ перьямъ по долинѣ
Еще тяжче соротиньцѣ на чужинѣ.
Ходитъ голубь надъ водою гукаючи,
Своей милой голубеньки шукаючи:
«Та чи спишь ты, сердце мое, та чи чуешь,
Чомъ до меня, сердце мое, не говоришь?
Якъ я маю, сердце мое, не говорити:
Лежитъ не любъ на ручонцѣ, буде бити.»
«Ой вотсунься, сердце мое, вотъ нелюба,
Застрѣлю нелюба за лука—якъ голуба.»
Ой чи забьешь, сердце мое, чи не забьешь,
«За все ты сердцу моему жалю до даешь.»
«Покинь отца, покинь маму и всю родину,
Иди съ нами казаками на Украину:
На Украинѣ суха рыба и съ шафраномъ,
Будешъ жити за казакомъ якъ за паномъ;
А на Польшѣ суха рыба и съ водою,
Будешъ жити съ вражимъ Ляхомъ якъ съ бѣдою.»

2.

Да теперь ночка
Та темная,
Да дороженька
Та далекая.
Ой припну коня
Коло калиночки,
А самъ ляжу спати
На край могилочки.
Де тамъ дѣвчина
Молода ея взяла,
Ударила казака,
Тай такъ промолвила:
«Ой встань, казаче,
Ой встань годѣ спати!
Наступае горда,
Хоче коня взяти.
Та коня возьмутъ,
Та конь другій буде;
Тебя порубаютъ
На свѣтѣ небуде!»

3.

Хорый казакъ, хорый казакъ, видай хоче вмерти!
«Ой идите, приведите дѣвчину до смерти.»
«Ой видай ты, казаченьку, не въ правдѣ вмираешь,
Шо ты собѣ передъ смертью дѣвчину желаешь!»
Умеръ казакъ, умеръ казакъ и казацька мова,
А лешився конь вороный и ясна зброя.
Ой сошлися казаченьки до еднои хаты,
Ой сошлися казаченьки, кому коня дати.
Сотникови конь дати, гетманови зброю,
Щобъ позволивъ поховати казака съ стрѣльбою.

Тѣло везутъ, коня ведутъ, конь головоньку клонитъ,
А дѣвчина за казакомъ бѣлы руки ломитъ,
Ломитъ руки, ломитъ руки и мизельны пальци:
«Ахъ вже-жъ нема и не буде такого коханья!
Чомусъ мене моя мати, рано не сбудила,
Коли его компанія съ мѣста выходила?
«Для того тя, моя доню, рано не сбудила?
Любила-сь ихъ компанчика, то-бысь не тужила.
Подивися, моя доню, въ вышнюю кватыру,
Спускаются казаченьки съ горы на долину....

4.

Сидитъ казакъ на могилѣ, тай думку думае,
На Украину поглядае, тяжеленько вздыхае:
А ни вѣтеръ ни віе, ни солнце ни грѣе,
Ено краемъ край Дунаю трава зеленѣе.
Высока могила съ вѣтромъ говорила:
«Не вій вѣтре буйнесенькій — щобъ-мъ не чорнѣла!»
«Бодай тая рѣчка шуваромъ заросла,
Що мене молодого въ чужій край занесла;
Бодай тота рыбокъ не сродила,
Що мене молодаго съ милою разлучила.»
Тамъ на горѣ рѣченька, на рѣченьцѣ кладка:
«Не покидай, мой миленькій, старенькаго батька:
Якъ батька покинешь, марненько загинешь,
Быстронькою рѣченькою на Дунай поплинешь,
И весельце сгубишь, будешь потопати,
Я у втодѣ не смогу бѣлу ручку дати!»

5.

«Ой де ймемо спати, дѣвчино моя?»
Ой подъ соснoю, подъ зеленою,
Мой нелюбе съ тобою!
«А що мы собѣ постелемо, дѣвчино моя?»
Ой поселется намъ трава-мурава,
Мой нелюбе съ тобою!
«А що насъ окрые, дѣвчино моя?»
Окрые насъ ночка темненька,
Мой нелюбе съ тобою!
«Що насъ пробудить, дѣвчино моя?»
Ой пробудить насъ пташка дробненька,
Мой нелюбе съ тобою!
«Чемъ-же мы ся вмыемо, дѣвчино моя?»
Ой вмыешься ты росою, я слезою,
Мой нелюбе съ тобою!
«Що-жъ мы ймемо поснѣдковати, дѣвчино моя?»
Ой ты ягодоньки, а я слезеньки,
Мой нелюбе съ тобою!
«Де-жъ мы ся розойдемо, дѣвчино моя?»
Ой ты до бѣса, а я до лѣса,
Мой нелюбе съ тобою!

6.

Ой за горою за высокою,
Тамъ сидитъ голубъ и съ голубкою,
Ой сидятъ они тай цѣлуются,
Сивыми крыльцями обоймаются;
Надлетѣвъ орелъ съ чорнои хмары:
Розбивъ, розогнавъ голубы изъ пары;
Збивъ голуба тамъ на ровнинѣ,
Розливъ кровь его по всей долинѣ;
Голубка сидитъ жалобно гуде,
Що вже съ голубомъ жити не буде.
«Сива голубка, въ щожъ ты думаешь,
Чи не на вроду, що красну маешь?»
«Щожъ ми по молодости,
Коли не маю ни съ кѣмъ милости.»
«Ой маешь бо ты семь паръ голубовъ,
Выбирай собѣ, который ти любый.»
«Ой най же буде двадцять и три,
Нема такого, якъ мой бувъ милый!»

II. ШУТОЧНЫЯ ПѢСНИ.

1.

Ой стукнуло въ буйномъ лѣсѣ,
Комаръ съ дуба повалився,
И стовкъ собѣ головище,
О дубово коренище.
Вылетѣла муха съ хаты
Комаронька рятовати:
«Ой комарю, господарю,
Жаль ми тебе не помалу!
Де ся скажешь поховати
Кости твои шановати?»
«Поховайте-жъ мене въ лѣсѣ,
Въ буйномъ лѣсѣ, при горосѣ;
Посѣйте на мнѣ руточку,
Съ зеленого барвиночку;
Кто ту руту буде рвати,
Буде мене споминати:
«Ой тутъ лежить комарище
Той великій гултянще,

Не единому гравъ на носѣ,
Теперь тѣло его въ просѣ.»
Ой, ду, ду, ду, ду, ду, ду!
Комаренька не забуду:
Ой тутъ лежитъ его тѣло
Що вчера съ дуба слетѣло.

2.

Ой подъ лѣсомъ, дубиною,
Косивъ ячмень сѣкирою,
А дѣвчина громадила,
Казаченька принадила:
«Ой казаче черновусый,
Чомъ у тебе жупунъ куцій?»
—Мене дѣвки подпоили,
Жупанъ мене подкроили.

3.

Якъ я була молода,
Була въ мене урода;
А теперь я уроду
И въ зеркалѣ не спайду.
Гей, гей, докучило бровоньками моргати!
Ахъ, ахъ, дай-же Боже, того мужа дождати!

Подъ фарбы накуплю,
Лице собѣ побѣлю;
Чи не спайду такого,
Що полюбить мя много.
Гей, гей, докучило бровоньками моргати!
Ахъ, ахъ, дай-же Боже, того мужа дождати!

Припну фартухъ дорогій,
Золотыи сереги,
А серебреная середина:
Чи не красна я дѣвчина?
Гей, гей, докучило бровеньками моргати!
Ахъ, ахъ, дай-же Боже, того мужа дождати!

Возьму шубу съ аксамиту,
Соболями подшиту,
Золотыи галоны,
А среброеныи запоны.
Гей, гей, докучило бровеньками моргати!
Ахъ, ахъ, дай-же Боже, того мужа дождати!

Чоботки съ сафьяну,
За семъ золотыхъ достапу
Да выкрешу ґулубця:
Чи не сваблю молодця.
Гей ей, докучи ло бровоньками моргати!
Ахъ, ахъ, дай-же Боже, того мужа дождати!

III. ОБРЯДНЫЯ ПѢСНИ.

1.

Хора, я хора, мусить я умру,
Идить-же, приведить, кого я люблю,
Привидить-же ми попа, приведить мя дяка,
Най я спишу худобоньку за своего житья.
Маю я чтери волоньки,
Шо-бы меня ховали чтыри поподьки;
А донькамъ дамъ съ шыи коралп,
Шо-бы мене положили красно на лавѣ;
А невѣсткамъ дамъ скрыню и подушеньки,
Шо-бы за мною заводили якъ ластоньки;
Сынови дамъ сѣру корову,
Шо-бы мене выпроводивъ красно до гробу;
А подзвонному дамъ семъ мѣръ полотна,
Шо-бы менѣ дзвонивъ цѣлый тыждень щодня;
А дьякови дамъ пять мѣръ полотна,
Шо-бы на менѣ несыпавъ велику могилу,
А сусѣдямъ дамъ корецъ пшениця,
Шо-бы мене споминали при пьятницѣ.

2.

Выйди панонъку до насъ,
Выкупъ си вѣнецъ у насъ,
Положи червонного,
Вотъ вѣнця полового;
Бо якъ не выйдешъ до насъ,
Не выкупишь вѣнця у насъ,
До корчмы понесемо,
Горѣвки напьемо
Занесемо до Жида—
Буде, пане, огида.

3.

Казала намъ нивка,
Шо е въ пана горѣвка,
Въ коморѣ на полицѣ,
Въ кресталевый скляницѣ;
Въ кормѣ подъ лавою,
Прпросла муравою.

4.

На горѣ крениця,
Коло неи пшениця;
Жали іи женци.
Та сами молодици,—
Хлопци вусатыи,
И дѣвки косатыи.
Добра нивонька була,
Сто копъ изродила:

Що пока, то колода,
Панови нагорода,
Запрягайте волы,
Ѣдьте по подпоры,
Скиртоньки подперати,
Вязальниковъ поспрашати.

5.

У нашего пана,
Золотая брама,
Золотая прнспа,
Сила—вязальниковъ триста:
Добру долеську мае,
Рано съ поля сбережае,
Только тужаночки,
Що женки не мае.

МАЛО-РУССКІЯ ПѢСНИ.

I. СЕМЕЙНЫЯ ПѢСНИ.

1.

Вѣютъ вѣтры, вѣютъ буйны,
Ажъ деревья гнуться;
Ой, якъ болитъ мое сердце,
Сами слезы льются!
Трачу лѣта въ лютомъ горѣ
И конця не бачу;
Тольки минѣ й легче стане,
Якъ трошки по плачу!
Не поможутъ слезю счастю—
Серцю легче буде!
Хто счастливъ бувъ хоть часочокъ,
По вѣкъ не забуде!
Естъ же люди, що и моей
Завидуютъ долѣ:
Чи счастлива-жъ та былинка,
Що росте у полѣ?
Ой у полѣ на песочку,
Безъ росы на сонце....
Тяжко жити безъ милаго,
На чужой сторонцѣ!
Безъ милаго доли нема,
Стане свѣтъ тюрьмою;
Безъ милого счастя нема,
Нема и покою!
Де ты милый, чернобривый?
Де ты? озовися?
Якъ безъ тебе я горюю—
Прійди подивися!
До кого я пригорнуся,
И хто приголубитъ—
Коли нема того тута
Якій мене любитъ!
Полетѣла-бъ я до тебе,
Да крылецъ не маю;
Сохну, чахну я безъ тебе,
Всякъ часъ умираю.

2.

Ой сама я, сама пшениченьку жала;
Ой прійду я до домоньку—нема мого пана!
Челядонька у дому — ой що-жъ мине по тому?
Дала-жъ бы я бѣлы руки—да нема кому!
Пойду я до комнаты постелоньки слати:
Постель бѣла, стѣна нѣма, не съ кѣмъ розмолвляти!
Ой постель бѣленька, а стѣна нѣменька:
Сжалься, сжалься, милый Боже! ще я молоденька.
Ой выйду я, выйду на крутую гору;
Ой стану я, ой гляну я на быстреньку воду:
Щука рыба въ водѣ до воли гуляе;
А я стою да думаю, що пары не маю.
Минѣ тольки пары, що оченьки кары!
Тольки-жъ минѣ всей любви, що чорныи брови!
Очи-жъ мои кары, бѣда минѣ зъ вами:
Не хочете привыкати безъ милаго сами!
Хоть хочете, не хочете—треба привыкати,
Уже-жъ со вамъ миленькаго по вѣкъ не видати!

3.

Въ огородѣ хмелиноньки
Грядки устилае;
Про-межъ людьми дѣвчиноньки
О, горько рыдае.
Що жъ хмелина зелененька,
Що не вьется въ гору?
Що-жъ дѣвчина молоденька
Проклинае долю?
Якъ хмелинѣ въ гору виться—
Тычины немае!

Якъ дѣвчинѣ не журиться—
Казакъ покидае!

4.

Ой летѣла зозуленька
Черезъ поле, гай;
Да й згубила рябе перце
На тихій Дунай.
Ой якъ тому рябенькому
Перцю на Дунаю—
Ой такъ минѣ сиротинѣ
На чужому краю!
Ой покочу золотый перстень
По крутой горѣ—
Пойшли мои лѣта зъ свѣта
Якъ листъ по водѣ?....

5.

Ой плавала сѣра утка по водѣ,
Кликала вона матенку и къ собѣ:
Прибудь моя матенко и къ минѣ,
Ой дай минѣ порадоньку, бѣдной сиротѣ!
Ой рада-бъ я, дитя мое, прибути къ тобѣ—
Засыпано сырой земли на груди мои,
Склепилися черны очи на всѣ ночи,
Закипѣли уста кровью—не промовлю!
Ой корися, дитя мое, чужой сторонѣ:
Нехай дае порадоньку бѣдной сиротѣ.—
Корилася, моя матенко, не разъ и не два—
Да не дае порадоньки чужа сторона!

6.

По за садомъ дорога
До самого порога;
По за садомъ стежечка
Да до мого сердечка.
Ой пойду я брукати,
Своего роду шукати;
Да не нашла родины,
Ни вирнои дружины:
Пашла въ полѣ ялину,
Матенчину могилу.—
Устань неню до мене!
Горе мене безъ тебе!
Горе менѣ на чужинѣ,
Не ма родину при менѣ,
Не ма роду, родины,
Ни вѣрной дружины!
Соловейко маленькій,
Въ тебѣ голосъ тоненькій:
Защеречи ты менѣ,
Що я въ чужой сторонѣ,
Нема роду, родины,
Ни вѣрнои дружины.

Да вже-жъ сіи вороги
Кругомъ хату сбняли,—
Не такъ хату, ще й сѣни
Вороженьки обсѣли.

7.

Ой полети галко, де мой родный батько:
Нехай мене одвѣдае, коли мене жалко!....
Галочка немае, батенька не буде!
Ой де-сь мене несчастную на вѣки забли!
Чи ихъ порубано, чи въ полонъ занято?
Уже-жъ минѣ свѣтъ не милый, ни въ буддень, ни въ свято!
Ой полети орле, де мой братикъ оре:
Нехай воловъ покидае—мене одвѣдае!
И орла немае, братика не буде!
Полетить синици де родны сестрици:
Нехай мене одвѣдають, мои жалобници!
И синиць немае, и сестриць не буде!
Плыви, плыви утко, противъ воды прудко:
Скажи моей матенцѣ, що я умру хутко!
Утенки немае, матенки не буде!.....
Ой на горѣ верба, подъ горою кормча;
Ой тамъ мой родъ пье, гуляе, мене поминае:
Ой де-сь наша несчастная въ свѣтѣ погибае!

8.

Не жаль минѣ на голоньку,
Минѣ жаль на ворононьку:
Завезъ мене мой миленькій
На чужую сторононьку!
А на чужой сторонцѣ
Зовутъ мене заволокою,—
Кажутъ плысти черезъ рѣченьку,
Быстренькую и глыбокую.—
Чи минѣ плысти, чи минѣ брести,
Чи минѣ въ неи утопитися?
Бѣда-жъ минѣ на чужинѣ:
Нѣ до кого прихилитися?...
Прихилюся до дубонька:
Минѣ дубонька—да не батенька:
Вѣтеръ вѣе, голья мае,
А вонъ стоить не промовляе!
Усе горы, усе лѣсы!
Нѣгдѣ воды напитися!—
Бѣда минѣ безъ матеньки:
Нѣ до кого прихилитися!—
Прихилюся до липоньки:
Минѣ липонька да не матенка:
Вѣтеръ вѣе, голья мае—
А вонъ стоить, не промовляе.

Усе горы, усе лѣсы!
Нѣгде воды напитися!—
Бѣда мнне безъ братика:
Нѣ до кого прихилитися?
Прихилюся до явора:
Минѣ яворъ да не братичокъ;
Вѣтеръ вѣе, голья мае—
А вонъ стоить, не промовляе!
Усе горы, усе лѣсы!
Нѣгде воды напитися!
Бѣда минѣ безъ сестрици:
Нѣ до кого прихилитися!
Прихилюся до березоньки:
Мнѣ березонька да не сестронька:
Вѣтеръ вѣе, голья мае—
А вона не промовляе.
Усе горы, усе лѣсы!
Нѣгде воды напитися!
Бѣда минѣ безъ родины:
Нѣ до кого прихилитися!
Прихилюся я до ялины:
Мнѣ ялина не родина:
Вѣтеръ вѣе, голья мае,
А вона не промовляе,
Бѣдна душа моя пропадае!

II. ШУТОЧНЫЯ ПѢСНИ.

1.

Ой густый очеретъ, да й лепеховатый:
Чи ты жъ мене не познавъ, пришелепова-
тый?
Ты думаешь, дурню, що я тебе люблю?
А я тебе, дурню, словами голублю!
Ты думаешь, дурню, що я жениХаться?
А я зъ тебе, дурню, абъ посмѣяться!
У городѣ бузина перерубленая:
Одступися, препоганый—я полюбленая!
У городѣ бузина, на ей листу нема:
Не ходи и не люби, коли толку нема!

2.

Чи я-жъ въ мужа не жена,
Чи не господыня:
Семъ день хаты не мела,
Смѣтья не носила!
За що-жъ мене, мужу, бьешь,
За якіи вчинки?
Чи я-жъ тобѣ не напряла
За рокъ три починки?
Одинъ пряла до Роздва,
Другій до Миколы,
А якъ третій почала—
Будей й до Покровы!
Да не сама пряла,
Кума помогала;
Кумъ дала мыску пшона
И три куски сала.
Да не сама пряла,
Були помощници—
То за хлѣбъ, то за соль,
То за паляници.
Ой ты пьешь, мене бьешь!
Може-бъ я робила;
Накупивъ веретенъ—
Нема мотовила.
Въ печи дрова не горятъ,
Такъ я подпалила;
Таки тобѣ недовѣрку
Борщу наварила!
Де я зросла, де ты зросъ—
До-купы насъ лихій знесъ,
А ни я, а ни ты
Не вмѣемо робити!
Ой ты пьешь, мене бьешь—
Розпытаймось за що:
Охъ и я, охъ и ты—
Обое ледащо!

3.

Да оре Семенъ, оре
Да чорными волами;
Его женка Катеринка
Гуляе за Москолями.
Да оре Семенъ, оре,
Да й на сонце поглядае:
Его женки Катеринки
И зъ обѣдомъ немае.
До орався-жъ той Семенъ
Да й до нового лану;
Пустивъ воловъ до дубровы,
А самъ пойшовъ до дому.
Якъ пришовъ-же той Семенъ
Да до новыи хаты;
Пытается своихъ дѣтей:
А де, дѣти, ваша мати?—
Ой пошла наша мати
Да у лугъ по теляты:
Забожилась, заклялася,
Що не ваша дѣти мати?
Ой якъ кинется Семенъ
Да до новои скрыньки.
Нема добра, нема й скрыньки,
А не жонки Катеринки!
Якъ удагитьсяжъ Семенъ

Да объ полы руками:
«Дѣтки мои, квѣтки мои!
О, пропавъ я зъ вами!
Ой ударьте морозы
Да на тѣ густыя лозы
Побій Боже Катерину
За Семеновы слезы!»
А Семеновы слезы
Марне не пропали:
На камни бѣлыи зпадали
Бѣлы камни розбивали!

4.

Сосѣдъ уже жито сѣе,
У сосѣда зеленѣе;
А у менѣ не сѣяно,
А ни поле не орано.
У сосѣда хата бѣла,
У сосѣда жонка мила;
А у мене ни хатыньки,
А ни счастя, а ни жонки!
За сосѣдомъ молодици,
За сосѣдомъ и вдовици,
И дѣвчата поглядаютъ,
Що сосѣда всѣ кохаютъ.
Одна була полюбила
И рученьку заручила,
И та потомъ такъ сказала:
Що я тебѣ не кохала!
Чи безъ счастя уродився,
Чи безъ счастя окрестився?
Чи такии кумы брали—
Счастя, доли не вгадали!
Ой на ставу, на ставочку,
Тамъ плаваютъ чирпночки.
Одна другу догоняе—
Кожна собѣ пару мае!
Ой на ставу, на ставинѣ,
Тамъ плаваютъ да два лыни:
Одинъ другого догоняе—
Кождый соби пару мае!

5,

Била жонка мужика,
Пошла позывати;
Присудили мужику
Ще жонки прохати.
Сидитъ жонка на причечку,
Ножки подобгавши;
Стоитъ мужикъ у порога,
Шапочку изнявши.
Прости мене, моя мила,
Що ты мене била;
Куплю тобѣ гарнецъ меду,
Коновучку пива.—
Ой одъ пива болитъ спина,
Одъ меду голова:
Купи минѣ горѣлочки,
Що-бъ була здорова.
Да ще, мужичище,
Вчини мою волю:
Поскачи ты гайдуйка
Да передо мною!—
Кричитъ мужичище,
Взявши за бочище:
Гойя! гойя! моя мила—
Отъ и гайдучище!—
Не дивится, панове!
Що жонка вчинила.—
Що своего мужика
Гайдука навчила!
Бо вже така пора прійшла,
Що ще й не бывало:
Якій дѣдько ни побье—
То й пиши пропало!

III. ОБРЯДНЫЯ ПѢСНИ.

1. ВЕСНЯНКИ.

1.

Розлилися воды
На чотыре броды:
У першому бродѣ
Соловейко щебетавъ,
Зелены сады розвивавъ;
У другому бродѣ
Зазулька ковала,
Лѣтечко казала;
У третему бродѣ
Коничокъ заржавъ,
Вонъ дороженьку почавъ;
А въ четвертомъ бродѣ
Да дѣвчина плаче,
За нелюбого идучи.
Собе лихо чуючи.

2.

Свѣти, зоре, на все поле,
Заколь мѣсяцъ зыйде,
Заколь до мене миленькій
Вечеряти прійде.
Ой чи прійде, чи не прійде
На вечерю тую;
А я ему ранесенько
Снѣдати зготую!—
Цвѣли лозы при дорозѣ

Синесенькимъ цвѣтомъ.
Ишовъ казакъ изъ улици
Бѣлесенькимъ свѣтомъ.
Не жаль тому казаченьку
Поснѣдати дати,
Що вонъ иде изъ улици,
Якъ стане свѣтати.

3.

Нема леду, нема леду,
Нема й переходу;
Коли тобѣ люба мила—
Бреди й черезъ воду!
Перебрела двѣ рѣченьки
Й половину ставу:
Не водь мене, казаченьку,
Въ великую славу!
Ой сама-жъ ты, дѣвчинонько!
Себе въ славу вводишь
Що позно́нько, нераненько
Изъ улици ходишь.
Ой якъ мнѣ казаченьку,
Да раньше ходити?
Якъ возьмешъ ты за рученьку,
Не мусяшь пустити!

2. ТРОИЦКІЯ.

1.

Ой бѣжитъ, бѣжитъ мила дѣвочка,
А за нею да русалочка.
Ты послухай мене, красно паночка!
Загадываю тобѣ три загадочки:
Якъ угадаешь—до батька пущу,
Коло-жъ не вгадаешь—до себѣ возьму.
Ой що росте безъ кореня,
А що цвѣте безъ всякаго цвѣту?
Камень росте да безъ кореня,
Вода бѣжитъ да безъ повода,
Папороть цвѣте безъ всякаго цвѣту!....
Панночка загадочки не вгадала:
Русалочка ее залоскотала.

2.

Ой завью вѣнки да на всѣ святки!
Ой на всѣ святки—на всѣ праздники!
Да рано, рано, на всѣ праздники.
А въ бору сосна колыхалася,
Дочка батенька дожидалася.
Ой мой батеньку, мой голубчику!
Ты прибудь ко мнѣ хоть на одно лѣто!
У мене въ тынѣ передъ воротами
Синее море розливается;
Паны и гетьманы избѣгалися,
Все сему диву дивовалися.

3.

Прилетала зозуленька
Зъ темного лѣсочку:
Сѣла, пала, заковала
Въ зеленомъ садочку.
Ой якъ выйшла Марусенька
Въ неи запытала:
Скажи мнѣ, зозуленько,
Довго буду въ батька?—
Будешъ мила Марусенька
Сей день до вечора!—
Бо-дай жо ты, зозуленько,
Сѣмъ лѣтъ не ковала,
Що ты мнѣ молоденькой
Правды не сказала!

3. КУПАЛЬСКІЯ.

1.

Иване, Ивашеньку,
Не переходь дороженьку.
Иване, Ивашеньку!
Якъ перейдешь—виноватъ будетъ.
Иване, Ивашеньку!
Зроблю я тобѣ у трехъ зельяхъ.
Иване, Ивашеньку!
Прійшлось дѣвкамъ за Дунай плысти.
Иване, Ивашеньку!
Всѣ дѣвочки переплыли;
Иване, Ивашеньку!
А сиротечка утонула.
Иване, Ивашеньку!
Дошли слухи до мачухи.
Иване, Ивашеньку!
Да не жаль же мнѣ дочки,
Иване, Ивашеньку!
Да не дочки и—падчерочки:
Иване, Ивашеньку!
Жаль плахточки-крещаточки
Иване, Ивашеньку!
И запасочки синяточки!

2.

Торохъ, торохъ по дорозѣ!
Що за гомонъ по дубровѣ?...
Ой брать сестру вбивать хоче;
Сестра въ брата прохалася:
Мой братечку, голубчику!
Не вбивай мене у лѣсочку.
Убій мене въ чистомъ полѣ;

Ой якѣ убъешь, поховай мене!
Обсади мене тремя зельями:
Першимъ зельемъ—гвоздичками,
Другимъ зельемъ—васильками,
Третимъ зельемъ—стрѣлочками!
Дѣвочки идуть—гвоздички рвуть
И мене зпомяпуть;
Молодички идуть—василечки рвуть
И мене зпомянуть;
Парабочки идуть—стрѣлочку рвуть
И мене зпомянуть!

3.

А въ борку на клинку
Чiй-же то ленъ да не полотый?
То Марусинъ ленъ, да не полотый.
Чому-жъ вона да не выполола?
То за симъ, то за тымъ,
То за сномъ товстымъ.
Ой чiя-жъ то сѣножать да не кошеная?
То Грицькова сѣножать да не кошеная—
То за симъ, то за тымъ,
То за сномъ товстымъ.

4.

Стояла ту поля вкрай чистаго поля,
Стiй ту полинько, стiй, ни развивайся,
Буйному витроньку на подавайся!
На наши ту поли, четыре сокола:
Первый соколко, молодый Иванко,
А другiй соколко, молодый Николко,
А третiй соколко, молодый Михайло,
Четвертый соколко, молодый Василько.

5.

Ой! ни стiй, вербо, надъ водою,
Та не пускай зелья по Дунаю.
Ой! дунай море разливае,
И день и ночь прибувае,
Въ вирби корень пидмывае,
А сверхи вершокъ усыхае,
Коло верби листья опадае,
Стань соби, вербо, на рыночку,
У крищатому барвиночку,
У запашнимъ васильку.

6.

Ой! купалочка купалася,
Та на бережку сушилася,
Тай тому люди дивовалися;
Ой! ни дивуйтесь симу, люди,
Бо я бачила дивнiйшое!
Щука рыба красно ткала,
А ракъ на буеракъ цивки сучитъ,
А муха горюха дежу миситъ,
Комаръ пищитъ, водицу несетъ.

7.

Наши подоляни церковь збудовали,
Не такъ збудовали, якъ намалевали,
Та намалевали три мѣсяцы ясныхъ:
Ой! первый мисяцъ молодый Иванко,
А другiй мисяцъ молодый Василью,
А третiй мисяцъ молодый Михалко.
Наши подоляни церковь збудовали,
Не такъ збудовали, якъ намалевали,
Та намалевали три зирочки ясныхъ, три дивочки красныя:
Ой! первая зирочка млада Маричка,
А другая зирочка млада Галичка,
А третiя зирочка млада Варачка.

8.

Солнце сходе, играе,
Иванко коника сидлае,
На стременички ступае,
На сидѣлицко злегае,
Тяжинко, важинко вздыхае,
А его батюшко пыта;
Що ты сыночекъ гадаешь,
На сщо ты коника сидлаешь?

9.

Що тоби батюшко до сего,
Сидлаю коника ни твоего;
Пойду до тестя до своего;
Пущу я коника по двору
Своему тестеви на хвору:
Ой! у моего тестя новый дворъ,
И барвиночкомъ стили дверъ,
И василичкомъ мети двиръ,
Щобъ мене тещинка хвалила,
Щобъ мене дивчина любила.—

10.

Ой! чье то жито пидъ гору стояло,
Иванкове жито пидъ гору стояло,
Пидъ гору зелененько, по мисяцу виднен-ко.
Молода Маричка ходи жито жати?
Молодый Иванко! ни всмiю я жати,
Якъ я тебѣ возму, жито жати научу,
Пидъ гору зелененько, по мисяцу видненко серденко!

11.

Ой! вербо, вербо вербиця—
Часъ тоби вербице розвитця!—
Ой! ище ни часъ ни пора,
Часъ тоби Иванку жиниться.
Ой! ище ни часъ, ни пора,
Ощежъ мои дивчина молода,
Та пехай до лита, до Ивана;

Щобъ моя дивчина погуляла,
На нехай до лита, до Петра,
Щобъ моя дивчина пидросла.

12.

Иваньско цвѣдье, Петровско,
Иванъ га бере те бере,
Маици га баце у крило,
А маіка скрала пя землу.

13.

Купала на Ивана.
Купался Иванъ, та въ воду упавъ,
Купала на Ивана.
Та и шли дѣвочки, и тояго дочки,
Слій вода чорна хмара; на долинѣ роса пала,
На улицѣ Купала на Ивана.
А въ пирипилички нижки нивилички,
И на гору низойде, на долини ни стане,
Купала на Ивана.
Сего дня Купала, а завтре Ивана:
Чимъ мини моя мати торговати?
Сего дня Купала, а завтре Ивана,
Чимъ мини моя мати торговати?—
Повызу я свекорка продоваты,
Риднаго бытынька куповаты;
Здишевыла свекорка, здишевыла,
Риднаго батынька не купыла.
Сегодня Купала, а завтра Ивана:
Чимъ мини моя маты торговати?—
Повызу я свекруху продоваты
Ридную матыньку куповаты;—
Здишевыла свекруха, здишевыла,
Ридной матыньки не купыла.—
Сегодня Купала, а завтра Ивана:
Чимъ мини моя маты торгуваты?
Повызу я диверька продоваты,
Риднаго братика куповаты;
Здишевыла диверька, здишевыла,
Риднаго братика не купыла.—
Сегодня Купала, а завтра Ивана:
Чимъ мини моя маты торговати?
Повызу я зывцю продоваты—
Ридную сестрыцу куваты;
Здишевыла зовыця, здишевыла,
Ридной сестрици не купыла!

ПОСЫПАЛЬНЫЯ.

1.

Ходитъ Илья
На Василя,
Носить пугу
Житяную,
Де замахне—
Жито росте.
Роди, Боже!
Жито, пшеницю,
У полѣ ядро,
А въ полѣ добро!

ЗАЖНИВЫЯ.

1.

Ой чие-жъ то поле
Зажовтѣло стоя?
Иванове поле
Зажовтѣло стоя;
Женьци молодыи,
Серпы золотыи!
Ой чие-жъ то поле
Задремало стоя?
То Грицькове поле
Задремало стоя;
Женьици все старыи,
Серпы все стальныи—
Задремало стоя,—
А мы свому пану
Изробили славу:
Житечко пажали,
Въ снопы пивязали,
У копы поклали.
А мы свому пану
Изробили славу!
Ой, паноньку нашъ,
Обжиночковъ часъ!

2.

Ой въ чужого Господаря обѣдать пора,
А въ нашого Господаря ще й думки нема.
Ой паноньку нашъ! обѣдати часъ!
У чужого Господаря горѣлочку пьють,
А въ пашого Господаря воды не дають.
Ой паноньку нашъ! обѣдати часъ!
У чужого Господаря полудновать пора,
А въ нашого Господаря ще й па думѣ нема.
Ой паноньку нашъ! полудновать часъ!
У чужого Господаря пополудновали,
А въ нашого богатого ще й не думали.
Ой паноньку нашъ! полудновать часъ!

3.

Закатилось да сонечко
За виноградный садъ:
Цѣлуйтеся, милуйтеся

Да хто кому радъ!
Ой Маруся и зъ Ивашкомъ
Цѣловалась, миловалась
И рученьку дала:
От-се тобѣ, Ивашеньку,
Рученька моя!
Ой якъ пождешь до осени,
Буду я твоя!...

IV. ВОЕННЫЯ ПѢСНИ.

1.

Мазепо гетьмане, израдливый пане!
Злее починаешъ, зъ Шведомъ накладаешъ
И на Царя восточного руки подоймаешъ.
Поднявъ еси Орду, изробивъ тревогу!—
А при той измѣнѣ бувъ Кочубей да Искра:
Пошли-жъ воны зъ-подъ Полтавы да до Царя знишка.
А Царь вѣры не донявъ, до Мазепы одославъ:
Скоро-жъ ихъ Мазепа взрѣвъ— барзо извеселився;
А Кочубей изъ Искрою слезами олився.
Усѣ паны сенаторы, усѣ бенкетъ мали;
Кочубея жъ изъ Искрою барзо забували.
Только ты ихъ не забувъ, Миргородскій пане,
Що Кочубей изъ Искрою за Вкраину стали!—
У Кіевѣ на Подолѣ порубаны груши;
Погубивъ же песъ Мазепа невинныя души!
Ой выгорѣвъ весь Батуринъ, зосталася хата;
Да вже-жь твоя, псе Мазепо, и душа проклята.
Бувъ у тебе, псе Мазепо, одинъ хлопецъ Нѣмецъ.
Пошло жь твое Мазепо, усе добро нивець!

2.

У Глуховѣ у городѣ у всѣ дзвоны дзвонють;
Да вже нашихъ казаченьковъ на линѣю гонютъ.
У Глуховѣ у городѣ стрѣльнули за гарматы;
Не по одномъ казаченьку заплакала мати.
У Глуховѣ у городѣ стрѣльнули зъ рушницы;
Не по одномъ казаченьку плакали сестрицы.
У Глуховѣ у городѣ поплетены сѣтки;
Не по одномъ казаченьку заплакали дѣтки.
На быстромъ на озерѣ — геть плавала качка;
Не по одномъ казаченьку плакала казачка.—
У Грицковѣ огни горять, а въ Полтавѣ дымно;
На могилѣ Гетьманъ сидить—геть-тамъ его видно!
Допевняй-жъ, нашъ гетьмане, допевняйся платы!
Якъ не будешъ допевняти, будемо втекати.
Ой идѣть-же вы, панове, Петра до свата—
Ой тамъ буде вамъ, панове, велика заплата:
По за ступу у рученьки, да ще и лопата!
Сидить казакъ на могилѣ, сорочку латае,
Ой кинувся до черешка—копѣйки немае.
Сидить пугачъ на убочу, на вѣтеръ надувся:
Иде казакъ въ Украину, на лихо здобувся.
Ишовъ казакъ на линѣю да й вельми надувся,
Ишовъ казакъ изъ линѣи — якъ лихо зогнувся.

3

Высоко сонце заходить, низенько ложится,
Ой де-сь то панъ Палѣй Семенъ тепера журится?
Высоко сонце заходить, низенько заходить,
Ой де-сь то панъ Палѣй Семенъ по Сибиру бродить!
«Ой чуро, мой чуро, мой вѣрный Стоусю!
Ой ходѣмо у каплицю, Богу помолюся!
Ой Богови молюся, Святимъ поклонюся.
Знедащѣвъ-же я понурый, старенькимъ здаюся!
Старенькимъ здаюся, молитися мушу:
Хай милуе Милостивый мою грѣшну душу!»
Ой натягнувъ ему чура да сѣрую свиту,
Да давъ ему да у руку еловую вѣту.
Пойшовъ панъ Палѣй Семенъ Богови молиться,
Не то Богови молиться, й а не то журиться.
Прійшовъ панъ Палѣй до дому, да сѣвъ у наметѣ,
На бандурцѣ выгравае: «Лихо жити въ свѣтѣ!
Той, душу заклавши, свиту бачъ гаптуе;
А той по Сибиру—мовъ въ лузѣ дубуе.»

4.

Ой хто въ Крыму не бувавъ,
Той и дива не видавъ;
А мы въ Крыму бували,
Мы тамъ диво видали.
Перекопській комендантъ
Запорозьцямъ дае знать:
—Ой годѣ-жъ вамъ, Запорозьци,
Въ Кавантаѣ пробувать,
Ой ходѣмо на Ялы
Казаченьковъ рятовать.—
Запорозьци якъ пошли:
Впередъ голову найшли;
А въ Жадченка Степана
Облуплена голова,
Въ Московскаго копитана
Спина ободрана.
Лежать наши казаченьки
Якъ бѣленькіе смычки;
А въ Жадченка у Степана
По-за ногтьми спички.

5.

Ой на морѣ, на морѣ синенькомъ,
Тамъ плавала бѣла лебедонька
Изъ маленькими лебедятами,
Де ся взявъ сизоперый орелъ,
Ставъ лебедку бити й забивати,
Стала лебедка до его промолвляти:
Ой не бій мене, сизоперый орлоньку,
Скажу тобѣ всю щирую правдоньку;
«Якъ у томъ мѣсцѣ у Кистринѣ
Да бьется Орда уже три дни,
Бьется вона три дни и три години,
Розбилася вона на три половины.
Течуть рѣчки, да все кровавыи,
Черезъ тѣ рѣчки мостять мосты,
Мостять мосты, да все головками,
Головками, да все Московскими.»

6.

Збиралися комисары подъ царьски палаты,
Пишуть листы на Вкраину подъ аршины брати.
Написали на Вкраинѣ вдовиного сына:
Ой тожъ казакъ уродливый, доходить аршина.
Ой зачуе-жъ стара ненька, Ивасева мати:
«Ой де-жъ тебѣ, мой сынонъку, я маю сховати!»
—На що-жъ мене, матусенько, ты маешь ховати,
Буду тобѣ изъ столици червоныи слати!—
«На що-жъ мене, мой сынонъку, червонныи твои?
Що нѣкому поховати головоньки менѣ!»
—Поховають, моя нене, тебе добри люди,
Ой якъ мене молодого до тебе не буде.—
Вдовинъ сынокъ вдовиченько коня наповає;
Его ненька старесенька въ окно поглядае.
Вдовинъ сынокъ вдовиченько коника сѣдлае;
Его ненька старесенька сильненько рыдае.
Вдовинъ сынокъ вдовиченько зъ двора выѣзжае;
Его ненька старесенька за стременъ хапае.
Ой въ городѣ въ Очаковѣ вдарили изъ лука:
Да вже-жъ тобѣ, вдовинъ сыну, зъ матерью розлука,
У городѣ въ Очаковѣ вдарили зъ граматы:
Уже жъ тобѣ, вдовинъ сыну, матки не видати!

7.

Ой годѣ намъ журитися, пора перестати!
Дождатися отъ Цирици за службу заплаты!
Дала хлѣбъ-соль и граматы за вѣрныи служды;
Атъ-теперъ мы, мили братца! забудемъ всѣ нужды.
Въ Таманѣ жить, вѣрне служить, горницю держати,
Рыбу ловить, горѣлку пить, ще й будемъ богати.
Да вже треба женитися и хлѣба робити;
А хто прійде изъ невѣрныхъ, то якъ чорта бити.
Славу Богу и Царицѣ, а покой гетьману!
Залѣчили въ сердцяхъ нашихъ великую рану.
Благодаримъ мы Царицю, молемося Бугу,
Що вона намъ указала на Таманъ дорогу!

СКАЗАНІЯ

РУССКАГО НАРОДА.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

БЫЛИНЫ

РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ.

СЛОВО

О ПОЛКУ ИГОРЕВОМЪ.

СКАЗАНІЕ

О НАШЕСТВІИ БАТЫЯ НА РУССКУЮ ЗЕМЛЮ.

СЛОВО

ДАНІИ ЗАТОЧНИКА.

СКАЗАНІЕ

О МАМАЕВОМЪ ПОБОИЩѢ.

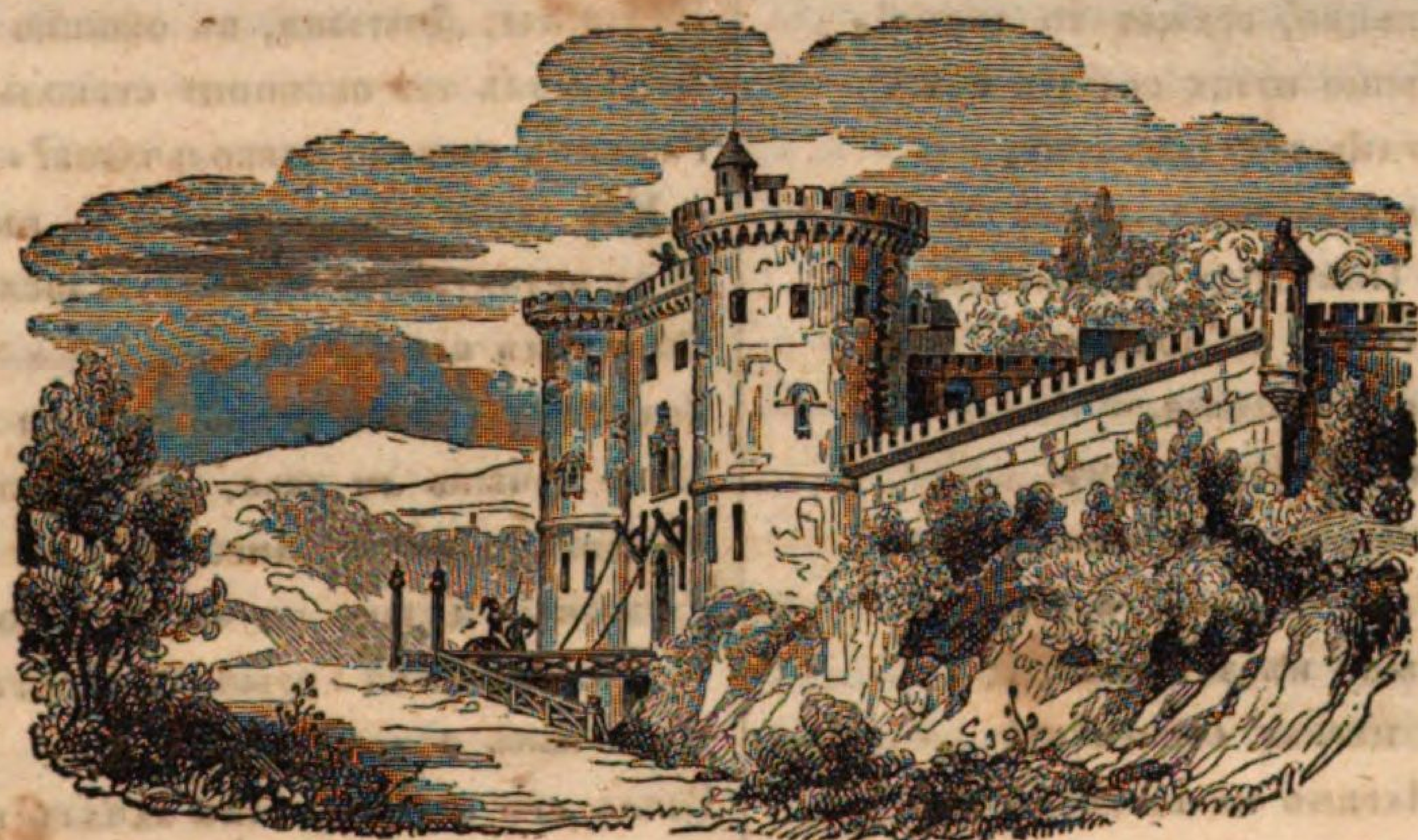
БЫЛИНЫ

РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ.

Для изданія Русскихъ Былинъ былъ принятъ за основаніе текстъ, помѣщенный въ рукописи, принадлежавшей Тульскому купцу Бѣльскому. Вариантами служили: 1. Русскія Былины, собранныя почтеннѣйшимъ В. И. Далемъ изъ устныхъ преданій жителей Казанскихъ и Оренбургской губерніи по Уралу 2. Сборникъ Демидова, изданный прежде А. Ѳ. Якубовичемъ, а потомъ К. Ѳ. Калайдовичемъ, подъ ложнымъ именемъ Кирши Данилова. При печатаніи, Былины Русскихъ людей были мною раздѣлены на семь отдѣльныхъ пѣсенъ такъ, какъ онѣ были помѣщены въ рукописи Бѣльскаго.

БЫЛИНЫ
РУССКИХЪ ЛЮДЕЙ.

ДОБРЫНЯ НИКИТИЧЪ.

Во стольномъ ли во городѣ во Кіевѣ,
У славнаго, Осударь, Князя у Владиміра
Три года Добрынюшка стольничалъ,
А три года Никитичъ приворотничалъ,
Онъ стольничалъ, чашничалъ девять лѣтъ,
На десятой годъ погулять захотѣлъ
По стольному по городу по Кіеву.
Взявши Добрынюшка тугой лукъ,
А и колчанъ себѣ каленыхъ стрѣлъ,
Идетъ онъ по широкимъ по улицамъ,
По частымъ, мѣлкимъ переулочкамъ,
По горницамъ стрѣляетъ воробушковъ,
По повалушамъ стрѣляетъ сизыхъ голубей.
Зайдетъ въ улицу Игнатьевску,
И во тотъ переулокъ Маринин,
Взглянетъ ко Маринѣ на широкъ дворъ,
На ея высокіе терема,
А у молодой Марины Игнатьевны,
У ея на хорошемъ, высокомъ терему,
Сидятъ тутъ два сизые голубя,
Надъ тѣмъ окошкомъ косящатымъ;
Цѣлуются они, милуются,
Желты носами обнимаются.

Тутъ Добрынѣ за бѣду стало,
Будто надъ нимъ насмѣхаются;
Стрѣляетъ въ сизыхъ голубей;
А спѣла, вѣдь, тетивка у туга лука,
Звыла, да пошла калена стрѣла.
По грѣхамъ надъ Добрынею учинилося,
Лѣвая нога его поскользнула,
Правая рука удрогнула:
Не попалъ онъ въ сизыхъ голубей;
Что попалъ онъ въ окошечко косящатое,
Проломилъ онъ окошницу стекольчатую,
Отшибъ всѣ причалины серебряныя,
Разшибъ онъ зеркало стекольчатое,
Бѣлодубовы столы пошаталися,
Что питья медвяныя возплеснулися.
А втапоры съ Мариной безвременье было:
Умывалася Марина, снаряжалася,
И бросилася на свой широкой дворъ.
«А кто это невѣжа на дворъ заходилъ?
А кто это, невѣжа, въ окошко стрѣляетъ?
Проломилъ оконницу мою стекольчатую,
Отшибъ всѣ причалины серебряныя,
Разшибъ зеркало стекольчатое?»

И втапоры Маринѣ за бѣду стало:
Брала она слѣды горячіе, молодецкіе,
Набирала Марина беремя дровъ,
А беремя дровъ бѣлодубовыихъ,
Клала дровца въ печку муравленую
Со тѣми слѣды горячими,
Разжигаетъ дрова палящатымъ огнемъ,
И сама она дровамъ приговариваетъ:
«Сколь жарко дрова разгараются,
Со тѣми слѣды молодецкими,
Разгоралось бы сердце молодецкое,
Какъ у молода Добрынюшки Никитьевича!
А и Божье крѣпко, вражье-то лѣпко!»
Взяло Добрыню пуще остраго ножа
По его по сердцу богатырскому;
Онъ со вечера, Добрыня, хлѣба не ѣстъ,
Со полуночи Никитичу не уснется,
Онъ бѣла-то свѣта не дождется.
По его-то щаски великія,
Рано зазвонили ко заутренямъ:
Вставаетъ Добрыня ранешенько,
Подпоясалъ себѣ сабельку острую,
Пошелъ Добрыня къ заутрени;
Прошелъ онъ церкву соборную,
Зайдетъ ко Маринѣ на широкой дворъ,
У высокаго терема послушаетъ:
А у молодой Марины вечеринка была,
А и собраны были душечки, красны дѣвицы,
Сидятъ и молоденьки молодушки:
Всѣ были дочери отецкія,
Всѣ тутъ были жены молодецкія.
Вошелъ онъ, Добрыня, во высокъ теремъ:
Которыя дѣвицы приговариваютъ,
Она, молода Марина, отказываетъ и прибраниваетъ.
Втапоры Добрыня ни во что положилъ,
И къ нимъ бы Добрыня въ теремъ не пошелъ.
А стала его Марина въ окошко бранить,
ему больно пѣнять.
Завидѣлъ Добрыня онъ Змѣя Горынчища.
Тутъ ему за бѣду стало,
За великую досаду показалося.
Сбѣжалъ на крылечко на красное;
А двери у терема желѣзныя
Заперла Марина Игнатьевна.
А и молодой Добрыня Никитичъ младъ,
Ухватитъ бревно онъ въ охватъ толщины,
А ударилъ во двери желѣзныя,
Не доладомъ изъ пяты онъ вышибъ вонъ,
И сбѣжалъ онъ на сѣни косящаты.
Бросилась Марина Игнатьевна
Бранитъ Добрыню Никитича:
«Деревенщина ты, дѣтина, зашельщина!
Вчерась ты, Добрыня, на дворъ заходилъ,
Проломилъ мою оконницу стекольчатую,
Ты разшибъ у меня зеркало стекольчатое.»
А бросится Змѣища Горынчища,
Чуть его, Добрыню, огнемъ не спалилъ,
А и чуть молодца хоботомъ не ушибъ.
А и самъ тутъ Змѣй почалъ бранити его,
Больно пѣняти: «не хочю я звати Добрынею,
Не хощу величать Никитичемъ;
Называю-те: дѣтиною, деревенщиною и зашельщиною.
Почто ты, Добрыня, въ окошко стрѣлялъ?
Проломилъ ты оконницу стекольчатую,
Разшибъ зеркало стекольчатое?»
Ему тутот-ко, Добрынѣ, за бѣду стало,
И за великую досаду показалося.
Вынималъ саблю острую,
Воздымалъ выше буйны головы своей:
«А и хочешь ли тебя, Змѣя, изрублю я
Въ мѣлкія части, пирожныя,
Разбросаю далече по чистому полю»?
А и тутъ Змѣй Горыничъ хвостъ поджалъ,
Да и вонъ побѣжалъ;
Взяла его страсть, такъ зачалъ бѣжать,
Околышки металъ, по три пуда.
Бѣгучи онъ, Змѣй, заклинается:
«Не дай Богъ бывать ко Маринѣ въ домъ,
Есть у ней не одинъ я другъ,
Есть лучше меня и повѣжливѣе.»
А молода Марина Игнатьевна
Она высунулась по поясъ во окно,
Во одной рубашкѣ, безъ пояса;
А сама она Змѣя уговариваетъ:
«Воротись милъ надежа, воротись другъ!
Хошь я Добрыню оберну клячею водовозною?
Станетъ-де Добрыня на меня и на тебя воду возить;
А еще хошь я Добрыню оберну гнѣдымъ туромъ?»
Обернула его, Добрыню, гнѣдымъ туромъ,
Пустила его далече во чисто поле,
А гдѣ-то ходятъ девять туровъ,
А девять туровъ, девять братанниковъ,
Что Добрыня имъ будетъ десятой туръ,
Всѣмъ атаманъ — золоты рога.
Безвѣстно стало богатыря молодаго,
Добрыни Никитьевича,
Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ.
А много-де прошло поры, много времени:
А и не было Добрыни шесть мѣсяцевъ,

По нашему-то Сибирскому слыветъ полгода.
 У Великаго Князя вечеринка была,
А сидѣли на пиру честныя вдовы,
И сидѣла тутъ Добрынина матушка,
Честна вдова, Аѳимья Александровна;
А другая честна вдова, молода Анна Ивановна,
Что Добрынина матушка крестовая.
Промежу собою разговоры говорятъ,
Всѣ были рѣчи прохладныя.
Неотколь взялась тутъ Марина Игнатьевна,
Водилася съ дитятами княженецкими,
Она больно Марина упивалася,
Голова на плечахъ не держится,
Она больно Марина похваляется:
«Гой еси вы, княгини, боярыни!
Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ
А и нѣтъ меня хитрѣе, мудрѣе:
А и я-де обернула девять молодцовъ,
Сильныхъ, могучихъ богатырей гнѣдыми турами;
А и нынѣ я-де отпустила десятаго молодца
Добрыню Никитьевича,
Онъ всѣмъ атаманъ—золоты рога.»
 За то-то слово изымается
Добрынина матушка родимая,
Честна вдова, Аѳимья Александровна;
Наливала она чару зелена вина,
Подносила любимой своей кумушкѣ,
А сама она за чарою заплакала:
«Гой еси ты, любимая кумушка,
Молода Анна Ивановна!
А и выпей чару зелена вина,
Поминай ты любимаго крестника,
А и молода Добрыню Никитьевича;
Извела его Марина Игнатьевна,
А и нынѣ на пиру похваляется.»
Проговоритъ Анна Ивановна:
«Я-де сама эти рѣчи слышала,
А слышала рѣчи ея похваленыя.»
 А и молода Анна Ивановна
Выпила чару зелена вина,
А Марину она по щекѣ ударила,
Сшибла она съ рѣзвыхъ ногъ,
А и топчетъ ее по бѣлымъ грудямъ,
Сама она Марину больно бранитъ:
«А и сука ты злая еретица!
Я-де тебя хитрѣя и мудренѣя,
Сижу я на пиру, не хвастаю.
А и хошь ли я тебя сукой оберну?
А станешь ты, сука, по городу ходить,
А станешь ты, Марина, много за собой псовъ водить.»
 А и женское дѣло прелестное,
Прелестное, перепадчивое;
Обернулася Маринка косаточкой,
Полетѣла далече, во чисто поле,
А гдѣ то ходятъ девять туровъ,
Девять братаниковъ,
Добрыня-то ходитъ десятой туръ;
А сѣла она къ Добрынѣ на правой рогъ,
Сама она Добрыню уговариваетъ:
«Нагулялся ты, Добрыня, во чистомъ полѣ,
Тебѣ чистое поле наскучило,
И зыбучія болота напрокучили.
А и хошь, Добрыня, женитися?
Возьмешь ли, Никитичъ, меня за себя?
 «А право возьму, ей Богу возьму!
А и дамъ-те, Марина, поученьеце,
Какъ мужья женъ своихъ учатъ.
 Тому она, Марина, повѣрила.
Обернула его добрымъ молодцомъ,
По старому, по прежнему,
Какъ бы сильнымъ, могучимъ богатыремъ;
Сама она обернулася дѣвицею.
Они въ чистомъ полѣ женилися,
Кругъ ракитова куста вѣнчалися.
 Пошелъ онъ ко городу ко Кіеву,
А за нимъ идетъ Марина.
Пришли они ко Маринѣ во высокъ теремъ,
Говоритъ Добрынюшка Никитичъ младъ:
«А и гой ты еси, моя молодая жена,
Молодая Марина Игнатьевна!
У тебя въ высокихъ хорошихъ теремахъ
Нѣту Спасова образа,
Не кому у тя помолитися,
Не за что стѣнамъ поклонитися.
А и чай моя острая сабля заржавѣла?»
А и сталъ Добрыня жену свою учить,
Онъ молоду Марину Игнатьевну,
Еретницу, злую безбожницу;
Онъ въ первое ученье ей руку отсѣкъ,
Самъ приговариваетъ:
«Эта мнѣ рука не надобна;
Трепала она рука Змѣя Горынчища.»
А во второе ученье ноги ей отсѣкъ:
«А и эта-де нога мнѣ не надобна;
Оплеталася со Змѣемъ Горынчищемъ.»
А въ третье ученье губу ей обрѣзалъ и съ носомъ прочь:
«А эти-де губы не надобны мнѣ;
Цѣловали онѣ Змѣя Горынчища?»

Въ четверто ученье голову ей отсѣкъ и
съ языкомъ прочь:
«А и эта голова не надобна мнѣ,
И этотъ языкъ не надобенъ;
Зналъ онъ дѣла еретическія.»

Во стольномъ городѣ во Кіевѣ,
Что у ласкова, Осударь, Князя Владиміра,
Было пированье, почестной пиръ,
Было столованье, почестной столъ
На многіе князья и бояре
И на Русскіе могучіе богатыри.
А и будетъ день въ половину дня,
И будетъ столъ во полу столѣ,
Владиміръ Князь разпотѣшился,
По свѣтлой гриднищѣ похаживаетъ,
Черны кудри разчесываетъ,
Таковы слова поговариваетъ:
«Есть ли въ Кіевѣ таковъ человѣкъ,
Изъ сильныхъ могучихъ богатырей,
А кто бы сослужилъ службу дальную,
А и дальную службу, заочную?
Кто бы съѣздилъ въ Орды немирныя,
И очистилъ дороги прямоѣзжія
До моего тестя любимаго,
До грозна Короля Этмануйла Этмануйловича,
Вырубилъ Чудь бѣлоглазую,
Прекрошилъ Сорочину долгополую
А и тѣхъ Черкесъ Пятигорскихъ,
И тѣхъ Калмыковъ съ Татарами,
Чюкши всѣ бы и Алюторы?»
Втапоры большой за меньшаго хоронится,
А отъ меньшаго ему Князю отвѣту нѣтъ.
Изъ того было стола княженецкаго,
Изъ той скамьи богатырскія,
Выступаетъ удалъ, добрый молодецъ,
Молодой Добрыня Никитичъ младъ.
«Гой еси, Осударь, ты мой дядюшка,
Ласково солнце, Владиміръ Князь!
Нѣтъ у тебя въ Кіевѣ охотниковъ
Быть передъ Княземъ невольникомъ;
Я сослужу службу дальную,
Службу дальную, заочную,
Съѣзжу я въ Орды немирныя,
Очищу дороги прямоѣзжія
До твоего тестя любимаго,
До грозна Короля Этмануйла Этмануйловича;
А и вырублю Чюдь бѣлоглазую,
Прекрошу Сорочину долгополую,
А и тѣхъ Черкесъ Пятигорскихъ,
И тѣхъ Калмыковъ съ Татарами,
Чюкши всѣ и Алютогы.»
Втапоры Владиміръ Князь
Приказалъ наливать чару зелена вина въ полтора ведра,
И турій рогъ меду сладкаго въ полтретья ведра.
Подавали Добрынѣ Никитичу.
Принимаетъ онъ, Добрыня, единой рукой,
Выпиваетъ молодецъ единымъ духомъ
И турій рогъ меду сладкаго.
И пошелъ онъ, Добрыня Никитичъ младъ,
Съ княжецкаго двора ко своей сударынѣ матушкѣ,
Проситъ благословеніе великое:
«Благослови меня матушка,
Матера вдова Афимья Александровна!
Ѣхать въ дальны Орды, немирныя.
Дай мнѣ благословеніе на шесть лѣтъ,
Еще въ запасъ на двѣнадцать лѣтъ.»
Говорила ему матушка:
«На кого покидаешь молоду жену,
Молоду Настасью Микулишну?
За чѣмъ же ты, дитятко, и бралъ за себя?
Что не прошли твои дни свадебные,
Не успѣлъ ты отпраздновати радости своей,
Да передъ Княземъ разхвастался въ походъ идтить.»
Говорилъ ей Добрынюшка Никитьевичъ:
«А ты гой еси, моя сударыня матушка,
Честная вдова, Афимья Александровна!
Что же мнѣ дѣлать и какъ же быть?
Изъ чего же насъ богатырей Князю и жаловати?»
И даетъ ему матушка свое благословеніе великое
На тѣ годы реченные.
Прощается Добрыня Никитичъ младъ
Съ молодой женой, съ душой Настасьей Микулишной,
Самъ молодой женѣ наказываетъ:
«Жди меня, Настасья, шесть лѣтъ,
А естьли бо не дождешься въ шесть лѣтъ,
То жди меня въ двѣнадцеть лѣтъ;
Коли пройдетъ двѣнадцать лѣтъ,
Хотя за Князя поди, хоть за боярина,
Не ходи только за брата названаго,
За молода Алешу Поповича.»
И поѣхалъ Добрыня Никитичъ младъ
Въ славныя Орды, немирныя.
А и ѣздитъ Добрыня недѣлю въ нихъ,

Граматны люди шли,
Прочитали тѣ ярлыки скорописчаты,
Пошли ко Васькѣ на широкой дворъ
Къ тому чану, зелену вину.
Въ началѣ былъ Костя Новоторженинъ,
Пришелъ онъ Костя на широкой дворъ.
Василій тутъ его опробовалъ,
Сталъ его бити червленымъ вязомъ,
Въ половинѣ было налито
Тяжела свинца Чебурацкаго,
Вѣсомъ тотъ вязъ былъ во двѣнадцать пудъ,
А бьетъ онъ Костю по буйной головѣ.
Стоитъ тутъ Костя, не шевельнится,
И на буйной головѣ кудри не тряхнутся.
Говорилъ Василій, сынъ Буслаевичъ:
«Гой еси ты, Костя Новоторженинъ!
А и будь ты мнѣ названой братъ,
И паче мнѣ брата родимаго.»
А и мало время позамѣшкавши,
Пришли два брата боярченка,
Лука и Моисей, дѣти боярскіе,
Пришли ко Васькѣ на широкой дворъ.
Молодой Василій сынъ Буслаевичъ
Тѣмъ молодцамъ сталъ радошенъ и веселешенекъ.
Пришли тутъ мужики Залешана,
И не смѣлъ Василій показатися къ нимъ.
Еще тутъ пришло семь братовъ Сбродовичи.
Собиралися, сходилися
Тридцать молодцовъ безъ единаго,
Онъ самъ Василій тридцатой сталъ.
Какой зайдетъ, убьютъ его,
Убьютъ его, за ворота бросятъ.
Послышалъ Васинька Буслаевичъ
У мужиковъ Новогородскiихъ
Канунъ варенъ, пива ячныя,
Пошелъ Василій со дружиною,
Пришелъ во братчину въ Никольщину.
«Не малу мы тебѣ сыпь платимъ,
За всякаго брата но пяти рублевъ.»
А за себя Василій даетъ пятдесятъ рублевъ.
А и тотъ-то староста церковной
Принималъ ихъ во братчину въ Никольщину.
А и зачали они тутъ канунъ варенъ пить,
А и тѣ-то пива ячныя.
Молодой Василій, сынъ Буслаевичъ
Бросился на Царевъ кабакъ,
Со своею дружиною храброю;
Напилися они туто зелена вина,
И пришли во братчину въ Никольщину.
А и будетъ день ко вечеру,
Отъ малаго до стараго
Начали ужъ ребята боротися,
А въ иномъ кругу въ кулаки битись;
Отъ тоя борьбы отъ ребячія,
Отъ того бою отъ кулачнаго,
Началася драка великая;
Молодой Василій сталъ драку разнимать,
А иной дуракъ зашелъ съ носка,
Его по уху оплелъ.
А и тутъ Василій закричалъ громкимъ голосомъ.
«Гой еси ты, Костя Новоторженинъ,
И Лука, Моисей, дѣти боярскіе!
Уже Ваську меня бьютъ.»
Поскакали удалы добры молодцы,
Скоро они улицу очистили,
Прибили уже много до смерти,
Вдвое, втрое перековеркали,
Руки, ноги переломали.
Кричать, ревутъ мужики посадскіе.
Говоритъ тутъ Василій Буслаевичъ:
«Гой еси вы, мужики Новогородскіе!
Бьюсь съ вами о великъ закладъ,
Напущаюсь я на весь Новгородъ
Битися, дратися
Со всею дружиною храброю;
Тако вы меня съ дружиною побьете Новымъ городомъ,
Буду вамъ платить дани, выходы по смерть свою,
На всякой годъ по три тысячи;
А буде же я васъ побью,
И вы мнѣ покоритеся,
То вамъ платить мнѣ такову же дань.»
И въ томъ-то договорѣ руки они подписали.
Началась у нихъ драка-бой великая.
А мужики Новгородскіе,
И всѣ купцы богатые,
Всѣ они вмѣстѣ сходилися,
На млада Васютку напущалися;
И дерутся они день до вечера.
Молодой Василій, сынъ Буслаевичъ,
Со своею дружиною храброю
Прибили они во Новѣгородѣ,
Прибили уже много до смерти.
А и мужики Новогородскіе догадалися;
Пошли они съ дорогими подарки
Къ матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимофеевнѣ.
«Матера вдова Амелѳа Тимофеевна!
Прими у насъ дороги подарочки,
Уйми свое чадо милое,
Василья Буслаевича.»
Матера вдова Амелфа Тимофеевна

Принимала у нихъ дороги подарочки,
Посылала дѣвушку чернавушку
По того Василья Буслаева.
Прибѣжала дѣвушка чернавушка,
Сохватила Ваську во бѣлы руки,
Потащила къ матушки родимыя,
Притащила Ваську на широкой дворъ;
А и та старуха неразмышлена,
Посадила въ погреба глубокіе
Молода Василья Буслаева,
Затворяла дверьми желѣзными,
Запирала замки булатными.
А его дружина хорабрая
Со тѣми мужиками Новогородскими
Дерутся, бьются день до вечера.
А и та- то дѣвушка чернавушка
На Волховъ рѣку ходила по воду.
А взмолятся ей тутъ добры молодцы:
«Гой еси ты, дѣвушка чернавушка!
Не подай насъ у дѣла у ратнаго,
У того часу смертнаго.»
И тутъ дѣвушка чернавушка
Бросала она ведро кленовое,
Брола коромысло кипарисово,
Коромысломъ тѣмъ стала она помахивати
По тѣмъ мужикамъ Новогородскимъ.
Прибила ужъ много до смерти.
И тутъ дѣвка запыхалася,
Побѣжала ко Василью Буслаеву,
Срывала замки булатные,
Отворяла двери желѣзныя:
«А спишь ли Василій, или такъ лежишь?
Твою дружину хорабрую
Мужики Новогородскіе
Всѣхъ прибили, переранили,
Булавами буйны головы пробиваны.»
Ото сна Василій пробуждется,
Онъ выскочилъ на широкой дворъ,—
Не попала палица желѣзная,
Что попала ему ось телѣжная,
Повѣжалъ Василій по Новгороду,
По тѣмъ по широкимъ улицамъ.
Стоитъ тутъ старецъ Пилигримища,
На могучихъ плечахъ держитъ колоколъ,
А вѣсомъ тотъ колоколъ во триста пудъ.
Кричитъ тотъ старецъ Пилигримища:
«А стой ты, Васька, не попархивай,
Молодой глуздырь не полетывай,
Изъ Волхова воды не выпити,
Во Новѣградъ людей не выбити;
Есть молодцовъ сопротивъ тебя,
Стоимъ мы молодцы, не хвастаемъ.»
Говорилъ Василій таково слово:
«А и гой еси, старецъ Пилигримища!
А и бился я о великъ закладъ
Со мужики Новогородскими,
Опричь почестнаго монастыря,
Опричь тебя, старца Пилигримища,
Въ задоръ войду—тебя убью.»
Ударилъ онъ старца во колоколъ
А и той-то осью тележною.
Качается старецъ, не шевелится;
Заглянулъ онъ Василій старцу подъ колоколъ,
А и во лбѣ глазъ—ужъ вѣку нѣту.
Пошелъ Василій по Волхвѣ рѣкѣ,
А идетъ Василій по Волхвѣ рѣкѣ,
По той Волхвовой по улицѣ;
Завидѣли добрые молодцы,
А его дружина хорабрая,
Молода Василья Буслаева.
У ясныхъ соколовъ крылья отросли,
У нихъ-то молодцовъ думушки прибыло.
Молодой Василій Буслаевичъ,
Пришелъ-то молодцамъ на выручку;
Со тѣми мужики Новогородскими
Онъ дерется, бьется день до вечера.
А ужъ мужики покорилися,
Покорилися и помирилися;
Понесли они записи крѣпкія
Къ матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимофеевнѣ;
Насыпали чашу чистаго серебра,
А другую чашу краснаго золота,
Пришли ко двору дворянскому,
Бьютъ челомъ, покланяются:
«Осударыня матушка!
Принимай ты дороги подарочки,
А уйми свое чадо милое,
Молода Василья со дружиною;
А и ради мы платить
На всякой годъ по три тысячи,
На всякой годъ будетъ тебѣ носить:
Съ хлѣбниковъ по хлѣбику,
Съ калачниковъ по калачику,
Съ молодицъ повѣнечное,
Съ дѣвицъ повалешное,
Со всѣхъ людей со ремесленныхъ,
Опричь поповъ и дьяковъ.»
Втапоры матера вдова,
Амелѳа Тимофеевна
Посылала дѣвушку чернавушку,
Привести Василья со дружиною.
Пошла та дѣвушка чернавушка.
Бѣжавши та дѣвка, запыхалася,

Нельзя пройти дѣвкѣ по улицѣ,
Что полтеи по улицѣ валяются
Тѣхъ мужиковъ Новогородскихъ.
Прибѣжала дѣвушка чернавушка,
Сохватила Василья за бѣлы руки,
А стала ему разсказывати:
«Мужики пришли Новогородскіе,
Принесли они дороги подарочки,
И принесли записи заручныя
Ко твоей сударынѣ матушкѣ,
Къ матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимофеевнѣ.»
Повела дѣвка Василья со дружиною
На тотъ на широкой дворъ,
Привела-то ихъ къ зелену вину;
А сѣли они молодцы во единой кругъ,
Выпили вѣдь по чарочкѣ зелена вина,
Со того уразу молодецкаго,
Отъ мужиковъ Новогородскiихъ.
Вскричатъ тутъ ребята зычнымъ голосомъ:
«У моста и у пьяницы,
У млада Васютки Буслаевича,
Не упито, не уѣдено,
Вкраснѣ хорошо не ухожено,
А цвѣтнаго платья не уношено,
А увѣчье на вѣкъ залечено.»
И повелъ ихъ Василій обѣдати
Къ матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимофеевнѣ.
Втапоры мужики Новогородскіе
Приносили Василью подарочки:
Вдругъ сто тысячей.
И за тѣмъ у нихъ мирова пошла.
А и мужики Новогородскіе
Покорилися и сами поклонилися.

Подъ славнымъ, великимъ Новымгородомъ,
По славному озеру по Ильменю
Плаваетъ, поплаваетъ сѣръ селезень,
Какъ бы ярой гоголь поныриваетъ;
А плаваетъ, поплаваетъ червленъ корабль,
Какъ бы молода Василья Буслаевича,
А и молода Василья, со его дружиною хоробрую,
Тридцать удалыхъ молодцовъ:
Костя Никитинъ корму держитъ,
Маленькой Потаня на носу стоитъ,
А Василій-то по кораблю похаживаетъ,
Таковы слова поговариваетъ:
«Свѣтъ, моя дружина хоробрая,
Тридцать удалыхъ молодцовъ!
Ставьте корабль поперегъ Ильменя,
Приставайте, молодцы, ко Новугороду.»
А и тычками къ берегу притыкалися,
Сходни бросали на крутой бережокъ,
Приходилъ тутъ Василій ко своему онъ двору дворянскому,
И за нимъ идетъ дружинушка хоробрая;
Только караулы оставили.
Приходитъ Василій Буслаевичъ
Ко своему двору дворянскому,
Ко своей сударынѣ матушкѣ,
Матерой вдовѣ Амелѳѣ Тимофеевнѣ.
Какъ вьюнъ около ее увивается,
Проситъ благословеніе великое:
«А свѣтъ ты, моя сударыня матушка,
Матера вдова Амелѳа Тимофеевна!
Дай мнѣ благословеніе великое:
Идти мнѣ Василью въ Іерусалимъ градъ
Со всею дружиною хоробрую,
Мнѣ ко Господу помолитися,
Святой святынѣ приложитися,
Во Ердапѣ рѣкѣ искупатися.»
Что взговоритъ матера вдова,
Матера Амелѳа Тимофеевна:
«Гой еси ты, мое чадо милое,
Молодой Василій Буслаевичъ!
То коли ты пойдешь на добрыя дѣла,
Тебѣ дамъ благословеніе великое;
То коли ты, дитя, на разбой пойдешь,
И не дамъ благословенія великаго.
А и не носи Василья сыра земля!»
Камень отъ огня разгорается,
А булатъ отъ жару растопляется,
Материно сердце разпущается;
И даетъ она много свинцу, пороху,
И даетъ Василью запасы хлѣбные,
И даетъ оружье долгомѣрное:
«Побереги ты, Василій, буйну голову свою.»
Скоро молодцы собираются,
И съ матерой вдовой прощаются.
Походили они на червленъ корабль,
Подымали тонки парусы, полотняные,
Побѣжали по озеру Ильменю.
Бѣгутъ они ужъ сутки другія,
А бѣгутъ уже недѣлю другую,
Встрѣчу имъ гости корабельщики:
«Здравствуй Василій Буслаевичъ!
Куда молодецъ позволилъ погулять?»
Отвѣчалъ Василій Буслаевичъ:
«Гой еси вы, гости корабельщики!
А мое-то вѣдь гулянье неохотное:
Со молоду бито много, граблено,

Подъ старость надо душу спасти;
А скажите вы, молодцы, мнѣ прямаго путя
Ко святому граду Іерусалиму?»
Отвѣчаютъ ему гости корабельщики:
«А и гой еси, Василій Буслаевичъ!
Прямымъ путемъ въ Іерусалимъ градъ
Бѣжать семь недѣль,
А окольной дорогой полтора года.
На славномо морѣ Каспійскомъ,
На томъ острову на Куминскіимъ,
Стоитъ застава крѣпкая,
Стоятъ атаманы казачіе,
Не много, не мало ихъ—три тысячи;
Грабятъ бусы, галеры,
Разбиваютъ червлены корабли.»
Говоритъ тутъ Василій Буслаевичъ:
«А не вѣрую я, Васинька, ни въ сонъ, ни въ чохъ,
А и вѣрую въ свой червленой вязъ;
А бѣгите-ко, ребята, вы прямымъ путемъ.»
И завидѣлъ Василій гору высокую,
Приставалъ скоро ко круту верегу,
Походилъ Василій сынъ Буслаевичъ
На ту ли гору Сорочинскую,
А за нимъ летитъ дружина хоробрая.
Будетъ Василій въ полу-горѣ,
Тутъ лежитъ пуста голова,
Пуста голова, человѣчья кость.
Пнулъ Василій тое голову съ дороги прочь.
Провѣщится пуста голова человѣческая:
«Гой еси ты, Василій Буслаевичъ!
Ты къ чему меня, голову, побрасываешь?
Я, молодецъ, не хуже тебя былъ,
Умѣю я, молодецъ, валятися;
А на той горѣ Сорочинскія,
Гдѣ лежитъ пуста голова,
Пуста голова, молодецкая,
И лежать будетъ головѣ Васильевой.»
Плюнулъ Василій, прочь пошелъ.
«Али, голова, въ тебѣ врагъ говоритъ,
Или нечистой духъ.»
Пошелъ на гору высокую.
На самой сопкѣ тутъ камень стоитъ,
Въ вышину три сажени печатныя,
А и черезъ его только топоръ подать,
Въ длину три аршина съ четвертью;
И въ томъ-то подпись подписана:
«А кто-де у камени станетъ тѣшиться,
А и тѣшиться, забавлятися,
Вдоль скакать по каменю,
Сломить будетъ буйну голову.»
Василій тому не вѣруетъ,
Приходитъ со дружиною хороброю;
Стали молодцы забавлятися,
Поперегъ того каменю поскакивати,
А вдоль-то его не смѣютъ скакать.
Пошли со горы Сорочинскія;
Сходятъ они на червленъ корабль,
Подымали тонки парусы, полотняны,
Побѣжали по морю Каспійскому,
На ту на заставу корабельную,
Гдѣ-то стоятъ казаки разбойники,
А стары атаманы казачіе;
На пристани ихъ стоятъ сто человѣкъ.
А и молодой Василій на пристань сталъ;
Сходни бросали на крутъ бережокъ,—
И скочилъ-то Буслай на крутъ бережокъ,
Червленымъ вязомъ подпирается.
Тутъ караульщики, удалы добры молодцы,
Всѣ на караулѣ испугалися;
Много его не дожидаются,
Побѣжали съ пристани корабельныя,
Къ тѣмъ атаманамъ казачіимъ.
Атаманы сидятъ, не дивуются,
Сами говорятъ таково слово:
«Стоимъ мы на острову тридцать лѣтъ,
Не видали страху великаго;
Это-де идетъ Василій Буслаевичъ:
Знать-де полетка соколиная,
Видѣть-де поступка молодецкая.»
Пошагалъ-то Василій со дружиною,
Гдѣ стоятъ атаманы казачіе;
Пришли они, стали во единой кругъ.
Тутъ Василій имъ поклоняется,
Самъ говоритъ таково слово:
«Здравствуйте, атаманы казачіе!
А скажите вы мнѣ прямаго путя
Ко святому граду Іерусалиму?»
Говорятъ атаманы козачіе:
«Гой еси Василій Буслаевичъ!
Милости тебя просимъ за единой столъ хлѣба кушати.»
Втапоры Василій не ослушался,
Садился съ ними за единой столъ;
Наливали ему чару зелена вина въ полтора ведра,
Принимаетъ Василій единой рукой
И выпилъ чару единымъ духомъ.
И только атаманы тому дивуются,
А сами не могутъ и по полу ведру пить.
И хлѣба съ солью откушали,
Сбирается Василій Буслаевичъ
На свой червленъ корабль;
Даютъ ему атаманы казачіе подарки свои:

Первую мису чиста серебра,
И другую красна золота,
Третью скатнаго жемчуга.
За то Василій благодаритъ и кланяется,
Проситъ у нихъ до Іерусалима провожатаго.
Тутъ атаманы Василью не отказывали,
Дали ему молодца провожатаго,
И сами съ нимъ прощалися.
Собрался Василій на свой червленъ корабль
Со своею дружиною хораброю;
Подымали тонки парусы, полотняные,
Побѣжали по морю Каспійскому.
Будутъ они во Ердань рѣкѣ,
Бросили якори крѣпкіе,
Сходни бросали на крутъ бережокъ,
Походилъ тутъ Василій Буслаевичъ,
Со своею дружиною хороброю,
Въ Іерусалимъ градъ;
Пришелъ во церкву соборную,
Служилъ обѣдни за здравіе матушки
И за себя Василья Буслаевича;
И обѣдню съ панихидою служилъ
По родимомъ своемъ батюшкѣ,
И по всему роду своему;
На другой день служилъ обѣдни съ молебнами
Про удалыхъ молодцовъ,
Что съ молоду бито много, граблено.
И ко святой святынѣ приложился онъ,
И въ Ерданѣ рѣкѣ искупался.
И расплатился Василій съ попами и съ дьяконами
И которые старцы при церкви живутъ:
Даетъ золотой казны не считаючи.
И походитъ Василій ко дружинѣ
Изъ Ерусалима на свой червленъ корабль;
Втапоры его дружина хорабрая
Купалася во Ерданѣ рѣкѣ.
Приходила къ нимъ баба залѣсная,
Говорила таково слово:
«Почто вы купаетесь во Ерданѣ рѣкѣ?
А некому купатися, опричь Василья Буслаевича.
Во Ерданѣ рѣкѣ крестился самъ Господь Іисусъ Христосъ;
Потерять его вамъ будетъ большаго
Атамана Василья Буслаевича.»
И они говорятъ таково слово:
«Нашъ Василій тому ни вѣруетъ ни въ сонъ, ни въ чохъ.»
И мало время поизойдучи,
Пришелъ Василій ко дружинѣ своей,
Приказалъ выводить корабль
Изъ устья Ердань рѣки;
Подняли тонки парусы, полотняны,
Побѣжали по морю Каспійскому,
Приставали у острова Куминскаго.
Приходили тутъ атаманы казачіе,
И стоятъ всѣ на пристани корабельныя;
А и выскочитъ Василій Буслаевичъ,
Изъ своего червленнаго корабля.
Поклонилися ему атаманы казачіе:
«Здравствуй Василій Буслаевичъ!
Здорово ли съѣздилъ въ Іерусалимъ градъ?»
Много Василій не баитъ съ ними,
Подалъ письмо въ руки имъ,
Что много трудовъ за нихъ положилъ,
Служилъ обѣдни съ молебнами за ихъ молодцовъ.
Втапоры Атаманы казачіе
Звали Василья обѣдати,
И онъ не пошелъ къ нимъ;
Прощался совсѣми тѣми атаманы казачьими.
Подымали тонки парусы, полотняные,
Побѣжали по морю Каспійскому къ Новугороду.
А и ѣдутъ недѣлю споряду,
А и ѣдутъ уже другую;
А завидѣлъ Василій гору высокую, Сорочинскую.
Захотѣлось Василью на горѣ побывать,
Приставали къ той Сорочинской горѣ,
Сходни бросали на ту гору,
Пошелъ Василій со дружиною.
И будетъ онъ въ полъ-горы,
А на пути лежитъ пуста голова, человѣчья кость,
Пнулъ Василій тое голову съ дороги прочь.
Провѣщится пуста голова:
«Гой еси ты, Василій Буслаевичъ!
Къ чему меня голову припинываешь,
И къ чему побрасываешь?
Я, молодецъ, не хуже тебя былъ,
Да умѣю валятися на той горѣ Сорочинскія;
Гдѣ лежитъ пуста голова,
Лежатъ будетъ и Васильевой головѣ.»
Плюнулъ Василій, прочь пошелъ.
Взошелъ на гору высокую,
На ту гору Сорочинскую,
Гдѣ стоитъ высокой камень,
Въ вышину три сажени печатныя,

И чрезъ него только топоромъ подать,
Въ долину три аршина съ четвертью;
А въ томъ-то подпись подписана:
«А кто-де у каменя станетъ тѣшиться,
А и тѣшиться, забавлятися,
Вдоль скакать по каменю,
Сломить будетъ буйну голову.»
Василій тому не вѣруетъ;
Сталъ со дружиною тѣшиться и забавлятися,
Поперегъ каменя поскакивати;
Захотѣлось Василью вдоль скакать.
Разбѣжался, скочилъ вдоль по камню,
А не доскочилъ только четверти,
И тутъ убился подъ каменемъ.
Гдѣ лежитъ пуста голова,
Тамъ Василья схоронили.
Побѣжала дружина съ той Сорочинской горы
На свой червленъ корабль,
Подымали тонки парусы, полотняные,
Побѣжали ко Новугороду.
А будутъ у Новогорода,
Бросали съ носу якорь и съ кормы другой,
Чтобы крѣпко стоялъ и не шатался онъ.
Пошли къ матерой вдовѣ къ Амелѳѣ Тимофеевнѣ,
Пришли и поклонилися,
Всѣ письмо въ руки подали.
Прочитала письмо матера вдова, сама заплакала,
Говорила таковы слова;
«Гой вы еси, удалы добры молодцы!
У меня нынѣ вамъ дѣлать нечего;
Подите въ подвалы глубокіе,
Берите золотой казны не считаючи.
Повела ихъ дѣвушка чернавушка
Къ тѣмъ подваламъ глубокіимъ,
Брали они казны по малу числу;
Пришли они къ матерой дворъ,
Возговорили таковы слова:
«Спасибо, матушка Амелѳа Тимофеевна!
Что поила, кормила, обувала и одѣвала добрыхъ молодцовъ.»
Втапоры матера вдова, Амелѳа Тимофеевна,
Приказала наливать по чарѣ зелена вина.
Подноситъ дѣвушка чернавушка
Тѣмъ удалымъ добрымъ молодцамъ.
А и выпили они, сами поклонилися.
И пошли довры молодцы,
Кому куда захотѣлося.

Алеша Поповичъ.

Изъ славнаго Ростова, красна города,
Какъ два ясные соколы вылетывали,
Выѣзжали два могуче богатыря,
Что по имени Алешенька Поповичъ младъ
А со молодомъ Екимомъ Ивановичемъ.
Они ѣздятъ богатыри плечо о плечо,
Стремяно въ стремяно богатырское;
Они ѣздили, гуляли по чисту полю,
Ничего они въ чистомъ полѣ не наѣзживали,
Не видали птицы перелетныя,
Не видали они звѣря прыскучаго;
Только въ чистомъ полѣ наѣхали:
Лежатъ три дороги широкія,
Промежу тѣхъ дорогъ лежитъ горючъ камень,
А на камени подпись подписана.
Возговоритъ Алеша Поповичъ младъ:
«А и ты, братецъ, Екимъ Ивановичъ!
Въ граматѣ поученой человѣкъ:
Посмотри на кеменю подписи,
Что на каменю подписано?»
И скочилъ Екимъ со добра коня,
Посмотрѣлъ на каменю подписи,
Росписаны дороги широкія:
«Первая дорога въ Муромъ лежитъ,
Другая дорога въ Черниговъ градъ,
Третья ко городу ко Кіеву,
Ко ласкову Князю Владиміру.»
Говорилъ тутъ Екимъ Ивановичъ:
«А и братецъ, Алеша Поповичъ младъ,
Котрой дорогой изволишь ѣхать?»
Говорилъ ему Алеша Поповичъ младъ:
«Лучше намъ ѣхать ко городу ко Кіеву,
Къ ласкову Князю Владиміру.»

Втапоры поворотили добрыхъ коней,
И поѣхали они ко городу ко Кіеву;
Не доѣхавши они до Сафатъ рѣки,
Становились на лугахъ на зеленыихъ.
Надо Алешѣ покормить добрыхъ коней.
Разставили тутъ два бѣла шатра,
Что изволилъ Алеша опочивъ держать.
А и мало время позамѣшкавши,
Молодой Екимъ-то добры кони,
Стреножимши, въ зеленъ лугъ пустилъ,
Самъ ложился въ свой шатеръ, опочивъ держать.

Прошла та ночь осенняя,
Ото сну пробуждается,
Встаетъ рано, ранешенько,
Утренней зарею умывается,
Бѣлою ширинкою утирается,
На востокъ онъ Алеша Богу молится.
Молодой Екимъ сынъ Ивановичъ
Скоро сходилъ по добрыхъ коней,
А сводилъ ихъ поить на Сафатъ на рѣку.
И приказалъ ему Алеша
Скоро сѣдлать добрыхъ коней.
Осѣдлавши онъ Екимъ добрыхъ коней,
Наряжаются они ѣхать ко городу ко Кіеву.
Пришелъ тутъ къ нимъ калика перехожій:
Лапатки на немъ семи шелковъ,
Подковырены чистымъ серебромъ,
Личико унизано краснымъ золотомъ,
Шуба соболиная, долгополая,
Шляпа Сорочинская, земли Греческой,
Въ тридцать пудъ шелепуга подорожная,
Въ пятдесять пудъ налита свинцу Чебурацкаго.
Говорилъ таково слово:
«Гой вы еси, удалы добры молодцы!
Видѣлъ я Тугарина Змѣевича:
Въ вышину ли онъ Тугаринъ трехъ саженъ,
Промежъ плечей косая сажень,
Промежу глазъ калена стрѣла;
Конь подъ нимъ какъ лютой звѣрь,
Изъ хайлища пламень пышетъ,
Изъ ушей дымъ столбомъ валитъ.»

Привязался Алеша Поповичъ младъ:
«А и ты, братецъ, калика перехожея!
Дай мнѣ платье каличее,
Возьми мое богатырское:
Лапатки свои семи шелковъ,
Подковырены чистымъ серебромъ,
Личико унизано краснымъ золотомъ,
Шубку свою соболиною, долгополую,
Шляпу Сорочинскую, земли Греческой,
Въ тридцать пудъ шелепугу подорожную,
Въ пятьдесятъ пудъ налиту свинцу Чебурацкаго.»
Даетъ свое платье калика Алешѣ Поповичу,
Не отказываючи, а на себя надѣвалъ
То платье богатырское.
Скоро Алеша каликою наряжается.
И взялъ шелепугу дорожную,
Котора была въ пятдесятъ пудъ,
И взялъ въ запасъ чингалище булатное,
Пошелъ за Сафатъ рѣку.

Завидѣлъ тутъ Тугаринъ Змѣевичъ младъ,
Заревѣлъ зычнымъ голосомъ,
Подрогнула дубровушка зеленая,
Алеша Поповича едва живъ идетъ.
Говорилъ тутъ Тугаринъ Змѣевичъ младъ:
«Гой еси, калика перехожея!
А гдѣ ты слыхалъ и гдѣ видалъ
Про млада Алешу Поповича?
А и я бы Алешу копьемъ закололъ,
Копьемъ закололь и огнемъ спалилъ.»

Говоритъ тутъ Алеша каликою:
«А и ты, гой еси, Тугаринъ Змѣевичъ младъ!
Подъѣзжай поближе ко мнѣ:
Не слышу я, что ты говоришь.»
И подъѣзжалъ къ нему Тугаринъ Змѣевичъ младъ.
Сверстался Алеша Поповичъ младъ
Противъ Тугарина Змѣевича,
Хлеснулъ его шелепугою по буйной головѣ,
Разшибъ ему буйну голову.
И упалъ Тугаринъ на сыру землю.
Вскочилъ ему Алеша на черну грудь.
Втапоры взмолится Тугаринъ Змѣевичъ младъ:
«Гой еси, ты, калика перехожея!
Не ты ли Алеша Поповичъ младъ?
Только ты Алеша Поповичъ младъ,
Семъ побратуемся съ тобой.»
Втапоры Алеша врагу не вѣровалъ,
Отрѣзалъ ему голову прочь,
Платье съ него снималъ цвѣтное
На сто тысячей — и все платье на себя надѣвалъ;
Садился на его добра коня,
И поѣхалъ къ своимъ бѣлымъ шатрамъ.

Втапоры увидѣли Екимъ Ивановичъ
И калика перехожея,
Испужалися его, сѣли на добрыхъ коней,
Побѣжали ко городу Ростову.
И настигаетъ ихъ Алеша Поповичъ младъ

Обернется Екимъ Ивановичъ,
Онъ выдергивалъ палицу боевую въ тридцать пудъ,
Бросалъ назадъ себя:
Показалося ему, что Тугаринъ Змѣевичъ младъ.
И угодилъ въ груди бѣлыя Алеши Поповича,
Сшибъ изъ сѣделечка Черказскаго,
И упалъ онъ на сыру землю.
Втапоры Екимъ Ивановичъ
Скочилъ со добра коня, сѣлъ на груди ему,
Хочетъ пороть груди бѣлыя—
И увидѣлъ на немъ золотъ чуденъ крестъ.
Самъ заплакалъ, говорилъ каликѣ перехожему:
«По грѣхамъ надо мною Екимомъ учинилося,
Что убилъ своего братца родимаго.»
И стали его оба трясти и качать,
И потомъ подали ему питья заморскаго;
Отъ того онъ здравъ сталъ.
Стали они говорити и между собою платьемъ мѣняти:
Калика свое платье надѣвалъ каличье,
А Алеша свое богатырское,
А Тугарина Змѣевича платье цвѣтное
Клали въ чемоданъ къ себѣ.
Сѣли они на добрыхъ коней,
И поѣхали всѣ ко городу ко Кіеву,
Ко ласковому Князю Владиміру.
А и будутъ они во городѣ во Кіевѣ
На княженецкомъ дворѣ,
Скочили со добрыхъ коней,
Привязали коней къ дубовымъ столбамъ,
Пошли во свѣтлы гридни.
Молятся Спасову образу,
И бьютъ челомъ, поклоняются
Князю Владиміру и Княгинѣ Апраксѣевнѣ
И на всѣ четыре стороны.
Говорилъ имъ ласковой Владиміръ Князь:
«Гой вы еси, добры молодцы!
Скажитеся, какъ васъ по имени зовутъ:
А по имени вамъ можно мѣсто дать,
По изотчеству можно пожаловати.»
Говоритъ тутъ Алеша Поповичъ младъ:
«Меня, Осударь, зовутъ Алешою Поповичемъ,
Изъ города Ростова, стараго попа соборнаго.»
Втапоры Владиміръ Князь обрадовался,
Говорилъ таковы слова:
«Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
По отечеству садися въ большое мѣсто, въ передній уголокъ,
Въ другое мѣсто богатырское,
Въ дубову скамью противъ меня,
Въ третье мѣсто, куда самъ захошь.»
Не садился Алеша въ мѣсто большое,
И не садился въ дубову скамью,
Сѣлъ онъ со своими товарищи на палатной брусъ.
Мало время позамѣшкавши,
Несутъ Тугарина Змѣевича
На той доскѣ красна золота,
Двѣнадцать могучихъ богатырей,
Сажали въ мѣсто большое—
И подлѣ его сидѣла Княгиня Апраксѣевна.
Тутъ повары были догадливы:
Понесли яства сахарныя и питья медвяныя,
А питья все заморскія.
Стали тутъ пить, ѣсть, прохлаждатися;
А Тугаринъ Змѣевичъ нечестно хлѣба ѣстъ:
По цѣлой ковригѣ за щеку мечетъ,
Тѣ ковриги монастырскія;
И нечестно Тугаринъ питье пьетъ:
По цѣлой чаши охлестываетъ,
Котора чаша въ полтретья ведра.
И говорилъ втапоры Алеша Поповичъ младъ:
«Гой еси ты, ласковой Осударь, Владиміръ Князь!
Что у тебя за болванъ пришелъ,
Что за дуракъ неотесаной?
Нечестно у Князя за столомъ сидитъ,
Ко Княгинѣ онъ, собака, руки въ пазуху кладетъ,
Цѣлуетъ во уста сахарныя,
Тебѣ Князю насмѣхается;
А у моего, сударя, батюшки
Была собачища старая,
Насилу по подстолью таскалася,
И костью та собака подавилася—
Взялъ ее за хвостъ, подъ гору махнулъ.
Отъ меня Тугарину тоже будетъ.»
Тугаринъ почернѣлъ, какъ осенняя ночь,
Алеша Поповичъ сталъ какъ свѣтелъ мѣсяцъ.
И опять втапоры повары были догадливы:
Носятъ ѣства сахарныя;
И принесли лебедушку бѣлую,
И ту рушила Княгиня лебедь бѣлую,
Обрѣзала рученьку лѣвую,
Завернула рукавцомъ, подъ столъ опустила;
Говорила таково слово:

«Гой вы еси, Княгини, боярыни!
Либо мнѣ рѣзать лебедь бѣлую,
Либо стотрѣть на милъ животъ,
На молода Тугарина Змѣевича.»
Онъ взявши, Тугаринъ, лебедь бѣлую,
Всю вдругъ проглотилъ,
Еще тутъ же ковригу монастырскую.
Говоритъ Алеша на палатномъ брусу:
«Гой еси, ласковой Осударь, Владимiръ Князь!
Что у тебя за болванъ сидитъ,
Что за дуракъ неотесаной?
Нечестно за столомъ сидитъ,
Нечестно хлѣба съ солью ѣстъ:
По цѣлой ковригѣ за щеку мечетъ,
И цѣлу лебедушку вдругъ проглотилъ.
У моего, сударя, батюшки,
Ѳедора попа Ростовскаго,
Была коровища старая,
Насилу по двору таскалася,
Забилася на поварню къ поварамъ,
Выпила чанъ браги прѣсныя.
Отъ того она лопнула,—
Взялъ за хвостъ, подъ гору махнулъ.
Отъ меня Тугарину тоже будетъ.»
Тугаринъ потемнѣлъ, какъ осення ночь—
Выдернылъ чингалище булатное,
Бросилъ въ Алешу Поповича.
Алеша на то-то вертокъ былъ:
Не могъ Тугаринъ попасть въ него.
Подхватилъ чингалище Екимъ Ивановичъ,
Говорилъ Алешѣ Поповичу:
«Самъ ли ты бросаешь въ него, али мнѣ велишь?»
«Нѣтъ! Я самъ не бросаю и тебѣ не велю.
Заутра съ нимъ перевѣдаюсь:
Бьюсь я съ нимъ о великъ закладъ,
Не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ,
А бьюсь о своей буйной головѣ.»
Втапоры князья и бояре
Скочили на рѣзвы ноги,
И всѣ за Тугарина поруки держатъ.
Князья кладутъ по сту рублевъ,
Бояре по пятидесять, крестьяне по пяти рублевъ;
Тутъ же случилися гости купеческiе,
Три корабля свои подписываютъ
Подъ Тагарина Змѣевича,
Всяки товары заморскiе,
Которы стоятъ на быстромъ Днѣпрѣ.
А за Алешу подписывалъ владыка Черниговской.
Втапоры Тугаринъ взвился и вонъ ушелъ:
Садился на своего добра коня,
Поднялся на бумажныхъ крыльяхъ, по поднебесью летать.
Скочила Княгиня Апраксѣевна на рѣзвы ноги,
Стала пенять Алешѣ Поповичу:
«Деревенщина ты, засельщина!
Не далъ посидѣть другу милому.»
Втапоры того Алеша не слушался,
Звился съ товарищи и вонъ пошелъ,
Садилися на добры кони,
Поѣхали къ Сафатъ рѣкѣ,
Поставили бѣлы шатры,
Стали опочивъ держать,
Коней отпустили въ зелены луга.
Тутъ Алеша всю ночь не спалъ—
Молился Богу со слезами:
Создай, Боже! тучу грозную,
А и тучу-то, съ градомъ дождя.
Алешины молитвы доходны ко Христу:
Даетъ Господь Богъ тучу, съ градомъ дождя.
Замочило у Тугарина крылья бумажныя,
Падаетъ Тугаринъ какъ собака на сыру землю.
Приходитъ Екимъ Ивановичъ,
Сказалъ Алешѣ Поповичу,
Что увидѣлъ Тугарина на сырой землѣ.
И скоро Алеша наряжается;
Садился на добра коня,
Взялъ одну сабельку острую
И поѣхалъ къ Тагарину Змѣевичу.
И увидѣлъ Тугаринъ Змѣевичъ Алешу Поповича,
Заревѣлъ зычнымъ голосомъ:
«Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
Хошь ли я тебя огнемъ спалю?
Хошь ли, Алеша, конемъ стопчу?
Али тебя, Алешу, копьемъ заколю?»
Говорилъ ему Алеша Поповичъ младъ:
«Гой ты еси, Тугаринъ Змѣевичъ младъ!
Бился ты со мною о великъ закладъ:
Биться, драться одинъ на одинъ,
А за тобою силы смѣты нѣтъ
На меня, Алешу Поповича.»
Оглянется Тугаринъ назадъ себя.
Втапоры Алеша подскочилъ, ему голову срубилъ.
И пала глава на сыру землю, какъ пивной котелъ.
Алеша скочилъ со добра коня,
Отвязалъ чембуръ отъ добра коня,

И прокололъ уши у головы Тугарина Змѣевича,
И привязалъ къ добру коню,
И привезъ въ Кіевъ на княженецкой дворъ,
Бросилъ середи двора княженецкаго,
И увидѣлъ Алешу Владиміръ Князь,
Пошелъ во свѣтлы гридни,
Сажалъ за убраны столы.
Тутъ для Алеши и столъ пошелъ.
Сколько время покушавши,
Говорилъ Владиміръ Князь:
«Гой еси, Алеша Поповичъ младъ!
Часъ ты мнѣ, свѣтъ, далъ,
Пожалуй ты живи въ Кіевѣ,
Служи мнѣ Князю Владиміру:
До люби тебя пожалую.»
Втапоры Алеша Поповичъ младъ Князя не ослушался,
Сталъ служить вѣрою и правдою.
А Княгиня говорила Алешѣ Поповичу:
«Деревенщина ты, засельщина!
Разлучилъ меня съ другомъ милымъ,
Съ молодымъ Змѣемъ Тугаринымъ.»
Отвѣчаетъ Алеша Поповичъ младъ:
«А ты гой еси, матушка, Княгиня Апраксѣевна!
Чуть не назвалъ я тебя сукою,
Сукою то, волочайкою.»
То старина, то и дѣянье.

Соловей Будиміровичъ.

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота океанъ море;
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Днѣпровскіе.
Изъ-за моря, моря синяго,
Изъ глухоморья зеленаго,
Отъ славнаго города Леденца,
Отъ того-де царя, вѣдь, заморскаго,
Выбѣгали, выгребали тридцать кораблей,
Тридцать кораблей—единъ корабль
Славнаго гостя, богатаго,
Молода Соловья, сына Будиміровича.
Хорошо корабли изукрашены:
Одинъ корабль получше всѣхъ;
У того было у Сокола у корабля
Вмѣсто очей было вставлено:
По дорогу каменю, по яхонту;
Вмѣсто бровей было прибивано:
По черному соболю Якутскому;
Вмѣсто уса было воткнуто:
Два острые ножики булатные;
Вмѣсто ушей было воткнуто:
Два остра копья Мурзамецкія,
И два горностая повѣшаны,
И два горностая, два зимніе;
У того было у Сокола у корабля
Вмѣсто гривы прибивано:
Двѣ лисицы бурнастыя;
Вмѣсто хвоста повѣшено
На томъ было Соколѣ корабле:
Два медвѣдя бѣлые, заморскіе;
Носъ, корма по туриному,
Бока взведены по звѣриному.
Бѣгутъ ко городу Кіеву,

Къ ласкову Князю Владиміру.
На томъ Соколѣ караблѣ
Сдѣланъ муравленъ чердакъ,
Въ чердакѣ была бесѣда — дорогъ рыбій зубъ,
Подернута бесѣда рытымъ бархатомъ;
На бесѣдѣ-то сидѣлъ Купавъ молодецъ,
Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ.
Говорилъ Соловей таково слово:
«Гой еси вы, гости корабельщики,
И всѣ цѣловальники любимые!
Какъ буду я въ городѣ Кіевѣ,
У ласкова Князя Владиміра,
Чѣмъ мнѣ-то будетъ Князя дарить,
Чѣмъ свѣта жаловати?
Отвѣчаютъ гости корабельщики,
И всѣ цѣловальники любимые:
«Ты славной, богатой гость,
Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ!
Есть, сударь, у васъ золота казна:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ;
Есть, сударь, дорога камка,
Что недорога камочка—узоръ хитеръ:
Хитрости были Царяграда,
А и мудрости Іерусалима,
Замыслы Соловья Будиміровича;
На златѣ, на серебрѣ—не прогнѣваться.»
Прибѣжали корабли подъ славной Кіевъ градъ,
Якори метали въ Днѣпръ рѣку,
Сходни бросали на крутъ бережокъ,
Товарную пошлину въ таможнѣ платили
Со всѣхъ кораблей семь тысячей,
Со всѣхъ кораблей, со всего живота.
Бралъ Соловей свою золоту казну:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ.
Пошелъ онъ ко ласкову Князю Владиміру,
Идетъ во гридню, во свѣтлую;
Какъ бы на пяту двери отворялися,
Идетъ во гридню Купавъ молодецъ,
Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ,
Спасову образу молится,
Владиміру Князю кланяется,
Княгинѣ Апраксѣевнѣ на особицу,
И подноситъ Князю свои дороги подарочки:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ;
Княгинѣ поднесъ камку бѣлохрущатую,
Недорога камочка—узоръ хитеръ:
Хитрости Царяграда,
Мудрости Іерусалима,
Замыслы Соловья, сына Будиміровича;
На златѣ и серебрѣ—не погнѣваться.
Князю дары полюбилися,
А Княгинѣ наипаче того.
Говоритъ ласковой Владиміръ Князь:
«Гой еси ты, богатой гость,
Соловей, сынъ Будиміровичъ!
Занимуй дворы княженецкіе,
Занимуй ты боярскіе,
Занимуй дворы и дворянскіе.»
Отвѣчаетъ Соловей, сынъ Будиміровичъ:
«Не надо мнѣ дворы княженецкіе,
И не надо дворы боярскіе,
И не надо дворы дворянскіе;
Только ты дай мнѣ загонъ земли,
Непаханыя и неораныя,
У своей, Осударь, княженецкой племянницы,
У молодой Запавы Путятишной;
Въ ея, Осударь, зеленомъ саду,
Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ,
Построить мнѣ, Соловью, снаряденъ дворъ.»
Говоритъ, Осударь, ласковый Владиміръ Князь:
«На то тебѣ съ Княгинею подумаю»
А подумавши, отдавалъ Соловью загонъ земли,
Непаханыя и неораныя.
Приходилъ Соловей на свой червленъ корабль,
Говорилъ Соловей, сынъ Будиміровичъ:
«Гой еси вы, мои люди работные!
Берите вы топорики булатные,
Подите къ Запавѣ въ зеленой садъ,
Постройте мнѣ снаряденъ дворъ,
Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ.»
Съ вечера, позднимъ поздно,
Будто дятлы въ деревѣ пощолкивали,
Работала его дружина хорабрая;
Ко полуночи и дворъ поспѣлъ:
Три терема златоверховаты,
Да трои сѣни косящаты,
Да трои сѣни рѣшетчаты.
Хорошо въ теремахъ изукрашено:
На небѣ солнце, въ теремѣ солнце;
На небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды;
На небѣ заря, въ теремѣ заря—
И вся красота поднебесная.
Рано зазвонили къ заутрени,—
Ото сна-то Запава пробуждалася,
Посмотрѣла сама въ окошечко косящатое,

Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ,
Во свой, вѣдь, хорошій, зеленой садъ.
Чудо Запавѣ показалося:
Въ ея хорошемъ, зеленомъ саду,
Что стоятъ три терема златоверховаты.
Говорила Запава Путятишна:
«Гой еси, нянюшки и мамушки!
Подтет-ко, посмотритет-ко,
Что мнѣ за чудо показалося,
Въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ?»
Отвѣчаютъ нянюшки, мамушки,
И сѣнныя красныя дѣвушки:
«Матушка, Запава Путятишна!
Изволь-ко сама посмотрѣть:
Счастье твое на дворѣ къ тебѣ пришло.»
Скоро-де Запава наряжается,
Надѣвала шубу соболиную,
Цѣна-то шубѣ три тысячи,
А пуговки въ семь тысячей,
Пошла она въ вишеньѣ, въ орѣшеньѣ,
Во свой во хорошъ, во зеленой садъ.
У перваго терема послушала:
Тутъ въ теремѣ щелчитъ, молчитъ—
Лежитъ Соловьева золота казна.
Во второмъ теремѣ послушала:
Тутъ въ теремѣ потихоньку говорятъ,
Помаленьку говорятъ, все молитву творятъ:
Молится Соловьева матушка
Со вдовы честны, многоразумными.
У третьяго терема послушала:
Тутъ въ теремѣ музыка гремитъ.
Входила Запава въ сѣни косящатыя,
Отворяла двери на пяту,—
Больно Запава испугалася,
Рѣзвы ноги подломилися,
Чудо въ теремѣ показалося:
На небѣ солнце, въ теремѣ солнце;
На небѣ мѣсяцъ, въ теремѣ мѣсяцъ;
На небѣ звѣзды, въ теремѣ звѣзды;
На небѣ заря, въ теремѣ заря—
И вся красота поднебесная.
Подломились ея ноженьки рѣзвыя.
Втапоры Соловей, онъ догадливъ былъ,
Бросилъ свои звончаты гусли,
Подхватывалъ дѣвицу за бѣлы ручки,
Клалъ на кровать слоновыхъ костей,
Да на тѣ-ли перины пуховыя:
«Что-де ты, Запава, испужалася?
Мы-де оба на возрастѣ.»
«А и я-де дѣвица на выданьѣ,
Пришла-де сама за тебя свататься.»
Тутъ они и помолвили.
Цѣловалися они, миловалися,
Золотыми перстнями помѣнялися.
Провѣдала его Соловьева матушка,
Честна вдова Амелѳа Тимофеевна,
Свадьбу кончити посрочила:
«Съѣзди-де за моря синія,
И когда-де тамъ разторгуешься,
Тогда и на Запавѣ женишься.»
Отъѣзжалъ Соловей за моря синія.
Втапоры поѣхалъ и голой Шапъ Давидъ Поповъ.
Скоро за морями исторгуется,
А скорѣй того назадъ въ Кіевъ прибѣжалъ.
Приходилъ ко ласкову Князю съ подарками,
Принесъ сукно смурое,
Да крашенину печатную.
Втапоры Князь сталъ спрашивати:
«Гой еси ты, голой Шапъ Давидъ Поповъ!
Гдѣ ты слыхахъ, гдѣ видывалъ,
Про гостя богатаго, про молода
Соловья, сына Будиміровича?»
Отвѣчалъ ему голой Шапъ:
«Я-де объ немъ слышалъ,
Да и самъ подлинно видѣлъ въ городѣ Леденцѣ,
У того царя заморскаго:
Соловей у царя въ протаможье попалъ,
И за то посаженъ въ тіорьму,
А корабли его отобраны
На его-же царское величество.»
Тутъ лосковой Владиміръ Князь закручинился.
Скоро вздумалъ о свадьбѣ,
Что отдать Запаву за голаго Шапа Давида Попова.
Тысяцкой—ласковой Владиміръ Князь,
Свашила—княгиня Апраксѣевна,—
Въ поѣзду князья и бояре
Поѣзжали ко церкви Божьей.
Втапоры-жъ въ Кіевъ корабль пришелъ
Богатаго гостя, молода
Соловья, сына Будиміровича,
У городу, у Кіева,
Якори метали во быстрой Днѣпръ,
Сходни бросали на крутъ, красенъ бережокъ.
Выходилъ Соловей со дружиною,
Изъ Сокола корабля съ каликами:
Во бѣломъ платьи сорокъ каликъ со каликою.
Приходили они ко честной вдовѣ, Амелѳѣ Тимофеевнѣ,

Правятъ челобитье отъ сына ея, гостя богатаго,
Отъ молода Соловья Будимировича,
Что прибылъ флотъ въ девяностъ корабляхъ,
И стоитъ на быстромъ Днѣпрѣ, подъ городомъ Кіевомъ.
А оттуда пошли ко ласкову Князю Владиміру,
На княженецкой дворъ,
И стали во единой кругъ.
Втапоры слѣдовалъ со свадьбою
Владиміръ Князь въ домъ свой,—
И пошли во гридни свѣтлыя,
Садилися за столы бѣлодубовые,
За яства сахарныя,
И позвали на свадьбу сорокъ каликъ со каликою.
Тогда ласковой Владиміръ Князь
Велѣлъ вина имъ заморскія подносить
И меда сладкіе.
Тотчасъ по поступкамъ Соловья опознавали,
Приводили его ко княженецкому столу,
Сперва говорила Запава Путятишна:
«Гой еси мой, Осударь, дядюшка,
Ласковой, Осударь, Владиміръ Князь!
Тотъ-то мой прежній, обрученной женихъ,
Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ.
Прямо, Осударь, скачу—обезчещу столы.»
Говоритъ ей ласковой Владиміръ Князь:
«А ты гой еси; Запава Путятишна!
А ты прямо не скачи—не безчести столы.»
Выпускали ее изъ-за дубовыхъ столовъ.
Пришла она къ Соловью, поздоровалась,
Взяла его за рученьку бѣлую,
И пошла за столы бѣлодубовы,
И сѣли они за яства сахарныя, на большо мѣсто.
Говорила Запава таково слово
Голому Шапу Давиду Попову:
«Здравствуй! женимши, да не съ кѣмъ спать.»
Втапоры ласковой Владиміръ Князь веселъ сталъ,
А Княгиня наипаче того.
Поднимали пирушку великую.

Иванъ Гостиной сынъ.

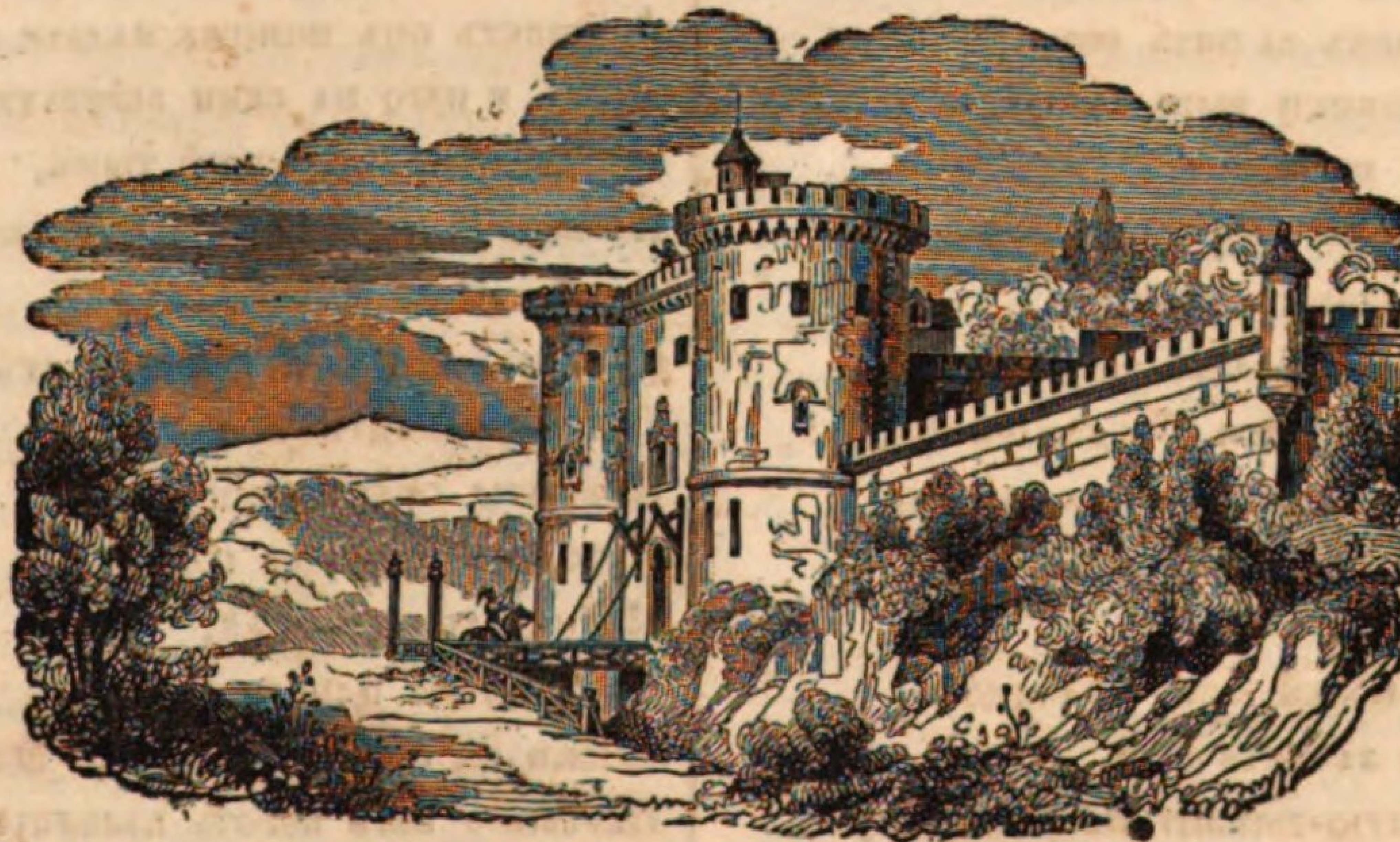

Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ,
У славнаго Князя Владиміра
Было пированье, почестной пиръ,
Было столованье, почестной столъ
На многи князья и бояре,
И на Русскіе могучіе богатыри
И гости богатые.
Будетъ день въ половину дня,
Будетъ пиръ во полу пиръ;
Владиміръ Князь разпотѣшился,
По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
Таковы слова поговариваетъ:
«Гой еси, князья и бояре
И всѣ Русскіе могучіе богатыри!
Есть ли во Кіевѣ таковъ человѣкъ,
Ктобъ похвалился на триста жеребцовъ,
На триста жеребцовъ и на три жеребца похваленые:

Сивъ жеребецъ, да кологривъ жеребецъ,
И которой полоненъ воронко во Большой Ордѣ,
Полонилъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
Какъ у молода Тугарина Змѣевича—
Изъ Кіева бѣжать до Чернигова,
Два девяноста-то мѣрныхъ верстъ,
Промежъ обѣдней и заутренею?»
Какъ бы меньшой за большаго хоронится,
Отъ меньшаго ему тутъ Князю отвѣту нѣту.
Изъ того стола княженецкаго,
Изъ той скамьи богатырскія,
Выступается Иванъ гостиной сынъ
И скочилъ на свое мѣсто богатырское,
Да кричитъ онъ, Иванъ, зычнымъ голосомъ:
«Гой еси ты, Осударь, ласковой Владиміръ Князь!
Нѣтъ у тебя въ Кіевѣ охотниковъ,
А и быть передъ Княземъ невольникомъ;
Я похвалюсь на триста жеребцовъ,
И на три жеребца похваленые:
А сивъ жеребецъ, да кологривъ жеребецъ,
Да третій жеребецъ полоненъ воронко,
Да которой полоненъ во Большой Ордѣ.
Полонилъ Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ,
Какъ у молода Тугарина Змѣевича;
Ѣхать дорога не ближняя,
И скакать изъ Кіева до Чернигова
Два девяноста-то мѣрныхъ верстъ,
Промежу обѣдни и заутрени,
Ускоки давать конинные,
Что вымѣтывать раздолья широкія:
А бьюсь я, Иванъ, о великъ закладъ,
Не о стѣ рубляхъ, не о тысячѣ,
О своей буйной головушкѣ.»
За Князя Владиміра держатъ поруки крѣпкія
Всѣ тутъ князья и бояре, туто-де гости корабельщики,
Закладу они за Князя кладутъ на сто тысячей.
А никто-де тутъ за Ивана поруки не держитъ,—
Пригодился тутъ Владыка Черниговской,
А и онъ-то за Ивана поруку держитъ,
Тѣ онъ поруки крѣпкія, крѣпкія на сто тысячей.
Подписалися. Молодой Иванъ гостиной сынъ,
Онъ выпилъ чару зелена вина въ полтора ведра,
Приходилъ онъ на конюшню бѣлодубову,
Ко своему доброму коню къ бурочкѣ,
Косматочкѣ, троелѣточкѣ,
Падалъ ему въ правое копытечко,
Плачетъ Иванъ, что рѣка течетъ:
«Гой еси ты, мой добрый конь,
Бурочко, косматочко, троелѣточко!
Про то ты вѣдь не знаешь, не вѣдаешь,
А пробилъ я, Иванъ, буйну голову свою
Со тобою добрымъ конемъ;
Бился съ Княземъ о великъ закладъ,
Бился съ нимъ о стѣ тысячей,
Захвастался на триста жеребцовъ,
А на три жеребца похваленые:
Сивъ жеребецъ, да кологривъ жеребецъ,
И третій жеребецъ полоненъ воронко,
Бѣгать, скакать на добрыхъ на коняхъ,
Изъ Кіева скакать до Чернигова,
Промежу обѣдни, заутрени,
Ускоки давать конинные,
Что вымѣтывать раздолья широкія.»
Провѣщится ему доброй конь бурочко,
Косматочко, троелѣточко,
Человѣчьимъ Русскимъ языкомъ:
«Гой еси, хозяинъ ласковой мой!
Ни о чемъ ты, Иванъ, не печалуйся:
Сива жеребца того не боюсь,
Кологрива жеребца того не блюдусь,
Въ задоръ войду—у воронка уйду:
Только меня води по три зари,
Медвяною сытою пои
И сорочинскимъ пшеномъ корми.
И пройдутъ тѣ дни срочные,
И тѣ часы урочные,
Придетъ отъ князя грозенъ посолъ
По тебя-то, Ивана гостинаго,
Чтобы бѣгати, скакати на добрыхъ на коняхъ.
Не сѣдлай ты меня, Иванъ, добра кона,
Только берись за шелковъ поводокъ,
Поведешь по двору княженецкому,
Вздѣнь на себя шубу соболиную,
Да котора шуба въ три тысячи,
Пуговки въ пять тысячей.
Какъ поведешь по двору княженецкому,
А стану-де я, бурка, передомъ ходить,
Копытами за шубу посапывати,
И по черному соболю выхватывати,
На всѣ стороны побрасывати,—
Князья, бояре подивуются,
И ты будешь живъ—шубу наживешь,
А не будешь живъ, будто нацивалъ.»
По сказанному и по писанному:
Отъ Великаго Князя посолъ пришелъ,
А зоветъ-то Ивана на княженецкой дворъ

Скоро-де Иванъ наряжается,
И вздѣвалъ на себя шубу соболиную,
Которой шубѣ цѣна три тысячи,
А пуговки вальящатыя въ пять тысячей,
И повелъ онъ коня за шелковъ поводокъ.
Онъ будетъ-де, Иванъ, середи двора княженецкаго,
Сталъ его бурко передомъ ходить
И копытами онъ за шубу посапывати,
И по черному соболю похватывати,
Онъ на всѣ стороны побрасывати.
Князья и бояре дивуются,
Купецкіе люди засмотрѣлися.
Зрявкаетъ бурко по туриному,
Онъ шипъ пустилъ по змѣиному,
Триста жеребцовъ испугалися,
Съ княженецкаго двора разбѣжалися:
Сивъ жеребецъ двѣ ноги изломилъ,
Кологривъ жеребецъ тутъ и голову сломилъ,
Полоненъ воронко въ Золоту Орду бѣжитъ,
Онъ хвостъ поднялъ, самъ всхрапываетъ.
А князья-то и бояре испужалися,
Всѣ тутъ люди купецкіе,
Окарачь они по двору наползалися;
А Владиміръ Князь со Княгинею печаленъ сталъ;
Кричитъ самъ въ окошечко косящатое:
«Гой еси ты, Иванъ, гостиной сынъ!
Уведи ты уродья со двора долой;
Просты поруки крѣпкія, записи всѣ изодраны.»
Втапоры Владыка Черниговской,
У Великаго Князя на почестномъ пиру,
Велѣлъ захватить три корабля на быстромъ Днѣпрѣ,
Велѣлъ захватить корабли
Съ тѣми товары заморскими,
А князья-де и бояре никуда отъ насъ не уйдутъ.

Чурила Пленковичъ.

Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ,
У ласкова, Осударь, Князя Владиміра,
Было пированье, почестной пиръ,
Было столованье, почестной столъ
На многи князья и бояре
И на Русскіе могучіе богатыри.
Будетъ день въ половину дня,
А и будетъ столъ во полу столъ,
Князь Владиміръ распотѣшился —
А незнаемы люди къ нему появилися:
Есть молодцовъ за сто человѣкъ,
Еть молодцовъ за другое сто,
Есть молодцовъ за третье сто:
Всѣ они избиты, изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны;

Бьютъ челомъ, жалобу творятъ:
«Свѣтъ, Осударь, ты Владимiръ Князь!
Ѣздили мы по полю по чистому,
Сверхъ тоя рѣки Череги,
На твоемъ, Осударевомъ, займищѣ,
Ничего мы въ полѣ не наѣзживали,
Не наѣзживали звѣря прыскучаго,
Не видали птицы перелетныя,
Только наѣхали во чистомъ полѣ
Есть молодцовъ за триста и за пять сотъ:
Жеребцы подъ ними Латинскіе,
Кафтанцы на нихъ камчатные
Однорядочки-то голубъ скурлатъ,
А и колпачки-то золоты плаши;
Они соболи, куницы повыловили,
И Печерски лисицы повыгнали,
И насъ избили, изранили—
А тебѣ, Осударь, добычи нѣтъ—
А отъ тебя, Осударь, жалованья нѣтъ.
Дѣти, жены осиротѣли,
Пошли по міру скитатися.»
А Владимiръ Князь стольной Кіевскій,
Пьетъ онъ, ѣстъ, прохлаждается,
Ихъ челобитья не слушаетъ.
А и та толпа со двора не сошла,
А иная толпа появилася:
Есть молодцовъ за триста,
Есть молодцовъ за пять сотъ.
Пришли охотники рыболовные,
Всѣ избиты, изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны;
Бьютъ челомъ, жалобу творятъ:
«Свѣтъ, Осударь, ты Владимiръ Князь!
Ѣздили мы по рѣкамъ, по озерамъ,
На твои щаски княженецкія
Ничего не поимавали;
Нашли мы людей: есть молодцовъ
За триста и за пять сотъ,
Всю они бѣлую-рыбицу повыловили,
Щуки, караси повыловили-жъ
И мѣлкую рыбицу повыдавили,
Намъ въ томъ, Осударь, добычи нѣтъ,
Тебѣ, Осударю, припосу нѣтъ.
Дѣти, жены осиротѣли,
Пошли по міру скитатися;
И насъ избили, изранили.»
А Владимiръ Князь стольной Кіевской,
Пьетъ онъ, ѣстъ, прохлаждается,
Ихъ челобитья не слушаетъ.
А и тѣ толпы со двора не сошли,
Двѣ толпы вдругъ пришли:
Первая толпа —молодцы сокольники,
Другіе молодцы кречетники,
И всѣ они избиты, изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны;
Бьютъ челомъ, жалобу творятъ:
«Свѣтъ, Осударь, ты Владимiръ Князь!
Ѣздили мы по полю чистому,
Сверхъ тоя рѣки Череги,
По твоемъ, Осударевомъ, займищу,
На тѣхъ на потѣшныхъ островахъ;
На твои щастки княженецкія
Ничего не поимывали, не видали
Сокола и кречета перелетнаго,
Только наѣхали мы молодцовъ
За тысячу человѣкъ;
Всѣхъ они ясныхъ соколовъ повыхватали,
И бѣлыхъ кречетовъ повыловили,
А насъ избили, избранили;
Называются дружиною Чуриловою.»
Тутъ Владимiръ Князь за то слово спохватится:
«Кто это Чурила есть таковъ?»
Выступился туто старой Бермята Васильевичъ:
«Я-де, Осударь, про Чурилу давно вѣдаю,
Чурила живетъ не въ Кіевѣ,
А живетъ онъ пониже малаго Кіевца.
Дворъ у него на семи верстахъ,
Около двора желѣзной тынъ,
На всякой тынинкѣ по маковкѣ,
А и есть по жемчужинкѣ;
Середи двора свѣтлицы стоятъ,
Гридни бѣлодубовыя
Покрыты сѣдымъ бобромъ,
Потолокъ черныхъ соболей,
Матица-то волженая,
Полъ середа одного серебра,
Крюки да пробои по булату злачены.
Первые у него ворота вальящатые,
Другіе ворота хрустальные,
Третьи ворота оловянные.»
Втапоры Владимiръ Князь и со Княгинею
Скоро онъ снаряжается,
Скорѣе того поѣздку чинятъ;
Взялъ съ собою князей и бояръ
И могучихъ богатырей, Добрыню Никитича
И стараго Бермяту Васильевича,—
Тутъ ихъ собралось пять сотъ человѣкъ,
И поѣхали къ Чурилѣ Пленковичу.
И будутъ у двора его,
Встрѣчаетъ ихъ старой Пленъ—

Для Князя и Княгини
Отворяетъ ворота вальящатые,
А князьямъ и боярамъ хрустальные,
Простымъ людямъ ворота оловянные.
И наѣхало ихъ полонъ дворъ.
Старой Пленка Сыроженинъ
Приступилъ ко Князю Владиміру
И ко Княгинѣ Апраксѣевнѣ,
Повелъ ихъ во свѣтлы гридни,
Сажалъ за убраные столы, въ мѣсто почестное;
Принималъ, сажалъ князей и бояръ
И могучихъ Русскихъ богатырей.
Втапоры были повары догадливые,
Носили ява сахарныя и питья медвяныя,
А питья все заморскія
Чѣмъ бы князя развеселитъ
Веселая бесѣда на радости день.
Князь со Княгинею веселъ сидитъ,
Посмотрѣлъ въ окошечко косящатое
И увидѣлъ въ полѣ толпу людей,
Говорилъ таково слово:
«По грѣхамъ надо мною Княземъ учинилося,
Князя меня въ домъ не случилося,
Ѣдетъ ко мнѣ король изъ Орды,
Или какой грозенъ посолъ.»
Старой Пленка Сыроженинъ
Лишь только усмѣхается, самъ подчиваетъ:
«Изволь ты, Осударь, Владиміръ Князь со Княгинею
И со всѣми своими князи и бояры кушати,
Что-де ѣдетъ не король изъ Орды
И не грозенъ посолъ,
Ѣдетъ-де дружина хорабрая сына моего,
Молода Чурилы сына Пленковича;
А какъ онъ, Осударь, будетъ предъ тобою-жъ,
Будетъ пиръ во полу пирѣ
Будетъ столъ во полу столѣ.»
Пьютъ они, ѣдятъ, потѣшаются,
Всѣ уже они безъ памяти сидятъ.
На дворѣ день вечеряется,
Красное солнышко закатается,
Толпа въ полѣ сбирается,
Есть молодцовъ ихъ за пять сотъ,
Есть и до тысячи;
Ѣдетъ Чурила ко двору своему,
Передъ нимъ несутъ подсолнечникъ,
Чтобъ не запекло солнце бѣла его лица.
И пріѣхалъ Чурила ко двору своему,
Перво его скороходъ прибѣжалъ,
Заглянулъ скороходъ на широкой дворъ,
А и некуда Чурилѣ на дворъ ѣхати
И стоятъ со своимъ промысломъ.
Поѣхали они на свой окольной дворъ,
Тамъ они становилися и со всѣмъ убиралися.
Втапоры Чурила догадливъ былъ
Беретъ золоты ключи,
Пошелъ во подвалы глубокіе,
Взялъ онъ золоту казну:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Другой сорокъ Печерскихъ лисицъ,
И бралъ же камку бѣлохрущату,
А цѣна камкѣ сто тысячей,
Принесъ онъ ко Князю Владиміру.
Клалъ передъ нимъ на убраной столъ.
Втапоры Владиміръ Князь, стольной Кіевской,
Больно со Княгинею возрадовалися,
Говорилъ ему таково слово:
«Гой еси ты, Чурила Пленковичъ!
Не подобаетъ тебѣ въ деревнѣ жить,
Подобаетъ тебѣ, Чурилѣ, въ Кіевѣ жить,
Князю служить.»
Втапоры Чурила Князя Владиміра не ослушался,
Приказалъ тотчасъ коня осѣдлать,
И поѣхали они всѣ въ тотъ стольной Кіевъ градъ,
Ко ласкову Князю Владиміру,
Въ добромъ здоровьи ихъ Богъ перенесъ.
А и будутъ на дворѣ княженецкомъ,
Скочили они со добрыхъ коней,
Пошли во свѣтлыя гридни,
Садилися за убраные столы.
Посылаетъ Владиміръ стольной Кіевской
Молода Чурила Пленковича
Князей и бояръ звать въ гости къ себѣ,
А зватаго приказалъ брать со всякаго по десяти рублевъ.
Обходилъ онъ Чурила князей и бояръ
И собралъ ко Князю на почестной пиръ.
А и зайдетъ онъ Чурила Пленковичъ
Въ домъ ко старому Бермятѣ Васильевичу,
Ко его молодой женѣ, къ той Катеринѣ прекрасной,
И тутъ онъ позамѣшкался.
Ожидаетъ его Владиміръ Князь,
Что долго замѣшкался.
И мало время поизойдучи,
Пришелъ Чурила Пленковичъ;
Втапоры Владиміръ Князь ни во что положилъ —
Чурила пришелъ и столъ пошелъ,
Стали пити, ясти, прохлаждатися,
Всѣ Князья и бояре до пьяна напивалися

Для новаго стольника Чурилы Пленковича,
Всѣ они напивалися и домой разъѣзжалися.
По утру рано ранешенко.
Рано зазвонили ко заутрени;
Внязья и бояре пошли къ заутрени ;
Въ тотъ день выпадала пороха снѣгу бѣлаго
И нашли они свѣжій слѣдъ,
Сами они дивуются:
Либо зайка скакалъ , либо бѣлъ горнастай;
А иные тутъ усмѣхаются, сами говорятъ:
Знать это не зайка скакалъ, не бѣлъ горностай,
Это шелъ Чурила Пленковичъ
Къ старому Бермятѣ Васильевичу,
Къ его молодой женѣ, Катеринѣ прекрасныя.

СЛОВО

О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

Да постыдятся и посрамятся вси глаголющіе намъ!

Текстъ Слова о полку Игоревѣ перепечатанъ здѣсь съ перваго изданія. Всѣ тѣ мѣста, которыя не такъ были прочтены первыми издателями, напечатаны курсивомъ. Самое слово раздѣлено мною на XII пѣсенъ.

СЛОВО

О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ.

ПѢСНЬ 1.

Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича.

Начати же ся тъй пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню. Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растекашется мыслію по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы. Помняшеть бо рѣчь първыхъ временъ усобицѣ; тогда пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедей, который дотечаше, та преди пѣснь пояше, старому Ярославу, хлаброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълкы Касожьскыми, красному Романови Святъславличю. Боянъ же, братіе, не 10 соколовъ на стадо лебедей пущаше, нъ своя вѣщіа пръсты на живая струны въскладаше; они же сами княземъ славу рокохату.

Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря; иже истягну умъ крѣпостію своею, и поостри сердца своего мужествомъ, наплънився ратнаго духа, наведе своя храбрыя плъкы на землю Половецкую за землю Руськую.

ПѢСНЬ 2.

Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце, и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты. И рече Игорь къ дружинѣ своей: братіе и дружино! луцежъ бы потяту быти, неже полонену быти! А всядемъ, братіе, на свои бръзыя комони, да позримъ синего Дону. Спала князю умъ похоти, и жалость ему знаменіе заступи, искусити Дону великаго. Хощу бо, рече, копіе приломити конецъ поля Половецкаго съ вами, Русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомъ Дону!

О Бояне, соловію стараго времени! Абы ты сіа плъкы ущекоталъ, скача славію по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы, свивая славы оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню чрезъ поля на горы. Пѣти было пѣснь Игореви, того Олга внуку. Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая; галици стады бѣжать къ Дону великому. Чили въспѣти было вѣщей Бояне, Велесовъ внуче.

Комони ржутъ за Сулою; звенитъ слава въ Кыевѣ; трубы трубятъ въ Новѣградѣ; стоятъ стязи въ Путивлѣ; Игорь ждетъ мила брата Всеволода. И рече ему Буй Туръ Всеволодъ: одинъ братъ, одинъ свѣтъ свѣтлый ты, Игорю, оба есвѣ Святъславличя! Сѣдлай, брате, свои бръзыи комони, а мои ти готови, осѣдлани у Курьска на переди. А мои ти Куряни свѣдоми къ мети, подъ трубами повити, подъ шеломы възлелѣяны, конецъ копія въскръмлени, пути имъ ведоми, яругы имъ знаеми, луци у нихъ напряжени, тули отворени, сабли изъострени; сами скачуть акы сѣрыи влъцы въ полѣ, ищучи себе чти, а князю славы.

Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень, и поѣха по чистому

полю. Солнце ему тьмою путъ заступаше; нощь стонущи ему грозою птичь убуди; свистъ звѣринъ въ стазби. Дивъ кличетъ врьху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Влъзѣ, и Поморію, и по Сулію, и Сурожу, и Корсуню, и тебѣ Тьмутораканьскый блъванъ.

А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону великому; крычатъ тѣлѣгы полунощы, рци лебеди роспущени.

Игорь къ Дону вои ведетъ. Уже бо бѣды его пасетъ птиць; подобію влъци грозу въсрожатъ по яругамъ; орли клектомъ на кости звѣри зовутъ, лисици брешутъ на чрълёныя щиты. О Русская земле! уже за Шеломянемъ еси!.. Длъго ночь мркнечъ; заря свѣтъ запала; мъгла поля покрыла, щекотъ славій успе, говоръ галичь убуди. Русичи великая поля чрълеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а князю славы.

Пѣснь 3.

Съ зарания въ пяткъ потопташа поганыя плъкы Половецкыя; и рассушясь стрѣлами по полю, помчаша красныя дѣвкы Половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты. Орьтъмами и япончицами и кожухы начаша мосты мостити по болотомъ и грязивымъ мѣстомъ, и всякыми узорочьи Половецкыми. Чрьленъ стягъ, бѣла хорюговь, чрьлена чолка, серебрено стружіе — храброму Святъславличю. Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо... далече залетѣло... *не было нъ* обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ чрьный воронъ, поганый Половчине. Гзакъ бѣжитъ сѣрымъ влъкомъ; Кончакъ ему слѣдъ правитъ къ Дону Великому.

Другаго дни вельми рано кровавыя зори свѣтъ повѣдаютъ; чрьныя тучя съ моря идутъ, хотятъ прикрыти 4 солнца; а въ нихъ трепещутъ синіи млъніи. Быти грому великому! итти дождю стрѣлами съ Дону великаго! Ту ся копіемъ приламати, ту ся саблями потручяти о шеломы Половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго. О Русская земле! уже за Шеломянемъ еси!.. Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами на храбрыя плъкы Игоревы! земля тутнетъ; рѣкы мутно текутъ; пороси поля прикрываютъ; стязи глаголютъ; Половци идутъ отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ. Русскыя плъкы отступиша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбріи Русичи преградиша чрълеными щиты.

Ярь туре Всеволоде! стоиши на борони, прыщеши на вои стрѣлами, гремлеши о шеломы мечи харалужными. Камо Туръ поскочяше, своимъ златымъ шеломомъ посвѣчивая: тамо лежатъ поганыя головы Половецкыя; поскепаны саблями калеными шеломы Оварьскыя отъ тебе, Яръ Туре Всеволоде. Кая раны дорога, братіе, забывъ чти и живота, и града Чрънигова, отня злата стола, и своя милыя хоти, красныя Глѣбовны свычая и обычая?

Пѣснь 4.

Были вѣчи Трояни; минула лѣта Ярославля; были плъци Ольговы, Ольга Святъславличя. Тъй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше, и стрѣлы по земли сѣяше. Ступаетъ въ златъ стремень въ градѣ Тьмуторокапѣ. Тоже звонъ слыша давный великый Ярославъ; а сынъ Всеволожъ, Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ. Бориса же Вячеславлича слава на судъ приведе, и на канину зелену паполому постла, за обиду Ольгову, храбра и млада князя.

Съ тоя же Каялы Святоплъкъ повезъ я отца своего между Угорьскими иноходьцы ко Святѣй Софіи къ Кіеву. Тогда при Ользѣ Гориславличи, сѣяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Даждь-Божа внука; въ княжихъ крамолахъ вѣци че

ловѣкомъ скратишась. Тогда по Русской земли рѣдко ратаевѣ кикахуть: нѣ часто врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче; а галици свою рѣчь говоряхуть, хотять полетѣти на уѣдіе. То было въ ты рати, и въ ты плъкы; а сицей рати не слышано.

Пѣснь 5.

Съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта, летятъ стрѣлы каленыя, гримлютъ сабли о шеломы, трещатъ копія харалужныя, въ полѣ незнаемѣ, среди земли Половецкыя. Чръна земля подъ копыты, костьми была посѣяна, а кровію польяна; тугою взыдоша по Русской земли. Что ми шумить, что ми звенить далече рано, предъ зорями? Игорь плъкы заворочаетъ; жаль бо ему мила брата Всеволода. Бишася день, бишася другый: третьяго дни къ полуднію падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы. Ту кроваваго вина не доста; ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Русскую. Ничить трава жалощами, а древо съ тугою къ земли преклонилось.

Пѣснь 6.

Уже бо, братіе, не веселая година въстала; уже пустыни силу покрыли. Въстала обида въ силахъ Даждь-Божа внука; вступила дѣвою на землю Трояню; въсплескала лебедиными крылы на синѣмъ море, у Дону плещучи. Убуди жирня времена. Усобица князѣмъ на поганыя погыбе. Рекоста бо братъ брату: се мое, а то мое же. И начяша князи про малое се великое млъвити, а сами на себѣ крамолу ковати; а погании съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Русскую.

О! далече зайде соколъ, птиць бья къ морю.... А Игорева храбраго плъку не крѣсити! За нимъ кликну Карна и Жля, поскочи по Русской земли, смагу мычючи въ пламянѣ розѣ.

Жены Русскія въсплакашась, а ркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати. А въстона бо, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми; тоска разліяся по Русской земли; печаль жирна тече средь земли Русской. А князи сами на себе крамолу коваху; а погании сами побѣдами нарищуще на Русскую землю, емляху дань по бѣлѣ отъ двора.

Тии бо два храбрая Святъславлича, Игорь и Всеволодъ, уже лжу убуди, которую то бяше успилъ отецъ ихъ Святъславъ грозный, великый Кіевскый. Грозою бяшеть; притрепеталъ своими сильными плъкы и харалужными мечи наступи на землю Половецкую; притопта хлъми и яругы; взмути рѣки и озеры; иссуши потоки и болота; а поганаго Кобяка изъ лукоморья отъ желѣзныхъ великихъ плъковъ Половецкихъ, яко вихрь выторже: и падеся Кобякъ въ градѣ Кіевѣ, въ гридницѣ Святъславли!

Ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю, кають князя Игоря, иже погрузи жирь во днѣ Каялы рѣкы Половецкія, Русскаго злата насыпаша.

Ту Игорь князь высѣдѣ изъ сѣдла злата, а въ сѣдло кощіево.

Пѣснь 7.

Уныша по градомъ заборалы, а веселіе пониче. А Святъславъ мутенъ сонъ видѣ: въ Кіевѣ на горахъ си ночь съ вечера одѣвахъте мя, рече, чръною паполомою, на кроваты тисовѣ. Чръпахуть ми синее вино съ трудомъ смѣшено; сыпахуть ми тъщими тулы поганыхъ тльковинъ великый женчюгъ на лоно, и нѣгуютъ мя; уже дьскы безъ кнѣса въ моемъ теремѣ златовръсѣмъ. Всю ночь съ вечера босови врани възграяху, у Плѣсньска, на болони, бѣша дебрь Кисаню, и не сошли къ синему морю.

И рекоша бояре князю: уже, княже, туга умъ полонила; се бо два сокола слетѣста съ отня стола злата, поискати града Тьмутороканя, а любо испити шеломомъ Дону. Уже соколама крильца припѣшали поганыхъ саблями, а самаю опутоша въ путины желѣзны. Темно бо бѣ въ 3 день: два солнца помѣркоста, оба багряная стлъпа погасоста, и съ нимъ молодая мѣсяца, Олегъ и Святославъ, тьмою ся поволокоста. На рѣцѣ на Каялѣ тьма свѣтъ покрыла: по Русской земли прострошася Половци, акп пардуже гнѣздо, и въ морѣ погрузиста; и великое буйство подаста Хапови Уже снесеся хула на хвалу; уже тресну нужда на волю; уже врѣжеся диво на землю. Се бо Готскія красныя дѣвы въспѣша на брезѣ синему морю. Звоня Русскымъ златомъ, поютъ время Бусово, лелѣютъ месть Шароканю. А мы уже, дражина, жадни веселія.

Тогда Великій Святъславъ изрони злато слово, слезами смѣшено, и рече: о моя сыновчя, Игорю и Всеволоде! рано еста начала Половецкую землю мечи цвѣлити, а себѣ славы искати. Нъ нечестно одолѣсте: нечестно бо кровь поганую пролїясте! Ваю храбрая сердца въ жестоцемъ харалузѣ скована, а въ буести закалена. Се ли створисте моей сребреной сѣдинѣ! А уже не вижду власти сильнаго и богатаго. И много вои брата моего Ярослава, съ Черниговскими Былями, съ Могуты, и съ Татраны, и съ Шельбиры, и съ Топчакы, и съ Ревугы, и съ Ольберы. Тии бо безъ щитовъ, съ засапожникы, кликомъ плъкы побеждаютъ. Звонячи въ прадѣднюю славу, нъ рекосте: *мужайтеся* сами! преднюю славу сами похитимъ, заднюю ся сами подѣлимъ! А чи диво ся, братіе, стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ; не дастъ гнѣзда своего въ обиду.

Пѣснь 8.

Нъ се зло! Княже ми не пособіе: на ниче ся годипы обратиша.

Се у Римъ кричатъ подъ саблями Половецкыми, а Володимїръ подъ ранами, туга и тоска сыну Глѣбову.

Великый княже Всеволоде! не мыслію ти прилетѣти издалеча, отня злата стола поблюсти. Ты бо можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти. Аже бы ты былъ, то была бы чага по ногатѣ, а кощѣй по резанѣ. Ты бо можеши по суху живыми шереширы стрѣляти, удалыми сыны Глѣбовы.

Ты буй Рюриче и Давыде! не ваю ли злачеными шеломы по крови плаваша? Не ваю ли храбрая дружина рыкаютъ, акы тури, ранены саблями калеными, на полѣ незнаемѣ? Вступита, Господина, въ злата стремень за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святъславлича.

Галичкы Осмомысле Ярославле! высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ; подперъ горы Угорскыи своими желѣзными плъки, заступивъ Королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бремены чрезъ облаки, суды рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ; отворяеши Кіеву врата; стрѣляеши съ отня злата стола Салтани за землями. Стрѣляй, Господине, Кончака, поганаго кощѣя за землю Русскую, за раны Игоревы буего Святъславлича.

А ты буй Романе и Мстиславе! храбрая мысль носитъ вашъ умъ на дѣло. Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти. Суть бо у ваю желѣзныи папорзи подъ шеломы Латинскими. Тѣми тресну земля, и многи страны Хапова. Литва, Ятвязи, Деремела, и Половци сулици своя повръгоша, а главы своя поклониша подъ тыи мечи харалужныи.

Нъ уже, княже Игорю, утрпѣ солнцю свѣтъ, а древо не бологомъ листвіе срони: по Рсіи и по Сули гради подѣлиша; а Игорева храбраго плъку не крѣсити. Донъ ти, княже, кличетъ, и зоветъ князи на побѣду. Ольговичи храбрыи князи доспѣли на брань.

Инъгварь и Всеволодъ, и вси три Мстиславичи, нехуда гнѣзда шестокрыльци! не побѣдными жребіи собѣ власти расхытисте. Кое ваши златыи шеломы и сулицы Ляцкіи и щиты! Загородите полю ворота своими острыми стрѣлами за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святъславлича!

Пѣснь 9.

Уже бо Сула не течетъ сребреными струями къ граду Переяславлю, и Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ Полочаномъ подъ кликомъ поганыхъ.

Единъ же Изяславъ, сынъ Васильковъ, позвони своими острыми мечи о шеломы Литовскія; притрепа славу дѣду своему Всеславу, а самъ подъ чрълеными щиты на кровавѣ травѣ притрепанъ Литовскыми мечя. И схоти ю на кровать, и рекъ: дружину твою, княже, птиць крилы пріодѣ, а звѣри кровь полизаша.

Не бысть ту брата Брячяслава, ни другаго Всеволода; единъ же изрони жемчюжну душу изъ храбра тѣла, чрезъ злато ожереліе. Унылы голоси, пониче веселіе. Трубы трубятъ Городеньскіи.

Ярославе, и вси внуце Всеславли! уже понизить стязи свои, вонзить свои мечи вереженіи! уже бо выскочисте изъ дѣдней славы. Вы бо своими крамолами начисте наводити поганыя на землю Русскую, на жизнь Всеславлю. Которое бо бѣше насиліе отъ земли Половецкыи!

На седьмомъ вѣцѣ Трояни връже Всеславъ жребій о дѣвицю себѣ любу. Тъй клюками подпръся о кони, и скочи къ граду Кыеву, и дочтеся стружіемъ злата стола Кіевскаго. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣлаграда, обѣсися синѣ мьглѣ, утрѣ же возни стрикусы, отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ.

На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми Русскихъ сыновъ.

Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше, изъ Кыева дорыскаше до Куръ Тмутораканя; великому хрѣсови влъкомъ путь прерыскаше. Тому въ Полотскѣ позвониша заутренюю рано у Святыя Софеи въ колоколы: а онъ въ Кыевѣ звонъ слыша. Аще и вѣща душа въ друзѣ тѣла, нъ часто бѣды страдаше. Тому вѣщей Боянъ и пръвое припѣвку смысленый рече: ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду, суда Божіа не минути.

О! стонати Русской земли, помянувше пръвую годину, и пръвыхъ князей. Того стараго Владиміра не льзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ: сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзи Давидовы... нъ рози носящимъ хоботы пашутъ; копіа поютъ на Дунаи.

Пѣснь 10.

Ярославнынъ гласъ слышитъ: зегзицею незнаемь, рано кычеть: полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣмъ его тѣлѣ.

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, а ркучи: о вѣтрѣ! вѣтрило! чему, господине, насильно вѣеши? Чему мычеши Хановьскыя стрѣлы на своею не трудною крилцю на моея лады вои? Мало ли ти бяшетъ горѣ подъ облаки вѣяти, лелѣючи корабли на синѣ морѣ? Чему, господине, мое веселіе по ковылію развѣя?

Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на забороле, а ркучи: о Днѣпре словотицю! ты пробилъ еси каменныя горы сквозъ землю Половецкую; ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады до плъку Кобякова: възлелѣй, господине, мою ладу къ мнѣ, а быхъ не слала къ нему слезъ на море рано.

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, а ркучи: свѣтлое и тресвѣтлое слънце! всѣмъ тепло и красно еси: чему, господине, простре горячюю свою лучю на ладѣ вои? въ полѣ безводнѣ жаждею имъ лучи съпряже, тугою имъ тули затче.

Пѣснь 11.

Прысну море полунощи; идутъ сморци мьглами; Игореви князю Богъ путь кажетъ изъ земли Половецкой на землю Русскую, къ отню злату столу. Погасоша вечеру зари. Игорь спитъ, Игорь бдитъ, Игорь мыслію поля мѣритъ отъ великаго Дону до малаго Донца. Комонь въ полуночи. Овлуръ свисну за рѣкою, велитъ князю разумѣти. Князю Игорю не быть.

Кликну, стукну земля; възшумѣ трава. Вежи ся Половецкіи подвизашася; а Игорь князь поскочи горностаемъ къ тростію, и бѣлымъ гоголемъ на воду; въвръжеся на бръзъ комонь, и скочи съ него босымъ влъкомъ, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мьглами, избивая гуси и лебеди, завтроку, и обѣду и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Овлуръ влъкомъ потече, труся собою студеную росу; претръгоста бо своя бръзая комоня.

Донецъ рече: княже Игорю! не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Русской земли веселія.

Игорь рече: о Донче! не мало ти величія, лелѣявшу князя на влънахъ, стлавшу ему зелену траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мъглами подъ сѣнію зелену древу; стрежаше е гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, чрьнядьми на вѣтрѣхъ.

Не тако ли, рече, рѣка Стугна худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи и стругы ростре на кусту?

Уношу князю Ростиславу затвори Днѣпръ темнѣ березѣ. Плачется мати Ростислава по уноши князи Ростиславѣ.

Унышa цвѣты жалобою, и древо стугою къ земли преклонило, а же не сорокы втроскоташа.

На слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша, сорокы не троскоташа, по лозію ползоша только; дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловіи веселыми пѣсньми свѣтъ повѣдаютъ. Млъвитъ Гзакъ Кончакови: аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича ростреляевѣ своими злачеными стрѣлами. Рече Кончакъ ко Гзѣ: аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а вѣ соколца опутаевѣ красною дѣвицею. И рече Гзакъ къ Кончакови: аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвице, то почнутъ наю птици бити въ полѣ Половецкомъ.

Пѣснь 12.

Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣснотворца стараго времени Ярославля Ольгова Коганя: хотя тяжко ти головѣ, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ головы; Русской земли безъ Игоря.

Солнце свѣтится на небесѣ. Игорь князь въ Русской земли. Дѣвици поютъ на Дунаи. Вьются голоси чрезъ море до Кіева. Игорь ѣдетъ по Боричеву къ Святѣй Богородици Пирогощей Страны ради, гради весели, пѣвше пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти.

Слава Игорю Святъславличю, буй Туру Всеволоду, Владиміру Игоревичу! Здрави князи и дружина, побарая за Христьяны на поганыя плъки. Княземъ слава, а дружинѣ аминь!

СКАЗАНІЕ
О НАШЕСТВІИ БАТЫЯ
НА
РУССКУЮ ЗЕМЛЮ.

Сказаніе о нашествіи Батыя на Русскую землю взято изъ Софійскаго временника и Костромской лѣтописи.

СКАЗАНІЕ О НАШЕСТВІИ БАТЫЯ НА РУССКУЮ ЗЕМЛЮ.

Хощу рещи, о друзи и братіе! повѣсть, яже не точію человѣки, но и безсловесные скоты и нечувственное каменіе можетъ подвигнути на плачъ, и глаголаніе: *горе* и *увы!* Но паче, кто можетъ словомъ представити на сущихъ тогда Христіанъ изліянную чашу *пельыни* Божія суда, или серпъ онъ, его-же Пророкъ видъ, пожинаяй и искореняяй все нещадно, или мечъ, иже не точію обезчадствовавши многій, но съ чады и родившихъ пожинаяй немилостивно! И кто можетъ словомъ представити, Христе милостивый! постигшая тогда злая Христіанскій родъ, за умноженіе грѣхъ нашихъ — глаголю, безбожнаго Батыя нашествіе на Русскую землю!

— Пріидоша отъ Восточныя страны, зимѣ, на Рязанскую землю, лѣсомъ, безбожніи Татарове съ Царемъ Батыемъ, и пришедше сташа первѣе станомъ по Онузѣ, и взяша ю; и оттолѣ послаша Послы своя, жену чародѣицу и два мужа съ нею, ко Княземъ Рязанскимъ, прося у нихъ десятины во всемъ: въ Князехъ, и въ людехъ и въ конехъ, въ бѣлыхъ, въ вороныхъ, въ бурыхъ, въ рыжихъ, въ пѣгихъ. Князи же Рязанстіи, Юрій Ингоровичъ, братъ его Олегъ Ингоровичъ, и Муромскіе и Пронскіе, не пустячи къ городомъ, сташа противу, выѣхавъ въ Воронежъ, и рекоша Князи: «Коли насъ не будетъ всѣхъ, то все ваше будетъ.» И оттолѣ пустиша ихъ къ Юріеви въ Володиміръ. И начаша воевати землю Рязанскую, и плѣниша ю до Пронска; а изъ Володиміра пустиша ихъ отъ *Пухлѣвъ* Татары въ Воронежъ. Послаша-же Князи Рязанстіи ко Князю Юрію Володимірскому, просящи же себѣ помощи, или самому подойти. Юрій самъ не пойде, ни послуша Князей Рязанскихъ мольбы, но восхотѣ самъ особь брань сотворити. Но уже бяше Божію гнѣву не противитися, яко же речено бысть древле Іисусу Навину Господемъ, егда веде я Господь на землю Обѣтованную: «тогда,» рече, «азъ послю на ня преже васъ недоумѣніе и грозу, и страхъ, и трепетъ.» Тако же и преже сихъ отъ насъ Господь силу отня, а недоумѣніе, и грозу, и страхъ, и трепетъ вложи въ насъ за грѣхи наша.

И кто, братіе, о семъ не поплачется, кто ся насъ осталъ живыхъ, како ону нужную и горькую смерть подьяша; да и мы то видѣвше устрашилися быхомъ, и грѣховъ своихъ плакалися, съ воздыханіемъ день и нощь, пекущеся не о имѣніи, ни о ненависти братніи!

Услышавъ Князь Великій Георгій Ингоревичъ, что нѣтъ ему помощи отъ Великаго Князя Георгія Всеволодича Владимірскаго, и вскорѣ посла по братію свою, по Князя Давида Ингоревича Муромскаго, и по Князя Глѣба Ингоревича Коломенскаго, и по Всеволода Пронскаго, и по прочіе Князи, и по Князя Ольга Краснаго. И начаша совѣщавати, яко нечестиваго подобаетъ дары утоляти. И посла сына своего Князя Ѳеодора Георгіевича, къ нечестивому Царю Батыю, съ дары, и съ великимъ моленіемъ, дабы не воевалъ Рязанскія земли. Князь-же Ѳеодоръ пріиде къ Батыю на Воронежъ, съ дары и моленіемъ, дабы не воевалъ Рязанскія земли. Безбожный-же Царь Батый, льстивъ и немилостивъ, дары прія, и охабися лестію, что не воевати Рязанскія земли, и ярясь и хвалясь воевати Рус-

скую землю. И нача просити у Рязанскихъ Князей дщерей и сестръ себѣ на ложе. И нѣкіи отъ вельможъ Рязанскихъ, завистію *насоги* безбожному Царю Батыю на Князя Өеодора Георгіевича Рязанскаго, яко имѣетъ у себя Княгиню отъ Царскаго рода, а лѣпотою красна зѣло. Царь-же Батый, лукавъ сый и не милосердъ, въ невѣріи своемъ порѣваемъ, и въ похоти плоти, рече Князю Өеодору Георгіевичу: «Даждь ми, Княже, видѣти жены твоея красоты.» Благовѣрный-же Князь Өеодоръ посмѣявся, и рече: «Не подобно есть намъ, Христіанамъ, къ тебѣ, нечестивому Царю, водити жены своя на блудъ; аще преодолѣеши, то и женами нашими владѣти начнеши.» Безбожный-же Царь Батый разъярився, и повелѣ благовѣрнаго Князя Өеодора Георгіевича убити вскорѣ и иныхъ многихъ.

По нѣколицѣхъ-же днехъ убіенія его, благовѣрная Княгиня его Евпраксія стояше въ превысоцѣмъ *храмѣ* своемъ, и держащи на своихъ бѣлыхъ рукахъ любезное чадо свое, Князя Ивана Өеодоровича *Постника*, и поглядающи ласковаго и любимаго своего супруга, благовѣрнаго Князя Өеодора Георгіевича, да видитъ его въ радости, когда пріидетъ отъ нечестиваго Царя Батыя. И абіе, вмѣсто радости, услыша таковые смертоносные глаголы, яко сожитель ея, благовѣрный Князь Өеодоръ Георгіевичъ, любви ея ради и красоты, отъ Батыя убіенъ бысть. И абіе наполнися слезъ и горести, и ринуся изъ превысокаго храма своего, и съ сыномъ своимъ со Княземъ Иваномъ, на среду земли, и заразися до смерти. И оттолѣ прозвася мѣсто то *заразъ*, зане-же *заразися* ту Княгиня Евпраксія, съ сыномъ своимъ. Слышавъ-же Князь Великій Георгій Ингоревичъ убіеніе возлюбленнаго сына своего Князя Өеодора, и иныхъ Князей и нарочитыхъ людей многое побіеніе отъ нечестиваго Батыя, и начаша плакатися жалостно, съ Великою Княгинею, и съ братіею своею. И начаша съ братіею своею, и съ прочими тѣми Князи, совокупляти войска. И учредиша полки, и рече къ братіи своей: «Господія моя, милая братія! аще благая пріяхомъ отъ руки Господни, то злыхъ-ли не потерпимъ? Лучше намъ смертію животъ купити, нежели въ поганой вѣрѣ быти. Се убо братъ вашъ напередъ васъ испивъ чашу смертную за святыя Божія церкви, и за вѣру Христіанскую, и за свое отечество.» И поидоша въ Соборную церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, молящеся со слезами. И даде последнее цѣлованіе Княгинѣ Агриппинѣ Ростиславнѣ. И пріимъ благословеніе отъ Епископа, и отъ всего священнаго собора. И поидоша противъ нечестиваго царя Батыя. И срѣтоша его близъ предѣлъ Рязанскихъ. . . . И нападоша на поганыхъ, и начаша битися крѣпко и мужественно. И бысть сѣча ужасна, и мнози Батыеви сильніи полци падоша. Но обаче Батыевѣ силѣ велицѣ сущи зѣло, яко единому Рязанцу битися со стомъ Татаринов, и абіе побіено бысть Рязанское воинство, и благовѣрный Великій Князь Георгій Ингоровичъ, и братія его, Князь Давидъ Муромскій, и Князь Глѣбъ Коломенскій, и Князь Всеволодъ Пронскій, и иные Князи, и мѣстные воеводы, и вси *удальцы* Рязанскіе, вси купно умроша, и ни единъ отъ нихъ вспять возвратися; единаго Князя Ольга Краснаго жива яша, изнемогающа отъ великихъ ранъ. Видѣвъ-же его Царь Батый красна вельми, и хотя его врачевати, и на свою прелесть возвратити; Князь-же Олегъ Ингоревичъ нарече его безбожна, и врага Христіанскаго; окаянный же Батый разъярився, и повелѣ вскорѣ Князя Ольга ножи на части разняти. И видѣ силы своея много побіенно, и разгнѣвася зѣло, и нача Рязанскую землю воевати, и повеле бити, и сѣщи, и жещи безъ милости. И градъ Пронскъ, и Бѣлградъ, и Ижеславецъ разори до основанія, и вся

люди безъ милости изсѣкоша. И течаше кровь Христіанская, яко рѣка сильная за грѣхи наша. И пойдоша ко граду Рязани, и обступиша градъ, и начаша битися неотступно пять дней. Батыево воинство применяющеся, а граждане истомишася, и мнози побіени быша и уранены. А въ шестый день рано прiидоша погании ко граду, ови со огни, а инии съ топоры, а инии съ пороки, и съ *токмаги*, и съ лѣствицами; и взяша градъ Рязань, мѣсяца Декабря въ 21 день. И прiидоша въ соборную церковь Пресвятыя Богородицы, и Великую Княгиню Агриппину, матерь Великаго Князя, и съ снохами и съ прочими Княгинями, изсѣкоша, и священическій и мнишескій чинъ огню предаша; жены-жъ, и инокини, и дѣвицы осверняху предъ всѣмъ народомъ; и церкви и монастыри пожгоша; и люди вся изсѣкоша, мужи и жены и чада. И не бѣ стонущаго, ни плачущагося, ни отцу, ни матери о любимыхъ чадехъ, ни брату по братѣ, ни ближнему роду, но вси вкупѣ мертвы лежаще. Сія вся найдоша грѣхъ ради нашихъ. Епископа-жъ тогда не бысть во градѣ; Татарове-жь все узорочье и богатство Рязанское и *Черниговское* взяша, и градъ сожгоша, и пойдоша къ Коломнѣ.

То-же зимы пойде Всеволодъ, сынъ Юріевъ, внукъ Всеволожъ, и Князь Романъ Инговоровичъ, съ своими вои, изъ Володиміра противу Татарамъ; Князь-же Юрій Володимірскій посла Еремѣя Глѣбовича въ сторожѣхъ воеводою, и сняся со Всеволодомъ и съ Романомъ И оступиша ихъ Татарове у Коломны, и бишася крѣпко, и бѣ сѣча велика, и прогнаша ихъ къ *надолбамъ*, и ту убиша Князя Романа, а у Всеволода воеводу его Еремѣя, и иныхъ много мужей побиша, а Всеволодъ въ малѣ дружинѣ прибѣжа въ Володимірѣ А Татарове пойдоша къ Москвѣ, и взяша Москву, и воеводу убиша Филипа Нянка, за правовѣрную вѣру Христіанскую, и Князя Володиміра руками яша, сына Юріева а люди избиша, отъ старецъ и до младенецъ, и много имѣнія взяша и отыдоша. Тое-же зимы выѣха Князь Юрій изъ Володиміра, урядивъ сыны своя въ свое мѣсто, Всеволода и Мстислава, и ѣха на Волгу съ сыновцы своими, съ Василькомъ, и со Всеволодомъ, и съ Володиміромъ, и ста на Сити станомъ, ждучи къ себѣ братью свою, Князя Ярослава и Святослава съ полки. И нача Князь Всеволодичъ полки совокупляти противу Татаромъ, а Жирославу Михайловичу приказа воеводство въ дружинѣ своей. Тогда прiидоша множество кровопролицъ Христіанскихъ, безъ числа, аки прузи, къ Володиміру, мѣсяца Февраля въ 3-й день, во вторникъ, прежде мясопуста за недѣлю, а Володимірци затворишася во градѣ со Всеволодомъ и Мстиславомъ; а воевода бѣ у нихъ Петръ Осладуковичъ. Володимірцамъ-же не отворяющимся, Татарове же пріѣхаша къ Золотымъ воротамъ, водящи съ собою Княжича Володиміра Юріевича, и начаша впрашати: «Великій Князь Юрій есть-ли въ городѣ?» Володимірци пустиша по стрѣлѣ на Татары; Татарове противу пустиша тако же по стрѣлѣ на городокъ, и на Златыя врата; и посемъ рекоша Володимірцамъ Татарове: «Нестрѣляйте.» Они-же престаша стрѣляти, и прiйдоша близъ ко вратамъ, и показаша имъ Володиміра, и рекоша Татарове Володимірцамъ: «знаете-ли Княжича вашего?» Бѣ бо унылъ лицемъ, и изнемоглъ бѣдою отъ нужа. «Всеволодъ-же и Мстиславъ, стояста на Златыхъ воротехъ, позаста брата своего Володимера О умиленное брата видѣніе и слезъ достойно! Всеволодъ-же и Мстиславъ, съ Бояры своими, и вси гражане, плакахуся, зряще Володиміра; Татарове-же отступиша отъ Золотыхъ воротъ, и объѣхаша весь градъ, и станы сташа предъ Златыми вороты, яко зрѣемо, и много множество вой около всего града. Всеволодъ-же и

Мстиславъ сжалистася, брата дѣля своего Володиміра, и рекоша всей дружинѣ, и Петру воеводѣ: «Братіе! луче ны есть умрети предъ Златыми враты, за Святую Богородицу и за православную вѣру, неже въ воли ихъ быти?» Воевода же Петръ Ослатинъ, и оба Князя, рекоста: «Си вся наведе Богъ на ны грѣхъ ради нашихъ! «Яко-же Пророкъ глаголетъ: нѣсть человѣку мудрости, и нѣсть мужества, ни думы противу Господеви. Се сотворися зло въ Суздальской земли велико, яко-же таково зло отъ крещенія не бывало, яко-же бысть нынѣ; но мы то оставимъ, на преднее возвратимся. Татарове-же станы своя урядивъ около града Володиміра, а сами шедше взяша градъ Суздаль, и святую церковь Богородицу разграбиша, а дворъ Княжъ огнемъ пожгоша; а что людей, старые и молодые чернцы и черницы, и слѣпые, и хромые, и глухіе, тѣхъ всѣхъ изсѣкоша; а прочіе люди, и жены, и дѣти, босые, безкровенные взяша, издыхающимъ имъ отъ мраза; и бѣ тогда видѣти трепетъ велій злѣ: то все множество полона сведоша въ станы своя.

Точию сохрани Господь Богъ преславнымъ образомъ дѣвичь монастырь Положенія Ризы Пресвятыя Богородицы, въ немъ же иноческое бореніе прохожаше страдально блаженная Ѳеодулія, со овоими спостницами, дщи Великаго Князя Михаила Черниговскаго и мученика, нареченная въ иноческомъ чину Ефросинія, покрыво Господь той монастырь преславно, молитвъ ради ея, яко-же при Моисеи Синайскую гору мракомъ. Елицы-жъ бѣжаша во градъ, и въ иные монастыри, тіи вси взяты быша, и посѣчены; иніи-же плѣнены быша, и водимы безбожными Татары босы и безъ покрова, мразомъ, и гладомъ измираху.

А сами пріидоша къ Володиміру въ субботу Мясопустную, и начаша лѣсы и пороки ставити, отъ утра и до вечера, а на ночь огородиша тыномъ около всего города. И бысть наутріе, увидѣвъ Князь Всеволодъ и Владыка Митрофанъ, яко уже взяту быти граду, и внидоша въ церковь Святую Богородичу, и стригошася вси въ Ангельскій образъ отъ владыки Митрофана. И приступиша къ городу, въ недѣлю Мясопустную, по заутрени, безбожніи Татарове, Февраля въ 7 й день, и зайдоша отъ Златыхъ воротъ, у Святаго Спаса, и внидоша по примету въ градъ чрезъ стѣну, а сюду отъ сѣверныя стороны, отъ Лыбеди, ко Иринінымъ воротамъ, а отсюду, отъ Клязмы, къ Волжскимъ воротамъ, и тако взяша вскорѣ градъ до обѣда Новый, и запалиша огнемъ. Бѣжа-же Всеволодъ и Мстиславъ, и вси людіе въ Печерній городъ; а Епископъ Митрованъ, и Княгиня Юріева, съ дщерію, и съ снохами, и со внучаты, и прочія Княгини, и множество Бояръ, и людей, затворишася въ церкви Святыя Богородицы въ палатахъ, и тамо огнемъ безъ милости запалиша. Помоли-же ся боголюбивый Епископъ Митрофанъ, глаголя: «Господи Боже силъ, Свѣтодавче, сѣдяй на Херувимехъ, и научивый Іосифа, и укрѣпивый Давыда Пророка на Голіафа, воздвигнувый Лазаря четверодневнаго изъ мертвыхъ! простри руку твою невидимую, и прими съ миромъ души рабъ твоихъ!» Татарове-же отбивше и отвориша двери церковныя, и наволочивше лѣса около церкви и въ церковь, и зажгоша, и издохашася отъ великаго зноя вся сущая ту люди; иніи-же огнемъ скончашася, а иныхъ оружіемъ до конца предаша смерти; а святую церковь разграбиша, и чудную икону самыя Богоматери одраша. И пойдоша на Великаго Князя Юрія оттолѣ, овіи же идоша къ Ростову, а иніи къ Ярославлю, а иніи на Волгу, и на Городецъ, и тѣ поплѣниша все по Волзѣ и до Галича Володимірскаго; а иніи идоша къ Переяславлю, и тотъ градъ взяша; оттолѣ всю ту страну и городы поплѣниша мнози: Юрьевъ, Дми-

тровъ, Волокъ, Тверь (ту-же и сына Ярославля убиша), и до Торжка. Нѣсть мѣста, гдѣ не воеваша; а на всей Ростовской и Суздальской землѣ взяша городовъ 14-ть, опричь свободъ и погостовъ, въ одинъ мѣсяцъ Февраль. Кончавающуся лѣту 45-му, приде вѣсть великому Князю Юрию: яко Володимиръ взятъ, и церковь Соборная, и Епископъ, и Княгиня, съ дѣтьми и снохами, и со внучаты, огнемъ скончашася, а старѣйшая сына твоя, Всеволодъ съ братомъ, въ Новомъ городѣ убiена быста, а люди избывшие къ тебѣ идутъ.» Онъ-же си слышавъ, возопи гласомъ велiимъ съ плачемъ и съ слезами, по правѣрной вѣрѣ Христiанстей, паче и о церкви, и Епископа ради, и людей (бяше бо милостивъ), нежели себѣ, ни жены, ни дѣтей; и восклицаше изъ глубины сердца съ воздыханiемъ, глаголаше: «Господи! се-ли годѣ бысть твоему милосердию?» Новый бысть Iовъ терпѣнiемъ и вѣрою, еже къ Богу. И сице ему молящуся со слезами, а иное много въ тузѣ си глаголаше: «Охъ мнѣ, Владыко! ныне-же что ради остахъ азъ единъ!

Безбожнии-же Татарове стояще станы, и около Владимира и по Суздальстей земли вся поплѣниша, и огню предаша, и мечи изсѣкоша.—Въ то же время, нѣкто отъ вельможъ Русскихъ, именемъ Евпатiй Коловратъ, былъ въ Черниговѣ, съ Княземъ Ингоремъ Ингоревичемъ; и услыша приходъ на Русскую землю зловѣрнаго Царя Батыя, иде изъ Чернигова съ малою дружиною, и гнаша скоро, и прiѣхаша въ землю Рязанскую, и видѣ ю опустѣвшу, грады раззорены, и церкви и домове пожжены, и люди побиты, а инии пожжены, а инии въ водѣ истоплены. Евпатiй-же, видя сiя, воскрича въ горести души своея и распаляясь сердцемъ: бѣ-бо храбръ зѣло. И собра мало дружины, точию 1700 человѣкъ, которые Богомъ соблюдены быша внѣ града; и погнаша во слѣдъ безбожнаго Царя Батыя, хотяще мстити кровь Христiанскую, и угнаша его въ земли Суздальской. И внезапу нападоша на станы Батыевы, и начаша сѣщи безъ милости. И смятошась полки Татарские: Татарове-жъ сташа яко пiяны, или неистовы. Евпатiй же тако ихъ бiяше нещадно, яко и мечи его притупишась, и емля Татарскiе мечи, сѣчаше ихъ, Татарскiе полки проѣзжая; они-же мняще, яко мертвiи возсташа, яко и самому Батыю Царю возбоятись. И едва поимаша отъ полка Евпатiева пять человѣкъ воинскихъ, утрудившихся и изнемогшихъ отъ великихъ ранъ, и приведоша ихъ къ Батыю. Онъ-же вопроси ихъ: «Коея вѣры есте, и коея земли, что мнѣ зло творите?» Они же рѣша: «Вѣры есмя Христiанскiя, а рабы есмя Великаго Князя Георгiя Ингоровича Рязанскаго, а полку Евпатiева Коловратова; посланы есмя тебя, Царя сильнаго, почтити, и честно проводити.» Царь-же удивися отвѣту ихъ и мудрости, и посла на Евпатiя шурина своего *Хоздоврула*, и съ нимъ многие полки Татарскiе. Ходзоврулъ-же похвались Батыю Царю, хотя Евпатiя жива яти, и къ нему привести. И ссутишася полки. Евпатiй-же, исполинъ сый силою, наѣха на Хоздоврула богатыря, и разсѣче его на полы до сѣдла, и нача сѣщи силу Татарскую, и многихъ богатырей и Татаръ побивъ: овы на полы просѣкая, а иные до сѣдла крояше. И возвѣстиша сiя Батыю; онъ же, слышавъ сiя, *оскорбися* по шуринѣ своемъ, и повеле навести на Евпатiя множество *пороковъ* и начаша бити по немъ, и едва убиша крѣпкорукаго и дерзосердаго, и львояростнаго Евпатiя, и принесоша его мертва ко Царю Батыю. Онъ-же видѣвъ его, и дивися со Князи своими храбрости его и мужеству; и повеле тѣло его отдати оставшей дружинѣ его, которые на томъ бою поиманы, и повеле ихъ отпусти, и ничимъ-же вредити.

Князь-же Ингорь Ингоревичъ въ то время былъ въ Черниговѣ, у брата

своего у Князя Михаила Всеволодича Черниговскаго; тамо бо соблюде его Богъ отъ злаго отметника и отъ врага христіанскаго Батыя. И въ то время пріиде во градъ Рязань, и видѣ Рязань и прочіе грады разоренны и пожжены, и видѣ матерь свою, и снохи своя, и прочая сродники своя, и всѣхъ людей множество побито, и градъ разоренъ, и церкви пожжены, и инокини и дѣвицы осквернены и побиты, и плакася зѣло, плачемъ велимъ, и едва отдохну душа его въ немъ. И повелѣ матерь свою, Великую Княгиню Агриппину Ростиславну, и снохи своя, погребсти со псальмы и пѣсньми пресвитеромъ, которыхъ Богъ соблюде, самъ стоя и плачась жалостно. И очисти градъ, и церкви освяти; и собрашася къ нему мало людей, и даде имъ малое утѣшеніе, и плачась безпрестани, поминая матерь свою, и братію, и родъ свой, яко вси вскорѣ погибоша. Потомъ-же пойде Князь Ингорь Ингоревичъ по братію свою, идѣ-же побиты отъ нечестиваго Царя Батыя; и видѣ братію свою, и многи Князи мѣстные, и бояре и воеводы, и все воинство Рязанское побіенно, лежаще на землѣ пустѣ, на травѣ ковылѣ, снѣгомъ и льдомъ померзше, никимъ-же брегомо, точію отъ звѣрей тѣлеса ихъ снѣдаемы, и отъ множества птицъ растерзаемы; вси уже купно лежаще мертвіи, едину чашу смертную пиша. Видѣвъ-же сія Князь Ингорь Ингоревичъ, и воскрича горькимъ и великимъ гласомъ, яко труба, распаляясь, и въ перси бія, и ударяяся о землю; слезы-же его, яко струя течаху, и жалостная словеса проглашаше. И нача разбирати трупія мертвыхъ, и обрѣте братію свою Ингоревичевъ, Великаго Князя Георгія Рязанскаго, и Князя Давида Муромскаго, и Князя Глѣба Коломенскаго, и иныхъ многихъ бояръ, и воеводъ, и ближнихъ и знаемыхъ; и принесе ихъ во градъ Рязань, и похраняше честно, со псальмы и пѣсньми; а иныхъ собираше, и на пустѣ мѣстѣ погребаше, съ погребательными пѣсньми. Потомъ же пойде Князь Ингорь Ингоревичъ ко граду Пронску, и собра раздробленные уды брата своего, благовѣрнаго Князя Ольга Ингоревича Краснаго и принесе его во градъ Рязань, и положи его съ Великимъ Княземъ Георгіемъ во единой рацѣ; а Князя Давида, да Князя Глѣба близъ гроба ихъ, въ другой рацѣ. И по семъ пойде Князь Ингорь Ингоревичъ на рѣку на Воронежъ, и взя тѣло блаженнаго Князя Ѳеодора Георгіевича Рязанскаго, и принесе его въ его область, къ великому чудотворцу Николѣ Корсунскому, и его благовѣрную Княгиню Евпраксію, и сына ихъ Князя Ивана Ѳеодоровича Постника, погребе честно, и положи ихъ во едино мѣсто. И поставиша надъ ними три кресты каменны, и отъ сея вины зовется великій чудотворецъ Николай *Заразскій*, яко ту благовѣрная Княгиня Евпраксія, съ сыномъ своимъ Княземъ Іваномъ, сама себя зарази. Сей убо Князь Великій Юрій Ингоревичъ Рязанскій, съ братіею, рода Владиміра Святославича, сродницы Бориса и Глѣба, внучата же Великаго Князя Святослава Олеговича Черниговскаго. И бяху родомъ христолюбивы, и благочестивы, и милостивы, и во всѣхъ добрыхъ дѣлехъ исправлены быша, и мученически скончашася. И по нихъ сѣде на столѣ отца своего, Великаго Князя Ингоря Святославича, Князь Ингорь Ингоревичъ, нареченный во святомъ крещеніи *Козьма*; и обнови землю Рязанскую, церкви постави, и монастыри согради, и пришельцы утѣши, и люди собра. И бысть радость оставшимъ православнымъ Христіанамъ, избывшимъ отъ нечестиваго Царя Батыя.

Князь-же Юрій посла Дорожа въ *просоки*, въ 3-хъ мужъ, и прибѣжа Дорожъ, рече: «А уже, Княже, обошли суть насъ около Татарове!» Тоже слышавъ Князь Юрій, всѣдъ на конь свой, съ братомъ своимъ Святославомъ, и съ сыновци своими, съ

Василькомъ Константиновичемъ, и со Всеволодомъ и Володимиромъ, и съ мужи своими, и пойдоша противу поганыхъ. И нача Князь полки ставити около себѣ, и се внезапу приспѣша Татарове на Сить, противу Князю Юрію; Князь же Юрій отложивъ всю печаль, и пойде къ нимъ, и соступишася обоихъ полци, и бысть сѣча зла и велика, и побѣгоша предъ иноплеменники, и ту убіенъ бысть Великій Князь Юрій Всеволодичъ, на рѣцѣ на Сити, и вой его много побиша. А Василька Константиновича руками яша, и ведоша въ станы своя съ великою нужею, и дошедше Рѣнскаго лѣса, и сташа станы ту, и нудиша Василька много проклятіи, безбожные Татарове въ поганской быти воли ихъ, и воевати съ ними. Онъ же не повинуяся обычаю ихъ никако-же, не покорися беззаконію ихъ, ни брашна, ни питія ихъ не прія, но сице противу имъ глаголаше: «О глухое царство и скверненное! никако-же меня отлучите отъ Христіанскія вѣры; аще и въ велице бѣдѣ есмь вельми, но се ми Богъ наведе, грѣхъ моихъ ради; Богу како отвѣтъ дасте, занеже многи есте безъ правды побѣдили души, ихъ-же ради мучите вы, имать Богъ въ безконечные вѣки; истяжетъ бо Господь души тѣхъ, ихъ-же есте погубили!» Они же скрежеташа нань зубы своими, желающе насытитися крови его. Бѣ бо лице его уныло отъ многаго томленія отъ поганыхъ, и весь разливаяшеся слезами, поминая преже сотворенные грѣхи; и тако возведъ очи своя на небо, и рече: «Господи! ты вѣси вся тайная сердца моего, и вся моя мысли, и сице годъ бысть твоему милосердію!» И второе помолися, глаголя: «Господи Іисусе Христе, помогавый мнѣ многажды! избави мя отъ плотоядецъ сихъ, Господи Вседержителю и нерукотворенный Царю, спаси любящихъ тя! Прощеніе еже азъ прошу, дайже ми; помози Христіанамъ, и спаси раба твоего, чада моя Бориса и Глѣба, и отца моего Епископа Кирилла, и жену мою Марію!» И паки третіе помолися, глаголя: «Благодарю тя, Господи, Боже мой! кую похвальную память свою вижу, яко благая моя память желѣзомъ погибаетъ, и тонко ми тѣло увядаетъ!» И прочее въ мысли сердца своего тайно воздыхаше, и моляшеся Богу: «Господи Іисусе Христе, Вседержителю! пріими духъ мой, да и азъ почію въ славѣ твоей!» И се рекъ, и ту абіе убіенъ бысть. Си злоба ключися мѣсяца Марта въ 4-й день, въ четвергъ, четвертыя недѣли Поста. Блаженный же Епископъ Кириллъ, иде съ Бѣла-озера (тамо избывъ ратныхъ), пріиде на мѣсто, гдѣ Великаго Князя Юрія убили, и обрѣте тѣло его, и принесе въ Ростовъ, и пѣвъ надъ нимъ обычная пѣнія, съ игумены, и съ попы, и клирошаны, со многимъ плачемъ положиша и во гробѣ, въ церкви Святыя Богородицы. Васильку-же убіенну, и повержену на лѣсѣ, и видѣ *етера* [нѣкая] жена вѣрна, и повѣда мужу богобоязливу, и взяша тѣло его, и плащаницею обвивъ, и положиша и въ скровеннемъ мѣстѣ; и увѣдавше-же се Епископъ Кириллъ, и Княгиня Василькова, пославше взяша тѣло его. Яко понесоша въ градъ Ростовъ, и многое множество народа изыдоша противу ему, жалостныя слезы испущающе, оставше таковаго утѣшенія. Видяще-же, возлюбленніи, сію суету житія человѣча, иже вчера славою украшенъ, и гордяся въ боярехъ, а нынѣ персть и прахъ вмалѣ является, и вскорѣ погибаетъ, помянемъ своя грѣхи и покаемся. Плачь-же бысть многъ народа правовѣрныхъ, зряще отца сирымъ и кормителя, отходящимъ и печальнымъ великое утѣшеніе, омраченнымъ звѣзду свѣтоносному зашедшу; на весь бо священскій чинъ отверзты имуще очи сердечны, и ко всѣмъ церковникомъ, и къ нищимъ, и печальнымъ, яко возлюбленный бяше отецъ; паче и на милостыню, поминая слово Господне, глаголюще: блажени милостиви, яко

тіи помилованн будутъ. Соломонъ глаголетъ: милостынею и вѣрою грѣхи очищаются. Тѣмъ-же не погрѣши надежа, его-же просяше у Бога Господа: спаси любящихъ тя! Сего бо блаженнаго Василька причте Богъ смерти Андреевѣ, кровію мученическою омывъ своя согрѣшенія, съ отцемъ своимъ Георгіемъ и съ братомъ своимъ; се-бо чудно есть: и по смерти совокупилъ Богъ тѣлеса ихъ. И принесоша Василька, и положиша и въ церкви Святыя Богородицы, идѣже мати его лежитъ: не бѣ слышати пѣнія во мнозѣ плачѣ. Бѣже Василько лицемъ красенъ, очима свѣтелъ, и грозенъ взоромъ, паче мѣры храбръ, на ловѣхъ *вазнивъ*, сердцемъ легокъ; а кто ему служилъ, и хлѣбъ его ѣлъ, чашу его пилъ, той за его любовь никако-же не можаше у иного Князя быти и служити, излише-бо слуги своя любляше; мужество и умъ въ немъ живяше; правда-же и истина съ нимъ ходиста: бѣ-бо всему хитръ, и посѣде въ добрыхъ денехъ на отнѣ столѣ и дѣднѣ. И тогда-же принесоша главу Великаго Князя Юрія, и вложиша ю въ гробѣ къ его тѣлу. Но не преда-же насъ до конца имени Твоего ради: тако тіи скончашася судомъ Божіимъ, яко-же слышасте, а инымъже Княземъ Богъ повеле жити человѣколюбіемъ своимъ въ Русской земли, Христіанскаго ради языка, абы до конца не оскудѣла вѣра Христіанская; гониша погапіи по нихъ, и не обрѣтоша и, Богъ избави ихъ отъ руку иноплеменники: благочестиваго и правовѣрнаго Князя Ярослава, и съ правовѣрными его сынами; бѣ бо у него сыновъ шесть: Александръ, Андрей, Константинъ, Афанасій, Данило, Михайло, Святославъ, съ сыномъ Дмитріемъ, и Иванъ Всеволодичъ, и Василій, и Володиміръ Константиновичъ, и Васильковича два, и сіи вси сохранены быша молитвами Святыя Богородицы. Оттолѣ пріидоша окаянніи Измаильтяне, оступиша городъ Торжокъ, на сборъ по Өедоровѣ недѣли, и бишася пороки по двѣ недѣли, и изнемогоша людіе въ городѣ, а изъ Новагорода не бысть имъ помочи (но уже кой-же сталъ себѣ въ недоумѣніи и страсѣ). И тако поганіи взяша градъ Торжокъ, и изсѣкоша вся, отъ мужеска полу и до женска, и іерейскій чинъ, и черноризскій, и все изообнажено и поругано, бѣдною и нужною смертію предаша душа своя Господеви, мѣсяца Марта въ 5-й день, на средохристіе. Ту же убіени быша Иванко Посадникъ Новгородскій, Якимъ Влунковичъ, Глѣбъ Борисовичъ, Михайло Моисеевичъ. Тогда же гоняшеся безбожніи отъ Торжка *Серегерскимъ* путемъ, полны до Игнача Креста, и вси людіе сѣкущи, аки траву, за сто верстъ до Новагорода не дошли; Новгородъ же заступи святая Софія, соборная Апостольская церковь, и святый великій преподобный Кириллъ, Архіепископъ Александрійскій, и святыхъ правовѣрныхъ Архіепископовъ молитва, и благовѣрныхъ Князей, и правовѣрныхъ черноризецъ и іерейскаго собора. Да кто, отцы, и братія, и дѣти видѣвше Божіе попущеніе се на всей Русской земли, и не плачется? Батый-же отселѣ воротися, и пріиде къ городу Козельску, будущу въ немъ Князю младу, именемъ Василію. Увѣдавше-же окаянніи, яко умъ крѣпкодушевенъ людіе имѣютъ въ городѣ, словами лестными невозможно есть пріяти града; Козляне-же совѣтъ сотвориша: не вдатися Батыеви, рекоша къ себѣ: «Аще Князь нашъ младъ есть; но положимъ животъ свой занъ, и здѣ славу сего свѣта пріемши, и тамо небесные вѣнцы отъ Христа Бога пріимемъ.» Татаромъ-же біющимся у града, пріяти хотящимъ, разбившимъ стѣны градныя, и взыдоша на валъ: Козляне же ножи рѣзахуся съ ними; совѣтъ же сотвориша изыйдти изъ града противу имъ на полки ратные, и исшедше изъ града, и изсѣкоша *праща* ихъ нападше на полки ихъ, и убиша отъ Та-

таръ 4,000, а сами избиени-же быша. Батый-же взя градъ Козельскъ и изби, не пощаде и до отрочатъ, сосущихъ млеко; а о Князи Василіи невѣдомо есть; инии глаголаху, яко въ крови утонулъ есть, понеже убо бѣ младъ. Оттолѣ же въ Татарехъ не смѣяху рещи *градъ Козельскъ*; но звахуть я: *злый градъ*, понеже бяшетъ билися у града того по семь недѣль, и убиша отъ Татаръ три сыны Темничи; Татарове искахуть ихъ, и не обрѣтоша и въ множествѣ трупія мертвыхъ. Батыеви-же вземшу Козельскъ, и пойде въ землю Половецкую.

Нача Батый посылати на грады Русскіе. Посланніе-же Батыевы, пришедше въ Русь, взяша градъ Переяславль, и церковь Архангела Михаила сокрушиша, и Епископа Симеона убиша, и люди вся сущая въ градѣ, овыхъ избиша, а иныхъ плѣниша, а сосуды церковные безчисленные, златые и сребряные, и драгокаменные взяша. А иную рать посла на Черниговъ; пришедши-же посланніи оступиша градъ Черниговъ въ силѣ тяжцѣ; слышавше Князь Мстиславъ Глѣбовичь нападеніе иноплеменныхъ на градъ, и пріиде на ня съ своими вои, и бившимся имъ крѣпко [лютъ-бо бой имъ бысть у Чернигова], и оже и тараны на ны поставиша, и меташа нань каменіемъ въ полтора перестрѣла, а камень яко-же можаху четыре мужи подняти. И побѣженъ бысть Мстиславъ, и множество отъ вой его избіено бысть, и градъ взяша и запалиша огнемъ, а Епископа оставиша жива, и ведоша въ Глуховъ. А оттолѣ пріидоша къ Кіеву съ миромъ, смирившимся со Мстиславомъ, и съ Володиміромъ, и съ Даніиломъ.

Менгу-Канови-же пришедшу сглядаши Кіева, и ставшу ему на оной странѣ рѣки Днѣпра, у градка Песочнаго, и видѣвъ градъ, и удивися красотѣ его и величеству его; и присла послы своя къ Михаилу, и къ горожанамъ, хотя прельстити ихъ, и не послушаша его. Потомъ Михаилъ бѣжа по сыну своемъ предъ Татары въ Угры; а Ростиславъ Мстиславичъ, внукъ Романовъ Смоленскаго, сѣде въ Кіевѣ. Даніилъ же ѣха нань, и ятъ его, и дасть Кіевъ въ руцѣ Дмитрови, обдержати противу иноплеменныхъ языкъ, безбожныхъ Татаръ. Въ то-же лѣто пріиде Батый къ Кіеву въ силѣ тяжцѣй, много множество силы его, и окружи градъ, и оступи сила Татарская, и бысть градъ въ обдержаніи велицѣ; и бѣ Батый у града, и вся сила его безбожная обсѣдаху градъ, и не бѣ слышати во градѣ глаголюща другъ къ другу въ скрыпаній тѣлегъ его, и множествѣ ревенія велблюдъ его, и ржанія отъ гласа коннаго стадъ его, и бѣ исполнена земля Русская ратныхъ. И яша отъ нихъ Татарина, именемъ Торвула, и той исповѣда всю силу безбожнаго Батыя; а се бяху его братія, сильніи воеводы: Урдюй, Байдаръ, Бюрюй, Кайданъ, Бячекъ, и Менгуй, и Кююкъ [иже вратися, о смерти увѣдавъ Кановѣ, и бысть Канъ, не отъ роду его, но бѣ воевода его первый,) Себѣдяй Богатуръ, и Бурундай, и Бастырь, иже взяша Болгарскую землю и Суздальскую, и иныхъ воеводъ много, ихъ же не писахомъ здѣ. Постави-же Батый пороки къ городу, подлѣ врата Лядская (ту-бо бѣяху дебри); порокомъ-же біющимъ день и нощь безпрестани, и выбиша стѣны; и ту бѣ видѣти ломъ копейный, щитомъ скепаніе, и стрѣлы омрачиша свѣтъ. Побѣжденнымъ бывшимъ горожанамъ, и Дмитрови ранену бывшу, и взыдоша Татарове на стѣны, и сѣдоша того дни и до нощи; гражане-же создаша другій градъ, около Святыя Богородицы. На утріе-же пріидоша на ня, и бѣ сѣча велика межи има; людемъ-же инымъ взбѣгшимъ на комары церковныя съ товары своими, и отъ тягости людей повалишася комары, и стѣны церковныя съ ними, и пріятъ бысть градъ безбожными на Николинъ день. Дмитра-же изведоша язвена, и не убиша его, мужества ради. Батыю-же взем-

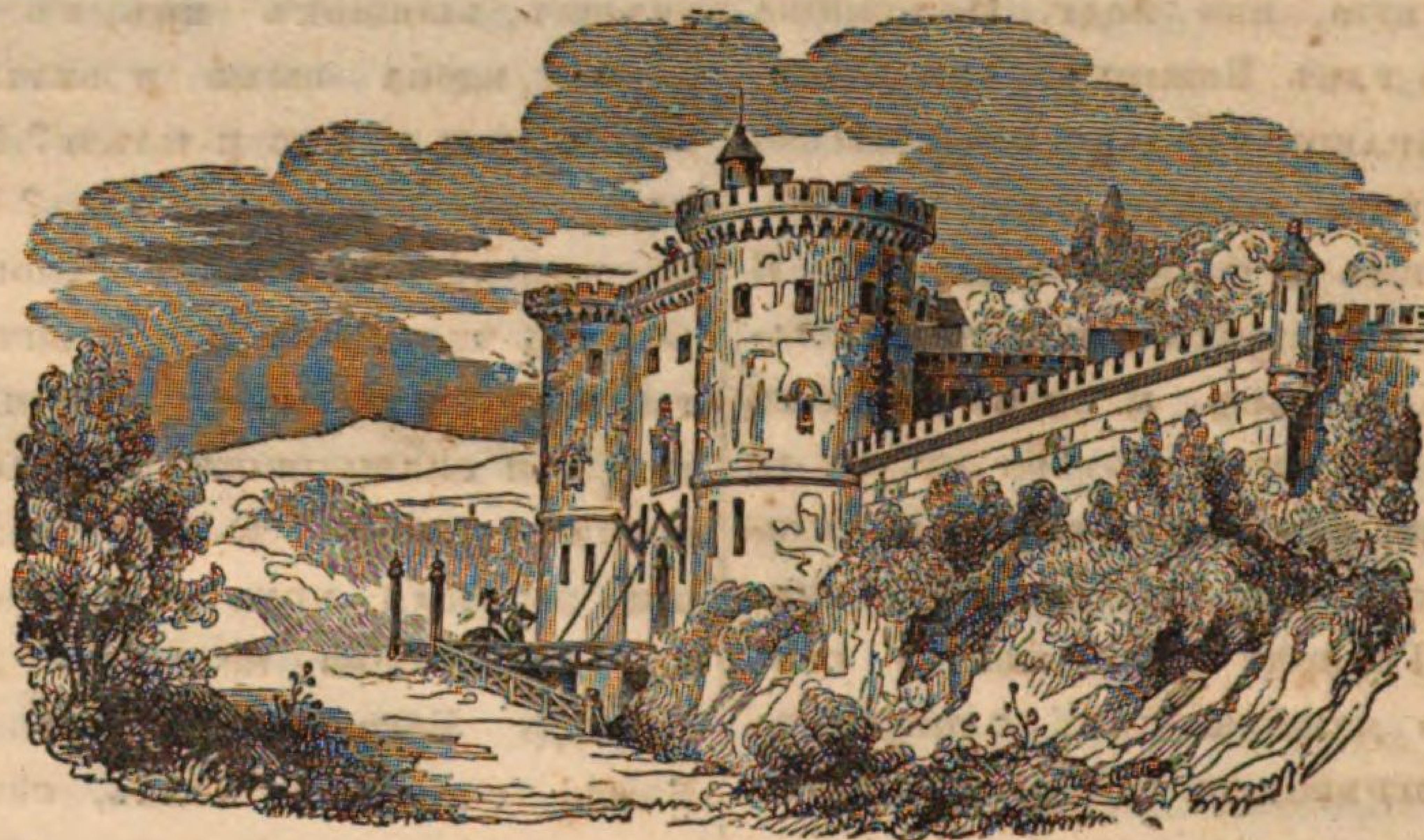
шу градъ Кіевъ, и слышавшу ему о Даниілѣ, яко въ Угрехъ есть, и пойде самъ къ Володиміру, и пріиде къ городу Колодяжену, и поставивъ пороковъ дванадесять, и не може проразити стѣнъ городныхъ, и нача перемолвливати люди; они же, послушавше злаго совѣта его, предашася, и сами избіени быша. Оттолѣ же пріиде къ Каменцу, граду Изяславлю, и взя его; и видѣвъ же Кременецъ, градъ Даниіловъ, и не возможе взяши его (бѣ-бо крѣпокъ вельми), и отыде отъ него. И пріиде къ Володиміру, и взя его копіемъ, изби вся, не пощаде ни единаго же; тако-же и градъ Галичъ взя Волынскій, и иныхъ градовъ Русскихъ много взя, имъ же и числа нѣсть. Дмитрови-же, Кіевскому Тысяцкому Даниілову, рекшу Батыеви: «Не мози *стряпати* въ земли сей долго; время ти уже идти на Угры; аще ли стряпаеши, земля та есть сильна, сберутся на тя, и не впустятъ тя въ землю свою» [про то-же рече ему, видѣ землю гибнущу Русскую отъ нечестиваго]. Батый же послуша совѣта Дмитрова, и иде въ Угры. Король же Бела, и Коломанъ, срѣтоша Батыя у Солоныя рѣки, и бившимся обоимъ полкомъ, и бысть сѣча велика, и побѣгоша Угрове; Татарове-же гнашася по нихъ до Дуная рѣки, и стояша по побѣдѣ три лѣта, и воеваша до Володавы и по озерамъ, возвратишася въ землю свою, много зла сотвориша Христіанамъ.

Увы мнѣ! сія убо злая содѣяшась на насъ Божіимъ попущеніемъ и великимъ его гнѣвомъ, за не-же умножишася беззаконія велія, сребролюбная зависть, междоусобныя брани и и мерзская нечистота блудная, естественная и чрезъестественная, и волхвованныя кови, и иные грѣси; и сего ради таковая лютая бѣда пріиде на вся страны православныхъ Христіанъ, по Пророка Давида слову: Бр аздами и уздою востягнеши челюсти неприближающимся къ тебѣ, Господи!» Великія убо церкви опустѣша, яко и дивіи звѣріе въ нихъ плодишась; градомъ-же и монастыремъ раззореніе и пожженіе; священникомъ же и всѣмъ сановитымъ тяжки узы бяху на хребтехъ, и нужныя смерти; честнѣйшимъ-же инокомъ и инокинямъ лютое и немилостивное закланіе; всѣмъ-же православнымъ Христіанамъ тяжкое ярмо поганское имущимъ на шеяхъ. И не токмо сіе едино, но и младенца ссущая отторгающе отъ пазухъ и нѣдръ матернихъ, и о землю и о стѣны ударяху, и на полы пресѣкаху и оружіи прободаху. Скверняху-жъ и чистоты дѣвство, юныхъ дѣвъ растлѣваху, и брачныхъ женъ разлучающе отъ мужей, и честнѣйшія невѣсты Христовы, инокини, блудомъ оскверняху. И мнози тогда отъ православныхъ сами ся порѣзываху, и въ воду вметахуся, и смерти пріимаху, дабы не осквернитися отъ поганыхъ, видяще-бо лютое ихъ скверненіе, и немилостивное безчеловѣчіе, елико творяху руганіе и немилосердіе окаянии надъ православными. Главными убо власы вмѣсто вязаху, аки скоты, и остны бодуще поганяху. И убо достойна есть плача страсть жителей земель тѣхъ, подвизающа на рыданіе человѣколюбивыхъ. Языкъ бо не можетъ вѣщати, ни уста исповѣдати тоя бѣды, превосходяше-бо Виѳлеемскаго многостонаннаго рыданія: тамо-бо едини младенцы закалахуся убійственными дланьми; здѣ-же престарѣвшіеся, и сѣдіи, и цвѣтущіе юноши, и жены благообразныя, и чистозрачныя отроковицы и младенцы вкупѣ раздробляхуся. Аще-бо и Давидъ о Іерусалимѣ глаголетъ, во Псалмѣ, сѣтуя: «Боже! пріидоша языци въ достояніе твое, и оскверниша церковь святую твою, и раззориша Іерусалима,» и прочая. И та убо страсть велика, но сія тмами больши, понеже не едину церковь оскверниша, но тысящами и тмами сугубо. Но въ той убо древней, сѣни служаху, и на требу животная закаляху; въ нашихъ-же Христіанскихъ церквахъ истинѣ слу-

жаху, и самого Животворящаго Агнца, Сына Божія, пожираху. А не единъ градъ раззориша, но многія земли, Рязанскую, и Владимірскую, и Нижегородскую, и Галицкую, и Ростовскую, и Тверскую, и полъ Новогородскія, и Кіевскую, и Черниговскую, и Волынскую, и Подольскую, и Угорскую, въ нихъ-же великіе, господственные самодержавныхъ грады, и со окрестными ихъ градовы, и странами и властьми. По всѣмъ тѣмъ землямъ проліяша поганіи кровь Христіанскую, яко воду. Положиша убо трупія рабъ Божіихъ, священниковъ, въ брашно птицамъ небеснымъ, и плоти преподобныхъ иноковъ и инокинь звѣремъ и чадомъ земнымъ. И не бѣ погребающихъ всѣхъ православныхъ Христіанъ, и не бѣ о нихъ приношенія, ни молитвы: не бѣ-бо церквей, ни священниковъ, ни кадила, ни мѣста, еже-бы кому и гдѣ принести ко Господу Богу жертву спасенную о душахъ ихъ, зане-же за многое согрѣшеніе преданы бѣхомъ Царю законопреступну, неправедну, и лукавнѣйшу паче всея земли, и поганому, и немилостивому языку варварскому. Сице убо тѣ великія земли, и градове, и власти многочеловѣчныя въ поле запустѣнія положены быша. И быша гробове всемертвенные, и смертная врата, и многозіяющая адова утроба всепріемница; рыданіе бѣ повсюду и плачь велегласенъ; горы убо и холмы плѣненнымъ и малооставшимъ плачущимъ сопротивъ возглашаху; рѣки-же волнами сопремшумяху; садовныя-же древеса, и вся боры и дубравы, вмѣсто рыданія и плача, вѣтвьми повѣвающе, умильно проглашающе, и вмѣсто слезъ листвіе отъ себѣ спущаху. Но и общая наша мати, земля, яко же и плотская чадолюбица мати, восплакася, жереломъ великимъ стонящи, маніемъ глаголющи: «Сынове, сынове Рустіи! почто ходисте предъ Господомъ Богомъ, сотворшимъ васъ, въ похотехъ сердецъ вашихъ! Иля не слышасте Пророка Господня, глаголюща сице: «Аще хощете, и послушаете мене, благая земная снѣсте; аще ли не хощете, ни послушаете мене, оружіе васъ поястъ — уста-бо Господня глаголаша сія. «Чада мои! Чада мой прогнѣвавше и Господа своего, и моего Творца и Бога: вижу васъ отъ моея пазухи отторгаемыхъ, въ поганскія руки немилостивно впадша, праведнымъ судомъ Божіимъ, и иго работно имуще на плещахъ вашихъ. Азъ уже къ тому остаюсь тщи васъ, чадъ своихъ любимыхъ, бывшихъ мнѣ; къ тому убо бѣдная вдова быхъ и безчадна! Но кое первое сѣтую и плачу? Мужа-ли, или любимыхъ моихъ чадъ? Вдовство бо мое есть опустѣніе многихъ градовъ, и честныхъ монастырей, и святыхъ церквей; лишеніе-же чадъ, учителей, и священникъ, и властелей, и прочаго народа. Къ тому уже не терплю жалости моея и лютыя сея бѣды; но возопію ко общему Творцу, Господу Богу, умильнымъ гласомъ: Боже, содѣтелю всѣхъ, сотворивый вся своимъ пречистымъ хотѣніемъ! презри нынѣ беззаконіе людей сихъ, помилуй ихъ, Милосерде! и утоли праведный свой гнѣвъ, возврати плѣненные ихъ во своя, да мя творицею наслѣдятъ повелѣніемъ твоимъ, Господи! яко Ты еси единъ Богъ безгрѣшенъ, милуяй грѣшныхъ, и прощаяй кающихся!

Мы же, Православніи, прочитающіе умильную повѣсть сію, и послушающіе ея, да глаголемъ изъ глубины сердца: О Владыко Христе, Царю вѣкомъ и содѣтелю твари, не хотяй грѣшникомъ смерти! избави ны отъ злаго нашествія нечестивыхъ варваръ, и отъ прочихъ иноплеменныхъ, и укрѣпи на нихъ православныхъ *Царей* нашихъ, и укроти въ насъ сущая междоусобныя брани, и *церковные раздоры*, и всему православному Христіанству полезная устрой, да въ мирѣ и въ тишинѣ славимъ тя истиннаго Христа Бога нашего, славима-

го въ Троицѣ! Сущихъ-же отецъ и братій нашихъ, во всякомъ возрастѣ скончавшихся въ то лютое варварское плѣненіе, избави отъ вѣчныя муки, и покой ихъ со всѣми отъ вѣка угодившими тебѣ, яко твои суть судове неиспытанни, и путіе твои неизслѣдованны, и твое есть царство непремѣнно, и держава неприкладна, и тебѣ подобаетъ всякая слава, и честь, и держава, нынѣ, и всегда, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

СЛОВО

ДАНІИЛА ЗАТОЧНИКА.

Кто такой былъ Даніилъ и когда онъ жилъ? Досе-лѣ не извѣстно. Знаемъ, что онъ былъ сосланъ въ заточеніе на Лаче озеро, въ нынѣшнюю Олонецкую губернію. Свѣденія о заточеніи его находимъ въ нашихъ лѣтописяхъ подъ годомъ 1378. Отрывки изъ Слова Даніилова Н. М. Карамзинъ помѣстилъ въ VIII т. своей исторіи. К. Ѳ. Калайдовичъ напечаталъ его вполнѣ, въ памятникахъ XII вѣка, съ увѣреніемъ, что Даніилъ написалъ его къ Георгію Долгорукому.

Текстъ Даніилова Слова напечатанъ здѣсь по списку, сообщенному мнѣ Н. П. Морозовымъ.

СЛОВО ДАНІИЛА ЗАТОЧНИКА.

Вострубимъ, братіе, яко во златокованныя трубы, въ разумъ ума своего, и начнемъ бити во сребренные органы, и возвѣемъ мудрости своя. Боже, Боже мой! вскую мя еси оставилъ? Востани слава моа, востани въ псалтыри и въ гуслехъ; востану рано, исповѣмтися. Да разверзу во притчахъ гаданіе мое; провѣщаю во языцѣхъ славу мою. Сердце бо смысленнаго укрѣпляется въ тѣлеси его мудростію. Бысть языкъ мой яко трость книжника скорописца, и увѣтлива уста, аки рѣчная быстрость; сего ради покушахся написати всякъ союзъ сердца моего, и разбихъ злѣ, аки древняя младенца о камень. Но боюся, господине, похуленія твоего на мя; азъ бо есмь яко та смоковница проклятая, не имѣя плода покаянію: имѣю бо сердце аки лице безъ очію, и бысть умъ мой яко нощный вранъ на нарищи забдѣхъ, и разсыпася животъ мой аки Ханаонски Царь буестію, и покры мя нищета аки Чермное море Фараона. Сеже вѣхъ написахъ, бѣжахъ отъ лицахъ художьства моего, аки Агаря рабыня отъ Сарры госпожи своея. Но видѣхъ, господине княже, твое добросердіе къ себѣ, и притекохъ ко обычной твоей любве, глаголетъ бо Писаніе: просящему у тебе дай, толкущему отверзи, да не лишенъ будеши Царства небеснаго; писано бо есть: возверзи на Господа печаль свою, той тя препитаетъ во вѣкы. Азъ бо есмь, княже господине, яко трава блещанна, растуще за стѣнію, на нюже ни солнце сіяетъ, ни дождь идетъ: тако и азъ, княже господине, всѣми обидимъ есмь, зане ограженъ есмь страхомъ грозы твоея, яко оплотомъ твердымъ. Но не возри на мя, княже господине, яко волкъ на ягня; но возри на мя, Господине мой, аки мати на младенца. Возри, господине, на птицы небесныя, яко ти ни орютъ, ни сѣютъ, ни въ житницу собираютъ, но уповаютъ на милость Божію; тако и мы, княже господине, желаемъ твоея милости: зане, господине, кому любовь, а мнѣ горе лютое; кому Бѣло озеро, а мнѣ черные смолы; кому Лачь озеро, а мнѣ, на немъ сѣдя, плачь горки; кому ти есть Новгородъ, а мнѣ углы опали, зане не процвѣте часть моя. Друзи же мои и ближніи мои и тіи отвергошася мене: зане не поставихъ предъ ними трапезы многоразличныхъ брашенъ. Мнози бо дружатся со мною, а погнетающе руки въ солило, а при напасти аки врази обрѣтаются, и паки помогающе подразити нози мои: очима бо плачютъ со мною, а сердцемъ смѣютмися. Тѣмже не иму другу вѣры; не надѣюся на брата. Не лгалъ бо ми Ростиславъ князь: лѣпши бы ми смерть, а не Курское княженіе. Такоже и мужеви: лѣпше бы ми смерть, нежели продолженъ животъ въ нищетѣ; яко же бо Соломонъ рече: ни богатества, ни убожества не дай ми, Господи; ащели буду богатъ, гордость восприиму; ащели буду убогъ, помышляю на татьбу и на разбои, а жены на блядню. Тѣмже вопію къ тебѣ, княже мой, господине мой, одержимъ есмь нищетою: помилуй мя, сыне Великаго Царя Владимера! да не восплачюся рыдая, яко Адамъ раю. Пусти тучю художьства

моего на землю: зане, княже господине, богатъ мужъ вездѣ знаемъ есть и въ чюжой землѣ друзи имѣетъ, а убогъ и во своихъ невидимо ходитъ. Богатъ возглаголетъ, вси возмолчатъ и слово его вознесутъ до облакъ; а убогъ возглаголетъ, вси нань кликнутъ и уста ему заградятъ: ихъ же ризы свѣтлы, тѣхъ и рѣчь честна. Княже мой, господине мой! избави мя отъ нищеты сея, яко серну отъ тенета, яко птицу отъ кляпцы, яко утя отъ ногтей носимаго ястреба, яко овцу отъ устъ львовыхъ. Азъ бо есми, княже господине, яко древо при пути: мнози посѣкаютъ его и на огнь вмещутъ; такоже и азъ всѣми обидимъ есмь, зане ограженъ есмь страхомъ грозы твоея. Якоже бо олово гинетъ, часто разваряему: тако и человѣкъ пріемлетъ многія бѣды. Никтоже можетъ соли зобати, ни въ печали смыслити; всякъ бо человѣкъ хитритъ и мудритъ о чюжей бѣдѣ, а о своей не можетъ смыслити. Злато искушается огнемъ, а человѣкъ напастьми; пшеница бо, много мучима, чисть хлѣбъ подаетъ, а въ печали обрѣтаетъ человѣкъ умъ совершенъ. Молеве ризы изъѣдаютъ, а человѣка печаль; печалну мужу засушутъ кости. Аще кто человѣка въ печали призритъ, какъ студеною водою напоитъ во знойный день. Птица бо радуется веснѣ, а младенецъ матери, тако и азъ, княже господине, радуюся твоей милости; весна убо украшаетъ цвѣты землю, а ты, княже Господине, оживляеши вся человѣкы своею милостью, сироты и вдовицы, отъ вельможь погружаеми. Княже господине! яви ми зракъ лица твоего, яко гласъ твой сладокъ, и образъ твой Государевъ красенъ, и лице твое свѣтло и благолѣпно, и разумъ твой государевъ якоже прекрасный рай многоплодовитъ. Азъ же худый добрѣ дивлюся. Но егда веселишися многими брашны, а мене помяни сухъ хлѣбъ ядуща, или піеши сладкое питіе, а мене помяни теплу воду піюща, и праха нападша отъ мѣста завѣтреня. Егда ляжеши на мягкихъ постеляхъ подъ собольими одѣялы, а мене помяни подъ единымъ платомъ лежаща, и зимою умирающа, и каплями дождевными яко стрѣлами сердце пронизающе. Да не буди, княже, рука твоя согбена на поданіе убогимъ: ни чашею бо моря расчерпати, ни нашимъ иманіемъ твоего дому истощити. Якоже бо неводъ не удержитъ воды, но точію едины рыбы: тако и ты, княже господине, не воздержи злата и сребра, но роздай людемъ. Паволока, испещрена многими шелки, красно лице являетъ: тако и князь многими людьми честенъ и славенъ по всѣмъ странамъ; якоже рече Соломонъ: Слава Царю во мнозѣхъ языцѣхъ; тако и тебѣ, княже, слава и побѣда велика во мнозѣхъ языцѣхъ; тако и тебѣ, княже, слава и побѣда велика во мнозѣхъ людѣхъ. Якоже бо похвалися Езикѣй Царь посломъ Царя Вавилоньскаго, и показаша имъ множество злата и сребра; они же рѣша ему: нашъ Царь богатѣе тебя, не множествомъ злата, но множествомъ воя: занеже мужи злато добудутъ, а златомъ людей не добыти. Якоже рече Святославъ Князь Игоревъ, идый на Царя съ малою дружиною и рече имъ: братіе! намъ ли отъ града погибнути, или граду отъ насъ плѣнену быти? Якоже Богъ повелитъ, тако и будетъ: поженетъ во единъ сто, а отъ ста двигнется тысяща; надѣяся на Господа, яко гора Сіонъ не подвижется во вѣкы. Диво ли за буяномъ кони паствити, а за добрымъ княземъ воевати. Многажды бо безнарядіемъ полцы погибаютъ. Видѣхъ великъ звѣрь, а главы не имѣетъ: тако и добрыя полки безъ добраго князя погибаютъ. Гусли бо строятся персты, а тѣло основается жилами, а дубъ крѣпится множествомъ коренія: тако и градъ нашъ крѣпится твоею державою: зане князь щедръ отецъ есть всѣмъ; слузи бо мнози отца и матери лишаются и къ нему

прибѣгаютъ. Добру бо господину служа, дослужится свободы; а злу господину служа, дослужится болшіа работы. Зане князь щедръ, аки рѣка безъ береговъ текуще всквозѣ дубравы, напояюще не токмо человѣцы, но и скоти и вся звѣри; а князь скупъ, аки рѣка, великъ брегъ имущь каменны: не лзя пити, ни коня напоити. А бояринъ щедръ, аки кладезь сладокъ; а скупъ вояринъ, аки кладезь солонъ. Не имѣй себѣ двора близъ княжа двора; не держи села близъ княжа села: Тіунъ бо его яко огнь трепетицею накладенъ, а рядовичи его яко искры; аще отъ огня устережешися, но отъ искры не можешь устрещися жженія портъ. Княже, господине мой! не лиши хлѣба нища мудра, ни вознеси до облакъ богатаго безумна, несмысленна: нищь бо мудръ, яко злато въ калнѣ сосудѣ, а богатъ красенъ несмысленъ, то аки паволочитое зголовье, соломы наткано. Господине мой! не зри внѣшняя моя, но зри внутреная: азъ бо одѣяніемъ есмь скуденъ, но разумомъ обиленъ; юнъ возрастъ имѣю, а старъ смысломъ; быхъ мыслю яко орелъ паряй по воздуху. Но постави сосуды скудельничьи подъ потокъ капля языка моего, да накаплютъ ти сладчайши меду словеса устъ моихъ; якоже рече Давидъ: сладка словеса твоа паче меда устомъ моимъ; Соломонъ рече: словеса добра напояютъ душу, покрываетъ же печаль сердце безумному. Мужа бо мудра посылай, мало ему кажи; а безумна посылай, самъ не лѣнися по немъ итти. Очи бо мудрыхъ желаютъ благыхъ, а безумнаго дому пировнаго. Лѣпши слышати прѣніе умныхъ, нежели безумныхъ наказаніе. Дай премудру вину, премудрѣе будетъ. Не сѣй бо на браздахъ жита, ни мудрости на сердце безумныхъ: безумныхъ бо ни орютъ, ни сѣютъ, ни въ житницы собираютъ, но сами ся рожлютъ. Какъ во утелъ мѣхъ воду лити, такъ безумнаго учити; псомъ и свиніямъ не-надобно злато и сребро, ни безумному мудрая словеса; ни мертвеца разсмѣшити, ни безумна наказати. Дѣти бѣгаютъ урода, а Господь пьяного человѣка. Коли пожретъ синица орла, коли каменіе восплыветъ по водѣ, коли свинія почнетъ на бѣлку лаяти, тогда безумный уму научится. Или ми речеши: отъ безумія ми еси молвилъ: то не видалъ есми неба полъстяна, ни звѣздъ лутовяныхъ, ни безумна мудрость глаголюще. Или ми речеши: солга ми еси аки песъ: добраго бо пса князи и бояре любятъ. Или ми речеши: солгалъ ми еси аки тать; аще быхъ умѣлъ украсти, толико бы не скорбѣхъ. Дѣвица погубляетъ красоту свою бляднею, а мужъ мужество свое татьбою. Княже мой господине! не море топитъ корабли, но вѣтри; а не огнь творитъ разжженіе желѣзу, но надыманіе мѣшное: такоже и князь не самъ впадаетъ во многія въ вещи злыя, но думцы вводятъ. Съ добрымъ бо думцею князь высока стола додумается, а съ лихимъ думцею думаетъ, и малаго стола лишенъ будетъ. Глаголетъ бо въ мірскихъ притчахъ: не скотъ въ скотѣхъ коза, а не звѣрь во звѣрѣхъ ежъ, не рыба въ рыбахъ ракъ, не птица во птицахъ нотопырь, а не мужь въ мужѣхъ, кѣмъ своя жена владѣетъ; не жена въ женахъ, иже отъ своего мужа блядетъ; не работа въ работахъ, подъ жонками возъ возити. Дивѣе дива, кто поимаетъ жену злообразну, прибытка ради. Нѣкогдаже видѣхъ жену злообразну, приничюще къ зерцалу и мажущися румянцемъ, и рѣхъ ей: не зри въ зерцало, видѣвше лѣпость лица своего, зане большую печаль пріимеши себѣ. Или речеши: женися у богата тестя, чти дѣля, а ту пей, и яжь, и веселися въ великой радости и любви; то лѣпше волъ ввести въ домъ свой, нежели злая жена поняти: волъ бо не молвитъ, ни зла мыслитъ; а злая жена біема бѣсится, а кротима высится, въ богачествѣ гордится, а во убожествѣ иныхъ осуждаетъ. Что есть

жена зла? гостница неусыпаемая, купница бѣсовская. Что есть жена зла? мiрскы мятежь, ослѣпленiе уму, началница всякой злобѣ, во церкви бѣсовская мытница, поборница грѣху, засада спасенiю. Аще который мужь имѣетъ смотрити на красоту жены своея и на ея ласковая словеса, а дѣлъ ея не испытаетъ: то дай Богъ ему трясцею болѣти. Но по сему разсмотрите злу жену, иже речетъ мужу своему: господине мой, свѣте очiю моею! азъ на тя не могу зрѣти; егда глаголеши ми, тогда взираю на тя и обоумираю, и воздрожатъ мя уды тѣла моего. Послушайте жены слова Апостола Павла, глаголюща: крестъ есть глава церкви, а мужъ женѣ своей. Жены же у церкви стоятъ молящеся Богу и святѣй Богородицы; а чему ся хотите учити, и вы учитеся въ домѣхъ у мужей своихъ, а вы мужи по закону держите жены своя, понеже борзо обрѣсти добрыхъ женъ. Жена добра вѣнецъ мужу своему и безпечалiе; а зла жена люта печаль, изотщанiе дому. Червь бо древо тлитъ, а злая жена домъ мужа своего теряетъ. Лутчи есть во утлѣ лодьѣ по водѣ ѣздити, нежели злѣ женѣ тайны повѣдати: утлая лодья порты помочитъ, а злая жена всю жизнь мужа своего погубляетъ. Лѣпши есть камень долотити, нежели зла жена учити; или желѣзо варити: желѣзо уваришь, а злы жены не научишь; злая бо жена ни ученiя слушаетъ, ни Бога ся боитъ, ни людей стыдится, но вся укоряетъ и вся осуждаетъ. Что лва злѣе въ четвероногихъ? и что змiи лютѣйши въ ползущихъ по земли? всего того злая жена злѣе. Нѣсть на земли болши женскiя злобы: женою во сперва прадѣдъ нашъ Адамъ изгнанъ бысть изъ рая; жены ради Iосифъ прекрасный въ темницѣ затворенъ бысть; жены ради Пророка Данила въ ровъ вверже, и львы ему нози лизаху. О злое орудiе, остро дiяволе! Нѣкоемуже умре жена зла, онъ же, по смерти ея, начатъ дѣти продавати, людiе же рѣша ему: чему продаешь дѣти? онъ же рече имъ: аще ли будетъ родилися въ матерь, и они возрастьше, меня продадутъ. Еще возвратимся на передняя словеса. Азъ бо, княже господине, ни за море ходилъ, ни отъ философъ научился, но быхъ яко падая пчела по различнымъ цвѣтомъ и совокупляя яко медвеный сотъ; тако и азъ по многымъ книгамъ собирая сладость словесную и разумъ, и совокупихъ яко мѣхъ воды морскiя, а не отъ своего разума, но отъ Божiа промысла. Сiи суть словеса, да не уже много глаголю.—

Сiи словеса азъ Данилъ писахъ въ заточенiе на Бѣлѣ озерѣ, и запечатавъ въ воску, и пустихъ во озеро, и вземъ рыба пожре, и яша бысть рыба рыбаремъ, и принесена бысть ко князю, и нача ея пороти, и узрѣ князь сiе написанiе, и повелѣ Данила свободити отъ горкаго заточенiя.—Не отметай безумному прямо безумiя его, да не подобенъ ему будеши. Уже бо престану глаголати, да не буду яко мѣхъ утелъ, роняя богатество убогимъ; да не уподоблюся жерновамъ, яко тѣ многiя люди насыщаютъ, а сами себе не могутъ насытитися; да не возненавидѣнъ буду мiру со многою бѣсѣдою. Якоже бо птица учащаетъ пѣсни своя, скоро возненавидѣма бываетъ. Глаголетъ бо въ мiрскихъ притчахъ: рѣчь продолжна недобро, продолжена паволока. Господи! дай же князю нашему силу Самсонову, храбрость Александрову, Iосифовъ разумъ, мудрость Соломоню, кротость Давидову, и умножи, Господи, вся человѣки подъ руку его. Лютѣ бѣснующемуся дати ножь, а лукавому власть. Паче всего ненавижь стороника перетерплива. Аминь.

СКАЗАНІЕ

О

МАМАЕВОМЪ ПОБОИЩѢ.

Текстъ сказанія о Мамаевомъ побоищѣ напечатанъ здѣсь по списку XVI вѣка, сообщеннаго мнѣ Н. П. Морозовымъ.

СКАЗАНІЕ

О

МАМАЕВОМЪ ПОБОИЩѢ.

Се повѣдай, Уранъ, намъ повѣсть како случися на Дону православнымъ христіяномъ съ безбожными Татары, како возвыси Господь родъ христіянскій, а поганыхъ уничижи и осрами ихъ суровство, яко же иногда Гедеономъ Мадіама низложи, и православнымъ Моисеомъ Фараона. И нынѣ подобаетъ вѣдати намъ величіе Божіе, како творитъ Господь волю боящимся его, и како пособи Господь Богъ православному, Великому Князю Димитрію Ивановичю Владимірскому надъ безбожными Татары. Лѣта же того попущеніемъ Божіимъ, отъ наученія діаволя, воздвигся царь отъ восточныя страны,именемъ Мамай, Татаринъ сый родомъ, вѣрою идоложрецъ, иконоборецъ злый, христіанскій ненавистникъ и укоритель, и вниде въ сердце его діяволъ подстрекаяй, иже всегда пакости дѣетъ христіяномъ, и наусти его разорити православную вѣру всему христьянству, да не славится въ нихъ имя Господне въ людѣхъ тѣхъ. Господь что хощетъ, то и творитъ. Тойже безбожный царь Мамай нача завидѣти первому Батыеви, и второму безбожному Батыю, и нача испытывати старыхъ Татаринъ: како Батый плѣнилъ Кіевъ, и Володиміръ, и всю землю Русскую? како уби Князя Юрія Димитріевича, и мнози православные Князи изби? Како мнози монастыри плѣни и оскверни вселенскую пречистую церковь, разграби злато? И быстъ ослѣпленъ очима. Тогоже не разумѣша нечестивый, яко Господу годѣ, тако да и будетъ, якоже во иныя дни Іерусалимъ плѣненъ бысть Титомъ, а потомъ мерскимъ царемъ Навходоносоромъ Вавилонскимъ за ихъ согрѣшеніе. Но не до конца прогнѣвается Господь, ни во вѣки враждуетъ. Слышавъ же безбожный царь Мамай то отъ Татаръ, нача діяволомъ палимъ быти непрестанно, ратуя на христіянство, нача глаголати ко своимъ Евпатомъ и Княземъ и воеводамъ: яко нехощу азъ тако творити Руси, како Батый; азъ Князи ихъ изжзену; а которые государи красные, тѣхъ хощу видѣти тихо и безмятежно. Но рука Божія высока. По малехъ же днехъ, по глаголехъ его, царь Мамай перевезеся великую рѣку Волгу со всѣми силами своими и многи орды совокупи съ собою и глаголя имъ: «Се обогатѣете Русскимъ златомъ.» И пойдѣ на Русь, сердитуя яко левъ, пылая яко неутолимая ехидна. Дондеже до устъ рѣки Воронежа и распусти облаву свою, заповѣда улусникомъ своимъ: «яко да ни единъ у васъ пашетъ хлѣба: будите готови на Русскую землю на хлѣбы!» Слыша же то Олегъ Рязанскій, яко царь Мамай близъ кочуетъ, а идетъ на Русь ратію, стоитъ на Воронежѣ; а идетъ на Великаго Князя Димитрія Ивановича. Бысть же у Олга Князя Рязанскаго ску-

дость ума во главѣ, и сатана ухищреніе вложи въ сердце его; нача посылати послы къ Мамаю царю со многою честію и дарами; ярлыкъ же свой писа къ нему сице: «Восточному царю Мамаю твой посаженный присяжникъ Олегъ Рязанскій. Слышахъ тя господина моего милостива, хощеши идти на Русь, на своего посаженника и служебника, на Князя Димитрія Московскаго, огрозитися ему хощеши; нынѣ же, господине, приспѣ время есть, злата и богатства наполнися земля его. И тако бо вѣмъ, всесвѣтлый царю, яко кротокъ есть человѣкъ Димитрій; егда же услышитъ и имя ярости твоея, то отбѣжитъ отъ тебя въ дальный утекъ, гдѣ есть мѣсто пусто и неключимо; злато же и богатство все будетъ во твоихъ рукахъ. Меня же, раба твоего, царю, держава твоя пощадитъ; азъ бо ти Русь вельми устрашу и Князя Димитрія. Но и не то одно, царю, егда о своей обидѣ и твоимъ именемъ погрожу ему; а онъ о томъ не радитъ; еще де градъ мой Коломну взялъ за себя, да о томъ о всемъ молю тя, царю, не презри моленія моего.» Ярлыкъ списавъ, посла же не пославъ, но посла посолство къ великому и велерѣчивому и къ велѣумному Олгерду Литовскому, смысливше худымъ своимъ умомъ, и писа грамату сице: «Великому Князю Олгерду Литовскому Олегъ Рязанскій пишу радоватися. Вѣдаю бо, яко издавна мыслилъ еси на Московскаго Князя Димитрія изгонити его, а Москвою владѣти: нынѣ же приспѣ время намъ; яко великій царь Мамай идетъ на него и хощетъ плѣнити землю его. Нынѣ же приложимся и мы къ нему, да тебѣ дастъ Москву и иные присяжные грады, а мнѣ Коломну и которые близъ Мурома и Володимира. Ты же и азъ пошлемъ послы къ нему и дары, елико имамъ какіе, и пиши грамату къ нему, елико самъ вѣси паче меня. Азъ же писахъ, но не послахъ, хощу единаго съ тобою и жду твоего посла.» Прідеже посолъ и вдастъ грамату Олгерду отъ Олега. Олгердъ же прочетъ грамату, и радъ бысть и похваливъ друга своего Олега великою похвалою. Посла посолъ свой ко царю съ дары безчисленными, и грамату писавъ къ нему сице: «Великому восточному царю Мамаю Князь Олгердъ Литовскій многу милость. Слышавъ, господине, хощети улусъ свой казнити и Московскаго Князя Димитрія, того ради молю тя, царю, яко онъ обиду сотвори Олгу Рязанскому, а мнѣ тако же пакости дѣя; но молимъ тя оба, да при державѣ царствія твоего видитъ твое смотрѣніе нашу грубость отъ Московскаго Князя Димитрея. Вся же глаголютъ лестію на великаго Князя Димитрія, и рекши въ себѣ: егда услышитъ имя твое царево и нашу присягу къ тебѣ: то отбѣжитъ въ великіи Новградъ, или на Двину, а мы сядемъ на Москвѣ и на Коломнѣ. Егда царь же прідетъ, не иный кто его сряще. Царь же возвратится, и мы и Княженіе Московское раздѣлимъ кто къ Вилнѣ, иной къ Рязанѣ. Но и вѣдаемъ, яко царь имѣетъ ярлыкъ дати намъ и родомъ нашимъ.» Но сами ся невѣдаютъ, что глаголютъ, яко не смыслени и млади умомъ, аки не вѣдуще Божія силы и владычныя смотрѣнія. Богъ даетъ власть, ему же хощетъ. По истинѣ бо рече: аще кто держится добродѣтели, то не можетъ безъ многихъ враговъ быти. Князь же Димитрій Ивановичъ образъ смиренномудрія нося и смиренія въ высокихъ ищетъ, еще же не чюже бывшихъ сихъ, иже совѣщаша на него, ближніи его. О таковыхъ бо рече Пророкъ: не помысли ближнему своему зла, тебя не постигнетъ. Той же паки рече: изрый яму, самъ впадетъся въ ню. Придоша же послы по реченному словеси отъ Олгерда Литовскаго и отъ Олега Рязанскаго къ безбожному царю Мамаю и дары многочестные вдаша ему и граматы писаны. Безбожный же возрѣвъ писанія и рече: «послухаемъ сіе писаніе.» И нача думати со воеводы своими; они же

разумѣша, яко прилѣжно писаніе ихъ. И рече царь: «Азъ чаяхъ, яко во едино совокуплени будутъ на мя; нынѣ же разумѣю, яко разность между ихъ велика есть. Имамъ убо на Русь быти.» Пословъ же тѣхъ чествовахъ, отпусти ихъ, а писаніе писа Олгерду Литовскому и Олегу Рязанскому: «Елико писася ко мнѣ, познахъ, а на дарѣхъ вашихъ хвалю вамъ. Колико хощете Русскія вотчины, тѣмъ васъ одарю; токмо присягу ко мнѣ имѣйте; нынѣ же срѣтите мя съ своими силами, гдѣ успѣете, да одолѣете своего недруга, а мнѣ ваша пособь недобрѣ надобна. Аще бы хотѣлъ, то и своею силою древній Іерусалимъ плѣнилъ быхъ. Но чти вашея хощу, а моимъ именемъ и вашею рукою распуженъ будетъ Князь Димитрій Московскій, да огрозится имя ваше во странахъ вашихъ. А мнѣ бо достоитъ побѣдити царя себѣ подобна и довлѣетъ ми царска честь. Сице княземъ своимъ рцыте.» Послы же возвратишася къ нимъ, и повѣдаша, яко царь здравитъ, вельми хвалитъ. Они же возрадовашася о суетнѣмъ привѣтѣ скуднымъ своимъ умомъ, что убу сихъ нареку. Аще бы врази были себѣ: то особную брань сотворили, нынѣ сія глаголы что есть едина вѣра и едино крещеніе, а поганому приложилися и вкупѣ съ безбожнымъ хотятъ гонити православную вѣру. О таковыхъ рече Патерикъ: по истиннѣ бо отсѣкошася своея маслины и присадишася къ дикой маслинѣ. И тако сіи безбожныи отвергошася вѣры христіянскія, прилѣпишася къ безбожному. Олегъ же нача паче поспѣшати и слати послы къ Мамаю царю, и рече: «подвизайся скоро.» О таковыхъ бо рече писаніе: о неразсуженія пути беззаконныхъ не спѣютъ, но сбираютъ себѣ досады и поносъ; правыхъ же путіе спѣютъ. Нынѣ сего Олега нарече втораго Святополка.

Слышавъ же то Князь Димитрій Ивановичъ, яко грядетъ на него безбожныи царь Мамай, и не уклонимая ратъ на Христову вѣру, поревновавъ неизглаголанному Батыеви. Князь же Великій Димитрій Ивановичъ опечалився велми отъ безбожнаго нахожденія и ставъ предъ иконою, иже стоитъ въ возглавіи ему и падъ на колѣно, поклонився, нача молитися предъ образомъ и рече: «Аще, Господи, смѣю молитися смиренный рабъ твой, простри уныніе мое, на тя уповаю, Боже мой, разверзи, Господи, печаль мою! Ты бо еси свидѣтель намъ, Владыко! Не сотвори намъ, якоже отцемъ нашимъ, якоже наведе на градъ нашъ злаго Батыя и еще тотъ страхъ и трепетъ въ насъ великъ есть. Нынѣ же, Господи, не до конца прогнѣвайся на ны; вѣмъ бо, яко меня ради грѣшнаго хощеши истребити землю Русскую. Азъ бо согрѣшихъ предъ тобою паче всѣхъ человѣкъ. Сотвори, Господи, ради слезъ моихъ милость свою и укрѣпи сердце мое ко свирѣпому, якоже Езекій возвысився и рече: на Господа уповахъ и не изнемогу.» И посла по брата своего по Князя Владиміра Андреевича; онъ же бѣ во своей державѣ Боровскѣ и посла по вся воеводы, и по мѣстныя князи. Князь же Владимiръ Андреевичъ пріѣхавъ борзо во градъ Москву и мнози князи и воеводы съѣхашася. Князь же Великій Димитрій Ивановичъ поимъ брата своего Князя Владиміра, иде ко Преосвященному Митрополиту Кипріяну и рече: «Вѣси ли, отче, господине, настоящую бѣду на насъ, яко царь Мамай идетъ на насъ въ неукротимѣ образѣ и ярости.» Пресвѣщенный же Митрополитъ Кипріянъ рече Великому Князю Димитрію: «Повѣждь ми, господине, чѣмъ еси неисправился къ нему?» Князь же Великій Димитрій Ивановичъ рече: «Исправилъ бо ся, отче, всѣмъ до велика къ нему, по уставу отецъ своихъ; но еще и боле того воздахъ ему.» Преосвященный же Митрополитъ рече Великому Князю: «Видиши ли, господине, попущеніемъ Божіимъ, нашихъ ради грѣховъ, идетъ плѣнити въ

Рускую землю. Но вамъ подобаетъ Рускимъ Княземъ тѣхъ утолити ради крестьянскаго роду четверицею сугубою, дабы не разрушилъ христовы вѣры Аще ли не смирится: то Господь гордымъ противится, писано есть, а смиреннымъ благодать даетъ. Господь Богъ смиритъ его, якоже иногда случися великому Василію въ Кесаріи. Идый на него злый преступникъ изъ Персъ, хотя разорити градъ его, онъ же помолися Богу со всѣми Христіяны, и собраша злата много, дабы отступника утолити. Онъ же болѣ возярився, и Господь посла на него воина своего Меркурія: онъ же уби гонителя мечемъ невидимо. Нынѣ же возьми, господине, злата колико имаеши, и пошли къ нему, исправися ему.» Еще Князь Великій Димитрій Ивановичъ слышавъ отъ Митрополита, иде съ братомъ своимъ въ казну свою иземъ злата много, нача избирати юныхъ отъ двора своего, и избра юношу доволна смысломъ, имянемъ Захарію Тошкова, и давъ ему два толмача, умѣющу языку Татарскому и злата много отпусти съ нимъ ко Царю. Захарія же доиде до земли Рязанскія, и слышавъ то, яко Олегъ Рязанскій и Олгердъ Литовскій приложилися къ Мамаю Царю, и посла къ Великому Князю тайно посла. Князь же Великій слышавъ то съ братомъ своимъ, начаша сердцемъ двизатися, оба ярости и горести наполнився ставъ нача молитися: «Господи Боже мой, на тя надѣюся въ правду, ты бо еси волю твориши любящимъ тя; аще ми врагъ пакости дѣя, то подобаетъ ми противу его итти яко искони есть врагъ христіянству. Но съ нимъ друзи мои и ближніи мои тако на мя умыслиша. Суди, Господи, по правдѣ между ихъ и мною, азъ бо ни единаго зла сотворихъ имъ, развѣ чти и даровъ отъ нихъ пріяхъ, имъ и воздаяхъ. Но суди, Господи, по правдѣ моей, да не скончается злоба грѣшныхъ.» Поимъ же брата своего Князя Владиміра и иде вдругое къ Преосвященному Митрополиту Кипріяну, повѣдай ему, какъ приложилися и совокупилися съ Мамаемъ. И рече Преосвященный Митрополитъ Кипріянъ «То и самъ паки, Князь, еже вѣси кою обиду сотворилъ еси имъ?» Князь же Великій прослезився, рече: «Азъ есми, господине, грѣшный человѣкъ предъ Богомъ, а къ нимъ ни единою чертою не преступихъ по отецъ своихъ уставу, но и самъ, отче вѣси, яко доволенъ есми отчиною своею. Но къ нимъ кою обиду сотворилъ, не вѣмъ; что ради умножимися стужающей ми?» Преосвященный же Митрополитъ рече къ Великому Князю: «Просвѣти, господине, очи свои веселіемъ. Ты самъ господине, разумѣеши законъ Божій Кто творяй правдѣ, неподвижутся на него человѣцы, яко праведенъ Господь и правду возлюби нынѣ обыдоша, аки пси мнози; пустошныхъ суетно и тщетно поучаются Ты же именемъ Господнимъ противися имъ, и Господь правдивъ будетъ ти помощникъ: аще ли ни, то отъ всевидящаго ока его гдѣ можеши укрытися и отъ крѣпкія руки его?» Князь же Великій Димитрій Ивановичъ съ братомъ своимъ съ Княземъ Владиміромъ и со всѣми Русскими князи и воеводы, яко уставити стражу твердую, и послаша на сторожу крѣпкаго юношу Родіона Ржевскаго, Якова Усатаго Андреева сына, Василія Тупика, и повелѣ имъ ѣхати близъ орды и до быстрыя Сосны, повелѣ имъ языка добывати, дабы истинно слышали царева хотѣнія. Граматы же разославъ Князь Великій по всѣмъ градомъ, да будете готови на брань и сбиритеся на Коломну битися съ безбожными Татары. Вси бо на мя собрашася супостати, но помощію Божіею и молитвами святыя Богородица изыдемъ имъ во срѣтеніе. Сторожи же въ поле замедлиша, онъ же другія сторожи посла и повелѣ имъ вскорѣ возвратитися, а посла Климента Поляника, да Ивана Свяслова, да Григорія Судока и иныхъ много съ нимъ. Они же срѣ-

тоша Василія Тупика, еще близъ Оки рѣки везуще языкъ къ Великому Князю. Языкъ же повѣда Великому Князю, яко не ложно идеть Царь на Руси, совокупився со многими ордами и еще съ нимъ совокупился Олегъ Рязанскій и Олгердъ Литовскій. Не спѣшитъ бо Царь того дѣля, яко осени ждетъ, хощетъ быти на Русския хлѣбы. Князь же Великій Димитрій Ивановичъ слышавъ неизложное таковое востание безбожныхъ и нача утѣшатися о Бозѣ, укрѣпляя брата своего Князя Владиміра и всѣ Русские Князи, рекучи имъ тако: «Братія моя, Рустіи князи и воеводы и бояря, гнѣздо есмя Князя Владиміра Кіевскаго, иже изведе насъ отъ страсти Еллинския; ему же откры Господь православную вѣру, якоже оному стратилату и паки онъ же заповѣда намъ ту вѣру крѣпце держати и поборати по ней; но азъ, братие, за вѣру христіанскую готовъ есмь умерети.» И рече Князь Владиміръ Андреевичъ и вси Русские Князи «Воистинну, господине, законную заповѣдь крѣпко совершаеши, и святому Евангелію послѣдуеши. Писано бо есть, аще кто пострадждетъ за имя мое, азъ упокою его. Мы же, господине готовимся умерети и главы своя сложити за святыя церкви и за Христову вѣру и за твою обиду Великаго Князя.» Князь же Великій Димитрій Ивановичъ слышавъ отъ брата своего и отъ всѣхъ Русскихъ Князей, яко дерзаютъ и побораютъ по православной вѣрѣ Христовѣ. Князь же Великій рече всѣмъ Князямъ и воеводамъ быти на Успение святѣй Богородицы на Коломну; яко да пребереемъ полки и дамъ коемуждо полку воеводу. Въ тоже время приспѣли Князи Бѣлозерскіи подобни суть воиномъ крѣпкимъ, вельми доспѣшни и кони воински наряжены подъ ними: пріиде Князь Феодоръ Семеновичъ Бѣлозерскій, Князь Семенъ Михайловичъ, Князь Андрей Кемской, Князь Глѣбъ Порой Пороскій. И пріидоша Князи Ярославские со всѣми силами: Князь Андрей Ярославскій, Князь Романъ Прозоровскій. Князь Левъ Серпуховскій, Князь Димитрій Ростовскій и иные многие Князи.

Уже бо, братіе, не стукъ стучитъ и не громъ гремитъ въ славнѣ градѣ Москвѣ, стучитъ рать Великаго Князя Димитрія Ивановича. Князь же Великій Димитрій Ивановичъ поемъ съ собою Володимира Андреевича и вси Князи Русскіи преслевніи и иде ко Живоначальной Троицѣ ко отцу своему Сергію Преподобному и благословение получи отъ всей обители святыя, и моли Преподобный Сергій его, дабы слышалъ Князь Великій литургію святую. Приспѣже день воскресенія на память Св. Флора и Лавра. По отпустѣ же святой литургіи, моли его святый со всею братіею, дабы вкусилъ хлѣба святого. Великому Князю нужно есть, яко придоша къ нему вѣстницы, яко сближаютъ поганые, и моли святого Сергія, да бы ему ославилъ. И рече ему Преподобный старецъ: «Се ти замедленіе сугубо поспѣшливо будетъ. Но уже бо ти, господине, еще вѣнецъ сея побѣды носити и минувшихъ лѣтехъ, а инымъ симъ мнозѣмъ плетутся вѣнцы.» Князь Великій вкуси хлѣба ихъ. Онъ же въ то время повелѣ воду освящати съ мощьми святыхъ мученикъ Флора и Лавра. Князь Великій скоро отъ трапезы воставъ. Преподобный же окропи его священною водою и все христолюбивое войско его, и дастъ Великому Князю крестъ Христовъ знамение на челѣ. Онъ же ему рече «Елико ти довлѣетъ твоему Государству, что ти будетъ пригоже; и рече ему Князь Великій: «Дай ми, отче, два стара мниха воеводы отъ полку своего: то и ты съ нами пособствуя.» И рече ему преподобный старецъ: «О кіихъ, господине?» Рече же ему Князь Великій о двою братехъ Бранскихъ, боярехъ Пересвѣтѣ и братѣ его Ославѣ. Преподобный же повелѣ имъ вборзѣ готовитися. Они же, яко вѣдоми суть ратницы, послушаниѣ

скоро сотвориша; преподобный же Сергіи дастъ же имъ отъ тлѣнныхъ оружіе вмѣсто нетлѣнныхъ, и много твердь доспѣхъ крестъ Христовъ нашитъ на схимъ. И повелѣ имъ вмѣсто доспѣха возлагати на себя, и дастъ ихъ въ руцѣ Великому Князю, и рече ему: «Се ти оружницы, а твои излюбленицы.» И рече имъ: «миръ вамъ, братія моя, постраждете, яко добліи воини Христови.» И всему православному христіянству дастъ Христово знаменіе, и дастъ имъ миръ, и благословеніе. Князь же Великій Димитрій Ивановичъ обвеселися сердцемъ, неповѣда ни комуждо, еже рече ему старецъ, и пойде ко граду своему Москвѣ, аки нѣкое многоцѣнное сокровище обрѣте, радуяся о благословеніи старца. Пріиде же во градъ Москву, поимъ брата своего Князя Владиміра, и иде ко Преосвященному Митрополиту Кипріяну и повѣда единому Митрополиту, еже рече ему святый старецъ, и како дастъ ему благословеніе. Преосвященный же Митрополитъ рече ему: «Никому же, Господине, неповѣдай сего!» Князь же Великій иде въ ложницу свою, яко же вечеру сущу. Приспѣвшу же дни четвертку, мѣсяца Августа въ 22 день, на память святыхъ мученикъ Агафоника и Луппа, восхотѣ уже изыти, Князь же Димитрій противу безбожныхъ Татаринъ, и поимъ брата своего Князя Владиміра, и иде въ церковь Святѣй Богородицы, ставъ предъ образомъ Господнимъ и согнувъ руцѣ свои къ персемъ, и рече во умиленіи сердца, слезы отъ очию его, яко источники проливающеся, глаголя: Молютися, Владыко Боже пречюдный, страстный, и кротокъ во истинну еси Царь славы! помилуй насъ грѣшныхъ и къ тебѣ прибѣгаемъ единому, егда унываемъ отъ скорбей нашихъ, Спасителю нашему, тебѣ бо лѣпо есть миловати и спасти насъ подъ твоею рукою есмь. Вѣмъ, Господи, яко моя согрѣшенія сотроша ми главу мою, но тебѣ, Господи, оставляющему насъ намъ тебя взыскающимъ. И иная многая ему глаголюще и молящеся, пріимъ Псаломъ 34 и рече: «Суди, Господи, обидящая мя и возбрани борющимся со мною, пріими оружіе и щитъ, востани въ помощь мнѣ, да постыдятся и посрамятся являюще рабомъ твоимъ злая; дай же ми Господи, помощь на противныя, да и тѣ познаютъ славу имени твоего.» И паки идетъ предъ образъ чюдотворныя иконы Пречистыя Богородицы, юже Лука Евангелистъ писалъ при животѣ своемъ; и нача умилно вѣщати ко пречестному ея образу, и рече: «О чюдотворныя Госпоже Царице, всего живота человѣческаго кормительница! тобою познахомъ истиннаго Бога нашего, рождшагося отъ тебѣ; не дай же, Госпоже, въ разореніе града нашего поганому царю Мамаю, иже осквернивши святую твою церковь. Моли Сына своего и Бога нашего Владыку, Творца и Создателя нашего, и дастъ намъ Господь руку свою, смиритъ сердце врагомъ нашимъ и не будетъ рука ихъ высока, и свою помощь посли, Госпоже, съ нами нетлѣнную свою ризу, да въ ню одѣемся и нестрашливи будемъ къ ранамъ, и молитвою, еже къ Сыну своему помолися за ны: яко твои есть раби. Ты бо, Госпоже, Богомъ рождена еси, родителя жъ твоя единаго Авраама, но внуцы съ нами. Вѣмъ бо, Госпоже, яко хощеши намъ дати помощь на противные враги; они бо не исповѣдаютъ тебя, Владычице, но азъ на твою помощь надѣюся и подвизаюся противу безбожныхъ сихъ, да будетъ умиленъ тобою Сынъ твой и Богъ нашъ.» И иде ко гробу блаженнаго чудотворца новаго Петра и любезно рече: «О преподобный отче, чюдотворный святителю! и по смерти поживъ еси, чюдеса творищи непрестанно; нынѣ бо ти приспѣ время молитися за ны ко общему владыцѣ всѣхъ; днесь бо злыя вещи належатъ ми, погании бо идутъ на мя, на присного раба твоего, и крѣпко ополчишася на градъ

твой Москву напрасно вооружаются, тебѣ бо Господь прояви послѣднему роду нашему, вжегъ тя свѣтло яко свѣщу на свѣщницѣ, и тебѣ подобаетъ молитися о насъ, да не придетъ на ны рука грѣшнича: ты бо правыхъ нашъ еси водитель и страже, яко твоя есмя паствина.» Скончавъ же молитву и поклонися Митрополиту: онъ же благослови его и отпусти, и дастъ ему хвалу знаменіе на челѣ, пославъ же освященные соборы съ крылосы во градныя врата во Фроловскія врата, Константинскія, Алексѣевскія врата, Никольскія врата съ честными кресты и съ чудотворными иконами, да всякъ же воинъ благословенъ будетъ. Князь же Великій Димитрій пойде съ братомъ своимъ въ церковь небеснаго воеводы Архистратига Михаила, и много молився святому образу его и приступихъ ко гробомъ православныхъ Князей, прародителей своихъ, рекущи: «Воистину есте хранителіе вѣры, православные поборницы, аще имаете дерзновенія къ Богу молитися о нашемъ унынии: яко велико востаніе приключися намъ, нынѣ убо подвизайтеся съ нами.» Сія рекъ, изыде изъ церкви.

Княгиня же великая Евдокія и княгини Князя Владиміра и иныхъ православныхъ Князей княгини съ воеводскими женами ту стоячи, проводу дѣютъ, а въ слезахъ захлипаяся ко сердечному, ни едина не можетъ словеси рещи. Княгини же Великая Евдокія отдастъ конечное цѣлованіе Государю своему Великому Князю Димитрію Ивановичю, а въ слезахъ не можетъ слова промолвити. Князь же Великій Дмитрій мало удержася отъ слезъ, не прослези бо ся народа ради, а сердцемъ скровно плача, тѣшаше свою Великую Княгиню и рече: «Но аще Господь по насъ, то кто можетъ на насъ зло помыслити?» и прочая. Княгини и боярыни и воеводскія жены своимъ княземъ и боярамъ отдаша конечное цѣлованіе и возвратишася съ честію.

Князь же Великій Димитрій Ивановичъ вступи во златокованное стремя и сѣде на своего любовнаго коня. Вси же Князи и Воеводы на свои кони сѣдоша; а солнце со всхода свѣтитъ въ путь его и вѣтрецъ тихъ и теплъ по нихъ вѣетъ: уже бо тогда яко соколи отъ златыхъ колодецъ рвахуся. Выѣхали Князи Бѣлозерскіе изъ каменна града Москвы своимъ полкомъ урядъ: не бо полцы ихъ видѣти, яко достоитъ имъ избивати стада лебедина: бѣ бо храбро воинство ихъ. Князь Великій Димитрій Ивановичъ рече брату своему Князю Владиміру Андреевичю и инымъ княземъ и воеводамъ: «Братія моя милая! не пощадимъ живота своего за вѣру Христіанскую и за святыя церкви, за землю Русскую.» И говоритъ Князь Владиміръ Андреевичъ: «Господине Князь Димитрій Ивановичъ! воеводы у насъ вельми крѣпцы, а Русскіе удалцы свѣдоми, имѣютъ подъ собою борзы кони, а доспѣхи имѣютъ вельми тверды, злаченные колантыри и булатныя байданы, и колчары фряжскія, корды Лятцкіе, сулицы Нѣмецкія, щиты черленные, копья злаченыя, сабли булатныя, а дорога имъ велми свѣдома, березѣ имъ по Оцѣ изготовлены, хотятъ головы своя сложити за вѣру Христіянскую и за твою обиду Государя Великаго Князя.» Князь же Великій Димитрій Ивановичъ отпусти брата своего Князя Владиміра Андреевича на Брашево дорогою, а Бѣлозерскіе Князи отпусти Болванскою дорогою, рекше Деревскою, а самъ пойде на Котелъ. Спереди ему солнце сіяетъ и добрѣ грѣетъ, а по немъ кроткій вѣтрецъ вѣетъ. Не пошли бо того дѣля единою дорогою, яко не вмѣститися имъ. Княгиня же Великая Евдокія съ своею снохою и иными княгинями и съ воеводскими женами взыде на златоверхій свой теремъ въ набережный и сѣде подъ южными окны и рече «Уже бо конечно зрю на тебя Великаго Князя!» А въ слезахъ не можетъ словеси рещи; слезы бо

отъ очію льются аки рѣчныя быстрины. Воздохнувъ печално и сшибе руцѣ свои къ персемъ, и рече: «Господи Боже великій! призри на мя смиренную, сподоби мя еще Государя своего видѣти славнаго во полцѣхъ, Великаго Князя Димитрія Ивановича. Дай же, Господи, ему помощь отъ крѣпкія руки твоея, да побѣдитъ противныя своя! Не сотвори, Господи, яко же за мало лѣтъ брань была на рецѣ на Калкѣ Христіяномъ съ Татары отъ злаго Батыя. Отъ таковыя же бѣды нынѣ, Господи, спаси и помилуй! Не дай же, Господи, нынѣ погибнути оставшему христіянству; отъ той бо рати Русская земля уныла; ни на когоже бо надежи неимамъ, токмо на тебя всевидящего Бога. Азъ же унылая имѣю двѣ отрасли Князя Василія, да Юрья, но еще и тѣ мали сутъ. Егда похититъ ихъ вѣтръ съ юга или съ запада: то не могу терпѣти, ни на чтоже опираяся, ихъ или зной поразитъ, такоже имъ погибнути; а противу сему что сотворятъ? Возврати имъ, Господи, отца ихъ по здорову: то и земля ихъ по здорову будетъ, и онѣ во вѣки царствуютъ.»

Князь же Великій Димитрій Ивановичъ поятъ съ собою отъ Сурожанъ, рекше отъ гостей, яко 10 мужей повѣданія ради дальнихъ земель, да аще что случитъ Господь Богъ, тѣже имаютъ вѣдати въ далнихъ земляхъ, яко гостебницы сущи перва: гостя Василія Капица, Сидора Алферьева, Констянтина Волкова, Козму Коверю, Семена Кортоноса, Михаила Самарева, Тимофея Весякова, Димитрія Чернова, Ивана Шиха, Дементія Сараева.

Тогдаже возвѣяша силни вѣтри по велицѣй широтѣ, воздвигошеся велицы Князи, а по нихъ Русскіи сынове успѣшно грядутъ, аки мѣдвяны чаши пиши и стеблевинны ясти. Но не мѣдвяны чаши пити, ни стеблевинны ясти грядутъ: хотятъ укупити чти и славнаго имяни во вѣки земли Русской, Великому Князю Димитрію Ивановичю похвалу и многимъ Государемъ. Дивно и грозно бо въ то время слышати, а громко въ варганы бьютъ, тихо ся поволокою ратныя трубы трубятъ, многогласно бо конѣ ржутъ. Звѣнитъ слава по всей Русской земли, велико вѣчье бьютъ въ великомъ Новѣградѣ: стоятъ мужи Новгородцы у святыя Софѣй премудрости Божія, а ркучи межу собою таковое слово: «уже намъ, братіе, на помощь не поспѣти къ Великому Князю Димитрію; уже бо яко орли слеталися со всей Русской земли, съѣхалися дивныя удалцы, храбрыхъ своихъ пытати.» Не стукъ стучитъ, не громъ грѣмитъ, по зорѣ стучатъ и гремятъ Русскіе удалцы. Князь Володимірѣ Андреевичъ возится рѣку на Красномъ перевозѣ въ Боровскѣ, Князь же Великій Димитрій Ивановичъ прiидѣ на Коломну, на память святаго Отца Моисѣя Мурина, въ среду, Августа 28 день. И ту быша мнози воеводы и ратницы срѣтоша его на рѣчкѣ на Сѣверкѣ. Епископъ же Евоимей срѣте его во вратехъ градныхъ съ честными кресты и съ чюдотворными иконами и со всѣми крылосы, оградивъ его крестомъ, и молитву сотвори: спаси Боже люди своя и благослови достояніе свое,—всю до конца.

Во утріи же день Князь Великій повелѣ всѣмъ воеводамъ выѣхати на поле Дѣвичье и всѣмъ людемъ снииматися въ токѣ Августа 29 день на память Усѣкновенія главы Ивана Крестителя по заутрени. И начаша мнози гласи трубъ ратныхъ гласити и варганы бити и стязи ревутъ поволочени въ саду Памфиловѣ; сыновеже Рустіи наступаютъ поля Коломенскаго, яко немощно вѣ никому же презрѣти ихъ. Князь же Великій выѣхавъ съ братомъ своимъ и видѣвъ множество людей, возрадовася радостію и обвеселился сердцемъ, урядивъ коемуждо полку воеводу, а себѣ пріимъ Князи Бѣлозерскіе, храбри бо суть въ ратное время; а брату своему

Князю Владиміру дастъ Ярославскіе Князи; съ правую же руку себѣ урядивъ брата своего Князя Владиміра Андреевича, а съ лѣвую гуку себѣ уряди Князя Глѣба Брянскаго; передовой же полкъ Димитрій Всеволожь, да Володиміръ братъ его. Коломенскаго же полку воевода Микула Васильевичъ, Володимерскаго же полку воевода Тимофей Волуевичъ. Костромскаго полку воевода Иванъ Родіоновичъ Квашня. Переславской воевода Андрей Серкизовъ. У Князя Владиміра воевода Данило Белевутъ, да Констянтинъ Кононовичъ, Мещерской воевода Князь Ѳедоръ Елецкій, Муромскій же Князи Юрій и Князь Андрей. Князь же Великій Димитрій Ивановичъ урядивъ полки и повелѣ за Оку рѣку возитися. Заповѣдавъ же всякому человѣку, и рече: «Кто же ни пойдетъ по земли Рязанской и по улусомъ, да никто же не приткнется ни ко единому власу, въ землѣ ихъ.» Самъ же вземъ благословеніе отъ Епископа Коломенскаго и перевезеся Оку рѣку и посла трехъ сторожей, избранныхъ витязей, и рече имъ: «Нелны своима очима видѣтися съ Татарскими полками.» А посла Семена Мелика, да Игнатія Крѣня, Фому Тинина, Петра Юрскаго, Карпа Алексина, Петрушу Чюрикова и иныхъ многихъ съ ними, а посла и рече Князь Великій брату своему Князю Владиміру: «Поспѣшимъ, братіе, противу безбожныхъ сихъ, не утулимъ лица своего отъ поганыхъ; аще смерть случится намъ, тамо дома живучи едина кому умрети же: отъ смерти бо, братіе, не избыти.» Всякъ же идый путемъ, призывая и Бога на помощь, и сродники своя Русскіе Князи Бориса и Глѣба.

Слышавъ же то Князь Олегъ Рязанскій, что Князь Димитрій Ивановичъ собра многи рати, и иде во срѣтеніе безбожному Царю Мамаю, а сердцемъ неупално и твердою своею вѣрою крѣпко хощетъ съ погаными видѣтися, имѣя упованіе на Бога вседержителя. Князь Олегъ Рязанскій нача преходити отъ мѣста на мѣсто и глаголати со всѣми бояры: «Начальному дѣлу неудобь быти разумну, аще бо мощно послати ко многоразумному Олгерду таковаго вѣстника, како мыслити намъ; уже бо заступили пути наша; но азъ убо по правиломъ чаяхъ, яко же не подобаетъ великому царю Русскому противу безбожному царю ити. Нынѣ убо что се сдумалъ? Откуду себѣ помощи чаяти имамъ, яко противу трехъ насъ вооружился?» И рекоша ему бояре его: «Мы слышахомъ, Княже, за осмь дней до сего дни и не смѣли тебѣ повѣдати. Сказываютъ, есть въ вотчинѣ его калугеръ, именемъ Сергій, и святъ и прозорливъ вельми: той-де его благословилъ и вооружилъ противу намъ, да еще де и отъ своихъ калугеръ далъ ему пособника.» Слышавъ же то Князь Олегъ Рязанскій, устрашися сердцемъ и распадеся мыслію, нача молитися Бога и сердитовати на бояре своя: «Почто ми есте преже сего дня не сказали, дабы шедъ умолилъ нечестиваго царя, ничтоже бо зла сотворилъ Русской землѣ; но изгубихъ умъ свой и не азъ единъ оскудѣхъ умомъ: боле меня есть Олгердъ: и тотъ ся продумалъ; съ меня же боле его Богъ взыщетъ. Онъ бо имѣетъ законъ гугниваго Петра, азъ же разумѣхъ истинныя вѣры законъ, но что ради зло сотворихъ, того бо ради рече: Аще рабъ не соблюдетъ заповѣди Господина своего, то біенъ будетъ. Нынѣ же убо азъ что сотворихъ и которому худому уму вдахъ себя? нынѣ убо что сдумаете ми? Приложилъ бы ся къ Великому Князю и побогалъ бы по немъ: то отнюду не приметъ мя; вѣдаетъ бо мою измѣну. Аще приложуся царю: то по истиннѣ древній гонитель буду на православную вѣру Христову, яко же иногда Святополка земля жива пожретъ мя. Аще ли Господь по нихъ: то кто можетъ зло думати на нихъ? Но и еще молитва онаго прозорливаго мниха къ

Богу. Или ни единому помощи не сотворю то впреди како могу отъ обоихъ прожити? Нынѣ же кому Господь поможетъ, къ тому присягу имѣю.» Олгердъ же по уреченному словеси и уроку совокупи Литвы много и Жемогп иже многи и пойде на помощь къ Мамаю царю, пріидъ же въ Одоевъ. И слышавъ, яко Олегъ убоявся итти; Олгердъ же пребысть въ Одоевъ; не подвижеся нигдѣ же и нача размышляти суетные свои помыслы и видѣвъ совокупленіе свое разно, нача рватися и сердитовати, и нача имати паны своя: елико недостоитъ человѣку своего ума и мудрости, то всуе требовати чюжаго ума мудрости. «Николиже Литва хулима отъ Рязани. Нынѣ же изведе мя отъ ума Олегъ Рязанскій, а самъ преже мене погибѣ. Нынѣ убо пребуду здѣ, дондеже услышу побѣду Князя Димитрія Московскаго.» Въ тоже время слышавъ Князь Андрей Половецкій и Князь Димитрій Ярославскій Олгердовичи, что велико належаніе Князю Димитрію Московскому належитъ отъ безбожнаго Царя Мамая, и рече Князь Андрей Олгердовичъ: «Идемъ и мы съ братомъ своимъ къ Великому Князю Димитрію на помощь.» И писавъ грамату къ брату своему Князю Димитрію: «Вѣси ли, брате мой милый, отколѣ отецъ нашъ отверзе отъ себя, но паче Отецъ нашъ небесный присвои насъ къ себѣ и дастъ намъ Господь законъ свой ходити по немъ, отрѣши насъ пустошныя суеты, и что воздадимъ ему противу таковаго дарованія. Скончаемъ, брате, подвигъ добро подвижнику Христову. Но пойдемъ, брате, на помощь къ Великому Князю Московскому: велика бо ему брате, туга належитъ отъ поганыхъ Татаръ; но еще и отецъ нашъ побораетъ по нихъ. А Олегъ Рязанскій приводитъ ихъ на Русь; намъ же подобаетъ пророчество совершити: братіе, пособницы бывайте въ бѣдахъ; мы же, братіе, то помыслимъ, что намъ отцу противитися. Евангелистъ Лука рече усты Спасителя нашего: предани будутъ дѣти родительми своими на смерть, и братіею своею и умертвятъ, имяни моего ради; претерпѣвый до конца, той спасенъ будетъ. Но излѣземъ, братіе, отъ плавающаго тегнія сего и подавляющаго насъ и присадимся истинному винограду плодовитому и христіянскому, дѣтельному рукою Христовою. Нынѣ убо подвизаемся, братіе.» Прочетъ же Князь Димитрій грамату и нача плакатися отъ радости сердца своего и рече «Господи и Владыко животу моему, дай же, Господи, рабомъ своимъ хотѣніе совершити всемъ почетнѣмъ подвига добраго, еже открылъ еси брату моему, своему Князю Андрею: днесь, Господине, готовъ есми по твоему наказанію и колико есть воинства моего, готови вкупе со мною. Божіимъ промысломъ совокуплени быша иные люди брани дѣля належащія отъ Дунайскихъ Варягъ. Нынѣ же слышахъ, братіе, пріидохъ бо ко мнѣ медокормцы съ сѣвера и кажутъ уже Великаго Князя Димитрія Ивановича быти на Дону, яко ту уже день пребысть, и ту хощетъ ждати сыроядецъ злыхъ; и подобаетъ ти итти къ сѣверу, и совокупимся ту подъ коимъ путемъ отца своего утаимся, да не возбранится намъ трудно»

По малѣхъ же днехъ, снидошася къ желанію два брата со всѣми силами своими и силу свою видѣвше, возрадовашеся, яко же Іосифъ съ Веньяминомъ. Видѣвше у себѣ множество людей и единосердечно уряженіе, яко нарочитые суть ратницы, приспѣша же на Донъ вборзе и наѣхаша Великаго Князя у Дону на брезѣ стояща: и ту совокупишася велицые Князи. Князь же Великій Димитрій съ братомъ своимъ вельми возрадовашеся великой силѣ Божіи, яко неудобь быти мочно таковому востанію, яко дѣти оставиша отца и поругашеся ему, яко же иногда волсви Ироду. Князь же Великій Димитрій многими дарами почтивъ ихъ, идяху

въ путь свой, радующеся и веселящеся о святѣмъ дусѣ, земнаго же ничто же помышляюще, но всего отвергошася, чающе себѣ много времяни. Рече бо имъ Князь Димитрій Ивановичъ: «Братія милая, коея ради потребы прiидоша ко мнѣ; воистинну есте ревнители отца нашего Авраама, яко тайны Лотовы вскорѣ испыта и подобни есте доблественному Великому Князю Ярославу, яко той есть отмсти обиду вскорѣ брату своему.» И отославъ Князь Великій ко Пресвященному Митрополиту, и рече: «Олгердовичи прiидоша ко мнѣ на пособь со многими силами, отца своего оставиша поруганна.» Скороже вѣстникъ прiѣхалъ ко Преосвященному Митрополиту Кипріяну. Митрополитъ ставъ предъ образомъ Господнимъ и прослезився отъ радости, нача молитву творити: «Господи владыко человѣколюбче, яко сопротивники наши вѣтри на тишину предлагаеши.» И пославъ во вся соборы церковные и во обители святыя, повелѣ молитвы творити день и нощь; борзѣе всѣхъ посла во обитель игумена Сергія, яко Ангели молитвъ ихъ послушаютъ. Княгиня же Великая Евдокія слышавше толико Божіе милосердіе и много молитвы сотворища убогимъ; сама же непрѣстанно ходяще къ церкви день и нощь. Но се паки оставимъ. Князь же Великій бывъ на мѣстѣ реченномъ Березѣ, приспѣвшу же дни четвертку, на память святаго Пророка Захарія, Сентября въ 5 день на память сродника своего убіенія Князя Глѣба Владиміровича, прiѣхаша два отъ сторожей Петръ Горскій, да Карпъ Олексинъ и приведоша языкъ нарочитъ, яко отъ вельможъ тѣхъ царевыхъ; той же языкъ повѣда Великому Князю, яко уже Царь на Кузминѣ гатѣ, по ожидаетъ Олега Рязанскаго и Олгерда Литовскаго, твоего же собранія и срѣтенія Царь не знаетъ; а три дни имаетъ быти на Дону. Князь же Великій вопроси о силѣ его. Онъ же рече: «Нѣсть мощно никому же исчести силы его.» Князь же Великій нача думати съ братомъ своимъ и съ новонареченною братіею съ Литовскими Князи: здѣ ли намъ пребыти, или Донъ перевеземся? И рѣкоша ему Олгердовичи. «Аще хощеши крѣпкаго бою, то повели сего дни рѣку возитися, да не будетъ ти ни единаго мыслящаго назадъ; всякъ бьется безо льсти; а велицѣй силѣ его рѣчемъ нѣсть вѣровати, яко не въ силѣ Богъ, но въ правдѣ. Ярославъ перевезеся рѣку, Святополка побѣди и прадѣдъ твой Александръ Князь перевезеся рѣку, Короля побѣди. И ты, нарекъ Бога, такоже твори. Аще побіемъ поганыхъ, то всѣ живи будемъ. Аще ли онѣ насъ побіютъ, то всѣ же общую смерть пріимемъ отъ простыхъ людей и до князей. Мы убо, господине, видимъ, яко множество избранныхъ витязь въ войску твоемъ.»

Князь же Великій повелѣ вою своему Донъ возитися: сторожи же мнози ускариваютъ, яко ближутся Татарове. Мнози же Русскіе удальцы возрадовалися, зря своего желаннаго подвига, его же на Руси вжелѣша. За многіе же дни прiидоша на то мѣсто мнози волцы, по вся нощи воютъ непрестанно: гроза бо велика есть слышати, храбрымъ полкомъ сердца утверждаетъ, и мнози ворони собрашася, необычно неумолкающе граютъ, галицы же своею рѣчью говорятъ и мнози орли отъ устъ Дону приспѣша, лисицы на кости брешутъ, ждучи дни грознаго, Богомъ изволеннаго, въ оньже имать пастися множества трупа человѣческаго и кровопролитія, аки морскимъ водамъ. Отъ таковаго страха и отъ великія грозы дерева приклоняются и трава постилается, и много обоихъ унываетъ, видяще предъ очима смерть. Погании же начаша студомъ омрачатися о погибели живота своего, правовѣрніи же человѣцы паче процвѣтоша, чающе оного совершеннаго обѣтованія и пре красныхъ вѣнецъ отъ Христа Бога

Вседержителя, о нихъ же повѣда преподобный старецъ. Вѣстницы же ускоряютъ, яко ближатъ поганіи; уже бо напрасно прибѣже 7 сторожей, въ 6 часу дни въ субботу, прибѣже Семенъ Меликъ съ дружиною своею и за нимъ гнашеся мнози отъ Татаръ и то напрасно и безстудно гонишася, олно о полцы Великаго Князя. Видѣвше же полцы, возвратишася скоро ко царю, и повѣдаша ему: Русскіе Князи ополчишася при Дону многое множество людей, сколько же видѣша, а царю въ четверо болѣ того повѣдаша. Онъ же нечестивый разженъ бысть діяволомъ, напрасно крикнувъ и рече: «Коль велика сила моя, аще сего не одолѣю, то како могу возвратитися во свояси.» И повелѣ напрасно вооружатися. Семенъ же Меликъ повѣдаетъ Великому Князю: «Яко уже царь бредетъ на Гусину броду; уже бо одна нощь между ихъ полки и нашими, да подобаетъ тебѣ Великому Князю вооружатися сего дни: утре бо рано ускорятъ на насъ Татарове.»

Князь же Великій Димитрій Ивановичъ съ братомъ своимъ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ, съ новонареченною братіею съ Литовскими Князи нача отъ шестаго часа полцы уряживати. Есть же нѣкто воевода пріиде съ Литовскими Князи именемъ Дмитрій Бобровъ, родомъ Волынецъ; и тотъ бѣ нарочитый воевода и полководецъ вельми, по достоянію полцы урядивъ, елико гдѣ кому подобаетъ по достоянію быти. Князь же Великій поимъ брата своего Князя Владиміра и Литовскіе Князи и воеводы и вся мѣстныя Князи, выѣха на высокое мѣсто и видѣ образъ святый же Іисусъ воображенъ христіянскимъ знаменіемъ, аки солнце свѣтящеся и стязи ревутъ наволочеміи простирающеся, аки облацы тихо трепещущи, хоругви аки живи пашутся, а доспѣси Русскіе, аки воды во вся вѣтри колыблются, щеломы на главахъ ихъ златомъ украшены, аки утренняя заря во время вѣдряна солнца свѣтящеся, ловцы же шеломовъ ихъ, аки пламя огневно пашется. Мысленно бо есть видѣти, ужасно зрѣти таковыхъ Русскихъ Князей, и ихъ удальныхъ дѣтей боярскихъ собранія и учрежденія. Удивишася же Литовскіе Князи, ркучи: «Ни есть быти достойну при насъ, ни преже насъ, ни по насъ таковому воинству: много бо множество есть, якоже Гедеоновыхъ союзницъ. но и боле того есть: Господь Богъ силою своею вооруже ихъ.» Князь же Великій Димитрій Ивановичъ, видѣвъ полки своя достойно уряжены, obвеселися сердцемъ, и сшедъ съ коня паде на колѣно прямо великому полку и черному знаменію, на немже бѣ вообраЖенъ образъ Владыки нашего Іисуса Христа, и нача изъ глубины сердца звати велегласно: «О владыко Господи Вседержителю, вииждь смотрѣливымъ окомъ на люди своя, иже твоею рукою сотворени суть и внуши, Господи, гласъ молитвы моея, обрати, Господи, лице свое на нечестивыхъ съ яростію, иже злая творятъ рабомъ твоимъ.» И ина ему много глаголющу и молящеся.

Скончавъ же молитву и сѣде на конь, нача ѣздити по полкомъ со Князи и съ воеводами и коемуждо полку рече: «Братія моя милая, Русскія сынове, отъ мала и до велика! уже бо нощь приспѣ, а день приближися грозный, всю же нощь бдите и молитеся, мужайтеся и крѣпитеся. Силенъ бо во брани Господь и пребудите на мѣстехъ своихъ, немятущеся. Утре бо не поспѣти тако урядитися. Міръ вамъ да будетъ, братія моя: утре бо ускоряютъ на насъ Татарове, а мы вси готови будемъ противу ихъ.» Брата же своего Князя Владиміра Андреевича отпусти въ верхъ по Дону и съ нимъ отпусти извѣстнаго воеводу Димитрія Бобра Волынскаго. Уже есть быть противу свѣтоноснаго дни праздникъ Роджества святей Богородицы; осѣни же тогда одолживщеся днемъ лѣтнимъ. И бысть же теплота и тихость въ нощи той и мрацы ро-

сніи являшеся. Поистиннѣ бо рече: нощь несвѣтла невѣрнымъ, вѣрнымъ же просвѣщеніе. Рече же Дмитрій Волынецъ Великому Князю примѣту: «Войску же во вечерняя заря потухла.» Димитрій же сѣдъ на конь свой, поимъ съ собою Великаго Князя, выѣхавъ на поле Куликово и ставъ посредѣ обоихъ полковъ, обратився на полки Татарскіе, слышахъ стукъ великъ и крикъ, аки торзи снимаются, аки городы ставятъ, трубы гласяще. И бысть же назади Татарскихъ полковъ волцы воютъ вельми грозно, по правой же странѣ ихъ вороны и галицы безпрестанно кричаше; и бысть великъ трепетъ, птицамъ прелетающимъ отъ мѣста на мѣсто, аки горамъ и грающе, противу же имъ на рѣцѣ на Непрядвѣ гуси, и лебеди и утята крилами плещутъ необычно и велику грозу подаютъ. Рече же Волынецъ великому Князю: «Что еси, Господине Княже, слышавъ?» И рече Князь великій: «Слышахъ, брате, гроза велика есть.» И рече Волынецъ: «Обратишеся, Князь же, на полки Русскіе.» И яко же обратишася и бысть тихость велика. Волынецъ же, рече Великому Князю: «Что еси, Господине, слышалъ?» Онъ же рече. «Ничто же, брате слышати, но токмо видѣхомъ отъ множества огней зари имашася.» И рече Димитрій Волынецъ: «Княже Господине, добра суть примѣта и знаменія! Призывай Бога небеснаго и не оскудѣвай вѣрою.» И паки рече: «Еще ми примѣта есть.» Сшедъ съ коня, и паде на землю на правое ухо, предлежа на долгъ часъ и ставъ абіе поничѣ. И рече ему Князь Великій: «Что есть, брате, примѣта?» Онъ же не хотѣ сказати ему. Князь же Великій нудивъ его добрѣ. Онъ же рече ему: Едина ти есть на пользу, а другая скорбная: слышахъ землю плачющуся на двое, едина страна аки нѣкая жена плачющеся чадъ своихъ Еллинскимъ языкомъ, другая же страна, аки нѣкая дѣвица, просопѣ аки въ свирѣль, едина плачевнымъ гласомъ. Азъ уже множество тѣхъ примѣтъ испытахъ сего ради надѣюся на Бога и на святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба, сродниковъ вашихъ. Азъ чаю побѣды на поганыхъ, а христіянъ множество падетъ.» Слышавъ же то Князь Великій, прослезився, рече: «Да будетъ воля державѣ Господне.» И рече ему Волынецъ: «Неподобаетъ ти, Государю, того никому въ полцѣхъ повѣдати, но комуждо молити Бога вели, и святыхъ его на помощь призывати.»

Въ туже нощь нѣкто мужъ етеръ разбойникъ, именемъ Ѳома Хаберцеевъ поставленъ сторожемъ отъ Великаго Князя, мужъ роденъ, а поставленъ на крѣпку сторожу отъ поганыхъ; сего же человѣка увѣряя Богъ и откры ему видѣніе въ нощи: той видѣвъ на высоцѣ облакъ изрядно идяше отъ востока, изъ него же изыдоша два юноши свѣтлы, имуще во обоихъ рукахъ мечи остры и ркуще полковникамі: «Кто вамъ повелѣ требити отечество наше: намъ бо дарова Господь.» И наѣхаша ихъ сѣчи. Оттолѣ же увѣренъ бысть человѣкъ той, и нача быти цѣломудръ. На утріи же побѣда Великому Князю единому. Онъ же рече ему: «Никомужъ сего повѣдай. Самъ же воздѣвъ руцѣ на небо и нача молитися глаголя: «Господи владыко, человѣколюбче, молитвою святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба, помози Господи, яко Моисею на Аммалика и Давиду на Голіяѳа и первому Ярославу на Святополка и прадѣду моему, Великому Князю Александру на хвалящагося Короля Римскаго. Воздай же ми Господи, не по грѣхомъ моимъ; но излѣй на ны милость свою, и просвѣти насъ благоутробіемъ твоимъ, да не порадуются врази наши въ насъ и не рекутъ во странахъ вѣрныхъ: гдѣ есть Богъ ихъ, на него же уповаша?

Приспѣвже Сентябрія великому празднику и началному дни спасенія роду христіянскому Роджеству святѣй Богородицы, свѣтающеся Христову Воскре-

сенію свѣтлому и восходящу солнцу, бывше же утра того мгла: начаша гласы трубныя отъ обоихъ странъ сниматися. Татарскія же трубы аки онѣмѣша, Русскія же паче утвердишася: полцы же еще невидятся, занеже утро мгляно, но вельми земля стонетъ, а ту грозу подаетъ на востокъ до моря, на западъ же до Дуная. Поле же Куликово прегибающеся, вострепеташа лузи и болота, рѣки же и озера изъ мѣстъ своихъ выступиша: но николи же убо толикимъ полкомъ быти на мѣстѣ томъ. Великому же Князю пресѣдающе на борзомъ конѣ и ѣдущу по полкомъ своимъ и глаголюще полковникомъ: «Отцы и братія, Господа ради, подвизайтеся и святыхъ ради церквей и вѣры христіянскія: сія бо смерть нѣсть въ смерть, но животъ вѣчный, да ничто же братія земнаго не желайте, да вѣнцы побѣдными увяземся отъ Христа Бога Спаса нашего.» Утвердивъ же полки Русскіе, и паки пріиде подъ свое черное знаменіе и сниде съ коня на иный конь, совлачая съ себя приволоку царскую и во иную облечеся, тотъ же конь дастъ подъ Михайла подъ Андреевича подъ Бренка, и ту приволоку на него же облече, иже бѣ ему любимъ паче мѣры. И то знамя повелѣ рындѣ своему возити передъ нимъ; подъ тѣмъ же знаменемъ и убіенъ бысть за Великаго Князя. Князь же Великій ставъ на мѣстѣ своемъ, и воздѣвъ руцѣ свои на небо и вложи въ нѣдра своя, въ нихъ же бѣ живоносный крестъ, на немъ же бѣ вообраЖены страсти Христовы, и рече во умиленіи сердца: «Тебѣ уже надѣюся конечное живоносному кресту, иже симъ образомъ явися православному Греческому Царю Константину и далъ еси на брань сію сущу побѣду. Не могутъ во обрѣзаніи человѣцы противу образу твоему стояти. Такоже и нынѣ удиви, Господи, милость свою на насъ.» Въ тоже время принесоша грамату отъ преподобнаго Игумена Сергія, въ ней же написано есть: »Великому Князю и всѣмъ Русскимъ Князем миръ и благословеніе всему православному воинству. Князь же Великій слышавъ писаніе отъ преподобнаго старца и цѣловавъ посланника того любезно. Тѣмъ же писаніемъ аки нѣкими бронями твердыми укрѣпися, и еще дастъ ему старецъ даръ посланный отъ Игумена Сергія святый хлѣбецъ Пречистыя Богоматери. Князь же Великій снѣдъ хлѣбецъ святый, и простеръ руцѣ свои на небо, возопи велегласно: »О велико имя Святыя Троицы! Пресвятая Богородице, помогай намъ твоими молитвами и преподобнаго Игумена Сергія.« Прiимъ же конь свой крѣпко и вземъ палицу свою желѣзную, подвизався изъ полку вонъ, восхотѣ преже самъ начати отъ горести душа своея. Мнозиже Князи Русскіе и воеводы удержаша его, глаголюще: »Не подобаетъ тебѣ Великому Князю самому и въ полку быти, подобаетъ тебѣ особѣ полкомъ стояти и насъ расмотряти то предъ кѣмъ намъ явитися бьющеся, егда упасетъ Господь тебя Государя и Великаго Князя; а намъ что случитъ Богъ кому смерть или животъ, и ты почему хощеши разумѣти, какъ кого чтити и жаловати. Мы вси готови есми Государь головы своя сложити за тебя, Государя Великаго Князя. Тебѣ же Государю подобаетъ памяти творити, кто сложитъ голову свою и въ книги соборныя писати, памяти дѣля, Русскихъ сыновъ, иже по насъ будутъ, якоже Олентій Царь Феодору Тирону памяти творилъ. Аще ли тебя единаго изгубимъ: то отъ кого памяти чаемъ, аще всѣ живи есмь, а тебя изгубимъ: то кій успѣхъ будетъ намъ, аки стада овча, неймуще пастыря, учнемъ волочитися, ни на что же взирая, пришедъ же волцы и распудятъ насъ, и кто хощетъ спасти насъ. Тебѣ Государю подобаетъ спасти себя и насъ.» Князь же Великій рече имъ: «Братія моя милая, добры ваши рѣчи, немогу вамъ противу отвѣщати: извѣстно бо глаголете, токмо же и о словесехъ вашихъ похвалю васъ, кто бо

болѣ мене былъ въ васъ въ Русскихъ Князехъ? Но азъ былъ вамъ глава, и всегда преже васъ благая воспріяхъ. И нынѣ такожъ преже васъ хощу почати: благая отъ Бога пріяхъ, а злыхъ ли не могу терпѣти? Менѣ бо ради всякіе собранные на Русь воздвигошася и како могу видѣти васъ погибаемыхъ, а самъ стояти; прочее къ тому не терплю, да общую чашу имамъ пити съ вами. Аще ли умру, вмѣстѣ съ вами, аще ли живъ буду, вмѣстѣ съ вами же.» Передовые же полки ведетъ Димитрій Всеволожъ, а съ правую руку ему идетъ Николай Васильевичъ со многими людьми. Погании же бредутъ оба полъ, нѣгдѣ бо имъ раступитися, мало есть мѣста имъ. Безбожный же царь Мамай выѣха на высоко мѣсто съ темными своими князи, зря пролитіе человѣческія крови. Уже бо близъ себѣ сходишася и выѣдетъ же Печенѣгъ сзади изъ полку Татарскаго, предо всѣми мужествова, похваляясь и храбруя, подобенъ бысть древному Голіяоу. Видѣвъ же его Пересвѣтъ чернецъ, иже бѣ въ полку у Димитрія Всеволожа и двигся изъ полку вонъ, рече: се человѣкъ иже себѣ подобна ищетъ, азъ же хощу съ нимъ видѣтися. Бѣ же шеломъ на главѣ его Архангельскаго образа вооруженъ схимою, по повелѣнію Игумена Сергія. И рече: Отцы и братія, простите мя грѣшнаго и, брате, Ославя, моли за мя Бога; Преподобне отче Игуменъ Сергій, помогай ми молитвою своею. И устремися противу ему. Христіяне же вси кликнуша: Боже помози рабу своему. Они же ударишася копьи, едва удержашеся, что непреломишеся земля подъ ними, кони же ихъ на корачни падоша. Они же оба спадоша съ коней на землю, ту и скончашася. Наставшу же второму часу дни, видѣвъ же то Князь Великій и рече своимъ полковникомъ: »Видите, братія, гости наша ближутся, уже бо время приближися и часъ присиѣ.« Удариша кождо по коню своему и крикнуша вси единогласно: »Боже христіянскій, помози намъ! «Татарове же скликнуша своими языки, и крѣпко ступишася: треснуша копія харалужная, звѣнятъ доспѣхи злаченные, стучатъ щиты черленые, гремятъ мечи булатные и блистаются сабли и много напрасно бьющеся нетокмо оружіемъ біющеся, но и сами о себя избивахуся и подъ конскими ногами умираху, отъ великія тѣсноты задыхахуся, яко немощно бѣ вмѣститися имъ. На полѣ Куликовѣ между Дономъ и Мечею сильни полки вступишася, изъ нихъ же вытекаютъ кровавые ручьи и трепеталися сильни молніе отъ облистанія мечнаго и отъ саблей булатныхъ, и бысть, яко громъ отъ копейнаго сломленія. Страшно бо есть видѣти сего грознаго часа смертнаго во единомъ часѣ и въ мгновеніи ока. О колико тысящь человѣкъ погибаетъ созданія Божія! воля бо Господня совершается. Въ тоже время тутошныя рѣки мутно пошли, востгепеташа лузи и болота, езера выступиша изъ мѣстъ своихъ, протопташеся холми высоко, траву же кровію подмывало, льющеся кровемъ аки рѣчны быстринамъ на всѣ страны. До пятаго часа бьющеся неослабѣющу, 6-му же часу наставшу, Божіимъ попущеніемъ, а нашихъ ради грѣховъ, начаша одолѣвати погании: мнози бо отъ вельможъ Русскихъ побіени суть, и Русскіе удалцы побіени суть, аки сильніи древа сломишася. Не турове возрѣвѣша, возревноваша мнози удалцы урывающеся на землю подъ конскія копыта, и мнози же сынове Рустіи сотрошася. Самого же Великаго Князя вельми уязвиша; онъ же уклонися съ коня и сниде съ побоища едва могій. Татарове же мнози стязи Великаго Князя подсѣкоша, но Божіею силою до конца неистребишася, наче крѣпишася. Яко же 6-му часу минующе погании же всюду задойша и около христіянъ обступиша Татарове. Уже бо мало есть полковъ христіянскихъ: всѣ полки Татарскіе. Видѣвъ же то Князь Володимiръ Андреевичъ, не могій по-

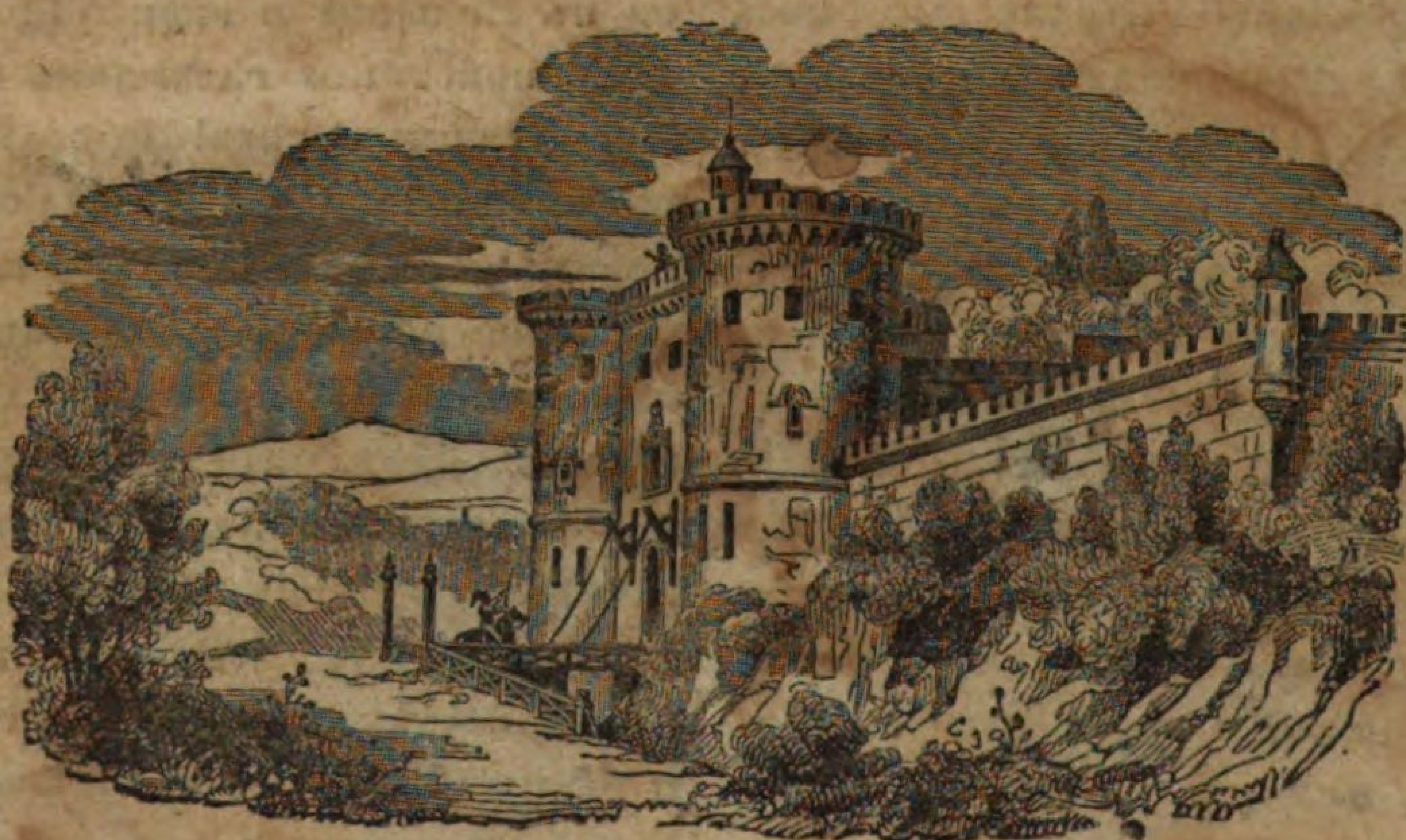
бѣды терпѣти. И рече Димитрію Волынцу: «Брате Димитрій, что убо пользуетъ наше стояніе, да кому хощемъ помощи?» И рече ему Димитрій Волынецъ: «Бѣда велика, Княже; не уже бо еще пришла година, Начиная бо безъ времени, бѣду себѣ пріемлемъ. Мало убо потерпимъ, вонь же часъ имамъ вдазіе отдати противникомъ; токмо нынѣ призывайте Бога и ждите осмаго часа, вонь же имать быти благодать Божія и христіянская помощь.» Князь же Владиміръ Андреевичъ воздѣвъ руцѣ свои на небо и рече: «Боже отецъ нашихъ, сотворвый небо и землю! не дай же, Господи, порадоватися врагомъ нашимъ о насъ!» Сынове же Русскіе въ полку его плачющеся, видяще други своя побиваеми, непрестанно порывающеся, аки званные на бракъ сладкаго вина пити. Лѣпо бо есть въ то время и стару помолодитися, а молоду храбрости испытати. Волынецъ же возбраняше имъ, рече: «Мало пождите, буяни сынове Рустіи, есть бо вамъ еще съ кѣмъ утѣшитися, пити и веселитися!» — Приспѣвшу же осмому часу и повѣя вѣтрецъ южный позади ихъ. Возопи же Волынецъ гласомъ великимъ, и рече: «Князь Владиміръ, время приде и часъ приспѣ. И паки рече: дерзайте, братія и друзи, сила бо Святаго Духа помогаетъ намъ. И выѣдоша изъ дубравы единомысленные друзи, аки соколы испущени, и ударишася на стада журавлина. И тако стязи направлени крѣпкимъ воеводою; бяху бо яко отроцы Давидови, имъ же сердца быша аки львомъ, и аки на овча стада ударишася напрасно. Погани же видѣвше и крикнуша глаголюще: «Увы намъ, паки Русь насъ умудриша! худшіе же съ нами бишася, и лутчіе соблюдошася.» И обратишася погании, даша плещи своя. Сынове же Русскіе силою Святаго Духа бьяху ихъ и помощію святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба, аки лѣсъ клоняху, аки трава отъ косы постилается, Русскими мечи сѣкутся Татарскія же полки. Бѣжаша же Татарове, глаголюще своими языки: «Увы и тебѣ честный царю Мамаю! высоко вознесеся еси, и до ада сшелъ еси!» — Мнози же и уязвеніи нашихъ помогаху, сѣкуще безъ милости, ни единому же ихъ не могущу убѣжати, понеже кони ихъ истомишася. Мамай же царь видѣвъ напрасно своихъ побиваемыхъ и нача призывати боги своя: Перуна, Савана, Тамокоша, Раклія, Гурса и великаго своего помощника Ахмета. И не бысть ему ничто же помощи отъ нихъ; сила бо Святаго Духа аки огнемъ пожигаетъ ихъ. Мамай же царь рече евпатомъ своимъ: «Побѣгнемъ, братія, ничто же убо добра чаяти имамъ, хотя, братіе, головы своя унесемъ.» Абіе побѣже съ четырьми мужа. Мнози же отъ христіянъ гонишася за нимъ, но кони ихъ не одолѣша; цѣли бо кони подъ ними, яко не быша на бою. Возвратившеся и обрѣте трупія мертвыхъ Татаръ объ онъ страну рѣки Непрядви, идѣже не быша Русскіе полки. Сія бо биты суть отъ святыхъ мученикъ Бориса и Глѣба, о нихъ же провидѣ Ѳома Хаберцеевъ. Иные же удалые люди гонишася; егда всѣхъ доступиша, токмо царь Мамай убѣже съ четырьми мужи и возвращахужеся Русскіе сынове койждо подъ знамя свое.

Князь же Владиміръ Андреевичъ, ставъ на костѣхъ подъ чернымъ знаменіемъ, и не обрѣте Князя Димитрія Ивановича брата своего, и повелѣ собранною трубою трубити, и жда часа, не обрѣте Великаго Князя, нача плакатися и по полкомъ ѣздити, глаголати: «Братія, кто видѣлъ или слышалъ есть Государя своего Князя Димитрія? Се бо, братіе, подобно яко же писано есть: поражень пастырь и разыдутся овцы. Кому сія честь довлѣетъ?» И рекоша Литовскіе Князи: «Мы чаемъ, яко живъ есть, но уязвленъ вельми, егда во трупѣ будетъ; а иной рече: азъ видѣхъ его въ пятый часъ бьющеся крѣпко; а иной рече: азъ видѣхъ его, еще позднѣе того бьющеся, но четыре Татарина належаху ему.» Нѣ-

кто же Юрьевской юноша Князь Стефанъ Новоселской ту стоя, рече: «Азъ видѣхъ его предъ самымъ твоимъ пріѣздомъ, пѣша по побоищу идуща, и уязвлена вельми, и еще ему стужаютъ четыре Татарина, азъ же бился съ Татариномъ и помощію Божіею борзо побѣдихъ его и погнахся за тѣми, иже стужаютъ Великому Князю: немощно бо бѣ борзо гонитися, неможе конь итти по трупу человѣчю борзо. Но сугонивъ Татарина убилъ, три же ихъ на мя нападоша много ми стужаху, и по милости Божіи два отъ нихъ убихъ, третій же побѣжа. Азъ же гнахся и за тѣмъ. Узрѣвъ же иные Татарове наѣхаша на мя, и многими стужиша и раны многи нанесоша ми, крѣпко отъ нихъ пострадахъ, едва избыхъ отъ нихъ, и въ трупу пребыхъ дондележе ты приспѣ.» Рече же ему Князь Владиміръ Андреевичъ: «Извѣстно есть, брате Стефане, видѣніе твое; аще кто нынѣ обрящетъ Великаго Князя, поистиннѣ честенъ будетъ.» Нарочитые же отроцы разсунушася по великому грозному побоищу, ищуще побѣдителя. Овіи же наидоша Михайла Андреевича Бренка, и чаяше Великимъ Княземъ; а иные наѣхаша Князя Ѳедора Семеновича Бѣлозерскаго, чающе Великимъ Княземъ. Два же воина, великіе витязи, уклонишася на десную страну въ дубраву, единаго зовутъ Сабуромъ, а другой Григорій Хлопищевъ, родомъ же оба Костромичи; мало же выѣхавъ съ побоища, наѣхаша Великаго Князя бита вельми и сѣчена отдыхающа подъ посѣченнымъ древомъ подъ березою. Видѣвше же его, скочиша съ коней и поклонишася ему съ радостію; Сабуръ же возвратися и повѣда Великому Князю Владиміру Андреевичу: «Князь Великій Димитрій Ивановичъ здравитъ и во вѣки царствуетъ.» Вси же князи и бояре скоро сунушася, скочиша съ коней и поклонишася Великому Князю, глаголюще: «Наше древо Ярославле, новый Александре, сія побѣда тебѣ Государю честь повѣдается!» Князь Великій едва нуждею промолвилъ, рече: «Повѣдайте ми побѣду сію?» Рече же братъ его Князь Владиміръ Андреевичъ: «По милости Божіей и Пречистыя его Матери, молитвами и помощію сродникъ нашихъ Бориса и Глѣба, молепіемъ Русскаго Святителя Петра и его способника Игумена Сергія, и всѣхъ тѣхъ святыхъ молитвами, супостати наши побѣждени суть, а мы спасохомся.» Слышавъ же то Князь Великій, ставъ на нозѣ свои, и рече: «Сей день сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся вонь.» И приведоша ему конь кротокъ. Онъ же иная многая рече со князи и сѣдъ на конь и выѣхавъ на побоищѣ, видѣвъ многое множество бито воинства своего, а поганыхъ въ четверо того болѣ битыхъ. Обратився къ Волынцу и рече: «Брате Димитрій, воистинну разумливъ еси, и неложна примѣта твоя! Подобаетъ ти всегда быти воеводою.» И нача съ братомъ своимъ и съ новонареченною братіею, съ Литовскими Князи, и съ иными оставшими ѣздити по побоищу, а сердцемъ кричаше и слезами умываяся, наѣхалъ на мѣсто, идѣже лежатъ Князи Бѣлозерстіи вси вкупѣ посѣчени и ту лежитъ близъ Микула Васильевичъ. Надъ ними же ставъ Государь, проплакавъ и рече: «Братія моя, Князи Русскіе, аще имате дерзновеніе ко Господу, молитеся и о насъ, да вкупѣ съ вами будемъ!» И паки на иное мѣсто пріѣде, найдѣ своего наперстника Михайла Андреевича Бренка и близъ его Семена Мелика крѣпкаго сторожа, близъ его Тимофѣй Валуевичъ и туто же близъ Пересвѣтъ чернецъ близъ нарочитаго богатыря лежаща. Видѣвъ же его Князь Великій рече: «Видите, братіе, своего почивальника! той побѣди подобна себѣ человѣка, отъ него же было пити многимъ горкую чашу.»

Стоявъ же Князь Великій за Дономъ 50 дней, дондеже разобраша христіянская телеса съ нечестивыми; христіяне же похраниша, колко успѣша, а нечестивіи повержени звѣремъ на рас-

хищеніе. Поганому царю Мамаю отселѣ сбѣжавшу и добѣже, идѣже есть градъ Кафа: имя же свое потаилъ бяше и познанъ бысть нѣкоимъ гостемъ купцемъ Фряжскимъ, ту и убіенъ; удальцы восплескаше въ Татарскихъ узорочіяхъ, везучи въ землю уюсы и пасычи бугай коне и волы и вельблюды, меды и вина и сахари! Предвознесеся слава Русская надъ поганыхъ землею, ревутъ рози великаго Князя по всѣмъ землямъ. Пойдъ по всѣмъ градомъ ко Орначу Криму къ Кафѣ къ желѣзнымъ вратомъ, ко Царю граду на похвалу: Русь поганыхъ одолѣша на полѣ Куликовѣ, на рѣчкѣ на Непрядвѣ. Воздадимъ хвалу Русской землѣ. Кой градъ глава всѣмъ градомъ, Володиміръ и Ростовъ, хвалу воздаютъ Богу со всѣми грады. Прославлю милость Божію во вѣки вѣковъ. Аминь.

XX, 12.88 (T.1.2)

Sacharov, Ivan P.,

Skazanija russkago naroda

Bd.: 1

Sanktpeterburg 1841

P.o.russ. 20-1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610018-1